



И.В.ЦВЕТАЕВ –  
Ю.С.НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

ПЕРЕПИСКА / 1897–1912



ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ  
ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА

Из фондов Отдела рукописей

И.В.ЦВЕТАЕВ –  
Ю.С.НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

ПЕРЕПИСКА  
1897 – 1912

ТОМ I

Апрель 1897 – май 1902

Москва  
Издательство «Красная площадь»  
2008

УДК 7.072.2(47+57) Цветаев И.В.(044)

ББК 85.103(2)1д Цветаев И.В.01

П27

Публикация писем – М.Б.Аксененко, А.Н.Баранов,  
при участии А.В.Маршак, Т.Ю.Воробьевой, Д.Ю.Молока

Вступительная статья М.Б.Аксененко

Комментарии А.Н.Баранова, М.Б.Аксененко

Рецензенты:

М.М.АЛЛЕНОВ,

*доктор искусствоведения,*

*профессор кафедры истории отечественного искусства  
исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова;*

А.Д.СТЕПАНСКИЙ,

*доктор исторических наук,*

*профессор кафедры архивоведения и археографии  
Историко-архивного института РГГУ*

Цифровая съемка А.Ф.Кудрявицкого

Художник Л.В.Денисенко

На фронтисписе: фрагмент скульптурного фриза Л.Армбрустера на внешней  
колоннаде Музея изящных искусств

П27 **И.В.Цветаев – Ю.С.Нечаев-Мальцов. Переписка. 1897–1912. Т. I. –**  
М.: Издательство “Красная площадь”, 2008. – 636 с.  
ISBN 978-5-91521-002-7

Имя профессора Московского университета Ивана Владимировича ЦВЕТАЕВА (1847–1913) прочно связано с основанным им в Москве Музеем изящных искусств (ныне – ГМИИ им. А.С.Пушкина). Посвятив делу его создания более 20 лет, Цветаев оставил потомкам не только сам Музей, но и свой уникальный опыт, запечатленный в письмах. Многолетняя переписка ЦВЕТАЕВА с Юрием Степановичем НЕЧАЕВЫМ-МАЛЬЦОВЫМ (1834–1913), крупным промышленником, благотворителем и основным жертвователем на создание Музея – важный памятник русской культуры рубежа XIX–XX столетий. Книга богато иллюстрирована и снабжена научным комментарием. Она адресована всем, кто интересуется прошлым России, историей отечественной культуры и гуманитарного образования.

Издание сохранившейся переписки предполагается в 4-х томах:

том 1 (1897–1902), том 2 (1902–1903), том 3 (1904–1905), том 4 (1906–1908; 1911–1912).

ББК 85.103(2)1д Цветаев И.В.01

ISBN 978-5-91521-002-7 (т. 1)

ISBN 978-5-91521-001-0

© ГМИИ им. А.С.Пушкина, 2008 г.

© М.Б.Аксененко – вступительная статья, 2008 г.

© А.Н.Баранов, М.Б.Аксененко – комментарии, составление приложений, 2008 г.

## ЧИТАЯ ЦВЕТАЕВА

Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина начинает этим томом публикацию писем своего основателя, профессора Ивана Владимировича Цветаева, к меценату и фактическому главе Комитета по устройству Музея, Юрию Степановичу Нечаеву-Мальцову. Письма касаются разных сторон культуры и жизни рубежа XIX – XX вв. и содержат поучительную хронику создания Музея. Они интересны и для знакомства с личностью самого Цветаева, его деятельностью и взглядами.

Цветаев был, безусловно, великим человеком, и сделал великое дело. Созданный им Музей изящных искусств был в его время даже больше, чем просто музеем. И в том, что он состоялся несмотря на все трудности, которые пришлось пережить его создателю, немалую роль сыграла существовавшая в Москве обстановка культурного подъема. В последние три десятилетия XIX в. сформировались Политехнический музей, Исторический музей, была пожертвована городу галерея братьев П.М. и С.М.Третьяковых, возник Художественный театр – общедоступный по замыслу его основателей. Идея цветаевского Музея, с его высокими просветительскими функциями, стояла в одном ряду с этими начинаниями. Мысль о подобном музее вызревала в Москве еще с XVIII века. Когда в 1894 году Цветаев выступил на I Съезде русских художников и любителей художеств с ее новым обоснованием и призвал к жертвованиям на музей, идея была уже воспринята как закономерность.

Не буду перечислять здесь этапы создания Музея и его дальнейшего развития. Хотелось бы кратко назвать те уроки, которые мы извлекаем из цветаевского наследия.

В 1880 г., в связи с открытием памятника А.С.Пушкину, Достоевский говорил о характерной для Пушкина всемирной отзывчивости – о его способности принять разные культуры, впитать их, использовать и создавать свое искусство. Вот эта идея всемирной отзывчивости, мне кажется, очень важна и для Цветаева.

Цветаев строил Музей именно как музей мировой культуры. На первых порах подразумевалась древность: Египет, Передняя Азия и, прежде всего, греческая и римская античность. Но что было характерно для этого человека, так это необыкновенная динамичность его собственного развития. Он начинал как специалист в достаточно узкой филологической области, но как же быстро вошел в проблематику истории искусства!

В конце 1890-х гг., разрабатывая программу скульптурного Музея, Цветаев предполагал представить в нем и творчество великих живописцев национальных школ с помощью репродукций, живопись же классической древности – в копиях. Спустя одиннадцать лет, в уже почти готовый Музей поступили в дар от одного коллекционера первые живописные подлинники, работы итальянских художников XIV–XV вв., и это положило начало формированию картинной галереи Музея. Цветаев сразу оценил значение этого дара и увидел новые перспективы. При Цветаеве в Музей пришли и первые коллекции рисунков, предметы прикладного искусства; начали собирать подлинные вещи, а не только слепки, как поначалу. Целиком поступила большая коллекция известного египтолога В.С.Голенищева. Расширение Музея во всех направлениях очень характерно для Цветаева. В документах мы находим указания на то, что он хотел бы устроить в Музее зал слепков французской скульптуры XIX в., мечтал видеть в Музее, например, произведения Родена. А ведь Роден был современником Цветаева. Читая Цветаева, каждый раз поражаешься, как быстро, активно и динамично развивалась мысль этого ученого.

Цветаев неоднократно писал, что Музей создавался благодаря чистоте намерений и высоко поставленной цели. Этой целью было прежде всего стремление внести идеи прекрасного в среду юношества. Обращение к молодому поколению оставалось одной из главных задач нашего Музея и впредь. На разных этапах она реализо-

вывалась по-разному, но каждый раз происходило какое-то прибавление. В числе последних – открытие в 2006 году Центра эстетического воспитания детей и юношества «Музейон». Это значительно обогатило виды и формы нашей работы с детьми и школьниками в возрасте от 5 и до 18 лет.

Мне как руководителю Музея очень дорога мысль Цветаева о том, что создание музеев – общественное дело, а не прихоть отдельных лиц. Иван Владимирович писал: «Путь создания новых общественных учреждений – не триумфальный путь, раз материальная сторона их основывается на подачках, на пожертвовании частных лиц». Я глубоко убеждена, что создание и развитие музеев – дело государства и только государства.

Одна из важнейших мыслей Ивана Владимировича, которая на нашем вооружении и сегодня, это связь музейного дела с наукой, со специальными знаниями, как он говорил. Да, у Музея есть и другие функции, это и форум искусств, учреждение, в которое приходят зрители, и просветительский комплекс, но в основе Музея обязательно лежит научное знание. Замечательные ученые В.К.Мальмберг, Н.И.Романов, Б.Р.Виппер, В.Н.Лазарев и другие, приходя в Музей, сохраняли эту идею Ивана Владимировича. И сейчас научный коллектив Музея состоит, как правило, из выпускников университетов, будь то Московский государственный университет или Российский государственный гуманитарный университет. На территории последнего с 1997 г. работает даже специально созданный отдел Музея, с большой экспозицией слепков.

Очень важна мысль Цветаева о том, что он называл «внутренней жизнью учреждения». Он боялся всякой мертвечины, казенщины и, как он сам говорил, все время искал и объединял вокруг себя людей с горячей душой. Этих людей я видела в Музее на протяжении долгих лет, что я работаю, в том числе тех, которые были знакомы с Цветаевым. Я имею в виду Николая Ильича Романова или Ксению Михайловну Малицкую, людей, которые связывали одним рукопожатием мое поколение в Музее с Иваном Владимировичем Цветаевым. Люди с горячей душой и в дальнейшем приходили и приходят в Музей. Я думаю, то непростое время, которое сейчас определяет поведение многих людей, постепенно изменится,

и придет осознание того, что работа в музее – не просто возможность реализации себя в научном плане, но и благородное поприще, связывающее науку и окружающий нас человеческий мир.

И, наконец, Ивану Владимировичу принадлежит еще одна идея, которую мы считаем своим наследием. В 1898 году, за 14 лет до того, как Музей был открыт для публики, он писал в дневнике, что ныне начинаемое предприятие строительства музейного здания не закончится только на строительстве этого здания, что со временем здесь будет формироваться целый «музейский городок». Он предвидел не только изменение и рост коллекций, но обязательное развитие тех зданий, в которых Музей будет жить в дальнейшем. По мере сил и возможностей Музей старается реализовать эту мысль Ивана Владимировича, создавая новые подразделения: Музей личных коллекций, Галерею искусства XIX-XX вв., Детский центр, дом, где располагаются наши архивы и античный отдел, Отдел графики. К 2012 году, 100-летию юбилею со дня открытия Музея, мы надеемся прибавить к ним и другие здания, чтобы обеспечить Музею достойное существование в предстоящие десятилетия.

Хочется верить, что публикация писем И.В.Цветаева поможет лучшему уяснению обществом и государством важности музейного строительства.

И.А.Антонова,  
*директор ГМИИ им. А.С.Пушкина*



## СОДЕРЖАНИЕ

<i>М.Б.Аксененко. Письма И.В.Цветаева и Музей изящных искусств</i>	17
в контексте истории русской культуры	
От публикаторов	73

### ПЕРЕПИСКА / 1897 – 1902

<b>1897</b>		Текст	Комм.
1.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>24 апреля</i>	76	343
2.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ. <i>28 апреля</i>	81	359
3.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ. <i>8 октября</i>	81	360
4.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ. <i>15 октября</i>	82	360
5.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ. <i>20 ноября</i>	82	361
6.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ. <i>27 ноября</i>	82	361
7.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ. <i>23 декабря/ 4 января 1898</i>	82	363
8.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ. <i>31 декабря/ 12 января 1898</i>	83	364

<b>1898</b>		Текст	Комм.
9.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ. <i>9/21 января</i>	84	365
10.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>17 января</i>	84	365
11.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ. <i>12/24 марта</i>	84	366
12.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>12-16 марта</i>	85	368
13.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ. <i>7 апреля</i>	91	373
14.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ. <i>25 апреля</i>	91	373
15.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ. <i>29 мая</i>	91	373
16.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>30 мая</i>	91	373
17.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ И ДР. – ЦВЕТАЕВУ. <i>3 июля</i>	91	374
18.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ. <i>14 июля</i>	92	377
19.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ. <i>15 июля 1898</i>	92	377
20.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ. <i>20 июля 1898</i>	92	377
21.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ. <i>12 августа 1898</i>	92	378
22.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>3 октября</i>	92	379
23.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ. <i>8 октября</i>	93	381
24.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>10 октября</i>	93	381
25.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>14 октября</i>	94	381
26.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ. <i>16 октября</i>	95	382

		Текст	Комм.
27.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 октября	95 382
28.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	27 октября	95 382
29.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	31 октября	96 383
30.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 ноября	98 384
31.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	9 ноября	99 386
32.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	10 ноября	100 387
33.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 ноября	100 387
34.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	23 декабря	102 390
35.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	29 декабря	102 390

### 1899

36.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 января	104 393
37.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	7 января	105 394
38.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	9 января	106 394
39.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	16 января	106 394
40.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	19 января	107 396
41.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	20 января	107 396
42.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 февраля	107 396
43.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	2 марта	109 400
44.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 марта	110 402
45.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	22 марта	111 402
46.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 марта	111 402
47.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	24 (?) марта	111 403
48.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	24 марта	111 403
49.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	25 марта	112 403
50.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	27 марта	112 404
51.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	29 марта	113 404
52.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	31 марта	113 404
53.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	4 апреля	114 405
54.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	8 апреля	116 406
55.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	8/20 апреля	117 408
56.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	12 апреля	118 408
57.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17 апреля	119 409
58.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	21 апреля	120 410
59.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 апреля	122 412
60.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	29 апреля	123 412
61.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	2 мая	124 413
62.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	4 мая	126 414
63.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	9 мая	127 415

		Текст	Комм.
64.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	12 мая	128 415
65.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	14 мая	129 416
66.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	15 мая	130 416
67.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 мая	130 416
68.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	23 мая	131 416
69.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	27 мая	133 416
70.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	30 мая	134 417
71.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	8/20 июня	135 418
72.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17/29 июня	136 420
73.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	4 июля [н. стиль]	137 421
74.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	13 июля	139 422
75.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	23 июля	140 423
76.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	2 августа	141 423
77.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	11 августа	142 424
78.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17 августа	143 425
79.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 сентября	144 425
80.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	5 сентября	145 426
81.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 сентября	145 426
82.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	7 сентября	145 427
83.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	18 сентября	146 427
84.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	22 сентября	147 428
85.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	29 сентября	148 428
86.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	30 сентября	149 429
87.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	4 октября	150 429
88.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	7 октября	151 429
89.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	10 октября	152 430
90.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	15 октября	153 430
91.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	17 октября	154 431
92.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	20 октября	154 431
93.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	22 октября	155 431
94.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	25 октября	155 431
95.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	2 ноября	155 431
96.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	7 ноября	156 431
97.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	8 ноября	157 432
98.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	9 ноября	158 432
99.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	10 ноября	158 432
100.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 ноября	159 432
101.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 ноября	159 433
102.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	26 ноября	160 434

		Текст	Комм.
103.	Нечаев-Мальцов – Цветаеву.	26 ноября	160 434
104.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	29 ноября	161 434
105.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	30 ноября	161 435
106.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	1 декабря	162 435
107.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	3 декабря	162 435
108.	Нечаев-Мальцов – Цветаеву.	3 декабря	163 435
109.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	4 декабря	163 435
110.	Нечаев-Мальцов – Цветаеву.	4 декабря	164 436
111.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	4 декабря	164 436
112.	Нечаев-Мальцов – Цветаеву.	4 декабря	164 437
113.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	12 декабря	165 437
114.	Нечаев-Мальцов – Цветаеву.	17 декабря	166 438
115.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	31 декабря	166 438

### 1900

116.	Нечаев-Мальцов – Цветаеву.	4 января	167 438
117.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	10 января	167 438
118.	Нечаев-Мальцов – Цветаеву.	14 января	167 439
119.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	15 января	168 439
120.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	3 февраля	168 440
121.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	12 февраля	169 440
122.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	14 февраля	170 441
123.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	19 февраля	171 441
124.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	28 февраля	172 442
125.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	2 марта	174 443
126.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	5 марта	175 443
127.	Нечаев-Мальцов – Цветаеву.	7 марта	176 443
128.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	8 марта	176 443
129.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	11 марта	176 443
130.	Нечаев-Мальцов – Цветаеву.	16 марта	177 443
131.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	19 марта	177 443
132.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	20 марта	178 443
133.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	21 марта	179 444
134.	Нечаев-Мальцов – Цветаеву.	21 марта (?)	180 444
135.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	23 марта	180 444
136.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	26 марта	181 445
137.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	30 марта	182 445
138.	Цветаев – Нечаеву-Мальцову.	30 марта	183 445
139.	Нечаев-Мальцов – Цветаеву.	30 марта	184 446

		Текст	Комм.
140.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	3 апреля	184 446
141.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	4 апреля	184 446
142.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	6 апреля	185 447
143.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	12 апреля	185 452
144.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	22 апреля	186 452
145.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	29 апреля	186 452
146.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	2 мая	187 453
147.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	11 мая	188 454
148.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	18 мая	189 454
149.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	19 мая	190 456
150.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 мая	190 456
151.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 мая	191 456
152.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	3 июня	191 457
153.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 июня	192 458
154.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	11 июня	193 458
155.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 июня	194 459
156.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 июня	195 459
157.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	25 июня	196 459
158.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	4 июля	197 459
159.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	21 августа	197 460
160.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	14 сентября	198 460
161.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	20 сентября	199 461
162.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	28 сентября	200 461
163.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 октября	201 461
164.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	7 октября	202 462
165.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	10 октября	203 462
166.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	14 октября	204 462
167.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	14 октября	205 462
168.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	14 октября	205 462
169.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 октября	205 462
170.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	20 октября	206 463
171.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	21 октября	206 463
172.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	22 октября	207 464
173.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	27 октября	208 465
174.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	3 ноября	208 466
175.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	10 ноября	209 466
176.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	11 ноября	210 466
177.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	15 ноября	211 466
178.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	16 ноября	212 467

		Текст	Комм.
179.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	21 ноября	213 467
180.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 ноября	214 467
181.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	24 ноября	215 468
182.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	25 ноября	215 468
183.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	27 ноября	216 468
184.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	28 ноября	216 468
185.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	2 декабря	217 468
186.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	2 декабря	218 468
187.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	4 декабря	218 468
188.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	7 декабря	219 468
189.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	7 декабря	220 469
190.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	8 декабря	220 469
191.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	8 декабря	221 470
192.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	9 декабря	221 470
193.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	9 декабря	222 470
194.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	9 декабря	222 470
195.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	11 декабря	222 470
196.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	11 декабря	223 471
197.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	12 декабря	224 472
198.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	12 декабря	224 472
199.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	13 декабря	224 472
200.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	13 декабря	225 472
201.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	15 декабря	225 473
202.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	16 декабря	226 473
203.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 декабря	227 473
204.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	20 декабря	228 474
205.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	23 декабря	229 474
206.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 декабря	230 474
207.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	28 декабря	231 474
208.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	30 декабря	231 474
209.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	31 декабря	231 475

### 1901

210.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 января	234 475
211.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	6 января	235 475
212.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	14 января	235 475
213.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	18 января	236 476
214.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 января	236 478
215.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 января	237 478

		Текст	Комм.
216.	Нечаяев-Мальцов – Цветаеву.	25 января	238 478
217.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	26 января	238 478
218.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	[1 февраля]	239 479
219.	Нечаяев-Мальцов – Цветаеву.	2 февраля	239 479
220.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	3 февраля	240 479
221.	Нечаяев-Мальцов – Цветаеву.	20 февраля	241 479
222.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	21 февраля	242 479
223.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	24 февраля	242 480
224.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	26 февраля	243 480
225.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	6 марта	244 480
226.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	8 марта	245 481
227.	Нечаяев-Мальцов – Цветаеву.	13 марта	246 483
228.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	17 марта	246 483
229.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	25 марта	248 484
230.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	25 марта	248 484
231.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	27 марта	249 485
232.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	29 марта	250 486
233.	Нечаяев-Мальцов – Цветаеву.	1 апреля	251 486
234.	Нечаяев-Мальцов – Цветаеву.	13 апреля	251 486
235.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	18 апреля	252 486
236.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	21 апреля	252 486
237.	Нечаяев-Мальцов – Цветаеву.	24 апреля	253 486
238.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	25 апреля	254 487
239.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	1 мая	254 487
240.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	2 мая	256 487
241.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	2 мая	257 487
242.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	5 мая	258 487
243.	Нечаяев-Мальцов – Цветаеву.	5 мая	259 487
244.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	8 мая	259 487
245.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	12 мая	259 487
246.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	12 мая	260 488
247.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	25 мая	260 488
248.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	4 июня	261 488
249.	Нечаяев-Мальцов – Цветаеву.	6 июня	261 488
250.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	7 июня	262 488
251.	Нечаяев-Мальцов – Цветаеву.	7 июня	262 488
252.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	16 июня	262 489
253.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	16 июня	263 489
254.	Цветаев – Нечаяеву-Мальцову.	26 июня	263 489

		Текст	Комм.
255.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	27 июня	265 490
256.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	1 июля	266 490
257.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	11 июля	266 490
258.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	13 июля	267 490
259.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	15 июля	267 491
260.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	16 июля	268 491
261.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17 июля	269 491
262.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17 июля	270 491
263.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17 июля	270 491
264.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 июля	271 491
265.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 июля	271 492
266.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	2 августа	272 492
267.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	3 августа	273 492
268.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	3 августа	274 492
269.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17 августа	274 492
270.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 августа	276 493
271.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	24 августа	277 493
272.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	28 августа	277 493
273.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	29 августа	277 493
274.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	13 сентября	278 493
275.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	22 сентября	278 493
276.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	27 сентября	280 494
277.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	29 сентября	281 494
278.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	30 сентября	282 495
279.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	4 октября	282 495
280.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	11 октября	283 495
281.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	15 октября	284 495
282.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	15 октября	285 495
283.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	16 октября	285 495
284.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17 октября	286 495
285.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	18 октября	286 495
286.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 октября	287 496
287.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	20 октября	287 496
288.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	22 октября	288 496
289.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 октября	288 496
290.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	27 октября	289 496
291.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	6 ноября	290 496
292.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	7 ноября	291 497
293.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	21 ноября	292 498



		Текст	Комм.
294.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 декабря	293 499
295.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	8 декабря	294 499
296.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 декабря	294 499
297.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	31 декабря	295 499

## 1902

298.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	2 января	297 499
299.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	14 января	297 499
300.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	16 января	298 501
301.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17 января	298 501
302.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 января	299 502
303.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 января	299 502
304.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	21 января	300 502
305.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	23 января	300 503
306.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 января	300 503
307.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	2 февраля	301 503
308.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	5 февраля	302 503
309.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	16 [февраля]	302 504
310.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	4 марта	302 504
311.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	10 марта	303 504
312.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	11 марта	303 504
313.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	14 марта	304 505
314.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 марта	306 506
315.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	21 марта	307 506
316.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	23 марта	308 506
317.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 марта	309 507
318.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	28 марта	310 507
319.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	30 марта	311 508
320.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	31 марта	313 508
321.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	1 апреля	314 508
322.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	9 апреля	315 509
323.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	10 апреля	315 509
324.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	15 апреля	316 509
325.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	15 апреля	316 509
326.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	18 апреля	319 510
327.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	21 апреля	321 510
328.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 апреля	323 511
329.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	27 апреля	324 511
330.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	28 апреля	324 511

		Текст	Комм.
331.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	29 апреля	326 511
332.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	30 апреля	327 514
333.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	2 мая	328 514
334.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	4 мая	329 514
335.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	12 мая	330 514
336.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	18 мая	331 514
337.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	21 мая	332 514
338.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	22 мая	333 515
339.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	23 мая	334 515
340.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	25 мая	335 515
341.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	25 мая	336 515
342.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	25 мая	336 515
343.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	26 мая	336 515
344.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	29 мая	337 515
345.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	29 мая	338 515
346.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	31 мая	339 515

## КОММЕНТАРИИ

Принятые условные сокращения	342
------------------------------	-----

## ПРИЛОЖЕНИЯ

### ПРИЛОЖЕНИЕ I

#### I

<i>П.М.Леонтьев.</i> Донесение ректору Московского университета. 23 июля 1852 г.	518
[О пожертвовании потомственным почетным гражданином В.П.Боткиным 5250 р. на художественный музей]. 1871 г.	519
<i>К.К.Гёри.</i> Кабинет изящных искусств и древностей. 1881 г.	520
<i>И.В.Цветаев.</i> Кабинет изящных искусств и древностей. 1882 г.	520
Осмотр директором Департамента народного просвещения учебно-вспомогательных учреждений Московского университета. 1892 г.	521
Посещение министром народного просвещения графом И.Д.Деляновым учебно-вспомогательных учреждений Университета. 1893 г.	522
<i>И.В.Цветаев.</i> Устройство Музея античного искусства при Московском университете. 1893 г.	523
<i>И.В.Цветаев.</i> Художественный музей императорского Московского университета. 1893 – 1894 гг.	531
[ <i>И.В.Цветаев</i> ]. Художественный музей Московского университета. (Письмо в редакцию). 1894 г.	542

Приветствие И.В.Цветаева от имени Московского университета I Съезду русских художников и любителей художеств в Москве, 23 апреля 1894 года.	543
Посещение Его Императорским Высочеством Великим Князем Сергеем Александровичем Университетского Музея античного искусства. 1894 г.	544
Отчет Историко-филологическому факультету о заграничном путешествии ординарного профессора И.Цветаева. 1895 г.	546
<i>И.В.Цветаев</i> . Университетский Музей изящных искусств в Москве. 1896 г.	547
[ <i>И.В.Цветаев</i> ]. Условия архитектурного конкурса на здание Музея. 1896 г.	555
<i>И.В.Цветаев</i> . Новый музей. 1896 г.	558
<i>И.В.Цветаев</i> . Музей изящных искусств Московского университета. 23 ноября 1897 г.	564
<i>И.В.Цветаев</i> . Музей изящных искусств имени императора Александра III при Московском университете. [Расценка внутренних помещений]. 18 апреля 1898 г.	571
	2
<i>Проф. И.Цветаев</i> . По поводу статьи «Иллюстрации А.А.Иванова». 1893 г.	573
	3
[Обращение Совета Московского университета к студентам. 25 февраля 1901 г.]	580

## ПРИЛОЖЕНИЕ II

	1
Табель о рангах	584
	2
Чины, звания и должности в России рубежа XIX – XX веков. <i>Сост. А.Н.Баранов</i>	585
Указатель документов	590
Предметно-тематический указатель	591
Проектирование, строительство и оборудование Музея изящных искусств	591
Художественные произведения, археологические памятники	595
Исторические архитектурные комплексы и сооружения и их модели	600
Организации, общества и общественно значимые мероприятия	602
Указатель имен	612
Список иллюстраций	625
О публикаторах	630
Summari	631



ПИСЬМА И. В. ЦВЕТАЕВА  
И МУЗЕЙ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ  
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Музей изящных искусств имени императора Александра III при Московском университете, ныне Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина<sup>1</sup>, создавался по частной инициативе и в основном на частные пожертвования. Труднейшее дело привлечения к культурно-просветительскому начинанию симпатий и капиталов состоятельных людей и среди них известного в России миллионера Юрия Степановича Нечаева-Мальцова (1834–1913) было блестяще выполнено профессором Московского университета Иваном Владимировичем Цветаевым (1847–1913). Его благородный и яркий пример как нельзя более ко времени вспомнить теперь, когда отечественная культура нуждается в меценатстве не меньше, чем в цветаевские времена. Цветаев оставил потомкам не только сам Музей, но и уникальный опыт, запечатленный в его переписке и дневнике.

Издание, первый том которого предлагается читателю, содержит письма, написанные Цветаевым в 1897–1912 гг. Нечаеву-Мальцову в связи с грандиозным делом создания Музея, а также сохранившиеся сравнительно немногие ответные письма и телеграммы Нечаева-Мальцова.

Свою задачу публикаторы видели в том, чтобы открыть для широкого читателя и ввести в научный оборот важный памятник русской культуры рубежа XIX – XX столетий. Публикуемая переписка находится в Отделе рукописей ГМИИ им. А. С. Пушкина. Издать ее предполагается в 4-х томах.

Жизненный путь Цветаева в общих чертах известен читателю, поэтому в настоящем вступительном очерке внимание будет обращено лишь на важные для нашего исследования события и факты. Постараемся осветить, насколько это возможно, и гораздо менее изученную биографию Нечаева-Мальцова. Однако одного этого было бы недостаточно. Логика возникновения и развития учебного художественного Музея при Московском университете станет понятной только в контексте историко-культурной ситуации середины – второй половины XIX – начала XX века в России, общей характеристике которой уделено много внимания в статье. Коротко сообщается

и о важнейших событиях, изменивших облик Цветаевского Музея в последующие за его открытием годы.

По такому же «контекстному» принципу составлены и комментарии к письмам. В них собраны как биографические сведения об упомянутых в переписке лицах, так и необходимые данные о фактах и событиях, произведениях искусства, бытовых реалиях, встречающихся в письмах. Привлечены не известные читателю отрывки из дневника Цветаева, из его писем другим адресатам.

Данный том содержит письма с апреля 1897 по май 1902 г. – до отъезда Цветаева на Урал, на мраморные ломки в районе города Златоуста.

В Приложения включены ранее не публиковавшиеся документы, начиная с 1852 г., и малоизвестные ныне статьи Цветаева, найденные составителями. Эти материалы, предшествуя по хронологии переписке Цветаева с Нечаевым-Мальцовым, знакомят с основными вехами предыстории Музея и вводят в круг событий, связанных с ранним периодом работы самого Цветаева по организации Музея. Помещены и материалы, не относящиеся к Музею изящных искусств: они характеризуют отдельные черты личности Цветаева и позволяют полнее представить объем его профессиональных занятий как московского музейного деятеля.

Для удобства читателей приведены Табель о рангах и необходимые сведения о чинах, званиях и должностях в России рубежа XIX – XX вв.

В настоящем издании впервые воспроизводятся планы здания Музея с 1895 по 1912 г., по которым можно проследить развитие архитектурного замысла от начального наброска, сделанного Цветаевым, до окончательного, реализованного проекта Р.И.Клейна.

Том снабжен предметно-тематическим указателем по истории строительства Музея, а также указателями: документов, публикуемых в комментариях и Приложении; упомянутых в тексте произведений искусства; исторических архитектурных сооружений; организаций, обществ и общественно значимых мероприятий; именованным указателем.

Московский университет, старейшее и наиболее массовое в России высшее учебное заведение (в начале 1890-х гг. в нем училось более 3800 студентов), был одновременно благодаря своим лабораториям и клиникам самым крупным и авторитетным научно-исследовательским и практическим центром по многим отраслям. Его профессора были известны своими лекциями и трудами далеко за пределами Университета, они преподавали в других высших и средних учебных заведениях. В лице своего профессора историка В.И.Герье Университет был причастен к созданию в 1872 г. перво-

го высшего женского учебного заведения, носившего, правда, частный характер – Высших женских курсов. Преподавание там велось теми же профессорами по программам, близким к университетским.

В ряду высших учебных заведений России университеты занимали особое место, и не только потому, что это были крупнейшие вузы страны. Университетское образование по своему характеру не ограничивалось передачей студентам определенной суммы профессиональных знаний – оно было по возможности разносторонним, расширяло общий культурный кругозор учащихся, им прививали навык самостоятельной научно-исследовательской и практической работы. В университетах вокруг крупных ученых формировались научные школы. Значение университетов определялось еще и тем, что их выпускники составляли большинство в российской образованной среде (не считая военных), в сфере, связанной с наукой, медициной и преподаванием, входили в число высшего чиновничества. Деятельность университетов поддерживала культурный климат в стране, при них организовывались научные общества, создавались гимназии, готовившие в основном будущих студентов. Известны и примеры обратные – превращения гимназии в университет. Так произошло, например, в Казани. Поступление в университеты в пореформенной России было теоретически доступно для юношей всех чинов и званий, однако существовал высокий образовательный ценз. Фактически основную массу студентов составляли разночинцы, при окончании же университета его выпускники приобретали право на личное дворянство и тем самым пополняли ряды высшего сословия.

Университетская жизнь не была строго ограничена академическими рамками. Например, в 1891 г. профессора и приват-доценты Московского университета избирались в состав Театрально-литературного комитета, ведавшего репертуаром Малого театра, некоторые из них, в том числе А.Н.Веселовский, Н.И.Стороженко, М.Н.Розанов, преподавали в Московском театральном училище. Среди профессоров были те, кто пользовался авторитетом общественных деятелей, чьи статьи, обращенные к широкому читателю, появлялись на страницах газет, их мнения по поводу происходивших в стране событий широко обсуждались. Многие профессора выступали популяризаторами науки. По инициативе и при активном участии ученых Университета создавались такие ставшие известными своей деятельностью общества, как Физико-медицинское и Московское общество истории и древностей российских (1804), Общество любителей российской словесности (1811), Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (1863), Московское математическое общество (1864), медицинские и

другие общества. Прямым результатом деятельности Общества любителей естествознания стала организация в мае 1872 г. Всероссийской промышленной выставки для сбора экспонатов общедоступного Музея прикладных знаний. Этот музей, получивший название Политехнического, открылся в декабре того же года и в дальнейшем прославился в Москве циклами научно-популярных лекций, читавшихся университетскими педагогами.

Создание Исторического музея также берет начало от вышеупомянутой выставки, поскольку материалы исторического и севастопольского разделов ее послужили основой музея. В разработке научной концепции Исторического музея приняли участие профессор Университета Ф.И.Буслаев, С.М.Соловьев, В.О.Ключевский. Тесно был связан Университет с Румянцевским музеем после перевода его в Москву. Среди членов Московского археологического общества (1864) и Московского археологического института (1907) были университетские ученые, в том числе и Цветаев. С другой стороны, некоторым факультетам и даже факультетским лабораториям и кабинетам (музеям) Университета со специальными библиотеками и экспонатами – подсобным материалом для практических занятий, с течением времени суждено было развиваться в самостоятельные научные и учебные институты и музеи. Нет поэтому ничего удивительного в том, что именно на почве Московского университета в конце концов появилось столь значительное публичное научно-художественное учреждение, как Музей изящных искусств.

Согласно университетскому уставу 1884 г. преподавание в Университете велось на четырех факультетах (физико-математическом, медицинском, юридическом и историко-филологическом)<sup>2</sup>, включавших более чем 60 кафедр. Так, на историко-филологическом факультете в числе одиннадцати кафедр были кафедры философии, классической филологии, славянской филологии, сравнительного языковедения и санскрита, русского языка и литературы, всеобщей истории, русской истории, истории западноевропейских литератур, истории церкви и теории и истории искусств<sup>3</sup>. В 1870 – 1890-х гг. здесь читали лекции и вели семинары целый ряд ученых, оставивших глубокий след в науке, среди них – профессор всеобщей истории П.Г.Виноградов, языковед-индоевропеист Ф.Ф.Фортунатов, профессор истории всеобщей литературы, шекспировед Н.И.Стороженко, специалист по сравнительному языковедению, востоковед и этнограф В.Ф.Миллер, филолог-классик Ф.Е.Корш и, наконец, историю России читал профессор В.О.Ключевский. Что же касается кафедры теории и истории искусства, то вслед за К.К.Герцем, читавшим свой курс в Московском университете с 1857 г., за шесть лет до учреждения самой кафедры, и ушедшим в отставку в 1882 г., на ней не-



которое время вел занятия антиковед А.Н.Шварц, будущий министр народного просвещения, а в 1888/89 г. читал лекции приват-доцент кафедры всеобщей истории М.С.Корелин, впоследствии известный историк итальянского гуманизма<sup>4</sup>. С осени 1889 г. начал курс истории античного искусства Цветаев, ранее, с 1877 г., преподававший на кафедре классической филологии. До 1907 г. на кафедре теории и истории искусства он оставался единственным профессором.

Иван Владимирович Цветаев, филолог-классик, историк искусства, педагог и музейный деятель, автор более 100 научных публикаций, был известной фигурой в Москве 1890 – 1910-х гг. Его знали как профессора истории искусства Московского университета, директора Румянцевского музея (1901–1910) – крупнейшего в Москве публичного художественного собрания, как филолога с международным научным именем и популяризатора знаний об античной культуре, и, наконец, как создателя и первого директора Музея изящных искусств. «Этот Музей среди однородных университетских учреждений занял в Европе несомненно *первое* место, как по величественному зданию, так и по богатству научных и художественных собраний»<sup>5</sup>, – писал Цветаев в автобиографии 9 февраля 1913 г. Отметим здесь, что хронологические границы коллекций оригиналов и копий, собранных в стенах Музея, начинались с V – IV тыс. до н. э. и доходили до XVII в.

Свою популярность ГМИИ имени А.С.Пушкина в России и за ее пределами приобрел в значительной мере благодаря картинной галерее старых и новых западноевропейских мастеров и богатейшему собранию мировой графики; благодаря выставочной и научной деятельности. Но известность Музея как нового художественного образовательного центра началась при Цветаеве, а с поступлением туда в 1911 г. всемирно известной коллекции памятников древневосточного, в основном египетского искусства и культуры, собранной русским востоковедом В.С.Голенищевым<sup>6</sup> (около 6 000 предметов), Музей встал в один ряд с крупнейшими европейскими музеями.

Открывая Музей, Цветаев понимал, что окончен лишь первый этап его истории. Думая о дальнейшем систематическом развитии Музея, он в первую очередь намечал как наиболее, по его представлению, реальное создание в слепках отделов скульптуры Нового времени и мусульманского искусства<sup>7</sup>. Продолжал он и привлечение в Музей оригиналов. В антикварии Музея, как принято было называть хранилище мелких древностей, уже имелось некоторое количество античных расписных ваз и несколько тысяч подлинных монет, тоже в большинстве античных. Незадолго до открытия Музею были пожертвованы первые подлинные итальянские скульптуры XVI – XVII вв.,

образцы французского художественного литья XVIII – XIX вв. и небольшая коллекция графики<sup>8</sup>. В конце 1912 г. Цветаев выхлопотал для Музея право регулярного получения половины находок из раскопок греческих колоний, проводимых Археологической комиссией на Юге России, – ранее весь этот материал передавался в Эрмитаж<sup>9</sup>. «Что же касается живописи, то она двигается к нам сама собою», – писал Цветаев в 1911 г., имея в виду подаренную русским дипломатом М.С.Щекиным коллекцию произведений итальянских художников XIV – XV вв.<sup>10</sup>. Из писем известно, что делались им попытки получить в дар и другие оригинальные произведения, находившиеся в частных собраниях. Однако то, что суждено было пережить Музеем буквально в первые 10-12 лет после открытия, предвидеть Цветаев, конечно, не мог.

Введение в 1917 – 1918 гг. в народном образовании единой трудовой школы и как результат упразднение классических гимназий, а затем и ликвидация в 1922 г. в Университете кафедры классической филологии<sup>11</sup> означали сознательный отказ от классического образования в средней и высшей ступени, отказ от системы, развивавшейся в России с начала XIX в., частью которой являлся и Музей. Научно-учебная программа его стала не актуальной. 1923 год отметил в жизни Музея конец университетской эпохи – за неимением средств на содержание огромного учреждения (в 1918 – 1923 гг. здание не отапливалось и стало разрушаться), Университет вынужден был передать его в ведение Наркомпроса. Стремительные события, следовавшие вслед за этим, связанные с национализацией и перераспределением художественных ценностей, совершенно изменили профиль Музея. Главное место в нем отныне отводилось оригинальным произведениям – вновь созданной картинной галерее и расширившемуся графическому собранию. Коллекция же слепков свое развитие фактически прекратила, утратив постепенно и значительную часть экспозиционного пространства<sup>12</sup>. Учебная функция Музея перестала быть определяющей. В суматохе послереволюционной реорганизации фигура Цветаева была отодвинута в тень. Считалось и, может быть, считается кем-то теперь, что музей гипсовых копий со скульптур, деталей архитектурных сооружений и важнейших памятников эпиграфики<sup>13</sup> принципиально устарел, что это – уровень науки и преподавания XIX века. Однако, если отбросить предвзятое отношение к копиям, станет очевидным, что и сегодня – не только при обучении школьников и студентов, но и для развития общего представления об истории культуры и искусства у зрителя – научно подобранное собрание хороших гипсовых слепков и гальванокопий с объемных экспонатов нельзя заменить фотографиями и слайдами. Слепки позволяют выбрать наиболее достоверные реконструкции фрагментарно со-

хранившихся памятников, воссоединять части скульптурных ансамблей, в подлинниках находящиеся в разных странах, собирать воедино произведения одного мастера, одной школы. Примером этому служит как экспозиция ГМИИ им. А.С.Пушкина, так и организованный ГМИИ в 1997 г. Учебный художественный музей имени И.В.Цветаева в помещении Российского государственного гуманитарного университета. В нем представлены многие из цветаевских слепков, давно не входившие в основную экспозицию ГМИИ<sup>14</sup>.

Но вернемся к Цветаеву. В 1959 г. после долгих согласований удалось наконец установить на фасаде Музея памятную доску с его именем<sup>15</sup>, вслед за чем о нем стали появляться в печати статьи и публикации<sup>16</sup>. Сейчас о Цветаеве на родине вспоминают больше как об основателе знаменитого Музея и об отце Марины Цветаевой, на Западе же ценят и его вклад в лингвистику. Так, в 1984 г. в Италии было переиздано его исследование о памятниках письменности одного из древнеиталийских народов, а Болонский университет, один из старейших в мире, вот уже более ста лет числит Цветаева среди своих почетных членов<sup>17</sup>.

О Юрии Степановиче Нечаеве-Мальцове, богатом промышленнике, придворном и меценате, читателям известно гораздо меньше. Имя его было почти забыто. Отрывочные сведения о нем появлялись в печати в связи с исследованиями по истории Музея, основным жертвователем и активным участником сооружения которого он являлся. Сейчас уже известно, что с его именем связано и поступление в Музей первых оригинальных памятников искусства и культуры Древнего Египта. Благодаря Нечаеву-Мальцову Музей получил целый ряд ценных копий со всемирно известных произведений искусства древности. В общей сложности он пожертвовал, по некоторым данным, 1 миллион 800 тыс. руб., при стоимости Музея с коллекциями на момент открытия свыше 3-х млн. руб. Его подлинная роль в воплощении цветаевского замысла начала вырисовываться сравнительно недавно, и в 1992 г., к 80-летию открытия Музея, в память о его заслугах на здании Музея появилась мемориальная доска. Примерно с этого времени о деятельности Нечаева-Мальцова, в том числе общественной, было опубликовано несколько статей<sup>18</sup>. Однако тема эта требует дальнейшего изучения.

Письма Цветаева к Нечаеву-Мальцову частично уже использовались исследователями. Впервые – в двухтомном сборнике 1977 г. «История создания Музея в переписке профессора И.В.Цветаева с архитектором Р.И.Клейном и других документах», подготовленном А.А.Демской и Л.М.Смирновой; в 1970 – 1980-х гг. в ряде статей тех же авторов и, наконец, в сборнике материалов под названием «И.В.Цветаев создает музей» 1995 г.<sup>19</sup> Из заглавий видно, что внимание до сих пор было сосредоточено исключительно

на одном предмете, для которого и подбирались наиболее яркие фрагменты текстов.

Настоящее же издание задумано принципиально иначе.

В 1987 г. в Москве, в издательстве «Наука», вышла монография Ю.М.Каган о И.В.Цветаеве<sup>20</sup>, в которой впервые сделана попытка всестороннего освещения его деятельности и личности на широком культурно-историческом фоне. Авторы настоящей публикации ставят перед собой сходную задачу. Они не выделяют какой-либо одной темы и публикуют письма целиком – как единый источник, без купюр, независимо от того, каких вопросов эти письма касаются.

Если представить себе Музей в том виде, как он открылся 31 мая 1912 года, в качестве авторского научного труда профессора Цветаева, то эти письма – комментарий к нему, им самим написанный. Так сложилось, что большая часть публикуемых ныне писем дошла до нас не в автографах Цветаева, а в рукописных копиях, сделанных по заказу Цветаева в 1903 – 1912 гг., и это дает основание думать, что из всей своей огромной переписки именно их он выделил как наиболее точно и полно отражающих всю эпопею, связанную с Музеем. Предусмотрительность Цветаева спасла от гибели тексты писем и помогла установить факты, имена участников и вклад их в дело создания Музея, в то время как мемуары ближайших сотрудников Цветаева по Музею – И.И.Рерберга, В.Д.Поленова, написанные или продиктованные спустя десятилетия, существенно отличаются от реальных событий, а порой просто искажают их. Сейчас, по прошествии ста лет, очевидно, что публикуемый источник выходит за пределы частного вопроса и является документом для изучения истории отечественной науки об искусстве и преподавания ее в Московском университете. Помимо этого, письма представляют своеобразную энциклопедию культурной жизни рубежа веков. Ведя заочную беседу с Нечаевым-Мальцовым, Цветаев попутно развивал многие темы, которые волновали его: проблемы высшего женского образования и музейное дело, управление Румянцевским музеем, университетская жизнь и студенческие волнения, реформа среднего образования, внешняя политика России и революционные события 1905 года, русская и европейская профессорская среда и ученые-коллеги, обращения к истории искусства и личные впечатления от художественных произведений, путевые зарисовки и исторические экскурсии, размышления о народной вере и о будущем России, семья, здоровье и домашнее житье – все это проходит перед читателем.

Цветаев писал Нечаеву-Мальцову, конечно, в связи со строительством здания и составлением коллекции слепков для университетского Музея, и

это была деловая переписка. Однако не случайно Цветаев, секретарь Комитета по устройству Музея (подробнее об этом учреждении см. ниже), вел ее лично, а не через письмоводителя, как мог бы; не без основания он считал ее особенно ответственной и деликатной. Формальный язык канцелярских бумаг здесь, очевидно, был мало пригоден. (Читатель может составить себе представление об официально принятом стиле – несколько сохранившихся цветаевских писем, написанных по этой форме, например первое обращение к Нечаеву-Мальцову, нами публикуются.) Требовалось постоянно и терпеливо поддерживать у Нечаева-Мальцова заинтересованность в начале предприятия, и Цветаев делал это, заряжая своего адресата отношением к Музею как к общему их детищу, подогревая, где надо, его азарт, воздействуя на честолюбие, апеллируя к его образованности. Есть основания думать, что Нечаев-Мальцов, сам писем писать не любивший, а посылавший больше телеграммы, цветаевские письма читал с удовольствием. Цветаев прекрасно изучил характер Нечаева-Мальцова и умело лавировал, а иногда и действовал напрямик. Он был далек от заискивания перед богатым и влиятельным лицом, но, никогда не забывая о роли Нечаева-Мальцова как фактического главы Комитета по устройству Музея и основного жертвователя, аккуратно посылал ему исчерпывающие отчеты о ходе строительства и формировании коллекции, а значит, и о расходовании денег.

Как зачинщик всего дела и специалист Цветаев имел четкую программу относительно устройства Музея, но каждый свой очередной шаг или важное решение по возможности обсуждал с Нечаевым-Мальцовым<sup>21</sup>. В начале работы были ситуации, когда мнение Нечаева-Мальцова по важнейшим вопросам строительства одержало верх наперекор некоторым членам Комитета и в том числе Цветаеву. Так было, когда обсуждался тип парадной лестницы и когда выбирался архитектурный прототип для зала Славы (ныне Белого зала). Их современному, всем знакомому облику мы в немалой степени обязаны Нечаеву-Мальцову. Добавим, что вмешательство Нечаева-Мальцова в процесс строительства при его опыте в возведении капитальных построек было весьма существенным. Нечаев-Мальцов не был просто «денежным мешком», он был образованным человеком и вдобавок хорошо разбирался в строительных вопросах.

Вместе с тем письма Цветаева всегда носили характер доверительного рассказа, полного искренних переживаний, емких характеристик и, часто, своеобразного цветаевского юмора. Обаяние его речи в ее исконной русскости, отшлифованной длительным общением с выдающимися образцами античной словесности. Сказалась и привычка человека науки к анализу и обобщению. Письма Цветаева, не только публикуемые ниже, но и большинство

написанных разным людям и по разным поводам – это увлекательное чтение. П.И.Бартенев, археограф, редактор-издатель известного журнала «Русский архив», так высказался о них: «Ваши письма отменно занимательны. Их прямо можно отдать в печать»<sup>22</sup>.

В письмах к Нечаеву-Мальцову перед читателем предстает ученый-педагог, широко эрудированный, увлеченный, немного чудаковатый, но проникательный и практичный, человек бескорыстный и с твердой волей. В них неизменно присутствует удивительная бодрость духа Цветаева и вера в то, что дело, которое стало главным в этот период его жизни и которое требует от него все новых и новых моральных и физических сил, будет завершено если не им, то его преемниками, и послужит потомству.

Как же и когда возникла у Цветаева идея создания научного общедоступного художественного учреждения, Музея искусства четырех великих эпох – древневосточной, наиболее любимой им античной, средневековой и ренессансной?

Чтобы разобраться в этом, придется обратиться к менее известной, «домусейной» части его биографии. Источниками здесь послужат прежде всего свидетельства самого Цветаева, найденные в его письмах. Писем сохранилось много: с некоторыми друзьями и коллегами, в силу их удаленности, Иван Владимирович переписывался десятилетиями. Такое общение было органичной частью его жизни<sup>23</sup>.

Первая встреча с античной культурой у Цветаева, сына сельского священника села Талицы Шуйского уезда Владимирской губернии, произошла в Шуйском духовном училище (1856–1862), куда его отдали 9-ти лет. Она началась с изучения латыни, которую преподавал руководитель училища И.П.Чуриловский. По воспоминаниям Цветаева, именно Чуриловский привил своему ученику любовь к этому языку и вкус к научным занятиям. Образование продолжалось во Владимирской духовной семинарии (1862–1866), затем в Петербургском университете на историко-филологическом факультете. По окончании его в 1870 г. с золотой медалью и степенью кандидата Цветаев темой своей магистерской диссертации избрал «Критическое обозрение “Германии” Тацита» и защитил ее в 1873 г. В апреле 1874 г., уже доцентом Варшавского университета, он отправляется в первую научную командировку в Германию и Италию, размышляя над направлением своей дальнейшей научной работы. Интерес его был обращен к двум предметам – замыслу монографии «О римской элегии и ее представителях» (в первую очередь его увлекала поэзия Тибулла<sup>24</sup>) и к изучению исторической грамматики латинского языка. В связи с этим он писал: «... до

1/2 прошлого [1873] года я и не думал об исторической грамматике, не знал ни о важности надписей, ни о необходимости знакомства с древними итальянскими наречиями. За все это пришлось приняться вдруг, после одной горячей беседы с К.Я.Люгебилем, единственным профессором, наталкивавшим нас на грамматические работы»<sup>25</sup>. К.Я.Люгебиль, бывший преподаватель Цветаева, профессор Петербургского университета, вел курс древнегреческой эпиграфики<sup>26</sup> (латинскую эпиграфику в университете фактически не преподавали). С ним Цветаев советовался по ходу научных занятий и после окончания университета<sup>27</sup>.

Именно «грамматическим деланием»<sup>28</sup>, по собственному определению Цветаева, он и продолжил заниматься, приехав в Лейпциг. Знакомство с новейшими исследованиями немецких филологов, прохождение их семинаров было необходимым условием для молодого специалиста, желающего подготовиться к профессорскому званию. Немецкая филология считалась в XIX, да и в начале XX в. передовой среди научных школ, и был большой соблазн для начинающего ограничиться лишь освоением готового. Однако вскоре, прибыв в Италию, Цветаев начинает самостоятельные исследования, опираясь непосредственно на древние источники – сохранившиеся на каменных плитах надписи, которые приходилось отыскивать самому и зачастую не в музейных залах, а в глухих сельских местностях. «Чего не делала немецкая наука? Существование богатой науки у наших соседей не лишает нас права делать то же самое у себя самих. В грамматический очерк я надеюсь внести материал из самих надписей, а не из немецких книг»<sup>29</sup>.

Римские любовные элегии Цветаевым были отставлены навсегда. «Нет у меня, – писал он, – чутья поэтического, нет глубокого чувства, нет литературного таланта»<sup>30</sup>.

Собирая материал, Цветаев посетил в 1875 г. Неаполь, Помпеи и Геркуланум, Капую и Нолу, древний Самний (провинцию Кампобассо), Сицилию и Сорренто, Рим, Беневент и область Адриатического моря; в 1880-м – снова Рим и землю древних пелигнов Аbruццы. Поездки сформировали в Цветаеве исследователя, умеющего работать с «живыми» памятниками. Об этих путешествиях в 1881 – 1882 гг. он поместил несколько очерков в «Вестнике Европы», затем издал их книгой. В предисловии он писал: «Не имея никакого притязания на художественность рассказа о прелестях того удивительного края, на который природа истощила едва ли не все свои дары, мы намеренно избегали описания красот виденных нами местностей, почти исключительно ограничившись характеристикой лиц и учреждений, имевших отношение к археологии и истории»<sup>31</sup>. Первую главу книги Цветаев посвятил директору Неаполитанского национального музея и руководителю

раскопок в Помпеях Джулио де Петра. Глубокое впечатление произвело на него то, что этот известный археолог и очень занятый человек принял близко к сердцу научные интересы молодого русского специалиста и помог ему собрать эпиграфический материал в Помпеях. Он же научил его технологии снятия бумажных слепков с надписей на камнях («эстампажу»). Де Петра стал для Цветаева образцом ученого-руководителя и организатора, нарушившим представление о директоре как «о человеке важном, малодоступном, поздно являющимся на службу и мало на ней остающемся, сидящим в одной из дальних зал своей канцелярии и обыкновенно скупом на слова и личные объяснения»<sup>32</sup>. Впечатления, полученные тогда, исподволь копились на будущее, чтобы пригодиться при совсем иных жизненных обстоятельствах.

Останавливаясь на истории Немецкого археологического института в Риме (основан в 1829 г.) и отмечая успехи связанного с его деятельностью немецкого антиковедения, Цветаев говорил здесь впервые о важной роли учебных университетских музеев в подготовке специалистов и между прочим замечал: «Благотворное значение этих музеев для учащегося юношества было чрезвычайно велико. Хорошие гипсовые копии вполне знакомят с оригиналами – оттого-то немецкие археологи нового поколения являются в Италию так хорошо подготовленными для продолжения своих занятий искусством»<sup>33</sup>.

Не только о науке и ученых рассказывал Цветаев в своей книге. Были там и описания населения, в том числе русской колонии близ Неаполя, праздников в честь местночтимых святых в маленьких городках, дорожных приключений. Чего стоит, например, эпизод, когда Цветаев, ехавший на двухколесной платформе, запряженной парой мулов, в компании нескольких крестьян, студентов и аптекаря, должен был по уговору пропеть какую-нибудь русскую песню. «Сколько я ни отговаривался от этого, а в конце концов должен был затянуть нашу “Вниз по матушке по Волге”. Самнитские горы, может быть, впервые огласились русской песней; но, к сожалению, исполнение этой первой песни было очень плохо и нескладно. Публика слушала внимательно, и когда я кончил, мне сказали, что голос мой очень дурен, но мотив песни для них нов и в устах хорошего певца должен быть приятен. Мы все смеялись и были веселы»<sup>34</sup>.

Первым крупным результатом филологических исследований Цветаева стал «Сборник осских надписей с очерком фонетики, морфологии и глоссарием». Работа была защищена в 1877 г. в качестве докторской диссертации в Петербургском университете<sup>35</sup>. В том же году Цветаев был приглашен на классическое отделение историко-филологического факультета Московского



университета, где вплоть до 1888 г. читал лекции и вел семинарии по истории латинского языка и литературы, а также по римским древностям. О том, как проходили занятия, вспоминал один из его учеников: «В этих лекциях была какая-то особая внутренняя жизнь, живые образные характеристики, отчетливость мысли, изящная форма и дух любви к науке, который согревал изложение и делал близким для нас самое далекое»<sup>36</sup>.

1870 – 1880-е гг. – время возросшего интереса в мировой науке к античной эпиграфике. В Европе выходят в свет многотомные комментированные корпуса латинских и греческих надписей, хранящихся в музеях, открываются новые памятники. Период между 1878 – 1886 гг. стал и для Цветаева временем успешной работы на поприще изучения древнеиталийских наречий: он издал несколько фундаментальных трудов, которые получили блестящие отзывы как иностранных, так и русских ученых благодаря полноте привлеченных источников и тщательности их обработки. «Их знает весь ученый мир, и знает как труды основные в той области, к которой они относятся. Не появляется ни одной книги, ни одной статьи в Европе и Америке по итальянской диалектологии, где бы не было, и притом обыкновенно на первом месте, указания на сборники надписей древних наречий средней и нижней Италии, сделанные Цветаевым»<sup>37</sup>, – писал известный филолог, основатель научной этрускологии В.И.Модестов. Особенно это было событием для русской науки, в которой никто ничего подобного до Цветаева не делал.

В 1878 г. Цветаев был избран действительным членом Московского археологического общества, в 1886 г. императорская Академия наук присудила ему золотую медаль, а в 1888 г., в дни празднования своего 800-летия, Болонский университет избрал его доктором филологии *honoris causa*\*. Международная научная известность помогла Цветаеву годы спустя, когда он путешествовал по городам Европы в связи с организацией Музея изящных искусств.

Музеи вошли в жизнь Цветаева, надо полагать, со студенческих петербургских лет, в Германии и Италии он занимался в них как специалист, но узнать музейное дело изнутри ему пришлось в Москве.

В мае 1882 г., будучи уже семейным человеком и нуждаясь в дополнительной зарплатке, Цветаев начинает работать хранителем в гравюрном отделении Румянцевского музея<sup>38</sup>, а вскоре становится хранителем всего отделения изящных искусств и классических древностей. «... два года назад, когда я принимал место хранителя Румянцевского музея, я и представить себе не мог,

\* Букв. «ради почета» (*лат.*), т.е. за научные заслуги.

как много дела взваливаю я себе на плечи. Видя, что приятель мой, К.К.Гёргц, занимавший до меня то же самое место, только благодушествовал, посещая музей на короткое время, я думал, что обязанности консерватора\* не сложны. А на деле вышло совсем не то. Оказалось, что в музее нет ни инвентаря, ни каталога предметов, из которых состоит отделение классической древности и изящных искусств. Прошло два года усиленной работы над одним только гравюрным отделением, пришлось переписать до 15 000 листов гравюр всевозможных эпох и школ. Область была для меня новая и потому я вынужден был много читать и рыться, искать любителей и знатоков гравюрного дела. К счастью, число последних в Москве значительно, так что за последние месяцы составила у меня чудная компания, которая в известные дни собирается в музее и помогает мне организовать отделение по европейским образцам»<sup>39</sup>. Среди помощников были известный художник-гравёр и коллекционер Н.С.Мосолов, собиратели Н.В.Баснин и В.Я.Рошфор. В дальнейшем Мосолов стал одним из жертвователей на Музей изящных искусств.

В этом деле проявились важные свойства Цветаева – умение и желание изучать новое, поскольку этого требует работа, и способность находить и привлекать к делу нужных людей.

Румянцевский музей был учрежден в Петербурге по завещанию канцлера Н.П.Румянцева (1754–1826) на основе его библиотеки, собраний славяно-русских и западноевропейских рукописей, античных и восточных медалей, этнографического собрания и минералогического кабинета; открыт в 1831 г. Принцип коллекционирования Румянцева был характерен для XVIII в. с его равным интересом ко всем отраслям знаний, собранное им завещалось «на благо просвещение». Разнородность коллекций определила пестрый состав музея в дальнейшем. После перевода в Москву в 1861 г. он был расширен и получил наименование Московского Публичного и Румянцевского музеев – этим подчеркивалось, что румянцевское ядро остается самостоятельной частью, не смешиваясь с позднейшими поступлениями. Первым крупным пополнением нового московского музея, образовавшим отделение изящных искусств и классических древностей, стали подаренные Александром II знаменитое полотно А.А.Иванова «Явление Христа народу» и выделенные из эрмитажных коллекций около 200 картин старых европейских художников и свыше 20 тысяч гравюр западноевропейских мастеров. Имелось в отделении и некоторое количество слепков с памятников древневосточного и античного ваяния. В дальнейшем в музее кроме названного

\* хранитель (*фр.* conservateur).

сформировались отделения: рукописей и славянских старопечатных книг, исторических христианских и русских древностей, этнографический музей, были некоторые другие коллекции. Значительную часть музея составляла библиотека. Румянцевский музей пополнялся главным образом за счет даров и не мог развиваться по единой программе. Фактически это был конгломерат различных, не всегда связанных между собой, хотя и ценных, собраний. Музей пользовался популярностью среди художников и коллекционеров, ученых и любителей художеств, так как изучать и копировать произведения западноевропейской живописи и графики больше в Москве было негде. К тому же музей обладал самой большой публичной библиотекой в Москве, получавшей обязательный экземпляр всей выходившей в стране печатной продукции. Хранителями и библиотекарями в нем часто работали университетские профессора и просто уникальные знатоки коллекций.

Цветаев на протяжении ряда лет был членом строительной комиссии музея, с 1895 г. – ее председателем, а в 1899 – 1900 гг., исполняя в связи с болезнью директора музея его обязанности, руководил проведением капитального ремонта и переоборудованием обветшавшего и давно тесного для музея здания – знаменитого дома Пашкова. Были заново, более рационально размещены фонды и создана новая экспозиция картинной галереи<sup>40</sup>. Логично поэтому было назначение Цветаева директором Румянцевского музея, последовавшее в 1901 г., с присвоением ему в 1904 г. чина тайного советника, что соответствовало по Табели о рангах чину генерал-лейтенанта и было относительной редкостью в профессорской среде.

К середине 1880-х гг. у Цветаева оформилось новое направление научных интересов. Разыскивая в музеях образцы древних надписей на постаментах скульптур, на предметах утвари, на надгробиях, он постепенно знакомился с вещественными памятниками обычаев и жизненного уклада древних римлян. О римских древностях он рассказывал на лекциях, а в 1887 г. решил посвятить им серию научно-популярных статей. «... после эпиграфики отдыхаю на бытовых древностях. Первый этюд – “О погребении рим[лян]” печатаю в Русском вест[нике]»<sup>41</sup>. Занятия погребальным обрядом увели Цветаева от римской словесности к изучению живописи римских катакомб первых веков н. э. Находясь под впечатлением археологических открытий итальянского ученого, специалиста по христианской археологии Дж. Б. де Росси, он задумал издать Атлас раннехристианских фресок. Для копирования он наметил образцы, созданные не позднее начала V в., иконография которых наиболее близка античной художественной традиции. Был приглашен русский художник, живший в Риме, Ф. П. Рейман. Работа завершилась через 12 лет, в 1900 г. было изготовлено 117 акварельных копий

высокого уровня точности, но издание Атласа не состоялось, так как давно полным ходом шло создание Музея изящных искусств и появилась идея использовать этот материал в экспозиции нового Музея.

Еще одна сфера научных интересов Цветаева – школьное дело у греков и римлян в первые века христианства, до закрытия императором Юстинианом Афинского университета в 529 г. Его давнишний интерес к этому закономерен – система образования, получившая позже название классической, унаследованная европейскими странами от Римской империи и трансформированная на протяжении веков, в конце XVII в. стала проникать в Россию. Это подготовило почву, на которой потом возникли русские университеты. С 1887 г. Цветаев начал подбирать материал по этому вопросу для очерков об элементарной и высших школах древних, которые выпустил в 1888 – 1898 гг. Когда 12 января 1902 г. в Университете он произнес актовую речь «Из жизни высших школ Римской империи», слушатели с удивлением увидели в событиях древности аналогии с современной университетской жизнью. Цветаев не случайно провел «урок истории» на выступлении в торжественный день годовщины основания Московского университета. Дела в университетах шли не лучшим образом, давно назрел вопрос о замене консервативного устава 1884 г., о возвращении университетам большей самостоятельности в самоуправлении; волнения в студенческой среде каждые два-три года прерывали ход академических занятий, распространяясь все шире. Речь была ответом на злобу дня. (О работе над ней Цветаев рассказывал Нечаеву-Мальцову в своем письме из Тарусы от 21 ноября 1901 г.)

В речи Цветаев, между прочим, с удовольствием упомянул о женщинах-ученых древности, профессорах Афинского и Александрийского университетов. В этом также была переключка с современностью. Женщины в российских университеты не допускались (имевшие возможность обучаться за границей посещали иностранные университеты). Как некоторая компенсация этого положения с начала 1870-х гг. в Москве, Казани, Киеве, Петербурге открывались медицинские и другие Высшие женские курсы, где лекции читали те же профессора университетов, и Цветаев преподавал там с 1900-х гг.<sup>42</sup> В одном из писем к Нечаеву-Мальцову он писал: «Что бы ни говорили жизненные старожены и стародумы против девушек, наполняющих наши высшие школы разных наименований, огромное большинство их работает много, с увлечением и приобретает значительное количество научных познаний. <... > Это наши дети, это надежда и будущность России. Будущее, конечно, несет новые жизненные задачи и новые формы жизни, – этим новым потребностям и станут служить эти массы нынешних медичек,

педагогичек и разных иных курсисток. Много болезней и горя излечат они в народной среде, много света прольют они в школах, на всех благородных поприщах явятся они полезными деятелями»<sup>43</sup>. Некоторые «стародумы», на которых намекал Цветаев, находились и в Министерстве народного просвещения, поскольку в 1880-х гг. Курсы везде, кроме Петербурга, подверглись закрытию. Так, на московских Высших женских курсах занятия были прерваны в 1886 г. Считалось, что среда курсисток особенно благоприятна для распространения революционных настроений. Возобновились Курсы лишь в 1900 г., причем деятельность их была поставлена под контроль министерства.

Любопытно при этом, что определенная социальная независимость, приобретаемая женщинами с получением высшего профессионального образования, не понималась Цветаевым слишком широко – требование для женщин политических прав казалось ему нелепым и смехотворным.

Актовая речь имела шумный успех у слушателей. В том же году она была опубликована в отчете Московского университета, двух журналах, а затем вышла отдельной книгой и стала последним большим исследованием Цветаева, появившимся в печати. «“Лебединая песня” моей службы Московскому университету»<sup>44</sup>, – сказал тогда о ней ученый. Оставалось осуществление самого большого и известного его труда – Музея изящных искусств.

Но это было позже, а в конце 1880-х гг., когда Цветаев решал вопрос о смене предмета преподавания, не только свои новые научные интересы имел он в виду. Была и другая, более общая причина, повлиявшая на решение Цветаева, – это положение классической филологии в России, перспективы ее развития и взаимосвязь со средними и высшими учебными заведениями.

В пользу преподавания юношеству двух древних языков – греческого и латыни – никто не сомневался. Это давало возможность читать в оригинале великие произведения прошлого. Знание классических языков и литературы входило в образовательный ценз культурного человека. Когда, например, Цветаев писал, что гранитный цоколь Музея получается едва ли не меди вековечнее, то он знал – Нечаев-Мальцов вспомнит оду Горация, откуда взято сравнение. Издавна на латыни писались научные труды, велись ученые диспуты, читались лекции. Еще и в 1890-х гг. она сохранила значение международного языка науки в гуманитарных отраслях. Ряд трудов Цветаева 1878 – 1886 гг. по италийской диалектологии были опубликованы на латыни. Считалось еще, что изучение греческого и особенно латыни благотворно влияет на развитие интеллектуальных способностей, обучая логическому мышлению ясностью и законченностью грамматических форм.

Реформа (которую принято называть контрреформой по отношению к реформам 1860-х), проводимая министром народного просвещения графом Д.А.Толстым в гимназиях (новый устав для них утвержден в 1871 г.), была уже второй с 30-х гг. XIX в. попыткой укрепить и расширить классическое образование в России. Введение нового устава сопровождалось многочисленными циркулярами, жестко и до мелочей регламентирующими объем материала и процесс преподавания. Предписывалось уделять основное внимание и отводить наибольшее время, наряду с математикой, латыни и греческому. Предполагалось, что это послужит сразу двум целям – подготовке к поступлению в университет (для чего и были предназначены реформированные классические гимназии и только они – без знания латыни и греческого вход в университеты был закрыт) и ограждению юношества от увлечений вредными политическими идеями. Постепенно учащиеся оказались перегруженными по преимуществу изучением синтаксиса, и тексты античных авторов использовались для тренировки в грамматике. Увлекательный предмет превратился в школьную рутину. Период этот в истории гимназий получил прозвище «Толстовского классицизма»<sup>45</sup>. Продолжая курс на развитие классического образования, университетский устав 1884 г. закрепил в учебных планах перевес классической филологии над другими предметами на историко-филологическом факультете. Все это через несколько лет сказалось в отвращении студентов университетов к классическим языкам, а в конечном счете в непопулярности в России классической филологии как науки. По статистике, число слушателей на историко-филологических факультетах университетов с 11,3 % в 1880 г. сократилось до 3,9 % в 1899 г.<sup>46</sup>. «Такова уж доля поганая филолога в нашем отечестве. Я просидел окол[о] 13 лет над своими италиками – и последней книги разошелся.. один экземпляр на всю Великую и Малую и Белую Россию!»<sup>47</sup>, – восклицал Цветаев в декабре 1888 г. Невостребованность его трудов на родине была особенно горька. Цветаев никогда не занимался наукой ради нее самой. Какую бы тему он ни разрабатывал, всегда имел в виду практическое ее применение на пользу прежде всего российских учащихся.

Формализм насаждаемой программы преподавания, убивающий живую суть предмета, оскорблял в Цветаеве ученого-классика, глубоко преданного науке и верящего в ее облагораживающее, возвышающее воздействие. Вместе с тем Цветаев выступал за упрощение требований к учащимся средней ступени, за демократизацию среднего и высшего образования. Он видел, что классицизм в целом утрачивает свое универсальное значение, приобретая характер более узкоспециальный. Еще в середине 1870-х гг., когда в России разворачивалась деятельность Д.А.Толстого, примером кото-

рому служила прусская система образования, Цветаев наблюдал на историко-филологическом факультете Боннского университета нечто прямо противоположное российским тенденциям, а именно – отрицание многовекового обычая написания и защиты диссертаций на латинском языке: «...прежний порядок выродился до фабрикации латинской оболочки этих диссертаций особого рода мастерами латыни»<sup>48</sup>. Вопросы участников прений, докторантов и студентов-старшекурсников, и ответы соискателя заранее составлялись, переводились и разучивались, что вовсе не являлось секретом от кого-либо и вызывало разве что веселые шутки и студентов, и профессоров. Так при Цветаеве проходила защита одного очень известного в будущем археолога-антиковеда. (На латынь, однако, для большей торжественности и как дань старой традиции переводились свидетельства немецких университетов о прослушанном курсе еще и на рубеже XIX – XX вв.)

Спустя одиннадцать лет, давно перейдя на другую кафедру, Цветаев остается в центре этой проблемы: он один из наиболее активных участников совещаний, созданных попечителем Московского учебного округа П.А.Некрасовым осенью 1899 г. в связи с общим недовольством системой преподавания иностранных языков в средней школе (гимназиях и реальных училищах); в специальной Записке он указывает на необходимость принимать в университеты и выпускников реальных училищ<sup>49</sup>.

При этом популяризацию научных знаний о древнем, классическом искусстве Цветаев продолжал считать актуальной – тогда, на рубеже 1880 – 1890-х гг., имея в виду в основном пока еще выпускников Московского университета – филологов и историков.

Обязательным условием перехода на кафедру теории и истории искусств Университета Цветаев поставил полуторагодичную подготовительную заграничную командировку, чтобы непременно посетить Грецию, где ранее не бывал, еще раз – Италию (Московский университет, между прочим, поручил Цветаеву быть своим представителем на праздновании 800-летия Болонского университета), изучить лондонские и парижские музеи, прослушать в Сорбонне лекции известного специалиста по греческой скульптуре М.Коллинсона. «Почему наши эллинисты, командируемые на два года за границу, никто почти, кроме учеников Ф.Ф.Соколова<sup>50</sup>, не заглядывают в Грецию, услаждаясь все время только немецкими книгами, немецкими аудиториями и немецкими пивными? – писал из Греции Цветаев 29 мая 1889 г. – <... > Самые даровитые между нашими профессорами, но не бывшие в Афинах и не видавшие древних памятников в остальной стране, по меньшей мере имеют смутное понятие обо всем археологическом материале, о котором им приходится говорить с кафедры, читая ли греч[еских] авторов,

преподавая ли другие дисциплины, входящие в состав их кафедр. Какие же [нрзб.] убогие представления образуются в умах студентов?»<sup>51</sup>. При ближайшем участии профессора Петербургского университета, основателя русской школы по изучению древнегреческих надписей, Федора Федоровича Соколова Министерство народного просвещения с 1880 г. стало направлять в Грецию молодых специалистов для усовершенствования в археологии и эпиграфике. Среди учеников Соколова были будущие известные ученые В.В.Латышев, С.А.Жебелев, А.В.Никитский, Н.И.Новосадский, Я.И.Смирнов. Цветаев в годы студенчества также занимался у Соколова.

Интерес к письменности древних жителей Апеннин, несмотря ни на что, не угас у Цветаева. На обратном пути из Греции в Южной и Средней Италии он опять, как в дни молодости, собирает новооткрытый диалектный материал. Со свойственной ему энергией разыскивает у частных лиц и в музеях, калькирует и фотографирует осские и фалисские надписи, чтобы затем в Москве подготовить их к изданию в дополнение к своим прежним трудам<sup>52</sup>. Так сложилось в дальнейшем, что этими работами и завершился в жизни Цветаева активный период его занятий эпиграфикой.

В эти же недели, бродя по римским музеям среди античных статуй и обдумывая свой новый учебный курс, Цветаев, о чем он позже вспоминает в одном из писем<sup>53</sup>, приходит к мысли о необходимости некоторого расширения учебного собрания слепков Кабинета изящных искусств Московского университета. Что представляло собой тогда это собрание, читателю станет ясно из дальнейшего. Пока же, с осени 1889 г. Цветаев впервые приступает к чтению лекций по истории античного искусства<sup>54</sup>. Практические занятия, согласно университетскому отчету, ведет на слепках Румянцевского музея и университетского Кабинета, изучение греческой керамики – по имеющимся в Кабинете образцам и по атласам из библиотеки Кабинета.

В число должностных обязанностей Цветаева как единственного профессора на кафедре теории и истории искусств входило теперь и заведование Кабинетом. Цветаеву уже приходилось знакомиться с этим учреждением, когда в 1882 – 1884 гг. он заведовал им временно, но тогда профессиональные интересы его были связаны с языковедением и эпиграфикой. Теперь же ему стала очевидна слабость учебно-практических возможностей Кабинета.

Это был тот конкретный повод, который подвел к возникновению самого намерения создать учебный художественный музей. Расширение замысла тесно связано с развитием личности Цветаева-педагога, с более широким пониманием своей роли, своего профессионального долга по отношению к учащейся молодежи в целом. Понятно, что мысль о скульптурно-архитектурном музее не посетила лингвиста, изучающего древние диалекты, но к



ней закономерно пришел ученый, владеющий широкими знаниями о разных сторонах античной культуры и к тому же знакомый с музейным делом как в России, так и в Европе.

Прежде всего, желая скорее наладить преподавание, Цветаев принялся за составление «Учебного атласа античного ваяния». В нем было три раздела: «Архаика», «Век Фидия» и «Скопас – Пракситель – Лисипп – эллинистическая эпоха». Предполагалась еще римская скульптура, включая скульптуру катакомб, но фактически издание ограничилось одной только греческой. Первый том вышел в 1890 г., последний – в 1894-м. Цветаев и здесь оказался первым – в русской педагогической практике подобных пособий не существовало. Интересно, что в европейских странах, где преподавание истории искусств было обставлено значительно лучше, «Атлас» обратил на себя внимание специалистов и «был удостоен общего одобрения на Международном историческом конгрессе в Риме (в 1903 году). Одна из его таблиц с изображением памятника, находящегося в Императорском Эрмитаже, доказала участникам конгресса неверность представления его в западноевропейской историко-художественной литературе и притом в трудах первоклассных ученых»<sup>55</sup>. Лишний раз хочется сказать, что Цветаев счастливо умел сочетать исследовательскую и педагогическую деятельность, которые у него всегда обогащали и развивали одна другую.

Отметим вкратце основные вехи развития Кабинета изящных искусств и начального периода работы Цветаева над созданием Музея, предшествовавшего публикуемой переписке.

Кабинет (Музей) изящных искусств и древностей обязан своим основанием инициативе исправлявшего должность адъюнкта\* П.М.Леонтьева, преподававшего на философском факультете римскую словесность и древности. В декабре 1848 г. Правление Московского университета одобрило его проект и утвердило его заведующим вновь создающегося учреждения (заведовал до 1860 г.). В 1851 – 1852 гг. в ведение Леонтьева перешли из университетской библиотеки собрание античных монет, шведских медалей и набор оттисков и слепков с гемм и камей, составлявшее Мюнц-кабинет Университета<sup>56</sup>.

Московский университет был не единственным, где создавался художественный музей – в Дерптском (с 1893 г. – Юрьевском, ныне – Тартуском) университете с начала XIX в. существовал музей подобного профиля, позже появились музеи в Казанском и других университетах. Общим у них было то, что возникали они и в связи с потребностью профессоров иметь под рукой

\* Лицо, занимающее младшую ученую должность (*лат.* *adjunctus* – присоединенный).

наглядный материал, и потому, что именно университеты как культурные центры больших округов привлекали к себе дарителей разного рода раритетов. Состав этих музеев при всей их случайности сходен – в них почти всегда имелись нумизматические коллекции, археологические материалы, некоторое количество слепков с античных скульптур, этнографические предметы, иногда еще эстампы и старые рукописи.

Павел Михайлович Леонтьев, филолог-классик, чьи лекции собирали в Университет многих слушателей, пропагандировал знания о классической древности и через издаваемый им в 1850-х гг. известный сборник «ПроPILEИ». Активной педагогической и публицистической деятельностью он настойчиво распространял среди общественности понимание роли классической культуры как важного воспитательного и стабилизирующего фактора, и основание университетского музея находилось, конечно, в этом контексте. В программной вступительной лекции в Университете, с которой он начал свой курс в 1847 г., опубликованной в «Московских ведомостях» под названием «О классицизме, европеизме и народности», он говорил: «Мы слишком ослеплены блеском современной Европы, к которому еще не привыкли наши глаза. <... > Мудрено ли, что почти всё, что произрастает на нашей почве, склоняется на сторону этого сильного света и теряет равновесие? Нам полезно, нам необходимо, чтобы к нам шел свет и с другой стороны, со стороны классической древности. Тогда мы и от нашей почвы получим прямые, самостоятельные произрастания. <... > Лучшая часть народа, та часть, которая управляет его судьбами, должна проходить через изучение классической древности. В ее сознании вопросу: куда? должен предшествовать вопрос: откуда?»<sup>57</sup>.

В 1852 – 1853 гг. Леонтьев заказал первые 25 слепков с имевшихся в петербургской Академии художеств гипсов «статуй Аполлона Бельведерского, Дианы Версальской, Венеры Медицейской, Венеры Таврической, Венеры Милосской, нескольких статуй римской работы и нескольких бюстов»<sup>58</sup>. Большинство перечисленных произведений было известно хотя бы по названию любому мало-мальски образованному человеку. Подбор их был не оригинален и рассчитан, конечно, не на изучение древней скульптуры как таковой, а на созерцание общепризнанных шедевров.

О следующем заведующем музеем, профессоре археологии Университета, Цветаев писал: «В 1856 году открыл в Московском университете курс лекций по истории искусств К.К. Гёргц<sup>59</sup>, прошедший до того времени целых пять лет в Англии, Франции, Германии и Италии в усердных занятиях классической археологией и историей античного искусства. Своими семилетними чтениями, веденными им в звании частного преподавателя Университета, Карл Карлович с своей стороны в значительной степени способствовал

учреждению нашим правительством кафедры *истории и теории искусств* в русских университетах уставом 1863 года»<sup>60</sup>.

Цветаев не упомянул статью Гёрца «Об основании художественного музея в Москве», напечатанную в «Московских ведомостях» в 1858 г., которую внимательно изучал – экземпляр с его пометками сохранился<sup>61</sup>. Автор статьи, написанной за три года до переезда Румянцевского музея в Москву, под впечатлением от новых европейских музеев излагает план необходимого Московского образовательного художественного музея. Этот музей мог бы включать живопись – избранные произведения старых мастеров в копиях, новые русские и европейские в оригиналах, оригинальную графику, фотографии и не менее 5 тысяч гипсовых копий с произведений мировой пластики. Архитектура была бы показана в элементах убранства самих залов и при помощи живописных панно, размещенных по стенам. Средства для музея предполагались из благотворительных источников.

Университетским музеем К.К.Гёрц заведовал с осени 1860 по весну 1882 г. Еще 16 декабря 1859 г. он обратился в историко-филологический факультет Университета с донесением, где писал: «Для успешного изложения и наглядного изучения классической скульптуры, составляющей высшее выражение античного гения в сфере искусства, необходим обширный археологический аппарат, в котором первое место занимают слепки с знаменитых творений древнего резца. Собрание слепков в Мюнц-кабинете Московского университета, по ограниченному числу находящихся в нем образцов, не удовлетворяет современным требованиям науки; в нем нет не только лучших произведений гиратического стиля, но даже славнейших изваяний эпохи высшего процветания греческой пластики во времена Фидия, Поликлета и Праксителя. Поэтому для пополнения университетского собрания слепков я считаю необходимым приобретение слепков со следующих античных скульптур». Далее следует список статуй с фронтонов храма в Эгине, из старого храма в Селинунте, метопы и фриз Парфенона, кариатиды Эрехтейона, фриз храма Ники Аптерос, скульптуры Мавзолея в Галикарнасе, две скульптуры из группы Ниобеи и многое другое, всего несколько десятков слепков, которые предлагалось заказать в Мюнхене, Берлине и Лондоне. Многие из этого перечня будет спустя 40 лет приобретено Цветаевым, а тогда проект осуществлен не был, несмотря на то, что инициативу Гёрца поддерживал ректор Университета, просивший у начальства разрешения истратить на эту покупку до 2 тыс. руб. из средств, собираемых за слушание лекций<sup>62</sup>.

Одним из наиболее ценных пополнений Кабинета в 1860-е гг. стало приобретение Гёрцем через секретаря Немецкого археологического института в Риме, Вольфганга Гельбига, собрания подлинных античных ваз.

Одновременно, в 1862 г., Гёрц стал еще и хранителем вновь организуемого отделения изящных искусств Румянцевского музея (служил в этой должности по 1882 г.). Казалось, что именно в этом новом большом учреждении найдет хотя бы частичное воплощение его мечта. Совместно с активным сторонником перевода музея в Москву, директором его в 1861 – 1863 гг., генерал-майором свиты Н.В.Исаковым, им была составлена программа развития отделения как учебно-просветительского:

«Музей, которого основная идея есть поучение зрителей, лежит решительно в сфере возможного; для создания его требуются <... > скромные материальные средства, и наконец, самое географическое положение Москвы как центрального пункта всех путей России и присутствие в ней столетнего университета с 2000 слушателей и с кафедрой археологии искусства делает подобное учреждение важным проводником нового элемента образованности по всей России.

Таковые идеи легли в основание тех усилий, кои потребовались при учреждении отделения в Московском Публичном музее, сообразно трем главным ветвям, на которые распадается изящные искусства (архитектура, скульптура, живопись); с самого основания Московского Публичного музея приступлено было к устройству трех главных отделений, которых назначением было показать исторический ход развития искусства у главнейших исторических народов»<sup>63</sup>.

Древнюю архитектуру, за неимением объемных экспонатов, предполагалось показывать в фотографиях, предоставленных Университетом. Скульптурный раздел был составлен из принесенных в дар в 1863 г. великой княгиней Еленой Павловной<sup>64</sup> заказанных в Британском музее гипсовых копий с памятников древнегреческой и восточной скульптуры и рельефов (свыше 120 слепков). Здесь же было выставлено около трех десятков слепков из университетского Кабинета. С живописью дело обстояло лучше: к западноевропейской части картинной галереи добавились коллекции картин русских мастеров. Однако быстрорастущая библиотека, заполнив все свободные помещения, стала теснить другие отделения, которые в свою очередь пополнялись. Исключением здесь было как раз собрание слепков: состав его с начала 1860-х гг. не увеличивался, а экспонаты ветшали. Университетские же слепки в середине 60-х гг. по настоянию Совета Университета пришлось вернуть в Кабинет изящных искусств. Архитектурная часть экспозиции музея была свернута вскоре после своего открытия.

Возможно, всем этим, а также и тем, что у Кабинета появились специальные денежные средства, и была вызвана поездка Гёрца в 1880 – 1881 гг.

в Германию для приобретения в университетский Кабинет партии гипсовых копий с греческой пластики. Он выбрал 29 образцов архаической и раннеклассической скульптуры, которая еще не была представлена в Кабинете, и этим заложил научно-исторический подход к комплектованию скульптурного собрания Университета. Покупка была совершена на проценты с капитала в 5 тыс. руб., завещанного Кабинету писателем В.П.Боткиным специально для этой цели в 1869 г.<sup>65</sup> (ко времени поездки Гёрца проценты составляли сумму около 2-х или более тысяч руб.). Так частная инициатива легла в основу будущего Музея изящных искусств.

В 1884 – 1889 гг. Кабинетом заведовал уже упомянутый ранее А.Н.Шварц, который с декабря 1884 по декабрь 1887 г. являлся экстраординарным профессором кафедры теории и истории искусств, а затем был переведен в том же звании на кафедру классической филологии – по своей основной специальности. При нем пополнялись нумизматическая коллекция Кабинета и собрание греческих ваз и были подготовлены печатные каталоги античной и восточной нумизматики, слепков и собрания ваз. Автором каталога расписных ваз являлся сам Шварц.

Для науки об искусстве во второй половине XIX в. наступило время изучения и классификации накопленных данных, время формирования систематических, рациональных методов исследования. Этому отвечали западноевропейские, особенно немецкие музеи, отражавшие уровень современных знаний об искусстве древних и новых народов. Цветаев, как и Гёрц, ориентировался на их опыт. «В то время как в Германии даже малолюдные университеты уже более полувека назад стали обзаводиться музеями гипсовых слепков с памятников древней скульптуры и коллекциями моделей главнейших сооружений древнего и частью средневекового зодчества; в то время как немецкие студенты даже захолустных университетов имеют в настоящую пору полную возможность легко и в сравнительно короткое время ознакомиться с существенно важными памятниками античного искусства в таких музеях, – наше университетское юношество лишено почти всяких к тому пособий даже в столичных городах»<sup>66</sup>, – писал Цветаев в 1893 г. Недостаточная учебная база отодвигала историю искусств на второй план. Цветаев видел, что место этого предмета в учебных программах университетов для студентов гуманитарного профиля не соответствует общекультурной важности его. «Сменилось тридцать университетских поколений – и не только студенты других факультетов, но и огромное большинство филологов оставались за этот период времени без всяких историко-художественных познаний. В половине русских университетов кафедра теории и истории

изящных искусств существовала только на бумаге, не находя ни профессоров, ни студентов. Но даже и в тех университетах, где эта кафедра действовала фактически, преподавание этой поучительной и интересной науки не могло принести надлежащих плодов. Старания почтенных преподавателей этого предмета нашли себе удовлетворение исключительно в образовании нескольких специалистов по части античного и средневекового искусства, но не в успехах распространения историко-художественных сведений в массе университетских слушателей, как это было бы желательно»<sup>67</sup>. (Упомянутые специалисты были филологи-классики, пожелавшие получить более узкую специализацию после окончания основного университетского курса.) Причину неуспеха введенной дисциплины он объяснял невозможностью для студентов «наглядного знакомства с предметом изучения»<sup>68</sup>, другими словами, в слабом развитии все тех же учебных художественных музеев и бедности специальных при них библиотек. Может быть, он вспоминал и себя в 1874 г., когда, готовясь в первый раз отправиться в Италию, не знал даже, как и с чего начать предварительное знакомство с памятниками классического искусства. В том же 1893 г. в одной из своих статей Цветаев писал: «Мы называем современное положение преподавания истории искусств в отечественных университетах печальным, потому что самая кафедра этого предмета почему-то вычеркнута новейшею практикой из числа тех, которые имеют общеобразовательное значение для студентов историко-филологического факультета, будучи приурочена только к одному курсу его классического отделения, наиболее малолюдного из всех отделений. Малолюдность же классического отделения в наших университетах такова, что даже в Москве и Петербурге число студентов падает до 4-5 человек в курсе; в провинциальных же университетах 2-3 «классика» явление обычное. В некоторых университетах не составляется даже и этого жалкого числа; иной год классическое отделение там и совсем пустует. Для кого же тогда существует кафедра истории и теории искусств, юридически назначенная только для классического отделения историко-филологического факультета? По какой-то странной случайности, *история искусств* не признана обязательным предметом даже для *исторического* отделения *историко-филологического* факультета. Вследствие этой трудно объяснимой меры студенты-историки ныне выходят из университетов, не получив сведений ни о Фидии, ни о Скопасе, ни о Праксители, ни об Аполлоне Бельведерском и Лаокооне, не умея отличить один стиль зодчества от другого и т.д., выходят чуждые того облагораживающего влияния, которое производит на всякого изучение вековых памятников искусства. Мера эта, мы глубоко верим, только временная и не продлится долго»<sup>69</sup>. Забегая вперед, скажем,

что, расширяя Музей, Цветаев тем самым не только подготавливал условия для основательного преподавания предмета будущим филологам и историкам, но и способствовал тому, что в Московском университете, впервые в России, вспомогательная кафедра истории искусств с одним профессором фактически превратилась в 1909 г. в отделение, а сам предмет приобрел значение самостоятельной профилирующей дисциплины и стало возможным готовить выпускников именно по этой специальности<sup>70</sup>.

В 1890-х гг., примерно тогда, когда писались цитированные выше строки, коллегами Цветаева по кафедре истории искусств в других российских университетах были ученые, воспитавшие поколения специалистов, чья деятельность определила расцвет отечественного искусствознания. Среди них профессор А.А.Павловский из Новороссийского университета (в Одессе), почти тогда же, что и Цветаев, а именно в 1891 – 1913 гг., читавший курсы по всем разделам искусства классического Востока и Европы. До этого, в 1871 – 1887 гг. преподавание здесь вел Н.П.Кондаков, с 1888 г. профессор Петербургского университета. Одновременно с Павловским те же курсы в Харьковском университете читал любимый ученик Кондакова, приват-доцент Е.К.Редин.

В Киевском университете Св. Владимира в 1887 – 1897 гг. кафедру теории и истории искусства занимал переехавший из Петербурга профессор А.В.Прахов (в 1897 г. он вернулся на кафедру в Петербурге). Его диссертации были посвящены реконструкции скульптурной группы восточного фронтона Эгинского храма и зодчеству Древнего Египта. В киевский же период он специализировался на церковной археологии в связи с изучением древнерусской архитектуры. В том же университете с 1890-х гг. профессор Г.Г.Павлуцкий читал лекции по истории искусства античности и эпохи Возрождения, занимался деревянным и каменным зодчеством Украины.

В Дерптском (Юрьевском) университете с 1890 г. преподавал специалист по античному искусству, ученик Прахова В.К.Мальмберг, в 1907 г. перешедший при содействии Цветаева в Московский университет.

В 1890-х – начале 1900-х гг. в Казани приват-доцентом начинал педагогическую деятельность ученик Кондакова Д.В.Айналов, в дальнейшем профессор Петербургского университета. Его диссертация «Эллинистические основы византийского искусства» (1900) явилась выдающимся исследованием по византистике.

Одновременно с профессором Цветаевым в Московском университете различные курсы по эстетике и истории искусств преподавали приват-доценты

В.Г.Апфельрот (1890–1896) и А.М.Миронов (1893–1905), впоследствии профессор в Казани.

Наконец, в 1900 г. звание приват-доцентов по кафедре истории искусства Московского университета получили В.Е.Гиацингов и один из учеников Цветаева Н.И.Романов, специалист по искусству итальянского Возрождения, будущий известный профессор и музейный деятель.

Со многими из коллег у Цветаева были налажены профессиональные контакты. Так, он был оппонентом на защитах докторских диссертаций у Айналова и Мальмберга, с другими состоял в переписке. Прахов, Кондаков, Айналов, Редин, Павловский и Мальмберг не раз упоминаются Цветаевым в его дневнике и в письмах к Нечаеву-Мальцову, Клейну в связи с проработкой вопросов по устройству Музея.

В России первое большое собрание слепков появилось во второй половине XVIII в. в петербургской Академии художеств, но это был не музей истории искусства – экспонаты подбирались как пособия для обучения будущих художников рисунку, анатомии и композиции на наиболее известных, «классических» примерах пластики Древней Греции, Рима, эпохи Возрождения и барокко. Новейшие археологические открытия не находили своевременного отражения в академическом собрании<sup>71</sup>. Естественно, что открывавшиеся в дальнейшем в стране художественные школы также обзаводились слепками, например, московское Училище живописи, ваяния и зодчества, Строгановское центральное художественно-промышленное училище. К началу 1890-х гг. коллекции слепков были уже в Новороссийском (Одесса), Харьковском, Дерптском университетах.

Формирование подобных музеев продолжалось и за рубежом: «Настоящее время – особенная эпоха устройства “гипсовых музеев” во всем цивилизованном мире»<sup>72</sup>, – сообщал Нечаеву-Мальцову Цветаев в одном из писем 1903 г. В Италии, например, ему встретился директор американского музея, как и он, отбравший экспонаты и ходивший по гипсолитейным ателье. Разница была лишь в размахе американца, не знавшего тех финансовых ограничений, какие связывали Цветаева. В эти же годы раздел слепков организовывался и в Будапештском музее изящных искусств.

Изучая опыт иностранных музеев, имевших собрания слепков, Цветаев чаще других упоминал в своих письмах лондонский Южно-Кенсингтонский музей искусств и ремесел (Музей Виктории и Альберта), Старый музей в Берлине, парижские Школу изящных искусств и музей Трокадеро. Например, именно в Школе изящных искусств Цветаеву понравилась идея устройства внутренних застекленных двориков (атриумов) для крупных экспонатов (на них указывал также и В.Д.Поленов), и



Клейн получил задание запроектировать в Музее два таких дворика. Ему же было поручено изучить удачное использование цокольного этажа под хранилища экспонатов в берлинском музее. По примеру Музея сравнительной скульптуры во дворце Трокадеро, где в экспозиции значительное место занимали выполненные в натуральную величину тонированные слепки с порталов и фрагментов фасадов средневековых соборов, Цветаев заказал для московского Музея копии портала Фрейбергского собора, Райских дверей флорентийского Баптистерия работы Гибerti и другие подобные им крупномасштабные экспонаты. Еще в 1888 г. внимательно изучал Цветаев и собрания слепков с античной скульптуры в Германии. У профессора классической археологии Мюнхенского университета Генриха фон Брунна Цветаев, по его словам, получил «программу Музея гипсовых слепков с памятников античной скульптуры. <... > Брунн посвятил его во все подробности организации этого, незадолго пред тем им самим с большими усилиями созданного Музея»<sup>73</sup>. Главным ориентиром для Цветаева был все же дрезденский Альбертинум, музей, чье собрание состояло как из оригинальной, преимущественно античной скульптуры, так и в значительной мере из гипсов от Древнего Востока и античности до Нового времени (экспозиция слепков была открыта в 1891 г.). Последовательный показ исторических этапов развития скульптуры в этом музее отличался полнотой и продуманностью. С директором музея, ученым-археологом и фактическим организатором музея Георгом Треем Цветаева связывали личное знакомство и дружеская переписка, возникшая еще в «эпиграфическую» пору жизни Цветаева. Именно Трей больше всех помог научными консультациями и практическими советами в новом для Цветаева деле.

Из печатных выступлений Цветаева следует, что по крайней мере с 1893 г. он мыслил создаваемый Музей не только учебным, внутриуниверситетским, но и публичным.

Московская публика в массе своей не имела осознанной потребности в музее по истории искусства, особенно ваяния. Между тем этот Музей предназначался и для ее образования, более того, требовались немалые денежные средства, чтобы его создать, и получить их реальнее было не от Университета, который ими не располагал, или правительства, а от заинтересованных частных лиц. В марте 1893 г. Цветаев обратился к общественности, опубликовав к 30-летию открытия в русских университетах кафедры теории и истории изящных искусств брошюру «Комитет для устройства в Москве Музея Античного искусства при Императорском Московском университете», цитаты из которой приведены выше. Цветаев шел здесь традиционным

путем – комитеты, попечительства, общества поощрения были проверенной формой участия заинтересованных лиц в создании и поддержании разного рода благотворительных и культурных учреждений. Комитет, который предлагалось организовать, служил бы для пропаганды идеи и для сбора пожертвований.

Попытка создания музейного Комитета показала, что ситуация еще не созрела, и широкого отклика тогда не последовало. Цветаев, однако, продолжал настойчиво популяризировать свое начинание, публикуя статьи в «Московских ведомостях» и «Русских ведомостях» в декабре 1893 – марте 1894 г. Так, в марте 1894 г. он поместил в «Русских ведомостях» письмо в редакцию под названием «Художественный музей Московского университета», где писал: «Слепки делаются все в величину оригиналов и притом с математической точностью. При составлении московского собрания принято за правило делать заказы гипсовых слепков в тех западноевропейских музеях, где хранятся самые памятники. Оттого эти слепки замечательны и по своей удивительной точности, и по безукоризненной чистоте исполнения. <... > Значительная часть гипсов уже получена Университетом и выставлена во временном, к сожалению, до крайности ветхом и весьма тесном помещении Музея. Музей *открыт* для всех любителей искусств *ежедневно* от 9 ч. до 4-х часов, не исключая воскресных и праздничных дней»<sup>74</sup>. В апреле того же года Цветаев выступил с трибуны Первого съезда русских художников и любителей художеств, организованного в связи с важным событием в культурной жизни – передачей П.М. Третьяковым своей галереи в дар Москве, с речью: «Устройство Музея Античного искусства при Императорском Московском университете».

Добывание пожертвований было делом не простым. «Чтобы получить какую-нибудь 1000 руб., – писал Цветаев в марте 1895 г., – нужно много ходить по Москве, подыскивая нужных людей. Чтобы получить одну подачку, надобно сделать 6-7 визитов к людям, которые подвели бы к жертвователю. Избрав на себя дело собирания средств и научной организации Музея, я брожу по всей Москве и распространяю личными сношениями идею учреждения. Но чтобы быть чистым от каких бы то ни было нареканий, денег я сам не принимаю, а направляю жертвователей к ректору Университета. На это уходит бездна времени»<sup>75</sup>. К марту 1894 г. было, по словам Цветаева, собрано 30 тыс. руб., через год сумма дошла до 80 тыс. Среди наиболее крупных жертвователей в 1890 – 1894 гг. были представители московского купечества, сами имевшие художественные коллекции, – К.С. Попов, К.Т. Солдатёнков, П.М. Третьяков, а также банкир и домовладелец Л.С. Поляков и родственник Цветаева, бывший крупный банковский чиновник А.Д. Мейн.

Скульптурный Музей (архитектуру сначала думали показать в небольших моделях из пробкового дерева или гипса) требовал обширных пространств, а Университет имел для этого только две комнаты на 2-м этаже старого здания на Б.Никитской, в так называемом Больничном корпусе<sup>76</sup>. Не все слепки, поступавшие партиями уже с 1890 г., возможно было выставить. Когда летом 1894 г. Музей посетил московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, Венера Милосская, например, была ему показана запакованной, лежащей в ящике в коридоре. И так хранились многие гипсы. Через год-два ящики с экспонатами, приходящие из-за границы, устанавливали уже в подвалах Университета и даже Румянцевского музея. Естественно, вставал вопрос о новом помещении: о пристройке – в начале 1893 г., об отдельном здании – в конце того же года, в начале 1894 г. для постройки был определен «университетский сад» в Шереметевском переулке, позади Моховой.

По понятиям XIX в., удельный вес античного искусства во всеобщей истории искусства был наиболее значительным. Под античным понималось в первую очередь искусство Греции и Рима, но также и классическое древневосточное – египетское, ассирийское, переднеазиатское, финикийское. Поэтому, а не только из-за личного пристрастия, Цветаев, работая над расширением Музея, в эти годы все время имел в виду формирование в первую очередь раздела античной скульптуры и архитектуры и Музей именовал «Античным». Положение изменилось в 1895 г. В апреле два душеприказчика купеческой вдовы В.А.Алексеевой, умершей в 1894 г., – кандидат университета, управляющий отделением Волжско-Камского банка М.С.Нагаткин и ученый инженер-механик К.А.Казначеев – выделили из ее капиталов 150 тыс. руб. специально на постройку музейного здания (деньги поступили в Университет в 1897 г.).

Богатая москвичка В.А.Алексеева была одной из счастливых «находок» Цветаева. Посетив Музей в 1894 г., она увлеклась им, но пожертвовала сначала лишь 1 тыс. руб. На ее желание в следующем году, по словам Цветаева, «строить и стены» повлияло известие о том, что покровителем Музея стал великий князь Сергей Александрович (это событие было подготовлено усилиями Цветаева). Душеприказчики, помня о намерении Алексеевой и сами симпатизируя делу Цветаева и ему самому, определили значительную сумму на строительство. Условием было присвоение Музею имени императора Александра III. В этом они ссылались на устную просьбу своей доверительницы.

В истории создания Музея это был поворотный момент, имевший ряд важнейших последствий. Прежде всего, Музей становился «именным», что

выделяло его из ряда учебных университетских музеев. Имя императора было дано, разумеется, с высочайшего согласия, и тем самым новое учреждение приобретало в дополнение к официальному университетскому еще как бы «государственное значение»<sup>77</sup>.

Теперь можно было начинать значительную постройку, и не в переулке, а на видном месте в городе. Тогда впервые зашла речь о площади Кольцажного двора, единственной незастроенной площади в центре Москвы. Подробно более чем 2-летняя эпопея получения ее у Городской думы описана Цветаевым в дневнике<sup>78</sup>. Центральное местоположение делало будущее здание градостроительной единицей и требовало выразительного художественного фасада. Возможным архитектурным примером Цветаеву представлялось величественное здание Старого музея в Берлине. «Рядом с храмом Спасителя нельзя поставить здания маленького, дешевого, мексинного\*. Приходится мечтать “о сооружении”. <... > Приходится тянуть *высокую ноту* <... > хотя бы и не мне пришлось увидеть здание оконченным в этом широком масштабе. Но “(старик) деревья садит, что другому веку пригодятся” ...»<sup>79</sup>. Музей изящных искусств становился третьим публичным музеем в истории Москвы, для которого намеревались возводить специальное здание (ранее были Политехнический и Исторический музеи). По инициативе Цветаева Университет в 1896 г. обратился в петербургскую Академию художеств с просьбой о проведении архитектурного конкурса. Цветаевым же, после изучения европейского опыта<sup>80</sup>, были составлены «Общие основания» и «Условия объявляемого конкурса». В них указывалось, например, что «стиль фасада здания должен быть избран или греческий, или римский, или эпохи итальянского Возрождения» (смешение стилей не допускалось), определенные залы второго этажа должны освещаться дневным светом через стеклянные плафоны, а в п. 8 говорилось: «Премированные проекты составляют собственность Императорского Московского университета, который имеет право пригласить в качестве строителя здания лицо по своему усмотрению»<sup>81</sup>. Конкурс принес 18, по другим данным – 19 проектов (из них рассмотрены 15, а 7 премированы). Возведение Музея изящных искусств принимало общегородской масштаб. Для сравнения: строительство трехэтажного здания университетского Зоологического корпуса с музеем в 1-м этаже на углу Б.Никитской и Долгоруковского пер. было проведено без конкурса, в четыре года (1898–1901), силами строительной комиссии Университета по проекту архитектора К.М. Быковского.

\* Жалкий, скудный (от *фр.* mesquin).

В литературе встречается мнение, что Р.И.Клейн, не получивший главной премии (его проект был удостоен золотой медали), но пользуясь связями, нашел денежные средства на строительство и тем добился приглашения Правлением Университета (Воспоминания И.И.Рерберга, биографический словарь «Зодчие Москвы»); что он строил Музей на основе проекта П.С.Бойцова (А.В.Иконников, «Зодчие Москвы»), а парадную лестницу Музея проектировал И.В.Жолтовский (М.А.Ильин, вслед за ним А.В.Иконников)<sup>82</sup>. В воспоминаниях В.Д.Поленова, записанных его сыном, автором проекта, скомпонованного, по его словам, из работ других конкурсантов, и вовсе назван К.М.Быковский, а Клейн – его помощником и фактическим строителем и при этом якобы в конкурсе не участвовавшим<sup>83</sup>. Многие авторы, напротив, считают золотую медаль, полученную Клейном, наивысшей наградой конкурса. В действительности было иначе: Цветаев примерно с ноября 1896 г. познакомился с некоторыми из конкурсантов, вел переписку и посылал им пособия по античной архитектуре – «античные» фасады были в новинку для современных архитекторов. Фактически именно он определил выбор архитектора еще до присуждения премий (срок подачи работ был назначен не позднее 10 января 1897 г.). Вот одна красноречивая цитата из новогоднего письма Цветаева к Клейну: «Наиболее же всего желаю Вам блистательного успеха в предстоящем конкурсе, никого столько не предназначая автором и строителем Музея, сколько Вас. Это будет высокохудожественное сооружение, которое прославит Ваше имя более Рядов<sup>84</sup> и других Ваших построек».

Клейн уже сотрудничал с Университетом – построил в 1893 – 1896 гг. Гинекологический институт для врачей им. А.П.Шелапутиной при Университете на Девичьем поле<sup>85</sup>, но привлек он Цветаева, по-видимому, личными качествами – относительной молодостью (38 лет), строительным опытом и, главное, контактностью, что было необходимо для длительной совместной работы. Нравились в Клейне и его «поэтичность и художнический жар» (замечание Цветаева) – он надеялся увлечь архитектора предстоящей трудной художественной и строительной задачей, понимая, как важно, чтобы строительство от начала до конца вел сам автор. Что касается Бойцова, также получившего золотую медаль, то он выбрал для проекта иную, чем у Клейна, ордерную систему – дорическую; имелся еще ряд важных отличий в решении фасадов. К помощи К.М.Быковского Комитет не обращался. Парадная трехмаршевая лестница примерно в том виде, в котором она и существует, была в первоначальном проекте Клейна 1896 – 1897 гг.; участие в работе Жолтовского какими-либо документами, в том числе и публикуемой ниже перепиской, не подтверждается. Конкурсный проект Клейна в

дальнейшем был значительно переработан в соответствии с пожеланиями членов Правления Университета и Цветаева, а также рекомендациями Академии художеств, некоторые его элементы получили новые архитектурные формы и назначение. Разговор об этом – тема отдельного исследования.

Более просторное здание Музея позволяло думать о расширении хронологических рамок коллекции слепков в направлении современности, с добавлением произведений средневековой и ренессансной эпох (предполагался даже раздел новых времен и народов, включая русское искусство). Это соответствовало намерению Цветаева усилить образовательное воздействие Музея, который с 1895 г. в документах стал именоваться «Музеем изящных искусств». Цветаев писал одному из жертвователей: «Учреждение, о котором идет речь – значения общего, не узкоспециальное, по своему характеру не партийное, не сословное, а как бы Вам сказать?.. общеродительское, общедетское, такое, под просветительную сень которого в будущем все московские “отцы” будут посылать своих детей, а “дети” всякого чина, рода и звания станут ходить туда и учиться, облагораживая тем свою душу, свой вкус и нрав»<sup>86</sup>.

В 1896 г. Цветаев, по совету и при участии своего второго тестя А.Д.Мейна, приступил к составлению проекта «Положения о Комитете по устройству Музея изящных искусств имени императора Александра III при Императорском Московском университете» («высочайше» утверждено в феврале 1898 г. в третьей редакции). К этому времени его упорная деятельность приобрела сторонников в Москве; было очевидно, что намерения профессора серьезны и дело не останется неоконченным. Комитет должен был объединять руководство Университета (Правление в полном составе), профессоров историко-филологического факультета и высших представителей властей с частными лицами, приносящими средства на организацию Музея, дарившими экспонаты или оказывавшими другие важные услуги работе Комитета. Структура его была многоступенчатой, вступление новых членов – в основном по рекомендации и после баллотировки. «На очереди стоит теперь вопрос об учреждении “Комитета для устройства Музея” <...>. От репутации этих первых людей в Комитете зависит успех или провал всего предприятия. Здесь нужны такие почтенные имена, которые служили бы *знаменем* новому учреждению. Тут <...> мерилom является не одно материальное положение кандидатов <...> здесь необходимы имена чистые, пользующиеся всеобщим уважением»<sup>87</sup>, – объяснял Цветаев одному из своих адресатов. Среди откликнувшихся на приглашение Цветаева (которое он делал, конечно, от имени Университета) были художники П.В.Жуковский и В.Д.Поленов (позднее к ним присоединился В.М.Васнецов),

инженер Н.В.Султанов, в 1897 г. член жюри архитектурного конкурса проектов Музея, архитектор Ф.О.Шехтель, родственники славянофилов – сын философа и поэта А.С.Хомякова коллекционер Д.А.Хомяков и Д.Ф.Самарин, публицист и издатель сочинений своего брата Ю.Ф.Самарина. Вошли в Комитет управляющий канцелярией московского генерал-губернатора, писатель и издатель журнала «Детский отдых» В.К.Истомин, промышленник, известный московский благотворитель П.Г.Шелапутин и дочь одного из воспитателей Александра II, М.С.Скребицкая, государственный контролер Т.И.Филиппов, в прошлом сотрудник журналов «Москвитянин» и «Русская беседа», а также названные выше А.Д.Мейн и Л.С.Поляков. Занимали почетное место в Комитете душеприказчики В.А.Алексеевой М.С.Нагаткин и К.А.Казначеев. Были и примеры семейного участия: так, вдова, сын и дочь знаменитого профессора-терапевта Г.А.Захарьина пожертвовали средства на Музей (среди членов-учредителей Комитета была дочь профессора, А.Г.Подгорецкая). Почетными членами Комитета и жертвователями стали представители царской фамилии и среди них – великая княгиня Елизавета Федоровна, королева эллинов Ольга Константиновна и великий князь Павел Александрович. Председателем Комитета с самого начала согласился стать великий князь Сергей Александрович, что, вызывая неприятие одних (например П.М.Третьякова и К.Т.Солдатёнова), привлекало других. Всего в первые годы работы численность Комитета, не считая Правления Университета и городских руководителей, составляла свыше 80 человек, и это были люди среднего и старшего поколения. Самым молодым был тридцатилетний помощник секретаря Комитета, историк искусства, ранее упоминавшийся ученик Цветаева Н.И.Романов.

Многие из названных выше, как легко заметить, были людьми со взглядами от умеренных до крайне правых. Цветаевский проект привлек их, по-видимому, тем, что учебный музей, в основном посвященный искусству классическому, являлся выражением гуманистической традиции, безусловно общественно полезной и имеющей историческое будущее.

Не все члены Комитета обязательно вносили денежные пожертвования, они могли помогать его работе консультациями или личным трудом, как было указано в Положении. Также не все жертвователи становились членами Комитета.

Большинство жертвователей, знакомые с программой Музея в целом и выражая интерес к творчеству того или иного мастера, искусству той или иной эпохи, которые должны были получить отражение в экспозиции, исходили из предложений Цветаева. Получив их принципиальное согласие, он сам, учитывая заявленную сумму, отбирал в музеях нужные произведения и

заказывал с них слепки. Были и конкретно выраженные намерения – Ф.О.Шехтель, например, в 1898 г. предложил оплатить слепки с плит знаменитого фриза Пергамского алтаря (это осуществилось в 1904 г.). Были пожертвования и экспонатами – по инициативе великой княгини Ольги Константиновны в Афинах изготовили отливки с различных частей Эрехтейона, ряд скульптурных произведений эпохи Возрождения самолично заказала в Италии А.Г.Подгорецкая. Одним из наиболее капитальных дарителей стал Ю.С.Нечаев-Мальцов.

Начиная новое дело, ни Цветаев, ни университетское руководство, ни, тем более, остальные участники не предполагали, что устройство Музея затянется более чем на десять лет. Так, в 1900 г. казалось возможным окончить работы к августу 1904-го, в 1902 г. сроки открытия перенесли к 150-летию Университета в 1905 г., в 1904-м намечался уже 1907-й, затем – 1910-й... Непредвиденные, не зависящие от организаторов события и обстоятельства не позволили осуществиться этим планам.

На гофмейстера двора, 63-летнего холостяка Ю.С.Нечаева-Мальцова Цветаеву, согласно его дневниковой записи, указал вице-президент Академии художеств граф И.И.Толстой<sup>88</sup>. Это было в начале 1897 г. Кандидатура Нечаева-Мальцова как будущего жертвователя и возможного товарища председателя Комитета казалась заманчивой, однако высказывались и сомнения относительно его согласия. Трудно сказать, что в конце концов привлекло Нечаева-Мальцова в Комитет – память о Московском университете, юридический факультет которого он окончил в 1850-х гг., интерес к истории и искусству или убедительное письмо к нему Цветаева, а может быть, именно фигура великого князя Сергея Александровича во главе и внимание к Музею со стороны самого царя. Думается, все эти обстоятельства повлияли на его решение, определившее, как скоро стало ясно, жизнь университетского Музея на ближайшие годы. Важны здесь и человеческие качества Нечаева-Мальцова: создавая Комитет, Цветаев обращался в очень богатые московские семьи, где тоже были питомцы Московского университета, и встречал равнодушие и отказ в жертвованиях. По словам великого князя Сергея Александровича, «вступление Ю.С.Нечаева-Мальцова в Комитет произвело *революцию* в наших надеждах и в плане всего предприятия»<sup>89</sup>. Сначала Нечаев-Мальцов, подобно другим, вряд ли в полной мере предвидел масштаб затеваемого учреждения, и Музей занимал в его деловых планах не главное место. Со временем, как и для Цветаева, Музей приобрел для него первостепенное значение.

Нечаев-Мальцов был человеком необычной судьбы. С 1857 г. Ю.С.Нечаев, как он тогда именовался, состоял чиновником в Министерстве ино-



странных дел. Был образован, знал языки и по службе ездил в Берлин, Париж, Дармштадт. В декабре 1880 г. он внезапно разбогател, получив огромное наследство от дяди со стороны матери, камергера двора Ивана Сергеевича Мальцова<sup>90</sup> с обязательством присоединить к своей фамилии фамилию Мальцов<sup>91</sup>. Жизнь новоиспеченного миллионера резко изменилась. Мальцовский капитал в значительной мере заключался в стеклодельных заводах и бумагопрядильной фабрике, расположенных преимущественно возле селения Гусь Владимирской губернии, а также в Смоленской губернии, и это налагало на владельца серьезные обязательства, приходилось вникать в производство и учиться управлять сложным хозяйством. Заводы эти были известны и за рубежом, изящные изделия из цветного стекла получали награды на российских и зарубежных выставках. Нечаев-Мальцов проявил настойчивость и сумел продолжить и развить семейное дело, поведя его с размахом. Хрустальные изделия гусевского завода поступали в европейские музеи, а в 1900 г. на Всемирной Парижской выставке им была присуждена главная премия; в честь этого события по ходатайству Нечаева-Мальцова Гусь стал именоваться Гусем-Хрустальным.

Сменив в 1887 г. службу чиновника на придворное поприще, Нечаев-Мальцов жил в основном в столице, где имел роскошный, перестроенный по собственному вкусу особняк с зимним садом<sup>92</sup>. С ним жили его младший брат-холостяк, слабый здоровьем, и две незамужние сестры. По делам своего предприятия он часто разъезжал по Владимирской губернии, имел торговую контору в Москве. Был московским домовладельцем. Для поправки здоровья по зимам нередко отправлялся в теплые страны.

Интересы Степана Дмитриевича Нечаева (1792–1860), отца Нечаева-Мальцова, в прошлом обер-прокурора Святейшего Синода, были связаны с отечественной историей. Он проводил раскопки курганов Бронницкого уезда Московской губернии и публиковал их результаты; из находок в своем имении Сторожево недалеко от Куликова поля составил частный музей, писал научно-популярные статьи по истории Куликовской битвы. По его инициативе на собранные средства на месте битвы в 1850 г. воздвигнут памятный монумент (архитектор А.П.Брюллов). С 1816 г. был членом, затем – вице-президентом Общества истории и древностей российских. В селе Авдотьино, ранее принадлежавшем Н.И.Новикову, установил памятную доску на его могиле; в одном из флигелей усадьбы организовал богадельню. Занятия отца расширяли кругозор Нечаева-Мальцова и формировали его личность. Много лет спустя, в 1906 г., он вместе с братом Дмитрием Степановичем откроет в Москве на Шаболовке богадельню для неимущих дворян Московской губернии (архитектор Р.И.Клейн),

которую в память об отце назовет его именем и станет ее пожизненным попечителем.

Ко времени знакомства с Цветаевым Нечаев-Мальцов построил во Владимире, во исполнение воли дяди и на завещанный для этого капитал, Ремесленное училище им. И.С.Мальцова (1884 – 1885, инженер А.П.Максимов, архитектор Д.Н.Чичагов), попечителем которого стал; на свои средства – храм Св. Георгия в Гусе на 3 тысячи человек (проект Л.Н.Бенуа 1890 – 1892 гг., освящен в 1902 г.) и храм Св. великомученика Димитрия в память убиенных в Куликовской битве недалеко от Куликова поля, в селе Березовке Данковского уезда Рязанской губернии (архитектор А.Н.Померанцев, 1890-е гг.). Были и другие постройки. Понятно замечание Цветаева о Нечаеве-Мальцове как о «большом любителе строить». В 1880-е гг. он стал попечителем Дома трудолюбия в Рязани, почетным членом Николаевской детской больницы в Петербурге и многих других благотворительных обществ. В 1891 г. входил в Комитет для оказания помощи пострадавшим от неурожая, по делам которого ездил в Казанскую губернию. С 1886 г. Нечаев-Мальцов – почетный член особого отделения Ученого комитета по техническому и профессиональному образованию, в 1890-х гг. принимал участие в работе Министерства финансов по пересмотру железнодорожных и торговых тарифов, а с 1899-го – почетный член Совета торговли и мануфактур. С 1883 г. был членом, с 1903-го – вице-председателем Общества поощрения художеств. С 1895 г. являлся советником (членом совета) министра народного просвещения. В 1901 – 1907 гг. субсидировал издание журнала «Художественные сокровища России».

Коллекционером Нечаев-Мальцов в строгом смысле слова не был, но любил окружать себя произведениями искусства. В архитектуре предпочитал классику и «русский стиль», в котором выполнены построенные им храмы. Среди художников ему нравились Г.Семирадский и И.Айвазовский – они украшали его петербургский особняк; А.Куинджи; В.Васнецов – он создал для Георгиевского собора в Гусе картины, эскизы мозаик и иконостаса, его произведения были у Нечаева-Мальцова во Владимирском имении; И.Крамской – он написал в 1885 г. портрет Нечаева-Мальцова<sup>93</sup> и два заказанных им панно для ризницы церкви русского посольства в Копенгагене. По свидетельству современника, было у Нечаева-Мальцова несколько картин старых голландцев. А вот К.Коровин и А.Головин казались ему «декадентскими».

По сравнению с ним Цветаев был более терпим к современному искусству. Именно Головину он, по совету В.Д.Поленова, заказал в 1911 г. семиаршинное панно «Древнеэллиническое кладбище» для зала надгробных рельефов V – IV вв. до н.э.<sup>94</sup>. (Слепки с них подарил Музею Нечаев-Мальцов, но

поездку художника в Грецию для работы над панно оплатила А.Г.Подгорецкая.) Не раз говорил Цветаев одобрительно о скульптурах О.Родена и мечтал о слепках с них для Музея. Что Цветаеву не было близко, так это искусство барокко «с его формами насильственными, неестественными, искривленными»<sup>95</sup>, хотя слепки с произведений Бернини, по крайней мере в 1903 г., для Музея планировались<sup>96</sup>.

Ведя заседания Комитета, Нечаев-Мальцов выступал на них не только по строительным вопросам. Он находил время и для знакомства с научной литературой, рекомендованной по его просьбе Цветаевым, старался быть в курсе последних археологических открытий. О широте его интересов свидетельствуют, например, отчеты о годичных заседаниях Комитета по устройству Музея: «Товарищ Августейшего председателя Ю.С.Нечаев-Мальцов сделал научное сообщение, стоящее в связи с его путешествием в Грецию и касающееся раскопок, производимых в настоящее время на острове Эгине под руководством мюнхенского профессора Фуртвенглера. Ю.С.Нечаев-Мальцов далее коснулся новой теории директора Германского Археологического института в Афинах Дёрпфельда об отношении географии Ионического архипелага к географии того же архипелага у Гомера. В заключение Ю.С.Нечаев-Мальцов сообщил о заказанных им в Афинах слепках с известных Дипилонских погребальных ваз и о значении последних в истории искусства»<sup>97</sup>. Имелись в виду две амфоры с росписью в геометрическом стиле, относящиеся к Гомеровскому периоду (датируются VIII в. до н. э.), из афинского Национального археологического музея. Они служили надгробными памятниками могил афинской знати на некрополе у Дипилонских ворот. Годом ранее, 16 декабря 1900 г., Нечаев-Мальцов выступал перед членами Комитета в связи со своим заказом для Музея гальваноконий с золотых сосудов, погребальных масок, оружия и других предметов знаменитого Микенского клада, открытого Г.Шлиманом в 1876 г., знакомя присутствовавших с историей открытия и археологическим его значением. На другом заседании рассказывал о мозаиках венецианского собора Сан Марко, 12 копий с которых он также приобрел для Музея. Из писем видно, что Цветаев в свойственной ему деликатной форме всячески поощрял Нечаева-Мальцова в этих его научно-популярных выступлениях – подбирал, например, иллюстративный материал, который затем сам же демонстрировал во время доклада.

Профессора Цветаева и промышленника Нечаева-Мальцова, на первый взгляд, разделяло многое – происхождение, возраст, занятия и образ жизни. Работа над Музеем обнаружила их сходство. Оно заключалось в гражданской позиции и в той важной роли, которую отводили они искусству в образовании и воспитании. Если для Цветаева история искусства и преподавание

этого предмета были профессией, то от Нечаева-Мальцова требовалась значительная эрудиция и понимание важности дела, чтобы из года в год вкладывать в Музей крупные суммы. Характерная деталь: в мае 1903 г. Нечаев-Мальцов выражал недовольство тем, что Цветаев, заказывая в Италии слепки, «увлекся» и вышел за пределы первоначально намеченной суммы (около 60 тыс. франков, сумма точно оговорена не была), и Цветаеву пришлось терпеливо разъяснять и твердо отстаивать свой образ действий. С середины же следующего года, когда касса Комитета по устройству Музея опустела, строительство вплоть до 1908 г. полностью продолжалось на средства Нечаева-Мальцова (его ежегодный взнос – 120 тыс. руб.), причем, не желая огласки, он просил в отчетах Комитета именовать его «лицом, пожелавшим остаться неизвестным»<sup>98</sup>.

Развивая производство стекла у себя в имении, Нечаев-Мальцов, конечно, способствовал укреплению российской промышленности, но это было прежде всего его частным делом; когда он основывал училище, сооружал храмы, строил дома для рабочих, открывал богадельню, это все же носило местный характер. Создание с Цветаевым университетского, столичного, а по существу государственного музея оказалось в исторической перспективе наиболее общественно значимым предприятием Нечаева-Мальцова.

Заслуги Цветаева и Нечаева-Мальцова были оценены. В 1901 г. Цветаев, питомец Петербургского университета, стал его почетным членом, в 1903 г. был избран действительным членом Академии художеств, а в 1904-м – членом-корреспондентом Академии наук. Нечаев-Мальцов же с 1902 г. – почетный член Академии художеств, а с 1908-го – Московского археологического общества. Получил он и повышение по службе, о котором мечтал – в 1907 г., «к 50-летию государственной деятельности», был пожалован чином обергофмейстера «Высочайшего двора». Но вряд ли было бы справедливым, как это делали некоторые современники, выводить все сделанное им для Музея из одного лишь стремления к чинам и званиям.

Музей строился долго, и научная общественность и пресса проявляли к нему тем больший интерес, чем ближе дело подходило к завершению. Попытки же дать всестороннюю оценку новому учреждению стали появляться в печати после открытия Музея. Статья искусствоведа, художественного критика и писателя П.П. Муратова была опубликована в 1912 г. в журнале «Аполлон» по горячим следам события. Резко отрицательным тоном она выделяется из всего, что написано о Музее.

По-видимому, она выражала позицию журнала. Достаточно посмотреть программную редакционную статью за 1909 г. Автор ее, Сергей Маковский,

писал: «Широкий путь “аполлонизма”, который грезится нам, не может совпасть с легкой, утоптанной школьными учителями всех веков, дорожкой, ведущей к Парнасу и в холодные академические кумирни. <... > Лик грядущего Аполлона нельзя увидеть. Мы знаем только, что это лик – не греческий, с чертами застывшими в божественном иератизме, и не лик Возрождения, а современный, всеми предчувствиями новой культуры, нового человека овеванный лик. <... > Для искусства самое страшное – мертвый образ. Но нет ничего нужнее, насущнее идеала»<sup>99</sup>. Эти слова, говорившие в первую очередь о старом конфликте с Академией художеств и направленные против «застывшего» академического искусства, можно было при желании легко обратить и против учебного музея, подобного цветаевскому.

П.П.Муратов не сочувствовал цветаевскому просветительскому пафосу, и этому есть объяснение. Центром научного интереса Муратова было живое произведение искусства, изучаемое вместе с той средой, в которой оно возникло и существовало. Его отношение к произведению было личностным, стремившимся к проникновению в суть образа. Московский же Музей, построенный по историко-культурному, систематическому принципу, да еще состоящий в основном из копий, не давал полноты эстетическому чувству. Муратов, по-видимому, предпочитал музей монографический, а такой, где под одной крышей собраны многие памятники искусства разных эпох и народов, казался ему «исполинским кладбищем». С этой позиции и написана статья. В самом начале ее он оценивает Музей как «небывало и беспримерно широкое развитие обычного университетского вспомогательного кабинета при кафедре»<sup>100</sup>, которым он, по его мнению, и должен был оставаться.

Конечно, Цветаев создавал хрестоматию по истории главным образом являя (это то, что он считал реальным и необходимым сделать за оставшиеся ему годы жизни), но не учебник для одних студентов и не лабораторию для специалистов задумал он. Музей строился для Москвы и адресовывался широкому кругу зрителей, практически каждому, кто интересуется искусством. В представлении Цветаева он должен был быть торжественным, приподнятым над повседневностью, Музеем с большой буквы. Одним из основных условий успешного сбора пожертвований являлась именно публичность будущего Музея, а это определяло и его масштаб. Архитектурный облик здания должен был отвечать местоположению его на видном месте в самом центре Москвы и соответствовать его общественному назначению, чего архитектору удалось достигнуть. Был и элемент роскоши, внесенный Нечаевым-Мальцовым не столько деньгами, сколько «столичным», «дворцовым» вкусом. Цветаеву же хотелось, чтобы само здание стало учебным экспонатом.

Поэтому, например, в оформлении плафонов представлены различные архитектурные ордера и стили применительно к разделам экспозиции. Все это в статье Муратова поставлено в минус такому музею, который заключает в себе почти одни только гипсы.

Что касается древневосточной коллекции В.С.Голенищева, то о ней сказано, что «красота голенищевских предметов не является для музея первой необходимостью. Образовательные сведения по Египту он мог бы дать тем же путем, как и все другие даваемые им сведения – с помощью тех же гипсов и имитаций»<sup>101</sup>. И, несомненно, так бы оно и было, если бы не целый ряд счастливых для Музея обстоятельств, позволивших в конце концов Цветаеву и петербургскому востоковеду Б.А.Тураеву добиться помещения этой уникальной коллекции, купленной государством у владельца, в новый московский Музей. Но, поскольку эта обширная коллекция, как и любая, не обладала всеми наиболее известными памятниками, то экспозиция египетского и переднеазиатского залов были дополнены некоторым количеством слепков. Подобным же образом поступали и в других европейских музеях. При этом очевидно, что ни голенищевская коллекция, ни итальянские картины собрания М.С.Щекина не попали бы в Москву, будь на месте Музея скромный университетский кабинет. Упрек же Муратова относительно того, что устроители, сократив наполовину количество гипсов, могли бы приобрести на эти средства оригиналы античных рельефов и фрагменты скульптуры, поскольку Музей богат пожертвованиями, не основателен. Человеку, хотя бы немного знакомому с историей добывания этих самых жертвований, ясно, что ни Цветаев, ни кто-либо другой сразу всех этих денег не имел, и не известно было даже, сколько, когда и от кого их удастся получить. Формирование образовательного Музея оказалось бы тогда замененным поиском редких экспонатов. Сколько времени заняло бы это и чего удалось бы достигнуть? Устроители Музея все же ставили перед собой реальные цели и начинали с выполнимых задач.

Характерно, что идейный лидер «Аполлона» А.Н.Бенуа, не удовольствовавшись «разгромной» статьей Муратова, счел нужным лично высказаться в октябрьском номере петербургской газеты «Речь» за тот же 1912 г. и вслед за Муратовым писал о «выброшенных за окно» денежных средствах и о том, что можно было «приберечь истраченные деньги на то, чтобы обзавестись подлинными предметами, хотя бы расставив их на первых порах в самом скромном помещении»<sup>102</sup>.

Единственное, что считает достойным положительной оценки Муратов – это полнота и систематичность раздела древнегреческой пластики. К слову сказать, Цветаев стремился идти здесь, насколько позволяли обстоятельства,

в ногу с последними открытиями археологов. Так, в экспозиции впервые в России было представлено несколько копий с памятников вновь открытой минойской культуры из раскопок А.Эванса 1900-х гг. на Крите. Они датируются XVI в. до н.э.

Упомянувшийся выше Николай Ильич Романов, профессор Московского университета, историк искусства, директор Музея в 1923 – 1928 гг., говорит о Музее 12 лет спустя после открытия. Отдавая должное удачному подбору слепков со скульптуры более поздних эпох, хотя и в меньшем количестве, но зато в наиболее выдающихся памятниках, Романов отмечает как недостаток «отсутствие произведений европейского искусства XVII – XIX вв., которые по духу и отдельным чертам, естественно, более понятны и близки современным поколениям»<sup>103</sup>. С этим можно согласиться, но Цветаев, ограничивая на первое время хронологические рамки коллекции слепков XVI в., считал, что Музей, уже заключающий в себе такой значительный и интересный материал, пора открыть для публики с тем, чтобы в дальнейшем его дополнять.

«Сейчас музей интересуется многих, но едва ли он может привлечь чье-нибудь душевное расположение»<sup>104</sup>, – писал Муратов в 1912 г., а вот слова Романова 1924 – 1925 гг.: «Нельзя не признать, что он сразу вызвал огромный интерес посетителей и всегда пользовался их сочувствием. Посещаемость в праздничные дни достигала до 3000 человек. Огромное количество экскурсантов осматривали ежегодно Музей и получали объяснения от музейных лекторов-руководителей. Может показаться странным этот интерес к слепкам, бессильным в полной мере передать то обаяние, которое внушает нам оригинальная скульптура из бронзы и мрамора, но это отношение публики к Музею слепков становится понятным, если вспомнить как мало эстетических переживаний может дать Москва в области скульптуры. <... > В этих слепках открывался целый мир новых формально-эстетических впечатлений, совершенно чуждых рядовому москвичу и большинству посетителей Музея, не бывавших за границей»<sup>105</sup>.

Современная жизнь предоставляет человеку большие возможности в передвижении, но эти слова Романова остаются справедливыми и до сего дня<sup>106</sup>.

Всякому делу, когда оно закончено, критика идет только на пользу, поскольку выявляет как слабые, так и сильные его стороны. Сейчас понятно, что наука об искусстве включает в себя разные методы изучения. Время показало жизнеспособность самой просветительской идеи, заложенной Цветаевым в свое детище. Благородный импульс служения людям и науке и сейчас, через поколения, ощущается в музейных стенах и сообщает Музею притягательность и неповторимость. «Была бы любовь к делу да вера в Москву, – писал

Цветаев в 1895 г., – и музей искусств у нее будет. Самое трудное – в почине; почин сделан – остальное явится само собою в свой черед, при своих деятелях»<sup>107</sup>.

Московский Музей, который задумывался в начале 90-х гг. и строился 14 лет, открывшись в начале 1910-х, органично вписался в культурный контекст своего времени. В эти годы в русском искусстве на смену модерну пришла очередная волна интереса к классике – эпохе итальянского Возрождения и, особенно, к античности – ее формам, образам, мифологии. Художники, скульпторы искали и находили в ней созвучия современности. В архитектуре романтическое настроение соседствовало с вполне рациональным применением стилизованных антикизирующих мотивов и ордерной системы к новым типам зданий и в условиях новых строительных технологий. В этой ситуации университетский Музей со своей академической программой занимал как бы срединное положение, знаменуя научно-исследовательское отношение к наследию прошлого.

В дальнейшем Музей изящных, позже – изобразительных искусств внес свой вклад в правильное преподавание теории и истории искусства в Московском университете, способствовал развитию новой науки – искусствоведения и формированию специалистов. Музей изобразительных искусств по сей день остается единственным в стране, где существует уникальная, систематически подобранная экспозиция слепков главнейших произведений скульптуры и фрагментов архитектурных сооружений с древности до нового времени, где можно увидеть, например, копии с мозаик собора Сан Марко в Венеции, выполненные в размере и материале оригинала, знаменитый портик кариатид или известные в истории искусства порталы западноевропейских соборов. Однако следует признать, что не все из того, что Цветаев пытался донести до широкой публики, что должно было облагораживать душу, воспитывать вкус и смягчать нрав, в силу разных причин было ею востребовано. Взять хотя бы заботу Цветаева о стилистической чистоте и исторической верности архитектурных форм и убранства здания Музея или обширный подбор скульптур, особенно античных, выходящий за пределы современных учебных программ. Одним из объяснений здесь является преобладание в образовании на протяжении последних 85 лет уклона в сторону технических и прикладных наук при сужении общей гуманитарной подготовки в средних школах, в программах которых античная история, литература и искусство более не занимают центрального места и совсем отсутствует изучение древних языков.

Возможно, в другом историческом контексте этот капитал будет по-иному оценен и получит новое звучание.



Эпистолярная традиция в том значении, в котором она сложилась и существовала последние триста лет, давно уже заменяется новыми формами письменного общения, утрачивая такие, казалось, незыблемые атрибуты, как почерк и бумага, которая его сохраняла и доносила до адресата, а иногда и до отдаленного потомства. Письмо перестало быть реликвией, от него осталась лишь информативная сущность, и это изменило его бытование в повседневности. Длительное существование письма стало ненужным, а содержание оскудело. Поэтому навсегда останутся одной из ярких примет уходящей «рукописной» эпохи эпистолярные «монбланы», подобные цветаевской переписке.

Язык публикуемых ниже писем, написанных 100 лет назад, в основе своей не так уж сильно изменился и без труда понятен современному читателю. Это язык разговорный, приближающийся к литературному и научному – у Цветаева, и сухоовато-деловой, с оттенком бюрократическо-канцелярской речи, принятой в высших чиновных сферах, в письмах Нечаева-Мальцова. Некоторые элементы, распространенные тогда в лексике образованных кругов, но не существующие ныне, требовали пояснения. Так, например, в повседневной речи XIX века были весьма употребительны заимствования из церковно-славянского языка, что не удивительно – язык этот сопровождал человека всю жизнь: присутствие на богослужениях, чтение Святого Писания (заметим, что синодальный перевод Библии на русский язык был закончен только в 1876 г.), наконец, изучение этого языка в училищах и гимназиях было делом обычным. Немало ученых, и к ним принадлежал Иван Владимирович, были выходцами из священнического сословия. Все это делало старинный язык живым продолжением современного. К нему прибегали не только в цитатах из евангельских и библейских текстов, но и тогда, когда для передачи нужного оттенка или смысла лучше подходили именно эти архаичные слова. Еще одна особенность – насыщение речи аллюзиями и скрытыми цитатами из Святого Писания. Важным элементом речи была латынь, то есть отдельные широкоупотребительные латинские слова в русской транскрипции.

Мысль составить из своих писем к Нечаеву-Мальцову некую летопись создания Музея пришла Цветаеву, по-видимому, в 1900 г., когда он перестал вести дневник, начатый 3 февраля 1898 г. Последняя запись в дневнике посвящена описанию приема царем в Кремлевском дворце Клейна, Нечаева-Мальцова и Цветаева 7 апреля 1900 г. Дневник этот составлялся Цветаевым явно в расчете на потомков и отражает исключительно его хлопоты в связи с Музеем. В нем содержатся некоторые наблюдения и размышления Цветаева,

не попавшие в письма Нечаеву-Мальцову, и описания тех эпизодов, в которых тот принимал непосредственное участие, например церемонии закладки здания Музея, – понятно, что в письмах их также нет (по возможности, эти фрагменты, если они не публиковались ранее, включены нами в комментарии). Однако во многих случаях при сравнении писем Цветаева к Нечаеву-Мальцову с дневниковыми текстами заметно почти полное совпадение. Разница лишь в общей интонации – более личной в дневнике и иногда в более резких оценках людей и событий по сравнению с письмами, где присутствует желание попасть в тон с адресатом. Вести дневник и дальше Цветаев, за недостатком времени, видимо, посчитал нецелесообразным, тем более, что все равно оставлял у себя копии отосланных Нечаеву-Мальцову писем и открыток<sup>108</sup>. «Ему я пишу дневники»<sup>109</sup>, – так однажды Цветаев охарактеризовал свои подробные письма к Нечаеву-Мальцову.

Можно было, как делалось для лучшей сохранности ценных писем, переплести их в твердые обложки, составив подобие книг. Однако такие сборники разноформатных листков все-таки имели бы вид частной переписки и были бы неудобны при чтении. Для Цветаева же в данном случае было важно, чтобы письма, которым он отвел историческую роль, приобрели внушительный вид – были аккуратно, по хронологии, переписаны на листах плотной бумаги формата фолио и переплетены в большие тома. Возможно, мыслился и титульный лист, открывающий 1-й том и объясняющий содержание и значение писем. То обстоятельство, что письма, скопированные чужой рукой и не имеющие авторской подписи, утрачивают ценность автографа, Цветаев, видимо, счел здесь несущественным. Может быть, он думал и о возможности опубликования этих писем когда-нибудь в будущем, после него? Свидетельств об этом у нас нет.

Как бы там ни было, в силу различных обстоятельств техническое оформление этого гигантского рукописного «проекта» завершено не было. Сохранилось 14 томов разного объема, содержащих более 800 скопированных писем за октябрь 1898 – начало января 1912 г. Утрачено начало переписки с весны 1897 по сентябрь 1898 г. – 51 с половиной письмо по нумерации переписчика (из них удалось обнаружить три письма в писарских копиях среди бумаг в других документальных фондах Отдела рукописей). Нет писем за 1909 – 1910 гг. Несомненно, были, но не скопированы письма 1912 г. за месяцы, предшествовавшие открытию Музея. Существуют, возможно, и более мелкие лакуны. В рукописи, например, отсутствуют письма за июль – первую половину августа 1900 г. или за декабрь 1902 – первую половину января 1903 г., обычно же Цветаев писал Нечаеву-Мальцову 4–6 раз в месяц. Таким образом, общее количество томов могло доходить до 16–17. Оригиналов писем Цветаева

сохранилось ничтожно мало – 24 (21 и 3 собственноручных копии в его личном фонде), и среди них – 13 писем, случайно не скопированных (например за январь – начало февраля 1908 г.). Текстов своих телеграмм Цветаев копировать не отдавал, несколько из них имеются в черновиках. Что касается архива Нечаева-Мальцова, где могли бы сохраниться оригиналы цветаевских писем, то у нас нет сведений о его местонахождении. По сообщению местного краеведа, большая часть библиотеки, икон и семейного архива, хранившихся в нечаевском имении в селе Сторожеве (ныне село Полибино Данковского района Липецкой области), была сожжена зимой 1919 г., и среди погибших бумаг находились письма Цветаева, Хомякова, Васнецова<sup>10</sup>.

По переписке Цветаева устанавливается год – 1903, когда началось копирование писем. В этом деле участвовало, судя по почеркам, 8 человек, среди которых чиновник канцелярии Румянцевского музея И.В.Дмитриев, письмоводитель Комитета К.Ф.Иезбера, писарь Румянцевского музея К.С.Матвеев, родственница Цветаева – «медичка» Людмила Добротворская, ее подруга Саша. М.И.Цветаева называет участницей работы свою двоюродную сестру Тоню – Антонину Петровну Цветаеву, тоже студентку-медичку<sup>11</sup>. Определить имена всех не представляется возможным. Все выявленные автографы Цветаева, независимо от того, скопированы они или нет, публикуются по оригиналам с сохранением характерных графических особенностей цветаевской рукописи: разбивки на абзацы, выделений отдельных слов, частого использования тире. К сожалению, переписчики почти нигде не воспроизводили подобных, маловажных по их мнению, деталей, отчего текст потерял в своей выразительности, не говоря о своеобразном внешнем изяществе цветаевских писем, которого копии, конечно, не передают.

От Нечаева-Мальцова за период создания Музея сохранилось около 40 писем и свыше 80 телеграмм, адресованных Цветаеву. Составить из этого материала связную переписку удалось лишь в ряде случаев, и тем не менее составители сочли возможным поместить письма и телеграммы Цветаева и Нечаева-Мальцова в едином хронологическом порядке. Это хотя бы отчасти восстановило действительное положение вещей: появилось подобие диалога, точнее оказались зафиксированы во времени отдельные события и даты, ярче проступила разность характеров и темпераментов писавших.

Письма Нечаева-Мальцова к Цветаеву публикуются по его автографам по тому же принципу, что и цветаевские.

История поступления в ГМИИ копий цветаевских писем вкратце такова: в ноябре 1923 г. при разборке имущества ушедшего из Музея в 1916 г. А.В.Назаревского, ученика Цветаева, старшего хранителя Музея, а с октября

1913 г. – секретаря Комитета, было обнаружено 9 томов «дневников» Цветаева (так указано в акте)<sup>112</sup>. Характерна ошибка человека, не знакомого с историей Музея, которая тогда еще ни кем не была изучена, и не знавшего почерка Цветаева. Сегодня ясно, что это были публикуемые здесь письма. В 1947 г. у вдовы архитектора Р.И.Клейна, Надежды Николаевны, заведовавшей Научным архивом ГМИИ, было приобретено еще 240 писем Цветаева к Нечаеву-Мальцову. Копии писем за 1911 – начало 1912 г. выявлены при разборке документов, хранившихся в Музее, в 1949 г.<sup>113</sup>. В общей сложности они составили имеющиеся сейчас 14 томов.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> С 1924 г. – Государственный музей изящных искусств, с 1932 г. – Государственный музей изобразительных искусств, в 1937 г. присвоено имя А.С.Пушкина.

<sup>2</sup> В Петербургском университете существовал также факультет восточных языков.

<sup>3</sup> В 1884 г. существовала еще кафедра географии и этнографии, вскоре переведенная на физико-математический факультет.

<sup>4</sup> Одновременно с М.С.Корелиным, в 1889/90 г., два уникальных для этой кафедры курса по теории и истории музыки прочел музыковед, композитор и музыкальный педагог Ю.К.Арнольд.

<sup>5</sup> Опубл.: *Козеткова Г.К.* Дом Цветаевых. Иваново. 1993. С. 121–123.

<sup>6</sup> *Голенищев Владимир Семенович* (1856–1947), лингвист-египтолог, ассириолог, семитолог, коллекционер. В 1875 г. окончил факультет восточных языков (европейско-арабский раздел) СПб. университета. В 1880 – 1899 гг. служил в Эрмитаже, с 1886 г. в должности хранителя отделения египетских древностей. С 1920-х гг. – профессор Каирского университета, где основал кафедру египтологии, автор свыше пятидесяти монографий, статей и публикаций эпиграфического характера.

<sup>7</sup> См. письмо известного московского коллекционера С.И.Щукина от 10 января 1911 г. в ответ на обращение к нему Цветаева: «Не могу не отнестись с сочувствием к устройству особого отдела образцов французской скульптуры XIX века. Но, несмотря на все мое сочувствие Вашему делу, я не могу прийти Вам на помощь своими материальными средствами, так как и сам занят мыслью создать галерею произведений новой французской живописи, долженствующей стать достоянием города Москвы» (ОР ГМИИ, ф. 6, оп. I, ед. хр. 5626. Цит. по: *Демская А., Семенова Н. У Щукина, на Знаменке... [М.], 1993.*). Замысел этот Цветаев не оставил и в дальнейшем. На Ученом совете Музея 4 января 1912 г. обсуждался вопрос о приобретении «до 30 слепков с портретных бюстов наиболее замечательных мастеров Франции, Германии и Дании XVII – XX столетий», и, по предложению Б.А.Тураева – об устройстве отдельного зала для искусства христианского Востока и мусульманского мира (Там же, ф. 5, оп. I, ед. хр. 3, л. 1 об., 2).

<sup>8</sup> Миниатюрная группа «Богоматерь с Младенцем и Иоанном Крестителем» Я.Сансовино поступила в дар от великой княгини Елизаветы Федоровны в 1911 г. (см. комм. к письму 1); два мраморных бюста работы Дж.Б.Фоджини – от Д.А.Хомякова (см. комм.

к письму 35); археологом гр. А.А.Бобринским, с декабря 1913 г. ставшим товарищем председателя Комитета по устройству Музея, передано 19 художественных бронзовых изделий – канделябров и часов; коллекция рисунков (96 листов) старых европейских и русских мастеров С.В.Пенского – дар Г.А.Пенского через посредство Ф.О.Шехтеля. В Отчете Музея изящных искусств за 1913 г. фигурирует отделение христианского и мусульманского Востока в связи с приобретением коллекции среднеазиатской керамики XII – XV вв. и армянской орнаментированной рукописи (Отчет Императорского Московского университета за 1913 г. М., 1914. С. 79). Этот материал в советское время был передан во вновь созданный Государственный музей восточных культур.

<sup>9</sup> Согласно отчетам Музея изящных искусств имени императора Александра III Императорская археологическая комиссия передала в МИИ в 1913 г. Кишиневский (Бородинский) клад из 18 предметов и в 1914 г. – 108 памятников древности, найденных на Юге России (Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1913 год. Часть II. М., 1914. С. 78; за 1914 год. Часть II. М., 1915. С. 78). Ныне эти предметы хранятся в Государственном Историческом музее.

<sup>10</sup> Записка, читанная в годичном собрании Комитета музея 27 марта 1911 г. проф. И.Цветаевым. СПб., 1911. С. 73. *Щекин Михаил Сергеевич* (1871–192?), дипломат, коллекционер. В 1892 г. окончил Лазаревский институт восточных языков в Москве, с 1896 г. служил в МИД России: по 1907 г. включительно в Азиатском департаменте, затем в I департаменте, в 1908 – 1910 гг. – российский консул в Триесте, в 1911 – 1912 гг. – первый секретарь российского посольства в Китае, в 1913 – 1916 гг. – советник российского посольства в Японии. Передав в МИИ в ноябре 1909 г. свою коллекцию, продолжал ее пополнять вплоть до 1914 г. (ОР ГМИИ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 319; см. также Отчет Императорского Московского университета за 1912 г. М., 1913. С. 25).

<sup>11</sup> Восстановлена кафедра классической филологии была в 1934 г. на литературном факультете ИФЛИ.

<sup>12</sup> Музей все же заботился о пополнении своей коллекции слепков: в 1950-х гг., когда в ГМИИ временно хранилась подлинная античная скульптура из немецких музеев, переданная затем в ГДР, с некоторых произведений, отсутствовавших у Цветаева, были изготовлены копии.

<sup>13</sup> Из слепков упомянем два наиболее известных памятника эпиграфики – в Египетском зале экспонировался Розеттский камень, в Ассирийском – стела царя Хаммурапи (ныне оба слепка выставлены в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева). Вообще, образцы древней письменности занимали значительное место в экспозиции Египетского и Ассирийского залов: там были представлены в оригиналах надписи на черепках, каменных плитах, папирусах из собр. В.С.Голенищева – периодов Древнего, Среднего и Нового царств, эпох Ливийской, Саисской и греко-римской – иероглифика, иератическое и демотическое письмо, а также клинопись и коптская письменность.

<sup>14</sup> См.: *Сидорова Н.А.* Коллекция слепков отдела античного мира Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина // *Античное искусство в советском музеевдении*. Гос. Эрмитаж. Л., 1987. С. 96 – 108.

<sup>15</sup> Переписка об этом с Комитетом по делам искусств при Совете Министров СССР – Министерством культуры СССР и Исполкомом Моссовета длилась с 1946 г. (ОР ГМИИ, ф. 6, оп. IV, ед. хр. 18). Одновременно с цветаевской установили памятную доску и Р.И.Клейну.

<sup>16</sup> Некрасова Е.А. Из истории русской науки об искусстве. К 50-летию ГМИИ им. А.С.Пушкина//Вестник МГУ. № 3. М., 1962. Серия IX. История; Демская А.А. Памяти Ивана Владимировича Цветаева//Сообщения ГМИИ им. А.С.Пушкина. Вып. 3. М., 1966. См. также прим. 19.

<sup>17</sup> См. сборник, изданный к 900-летию Болонского университета: Lettere da Bologna. Le celebrazioni per l'VIII centenario dell'università di Bologna viste da Ivan Cvetaiev. A cura Pessina Longa H. Bologna, 1988.

<sup>18</sup> Гаулин М. Юрий Нечаев-Мальцев, обер-гофмейстер высочайшего двора//Жизнь (еженедельное приложение к газ. Известия). 1992. Февраль. №7 (111); Демская А.А. Меценат//Век. 1992. № 5; Демская А.А. Москва обязана ему музеем//Огонек. 1992. Май. № 20, 21; Кутейникова Н.С. Юрий Степанович Нечаев-Мальцев (1834–1913). Материалы к биографии//Знаточество, коллекционирование, меценатство. СПб., 1992; Кутейникова Н.С. Нечаев-Мальцев Ю.С., Ширинский-Шихматов А.А.//Коллекционеры, меценаты, благотворители. СПб., 1996; Кутейникова Н.С. Ю.С.Нечаев-Мальцев // Мозаика. К истории художественной жизни России 2-й половины XIX – начала XX веков. СПб., 1997; Арсеньев Н.М., Макушев А.А. Хрустальные короли России. Промышленное хозяйство и предпринимательская деятельность Мальцовых в XVIII – XIX веках. М., 2002.

<sup>19</sup> См.: История создания музея в переписке профессора И.В.Цветаева с архитектором Р.И.Клейном и других документах (1896–1912) / Авт.-сост.: А.А.Демская, Л.М.Смирнова. Из Архива ГМИИ. Т.1, 2. М., 1977; Демская А.А., Смирнова Л.М. История создания музея в переписке профессора И.В.Цветаева//Памятники культуры. Новые открытия. 1978. М., 1979; Демская А.А., Смирнова Л.М. Неосуществленная роспись Музея изящных искусств в Москве. Переписка И.В.Цветаева, В.Д.Поленова и П.В.Жуковского//Панорама искусств–78. М., 1979; И.В.Цветаев создает музей//Сост. и коммент.: А.А.Демская, Л.М.Смирнова; Вступ. ст.: Л.М.Смирнова. М., 1995.

<sup>20</sup> Каган Ю.М. И.В.Цветаев. Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1987.

<sup>21</sup> «Но беда, мой друг, в необыкновенной сложности этого характера. Скажи ему, попроси, посоветуй, – этого-то он и не делает, потому что не он это придумал, не он это решил» (Из письма И.В.Цветаева Р.И.Клейну 7 января 1906 г. ОР ГМИИ, ф. 8, оп. III, ед. хр. 268, л. 2об.).

<sup>22</sup> Из письма И.В.Цветаеву от 20 сентября 1911 г. (ОР ГМИИ, ф. 6, оп. I, ед. хр. 207).

<sup>23</sup> Например, с И.В.Помяловским переписка длилась с 1872 по 1904 г., с В.И.Модестовым – с 1873 по 1906 г.

<sup>24</sup> Тибулл, Альбий (50–19 до н. э.) – римский поэт-элегик.

<sup>25</sup> Из письма В.И.Модестову от 11/23 июля 1874 г. (НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 31-31об. Публикуется впервые).

<sup>26</sup> Эпиграфика – наука, изучающая древние надписи на твердом материале – камнях, керамике, кости, дереве, штукатурке.

<sup>27</sup> Люгебиль Карл Якимович (1830–1887), профессор греческой словесности Петербургского университета, помощник хранителя древности Эрмитажа и преподаватель Училища правоведения. Сохранилось 56 писем Люгебиль к Цветаеву за 1879 – 1887 гг. (ОР ГМИИ, ф. 6, оп. I, ед. хр. 1842–1849а, 1851, 1854–1865, 1867–1891, 1906–1914).

<sup>28</sup> Из письма В.И.Модестову от 11/23 июля 1874 г. (НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 31).

<sup>29</sup> Из письма В.И.Модестову от 9 декабря 1874 г. (Там же, л. 41об. Публикуется впервые).

<sup>30</sup> Из письма В.И.Модестову от 9 декабря 1874 г. (Там же, л. 39об. Публикуется впервые).

вые). В дальнейшем, уже в Московском университете, Цветаев обратился к творчеству Тибулла. См.: Альбий Тибулл и его произведения. Лекции, читанные в 1881/82 году профессором И.Цветаевым. Литографированное изд. (Архив РАН, ф. 695, оп. 3, д. 84).

<sup>31</sup> *Цветаев И.В.* Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг. М., 1883. С. I-II.

<sup>32</sup> Там же. С. 5. Связь Цветаева с итальянскими учеными более подробно рассмотрена в кн.: *Соснина Е.Б.* Итальянские версты Ивана Цветаева. Биографический очерк. Иваново, 2001.

<sup>33</sup> Там же. С. 140.

<sup>34</sup> Там же. С. 35.

<sup>35</sup> В 1873 – 1876 гг. Цветаев в качестве доцента преподавал римскую словесность в Варшавском университете, в 1876 г. избран доцентом университета Св. Владимира в Киеве, с 1877 г. – в Московском университете в должности доцента, с 1879 г. – экстраординарного, с 1885 г. – ординарного профессора.

<sup>36</sup> Из письма Н.И.Романова И.В.Цветаеву от 8 ноября 1900 г. (ОР ГМИИ, ф. 6, оп. I, ед. хр. 3446, л. 2. Публикуется впервые).

<sup>37</sup> *Модестов В.И.* Профессора и студенты в Греции и в Римской империи. СПб. ведомости, 27 февраля 1902 г. [Рецензия на кн. И.В.Цветаева «Из жизни высших школ Римской империи». М., 1902]. Об эпиграфических трудах Цветаева см. также: *Моисеева Т.А.* И.В.Цветаев и итальянская диалектология//Норция. (Проблемы истории древнейших классовых обществ европейского Средиземноморья. Вып. 1. Воронеж, 1971. С. 134–142. *Корыхалова Т.П.* Труды И.В.Цветаева по итальянской эпиграфике (К 125-летию со дня рождения)//ВДИ. 1973. № 2. С. 194 – 204.

<sup>38</sup> Формально Цветаев был принят хранителем Дашковского этнографического музея с 24 мая 1882 г. и в этой должности числился по 1 марта 1883 г., а с 1 марта 1883 г. до назначения директором музея 14 июня 1901 г. являлся хранителем отделения изящных искусств и классических древностей. См.: Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве. 1862 – 1912. Исторический очерк. М., 1913. С. XXIV – XXV. Однако в письме к П.Л.Лобко Цветаев писал: «Мера прикомандирований практикуется с самого начала его (Румянцевского музея. – М.А.) существования в Москве – и сам я, 18 лет назад, определен был в Этнографическое отделение, а работал в Гравюрном» (ОР ГМИИ, ф. 6, оп. I, ед. хр. 4632а, л. 2об.).

<sup>39</sup> Из письма В.И.Модестову от 18 мая 1884 г. (НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 202-202об. Публикуется впервые).

<sup>40</sup> См. комм. 4 к письму 148.

<sup>41</sup> Из письма В.И.Модестову от 21 марта 1887 г. (НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 221об.).

<sup>42</sup> См. комм. 2 к письму 160.

<sup>43</sup> Из письма Ю.С.Нечаеву-Мальцову от 28 марта 1904 г. (ОР ГМИИ, ф. 6, оп. I, ед. хр. 4709, л. 1 об. - 2 об.).

<sup>44</sup> Из письма В.И.Модестову от 31 января 1902 г. (НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 379. Публикуется впервые); см. также письмо 299 наст. изд. и комм. 2 к нему.

<sup>45</sup> См., например, у В.И.Вернадского, обучавшегося в одесской гимназии в 1873 – 1875 гг., а затем, в 1876 – 1881 гг. – в петербургской: «Главным несчастьем являлся мертвый дух преподавания, огромное количество времени, которое тратилось на древние языки, преподававшиеся исключительно плохо. Трудно помянуть это преподавание чем-нибудь

хорошим, хотя среди учителей классических мертвых языков в нашей гимназии были лично порядочные люди, м.б. даже имевшие познания в древних языках, но эти познания они не могли передать нам, т.к. не умели говорить по-русски, не отличались умом и строго держались официальных рамок программы, исказившей прекрасный великий мир Эллады, ее науку, литературу, искусство, разрушившей те стороны истории Рима, которые до сих пор жили в нашей жизни. Гимназическое преподавание эпохи Толстого было классическим лишь по названию. Главным несчастьем было то, что в общем преподавании древних языков в то время в России были или, как у нас, чужие люди, сторонние русской жизни и интересов нашей страны и потому бессознательно добросовестно исполнявшие антинациональную программу, или чиновники-полицейские, которым никакого дела не было до идейных заданий школы, более или менее добросовестно исполнявшие предписания такого же, как и они, начальства. Несомненно, других исполнителей этой полицейской классической системы Толстого и нельзя было найти» («Из прошлого». Февр. 1916. *Вернадский В.И.* Страницы автобиографии. М., 1981. С. 24 – 25). Иная оценка толстовской реформы дана в кн.: *Известьева Г.П.* Классическое образование в России XIX века. М., 2003. Продолжение этой темы см. в комм. к письму 331.

<sup>46</sup> *Милюков П.* Университет//Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. СПб., 1902. Т. XXXIV. С. 799.

<sup>47</sup> Из письма В.И.Модестову от 5 декабря 1888 г. (НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 228об.).

<sup>48</sup> Из письма Ю.С.Нечаеву-Мальцову от 22 июня 1904 г. (ОР ГМИИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 5172).

<sup>49</sup> *Цветаев И.В.* Записка о введении латинского языка в реальные училища и о допущении учеников реальных училищ в университеты. Приложение к Циркуляру по Московскому учебному округу, 1899. См. также письмо 331 и комм. 2 к нему.

<sup>50</sup> *Соколов Федор Федорович* (1841–1909), специалист по эллинской эпиграфике, профессор (с 1865 г.) историко-филологического факультета Петербургского университета, читал курс древней истории, а также греческие государственные и религиозные древности.

<sup>51</sup> Из письма В.И.Модестову (НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 238–238об. Публикуется впервые).

<sup>52</sup> См., например, письма Цветаева И.В.Помяловскому из Италии от 27 и 29 июня и 1 и 5 июля 1889 г. (ОР НРБ, ф. 608. Опубл.: *Соснина Е.Б.* Музы Трехпрудного переулка. Москва – Иваново. 2005. С. 157 – 168).

<sup>53</sup> «Дело, задуманное лет 9 назад во время пребывания в Риме в очень скромных размерах, которые требовали сначала десятка тысяч руб., росло, множилось, ширилось, тучнело, пока волею неисповедимых судеб не объявилось – страшно нам, филологам, вымолвить – миллионным предприятием» (Из письма В.И.Модестову от 9 июня 1898 г. НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 329об. Публикуется впервые). Об этом же см.: *Аксененко М.Б.* И.В.Цветаев и В.И.Модестов (По материалам переписки двух ученых)//«Все в груди слилось и спелось...» Пятая Цветаевская международная научно-тематическая конференция (9 – 11 октября 1997 г.): Сб. докл. М., 1998. С. 108–120. Ср. воспоминания Марины Цветаевой об отце, опубликованные в Париже в 1933 г., где мечта о Музее отнесена к годам его юности: *Цветаева М.И.* Об искусстве. М., 1991. С. 242.

<sup>54</sup> Фактически перемещен на кафедру теории и истории искусств с 21 апреля 1889 г. См. формулярный список И.В.Цветаева (ЦИАМ, ф. 418, оп. 487, д. 425, л. 9 об.). Перей-



дя на кафедру теории и истории искусств, Цветаев по специальному поручению факультета еще несколько раз повторил читавшийся им ранее курс по латинской литературе.

<sup>55</sup> Дело бывших Министра народного просвещения тайного советника А.Н.Шварца и Директора Румянцевского музея тайного советника И.В.Цветаева, заслуженных профессоров Императорского Московского университета. Лейпциг. 1911. С. 24.

<sup>56</sup> См.: ОР ГМИИ, ф. 1, оп. II, ед. хр. 1, 2.

<sup>57</sup> О классицизме, европеизме и народности. Вступительное чтение исправляющего должность адъюнкта Леонтьева// Московские ведомости. 1847. № 129, 130. С. 12, 16.

<sup>58</sup> Устройство Античного музея при Императорском Московском университете. Речь, произнесенная на Первом съезде русских художников и любителей художеств в Москве 24 апреля 1894 г. проф. И.Цветаевым. М., 1894. С. 5. Перечень слепков см.: ЦИАМ, ф. 418, оп. 20, д. 40, л. 19, 20.

<sup>59</sup> К.К.Гёрц прочел свою пробную лекцию в апреле 1857 г. и оставался «частным преподавателем» вплоть до 1870 г. (см.: *Малеин А.И.* К.К.Гёрц. СПб., 1912) – в эти годы по отчетам Университета кафедра теории и истории искусства числилась вакантной. Лишь в 1870 г. по избранию Совета Университета приват-доцент Гёрц определен доцентом по этой кафедре.

<sup>60</sup> Устройство Античного музея при Императорском Московском университете. . . С. 6.

<sup>61</sup> Гёрц К.К. Об основании художественного музея в Москве//Московские ведомости. 1858. Январь. № 1. Отд. оттиск см.: ОР ГМИИ, ф. 6, оп. IV, ед. хр. 20.

<sup>62</sup> См.: ЦИАМ, ф. 459, оп. 2, д. 2362, л. 1 – 3. Цитированный текст публикуется впервые.

<sup>63</sup> Отчет по Московскому Публичному музею от времени его основания до 1 января 1864 года. СПб., 1864. С. 76.

<sup>64</sup> Великая княгиня Елена Павловна (1806–1873), жена великого князя Михаила Павловича, в девичестве Фредерика-Шарлотта-Мария, принцесса Вюртембергская.

<sup>65</sup> См.: ЦИАМ, ф. 418, оп. 40, д. 159, л. 3.

<sup>66</sup> Цветаев И.В. Комитет для устройства в Москве Музея античного искусства при Императорском Московском университете. М., 1893. С. 3.

<sup>67</sup> Там же. С. 1–2.

<sup>68</sup> Там же. С. 2.

<sup>69</sup> Цветаев И.В. Устройство Музея античного искусства при Московском университете//Московские ведомости. 1893. 21 октября. № 290. С. 3.

<sup>70</sup> Название отделения в те годы официально еще не употреблялось. На историко-филологическом факультете Университета с начала 1906 – 1907 академического года были разработаны учебные планы по 11 группам предметов. Выбор группы предоставлялся студентам со времени поступления на факультет. Группа истории искусств и археологии обозначалась латинской буквой К, но организацию ее отложили до 1909 г. Обучение в ней состояло из следующих курсов: I. Пропедевтические курсы: по психологии, логике, обзору философских проблем, затем следовал коллоквиум. II. Основные курсы: эстетика на основах психологии и данных этнографии, история эстетических учений, историография искусства, история и методы археологии, история восточного, греко-римского (два курса), древнехристианского и византийского искусства, а также история искусства средневекового, эпохи Возрождения, XVI – XVII и XVIII – XIX вв. Русскому искусству отводилось также два курса. III. Просеминиари: по литературным источникам, или по надписям, или по истории науки, а также по толкованию памятников.

IV. Семинарии: по греко-римскому искусству, по искусству древнехристианскому, или византийскому, или средневековому, по искусству эпохи Возрождения и XVI – XVII вв., по искусству XVIII – XIX вв., по русскому искусству. V. Вспомогательные курсы: первобытные культуры, история Греции и Рима, история Средних веков, история русской культуры, римские бытовые и религиозные древности с обязательным колоквиумом. В выработке этой программы активное участие принимал приват-доцент кафедры Н.И. Романов. Эта обширная программа, впрочем, в реальности выполнялась лишь частично из-за недостатка преподавательских кадров.

<sup>71</sup> Подробнее см.: *Конькова Г.И.* Собрание слепков Санкт-Петербургской Академии художеств и его роль в становлении академической художественной школы // Сборник материалов научной всероссийской юбилейной конференции «Учебный художественный музей и современный художественный процесс». СПб., 1997. С. 141 и сл.

<sup>72</sup> ОР ГМИИ, ф. 6, оп. I, ед. хр. 5076 б.

<sup>73</sup> *Цветаев И.В.* Гейнрих Брунн. По поводу избрания его в почетные члены Императорского Московского университета // Филологическое обозрение. 1893. Т. V. Кн. 2. Отд. 1. С. 201.

<sup>74</sup> Русские ведомости. 1894. 21 марта. № 79. С. 3. Стб. 3 – 4. За подписью «И.В.». См. эту статью в Приложениях к наст. изд.

<sup>75</sup> Из письма В.И. Модестову от 31 марта 1895 г. (НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 298. Публикуется впервые).

<sup>76</sup> Двухэтажное здание «Больничного корпуса» до начала 1880-х гг. использовалось по своему прямому назначению, т.е. было больницей. С началом строительства на Девичьем поле университетских клиник его отдали под Зоологический музей и музей гипсовых слепков. Снесено в 1898 г. при возведении существующего ныне здания Зоологического музея.

<sup>77</sup> Из письма В. И. Модестову от 26 мая 1895 г. (Там же, л. 302).

<sup>78</sup> См. комм. к телеграмме 17.

<sup>79</sup> Из письма В.И. Модестову от марта 1897 г. (НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 296 об.). Цветаев цитирует стих из дошедшего до нас только в цитатах произведения римского комедиографа III до н.э. Цецилия Стация в переводе В.И. Модестова.

<sup>80</sup> О поездке Цветаева в 1895 г. в европейские музеи см. его отчет историко-филологическому факультету в Приложении.

<sup>81</sup> ОР ГМИИ, ф. 1, оп. II, ед. хр. 145, л. 3, 4. Перечень участников конкурса, чьи проекты были удостоены наград, и распределение наград см. в комм. 21 к письму 1.

<sup>82</sup> Воспоминания И.И. Рерберга (ОР ГМИИ, ф. 73, оп. I, ед. хр. 1, л. 96). *Ильин М.А.* Москва. М., 1963. С. 339. *Иконников А.В.* Каменная летопись Москвы. М., 1978. С. 142–143. Зодчие Москвы времени эклектики, модерна и неоклассицизма (1830-е–1917). Иллюстрированный биографический словарь. М., 1998. С. 134–136.

<sup>83</sup> *Сахарова Е.В.* Василий Дмитриевич Поленов. Письма, дневники, воспоминания. Изд. 2-е. М.; Л., 1950. С. 444.

<sup>84</sup> Средние торговые ряды на Красной площади для оптовой торговли были построены по проекту Р.И. Клейна в 1891–1892 гг., открыты в 1894 г. Цитату см.: ОР ГМИИ, ф. 8, оп. III, ед. хр. 55, л. 1.

<sup>85</sup> Учрежденный П.Г. Шелапутиным в 1888 г. при Московском университете Гинекологический институт для врачей имени его матери Александры Петровны Шелапутиной.

<sup>86</sup> Из письма П.Г.[Шелупутину] от 13 апреля 1897 г. (ОР ГМИИ, ф. 6, оп. I, ед. хр. 4623. Публикуется впервые).

<sup>87</sup> Из письма С.А.[Булочкину] (?) от 14 апреля 1897 г. (ОР ГМИИ, ф. 6, оп. I, ед. хр. 4624, л. 2–4. Публикуется впервые).

<sup>88</sup> Дневник И.В.Цветаева, запись от 27 апреля 1899 г. (ОР ГМИИ, ф. 6, оп. II, ед. хр. 18, с. 283).

<sup>89</sup> Цит. по: Музей изящных искусств имени Императора Александра III в Москве. 1907 г./ Записка заслуженного профессора тайного советника Цветаева о заслугах гофмейстера Нечаева-Мальцова по Музею Изящных Искусств Императора Александра III в Москве. (К 50-летию его государственной службы). М., 1907. С. 3.

<sup>90</sup> *Мальцов Иван Сергеевич* (1807–1880), старший сын промышленника С.А.Мальцова. В 1828 – 1829 гг. – секретарь русской дипломатической миссии в Тегеране, возглавлявшейся А.С.Грибоедовым, единственный из русских, спасшийся при ее разгроме. Владелец стекольных заводов, производивших более трети стекольной и хрустальной продукции в России, член Мануфактурного совета Министерства финансов. О нем см.: *Шостакович С.В.* О секретаре грибоедовской миссии Иване Сергеевиче Мальцове // *Труды Иркутского гос. университета. Т. XXV. Серия ист.- эконом. Вып. 1. Иркутск, 1958. С. 137 – 147; Арсеньев Н.М., Макушев А.А.* Хрустальные короли России. Промышленное хозяйство и предпринимательская деятельность Мальцовых в XVIII – XIX веках. М., 2002.

<sup>91</sup> Фамилия Нечаева-Мальцова в современной литературе встречается в написании через *е* в слове Мальцов. Мы не знаем сегодня наверняка, как при жизни Юрия Степановича произносилась фамилия Мальцов – с ударением на первом или на втором слоге. По свидетельству А.И.Цветаевой, ударение приходилось на *а*. В этом случае ясно, что безударное *о* при произношении редуцируется, превращаясь в *е*. Напрашиваются аналогии превращения безударного *о* в *е* в других фамилиях, например Коковцев вместо Коковцов, Румянцев вместо Румянцов. Однако дело в том, что существовала и фамилия Мальцев. Эти Мальцевы не являлись родственниками Мальцовых. Возможно, поэтому сам Юрий Степанович считал этот вопрос генеалогически важным и настаивал на точном написании, о чем до наших дней дошли воспоминания очевидцев. Поэтому как в письмах и документах того времени, в том числе и в публикуемых здесь, так и по большей части в печати, фамилия его всегда писалась через *о*. Составители данной публикации придерживаются правильного, хотя, может быть, и более архаичного написания.

<sup>92</sup> Описание его см. в Дневнике И.В.Цветаева (комм. 2 к письму 43).

<sup>93</sup> СПб., 1885, х., м., 78 х 64,5. Хранится в ГМИИ, пост. в 1947 г. через ГЗК, КП 63785, инв. № 3240.

<sup>94</sup> Погибло при пожаре во время бомбардировки в ночь с 6 на 7 августа 1941 г. (ОР ГМИИ, ф. 5, оп. I, ед. хр. 1484, л. 1).

<sup>95</sup> *Цветаев И.В.* Памяти княгини З.А.Волконской // *Московские ведомости.* 1898. 24 марта. № 82.

<sup>96</sup> См. письмо Ю.С.Нечаеву-Мальцову от 18 марта 1903 г. (ОР ГМИИ, ф. 6, оп. I, ед. хр. 5076г). Планы эти не осуществились.

<sup>97</sup> Речь, произнесенная в годичном заседании Комитета Музея 20 февраля 1902 г. проф. И.Цветаевым. М., 1902. С. III – IV.

<sup>98</sup> Отчет и речь, читанные в годичном заседании Комитета Музея 29 ноября 1904 г. проф. И.Цветаевым. М., 1905. С. 130.

<sup>99</sup> *Маковский С.К.* Вступление//Аполлон. 1909. № 1. С. 3 – 4.

<sup>100</sup> *Муратов П.П.* Музей изящных искусств в Москве//Аполлон. 1912. № 9. С. 43.

<sup>101</sup> Там же. С. 43 – 44.

<sup>102</sup> Художественные письма. Выставка Отечественной войны и московский музей Александра III. //Речь (СПб.). 1912. 5 октября. № 273. С. 2. Стб. 1 – 5.

<sup>103</sup> *Романов Н.И.* Реорганизация Музея изящных искусств//Жизнь Музея. Бюллетень Государственного музея изящных искусств. М., 1925. № 1. С. 4.

<sup>104</sup> Там же. С. 44.

<sup>105</sup> Там же. С. 4.

<sup>106</sup> Реакция Цветаева на муратовскую статью нам не известна.

<sup>107</sup> Из письма В.И. Модестову от 26 мая 1895 г. (НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 303–304).

<sup>108</sup> Сохранился один образец такой копии – несколько писем подряд переписаны рукой Цветаева на двойных сшитых листах, при этом обращения и подпись опущены (ОР ГМИИ, ф. 6, оп. I, ед. хр. 4710). Кстати, с дневника, который велся в толстых тетрадях (рукописный оригинал см.: НИОР РГБ, ф. 324, к. 1, ед. хр. 1–4), скорее всего, по указанию Цветаева также была снята копия, но уже машинописная. Именно по ней и приводятся все цитаты в настоящем издании.

<sup>109</sup> Из письма Р.И.Клейну от 3 июня 1904 г.//История создания музея в переписке профессора И.В.Цветаева с архитектором Р.И.Клейном и других документах (1896–1912)/Авт.-сост.: А.А.Демская, Л.М.Смирнова. Из Архива ГМИИ. М., 1977. Т. 1. С. 156.

<sup>110</sup> Письмо от 4 декабря 1978 г. (ОР ГМИИ, колл. XXI, ед. хр. 46).

<sup>111</sup> *Цветаева М.И.* Сочинения. Т. 2, М., 1980. С. 12.

<sup>112</sup> ГА РФ, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 199, л. 25 – 25об.

<sup>113</sup> См.: акт № 695 от 5 сентября 1947 г. на передачу в ГМИИ материалов из Гос. Закупочной комиссии (ОР ГМИИ, ф. 5, оп. XII, ед. хр. 43, л. 10 –11а; КП № 2496/49).

## От публикаторов

Письма Цветаева к Нечаеву-Мальцову известны преимущественно в рукописных копиях, сделанных по заказу самого Цветаева в виде книг большого формата на плотной бумаге (сохранились 14 томов в Отделе рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина, начальная книга не уцелела). Они и составляют основной источник данной публикации. Обращения к адресату в начале писем и прощальные строки в этих книгах всюду отсутствуют, год в датировке указан не при каждом письме, а лишь в качестве заголовка к целой большой группе. Состояние текста (пробелы, оставленные переписчиками для не разобранных слов, ошибки в иностранных словах и выражениях и т.п.) свидетельствует, что копии не были прочитаны автором. Рукописные книги содержат исключительно письма Цветаева. Его телеграммы, а также письма и телеграммы Нечаева-Мальцова публикуются по другим источникам (всякий раз обозначенным в комментарии) и включены в сквозную нумерацию, в связи с чем номера, данные письмам Цветаева переписчиками, опускаются.

В настоящем томе печатаются без каких-либо сокращений все письма из первых 5 сохранившихся книг указанной рукописи, за исключением последних 6 номеров, которые войдут в следующий том.

При публикации восстановлена хронологическая последовательность писем, иногда по недосмотру нарушенная переписчиками. Эти случаи оговариваются в комментариях. Номера книг и листов в комментариях не указываются, вместо этого приводится номер, под которым соответствующее письмо числится в описи ОР ГМИИ.

Перед текстом каждого письма справа курсивом публикаторами проставлены дата и место написания письма; слева воспроизводится дата автора. Все даты даны по старому стилю, за исключением писем из-за границы, которые у авторов бывают датированы и по старому, и по новому стилю (до 1900 г. разница между старым и новым стилем составляла 12 дней,

с марта 1900 г. – 13). По старому стилю выдержаны и даты в комментариях, в том числе применительно к зарубежным событиям до 1918 г.

Публикуемые тексты приведены в соответствие с правилами современной орфографии и пунктуации, но с сохранением тех архаических написаний, которые могут отражать реальное произношение соответствующих слов автором («счастье», «рукою» и т.п.). В тех письмах, которые печатаются по копии, разбивка на абзацы принадлежит публикаторам. Мы сочли возможным это сделать для удобства читателя, так как сличение названной копии с немногими сохранившимися оригиналами показывает, что переписчики не воспроизводили графическое оформление авторского текста (абзацы, отступы, подчеркивания и т.п.).

Публикаторами сохранена существовавшая в цветаевское время традиция написания с заглавной буквы титулов царствующих особ и названий высших государственных учреждений Российской империи.

Ошибки переписчиков в тех случаях, когда правильное чтение не подлежит сомнению, исправлены без оговорок; оставленные пробелы по возможности восполнены. Сокращенно написанные слова приводятся полностью – за исключением общепонятных или ясных из контекста. Все дополнения публикаторов даны в тексте писем в квадратных скобках.

В подстраничных сносках даются принадлежащие публикаторам переводы иноязычных слов и выражений, объясняются малоупотребительные в настоящее время слова, а также цитаты из Библии.

Документы, публикуемые или цитируемые в комментарии, воспроизводятся по тем же принципам, что и письма; необходимые краткие пояснения вставлены прямо в текст в квадратных скобках. Купюры внутри цитаты обозначаются многоточием в угловых скобках: <... >.

В тех случаях (а их большинство), когда в комментарии не указано место хранения публикуемого или цитируемого документа, подразумевается, что он находится в ОР ГМИИ.

В указателе имен полужирным шрифтом выделены те страницы, где даны биографические сведения.

ПЕРЕПИСКА  
1897 – 1902

1897

1. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

24 апреля 1897, Москва

Милостивый государь  
Юрий Степанович.

Попечитель Московского учебного округа Н.П.Боголепов, изложив в письме<sup>1</sup> ходатайство пред Вашим превосходительством о соизволении Вашем вступить в число членов-учредителей Комитета для устройства Музея изящных искусств имени Императора Александра III при Московском университете<sup>2</sup>, поручил мне составить для Вашего превосходительства краткую Записку о задачах Музея и о способах его организации.

Во исполнение сего предложения, препровождая при сем главнейшие сведения по этому делу, почитаю своим долгом усерднейше просить Ваше превосходительство принять их милостиво и, в качестве прежнего питомца Московского университета<sup>3</sup>, почтить организуемый им Комитет Вашим авторитетным участием.

Вопрос о Музее изящных искусств, составленном при участии и руководительстве Московского университета, где кафедра эстетики существовала с прошлого столетия<sup>4</sup>, поднят был еще в 1830 году княгиней Зинаидою Волконской, М.П.Погодиным и С.П.Шевыревым<sup>5</sup>; но тогда он не мог быть продвинут далее платонических мечтаний и оживленных бесед в аристократических и профессорских кругах Москвы и частью Петербурга. В последующее затем время не раз мечтали об учреждении Музея скульптуры в гипсовых слепках, моделей знаменитейших памятников зодчества, пособий по истории живописи, с собранием классических художественных и бытовых древностей, а равно мелких древностей Средних веков и эпохи Возрождения и со специальной историко-художественной библиотекою – профессора Московского университета Ф.И.Буслаев, П.М.Леонтьев и К.К.Гёрг<sup>6</sup>, и каждый из них, по мере сил, хотя и в очень скромных размерах, готовил научные и художественные коллекции будущего Музея изящных искусств.

Счастливее это дело пошло в последние годы, когда сознание чрезвычайной важности развития художественного вкуса и эстетических понятий в среде нашего юношества и общества стало проникать в печать и в население Москвы<sup>7</sup>. Давнишняя мысль Московского университета о Музее искусств, систематически, полно и в исторической последовательности составленном, стала мало-помалу осуществляться в действительности и при-



влекла милостивое внимание Их Императорских Высочеств Великого Князя Сергея Александровича и Великой Княгини Елисаветы Феодоровны<sup>8</sup>; позднее будущий Музей удостоен был особою милостию Государя Императора<sup>9</sup>, по представлении о нем Августейшего московского генерал-губернатора. Одновременно с сим Московская городская дума отвела Музею место на Колымажной площади, близ храма Спасителя, по Волхонке<sup>10</sup>, и было решено наименовать Музей «Александровским» в память Государя Александра Александровича<sup>11</sup>. Закладка здания в стиле древнегреческом назначена Его Высочеством на май месяц следующего 1898 года, когда будут в Москве Государь Император и двор<sup>12</sup>. *Закладка* предполагается торжественная.

Ввиду всех этих, столь благоприятных обстоятельств, в Университете постановлено учредить особый Комитет для устройства Музея, составив его прежде всего из наиболее видных в государственной жизни питомцев Московского университета. При этом постановлении, на первых же порах, еще в момент составления проекта Положения о Комитете, в профессорском круге высказано было намерение обратиться с ходатайством о вступлении в члены-учредители Музея к Вашему превосходительству как одному из наиболее славных государственных деятелей на поприще промышленности, стоящей в непосредственной связи с областию искусства, как к лицу, создавшему целое замечательное по организации учебное заведение технического характера и построившему на своем веку несколько изящнейших монументальных храмов и капитальных сооружений<sup>13</sup>. Не откажите, Ваше превосходительство, в соизволении Вашем вступить в среду, организуемую Московским университетом. Я счастлив тем, что мне выпала честь быть выразителем, вместе с г. попечителем округа, этих просьб и желаний профессорской коллегии Московского университета.

Вашего превосходительства покорный слуга  
профессор И.ЦВЕТАЕВ

Его превосходительству  
господину члену Совета министра народного просвещения,  
гофмейстеру<sup>14</sup> двора Его Императорского Величества  
Юрию Степановичу Нечаеву-Мальцову

Вследствие поручения г. попечителя Московского учебного округа имею честь представить Вашему превосходительству главнейшие сведения о Музее изящных искусств имени Императора Александра III, организуемом

при Императорском Московском университете, об его задачах, размерах, средствах и способах его организации.

I.

МУЗЕЙ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ имеет своим назначением представить в историческом порядке судьбы скульптуры, зодчества и живописи у древних и новых народов и доставить студентам и публике все средства к изучению искусств, к облагораживанию их вкусов и развитию в них эстетических воззрений.

1.

СКУЛЬПТУРА будет изображена в Музее в гипсовых слепках, делаемых в натуральную величину оригиналов и с математической точностью в лучших мастерских Западной Европы, преимущественно же в самих государственных и частных музеях, где хранятся знаменитые оригиналы. Множество статуй, групп, рельефов и бюстов уже прибыло в Москву для будущего Музея из Лувра, Британского музея, Мюнхенской глиптотеки, дрезденского Альбертинума, из берлинского Королевского музея, из Национального музея в Неаполе, из Ватикана и других музеев Рима. Скульптура в лучших и главнейших памятниках будет расположена в Музее по странам и историческим эпохам: 1) Египет, 2) Ассирия и Древняя Персия, 3) Греция в различные периоды процветания ее искусств, 4) Рим, 5) Средние века, 6) эпоха Возрождения и 7) Новые времена и народы<sup>15</sup>.

Этот скульптурный Музей, в таком виде и в таких размерах, будет первым примером в России, создаваемым по образцу лучших европейских и американских музеев гипсовых слепков. До сих пор музея такого рода, столь полного и систематического, в России не было. Лишним было бы прибавлять, что здесь собраны будут не только образцы монументальной скульптуры, но также и наиболее замечательные примеры скульптурной орнаментики – как древних, так и новых народов.

2.

АРХИТЕКТУРА. Зодчество древних и новых времен в Александровском музее предполагается представить в моделях храмов, театров, мест общественных собраний, частных сооружений и домов. Главное внимание при выборе материала будет обращено на существенные отличия памятников и стилей строительного искусства, в разные исторические времена, у разных народов Востока, в Греции, Риме и в Византии, в Европе Средних веков и эпохи Возрождения.

Некоторые модели храмов и различных общественных построек в Древней Греции и Риме уже получены Московским университетом<sup>16</sup> и ждут лишь достойного помещения в связи со скульптурою. Местами приобретения

моделей этого рода служат для Московского университета Вена, Дрезден, Париж, Неаполь и Рим.

## 3.

В отделе ЖИВОПИСИ будет обращено особое внимание на составление собрания пособий для изучения этого искусства в его истории, каковы фотографии, рисунки, гравюры, художественные издания различных европейских галерей, отдельные увражи, посвященные той или другой школе живописи или тому или другому великому мастеру. Весь этот обширный материал будет расположен в ряде небольших кабинетов по народностям, школам и мастерам<sup>17</sup>. Живопись классической древности в Помпеях, Геркулануме, Риме предполагается представить в художественных копиях, снятых с оригиналов. Для живописи римских катакомб уже имеется обширное собрание картонов кисти русского художника Ф.П.Реймана<sup>18</sup>, работающего в подземельях Рима уже 9 лет, по заказу профессора Цветаева и К.С.Попова<sup>19</sup>.

## 4.

АНТИКВАРИЙ МУЗЕЯ. В этом отделении предполагается поместить Нумизматический кабинет\*, собрание камней и художественных медалей, бронзы в виде бюстов, статуэток, рельефных досок, предметов домашнего и общественного быта у древних народов, в Средние века и в эпоху Возрождения. Здесь уже занимают место геркуланские и помпейские бронзы Неаполитанского музея в художественных репродукциях лучших итальянских ателье. Начало этого любопытного собрания положено дарами Московскому университету со стороны московских граждан из прежних воспитанников Московского университета<sup>20</sup>.

## 5.

БИБЛИОТЕКА МУЗЕЯ. При Музее библиотека будет иметь специальный, историко-художественный характер. Здесь предполагается сосредоточивать всю существенно важную литературу для изучения искусства и быта древних и новых народов: атласы, художественные увражи, обширные издания памятников искусств, литературную разработку истории искусства в трудах общего характера и в специальных монографиях на всех главнейших языках. При библиотеке предполагается устроить читальный зал для студентов и публики, для которой должен быть открыт Музей ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней. Начало библиотеки этого рода Университетом уже сделано, остается лишь неуклонно идти по этому практикой намеченному пути.

\* Здесь в уст. значении: коллекция. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примет. публикаторов.)

## 6.

АУДИТОРИЯ МУЗЕЯ. Преподавание истории искусств, с развитием фотографии и усовершенствованиями в области техники требует в настоящее время особых приспособлений. На это обращено будет при устройстве специальной аудитории Музея преимущественное внимание. Ввиду возможности чтения публичных курсов по истории и различным отдельным вопросам искусства, аудитория Музея должна быть поместительна и снабжена всеми лучшими акустическими условиями.

## II.

Таковы задачи и состав Александровского музея изящных искусств при Московском университете. Обширная программа, которую нам пришлось, в интересах дела, начертать для этого учреждения, определила и соответственный размер будущего здания Музея. Отсутствие необходимой для него земли на собственной территории Университета побудило Совет Московского университета обратиться с ходатайством в Московскую городскую думу об отводе места под это учреждение, которое предназначено служить не только студентам, но и всей московской публике. Московское городское управление, при содействии Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича, отвело для Музея имени Императора Александра III превосходный кусок земли на площади бывшего Колымажного двора, на Волхонке, близ храма Христа Спасителя, выставив при этом условие, чтобы новый московский музей открыт был бесплатно не только в будни, но и в воскресные дни, не только в течение академического года, но и в течение летних месяцев.

Августейшее наименование Музея, драгоценное место, отведенное под здание Музея вблизи храма Спасителя, и назначение самого учреждения служить эстетическому развитию нашего общества выдвинуло на первый план вопрос об особо изящной форме и достаточных размерах здания Музея. С этой целью Московский университет обратился с ходатайством к Императорской Академии художеств о выработке соответственных проектов фасадов здания и наиболее целесообразного плана. Академия путем архитектурного конкурса вызвала 19 проектов и из них 7 признала удовлетворительными, удостоив из них 3 проекта денежных премий, 2 проекта золотых и 2 проекта серебряных медалей<sup>21</sup>.

Награжденные проекты в настоящее время пересланы из Петербурга Московскому университету.

Изящное по архитектурному стилю и достаточно обширное здание потребовало от Московского университета особых материальных средств. Не имея оных в своем распоряжении, Московский университет решил

обратиться к общественной благотворительности. Распространение сведений о задачах и пользах Музея в московском обществе привлекло внимание видных благотворителей, из коих одни приносили средства для научных и художественных коллекций Музея, другие направили свои жертвы на сооружение музейского здания. (В числе жертвователей состоят кн. А.А.Щербатов, П.М.Третьяков, К.Т.Солдатёнков, Л.С.Поляков, К.С.Попов, А.Д.Мейн, Д.Ф.Самарин, Д.И.Иловыйский, С.Т.Морозов, М.Ф.Морозова и душеприказчики В.А.Алексеевой, принесшие Университету 150 000 рублей на начало работ по сооружению здания<sup>22</sup>.)

Для устройства и оборудования здания Музея постановлено Московским университетом учредить особый Комитет под председательством Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича, уже изъявившего на то свое милостивое согласие. Цель и организация Комитета изложены мною в проекте Положения этого учреждения, препровожденном Вашему превосходительству г. попечителем Московского учебного округа, где на первое время предположено возвести лишь передний корпус<sup>23</sup> Музея с достойным фасадом в сторону Волхонки, отступя от нее настолько, чтобы перед Музеем можно было раскинуть здесь изящный скверик.

Заведующий Музеем  
ординарный профессор<sup>24</sup> Московского университета,  
действительный статский советник  
[И.ЦВЕТАЕВ]

## 2. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

*28 апреля 1897, Петербург*

Милостивый государь Иван Владимирович,

Усердно благодарю Вас за Ваше ко мне письмо от 24 сего апреля и за мастерски составленную записку о Музее изящных искусств, да благословит Бог благое начало. Вместе с тем прошу Вас отложить вопрос о моем слабом участии до приезда моего в Москву<sup>1</sup>, который предполагается в начале мая, о сем писал я и многоуважаемому Николаю Павловичу [Боголепову].

С глубоким уважением Нечаев-Мальцов.  
СПб., 28 апр. 1897

## 3. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

*8 октября 1897, Москва*

Юрий Степанович Нечаев-Мальцов просит его превосходительство Ивана Владимировича Цветаева сделать ему одолжение приехать к нему

завтра, 9-е октября, он очень извиняется, что не сам пишет по причине болезненного состояния.

8-е октября 1897 год. «Славянский базар»<sup>1</sup>.

#### 4. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

15 окт. 1897 г.

15 октября 1897, Москва

Многоуважаемый Иван Владимирович,

Хотя бы мне было очень желательно угодить Вам, но мне очень нужно ехать в Петербург, и я назначил свой отъезд на завтра, четверг, со скорым поездом.

К сожалению, я не могу быть у профессора Зверева<sup>1</sup>, с которым весьма желал бы познакомиться.

К Вашим услугам с нелестною преданностью всегда готовый

Юр. Нечаев-Мальцов

#### 5. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

20 ноября 1897, Рязань<sup>1</sup>

Надеюсь быть в Москве завтра пятницу

Нечаев-Мальцов

#### 6. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

22 ноября 1897, Москва

Сейчас нашел записку кн. В.М.Голицына<sup>1</sup>: *не желает быть*.

Что касается Влад[имира] Мих[айловича] Истомина, Ал[ександра] Дан[иловича] Мейна, Степанова и Трубецкого<sup>2</sup>, то их можно и следовало бы пригласить<sup>3</sup>, если мы не опоздали.

Весь Ваш

Нечаев-Мальцов

#### 7. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

Каир, 23 декабря 1897 г. / 4 января 1898 г.

23 декабря 1897, Каир

Милостивый государь Иван Владимирович,

Имею честь уведомить Вас, что я приобрел 12 мозаичных картин<sup>1</sup>, копий с старинных, находящихся в Венеции в базилике Св. евангелиста Марка, в приделе Св. Зенона, наверху, над апсидой. Они сделаны под руководством реставраторов базилики и находились вверху самой церкви в помещении, отведенном под реставрационные работы. Эти картины взяты из жизни св. Марка.

Отправить их в Москву, на имя Императорского университета, поручил я известному издателю венецианских древностей, Онганио<sup>2</sup>. Беру смелость просить Ваше превосходительство присоединить эти картины к собраниям нашего будущего Музея.

По получении же накладной и счета экспедиторских и провозных расходов соблаговолите переслать этот счет в московскую мою контору для его оплаты; о чем я от сего числа делаю распоряжение.

С совершенным почтением и преданностию

Юр. Нечаев-Мальцов

### 8. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

Каир, 31 декабря 1897 г. / 12 января 1898

31 декабря 1897, Каир

Многоуважаемый Иван Владимирович,

Сейчас я получил два Ваших запоздалых письма от 6 и 8 с[его] м[есяца].

Мысль о распространении в публике знания о Музее весьма правильна, и потому издание отдельной брошюры было бы полезно<sup>1</sup>, но разрешите мне выразить мое мнение: мне кажется, что статья, напечатанная в газетах, для этого будет недостаточна; надо добавить объяснение той пользы, которую ожидать должно от Музея в научном и общеобразовательном отношении: то есть для учащихся и для жителей столицы.

У меня, странно сказать в мои лета, страшно разболелись зубы, и пока я сижу дома, читаю Масперо<sup>2</sup> и выбираю из каталога музея в Гизе, бывшем Булакском, что поинтереснее. Мне бы хотелось поднести Музею копию самого интересного предмета каждой династии от Менеса до калифов<sup>3</sup>; мавры оставили мало интересного. Пока я приобрел в музее подлинную модель лодки с гребцами, из гробницы Мери, вероятно, XVIII династии, которая служила двойнику<sup>4</sup> покойника для перехода к новой жизни.

Дней через десять еду в Асуан, за Филе нет ничего интересного<sup>5</sup>, [кроме] разве остатков коптского христианства.

Вполне жела[ю] Вам успеха и прошу верить глубокому уважению и преданности

Нечаева-Мальцова.

Расходы по напечатанию брош[юры] прошу позволения принять на мой счет.

Тот же.

1898

**9. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ**

Каир, 9/21 января 1898 г.

*9 января 1898, Каир*

Милостивый государь Иван Владимирович,

Покорнейше прошу Ваше превосходительство, по получении лодки (наос)<sup>1</sup> и счетов экспедитора в Московском университете, препроводить сии последние, если к этому Вы не изволите встретить препятствия, в московскую мою контору для оплаты, куда я пишу одновременно с сим.

С совершенным почтением и преданностью

Юр. Нечаев-Мальцов

**10. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

Января 17 дня 1898 г.

*17 января 1898, Москва*

Милостивый государь Юрий Степанович,

Известие Вашего превосходительства из Каира от 9/21 сего января об отпращивании нового дара Вашего Музею изящных искусств имени Императора Александра III при Московском университете я имел честь получить, ныне бумагою доношу о том Правлению Университета и, по прибытии сюда древнеегипетской лодки погребального культа, счета экспедитора, согласно Вашей воле, препровожу в Вашу московскую контору. При сем почтительнейше прошу разрешения оставить вскрытие до Вашего возвращения.

Прошу, Ваше превосходительство, принять уверение в глубочайшем уважении и беспредельной признательности<sup>1</sup>.

**11. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ**

Каир, 12 / 24 марта 1898

*12 марта 1898, Каир*

Многоуважаемый Иван Владимирович,

Вернувшись из Вади-Альфы<sup>1</sup>, я нашел целую массу Ваших писем<sup>2</sup>, которые я прочел с глубокою Вам признательностью за труд, Вами на себя принятый, так подробно и обстоятельно извещать меня о ходе дела Вашего Музея. Отвечать теперь на многие из них было бы анахронизмом. Не могу, однако, скрыть искренней и глубокой благодарности к Великому Князю и его супруге за благосклонную и милостивую память обо мне.



Здоровье мое, под влиянием климата, значительно окрепло; но врачи не советуют перенестись прямо из-под тропиков чуть не под полярный круг, а потому я решил ехать отсюда, на этой еще неделе, в Иерусалим, там отговорить и встретить Пасху<sup>3</sup>. Хотелось бы на возвратном пути заехать в Дамаск и Балбек<sup>4</sup>, но это очень сомнительно. Из Иерусалима предполагаю держать путь на Константинополь, Вену и Берлин, для совещания с доктором Лейденом<sup>5</sup>. Клейна<sup>6</sup> я не видал. В Вади-Альфа я встретил Кука<sup>7</sup> и просил его уступить мне модель храма в Эдфу<sup>8</sup>, но он мне отказал, ссылаясь на то, что это не его личная, а компанейская собственность, весьма для нее полезная как реклама в зале, где продают билеты туристам, едущим на Нил. Вообще с русскими там не очень ласковы, меня не пустили в Бербер, уже по готовой железной дороге, утверждая, что дорога занята для военных целей<sup>9</sup>. Из Каира я уже отправил в Музей мои люксорские покупки<sup>10</sup>. Сегодня отправляю купленные мною рисунки, точные копии в красках с разных стел, и четыре папируса иероглифного письма, которые Брукш-бей<sup>11</sup> собственноручно развернул и расклеил. Теперь еще один мой папирус, который не готов расклеивать, и коллекция фотографий, о которой Вы мне изволили писать, но значительно пополненная по клише, принадлежащим музею, – это будет самая полная коллекция в мире. Брукш-бей отправил уже 19 ящик[ов] снимков\* с 38 предметами, список им к сему прилагаю. Остается почти столько же неготовых<sup>12</sup>, но раскрашивать их он не взялся. Да не испортило ли бы это снимки. В музее Гизе есть гипсовые снимки с замечательных произведений, находящихся в других музеях, но их не раскрашивали и не полировали.

Если Вам не будет угодно лишить меня Вашей, столь для меня дорогой, переписки, то до новой перемены сообразовите адресовать Ваши письма Jérusalem, recommandé aux soins obligeants du Consulat Général de Russie\*\*. Вообще же С[ергей] Ив[анович] Щегляев<sup>13</sup> всегда знает, где я, так как о сем я его извещаю всегда по телеграфу.

Сердечно преданный Нечаев-Мальцов

## 12. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

12 – 16 марта 1898

12 – 16 марта 1898, Петербург – Москва

Милостивый государь,  
глубокопочтимый Юрий Степанович,

После неоднократных расспросов Великого Князя<sup>1</sup> о Вас, Вашем здоровье, месте жительства на далекой полосе земли, времени Вашего возвращения

\* Уст. копий; эд. в значении «слепков».

\*\* Иерусалим, заказное с просьбой передать через Генеральное Российское консульство (фр.).

в Петербург и после неоднократных сожалений Его Высочества, что Вас нет в настоящее время с нами, когда наступила пора представления проекта Музея Государю<sup>2</sup>, решено было воспользоваться для этого поездкою Их Высочеств в Петербург и, по испрошении на то соизволения Государя, вызвать автора проекта, архитектора Клейна<sup>3</sup>, и меня для дачи объяснений.

Утром 8-го мы оба получили распоряжение отправиться с ближайшим поездом, а вечером того же дня мы были уже в дороге. В понедельник, 9-го, я оставил письмо В.К.Истомину в Сергиевском дворце<sup>4</sup>, 10-го получил известие, что Великий Князь накануне уже сообщил Императору о прибытии проекта и что Государь примет нас или 12-го, в четверг, или 13-го, в пятницу. В силу этого мы должны были ждать дальнейших указаний.

Вчера, 11-го, прислан был чиновник генерал-губернаторской канцелярии г. Гжельский<sup>5</sup> с оповещением, что Государь назначил обзор проекта на 2 часа нынешнего дня и что мы с своими ящиками должны быть у такого-то подъезда к часу. Там будет поджидать нас полицмейстер Зимнего дворца, полковник Истомин, брат Владимира Константиновича, нашего неустанного пособника и доброжелателя.

Взявши ванну, принявши праздничный вид и забравши громоздкие ящики с собою, в сопровождении артельщика, мы прибыли в указанное время к назначенному подъезду с набережной<sup>6</sup>. Но полиция уличная нас здесь не пустила, указав нам проехать двором назад<sup>7</sup>, в сторону Дворцовой площади, на какой-то Полицейский подъезд<sup>8</sup>. Полковник Истомин ждал нас с Невы, а мы ждали его в его канцелярии. Побежали к нему, он ускоренным шагом перебежал весь дворец и, когда ящики были раскрыты, он повел нас в кабинет Его Величества через подъезд Государыни<sup>9</sup>. К 1/2 второго мы были в «биллиардной»<sup>10</sup>, где Государь приказал расставить и разложить рисунки и чертежи. Распределивши весь материал по местам, фасады, разрез и перспективу лестницы расставивши по дивану и по стульям около окон, чтобы придать им боковое освещение, и разложивши планы на биллиарде, мы возвратились в японский кабинет Его Величества, тот самый, где, как нам сказали, министры ожидают очереди своих докладов, и здесь должны были ждать выхода к нам Великого Князя.

Прием отложен был на 2 1/2 часа<sup>11</sup> – и потому мы с Клейном имели возможность осмотреться и успокоиться от первого впечатления новой и наиболее высокой в мире обстановки. Рассматривали картины и японскую часть кабинета, собирались быть спокойными и не путать титулов Государя и Великого Князя, неподобающим образом употребляя слова «величество» и «высочество», что, при смущении, сделать так легко.

За 5 минут до назначенного срока вышел к нам Великий Князь и сообщил нам, что министр финансов<sup>12</sup> был у него вчера с согласием на отпуск 200 000 руб. в пособие на здание Музея, что об этом сейчас будет речь перед Государем и что Государь очень интересуется Музеем.

Пробило  $\frac{1}{2}$  часа третьего, через несколько секунд дверь в бильярдную отворилась и Государь вышел из внутренних покоев к нам. Мы низко поклонились и были затем Великим Князем представлены. Его Величество, подавая нам руку, особенно внимательно остановился взором на лице Клейна. Пристально посмотрев на него во время представления, Он, переходя к рисункам, снова повернулся к нему и еще раз внимательно взглянул Клейну в лицо.

Звонят, кто-то вошел, стучат в дверь. Отлагаю письмо.

13-го марта

Обзор рисунков начался с главного фасада. Общий вид его с колоннадой внизу понравился Государю, который расспрашивал, по какому образцу древности он составлен. Когда было доложено, что колонны и антаблемент заимствованы у Эрехтейона в Афинах, Его Величество заметил, что он был на Акрополе и помнит его развалины<sup>13</sup>. Дальнейшие вопросы Государя были о размерах колоннады, глубине ее центральной части, представляющей выступ, и боковых ее частей. При обсуждении художественных достоинств главного фасада, Его Высочество Великий Князь доложил Государю, что красота его значительно вырастет в действительности, при исполнении колонн и при облицовке его из камня, что последняя мысль поставлена гофмейстером Ю.С.Нечаевым-Мальцовым и что у нас есть надежда на дар этого каменного фасада Музею с его стороны. Государь, обратившись к Р.И.Клейну и ко мне, с улыбкою сказал: «Поздравляю, Нечаеву-Мальцову есть из чего сделать этот фасад. Какой камень будет употреблен в дело?» Я должен был ответить, что в Москве употребляется для облицовки «радомский песчаник», что им облицован памятник Императора Александра II в Кремле и Верхние торговые ряды<sup>14</sup>. Его Величество поинтересовался затем вопросом, почему этот камень называется «радомским»<sup>15</sup>.

Когда, отойдя несколько назад, Государь еще раз взглянул на фасад и похвалил его, настала очередь бокового фасада. Здесь прежде всего остановил внимание Императора вопрос о верхнем освещении 2-го этажа. Государь спросил нас, видели ли мы новый Музей Александра III в Петербурге, где устроено такое освещение через потолки в двух больших залах<sup>16</sup>. Второй Его Величества вопрос был о том, до какого пункта на боковых сторонах Музея будет каменная облицовка. Великий Князь, согласно прежним указаниям

Клейна, обозначил тот выступ, который даст возможность ограничиться передней частью в облицовке боковых стен, оставивши заднюю часть их лишь оштукатуренной<sup>17</sup>.

От боковых фасадов Государь перешел к разрезу здания и остановился как на лестнице, очень понравившейся Ему в проекте, так и на большом центральном зале, к которому ведет эта лестница. В последние дни, как передал мне В. К. Истомина, у Великого Князя возникла мысль<sup>18</sup> назначить этот зал, – не имеющий доколе\* специального характера и пока называвшийся нами *salle d'honneur\*\**, где должна стоять статуя Императора Александра III, имя которого будет присвоено Музею, – под статуи и бюсты из мрамора и бронзы славнейших деятелей русской науки, литературы и искусств. Это может [быть] как бы Пантеон русской славы в области высшей культуры<sup>19</sup>. Здесь же вокруг статуи Императора Александра Александровича будут поставлены бюсты главных благодетелей Музея, на память потомству. Эта мысль встретила сочувствие и одобрение Государя, посоветовавшего разработать ее подробно, а самый список лиц, удостоиваемых этой высокой чести (такое соединение портретных изображений в мраморе и бронзе будет только одно в России), составлять не торопясь и осмотрительно. Рассматривая перспективу лестницы, Государь спросил меня, как и чем предполагается ее облицевать и отделать. Я ответил, что мы мечтаем о мраморе и каменных колоннах верхней галереи. На это Великий Князь заметил, что в крайнем случае можно, конечно, ограничиться и имитацией мрамора из стука.

Осмотревши большие чертежи, Его Величество пожелал, чтобы представлены были и подробно объяснены планы всех внутренних помещений здания. Планы были разложены на биллиарде, и потому Государь рассматривал их, облокотясь на сукно биллиарда, в наклонном положении. Сначала подробно был пройден 1-й этаж, причем Император интересовался каждым залом, каждым кабинетом, расспрашивая о их назначениях и коллекциях. Когда зашла речь об Египетском зале, было доложено о Ваших трудах и попечениях по организации этого отделения и о первой посылке Вашей из Каира. То же необычайное внимание Государь оказал и 2-му этажу Музея, поинтересовавшись, где будет помещен век Фидия<sup>20</sup>, какие скульптуры будут заключать зал, названный в плане «Эллинистическим» и предназначенный нами для школ Пергамской, Родосской и Александрийской, действовавших со смерти Александра Македонского до покорения Греции и Востока

\* *доколе* – покуда (В. И. Даль).

\*\* парадный зал, *бука*: зал чести (*фр.*).

Римом<sup>21</sup>. Рассматривая план Римского зала, Его Величество спросил, будет ли представлено здесь и начало христианства. Этот вопрос послужил поводом для Великого Князя к докладу о

14 марта 1898

бесценной коллекции картонов нашего художника Ф.П.Реймана, работающего 10-й год в римских катакомбах и доставившего нам свыше 100 картин, не имеющих себе соперников в мире. Император поинтересовался судьбою этого отшельника, прославляющего русское имя. Я должен был обрисовать эту удивительную личность. Государь пожелал видеть коллекцию его картонов<sup>22</sup>. – При обозрении отделения Средних веков было доложено о мозаическом фризе из собора Св. Марка в Венеции, принесенном в дар Музею Вами. – Когда дошла очередь до эпохи Возрождения, Государь спросил, с какой поры мы начнем этот период и займут ли итальянцы этой эпохи и в нашем Музее главное место, в данном отделении. – Затем следовал вопрос Государя Клейну о стенах системы Монье<sup>23</sup>.

Окончив рассмотрение планов, Император поставил вопрос о коллекциях Музея. Я должен был доложить по чертежам планов, какие части или уже совершенно заполнены, или значительно богаты. На днях я получил предложение скульптур Парфенона и эпохи Возрождения от семейства покойного Захарьина<sup>24</sup>. Когда пошел доклад об этих залах и я назвал этот дар, Государь спросил, идет ли здесь речь о семье покойного профессора? Великий Князь, не знавший об этом даре, попенял тут же мне, почему я не доложил ему об этом раньше. Но это произошло уже по отъезде Их Высочеств в Петербург.

Последний вопрос Императора был о суммах, какие находятся в нашем распоряжении на постройку Музея. Когда я назвал сумму в 200 000 руб., Великий Князь сказал: «Теперь уже можно считать, что мы имеем 400 000 руб.; министр финансов согласен на отпуск в 200 000 на пособие Музею». Продолжая речь Его Высочества, я доложил Императору, что эта сумма со стороны казны получает в глазах наших тем большее значение, так как этим выражается санкция высшей власти наших стремлений, после этой милости никто уже не скажет, что Музей – только наша мечта, утопия, химера. Государь снова повторил свое сочувствие нашей задаче и затем, приняв от меня Записку о Музее, напечатанную к этому случаю и имеющую в извлечении появиться в «Новом времени»<sup>25</sup> на этих днях (я уже держал ее корректуру). Он поздравил Клейна с художественным успехом и пожелал нам счастливого продолжения и окончания дела. Записка послужила поводом для Великого Князя сообщить Государю, что минувшей весной мне поручено было составить также записку для Его Величества по вопросу о месте

памятника Александра III в Москве<sup>26</sup>. Император припомнил ее содержание и сказал: «Мысль, которую Вы там развиваете, вполне отвечает Моему желанию; это – и Моя мысль».

15 марта, Москва

Когда Государь удалился, Великий Князь поздравил нас с большим успехом, указав, как много внимания оказал нашему делу Его Величество. После этого мы возвратились в японский кабинет, прислуга взяла наши рисунки, и мы прежним путем вышли из дворца. Нам было сказано, что аудиенция была необычайно продолжительна, длившись 32 минуты, как записано было в придворном журнале. Нам затем пришлось быть в канцелярии М[инистерст]ва двора, где между прочим объяснили нам, что это был «доклад» по специальному делу, а не обыкновенная аудиенция, потому Государь и принимал в апартаментах кабинета, в простенькой серой тужурке, своем рабочем костюме. М[инистерст]во двора сообщило телеграмму в Русское телеграфное агентство<sup>27</sup>, которое и оповестило Москву нынешний день.

13-го числа я был у В.К.Истомина: он в восторге от впечатления Государя. Великий Князь также необычайно доволен нашим приемом, доказавшим особо милостивое отношение Императора к Музею. Присутствие Его Величества на закладке здания в конце августа теперь уже не может подлежать никакому сомнению. А это событие много поднимет значение всего предприятия в глазах Москвы и целой России. Отпуская меня, Владимир Константинович передал мне, что Великий Князь и после приема вспоминал Вас, сожалея о Вашем отсутствии в данный момент. По мнению Его Высочества, Вам, по возвращении в Петербург, необходимо будет представиться Государю в звании товарища председателя нашего Комитета.

16 марта

Комитет получил высочайшее утверждение 28 февраля. Телеграммы известили о том Москву, пришла в Университет и бумага из М[инистерст]ва нар[одного] просв[ещения]. Пора бы и открывать его; но мы не знаем, как начать действия без Вас как активного председателя. Когда Вы возвратитесь, глубокочтимый Юрий Степанович? Нам всем так искренне хочется открыть работы Комитета в Вашем присутствии. Без Вас не собиралось ни одного предварительного собрания. Ректор П.А. Некрасов<sup>28</sup> сделался попечителем округа, Н.А.Зверев ректором Университета: оба теперь погружены в свои новые обязанности. Но все-таки надеюсь убедить их пустить дело в Думу о земле<sup>29</sup> еще до Пасхи. Как сойдет снег, надобно будет приступить к земляным работам<sup>30</sup>. Клейн засел за дальнейшую, детальную разработку проекта.

Ныне мне принесли № «Нов[ого] времени» с небольшою моею статьею о Музее. Позвольте препроводить ее к Вам. Где-то застанут Вас и настоящее письмо и эта газета? Не зная, где Вы в настоящее время, посылаю письмо чрез Вашу здешнюю контору. Будьте, глубокоуважаемый Юрий Степанович, благополучны и не посетуйте, что написал я Вам так подробно. Этот Царский прием для меня в жизни уже более не повторится, оттого язык мой был столь подробен в передаче этого события, ставящего наш Музей на небывалую высоту. Осмеливаюсь просить Вас засвидетельствовать мой глубокий поклон Вашим дамам<sup>1</sup>.

Глубоко признательный Вам и истинно уважающий Вас

И. ЦВЕТАЕВ

**13. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ**

*7 апреля 1898, Петербург*

Христос Воскресе<sup>1</sup>. Благодарю желаю здоровья полного успеха

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

**14. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ**

*25 апреля 1898, Петербург*

Надеюсь быть завтра воскресеньем скорым<sup>1</sup>

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

**15. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ**

*29 мая 1898, Петербург*

Чем кончила думская комиссия<sup>1</sup>

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

**16. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

*30 мая 1898, Москва*

Окончательное решение комиссии девятого июня.

**17. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ**

*3 июля 1898, Москва*

Пророчество Ваше сбылось просветительная деятельность восторжествовала Вся площадь отдана Московскому университету<sup>1</sup>

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ ЗВЕРЕВ КЛЕЙН

**18. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ**

*14 июля 1898, Петербург*

Не знаю, надеюсь на этой неделе

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

**19. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ**

*15 июля 1898, Петербург*

Надеюсь быть Москве завтра четверг

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

**20. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ**

*20 июля 1898, Москва*

На закладке будут<sup>1</sup>.

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

**21. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ**

*12 августа 1898, Москва*

Многоуважаемый Иван Владимирович.

Я напутал.

Куда мы посадим Думу и придворных?<sup>1</sup> Нельзя ли остановить публикации и направить Думу на литеру А, т.е. чтобы она получила билеты у обер-полицмейстера из литеры А.

Полагаюсь на Вас, Вы все сумеете исправить.

Весь Ваш НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

12 ав. 98.

**22. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

*3 октября 1898, Москва*

[...] Демосфенов, Геппенер, Казначеев и сам Р[оман] Ив[анови]ч<sup>1</sup>, и по толщине найденного слоя, этот камень, говорят, совершенно затемняет и как бы исключает для практики в центральной России радомский песчаник. Много и с теплым чувством говорили в Комиссии о счастливой Вашей идее воскресить родной, близко лежащий, такую службу сослуживший, но почему-то после сооружения храма Спасителя совершенно забытый этот драгоценный камень<sup>2</sup>. Если восторженные отзывы о толще найденного слоя



и однородности его оправдаются, то какую большую и патриотической заслугою будет в истории нашего зодчества это воскрешение своего камня Вами, глубокоуважаемый Юрий Степанович! Недаром из наших государственных деятелей Вы более всех строили из камня, передавая грядущим векам и поколениям Ваши монументальные сооружения. Многолетний и обширный опыт подсказал Вам эту великолепную мысль – поискать добра возле себя. Клейн говорит, что камня хватит на целый ряд таких сооружений, как храм Спасителя. Я не раз ставил вчера вопрос о том, найдется ли материал для колонн и особенно капителей и баз их. Куски здесь и для барабанов<sup>3</sup> и для этих частей будут нужны большие, Р.Ив-ч категорически заявляет, что в этом не может быть ни малейшего сомнения. Вчера решили ждать Вашего приезда и Ваших распоряжений как автора мысли, поставленной столь ясно, и как единоличного хозяина всего этого дела. Будем ожидать Вашего приезда.

Спрашивали меня о времени Вашего прибытия сюда многие члены и Комитета, бывшие в заседании Комиссии, которую посещают с удовольствием жертвователи. Спрашивали Кондратьев, Колесников, Шульд, Казначеев, кн. Щербатов<sup>4</sup>. Последний представил большую Записку по вопросам отопления и вентиляции и об отчетности по работам и платежам на будущее время. Оказывается, что в Историческом музее в свое время контроль не утвердил расходов на 700 тыс.руб., благодаря безалаберности и своеволию хозяйничавшего гр. Уварова<sup>5</sup>. Нужно будет собрать в Вашем присутствии Комитет: не будете ли добры оповестить меня о времени Вашего приезда и не назначите ли число для заседания Комитета?

### 23. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

*8 октября 1898, Данково*

Надеюсь быть Москве на будущей неделе

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

### 24. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

10 октября, Москва

*10 октября [1898], Москва*

Телеграмму Вашу я имел честь получить и доложил ее Строительной комиссии в заседании, происходившем вчера. Следствием этого было назначение председателем Комиссии заседания нашего Комитета на 16 сего октября, в пятницу в 8 часов, которое будет соединенным с Строительной комиссией. Местом назначена чертежная на стройке; чтобы уничтожить неудобства этого пока пустого помещения, надобно позаботиться о мебели на случай

большого собрания. А это бывает постоянно, когда председательствуете Вы и когда ставятся на очередь наиболее важные вопросы.

В прошлом заседании Комиссии<sup>1</sup> Р. И. Клейн продолжал утверждать, что открытый пласт «коломенского мрамора» толщины безусловно достаточной для вырубki колонн с их капителями и базами и карнизов колоннады. Предполагая, что для капителей и баз потребуются очень значительные куски и что таких кусков нужно будет очень много, я особенно выставлял этот вопрос Клейну. Дай Бог, чтобы это было так: чего же лучше? И как было бы знаменательно это соединение сооружений из своего, родного камня: и храма Спасителя, и Ваших фасадов! Воистину смелая, великолепная мысль, вместе с тем такая простая по существу, такая естественная. Как она не пришла никому на ум, когда облицовывали памятник Александра II и Верхние торговые ряды! Но, конечно, дело это потребует Вашего личного глаза и зондажей, если только не глупо это выражение, каменного пласта в нескольких местах относительно толщины и плотности.

В связи с облицовкою фасадов находился во вчерашнем заседании Комиссии вопрос, какую часть здания ближайшим летом выкладывать выше, переднюю ли, подлежащую облицовке, или заднюю. Роман Иванович высказался за выведение стен задней половины под крышу в указанный период, пока пойдут подготовительные работы по облицовке.

Когда Комитету возбуждать вопрос о тех же льготах таможенных и железнодорожных<sup>2</sup>, какими пользовался комитет памятника Александра II? На метлахских плитах<sup>3</sup>, железных балках, стропилах и материале железных оконных рам, по исчислению архитектора, получится большая выгода для нашего бюджета. Без Великого Князя и фактического получения 200 тыс. руб. из Государственного казначейства, как мне бы казалось, не следует поднимать это важное дело. В свое время Вы угадаете удобный момент и, при содействии Его Высочества, добудете нам эту существенную льготу. Время еще терпит. Сбережения по этим статьям сметы (не нужна ли будет копия ее для Вашего пользования, равно как фотографии планов Музея? прикажите и я закажу их) пойдут на покрытие других нужд, которых будет, конечно, много.

Так о многом хочется знать Ваше мнение. До близкого, мы все надеемся, свидания.

## 25. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

14 октября, Москва

14 октября 1898, Москва

Со дня на день ожидаем Вашего приезда. На 16[-е] назначили мы заседание Комитета, под предполагаемым Вашим председательством. подгото-

вляю программу, которую прежде мне необходимо представить Вам. Ожидаю весточки, когда Вы придёте.

## 26. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

*16 октября 1898, Данково*

Буду завтра субботу утром Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

## 27. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 октября, Москва

*19 октября 1898, Москва*

Часов в 11 намерен явиться к Вам художник Матвеев<sup>1</sup>, чтобы изложить Вам просьбу о работе. Он просил меня быть за него ходатаем перед Вами. Зная, что Вы чрезвычайно заняты, и не смея беспокоить Вас иными делами, кроме Музея, я отклонял его почти слезные просьбы, начавшиеся еще весной и продолжающиеся до сего дня. Он говорит о поручении ему Государем написать картину «Франц-Иосиф благодарит Императора Николая I»<sup>2</sup> и о невозможности исполнить эту работу, не найдя средств просуществовать три месяца. Не осмеливаясь обременять Вас новыми и посторонними Музею докуками, я посоветовал ему явиться к Вам самому и просить о себе. Ищет он заказа портретов Императора. Один он исполнил для здешнего Дворянского собрания, другой для Великого Князя Сергея Александровича. Я и тут не мог ему помочь, не зная, нужны ли эти портреты для созданных и управляемых Вами разных учреждений.

К 12 я явлюсь с программой заседания.

## 28. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

27 октября, Москва

*27 октября 1898, Москва*

Мы переживаем неприятные дни. Две недели тому назад Комиссия сдала подряд на кирпич Челнокову и Якунчикову<sup>1</sup>, ценою по 24 руб. 30 коп. за тысячу, и с тех пор была спокойна на этот счет. Но в прошлое заседание Челноков заявил условие, чтобы от Комиссии назначен был приемщик кирпича в виде десятника или в каком-либо ином, но непременно одном лице, и чтобы Комиссия потом уже не имела права ревизовать и браковать поставленный им кирпич. Это требование, конечно, могло только обидеть и огорчить Комиссию своим нахальством, но не быть принятым. Уполномоченный Челнокова взял ночь на размышление, а на другой день от подряда отказался. За ним явился к Клейну и сын Якунчикова<sup>2</sup> также

с отказом под предлогом, что с казной-де дело вести трудно. Таким образом, в эти дни мы без кирпича. Демосфенов и контролер Талицкий<sup>3</sup> хотят еще переговорить с тем и другим кирпичником. Я слышал предположение отдать прием кирпича какой-либо артели, чтобы склонить поставщиков на доставку. Но это совершенно новый прием сношений правительственного учреждения с подрядчиками, никогда не практиковавшийся и имеющий возвысить цену и без того недешевого кирпича. Неприятно здесь и то, что этим компромиссом правительственная коллегия вынуждается на исполнение нелепой воли какого-то кирпичника Челнокова. Стоит ли идти на эту уступку? Достойнее было бы снова обратиться к другим поставщикам кирпича, как Катуару и Байдакову<sup>4</sup>, и лучше, в смысле престижа правительства, передать лишний рубль на 1000 шт., чем отказываться Комиссии от своего права и долга принимать строительные материалы по установившейся практике. Ныне подрядчик осмеливается явиться с таким условием, завтра, ободренный успехом, он продиктует правительственной коллегии новые, еще более обидные. Выступать на путь подобных компромиссов и создавать именно нам подобные прецеденты опасно и обидно.

Пантелеев<sup>5</sup>, так набивавшийся выкладывать кирпич перед закладкой и отстранивший тогда других сильных «каменщиков», от подряда отказался, не явившись и на торги. Повертелся на закладке пред высочайшими гостями, а от работы бежал. Отстраненный им конкурент Александров<sup>6</sup> теперь взял высокую ноту и едва согласился взять подряд по цене 10 руб. 50 коп. за 1000, т[огда] к[ак] летом говорили о 8 руб.

На днях случайно я встретился с Листом<sup>7</sup>: разговорились о его предложении. Он уверяет, что ему хочется получить Ваш заказ, «чтобы отличиться», а плата-де, им объявленная, невысока и потому большого барыша не принесет ему. «Отличиться; дело очень видное, у всех на глазах», – твердил он. Липгарт<sup>8</sup>, по словам Р[омана] И[ванови]ча, должен дать окончательный ответ 30[-го] числа. По мнению Клейна, он возьмется за эксплуатацию копей.

## 29. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

31 октября, Москва

31 октября 1898, Москва

Дело с кирпичом уладилось. Представитель Государственного контроля Талицкий призывал к себе приказчика фирмы Челнокова и Шапошникова и уговорил его не производить смеха по городу своим нелепым требованием, о котором я писал в последнем письме. Чтобы сделать соглашение

легче, Комиссия решила производить прием кирпича<sup>1</sup> партиями в 50 т[ысяч] штук вместо 100 т[ысяч], как предполагалось прежде. За этой фирмой пошел и Якунчиков, тоже было закапризничавший и пошедший на попятный. Итак, 4 миллиона кирпича на ближайший строительный сезон 1899 года обеспечены. Челноков и Шапошников начнут доставку немедленно, будто бы не дожидаясь даже снега, ввиду других поставок и массы незанятых лошадей и возчиков. Якунчиков подговорен на летнюю доставку.

Земляные работы, сданные Шукину<sup>2</sup>, уже начались: роют канавы для подвального этажа и вывозят землю. Канавы Клейн предполагает заполнить на зиму кирпичом; на заготовлении же канав он настаивал, чтобы раньше начать работы весной. По его предположению, в 1899 году должна быть выложена задняя часть здания Музея, которую он намерен окончить ранее передней: там-де за год или за два до открытия Музея можно будет хранить гипсы. Лично я был бы такому порядку очень рад, потому что тогда можно будет делать заказы гипсов за границей заранее. Раз Его Величество обещал нам быть на открытии Музея, необходимо обставить художественным материалом возможно большее количество зал. На многие из них у нас имеются ассигнования, которыми мы не пользуемся единственно по неимению места для хранения ящиков с гипсами.

На днях пришли три ящика Вашего дара из Каира, из них один очень большой в 49 пудов [802,644 кг]. Всякими правдами и неправдами удалось склонить смотрителя Румянцевского музея<sup>3</sup> поместить их в вестибюле, у парадной лестницы, в месте сухом и теплом. Как бы получить список от г. Бругша, что под какою фактурой и в каком ящике им отправлено? Нас контора Гергарда и Гея<sup>4</sup> извещает только: «столько-то ящиков с отливами из гипса – Каир». Не прикажете ли подготовить к Вашему приезду ходатайство о награждении г. Бругша орденом св. Станислава 2-й ст[епени] со звездой? Это бы поощрило его.

Липгарт все еще не окончил [зондаж] камня. Он говорит, что серьезное дело требует и серьезного отношения. Неприятно пока, что самый толстый слой камня оказывается под водой. Исследование показало, что в камне 15 % магнезии, а это также не хвалят. Он просил достать ему кусок камня, из которого построен храм Спасителя. Глыба оказалась в подвале храма, и Клейн достал этот кусок. Вот и все наши новости. На очереди стоит отопление и вентиляция. Для усиления освещения Роман Иванович решил понизить подоконники, а в читальне при библиотеке вместо 2-х окон сделать одно<sup>5</sup>, большое, в 2 саж[ени – 4, 27 м] высоты.

**30. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

5 ноября, Москва

5 ноября 1898, Москва

Ныне я распаковал ящики с копиями египетской живописи и папирусами<sup>1</sup> и с лодочкой. Оба ящика с самого прибытия хранятся в сухом месте, над залом Совета<sup>2</sup>. Вскрывая первый из них, выложенный внутри жостью, я никак не думал встретить такое обилие рисунков и так превосходно исполненных. Ими я устлал целый пол так назыв[аемого] Кабинета изящных искусств и любовался ими, пока от этой живости красок и разнообразия удивительно реальных сцен у меня не зарябило в глазах. Не бывши в Египте сам и не издавши таких отличных копий даже и в Берлине, при всем богатстве тамошнего музея памятниками египетского искусства, я только по Вашим копиям познакомился с образцами этой живописи. Какие превосходные примеры для наших студентов и для посетителей Музея! В 1895 году я объехал университетские музеи Германии, Франции и Англии<sup>3</sup>, и нигде я не видел таких отличных копий. Правительства не обставили университетов такими удивительными пособиями и там, а своих Юриев Степановичей тамошние университеты, очевидно, не имели. Вы не раз называли наш будущий музей хрестоматией по истории искусства; но это будет, очевидно, хрестоматия небывалая в университетской практике мира, это будет «Нечаев-Мальцовская хрестоматия».

Отлично дошли и папирусы, четыре числом. Они уложены в особые жестяные ящики, обвернуты и проложены папиросной бумагой. Эти живописные длинные ленты (13 на сером фоне и 5 на черной, квадратной формы, клеенке), эти стелы, эти папирусы, эти гипсы, из которых многие делаются в первый раз в истории мира, весь этот для нас удивительно богатый египетский отдел так и напрашивается на свою, родную обстановку, в назначаемом ему зале. В помещении египетского стиля по орнаментации все это получит удивительный, оригинальный колорит.

С Клейном мы мечтаем о египетской обработке вестибюля с его 4 большими четырехугольными столбами. Прежде мы думали о дорическом характере отделки этого вестибюля; но теперь помышляем о египетском: пусть он открывает историю искусств и ведет к Вашему залу<sup>4</sup>. Как было бы хорошо имитировать во входе в этот зал древнеегипетский пилон<sup>5</sup>, выкладкой его из кирпича или даже декоративной живописью. Как пилоны служили фасадами египетских храмов, так этот живописный или штукатурный пилон вводил бы в 1-й зал Музея. Какое счастье было бы украсить этот зал парочкой-другой египетских колонн разных типов<sup>6</sup>. Египетские пилястры [пилоны?] можно представить уже в вестибюле – с их карнизом и живописью.

Непосредственно за Египтом у нас следует Ассирия, зал которой будет носить имя Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. Для декорации его в духе ассирийском мотивы есть; залу построит Ст. Ал. Протопопов<sup>7</sup>. Но у нас по Ассирии нет ни синя-пороха. Все материалы в Лувре (скульптур[ы] Хорсабада)<sup>8</sup> и Британском музее (Нимруд и Куянджик<sup>9</sup>): не посчастливится ли Вам увлечь на жертву тысяч 6-8 руб. кн. Абамелек-Лазарева<sup>10</sup>? Какими бы судьбами раздобыться копией ассирийских крылатых быков? Они недостижимы в слепках. Ах, если бы заказать вылепить парочку их опытному копиисту-скульптору! В Лувре их, кажется, пара. А без них Ассирийский зал с одними рельефами будет очень скучен после Вашего зала – и Великая Княгиня загрустит. Ассирийские быки скрасили бы это монотонное отделение. Склоните С.С.Абамелека-Лазарева и на этих бычков с крыльями и человеческим лицом.

### 31. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

9 ноября, Москва

9 ноября 1898, Москва

Л.М.Муромцев<sup>1</sup>, проездом в Петербург навестивший меня, сообщил о намерении Вашем отправиться на зиму в Палермо. Это известие и обрадовало меня и печалило; обрадовало потому, что Вы чрез это получаете возможность отдохнуть от беспокойств минувшего лета в прекрасном уголке мира, печалило же потому, что необходимо было бы в Вашем присутствии приступить к решению вопроса о «Зале славы», для которого наступает теперь очередь. В ближайшее же заседание Комитета необходимо составить особую, хотя бы и очень небольшую, комиссию для занятий этим делом, чтобы подготовить доклад от имени Комитета Великому Князю, сочувствие которого здесь несомненно. Это было ясно как из тона разговора его с Государем 12 марта текущего года, при обозрении проекта Музея, так и из неоднократных обращений его к этому вопросу позднее здесь, в Москве. С большим вниманием к этой идее «Пантеона русской славы» и с видимым благоговением отнесся и Император, явивший особую милость к литераторам в первые же месяцы царствования, повелевши выдавать нуждающимся из них по 50 тыс. руб. ежегодно чрез Академию наук<sup>2</sup>. Учреждение этого особого отделения в Музее несомненно вызовет покровительство Его Величества. На днях я виделся с В.К.Истоминным, мы говорили об египетской живописи, принесенной Вами Музеею, о времени ближайшего Вашего приезда и о назначении заседания Комитета, в котором надобно избрать эту «Пантеонную комиссию», которая должна будет к декабрьскому заседанию Комитета представить мотивированный доклад. Докладывая о постановлении Комитета по этому делу, Вы попросите Великого Князя принять вопрос под особое покровительство

и включить его в число тех дел, которые он повезет в Петербург в январе. Истомин не раз имел разговор с Его Высочеством об этом и уверен, что дело будет своевременным и в удобный момент доложено Государю. На горизонте виднеются для этого дела светлые перспективы<sup>3</sup>. Какую форму придать этому отделению? Вы против римской отделки этого зала. Не поработать ли над формой крестообразной базилики с греческим касетонным потолком? Может быть, храмы S. Maria Maggiore и S. Paolo fuori le mura могли бы послужить здесь образцом<sup>4</sup>. А сколько медальонов и бюстов нашли бы себе место над колоннами, подобно папским медальонам базилики S. Paolo fuori le mura. Статуи будут назначаться только гениям и людям, проложившим новые пути; до сих пор мы не насчитаем более 5-6, да и в будущем их будет очень немного, так что если приготовить место для 30 статуй, то этого хватит на 300 лет, если не более. Для такого количества мраморных статуй место найти в нашем будущем Пантеоне, говорит Клейн, можно. Вопросом о размерах следует заняться серьезно. Ныне с циркулем в руках мы будем измерять эту часть Музея. За границу он выезжает в четверг этой недели<sup>5</sup>.

Липгарт углубился в исследование копей и просит отсрочки решения его задачи до декабря. Лучшие пласты лежат глубоко под водой.

Не откажите дать весточку о приезде в Москву.

Здесь стоит туманная, темная погода, фотографы плачут, и потому подбор альбома фотографий закладки Музея<sup>6</sup>, делаемый мною для Софьи Степановны, замедлился.

### 32. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

10 ноября 1898, Петербург

Буду завтра среда Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

### 33. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

24 ноября, Москва

24 ноября 1898, Москва

После разговора Вашего со мною о том, кому Вы могли бы поручить вырубить из камня фриз колоннады главного фасада Музея, я написал профессору скульптуры в Академии художеств Беклемишеву, полагая, что для молодого ваятеля будет почетно повторить в первый раз в истории нового мира 23 плиты фриза, вышедшего из мастерской Фидия<sup>1</sup>. Ответа, однако, на мое письмо не последовало. Вчера мы разговаривали на тему об этом повторении с ректором Дм. Ник. Зерновым<sup>2</sup>, и он высказал сомнение, чтобы нашлось не только в Москве, но и в Петербурге «мраморщик», который хорошо



выполнил бы такую работу. Хорошие-де скульпторы у нас редки, и, занимая казенные места или работая над заказами, они не пойдут-де на копирование, да еще такого знаменитого оригинала, как фриз Парфенона. Может быть, Зернов и прав. Еще лепить из глины наши скульпторы могут, но воспроизводить в камне они не в состоянии даже собственные произведения, если только не живут они, подобно Антокольскому<sup>3</sup>, за границей. Да и Беклемишев последнюю свою статую Чайковского, сделанную им для петербургской консерватории, вынужден был исполнить из мрамора в Италии.

Зернов думает, что Ваша мысль относительно этого фриза могла бы быть выполнена и лучше в техническом отношении, и дешевле в Германии. Он при этом указывает на Дрезден, где живет скульптор Kirchhoff<sup>4</sup>, отличный копист в мраморе и в других камнях. Не обладая даром творчества, он специализировался на воспроизведении в камне чужих оригиналов. Кирхгоф – москвич родом и получил образование сначала здесь, а потом учился у Rietschel<sup>5</sup> и остался жить в Дрездене. Зернов его знает с самой лучшей стороны, ведя знакомство с его родными здесь, в Москве. Указание на Дрезден мне нравится еще и потому, что здесь может быть и компетентный присмотр и совет в лице Егора Егоровича Трея, директора Альбертинума, знатока греческой скульптуры, друга нашего предприятия и моего давнишнего по Музею корреспондента<sup>6</sup>. Петербуржец родом, служивший 8 лет в Эрмитаже, он сделал большую археологическую карьеру в Германии и по справедливости считается творцом Albertinum<sup>7</sup>, для которого Саксония дала ему вместе с Zeughaus<sup>8</sup> на Брюлевской террасе<sup>7</sup>, прекрасным зданием XVI ст[олетия], 1 1/2 милл[иона] марок на приспособление этого здания к потребностям музея слепков и бывших в Дрездене оригиналов, 50 тысяч марок одновременно на приобретение гипсов, и да[ет вс]его 10 000 марок на ежегодные приобретения. Вот и все его ресурсы, а что он сделал в эти 10-12 лет! Помогать бы он стал в воспроизведении Вашего фриза<sup>8</sup> с большою охотою: такой он милый человек. Какие славные, умные, доброжелательные письма он пишет вот уже в течение 7-8 лет. Еще ныне утром я получил от него письмо: как он радуется нашему Музею! Восторги и обещания служить чем может у него так искренни.

Эти восторги, впрочем, несутся к нам с разных сторон, между прочим и с Вашей Сергиевской, № 3, откуда член совета министра народ[ного] просв[ещения] Помяловский<sup>9</sup> пишет мне от 21 ноября: «Очень радуюсь за [Ваш] Музей и благоговею пред щедростью Юрия Степановича, который относится к нему как к родному детищу. Только москвичи и могут быть столь щедрыми и обладать такой широкой натурой». Я вполне разделяю эти слова моего друга.

\* Цейхгауз, арсенал (нем.).

**34. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

23 декабря, Москва.

*23 декабря 1898, Москва*

И нравственным долгом, и истинным удовольствием считаю для себя принести Вам искреннее поздравление с праздником Рождества Христова и по сему поводу пожелать Вам наилучшего здоровья и всего счастливого. Я уверен, что столь же сердечные поздравления несутся к Вам в эти святые в христианском мире дни со всех концов или, по крайней мере, из многих и многих мест России. В глухих деревнях раздается церковный благовест с высоты воздвигнутых Вами Божиих храмов, и молятся за Вас облагодетельствованные Вами: для деревни нет высшей мечты, как иметь свою церковь, свою службу, своего батюшку и стать селом. И Вы делаете этих счастливых, созидавая новые храмы и приходы. Когда, в последний раз, Вы сказали мне о намерении Вашем построить два новых храма и образовать два новых прихода, каким счастливым оказались Вы, Юрий Степанович, мне в ту минуту и после, когда я, возвращаясь домой, думал об этой изумительной щедрости, направляемой на дела нравственного просвещения темного люда и на интересы науки. На рубеже двух столетий имя Ваше в области высшего благотворения блесит необычайно яркою звездой. Пошли Вам Господь долгого, долгого века и сил разливать вокруг те благодеяния, которые, делая счастливыми столь многих, пронесут Ваше имя, Вашу истинную славу в отдаленные роды потомства: имя Нечаева-Мальцова отождествляется уже и теперь с именем Мецената, в самом благородном значении этого слова. Но настоящую цену людским деяниям ставит потомство: и вот в представлении историков того времени созданные Вами школы, воздвигнутые храмы и жертвы на высшее образование страны встанут во весь их большой рост. А быть благословляемым современниками и прославленным в потомстве – это ли не высшее счастье для человеческой судьбы?

**35. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

29 декабря, Москва

*29 декабря 1898, Москва*

Со всех сторон, в особенности из мира художественного, слышатся желания, чтобы прямая лестница Музея была заменена лестницей с поворотами<sup>1</sup>. Художники, узнавши, что у нас предстоит устройство «Палаты славы русских художников, литераторов и ученых», высказывают взгляд, что такое учреждение было бы целесообразно устроить на особом нивó и с отдельным входом и что этого можно было бы достичь, принявши поворотные марши лестницы. С кем ни приходилось говорить об этом, услышать не пришлось ни одного голоса за прямую лестницу, обуславливающую бесполезное существование двух

верхних боковых галерей с колоннами и проектируемыми здесь декоративными статуями, которых, говорят, кстати, и смотреть неоткуда: с лестницы рассматривать их опасно (не ровен час – и упадешь), а с галерей видны одни спины их. Разделивши лестницу Романа Ивановича пополам, мы получим нижнюю ее половину для нижнего, достаточно величественного марша в 25 – 30 ступеней и в 5 аршин [3,56 м]\* отвеса (нижний этаж у нас в 9 ар. высоты + 1 ар. – пол 2[-го] этажа)\*\*, а верхнюю для поворотных маршей. С разделяющей их площадки можно устроить импозантный вход в Палату славы, получающую таким образом место на высоте половины лестницы [между] 1 и 2 этажами. Она получает с этим совершенно особое положение в Музее, вне всякой связи с остальными залами, имеющими свое назначение. Поленов, В.М. Васнецов<sup>2</sup>, с которым я познакомился вчера и который теперь уже стал сторонником нашего Музея, Жуковский, Хомяков, Сумбул<sup>3</sup>, Мейн и все, кто знакомится с этой комбинацией, единодушно высказываются за устройство Палаты именно здесь, но не во 2-м этаже, где она стояла бы на одном полу с массою других зал.

Другое, тоже общее, желание – видеть эту Палату построенной в византийском стиле, с куполом, апсидами, цветными стенами и цветного камня колоннами, а равно с византийскими окнами и хорами<sup>4</sup>. Такого рода сооружение, говорят, будет очень эффектно, будет подходить к характеру учреждения, как бы полурелигиозного. Васнецов в восторге от такой идеи: «Ах, – говорит он, – если бы хотя по уголкам этого прекрасного покоя пустить несколько мотивов церковной русской архитектуры, тогда характер Палаты русской славы совсем был бы тот, какой желательно иметь в этом симпатичнейшем учреждении». Что явится византийский зал в виде этой Палаты, он одобряет с искренним энтузиазмом. Он хотел просить Вас о том же самом. Подумайте, Юрий Степанович, не следует ли нам устроить это отделение, согласно художественным желаниям, в стиле византийском. Тогда оно получило бы и по месту, и по архитектурному типу свой, особый характер. Перечертить лестницу, несколько отодвинувши ее клетку назад и расширив ее, не составит никакого труда. Для постройки лестницы в прежнем виде не сделано даже и приготовлений. Чертеж лестницы с поворотами и схема византийской Палаты могут быть сделаны в пределах существующего плана, с соблюдением всех существенных его сторон и главнейших частных, так что никакого большого труда здесь не предвидится. Течение зал остается прежнее, сверх сего прибавляются две большие новые залы, по 11 сажень [23,47 м] длины и во всю ширину проектированной Клейном лестницы, один над другим. И Роман Иванович должен будет согласиться, что так будет бесконечно удобнее во всех отношениях. Когда пожалуете сюда числа 8-9, посмотрим вместе на эту комбинацию.

\* 1 аршин = 1/3 сажени = 0,7112 м.

\*\* Указанная Цветаевым высота 1 этажа – 6,40 м; междуэтажное перекрытие – 0,71 м.

## 36. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

5 января, Москва

5 января 1899, Москва

Настоящее письмо придет или накануне или в самый день освящения Вашего образцового барака<sup>1</sup>, устройству которого Вы посвятили столько любви, времени, усилий и материальных средств. Примите мои почтительнейшие поздравления с исполнением этого нового большого дела, совершенного Вашим сердцем «на благо ближнего».

Но Ваша деятельность в этом направлении течет столь быстрым темпом, что Вам не выпадает достаточно времени для отдыха после одного дела и до начала другого. Не успели Вы окончить одно освящение в Смоленской губ.<sup>2</sup>, как наступает другое – в Петербурге; едва справите это, как новую заботу доставит Вам возвращение Р.И.Клейна из-за границы. Из чужих краев я получил от него две весточки, одну с Акрополя Афин и другую – из Неаполя. Судя по последней телеграмме, он находится на обратном пути из Каира, где он приобрел несколько, как извещает, драгоценных предметов для Вашего Египетского зала<sup>3</sup>. Теперь он должен подвигаться к Равенне. Судя по известиям из его дома, он будет в Москве к 12 января.

На днях из Исторического музея дали мне знать, что приехал в Москву и очень дешево продается прекрасно сохранившийся саркофаг мумии эпохи Птолемеев<sup>4</sup>, отделанный росписью из золота. Спрашивают, нельзя ли предложить его на Ваше усмотрение. Я ответил, что Вас мы ждем около 12 января и что тогда лучше всего узнать будет Ваше мнение лично от Вас: сам я в Каире не бывал и наметки глаза на египетские древности не имею никакой.

Симпатии В.М.Васнецова к нашему Музею все разрастаются: пользу такого учреждения для эстетического развития нашей молодежи и для образования художников он признает всецело. С Поленовым и Виктором Михайловичем была у нас речь, что как было бы хорошо украсить залы Музея декоративным фризом с изображением главнейших местностей и руин древнего мира и главных памятников зодчества Нового времени. Такой фриз, приуроченный к характеру зал, приносил бы особенную пользу посетителям Музея и учащейся молодежи, вводя их полнее в характер эпохи, представляемой каждым залом. Этой мысли, осуществленной в значительной степени в берлинских музеях и частью в Albertinum'e Дрездена, очень сочувствуют и Поленов, и Васнецов. У нас же и место для такого фриза есть прекрасное, так как в 1 этаже высота зал 9 ар., а во 2[-м] это 11 арш. [6,40 м и 7,82 м]. Для

скульптур 1 этажа, сообразно их высоте, совершенно достаточно 6 аршин [4,27 м], для изваяний 2 этажа, самое большее, и то в редких случаях, 7 аршин [4,98 м], с верхним фоном: таким образом, и здесь и там является поверху свободная лента в 3 арш. [2,13 м] высоты, которую, может быть, и было бы целесообразно уже архитектурно отметить как поле для фриза. Правда, эта лента протянется на целую версту; но нашему поколению следует положить только начало этой живописи, разбросавши хотя бы по художественному пятнышку в залах. А продолжать станут следующие поколения. И, может быть, Поленов и Васнецов подарят нам по такому пятнышку. Ведь работаем же мы все даром для этого Музея. Виктор Михайлович Вас очень любит и, видимо, состоит Вашим горячим почитателем. Поддержите, Юрий Степанович, эту мысль при ближайшем свидании с ним. Он так тепло теперь относится к нам. Пусть такие силы, как он и Поленов, оставят этим по чеку на вечную память о себе в нашем Музее, который будет иметь и «Палату славы русских художников, литераторов и ученых», где много лет спустя, когда ни нас, ни их не будет давно на свете, будут стоять их собственные мраморные бюсты.

Эту Палату Васнецов очень одобряет, особенно если устроить ее в византийско-русском стиле. Н.А.Зверев высказал мысль, что лучше строить бы настоящий Пантеон для всех знаменитых русских людей, строить отдельно, конечно в Москве и даже с перенесением сюда, на это почетное кладбище, самих прахов. Но эту мысль Виктор Михайлович бракует как не согласную с мировоззрением русского народа. Да к тому же нечем мотивировать такой всеобщий Пантеон русских знаменитостей в настоящее время. А Палата, рисующаяся для нашего Музея, будет скромнее, обоймет она многое в умственной жизни нашей земли и, если суждено когда-нибудь явиться в Москве своему Вестминстерскому аббатству или Парижскому Пантеону, наша Палата послужит, лет через 300, тому основанием.

Получил очень милое письмо от Л.М.Муромцева: он болят\* и очень жалуются на свое положение. Настроение духа угнетенное. Свой дар в 22 944 руб. закрепляют они с Екатериной Николаевной нотариальным актом<sup>5</sup>. Меня просили составить бумагу. И Палате и фризу он рукоплещет.

### 37. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

7 января 1899, Петербург

Надеюсь завтра пятницу быть Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

\* болят (церковно-славянск.).

**38. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

9 января, Москва

*9 января 1899, Москва*

С утра дела держат меня в Румянцевском музее. В 1 час у Вас будет Александр Николаевич Демосфенов; письмо вчера мною послано и г. Левенсону<sup>1</sup>, чтобы к 1 часу явился к Вам и он. Жалуйте с Демосфеновым на Колымажный: я буду с 1 часа ожидать Вас там. Чертежи благоволите, если они Вам более не нужны, приказать вручить посланному.

**39. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

16 января, Москва

*16 января 1899, Москва*

Было у нас заседание Строительной комиссии. Геппенер и Талицкий представили акт приема кирпича, составленный будто бы 3 января, по производстве ревизии. В бумаге стоит, что они оба присутствовали на приеме. На деле же явился на площадь один Талицкий, а Геппенер прислал телеграмму, что быть не может. Талицкий велел развалить сотенку кирпичей, по ним определил достоинство целого каравана: тем дело приема и кончилось. Он после написал бумагу, а Геппенер ее подписал. И после он на площадь не приезжал вплоть до кануна заседания Комиссии, когда он прибыл взглянуть, что же туда навозили за месяц его отсутствия. И при таком же отношении к делу, за которое Талицкий получает 600 руб., а Геппенер как «техник» 900 руб. в год<sup>1</sup>, оба вели себя в заседании спокойно и деловито. Чтобы дать им почувствовать, что отсутствие серьезного приема строительных материалов с их стороны нам известно, я сочинил историю, что жертвователи ропщут на медлительность доставки кирпича, а поставщики жалуются, что долго приходится ожидать им приема, и потому как бы-де нам учредить ревизию материалов более правильную и строгую. Комиссия начала было просить техника и представителя Государственного контроля назначить дни и часы такого приема, но ничего не вышло: то тому, то другому нельзя. Решили ждать возвращения Клейна, который приезжает завтра, 17-го числа. Авось с его возвращением упорядочится дело с кирпичом. Кирпичникам посланы повестки для явки в Университет; к Вашему приезду Тихомиров<sup>2</sup> обещал контракт с Вами оформить. Вчера получил Ваши пакеты со сметой Брусова<sup>3</sup> на гранитные работы. Ныне я видел своего соседа Шехтеля<sup>4</sup> и показал ему эти цены. Он находит их чрезмерно высокими по всем статьям: сердобольский<sup>5</sup>-де гранит могут доставить многие, и если объявить конкуренцию, то цены упадут значительно против объявленных здесь. Зная Вашу щедрость к Музею,

превзошедшую все наши надежды и даже грезы, и видя, как расширяются планы Ваших благотворений; после того, как Вы сами (я горжусь в душе тем, что я не докучал Вам даже одним словом) объявили о намерении насчет Ассирии<sup>6</sup> и приняли так близко к сердцу украшение зал живописью самых лучших наших мастеров<sup>7</sup>, которыми гордится Россия; когда Вы опять исключительно сами поставили на сцену каменный фриз колоннады, – я счел за нравственный долг доложить Вам об этом взгляде московского архитектора на цены Брусова. То же, конечно, скажет и Роман Иванович, которому я покажу эту смету послезавтра. 320 руб. за квадратную сажень [4,55225 кв. м] облицовки цоколя – это ужасно! Или 210 руб. за кв[адратную] с[ажень] площадок.

В Комиссии Казначеев выставил сомнение насчет целесообразности выемки земли до зимы: почва-де теперь и замерзнет и засыплется снегом, весною явится страшная сырость, особенно в тех местах, где грунт не песчаный. Слушая эти замечания, я припоминал и Ваше тождественное мнение на этот счет: и Вам казалось, как бы эта мера, вызванная желанием Клейна начать весною кладку раньше, на деле ее не замедлила.

Вспомнили ли Вы, Юрий Степанович, имя молодого художника, написавшего вид Таормины?<sup>8</sup> Где эта картина?

#### 40. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

*19 января 1899, Петербург*

Надеюсь быть завтра среду Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

#### 41. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

20 января

*20 января 1899, Москва*

Р.И.Клейн и я опоздали и потому уже не застали Вас дома. № телефона Клейна 1777: пишу его Вам на всякий случай. У Вас пойдут теперь заседания в Дворянском собрании<sup>1</sup>: по утрам Вы будете, вероятно, заняты там. Укажите, когда бы я мог явиться к Вам.

#### 42. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

5 февраля, Москва

*5 февраля 1899, Москва*

До второго часа за полночь засиделся я вчера в мастерской Р.И.Клейна, рассуждая и мечтая о плане Музея. Удивительно симпатичный и умиротворяющий это характер: идешь побраниться с ним, укорить его, указать ему

на тот и этот недочет, а взглянешь на эту умную улыбку, встретишь этот смеющийся и всегда себе на уме взгляд, услышишь этот нервный, взволнованный и какой-то женски-капризный голос – и воинственного настроения у тебя как и не бывало. Так случилось и вчера, так это бывало и прежде.

День он весь проработал над чертежами, укладывая клетку Базилики<sup>1</sup> и видоизменяя частности соседних помещений. Базилика у него, как Вы и предполагали, вышла величественной в достаточной мере: средний [неф] в 14 аршин ширины [9,96 м], боковые по 6 1/2 ар. [4,62 м] шир.; число колонн 10 с каждой стороны. Освещение центрального нефа будет получаться из окон, проектируемых под потолком с обеих сторон, вышиною до 3 арш. [2,13 м]; их будет, если не ошибаюсь, по 8 с каждой продольной стороны, над каждым пролетом между колоннами. Высота Базилики 17 аршин [12,09 м], на 6 аршин [4,27 м] выше остальных зал 2-го этажа. Потолок, конечно, горизонтальный, обработается или кессонами, или балочной системой. Для статуи Императора Александра III проектируется апсида. Общий вид спокойный, строгий.

Под Базиликой выходит тождественной фигуры обширное помещение, с заменой верхней части сводами и колонн опорными столбами. Это хорошо освещаемый окнами резерв для неведомых теперь потребностей будущего. Проектируя столбы и своды, Клейн принимает самую тяжелую нагрузку верхнего зала.

При мне был «Эмилий Федорович», компаньон Липгарта, тот «немец», про которого Вы сочинили легенду, так рассмешившую Великого Князя<sup>2</sup>. Камня, совершенно равного тому, из которого выстроен храм Спасителя, он, по его словам, нашел пропасть, и толщины удивительной. Теперь он бодро смотрит вперед и говорит, что заказ Ваш исполнит и спокойно, и солидно, и в срок. Он вчера явился с окончательным и письменным заявлением. Я рассказал ему Вашу сказку о «русском, жиде и немце»: уж как он хохотал над ее финалом!

Ныне в Строительной комиссии будут обсуждать все предложения на камень. По мнению Клейна, предложение гранита Брусовым, по своей ясности, все-таки самое солидное. Но поторговаться нужно.

Вчера я был вызван к Великому Князю, который, уезжая в Петербург, сказал, что мне нужно будет явиться туда же на будущей неделе для окончательного решения вопроса о Палате изображений русских деятелей в области науки, литературы и искусств – в совместном совещании у него; он обещал пригласить Н.П.Боголепова, Вас и Н.А.Зверева. Выедем мы с Клейном, как только получим телеграмму<sup>3</sup>.



## 43. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

2 марта, Москва

2 марта 1899, Москва

Болезнь, постигшая меня по возвращении из Петербурга, была причиной того, что я до сих пор не принес Вам и глубокоуважаемой Анне Степановне признательности за внимание, оказанное столь любезно моей жене<sup>1</sup> и мне. Оправившись только вчера, я спешу исполнить наш долг пред Вами. Жена до сих пор находится под очарованием художественных впечатлений, полученных в Вашем доме<sup>2</sup>, и любезной беседы Анны Степановны с нею. Мраморная группа Ваша исполнена Кановою<sup>3</sup> по так назыв[аемой] группе *Ildefonso*, принадлежащей ныне Мадридскому музею. Она была во владении королевы Христины Шведской<sup>4</sup>, название носит по имени замка *Ildefonso* близ Мадрида, где она находилась до поступления в Мадридский музей. Представляя собою римскую работу времени Адриана<sup>5</sup>, эта группа составлена реставратором из нескольких кусков; значение ее определяется различно и с большою примесью аллегории. Некоторые видят здесь Антиноя, обрекающего себя на смерть для спасения своего друга и покровителя Адриана, и стоящего подле него с факелом гения смерти<sup>6</sup>; маленькая фигурка богини – это Персефона, богиня Гадеса<sup>7</sup>. Канова воспроизвел эту группу, тогда возбуждавшую общий интерес археологов своим поэтическим, таинственным характером. Воспроизведение его, по обычаю, воистину мастерское. Назвал он ее аллегорическим наименованием *AMICITIA ET AEVVM* – «Дружба и вечность», в *pendant\** циркулировавшим тогда конъектурам\*\* археологов Рима.

Возвратился из Парижа кн. Н.С.Щербатов и привез каталог слепков из Лувра, исполняемых дирекцией этого музея. Крылатые ассирийские быки<sup>8</sup> в слепках есть, но со знаменитых Хорсабадских колоссов<sup>9</sup> только головы. Но дирекция очень любезна, обещает сделать, когда нужно будет. Очень хорошо, что в Лувре окрашивают гипсы очень искусно под цвет оригиналов. Имитировать окраску колоссальных волов очень легко, не то эпидерму Венеры Милосской. Есть готовые формы в Лувре и древнеперсидской архитектуры Персеполиса, а равно и кафельных и раскрашенных стрелков из руин Сузы<sup>10</sup>. Последние отлично украсят персидский уголок Ассирийско-Персидского отделения Музея. Ассирийский зал будет носить имя Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. Она, говорят, в Ильинском<sup>11</sup> занимается

\* пандан, пара (*фр.*).\*\* предположение (*лит.*).

хозяйством: пусть она утешается в своем зале нашего Музея подаренными ей ассирийскими бычками...

Болезненное состояние мое все еще продолжается: кружится голова. Письмо мог написать в два приема, с промежутком часа в два и лежанием в постели.

#### 44. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

5 марта, Москва

5 марта 1899, Москва

Согласно Вашим указаниям, Роман Иванович и Липгарт (собственно, «Эмилий Федорович», фамилию которого я все не могу припомнить) занимались последнее время разработкою вопроса о камне. Клейн определил категории величины камней по фасадам<sup>1</sup>, отметивши каждый камень на большом рисунке соответствующими числами 1, 2, 3, 4 и пр.; вследствие чего фасады явились все испещренными этим цифровым узором. В объяснительном документе он подвел подсчет, сколько камней и какой меры потребуются на каждый фасад, и дал чертежи камней всех разрядов. Эмилий Федорович с Талицким составили проект контракта по поставке камня на площадь Музея в черновой его обработке. Проект готовится для Вашего решения. Другой проект заготовлен Талицким для того, кто получит подряд на обработку камня. Липгарт поставил цену 30 коп. за кубическую четверть аршина.

Свел Клейн в[се] расчеты и относительно гранита на цоколь, полагая, что Вам угодно будет сдать это дело Брусову, выше которого по значению, говорили и у нас, в Строительной комиссии, нет никого.

Ныне в заседании Комиссии Эмилий Федорович спрашивал меня, не знаю ли, когда Вы будете в Москве. Этот вопрос важен для него потому, что в четверг вечером будущей недели<sup>2</sup> он и Липгарт уезжают из Москвы по какому-то предприятию. Я сообщил ему, что Вы намерены были пожаловать сюда на 2-й неделе; но в какой день, не знаю. Будьте милостивы, когда состоится решение Ваше относительно выезда, послать мне весточку, чтобы я мог своевременно оповестить Липгарта. Все данные, какие можно было собрать здесь относительно каменного вопроса, готовы и ждут Вашего решения.

У Романа Ивановича готов и проект Центрального зала, обработанного в форме древнегреческого храма, с двумя ярусами колонн. Верхняя галерея протянута с трех сторон, по задней стене и по продольным сторонам. Не знаю только, как Вы найдете нишу, проектированную Клейном для статуи Императора Александра III. Раз греческий храм, то ниша годится ли? Другое дело, если бы избрана была форма древнехристианской базилики. Но остановиться на этой форме не будет ли в наших целях святотатственно<sup>3</sup>? Не навлечь

бы нареканий в претенциозности. Проект зала – в большом масштабе, так что можно будет рассмотреть дело подробно. С нетерпением ожидаем Вас.

**45. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ**

*22 марта 1899, Петербург*

Прошу прислать переписку с Онганио в Венеции как мою так и вашу Жду препроводительных бумаг Королеве Греческой и Принцессе Ольденбургской<sup>1</sup>

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

**46. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

24 марта

*24 марта 1899, Москва*

Спешу препроводить, согласно Вашей телеграмме, письмо г. Ongania, единственный документ, имеющийся в бумагах Музея. В заключении он обещает известить Музей о дне отправления мозаик из Венеции, но такового извещения до сих пор не поступало. Мы продолжаем жить при том же хаотическом состоянии дел, какое Вы видели в бытность здесь. И конца не видно беспорядкам<sup>1</sup>. Пропадает целое академическое полугодие. Пишу второпях. Более обстоятельное письмо отправлю на днях.

**47. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ**

24 марта 1899 г.

*24 (?) марта 1899*

Многоуважаемый Иван Владимирович.

Между бумагами, которые я сдал Трескину<sup>1</sup>, должна быть расписка Онганио в получении денег за мозаики, я ее у себя не нашел, а она может понадобиться в Венеции, пошлите ее, пожалуйста, *poste restante*\* в Венецию. Будьте благополучны.

Страждущий Нечаев-Мальцов.

**48. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ**

*24 марта 1899, Петербург*

Переписку с венецианским Онганио пришлите сюда Остаюсь до вторника<sup>1</sup>

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

\* до востребования (*фр.*).

**49. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

25 марта

25 марта 1899, Москва

На этой неделе я все хоронил близких людей: умер наш декан, профессор Троицкий<sup>1</sup>, умер старый служитель Музея<sup>2</sup>, поступивший на свое место еще при профессоре Леонтьеве и пользовавшийся особым доверием Университета. К этим панихидам и похоронным службам присоединились огорчения, причиненные последствиями студенческих беспорядков. Около 800 человек уволено из Университета, чуть ли не 300 не подали или не могли подать прошений об обратном приеме их в Университет; говорят о высылках студентов также и помимо университетского суда административным порядком. Молодежь дошла до последней степени [пробел в рукописи] и не хочет приступать к экзаменам, что грозит новыми осложнениями и новыми репресса[лиями], особенно в отношении студентов первого курса, которые должны будут, на юридическом и медицинском факультетах, уступить свое место новопоступающим.

Письмо Онганию я уже отправил в Венецию, на Ваше имя (poste restante, только по-итальянски я написал Вашу фамилию Netschaieff-Maltzoff; но это, конечно, не создаст Вам затруднений?) за несколько часов до получения последней Вашей телеграммы.

Черновую препроводительных бумаг Королевы элинов и Принцессы Ольденбургской возвратили мне от В. К. Истомина только вечером вчера; ныне обе бумаги переписываются, завтра, 26-го, попрошу подать их Великому Князю к подпису. В субботу казенный пакет пойдет отсюда, и в воскресенье, самое позднее, в понедельник<sup>3</sup> утром, он будет у Вас.

20 марта я представлялся Его Высочеству: он был очень рад, что секрет приготовления экстренного заседания Комитета удался вполне и что наш праздник<sup>4</sup> прошел так единодушно.

**50. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

27 марта

27 марта 1899, Москва

Спешу с первою же почтою препроводить к Вам бумаги, подписанные Его Высочеством вчера и вчера же вечером мне присланные. Конверты я не запечатываю, так как Вы должны прочитать текст этих бумаг, да и в Мин[истерст]во иностр[анных] дел, я не знаю, можно ли доставить запечатанные пакеты для пересылки по назначению. Вам этот вопрос легок – и Вы поступите с этими конвертами, как заблагорассудите. Спешу их отсылкою, чтобы они не задержали Вас лишний день в Петербурге. И без того Вам пора ехать на Юг.

Прилагаю письмо на имя директора департамента народного просвещения по вопросу об орденах гг. Бругш-бею и Орацио Марукки<sup>1</sup>. Не будете ли добры через Н.А.Зверева переслать это письмо по назначению. Ходатайство послано еще в декабре из Москвы.

Сейчас И.А.Колесников передал мне Ваше поручение переслать Вам счет и переписку с Вами г. Ongania. Я сейчас перебрал весь Ваш архив, и онганиевского не нашлось ничего, кроме двух визитных карточек, без всякой надписи. Очевидно, корреспонденция г. Ongania попала в какую-нибудь другую папку: у Вас их так много. В Венеции Вас ожидает на *poste restante* мое письмо с обращением г. Ongania в Музей о скорой отсылке мозаик в Москву. Других писем от него мы не имели.

### 51. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

29 марта 1899, Петербург

Бумаги получил переписку Онганию нашел простите еду завтра

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

### 52. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

31 марта, Москва

31 марта 1899, Москва

Большую радость мне принесло известие последней Вашей телеграммы о выезде Вашем за границу, предположенном на вчерашний день. Март и апрель у нас тяжелое и опасное время для всякого, а для организма, измученного продолжительным и усиленным напряжением, как Ваш после всех работ, выпавших Вам на долю в этом году, и подавно. С.И.Щегляев был совершенно прав, утверждая в последний раз, что Вы давно уже едете на одной энергии. Как я рад, что это письмо найдет Вас уже на берегу голубоводной Адриатики с ее блистательным солнцем, с ее теплом, с ее розами и цветами – и это в такое время, когда здесь кругом грязный снег, лужи, а небо свинцовое, и дождь моросит вторые сутки.

Атмосферическому нашему ян[вар]ю соответствует и наше душевное настроение. Университетские нестроения\* все еще продолжают, и конца им не видно. Ворота университетских зданий заперты и охраняются сторожами и полицией, молодежь бродит по городу, вся поглощенная своими делами и далекая от мысли об экзаменах, которые, по официальным объявлениям, должны начаться с завтрашнего дня и идти безостановочно 10 дней, до Страстной недели. Узы товарищества в глазах ее взяли верх над отношением

\* Уст. беспорядки, неустройства.

к родителям и родным, которые живут в сильнейшем страхе и ожидании дальнейших несчастий, при продлении этого демонстративного и преступного упорства.

Министерство, чтобы облегчить сдачу экзаменов после столь бестолково и бесполезно проведенного полугодия, сделало максимальные облегчения. Оно посчитало три недели слушания лекций (с 20-х чисел января по 8-12 февраля) за полгода – чуть не по мерке защиты Севастополя, разрешило экзаменоваться лишь из прочитанного профессорами, отказавшись от установленных программ, некоторые обязательные работы отнесло на будущий учебный год, и т.д. Но ничто не смягчает ожесточившуюся молодежь, и никакие убеждения на нее не действуют. Бесконечно жаль ее: она, в преувеличении собственного значения, разумеется, надеется победить университетское начальство и правительство и, конечно, горько поплатится за эту упорную надежду. Роковая беда для молодежи в том, что каждое ее поколение считает себя самым сильным и потому «для правительства» наиболее внушительным и даже грозным. А результат всегда неизменно один: является масса жертв, масса загубленных молодых жизней, не говоря уже о семьях этих несчастных. Но пронесется эта буря, надобно серьезно и добросовестно присмотреться к официальному строю университетов, созданному при озлобленном отношении к нашим университетам покойного Каткова<sup>1</sup>. Во многом одиозном, фальшивом и непрактичном нынешнего строя виноват Георгиевский<sup>2</sup>, бывший подручным, вместе с также озлобленным Любимовым<sup>3</sup>, у Михаила Никифоровича. Ложь нашей собственной жизни должна быть уничтожена: тогда строже можно будет относиться и к студентам.

Сейчас еду в Университет еще раз проверить Ваш архив. Прежде я не нашел там расписки Онганьо. Думаю, что ее там нет.

Нет, Юрий Степанович, этого документа у нас не существует. Сейчас мы с Иезберою<sup>4</sup> перебрали каждый лист в Вашем архиве.

### 53. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4 апреля, Москва

4 апреля 1899, Москва

Вчера я получил ответ директора департамента народного просвещения на письмо мое о награждении Бругш-бея орденом Св. Станислава 2 ст[епени] со звездой. Г[осподин] Рахманов<sup>1</sup> извещает, что ходатайство Московского университета об этой награде Министерством народного просвещения препровождено в Министерство иностранных дел 18 января сего года за № 1261. Спешу Вас уведомить об этом на случай, если бы Вам угодно

было воздействовать по этому вопросу на нашего консула; в Петербурге соответствующий запрос, надо думать, уже давно пошел. Мне как-то в Риме говорили, что дела о наградах иностранцам обыкновенно берут полгода времени.

В последнее время мой душевный покой смущает П.А.Некрасов, по поручению министра, предложением деканства. В былые годы, до нервной моей болезни 96 г., эта должность не принесла бы мне особого труда; но при нынешней утомляемости нервов и при разросшемся деле нашего Музея, обещающего стать одним из первых в Европе среди соответственных учреждений этого рода, после колоссальных Ваших даров ему, увеличивать число обязанностей мне не следует. На том же настаивают жена, Иловайский, Мейн и близкие приятели. Я и отказался, но попечитель прислал новое письмо<sup>2</sup> и убедительно просит и сам, и именем министра помочь правительству руководством историко-филологического факультета – в такое трудное время, как переживаемое университетами ныне. Необходимость оставаться в привычных условиях, убеждения близких мне людей и это нагнетание властей заставило меня обратиться за советом к профессору нервных болезней Роту<sup>3</sup>, лечащему меня, – и он мысли не допускает о принятии деканства. В этом смысле он написал письмо к Некрасову. Надеюсь, что меня оставят теперь при моем деле, которое я люблю и к которому привык. Ладить с гипсами будет несравненно легче, чем со студентами, а круг лиц, с которыми создается наш Музей, ко мне добр.

Роман Иванович работает не покладая рук, сидят над исполнительными чертежами у него 11 молодых людей. Насчет Центрального зала нужно решение Великого Князя и Ваше. Я боюсь, не придадут ли хоры по бокам этому помещению вид зал наших дворянских собраний, тип заезженный и наскучивший. Да и этот коринфский стиль в обоих ярусах<sup>4</sup> меня беспокоит. Высота зала 17 аршин [12,09 м], если не больше: что же мы станем ставить в столь высоком зале? И на что пригодился бы он нашим преемникам? Все это надобно обсудить сообща с Его Высочеством и с Вами, прежде чем утвердить проект.

Где Вы теперь? В Париже взгляните на ассирийских быков и ассирийского Геркулеса<sup>5</sup> подле них.

Персидский отдел с его реставрациями чудный в Лувре. А эти кафельные стрелки из лука? В Лувре изготовляют имитации с сохранением окраски.

## 54. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

8 апреля

8 апреля 1899, Москва

Ныне был я на площади и видел открытие строительных работ наступающего сезона. Чертежная обставлялась большими белыми столами для работ, стены затягивались полками, вносили стулья и скамейки. Инженер Рерберг<sup>1</sup>, помощник Клейна, устраивался с кухней, на житье здесь. Клейн в большом возбуждении носился на площади и отдавал распоряжения. Посланные<sup>2</sup> от каменщика Александра, взявшего на себя кладку, от Липгарта, от поставщиков кирпича Челнокова и Шапошникова и толпа рабочих были здесь налицо. Шли подготовительные работы над цементом, известкой, песком, разбором кирпича. В 3 часа принялись укладывать в дело бут.

Шапошников и Челноков оказались неисправными поставщиками; вместо 2 миллионов, которые они обязались поставить на стройку к 1 мая, они до сих пор поставили только 800 000 шт., да и то с историями ссор из-за недоброкачества кирпича. Ваша мысль о заимствовании кирпича у Строительной комиссии Университета<sup>3</sup> всеми признана в нашей Комиссии, и Зернов готов провести ее официальным образом, со стороны нашей уполномочены Клейн и Демосфенов вступить в договоры с кирпичником Байдаковым, взявшим на себя подряд в Университете. Но опасаются, не помешало бы здесь бездействие Быковского<sup>4</sup>, который, как раскопал Демосфенов, до сих пор не заключил форменного контракта с Байдаковым. Если и спасено будет дело, то только потому, что Б[айдаков] – давнишний поставщик на Университет, хотя и указывают на поднятие к настоящему времени стоимости кирпича до 30-32 рублей за 1 000 и на возникающее отсюда искушение для Б-ва, взявшегося за подряд при цене 26 руб. Шапошников и Челноков сконфужены и обещают возить кирпич все лето равными частями каждый месяц; но Клейн не находит возможности принимать их кирпич почти теплый и прямо с возов, благодаря частой недоброкачественности их кирпича.

Вырытые зимою и осенью рвы воды не дали, будучи заложены все бутом и частью кирпичом. Клейн радуется, что земляные работы на  $\frac{3}{4}$  были исполнены заблаговременно. Теперь, после пасхального перерыва, кладка пойдет безостановочно. До присылки Брусовым гранита для облицовки Клейн, выложивши бут, намерен заняться кладкою внутренних стен. Вчера мы ездили с ним к Козлову за Триумфальные ворота смотреть гипсовую модель Музея. Она заказана в значительных размерах<sup>5</sup>. Вчера мы рассматривали колоннаду и центральный портик. Все это очень эффектно: портик выступает на фоне колоннады массивно, и вид всего главного фасада истинно



музейский. Клейн, видевший через эту модель соответственные части самого здания, был радостно возбужден.

Теперь о мидянах. Вы, передразнивая какого-то очень ученого профессора, утверждаете, что «история мидян темна и неизвестна», и затем пунктум\*. Разъяснить эту темную историю мидян призывает Моско[вское] Арх[еологическое] об[щест]во гр[афиня] П. С. Уварова<sup>6</sup>. Она, при помощи Восточной комиссии Археологического об[щест]ва, организует раскопки в области древней Мидии<sup>7</sup> и в разосланной нам весной бумаге указывает на необходимость собрать для этих раскопок большой, «может быть, в несколько сот тысяч руб.» капитал: собрали-де же около миллиона руб. для Музея изящных искусств, где будут собраны одни, мол, копии памятников искусства. (Так и написано. Ах, она – завистница. Поеду ныне же ссориться с ней.) Насколько же важнее будет иметь оригиналы искусства и быта... мидян. Указывается далее на жертвы американцев, англичан, Германии и Франции на раскопки в разных областях Востока. На завтрашний день назначено обсуждение этого проекта, в присутствии Великого Князя. Проект вызван предложением французского правительства М[инистерст]ву народн[ого] просв[ещения] заняться раскопками на севере Персии<sup>8</sup>.

## 55. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

Венеция, 8/20 апреля 1899

8 апреля 1899, Венеция

Многоуважаемый Иван Владимирович.

Онганио в своем письме к Вам, которое Вы изволили мне сюда переслать, спрашивал Ваших указаний о времени отправки мозаик, а также и других инструкций. Он объяснил мне, что другие инструкции значили указание пути, т.е. отправить ли мозаики на Одессу или сухим путем. Вот причина задержки.

Я просил Онгания отправить мозаики сухим путем, малою скоростью и застрахованными полною стоимостью до Москвы по адресу: Императорский Моск[овский] университет, Музей изящ[ных] искусств. Онганио обещал их выслать в этом месяце. Я просил нашего консула, действительного с[татского] с[оветника] Сунди<sup>1</sup>, наблюдать за этою отправкою, и он обещал известить Вас о дне отправки. Вместе с этою отправкою Онганио отправит для моей личной библиотеки две книги, которые я прошу Вас по приходе в Москву вынуть из ящиков и сохранить до моего приезда.

Истинно преданный Вам

Нечаев-Мальцов.

Завтра буду в Равенне.

\* точка (лат.).

## 56. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

12 апреля, Москва

12 апреля 1899, Москва

Не зная, где догонит Вас настоящее письмо, считаю своим долгом и сердечным удовольствием принести Вам, Софье Степановне и Анне Степановне мои почтительнейшие поздравления с Светлым праздником<sup>1</sup> и, пользуясь сим случаем, пожелать Вам доброго здоровья и всего всем наилучшего. Переживая Страстную неделю, я вспоминаю наше общее говенье в нашей университетской церкви в минувшем году, когда Вы возвратились в этот храм после многих лет перерыва. Вспоминаю, сидя в настоящую минуту в кабинете Р.И.Клейна и поджидая его возвращения с Колымажного двора для окончания пересмотра дверей на плане Музея, как тогда в эти же дни Вы заняты были здесь же вопросом дальнейшей разработки фасадов, переделывавшихся по Вашей инициативе. Здесь, в этом кабинете-мастерской Р[омана] И[ванови]ча, Вы возбудили мысль, не произвести ли разведки камня для облицовки на Урале и в Коломенском уезде.

Перебираем мы с Р.И-чем планы перед начатием кладки стен. Архитекторы любят ставить двери по оси корпуса, все на одной линии, для симметрии. На бумаге это выходит красиво и гармонично. Но проф[ессор] Трей меня предупреждал на этот счет и советовал прокладывать двери, сообразуясь с потребностями каждого зала. Двери, прорубленные в середине поперечных стен, часто непоправимо вредят размещению памятников искусства. С точки зрения интересов научного и художественного материала мы и перебираем теперь одну залу за другою.

Кладка фундамента началась и идет своим чередом под наблюдением инженера Рерберга, Р.И-ча, сына подрядчика Александрова<sup>2</sup> и двух десятников. Вчера я зашел туда и всех застал на месте. А в Вербное воскресенье<sup>3</sup> был у меня старик Александров, которого я вызывал в Университет, чтобы побеседовать с ним насчет особой задачи, выпавшей ему на долю с этим необыкновенным заказом. Я указал ему на слова Государя, на заботы о Музее Великого Князя, на Ваши особые попечения и на возможность исходатайствования Вами у Его Высочества почетных наград главным подрядчиком, если только они приложат особые старания и проявят все свое умение, при полной добросовестности. Старик прослезился и, обратившись к образу, перекрестился в доказательство, что он всю свою силу положит на то, чтобы здание было по кладке образцовым: «Я-де не только не сделаю хуже Пантелеева, но и гораздо лучше; я не выложу, а солью стены Музея». Будущее покажет, сколько правды в этих слезах, в этой божбе и в этих уверениях. Александров из Владимирской губер-

нии, а владимирцы, умея быть и плутоватыми, способны к увлечению и к великодушию<sup>4</sup>. Как знать, что эти свойства не проявятся и в этом нужном для нас старике, пришедшем лет 35 назад в Москву с котомкой за плечами простым каменщиком, а теперь [он] хозяин артели в 700 человек каменщиков и плотников и владелец 4-х домов по одной улице, и домов, говорят, четырехэтажных... Во всяком случае, поговорить с ним попросту, как с человеком, а не как с казенным подрядчиком, мне хотелось. На Пасхе, в половине недели, съезжу к нему и оставляю карточку, чтобы более привязать его к нашему делу.

Сейчас возвратился Р.И-ч и сообщил, что Рингель во Франкфурте, отсюда едет в Париж и везде изучает каменное дело. Вот что значит истый, основательный немец: с таким человеком приятно иметь дело, не то что с Челноковым и Шапошниковым.

Проект отопления и вентиляции вышел лучше у Залесского, но и ему вместе с 3-мя другими фирмами дали задачу переработки<sup>5</sup>. Объявлена премия в 500 руб. Срок – 2-3 недели. Премию получит 2-й проект по достоинству, 1-й же будет пущен в дело.

Великий Князь, по болезни, на обсуждении мидийского вопроса в Археологическом обществе не был. Решили просить у казны 10 000 руб. на разведки.

## 57. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17 апреля, Страстная суббота.

*17 апреля 1899, Москва*

Переносясь мыслию к Вам и не зная, где Вы встречаете Светлый праздник, решаюсь послать это письмо в Париж, *poste restante*. В конце Святой или на Фоминой<sup>1</sup> Вы, вероятно, будете у Вашего доктора, авось заедете за письмами на почту, которая в последние годы перенесена в центр города, неподалеку от Лувра, если не изменяет мне память. Мысленно посылаю Вам всем искреннейшие поздравления с наступающим Праздником и самые лучшие пожелания: дай Бог, чтобы отдых, Юг со всеми благословениями его весны и советы избранного Вами профессора принесли Вам полное освобождение от недуга. Мне было очень горько встретить в последнем Вашем письме из Петербурга<sup>2</sup> скорбную подпись, тем более, что упадок сил и энергии замечен был уже в последние дни пребывания Вашего здесь.

У нас все еще весна не вступила в свои права; только ныне теплее, чем в эти дни, но зато ветер вздымает целые облака пыли по Москве. Если к полуночи ветер стихнет, встреча Светлого Воскресения в Кремле может быть очень эффектной.

На днях приезжал сюда профессор Кондаков на пути с Афона. В Археологическом обществе он делал интересное сообщение<sup>3</sup> о своем пребывании там. Следя за ростом нашего Музея, он в восторге от нечаянных успехов. Как большой специалист по истории средневекового искусства, он может быть в свое время очень полезен своими указаниями. Ему хотелось посмотреть картонны Реймана, я показывал их в Университете. Они до того пленили его и показались ему в такой степени необычайными в истории копирования катакомбной живописи, что у нас тут же возник разговор, нельзя ли было бы представить их Совету Академии художеств в одном из его заседаний для присуждения Рейману степени академика или профессора живописи<sup>4</sup>. Кондаков состоит членом Совета Академии и высказался за полную возможность такой оценки трудов этого необыкновенного подвижника искусства. А такое внимание со стороны нашего высшего учреждения Рейману принесло бы большую радость и подняло бы его энергию. Наверное, у Вас много знакомых и приятелей в академической среде: не найдете ли, по возвращении, глубокоуважаемый Юрий Степанович, возможным поддержать эту мысль между академическими профессорами. Рейман натерпелся много горя, видел много бедности в свои тяжелые годы; обеспечение его пенсией и этот нравственный подъем будут для него настоящим бальзамом в наступающей старости.

Французский ученый архитектор Chipiez, работающий вместе с академиком Perrot над монументальной «Histoire de l'art dans l'antiquité»<sup>5</sup>, во 2-м томе, посвященном Ассирии, представил превосходную реставрацию входа во дворец Саргона в Хорсабаде; кроме крылатых быков, вход украшен эмалевыми кирпичами. Хотелось бы имитировать этот вход в нашем Ассирийском зале. Клейн говорит, что это будет не трудно сделать по рисункам Chipiez; но где нам заказать эмалированные кирпичи с орнаментом? Сделают ли их в России? Рисунок очень простой. Впрочем, виноват – реставрация Саргонова дворца в Хорсабаде принадлежит Thomas<sup>6</sup>, а Chipiez у него заимствовал. Необходимо этот зал расцветить, а то он со своими рельефами будет скучен. Его могут поднять только быки да эмалевые изображения вместе с орнаментальной живописью<sup>7</sup>.

## 58. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

21 апреля, Москва

21 апреля 1899, Москва

Вчера спрашивал я у С.И.Щегляева, куда адресовать Вам письма, но мне ответили, что он еще не возвращался в Москву. Ныне я уже получил от него телеграмму и вследствие того пишу Вам в Париж, в Hôtel Continental. Последнее письмо я направил в тот же город, но на poste restante.

Если бы Клейн знал, что Вы в настоящее время уже в Париже, с каким удовольствием он явился бы к Вам. А теперь он ездит и ходит мимо Вашего отеля и не подозревая, что Вы так близко. Уехал он в Париж, по окончании работ на Колымажном дворе на Страстной<sup>1</sup>, посмотреть на устройство безбалочных потолков из бетона. Так как он за нечто подобное был судим здесь нынешней зимой и, благодаря заступничеству проф[ессора] Белелюбского<sup>2</sup>, был блистательно оправдан против обвинения Городской управы, доказавшей свое невежество, то какая-то очень большая фирма в Париже пригласила его прибыть туда и осмотреть ее новое, колоссальных размеров, сооружение этого рода, приготовленное ею для выставки 1900 г.<sup>3</sup> Фирма эта оплатила Р[оману] И[вановичу] все путевые издержки и пребывание в Париже. В начале Фоминой он будет уже в Москве, к открытию работ. На обратном пути он хотел заехать к проф[ессору] Трею в Дрезден и посоветоваться с ним насчет некоторых подробностей по Музею. Как жаль, что он не явится к Вам в Париже!

Праздник проходит, и благодаря дурной, холодной погоде, и в силу особых условий университетской жизни, у нас очень вяло. Все мы сидим по своим углам, и нет желания ни с кем видаться. Всеми нами овладело чувство меланхолии, и никто не хочет выходить из собственной скорлупы. Общественные интересы у нас исчезли. Такого тяжелого момента я и не запомню в нашей факультетской жизни.

Попечитель до сих пор не нашел нам декана: после меня обращался он к Виноградову, к Ключевскому, к Коршу<sup>4</sup>, – никто не принимает. Герье<sup>5</sup> и принял бы, но боятся его нрава. Приходится попечителю сделать последний шаг – обратиться к проф[ессору] Кирпичникову, несколько месяцев назад перешедшему к нам из Одессы<sup>6</sup>. Из Петербурга пришло известие, что министр наш на последнем докладе Государю представил такой проект успокоения молодежи высших учебных заведений, который очень понравился Его Величеству. Государь продержал его на этом докладе 2 часа. Это сделалось по Петербургу известно на другой же день и истолковано как факт поднятия фондов Боголепова. В чем заключается этот проект, пока не известно; но слышно, что в июле состоится съезд попечителей округов и ректоров университетов для выработки общей программы действий<sup>7</sup>. На днях пришлось говорить об этом с Зерновым: он не придает поднятию значения Боголепова никакого веса для успокоения высших учебных заведений и смотрит на будущее совершенно пессимистически. По общему [мнению,] меры, недавно практикованные для водворения порядка, не достигнут цели. Почему устранены от совета профессора, почему они целое полугодие находятся в какой-то не то опале, не то отставке? Лекций они не читают, потому что

нет студентов, к водворению же спокойствия их не призывают. Вершит в университетах все трудные дела теперь только одно Правление, т.е. деканы и ректор; но кто же скажет, что их ума, знания и понимания опасного положения дел, их нравственного авторитета достаточно в такое критическое время? Одними циркулярами и исполнением их не поправишь расшатанного университетского организма. Все это очень грустно.

### 59. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

24 апреля, Москва

24 апреля 1899, Москва

Был у меня Левенсон с приглашением посмотреть шаблон дипломов. Все цветные части и вся художественная рамка вышли очень хорошо<sup>1</sup>, но портрет Императора Александра III не удался совсем. Изображение вышло какое-то бонбоньерочное. Случились в это время в его ателье два живописца; начали все обсуждать вопрос, как же поступить с портретом. Мне пришла мысль попробовать попросить Великую Княгиню о позволении снять копию с портрета Александра III ее диплома. Чтобы не беспокоить Ее Высочество личным представлением, я, написав письмо М.П. Степанову ныне утром, послал его в Кремль, а после завтрака диплом был уже у меня. Завтра вызову Левенсона и отдам ему для копирования. Великая Княгиня выразила волю, чтобы диплом долго не держали в мастерской и чтобы возвратили ей его, как только минует в нем надобность.

Весною Вы представили диплом Ее Высочеству без подписи председателя Комитета и просили, чтобы Великий Князь подписал его. Он теперь носит обычную подпись, так что желание Ваше здесь исполнено Их Высочествами в точности. Просьба шла, кажется, чрез Великую Княгиню. Звание почетного члена Комитета стоит в их мысли очень высоко, так как именно этим званием выразил Великий Князь желание почтить Саксонского короля Albert'a<sup>2</sup>, учредителя знаменитого и для нас служащего во многом образцом Albertinum'a в Дрездене. Это будет первый случай поднесения звания почетного члена иностранному государю, если не считать родную нам Королеву элинов Ольгу Константиновну. Этот вопрос о возведении Саксонского короля сообщен мне Истоминым и отложен Великим Князем до Вашего возвращения.

В беседах наших о Музее мы так часто ссылаемся на Albertinum и на профессора Егора Егоровича Трея, петербургского уроженца и много лет служившего в молодости в Эрмитаже, что у меня явилась мысль возобновить перед Вами просьбу пожертвовать парой дней для заезда в Дрезден, чтобы посмотреть на Albertinum в его нынешнем состоянии. От Берлина

до Дрездена чуть не 3 часа езды; лучше только не ехать из Дрездена на Варшаву: этот путь я делал два раза, и оба раза он показался мне скучным своими извилинами и пересадками. На будущее время я решил делать заезды в Дрезден из Берлина: этот путь скорый и наторенный<sup>3</sup>.

Я бы осмелился командировать Вас из Берлина в Дрезден, а Вы можете отомстить мне командировкою из Москвы в Афины – Египет, за какую мысль я буду весною 1900 г., если доживу, очень признателен<sup>4</sup>. А то, когда Вы говорите с Клейном о Египте, меня только зависть берет. Да и вообще, когда приходится читать об этой стране и ее искусстве, бродишь точно в потемках.

Здесь был проездом на Юг Зверев; через 10 дней он будет в Москве обратно. Тогда узнаем новости, а сейчас слышится только одно недоброе по адресу нашего министерства. Страшно раздражены родители и общество. А это гораздо печальнее галденья и протестов студенчества. Время очень тяжелое.

Как идет Ваше лечение?

## 60. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 апреля, Москва

29 апреля 1899, Москва

Только что пришел я со стройки, где виделся с Р[оманом] И[вановиче]м, вчера возвратившимся из-за границы. Он был в Париже, в Мюнхене, Дрездене и Берлине. Очень сожалеет, что не знал о Вашем одновременном пребывании в первом из этих городов: мимо Continental'я он проезжал несколько раз. В Париже он съехался с Рингелем, который осматривает главные каменные копи Германии и Франции и закупает необходимые машины для извлечения и первоначальной обработки камня. Он, по словам Клейна, всецело увлечен делом и готовится к нему со всею серьезностью.

Во всех прочих городах Р.И-ч осматривает музеи и в Дрездене беседовал с Треем, который с величайшим интересом следит за нашим предприятием и радуется нашим успехам. Он просит прислать ему фотографии плана и фасадов, чтобы дать кое-какие детальные указания относительно некоторых внутренних помещений. Размах нашего Музея, ставящий его в число первых среди однородных учреждений мира, Трея очень увлекает: недаром его молодость прошла в России, хотя по службе в Эрмитаже его не пустил покойный академик Стефани<sup>1</sup>, не отгадавший в нем дарований музейского организатора, а Георгиевский отказал ему в месте учителя петербургской гимназии. Но все в этом свете делается к лучшему: теперь это – одно из виднейших имен между археологами Европы.

На стройке пока только «раскладываются»: строят барак Липгарта для производства смеси цемента, извести и песку<sup>2</sup>, копают рвы под стены задней половины здания, кладут понемногу бут в передней половине. Рабочие в эту неделю только съезжаются; работа полным ходом пойдет лишь с 10 мая, согласно контракта Александрова с каменщиками; но число рабочих будет увеличиваться будущей неделей каждый день. На стройке был я и вчера: было рабочих гораздо меньше, чем ныне.

Клейн очень сожалеет, что нельзя применить в нашем Музее бетонных потолков, так как железные балки уже заказаны. Это-де было бы много дешевле, и прочность только-де выиграла бы. Бетону в строительном деле он предсказывает колоссальную будущность. Пытается надежду получить от Комитета разрешение построить кассетонный потолок в большом Центральном зале, если только он будет строиться. Кассетоны из бетона он надеется вывести очень эффектные.

Два последние дня я провел в сношениях с семейством Львовых<sup>3</sup>, принесших в дар Румянцевскому музею картинную галерею высокой ценности. Несколько Левицких и Боровиковских, Брюллов, Щедрин, Воробьев, Орловский, Дау, Тончи, Каналетто, Грез<sup>4</sup> и др. М-те Львова мотивирует пожертвование многочисленностью детей: у нее, кажется, 6 или 7 человек; разделят-де и разобьют собрание, составлявшееся с прошлого столетия. Владея большою, по ее словам, библиотекой художественного и преимущественно архитектурного характера (Львов<sup>5</sup> был строителем Могилевского собора при Екатерине), она выразила желание пожертвовать ее нашему Музею<sup>6</sup>. Я очень благодарил ее; к сожалению, она уезжает завтра в Волынскую губ. и оттуда за границу на целый год. Впрочем, она будет жить в Риме, и я надеюсь завязать сношения с нею через Реймана, картонами которого она очень увлечена.

Думаю ознакомиться с дублетами Румянцевского музея, которые он рассылает правительственным учреждениям даром: может быть, там что-нибудь найдется по искусствам.

Был у меня скульптор Баринов<sup>7</sup>. О нем напишу в ближайшем письме.

Как Ваше здоровье? Отдохнули ли Вы?

## 61. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

2 мая, Москва

2 мая 1899, Москва

Ныне отправляется Великий Князь в Петербург на 6 число<sup>1</sup>. Мне было поручено составить записку о Реймане, о его необыкновенных трудах и о даровании ему пожизненной пенсии. Записку я подал и получил утешительное



сообщение, что она пойдет в Царское Село и там будет доложена Его Величеству<sup>2</sup>. Дай Бог успеха Рейману, этим совершенно успокаиваемому на дни надвигающейся старости! Как только получу какие-либо определенные известия о последствиях этого ходатайства Великого Князя, в тот же день отпишу Вам.

В заключение последнего письма я упомянул о скульпторе Баринове. Он являлся с просьбою рекомендовать его Вам для вырубки из камня фриза колоннады, обещая положить на это дело всяческие старания. Много говорил он о недостатках каменной кладки памятника Александра II и приписывал их тому, что ни Султанов, ни Жуковский были не компетентны в каменном деле. По его словам, основание, на котором покоятся колонки галереи, дает уже и теперь волнистую линию, и что колонки расширяются в своем расстоянии одна от другой и грозят трещинами аркам. Он боится, как бы не случилось чего-нибудь подобного и с основанием нашей колоннады, которое понесет большую тяжесть десятков каменных колонн. По его мнению, за каменными работами должен быть установлен особый, специальный надзор специалиста каменного дела. Я все это выслушал и обещал сообщить об этом Вам как единственному хозяину и главе этого вопроса.

Что говорил он о памятнике, в том он прав: это утверждает и Клейн. Может быть, и соображения его относительно трудности задачи, предстоящей Листу и Захарову у нас, имеют основания<sup>3</sup>; но как учредить технический надзор за облицовкою и величественной колоннадой в подмогу Р[оману] И[вановичу], я не знаю. Отсутствие технического и специального контроля при устройстве памятника Александра II дало гибельные последствия скорее, чем это ожидали и предсказывали. Но Баринов ли должен быть этой контролирующей силой у нас, – вопрос, мне не известный. О просьбе его я говорил Клейну, тот сначала засмеялся, а потом начал резко критиковать характер Баринова как человека неуживчивого, поссорившегося и с ним, и с Померанцевым, и с Листом, у которого он облицовывал соседний с Вашим дом Кельх<sup>4</sup>.

На Колымажном дворе с каждым днем разгорается работа. Каменщики уже живут в бараке. Мы с женою ходили посмотреть на огромные творила для извести, дымящейся в разных местах площади, на закладываемые фундаменты, на эти колоссальные рвы и выемки подвалов и на массы всевозможных строительных материалов. Площадь теперь неузнаваема. Р.И-ч провел нас и в барак, где рабочие пили чай в ту минуту. Клейн очень доволен кладкою фундаментов и десятниками, нашим и от подрядчика. Во вторник, 4-го, он начинает кладку кирпича. 10-го будет пущена работа полным ходом, явится Фишер<sup>5</sup> с аппаратом и снимет вид полного начала работ. К Вашему приезду, ожидаемому в июне, бут весь уже уложат в дело.

Брусов дней через 10 поставит первый вагон гранита. В пятницу, 7-го, собирается Комиссия для решения, кому сдать отопление и вентиляцию. Кажется, вот и все наши новости.

## 62. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4 мая, Москва

4 мая 1899, Москва

Клейн снова возил меня ныне к скульптору Козлову, за Тверскую заставу, посмотреть продолжение модели Музея. Теперь окончен весь главный фасад и начат один из боковых. Здание выходит очень красивым; только по колоннаде и портику не придется ли пустить колонны толще, как это кто-то заметил, рассматривая рисунок фасада у Вас? Надобно очень подумать и примериться, раньше чем станут рубить ствол колонн из камня. А то как бы не наставить колонн поджарых и слишком тонких, что совсем испортит впечатление. Р[оман] И[ванович] себя не жалеет и готов переделывать до полного удовлетворения. Сначала у Козлова отольют колонну из гипса и, сделав из досок уголок колоннады, поставят ее на место. Было бы целесообразнее отлить три колонны, благо форма будет готова, на трех игру света и воздуха наблюдать будет надежнее. Колонны – наше главное украшение, и поработать над ним необходимо. Кого бы из Ваших знакомых архитекторов пригласить для этой экспертизы? Бенуа или Померанцева<sup>1</sup> или, при случае, того и другого? Бывает, говорят, в Москве иногда и Гедике<sup>2</sup>. Это такой коренной вопрос, что нужно испробовать все возможные средства. Р.И-ч говорит, что достаточно воспроизвести целиком колонны Эрехтейона с его восточного фасада (колонны его северного портика выше и толще); но так ли это? Высота нашего цоколя чуть ли не вдвое больше основания, на котором стоит восточный фасад этого храма. К тому же и расстояние колонн от стены целлы<sup>3</sup> Эрехтейона меньше глубины нашего портика, а близость колонн к сплошной стене придает им в толщине. Устройство переднего фасада с его величественной колоннадой отлагается Р.И-м на два года, успеет он и собрать все необходимые сведения, и произвести эксперименты.

От Козлова мы поехали к Залесскому потолковать об отоплении. Залесский настаивает на необходимости устройства паро-духового отопления, при условии, чтобы оно было первоклассным по исполнению. Говорит он, по его уверению, как специалист, как профессор этого предмета, и при том из желания поработать для Музея из мотивов чисто нравственных. Говорил Залесский горячо и убежденно; Р.И-ч объявил, что он сбит с толку и ничего не может сказать теперь; я, ничего в этом деле не смысля, предложил Залесскому приехать в заседание Комиссии, назначенное на 7-е число. Он обе-

щал. Пусть решат Демосфенов, Щербатов и др., как Казначеев, люди опыта.

Есть в Румянцевском музее некто Щуров<sup>1</sup>, молодой человек лет 35, начитанный, знающий новые языки практически, ездящий систематически по музеям Европы, ученик Московского коммерческого училища, очень практический. Работает он там как исполнитель разных поручений в библиотеке, в канцелярии, в отделении изящных искусств; весьма способный к техническим наукам. Я буду просить Вашего особого внимания к нему: не определить ли письмоводителем его в Строительную комиссию и под руководство Р.И-ча при стройке Музея, и особенно при устройстве отопления? Из Щурова выйдет отличный смотритель здания Музея и библиотекарь, что легко было бы соединить в одном лице.

### 63. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

9 мая, Москва

9 мая 1899, Москва

Представители фирмы Voгау<sup>1</sup> прислали через И.Ю.Шульца в Комитет 10 000 руб., которые сданы уже в казначейство. Эта жертва повергла некоторых членов в уныние, других привела она в веселое настроение, заставившее их поострить на счет бедности оборотов этой фирмы в России. Надулся и добродушно злословил по этому поводу Клейн, введший всю эту троицу в Комитет в наилучших надеждах, теперь не осуществившихся. Лично же я, напротив, радуюсь, что не прислано меньше, вспоминая дело пожертвования А.Е.Арманда. Сначала он внес три тысячи руб., но стоило съездить к нему 18 авг[уста] минувшего года в Пушкино, по душе поговорить с ним, поставивши вопрос на семейную почву, и 19-го уже было от него заявлено о 30 000 руб. на зал имени его покойного отца<sup>2</sup>. По слухам, К.К.Банза, сильнейший представитель этой фирмы, человек очень хороший: как знать, что личные переговоры, при случае, Ваши не приведут к более утешительным результатам? Что-то говорит мне, что надежда здесь не потеряна и что эти 10 000 только доброе начало хорошего дела. *Qui vivra, verga\**.

В последнем заседании Строительной комиссии<sup>3</sup> сданы отопление и вентиляция проф[ессору] Залесскому. Он в заседании говорил столь убежденно в пользу паро-духового отопления в залах и водяного отопления в читальне, аудитории и квартирах, что Комиссия вынуждена была уступить. Трубы водяной системы отопления, по его словам, обезобразили бы художественные залы и, при своей открытости, давали бы постоянную пыль, а поместить их в какие-либо шкафы никто из конкурентов не нашел возможным.

\* Поживем – увидим (*фр.*).

Цена отопления и вентиляции 55 000 руб. Залесский обещал положить все свое разумение, чтобы это отопление было первоклассным, как он выразился, и чтобы доказать свое искреннее желание послужить прекрасному учреждению. Объясняя свои чертежи, он высказал сильнейшее желание, чтобы камеры выложены были изразцами: тогда-де и обыкновенно ленивая и неопрятная прислуга казенных учреждений будет держать камеры в чистоте и не станет разводить там пыли по стенам и потолкам. По мнению его, даже покрытие стен силикатом не даст гарантий такой легкости держать камеры в чистоте, как изразцовая облицовка. Трубы в камерах будут покрыты какой-то эмалевой, гладкой краской.

На площади идут кладка фундаментов, кладка стен, работы в липгартовском бараке над изготовлением раствора. За кирпичом остановки не будет, так как, кроме университетского кирпича, Якунчиков обещал начать поставку своей партии раньше контрактного срока.

Как идет Ваше лечение? Пошли Вам Господь полного восстановления сил.

#### 64. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

12 мая, Москва

12 мая 1899, Москва

До меня дошел только что слух, но совершенно неопределенный, о семейном Вашем горе, постигшем Вас в Париже. Клейн узнал о тяжелой болезни, поразившей Софью Степановну, но какая это болезнь и как идет ее лечение, сказать он не мог. Примите выражение сердечнейшего моего соболезнования и, если возможно, передайте его болящей вместе с надеждою, что с Божией помощью и при искусстве парижских врачей недуг не оставит и следа.

Какова-то у Вас весна? Неужели такая же холодная и переменчивая, как здесь?

Вчера, приготовивши бумагу о даровании Комитету льгот<sup>1</sup> по провозу строительных материалов, я должен был представить ее к подпису Великому Князю. Его Высочество расспрашивал, где Вы в настоящее время, в каком положении Ваше здоровье, у кого и с каким успехом Вы лечитесь. Я еще не знал тогда о Вашем семейном горе и не мог сообщить ему об этом. Великий Князь интересовался затем ходом работ на стройке и выразил намерение, до отъезда в Ильинское на лето, быть на Колымажном дворе, причем обещал предварительно дать мне знать о времени приезда<sup>2</sup>. Надобно будет созвать к этому часу членов Строительной комиссии и главных подрядчиков, Александрова и Липгарта, лично следящих за работами.

Липгарт ежедневно ездит сам на установку своего парового двигателя для производства раствора. Клейн смеется, как этот немец возвел у него на самом видном месте целое сооружение для своей машины. Немцы действительно аккуратны: пока ставился этот павильон, специалисты стояли целый день, один с утра до обеда и другой во всю 2-ю смену. Керосинный двигатель ныне работает, и потому ручная работа над производством раствора прекращена.

Надзор за кладкою ведет военный инженер Рерберг, сын И.Ф.Рерберга<sup>3</sup>, человек серьезный, трудолюбивый и очень скромный. Снявши военную амуницию и облекшись в синюю блузу, он лазит по канавам, где закладываются теперь фундаменты, и зорко следит за кладкою стен. Работа, по его словам, ведется хорошо, по категории «особо-чистой кладки здания, имеющего особую важность».

На днях обсуждался на самой стройке вопрос, нужно вести кладку кирпича «с расшивкою пазов или нет»? Расшивка придаст красоту и при отсутствии штукатурки имеет хорошее декоративное значение; но мне сказали, что ввиду штукатурки или каменной облицовки у нас расшивка излишня, а при штукатурке скорее вредна. Александров-де не постоит, расшивку сделает; но она-де бесполезна. Я, как дела этого не ведающий, должен был поневоле согласиться и сказать: gut\*.

## 65. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

14 мая, Москва

14 мая 1899, Москва

Ходатайство о награждении орденом Бругш-бея уважено, хотя, по отзыву Министерства иностранных дел, не в той мере, как, согласно Вашему указанию, просили мы. Министерство, принявши во внимание, что министр иностранных дел Египетского хедива<sup>1</sup> имеет орден Станислава 2 ст[епени] со звездою, нашло возможным назначить Бругш-бею орден Св. Анны 2 ст[епени]<sup>2</sup>. Наше Министерство должно было согласиться с этим соображением и отписало о том и нам. Теперь, при случае, Вы можете поздравить Вашего каирского приятеля. В том же представлении я ходатайствовал о награждении римского профессора Марукки: получил орден Станислава 2 ст[епени] и он.

Только что возвратился я с Кольмажного двора. Р[оман] И[ванович] в восторге от превосходной кладки фундаментов и стен. Был вчера там и Лист: он откровенно сознался, что в России он и не видывал такой тщательной кладки. Фундаменты кладутся одновременно под все здание, включая

\* хорошо (нем.).

сюда и Центральный зал. На работе 200 человек кладчиков, не считая здесь землекопов и партии рабочих Липгарта.

Ныне получил телеграмму от генерала Степанова с известием, что Великий Князь желает видеть работы и в течение лета приедет на площадь, предупредивши о том заблаговременно. Как было бы хорошо, если бы это случилось по Вашем возвращении из-за границы и совпало бы это с Вашим пребыванием здесь! Его Высочество выразил желание, чтобы вызваны были тогда на стройку и главные подрядчики на важнейшие работы. Как Ваше мнение? Лист уже и теперь ездит на работы, изучая местность, и скоро вместе с Захаровым приступят к постройке лесов. А раз получают приглашение они, захотят быть Липгарт с Рингелем, Александров с своею правою рукою Бусургиным и, может быть, также и молодой Брусов<sup>3</sup>. Если Вы приедете, можно будет собрать членов Комитета и Строительной комиссии. Такое торжественное посещение и осмотр работ при такой необычной обстановке должны произвести сильное впечатление и на подрядчиков, и на рабочих. А долговязый Никольский с другом своим Коганом заработают в тот день особо обильный репортерский гонорар<sup>4</sup>. Они навещаются ко мне, но выдающихся новостей нет, – и они, бедняги, остаются без прибыли от нашего Музея.

Как идет лечение Софьи Степановны? Дай Бог, чтобы недуг миновал скорее и с этим возвратилось ваше общее спокойствие.

#### 66. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

*15 мая 1899, Москва*

Весьма желал бы Вас видеть

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

#### 67. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 мая, Москва

*19 мая 1899, Москва*

Два последние заседания Строительной комиссии и специальное собрание подкомиссии посвящены были всестороннему обсуждению вопроса, какую же, наконец, систему отопления нам выбрать. Подкомиссия остановилась на паро-духовом для зал Музея и на водяном для аудитории, читальни, библиотеки и жилых помещений. Но нынешнее собрание Комиссии, особенно многолюдное, ввиду новизны паро-духового отопления и возможности получения копоти в залах из жаровых труб и отдушников, постановило отправить депутацию в Петербург к профессору Веденяпину<sup>1</sup> как высшему, говорят, авторитету в этом вопросе. В депутацию

вошли Демосфенов, Клейн и я. Клейн торопит решением, потому что ему нужно пролагать жаровые трубы; хотели мы отправиться ныне же, но нам дали знать, что Веденяпин в Париже и прибудет в Петербург через четыре дня. Р[оман] И[ванови]ч обещал задержать кладку теплопроводов и дымовых труб на эти дни.

Кладка и земляные работы, при прекрасной погоде, идут ходко. А Липгарт соорудил форменный завод с весьма сложным механизмом. Для этого он перенес на Колымажный двор фабрику, нарушенную им в другом месте, где-то чуть ли не у Устинского моста. Он было начал готовить раствор для кладки зданий и доставлял его в готовом виде по Москве; но дело не пошло. Приборы у него остались без работы, вот он и перенес их к нам, соорудивши у нас что-то весьма сложное, прочное и внушительное. Постройку и установку он поручил своему сыну, инженеру<sup>2</sup>; этот задумал отличиться и потому, при самой деятельной работе, фабрика еще не готова вполне и до сих пор. Обещал пустить ее всю на прошлой неделе; но успел приготовить и пустить в ход только малые приборы. До сих пор смесь или раствор производится руками, его рабочими на площади.

Ныне работало по всем частям до 400 человек. Большинство их в красных рубашках, и оживленная работа по всем концам площади представляла очень красивую картину. Народ в начале сезона бодрый, и работа, особенно в превосходном, сухом и песчаном грунте, движется быстро. Ныне Фишер был на площади с фотографическим аппаратом и, говорят, сделал несколько снимков. Он задумал последовательно снимать, чрез известные промежутки, стройку Музея, чтобы после заготовить целый альбом.

Рабочие просят выдачи им по 5 коп. на брата по субботам, на баню. На частных стройках в Москве это – обычное явление. Но Строительная комиссия, предвидя расход за все время стройки в 1 600 – 1 800 руб., не решилась производить эту трату; да представитель Государственного контроля ее и не признал бы. Отказ сильно огорчил рабочих: баню-де летом по субботам они считают для себя благодеянием.

Здесь распространилась весть, что здоровье Софьи Степановны поправилось. Слава Богу.

## 68. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

23 мая, Москва

23 мая 1899, Москва

Приезжал Брусов-сын для ознакомления с кладкою на месте и привез рисунки бокового цоколя, им заготавливаемого. Клейн забраковал целую половину на том основании, что формы камней в двух половинах и укладка их

совершенно разные, на правой стороне – одного рисунка, на левой – другого. Р[оман] И[ванович] согласен, чтобы камни гранита были меньше размером, но формы одинаковой на одной и той же площади. Брусов увидел ошибку и беспрепятственно согласился. Доставку 1-й партии он обещал начать с 15 июня<sup>1</sup>.

Балки из-за границы Готье<sup>2</sup> начал доставлять, и 6 штук уже лежат со вчерашнего дня на площади, к большому смущению Рерберга, предвидящего большую тесноту на Колымажном. Коронное место впереди Музея занял Липгарт со своим сооружением, которое шумит, пытит и пар пускает, но все еще путем не действует. По-прежнему его инженеры снуют около машины, но полностью ее не пускают в дело, и по-прежнему артель рабочих его мешает раствор руками и при помощи лошадки. Клейн показывается со смеху при виде хлопот этих «основательных» немцев, устраивающихся у нас словно на вечные времена. Не раз при этом в конторе<sup>3</sup> рассказывается Ваша сказка Великому Князю о трех человеках, русском, еврее и немце. Немец остается верным Вашему определению до днесь. Как разместятся камень, гранит, железо, кирпич, песок, известь, цемент на площади и где займут место для работ Захаров, Лист и Брусов, Рерберг пока не предвидит.

Захаров и Лист что-то смущены характером условия с Липгартом, который после того, как выяснился вес  $\frac{1}{4}$  куб. четверти облицовочного камня в 34 или 32 фунта (вместо 1 п[уда]<sup>4</sup>, как предполагалось прежде), получит денег на сколько-то % больше совершенно даром. С своим сетованием и расчетами они являлись и к Р.И-чу, – тот потешается над ними и особенно над Листом, который делает в сознании своих убытков преуморительно печальную физиономию. «Я – торговый человек, я этого не могу простить Липгарту, я не читал в последний раз контракта, а то я бы не согласился», – и т.д. лопочет Лист. – «А коли Вы – торговый человек, так читайте подписываемые контракты; Вы, Лист, сами кругом виноваты», – потешается над ним Клейн. Захаров и он входили с этим вопросом в Комиссию; но она отклонила их просьбу как себе неподсудную. В чем, в сущности, дело, я в толк не возьму.

Ждем мы призыва Веденяпина, чтобы ехать в Петербург. Члены Комитета спрашивают, почему мы едем к Веденяпину, а не он в Москву. Это наши в Комиссии и скорее и дешевле. Веденяпин в больших военных чинах, да и заплатить ему за беспокойство нужно было бы много.

Совершенно ли поправилась Софья Степановна?

Когда Вы возвратитесь в Россию?



## 69. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

27 мая, Москва

27 мая 1899, Москва

Мы со дня на день ожидаем известия из Петербурга о времени прибытия туда нашей депутации на совещание об отоплении. Назначение заседания зависит от проф. Веденяпина, на прошлой неделе находившегося в Париже. Р[оман] И[ванович] очень недоволен задержкой этого вопроса, так как это затрудняет кладку здания; но Строительная комиссия, не чувствуя себя компетентной в таком важном и специальном вопросе, не может решить его собственными силами. Уже лучше допустить заминку в работах на неделю, даже другую, чем брать на себя такую большую ответственность.

Ходатайство о применении минимального тарифа за провоз гранита составлено в том смысле, чтобы взималось по  $\frac{1}{100}$  коп. за версту с пуда<sup>1</sup>, по примеру того, как это делалось при сооружении памятника Александра II в Кремле. Великий Князь, вполне согласившись на смысл ходатайства пред министром финансов, затруднился только указанием на этот пример: как бы Мин[истерст]во финансов не подняло переписки на тему о различии государственного характера этого памятника и нашего Музея и тем не затормозило бы разрешения. Оставивши определение  $\frac{1}{100}$  коп. как тарифа для нас желательного, Великий Князь пожелал, чтобы эта ссылка на памятник была заменена какою-нибудь другою фразой. При переделке бумаги мы в заключение вставили слова: «по  $\frac{1}{100}$  коп. за версту с пуда, если бы это было признано возможным». Бумага в первой редакции была в Ильинском и оттуда была возвращена с особым чиновником; переписанную за ночь он положил в портфель бумаг, идущих к докладу в ближайшую очередь. Портфель этот чиновник генерал-губернаторской канцелярии повез в Ильинское; подписанная бумага будет немедленно канцелярией же послана мин[ист]ру финансов.

Какая странность! Едва я дописал последнее слово, как раздался звонок в моей квартире и мне подали пакет от Великого Князя. Оказывается, что Его Высочество потребовал бумагу прежде отправления ее в Ильинское и, для ускорения дела, здесь подписал ее<sup>2</sup>. Доставленная мне курьером, эта бумага ныне же отправляется на почту. Завтра она будет в Мин-ве финансов.

Ныне у меня день сюрпризов. Только что я отослал пакет в почтамт, как позвонили снова. Приехал доктор, лечивший А.Д.Мейна, с известием, что необходимо попробовать еще одно средство, поместив его в клинику д-ра Боас в Берлине. Этот врач, говорят, славится лечением желудка, отказавшегося служить, и диспенсии<sup>3</sup>. Поехали мы с женою к больному,

составили семейный совет и решили ехать в Берлин. Я буду сопровождать стариков<sup>4</sup> и должен буду остаться там месяц. Жена с детьми поедет в Тарусу<sup>5</sup>.

Как Ваше здоровье? Совершенно ли оправилась Софья Степановна?

## 70. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

30 мая, Москва

30 мая 1899, Москва

Третьего дня, рано утром, приехал ко мне чиновник здешней Судебной палаты с предложением принять в дар для Музея библиотеку покойного гр. Закревского, попавшую после продажи имения Ивановское (кажется, Подольского уезда), принадлежавшего графине Келлер, к какому-то купцу<sup>1</sup>. Ее приобрел бы другой купец, который и поднес бы ее нашему Комитету за изъявление ему благодарности, подписанной Великим Князем. Чиновник привез и каталог библиотеки. Я ознакомился с категориями книг и увидел, что эта библиотека – родная сестра многих дворянских библиотек прошлого и начала нынешнего века, энциклопедического характера. По своей разнородности и по своему отсутствию отдела книг по истории искусств эта библиотека к нам не подходит. Она годилась бы разве для Румянцевского музея, но и тот  $\frac{7}{10}$  выделит из нее в дублеты и триплеты<sup>2</sup>, которые его очень стесняют. Таких библиотек поступало туда, особенно после 1861 г.<sup>3</sup>, с обеднением дворянства и с переходом барских усадеб в руки Разуваевых и Колупаевых<sup>4</sup>, много. Но раз эта библиотека нам не годится, мне пришла мысль предложить купить для нашего Музея лучше библиотеку г. Маркова в Петербурге, о которой я докладывал в Комитете<sup>5</sup>. Чиновник хотел переговорить с своим знакомым на этот счет и на этих днях, до моего отъезда за границу, дать знать о результате переговоров. Искатель благодарности за подписью Его Высочества желал бы истратить тысяч пять руб., но может-де дать и больше этой суммы. Приобретение библиотеки Маркова было бы для нас весьма важно, и дай Бог, чтобы это случилось.

Был вчера я у гр. С.В.Орлова-Давыдова, воспользовавшись услугой, ему мною оказанной 26 мая, у памятника Пушкина<sup>6</sup>. В час чествования поэта лил дождь; граф, не получивши приглашения в павильон, измоченный силясь пробраться к нам, скрывавшимся от холодного душа в этой небольшой палатке, подле Их Высочеств. Его, как безбилетного, чиновник учеб[ного] округа не пускал. Завязался спор, в котором бедный граф был побежден; побитый, он поплелся в толпу и в дождь. Жена мне указала на его печальный вид и посоветовала ввести его, авось-де он из благодарности будет вам полезен. Я послушался жениного совета, как Адам совета Евы, и прогорел

с этим послушанием жены, как Адам. Гр[аф] С.В. обогрелся, обсох, воспользовался близостью к Их Высочествам, от радости что-то бормотал себе под нос, вел со мною какие-то несуразные речи, возбуждая улыбки соседей. Я ему сообщил о совете Вашем быть у него: он как-то замычал, осклабился, но услышав о Музее, никакой радости не изъявил. На другой день я был у него, но тщетно: граф все мычал и твердил, что он сделал пожертвование Музею в 1½ тыс. руб., что теперь он без денег. Я уверял, что я пришел только просить его участия в Комитете. Так и отъехал я ни с чем. Граф хмыкал, мычал, фыркал, кашлял...<sup>7</sup>

## 71. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

8/20 июня, Берлин

8 июня 1899, Берлин

В последнем письме, посланном из Москвы в Париж уже после того, как, по словам Р[омана] И[ванови]ча, Вы уже выехали в Вену, я изведал Вас о неожиданной поездке моей в Берлин, – и вот теперь я пишу уже отсюда. Первым делом моим, по устройстве А.Д.Мейна в клинике, было на другое же утро отправиться в Altes Museum<sup>1</sup>. Впрочем, нет, не так: в первый же вечер, в день приезда, едва уладил свидание специалиста-врача с больным в нашей гостинице, я отправился в Lustgarten<sup>2</sup> к колоннаде Музея. Вечер был теплый и солнечный, сад и место перед музеем были залиты публикой, юной и детьми по преимуществу. Широкая и высокая лестница была усеяна детьми и гулявшими в портике, которые то поднимались, то спускались вниз. Ни один музей Европы своим внешним видом не увлекал меня, как эта бесподобная, великолепная шинкелевская ионическая колоннада берлинского Altes Museum. Это – лучшее из подражаний греческому стилю, какое я только могу припомнить из всех мне известных. Ни один портик музея не настраивал меня на особенный, любовно-возвышенный тон, как эта дивная колоннада. Меж этих колонн, на этой высоте, как-то стряхиваешь с себя уличные впечатления и подготавливаешь к порядку дум и чувств иного, лучшего рода. Оттого и на этот раз первый мой визит после доктора был этому музею. Музей был заперт, и я мог ходить только около него. Погулял по колоннаде, обошел его кругом, обошел Neuer Museum, здание Национальной галереи и по дорической колоннаде весь Музейский остров (Museum-Insel) вплоть до строящегося здания Пергамского музея<sup>3</sup>. Гуляя по этим местам, я любовался этими большими, величавыми и каменными сооружениями просветительного характера. И зачем скрывать? Чувства радости и гордости наполняли мое сердце при сознании, что монументальное сооружение такого же назначения возводится и нами. Царапая силезский

песчаник стен этих музеев, я сознавал, что камень покрывает и наше создание – и как же сильно и с какою благодарностью я вспоминал Вас, Юрий Степанович, при этом, как я Вас любил в эти минуты восторга! Это – Вы осуществили великодушием и щедростью то, и мечтать и грезить о чем было бы с нашей стороны большою дерзостью. И с какой же простотой, с какой легкостью Вы подняли нас на эту высоту европейских государственных учреждений! До глубокой ночи, до восхода луны, озарившей шинкелевскую колоннаду, я пробыв в этих сладостных мечтах и воротился домой очарованным. С нынешнего дня я начал изучение скульптур итальянского Ренессанса по здешним гипсам<sup>4</sup>, чтобы составить список того, что должно войти в соответственный зал нашего Музея. В поездку 1895 г. по западноевропейским музеям я собирал материал только по искусству античного мира<sup>5</sup>.

Пребыванием здесь и в Дрездене воспользуюсь теперь для эпохи Возрождения. Материал здесь достаточный.

## 72. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17/29 июня 1899 г., Дрезден

17 июня 1899, Дрезден

С большим А.Д.Мейном мы уговорились, чтобы часы дня, открытые в музеях и университете, я отдавал безраздельно моим интересам и в это время собирал сведения, полезные для организации нашего Музея. На этот раз я собираю материал для зал по Средним векам и эпохе Возрождения. Берлинские музеи доставили мне достаточно данных по оригиналам и слепкам из указанных периодов. И для немецкого, и для итальянского искусства здесь образцов много, а для первого и слишком много. Для всякого музея в Германии, чем больше будет памятников родного, национального искусства минувших времен, тем приятнее. Мы же здесь в совершенно ином положении. Составляя, как Вы совершенно метко назвали, хрестоматию по искусству в памятниках, мы должны быть беспристрастны к народностям, избирая для себя только самое бьющее в глаза, самое необходимое, без чего прервалась бы историческая цепь искусства. Поэтому нам нечего собирать всего Петра Фишера или всех нюрнбергцев<sup>1</sup>, а только главное из них, незачем носиться с надеждой иметь всего Донателло или Микеланджело<sup>2</sup>, а из массы их произведений остановиться на том, чего нельзя не иметь, без чего не понять их. Этой точки зрения я держусь, составляя свой каталог. Кое-что из слепков можно заказать и в Берлине, в скульптурной мастерской музея, даже из цветных скульптур. Здесь некоторые бюсты из итальянского Ренессанса раскрашивают под цвет оригинала.

Можно будет найти и мастеров, раскрашивающих деревянные изваяния немецкой скульптуры.

С целью ознакомления, как эти отделы составляются в Albertinum'е, я приехал в Дрезден и здесь пополняю мой каталог. Директор Трей приобретает глазированных и цветных della Robbia<sup>3</sup> во Флоренции и часть в Париже, выкрашенные под цвет дерева гипсы в Нюрнберге. Всеми этими сведениями и адресами ателье я запасаюсь от него, чтобы в свое время воспользоваться ими. О глазированных della Robbia я написал в Гатчину и П.В.Жуковскому<sup>4</sup>, который обещал мне передать в Музей свой отличный экземпляр, купленный им у антиквара во Флоренции.

Трей сделался с Albertinum'ом знаменитостью: к нему за указаниями явилась сюда в настоящее время депутация из Венгрии, так как в Будапесте устраивается музей подобный нашему<sup>5</sup>. Ныне венгерские художники и ученые будут объяснять их план в Albertinum'е; на совещание приглашен и я. Трей советует составить нам с ними союз для более дешевых заказов новых слепков. Венгерцы заказывают в Риме слепок со всей колонны Марка Аврелия: Трей хочет приобрести ее для себя, советует сделать то же и нам для стеклянного дворика.

Сейчас в Берлине отлили знаменитую конную статую Verrocchio – Коллеони, самую большую и импозантную из всего итальянского Ренессанса<sup>6</sup>. Пусть А.Г.Подгорецкая-Захарьина нам ее купит. А там заполучим и ее pendant Donatello – Гаттамелата<sup>7</sup>.

Чрез два дня возвращаюсь в Берлин. В будущем году надо быть для этих эпох в Нюрнберге, во Флоренции и в Париже.

### 73. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4 июля (нов. ст.), Берлин

22 июня 1899, Берлин

Последнее письмо мое было из Дрездена, куда я ездил для ознакомления с тем, как предоставлена в Albertinum'е скульптура Германии и итальянского Возрождения. Дополнивши список изваяний, которые нам необходимо будет иметь, я возвратился сюда к моему больному и к здешним музеям, вне которых мне и не приходится видеть Берлина.

По приезде сюда я нашел письмо ко мне П.В.Жуковского, которого я спрашивал, где бы нам можно было получить несколько цветных копий фаянсовых изваяний фамилии della Robbia. Он с готовностью берется сделать несколько образцов сам, раскрасив эмалевыми красками гипсовые слепки по оригиналам и приучивши к тому несколько молодых людей в Строгановском училище. Для della Robbia это сделать не трудно, так [как] они употребляли

обыкновенно только два сплошные тона, голубой и белый. Я очень рад этому предложению Павла Васильевича и ныне отписываю ему сердечнейшую признательность, прося вместе с тем уже продолжить помощь до конца, взявши под свое покровительство и раскрашенные терракоты мастеров итальянского Возрождения, как Donatello, Benedetto da Maiano, Sansovino, Rossellino<sup>1</sup> и друг[ие]. Жуковский долго жил в Италии, много занимался Возрождением и любит религиозный характер ваяния той эпохи; сейчас он, сделавши свое историческое дело в Кремле<sup>2</sup>, человек свободный: кому как не ему помочь нам в доставлении этих колоритных скульптур, между которыми займут столько места изображения Марии с Младенцем? На днях он обещает быть в Берлине, который он считает очень хорошо обставленным по итальянскому Возрождению.

Действительно, здесь есть прекрасные произведения Donatello, его школы и безымянных флорентийских мастеров Quattrocento<sup>3</sup>, а равно Луки della Robbia, Андреа della Robbia, Desiderio da Settignano, Rossellino, Benedetto da Maiano, Mino da Fiesole<sup>4</sup>, Andrea del Verrocchio и нескольких мастеров Cinquecento<sup>5</sup>. Берлину особенно посчастливилось закупить произведений этого периода и потому, что знаменитое собрание фамилии Strozzi перешло сюда<sup>6</sup> – это во-1-х, и что лучший знаток искусства итал. Возрождения Wil[helm] Bode<sup>7</sup> состоит директором этого отдела в здешнем музее, во-2-х. Но все же Museo Nazionale Флоренции<sup>8</sup> и многие города Северной и Средней Италии здесь также необходимы, как Нюрнбергский музей и немецкие памятники германского искусства для Средних веков. В свой черед, если буду жив, надо будет сделать систематическое путешествие туда, может быть, в будущем году.

Если удастся добыть раскрашенные скульптуры итальянцев и деревянные изваяния с окраской и живописью Германии, то соответственные залы нашего Музея заблестят яркими перлами, которые будут производить сильное впечатление. Хорошо было бы заключить иллюминированные\* красками барельефы в деревянные рамы, так чтобы они выглядели картинами. Ныне это я видел здесь в Gewerbe Museum<sup>9</sup>. Рама простенькая, а гипс высматривает из нее барином.

А как знать, может, кто-нибудь пожертвует нам и оригинальчик. Есть Мадонна скульптурная и раскрашенная у Великого Князя, он ее давал гр. П. С. Уваровой для выставки ликов Богоматери<sup>10</sup>, года 2 тому назад. Можно попросить подарить ее нам к открытию Музея. Итальянцев Возрождения можно в России найти в частных руках.

\* То есть расцвеченные (*лат.* illuminatio – освещение).

## 74. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

13 июля, Берлин

13 июля 1899, Берлин

Возвратившись из Дрездена, продолжаю здесь изучение скульптуры Итальянского Возрождения и знаколюсь с вопросом, что мы можем получить в виде слепков для нашего Музея. Жатва оказывается обильной и по числу памятников, и по превосходному качеству образцов. Donatello здесь великолепные в отделе мраморных изображений Богоматери с Младенцем, настолько великолепные, что они фигурируют в числе таковых, и самых первых, в руководствах по истории итальянской пластики (см. W.Bode. Die Italienische Plastik. Berl[in] 1893). Они все отлиты, и слепки приобретаются в музее без всякого затруднения. То же нужно сказать и о его бронзах: их можно получить даже, по желанию, бронзированными опытной рукою музейского живописца, г. Schröder'a<sup>1</sup>, с которым я нарочно здесь познакомился. Увидевши на днях его работы, в этом роде исполняемые им по заказу копенгагенского музея, я попросил одного из администраторов познакомить меня с этим художником. Он оказался человеком интеллигентным и хорошо понимающим научную цель исполняемых им заказов. Он работает аккуратно, по оригиналам берлинского музея; и студия у него тут же. Для первого опыта я заказал ему двух Андреа и Луку дела Роббиа. Обещался исполнить их эмалевыми красками к сентябрю. Тогда я представляю эти опыты Вам и Комитету.

Как знать? Может быть, Средние века и эпоху итальянского Возрождения мы представим в красках и с некоторой обстановкой в убранстве зал. В здешнем музее собраны в итальянском отделе современные, т.е. XV и XVI ст[олетия], столы, диваны, кофры, камины. А у нас, понемножку, могут быть приобретены нарочно делаемые репродукции этих или подобных образцов. И может, как знать, получится и оригинал, купленный где-нибудь в Венеции или во Флоренции или уже давно существующий в барской коллекции в России. Я вижу теперь, что нам пуще всего нужно избегать опасности наполнения наших обширных зал одними гипсами, оставивши в стороне обстановку быта частного и общественного. А то князь В.М.Голицын, в период борьбы с нами в прошлом году, острил на тот счет, что мы строим «гипсовое заведение». Подобные остроты могут получить в большой публике успех, благодаря их хлесткости и бессмыслию.

Есть здесь отличные изваяния Desiderio da Settignano, Rosselino, Benedetto da Maiano, Mino da Fiesole, Jacopo della Quercia<sup>2</sup>, Verrocchio. Вообще Quattrocento представлен здесь удивительно. Я счастлив, что окунулся в этот мир. Теперь Вы не будете уже смеяться и докладывать Великому

Князю, что я остановился на искусстве до Ромула<sup>3</sup>. Я ужасно рад, что переступил его.

Как Вы нашли копии равнинских мозаик? Рануцци пристаёт к Великому Князю<sup>4</sup> и попрошайничает, ссылаясь на Вас. Его письмо переслано мне сюда, в Берлин.

На будущей неделе я буду уже в Москве.

## 75. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

23 июля, Москва

23 июля 1899, Москва

Получена телеграмма из Венеции от Ongania следующего содержания: «Tutto regolarmente consegnato. Spedizione piccola velocità. Console russo scriverà»\*. Получено и письмо консула, удостоверяющее факт отсылки мозаик из Венеции. Причина замедления заключается лишь в этой piccola velocità; но и это обстоятельство теперь не помешает скорому уже получению посылки.

Не выезжавши из Москвы до сих пор, по безнадежности нашего больного, я каждый день бываю на стройке. Вашего гранита навезли теперь по двум фасадам Музея, заднему и боковому. Доставили бы его и большее количество, но, как мне сказал вчера десятник Брусова, от горы, где ломают этот камень, нет никакой дороги на протяжении одной версты с лишком. Надеются скоро провести эту дорогу, и тогда лежащие там 200 кв. с. [910,45 кв. м] приготовленного гранита могут быть доставлены скоро. Долго не приходили из Петербурга рабочие Брусова, но на днях приехал сюда сам старик, рабочие вместе с десятником, мужиком очень толковым, приехали и теперь разбираются в камне, который сначала валили без толку, не обращая внимания на знаки, стоящие на каждой плите. Тем временем ставят у забора по Волхонке кузницу для оттачивания инструментов дикарщиков. С нынешнего дня начинается самая теска гранита. Новая партия, по словам Клейна, отличного качества. Приезжал смотреть его кн[язь] Щербатов – и он остался в восторге от этого камня. Такая броня переживет всю Москву «белокаменную» и увидит отдаленнейшие времена, которые и вообразить нам теперь нет сил... Выстроен и сделан штукатуркою правый угол цоколя по главному фасаду: он в 4 1/2 аршина [3,20 м] высоты; плиты, расчлененные здесь в их величину, высматривают очень внушительно. По общему отзыву, цоколь главного фасада нашего Музея будет импозантнее цоколя храма Спасителя, так как он и выше,

\* «Все инструкции даны. Отправление малой скоростью. Русский консул напишет» (ит.).



и самое здание, при меньших размерах в высоту, будет в отношении Волхонки стоять на возвышении.

В среду на этой неделе<sup>1</sup> было у нас заседание Строительной комиссии. Я доложил бумагу Его Высочества о льготе по получению 57 000 пудов [933,688 тонны] заграничного железа. Оказывается, что Готье начал делать заказы балок из русского железа и, конечно, по цене, далеко превышающей стоимость заграничных, при беспощинном провозе последних. Я указал на невозможность переплаты, раз нам даровано Государем право получения 57 000 пудов более дешевого строительного материала. Талицкий и Клейн взяли на себя переговоры с Готье.

## 76. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

2 августа, Москва

2 августа 1899, Москва

Собираясь отдохнуть в Тарусе, я накануне отъезда пошел на стройку. Там работа в полном ходу, и без того сильное оживление увеличилось партией дикарщиков, облицовывающих задний фасад в его цоколе. Их мерное, однотонное «тук-тук-тук-тук» раздается по задней половине площади и по прилегающим переулкам. То вечную славу куют эти люди своими молотками великодушному дарителю этого чудного по своей крепости и красоте гранита. Находясь ныне в их среде и слушая этот своеобразный стук, я мыслью переносился к Вам и думал о том, когда Вы увидите готовой эту первую полосу вековечной брони Музея. Много камней поставлено на свои места, и часть их, прилаженные по бокам, сдвинуты и свинцовая кайма пропущена между ними<sup>1</sup>. Думаю, что через неделю все плиты займут свое положение и задний цоколь будет готов: тогда сейчас же начнется и кирпичная кладка, доселе остановленная по всей этой линии на поверхности площади. Кладка передней половины здания со всех сторон доведена до выкладки балок под 2-м этажом, так что до пола этого этажа остается 1½ арш. [1,07 м]. Был вчера на стройке отец инженера И.И.Рерберга известный по Москве И.Ф.Рерберг, занимавший видное положение в инженерном и железнодорожном мире. Он приехал посмотреть на работы, идущие под непосредственным и постоянным наблюдением сына. Осмотрел их и, подобно Вам, остался очень доволен доброкачественностью кладки. Видя, какой высоты достигло здание, не дойдя еще на 1½ арш. до 2-го этажа, который будет гораздо выше 1-го, он сказал, что здание должно выйти очень импозантным и что Клейн хорошо рассчитал, сделавши значительный уклон от фасада к Волхонке. При этой горке здание еще более выиграет в оптическом эффекте.

Начинают выкладывать столбы с двух лож (loggie) крытых дворов. Левый дворик предназначен для античного искусства, и столбы будут обработаны в форме дорических колонн. Остов будет кирпичный, для чего приобретен кирпич изогнутой формы, каннелюра\* и капители будут штукатурные. Я прошу Романа Ивановича выбрать классический образец для этих образцов дорики в нашем Музее, указывая ему на Тезейон и Парфенон<sup>2</sup>. Ни храм в Пестуме, ни многочисленные дорические храмы Сицилии<sup>3</sup> не годятся здесь своим архаическим характером: колонны их приземисты, и разница между нижним и верхним диаметрами уже слишком велика. Для Тезейона и Парфенона Клейн найдет очень точные измерения у Сергея Иванова, работы которого над греческими памятниками теперь опубликованы, у Стюарта, Михаэлиса и Зауэра<sup>4</sup>. Все это ему доставляю.

### 77. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

11 августа, Таруса

11 августа 1899, Таруса

Перед отъездом из Москвы я осведомлялся чрез М. П. Степанова, не найдет ли Великий Князь нужным 17 августа, в годовщину дивной закладки нашего Музея, устроить заседание Комитета и в этот день посетить стройку. На это я получил телеграмму, что Их Высочества не вернуться 17-го из Петербурга с серебряной свадьбы Владимира Александровича<sup>1</sup>.

В последнем письме я извещал Вас о приготовлениях Клейна класть колонны двух [loggie], которыми со стороны главной лестницы будут открываться крытые дворики. После того заняла меня следующая мысль. Колонны эти будут кирпичные, оштукатуренные. В левом дворике, назначаемом для античного искусства, колонны будут дорические, следовательно, без баз – и каннелюра их станет доходить до пола. Зная неаккуратность наших студентов и публики, я имею полное основание бояться, что скорехонько низы этих колонн, в штукатурном их покрытии, будут обиты сапогами посетителей и щетками прислуги при метении полов. Как сейчас я вижу обитые базы ионических колонн в Физиологическом институте<sup>2</sup> чрез год по открытии вновь выстроенного здания. Слетела и облезла там не только штукатурка, но повыскакали даже кирпичи оснований.

\* Каннелюры – вертикальные желобки на стволе колонны.

## 78. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17 августа, Таруса

17 августа 1899, Таруса

Прошу Вас принять сердечное поздравление с годовщиною закладки нашего Музея. В течение года сколько раз я переносился мыслию к этому светлому, лучезарному дню, который так чудно, с каким-то феерическим блеском воплотил наши мечты и ожидания, во много-много раз превысивши последние. Случилось наяву то, о чем мы до вступления Вашего в Комитет и до принятия Вами такого близкого, сердечного участия в задуманном предприятии не смели и думать. Широта Ваших воззрений на дело и эта невероятная щедрость поставили вопрос на те новые рельсы, по которым он легко достиг удивительного по своей форме и эффекту праздника 17 августа 1898 г.

Вам, от юности стоявшему близко к трону и привыкшему к блеску придворных празднеств, в нашем празднике явилось лишь повторение впечатлений, столько раз испытанных в жизни, но для нас, людей академического мира, это был первый опыт<sup>1</sup>, и потому этот чудный блеск естественно должен был ослепить нас. Оттого это необычайное событие в истории Московского университета и стоит особняком в нашем воспоминании, вызывая каждый раз чувство восхищения. Да конечно, и в ряду подобных торжеств, виденных и испытанных Вами в придворном мире, этот день 17 августа должен занять особое место: так он был светел, хорош, и, насколько то было возможно в такой обстановке, интимен. Как был весело настроен Государь, спрашивая Вас о количестве лет, необходимых для постройки Музея, об успехе раздачи именных зал<sup>2</sup>, о материальных средствах, о нашей борьбе из-за Колымажного двора, и как он засмеялся, когда Вы пообещали ему построить наше здание крепче Колизея... Эти сборы так понравились ему, что в тот же день вечером, на балу у Великого Князя, он вспомнил о Вашем обещании, при встрече там с Вами, и сказал Вам: «Так Вы надеетесь построить Музей крепче пирамид?»

Необычайный характер этого праздника произвел сильное впечатление даже на членов Императорской Семьи, как между прочим можно судить по необыкновенно тепло написанному письму Королевы элинов Ольги Константиновны на имя председателя нашего Комитета по поводу избрания ее в почетные члены. Там она восторженно вспоминает эту закладку и день ее называет «светлым русским днем»<sup>3</sup>.

Переносясь душой за год перед нынешним, холодным, пасмурным и дождливым днем, я не мог удержать в себе сильного желания вспомнить о руководящей роли Вашей в этом празднестве, о Ваших трудах и беспокойствах, заставлявших Вас с 7 часов утра скакать на площадь, где тогда кипела

работа... Хорошие, особою бодростию полные минуты жизни, оттого и не забываются они никогда...\*

... колонн<sup>4</sup>, и это на парадной площадке, в самом людном месте, перед входом в аудиторию! Как бы нам избежать участи того же самого характера? Третьего дня я написал о своих опасениях Р[оману] И[ванови]чу и спросил его, нельзя ли бы низ этих колонн, на  $\frac{1}{4}$  или еще лучше на  $\frac{1}{2}$  ар[шина (ок. 18 – 35,5 см)] сделать из камня?<sup>5</sup> Колонн на обеих лоджиях будет немного, такие каменные барабаны решительно спасут нас от вечной [мизерии]<sup>6</sup>, от постоянных дыр на этом видном и очень красивом месте. И лоджии, и дворики будут постоянно посещаться публикою. Как Вы, глубокоуважаемый Юрий Степанович, взглянете на это? Если бы эта мысль о нижнем барабане колонны встретила Ваше одобрение, не будете ли добры дать знать Р.И-чу, чтобы он заказал Листу или Захарову доставить соответствующие куски камня, которые покрыть каннелюрою было бы возможно на месте, в самом Музее. Цвет штукатурки остальной части ствола колонн легко было бы подогнать под камень или, в случае надобности, можно было бы окрашивать последний. К крайнему сожалению, на имеющемся у меня плане число колонн двух лоджий не показано<sup>7</sup>, так как сначала мимо главной лестницы, внизу, предполагалось пустить два коридора с окнами<sup>8</sup>; но потом эта мысль о длинных и скучных коридорах была оставлена, Р.И-ч открыл эти помещения в сторону крытых дворишков, через что последние расширились и выиграла в своем эффекте. Но во всяком случае число проектированных теперь колонн по этим двум сторонам, из коих каждая в 10 сажен [21,336 м] длиною, не может быть значительно. Будьте милостивы оказать этому делу благосклонное Ваше внимание и дать Ваше решение Роману Ивановичу. Ставить эти столбы Рерберг собирается в непродолжительном времени, так как кладка лестницы уже начата.

## 79. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

5 сентября

5 сентября 1899, Москва

Оказывается, что Их Высочества уехали из Ильинского в Усово и там будут проводить нынешний день в уединении<sup>1</sup>. Виделся я вчера с П.А. Некрасовым и доставил ему большое удовольствие разговором о Владимире-на-Клязьме. Он слышал превосходные отзывы об Училище и надеется быть непременно 14 ноября<sup>2</sup>. Тут же, на столе, в моем присутствии, он с большим

\* Один лист утрачен.

удовольствием написал приказ по канцелярии заготовить к понедельнику представление в Министерство<sup>3</sup>.

Вчера меня просили с разных сторон назначить заседание Комитета на вторник<sup>4</sup>. Отказать мне было трудно, но, с другой стороны, я не надеялся встретить Вас вечером дома ввиду Вашего намерения быть у С.И.Щегляева.

### 80. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

5 сент. 1899

*5 сентября 1899, Москва*

Многоуважаемый Иван Владимирович.

Если неудобно собрать Комитет завтра, в понедельник, то тогда придется просить ректора<sup>1</sup> собрать его, по своему усмотрению, в другой день; заседание необходимо, но мое присутствие вовсе не так нужно, чтобы не обошлось без меня. О прочем по содержанию Вашего письма искренне благодарю.

Весь Ваш Нечаев-Мальцов

### 81. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

5 сентября

*5 сентября 1899, Москва*

Нам будет очень жаль, что Вас не будет в заседании Комитета. Что я сообщу насчет Ваших переговоров с товарищем министра о 70 тысячах рублей<sup>1</sup>, необходимых нам для уплаты по стройке? Должен ли Комитет послать бумагу в Министерство об этом? Без напоминания там забудут о нашей нужде. В октябре Вы, при свидании с Н.А.Зверевым, напомните ему, чтобы он выслал 50 т[ысяч] р. и сделал сношение с Университетом об уплате им 20 т. р. по счетам Строительной комиссии нашего Музея<sup>2</sup>. Я также напишу ему об этом, чтобы создать для Министерства неотложный вопрос.

### 82. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

7 сентября

*7 сентября 1899, Москва*

Мне очень жаль, что я не знал о намерении Р[омана] И[ванови]ча поднимать тяжелые балки именно 5 числа<sup>1</sup>. Это была замечательная картина, когда рабочие колебались перед такою необычайною тяжестью и таким объемом балок в столь сильной степени, что Вы сочли нужным подать им пример, ставши первым на месте стройки, казавшемся им особенно опасным. И предводительствовать Вам на лесах и на стенах пришлось в убийственную погоду: дождь лил как из ведра, ветер свистал и был большой холод. Как

у вас, людей, воспитавшихся в иные времена, в обществе московских гуманистов 40-х и 50-х годов, на всю жизнь сохранились потом и широкое альтруистическое чувство, и молодое отношение даже в такие годы, когда человек бессознательно, инстинктивно бережет себя и свой покой! Без увлечения, без любви к делу не полезть в дождь, в ветер и холод на высокую стену, чтобы успокоить и придать бодрости каменщикам...

### 83. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

18 сентября

18 сентября 1899, Москва

Приехал сюда Брусов-сын<sup>1</sup> с известием, что железная дорога на ту гору, на которой они начали разработку гранита и где заготовлено для Музея около 200 кв. саж. [910,45 кв. м] теперь проведена и что 10 вагонов готового материала ими отправляются. Рерберг, изверившись в письменные извещения о быстрой высылке гранита, пока воздерживается от суждения, на сколько в словах его правды, и поджидает первых подвод на площа[ди] из этих 10 вагонов. Третьего дня Брусова в конторе стройки я видел сам и слышал то же самое. На вопрос мой, сколько он надеется облицевать в линии боковых цоколей, он высказал уверенность, что к декабрю они кончат весь цоколь по Антипьевскому пер. и половину по Малому Знаменскому<sup>2</sup>. А весной-де рабочие явятся рано, чтобы повести остальную работу. На днях он обещает прислать новых рабочих, чтобы дело двигалось скорее. Но и сейчас мерный, тихий, монотонный стук гранитных работ идет не умолкая – и меня всякий раз невольно клонит здесь сесть на одну из лежащих глыб, чтобы отдаться этим медленным и тихим-тихим звукам, кующим вековечное дело, конца, истребления которого временем нельзя представить себе, при всем напряжении мысли и воображенья. Вчера я видел Казначеева и Кондратьева – и они оба, приехавши нарочно на площадь для гранитных работ, в один голос выражали восторг таким превосходным камням. Наш цоколь будет бесконечно монументальнее очень низкой и узкой ленточки цоколя Верхних торговых рядов.

Собрали мы сведения о лицах, указанных Вами для представления к почетным наградам: ни Прове, ни Рукавишников не подходят на этот раз<sup>3</sup>. Первый получил Владимира 4 ст[епени] в прошлом году, а последнего представляют в Нижнем Новгороде за сделанные им пожертвования к Св. Анне 2 ст. Завтра увижусь с Н.А.Зверевым и буду просить его не задержать ни нашего комитетского представления, ни бумаги по Владимирскому училищу. Правитель канцелярии Учебного округа мне говорил, что в последнем случае в момент представления не хватит до трех лет двух-трех месяцев, но

это-де не препятствие, ввиду бывших прецедентов. Авось, Танеев не опротестует и не задержит удовлетворения уже к 1 января<sup>4</sup>.

Бумага о размене (но постепенном, по мере надобности) бумаг до 70 т[ысяч] р. для уплаты по счетам написана и препровождена в Правление. Ректор удивляется, почему Зверев не разрешил перевести на эту уплату строительные суммы Университета<sup>5</sup>. Там их будет до 100 т. руб. Тогда мы бы не теряли на продаже процентных бумаг.

#### 84. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

22 сентября

23 сентября 1899, Москва

Вчера утром я прочел в «Москов[ских] ведомостях» телеграмму данковского предводителя о кончине Л.М.Муромцова<sup>1</sup>. Первым внутренним движением моим было сердечно помянуть этого доброго к нам, горячо сочувствовавшего Музею сочлена нашего по Комитету. Я живо помню, с какой готовностью он откликнулся на предложение и просьбу вступить в число членов-учредителей Комитета и как на первых же порах вместе с Екатериной Николаевной<sup>2</sup> они взяли на себя устройство особого уголка в системе здания Музея, в память своего безвременно скончавшегося сына. Впоследствии каждый раз, бывая в Москве, он заезжал ко мне наведаться, как идет наше общее дело. Ваше сердечное участие, перешедшее потом в живое увлечение созиданием Музея в формах грандиозных и особенно изящных, он в беседах со мною считал величайшим счастьем и залогом благополучного окончания всего предприятия. «Юрий Степанович любить наполовину не умеет; лишь бы он подошел к делу поближе, он увлечется, а тогда он уже сам поведет его; я его знаю близко, это – горячее русское сердце», – говорил он мне, всякий раз, при всяком свидании возвращаясь к Вашему участию и деятельности по Комитету. Вчера же от имени Комитета я послал телеграмму Екатерине Николаевне и заказал веночек, который и будет отправлен ныне в Данков. Не знаю, прибудет ли он к погребению. Во всяком случае, Екатерина Николаевна получит его и положит на могилу. На одной ленте надпись «Леониду Матвеевичу Муромцову, своему члену-учредителю», на другой: «Комитет Музея изящных искусств Императора Александра III в Москве». Веночек заказал я у Ноева<sup>3</sup>.

Жил здесь Брусов-сын, желая получить 25 т[ысяч] р. за гранит. Ввиду того, что он доставляет камень не по рисунку Клейна, последнему трудно решить, все ли камни, лежащие на площади, пойдут в дело, хотя и не трудно определить квадратную площадь прибывшего камня. Посудили в Строительной комиссии и решили считаться с документами Брусова и по ним сосчитать

эту площадь. Расчет предположен такой: уплатить всю стоимость камня и работы за уложенную часть по заднему фасаду и по Антипьевскому пер., за остальной же камень –  $\frac{1}{3}$  стоимости. Р[оман] И[ванови]ч говорит, что такое решение огорчит Брусова<sup>4</sup>.

## 85. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 сентября

29 сентября 1899, Москва

Был здесь академик Кондаков, наш лучший знаток византийского и русского искусства и археологии. Зная как питомец Московского университета давно о сооружении Музея, он попросил свозить его на стройку. Поднявшись наверх и обозревая общую картину сделанного, он пришел в восторг от размеров здания и солидности постройки. В Петербурге и не представляют, по его словам, что здание такого размаха; как Музей, оно является беспримерным в России, при такой кладке, при этой массе железа и камня, без кусочка дерева в конструктивных частях, по его восторженному отзыву, это – прямо монумент, которому трудно представить разрушение. Масса балок под центральным залом его прямо поразила.

Как нарочно, пока мы стояли наверху, въехал во двор первый обоз с камнем от Липгарта – Рингеля. Пошли мы встречать желанного гостя. По близорукости, Кондаков издали не мог рассмотреть его и думал, что это – подольский известняк; но когда он подошел к возам и оцупал камень, то нужно было видеть его изумление: «Да ведь это “мелек”, царский камень Палестины! – воскликнул он. – Ведь это тот же самый прочный, великолепный, теплого тона желтоватый впоследствии камень, из которого выстроены главнейшие сооружения Иерусалима и в других местах Палестины; я и понятия не имел, каким камнем облицован храм Спасителя в Москве; духовенство, окрашивая стены его, придает ему дешевый и неприятный колорит штукатурки; что это за прелесть! А противность-то какая, а толщина-то постели?»\* Ну, рубашечку же Вы надеваете на этот Музей», – так сильно было его удивление.

Пошли мы затем на гранитные работы. Каменотесы были все на месте, и работа шла усиленным темпом. Очутившись среди глыб и блоков гранита, теперь растянувшегося по всему Антипьевскому пер., он, при виде уже сделанной части цоколя, обратившись ко мне, проговорил: «И Вы не боитесь размеров, не боитесь величия задачи? Я бы никогда не взялся за такое дело: прямо страшно, а ну как не окончишь так, как оно начато?» Я на это

\* *Зд.* – прочность, сопротивляемость. *Постель* – (строит.) ровная сторона камня, на которую кладут его или следующий камень



ответил, пусть бы он познакомился с другим сооружением, которое ведет Ю.С.Нечаев-Мальцов, с храмом на Гусю во Владимирской губернии, тогда бы он не страшился. Оказалось, что у него о гусевском сооружении представления были гораздо ниже действительности.

Мы поехали к Васнецову посмотреть «О Тебе радуется»<sup>1</sup>. Виктор Михайлович был дома и в ударе – и только тут Кондаков понял характер Ваших предприятий в строительной области. Новое произведение Васнецова он считает гениальным и предсказывает ему славу не меньшую, чем Богоматери Киевского собора. Будучи сам живописцем<sup>2</sup>, он в восторге от композиции, от колорита, от экспрессии живописи, от чудного лика Богоматери. А когда ему сказал В[иктор] М[ихайлови]ч, что эта картина будет исполнена мозаикой в три раза большего размера, то обратившись ко мне, он сказал: «Ну, при таком покровителе Вы Музей достроите, свои страхи я беру назад, пошли Господь только всем вам тут жизни да здоровья». Иконостас<sup>3</sup> он ценит необычайно высоко и считает необходимым, чтобы он был издан в красках.

Прибыли мозаики из Венеции. Напишу о них завтра.

## 86. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

30 сентября

30 сентября 1899, Москва

Вчера я написал Вам о посещении стройки Кондаковым и о нашей поездке к Васнецову. Рассмотревши подробно рисунок иконостаса для Вашего гусевского храма, он начал просить и В[иктора] М[ихайлови]ча, и меня передать его Вам глубокое почтение и сердечную просьбу – об издании в красках этого необыкновенного иконостаса. По его словам, будущность его в дальнейшей церковной практике на Руси большая: его станут утилизировать на все лады наши художники в своих новых иконостасах. Он называл и хромолитографию с итальянской фамилией в Петербурге, где такая работа могла бы быть исполнена с большим блеском и точностью. Он придает такому изданию особое значение.

Мозаики прибыли в 12 огромных ящиках, весом больше 400 пудов [6,55 тонны]. Извозчики, прибывши в 8 часов вечера на Кольмажную площадь, без предупреждения со стороны транспортной конторы о дне присылки клади нам, оставили кладь у нашей конторы. Контора приютить внутри ее не могла; теперь мы перевозим ее на рессорных полках\* в Новый Университет<sup>1</sup> и расставляем там в коридорах, у стен. Там воздух сухой и температура

\* *Полбók* – разновидность ломовых дрог: телега с плоским настилом вместо кузова.

жилого помещения. Бог даст, ящики там сохранятся благополучно. Один ящик Клейн открыл для чиновника таможи и держит до Вашего приезда в конторе. На высоте 9 – 10 аршин [6,4 – 7,1 м] Средневекового зала этот колоритный фриз с золотым фоном составит очень характерное для своей эпохи украшение, а для зала явится своеобразным художественным пятном, перед которым остановится всякий. Ведь этот золотого фона фриз потянется на 30 – 35 аршин [ок. 21 – 25 м] и займет  $\frac{3}{4}$  стены зала.

Прибыли в большой сохранности и вели[колепные] издания Ongania. Что за прелесть эти таблицы Св. Марка! Они рассчитаны на склейку на одно целое, оттого все детали там перемечены номерами, а иные таблицы ничего не изображают, кроме кусочка неба с облаками и кончика шпица какой-нибудь башенки или угла сооружения. Склеенное целое под стеклом, в характерной рамочке, займет подобающее место в том же зале и будет обращать на себя общее внимание посетителей.

Рингель начал доставлять великолепный камень по данному ему размеру, начавши с нижних рядов главного фасада. Все камни [хороши?], все делается очень аккуратно. Клейн в восторге. Камни нарезаны с большим запасом во все стороны. Р[оман] И[ванови]ч вчера с большим вниманием рисовал картину величественного фасада, считая для себя большим счастьем такую задачу. «Тут, – говорил он, – поднимаешься душой – и вся эта работа какой-то праздник сравнительно с другими моими постройками». Из Берлина и Флоренции мне написали, что сделают для нас все возможное, чтобы доставить нам цветные копии скульптур Возрождения. И там, и здесь готовят образцы иллюминированных бюстов и цветных фаянсовых della Robbia. А статую Св. Георгия работы Donatello, в гипсе под бронзу, украсившую Or San Michele\* во Флоренции (теперь Mus[eo] Naz[ionale]\*\*), как Вашего святого, в свое время я буду просить у Вас. Она великолепна.

## 87. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4 октября

4 октября 1899, Москва

Необходимо отдать полную справедливость и П.А.Некрасову, и Н.А.Звереву<sup>1</sup>: в отношении дела по Владимирскому училищу они полагают много старания. Не теряя времени, Николай Андреевич ездил сам в инспекторский отдел канцелярии Кабинета Его Величества и имел там свидание с помощником Танеева Игнатьевым. Последний принял в вопросе сердечное и

\* Ор Сан Микеле (ит.).

\*\* Национальный музей (ит.).

деятельное участие; начали обсуждать его с формальной стороны, на случай всеподданнейшего доклада, согласовать его с действующим узаконением – и натолкнулись здесь на неодолимое обычным путем препятствие. Создано оно, как оказывается, прежним управлением Мин[истерства] нар[одного] просвещения, почему-то придавшим пожалованию 1897 года какой-то экстраординарный характер, тогда как оно должно было быть тогда испрошено обыкновенным путем, по линии Совета Мин[истерств] нар[одного] просвещения. Этот экстраординарный характер налагает теперь обязанность подчинения той статье правил, по которой два «экстраординарные» пожалования не испрашиваются на протяжении 5 лет. Эта статья убивает другую, разрешающую сокращение 5-летнего срока на 2 года, – 5-летний же срок устанавливается характером пожалования 1897 г.: в низших степенях срок 3 и 4 года промежутков. Если бы наше Министерство стало теперь действовать обычным путем, то инспекторский отдел-де пропустить ходатайство не может. Зачем было прежнему министерству так взвинчивать значение своего представления 1897 года? Не будь этой «экстраординарности» тогда, сейчас и вопроса о 5-летнем сроке не поднималось бы. Николаю Андреевичу ужасно хочется достичь намеченной цели, но каким путем, без Н.П.Боголепова и Танеева, он не знает. Надо, впрочем, думать, что в ноябре наш министр возвратится в Петербург: не разрешит ли этого вопроса лично по этому поводу свидание министра с Танеевым? Ведь возможно особое ходатайство – ввиду необычайности Владимирского училища среди однородных школ во всей России. Когда Вы возвращаетесь в Петербург? Жду личных в Москве указаний. Ах, как мне искренно хочется, чтобы, ошибочная квалификация и ошибочное по существу направление сделанного прежним Министерством в 1897 г. потеряли свое значение.

Намечается жертвователю для устройства в Музее древнехристианской катакомбы<sup>2</sup> – по образцу римских. Это – Ксения Федоровна Колесникова, жена нашего сочлена. Завтра еду для окончательного решения. Предложил это сам Колесников.

## 88. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

7 октября

7 октября 1899, Москва

Вчера я нашел на стройке Р[омана] И[ванови]ча очень опечаленным. Был у него Э.Ф.Рингель чуть не с отказом исполнить подряд относительно камня. По его словам, будто бы нет физической возможности добыть столько камня в копиях, им начатых. Камень такой прочности находится-де на глубине 27 арш[ин] (ок. 19 м), которые приходится снимать горизонтальными

пластами. Правда, камень начинается и гораздо выше, но не той плотности, какая установлена экспертизой Белелюбского. Из вырытого камня будто бы только 5% получается для нас, – и если-де так вести дело, то пришлось бы ему заарендовать и разрыть три десятины [3,27 га] земли, а это является физически невозможным. Если бы-де взяли с него раньше задаток<sup>1</sup>, то, как бы ни высока была сумма, он с радостью отказался бы. Клейн не знает, что и делать. Он мне высказал мысль созвать Строительную комиссию, постановить вызвать Белелюбского на самые копи, поехать туда всем и просить Белелюбского определить верхние пласты камня: не принадлежит ли-де этот верхний камень к тем породам, которые от времени и действия на них стихий твердеют, а не разрушаются. При этом он ссылается на камень стен Notre Dame в Париже, который будто бы в свое время был настолько мягок, что скульптурные украшения вырезались самыми простыми ножами, теперь же прочность этого камня удивительная. В этом смысле он предполагает спросить проф[ессора] Белелюбского. Но раньше всего необходим здесь Ваш голос. Очень может быть, что Вы не пойдете в эту область гаданий и убедите Рингеля не отчаиваться и не кидать работу. Но если бы последнее, вопреки ожиданиям, случилось, то более мягкие и менее надежные слои верхних пластов Вы, может быть, сами забракуете, как не внушающие веры.

Но где взять тогда другого камня? Радомский песчаник памятника Александра II в Кремле, говорят, дискредитирует все сооружение. А раз не будет годиться он для нашей цели, не обратиться ли тогда в Силезию, доставляющую свой облицовочный камень на монументальные постройки Германии? В Берлине идет его пропасть, едва ли не им облицован новый собор, воздвигаемый Вильгельмом II между Schloss'ом\* и Alter Museum'ом<sup>2</sup>. Там копи налажены; камня нарежут указанных размеров; пошрины не будет; за провоз плату скинут до minimum'a. Но, даст Бог, может быть, и наверное, с Вашим приездом дело уладится и с Рингелем.

## 89. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

10 октября

10 октября 1899, Москва

Вчера идя из Университета на Колымажный двор, против Архива<sup>1</sup>, я встретился с Р[оманом] И[ванови]чем, и долго мы беседовали с ним насчет камня. Он и Демосфенов собираются на днях в Щурово к Рингелю. Демосфенов прежде служил у Губонина по каменному делу<sup>2</sup>, и его голос в возникшем вопросе, для первого ознакомления Комиссии, может иметь значение.

\* Замок, зд. – Королевский дворец (нем.).

Копи теперь под водой, и потому они оба запасаются охотничьими сапогами. Клейна занимает мысль о верхних слоях копей. Если они окажутся непригодными и, с другой стороны, Липгарт и Рингель откажутся добывать камень условленной категории, то, по соображениям его, придется обратиться за камнем в Силезию: там-де нарежут куски по данным №№, и дело не задержится.

Спокойнее смотрит на дело Рерберг, полагая, что Ваш приезд сюда положит конец этому тяжелому вопросу. Может быть, затруднения Рингеля объясняются тем, что он начал работу не шахтами, а съемом всех верхних слоев, – и это крайне удорожило его предприятие. Ему, может быть, надобно вызвать опытного геолога, который выведет его из затруднения. Табурно<sup>3</sup> по соседству ломает тот же камень шахтами, – и у него будто бы дело идет от рук. С другой стороны, и Лист в приеме доставленного камня теперь очень строг по незнанию, как у него пойдет дело. Камень сырой и к тому же ему совсем не встречавшийся в практике. Он, естественно, боится затрачивать труд на те куски, которые ему представляются сомнительными. Он забраковал несколько камней, – это взволновало Рингеля: отсюда и весь сыр-бор загорелся. Но, даст Бог, с Вашим приездом туча рассеется.

Ныне был я у Колесникова по делу о катакомбе. Жена его, скромная, тихая и застенчивая, охотно приносит средства на устройство и роспись ее. Все это сказано в форме очень милой и искренней. Деньги обещают Колесниковы внести «хоть завтра», лишь бы выяснилась стоимость этого предприятия. Накануне мы говорили на стройке об этом с Рербергом, имея в виду план подвального этажа. Он говорит, что это можно сделать тысяч за 15. Будут и архитектурные приспособления, но главный расход – на роспись потолков и стен. Я назвал эту сумму Колесниковым. М.П. Степанов сообщил, что эта мысль о катакомбе очень понравилась Великому Князю.

## 90. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

15 октября

15 октября 1899, Москва

11-го числа был я на стройке, при окончании работ Александрова и Липгарта. Морозы сделали невозможным продолжение кирпичной кладки. Р[оман] И[ванови]ч и Рерберг подводили итоги сделанного и общим результатом остались очень довольны. Как Вы и предсказывали, 4 милл[иона] кирпича Клейн не уложил в первый сезон; но сделано во всяком случае достаточно. По его и Рерберга словам, они бы в задней части здания выложили бы и внешние стены, если бы не задержал эту работу Брусов. Но ведь беды в том нет никакой! И сам Брусов-сын, и десятник гранитчиков утверждают каждый отдельно, но в унисон, что самый интерес чистоты и прочности

работы по отделке и укладке гранита требуют медленности и отсутствия торопливости: мы-де Государю Императору в Царском Селе укладывали гранит еще медленнее, еще тише, хотя доставка гранита там нисколько не затрудняла нас, как это было здесь.

Гранитчики или, как на Колымажном дворе называют их, «египтяне» остались работать и после окончания кладки стен. Только оделись потеплее, а работают по-прежнему, т.е. тихо, спокойно, монотонно и как бы деревянно-бесстрастно: «тук-так, тик-тук» – без конца. Вытягивают цоколь по Антиповскому переулку. Заливать цементом теперь не станут, отложивши это до весны. Возвратиться гранитчики собираются Великим постом, при первом дуновении весны. При прощаньи с Рербергом я просил его не задерживать отчетом произведенных работ и сделанных уплат за протекший сезон. Трескин, Романов<sup>1</sup> и я готовим материал для отчета Комитету, который согласно § 29 Положения должен иметь в конце ноября месяца годовое заседание. Это будет первое годовое заседание – и отчет должен быть ясным и подробным. Особенно денежная сторона должна быть представлена отчетливо и наглядно для всех. Не найдете ли нужным эту часть отпечатать особо и в большем числе экземпляров?<sup>2</sup> С нетерпением ждем Вашего приезда.

### 91. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

*17 октября 1899, Данково*

Буду завтра понедельник Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

### 92. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

20 октября

*20 октября 1899, Москва*

Не зная, попадут ли Вам в руки «Московские ведомости» утром, на всякий случай спешу Вам сообщить, что ныне, в 2 часа, в Университетской церкви назначена панихида по Императору Александру III<sup>1</sup>. Не найдете ли нужным, в звании товарища Августейшего председателя Комитета Музея Александра III, пожаловать на сию панихиду в Университет? Нас, профессоров, обыкновенно приглашают быть в виц-мундирах с орденами.

Бумагу Л.М. и Е.Н.Муромцовых я перечитал. Оформленная нотариальным порядком, она подписана и Екатериной Николаевной. Ввиду кончины Леонида Матвеевича, не было ли бы со стороны Комитета справедливым избрать Екатерину Николаевну в свои сочлены?

Спешу на лекцию. Оттуда к 12 час. буду на стройке.

**93. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

22 октября

*22 октября 1899, Москва*

Ныне, во 2-м часу, я намерен был представиться Софье Степановне и Анне Степановне, чтобы затем сопровождать Вас в заседание Строительной комиссии<sup>1</sup>. Но вечером вчера я заболел: появилась головная боль, начал пропадать голос, за ночь образовался такой грипп, что теперь и детей к себе не допускаю, и о выходе из дома не могу думать. Простите великодушно мою невозможность быть в Строительной комиссии. Как только явится физическая возможность выйти из дома, явлюсь я к Вашим дамам.

Вчера я был у И.А. Колесникова для окончательного решения о катакомбе. Случилось так, что при мне приехал к ним с визитом здешний викарий, новонареченный епископ Парфений<sup>2</sup>. Он был как ректор здешней семинарии у нас на закладке Музея. Узнавши о задуманном предприятии, он сердечно благословил нас на это дело. Итак, вопрос этот должен считаться решенным. Катакомба будет. Даст Бог, если будем живы, весною, в марте будущего 1900 г., Р[оману] И[ванови]чу и мне надо будет съездить в Рим<sup>3</sup> – для выбора определенных образцов. Клейн их вымеряет, зарисует.

**94. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

25 октября

*25 октября 1899, Москва*

Приезжал я ныне принести Вам почтительнейшую признательность за любезное Ваше посещение, но, к сожалению, не застал Вас дома. Назначение дня заседания Комитета<sup>1</sup> зависит всецело от Вас и поездки Вашей во Владимир. Строительная комиссия представила заявление о необходимой для нее сумме на 1900 г. Укажите мне день – и я сейчас же начну созывать сочленов. Заседание может состояться вечером, в 8 часов. Укажите только день.

Ждал на нынешний вечер Романа Ивановича, чтобы поговорить о Центральном зале. Но он захал днем, когда я был у Вас и в Румянцевском музее.

**95. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

2 ноября

*2 ноября 1899, Москва*

Когда какой-нибудь вопрос по Музею особенно беспокоит меня, я не могу спать по ночам. В последние дни занимает меня архитектурный тип будущей «Палаты русской науки и искусств», и он не дает мне покоя своею неясностью. Все наши залы имеют и размеры и характер, соответствующие сво-

ему назначению. Только этот центральный в общей системе зал, самый большой и самый дорогой, которому – как знать? – может быть, суждено сделаться особою достопримечательностью не только на всю Россию, но и для иностранцев, приезжающих в Москву, устраивается вне связи с его назначением. Назначение его быть почетным вместилищем скульптурных изображений русских знаменитых ученых, литераторов и художников стало ясным после 17 мая, дня приема Великим Князем депутации от Совета Московского университета, являвшейся в лице ректора и деканов благодарить Его Высочество за честь, подготовляемую им Университету к его 150-летнему юбилею сим учреждением.

С тех пор начался с разных сторон разговор об архитектурном стиле этой Палаты. Васнецов, Поленов и вообще художники заговорили о византийской отделке этого помещения. Когда я показывал чертеж Р[омана] И[ванови]ча Трею в Дрездене, его первую мыслью был также византийский стиль. Великий Князь перед отъездом моим за границу говорил, чтобы мы не спешили решением о стиле и разработали этот вопрос спокойно и с разных сторон. М. П. Степанов писал мне еще в сентябре, что Его Высочество симпатизирует византийской обработке этого зала. Кондаков, бывши здесь, увлекался этой идеей и имел совещание с Васнецовым, который обещал поработать над проектом орнаментации живописью.

А между тем у нас, собственно, нет никакой идеи в чертежах Р.И-ча. Если Палате суждено осуществиться, эта форма и не греческого древ[него] храма и не христианской базилики (последнее было бы и опасно, так как пришлось бы поставить статую Александра III на месте престола алтарной части, что возбудит справедливые укоры в непростительной лести...). Она не характерна сама по себе, напоминая залы дворянских собраний, не отвечает назначению и к тому же будет темна. Ждем Вашего решения в ближайший приезд Ваш сюда. Надобно Р.И-чу поработать над этим.

## 96. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

7 ноября

7 ноября 1899, Москва

Во вчерашнем заседании Строительной комиссии рассматривался отчет Р[омана] И[ванови]ча по технической и финансовой части. Отчет по своей ясности и подробности признан образцовым, и потому собранием постановлено было выразить строителю благодарность с занесением этого постановления в протокол. Постоянно серьезный, аккуратный до мелочей и удивительный работник Рерберг оказался здесь во всей своей силе<sup>1</sup>. Это он вел поденные записи всего происходившего на работах, ведая один всю отчетность.



Документы по подрядам, приему материалов и по ежедневным работам всех родов велись им так своевременно и в таком замечательном порядке, что в каждую минуту он мог дать и действительно давал отчет по всем вопросам его компетенции. Эта аккуратность меня радовала, она же сказалась и в общем отчете за первый строительный период. Весь он, в пяти или шести тетрадях, написан его собственной рукой. В прошлом году он же составлял общую смету Музея; случилось так, что ему самому приходится быть и ее исполнителем.

Мне казалось неудобным заявить о ревностной и примерно аккуратной службе Рерберга – в Комиссии; но я почитаю долгом засвидетельствовать его образцовую добросовестность пред Вами, глубокочтимый Юрий Степанович, как товарищем Августейшего председателя Комитета. В свой черед Комитет должен будет достойным образом почтить эту замечательную службу делу Музея в исполнительской его части. Не нашли ли бы Вы возможным представить его к высочайшей награде, если будем живы, в будущем году? Тогда можно было бы наградить его в течение 5-летней службы<sup>2</sup> у нас два раза.

Наш сочлен М.Н.Журавлев<sup>3</sup>, переселившись из Рыбинска в Москву, написал в Комитет письмо о желании внести 15 т[ысяч] р., пожертвованные им в день закладки Музея. Он спрашивает, куда внести их. Я направил его к И.Ю.Шульцу или к казначею Университета. Поступил отчет Правления Университета в расходовании 50 т[ысяч] р. Алексеевского капитала. Выходит, что там и с получением 1 800 руб. % с бумаг потеряли около 700 р., так что вместо 50 т[ысяч] р. в отчете стоит 49 300 (в круглой цифре) р. Надо будет доискаться, где же, в сущности, осталась сумма. Неужели этим выражается потеря на покупке и продаже 4% госуд[арственной] ренты?<sup>4</sup> Ожидаем Вашего приезда.

## 97. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

8 ноября

8 ноября 1899, Москва

В последнем письме я не успел сообщить Вам о разговоре, который имел со мною А.Н.Демосфенов по закрытии заседания Комиссии<sup>1</sup>. «Всякого рода желания и поручения Юрия Степановича, – говорил он мне, – касающиеся Музея, я готов исполнять с радостью. В настоящее время угодно ему, чтобы я проверял и подписывал счета, подлежащие уплате, которые теперь, за медлительностию Геппенера, залеживаются без толку и к справедливому огорчению подрядчиков, – и это желание Юрия Степановича я готов исполнять с возможною скоростью. Но здесь встречается официальное

затруднение. По званию члена Правления Университета, дающему мне место в Комиссии Музея, я проверять счета с технической стороны и подписывать не имею права. Контролер Талицкий, с которым мы ведем войну в университетской Строительной комиссии из-за беспорядочности Быковского, первый же такой документ с моей подписью опротестует. Чтобы приобрести мне такое право, мне нужно получить положение 2-го техника в Комиссии Музея. Университетская Строительная комиссия имеет двух техников; нужно иметь, для ускорения дела, другого техника и в музейской Комиссии. Собственно себя в такие техники я предлагать не могу, но раз введение его в Комиссии Музея оказывается, в интересах дела, нужным, служить Юрию Степановичу я в этом звании готов». Вот так или почти так вел со мною беседу Александр Николаевич. Мне незачем докладывать Вам, что он прав. Служба его будет для нас иметь существенное значение, при бесполезности или малой аккуратности Геппенера, который не оправдал возлагавшихся на него ожиданий. Я говорил об учреждении в Комиссии нашей должности 2-го техника и о замещении ее Демосфеновым с Р[оманом] И[ванови]чем – и он находит эту меру вполне целесообразной. Конечно, тогда необходимо будет уравнивать эти обе должности и по содержанию. Геппенер получает 900 руб. Будем ожидать Ваших указаний в ближайший приезд Ваш в Москву.

### 98. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

9 ноября

9 ноября 1899, Москва

Вчера вечером являлся ко мне курьер из канцелярии Великого Князя и от имени В.К.Истомина спрашивал, где Вы находитесь в настоящее время и когда будете в Москве. Я сообщил, что Вы – в Петербурге и будете здесь около 12[-го] с[его]м[есяца]. Ныне пишу Истомину, что свое соображение о Вашем прибытии сюда я основываю на времени праздника в Вашем Училище во Владимире<sup>1</sup>.

Собираю данные для годовичного отчета.

### 99. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

10 ноября 1899, Петербург

Буду завтра четверг Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

**100. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

19 ноября

19 ноября 1899, Москва

Разрешите мне вместо субботы явиться к Вам в понедельник<sup>1</sup> утром, так как отчет Строительной комиссии находится на просмотре у представителя Государств[енного] контроля Талицкокого – и потому мне не по чему проставить главные цифры расходов и установить рубрики. Завтра я надеюсь иметь эту отчетность и за воскресенье успею написать этот отдел моего доклада. В понедельник моя рукопись по отчету будет совсем готова и будет мною Вам доставлена. Выслушанная Вами, она, где Вы укажете, будет сокращена или пополнена. Сухие части, с именами и цифрами, необходимо оживить более интересными эпизодами.

Возвратившись от Вас, я весь вечер писал и лег поздно. Грезы были все связаны с этим отчетом. А проснувшись, я был очень рад, что – «то был сон»\*. Под утро я читал очень ясно большую бумагу от Его Высочества с гневными замечаниями на большие передержки сравнительно со сметой и наличными денежными средствами. Особой статьей и предметом гневных упреков стояли центральный корпус с Палатой: здесь решительно отклонялась мысль о казенном пособии на этот предмет. Предо мною встал, по прочтении этого места, грозный вопрос о стоимости этого корпуса тысяч в 200, которые явятся впоследствии дефицитом в сооружении Музея. Но кошмар миновал, я проснулся и был очень рад, что прочитанное было не наяву.

Пока не принесут мне отчета Строительной комиссии, стану готовить доклад о Керченской катакомбе. Стасов прислал новое письмо, узнавши о Вашем участии<sup>2</sup>. Собирается явиться к Вам, как Вы только возвратитесь в Петербург. Он уже искал Вас там.

**101. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

24 ноября

24 ноября 1899, Москва

Препровождая к Вам IV том Perrot et Chipiez<sup>1</sup>, покорнейше прошу Вас, если возможно, пожаловать на одну минутку в Старое здание Университета, чтобы решить вопрос о рисунках. Они очень различных форматов. Не соединить ли их по характеру содержания в особые категории, для наглядности. Они очень длинны. Если сделать заказ скалок\*\*, то это нужно сделать ныне же. Но укажите, как приступить к этому.

\* Цитата из стихотворения Г.Гейне «И у меня был край родной...». Пер. А.Н.Плещеева (1845).

\*\* Скалка – деревянный валик; *эд.*, очевидно, для подвешивания таблиц.

Не прикажете ли прислать письмоводителя Комитета, г. Иезберу, для записи Вашего доклада, который после необходимо напечатать? Г-н Иезбера записывает диктанта хорошо, он же и перепишет для печати. Он к Вашим услугам. В сообщении Вашем будьте добры помянуть в истории вопроса – г.г. Усова и Иловайского<sup>2</sup>, тем более, что последний будет в заседании сам.

Сообщите посланному, когда Вам будет угодно пожаловать в «Нумизматический кабинет» – над канцеляриями и над залой Совета, где мы заседали много раз<sup>3</sup>. Я буду здесь до 12 час. Вы не потеряете более 10 минут на указания, как поступить с рисунками.

### 102. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

26 ноября

26 ноября 1899, Москва

Будьте милостивы препроводить во дворец посылаемые при сем оповещения о заседании завтрашнего дня. Для Ее Высочества я напечатал на картончике.

В «Московских ведомостях» еще не появилось известия о завтрашнем заседании, но в «Русских ведомостях»<sup>1</sup> перечислены и предположенные доклады. Так ли я формулировал заглавие Вашего доклада? Прочитал ли предварительно свою бумагу Д.Н. Демосфенов? Где его ведомость?<sup>2</sup> У меня ее нет. С 2-х до 7 часов я буду занят корректурой<sup>3</sup>. Не разрешите ли поехать к Вам вечером для каких-либо указаний? Доложил ли граф Менгден<sup>4</sup> Ваши слова Великой Княгине, и есть ли надежда на присутствие Ее Высочества в заседании?<sup>5</sup> В связи с этим вопросом находится вопрос о присутствии графини П.С. Уваровой, которую, может быть, необходимо было бы попросить обо обо о прибытии в заседание<sup>5</sup>.

### 103. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

26 н. 99

26 ноября 1899, Москва

Многоуважаемый Иван Владимирович

Я не сомневаюсь, что гр. Менгден докладывал Ее Высочеству, но ответ Ее мне не известен, но вчера и нынче у Нее приема не было.

Демосфеновский отчет у меня.

Вечер у меня свободен, не желаете ли Вы сделать мне удовольствие откушать со мною в 7½ часов.

Глубоко преданный

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

**104. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

29 ноября

*29 ноября 1899, Москва*

Не справился я в субботу<sup>1</sup> у Вас, не нужно ли ныне явиться к Великому Князю благодарить за внимание. Сейчас я не помню, как было дело в прошлом году после открытия Комитета<sup>2</sup>. Не знаю, есть ли ныне прием. Посылаю узнать и, если отказа не будет, я протелефонирую Вам в «Славянский базар» от Его Высочества. Впрочем, не опоздать бы; теперь скоро 10 часов. Как жаль, что я не спросил Вас насчет нынешнего утра.

**105. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

30 ноября

*30 ноября 1899, Москва*

До 2-х часов у меня лекции, а после я не знаю, застану ли я Вас дома. Между тем возникает вопрос, не созвать ли Вам в это пребывание здесь еще одно заседание Комитета? Может быть, хорошо было бы напечатать отчет по поступлению и расходованию сумм. Правда, у меня есть для того документы из Правления Университета и из Строительной комиссии, но по поводу их у меня как плохого денежного счетчика (которому и дома-то редко дают более 40 коп. зараз на расходы, да и то с напоминанием принести из этой суммы что-нибудь назад) возникают большие сомнения, которых я решить не умею. Все цифры в этих бумагах разные, по которым я никакого баланса свести не могу. Да и вообще мудреных правил сложения и вычитания я боюсь. Тут нужны или присяжный счетчик, или комиссия из нескольких членов Комитета.

Не прикажете ли прислать Вам нашего письмоводителя и не будете ли добры продиктовать ему Вашу речь о Керченской катакомбе? За утомлением и обязанный ходить с рисунками, я записывать ее в заседании не мог, в печати же, по записям наших молодых секретарей, она передана уже очень, чересчур кратко. А между тем интерес ее отметил также и Великий Князь. Ее нужно напечатать. Если бы Вам угодно было ее расширить сообщением подробностей, то можно было бы, при печатании, сказать, что она в извлечении была доложена в таком-то заседании. Я перечитал отчет Н.Н.Трескина о заседании 27 ноября – и никакого указания на источник сумм, потребных для расходов по перенесению Керченской катакомбы в наш Музей, я не нашел в «Московских ведомостях»<sup>1</sup>.

**106. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

1 декабря

*1 декабря 1899, Москва*

Настал последний месяц 1899 года, разделяющий нас отныне лишь на 30 дней от Нового года. В истории нашего дела истекающий год останется незабвенным по тому серьезному началу, которое положено кладке стен здания. Что-то пошлет нам судьба сделать в будущем году, который выяснит главным образом успешность каменной части в системе здания. Особой заботой для Комитета должно бы быть привлечение новых членов и новых жертв, потому что мы все-таки далеки от возможности исполнения сметы, которая и у нас, конечно, будет на практике превышена, что бы там ни говорили о сбережениях по разным статьям. К тому же я не знаю, вошла ли в смету статья о мебели и оборудовании зал, хотя бы самым необходимым, как тумбами под статуи, полками и шкапами для библиотеки и читальни.

Сотрудники активные приобретаются знанием Москвы. Сейчас я не вижу, кого бы можно было заинтересовать Музеем. Но вчера Ваш новый управляющий на Гусю обнаружил такие знания московского общества и такие литературные интересы (он собрал до 300 тыс. руб. на «Русское обозрение»<sup>1</sup>, несмотря на всю его безнадежность), что я решаюсь просить его содействия и в нашем деле. Он показался мне очень серьезным и человеком строго определенного образа мыслей. Где он остановился и как его имя и отчество? Я встречался с ним у Д. И. Иловайского, но последний, по беспамятству на имена, никогда не знакомит гостей. Будьте добры сообщите мне его адрес; я к нему съезжу и попрошу его содействия в указании действительно полезных лиц.

Читали ли Вы о кончине Т. И. Филиппова?<sup>2</sup> Царство ему небесное. Он был всегда добр ко мне и сочувствовал Музею.

**107. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

3 декабря

*3 декабря 1899, Москва*

Никак я не мог поймать Трескина в эти дни, в указанное Вами время, до 12 часов. Как учитель гимназии он дает в эти часы уроки<sup>1</sup>. Вчера я надеялся послать его к Вам в 1-м часу или во 2-м; но мне в Кабинете сказали, что он заболел зубами и скоро ушел из Университета. Вечером у нас было последнее заседание у попечителя, там я его встретил и сказал ему, чтобы он был у Вас непременно ныне. Он обещал. После лекций, которые у меня кончатся в 3-м часу, я также явлюсь к Вам за указаниями, какие угодно будет дать на ближайшее время, впредь до Вашего первого приезда в Москву.

В эти дни начнутся торги на строительные материалы, кирпич и железо. Относительно первого слышатся советы повременить ввиду ожидаемого понижения цен: уже и теперь, говорят, цена упала до 22 р. 50 коп. за 1000 шт. Как знать, что не понизится она еще на рублик или на два? Железники, с Готье во главе, грозят стачкою или «синдикатом», на их языке, чтобы не дать Музею воспользоваться выгодами беспошлинного ввоза фасонного железа из-за границы. Они грозят поднять цены до стоимости отечественного железа. Что тут делать? Ваш совет здесь безусловно необходим. Не соберете ли Вы нас, т.е. Клейна, Демосфенова и меня, перед Вашим отъездом, чтобы условиться в образе действий. Конечно, необходимо облегчить поставщику формальности получения заграничного железа на таможенных, чтобы не вводить его в напрасный изъяс; но Комитету и Комиссии Музея нельзя и даваться в руки стачечникам. Они воображают, что без них не обойдутся. Не кликнуть ли клич, в случае их упорства, по Варшаве, по Петербургу или не указать ли им на возможность вызова заграничных монтеров [мастеров?], которые сделают дело и без них? Не уезжайте, Юрий Степанович, не давши нам категорических указаний в этом важном деле.

### 108. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

3 д. 1899

3 декабря 1899, Москва

Многоуважаемый Иван Владимирович.

Сегодня в третьем часу я буду дома, не благоугодно ли будет Вашему пресвосходительству пожаловать, вместе с Трескиным, ко мне.

Весь Ваш Нечаев-Мальцов

### 109. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4 декабря

4 декабря 1899, Москва

Вчера я забыл попросить Вас о моей тетрадке<sup>1</sup> с текстом о Керченской катакомбе. Ваше сообщение в Комитете возбудило интерес к этому предмету в обществе. На днях после лекции меня спрашивали в Консерватории<sup>2</sup> профессора, будет ли Ваша речь напечатана. Я должен был насплетничать, что я просил Вас о разрешении прислать к Вам нашего письмоводителя, который записал бы буквально все, что Вы продиктовали бы ему. После я пытался просить Вас о том же еще раз; но Вы остались непреклонны.

По поводу привлечения новых средств Музею питаю почему-то надежду на К.К.Банзу, человека, говорят, очень, особенно хорошего. Повезу ему и его компаньонам дипломы и при этом случае попытаюсь предложить им

Средневековый зал<sup>3</sup>, который в значительной степени будет немецким по составу памятников искусства. Авось на этой немецкой удочке не попадет-ся немецкая жертва? Не знаю почему, но надежда выудить малую толику меня здесь не оставляет. Можно будет предложить уплату стоимости по частям, включивши сюда и 10 000 руб., которые Вогау и К° уже пожертвованы.

Получено ли известие о состоянии здоровья Софьи Степановны?

### 110. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

4 декабря 1899, Москва

Многоуважаемый Иван Владимирович.

Вашу речь я вложил в книгу Стасова и передал ее Вам у Вел[икого] Кн[язя]. Благодарю за память о сестрах, известия о здоровье сестры не успокоительные. Надеюсь сегодня ехать, послал за билетами.

Весь Ваш Нечаев-Мальцов

### 111. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4 декабря

4 декабря 1899, Москва

Едва ушел рассыльный Павел<sup>1</sup> к Вам, как я получил прилагаемое при сем письмо<sup>2</sup> от сотрудника журнала «Искусство и художественная промышленность» – с просьбою доставить ему на время рукопись Вашего доклада о Керченской катакомбе. А что я могу дать, раз Вы не разрешили мне прислать к Вам Иезберу для записи? Как мне быть, я совсем не знаю. Успели ли записать за Вами во время доклада Трескин и Романов? Этих юных педагогов я никак не могу поймать. Но у Трескина должна быть запись; он не знал только точного текста из Иоанна экзарха Болгарского<sup>3</sup>. Цитаты Вашей из него он записать не мог. Пошлю г. Некрасова, ищущего теперь Вашей рукописи, к нему; но верна ли эта запись? Трескину необходимо было бы подвергнуть ее Вашей цензуре предварительно сообщения ее в печать. Не явится ли он к Вам ныне?

### 112. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

4 дек. 99

4 декабря 1899, Москва

Многоуважаемый Иван Владимирович.

Мне бы не хотелось, чтобы моя болтовня попала в журнал Император-

\* Зд. – денежное пожертвование



ского общества поощрения художеств; пожалуйста, не посылайте стенографии Трескина Некрасову, для этого у меня есть личные причины; если перепечатают из другого журнала, то будут обязаны обозначить, откуда взяли, что равнозначуще, что получили не от меня.

Весь Ваш Нечаев-Мальцов

### 113. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

12 декабря

12 декабря 1899, Москва

П.А.Некрасов позавчера сказал мне, что Вы на днях должны прибыть в Москву, но слышавши от Вас, что поездка Ваша будет зависеть от разных обстоятельств, считаю более надежным написать Вам в Петербург.

Принесли мне телеграмму, в которой стояло: «Разрешаю, Георгий». Не понимая, в чем дело и о каком разрешении идет речь, когда ни наш Музей, ни я ни о чем Его Высочество не просили, смотрю на адрес. Там стоит: Москва, Музей Императора Александра III, секретарю Теряеву. Не будучи ни секретарем Музея и не нося такой фамилии, я отдал телеграмму обратно телеграфисту. Тут очевидная ошибка: телеграмма несомненно назначена была для управляемого Великим Князем Георгием Михайловичем Русского музея и[мени] А[лександра] III в Петербурге, а телеграфное ведомство, должно быть, много насышавшись о нашем Музее, направило ее в Москву. Да и фамилия тамошнего секретаря оказалась перевернутой, – никакого Теряева там нет<sup>1</sup>. Лист прислал такую алармную\* бумагу насчет камня, что все присутствовавшие в заседании Комиссии серьезно призадумались: будет у Музея коломенский камень или придется искать камня за границей?<sup>2</sup> Из опасений Листа выходит, что камня Липгарт не доставит не только в 1900 и 1901 гг., но и позднее. Бессильные в суждении о предмете исключительно Вашей власти и ведения, мы постановили препроводить копии с этого письма Вам и Липгарту с Рингелем. Клейн также в большом смущении от этого письма, так как в будущем году не выложим мы наружных стен передней половины здания нисколько, раз ни Лист, ни Захаров не поставят облицовочного, обработанного камня. В связи со стенами находится и вопрос о железном покрытии: как теперь заказывать нам стропила и прочие части крыши? Не уезжайте, Юрий Степанович, за границу, не сделавши распоряжений на этот счет. Конечно, нельзя быть очень взыскательным к Рингелю: он делает в этом новом для него предприятии все возможное; очевидно, что в 1-е лето он не мог сделать большего. В следующий сезон

\* тревожную (фр.).

он будет практичнее – и только по результату будущего лета можно будет судить о деле настоящим образом.

Я очутился опасным писателем: цензура исполосовала красными чернилами мой доклад в годичном заседании Комитета и не разрешила отдельного оттиска его из «Московских ведомостей», требуя разрешения мин[ист]ра Имп[ераторского] Двора для тех мест, где говорится о Государе, Великих Князьях и вообще о Высочайших особах. Не помогла и цензура Университета<sup>3</sup>. Дожидаемся Степанова и Истомина: они укажут, как поступить.

#### 114. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

*17 декабря 1899, Петербург*

Буду завтра субботу Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

#### 115. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

31 декабря

*31 декабря 1899, Москва*

7 часов отделяют нас от Нового года – в эти минуты мое благодарное чувство несется к Вам с пожеланием, самым глубоким и горячим, Вам всего лучшего и счастливого в наступающем новолетии: полного здоровья и совершенного нравственного удовлетворения теми большими предприятиями альтруистического характера, с назначением их на благо ближних, которые по Вашей воле и Вашим именем вершатся и во Владимирской губернии, и в Москве, и в других местах России. Это – великое счастье и редкий дар особенно милостивой судьбы не только иметь материальную возможность творить добро, но и обладать такою внутреннею, такою высоконравственною потребностью к деятельности именно этого рода. Да хранит Вас Господь многие годы, на радость Вам самим ростом и умножением Ваших альтруистических созданий в областях религии, просвещения и благотворительности.

1900

**116. Нечаев-Мальцов – Цветаеву**

*4 января 1900, Петербург*

Усердно благодарю поздравления наградою обязан моим руководителям<sup>1</sup>  
Нечаев-Мальцов

**117. Цветаев – Нечаеву-Мальцову**

10 января

*10 января 1900, Москва*

С разных сторон слыша в Университете об ожидании Вашего прибытия на акт 12-го я ныне телеграфировал Вам об этом<sup>1</sup>. Если только не задержит Вас представление Его Величеству, будьте добры ответить Вашим присутствием на университетском празднике. Ждут Вас как почетного гостя и члена, отмеченного ныне на всю Россию таким высоким знаком монаршего благоволения. Здесь придают особое значение тому обстоятельству, что Ваш Александр Невский сопровождается высочайшей грамотою чисто специального характера, с указанием особых заслуг Ваших по промышленному образованию, тогда как несколько сенаторов получили ту же лепту без специальной грамоты<sup>2</sup>. По крайней мере, грамоты опубликованы только две: члену Государственного Совета Семенову<sup>3</sup> и Вам. Я просматриваю списки представляющихся Государю<sup>4</sup>, ожидая встретить Ваше имя и опасаясь, как бы это представление не совпало с нашим университетским праздником. Роман Иванович, наверное казак-граф Игнатьев и один мой близкий знакомый уже смакуют наперед и Ваше красное винцо, и старушку Анизетте<sup>5</sup>. Но как бы вышеуказанное обстоятельство не показало тщету этих заблаговременных вкусовых предчувствий. Был у меня Д.А.Хомяков, он говорит, та же коломенская порода камня есть в его имении, что он ей пользовался для постройки колокольни и что эксплуатация его в тех местах налажена<sup>6</sup>. Он очень рекомендует его и хочет переговорить с Вами по этому делу. В Москве он останется до конца января, потом отправляется, по обычаю, в Рим.

**118. Нечаев-Мальцов – Цветаеву**

*14 января 1900, Петербург*

Субботу буду Славянский базар

Нечаев-Мальцов

**119. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

15-го января

*15 января 1900, Москва*

Бывши утром в Университете, я просил секретаря Совета<sup>1</sup>, чтобы Вам доставлен был отчет Университета за минувший год<sup>2</sup>. В отделе о деятельности [н]ашего Комитета я счел долгом поместить целиком адрес Комитета, поднесенный Вам 16-го марта. Отчеты – это летопись, на основании которой созидается история Московского университета: занести на страницы этой летописи этот документ я почитал и обязанностью и сердечным удовольствием. В архиве Вашем и Комитета он мог и затеряться: напечатанный же в отчете в большем количестве экземпляров он будет навсегда сохранен.

В мое отсутствие<sup>3</sup> каждый день будет, в 11-м часу, являться к Вам курьер Комитета Александров за приказаниями: он будет все время в Вашем распоряжении.

Меня спрашивают, когда будет заседание Комитета: разрешите воспользоваться настоящим приездом Вашим для устройства заседания. Дела есть. Корректуру дипломов я продержал<sup>4</sup>: поторопите Левенсона изготовлением, чтобы Его Высочеству и Вам подписать их в январе. Дипломы членов-соревнователей подписываются по уставу товарищем Августейшего председателя Комитета.

**120. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

3 февраля

*3 февраля 1900, Москва*

По оплошности я забыл спросить Вас, не нужно ли было бы написать профессору Белелюбскому от Строительной комиссии насчет испытания уральского камня? Относительно коломенского камня он, в свое время, просил бумагу, вероятно, для отчетности по лаборатории. Или совершенно достаточно Ваших личных с ним сношений, и как собственника вопроса о камне, и как товарища председателя Комитета? Не прислать ли Вам бумагу Комиссии – на всякий случай?

В последний раз я был у Вас, когда Вы уже укладывали бумаги, собираясь в путь. Помните, пришел тогда с образцами цветных уральских камней представитель г. Быховского<sup>1</sup>. Второпях перед Вашим отъездом мы принялись было высчитывать вес колонн по лестнице и, при таких обстоятельствах, высчитали его, должно быть, с лишним нуликом. На днях я виделся с профессором Залесским, мы разговорились об этой колонн[ад]е: он начал подсчет веса, – у него, при 10 арш. (3 1/3 саж.) [7,11 м] высоты и 3/4 арш. [53 см] в диаметре, колонна весила около 160 пудов [2,62 тонны] не считая базы,

плинта и капители. Если с первого слова представитель Быховского запросил 2 рубля за пуд указанного Вами образца, то, по словам Залесского, отдадут охотно колонну в 160 пудов за 300 рублей, а то так и меньше. Если это так, то камень на 20 колонн в Москве будет стоить 6000 рублей: эта цена Божеская. В той же пропорции будет, вероятно, считаться и облицовочная лещадка для боков лестницы. А при цветных каменных колоннах с бронзовыми капителями и базами, что это за чудо будет эта лестница с каменной облицовкою по бокам!

Лист говорит, что эта лестница будет первой из всех, строившихся на его глазах в новое время: серый гранит ступеней из цельных плит, подобрать которые берется Брусов, бледно-голубоватая с крапинками и жилками облицовка, величественная колоннада в 20 колонн – какой, при царственно-торжественном характере плана лестницы, это будет величественный вход на 2-й этаж! Боже мой, яшмовые колонны в Музее не грезились [н]ам и во сне: действительность здесь превосходит мечту и грезы.

Я спрашивал Залесского, не будет ли он прокладывать в боковых стенках лестницы теплопровода: он сказал, что – нет. И слава Богу: тогда каменные колонны можно ставить на них спокойно. Ваши петербургские высокопоставленные друзья «на крестинах» съели такой удивительный обед, московские же Ваши почитатели охотно променяют такую трапезу этого праздника на колоннаду: и эхо нашего празднества в этой форме будет проноситься века.

## 121. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

12-го февраля

12 февраля 1900, Москва

Третьего дня приезжал ко мне Лист и сказывал, что испытания уральского камня в здешнем Инженерном училище дают пока превосходные результаты и что остается главное испытание на выветривание, но оно будто бы, при вполне надежных приемах исполнения, требует 70 дней. Не знаю Ваших на этот счет сведений, полученных от Белелюбского; но если бы и он поставил это количество времени, не лучше ли бы согласиться на этот срок? В нашем здании выветривание играет роль большую, чем мороз, сила для камня Уральского хребта, конечно, известная. Дробление у нас только в колоннах, а в глади облицовки оно едва ли играет большую роль. Если Вы изберете этот элегантный с виду камень, то с Вашим именем связан будет почин ввоза его в Европейскую Россию, Москва будет видеть его постоянно со всеми его свойствами, положительными и отрицательными. В самом здании облицовка и каменные колонны будут его красой и гордостью на весь

его, Бог даст, долгий век. При таком значении этого нового и для Вас, после стольких опытов с камнем в Ваших сооружениях, материала, что значат 30-40 лишних дней, потребных для испытания? От лишних 1½ месяцев производства ученой экспертизы дело кладки Музея не встанет. Лист говорит, что ломка камня продолжается непрерывно и что промедление с экспертизой на указанные 30-40 дней дела нашего, в случае избрания Вами этого камня, не затормозит. Не бывши по своим познаниям к существу дела причастным, я решаюсь написать, что слышу. Лист пригласил меня посмотреть его мраморные и мозаические работы в доме Морозова, на Воздвиженке<sup>1</sup>, где ему принадлежит преимущественно Помпейский зал. Его колоннада, панели по стенам, пилястры, пол, фонтан – всё из камня самых разных и часто дорогих пород, начиная с белого радомского песчаника для колонн и кончая разноцветными мраморами и [малахитом]. Пол мраморный самых различных тонов. Две ниши – мозаиковых. Работа всех каменных частей меня [восхитила?], и Лист рассматривает эту работу как лучшее свое произведение, радуясь и гордясь, что все это делают у него мужички, научившиеся обхождению с камнем часто у себя дома, на местных коях, и потом усовершенствовавшиеся до виртуозности итальянцев в Москве. Эти артистические образцы ясно говорят, что Лист выведет и внешнюю колоннаду Музея и отполирует яшму и другие камни для колоннады и стенок лестницы. Это большой любитель мраморно-каменного дела, и технические силы в его людях меня прямо поразили. Вещи тонкого исполнения я считал доселе делом иностранных рук в его мастерской, а не, самые сложные и требующие особенного глаза и аккуратности рисунки преисправно исполняются нашими родными бородачами в дубленых полушубках. Побывайте, Юрий Степанович, в этой Помпее на Воздвиженке. Лист за честь сочтет Вам представить свои мастерские работы.

## 122. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

14-го февраля

14 февраля 1900, Москва

Согласно Вашему указанию, я писал Е.Н.Муромцевой о зале имени Н.Л.Муромцева. Ответ ее писан, очевидно, в конторе того же нотариуса, который закреплял их общий с покойным Леонидом Матвеевичем дар Музею. В официальном письме Екатерина Николаевна извещает, что почитает своим долгом исполнить обещанное – высылкою 22 944 руб. в распоряжение Комитета к 1-му ноября текущего года. Указанный здесь срок, надобно думать, мотивируется надеждою на урожай будущего лета: в Ваших местах, если я не ошибаюсь, к этому времени молотьба хлеба оканчивается и начинается

распродажа зерна. Это, впрочем, мои соображения, может быть, совершенно ошибочные.

Надобно написать еще некоторым членам Комитета, напомнив им о высылке обещанных ими сумм, как Морозову (30 000 руб.) и кн. Юсупову<sup>1</sup> (46 600 руб.). Залы, избранные ими, будут строиться предстоящим летом, кирпич же и другие строительные материалы приобретаются уже теперь, так что не будет с моей стороны навязчивостью это напоминание. Нужно лишь подумать о подобающей форме.

Не знаю, как целесообразнее подойти к Бугрову<sup>2</sup>, чтобы убедить его взять одну из оставшихся зал. Не повезти ли ему в Нижний [Новгород] диплом, подписанный Его Высочеством? Может быть, такая честь будет и чересчур велика, но ради пользы Музея я охотно съездил бы в Нижний и поднес бы ему этот документ. Как знать, что это не тронет его – и он не решится сделать Музею дар, достойный его, говорят, колоссальных средств? Мне Колесников говорил, что все зависит от минуты: он-де может махнуть и очень крупную сумму, а то так ограничится и 5 000 руб., при огромном состоянии, в ответ на честь, оказанную ему избранием в члены Комитета. Состояние его тем больше, говорит Колесников, что он не имеет детей. Пусть бы взял себе в дочки одну из наших свободных зал, да которая побольше...

Ныне был я в типографии Левенсона узнать, что они делают с дипломами. Печатание их приходит к концу и, если верить их словам, 18 [его] февраля дипломы будут доставлены в Университет, откуда частями их нужно будет доставлять Великому Князю для подписа. Дипломы членов-соревнователей, согласно уставу, подписываются Вами: прикажете ли их послать Вам в Петербург или оставить их до 2-й недели Поста, когда Вы подпишите их здесь? Если укажете последнее, придется Вам подписывать их задним числом и месяцем, так как на них поставлен в печатном тексте февраль.

Ныне Романов прочел превосходную пробную лекцию о Фидии, Парфеноне. Другая будет о Джотто<sup>3</sup>.

### 123. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 февраля

19 февраля 1900, Москва

Вчера я прочел в «Московских ведомостях» описание модели Музея, сделанное Лукиным, одним из главных сотрудников этой газеты. Опасный народ эти господа газетных столбцов своею неумеренностью и в похвалах, и в порицаниях. Расхвалил он модель так, что тошно становится; заметка, иначе полезная для дела и интересная для читателей, превращается в рекламу худого тона, место которой на 4-й странице газеты среди курьезных

объявлений всякого рода. Этого Лукина я знаю, это хороший молодой человек, хотел он и Музею, и Роману Ивановичу принести дань восторга, да, на беду, пересолил в выражении своего чувства.

Дипломы членам Комитета готовы и ожидают подписа Великого Князя и Вашего. В эти дни приемов у Его Высочества нет да, вероятно, не будет их и на 1-й неделе Поста. Придется препроводить дипломы действительных членов к нему в кабинет, попросивши генерала Степанова доложить о них до истечения февраля, помеченного в печатном тексте.

Много здесь смеются над нашим знакомцем английским консулом Медгёрстом<sup>1</sup> и его так не понравившейся Вам на последнем предводительском балу, чересчур уже, до тошноты, развязной женою. Оба они были на днях у предводителя князя Трубецкого на большом вечере<sup>2</sup>. За ужином какой-то офицер, хлебнувши, должно быть, лишнее, поднял бокал за спасение буров<sup>3</sup> от англичан, «этой-де гнусной нации». Маленький консул и его супруга с шумом, демонстративно встали из-за стола и вышли. Напрасно извинялись перед ними хозяин с хозяйкою; они удалились из дома их, а на другой день консул явился с жалобой к генералу Степанову на офицера и с челобитьем доложить о том командующему войсками Московского округа Великому Князю. Степанов доложил, и Великий Князь будто бы приказал вызвать провинившегося застольного [фрондёра?]. По поводу «жалобы» Медгёрста упрекают по городу в бестактности. Ему-де и его размашистой супруге следовало бы быть дипломатичнее и, заслушавши неподобную речь подгулявшего офицера, завести разговор с соседями, как бы не интересуясь окружающим, а они не только смутили всё большое общество, но и полезли с форменною жалобой по начальству.

На днях мы собирались в Строительной комиссии и очень неудачно. Предметом должен был служить проект договора с Бромлеем о железных стропилах, переплетах для кровли и окон<sup>4</sup>. Но не явились ни Бромлей, по семейным обстоятельствам, ни представитель Государственного контроля Талицкий. Так мы посидели-посидели, поточили лясы, послушали рассказней Кондратьева, который везде бывает, все слышит, все знает и все пускает в оборот, – да и разошлись. Однако после члены мне пеняли, что их вызывают в заседание по вечерам из-за пустяков, не щадя их покоя и времени.

#### 124. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

28-го февраля

28 февраля 1900, Москва

Вчера я виделся с Романом Ивановичем и нашел его в удрученном состоянии. Если не будет камня, по его мнению, в будущий строительный сезон



хотя не принимайся за работы. Кирпичной кладки в задней части слишком-де мало, чтобы не поставить кладчика Александра в безвыходное положение. По контракту он должен выставить 200 человек, которые у него, может быть, уже и набраны. А такому количеству рабочих, по словам Клейна, нет у нас, при отсутствии камня, дела более чем на 1½ - 2 месяца. Видя, что камня не возят, Александров являлся к Клейну за советом, как быть ему, и с просьбою пощадить его от разоренья. Роман Иванович отвечал ему, что до поездки на Урал он не в состоянии дать никакого указания. Сам он живет теперь мечтою об этой поездке, от которой он ожидает выяснения вопроса облицовки и цветных камней для колонн и [стенок?] лестницы. Цветные плитки, доставленные ему Листом и Закандиным, разложены на его письменном столе. Не зная, позволят ли Вам обстоятельства выехать на текущей неделе, он хотел послать Вам телеграмму.

Ныне о поездке Вашей на Урал говорил со мною Великий Князь, хорошо осведомленный об этом или из личной беседы с Вами, или через Истомина, который подробно рассказывал мне о Вашей с ним встрече. Ваша экспедиция на Урал была нынешним утром в покоях генерал-губернаторского дома la nouvelle du jour\*. В разговорах принимали участие молодой граф Олсуфьев (по слухам, у старика графа А[лексея] В[асильевича] и у этого молодого воина было столкновение с Медгёрстом, некоторые приписывают тост за буров молодому Олсуфьеву<sup>1)</sup> и чиновники особых поручений. Истомин спрашивал меня, не еду ли с Вами и я; будь лето, я охотно объявился бы горным инженером и поехал бы в Азию. Но зимою у меня нет ни геологических познаний, ни инженерного авторитета. Вот когда поедете в Керчь для осмотра катакомбы, я с восторгом буду сопутствовать Вам, чтобы посмотреть и живопись катакомбы, и Керченский музей, и Керчь, и юг. Ведь это будет в апреле или мае? Надо будет почитать к тому времени о Пантикапее, Ольвии и вообще о Босфорском царстве<sup>2)</sup>, предмете, которым мне не приходилось заниматься; и сведений по этому углу классического мира у меня очень мало, и цены они небольшой.

Великий Князь очень сердечно и оживленно вспоминал Вас ныне, интересовался породами камней, пожелал их видеть. Представление их, как дело исключительно Вашего вкуса и [усмотрения], необходимо отложить до Вашего приезда. Нужно только Листу и Клейну собрать все, более любопытные, образцы к Вашему прибытию. Инженерное училище дало превосходный отзыв о камне облицовки, испытанном «на мороз» и «на дробление». По словам профессора Проскуракова<sup>3)</sup>, блески – не слюда, а кварц.

\* новостью дня (фр.).

Дипломы Его Высочество подписал все 26-м числом, в два приема, 26-го и ныне 28-го, и, исправно уложивши каждый в свой конверт, сейчас препроводил их в мою квартиру. Очередь за Вашим подписом.

## 125. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

2-го марта

2 марта 1900, Москва

Не выдавши эти три дня Клейна, не знаю, послал ли он Вам телеграмму о времени Вашего приезда в Москву и какой ответ он получил. На субботу<sup>1</sup> назначено заседание Строительной комиссии; в нем я должен буду сделать письменный запрос, почему, пока был зимний путь, она не приобрела кирпич с зимнею доставкойю на предстоящий сезон. Летняя доставка, говорят мне члены Комитета, чуть ли не на рубль в тысяче дороже: зачем же было нам переплачивать 1000 рублей на миллион штук за доставку? Сочлены по Комитету меня спрашивают об этом, но я, плохой судья в хозяйственных делах, не могу дать им надлежащего ответа. Узнаю, в чем тут суть, в Комиссии, которая, кстати сказать, собираема была минувшей зимою очень редко, да и то иногда совершенно бесцельно; то один член не явился, то вопрос не обработан предварительно, не оформлен. Скажу откровенно: необходимо на Комиссию Ваше властное воздействие. Как было бы хорошо Вам пожаловать сюда на ближайшую субботу (заседание в 2 часа), чтобы подлить Комиссии энергии, которую Вы с такою неотразимой силой умеете сообщить и окружающим Вас, в делах первостепенной важности. И это Вы делаете с таким искусством, что другие не замечают этого воздействия; а на практике оказывается, что они и работать начинают сильнее и делу дается надлежащий курс.

С нынешнего дня началось доставление членам Комитета дипломов. Чтобы не отдавать документов, подписанных Великим Князем, исключительно в руки служителя, я поручил доставление письмоводителю Комитета Иезбере. На нынешнее утро он избрал Тверскую и Пречистенскую части [города]. С каждого диплома имеется, на простой бумаге и без рамки, копия текста. На копии распишутся получившие подлинник. Каждому члену послано по записочке с вопросом, не найдет ли он возможным расписаться, по поводу получения диплома, у Великого Князя. Пусть распишутся и Истомин, и Степанов, хотя они у Его Высочества и свои люди.

Когда соберете Вы, глубокоуважаемый Юрий Степанович, Комитет? В 1900 г. он не собирался. Может быть, по возвращении уже с Урала<sup>2</sup> – с докладом о каменных его богатствах?

## 126. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

5-го марта

5 марта 1900, Москва

Нет, нам здесь решительно необходимо Ваше присутствие, чтобы дело могло двигаться вперед, иначе оно грозит встать совсем. Ныне минувшей неделей так и не состоялось заседание Комиссии, хотя и написано было 50 с лишком повесток, то с призывом, то с неоднократными отказами. Больно уже много лиц, участвующих в различных других комиссиях, по другим постройкам. Если ближе всмотреться в течение нашего дела, то приходится поставить вопрос, зачем тратятся деньги на содержание нашей Комиссии в настоящем году? За какие услуги мы платим деньги Геппенеру, проживающему вне Москвы и вообще бывающему в Комиссии очень редко? Особенно странно его положение у нас этой зимой, когда его не тревожили даже освидетельствованием кирпича, так как его не возили на площадь.

Застой на Кольмажном дворе, находящийся в таком контрасте с оживлением подготовительных работ по всей Москве, вызывает вопросы с разных сторон: «Что это у Вас тихо? Возят ли кирпич? Что станете выкладывать летом?» и т.п. Газетные Меркурии<sup>1</sup> также навешиваются по тому же делу.

Р[оман] И[ванови]ч того мнения, что если не придется выкладывать наружные стены, то для однообразия осадки здания не прекратит ли кладку на предстоящий сезон совсем? Ему бы хотелось класть здание кругом, во всех частях одновременно. Камень-де к сезону 1901 г. прибудет в надлежащем количестве, тогда можно будет двинуть дело сразу и усиленным шагом. Не знаю Вашего воззрения на такую мысль; но не удариться бы на практике этого рода уже в другую крайность, именно в неподобающую поспешность кладки? Я помню Ваше сильное сомнение в целесообразности укладки по 40 000 штук кирпича в день прошлым летом. Вам такая горячка работы не нравилась. Но то была исключительно кирпичная кладка и главным образом внутренних стен. Теперь же начнется менее привычная и более ответственная работа вперемежку с камнем. Возможна ли при этом спешность кладки. С нетерпением ожидаем Ваших вестей об экспертизе Белелюбского над камнем. Это была бы большая милость судьбы, если бы после благоприятного отзыва его и камень найден Вашей экспедицией однородным, и [выемка] его в [цифрах], которые даст Р.И-ч, пошла настолько быстро, что к июлю доставили его нам хотя бы для одной пока стены, и доставка его не встретила препятствий. Очень уж много этих условий, так что трудно верится их сочетанию.

Экзамены в Университете и Консерватории так распределяю, чтобы, если Вам угодно будет, сопутствовать Вам в Керчь и в апреле и в мае.

Дипломы развозит Иезбера. Очень тронуты ими все члены Комитета, особенно Поленов и Васнецов, приславший сердечное письмо<sup>2</sup>. Поленов говорит, чтобы звали его «на работу», когда настанет для нее время. Обещает служить Музею и Васнецов. Кондратьев приезжал советоваться, какую лучше раму сделать ему для диплома – плюшевую, бронзовую или деревянную – золоченую. Сергей Морозов присылал своего доктора спросить, как одеться ему для расписки у Великого Князя. Тронут получением «такого великолепного документа» Колесников.

Когда Вы пожелаете сюда? Мы каждый день ожидаем Вас.

### 127. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

7 марта 1900, Петербург

Завтра среда надеюсь быть Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

### 128. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

8-го марта

8 марта 1900, Москва

Очень радуемся Вашему приезду. Как раз на 2 часа ныне назначено заседание Строительной комиссии, которое, наконец, надеюсь, состоится же. Не знаю, за лекциями могу ли я быть у Вас после 12-ти; но, пожалуйста, приезжайте в заседание, имеющее быть в зале Совета (старое здание). Нам Ваше воздействие необходимо. А то наша энергия, должно быть, с весенним снегом, тает. Сейчас распорядюсь о приглашении Вас в заседание.

### 129. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

11 марта

11 марта 1900, Москва

Лист очень сожалеет, что болезнь в его доме лишила его возможности принять участие в Вашей экспедиции на Урал. Вот что, между прочим, пишет он мне по поводу последней: «Г[осподину] Закандину мною уже раньше даны все указания относительно образцов и прочего, так что все уже заготовлено и ожидает лишь прибытия экспедиции. Что касается цен, то я выставил г. Закандину на вид, что только самые крайние цены могут привести к заключению условия на поставку камня. Он в этом столь заинтересован, что дал слово употребить все усилия, чтобы г. Быховский пошел на всякую доступную уступку. Впрочем, не мешало бы пригласить г. Быховского сюда в Москву. Здесь-то мы уже поторговались бы с ним насчет всех его цветных сортов. Итак, решая окончательно всё по поводу белого мрамора,

экспедиция может лишь выбрать подходящие цветные сорта, а о ценах по-торговаться здесь в Москве»<sup>1</sup>. Нового эти слова Георга Листа Вам, конечно, не дадут ничего, так как все вопросы и задачи экспедиции Вами всесторонне уже предreshены, но сообщаю их как мысль «сведующего» лица, близкого делу красоты и монументальности Музея.

Вчера в Университете мне пришлось видеть несколько лиц, получивших дипломы Комитета: все в восторге от художественной их формы и собирались ехать к Вам сердечно Вас благодарить. Некоторые советовались, как и Кондратьев, насчет рамы. Перед отъездом у Вас ныне будет, конечно, [масса?] деловых визитов. Часу во 2-м освобожусь и заеду к Вам, но на вокзал явлюсь непременно.

### 130. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

*16 марта 1900, Златоуст*

Буду субботу вечером Кончил Надеюсь вас видеть воскресенье Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

### 131. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 марта

*19 марта 1900, Москва*

С восторгом, по случаю благополучного возвращения Вашего с далекого и в эту пору года негостеприимного Урала, поджидал я вчера подходившего поезда; но было велико мое разочарование, когда я увидел Вас выходящим из вагона. Вы были так утомлены и имели такой измученный вид, каким я никогда не встречал Вас после путешествий. Вы не имели такого вида и после сплошного переезда из Египта три года тому назад<sup>1</sup>. Поэтому я только поклоном встретил Вас, не считая возможным утомлять Вас разговорами, тем более, что выехал на встречу и Дмитрий Степанович<sup>2</sup>, который всецело и завладел Вами.

Роман Иванович сказал мне, что Вы ожидаете меня ныне утром. Да то же я знаю и из Вашей любезной телеграммы. Получение последней наполнило меня и Листа неопишуемой радостью: телеграмма решала коренной вопрос о камне, так неотвязно всех нас в последнее время занимавший. Лист меня спросил письмом: «Испытываю чувство полного счастья, что дело решено и настал день, в который положено начало великолепнейшему фасаду в России. Еще раз от души благодарю Вас за это известие. Но как отпраздновать это событие? Не найдете ли Вы возможным устроить так, чтобы мы все могли отобедать у меня в понедельник?»<sup>3</sup> и т.д. До Вашего

решения я пока ничего не отвечал ему. Ожидаю Ваших указаний, да он, по письму, и сам собирается ныне быть у Вас.

Без Вас здесь я прочитал объявление в «Московских ведомостях» насчет Закандина<sup>4</sup>. Чем вызвано было управление Московско-Воронежской железной дороги прибегнуть к этой необычной мере? Не сделал ли он по службе какого-нибудь неблагоприятного дела? Ведь так поступают только с очень вредными людьми. Какую роль будет играть Закандин в нашем или, точнее, Вашем каменном деле? Ввиду этого спешу препроводить Вам это странное объявление.

К 12 часам буду у Вас; но, вероятно, [тогда?] будет много посетителей – и потому спешу сообщить Вам первые вести, пока Вы еще одни и свободны.

### 132. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

20 марта

20 марта 1900, Москва

Вчера В.К.Истомина я застал дома и долго беседовал с ним. Несмотря на болезненное состояние, удерживающее его несколько дней в квартире, он в разговоре о Музее и о Вашем участии в деле его созидания, принявшего такие грандиозные формы, воодушевился. По его словам, Вы созидаете себе этим Музеем такой памятник, который переживет в истории всю Вашу остальную деятельность, как ни велика она по размерам и как ни важна она для развития отечественной промышленности. Он завидовал и Вам и мне в том, что у нас «деятельность по душе», чего судьба никогда не посылала ему в жизни, постоянно принуждая к работе, лишь обеспечивающей его многочисленную семью. И в доказательство, что счастье в жизни и лучшая доля заключается в обладании любимым делом, в «деле по душе», которому можешь отдаться, он привел выдержку из письма к нему гр. Л.Н.Толстого, говорившего то же самое<sup>1</sup>. «Я смотрю, – продолжал он, – на этот Музей, люблюсь этим необыкновенным делом, которое считаю просто каким-то чудом. Можно ли было думать о нынешнем его успехе по скромному началу несколько лет тому назад?» Я ответил ему, что и сам смотрю на это счастье без двойника\* как на какой-то сон и лишь боюсь в душе, чтобы оно, тоже как сон, не покинуло Музей раньше его окончания. А пока он является общим любимцем, баловнем и предметом больших восторгов одних и зависти других.

По вопросу об уменьшении тарифа за провоз камня с Урала до  $\frac{1}{200}$  коп. за пуд[оверсту (ок. 2,86 руб. за провоз 1 тонны на 1000 км)] он обещал доложить

\* Т.е., не имеющее себе равных.

ныне Великому Князю; надеется, что Великий Князь будет ходатайствовать. Но завтра он советует явиться к Его Высочеству и мне для более точного изложения вопроса. «Я-де лишь предупрежу Великого Князя, а подробности дела лучше всегда докладывать тому, кто стоит у самого дела». Мотивы ходатайства могут быть в бумаге Великого Князя оба: 1) обычный от Комитета Музея и 2) более широкий от лица московского генерал-губернатора – поднятие местного производства на Урале созданием рынка для камня в Москве.

Привезите, пожалуйста, цветные камни завтра к Великому Князю. Диплом Ваш он подписал.

Обед у Листа в 6 часов: быть во фраках или сюртуках? В чем будете Вы?

### 133. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

21 марта

21 марта 1900, Москва

Обеденная беседа и затем концерт мандолинистов у Листа вчера лишили меня случая передать Вам желание кн. Юсупова, нельзя ли было бы устроить заседание Комитета на Страстной неделе, когда он с княгиней Зинаидой Николаевной надеются быть в Москве. Это желание он высказал мне в минувший четверг<sup>1</sup> у Великого Князя, когда он отправлял свое дежурство. Я ответил ему, что передам его слова Вам. Без Вас мы не собираемся Комитетом и потому и теперь не отступим от установившегося обычая; заседание на Страстной будет возможно только в том случае, если Вы приедете к тому времени в Москву. Приезд Государя и двора на Страстную и Святую<sup>2</sup> сюда не удержит ли Вас, как несущего высшее придворное звание, от поездки в Париж до Пасхи? Ах, как мы все были бы рады перемене Вашего маршрута!

Великий Князь будет очень заинтересован и белым мрамором, и цветными камнями. Если будет принят мой доклад о тарифе, то я осмелился бы, показывая цветные камни Его Высочеству, высказать мысль, что переплату на провозе лучше употребить на приобретение и обработку цветного мрамора для колонн лестницы и Центрального зала. Эта перспектива цветных каменных колонн внутри Музея, я почему-то верую, увлечет фантазию Великого Князя; это грандиозное украшение лестницы, занимавшей 12 марта 1898 г. и Государя, что слышал тогда и Великий Князь, и такое фундаментальное расчленение монолитами «Зала славы»<sup>3</sup> настолько заинтересуют Его Высочество, что он здесь, в Москве, будет говорить о Музее с Императором и скажет об этих мраморах. Разрешите, глубокоуважаемый Юрий Степанович, показать мне Ваш ящик с цветными плитками

Его Высочеству, а лучше, раз будет у Вас ныне разговор о стиле Центрального зала, сами ознакомьте его с этими прекрасными образцами. Увидевши их, Великий Князь, я почему-то верю, без труда согласится ходатайствовать о понижении провозного тарифа и на весь остальной камень. Привезите, пожалуйста, Ваш ящик.

### 134. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

21 (?) марта 1900, Москва

В[еликий] К[нязь] примет нас завтра, среда, в 11 ч. утра.

### 135. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

23 марта

23 марта 1900, Москва

Как прекрасно вчера был настроен Великий Князь. Очевидно, Истомин разговором о блистательных результатах Вашей экспедиции, об этих 400 000 пудов [6,55 тыс. тонн] белого мрамора и монолитных цветных колоннах предрасположил Великого Князя. С какою легкостью и предупредительностью он изъявил согласие на ходатайство о тарифе и снятии пошлины по нашим фундаментальным статьям – камня и метлахской плиты. На последней мы выигрываем, как говорил мне Р[оман] И[ванови]ч, тысяч 20 руб., так как площадь у него в смете определена в 2000 кв. саж. [9104,5 кв. м] и пошлина – 10 руб. за кв. саж. Скидка тарифа за провоз с Урала даст или 18 000 р., если цена, в случае удержания прежней провозной платы, определилась бы в 50 коп. за пуд или 9 000 руб., при понижении цены до 45 коп., как Вы предполагали установить.

Кто даст знать в Златоуст о решении Его Высочества? Вчера хотел быть у Вас Лист за советом, не нужно ли ему сейчас же вызвать Быховского в Москву – для скорейшего установления и способов и срока работ по ломке камня.

Ведь вот что значит дурной характер Баринова: не рассорься он с Листом из-за соседнего с Вашим [дома] в Петербурге, теперь был бы с хлебом; Лист порекомендовал бы его в штейгеры\* или в брухмейстеры\*\* Быховскому, и он работал бы там целых 2 года. Вчера он просил у меня ходатайства за него в этом деле, «большом деле», как он сказал; но что могу я тут сделать в вопросе для меня темном?

Ныне надеюсь улучшить часик (у нас в Румянцевском музее идет очищение картинной галереи; картины снимают и сносят вниз по случаю ломки полов и потолков<sup>1)</sup>), чтобы явиться к Вам перед Вашим отъездом.

\* горный мастер (нем. Steiger).

\*\* ломщик камня (нем. Bruchmeister).



Вы сомневались насчет того, существуют ли степени знака отличия Красного Креста. Из прилагаемой при сем вырезки Вы убедитесь, что есть знак 2-й степени. Его я видал много раз. Ваш крест совсем другой по размеру и не имеет серебряного фона; на 2-й же ст[епени] – крестик небольшой и весь знак миниатюрный. Вашей формы я не встречал нигде. Очевидно, он жалуются Государыней<sup>2</sup> лишь в особых случаях.

### 136. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

26 марта

26 марта 1900, Москва

Одолевают меня газетные репортеры расспросами о результатах Вашей поездки на Урал. А долговязый Никольский до того насел на меня в послеобеденное время, когда человек бывает обыкновенно в более благодушном настроении, что я кое-какие подробности и сообщил было ему. Но на утро я раздумал и послал сказать, чтобы он воздержался от печатания; раньше Вашего доклада Комитету оглашение успехов пребывания экспедиции на Урале было бы неудобно. За Никольским явился из «Московских ведомостей» Лукин. Хотя он по знакомству с Р[оманом] И[ванови]чем и совершенно в курсе дела и потому мог бы сообщить все интересные сведения, но как умный человек он понял, что по напечатании в газетах доклад Комитету потеряет характер новизны. После беседы со мною он ограничился в сегодняшнем № лишь прилагаемым при сем кратким и совершенно глухим [резюме]<sup>1</sup>.

Граф Игнатъев, Ваш приятель, сказал мне, что бал у Великого Князя в присутствии Их Величеств назначается для весьма ограниченного числа лиц. По городским слухам, в Москве между чающими иметь приглашения заметны сильная агитация\* и гадания: «Любит – не любит? пришлют – не пришлют?» Стало ли [известно] в управлении гр. Менгдена (ведь он будет рассылать приглашения на бал?), что Вы на праздниках будете здесь? Надо думать, что рассылка начнется уже по прибытии Их Величеств в Москву, следовательно, когда Вы будете уже здесь.

Вчера одна из московских дам обратилась ко мне с просьбою о карте для приезда в Кремлевский дворец на выходы Их Величеств<sup>2</sup>; их, как говорят, будет три: в Вербное воскресенье, в Светлую ночь и на 2-й день Пасхи<sup>3</sup>. По высокому положению отца она имеет с давних пор приезд ко двору Их Величеств и лично известна и Великому Князю и Великой Княгине; но по замужеству она ниже V и VI кл[асса], а дамы служащих лиц приглашаются

\* От фр. волнение.

только с IV кл[асса] включительно<sup>4</sup>. Нельзя ли, говорят, узнать, не будут ли рассылать приглашения московским дворянам и не состоящим в генеральских чинах? Сильный в придворной практике столько же, сколько в темной для меня науке цифр и чисел, я изложил этот дамский вопрос Истомину и просил у него помощи.

Вчера я виделся с Нагаткиным: он удивлен Вашей энергией и самопожертвованием, проявленными в эту поездку на Урал. «Много ли, – говорил он, – найдется лиц его положения, чтобы убивать на дело Музея столько сил и времени? Мы, люди практической жизни, особенно понимаем значение такой затраты. Ведь богатому человеку гораздо легче помочь делу материально, а тут Юрий Степанович вкладывает душу, силы, покой».

### 137. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

30-го марта

30 марта 1900, Москва

Сейчас привез мне Лист телеграмму Быховского из Уфы с известием, что он будет здесь в субботу утром, из чего Лист заключает, что он приедет не Сибирским поездом, а с тем, который придет вечером в пятницу. По известиям, полученным Листом раньше, на Урале разведочная работа после Вашего отъезда закипела. Производится горным инженером нивелировка и буровление алмазным прибором. Данные утешительны, и их привезет с собою Быховский.

Переговаривал по телефону с Клейном о результате его представления Великому Князю по вопросу о модели Музея, В[еликий] К[нязь] сказал, что Государь будет обозрывать модель и что Клейну за три дня дано будет знать о том, чтобы он мог ее перевезти и поставить у Великого ли Князя или в Кремлевском дворце. Клейну хочется иметь больше трех дней, и по этому поводу он хочет говорить с Истоминым. Но нужно ли осложнять вопрос? Лучше бы усилить работу по сборке модели, работая днем и подольше ночью. Главное здесь в том, чтобы Государь соизволил осмотреть модель и тем проявить еще больший интерес к Музею.

Как Вы находите, Юрий Степанович, не было ли бы целесообразным разложить рядом с моделью и образец облицовочного мрамора, показанный Великому Князю, и цветные плитки? Вам, конечно, придется быть при обозрении модели Его Величеством – и тогда бы Вы сами доложили бы об этих камнях, тем более, что Государь на закладке Вас спрашивал, где Вы будете добывать камень. Тогда Вы высказали намерение снарядить экспедицию из геологов на Урал. Дальнейшие обстоятельства, созданные нам коломенским камнем, оправдали ныне тогдашние Ваши предположения. Уральские

камни теперь здесь, и они будут покрывать стены Музея снаружи и служить украшению его внутри.

И для вопроса о модели Ваше присутствие здесь необходимо. Привыкши жить предчувствиями, почему-то я думаю, что осмотр модели состоится, и состоится по миновании Высочайших выходов и после бала у Велико-го Князя.

До Вашего приезда, ожидаемого Листом, Клейном и мною – в субботу!

### 138. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

30-го марта

30 марта 1900, Москва

Еще один из наших сочленов по Комитету скончался и притом такой, который принимал живейшее участие в нашем деле, пришедши на помощь ему в самом начале предприятия. Скончалась в Лозанне Марья Семеновна Скребицкая, член-учредитель Комитета. По месту жительства она петербургская, и потому погребена она будет в Петербурге. Дочь генерал-адъютанта Юрьевича, воспитателя Александра II, она, по первому замужеству Красовская (муж ее был профессор Инженерной академии и автор первого русского большого сочинения по гражданской архитектуре, впоследствии начальник Московского округа путей сообщения)<sup>1</sup> – одна из самых первых наших сочленов избрала в Музее зал (Праксителя, стоимостью в 21 000 руб.) в память своего отца, невзирая на противодействие своего старшего сына, блистательного гвардейца, сделавшего по этому случаю матери тяжелую сцену. Памятуя об этой услуге в минуту, когда дело Музея только начиналось, когда будущность его была полна неизвестности, я решаюсь просить Вас, глубоко-чтимый Юрий Степанович, о металлическом венке на гроб усопшей. Как прикажете – отсюда ли послать его или Вы будете добры поручить Вашему человеку заказать его в Петербурге? Венок можно бы оставить в квартире Марьи Семеновны – на Литейной, соб[ственный] д[ом] (№ 60 или 62, рядом или через № с домом Обер-прокурора Св. Синода). Погребение будет на днях, но весьма вероятно, что и после Вашего выезда сюда. Ожидаю Вашего указания телеграфом – посылать ли венок отсюда. На гробы А.Д.Мейна и Л.М.Муромцова возложены были венки стоимостью до 37 руб. с лентою и надписями. На случай, если бы Вы пожелали послать венок, позволяю приложить здесь проект надписи – на одном конце ленты: «Марии Семеновне Скребицкой, своему члену-учредителю», на другом: «Комитет Музея изящных искусств Императора Александра III в Москве».

Заготавливаю повестки на заседание Комитета: день впишем по Вашем при-бытии. Москва оживляется начавшимся приездом Двора, а нас, не убравших

снег из домов, полиция обязала, с 30 марта по 20 апреля, держать ворота на запоре.

**139. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ**

*30 марта 1900, Петербург*

Уезжаю завтра пятницу венки Скребидской ни заказывать ни возложить не успею

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

**140. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

3-го апреля

*3 апреля 1900, Москва*

Как Ваше здоровье ныне? Прошел ли Вам даром церемониал вчерашнего Высочайшего выхода, заставивший Вас в такой холодный и непогожий день ходить в одном мундире и без шляпы по Кремлю?<sup>1</sup>

Посылая Вам последнюю книжку «Русского вестника»<sup>2</sup>, прошу Вас обратить внимание на интересную статью Георгиевского «В старой Москве. Великий пост и Пасха». Автор – мой сослуживец по Румянцевскому музею, хранитель отделения рукописей и старопечатных книг, ученый духовного образования, человек очень серьезный и трудолюбивый<sup>3</sup>.

**141. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

4 апреля

*4 апреля 1900, Москва*

В числе текущих дел нынешнего заседания Комитета нужно будет доложить вопрос о 2-м помощнике секретаря, взамен Романова, командированного Университетом на 2 года за границу. Не разрешите ли мне пригласить для этого дела сына И.К.Прове<sup>1</sup>, большого любителя греческой и латинской нумизматики и собирателя классических древностей, молодого человека настолько увлеченного коллекторством, что он для своих собраний отдал кабинет в помпейском стиле. Я имею отзывы о нем лучшие с разных сторон. Насколько я слышу, такое приглашение им было бы встречено как почет для него, оно будет несомненно приятно и Ивану Карловичу, весьма, говорят, патронирующему художественные и антикварные увлечения сына. Ныне я желал бы получить лишь поручение от Комитета озаботиться приисканием себе помощника и представить кандидата к следующему заседанию, так что я ныне не буду называть в заседании имя Прове-младшего.

Вопрос о мраморах так интересует не только членов Комитета, но и всю интеллигентную Москву, что на этих днях меня останавливали даже на улице для

расспросов о том, где бы посмотреть эти мраморы, привезенные Вами с Урала. Сильное течение слухов о вывезенных Вами белом и цветных камнях пущено лицами, окружающими Великого Князя. Меня спрашивали и в канцелярии генерал-губернатора. Не будете ли Вы добры захватить с собою в заседание камни, доставленные Вам Быховским? Где ящик с другими Вашими камнями, – возвратили ли его от Великой Княгини Р[оману] И[ванови]чу? За указаниями явлюсь к Вам еще перед заседанием. В Университете ожидают от Вас подробного рассказа о путешествии на Урал.

#### 142. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

6-го апреля

6 апреля 1900, Москва

В.К.Истомин мне передал указания Его Высочества быть Вам, Роману Ивановичу и мне завтра в Кремлевском дворце к 2 ч. 30 мин. Государь будет обозревать модель Музея ровно в половине 3-го часа, одновременно с археологической коллекцией, подносимой для Русского музея Александра III в Петербурге. По просьбе Владимира Константиновича, я был в Кремле у генерала Гессе<sup>1</sup> сообщить ему об этом, так как он еще не знал времени обозрения нашей модели. Цветные мраморы и облицовочный белый мрамор Урала рекомендовано выложить вокруг модели и давать по вопросу уральских камней Его Величеству возможно подробные объяснения. Этот вопрос очень интересует Великого Князя – и Истомин просит скорее доставить ходатайство Комитета об уменьшении тарифа за провоз. Теперь-де очень кстати послать эту бумагу министру финансов – отказа-де не будет наверное. Буду писать бумагу ныне около ночи. Быть мне в мундире и с орденами<sup>2</sup>, как при обычном представлении Государю. Протелефонируйте Клейну о времени прибытия во дворец завтра, пожалуйста.

#### 143. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

12-го апреля

12 апреля 1900, Москва

От М.П.Степанова получено письмо с вопросом, что отвечать Его Высочеству на новое предложение из Равенны приобрести известные Вам копии с тамошних мозаик. В письме говорится, что г. Рануцци умер и что ведение этого дела наследниками археолога Lanciani, автора копий, передано другому лицу. У нас есть на покупку равенских копий только 1500 руб., пожертвованных гр. Орловым-Давыдовым. А просят 20 000 фр. Я давеча, у Великого Князя, заговорил было с Мих[аилом] Абр[амовичем] Морозовым о 5000 фр., сказавши, что остальную сумму стану в эти дни собирать, кто что

даст, у других членов Комитета. Но джентльмен<sup>1</sup> понес чепуху о раскладке нужной суммы между членами- «жертвователями» Комитета и о том, что он тогда свою долю внесет сполна. С тем он и умчался от меня подальше. Пойду сейчас на одну из Мещанских: не выгорит ли там<sup>2</sup>. Там у меня более надежды. Если бы добыть 20 000 фр., ответить генералу Степанову было бы легко и приятно. В мае, чтобы не обманули в количестве листов, особенно теперь, когда Рануцци уже нет в живых, я съездил бы в Равенну для приема покупки сам, тем охотнее это сделал бы я, что в Равенне я не бывал<sup>3</sup>.

#### 144. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

22 апреля 1900

22 апреля 1900, Москва

Многоуважаемый Иван Владимирович,  
Мне бы очень нужно бы было Вас видеть.

Ваш Нечаев-Мальцов

#### 145. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 апреля

29 апреля 1900, Москва

Пишу Вам, испытывая сильнейшую зубную боль, не уснувши всю ночь ни на минуту, и потому усерднейше прошу заранее на это бессвязное письмо взглянуть благосклонно. Дар Колесникова Государем принят благосклонно, Великий Князь поручил написать от его имени рескрипт ему, который вчера и был опубликован в газетах<sup>1</sup>. У Колесникова от такой чести «ушки на макушки»: он был вчера в заседании Строительной комиссии, – так и сияет.

Но не сиял там вчера Ром[ан] И[ванови]ч, не зная как заставить Брусова прислать рабочих. Он усерднейше просит Вашего содействия, так как Брусов не отвечает на его письма. Медлительность Брусова задерживает клочки Александра, который своевременно выслал на работы 80 человек. Комиссия, прося меня донести Вам о Брусове, с своей стороны ныне отправит ему бумагу о немедленном начатии работ по цоколю. Но, конечно, Ваш телефон подействует на него внушительнее всяких наших бумаг к нему.

Зачем Вы беспокоились столь спешною высылкою книжки «Русского вестника», одна пересылка которой, при такой необыкновенной упаковке (оно послано закрытым конвертом, как письмо, и оплачено марками на 3 руб. 50 коп.!!!) стоила вдвое, даже более чем вдвое, самой книги?<sup>2</sup> № «Русского вестника» приобретается всего за 1½ руб. Посылка в открытом конверте стоила бы 10-15 коп., не больше. Появление книги с таким количеством марок произвело в нашем доме настоящую сенсацию, а дети,

выпросивши себе этот конверт, пустили его в лотерею – и ликованию получившего не было границ.

Положение Веневитинова остается без перемен<sup>2</sup>. Временное управление Рум[янцевским] музеем министр<sup>3</sup> поручил мне. Вчера в музее говорили, что выставляет свою кандидатуру на место директора П.В. Жуковский. Между чинами полное уныние, так как незнание им жизни и служебной практики всем хорошо известно. Министерство жаловалось [за] частые и продолжительные отъезды в деревню и за границу на М.А. Веневитинова, постоянно к тому же болевшего ногами, но Веневитинов и ученый, и прекрасный библиограф и библиофил, и человек русского образования, Павел же Васильевич – милейший мечтатель немецкой закваски и русской жизни не ведает.

#### 146. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

2-го мая

2 мая 1900, Москва

Брусовская неисправность в высылке рабочих все продолжается, и Клейн в большом возбуждении, которое делит и Демосфенов, заводящий речь о том, не отдать ли и облицовку цоколя Листу. После написанного мною недавно, я ожидаю Ваших известий и решительных указаний. Ныне я был на стройке, там не только Рерберг, но и десятники ругают Брусова, задерживающего кладку стен.

В Комитет поступило извещение чрез Министерство иностранных дел о даре слепков с Эрехтейона, со всех его архитектурных деталей: колонна, фриз, карниз, угол портика кариатид, украшения двери с северного портика и пр., – приносимом Музею греческим королевским правительством. Кладь идет через Одессу. Мин[истерст]ву ин[остранных] дел доносит о том греческий поверенный в делах, живущий в Петербурге. На докладе о том Великий Князь высказал мысль, что необходимо достойным образом отблагодарить Королеву элинов Ольгу Константиновну. После мы виделись с Романом Ивановичем, говорили об этом. Я попросил его, не склонит ли он Шелапутина<sup>1</sup>, устраивающего у нас зал Лисиппа, на желание о присвоении этому залу имени Королевы элинов. В прошлое воскресенье была закладка Шелапутинской гимназии<sup>2</sup>, утром Клейн переговорил с ним об этом у себя на дому: тот согласился без всякого труда, раз это в целях Комитета. Теперь это дело улажено. Можно будет доложить Комитету, который Вы, может быть, соберете в ближайший приезд. Мы будем просить Вас вручить письмо Его Высочества к Королеве элинов греческому поверенному в Петербурге или соответственному отделению Министерства иностранных дел.

Дрезденский художник Ernst Simonson-Castelli предложил Великому Князю для нашего Музея в дар картину «Hero und Leander», в 3 метра высоты. Его Высочество, зная, что у нас не будет, на наших глазах, картинной галереи, направил картину в Румянцевский музей, имеющий отделение иностранной живописи. Там она к месту<sup>3</sup>. Художник Linde<sup>4</sup>, русский немец, учившейся у Simonson-Castelli в Дрездене, говорит, что дарителю приятно было бы получить от русского правительства какую-либо медаль или орден, если медаль, то с надписью «За трудолюбие и искусство». Что же? В этом отказ едва ли возможен. На любезность, стоившую художнику к тому же огромной затраты труда, положенного на такую большую картину, необходимо ответить достойно.

Прислал письмо Быховский Демосфенову, будто бы очень много обещающее. Разведки дали превосходные результаты. Он смело говорит о мраморных монолитах. Проба показала толщину мрамора в 10 сажень [21,336 м] (? так ли я понял? что-то говорилось о [пробел в рукописи] в 10 сажень).

#### 147. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

11 мая

11 мая 1900, Москва

Не писал Вам долго потому, что в эти дни был у меня один докторский диспут, казанского приват-доцента Айналова<sup>1</sup>, написавшего хорошую книгу об эллинистических основах византийского искусства, и заболел я воспалением челюсти. Для излечения ее вынули здоровый зуб, и забавлялись врачи сверлением себе, должно быть, в удовольствие, а мне на большую боль, продолжающуюся и доселе.

Вчера я был на стройке, идущей теперь полным ходом. Брусовские рабочие куют гранит по обеим продольным сторонам здания, но камней у них мало, что-то около 35, с которыми они прикончат скоро. Запоздалость в доставке материала десятник объясняет неприятием больших грузов Николаевской железной дорогой<sup>2</sup> по случаю пребывания Их Величеств в Москве. Большой присылки ожидают в непродолжительном времени. Кирпичная кладка идет по заднему фасаду, где обе стены подняты на 6 аршин [ок. 427 см] и в Центральном зале, стены которого выложены на аршин. Старательный Рерберг на работах каждый день, как только позволяют ему экзамены в Инженерном училище, где он состоит преподавателем. С 15 мая он переселится на Кольмажный двор, совсем устраиваясь в конторе. Это в нашем деле золотой человек: всегда на месте, всегда погружен в письменную отчетность и постоянно бегаёт на кладку следить за десятниками и рабочими. С.И.Щегляев прислал мне, согласно Вашему письму к нему от 4 с[его]





1. Музей изящных искусств имени Александра III при Императорском Московском университете. *Фото 1912 г.*



2. И.В.Цветаев. 1890-е гг.



3. Ю.С.Нечаев-Мальцов. Начало 1900-х гг.







6-8. Гусь Хрустальный. Виды поселка и заводов Ю.С.Нечаева-Мальцова.  
*С открыток начала XX в.*



9. Церковь Св. великомученика  
Димитрия в селе Березовка  
Данковского уезда Рязанской губ.  
*Фото 1970-х гг.*

10. Ю.С.Нечаев-Мальцов.  
*С портрета И.Крамского. 1885 г.*



11. Ремесленное училище им. И.С.Мальцова  
во Владимире. *Фото рубежа XIX–XX вв.*



12. Румянцевский музей – фасад.  
*Фото начала XX в.*



13. Румянцевский музей –  
вид со двора, со стороны входа в музей.  
*Фото начала XX в.*



14. Московский университет,  
старое здание. Актовый зал





15. И.В.Цветаев. *Первая половина 1900-х гг.*



16. И.В.Цветаев, Валерия, Андрей, Анастасия, Марина, М.А.Цветаева, неустановленное лицо. На даче «Песочная» под Тарусой. 1901 г.



17. Ф.В.Цветаев. 1888 г.



18. Д.В.Цветаев. 1890 г.



19. П.В.Цветаев. 1890 г.



20. Московский университет, старое здание.  
*Фото рубежа XIX–XX вв.*



21. Н.И.Наумов. Профессор кафедры эстетики и археологии Московского университета в 1831–1835 гг.



22. П.М.Леонтьев. Основатель Кабинета изящных искусств и древностей

Скульптуры, слепки с которых заказаны П.М.ЛЕОНТЬЕВЫМ  
в 1852–1853 гг.

23. Зевс Отриколи. Мрамор.

*IV в. до н.э.*

(Рим, Музеи Ватикана)



24. Софокл. Мрамор.

*Римская копия с греческого оригинала*

*IV в. до н.э.*

(Рим, Музеи Ватикана)



25. Аполлон Бельведерский.

Мрамор.

*Римская копия с оригинала Леохара конца*

*IV – начала III в. до н.э.*

(Рим, Музеи Ватикана)

ПРИБРЕТЕНИЯ К.К.ГЁРЦА НА СРЕДСТВА В.П.БОТКИНА В 1880–1881 ГГ.



26. В.П.Боткин



27. К.К.Гёрец



28. Група Дейдамини и кентавра (с заднього фронтона храма Зевса в Олімпії).  
Мрамор. 460 – 450-е гг. до н.э. (Олімпія, музеї)



29. Сидящая мужская фигура из Милета (Харес, сын Клесия). Мрамор.  
*Около 550 г. до н.э.*  
(Лондон, Британский музей)

30. Нике Пеония. Мрамор.  
*Около 420 г. до н.э.* (Олимпия, музей)



31. Гармодий и Аристокитон.  
Мрамор. Копия наг. II в.  
*с оригинала ок. 475 г. до н.э.*

(Неаполь, Национальный археологический музей). Голова старшего персонажа, Аристокитона, – реконструкция 1890-х гг. по копии в римском palazzo Консерваторов





32. Деметра Книдская. Мрамор.  
Около 340 г. до н. э. (Лондон, Британский музей)



33. Гермес с младенцем Дионисом.  
Скульптура Праксителя. Мрамор.  
Около 340 г. до н.э. (Олимпия, музей).  
Ноги ниже колен реконструированы после  
1881 г.





34. Лаокоон. Скульптурная группа работы Агесандра, Афинодора и Полидора.  
Мрамор. *Около 40 г. до н.э.* (Рим, Музеи Ватикана)



35. «Гера Людовизи» (портрет Антонины Младшей?). Мрамор. I в. (Рим, Музеи Ватикана)

36. Молящийся мальчик. Бронза.  
*Около 300 г. до н.э.*  
(Берлин, Государственные музеи)





37. Старый Больничный корпус Университета, на втором этаже которого располагался Музей слепков Кабинета изящных искусств. Москва, Б. Никитская ул. *Конец XIX в.*



38. В Музее слепков Кабинета изящных искусств Московского университета: сидят: И.В.Цветаев, Н.А.Зверев, Я.И.Вейнберг, П.И.Некрасов, К.М.Быковский; стоят: неустановленное лицо, М.М.Тронцкий, К.Д.Чичагов. *7 июля 1894 г.*

Скульптуры, слепки с которых приобретены на средства К.С.Попова  
в 1890–1892 гг.



39. Отдыхающий Гермес. Бронза.  
*Римская копия с греческого оригинала IV в. до н.э.* (Неаполь,  
Национальный археологический музей)



40. Рельеф на Львиных воротах Микенского акрополя.  
*Концы XIV–XIII в. до н.э.*



41. Бой Афины с гигантом, часть большого фриза Пергамского алтаря. Мрамор.  
*Около 180 г. до н.э.* (Берлин, Пергамский музей)



42. К.Т.Солдатёнков

Скульптуры, слепки с которых приобретены на средства  
К.Т.СОЛДАТЁНКОВА в 1893 г.



43—44. Скульптуры фронтонов храма Афины Афайн на о. Эгина. Мрамор.  
*Около 500 — 480 гг. до н.э.*  
В реконструкции Б.Торвальдсена. (Мюнхен, Глинтотека). *Фото начала XX в.*



45. Эйрена с Плутосом. Мрамор.  
*Римская копия с оригинала Ксфисодота около 370 г. до н. э.*  
(Мюнхен, Глингогеска)



Скульптуры, слепки с которых приобретены на средства  
А.С.Полякова в 1893 г.



46. А.С.Поляков



47. Август из Прима Порта. Мрамор.  
*Конец I в. до н.э.*  
(Рим, Музеи Ватикана)

Скульптуры, слепки с которых приобретены на средства  
П.М.Третьякова, пожертвованные в 1893 г.



48. П.М.Третьяков. 1898 г.



49. Бельведерский торс.

Работа Аполлония, сына Нестора.  
Мрамор. I в. до н.э. (Рим, Музеи Ватикана)

50. Ариадна. Мрамор.  
Римская копия с греческого оригинала  
III–II вв. до н.э. (Рим, Музеи Ватикана)



Скульптуры, слепки с которых подарены Академией художеств  
в 1894 г.



51. «Группа Ильдефонсо». Мрамор. I в. до н.э. (Мадрид, Прадо)



52. Собрание слепков Кабинета изящных искусств и древностей Московского университета. 1895 г.



53. Г.Н.Воронов. Служитель при Кабинете изящных искусств Университета с 1870 по 1899 г. 1894 г.

СЛЕПКИ, ПРИОБРЕТЕННЫЕ НА СРЕДСТВА А.Д.МЕЙНА В 1893 – 1894 ГГ.

54. А.Д.Мейн  
*Фрагмент групповой фотографии.*  
1890-е гг.



55. Кабинет изящных искусств и древностей  
Московского университета. Коллекция бюстов. 1895 г.





56. К.А. Казначев

57. Дом В.А.Алексеевой на М. Дмитровке в Москве. *Фото 2003 г.*

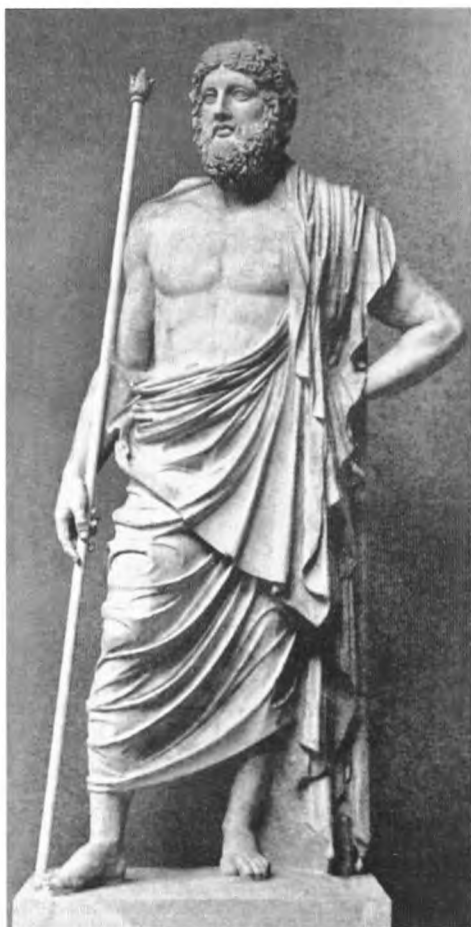
58. Общая клиническая амбулатория им. В.А.Алексеевой при Московском университете. Москва, Б.Дарицынская ул. (ныне – Б.Пироговская).  
*Фото 1896–1897 гг.*



Скульптуры, слепки с которых приобретены на средства  
В.А.Алексеевой в 1894 г.



59. Ниобида Кьярамонти. Мрамор.  
*Римская копия с греческого оригинала*  
IV–III вв. до н.э. (Рим, Музеи Ватикана)



60. Зевс. Мрамор. *Римская копия*  
*около 150 г. н.э. с греческого оригинала*  
*около 430 г. до н.э. круга Фидия.* (Дрезден,  
Альбертинум)

Скульптуры, слепки с которых приобретены на средства  
Серг.Т.Морозова в 1894–1897 гг.



61. Центральная часть скульптурной группы с западного фронтона храма  
Зевса в Олимпии. Мрамор. 470 – 456 гг. до н.э. (Олимпия, музей).  
Серг. Морозовым оплачены слепки всех скульптур обоих фронтонов.



м[есяца], 900 рублей для доставления в Строительную комиссию на жалованье 2-му технику. Завтра я их вношу казначею для препровождения при моей бумаге в Комиссию.

Был здесь проездом Н.П.Боголепов и предложил мне директорство в Румянцевском музее, узнавши, что мы простроим наш Музей 5-6 лет. Это назначение, если ему суждено состояться, увеличит мое содержание на 2000 рублей<sup>3</sup> сравнительно с должностью хранителя, несомую мною 18 лет в этом музее, а это большое дело. Работа директорская по этому учреждению мне близко известна, так как я нес ее 4 года при болезненном и престарелом В.А.Дашкове<sup>4</sup>. Бедное это учреждение, за которым добрейший, любезный Василий Андреевич совсем не следил, бывая 2-3 раза в год, а то так и того меньше, а мошенник смотритель и казначей, он же и секретарь, поганец-французишка, 36 лет обкрадывал музей систематически<sup>5</sup>. 150 т[ысяч] руб. процентов с Румянцевского капитала разносились им по разным статьям расхода – а на деле эта сумма исчезала без следа в музее. Каждый год 5000 рублей пропадали для Румянцевских коллекций, которые не обогатились и на рубль серебром за все время существования музея в Москве. Выводились ежегодные «ремонт» в отчетах, а здание дошло до такого обветшания, что повалились потолки в залах и крыши, а печи перешли всякую давность. Слава Богу, воришка удален. Теперь ведется большой, коренной ремонт зданий. Ожидает своей очереди Румянцевский или, точнее, Пашковский сад; из этой красивой горки Бог знает, что сделали.

Когда Вы пожелаете в Москву? После 20-го я буду в Петербурге по Румянцевскому музею.

#### 148. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

18 мая

18 мая 1900, Москва

После зубной боли и лечения в хирургической клинике возвращаюсь к делам. Слух о первой партии уральского белого мрамора, которая должна прибыть к нам в июне, начинает занимать Москву. Третьего дня очень интересовался этим вопросом Д.А.Хомяков; ныне был у меня за справками по делу о камне и первых образцах его долговязый Никольский, чтобы пустить известие о том в печать. Я поудержал его прыть, сказавши, что хотя и обещают нам с Урала отправить 4 вагона в первых числах июня, но для него лучше будет подождать с опубликованием этих известий. А как только камень придет, он может осмотреть его у Листа в Грузинах<sup>1</sup> и писать, что хочет. Слышно, что камнем Вашим интересуется какое-то американское общество, предпринимающее в Москве большую постройку. Только правда ли, что

Быховский в начале июня отправляет первую партию в Москву? Что-то я слышал, но не понял о желании его получить деньжонок от Строительной комиссии на оплату привоза этой партии. Роман Иванович хотел доложить Вам об этом.

Получено письмо от М.П.Степанова насчет Румянцевского музея: Великий Князь отнесся «очень симпатично» к мысли министра и обещал не откладывая написать ему письмо<sup>2</sup>. Степанов подчеркивает свое предположение, что письмо это уже и послано. Виделся я с П.В.Жуковским: и он, и Хомяков высказали мне самые горячие пожелания счастья на месте представителя<sup>3</sup> в Румянцевском музее; вместе говорили, что нужно сделать для улучшения этого несчастного учреждения раньше всего. Оба, в один голос, поддерживают Вашу мысль о картине Иванова «Явление Спасителя народу»<sup>4</sup>. Надеюсь непременно быть у Вас. Боли мои поулеглись.

#### 149. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

19 мая

19 мая 1900, Москва

Многоуважаемый Иван Владимирович.

Очень рад, что Ваша зубная боль облегчилась. Надеюсь, что новые перспективы Вас радикально излечат.

Благодарю Вас за справки о «моих»<sup>1</sup>, они едут сегодня, а я завтра на целые сутки во Владимир.

Не зайдете ли сегодня сюда около 7<sup>1</sup>/<sub>2</sub> ч., мы бы пообедали вместе.

Ваш НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

#### 150. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 мая

19 мая 1900, Москва

Какой-то пациент в хирургической клинике Постникова и Сумарокова<sup>1</sup>, – должно быть, после болезненной операции, – надел мое пальто и уехал, оставивши мне свое, новое и лучше моего, но такое узкое в плечах, что я вынужден был возвратиться домой без пальто. Теперь сижу дома и жду размена или, точнее, возвращения мне моей одежды. Да и щека у меня пухнет сверх ожидания. Простите, что я не в силах воспользоваться ныне Вашим любезным приглашением к обеду.

**151. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

24 мая

24 мая 1900, Москва

По-видимому, Великого Князя, если справедлив слух, что он возвратится 30-го, Вы не будете дожидаться<sup>1</sup>. Ныне я должен быть на выпускной обедне и на выпускном акте дочери в Екатерининском институте<sup>2</sup>. Церемония продолжится до 2-го часа. Сейчас добыл карету, чтобы честь честью транспортировать дочь на домашнее житье. Как быстро летит жизнь! Давно ли я маленькую девочку помещал в институт, а теперь приходится присутствовать при ее выпуске.

26-го я выезжаю в Петербург. Ныне постараюсь быть у Вас за указаниями на случай Вашего отъезда за границу.

**152. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

3 июня

3 июня 1900, Москва

Когда наступают для человека 60-е годы, с ним делается то же, что с вступающим домом: тронешь одно, непременно скажется изъян и в другом. Сначала я был с болезненными ощущениями у врача носовых и горловых болезней, тот послал меня к хирургу, у которого я лечился около месяца; теперь хожу в глазную больницу, так как заболел у меня соседний глаз.

Из Петербурга я возвратился, пробывши там 6 дней и имевши там очень много хлопот. Министерство осталось очень недовольно покупкою дома Румянцевским музеем<sup>1</sup>, требующего вместо 50 т[ысяч] руб., как было писано раньше, на ремонт, 78 т[ысяч] руб., как оказывается на деле. Николай Андреевич собрал целый совет – из Анопова, директора департамента, вице-директора и начальника отделения<sup>2</sup>. Уж они судили-судили, перекидывали вопрос о 28 т[ысячах] р. и так и сяк, придумывали разные комбинации, а больше Н.А. бранился, упрекая музей за обман и легкомыслие в денежных расчетах. Когда он говорил неприятные вещи, я старался думать о Тарусе и об Оке, о деревне и красотах сельской природы, в соображении, что побранится и отстанет, деньги музею все-таки давши. Ан, нет: так я и отъехал ни с чем. Ни денег не дали нам, ни разрешения увеличить ссуду в банке, где дом граф[ини] Крейц был заложен. Обещали-де отремонтировать и перестроить дом за 50 т[ысяч] р. – и делайте, как знаете. В этом смысле он настроил и министра: тот, со свойственным ему лаконизмом в речи, и разговаривать не стал на эту тему. Приехал я домой и таким решением привел музейскую коллегия в большое уныние: на 50 т[ысяч] р. сделаешь только  $\frac{2}{3}$  задачи. С октября по данному обязательству музей должен

сдавать квартиры и пользоваться доходом с дома. А какие тут доходы, когда раскрытый дом с разваливающимися стенами и изветшавшим фундаментом, с деревом во многих местах вместо кирпича и другими сюрпризами, представляет из себя наипечальнейшую картину? Между тем, надежные жильцы так и лезут к нам, разбирая квартиры по плану и прося о 3-летних контрактах. В смете забыли канализацию и водопровод, печи определили в 2½ т[ысячи] р., а на деле устройство отопления требует 8 т[ысяч] р.

Кладка нашего Музея идет успешно, стены заднего корпуса выше «Княжего двора», Центральный зал тоже быстро растет. Внешняя стена к дому Голицына кладется<sup>3</sup>. Завтра будет на кладке товарищ министра, проезжающий Москвою. Его этот Музей очень занимает. Он все твердит, нельзя ли сюда перенести из Румянцевского музея всю картинную галерею, чтобы из последнего сделать публичную библиотеку<sup>4</sup>.

Были ли Вы у Giraudon'a?<sup>5</sup> Rue Bonaparte, рядом с Ecole des Beaux-Arts? \* Но в Лондоне фотографии скульптур Парфенона будут, может быть, лучше.

### 153. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

5 июня

5 июня 1900, Москва

Только что я отправил первое письмо к Вам в Париж, сказавши, что Великий Князь не приезжал в Москву<sup>1</sup>, как ближайшая же газета принесла известие о его возвращении. Ныне, к 11 часам, я отправился к нему с докладом, но там мне сказали, что в летнее время прием у Его Высочества начинается рано и что поэтому мне нужно быть завтра в 10-м часу.

Ныне был на стройке Н.А.Зверев. Питая особенное расположение к созидаанию нового Музея, он, несмотря на большой дождь, обошел все места кладки и поднимался на самый высокий пункт, откуда открывается очень широкий вид на Москву. Зверев в восторге от быстрого и солидного хода работ. При нем въехал целых обоз гранита, обеспечивающий дальнейший ход облицовки цоколя. Обошел он и все цокольные работы, каких ему во всем Министерстве народного просвещения и не приходилось и, конечно, не придется видеть. Заинтересовал его уральский мрамор. Рерберг показывал ему плитку, отшлифованную Листом до неузнаваемости отличить его от итальянского мрамора. Затем мы повели его смотреть большие образцы.

Слух о Вашем даре Музею этим камнем в Петербурге произвел такое сильное впечатление, что ко мне являлся архитектор музея Александра III в Петербурге<sup>2</sup> за расспросами об этом мраморе. Там, в отделении, посвящен-

\* Ул. Бонапарта, рядом со Школой изящных искусств (*фр.*)

ном памяти Александра III, предстоят большие декоративные работы, белый мрамор им будет нужен: вот они и наводят справки насчет «мрамора Нечаева-Мальцова». Я сказал что мог; сказанному архитектор дивился и намерен был доложить и Великому Князю Георгию Михайловичу, своему ближайшему начальнику, и Государю, уже вызывавшему Свинына по этому вопросу.

Зверев говорил нам с Клейном, что репутация нового Музея в правительственных сферах очень высока и потому штаты ему будут даны хорошие без всякого затруднения и во всяком случае не менее, чем даны были Румянцевскому музею сначала, по перенесению его в Москву. Далеко еще до этих штатов, но дай Бог мне видеть Вас товарищем Августейшего председателя и Музея самого, как мы имеем великое счастье и высокую честь видеть Вас в этом звании в Комитете, подготовляющем Музей. Это новое просветительное учреждение подарили Вы и горячими симпатиями, и всех нас ослепившим увлечением Вашим в деле его поднятия на такую высоту, которая недоступна была нам и в [самых] грезах. Кому же, как не Вам, созидателю его величавой и вековечно-монументальной красоты, быть и кормчим в первый период плаванья его «по житейскому морю»? На <sup>2</sup>/<sub>3</sub> этот Музей стал Нечаево-Мальцовским, пусть же Нечаев-Мальцов, однажды явившийся в отечественной истории, и будет первым начальником и руководителем его начальных судеб, вместе с нашим царственным покровителем. Ах! как горячо я желаю видеть эти первые времена Музея!

#### 154. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

11 июня

11 июня 1900, Таруса

Не зная, где догонит Вас настоящее письмо, посылаю его по парижскому Вашему адресу. Видеть Великого Князя мне не пришлось, потому что заболелся мой глаз – и в этом виде являться не было возможности.

Едва только я приехал сюда, как Гадон<sup>1</sup> переслал мне, по поручению Его Высочества, письмо на его имя, присланное из Рима от некоего Sangiorgi, владельца скульптурной мастерской, с предложением услуг по снабжению копиями лучших произведений античной пластики – нашего Музея. Рекомендуя свое ателье, он перечисляет своих титулованных заказчиков, в том числе и Великого Князя Николая Михайловича. Отвечать на это письмо, с обращением «Monsieur G[rand] D[uc] Serge»\*, не стоит, так как и я получил такое же письмо. Если Вам придется в Риме как-нибудь быть в Palazzo

\* Господин В[еликий] К[нязь] Сергей (фр.).

Borghese\*, то почему не посмотреть содержимое этой мастерской. Не думаю, что это именно тот исторический материал, который нам нужен.

Деньги, четыреста с чем-то франков за провоз афинских скульптур, Лионскому банку<sup>2</sup> уплачены; кладь из Одессы должна прийти, по уверению банка, приблизительно через неделю. Ящики будут размещены в коридорах «нового» Университета, по терминологии, уже теперь не имеющей значения.

Перед отъездом я походил по кладке Музея с Рербергом. Он уверен, что задняя часть здания будет выведена под крышу. Сейчас он разрабатывает вместе с подрядчиком на железные стропила и переплеты систему покрытия. Когда я спросил его, какое же будет покрытие на ближайшую зиму во 2-м этаже, когда стекло еще не заказано, он ответил, что пока можно будет защититься от снега и дождя тесом; стекло же поставится летом. Клейн говорит, что в задней части здания необходимо, по наведении потолков в 1-м этаже, сделать склад для новоприбывающих скульптур. Когда начнутся делаться чертежи деталей в натуральную величину, то, по его мнению, лучше делать их в тех больших помещениях, чем в теперешней чертежной, где становится тесно. Там же он рассчитывает поместить и модель Музея.

Как я завидую Вашему пребыванию и в Лувре, который даст Вам так много и идей, и материала для Персии, с его чудной моделью дворца Персепополиса (нам бы, конечно, в небольшом размере), и в Британском музее, который осветит Вам и Ассирию, и Парфенон. Трей советует приобрести для Парфенона все скульптуры и фриза, который потянется по стенам, как в Британском музее и Альбертинуме, и фронтона, колоссальные фрагменты которого займут место посередине зала, во всю его длину. Bucciari<sup>3</sup> явятся к Вам, по желанию Вашему, и в Британский музей; их «Accademia delle Belle Arti» на Strand'e\*\*. Отливы их примерно добросовестны.

### 155. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

24 июня

11 июня 1900, Таруса

Глаз мой под влиянием лечения и в зелени тарусских лесов поправился. Приехал сюда посмотреть, что делается в музеях. Работы в нашем идут так ходко, что кирпичика на площади уже нет. Пришлось принять Рербергу экстренные меры, чтобы заставить Якунчикова поставлять по 12 000 штук в день. Их и укладывают сейчас же. Рабочих приходится иметь 35-40 человек, чтобы протянуть сезон и вывести заднюю часть здания. Кладка здесь идет

\* Палаццо Боргезе (ит.).

\*\* «Академия изящных искусств» (ит.) на Стренде (англ.).

высоко, так что по заднему фасаду выложили уже и два карниза. Работы показывал мне Рерберг. Он надеется, идя таким тихим способом, все же к осени окончить всю кирпичную часть задней половины и приспособить квартиру под мастерскую<sup>1</sup>. Гранит подвозят аккуратно, десятником Рерберг доволен, и работы идут безостановочно [по] обоим бокам здания. Внешняя стена аудитории уже выведена, и обширный вестибюль аудитории готов<sup>2</sup>.

На этих днях производится после Листа опыт над образцом уральского мрамора также и Захаровым. Клейн думает, что Быховский выслал образец не из нижнего пласта, а из верхнего. Если это оправдается, то большой скоростью пошлют сюда другой камень непременно (?)<sup>3</sup> из нижнего. Этот вопрос о степени доброкачественности распиленного и подвергнутого ковке камня решится на днях. Роман Иванович сильно подозревает здесь стратегический маневр со стороны Быховского и потому держит ухо востро. Спрашивал я его о Вашем адресе, но он его не знает.

Полагая, что Вы уже в Лондоне, удивляюсь Вашей научной энергии. В то время как весь мир стремится в Париж или живет мысленно в Китае<sup>4</sup>, Вы предаетесь в тиши музейских зал изучению ассирийской скульптуры. Как искренно я завидую Вам, глубокоуважаемый Юрий Степанович, в этой несравненной доле! С каким бы восторгом я снова и снова ходил бы возле крылатых «быко-человеков», тем более, что Британский музей не позволяет делать с них гипсовых слепков<sup>5</sup>. Вы ранее высказывали мысль заказать их слепить одного или парочку: но сумеют ли это и может ли быть надежда на получение точной копии? У Bussicani, вероятно, есть подходящие итальянцы, мастера этого дела.

Я получил письмо из Афин: и там живо интересуются вопросом о ходе дела нашего Музея и спрашивают, когда мы будем заказывать в тамошнем музее надгробные стелы.

Когда ожидать Вашего возвращения в Москву? Здесь очень жарко. Эту неделю я продержусь в Трехпрудном: послезавтра у нас заседание Строительной комиссии.

А ведь Вы были правы, говоря, что окон Румянцевскому музею в архивский сад не разрешат. Так и вышло.

## 156. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

24 июня

24 июня 1900, Москва

Приехавши вчера с 4-часовым поездом, я отправился на стройку и был очень счастлив найти там первые камни, прибывшие вчера же утром с железной дороги. Как только камень был привезен, Р[оману] И[вановичу] дали

знать по телефону, и он явился тотчас же. Камень так и блестит своей сахарной белизной, резко выделяясь из всех других строительных материалов, рассеянных на площади. Возка его продолжается и ныне, будет продолжаться и ближайшие дни. Ныне мы радовались прибытию этого горячожданного гостя с Клейном. Он и Рерберг в восторге от крепости камня и от правильности форм нарезки. Видно, что работу ведет опытная рука инженера горного ведомства. Р.И-ч получил известие, что будут беспрепятственно получаться куски каких угодно размеров и что железнодорожная доставка, несмотря на военное время<sup>1</sup>, не представляет никаких затруднений. Груз шел менее трех недель.

Радуются прибытию камня и Захаров и Лист, уже собирающиеся обрабатывать его оба пока в здании стройки, в подвалах.

К этой радости встречи частей беломраморной брони, которой оденется Музей, присоединилось и приятное известие о новой партии рабочих, присланной Брусовым. Теперь работы на цоколе пойдут с удвоенной скоростью. Вообще, чем дальше время и чем ближе входит молодой Брусов в дело после смерти отца, тем Клейн делается к нему милостивее. Бывало он только бранился с ним и поносил его заглазно, но теперь он изменил свой взгляд на него и уже собирается дать ему чертежи главного фасада, чего тот добивается давно и в чем ему Клейн намеренно отказывал, пока он не исполнит своего обязательства относительно боковых фасадов. Ныне я видел эту удвоенную работу наших «египтян»: одни из них ковали гранит, другие волочили камни по легеньким круглякам, третьи поднимали их на стену. И какой выносливый и привычный народ к этой тяжелой работе тверские крестьяне! По острым как нож осколкам крепчайшего гранита они не только ходят босиком, но молодежь, парни 17-18 лет, босиком же и волокут по такой мостовой тяжелые куски этого камня!

Кладка заднего корпуса достигла своего зенита. Р.И-ч хлопочет о железном переплете покрытия, чтобы перевести кладчиков на своды и потолки подвального и 1-го этажей.

### 157. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

25 июня 1900

25 июня 1900, Москва

Покорнейше прошу Ваше превосходительство, если не встретится с Вашей стороны препятствий, собрать обыкновенное заседание Комитета завтра, четверг, известив меня об избранном часе.

Вам преданный Нечаев-Мальцов



**158. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ***4 июля 1900, Петербург*

Завтра среда буду Москва желал бы вас видеть Славянском базаре

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

**159. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

21-го августа

*21 августа 1900, Москва*

Проходя вчера Антипьевским переулком на стройку, я ожидал встретить леса заднего фасада Музея – и велико было мое удивление, когда я увидел перед собою всю кладку фасада свободно от этого покрова: и эта часть, и оба бока вплоть до начала облицовки стоят совсем готовые до крыши. Здание в сложенной из одного кирпича части является очень эффектным по своей монументальности, при этой удивительной простоте линий греческого стиля. Что же будет за грандиозное впечатление, когда, в свой черед, встанут мраморные стены боковых фасадов с этой игрой карнизов, полуколонн и барельефов! О главном фасаде с его целым лесом ионических колонн, с его беломраморной галереей и монументальным гранитным цоколем, в 1½ и даже более человеческого роста, воображение отказывается пока дать представление хотя приблизительное. Если простой и однообразный задний фасад во много раз, в действительности, превзошел своею импозантною формою мое о нем представление, то тем больше будет разницы между изящным и грандиозным и в идее главным фасадом и мечтами, какие можно о нем ставить.

Ныне мы с Рербергом были на верхней точке кладки и оттуда смотрели на деревянную модель памятника Александра III, поставленную Померанцевым и Опекушиным. Ожидали там Великого Князя для обсуждения ориентировки статуи. С нашей высоты все было видно как на ладони, но с Волхонки, откуда и должна будет смотреть публика главным образом, виду очень мешает низенькая постройка с цветочным заведением д[ома] бывш. Воейковой. Так и хотелось бы срезать эту пипку прочь; мешать будет виду и угол Голицынского дома<sup>1</sup>. Хорошо было бы купить и его<sup>2</sup>, чтобы расширить здесь Волхонку в площадь. А то угол Воейковского дома заставляет каждого делать вдруг неприятный поворот налево, чтобы увидеть памятник.

Разговаривали мы с Рербергом о том, будет ли окончена облицовка стен гладью в два года. Если не будет остановки в камне, по мнению Рерберга, эта работа может быть сделана, 3-й год он полагает на главный фасад. За эти три года мало-помалу, он думает, заготовятся внутренние цветные колонны. Грешный человек, я не верю, чтобы в три года был окончен Музей. Уже

из-за одной неудачи Липгарта мы потеряли год, следовательно, вместо обещанных Государю 5 лет должны простроиться 6. А там, смотришь, явятся новые помехи, так что трудно составить план действий<sup>1</sup>.

На днях ожидает Клейн Вашего приезда, Вы, говорят, будете в Петербурге как Александровский кавалер в день св. Александра Невского<sup>4</sup>. Этим пребыванием Вашим здесь воспользуемся, чтобы устроить заседание Строительной комиссии. Решить нужно вопрос о стекле для крыш. Железные стропила и фермы Бромлеи уже работают. Клейн и Рерберг думают прикрыть на зиму заднюю часть хотя тесом по железной конструкции. Ваши гипсы из Лондона посланы в 32-х ящиках.

### 160. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

14-го сентября

14 сентября 1900, Москва

Как только приехал я 10-го числа, Роман Иванович рассказал мне о Вашем решении положить конец колебаниям «каменного вопроса». По его словам, пишется контракт ломки и доставки камня на Урале Листом, по Вашему поручению и заказу. Грешный человек, я давно думал, что дело кончится именно Вашим вчинательством<sup>1</sup>, по обычаю твердым, властным и бесповоротным. Быховский, по своей мягкой, расплывчатой природе и по совершенному отсутствию у него познаний и материальных средств, мне казался плохим поставщиком мрамора для такого большого, с времен созидания храма Спасителя в Москве небывалого дела, как Ваш заказ для Музея. Мне какое-то внутреннее чутье говорило: «Юрий Степанович кончит тем, что сам явится [камнеломом] и сам станет перебрасывать мраморы Урала в Москву, как бы это ни было ему трудно». Течение дела и привело к тому. Наши сочлены по Комитету и лица посторонние, интересующиеся Музеем, узнав, что каменный вопрос вступил в настоящую фазу, говорят мне: «Ну, теперь мрамор у Музея будет наверное, спите спокойно... Нечаев-Мальцов не скоро берется за новое дело, а раз решил, он отступлений не знает». Или иное в том же роде. Р[оман] И[ванови]ч, как проект документа будет готов, собирается с другими к Вам в деревню. Очень завидую ему, не имея возможности принять участия в этой поездке. Лекции начинаются и в Университете, и в Консерватории, и на Женских курсах профессора Герье<sup>2</sup>. На стройке работы идут са[d]en[te?]\*: неутомимы только египетские израильтяне\*\*, вечно тукающие своими незамысловатыми орудиями

\* Замирая (ит.).

\*\* Из Ветхого Завета: израильтяне, находясь в рабстве у фараона, использовались на тяжелых строительных работах (Исход, 1:11, 14).

ями по жесткому граниту. Они обещают окончить боковой цоколь, за исключением карниза, который сделан будет разве наполовину.

Написавши три странички этого письма, я пошел в Университет смотреть на афинскую кладь с гипсами и против квартиры Листа<sup>3</sup> встретил Быховского. Бледный, худой, утомленный, он бранит себя, что не просил зимою Листа взять весь каменный вопрос. Он с готовностью передает каменоломню, а сам собирается разыскивать по Уралу цветные мраморы, чтобы после указывать их Листу. Он мне сказал, что Лист и Демосфенов выезжают 19-го числа к Вам. В добрый час!

Ваши 32 ящика с фризом Парфенона прибыли в здешнюю таможеню.

### 161. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

20 сентября

20 сентября 1900, Москва

На днях ко мне приходил некто Краснов из Нижнего Новгорода узнать, может ли И.М.Рукавишников перевести на мое имя деньги Комитету Музея, за ним числящиеся. Я спросил, почему же Иван Михайлович не перешлет их через И.Ю.Шульца. Краснов замялся и начал говорить о его болезненном состоянии. В таком случае я изъявил готовность получить деньги (ок. 36 000 р.) для представления их Комитету. А третьего дня явился посланный и от Шульца с письмом<sup>1</sup>, которым он просит уволить его от обязанностей казначея Комитета, мотивируя свой отказ болезненным его состоянием. На днях он пришлет бумагу об этом. Без Вашего указания я не мог назвать ему преемника. Кого бы Вы думали почтить званием казначея? Как отнеслись бы Вы, если бы предложить Колесникова? Из лиц коммерческого мира трудно указать другого. Ни Журавлев, ни Прове, ни Протопопов, ни Морозов<sup>2</sup> не примут на себя этих обязанностей? До Вашего приезда этот вопрос останется без всякого движения.

На Колымажном все затихает. Усердствуют только «египтяне». Работы Гука<sup>3</sup> по прокладке сводов в подвальном и 1-м этажах бесшумны; кладка стен окончена, так что на будущей неделе и контора закрывается. Рерберг уже выехал. На площадь прибыло несколько больших камней с пометками Захарова и Листа. Рерберг сказывал, что коломенские камни скоро уберут; Рербергу удастся, может быть, их пристроить на Воробьевых горах, на стройке резервуара для водопровода.

Фотографии скульптур Парфенона, по Вашему указанию, я отдал Фишеру для наклейки на картон и заключения в папку. Они доставлены теперь в Университет в двух папках с надписью дарителя. Где фотографии, вывезенные Вами из Египта? Их придется также монтировать на картон и заключить

в особые Вашего имени папки. Вы говорили, что это – наиболее полное собрание фотографий египетских древностей, какое только существует<sup>4</sup>.

## 162. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

28-го сентября

28 сентября 1900, Петербург

Третьего дня я обедал в Москве у М. А. Коссииковской, сестры Веневитинова, и долго беседовал с этой любезной и гостеприимной хозяйкой. Ей хотелось создать для больного брата почетный выход, с каким-нибудь титулярным званием, из музея. Она с близкими родными остановилась на звании товарища почетного попечителя музея и с этою целью написала письма Великим Князьям Евгении Максимилиановне и Владимиру Александровичу. Я должен был явиться к Его Высочеству, как почетному попечителю Румянцевского музея, за заслушанием его мнения по этому вопросу. Уже и послал я в Царское село к г. Соловьеву<sup>1</sup> заявление о представлении, как получаю телеграмму о внезапней кончине Марьи Алексеевны. Утомленная уходом за нежно-любимым больным, она собиралась поехать отдохнуть в свою деревню на Вольни – и вот куда она отправилась. С жизнью кончаются планы и расчеты. Теперь уже не время идти с докладом о маленьких честолюбивых, хотя и совершенно бескорыстных, мечтах. Дожидаюсь ближайшего поезда, чтобы поспеть на погребение. Не думали, расставаясь на днях после оживленной беседы о Вас и Вашем деле в созидании университетского Музея, когда Марья Алексеевна и ее дочь так сильно желали услышать рассказ о том, как увлекла Вас эта новая задача и как вошли своими долями другие пособники, после этой беседы, затянувшейся до 11 часов, не думали мы встретиться таким образом... *C'est la vie!*\*

Приехал я сюда по запросу Государственного контроля по поводу убытков, нанесенных Архивом Румянцевскому музею закрытием окон дома Крейц в соседний сад. Дело разъяснилось личным разговором П. Л. Лобко<sup>2</sup> со мною: суровый на вид, он в сущности добрый человек.

В свободные часы гуляю по Эрмитажу и Публичной библиотеке, знакомясь с тем, что будет полезно ввести в наш будущий Музей.

Сколько везде, в кругах ученых и художников, расспросов о ходе работ: скоро ли, когда и т. д. Уральские мраморы здесь постоянный предмет расспросов. Вы, глубокоуважаемый Юрий Степанович, этим предприятием открываете русским людям беломраморную Россию. Пошли Господи Вам счастья в этом большом Вашем деле, которое не будет никак забыто историей.

\* Такова жизнь! (*фр.*).

## 163. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

5 октября

5 октября 1900, Москва

Последнее мое письмо было из Петербурга, куда я ездил по делу дома Крейц, для объяснения с Государственным контролем. Дело это уладилось, но вопрос о назначении Веневитинова товарищем Августейшего почетного попечителя Румянцевского музея, по случаю внезапной кончины его сестры, не мог получить движения, так как я вынужден был возвратиться сюда к ее погребению. Покойная, очевидно, была любима в придворной среде и в Царской Семье: так много высочайших телеграмм получено на этих днях и такие они большие и теплые по тону. Не будет поэтому ничего удивительного, если эта [мечта] близких родных больного исполнится именно в этой форме. Н.А.Зверев предлагает повышение более прямое и законное – в почетные члены музея, с производством при отставке в тайные советники. Это-де все в [компетенции] музея и Министерства.

В мое отсутствие был у меня Клейн перед отъездом в Париж. Сейчас он там. На завершение работ в Музей ездит Рерберг неуклонно: как ни придешь на Колымажный, он все там. На днях прибыл туда Ваш лондонский груз в 32 ящика. Мы поместили его в бараке рабочих, покрытом железом, подстлавши под ящики бревна, чтобы воздух обвевал их и сырость земли не проникала к гипсам. Рерберг уверяет, что так они сохранятся невредимо до весны, когда он надеется сделать склад для гипсов в полуподвальном этаже, теперь уже покрытом.

Вчера видел Листа. Он сияет от удовольствия, что Вы все дело ломки уральского мрамора предоставили ему. Такое доверие он считает большим для себя отличием. Первыми опытами в новом деле он очень доволен, доволен и тем, что какой-то большой, даже первый каменолом в Польше уступил ему своего опытного Bruchmeister'a. С ним уже заключено условие – и Лист считает это большим приобретением для дела. Два года, указанные ему Вами для доставления всего белого мрамора, ему представляются сроком совершенно достаточным. За это время он рассчитывает значительно продвинуть и обтеску камня здесь, в Москве. Вообще, настроение у него приподнятое, праздничное. Он выписывает из Америки несколько машин для обработки камня, хотя какой-то итальянец и предлагает ему прислать партию каменотесов в 50 человек.

**164. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

7 октября 1900, Москва

7 октября 1900, Москва

Давно меня занимает результат ходатайства, написанного мною на Страстной от имени Великого Князя как председателя Комитета нашего Музея, о понижении железнодорожного тарифа до  $\frac{1}{200}$  коп. за версту с пуда [примерно 2,86 руб. за провоз 1 тонны груза на 1000 км] за провоз уральского мрамора. Бумага была отправлена в канцелярию генерал-губернатора к В. К. Истомину 7 апреля, в день нашего представления Государю, и помечена № 144. Текст ее был, судя по хранящейся в делах Комитета черновой, следующий: «Господину министру финансов. Состоящий под моим председательством Высочайше утвержденный Комитет по устройству в Москве Музея изящных искусств имени Императора Александра III, полагая особые попечения о монументальности сооружаемого здания, постановил приобрести для вырубки колонн и полуколонн по фасадам здания и для украшения Музея внутри пятьсот тысяч (500 000) пудов [8,19 тыс. тонн] белого и цветных мраморов на Урале, в Уфимской губернии. Ознакомившись лично с образцами уральского мрамора и находя полезным не только приобретение выше указанного количества сего камня для потребностей Музея изящных искусств имени Императора Александра III, но и распространение его в Москве, до сих пор с породами уральских камней совершенно не знакомой, имею честь просить Ваше высокопревосходительство о понижении, если бы это оказалось возможным, тарифа для провоза вышеозначенного груза по казенным железным дорогам с Урала до Москвы наполовину, именно в размере  $\frac{1}{200}$  коп. за версту с пуда. О последующем прошу Вас, милостивый государь, меня уведомить. Генерал-адъютант ...». Узнавши от Листа, что у него будет дело двигаться быстро и что он питает надежду выломать 400 тысяч пудов [6,55 тыс. тонн] белого мрамора в один год, чтобы приняться затем и за цветные мраморы, я задался мыслью навести справки о судьбе этой бумаги. А вчера и Демосфенов сообщил мне в Университете Ваше желание относительно того же предмета. Пошел я в канцелярию генерал-губернатора, но Истомина там не было. Обратился к одному из знакомых мне начальников отделений, г. Гжельскому, и изложил ему мою заботу. Он сказал мне, что помнит существование этой бумаги в канцелярии, но куда она пошла, не знает. Стали мы рыться в их разных «исходящих», нет нигде никакого следа. А по установившемся у них порядку, наши комитетские бумаги, подписанные Великим Князем, канцелярия отправляет сама – и мы не имеем обыкновенно никаких о том деле сведений, пока не получим решения по предмету ходатайства. Так должно было идти дело и на этот раз – и лишь одно

отсутствие ответа в течение  $\frac{1}{2}$  года и Ваш запрос вызвали у них справку. Был случай, что Великий Князь не сдал нашей бумаги. После, много времени спустя, мне сказали, что она осталась на его рабочем столе, затерявшись в других бумагах. Не случилось ли того же самого и с этим ходатайством? С 7-го числа, когда отправлена была наша бумага, до отъезда Их Величеств из Москвы время было горячее, недосушее: очень может быть, что бумагу нашу Великий Князь так и не подписал. Вскоре он уехал из Москвы, а Истомин заболел. Все свои соображения я ныне изложил в письме к Истому, прося у него совета, не послать ли Его Высочеству новый экземпляр этого ходатайства за границу – для подписи, с письмом к генералу Степанову и просьбой переслать его в Петербург министру финансов. По-видимому, это – один исход.

Когда Вы будете проезжать Москвою?

Мы ныне схоронили застрелившегося Коссиковского. Он был меланхоликом и, по кончине матери, сошел с ума на мысли, что мать отравили. Застрелился в Окружном суде у прокурора<sup>1</sup>.

### 165. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

10-го октября

10 октября 1900, Москва

Исходил все пути, разыскивая следы нашего ходатайства от 7-го апреля о скидке железнодорожной пошлины до  $\frac{1}{200}$  коп. с пудо-версты за уральский мрамор – и нигде в генерал-губернаторской канцелярии не могли найти направления его от Великого Князя в Петербург. Надо думать, что оно осталось в столе Его Высочества. В Пасху оно не было подписано, а вслед за отъездом из Москвы Их Величеств и Великий Князь выехал за границу. Истомин опасно тогда заболел и тоже уехал из Москвы. По возвращении из-за границы Великий Князь поселился в Ильинском. Я советовался с Истомуным по вопросу, не послать ли новый экземпляр этой бумаги к Его Высочеству за границу для подписи; но он нашел этот путь неудобным. Великий Князь поехал отдохнуть – и потому невозможно искать его в чужих краях с бумагой. Истомин говорит, что Комитет по сооружению памятника Александру III также нуждается в скидке пошлины на 40 т[ысяч] р. и решил ожидать возвращения Его Высочества. С приездом его, Истомин думает, нам надобно «повторить ходатайство». Это, конечно, и сделаем в первые же дни, но как остановить отправку мрамора с Урала на месяц–на два? Не прикажете ли посоветоваться по этому вопросу с Листом? Я говорил с Демосфеновым, который думает, что наломанного камня там теперь еще очень немного. Дело закипит, когда начнет его Лист. Необходимо будет просить

Вашего содействия, чтобы последить за движением бумаги по Министерству финансов. Через месяц и министр воротится из Ялты<sup>1</sup>. Времена теперь гораздо труднее для тарифных вопросов, чем в Пасху и около того времени. Не посоветуете ли включить в текст повторенного ходатайства указание на факт представления образцов уральских мраморов Государю и полного одобрения их Его Величеством? Ведь тогда Государь высказал мысли о желательности разработки этих копей. Этот мотив будет, конечно, очень важным для министра.

Здесь дожди и слякоть ужасные. Боюсь, как бы не попортить гипсы в бараках музейской стройки. Ящики помещены на подставках так, что они не касаются земли, но воздух сырой! А больше поместить эту кладь негде. Почему бы, однако, не спустить их в подвальный этаж? Ящики – большие и не пройдут в это помещение. Завтра переговорю, с кем будет можно, на стройке.

### 166. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

14 октября

14 октября 1900, Москва

Пославши последнее письмо к Вам, я написал Листу о неизвестности по поводу нашего ходатайства пред министром финансов и о предстоящем повторении того же ходатайства, прося его приостановить посылку камня с Урала – впредь до извещения. Буду очень рад, если мое письмо пришло к нему вовремя, когда большого транспорта мрамора оттуда еще не послано.

Эти дни я сижу дома после операции: нужно было удалить атерому\*, появившуюся за правым ухом лет 5 назад и в последнее время начавшую давать себя чувствовать. Впущенная значительная доза кокаина сделала то, что я только слушал процесс операции, отдававшийся лишь треском в соседнем ухе, но боли не чувствовалось при этом никакой. Зато на другой день от отравления кокаином я был совсем разбит; трудно было и дышать, ощущалось лихорадочное состояние и ломило грудную клетку и спину. Просидеть придется около недели, если не случится каких-либо осложнений.

Лекции на Высших женских курсах начались. Слушательниц там у меня в 40 раз больше, чем в Университете<sup>1</sup>: 200-м студенткам приходится демонстрировать памятники искусств при помощи волшебного фонаря<sup>2</sup>. Аудитория полна публики и темна; но ясные глазки студенток отлично разглядели в этих потемках, что мой ассистент, заведующий фонарем, студент, «очень не дурен собою, интересен». Вот уже и результаты курса по эстетике.

\* Жировик (*срег.*).



Насчет возвращения Клейна ничего не слышно; но судя по его планам, он должен возвратиться на днях. Погода здесь убийственная: тёмка, дождь, слякоть, холод. Сейчас 2 часа по полудни, а писать от темноты едва можно. Надеемся видеть Вас скоро в Москве.

**167. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ**

*14 октября 1900, Москва*

Желал бы Вас видеть завтра воскресенье Славянском базаре около часу  
НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

**168. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

14-го октября

*14 октября 1900, Москва*

Только что окончил письмо к Вам и запечатал его, как подали мне Вашу телеграмму. Вы уже здесь, а я писал в Сторожево. К моему глубокому огорчению, я не могу выйти из дома, так как я должен сохранять свою головную повязку. Не поставьте, Юрий Степанович, мне это в вину. Вы сделаете мне большую честь, если в свободную минутку навестите меня. Я совсем здоров, только привязан к дому.

**169. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

19-го октября

*19 октября 1900, Москва*

Мне очень больно, что я лишен возможности принести Вам личную признательность за любезное Ваше внимание, которое меня вчера очень тронуло. Я был истинно польщен этим, неожиданным для меня, посещением Вашим и историко-филологического факультета. Эта форма выражения наилучших чувств ко мне и посильному моему деланию без речей, без шумихи, без беготни устроителей юбилеев<sup>1</sup>, без репортерских услуг, форма искренняя и простая стала мне дорогою и такою останется навсегда в моем воспоминании. Только напрасно преувеличили Вы значение деятельности моей во вчерашних словах, которые угодно было Вам сказать при прощании. Вся моя сила в необыкновенном счастье, приведшем меня к нескольким добрым людям, которые, по мере возможности, помогли осуществлению сначала скромной профессорской мечты. Но это счастье из необыкновенного стало фантастическим и поистине сказочным, когда к задуманному делу подошли Вы и поставили его на совершенно иной путь, путь монументальности и нечаянной красоты. С Вами началась новая эпоха всего предприятия, которое с тех пор стало предметом необычного внимания Государя

и ожиданий Москвы и России, слух о Вашем, Нечаево-Мальцовском, Музее, понесся и по Западной Европе, как, между прочим, привез тому доказательство, совершенно неожиданное, из-за границы Роман Иванович. Ваши новые мероприятия, новые дары, новые перспективы в области красоты внутреннего убранства Музея – все это только поднимает выше и выше дело, которому Вы дарите Вашу любовь, глубоко-серьезное увлечение и огромные материальные средства. При этом ли сказочном счастье не мечтать, что наш милый, наш величавый красавец-Музей будет окончен столь же блистательно, как и был лучезарно-светло заложен 17 августа 1898 года? При таком ли счастье иметь Вас в главе дела, не желать жить и работать для нашего общего любимца, вздымающегося на Колымажном дворе?

### 170. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

20 октября

20 октября 1900, Москва

В сегодняшнем № «Московских ведомостей» помещена статья редакции под заглавием «Александр III как покровитель наук и искусств», написанная по поводу последнего, только что появившегося, т[ома] «Древностей» Москов[ского] археол[огического] об[ществ]а<sup>1</sup>. Здесь, в конце, говорится о принятии на себя научных и художественных симпатий почившего Государя его Державным Сыном и при том указывается на два художественных учреждения, которые заложил Николай II на вечную память о своем родителе. Одним из этих вековечных учреждений назван Музей, созидаемый на Колымажном. Очень милая статья и из Рима<sup>2</sup>, так меня тронувшая, что потянуло меня туда с неудержимою силою. Там, на via Sistina, у Реймана сейчас так дивно хорошо, особенно при виде этой ужасной слякоти и мрака, которые нас окружают здесь.

Повязка на голове у меня движется спокойно; при нагнетании боли не чувствуется. Сейчас пойду к профессору Дьяконову<sup>3</sup>, который хотел мне ныне чалму снять, заменив ее платком. Когда бы угодно было Вам созвать Комитет? Денька через два я, кажется, буду в состоянии служить Вам. Телефоном меня вчера разыскивал Истомин; Вы, в последний раз, спросили меня, не писал ли он мне: нет ли какой-либо связи между этим? Пока для меня не ясно.

### 171. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

21-го октября

21 октября 1900, Москва

Завтра прибывает в Москву тело Леонида Николаевича Сумбула, члена-учредителя Комитета Музея<sup>1</sup>. Это был человек, относившийся к целям

нашего учреждения с живейшим энтузиазмом. Молчальник от природы, он изменял себе в этом, когда при нем заходила речь об Музее. А раз после вечера у Вас он с Клейном проговорил в Александровском саду до белого утра. Роман Иванович диву дался этому юношескому увлечению 60-летнего энтузиаста. Не разрешите ли послать завтра с Трескиным металлический веночек, рублей в 30, от нашего Комитета? Его семейным этот знак внимания был бы очень дорог. Жду Вашего распоряжения. Черкните на карточке. Пришлось пригласить Комитет на завтрашнее заседание в Новое здание Университета, в профессорский зал.

## 172. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

22-го октября

22 октября 1900, Москва

Приношу Вам сердечнейшую признательность за указание послать венок на гроб Л.Н.Сумбула. Ваша карточка была мне подана, когда у меня сидел Трескин. Он любезно вызвался поехать на Петровку к Ноеву, выбрать венок, который он завтра, виноват, ныне и возложит вечером за всеночной. Я бы охотно поехал в церковь и сам, но в повязке на голове я больно уже страшен вздутыми щеками, а снять повязку я еще не решаюсь<sup>1</sup>.

Вам доставят программу нынешнего заседания Комитета. Будьте добры карандашом пометить на поле – важный вопрос, непростительно забытый мною; это – дар слепков с архитектурных деталей Эрехтейона, присланный нам из Афин греческим правительством бесплатно. Это приобретение для нас тем значительнее, что слепки сделаны исключительно для нас, может быть, впервые вообще, так как ни в одном музее Западной Европы этих слепков нет. Лишь по литературным указаниям я знаю о существовании целого портика кариатид в нью-йоркском The Metropolitan Museum<sup>2</sup>, но это, может быть, только подражание, подобное «портику кариатид», венчающему знаменитую лестницу с каульбаховскими фресками в Palais de l'Escalier\* в Берлине<sup>3</sup>. Клейн задается мыслью по этим деталям отлить у Козлова все целое портика. Если это сбудется, то, как Вы совершенно верно в последний раз сказали, вот у нас уже и достойный насельник крытого стеклом дворика, отводимого по плану под античное искусство<sup>4</sup>. Заявить об этом даре членам Комитета нужно. Почтительнейше прошу Вас благосклонно принять только что отпечатанную в «Древностях» Москов[ского] археол[огического] об[щест]ва «Поминку» по двум ученым<sup>5</sup>, великие заслуги которых Вы близко знаете. Другие экземпляры будьте добры свезти Софье Степановне и Анне Степановне.

\* Букв. Дворец Лестницы (фр.).

**173. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

27-го октября

27 октября 1900, Москва

Так и не пришлось мне быть у Вас в понедельник<sup>1</sup>, когда я рассчитывал принести Вам признательность за дорогое для меня внимание, выразившееся на этот раз столькими Вашими посещениями. Утро до 1 часа я пробыл на погребении Л. Н. Сумбула, семейные которого были так тронуты прекрасно сделанным венком Комитета. Едва переодевшись и перекусивши, я должен был отправиться в Румянцевский музей, которому предстояло на другой день открытие после коренного ремонта. Заседание строительной комиссии очень затянулось, а после был коллегиальный осмотр всего здания. Из музея мы вышли в 5 часов, когда, по моим соображениям, Вы должны были отдыхать перед обедом. Да и я после такого дня очень устал и надеялся дома сделать то же самое. Но не тут-то было. Мне принесли корректуру статьи, написанной к открытию музея для «Московских ведомостей»<sup>2</sup>. В гранках оказались пропуски цифр, которые нужно было вставить по справке в канцелярии музея. После обеда ушло время на корректуру и поездку в музей. Отбывши это срочное дело, окончания которого нетерпеливо ожидала типография для сверстки №<sup>о</sup>, я поехал из музея к Вам, но в «Славянском базаре» мне сказали, что Вы уже отбыли на вокзал. Простите, пожалуйста, мое иначе непонятное отсутствие и молчание после стольких знаков Вашего столь милостивого внимания. Оказывается, что Вы и в понедельник заезжали ко мне, доказательством чего служат лежащие на столе передо мною цветные мраморы, очевидно, с Урала, и, вероятно, от Листа Вами полученные.

До сих пор от Закандина и от его адвоката никакой бумаги не поступало в Комитет. В случае же поступления я отвечу согласно Вашему указанию, отославши дело и просителей к Листу.

Вчера я был у И. Ю. Шульца: он очень удручен и имеет вид болезненный. Отказавшись от должности казначея, он обещает все же служить Музею и намерен заняться Стахеевым, надеясь привлечь его к жертве на наше дело<sup>3</sup>. Он очень грустит, что не получил зова к Вам, и так нежно просил меня в следующий раз исходатайствовать Ваше разрешение явиться ему к Вам... Будьте благополучны и не откажите в указаниях по отчету к годичному заседанию.

**174. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

3-го ноября

3 ноября 1900, Москва

Разослал я форменные письма Клейну, Демосфенову и Рыбникову<sup>1</sup>, делопроизводителю Строительной комиссии, прося их заготовить каждого по своей части отчет к 15-му числу сего месяца.

На этих днях ожидают сюда приезда Великого Князя и в силу тревожных вестей, идущих из Крыма<sup>2</sup>, и ввиду истечения заграничного его отпуска. Здесь циркулируют какие-то странные слухи о студенте-медики нашего Университета, будто бы подготавливающим где-то близ Крыма, у какого-то туннеля, взрыв железнодорожного поезда, с которым должна была следовать Царская Фамилия... Хотелось бы верить, что этот слух праздный, хотя и сам по себе очень печальный возможностью своего появления. Он означает, что сила анархии дает знать о своем гнусном существовании в настоящее время не только на Западе<sup>3</sup>, но и у нас... Приходилось не раз выслушивать в эти дни громкие жалобы на возможность таких хозяйственных порядков при дворе, которые привели Государя к брюшному тифу: «Какую же воду, – говорят здесь, – подают Царской Семье для питья? Подумали ли в Крыму об этом, в порядке ли фильтры и надлежащей ли они высоты по своей системе? Особенно, – говорят, – нужно бы позаботиться об этом именно в Крыму, где горные ключи и речки, в верхних частях своих, протекая татарскими деревнями, страшно загрязняются. В Алушке, – указывают здесь, – была бы райская жизнь, если бы не отравляемая таким образом вода».

Из дарителей Музея И.М.Рукавишников является одним из наиболее заботливых. Решивши выплатить ассигнованную сумму в три срока, он выплатил уже две доли, в общей сложности 72 000 руб. с лишком. Остальное, по словам его поверенного, он уплатит еще до конца текущего года. Зато М.А.Морозов не торопится, не устаивая Шульца даже и ответом на два его напоминания в прошлом году. Не нужно ли будет написать и князю Ф.Ф.Юсупову или, может быть, Вы будете иметь случай по-приятельски ему как-нибудь напомнить? С письменным документом такого рода приставать к нему как-то неловко. На словах это сделать легче. Завтра, согласно Вашему указанию, посылаю письмо Е.Н.Муромцевой.

Позвольте просить Вас принять небольшую заметку, написанную к открытию Румянцевского музея после его общего ремонта<sup>4</sup>. В посылаемых строках нужно было сказать, что принесли эти переделки, тянувшиеся два года, и вместе с тем избежать всякого хвастовства и похвальбы перед обществом и начальством.

### 175. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

10-го ноября

10 ноября 1900, Москва

Приезжать ли Вам сюда в эту пору? Вся Москва в инфлуэнце. Другую неделю болею и я. Врачи говорят, что эта болезнь опасна, главным образом, осложнениями. Я сижу дома и лечусь обычными медикаментами – хинином,

салицилом, воздержанием в пище и питии. Больных много в Университете и в Румянцевском музее среди служащих.

Отчетов ниоткуда, ни от Клейна, ни от Демосфенова, ни от Рыбникова пока не поступало; лишь казначейский бухгалтер доставил ведомость поступлений жертвованных денег за текущий год и расходования их en gros\*. В распоряжение Строительной комиссии отпущено было 200 т. р. Интересно будет узнать от Рыбникова, сколько он израсходовал из этой суммы и хватит ли этих денег и на уплату бр. Бромлеям за железные стропила. Операционный капитал на будущий год должны составить суммы: 1) заявленные пожертвования членов Комитета, 2) 100 т. руб. казенных, которые должно нам Министерство народного просвещения, и до 50 000 руб., имеющиеся в наличности от пожертвований. При свидании с Н.А.Зверевым скажите ему, чтобы он долее не отжиливал наши деньги: они нам нужны.

Сейчас зовут в университетскую церковь на молебствие о здравии Государя. А телеграммы из Ливадии неутешительны. К тому же язык их уже очень осторожен: «Довольно хорошо, довольно удовлетворительно...» Профессора, конечно сойдутся, но как бы умело приглашать на такие молитвы и студентов? А то обыкновенно бывает так, что после лекций профессора отправляются на царские молебствия, а студенты... прямо в кухмистерские. Обширный храм бывает при этом всегда пустой. Отчего бы профессорам, инспектору студентов и его многочисленным помощникам не приглашать в церковь и молодежь? Мы всё что-то боимся, всё опасаемся скомпрометировать себя пред студенчеством... А оно бежит в свои кухмистерские в этих случаях просто по небрежности; от 1/2 часа воздержания ведь не умерло бы оно с голода. Скажи ей умело, без казенного тона – и храм будет полон.

## 176. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

11-го ноября

11 ноября 1900, Москва

Денег в руках Строительной комиссии остается на будущий год 170 000 р. с лишком. Из этой суммы уплачено будет 140 000 руб. бр. Бромлеям и, конечно, хватит и на стеклянное покрытие всего здания. Но на кладку внешних стен, на покрытие сводами всего первого и подвального этажей, за исключением заднего корпуса, на настилку полов метлахом по 1-му и 2-му этажам, на штукатурку и железные рамы в окнах деньги будут нужны – и потому 100 т. руб. казенных нам будут необходимы. Не увидите ли Н.А.Зверева, напомните ему об этом. Но, конечно, в данную, во всех отношениях

\* в целом (фр.).

тяжелую, политическую минуту трудно гадать и говорить о будущем. Если бы, в силу высших причин, Министерство оказалось в невозможности прийти Музею здесь на помощь, то тысяч сто мы Комитетом можем истратить в предстоящем строительном году из собственных средств. А там видно будет, и станем надеяться на Божию помощь и участие добрых людей.

Что быть очень добрым и щедрым очень опасно, это я начинаю чувствовать от поступающих ко мне обращений – привлечь Ваше внимание к различным предприятиям. Я говорил Вам о тайном советнике И.А.Новикове<sup>1</sup>, который просил меня доложить Вам о нуждах председательствуемого им и основанного с покойной женой «Общества распространения практических знаний между образованными женщинами в Москве», вчера в церкви, после заздравного молебствия о Государе Императоре, обратился ко мне профессор медицинского факультета Синицын<sup>2</sup> с вопросом, не приняли ли бы Вы звание председателя комитета по устройству женского медицинского [института] в Москве. Я откровенно ответил коллеге, что медикам-профессорам открыта вся Москва, все ее богатые и щедрые люди, и чтобы они не мешали Вам достойно завершить Музей, ставший историческим предприятием, на которое обращены взоры Государя, России и в далеких кругах Западной Европы: отвлекать Вас от него было бы великою неudelикатностью.

### 177. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

15-го ноября

15 ноября 1900, Москва

В редком доме у знакомых нет инфлуэнцы, у меня больных несколько человек, и сам я только ныне вышел из дома на лекции. Болел и Клейн, но он уже выезжает, и третьего дня он был у меня. Отчет по строительной и экономической части, по его словам, у него уже готов; но я его еще не получил. На днях он отправляется с Демосфеновым и еще одним знакомым ему инженером на фабрику Бромлеев принимать железную арматуру покрытия заднего корпуса Музея, после чего начнется Бромлеями укладка ее на место. P[оман] И[ванови]ч того мнения, что и в будущем году не придется им покрыть всего Музея, так как внешние стены не выведены будут вместе с мрамором до крыши.

Большие надежды на сей последний счет питаются у Листа. Ныне, возвращаясь из Университета, я зашел к нему узнать, как идет ломка мрамора на Урале. Поверенный в делах его, сам бывший на ломке, сообщил мне, что три недели идет там усиленная работа под руководством брухмейстера и что в январе начнется доставка камня в Москву. В начатой новой карьере<sup>1</sup> камня много и он отличного качества; наломать и оболванить куски они надеются

к лету такое количество, что в будущий строительный сезон (1901 года) Лист рассчитывает выложить боковые стены и переднюю стену, которая станет выходить на колоннаду, до высоты кровли этой последней. Кладка стен пойдет круговая. Если не ошибаются они в своих расчетах, то летом здание Музея вырастет необычайно и эффект белых, как сахарная голова, его стен будет очень велик. Очень бы хотелось, чтобы в апреле и мае мрамор заблестел своею белизною на Музее – к празднику закладки памятника Александра III: закладка раньше мая, конечно, не состоится.

Белый мрамор теперь должен отойти от Вашего сердца: его много и ломка его, а равно и обработка, в надежных руках. Для ускорения работ Лист на этих днях отправил на ломки еще специалиста, чтобы не отвлекать никакими другими делами брухмейстера. Ему дано поручение заняться разведками цветных мраморов в других местах, не заарендованных Быховским. Последнего у Листа очень ругают как натуру мелкую и способную к обманам: он и после договора не хотел дать разрешения им работать, требуя сначала 12 000, потом 8000, потом 5000, потом 4000. Пришлось с ним ругаться и пригрозить ему жалобой. Чтобы придать себе весу (сам он выкрест из евреев, отец его, Соломон Быховский, живет в Казани), он наврал, что он был у Вас в Сторожеве, что Вы ему уже вынимали из бумажника 5000 р. отступного. А на деле оказывается, что он у Вас в деревне и не бывал. Это какой-то лгунишка.

Возведение лесов около стен Музея идет успешно, и конструкции они весьма солидной.

### 178. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

16-го ноября

16 ноября 1900, Москва

Ныне возвратился в Москву из-за границы Великий Князь. С первых же дней ринутся к нему разные московские нотабли\* и власти представлять собственные персоны и свои учреждения «по особым, чрезвычайным обстоятельствам». В интересах нашего Музея надобно дать время и Его Высочеству отдохнуть от путешествия и этих многочисленных представлений; было бы самое лучшее дней 8-10 к нему нам не являться. О годичном заседании заговаривать теперь, в эти первые дни, с Великим Князем еще нельзя. Да и свирепствующая инфлуэнца сделала то, что ни Клейн, ни Демосфенов не доставили мне своих отчетов, несмотря на письменное предупреждение, которым им был указан срок 15 числа. Да и меня врач гонит денька 3-4 подышать не московским воздухом, чтобы избавиться от лихорадочного состояния.

\* Знать, значительные люди (от фр. notables).



Думаю завтра вечером выехать в Тарусу, где в тиши и займусь составлением годичного доклада<sup>1</sup>. Везу с собою целую папку материалов.

Пришли документы из берлинского Altes Museum'a о посылке нам скульптур итальянского Возрождения, исполненных там за счет А.Г.Подгорецкой, рожденной Захарьиной. Заказ там мною был сделан летом 1899 г., в бытность мою в Берлине с покойным А.Д.Мейном. Идет много вещей. Получена также накладная отправления колоссальной гипсовой модели афинского Акрополя, также исполненной в Берлине скульптором Walger'ом для нас 3-й раз: 1-й раз он исполнил ее для берлинского музея, другой для Нью-Йорка и 3-й для нашего Музея. Все названия руин и урочищ\* Акрополя сделаны рельефными буквами по-русски<sup>2</sup>. Модель окрашена в натуральный цвет Акрополя и расставлены даже деревья Панэллинского бульвара, облегающего Акрополь с разных сторон. Там же сделали и стальную раму для стеклянного колпака.

Из Афин сделано предложение приобрести гальванопластические, из золоченой бронзы, воспроизведения главнейших микенских золотых вещей, открытых Шлиманом и после него<sup>3</sup>. Эти математически верные копии бесподобны. Было бы жаль не иметь их в нашем антиквариате. Цена не Бог знает какая: руб. 1500 за всю большую коллекцию, весьма разнообразную – кубки, маски, мечи, кинжалы, бляхи, аграфы, диадемы, перстни, резные камни и т.д. Составится большая витрина.

### 179. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

21-го ноября

21 ноября 1900, Таруса

Послушавшись врача, я поехал в Калужскую губернию для перемены воздуха. Но дело вышло неудачно. 18-е число, когда я ехал до Тарусы, было дождливым, тонкий лед на Оке, которой нужно было переезжать, развело. Переезд был такой, что извозчик громко читал на всем протяжении «Пресвятая Богородице, спаси нас» и был очень перепуган постоянным треском льда под нами; я же, освободившись от теплого одеяла и ковра, держал себя готовым выпрыгнуть на ближайшую льдину, как начнут проваливаться лошади. Были очень трудные минуты: и ускорять ход лошадей было опасно, и медленное движение по такой коварной почве холодило сердце. А выйти в сплошную полынью было нельзя ни в валенках, ни в калошах. Следующие два дня были мокрые и гнилые, только ныне небо прояснилось и стоит на улице 5<sup>0</sup>-ный\*\* мороз.

\* Местностей (урочищем называется любая часть ландшафта, отличающаяся от соседней: скала, роща, овраг и т.п.)

\*\* По Реомюру; т.е. минус 6,25<sup>0</sup> по Цельсию.

Пользуясь абсолютной тишиной в доме поселившейся здесь г-жи Мейн<sup>1</sup>, пишу отчет к годовичному заседанию. Недостает мне некоторых цифровых данных, которые заполню в Москве. Так, между другим я не имею сведений, в какую сумму обошлась Вам поездка на Урал в сопровождении Клейна, Демосфенова и Захарова. Демосфенов получил при этом от Вас и прогонные, по казенной таксе, положенной для статского советника. Сумма эта в документах Комитета отсутствует, надо будет поискать ее в делах Строительной комиссии или спрошу самого Демосфенова. Продержусь я здесь до четверга, 23 числа, авось к этому времени восстановится переправа на тульскую сторону. В моем распоряжении еще два дня абсолютного покоя и свободы от всяких дел, надеюсь отчет окончить. Судя по большим спискам приемов у Великого Князя, скоро перебывают у Его Высочества все московские нотабли. Когда он получит свободу, в конце месяца, может быть, и устроится наше годовичное у него заседание. Но, быть может, вследствие Его путешествия, заседание и будет отодвинуто им на начало декабря. Не зная, в Петербурге ли Вы, посылаю это письмо через Вашу московскую контору.

### 180. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

24-го ноября

24 ноября 1900, Москва

Съездил я в Тарусу и там отдохнул малую толику. В тихой обстановке и на свободе составил доклад к годовичному заседанию Комитета. Здесь его кое-чем дополню и приведу в согласие с специально-техническим и финансовым отчетом Демосфенова, приделаю заключение и потом отдам в переписку.

Возвратившись вчера вечером, я ныне был в Университете и там узнал о приезде сюда Н.А.Зверева. Видеть его нужно было мне по Румянцевскому музею, я и пошел на его квартиру<sup>1</sup>, но дорогой окликнул меня Клейн: оказалось, они ехали вместе, вероятно, на стройку Шелапутинской гимназии. Постояли мы немного: оказалось, что у Николая Андреевича весь нынешний день разобран без остатка, занято и завтрашнее утро, а вечером он выезжает в Томск<sup>2</sup>. И ему, как он сказал, очень нужно переговорить со мной о чем-то; назначил время завтра перед заседанием Правления Университета, в зале Совета.

Идут бурные вести о студентах из Киева, и, сказывают, существуют признаки тревожного настроения Женских курсов и университетских студентов в Петербурге. Был эмиссар оттуда и в наш Университет, но его, раба смуты, скоро заметили в актовом зале и арестовали. Старые профессора говорят, что осенние волнения бывают около Екатеринина дня<sup>3</sup>, и потому вся мудрость администрации должна заключаться в том, чтобы удержать молодежь

до 5-7 декабря, а там можно выдавать отпускные билеты на Рождественские вакации.

Прибыл большой транспорт скульптур итальянского Возрождения, сделанный за счет А.Г.Подгорецкой. Получена накладная отправления большой и, как пишет Романов из Берлина<sup>4</sup>, отлично исполненной модели афинского Акрополя. Летом 1899 г. я видел экземпляр ее в берлинском музее и тогда же заказал ее для нас вместе и с железным, никелированным остовом стеклянного колпака. Все с упаковкою стоит 772 марки. Рассуждали мы в Правлении, как уплатить эту сумму скульптору Walger'у в Берлине, который, как человек небогатый и взявший железный прибор\* в долг, убедительно просит к праздникам выслать ему деньги. Мне дали совет занести эту сумму в протокол минувшего заседания Комитета, еще не переписанный: так же в экстренных случаях поступает и университетское Правление, записывая дела задним числом. Не разрешите ли мне сделать это в данном случае? Старика Walger'a и его очень не блистательную обстановку я знаю: без нужды он не просил бы. Деньги на коллекции у нас есть.

Рано утром я телефонировал из Университета ныне Клейну: не знает ли он, когда Вы пожелаете сюда. Он ответил, что Вас ждут сюда на будущей неделе в среду, 29-го числа. К тому времени подготавливаю переписку отчета. Представляющихся Великому Князю стало меньше.

### 181. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

24 ноября 1900, Петербург

Буду завтра субботу Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

### 182. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

25-го ноября

25 ноября 1900, Москва

Только что вчера я сдал письмо к Вам для отправления его в Петербург, как, через час времени, мне подали Вашу депешу, извещающую о прибытии Вашем в Москву нынешним утром. С счастливым приездом и большим количеством дел, здесь Вас ожидающих! Не успеете Вы въехать в свой №, как надобно будет одеваться к Великому Князю. И я охотно отправился бы с Вами, если бы не назначенное мне на 12 часов свидание с товарищем министра<sup>1</sup>. Его Высочество, вероятно, не спросит обо мне, но если бы это случилось, будьте добры доложить о моем нездоровье, заставившем меня уехать

\* Уст. принадлежности.

в эти дни в Калужскую губернию<sup>2</sup>. От Вашей беседы с Великим Князем мы ждем назначения дня годовичного заседания Комитета. У нас дня через 4 все будет к тому готово, но предварительно, как Вы и говорили, нам нужно собраться хотя на маленькое заседание. Человек 10-12 всегда соберутся.

### 183. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

27-го ноября

27 ноября 1900, Москва

Так как Лист является для Музея в одно и то же время и поставщиком камня, и специалистом по обработке и укладке его на место, то какой контроль установить для него в 1-й его функции? Он был очень строг в приеме камня как от Липгарта, так и от Быховского: кто же и когда станет предъявлять одинаковую строгость в данном случае к нему самому? А это, в интересах прочности облицовки и колонн, даримых Вами и стоящих таких колоссальных сумм, необходимо. Не разрешите ли подать мне бумагу в Комиссию и просить ее сделать протоколом закрепленное постановление, чтобы проверялся строителем, двумя техниками и одним членом каждый выложенный ряд облицовки? Тогда виден близко каждый камень, со всеми его достоинствами и недостатками. Каждый не принятый камень должен получить тут же особую раз установленную помету – и каждый такой осмотр должен быть закреплен протоколом. Сделать такое постановление Комиссия должна заблаговременно, чтобы Лист знал о справедливо-строгом отношении Вашем к исполнению им данного Вами ему заказа. Тогда он отдаст приказ посылать для Музея только хороший, не подлежащий никакому сомнению камень. Раз ясно будет поставлен вопрос о контроле над ним, недоразумений и задержки в ходе облицовки не будет. Перед заседанием я еще буду у Вас.

### 184. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

28-го ноября

28 ноября 1900, Москва

Не знаю, что делать со здешнею таможеней; никогда не бравши пошлины за предметы искусства и науки с Музея, она вздумала назначать за все привозимое из-за границы пошлину самую несуразную и неизвестно по какому тарифу и с какого веса, включая в этот последний и вес ящиков и упаковочного материала. Пошлина оттого выходит безумная. За мозаики из Св. Марка и Ваши книги, тогда же полученные, – свыше 1000 руб., за фриз Парфенона – свыше 600 р. Выходит, что 102 рельефные плиты, оцениваемые в Лондоне по 1 фунту стерлингов, что составит около 950 руб., облагаются пошлиной в 675 (кажется, эта сумма) руб. И это гипсовые копии для учебно-

вспомогательного учреждения Университета. По поводу мозаик я неоднократно отписывался, таможня настаивает на своем заключении, и соответственный департамент Министерства финансов дважды подтверждал необходимость уплаты. То же будет и с этими скульптурами и всеми другими посылками, – моделью Акрополя, бюстами итальянского Возрождения и проч. Здесь кроется какое-то коренное недоразумение – и его следует раз навсегда устранить. Таможенный чиновник, производящий досмотр вещей в Университете, подал совет исходатайствовать чрез Великого Князя особый закон относительно Музея Александра III в Москве: этот Музей-де учреждение новое, в таможенных правилах и узаконениях еще не значащееся, а потому и не освобождается от пошлин. В этом есть правда. Но почему таможня берет пошлину с Университета, по бумагам которого получают клады и в стенах которого производится досмотр их? Не посоветуете ли в ближайшем заседании Комитета поднять вопрос об исходатайствовании означенного выше освобождения от этих бессмысленных и невозможных для нашего учреждения пошлин. Завтра я надеюсь быть у Вас.

### 185. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

2 декабря

2 декабря 1900, Москва

Не было приема у Великого Князя вчера, не будет и ныне. Как, однако, узнать мнение Его Высочества насчет дня годичного заседания Комитета? Думаю в 12-м часу быть в канцелярии генерал-губернатора и, если Истомина там, повидать его. Стану просить его посредничества, если только Великий Князь не болен. Подготовил я к подпису председателя протоколы и бумагу к Королеве элинов насчет зала ее имени<sup>1</sup>. Если Истомина увижу, переговорю о том, не оставить ли эти документы ему для подачи Великому Князю. Авось, во 2-й раз не затеряют нашей бумаги. Необходим Ваш совет в изменении редакции ходатайства о понижении железнодорожного тарифа с уральского камня. В прежнем ходатайстве, по указанию Вашему, было прописано 500 000 пудов [8,19 тыс. тонн] белого и цветных мраморов. Но и Вы, и Лист теперь не думаете, что цветные монолиты найдутся на Урале в требуемом количестве; по всей вероятности, придется ограничиться на Урале только из цветных мраморов лещадкой для клетки лестницы, которой потребуется лишь немного тысяч пудов, но не 100 000 п. (400 000 белый мрамор + 100 000 цветные мраморы, как говорилось весной). Оставить ли это прежнее число в новом ходатайстве или как-либо изменить текст бумаги? Не будет ли у Вас ныне несколько минут свободных вечером, после заседания Комитета? Видел я вчера листовского инженера: он сказывал мне,

что Лист посылает его в Норвегию, Швецию, Данию и Венгрию искать цветных монолитов, если не найдется таковых ни в Олонецкой губ.<sup>2</sup>, ни в Финляндии, ни на Урале.

### 186. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

2 декабря

2 декабря 1900, Москва

Получились нехорошие вести в генерал-губернаторской канцелярии. Истомина болел и сидит дома, пришлось говорить с заменяющим его Борденавом<sup>1</sup>. Он сообщил мне, что Великий Князь болеет инфлуэнцей, никого не принимает и очень изменился от болезни. Раньше 7-го не советует Борденав и наведываться, так как до того времени приемов не будет. Заседание же лучше бы устроить числа около 15, чтобы не тревожить Его Высочество раньше. Я спешу сообщить это обстоятельство в мысли, что, быть может, Вы не захотите тогда медлить и поедете отдохнуть к себе. Если заседание устроится в половине этого месяца, то в Вашем распоряжении около 2 недель.

Модель афинского Акрополя ныне прибыла из таможи, но еще, как не досмотренная, открыта быть не может. А какую курьезную бумагу прислал департамент таможенных сборов, отстаивая чудесную мысль, что подаренные Вами мозаики из Св. Марка – вещь не научная, не археологическая, а сырое стекло, вделанное в цемент и при том уже своим-де большим весом (250 пудов [4 095,124 кг] с ящиками!) доказывающее, что эта мозаика пойдет на отделку Музея, а не принадлежит «к коллекциям». Как не стыдно директору департамента подписывать такое убогое мудрование столоначальнической скорбной головы и посылать это Университету. Я доложу эту бумагу ныне Комитету.

### 187. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4 декабря

4 декабря 1900, Москва

Приезжал просить Ваших указаний относительно редакции бумаги о железнодорожном тарифе с уральского камня. Нужно ли ставить цифру 500 000 пудов, полагая, что 100 000 п[удов] пойдет на цветные мраморы, которые, по-видимому, придется получать или из Олонецкого края, или из Финляндии, или из-за границы? Входить по последнему поводу с новым ходатайством о скидке тарифа будет ли возможно? Оставляю бумагу Вам: будьте добры карандашиком обозначить изменения в тексте. Лист надеется скорее найти цветные монолиты в Венгрии, Швеции и Норвегии, чем на Урале; но для него несомненно, что Урал даст цветной материал для лещадки

стен лестницы и для настилки полов, если таковая, напри[м]ер, из белых и серых шашек будет разрешена. Если бы Вы нашли возможным преддрешить вопрос о том, пойдет ли уральский камень на полы, тогда можно бы оставить эти 100 000 пуд[ов] в ходатайстве: они пошли бы и на полы. Вообще, эту бумагу необходимо очень обдумать, чтобы не возбуждать по камню новых ходатайств.

### 188. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

7 декабря

7 декабря 1900, Москва

Со мной ныне делается что-то нехорошее. Через силу я прочитал две лекции на Высших женских курсах, чувствуя большую слабость в ногах и тяготение лечь, хотя и было 12 часов дня. После лекции я поехал к директору правления Купеческого банка Цветкову<sup>1</sup>, распорядителю состоянием покойной Медведниковой<sup>2</sup>, о котором я говорил Вам на днях. Он вчера приезжал ко мне – в ответ на мое письмо к нему – и не застал меня. Мне ныне нужно было отдать ему визит, хотя я и знал, что его [не ждут] скоро дома. Чтобы устроить деловое свидание, я оставил ему письмо и экземпляр Положения о Комитете; временем для свидания назначил я 11 часов утром в ближайшее воскресенье. Буду у него сам, если не случится со здоровьем что-нибудь худшее. Мне представляется, что он приезжал с чем-либо серьезным, иначе ему ничего не стоило *pour sauver les apparences*\* написать две-три строки отрицательного ответа на мое предложение внести лепту в дело Музея. Это – тот самый Н.А.Цветков, который *propter motu*\*\* устраивает новую гимназию в Москве<sup>3</sup>. Воротился я домой бессильный; помня данное обещание найти ныне М.С.Кузнецова<sup>4</sup>, я хотел было отправиться в московский Земельный банк, к тамошнему телефону узнать, где найти его в 3-м часу, но слабость сил не дала мне этого сделать. Я вынужден был лечь и пролежал до огня; авось завтра будет лучше: завтра лекция у меня в Университете от 9 до 10 и я, узнав телефоном местонахождение Кузнецова, поеду к нему прямо. Для беседы с ним нужны свежие силы, а их-то и не было у меня ныне. Добро бы вчера гулял у какого-нибудь именинника, а то поехал было к Мосолову<sup>5</sup>, но не застал его.

Вести о Вашем мраморе для Музея проникли в народную среду: вчера я покупал в подарок швейную машинку жене только что женившегося племянника<sup>6</sup>; только я дал свой адрес для доставления ящика, как приказчик спрашивает, не имею ли я отношения к новому, строящемуся Музею; я ответил

\* чтобы соблюсти приличия (*фр.*).

\*\* по собственному побуждению (*лат.*).

утвердительно, – тогда приказчик прямо повел речь о Вас и об уральском мраморе. Я диву дался, спрашиваю, откуда у него сведения об этом. Приказчик ухмыльнулся и сказал: «Как же? Мы ведь читаем...»

### 189. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

7 д 1900

7 декабря 1900, Москва

Глубоко сожалею, добрейший Иван Владимирович, о Вашем нездоровии, надеюсь, что это только припадок мнительности.

В[еликий] К[нязь] начал понемногу принимать. Завтра Казак<sup>1</sup> у него спросит, когда он желает Вас принять для подписи бумаг. Эти соображения заставляют меня отложить мою поездку до Вашего с ним свидания.

Весь Ваш

Юр. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

### 190. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

8 декабря

8 декабря 1900, Москва

Я очень обрадовался, узнавши, что Вы остались здесь. Делать быстрые переезды от Москвы до Петербурга и обратно, может быть, на одной неделе было бы тяжело. Авось Его Высочество по выздоровлении назначит заседание скоро, и тем прояснится перспектива Вашего путешествия за границу и в Грецию в частности. Мне почему-то сдается, что Вас в Афины, в Элевзин, в Микены, Тиринф, Аргос и в Гиерон Эпидавра, а равно в Олимпию и Дельфы с их теперешними раскопками, произведенными французами<sup>1</sup>, непременно потянет. Путешествия по всем этим местам очень легки: Арголиду с Микенами, Тиринфом, Аргосом и Эпидавром Вы проедете в экипажах (а экипажи этой области превосходные, заграничной работы) в два приема из Навплии, где есть сносные гостиницы; в Олимпию есть железная дорога. А ученая колония афинская – французы, немцы, англичане, да и сами греки, как Каввадия<sup>2</sup>, директор древностей и раскопок королевства, люди необычайно любезные и очень гостеприимные. Вы будете окружены вниманием с их стороны, так как и Ваше имя, и Ваша роль в деле Музея в Афинах хорошо известны. Королева же, наш почетный член (кстати, Вы, может быть, поднесете ей жетон нашего Комитета<sup>3</sup>, которого она просила на закладке: «И нам, и нам дайте...») и Ону<sup>4</sup> сделают пребывание Ваше там совсем родным – и Вам жаль будет уезжать из этого милого, как-то особо симпатичного города. Мне было очень грустно оставлять его, и доселе я мечтаю с женой попасть туда, Афины мне напоминают почему-то Киев<sup>5</sup>.



Поезжайте, Юрий Степанович, Вас там ждут чудные наслаждения, доставляемые обаянием великих исторических руин Акрополя! Вопрос, какой месяц для того избрать. Греческое посольство в Петербурге Вам скажет все нужное на этот счет. В хорошую погоду переезд из Бриндизи через Корфу до Патр 30 часов и очень приятен, разумеется, не на несчастных греческих пароходах<sup>6</sup>.

### 191. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

8 декабря

8 декабря 1900, Москва

В генерал-губернаторской канцелярии мне сказали, что Истомин все еще болен и что дела докладывает Великому Князю Борденав. Последнего в канцелярии не было, пришлось подождать. От него я узнал, что приема у Его Высочества ныне не было и сам Великий Князь, за нездоровьем, к завтраку не выходил; приема, по его мнению, не будет и завтра, но приемы начнутся с будущей недели. Надо будет справиться в понедельник в 10 часов утра. Я воспользуюсь первым днем, и для этого курьер будет сторожить. Бумагу о камне и понижении железнодорожного тарифа я проредактировал согласно Вашим указаниям.

### 192. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

9 декабря

9 декабря 1900, Москва

Вчера я забыл сообщить Вам, что, для ускорения дела о тарифе, я условился с Борденавом доставить ему бумагу Великого Князя к министру финансов, чтобы он мог представить ее к подпису ныне, вместе с другими делами. Вчера с Иезберой мы бумагу эту переделали, как указали Вы, за ночь он ее переписал, а в 11 часов я снесу ее в генерал-губернаторскую канцелярию. Чтобы опять она не ускользнула от наших глаз, попрошу Борденава отдать мне ее ныне же в 3 часа, когда он вернется от Его Высочества. Давно лежит готовой и бумага Великого Князя к Королеве элинов: препровождатью чрез Борденава и ее. В ближайший же прием Его высочеству поднесу к подпису протоколы заседаний, происходивших под Его председательством. Да не нужно ли изготовить благодарственное письмо от Комитета, за Вашей подписью, Министерству народного просвещения в Греции за присылку гипсов Эрехтейона? Каким путем, чрез министерство иностранных дел, или чрез нашего посланника г. Ону, пошлем мы этот документ? И как писать его, по-русски или по-французски?

**193. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ**

9 д 1900

9 декабря 1900, Москва

Многоуважаемый Иван Владимирович.

Я полагал бы, если Вам это угодно будет, письмо к Кор[олеве] эллинов удобнее было бы предложить к подписи В[еликому] К[нязю] Вам самим лично, как равно и протокол заседания.

Затем письмо к мин[истру] н[ародного] просв[ещения] в Греции можно будет послать на французском языке от Комитета, – а не от В.К., – через Ону по почте. Но надо знать, не сменен ли он, у него [?] их меняют часто; может быть, новый не благоволит к Музею.

В[есь] В[аш] НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

**194. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

9 декабря

9 декабря 1900, Москва

Ваше письмо пришло ко мне, к сожалению, когда обе бумаги были уже у Борденава. Мы условились с ним так, что, если Великий Князь подпишет одну ли, обе ли бумаги, Сергей Михайлович сейчас же мне пришлет подписанное с курьером. Только что подали мне пакет с обеими бумагами, подписанными Его Высочеством без всяких возражений, по полному их прочтении. Но вот новый для меня вопрос: каким путем мы пошлем пакет Королеве эллинов? Этот случай в моей практике секретарской – первый. Прежде Истомин пересылал бумаги от имени Великого Князя как генерал-губернатора. Надо, вероятно, уложить бумагу в холщовый конверт, запечатать сургучной университетской печатью; но адресовать как: на имя Королевы или просить Ону представить этот текст Ее Величеству? Научите меня: как бы не сделать смешной бестактности. С этим письмом для указаний Ваших я посылаю Иезберу.

**195. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

11 декабря

11 декабря 1900, Москва

Обратите внимание на небольшое известие «Московских ведомостей» нынешнего № об удивительных раскопках оксфордского ученого на Крите, затмевающих своими баснословными результатами, для поры микенской, чуть ли не самого Шлимана. Говорят об открытии там знаменитого Лабиринта царя Миноса<sup>1</sup> во всех его изумительных подробностях, хорошо сохранившихся. Об Эвансе<sup>2</sup> уже давно ходят слухи в Западной Европе, как [о]

необычайно счастливым раскапывателе Крита. Часть своих результатов он уже опубликовал. Интересно, вывезут ли найденные сокровища с Крита и куда? Кому, в сущности, принадлежит Крит<sup>3</sup>, и распространяется ли на него греческий закон о древностях и памятниках искусства? Если Лабиринт сохранился, не лучше ли бы укрепить его и оставить все на своих местах, как сказочный дворец сказочной древности? А то неужели его ограбят, лишивши его всех предметов, которые могут быть вынесены? Но как-никак, а наш Музей получит, с течением времени, копии и с этих миносских сокровищ. Вот тут и рассчитывай, что и где разместить в Музее. Для микенской эпохи мы думали отвести уголочек, а теперь придется дать, пожалуй, и целую стенку. Счастливы те, кто родятся позднее: они будут знать много такого, о чем у нас не было и грез.

Вчера от Вас я проехал к молодому Прове. Он был дома и показывал мне свою богатейшую нумизматическую библиотеку и редкие экземпляры нумизматического собрания. После все это, конечно, перейдет в Музей наш<sup>4</sup>.

### 196. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

11 декабря

11 декабря 1900, Москва

Курьер говорит, что в вестибюле генерал-губернаторского дома до 11 часов телефон работал непрерывно: спрашивали со всех сторон, будет ли ныне прием у Великого Князя. Наконец стало известно, что приема не будет. Что делать? Придется подождать до завтра: авось мы достигнем своего. Если бы Его Высочество согласился на утро пятницы, сделаем все нужное для заседания, успеем. Канунное, предварительное заседание Комитета не позволите ли собрать у меня, в 8 часов вечера? Мне и жене так хочется видеть Вас за нашим чаем: после непродолжительного заседания жена была бы очень рада предложить чашечку чаю. Разрешите, пожалуйста.

Читаю для [факультетского] отчета<sup>1</sup> рукописное сочинение профессора Мальмберга<sup>2</sup> в Юрьевском университете, представленное на Боткинскую премию<sup>3</sup>. Тема: «Фронтонные группы греческой архитектуры». Превосходное сочинение. Автор – самый даровитый и наиболее знающий между всеми нами профессорами истории античного искусства, обладающий талантом творчества. Приятно присудить ему, человеку бедному и многогосемейному, крупную Боткинскую (Василия Петровича) премию.

**197. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

12 декабря

*12 декабря 1900, Москва*

Курьер сторожит у подъезда Великого Князя, дожидаясь ответа на вопрос, будет ли ныне прием. Дела накопилось много, и оно не двигается. Мне особенно жаль Вас, которого Музей держит все это продолжительное время в Москве, вдали от дома и Ваших дел. Тяжелее всего неизвестность, когда кончится болезнь Великого Князя и когда начнется обычное течение занятий. А вблизи проезд Государя<sup>1</sup> и затем праздники: как бы наше годичное заседание не улетело на послесвяточное время. На всякий случай «Записку для памяти» я оставляю ныне у Борденава для доклада Его Высочеству. Курьер пришел сказать, что приема ныне нет. Делать нечего – пойду теперь к Борденаву.

**198. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

12 декабря

*12 декабря 1900, Москва*

Сначала прием был отменен, но так как уже очень с разных сторон трезвонили в телефон на подъезде у Великого Князя, то разрешен был «маленький прием». Доклад у Борденава был небольшой, окончившийся в половине 1-го, у Великого Князя оставалось  $\frac{1}{2}$  часа – и он пожелал видеть Вас и меня. Звонили к Вам в «Славянский базар», меня искали телефоном в Университете, но я читал лекцию в Консерватории. Сейчас здесь, в Университете, я разговаривал по телефону с Борденавом, который сообщил мне, что Великий Князь назначил заседание в субботу, 16-го, в 14 часов дня, в генерал-губернаторском доме. Рассылаем повестку на предварительное заседание Комитета, 15 декабря, в пятницу, в 8 часов вечера.

**199. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

13 декабря

*13 декабря 1900, Москва*

От Великого Князя идя домой, я вспомнил про графиню П. С. Уварову и, не выдавши ее после возвращения ее из Италии, зашел к ней<sup>1</sup>. Оказалось, что она нарочно была у Музея, обошла площадь со всех сторон – и в восторге от благородной простоты и монументальности заднего фасада и кирпичной кладки боковых частей: «Видно, что это – Музей, а не что другое; музеи так и нужно строить, просто, но внушительно». Нравятся ей и гордо вздымающиеся наши леса, поставленные Листом. Она дивится, как высоко поднялось здание в минувшее лето. Что оно примет такие размеры, она прежде себе не

представляла. От здания мысль и речь ее перешла к Вам. Она спросила, давно ли Вы здесь и, узнавши, как долго Вам пришлось ожидать годовичного заседания Комитета, в форме серьезной и тоне, тронувшем меня своей сердечностью, сказала: «Мы дивимся этой энергии; на 7-м десятке так горячо относиться к делу и рядом с этим читать и изучать одну эпоху искусства и культуры за другою и это делать целые годы систематически, воля Ваша, это замечательный подвиг в его положении; нашел Ю[рий] С[тепанови]ч в этом Музее высокую цель, и этой любовью, и этой работой он удивляет нас; обыкновенно легче оказать материальную помощь, чем так увлекаться и так полюбить дело. Это так необычно, это трогательно, а для Музея это удивительное счастье. Я в заседании непременно буду и стану слушать его сообщение». Когда она так тепло это проговорила, я, прощаясь, поцеловал ее ручку с особым удовольствием.

А как долго и сердечно беседовал ныне Великий Князь – и о римских катакомбах, и о Реймане, и о Флоренции, и об египетских портретах, и об эрусских гробницах, и о Цветкове, и о Румянцевском музее. Он совсем забыл, что ожидала масса представляющихся. Удивления, что Великий Князь продержал нас так необычно долго, слышались со всех сторон. Искусство и археологию он, несомненно, любит, мы же явились с вопросами из этого места, не по «казенной» службе и не с личными просьбами.

## 200. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

13 декабря

13 декабря 1900, Москва

Около ночи пришлось много писать: отчет о сочинении проф. Мальмберга сейчас окончил. Большую Боткинскую премию он получит – и на гуся св. Мартина<sup>1</sup> ему с многочисленной семьей хватит с избытком.

Препровождаю Вам программу годовичного заседания. Стану собираться, в 11 час. буду ждать Вас у Великого Князя. Мой доклад набирается в университетской типографии; недостает кое-каких цифр – ныне их найду в делах Комитета [или] Строительной комиссии. Он короче прошлогоднего, времени для Вашего сообщения будет ныне больше. Я все-таки привезу Вам и другие кубки. Одного из них, очень интересного, у Perrot и Chipiez нет, а Вам он нужен<sup>2</sup>.

## 201. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

15 декабря

15 декабря 1900, Москва

Н.А.Цветков третьего дня телеграфировал мне, что дела задерживают его и что он будет у меня вечером 14-го. Вчера он действительно приехал сказать, что своего юрисконсульта уговорил относительно значения Музея

как учебно-вспомогательного учреждения Университета и потому теперь приносит Комитету 15 000 руб. Сделал он все это в форме скромной и симпатичной. Он очень польщен предстоящим званием члена Комитета и обещает служить ему «привлечением капиталов», в силу своего положения в коммерческом и банковском круге Москвы: «Интересы симпатичного мне Музея будут мне отныне близки – и я послужу им». Но отягощенный сложными занятиями по банку и обязанностями по устройству новой, Медведниковской, гимназии в Москве, он, искренно благодаря за честь предложения, от должности казначея решительно отказался. Я всячески уговаривал его, но вижу, что мотивы его отказа уважительны. Как нам быть теперь? Часа через два я буду у Вас, если Вы будете дома, и стану ждать Ваших указаний. Из наличного состава членов можно было бы остановиться на Колесникове, который, надобно думать, примет эту должность как почет для себя; Его Высочество, почтивший его весной рескриптом за пожертвование, против такого решения Комитета не будет иметь ничего<sup>1</sup>. Буду ждать Вашего совета. Надобно, в случае Вашего согласия, ныне снестись с Колесниковым.

## 202. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

16 декабря

16 декабря 1900, Москва

После заседания Вы так быстро ушли, что, когда я возвратился из кабинета Его Высочества, Вас уже в зале и в смежных комнатах не было. Великий Князь позвал меня после заседания в кабинет, чтобы сдать мне бумаги. Он говорил с удовольствием то же, что и графиня П. С. Уварова говорила на днях: «Нужно удивляться этому замечательно горячему увлечению Ю. С. [тепанови]ча вопросами искусства и этим книжным орудием\* в его положении и годы. С какою ясностью говорил он об этих интересных микенских древностях! А этот размах его действий и незнание никаких препятствий в нашем Музее! Берегите вы его; что можно делать самим, делайте; нужно щадить его силы. Музей наш счастлив его любовью и увлечением». Очевидно, он находился и под впечатлением заседания, и под впечатлением разговора с графиней Уваровой, которая говорила ему в моем присутствии: «Следовало бы всему собранию встать и выразить признательность Юрию Степановичу за столько добра, приносимого им Музею, и за все, за все». Великий Князь смеялся, говоря: «Разумеется, разумеется...» Его Высочество приказал благодарить от его имени Шульца за услуги Комитету. Когда мы с

\* Зд. в значении «делом» (црк.-слав.).

Иловайским спускались с лестницы, направляясь к выходу, кажется, это Вы поднимались на верхние ступени лестницы, направляясь на половину Великой Княгини. После заседания у меня были дела в Румянцевском музее по увеличению ссуды в Московском земельном банке и на Курском вокзале, где я должен был встретить одну старушку, родственницу жены. Так у меня день и ушел весь. Сейчас приезжал я принести Вам благодарность за все Ваши труды и ласки, которыми мы пользовались в этот продолжительный приезд Ваш. Счастливых Вам праздников и спокойного отдыха после тревожной жизни здесь.

Мой почтительный привет глубокоуважаемым Софье Степановне и Анне Степановне. Беспредельно преданный и признательный Вам за все неказанное добро Ваше к Музею и ко мне.

### 203. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 декабря

19 декабря 1900, Москва

Был у меня вчера наш новый казначей<sup>1</sup> и спрашивал, мог ли бы он вчера же представиться Вам. Я сказал ему, что Вы уехали в самый день заседания и что он может сделать это в январе, так как Вы имеете обыкновение приезжать в этом месяце в Москву. Крупный человек был до болезни и Иван Юльевич<sup>2</sup>, ну, а этот – чуть не былинный «добрый молодец», с которым под вечер осенью ненастной с глазу на глаз на узенькой дорожке встречаться небезопасно. Роста косая сажень, сложение атлетическое, в лице такая силища, что невольно чувствуешь аттенцию\* к такому богатырю и думаешь: «Не напрасно московское купечество выбрало себе такого главу в деле денежном». Думается, что это человек большой, властной воли, умеющий заставлять себя слушать. Он мне напомнил почему-то покойного Алексеева<sup>3</sup>: дух крепкого московско-купеческого деловитого характера нашел себе на этот раз выразителей едва ли не в двух лицах – Найденове<sup>4</sup> и теперь нашем Вишнякове. Мне верится, что Ваш выбор принесет нашему Музею большую пользу. Лишь бы такой человек подошел близко к насущным интересам нашим, он привлечет учреждению нужных людей и нужные материальные средства. Я ему выяснял, что главная обязанность комитетского казначея в этом состояла и будет состоять; в словах его слышится удивление пред Вами, пред Вашим масштабом в деяниях и жертвах и увлечение размером и характером здания, которое-де украсит и с таким трудом данный городом Колымажный двор, и самый город. Я его осведомил

\* внимание (*лат.* attentio).

о степени внимания к Музею со стороны Государя Императора и Великого Князя – и он завтра же решил представиться в новом звании Его Высочеству. Он спрашивал, может ли он послать Вам карточку с поздравлением в Новый год.

Бугров прислал длинную телеграмму<sup>5</sup> о болезни, помешавшей явиться на годичное заседание.

## 204. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

20 декабря

20 декабря 1900, Москва

Высокий тон организации Музея, Вами ей данный, начинает увлекать и других. В этом убеждает меня полученное письмо из Флоренции от А. Г. Подгоревской, рожд. Захарьиной. Не напрасно я упомянул в годичном отчете и сказал о ее работах над нашим делом во Флоренции. В самый день годичного заседания, вечером, я получил от нее обширное письмо и отличные фотографии della Robbi'ev, ею для Музея заказанных. Часть заказов, за ее счет, была сделана мной в лучшем тамошнем ателье Lelli. Чувство деликатности заставило меня в della Robbi'ях ограничиться небольшими вещами, из разряда их многочисленных Мадонн с Младенцем. Заказал я их на сумму около 1800 франков, без упаковки и провоза. Александра Григорьевна нашла, что эти вещи очень скромные и малы для Музея, и потому, сохранив из них 2–3, заказала две очень большие вещи, знаменитый тимпан (Луки) «Богоматерь с Иисусом, окруженные ангелами» из церкви S. Pierino\*, около Флоренции, перешедший недавно в Museo Nazionale, и запрестольный образ Богоматери, окруженной сонмом святых, раб[оты] Андреа в Santa Croce\*\*. Первый из них считается перлом Луки, его приводят в лучших руководствах по истории скульптуры, но за дороговизной он не был копируем, и его фаянсовой репродукции не существует. А[лександра] Г[ригорьев]на пишет, что за этот заказ запросили очень дорого, но все равно, иметь эту вещь надобно. Это она пишет, заплативши за Мадонну Андреа 3000 фр. без упаковки и провоза и не нашедши эту цену дорогой. На нынешний год она отнесла и приобретение знаменитых надгробных памятников XV ст[олетия] работы нескольких мастеров. Тысяч 6–7 руб. она ныне истратит, а там пойдут большие вещи Донателло и Микеланджело, которые очень кусаются по цене. Итальянский Ренессанс у нас будет представлен отлично.

\* Сан Пьерино (ит.).

\*\* Санта Кроче (ит.).



Пока меня беспокоит своей пустотой и неизвестностью Средневековый зал, для которого, кроме Вашего мозаического фриза из Св. Марка, нет ничего. Придется поискать мозаических воспроизведений отдельных изображений из Палермо, да 2–3 половинки с фасадов западноевропейских соборов. Надобно познакомиться со слепками в Trocadero<sup>1</sup>, предмет пока мне мало известный.

## 205. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

23 декабря

23 декабря 1900, Москва

Вчера был у меня Георг Лист перед отъездом за границу. Он привез мне большое донесение его уполномоченного на Урале, который пишет, что объездил все места, известные по залежам мраморов – эти места он перечислил, – что нашел, кажется, близко Екатеринбург какой-то замечательный сорт цветного мрамора, который он и послал с места в образце сюда, в Москву, предупредив, что он лежит кусками аршин в  $1\frac{1}{2}$  – 2 [1,07 – 1,42 м]; но что все его старания отыскать цветные монолиты не привели ни к чему: все породы этой категории годятся только на облицовку, но не для колонн. Кто-то Листу сообщил о залежах цветных камней в Крыму – и он желает начать разведки и там. Зато он очень доволен материалом, извлекаемым в виде мелкозернистого белого мрамора на участке его собственном, у кого-то перекупленном по соседству с участком Быховского: по его словам, это настоящий по виду высокопробный сахар. Для декоративных целей и для скульптурных работ этот-де сорт превосходный, несколько не уступающий каррарскому<sup>1</sup>, но в 3 раза его дешевле, так как 1 п[уд] последнего в Москве обходится 2 руб., когда уральский мрамор можно получить за 50 коп. Не нахвалится он эффектом обкантованной облицовки из белого мрамора, тождественного Вами избранному, делаемой им на Кузнецком мосту на доме Юнкера<sup>2</sup>. И Романа Ивановича, и меня он просит посмотреть ее на месте; Клейн без приглашения строителя того дома ехать не считает возможным, а я таким этикетом не связан и на праздниках, вместе с листовским приказчиком (инженер Раттенок также уехал за границу) на стройке побываю и облицовку посмотрю. Лист получил известия из Финляндии, из Олонецкой губ., из Норвегии и Венгрии и образцы известных монолитов. Теперь он поехал обозрывать карьеры сам и выяснять вопросы на месте. К 25 января он намерен представить в Строительную комиссию образцы всех цветных полированных колонок и цветной облицовки. Так как Р[оману] И[ванови]чу понадобятся к концу будущего строительного сезона 20 колонн лестницы, то Лист уверенно говорит, что он их поставит

своевременно на место, раз Вы в январе ему укажете выбранные Вами образцы. Вследствие того заседание Строительной комиссии в конце января не может собраться для обсуждения этого вопроса в Ваше отсутствие. В 20-х числах мы будем, с Вашего разрешения, ожидать Вас.

Старый и новый казначеи Комитета одновременно представлялись Великому Князю. Вишнякова называют кандидатом в головы, но он-де решительно отклонил предложение.

## 206. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

24 декабря

24 декабря 1900, Москва

Почтительнейше прошу Вас принять сердечное поздравление с праздником Рождества и близящимся Новым годом. Я был бы очень счастлив, если бы Вы были добры передать мой почтительный привет глубокоуважаемым Софье Степановне и Анне Степановне с пожеланием им всего наилучшего в наступающем столетии. Чего лучшего, кроме здоровья, долгой-долгой жизни и сохранения того настроения Вашего внутреннего мира, которое заставляет Вас неустанно работать на пользу других в разных сферах, не жалея ни сил, ни материальных средств, чего лучшего, высшего пожелать Вам перед началом Нового века – решительно не знаю. Тот путь, которым идет Ваш внутренний мир в последние годы и уже немалочисленные годы, ведет к истинной славе и в глазах серьезных современников и отдаленного потомства, несомненно делая имя Нечаева-Мальцова, однажды появившееся в рядах исторических деятелей нашего отечества, одним из самых больших имен, делая его явлением на закате одного и в начале другого столетия исключительным. Не примите, Юрий Степанович, за грубую и недостойную лесть здесь сказанного: это – мое искреннее, глубокое убеждение, вынесенное из трехлетней совместной деятельности над общею задачей высшего порядка. Я более чем кто-нибудь видел, как росло в Вас проникновение, а потом и горячее увлечение этим просветительным и эстетическим делом, как последнее все более и более затягивало Вас, как Вы отдавали ему лучшие симпатии, физические силы и материальные средства всё в возрастающей прогрессии. Что, кроме чистой любви к нашему дорогому Музею, ставшему наполовину нечаево-мальцовским, так часто приводило Вас в Трехпрудный пер. для обсуждений, совещаний, указаний всё по делам одного порядка? У Вас ли нет других забот и дел?.. Дай Бог сохранить Вам на долгие годы эту удивительную бодрость духа и здоровье, а высота замыслов и стремлений останутся с Вами и в Вас.

**207. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

28 декабря

*28 декабря 1900, Москва*

Лист, задержанный в своем отъезде за границу ожиданием своего Vguchmeister'a с Урала, отправляется туда лишь на днях. Сейчас он был у меня с образцами цветных монолитов, присланными ему из Венгрии, куда он прежде всего отправляется и сам. Два образца, один цвета крем, другой темнее с мелкими крапинками, прекрасны по внешности и, по словам Листа, очень большой крепости. Он намерен в конце января представить Вам целую серию обработанных цветных колонок. К тому времени он сам не вернется из обозрения каменных копей за границую, но образцы обработанных камней все равно Вам и Строительной комиссии будут доставлены. Так донести Вам он меня сейчас просил.

Неожиданно стряслась у него на заводе большая неприятность. Рабочие, получившие в эту зиму двойную плату сравнительно с прошлым годом, узнавши о данном Вами Листу заказе по облицовке Музея, устроили стачку, требуя новой удвоенной платы на все время исполнения Вашего заказа. Лист находит это невозможным и, если волнение не уляжется, намерен пригласить партию итальянцев. Два агента уже явились к нему с предложением итальянских каменотесов. Если он не сойдется с ними, то сам или его поверенный отправятся в Италию набирать рабочих. Это обстоятельство также задержало его отъезд.

По его словам, работы на Урале идут у него очень ходко, наготовлено камня уже много – и он ждет лишь ответа министра финансов на ходатайство о понижении железнодорожного тарифа, чтобы начать доставку. Работы в текущие Святки прекращены только на 4 дня. Первый фасад, облицованный уральским мрамором, явится в Москве на доме Юнкера на Кузнецком мосту; но этот камень – только брак, не принятый для Музея. Приоритет введения уральского мрамора в строительное дело Москвы должен оставаться за Музеем.

**208. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

30 декабря

*30 декабря 1900, Москва*

Муж покойной М.С.Скребицкой, д-р Скребицкий прислал из Белостока мне письмо со следующими замечаниями насчет стеклянных покрытий Музея<sup>1</sup>: «Не претендуя давать строителю указания, считаю, однако, не лишним обратить Ваше внимание на постройку крыши, которая, как я узнал из Вашей речи, будет стеклянная. Мысль верная и целесообразная, но

едва ли для осуществления ее есть у наших строителей достаточный опыт в нашем климате. Заграничный опыт и основанный на нем расчет не достаточен. На Западе нет ни таких снежных заносов, ни таких морозов. Выдержат ли стекла такой груз, как наши сугробы снега? При этом, если бы и выдержали, согласно расчету сопротивления тяжести, то температура может сыграть злую шутку. Ведь сокращение железа и стекла от мороза неодинаково? Известны ли пределы его при значительном понижении до  $25^{\circ}$ – $30^{\circ}$  R\*, которые случаются не часто, но бывают? Если это обстоятельство не выяснено опытом, то в одну прекрасную, лютую по холоду, ночь, все Ваши статуи превратятся в мусор от провала крыши – если коэффициенты расширения обоих материалов, для крайне низкой температуры, не будучи выясненными, не (будут) приняты в расчет. Да и другой крайности – температуры высокой, тоже нельзя не принимать в расчет. Следовательно, необходимо при постройке этой принимать в соображение обе». Не будучи техником, я не знаю, насколько основательны опасения старого доктора, для меня лишь страшно предположение возможности превращения леса статуй, собранных в течение стольких лет и с таким трудом, в кучу мусора. Во всяком случае, утешительно внимание к вздымающемуся Музею даже в местах, отдаленных от Москвы. Вчера я послал Вам чрез Румянцевский музей № «Варшавского дневника» со статьей о нашем годичном заседании<sup>2</sup>.

### 209. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

31 декабря

31 декабря 1900, Москва

Пока дети вертятся около роаяля, то поют, то скачут, то просто шумят до невозможности уловить значение их говора и крика, пока старшие в семье озабоченно расставляют посуду в столовой, в ожидании приближения 12-го часа, я, насмотревшись вдоволь шалостей первых и исполнивши все обязанности по части закупок в отношении вторых, сажусь за этот листик, чтобы помянуть уходящий год, а с ним и целые полвека, которые судьба привела мне видеть и пережить. А так как с 1897 года, когда Вы так благосклонно подошли к делу университетского Музея, ни с кем мне не приходится беседовать на расстояниях столь часто, как с Вами, то и на этот раз мысль сама собой стремится к Вам.

Минувший год мы можем помянуть все же большим добром, несмотря на неоднократные разочарования в каменных наших планах и ожиданиях. Неисполнение обязательств со стороны Липгарта и Быховского дало

\*  $30^{\circ}$ – $36^{\circ}$  C.

возможность нам, другим, с удивлением быть свидетелями, как твердость Вашей воли и глубокая Ваша любовь к раз принятой на себя задаче победили неожиданно созданные преграды. И Клейн, и я дивились, как Вы, скрывая понятное огорчение неудачей с коломенским камнем, воскресить который Вы хотели для Москвы, и не теряя времени в бесплодных, хотя и столь естественных жалобах, тотчас же из Коломенского уезда устремили Вы внимание на далекий и мало кому ведомый Урал, решивши там искать камня. Эта широта взгляда на дело, это принципиальное, намеренное, сознательное непризнание препятствий, здесь Вами проявленные, для Клейна, Рерберга и меня были предметом стольких бесед и самого искреннего удивления. Не предались Вы сетованию, когда нужно было в зимнее еще время отправиться на Урал и там в меховой одежде и валенках, с помощью веревок и провожатых, взбираться на снежные высоты, идя целиком\*. Безусловно была права Софья Степановна, утверждая, что римскому Меценату, под его чудным небом и в чарующей обстановке, куда как было легче покровительствовать науке, искусствам, ученым и художникам, чем вести дело Музея, при таких условиях, Вам. Твердой волей уничтожили Вы и бессилие Быховского, не только не наказавши его за напрасную смелость, но даже наградивши его 5 000 руб. ...

Год минувший – время торжества Вашего над препятствиями и вместе с тем время колоссального успеха Музея, которому Вы открыли блистательную перспективу чудного мраморного убранства внутри. Эта идея явилась у Вас в этом году – и да будет благословен он за эту Вашу высокую мысль; благословением Вашего имени в среде Московского университета начинается теперь XX век.

\* Т.е. по снежной целине, без дороги.

## 210. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

5 января

5 января 1901, Москва

Сейчас с курьером прислана из генерал-губернаторской канцелярии в Комитет бумага Великого Князя, извещающая об отказе министра финансов в ходатайстве его о понижении провозной платы за уральский мрамор до  $\frac{1}{200}$  коп. с пудо-версты. Витте мотивирует это решение тем, что для железных дорог тариф в  $\frac{1}{100}$  коп. едва покрывает издержки по перевозу – это в-1-х, и тем, что при тарифе в  $\frac{1}{100}$  коп. стоимость пуда уральского мрамора за провоз от Екатеринбурга до Москвы равняется 21,65 коп., за исключением дополнительных сборов, каковая плата, при расстоянии в 2165 верст [2309,622 км] министром финансов признается очень низкой. Совершенным сюрпризом для меня является уверение министра в том, что «столь пониженный тариф установлен на русских железных дорогах Министерством финансов именно в видах содействия разработке русского и главным образом уральского мрамора». Если действительно были таковы заботы Витте об уральском мраморе, то почему же никто не знал об этом камне до Вас, до Вашей поездки на Урал и до Вашего колоссального заказа? Да и Вы, член Совета министра финансов<sup>1</sup>, подвинуты были на уральскую экспедицию и на весь этот заказ и на выбор этого камня совсем не усилиями этого Министерства пустить в ход по всей России уральский мрамор. И Петербург, и Москва заговорили об этом мраморе только после Вашего почина в этом вопросе: до первого подвоза белых кусков на площадь Музея Москва и не видала этого мрамора с Урала. При удобном случае узнайте в Министерстве финансов, стоит ли этот уральский мотив при установлении тарифа в  $\frac{1}{100}$  коп. с пудо-версты взамен прежнего. Не знаю, почему, но мне думается, что об уральском мраморе за все последнее время не полагаемо было в правительственных сферах никаких особых попечений и что вышеуказанное место в министерской бумаге составлено ad hoc\*... Но, может быть, я и очень ошибаюсь. Прикажете ли дать знать Листу, чтобы он вез мрамор готовый? Впрочем, до конца января его в Москве не будет.

\* к данному случаю (лат.).

**211. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ***6 января 1901, Петербург*

Завтра понедельник буду Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

**212. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

14 января

*14 января 1901, Таруса*

Простите меня, что пишу Вам на дамской бумаге. Выехавши из Москвы спешно, я не взял с собой письменных принадлежностей и теперь пользуюсь тем, что нашел в распоряжении г-жи Мейн. В последнее время возобновились мои головокружения – и мне посоветовали отдохнуть в другой обстановке. Имея отличный приют здесь, полный покоя и абсолютной тишины, я уехал сюда. Здесь так безмолвно кругом, так уютно в целом флигельке, занимаемом мною одним, сад с расчищаемыми дорожками так удобен для ходьбы, и я тут окружен таким комфортом уединенного и тихого существования, что долго не уехал бы, если бы я мог располагать собой.

Привез с собою материалы для курса лекций по истории греческого искусства, составленного для слушательниц Высших женских курсов. И для них, и для студентов необходимо хотя бы краткое печатное руководство по этому предмету. Попробую составить сначала литографические записки; если буду жив, в будущие два года стану исправлять и дополнять их, чтобы после их напечатать с хорошо исполненными рисунками! Надо будет войти в соглашение с Левенсоном: он может издать мастерски. Не знаю, нельзя ли будет достать хорошие клише, за плату, из-за границы. Такая, вразумительно для молодежи написанная и обнимающая основные факты истории искусств Востока и мира классического, при хороших рисунках, книга могла бы иметь пропедевтическое\* значение и для будущих посетителей нашего Музея. Музей раньше пяти лет окончен быть не может; если бы не изменило здоровье, сработать это дело к открытию Музея было бы можно. Состояние знаний у нашей молодежи по истории искусств таково, что ей нужны не специальные исследования отдельных фактов, а прежде всего общие, руководящие труды. Вон какие превосходные пособия по этому предмету для всяких требований в Германии. Там история искусств введена в гимназиях, и в реальные училища, для которых составлены особые атласы и объяснительные руководства к ним. А у нас приходится студентам 4-го курса объяснять, что так[ое] колонна дорическая и ионическая, что такое Эрехтейон и Парфенон.

\* В обучении – подготовительное.

Где-то теперь ездит Лист? К концу месяца он обещал доставить все образцы цветных мраморов Вам и Строительной комиссии.

### 213. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

18 января

18 января 1901, Москва

К нам в Музей идет из Китая какой-то таинственный подарок, судя по бумаге, полученной из Одессы от заведующего передвижением возвращающихся с Дальнего Востока войск<sup>1</sup>. Он пишет, что какой-то «неизвестный ему офицер» представил ему в Порт-Артуре несколько ящиков с вещами, из них один ящик для «Московского Музея изящных искусств». Кладь эта, перевезенная от Порт-Артура до Одессы даром, в настоящее время находится в Одессе в ведении одного из тамошних полков и ждет указаний из Музея, как направиться ей в Москву. Если наш офицер позаботился *propter motu* об отечественных музеях, можно представить, сколько интересного и ценного для своих этнографических коллекций вывезут из Китая иностранцы и особенно немцы. У нас отделения Китая и вообще азиатского Востока нет, но следует ли отказываться от любезного дара любознательного офицера, делающего это даже скрывши свое имя? Если бы впоследствии вещи эти оказались у нас излишними, то легко будет передать их в другой какой-нибудь музей, в обмен на материал нам нужный. В Румянцевском, например, музее есть богатая коллекция гипсовых отливов с античных гемм и небольшое собрание греческих и римских монет, стоящие одиноко и без всякого употребления. Военский начальник извещает, что провоз от Одессы до Москвы будет за наш счет.

В Университете какое-то особенное затишье; студентов в канцеляриях и у казначея, который ждет приема денег<sup>2</sup>, совсем не видно. По коридорам циркулируют слухи о каких-то приготовлениях к студенческим демонстрациям<sup>3</sup>. Господи, как все это надоело и какую пошлую физиономию принимает наше юношество, совсем ведь не учащееся за этими «забастовками, сходками, демонстрациями». Какие, например, врачи будут выходить после так мило проведенных студенческих лет? Им жаль поручать не то что судьбу больного человека, но и лечение кошки.

### 214. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 января

19 января 1901, Москва

Вчера я ошибся, написавши Вам, что из Порт-Артура прибыл для нашего Музея в Одессу один ящик; ныне я перечитал бумагу и увидел, что вместо числа 1 стоит там 4. Интересно, что-то дадут нам эти 4 ящика.



Ныне я виделся с инженером Листа<sup>1</sup>, который сообщил мне, что управление Уральским горным округом отдало приказ оказывать всевозможное содействие нашему Музею в деле изыскания и приобретения мраморов по всему Уралу: все не отданные участки предоставляются в полное распоряжение Листа для целей Музея. Поверенный Листа<sup>2</sup> теперь горюет, зачем они дали Быховскому 10 000 руб. за право ломки камня, так как оказывается, что своими участками Быховский, собственно, и не владеет, а только заявил намерение иметь их для эксплуатации. Формально они и не числятся за ним.

Слух о Вашем заказе пронесся по всему Уралу, вследствие того разные «собственники» казенных участков засыпают теперь Листа предложениями ломать камень на «их» участках. Счастье Быховского, получившего у Вас 5000 руб. в подарок или награду и 10 000 руб. от Листа за право выломки 400 000 пудов [6,55 тыс. тонн] белого мрамора, по словам моего собеседника, вскружило головы таким же потенциальным арендаторам казенных гор, как и Быховский. Не имея ни денег, ни умения начать надлежащее дело, они выжидают случая сдать свои участки другим – и вот теперь бомбардируют Листа.

Лист за границу и возвратится не раньше первых чисел февраля. Он должен привезти с собой отполированные колонки тех каменоломен, которые осмотрит сам. До сих пор уже набрался целый ассортим[ент] таких колонок в его конторе. Ныне Раттенок показывал мне эти образцы, прибывшие из Швеции и Венгрии: некоторые из них красоты замечательной. А одна порода, темно-розового цвета, представляется прямо удивительной: Большому залу она придаст прямо царственный вид<sup>3</sup>.

Стачка рабочих у Листа повела к тому, что выписываются к Пасхе 100 человек итальянцев, русским же рабочим Лист дает другие работы. 40 вагонов камня придут к тому же сроку<sup>4</sup>. В теперешние буряны на Урале идет вырубка камней по данным размерам. На будущую зиму рабочие Листа посядутся в подвалах Музея<sup>5</sup>.

## 215. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

24 января

24 января 1901, Москва

А наш синодик умерших сочленов все увеличивается. Сейчас прочел газетное извещение о кончине почтенного по репутации своей, и как человека, и как общественного деятеля, Ивана Карловича Прове. Мир его доброй душе! Для Комитета тяжка эта утрата, потому что И.К. так просто, так скоро, не заставивши себя просить, вошел в нашу среду при зарождении

нашего учреждения и в первое же его заседание взял на себя стоимость библиотечной залы Музея. У меня была надежда, что в свой черед, когда помещение будет готово, он подарит библиотеке хорошие шкафы и остальную мебель – прочную, изящную. Но этой надежде не пришлось осуществиться. Надобно устроить представительство от Комитета на его погребении.

Сейчас подали объявления от Гергарда и Гея о поступлении в здешнюю таможную посылки А.Г.Подгорецкой из Флоренции. Это – первые образцы дела Роббиа, которые она там приобрела для Музея. Интересно будет вскрыть эти два ящика.

Последние недели я отдаю составлению очерка истории греческой архитектуры и скульптуры для студентов и студенток. Последних подписалось на это издание 130 душ. Сначала выпустим литографический текст, принявши для иллюстраций превосходный, только что вышедший у Seemann'a в Берлине и Лейпциге атлас: «Kunstgeschichte in Bildern»\*. В 5 выпусках он обнимает всю историю искусства с Египта до начала XIX в. Рисунки большие, отлично исполненные цинкографией. Лучшего атласа, чем этот Seemann'овский, составленный несколькими специалистами, нет в Европе. Он заменил у Seemann'a прежнее его же издание «Kunsthistorische Bilderbogen»\*\*, устаревшее и менее привлекательной внешности. Это же – такая прелесть, при большой дешевизне!

## 216. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

25 января 1901, Петербург

Венок возложить непременно следует на гроб глубоко уважаемого Прове  
НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

## 217. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

26 января

26 января 1901, Москва

Получивши Вашу депешу, я заказал венок Ноеву и через час он будет возложен на гроб Ивана Карловича в церкви Св[ятых] Петра и Павла<sup>1</sup>. Представителями будем я и Трескин. Вчера я был на вечерней панихиде, совершавшейся православным духовенством, при чудном пении хора. Хор провел всю службу на минорных тонах – и эффект был удивительный. Дом был полон, стояли и по лестнице; немцы, которых было очень много, видимо были тронуты этим величавым пением и всюю православною стороною службы.

\* «История искусства в иллюстрациях» (нем.).

\*\* «Иллюстрации по истории искусств» (нем.).

В лютеранстве много рассудочности, много философии, но чувства, но поэзии в нем нет. Вот почему русские немцы считают нужным призывать наше духовенство, как в данном случае, где иноземная речь слышалась более русской между собравшимися. Из знакомых я встретил там С.И.Щегляева. Здесь я должен прервать письмо: переехать на Маросейку; через минут 40 процессия с Новой Басманной прибудет в церковь.

Пожелавших отдать последний долг покойному было так много, что весьма поместительный храм оказался недостаточен. А венков, и больших, и малых, и очень роскошных, и простых, было 9 колесниц, которые, неразгруженные, и стояли в ограде церкви, куда внесены были один серебряный и несказанно пышные, от семейных. Город был представлен кн. Голицыным, Университет мной, Государственный банк управляющим Малевинским<sup>2</sup>, ведомство благотворительных учреждений Яковлевым<sup>3</sup> и Мин[истерст]во финансов тремя чинами. Нас всех поставили в какую-то нишу, сделанную из пальм и декоративных растений, ради нашего звания и декораций\*. Вся финансовая знать Москвы была тут налицо, оттого надгробное слово говорилось одно по-немецки и потом по-русски с несколько измененным текстом. Погребальное служение лютеран не может идти ни в какое сравнение с нашим: сухо-холодно.

## 218. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

*1 февраля 1901, Москва*

Петербург Сергиевская 30 Гофмейстеру Нечаеву-Мальцову.

Петербургский университет возвел меня почетные члены за труды по Музею Александра III<sup>1</sup>. Широкою славу и блеск сего предприятия создали Вы колоссальною щедростью. Вам первому несу я весть о высоком почете и беспредельную признательность.

Профессор ЦВЕТАЕВ

## 219. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

*2 февраля 1901, Петербург*

Сердечно поздравляю с новым почетом университета усердному труженнику которого мысли обязан наш музей возникновением

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

\* Т.е. мундиров и регалий.

## 220. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

3 февраля

3 февраля 1901, Москва

Приношу Вам сердечную признательность за депешу, слова которой своею искренностью меня и семейных моих глубоко тронули. Сочувствие Ваше высокому почету, которым удостоила меня моя *alma mater*\* после 30 лет моей посильной деятельности вдали от ее очей, мне несказанно дорого как ободряющий и одобрительный голос горячего пособника и колоссально щедрого покровителя идеи, давно складывавшейся во мне, но нашедшей нечаянно-блистательное воплощение только с той незабвенной для меня весны 1897 г., когда Вы так просто и с такими широкими и яркими перспективами подошли к скромно задуманному делу. Вся последующая высокая репутация предприятия и в царской семье, и в московском обществе, и по разным, даже дальним, углам России создана и поддерживается увлеченным покровительством Великого Князя и Вашей любовью и Вашей щедростью, которые росли и растут по мере течения работ и времени. На такую высоту дело Музея, обещающего быть видным соперником однородных учреждений во всем остальном мире, в Европе и Америке, поставили и ставите Вы, Юрий Степанович, этим широким размахом, этим высоким полетом Вашей чисто русской, я бы сказал – центрально, московско-владимирско-рязанско-русской души, которая для лучших целей, для хорошего, патриотического дела, раз увлеченная, не знает и не признает ни преград, ни помех. Я глубоко, я несказанно счастлив высоким счастьем стоять подле Вас в деле, которому подарили Вы Вашу любовь и чисто юношеское увлечение. Мне ли, ближайшему Вашему сотруднику, не видеть, как росла и разгоралась Ваша симпатия к новому Музею, как одна большая дума у Вас сменялась другою, один порешенный план уступал место другим, не менее грандиозным и не менее материально-дорогим, задачам? Сначала Вас занимала каменная облицовка здания и на[д] ней долго работала Ваша мысль; но раз Вы сдали это дело подрядчикам, этот вопрос как бы перестал существовать для Вас. Ваши заботы сосредоточились на мраморном фризе и на цветных мраморах, а в последнюю зиму Ваша мысль уже ищет новых задач и новых перспектив для дальнейшей работы. Вы заговорили о живописных декоративных фризах для зал и об ожиданиях Ваших заказов этого рода Семирадским<sup>1</sup> и Каразиным – и не нужно быть пророком, чтобы видеть, что придет время, когда очередные работы будут Вами сданы и когда они получат практическое течение, – сношения с лучшими живописцами и

\* родной университет, букв. кормящая мать (*лат.*).

декораторами увлекут Вас всего, пока не наладите Вы и этого большого и блистательного дела. Так беспокойна, так неугомонна Ваша мысль и воля, глубоко задачей порабощенные. При таком счастье, что значат мои «усердные труды», о которых бы любезно говорите? При таких условиях, какие мне здесь выпали на долю, работа – великое наслаждение, от которого никогда не устанешь. Вот почему мне так теперь хочется жить, так велика во мне жажда видеть предприятие, сделанное Вами грандиозным и необыкновенным, – в свой черед законченным. Этот храм искусства, как называют наш Музей, будет потом долго-долго говорить в рядах грядущих поколений о Вашем великодушии – наряду с дивными Божиими храмами во Владимирской и Рязанской губерниях. В этих созданиях Вашей щедрости и Ваших жертв залог Вашего бессмертия, насколько можно говорить о бессмертии смертных и дела рук человеческих... Возвращаясь к высокому почету, оказанному мне Петербургским университетом, и к дорогому для меня Вашему привету, я почерпаю в них новый источник энергии для совместного продолжения дела.

Ныне я виделся с Р[оманом] И[вановиче]м, уезжающим на неделю в Бреславль к своей семье, которая живет там из-за операции их гувернантки. Он показывал мне строительные чертежи на будущий сезон, систему железных стропил, которые Бромлеи уже ставят на место, и рисунок пола наружной колоннады для Брусова. Пол самый простой, шашками в аршин, если я не ошибся в циркульном измерении, которым я занимался, пока он должен был беседовать с каким-то приехавшим к нему французом. Поиски Листом цветных монолитов произвели на Западе большой эффект в каменно-промышленных кругах. И к Листу, и к Клейну начали поступать многочисленные предложения и образцы колонн. Р.И-ч думает устроить Листу конкурс с другими поставщиками, из Карпат, чтобы не стать в зависимость от одного его, при установлении цен. Его увлекает поставщик монолитов, как и самые монолиты на здании парламента в Будапесте<sup>2</sup>. Раттенек прислал счет в 25 000 р. за леса, но Р.И. не намерен подписывать его, пока не навезут они достаточно камня. Демосфенов просит Вас послать его в марте на Урал – узнать, что же там делается. Быховский донес, что дела Листа там плохи... и он снова предлагает свои услуги.

## 221. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

*20 февраля 1901, Петербург*

Завтра среда надеюсь быть Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

**222. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

21 февраля

*21 февраля 1901, Москва*

Мне очень грустно, что простуда лишает меня возможности приехать к Вам. А я так сильно и давно желаю видеть Вас и советоваться с Вами. Последнее время я не писал Вам, переживая большое семейное горе: умер мой младший брат, здешний педагог, от крупозного воспаления легких, осложненного слабостью сердца. Желая положить его на родном погосте, рядом с родителями, я свёз его тело в Шуйский уезд<sup>1</sup>.

Сам я был здоров еще третьего дня, когда представлялся Великому Князю, от которого получил приглашение быть у него на этой неделе еще раз – лишь не в среду и не в пятницу<sup>2</sup>. Опасного нет ничего, только сильный насморк да изменился голос, но семейные не пускают меня из дому. Я был бы очень счастлив, если бы, проезжая по соседству, Вы посетили меня. Я сяду от Вас подальше и простуды своей Вам не передам. Когда Роман Иванович будет у Вас, будьте добры прислать его ко мне. По возвращении моем из Владимирской губ. я его не видал.

**223. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

24 февраля

*24 февраля 1901, Москва*

А.Н.Демосфенов обратился ко мне с просьбой ходатайствовать пред Вами по следующим двум вопросам. 1) Ввиду истечения суммы, назначенной ему Вами по званию 2-го техника Строительной комиссии, он почтительнейше просит Вашего распоряжения С.И.Щегляеву о высылке на имя казначея Университета 900 р. на следующий год. 2) Ввиду возможных хлопот его в Екатеринбурге пред начальством горного округа об отводе нового участка или нескольких участков для ломки камня, ему, при подаче официального заявления об этом, придется уплатить установленные суммы. Для поездки на Урал средств у него нет; ему хотелось получить Ваше на сей предмет пособие до отъезда из Москвы. На путевые издержки и уплату пошлин по приобретению земельных участков он почтительнейше просит у Вас тысячу (1000) руб., под отчет. Не имея права, по моему званию секретаря Комитета, отказать ему в сих двух просьбах, я почитаю своим долгом почтительнейше доложить Вам о них. 3) Третья, также денежная, моя просьба касается уплаты за коллекцию «микенских древностей» г. Жильерону или той гальванопластической фабрике в Виртемберге<sup>1</sup>. Коллекция послана нам целиком и, вероятно, находится уже в здешней складочной таможене. Не разрешите ли, по получении

ее в Университете, прислать счет С.И.Щегляеву для перевода платежа за границу? Если мне не изменяет память, коллекция стоит около 2300 марок.

## 224. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

26 февраля

26 февраля 1901, Москва

Зная, как увлечет Вас в Афинах собрание надгробных стел, в таком изобилии собранных в Национальном музее<sup>1</sup>, а равно превосходные стелы, стоящие до сих пор и охраняемые рамами на самом Керамике<sup>2</sup>, посылаю при сем лучшие листы из классического издания аттических надгробных рельефов, Alexander Conze. Attische Grabreliefs\*. К сожалению, здесь не все лучшие памятники; например, я не могу Вам послать знаменитый горельеф памятника Дексилея<sup>3</sup> – юноши на коне, не могу послать и трогательного горельефа с изображением старика-отца или деда, с грустью смотрящего на, очевидно, умершего сына или внука, представленного здесь во всем цвете юношеского возраста, красоты и сил<sup>4</sup>. Эти дивные горельефы иметь надобно. Но и в числе [посылаемых] есть чудесные вещи, наприм[ер] этот памятник Негéсо<sup>5</sup>, красавицы-женщины, рассматривающей драгоценные украшения, которые она при жизни, очевидно, так любила. Не помню, перенесен ли этот прославленный памятник в Национальный музей, но формы с него у Каввадии, издавшего каталог изготовленных им в качестве главного эфора\*\* древностей гипсов, есть. Но, конечно, и Королева эллинов, и Каввадия окажут Вам всякое содействие: таких посетителей, как Вы, и таких широких запросов на приобретения лучшего, чем гордятся Афины, бывает в Греции очень мало. Большинство западноевропейских археологов пробавляются при этом уже готовыми формами, хотя бы и истрепавающимися.

Первый зал в Национальном музее заключает в себе целую серию так называемых Аполлонов архаической поры. Они по форме – ужасны, но трючку или пяточек иметь нужно: 1) Орхоменского, 2) Ферского, 3) из Фив, с руками уже несколько отставленными от боков, но скрепленными еще штифтиками, и так называемого «Аполлона на омфалосе»<sup>6</sup> последней поры архаизма. Но Ваш собственный глаз и советы Wolters'a, специалиста по греческой скульптуре (2-й секретарь Н[емецкого] арх[еологического] института в Афинах), и Dörfeld'a укажут Вам все достойное приобретения лучше всякого другого. Ныне постараюсь быть до Вашего отъезда.

\* Александр Конце. Аттические надгробные рельефы (нем.).

\*\* надзиратель (грек.).

## 225. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

6 марта

6 марта 1901, Москва

Не будучи завистливым от природы, я, прощаясь с Вами в вагоне жел[езной] дороги, завидовал Вам в этой решимости оставить все дела, все другие интересы, которых у Вас так много, чтобы ради Музея пуститься в новое, далекое и опять, как в 1898 году, необычное и нелегкое путешествие. Этот новый акт высокого понимания и идеального исполнения долга, притом добровольно, ради лишь целей и соображений высшего порядка на себя принятого, меня в день Вашего отъезда и чаровал, и поднимал на зависть: почему у меня, при всем увлечении Италией и Грецией, нет возможности все на время остановить и все порвать, чтобы видеть и Рим, и Афины в чудные дни там теперь распускающейся весны? Дела и отношения опутали меня, и на этот год нет у меня свободы для путешествия, которое принесло бы пользу и мне, и Музею.

Получил я письмо от Софьи Степановны. Она грустит по Вашем отъезде, который приписывает тому же чувству, о коем говорил я выше, той же неугомонной идее долга, созданного Вами себе с принятием руководства в деле Музея. От нее же лежит в эту минуту предо мною депеша с разрешением возложить от Вашего имени серебряный венок на гроб Н.П.Боголепова. Медицинские усилия не спасли этого рыцаря без страха и упрека от действия злодейской пули. Он скончался 2 марта, сохранив почти до последней минуты ясное сознание. Угасавшего министра-мученика за несколько дней посетили Государь, обе Государыни<sup>1</sup> (здесь обращают особое внимание на то, что государыня Александра Феодоровна, в ее положении<sup>2</sup>, поднималась в 3-й этаж квартиры, при отсутствии лифта в доме), наследник, Великие Князья. Если вспомнить, что Государь выбрал в министры сына полицейского пристава из семинаристов, если Александр III имел министром финансов Вышнеградского, прежнего семинариста, если Николай I возвел в графское достоинство Сперанского, то как несправедливы толки, что наши цари окружены тесным кольцом аристократической знати<sup>3</sup>. И у нас выдающимся дарованиям такая же широкая дорога к высшим постам в государстве, как и в любом конституционном государственном строе.

Из Петербурга приходят с каждым днем всё новые и новые министры народного просвещения: Ковалевский, Таганцев, Сергеевский (профессор и статс-секретарь), Сонин, фон-Анреп, Лобко, Петров, Зверев, Великий Кн[язь] Константин<sup>4</sup>. Сейчас еду на Брянский вокзал – встретить тело Николая Павловича: вместе с почившим министром привезут еще пары две ему



преемников. Как обаятельна власть, даже при трагическом исходе, как всем хочется поставить своего человека в министры...

## 226. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

8 марта

8 марта 1901, Москва

Мне было очень приятно узнать из письма С.И.Щегляева, что мысль моя возложить от имени Вашего венка на гроб Николая Павловича понравилась Софье Степановне, написавшей о том Сергею Ивановичу. Венок мною возложен вчера во время литургии или собственно панихиды, перед самым выносом. Что разрешение Софьи Степановны мною исполнено, доказательством тому служит прилагаемый при сем отчет о погребении<sup>1</sup>. Венок мы с женою выбрали у Овчинникова<sup>2</sup> очень изящной формы и отчетливой работы. По предложению Овчинникова, он был окружен зеленью – лаврами и пальмами. Великий Князь был и на встрече, и на погребении; сам нес гроб<sup>3</sup> и был все время очень печален. В покойном он лишился человека, которого он очень уважал за его замечательную корректность в действиях и личных сношениях, одинаковую и с лицами Царского дома, и с простыми подчиненными и просителями. Такое спокойствие тона, которым отличался Н.П., было даром природным. Я знал его таким уравновешенным 23 года назад<sup>4</sup>, когда мы были с ним доцентами и читали лекции в одни и те же часы, а потому и встречались постоянно в профессорской.

Число будущих министров просвещения все растет: называют здешнего голову кн. Голицына, Победоносцева и Кони<sup>5</sup>, рассказывают, что Государь призывал Зверева и предложил министерский пост ему, но что Ник[олай] Анд[реевич] умолял Государя избавить его от этой ноши и просил о разрешении возвратиться на прежнюю кафедру.

Об ужасах поведения петербургской молодежи 4 марта на Казанской площади и – *horribile dictu\** – в самом соборе Вы уже, конечно, знаете из писем. Что за гнусное, ужасное время мы переживаем! Где просвет из этого общего помрачения молодых умов, какая реформа упорядочит это страшно взбаламученное море?<sup>6</sup> Какой нужен министр, который бы справился с этой задачей?

Ныне получен мною Ваш пакет из Вены с письмом Королевы элинов к Его Высочеству. Ныне – четверг, по пятницам и средам в Великом посте Великий Князь предупредил меня не приходить; представляю в субботу.

\* страшно сказать (*лат.*).

**227. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ**

Афины, 13 марта 1901

13 марта (ст. стиля) 1901, Афины

Многоуважаемый Иван Владимирович.

Рассчитывая на Вашу обязательность, прилагаю к сему каталог гипсовых отливок Национального здешнего музея<sup>1</sup>, с просьбою телеграфировать мне сюда, *hôtel Angleterre\**, номера предметов, отливки которых желательно бы иметь в Музее нашем. Почта пройдет слишком долго, по возвращении разочтемся. Прошу не стесняться длиною телеграммы.

Весь Ваш НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ.

Каталога новее нет.

**228. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

17 марта

17 марта 1901, Москва

Скопление неисчислимых дел, которые приносил каждый день, в последнее время препятствовало Великому Князю принять меня с докладом по Музею. Потому им был назначен мне прием в среду<sup>1</sup>, когда в Пост обыкновенно посторонних лиц у него не бывает. Его Высочество был свободен и в хорошем расположении духа; он много расспрашивал о Вас и Вашем путешествии, удивляясь энергии и увлечению, полагаемым Вами на дело Музея. Размышляя, где бы Вы могли быть в тот день, я высказал предположение о возможности путешествия Вашего по Арголиде – с ее Микенами, Тиринфом и Аргосом, этими седалищами древнейшей культуры во всей Европе<sup>2</sup>. Великий Князь, переносясь мыслью в Грецию и к своему в ней давнишнему пребыванию, сказал: «Если только не испортит дело погода, как хорошо теперь там Юрию Степановичу и как я завидую ему!»

Завидовать Вам в этой свободе передвижений по интересной стране в такое время, когда здесь с утра до вечера и стар и млад заняты разговорами о студентах, городских, казаках и ни о чем другом, более утешительном, действительно можно. Ныне обнародовано объявление запрета всяких незаконных уличных скопищ<sup>3</sup> – с предупреждением о наказании трехмесячным арестом или о взыскании денежного штрафа до 500 руб. Очень сильное впечатление произвел по Москве «строгий выговор, объявленный Его Величеством члену Государственного Совета генерал-лейтенанту кн. Вяземскому»<sup>4</sup>. Говорят о неизбежном для него выходе из Совета.

\* Гостиница «Англия» (фр.).

Глубокая тьма и безнадежность настроения обезумевшей молодежи высших учебных заведений, должно быть, так наскучила Великому Князю, что он с особенным удовольствием беседовал о Музее, расспрашивая, что делается там теперь, когда выложен будет цоколь гранитом, какие цвета Вы выбрали для внутренних колонн, как идет подвоз камня с Урала. «Нам нужно молиться, чтобы Юрий Степанович был здоров, тогда Музей будет кончен и в чудной форме», – между прочим говорил он.

Подвоз камня начался; Лист был у меня и уверял, что с Фоминой<sup>5</sup>, когда он сам надеется быть на Урале, будет отправляться каждый день по 2 вагона – и обещанные им 200 вагонов на летний сезон будут доставлены аккуратно. Только жалуется он на козни Быховского, не дающего ему ломать камень в какой-то карьере, где есть несомненные залежи больших кусков белого камня, каких не существует в его, Листа, собственной карьере. Быховский требует почему-то 4000 руб. за эту карьеру, тогда как, по уверению Листа, п[ункт] 2-й контракта<sup>6</sup> ему дает право эксплуатировать и эту карьеру (или карьер?) без всякой платы. Я просил Георгия Адольфовича хотя на дуэли подраться с Быховским, но не останавливать ломку и подвоз камня. Лист обещал камень там ломать и потом решить спор судом. Но в то же время он подал жалобу на Б. в Строительную комиссию<sup>7</sup> Музея и копию с этой бумаги сообщил мне для доклада Вам и Его Высочеству. Я посоветовался с Клейном, который того мнения, что Строительной комиссии тут делать нечего, что это дело исключительно личное между Листом и Быховским.

Третьего дня я был на стройке: там идет ужасный грохот по укладке и приспособлению железного покрытия. Стук такой, что нельзя было вести разговор с сопровождавшим меня десятником. Покрытия уложены на половине заднего корпуса и на части, идущей по переулку против «Княжого двора»<sup>8</sup>. Теперь уже видна высота зал 2-го этажа: вид Римского зала и зала Средних веков, здесь находящихся, выходит чрезвычайно импозантным, напоминая два чудные зала Русского музея Александра III в Петербурге. Высота – около 12 аршин [8,534 м] до стеклянного потолка: места для фриза с декоративными картинами будет довольно. Гуляя по этим двум первым залам, теперь ясно обозначившимся, я думал: как одна задача влечет за собой другую! Настилка железных переплетов для стеклянного покрытия определила для глаза высоту зал, – и она является такою, что только декоративной живописью под потолком мы можем избежать того утомительного вида пустых стен над статуями, который столь неприятно действует в здешнем Историческом музее с его пустынными верхами стен в огромном большинстве зал. Не напрасно, видно, ждет Вашего обращения к себе Ваш римский приятель «Генрих», очень хорошо знающий, что руин и видов

Рима Вам никто ярче не напишет<sup>9</sup>. Да только и из-за его иллюстраций римских развалин публика после станет ломиться в Музей.

Где-то Вы теперь? В Дельфах, в Элевсине, на афинском Акрополе?<sup>10</sup> Какие чудные места и великие воспоминания!

### 229. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

6 апреля

25 марта 1901, Москва<sup>1</sup>

Veillez acquerrir N<sup>o</sup>N<sup>o</sup> 2 3 4 5 10 11 12 13 15 19 22 25 28 51 5[4] 56 58 59 60  
61 65 66 69 74 75 76 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89

Grands remerciements Zvetaieff\*

### 230. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

25 марта

25 марта 1901, Москва

Ныне я получил Ваш пакет с каталогом гипсовых слепков греческой скульптуры, делаемых в Афинах. Пакет шел до Трехпрудного пер. из Афин 12 дней, очевидно, залежавшись в московском почтамте, где его вскрыли как содержащий брошюру. Ныне же послал Вам депешу с N<sup>o</sup>N<sup>o</sup> гипсов, необходимых для Музея. Примите, Юрий Степанович, мою горячую признательность за это великодушное разрешение Ваше обозначить предметы, которые украсят Музей наш, явившись к тому же впервые в Россию. За исключением 2-3 N<sup>o</sup>N<sup>o</sup>, все остальное обязано своим прибытием в наше отечество Вам и будет в истории нашего учреждения связано с Вашим именем.

Как жаль, что с 1893 года<sup>1</sup> число форм в государственной мастерской гипсовых слепков не увеличилось. Прежде гипсов в Афинах отливалось несравненно больше, но мастерская принадлежала итальянцу<sup>2</sup>, который, умирая, завещал все формы итальянскому правительству. Это последнее долго держало собрание форм сначала в Палермо, потом собиралось перевезти в Рим, и где валяется оно в настоящее время, не известно. А там было много драгоценных предметов. Каввадиа, очевидно, сообразовался с этим собранием и не внес в свое даже «Аполлонов» из Орхомена и Феры, этих забавнейших болванов архаической поры греческого ваяния<sup>3</sup>. Будьте добры заказать их вместе с остальными N<sup>o</sup>N<sup>o</sup>. Кроме того, Ваше личное впечатление подскажет Вам, что интересно и важно и для большой публики, и в научном отношении, как необходимые звенья в цепи.

\* Благоволите приобрести N<sup>o</sup>N<sup>o</sup>... Весьма благодарен Цветаев (*фр.*).

Ах, как я завидую и завидую Вашему счастью гулять по божественному Акрополю с его священный трепет возбуждающими руинами, пред которыми развалины языческого Рима так фрагментальны и так немые для восстановления целого. Как я завидую Вашему счастью тихо бродить по Национальному музею, в особенности в отделе его надгробных стел, часто так сильно действующих на сердце их нежным, меланхолическим характером, при изяществе их форм.

14 числа была у Великого Князя со мной продолжительная беседа о Вас: несомненно, он привязался к Вам; Ваше увлечение Музеем, Ваши работы, Ваши путешествия, Ваша щедрость без границ привязали его симпатию к Вам.

Министров народного просвещения по паре родит каждый день. Вчера говорили между прочим о Нарышкине, ныне – о кн. Шаховском<sup>4</sup>.

### 231. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

27 марта

27 марта 1901, Москва

Не знаю, где догонит Вас это письмо – в Греции или в Италии: Вы в эти дни ведете такую подвижную жизнь, осматривая разные области и города поэтической Эллады. Строительная комиссия Музея, собиравшаяся на этих днях два раза, много интересовалась Вашим путешествием, переносясь мыслями и мечтами к Вам и в Дельфы, и в Афины, и в Пелопоннес. В минувшую субботу, 24 марта, мы сошлись на стройке для осмотра работы Бромлеев по прокладке железных стропил и ферм и для ознакомления с высотой зал, теперь совершенно выяснившегося. Как импозантны залы Римский, Средних веков и эпохи Ренессанса! Заседание устроено было в конторе с целью осмотра цветных колонок, в большом количестве доставленных Листом и, кажется, из Будапеста. Цвета некоторых сортов просто чудные по красоте: колонны с капителями темной бронзы будут и монументальны, и необычайно изящны в одно и то же время.

Великий Князь, узнавши, что Лист привез превосходные образцы цветных мраморов, пожелал видеть их; Клейн и хотел было везти их к нему, но я посоветовал подождать Вашего возвращения: это монументальное украшение лестничной клетки и Центрального зала – Ваша личная идея, Ваше желание, и эти колонны, и эта облицовка цветной лещадкой стен лестницы – Ваш дар Музею. Как же представлять цветные мраморы Его Высочеству без Вас? Все, чем должна была ограничиться Комиссия в силу данного ей Вами поручения, заключалось лишь в том, чтобы, при помощи техников, выбрать сорта мраморов более прочные и, общим судом, наиболее изящные.

То и другое сделано, постановления записаны в протокол с поименованием №№, под которыми значатся присланные образцы, и обозначением их специальных названий.

Когда Вы благополучно возвратитесь в Москву, эти образцы будут доставлены Великому Князю – и Вы с Его Высочеством установите окончательный выбор. Клейн просит, чтобы колонны были поставлены по лестнице в 6 месяцев, что и обещает Лист.

Все мы с нетерпением ожидаем программы действий нового министра и назначения ему двух товарищей!<sup>1</sup>

### 232. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 марта

29 марта 1901, Москва

Вчера был у меня Лист с просьбой сообщить ему названия сортов цветного мрамора, избранных Строительной комиссией для представления Вам и Великому Князю. Отлагая окончательное определение цены за колонну избранных мраморов до Вашего приезда, он желает к Вашему возвращению получить с ломок определение крепости каждого сорта. Ему доставили уже готовые колонки, полированные; послать их к Белелюбскому или в здешнее Инженерное училище он не может, – придется поэтому ему запросить на счет прочности камней конторы ломок. Комиссия остановилась на темно-розовом сорте из Южной Венгрии и на двух молочных цветах из Северной Италии, с о-ва S.Girolamo в Адриатическом море, недалеко от Fiume, и с Cava Romana\*, близ Набрезины. Название последней копи основано на том, что из этих ломок брали мрамор еще древние римляне и увозили его к себе для своих сооружений.

Слух о выставленных в конторе стройки Музея Ваших цветных мраморах распространился по Университету – и ныне Рыбников сказывал мне в церкви, что оттуда ездили на Колымажный двор посмотреть на эти великолепные образцы. Великолепным Вашим даром Вы для Москвы воскресили время построения и украшения мраморами храма Спасителя. Ныне профессорский кружок после причастия, собравшись в углу церкви, вспоминал Вас и Ваше говенье в 98 г. у нас и сравнивал тот высокий тон, какой Вы дали Музею, с другими учебно-вспомогательными учреждениями Университета. При этом высказана была мысль, что в истории Московского университета такая художественная и богатая постройка – первая, да едва ли и не последняя: так все удивительно в этом Музее, – и его внешность

\* Сан Джироламо; Фьюме; Кава Романа, букв. «Римская копь» (итал.).

монументальная и изящная, и это внутреннее убранство цветными колоннами и лещадью.

Другая *nouvelle du jour*\* – назначение ген[ерала] Ванновского к нам в министры. Все недоумевают, зная, что ему 79 лет и какую печальную картину представляет внутренняя жизнь высших учебных заведений, упорядочить которую коренною реформой призвал его Государь. Даже если бы он и совсем освобожден был от забот по управлению учебным и учебным делом министерства, с поручением их особому лицу, то одна административная сторона высших учебных заведений ляжет тяжелым бременем на силы 79-летнего старца. Главная задача здесь не в том, чтобы придумать те или другие меры, а в том, чтобы провести их последовательно в жизнь, а для этого нужно прежде всего время и время. Зло пустило глубокие корни, и на извлечение последних потребуется много сил и труда. Все стоят в недоумении перед трудною проблемою, как справится престарелый государственный человек с этим подвигом, для которого нужны силы Геркулеса. Но, быть может, Господь явит в этом ветхом теле Свою великую мощь. Не без предварительной думы Государь всенародно почтил старейшего сановника сердечным к нему обращением за помощью. Несомненно высшие, до сих пор нам неведомые, соображения побудили Государя на это пока всех прямо поражающее своею неожиданностью назначение.

Где Вы? Когда возвращаетесь в Россию?

### 233. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

1 апреля 1901, Афины

Алиф[ос] анести\*\* желаю успеха вам вашим и общему делу

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

### 234. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

13 апреля\*\*\* 1901, Неаполь

Exepte List l'offrez Voerfel' Petersbourg marbres Olonetz très beaux

Netschajef-Malszoff\*\*\*\*

\* новость дня (*фр.*).

\*\* Воистину воскрес (*грег.* αληθως ανεστη). В телеграмме эти слова, как и весь текст, даны латиницей.

\*\*\* Указана дата получения телеграммы в Москве по старому стилю.

\*\*\*\* Кроме Листа предложите это Фёрфелю Петербурге Олонецкие мраморы очень хороши. Нечаев-Мальцов (*фр.*).

**235. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

18 апреля

*18 апреля 1901, Москва*

Как бы хотелось мне сказать Вам в эту минуту: «С приездом!», конечно, счастливым и радостным. На юге, и в Греции, и в Италии, теперь несказанно хорошо; там наступает уже пора цветения роз, до которых нам еще очень и очень далеко, так что самая мысль видеть их на открытом воздухе представляется безумной. Но не для роз, не для эстетического только наслаждения предпринимали Вы далекое путешествие, не напрасно Софья Степановна рассматривает последнее как особый, ходом музейских дел выдвинутый, акт Вашего увлеченного, энтузиастического труженичества.

Несколько дней, не зная где Вы, я не писал Вам в Афины; возможно, что последнее письмо мое уже Вас там не застало и идет обратно в Россию. Сезон музейских работ разгорается; к обычной стукотне укрепления железных стропил и сбора всех железных частей покрытия присоединилась кладка в правом от входа стеклянном дворике. Ожидается со дня на день находящийся в дороге транспорт камня с Урала и имеющий быть размещенным на нашей площади. Со дня на день ожидается первая партия итальянцев-каменотесов, а газеты уже оповестили о их прибытии, мои дети с гувернанткой будто бы уже и видели их на улице: «Такие-де эти итальянцы смешные». Надобно думать, что они видели каких-нибудь нищих болгар или славян Червонной Руси!

Телеграмму Вашу из Неаполя я получил, и на следующее же утро я сообщил ее Клейну, который сейчас же отдал распоряжение относительно сношения с Voerfel'ем по вопросу об олонецких цветных мраморах. Сейчас прочел в газетах, что R[оман] И[ванович] представлялся Великому Князю вчера; он сказывал, что получил приглашение. Вчера же из Румянцевского музея я заходил на стройку, думая его там встретить; но не видал его. Рерберг уже ходит на работы, скоро и совсем переселится. Лист просит поместить его итальянцев в подвальном этаже; из-за этого начали делать своды по балкам в подвалах боковых сторон здания. Ожидается подвоз гранита для облицовки цоколя главного фасада. Демосфенов уехал на Урал вместе с Раттенком. К 1 мая мы получаем 25 вагонов мрамора. Отдохните с дальней дороги и жалуйте к нам.

**236. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

21 апреля

*21 апреля 1901, Москва*

Voerfel из Петербурга приезжал с образцами олонецких мраморов к Клейну сам и оставил у него целый ящик разноцветных плиток. Мраморы прямо чудные. Некоторые несколько не уступят заграничным. Одно печаливает



Р[омана] И[ванови]ча: это невозможность получить колонны на лестницу ранее 2-х лет, тогда как из южно-венгерских копей обяжутся представить весь материал через 6 месяцев. Да и цена олонейских колонн выше заграничных намного. Последнее обстоятельство, при желании Вашем украшать Музей отечественными материалами, Вас – я глубоко уверен – нисколько не остановит; но отдаленность срока, когда смерть так деятельно косит в рядах нашего Комитета, – условие очень серьезное. Старшие по возрасту наши сочлены торопят работы, чтобы увидеть открытие Музея: «А то-де умрешь, не выдавши этого красавца». Как тут быть?

Клейн удовлетворил желание Великого Князя видеть цветные мраморы, говорил с ним; показывал ему венгерские образцы и привел ими его в восхищение. «Этак мы совсем разорим Юрия Степановича, пожалейте же его», – говорил Великий Князь, обсуждая с ним стоимость колоннады.

Зная, что Государю доложено было о русских цветных мраморах, Клейн намерен просить Вас разрешить Комиссии избрать такой путь. Олонейские мраморы оставить для Центрального зала, а колонны лестницы позволить выписать из Венгрии<sup>1</sup>. Русские же цветные мраморы, с Урала или из иных мест, употребить на лещадку стен лестницы. Voerfel мог бы тогда теперь же приняться за выломку и обработку мрамора того цвета и образца, какой Вы ему укажете. В два года он успел бы выставить колонны Центрального зала. Колонны же лестницы Клейну нужны, по конструктивным условиям, возможно скоро. При этой комбинации Клейн думает, что обещание относительно отечественных цветных мраморов, по существу, будет исполнено. Но это все расчеты – без хозяина. С нетерпением ждем Вашего приезда. Дел здесь так много.

Доставка белого мрамора с Урала на Колымажный началась. К 1-му мая будет 25 вагонов. Телеграммы Раттенка с Урала утешительны. На днях Демосфенов и он возвратятся в Москву. Отдохните с длинной дороги и жалуйте к нам: какой Вы теперь полный греческих впечатлений и воспоминаний! Каким теплом и увлечением веет от Ваших картолин\* Пестума и Помпей!<sup>2</sup> Я сейчас отправляю их к Великому Князю, который интересуется, где Вы и что с Вами. Такие непосредственные строки ясно говорят о необычайно повышенном настроении Вашем.

### 237. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

24 апреля 1901, Петербург

Искренно благодарю поздравления<sup>1</sup> но похвалы мною не заслужены

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

\* открыток (ит.).

**238. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

25 апреля

25 апреля 1901, Москва

Сейчас предо мной на столе лежит целая коллекция микенских древностей, только что освидетельствованная таможенным ведомством и таким образом поступившая в Музей. И предметы, и исполнение их гальванопластиком производят прямо чарующее впечатление. Здесь яркой позолотой блестят и новые, замечательных форм, чаши и кубки, и большая коллекция перстней-печатей с замечательнейшими, вырезанными на них, сценами и религиозного, и бытового характера (некоторые из них издавна сделались предметом ученого исследования), и дивные по живости и разнообразию рисунка их клинков кинжалы, и длинный меч, и маска шлимановского «Агамемнона», и большое собрание характерных блях и пуговиц. При виде этого микенского «золота» глаза разбегаются. Все предметы в прекрасных, ювелирских футлярах, выложенных внутри темно-синим бархатом. Недостает только серебряной головы бычка с вызолоченными рогами и розеткой на лбу: она у Жильерона еще не готова и будет дослана позднее. Иметь ее мы, конечно, будем: это – такой славный бык. Вся эта коллекция, выложенная на столе Кабинета, ожидает Вас. Я уверен, что и Великий Князь и Великая Княгиня пожелают ее видеть – и Вам придется показывать их. Таких изделий «золотых дел мастеров», живших в Европе лет за 1500 – 1200 до Р.Хр., до Вашего дара в России не бывало. Наш Музей является, благодаря Вам, первым по времени обладателем этого интереснейшего, поучительного и очень изящного собрания, которое со временем, в антикварии, займет особую, «микенскую», витрину.

Телеграмма Ваша из Петербурга говорит о благополучном Вашем возвращении. Теперь мы будем ожидать Вас сюда со дня на день.

Был я на днях на стройке. Мрамор до сих пор возили в форме случайных кусков на завод Листа; теперь оболваненный он привозится уже на площадь. Пока его немного еще здесь. Удивляет меня форма этих кусков – очень выпуклая, даже совсем пузатая, старательно высекаемая, на их задней стороне, прилегающей к кирпичной кладке. Это какой[-то] технический секрет. Рабочий люд потянулся из деревень. Улицы полны им.

Сейчас должен идти на представление новому министру в актовом зале. Приказал ректор явиться в мундирах.

**239. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

1 мая

1 мая 1901, Москва

Каменный вопрос грозит превратиться в каменную болезнь всего нашего предприятия. «Земля наша и велика, и обильна, да порядка в ней нет!» –

приходится говорить и сознавать и поныне. Чудные у нас естественные богатства страны, да взять их русскому или совсем нельзя, или очень трудно. Но явится бельгиец, немец, еврей – и дело пойдет – «на мазах и подмазках», беспрепятственно или с большим успехом.

Чего бы, кажется, Вам, имя и значение которого громки на всю Россию, Вам, вставшему подле Великого Князя Сергея Александровича для руководства делом, которое украсит и нынешнее царствование, и время управления Его Высочества Москвою, чего бы легче получить Вам для этого дела камень из копей, составляющих государственную собственность, копей, как оказывается, не подлежащих, по закону, отдаче в частную аренду и для частного пользования? Ан, не тут-то было. Музей, заложенный Их Величествами и всей Царской Фамилией и носящий имя Александра III, оказывается здесь, в вопросе о камне, в зависимости от некоего Быховского, выкреста-еврея, который, ввиду родственных связей с начальником местного горного округа, добывается теперь в Министерстве государственных имуществ отдачи ему в долгосрочную аренду самых лучших участков для его личной эксплуатации. Теперь он, говорят, грозит остановить наши работы, согнавши Листа с наилучшего участка, им от местного горного управления полученного, хотя бы пока Министерством государственных имуществ за ним не закрепленного.

Вчера мы разговаривали с Р[оманом] И[вановиче]м по этому делу. По его мнению, Быховский, если не остановить, то затормозит нашу постройку может, начавши процесс против Листа за работу на участке, которого отдать он не хочет теперь. До выяснения прав Бых[овского] и Листа может быть судебной властью наложено запрещение Листу эксплуатации этого участка – и мы останемся на этот год без камня. Так как ходатайство Быховского в Министерстве государственных имуществ еще не удовлетворено в окончательной форме, пока земля еще составляет неотъемлемую собственность казны, то, минуя канцелярскую волокиту, нельзя ли Вам, Юрий Степанович, в силу Ваших личных связей, попросить министра Ермолова<sup>2</sup> делопроизводство по контракту Быховского в Министерстве остановить и, впредь до разъяснения этого сомнительного домогательства его, дать местному округу предписание разрешить Вам, как товарищу Августейшего Председателя Комитета Музея, или Комитету беспрепятственную выломку камня в потребном для Музея количестве везде, где камень окажется в том округе для целей Музея пригодным. Если бы имело особое значение наименование спорного участка, то не поименовать ли в предписании министра и этот участок? Есть ли у Вас копия с договора по вопросу о камне? Если нет, то не явиться ли Листу или его поверенному с документами, чтобы покончить этот опасный инцидент с претензией Быховского – до Вашего

выезда из Петербурга на лето и до оставления Петербурга министром Ермоловым?

А. Н. Демосфенов говорит, что если на один месяц задержит Быховский работы Листа на этом, великолепном по свойству камня, участке, то мы останемся при большей потере в кладке и облицовке Музея. Чтобы не быть, при всем внимании к нашему делу Государя и при таком представительстве Комитета Музея, в зависимости от корыстных капризов частного лица, по-видимому, и права не имеющего на пользование государственной землей (Златоустовский округ или уезд, по словам Демосфенова, помечен в законе или правилах как не подлежащий отдаче в частную эксплуатацию!), надобно приобрести нам особые полномочия. А этого достичь можете Вы, Юрий Степанович, скорее, чем кто-нибудь другой. При личных отношениях в высших правительственных сферах, Вы этого добудете скорее всяких письменных сношений. Лишь бы Ермолов послал телеграмму или бумагу горному управлению, предоставляющую Вам или Комитету полномочие добывать камень беспрепятственно повсюду, и избавил бы Вас и Комитет от зависимости, в которую ставит нас какой-то Быховский. Если надобным окажется Вам представитель Листа с документами, то телеграфируйте – и он явится на другое же утро.

Не успели Вы оправиться с дороги, как мы так усердно начинаем злоупотреблять Вашим покоем.

## 240. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

2 мая

2 мая 1901, Москва

Был я вчера у Листа и узнал от него, что Быховский может наслать местную полицейскую власть на его рабочих и, пока разбирается дело тяжбы, таким образом остановит ход работ на необходимом участке в самое нужное время. Как бы обезопасить Музей и от такого исправнического нашествия? Иногда местная мелкая сошка может навредить столько, что и не разберешься. Если министр Ермолов поможет Музею телеграммой или бумагой местному горному начальству, не нужно ли будет написать от имени Комитета отношение уездной полиции в г. Златоуст, чтобы она оказывала не противодействие, а содействие выломке камней? На нашей площади по-прежнему сиротливо лежит только горсточка белого камня. Я спрашивал Раттенека, когда же прибудет следующий транспорт; он уверяет, что несколько вагонов в пути и что 28 апреля должны были послать 12 вагонов. На железную дорогу он, в смысле отправки, не жалуется, но винит разлив реки Ай, помешавший-де более раннему отправлению камня. Факт пока тот,

что к 1 мая обещанных многократно зимой 25 вагонов не поставлено и в пятой доле. Пока, в сущности, на площади камня нет; итальянцы слоняются без дела. Пока готовят для них квартиру и кухню.

Озабочивает Р[омана] И[ванови]ча также вопрос, почему Брусов не шлет сюда рабочих. Не вызовете ли Вы, Юрий Степанович, его к себе и не спросите ли его? Я здесь одного не понимаю. Зимой говорилось, что Брусов будет нынешним летом выкладывать цоколь главного фасада, кроме центральной лестницы. На это, конечно, рассчитывал и Брусов, а теперь Р.И-ч говорит, что по главному фасаду работ ныне еще не будет, а только будут закончены боковые фасады. Нет ли тут неприятности для Бр[усова] в таком перерешении дела? Он прежде был аккуратен в присылке рабочих. Везде идет деятельная стройка, только на Кольмажном застой, за исключением Бромлеев, которые усердно ведут свое дело.

#### 241. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

2 мая. № 2

2 мая 1901, Москва

Газеты оповестили о пребывании здесь министра Ермолова. Предполагая, что его отъезд совпал с прибытием к Вам Демосфенова для доклада о камне, и ввиду опасения Листа насчет противодействия Быховского пользованию лучшим участком, я пошел в «Дрезден»<sup>1</sup> представиться министру и изложить ему, в общих чертах, положение дела. Министр был очень внимателен, сказал мне, что Вы передавали ему Ваши впечатления от Урала и каменных копей. Имя Быховского он припомнил и выразил удивление, что он уже в прошлом году заключал контракты на доставку камня, когда арендатором казенных участков он еще фактически не был. Ходатайство его об аренде прошло в Государственном Совете, по мнению Ермолова, не более 4 месяцев назад. А по словам Демосфенова, до последних дней им и контракт еще не был подписан в Екатеринбурге, в управлении округа. Министр выразил готовность задержать, на некоторое время, заключение с ним казенного контракта, чтобы дать Музею тот участок, из-за которого являлась боязнь у Листа. «Напрасно, – говорил министр, – Юрий Степанович не обратился с самого начала в Министерство; еще 5-6 месяцев назад он и Музей получили бы все желаемое без всякого затруднения и без замедления. А теперь, если только Б[ыховский] успел оформить дело, он будет хозяином положения; контракт связывает и Мин[истерств]о. Если контракт еще не подписан, я задержу дело; но дайте мне бумажку, чтобы я мог сделать распоряжение». Он уезжает из Москвы завтра и не в Петербург. Я, не входя ни в какие драги и не принося никакой жалобы, просил в докладной записке,

если не поздно, задержать телеграммою заключение контракта с Б[ыховски]м, ввиду необходимости иметь один из заявленных последним участников для Музея Александра III в Москве.

## 242. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

5 мая

5 мая 1901, Таруса

3-го числа утром я выехал денька на 3-4 в Тарусу размяться над рытвем гряд и приготовить дачу для своих. В последнее время начали беспокоить меня головкружения, а по прежним опытам я знаю, что лучшее средство против этого – ходьба, свежий воздух и работа заступом в саду и огороде. Вчера, 4-го, здесь был с самого утра и до позднего вечера, день был чудный; можно было и копать, и ходить по окрестностям вволю. Чай пили мы на терраске, – в комнаты и входить не хотелось. Но ныне льет сильный и непрерывный дождь – и прелестные окрестности Тарусы с ее красавицей Окой, гористыми берегами, массой леса и обширными берегами, дающими знаменитое в Москве «окское сено», совсем исчезают из глаз. Большой будет труд добраться по гористому берегу до почтовой конторы.

На днях мне объявили в Университете, что ввиду предстоящих перестроек Нового здания необходимо будет вывезти все ящики с гипсами как из подвалов, где будут устанавливаться батареи отопления, так и из коридоров, которые будут завалены строительным материалом. Куда мне деваться с этой уймою ящиков, где скрыты тысячи пудов? Необходимо просить Клейна приготовить для этого раньше всего аудиторию, помещение и обширное, и близкое от земли, и уже достаточно сухое. Наполнивши ее, можно заполнить и ее вестибюль, также весьма поместительный. Затем с Р[оманом] И[вановичем] на месте можно определить и другие места, куда мы должны будем укрывать новые клады. Раз задний корпус покроется, в громадных залах 2-го этажа материала поместится очень много. Но застеклим ли мы этим летом эту часть кровли?

Бромлеи закончат свою работу через месяц-два. Дня через два я буду в Москве. В Вашем присутствии мы устроим заседания и Комитета, и Строительной комиссии. Члены первого жалуется на отсутствие собраний, а мы не привыкли собираться без Вас. Все заседания до сих пор происходили под Вашим председательством. Третьего дня мне подали извещение Гергарда и Гея, что Вами отправлен из Афин ящик «редкостей». Что это такое? Если Вы назвали это редкостями, то, очевидно, здесь заключаются оригиналы<sup>1</sup> для нашего антиквария? И Вы, Юрий Степанович, накупили и послали их Музею, сами ни слова никому не написавши!.. Кладь еще в дороге. До скорого свидания!

**243. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ***5 мая 1901, Петербург*

Завтра воскресенье буду Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

**244. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

8 мая

*8 мая 1901, Москва*

Чтобы избавиться от головокружений, я поехал покопать гряды в Тарусу. Оттуда я писал Вам в Петербург, предполагая, что придворное положение Ваше не позволит Вам уехать от 6 мая, если только не отменено празднование этого дня нынешний год. Поработать в саду и огороде пришлось только один день, потому что два дня лил дождь и было холодно. Теперь должны быть иные заботы. Члены Комитета ожидают заседания и Ваших сообщений из Греции. С каким нетерпением лично я ожидаю Ваших рассказов о стране, куда попасть еще раз мне так хочется! Приду за указаниями о ближайших наших действиях часам к 11-ти, если позволите.

Я уже писал Вам из Тарусы, что находится в дороге от Одессы до Москвы ящик Ваш с «редкостями». Каким горю я нетерпением вскрыть это будущее украшение нашего антиквария! Если еще из Керчи Вы добудете Музею тамошние, никому там неведомые, древности<sup>1</sup>, то наш антикварий сразу займет почетное положение в Музее.

**245. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

12 мая

*12 мая 1901, Москва*

Как это случилось, не знаю; но мое письмо к Вам<sup>1</sup> об отказе министра финансов Комитету и Великому Князю в представлении Государю вопроса о железнодорожном тарифе на Ваш мрамор для Музея оказалось лежащим в моей конторке. Ваше вчерашнее замечание, что Вы не получали от меня сведений по этому делу, меня удивило. После заседания Комитета вчера я начал рыться в бумагах, но в Кабинете не нашел ничего. Придя домой, перерыл стол и также безуспешно – и только в конторке запечатанное письмо оказалось затерявшимся в бумагах и тетрадах. Посылаю Вам его, не распечатывая и теперь не припоминая подробностей писанного под свежим впечатлением неожиданного и бессмысленного отказа Сергея Юльевича. Для своей неудавшейся затеи с Нижегородской Всероссийской выставкой 1896 г.<sup>2</sup> он, вероятно, понизил железнодорожные тарифы

до невозможного *minimum*'а, погубив на осуществление личной идеи казенные миллионы. А здесь, когда на частные средства создается видное государственное учреждение, которое своим величавым зданием станет украшением Москвы, он вздумал экономничать на мраморе, в первый раз привозимом в центральную Россию. Я нарочно не говорил об этом обидном вопросе с Великим Князем, полагая, что лучше выбрать для этого время в Вашем присутствии. Было бы целесообразно Великому Князю теперь сделать личный доклад Государю по этому делу и испросить совсем даровой провоз камня до Москвы. Это было бы лучшим молчаливым ответом с его стороны обидевшему его министру.

К сожалению, ныне у Его Высочества быть с Вами вместе я не могу за экзаменами на Высших женских курсах. Но в Строительную комиссию явлюсь. На нынешний день – экзамены, комиссия и вечером заседание Совета с горячими дебатами по пересмотру главных статей Университетского устава<sup>3</sup>.

Вишняков – в восторге от «интереса» вчерашнего заседания: это-де поучительнее публичной лекции, и перенесло его, человека денежных дел, в совершенно иной, высокий круг интересов... Вы обладаете тайной, как председатель, придавать занятиям Комитета и живость, и общедоступность, и поднимающее настроение.

#### 246. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

12 мая

12 мая 1901, Москва

Р.И.Клейн и я усерднейше просим Вас сделать нам большую честь откушать у нас вместе с П.А.Некрасовым в понедельник, 14-го, в семь часов вечера – в отдельном помещении гостиницы «Эрмитаж»<sup>1</sup>. Мы так давно лишены были возможности иметь Вас своим гостем и так давно не имели случая спокойной, неделовой, нелихорадочной беседы. Не откажите нам в этой чести и большой радости.

#### 247. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

25 мая

25 мая 1901, Москва

Сопровождая семью в Тарусу, оставляю Москву под наилучшими впечатлениями. Итальянцы ныне начали тесать мрамор: я был между ними, они в веселом настроении. Камень подвозят каждый день. «Египтяне» тюкают на граните. Партия итальянцев проводит железную дорожку на верх стройки. Возвращаюсь в Москву по первому известию о Вашем приезде.



**248. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

4 июня

4 июня 1901, Москва

Среди отписывания по поводу гнусных наветов и жалких интриг<sup>1</sup>, внушенных или мстью чиновника, удаленного со службы за хищничество или – что было бы еще грустнее – корыстью и честолюбием другого лица, среди этих дрызг и низменной прозы, какое подымающее впечатление производят наши блистающие белизной мраморы, эти глыбы вековечного гранита, этот дружный стук итальянцев и наших тверичей инструментами о камень; как возвышает дух эта работа над Вашим делом, высокое значение которого будет велико и в отдаленные времена. Пребывание на стройке и сношения с каменотесами приобрели для меня теперь притягательную, поэтическую виду. Третьего дня Клейн, Рерберг, Лист, Рагтенек, один приват-доцент и я держали совет, сидя на мраморных кусках, словно на Пентелийских или Каррарских ломках. По окончании дебатов Клейн повел нас на стройку смотреть первую модель базы ионической колонны, вылепленную из гипса в натуральную величину. Судя по основанию, наши колонны портика должны иметь внушительный вид. А я, грешный человек, по модели Музея боялся, не вышли бы они тонки.

Р[оман] И[ванови]ч затребовал от меня все слепки с Эрехтейона. Я перевез ему их из Университета. Ныне Gladkov будет распаковывать их, чтобы вынуть нужные образцы. Р.И-ч говорит, что настоящий экзамен по греческой архитектуре для него наступает теперь, когда нужно осуществлять рисунки на деле: является-де столько вопросов, требующих изучения... Ну, и пусть его учится, ведь и его имя будет тесно связано с Музеем; не даром же петербургские гранды архитектуры так не любят его теперь. Они теперь поняли, что их высокомерие в отношении к нашему скромному конкурсу<sup>2</sup> было с их стороны большой ошибкой.

П.А.Некрасов телеграммой из Петербурга поздравляет с назначением<sup>3</sup>. Если он не ошибается, значит – доклад Государю был в субботу. Я спросил депешей Рохманова.

**249. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ**

6 июня 1901, Москва

Завтра четверг часов Семирядский [Семирадский] обедает у нас не найдете ли возможность разделить нашу трапезу

Нечаев-Мальцов

**250. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

7 июня

7 июня 1901, Москва

Приношу Вам всем мою искреннейшую признательность за любезное приглашение, которым особою честью считаю для себя воспользоваться. В телеграмме пропустили указание часа, назначенного Вашими дамами для нынешнего обеда. Посылаю спросить к Вам. Я только что возвратился с дачи от Д.И.Иловайского<sup>1</sup>, иначе я вчера же послал бы Вам мою благодарность. Вчера же пришла депеша от М.П.Степанова с известием о его отъезде в Петербург, назначенном на вчерашний вечер.

**251. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ**

7 июня 1901, Москва

Обедаем сегодня в семь часов.

Весь Ваш Юр. Нечаев-Мальцов

**252. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

16 июня

6 июня 1901, Москва

От Вас я пошел вчера в Университет к Иезбере писать повестки на сегодняшнее заседание Строительной комиссии. Вчера же вечером они усиленным составом служителей разнесены были по городу.

Из Университета я перекочевал на Колымажный двор к Р[оману] И[ванови]чу и Рербергу, в присутствии которых шел подвоз белого мрамора. Доставка его в последние дни идет дружнее и правильнее. Видно, что по вагону в день с Урала действительно посылают, а не пишут только Листу об этом. Работы на стройке вследствие этого оживились и стали веселее. Накладывается 2-й ряд мрамора по главному фасаду.

Видел я вчера и резную работу разных кромок и поясков: итальянцы исполняют эти части и скоро, и весьма чисто.

На ввозе мрамора на стройку я был свидетелем воинственного пыла Рерберга. Увидевши, как возчик истязует лошадей, не могших подняться на бугор, и как он бутылкой бил несчастное животное, Ив[ан] И[ванови]ч подлетел к мучителю и изо всех сил, со всего размаху начал тузить палкой по спине и ниже преобольно. Я такой откровенной экзекуции и не видел... Избиваемый возопил и начал после доказывать свои права гражданства; но Рерберг, исстрадавшийся от этой бесчеловечности возчиков в обращении с лошадьми, был неумолим. Сейчас посылаю к Листу, чтобы

привозил мраморы в заседание, так как нынешнее собрание – мраморное par excellence\*.

### 253. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

№ 2. 16 июня

16 июня 1901, Москва

По окончании заседания все спешно устремились отдохнуть, пользуясь субботним вечером. Клейн и Рерберг поехали в Химки к своим семьям, которых они видят только по праздникам, Демосфенов, Р[оман] И[ванович] и Лист уговорились приступить к работе, Вами им заданной – по составлению условий насчет цветных мраморов, со вторника. Демосфенов сказал мне, что работа эта займет от 1½ до 2-х недель. Тем временем, отправляясь в среду, Лист побывает на Урале и через две недели от сегодняшнего числа рассчитывает возвратиться в Москву. Бумага будет тем временем готова и на Вашу цензуру будет привезена Демосфеновым и Листом к Вам в Сторожево.

С восторгом и я поехал бы туда с ними, если бы не предстояла мне поездка в Петербург – на представление Его Величеству. Мне в Министерстве сказали, что, по напечатании Именного указа Сенату, представление должно состояться в течение 2-3-х недель, иначе будет поздно, так как Государь может отбыть в Красное Село<sup>1</sup>. Указ должен появиться на этих днях – и я буду ждать указаний из ведомства церемониальных дел. Эти дни приводят мою парадную амуницию в IV-классное положение<sup>2</sup> у Шадрина<sup>3</sup>: столько сияния и белизны... У Сиу<sup>4</sup> готовятся щегольские карточки с новым титулом. Здесь кончаю. Пора ехать на поезд. Завтра в 7 часов утра буду у своих в Тарусе.

Счастливого Вам отдыха в деревне: поезжайте скорее. Софья Степановна поручила мне скорее отпустить Вас из Москвы.

### 254. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

26 июня

26 июня 1901, Таруса

Отдохнули ли Вы, продвинули ли Вы питье Ваших вод? Не пользовавшись водами никогда и не предполагая их пить до получения чина тайного советника, когда, по обыкновению наших и особенно петербургских тайных советников, и я обязательно буду должен ехать в Карлсбад<sup>1</sup> и лечиться там от болезней печени, я пока не знаю, удобно ли было для Вас все последнее время с его постоянными дождями.

\* по преимуществу (фр.).

Здесь после продолжительной засухи и зноя, заставлявших меня носить ведрами воду из реки на высокую гору для поливки цветов и овощей, льют непрерывные дожди. Вот и сейчас льет-льет-льет, так что и конца не видно. Общие жалобы на невозможность начать сенокос, который после заливает жнитва. А вон мой друг Помяловский из Петербурга пишет, что тамошние метеорологи предсказывают ненастный и июль: это уже будет невообразимое бедствие.

Где теперь Лист? В среду прошлой недели он хотел выехать на Урал и предполагал возвратиться в Москву через 10 дней. К субботе текущей недели<sup>2</sup> Демосфенов должен был вместе с Раттенеком и Клейном выработать проект контракта на цветные мраморы, чтобы в начале следующей недели быть с Листом у Вас, в Сторожеве. Я отсюда и через Трескина, недавно возвратившегося из ученической экскурсии по Финляндии<sup>3</sup> и видевшего там Сердобольские ломки нашего гранита, и через Иезберу теребил Демосфенова, чтобы он торопился с этим документом: Лист все клохтал насчет того, что пора ему заказывать колонны. В Венгрии с ним не церемонятся:  $\frac{1}{2}$  цены он должен внести при заказе и  $\frac{1}{2}$  по изготовлении колонны там на месте, так что ему придется ездить для приема заказа на самые ломки.

Не удалось мне перед отъездом сказать Вам, что Семирадский, наслушавшись речей о Музее у Вас, после обеда<sup>4</sup> пошел провожать меня; гуляли мы с ним около Кремля, а потом он зазвал меня в «Большой Московский»<sup>5</sup> продолжить «холодненькое», так успешно начатое у Вас за обедом и после него. Он сознался, что эту водицу он любит и умеет употреблять ее в большом количестве. Он в восторге от Вашего серебра, ему когда-то посланного за плафон<sup>6</sup>. Оно у него стоит-де на виду – и превосходная работа увлекла раз посетившую его королеву Маргариту<sup>7</sup>, не говоря о других итальянках. Он в восторге от Вашей роли в созидании Музея. На другой день, в 10 часов, он был на стройке, мы обошли всё, куда можно было проникнуть. Рерберг водил и объяснял. Его восхищению обилием света и обширностью зал не было конца. По его мнению, это будет одно из самых лучших музейских зданий Европы. Римский зал его очень интересовал. Он примеривался к высоте и отдалению места картин с разных точек – и от середины пола и от противоположной стены. Расспрашивал Рерберга о размерах: световых полей в крышах и проч. Сведения о свете его весьма удовлетворили, когда он узнал, что солнце не будет заливать живопись. Ах, если и один этот зал будет им «иллюминирован», то на одного «Семирадского» будут ходить толпы. А ведь у нас есть обещания Поленова и Жуковского, которые осветят один Грецию, другой Средние

века и итальянское Возрождение. Поленов говорит, что Жуковский отлично справится с этими двумя залами<sup>8</sup>.

## 255. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

27 ию

27 июня 1901, Таруса

Ильинское теперь переполнено царственными гостями, которые, конечно, останутся и до именин Великого Князя<sup>1</sup>. Там Павел Александрович с детьми<sup>2</sup>, которых на короткое время не стали бы и привозить, там кн. Баттенбергский с супругой<sup>3</sup>. Ваши мраморы для колонн, лестницы и лестничной клетки найдут там целый собор\* царственных судей. В подборе цветов примет, я уверен, наибольшее участие Елисавета Феодоровна как художник сама<sup>4</sup>. И наверное можно сказать, что эту роль жюри по мраморному вопросу Вы создадите им всем в первый раз. Никому, ни Великим Князьям, ни Елисавете Феодоровне, ни Баттенбергским не приходилось ставить цветных колонн-монолитов, не приходилось устраивать лестницы, да еще таких размеров, как эта дивная музейская лестница, из мрамора такого прекрасного, теплого мрамора, не приходилось и выстилать таких больших и изящных мраморных панно по стенам. Приготовит ли только Р[оман] И[ванови]ч новый рисунок лестницы со светлыми панно по колоннаде! А без рисунка судьи не представят всего величия, всей, в дворцовой практике России небывалой, красоты этого воистину царственного входа в храм изящного, храм неувядаемой красоты.

Ныне же буду писать и Клейну насчет этого необходимого рисунка, и ген[ералу] Степанову о характере этой, наверное, в Ильинском вполне не представляемой, лестницы. Необходимо, чтобы он подготовил Их Высочества к предстоящему обзору Ваших мраморов. Образцы их хранятся в университетском Кабинете изящных искусств, они и поедут с Вами в Ильинское. Сам я буду в Москве в начале будущей недели, выеду с пароходом в понедельник<sup>5</sup>. А дожди идут и идут, не переставая: продолжите ли Вы Ваши воды? Не прерывайте их ранее 2-х недель, хотя бы для этого пришлось Вам пропустить именины Великого Князя. Теперь в эту грязь делать Вам переезд до станции<sup>6</sup> составит большой труд, если не полную [не]возможность, да и дорога от Москвы до Ильинского, надобно думать, ужасна. Поберегите себя: неделей, десятью днями дело не будет опоздано. А 5-го июля ограничимся телеграммами.

\* Зд. в значении «собрание, сбор».

**256. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

1 июля

*1 июля 1901, Таруса*

Трескин, на вопрос мой, который ряд белого мрамора выкладывается по главному фасаду, ответил, к моему удивлению, что третий. Да ведь две недели назад выкладывался второй. Что за причина такой медленности кладки, когда Лист заверил, что доставка камня пойдет по вагону в день, правильная, без перерывов? Трескин был в конторе, и там ему объяснили, что доставляется камень действительно по вагону в день или около того, но камень привозится не той меры, какая нужна для нижних рядов. В этом и секрет задержки в работе.

Авось поездка Листа на Урал уладит и это неудобство, которое, будучи очень убыточным для самого же Листа, должно иметь лишь кратковременный характер. Слава Богу, что возят камень, хотя и не той меры, какая нужна теперь. Этот камень – наш, и не ныне, так завтра уйдет он в стены Музея. При дальности Урала и это должно служить нам немалым утешением.

Хорошо было облицовываться храму Спасителя, когда коломенские ломки были под боком; хорошо возводить монументальные сооружение в Западной Европе, при богатстве ее гор каменными породами и при соседстве таких залежей. Чего, например, стоит подвоз камня в Берлин из Силезии или Саксонии?

До окончания двух недель питья вод Вы, я думаю, не выедете из Сторожева; до сих же пор этих 14 дней у Вас нет. Если и исполнятся они, то только к началу будущей недели, оттого и я отложил на неделю поездку в Москву. Быть там в Вашем присутствии я считаю необходимым: могут у Вас зародиться те или иные соображения и планы, которые я должен знать и способствовать их исполнению.

Интересно, готовят ли Рерберг с Клейном помещение для гипсов в здании Музея. В Университете меня теснят с ними ввиду канализационных работ под зданием, в подвале которого лежат они с 95-98 гг.

**257. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

11 июля

*11 июля 1901, Москва*

До сих пор не состоялась поездка к Вам Демосфенова и Листа, потому что Р[оман] И[ванович] решил переделать рисунок лестницы. А без законченного рисунка ни тот, ни другой не могут сделать подсчета всех сортов цветных мраморов. Клейн обещает окончить работу через неделю. Да неделю проработают после над контрактом Демосфенов и Лист, так что ранее конца месяца не может быть окончания вопроса об этом. Носятся слухи, что

Великий Князь скоро предпримет объезд военного округа – и потому я боюсь, что Ваш приезд сюда совпадет с его отсутствием. Да как и ехать в Ильинское, когда рисунок Клейна еще в работе?

Я продержусь здесь до субботы<sup>1</sup>. Тут ужасная жара и духота. Говорят, что Вы приедете сюда после приема министра внутренних дел<sup>2</sup> на Гусю. Сердечно жалею, что проект контракта и рисунок не будут к этому времени готовы.

### 258. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

13 июля

13 июля 1901, Москва

Лист своей поездкой на Урал остался доволен и обещает доставку камня более регулярную. Кладка идет так, что Рерберг надеется к осени выложить облицовку и внешние стены до пола второго этажа и покрыть первый этаж на зиму. Кладка мрамора производится одновременно по всем трем сторонам, так что мое опасение, не ограничивается ли она только главным фасадом, теперь не имеет основания. Итальянцами и Клейн, и Рерберг очень довольны; к делу они приспособились и беспокойств не доставляют никаких – и, будь очередной камень у них под руками, теперь подходили бы ко второму этажу. Остановка бывает нередко за отсутствием необходимых звеньев в выкладываемых рядах. Здесь прерываю.

Подали мне меморандум из Лионского кредита об имеющем прибыть транспорте Вашего афинского заказа гипсов. Прибудут 36 ящиков; они в дороге от Одессы с 20 июня. Как Вы подбодрили Каввадию в Афинах! Обыкновенно он и скульптурная мастерская Афинского музея исполняют заказы очень медленно. Я не рассчитывал получить Ваш заказ ранее весны.

Был на стройке. Итальянцы выкладывают окна, часть их вырубает полуколонны и пилястры<sup>1</sup>. Работа вступила в деле облицовки в серьезный фазис. Белый мрамор вылез из заборов площади и, по словам дворников и десятников, привлекает внимание публики. Подвоз идет регулярно. Виделся с Листом и Раттенком: они крепко убеждены, что работа на Урале пойдет почти всю зиму, равно как и обработка мрамора здесь. Облицовка будет-де уложена на место до крыш или карнизов к августу будущего года. Летом встанет-де и несколько колонн на главном фасаде. Дай Бог!

### 259. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

15 июля

15 июля 1901, Москва

Как я рад, что в ту минуту, когда я отправлялся из дома, чтобы сделать закупки для отъезда домой<sup>1</sup>, подали мне депешу Вашу к Демосфенову о Вашем

скором прибытии сюда. Это было третьего дня. Вчерашний день я провел у Иловойского на даче, чтобы взять гостившую у него дочь<sup>2</sup>. Ожидаю с нетерпением Вашего прибытия. На какие жаркие дни Вы приезжаете в пекло «Славянского базара»! Если Вы здесь, приеду к 12 часам.

## 260. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

16 июля

16 июля 1901, Москва

Проодиночествовавши вчерашний, крайне жаркий и душный день, вечером я пошел на стройку полюбоваться белым мрамором при лунном освещении. Луна высоко поднималась над храмом Спасителя и серебрила нашу и без того белую от камня площадь. Кругом Музея было пусто и тихо по случаю праздника<sup>1</sup>; итальянцы ушли гулять по городу, разбрелись и «египтяне» от своего гранита. Походивши между камней этой московской Каррары, как нашу площадь теперь величают, я вызвал сторожа и поднялся на стройку. Вид, открывшийся оттуда, был такой особенный, что этот мрамор, гранит, кирпич, в поэтическом беспорядке покрывавшие площадь, эта луна, отражавшаяся и на золоте купола храма, и бросавшая полосы серебристого света на камень Музея – меня живо перенесли в такой же лунный вечер, проведенный мною два года назад, летом, в портике Altes-Museum и Национальной картинной галереи Берлина. Тогда, сидя на каменных ступеньках тамошних портиков, я любовался дивной картиной окружающих монументальных сооружений и массою камня, собранного около строившегося собора, и мечтал о нашем предприятии, монументальный характер которому дали Вы, я думал и глубоко благодарил тогда Вас. Вчерашняя картина, как действительный pendant\* берлинской, унесла меня к тем дивным сооружениям, к этому чудному Museum-Insel\*\*, который я так люблю за то высокое настроение, какое он дает прежде, чем войде[шь] в эти богатые и образцово организованные музеи. И в Берлине, и в Москве я одинаково, в такой обстановке, думал о Вас и исполнен был радостного чувства благодарности к Вам, Вашим помыслам и их быстрому осуществлению. И как тогда, два года назад, так и вчера мне было очень хорошо, я чувствовал себя глубоко, беспримерно счастливым.

Гранитная работа идет без перерыва. На днях ожидается новая партия гранита, который, по слухам, уже весь выломан, даже и пьедесталы для львов<sup>2</sup>. Ожидается и новая партия рабочих вместе с камнем, так что цоколь,

\* пара (фр.).

\*\* музейный остров (нем.).



кроме лестницы, весь будет готов к концу сезона. Вырублены и ступени лестницы и лишь ждут указания, когда их двинуть из Сердоболя в Москву.

Белый, как снег, мрамор становится грязно-желтым в кладке. Итальянцы говорят, что это зависит от сырости, сообщаемой цементом, и что по просушке камня этот цвет исчезнет. А теперь разница между приготовленным к кладке и положенным на место мрамором чрезвычайно заметна. Впрочем, белый цвет и сам собой, с течением времени, пожелтеет, к вящему эффекту. Говорят, греки на первых порах даже слегка окрашивали мраморные стены своих сооружений, чтобы избежать резкости белых поверхностей.

Ожидаю Вашего приезда с нетерпением. Ныне соберутся и Рерберг, приезжающий сегодня из Петербурга, и Р[оман] И[ванови]ч, уехавший на дачу. Готов ли у него рисунок лестницы? Великий Князь из Орла возвратился – и Вы, конечно, в Ильинское к нему съездите. Лист ноет, что пора закладывать колонны.

## 261. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17 июля

7 июля 1901, Москва

Не знаю, что делать со здешней таможней, которая все продолжает насчитывать пошлины с гипсов и других предметов, приходящих из-за границы для нашего Музея. Расчеты при этом ведутся самые несообразные. 900 руб. уплачивается за исполнение заказа, а 600 руб. насчитывают здесь пошлины за эти гипсовые рельефы. Все зависит от чиновника, присылаемого в Ун[иверсите]т для осмотра кладки: ни один из них ящичков – и спасибо большое им за это! – не вскрывает, попросит только срезать пломбы «на случай ревизии начальника» над самими ревизорами; спросит, что такое привезено, сколько пудов с ящиками, пороется у себя в тарифной книжке, составит протокол, что контрабанды никакой нет, покурит – и марш. Все они любезные, вежливые, словоохотливые и даже сострадательные: «Ах-де, ваше прев[осходительст]во, сколько вам хлопот со всем этим, этакую махину созидаете, и сколько, чай, г. Нечаев-Мальцов денег вложил в этот Музей; мы, москвичи, удивляемся и ждем, когда этот храм искусства будет открыт; очень интересно будет просветиться насчет художества, уж тогда не откажите». Наговорит краснобай таможенный три короба, раскланяется и пожет ручку вам. А там, через неделю времени, этот любезник присылает в Правление Ун [иверсите]та несуразный начет на предметы, им «осмотренные». Правление ставит обычную резолюцию: «На заключение профессора Цветаева». Я получаю бумажку и откладываю в сторонку – и это вот уже второй год. И бумажек теперь много, и сумма изрядная. Бывают повторения

сказки о Белом бычке из таможни, – отмалчиваюсь; опять напишут – молчу; настрочат жалобу Попечителю, – тот перепишет бумагу к ректору, ректор ко мне «на распоряжение». И эту бумажку в ту же сторонку и такой же на нее молчок. Но все же эта чепуха надоедает. Не посоветуете ли Вы мне составить проект дополнительной статьи к Положению о Комитете касательно беспощинного ввоза научных и художественных предметов для Музея и[зящных] и[скусств] имени Александра III?<sup>1</sup> В свое время Мейн, Зверев и я, при составлении Положения, это упустили из вида. Румянцевский и Исторический музеи пользуются в силу такой статьи этим правом, и никаких затруднений таможня им не делает. Жду Вас с нетерпением.

## 262. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17 июля № 2

17 июля 1901, Москва

Вчера пронесся слух, что Великий Князь уезжает в Петербург на свадьбу в[еликой] кн[язны] Ольги Александровны<sup>1</sup>. Желая узнать, когда бы мог Его Высочество принять Вас в ожидаемый мною каждый день приезд Ваш, я спросил телеграммой ген[ерала] Степанова. Михаил Петрович ответил, что В.К. уезжает сначала в Клементьево, а потом в Петербург на свадьбу, и что приема не будет в двадцатых числах. Дело откладывается, таким образом, до следующего месяца. От М.С.Щегляева<sup>2</sup> идет известие, что Вы прибудете около 20-го. А у меня дома больные, меня ежедневно зовут туда<sup>3</sup>. Я решаюсь поехать.

Как я дурно сделал, что телеграммой предварительно не снесся о времени Вашего прибытия. Тогда мне десятью днями надобно было приехать сюда позднее: и с Вами бы увиделся, и дело бы сделал, а то теперь проторчал эти палящие дни без дела и Вас не видал. Такая досада.

Поезжайте скорее из этого раскаленного городка – к себе в деревню, допивайте Ваши воды. В августе увидимся. Но само собою разумеется, если бы мое присутствие было необходимо сейчас по Вашем прибытии, телеграфируйте в Тарусу: я приеду немедленно. Мой почтительный поклон Софье Степановне и Анне Степановне.

## 263. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17 июля № 3

17 июля 1901, Москва

Собравшись уезжать, я виделся сейчас с А.Н.Демосфеновым. Ввиду того, что Лист грустит из-за колонн, и так как образец мрамора, представленный Вами, Его Высочеству очень понравился (да и как же могло быть иначе?), то

Демосфенов был бы готов, если бы Вы это ему поручили, составить, в этот Ваш приезд, и написать проект контракта с Листом на колонны. [Так как] камень колонн оценивается и в Венгрии, откуда будут его доставать, и Листом поштучно вместе с работою и установкою на место, то и бумага на этот предмет могла бы быть написана скоро, Вас здесь, в отсутствие Великого Князя, не задерживая. Если это возможно, поручите это Александру Николаевичу. С Рербергом, Клейном они это оборудуют в один день. Тогда Лист сейчас же послал бы заказ этот на каменоломню. И нам всем не стыдно было бы, что мы без всякого результата привлекли Вас сюда – в эту палящую жару. С этими колоннами делается колоссальный шаг вовнутрь здания.

#### 264. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 июля

19 июля 1901, Таруса

У меня позднее других разболелся сын<sup>1</sup>. Крики и возбужденное состояние по ночам перепугали жену – и она неотступно начала звать меня домой. Теперь идет лечение. Здесь свирепствует холерина, и без меня едва не сделался ее жертвой сам наш врач, так что сына он лечит уже заочно. Другие врачи – «на пунктах», далеко, да к тому же только что выпущенная молодежь, которой не верят.

Как утомить должна была Вас встреча министра! Обревизуйте кладку цоколя и мраморных стен, если возможно, разрешите Листу заказ красно-розовых колонн и не оставайтесь в пекле Никольской<sup>2</sup> даже лишнего часа. Софья Степановна мне поручила весной не задерживать летом Вас в Москве делами Музея, чтобы не лишать Вас отдыха и чтобы не случилось более того, что произошло в 98 г. перед закладкой. А с Р[омана] И[ванови]ча возьмите залог в 5000 руб. в обеспечение того, что рисунок лестницы у него будет готов к 15 августа. Тогда авось добудете возможность видеть Великого Князя – и Лист получит от Вас полную программу, какие породы цветных мраморов он должен будет приобретать и обрабатывать потихоньку.

#### 265. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

24 июля

24 июля 1901, Таруса

Чтобы избавиться от бесцеремонных начетов таможни за предметы, получаемые из-за границы, я составил дополнительную статью к Положению о Комитете Музея о беспошлинном получении как книг, рисунков, так и всех других предметов Музеем изящных искусств Александра III в Москве. Самый текст я заимствовал из Положения о Румянцевском музее из т. XI в

Зак[онах]<sup>1</sup>. Чрез Борденава, заменяющего теперь Истомина, я послал ходатайство Великому Князю в Ильинское, указавши источник заимствованного текста и написавши о неудобствах притязаний таможни. Борденав доложил и это письмо к нему – и Великий Князь подписал бумагу на имя министра н[ародного] просв[ещени]я. К осени получим соизволение Государя на пополнение нашего комитетского устава, а с этим избавимся и от бесполезной переписки с таможней.

Р[оман] И[ванови]ч телеграфировал мне, что рисунки у него все до единого готовы и что, следовательно, ни Листу, ни Демосфенову не будет оснований медлить с составлением проекта контракта на цветные мраморы.

Меня очень теснили в Университете требованием убирать скорее ящики с гипсами и мозаиками. Я уже и готов был, в последнее пребывание в Москве, начать это дело, для чего наняли 3 рессорных полка и подговорили 7 служителей для носки ящиков. Но перед самой работой экзекутор сообщил мне, что «время терпит». Поэтому перевозку я отменил до зимы, когда это дело сделать гораздо легче и безопаснее.

Надобно будет сговориться с Рербергом, не нужно ли в приготовленную кладовую перенести из крытого двора – или сарая – ящики с Вашими гипсами из Лондона. В этой кладовой они будут целее от сырости. Афинская Ваша кладь из 36 ящиков поместится в этой кладовой.

## 266. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

2 августа

2 августа 1901, Москва

Мне на стройке вчера пришла мысль сделать приятный подарок Софье Степановне и Анне Степановне, снявши Вас среди белого мрамора и в толпе итальянцев в момент их работы. Вчера Р[оман] И[ванови]ч, который догнал меня на Волхонке, когда я шел к Музею, и я взошли на площадь в полный разгар каменных работ над мрамором. Это был настоящий уголок Каррары: камни сверкали белоснежной белизною, каждый рабочий сидел на своем камне и ковал его; это обилие живописно лежащего мрамора, впервые от сотворения Урала Вами привезенного в Москву, это перекрикивание итальянцев на их родном языке и этот живой темп монументальной работы представляли такую своеобразную картину, что мне невольно захотелось передать ее и в Сторожево, и всем нам на память – Клейну, Рербергу, в архив Музея, повезти жене и дочери. Вы ныне в 3 часа будете возле Кольмажного, раз поедете с Р.И-чем на кладку богадельни через Каменный мост<sup>1</sup>, – заверните на ¼ часика к нам. Фишер будет ожидать там с аппаратом<sup>2</sup> – и больше

$\frac{1}{4}$  часа мы Вас не задержим. Пожалуйста. Я пишу Фишеру, а с Клейном мы говорили об этом уже вчера.

Мраморный угол к Антиповскому переулку обозначился отлично – и по этому началу можно судить, что и боковые фасады будут иметь импозантный вид. Р.И-ч в восторге от благородной линии швов и верности профилей греческим образцам. Базы и работа каннелюры полуколонн и образцы пилястр мне очень нравятся. А как стараются милые своим терпением «египтяне»! Их серый и чуть ли не меди вековечнее<sup>3</sup> цоколь упрямо растет и в длину, и в высоту. Какого славного ныне им десятника прислали: лицо открытое, умное, живое. Продвигается вперед и стеклянное перекрытие. Все эти оживленные работы производят приятное, подымающее впечатление. Если всегда так пойдут они, то Р.И-ч надеется через 2 года снять леса. Особенные надежды все мы возлагаем на подготовительные работы по мрамору предстоящей зимой, когда его будут возить каждый день и каждый день в теплушках будут его тесать, долбить и ковать.

## 267. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

3 августа

3 августа 1901, Москва

Вышло какое-то недоразумение. С 8 часов утра я послал к Р[оману] И[вановичу] за рисунками и мраморами для доставления Вам к 10 часам. Рассыльному приказано осведомиться у Вас, не получили ли Вы ответа от гр. Менгдена. Рассыльный должен был в самом начале 11-го быть у меня с известием. Но его нет и в 12-м часу. Послал я другого посыльного, узнать, есть ли прием у Великого Князя. Посыльный прибежал с докладом, что прием есть, но до  $\frac{1}{2}$ -ны 12-го, и что В.К. затем уезжает в Ильинское. Я поехал осведомиться, нет ли у Его Высочества Вас. Но там встретил лишь сожаления, почему не доложили о Вашем пребывании здесь Великому Князю, который-де непременно бы Вас принял. Гр[аф] Л.Н.Игнатъев вне себя от такого склада обстоятельств; он хотел поймать минуту видеть Его Высочество, чтобы доложить ему о случившемся недоразумении. Озабочен этим и Корнилов<sup>1</sup>. Ныне гр. Игнатъев, совсем не знавший о Вашем возвращении в Москву, будет у Вас в 7 часов и сообщит Вам о результатах дальнейших хлопот своих. Боялся он только, найдет ли он возможность видеть В.К. при этой спешности его отъезда. В случае, если бы граф [вернулся], его не увидев, телеграфируйте в Ильинское о желании представить рисунки и мраморы. Гр. Игнатъев знает, кто возвратился с Их Высочествами из лиц их ближайшей свиты.

**268. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

3 августа

*3 августа 1901, Москва*

На случай если бы графа Менгдена почему-либо не оказалось вовремя на месте (из Ильинского часто, говорят, ездят в Усово), я от себя телеграфировал полковнику Гадону то же, что говорилось в Вашей телеграмме, не упоминая, конечно, о последней, прибавив только, что Вы ждете в Москве три дня. Кто-нибудь из них, наверное, находится же при Великом Князе, и таким образом он будет осведомлен о Вашем ожидании. Гадон ответит мне в Румянцевский музей. Если телеграмма будет представлять интерес, нам ее доставит смотритель музея. Но авось и граф Менгден получит Вашу депешу. Сейчас уезжаю из Москвы.

**269. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

17 августа

*17 августа 1901, Москва*

Нынешний день – одна из тех немногих годовщин в моей жизни, когда воспоминание застилает собою всякую иную душевную деятельность и одно безраздельно царит в душе. И это бывает неизменно всякое 17-е августа с 1898 года, с того залитого солнцем, лучезарного дня, когда, на виду всей России, Музей изящных искусств Московского университета получил начало своего существования и когда этому дивному в его истории моменту Вы Вашим ослепительным великодушием и для нас, филологов, небывалой щедростью придали этому университетскому празднику небывалый блеск и общегосударственный, общенародный характер, поразивший своим особым отпечатком искренности и увлечения Вашего и всех лиц, близко к предприятю стоящих, даже венценосных наших гостей, которые в своей жизни так уже привыкли и к блеску, и к радостным и приветственным кликам. Недаром и они вспоминают теплым чувством – и теплым словом эту «закладку университетского музея Александра III в Москве». Как три года назад Вы были олицетворением нашего Комитета, ставши его фактическим руководителем, таким Вы остаетесь и доселе, только еще более, еще теснее сплотившись с задачами Музея и их постепенным и упорным осуществлением. Мало-помалу Музей овладевал Вами, Вашими мыслями, интересами, Вашим временем и силами. Это прежде всего видел я – с глубокою радостью и все росшим во мне удивлением; это видел Великий Князь, не пропускающий ни одного случая спросить меня: «Что Юрий Степанович? где Юрий Степанович? когда будет в Москве Юрий Степанович? доволен ли мною Юрий Степанович?» Этих вопросов он не забывает и на кратких праздничных

приемах – в Новый год и Пасху, так что я наперед знаю, о чем заговорит в эти моменты со мною Великий Князь, желая оказать внимание мне.

Вашу щедрость, Ваше увлечение видели и видят Комитет, Университет, университеты, академии и вся Россия, даже не одна образованная; Вы сделали то, что Музей Александра III в Москве и имя Нечаева-Мальцова в представлении и правительства, и русского общества сливаются вместе, соединенные неразрывною связью, один покрывая другое. Недавний Ваш дар разноцветного мраморного, воистину царственного входа в недра Музея только укрепил, только подтвердил это общее представление России о Вашем главенстве, о Вашей руководящей, творческой, созидательной роли в деле возникновения нового государственного учреждения и высокохудожественного здания. В нынешнюю годовщину, в этот светлый праздник нашего предприятия мне так сильно хочется высказать пред Вами эти чувства и признательности, и удивления, и любви, что я невольно беру эти листки бумаги и покрываю их выражением этих чувств, хотя бы и очень слабым и наполовину не отвечающим моему внутреннему праздничному настроению.

Где Вы находитесь в настоящее время? Посылаю Вам отчет о виденном на стройке в Сторожево, хотя Вас там теперь и не должно быть. Впрочем, я сказал «о виденном» неправильно, так как, занятый определением сына в гимназию, я не видал никого из наших, не видал ни одного музея<sup>1</sup>. Отправляюсь на Колымажный сейчас, пока сын сидит первые уроки в гимназии<sup>2</sup>. Что узнаю и что увижу, отпишу Вам по возвращении. С Колымажного пройду в Румянцевский музей, не знающий, что делать с 300 картинами, мраморами и книгами Солдатёнковского дара: места там совсем нет, а душеприказчики торопят принятием этого многоценного и громоздкого имущества<sup>3</sup>.

На стройке нашел неизменного Рерберга, всего погруженного в ведение отчетности. Что это за золотой человек! Вот на кого можно положиться как на каменную, хорошо сложенную стену. От него я, к удивлению, узнал, что ответ из Ильинского 3-го числа был отрицательный и что Великого Князя и до сих пор нет в Ильинском. В Румянцевском музее я видел доктора Остроглазова<sup>4</sup>, который по своему положению часто бывает в канцелярии генерал-губернатора; он сказывал, что Их Высочества собираются за границу, но отъезд их еще не предreshен. Возвращение их в Ильинское ожидается будто бы завтра. Я поведу переписку со Степановым о неотложности Вашего свидания с Великим Князем. Облицовка идет на левой половине главного фасада уже поверх окон, тянется и по бокам. 1-й этаж надеется Рерберг выложить, за исключением полуколонн на боках. Он в восторге от Бромлеев, их аккуратности и чистоты в работе. Застеклена значительная часть крыши. Опыт бури показал, что на верхнем мостике нельзя будет оставлять

ничего, так как на днях вихрем подняло тяжелую доску, которая и разбила два стекла. Скат кровли настолько крут, что во время дождя не было течи воды через стекла. Брусовские «египтяне» подвели гранит на левой стороне главного фасада под карниз.

## 270. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

24 августа

24 августа 1901, Москва

Дети Великого Князя Павла Александровича в Ильинском болят дифтеритом, поэтому Москва не будет видеть Его Высочество Сергея Александровича шесть недель. Три недели карантина уже миновали. А многие нуждаются в личном присутствии Великого Князя. В Университете ведется постройка Сергиевского студенческого общежития<sup>1</sup> без закладки, на которой должен быть сам Великий Князь: выкладывают уже 2-й этаж «не заложенного» здания; рабочие ропщут, что нет креста на их работе и что до сих пор им не выдают «закладочных» двугривенных... Таким образом, Вам предстоит спокойно проводить начало осени в деревне, не заботясь о поездке в Москву ради Музея по крайней мере до 20 сентября. Я сердечно радуюсь этому интервалу между Вашими передвижениями: успеете вздохнуть в тишине деревенской обстановки, тем более, что и погода покуда благоприятствует; хотя и свежо, но дни почти неизменно ясные.

Ходите ли Вы по крайней мере в деревне? Я выиграл бы большое пари, если бы нашелся охотник поспорить, что он увидит Вас идущим в Москве. Митрополит с архиереями да Вы только ездите, даже Великий Князь Сергей Александрович в сумерки ходит по проезду Тверского бульвара.

Эти два дня мы заседали по Музею. Роман Иванович вносит вопрос об отоплении задней части Музея, где будут жить итальянцы и работать всю зиму, и о канализации всего здания и площади и о водопроводе. Начальник Брестской железной дороги спрашивает, не израсходован ли нами кредит на 57000 пудов [933,69 тонны] беспошлинного заграничного железа. С Демосфеновым мы вчера разобрались по документам и выяснили, что у нас, за выдачею 3000 пудов [49,14 тонны] Бромлеям, о чем они просят, останется всего 300 пудов с чем-то в запасе.

Вчера ректор поздравил меня с получением права на беспошлинную выписку предметов для Музея. В чем тут суть, я еще не знаю: не дополнили ли статью Положения о нашем Комитете, о чем была послана летом в Министерство бумага Великим Князем Сергием Александровичем? Узнаю ныне в канцелярии и отпишу Вам. А то ректор мимоходом, когда и я выходил из Университета, спеша встречать на вокзале дочь<sup>2</sup>, поехавшую с госпожой



Мейн в Крым (чтобы сесть в курьерский поезд, из Тарусы им удобнее показалось приехать в Москву и здесь переместиться в Севастопольский поезд, который на «Тарусской» станции не останавливается), сказал: «Вашим перебранкам с московской таможей пришел конец, будете получать из-за границы все беспошлинно».

### 271 ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

*24 августа 1901, Москва*

Если можно зайдите завтра субботу к часу Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

### 272. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

28 августа

*28 августа 1901, Москва*

От Быховского отделаться не так легко. Сколько я ни говорил ему, что Вы не имеете повода писать министру государственных имуществ по его делу на Урал, он домогается свидания с Вами и готовит для Вас бумагу, которая, по словам его, и может служить Вам основанием для сношения с министром. Он хотел быть у Вас ныне в 11 часов, хотя я и предупредил его о Вашей поездке в богадельню, на конец города.

Был у меня вчера Лист по личному делу, с просьбою об одном молодом караиме, которому хочется поступить из Одесского в Московский университет<sup>1</sup>, и говорил, что он опять на Урал поедет для разрешения вопроса на месте, откуда получить большие куски мрамора для капителей колонн главного фасада и полуколонн боковых фасадов, с настоящих ли ломок Златоустовского уезда или из Красноярска, где, по уверению одного итальянца-рабочего, там бывшего, имеется точно такой же камень в огромном количестве и в наилучших условиях для ломки. Лист запросил образцы из Красноярска. Если подтвердится тождественность камня, то все капители главного фасада, по мечтаниям Георгия Адольфовича, будут сделаны этой зимой, так как он всех лучших резчиков на камне оставит на зиму. Мечтает он колоннаду главного фасада уже и поставить на место будущим летом, не говоря об облицовке, которую он твердо надеется окончить.

### 273. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

*29 августа 1901, Москва*

Прошу если можно пожаловать завтра четверг двенадцать по делу о лестнице

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

**274. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

13 сентября

13 сентября 1901, Петербург

По вопросу о кредите на ремонтные нужды Румянцевского музея меня телеграммой вызвали в Петербург. Погода здесь дивная: третий день ни облачка. С 2-х часов я бываю свободен, и мы с женою были и на Елагином острове при закате солнца, и в Кронштадте любовались на целый флот судов на средней гавани. Есть что-то поднимающее в такой чудной обстановке. Встаем мы рано и, отбыв обязательное дело, целый день в движении.

Вчера пригласил меня Петр Семенович<sup>1</sup> к себе в 3 ¼ и беседовал о делах обоих музеев. Феерическая по роскоши и дивная по монументальности лестница Ваша ему уже известна из газет. Он собирается попросить Ваших милостей и на Румянцевский музей, но я просил Петра Семеновича не отвлекать Ваших щедрот от нового Музея, пока он не будет кончен во всем своем блеске. «А когда он будет кончен?», – спросил он. Я указал на 3 года *minimum*. Он вспомнил телеграмму Вашей семьи<sup>2</sup> и сетовал, что в ней не был помещен адрес Ваш, «потому-де я и не мог ответить».

Между прочим он рассказал, что его жена получила из-за границы письмо от одной знакомой с сетованием, что министр обидел Москву, назначив в директоры Румянцевского музея не Гордеева<sup>3</sup>, а «какого-то Румянцева (!)». До того завралась барыня. Петр Семенович сильно смеялся, передавая этот казус. Еще на Гусю граф Игнатъев говорил мне, что Гордеев везде разболтал о своей кандидатуре зимою: круг знакомых у него большой, – вот теперь и разочарование. Удивительный человек: ученые люди не перебивают ему придворной карьеры, зачем же он аспирирует\* на ученую службу? Ну, да Христос с ним; успокоятся и барыни московские, распределяющие «места между своими».

Вчерашнее утро я провел в Эрмитаже: там превосходны колонны лестницы, белый мрамор ступеней везде в два куска; но стены лестничной клетки искусственного мрамора<sup>4</sup>. Правду говорил Великий Князь, что лестница нашего Музея превзойдет петербургские.

**275. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

22 сентября

22 сентября 1901, Москва

Со времени Вашего отъезда мне пришлось быть в Петербурге и Кронштадте, в Подольском уезде у болящего моего старшего брата<sup>1</sup>, в Воронеже

\* стремится (от *лат.* *aspirare*).

и провести последние дни в погребальных церемониях по М.А.Веневи-тинове<sup>2</sup>. Эти переезды, это семейное горе, возбуждаемое тяжелым состоянием брата, и хлопоты по отдаванию последнего долга предшественнику по Румянцевскому музею и очень хорошему человеку весьма сильно утомили меня. Хотелось бы дней на 10 уйти от всего, скрыться в Тарусу, чтобы отдохнуть и подготовиться к исполнению двух ближайших задач, изготовлению отчета за истекающий, 4-й год деятельности нашего Комитета и составлению речи к университетскому акту 12-го января 1902 года<sup>3</sup>. Но дела складываются так, что этих 10-ти дней свободы никоим образом не выкроишь.

Был я вчера на стройке, и с Рербергом пришли мы к грустному заключению, что мрамора не привезут до окончания работ и 90 вагонов, так как до сих пор привезено, по подсчету Рерберга, только 68 вагонов. Работ остается только один месяц. Да и подвозят всё не те куски, которые должны идти в кладку. Очевидно, в разрабатываемом карьере нет подходящего материала, – и Лист, говорил мне Рерберг, намеревается попробовать достать камни иной величины в каком-то другом, соседнем, месте, эксплуатируемом неизвестным здесь лицом. В то же самое время Лист ищет больших кусков для капителей в Красноярске, как я упоминал в одном из прежних моих писем к Вам. Легко возводить монументальные сооружения за границей, где и камня всякого много, и разработка его налажена веками, и расстояния для перевозки крошечные, сравнительно с нашими. В совершенно противном положении находится дело, начатое Вами: и камень далек от Москвы, и разработку его в таких размерах должны были установить Вы сами, и сделали для успеха предприятия решительно всё; но с этими расстояниями и с условиями добывания мраморных глыб из девственных недр Урала, при недостаточности и непрочности рабочих, ничего не поделаешь. Остается мириться с непреодолимыми препятствиями и возлагать всю надежду на предстоящую зиму, в течение которой авось наготовят и на Урале, и в Москве достаточно камня, чтобы весною повести облицовку фасадов более успешно. Ныне мы вынуждены ограничиться лишь перекрытием окон в первом этаже по всем трем сторонам. Зато цоколь идет беспрепятственно, вчера же мне Брусов на стройке говорил, что у него готов и камень на лестницу, и пьедесталы подо львов, самые большие камни, какие он когда-либо выламывал в своей практике, и плиты на пол портика.

Был у меня П.В.Жуковский с предложением, о котором напишу Вам в следующем письме.

**276. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

27 сентября

27 сентября 1901, Москва

Вы когда-то говорили, что Вам приходилось настоятельно выразить неудовольствие в сферах Министерства финансов на таможенные затруднения Музеем. Это имело свои хорошие последствия. Ходатайство Комитета о дополнении Положения его новой статьей о беспошлинном и бесцензурном получении всего нужного для коллекций Музея прошло, как это видно из ответа министра народного просвещения Великому Князю, чрез Министерства внутренних дел и финансов без всякого препятствия и вносится последним министерством в Государственный Совет. Бумага генерала Ванновского с надписью Его Высочества вчера переслана ко мне и мною будет доложена Комитету в заседании, которое Вы, вероятно, соберете в ближайший приезд сюда.

Собратся нам необходимо до годичного заседания, а то члены Комитета очень интересуются ходом и общих дел, и последнего Вашего заказа, характер которого, я продолжаю настаивать, в России небывалый. Я писал Вам, что лестница Эрмитажа, послужившая нам образцом в своем плане, имеет стены из стuca, обработанного «под мрамор» и теперь совершенно потрескавшегося. Дивны в ней колонны из сибирской яшмы, и имеет подобающую ценность белый мрамор ступеней. Много мрамора и гранита употреблено на отделку вестибюля и лестницы в музее училища Штигилица<sup>1</sup>, но и там стены лестничной клетки штукатурные, да и лестничная клетка по размерам гораздо меньше нашей, так что она представляется какой-то крошкой.

П. В. Жуковский интересуется вопросом о росписи фриза зал Средних веков и эпохи Возрождения. В первом целую стену займут мозаики из Св. Марка. Идет речь о бытовых картинах из жизни художников Возрождения, как «Донателло среди своих скульптур», «Мастерская Микеланджело», «Сооружение собора Св. Петра» и т. д.<sup>2</sup> Павел Васильевич очень увлечен этой задачей. У него был художник Степанов<sup>3</sup>, живущий давно в Италии и, за небольшую плату, ищущий задачи для той же залы Ренессанса. Он хороший колорист. Надвигается сам собою вопрос об иллюминировании верхних частей зал стеной росписью. Жуковский будет работать, конечно, даром, Семирадский понизит цену до minimum'a. Поленов также никакого вознаграждения не возьмет. Даст что-нибудь и Васнецов. Но второстепенных художников придется поддержать материально.

## 277. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 сентября

29 сентября 1901, Москва

Вчера я был у Листа, чтобы узнать о ходе ломок на Урале. «Крысиный Угол» (Ratteneck)<sup>1</sup> заверил меня, что, по последней телеграмме, отправлен 82-й вагон мрамора в Москву и что наконец найдены большие глыбы, из которых поверенный Листа, Блюменау<sup>2</sup>, обещает напилить камни для перекрытия окон. Облицовку 1-го этажа Раттенеке обещал окончить к ноябрю, если позволит погода. С Урала пишут, что работать там станут всю зиму, за исключением 2-3-х недель сильных буранов. Лист запрашивал Блюменау, оставлять ли ему итальянцев на зиму, и, следовательно, будет ли для них достаточно больших камней под капители колонн. Блюменау заверил его, что камни будут и что 25 резчиков нужно оставить в Москве на всю зиму. Посчитали мы с Раттенеком, сколько до годовичного заседания Комитета, и именно до 15 ноября<sup>3</sup>, может быть доставлено мрамора. Остающиеся 18 вагонов до обещанной летом сотни прибудут-де к тому сроку непременно. Раттенеке передал мне угрозу Вашу *ihn gut zu prügeln\**, если он камня не доставит в достаточном числе, – и он это хорошо помнит. Он по большому чертежу фасадов наших навел разные краски на все величины камней, Листу заказанных, и теперь с уверенностью говорит, что будущим летом, после зимних ломок и работ итальянцев в Москве, начавши укладку облицовки в апреле, все стены будут покрыты мрамором до крыши и поставлено несколько колонн по главному фасаду с угла, выходящего к храму Спасителя. Было бы очень хорошо прежде всего окончить облицовку главного фасада и поставить эти колонны ко времени закладки памятника Александра III; тогда на этом празднике и Государь, и двор, и многочисленные гости увидели бы наши работы с их лучшей стороны. Раттенеке, по ходу работ на памятнике, полагает, что весной закладка состояться не может, так как-де до сих пор гранит еще не заказан, и дело это будет решаться в ноябре. А если закладка будет осенью, то и часть нашей галереи и облицовка главного фасада будут готовы.

Примите глубокую признательность за цветной хрустальный *cabaret\*\**, присланный нам с женою с Гуся. Это – прелестная вещь, из которой надо будет спрыснуть мое высокое назначение<sup>4</sup>. Когда Вы будете в Москве?

\* ему хорошенько всыпать (нем.).

\*\* поднос, бар (фр.). Зд. прибор для вина.

**278. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

30 сентября

*30 сентября 1901, Москва*

На стройке я вчера встретил Романа Ивановича и Раттенка. Последний снова подтвердил, что отправка мрамора идет в последние дни успешнее и что он питает твердую надежду 100 вагонов доставить к ноябрю. Последние доставки утешительнее и в качественном отношении: недостававшие до сих пор углы доставляются, и из этого Раттенок выводит заключение, что камень на ломке пошел большего размера сравнительно с прежним.

Когда Раттенок ушел, мы с Клейном остались в конторе и долго беседовали о фризе колоннады. Не разрешите ли Вы мне вступить в сношения с Дрезденом и профессором Треем по этому предмету? Прежде всего необходимо сделать рисунок из фидиевских плит Парфенона так, чтобы две ленты панафинейской процессии приближались от углов к центру. Этого рисунка в Москве сделать некому, петербургских художников я не знаю. А в Дрездене ученые скульпторы и рисовальщики есть, да и Трей, имея в Albertinum'e на стенах Парфенонского зала все гипсы этого фриза, будет в этом случае очень полезен. Я бы переписывался с ним о подходящих №№ плит и условился о материале, подлежащем воспроизведению. Раз установлен будет порядок плит, и по ним сделают рисунок в определенном масштабе, и отлит эскиз из воска, Ваша мысль поставить на вырезку из камня человек 5-6 итальянцев под руководством скульптора, хотя бы Волнухина<sup>1</sup>, может исполняться без затруднения. Главное пока в эскизе, который должен быть одобрен Вами, затем в отлитии его из воска или гипса. Это дело требует времени, соображений и труда. Если бы мне разрешено было это Вами, я приступил бы немедленно, так как Клейн торопит определением масштаба сего фриза. Для него важно, чтобы архитектурные детали портика не убивали скульптуру и чтобы последняя своими размерами не нарушала гармонии архитектурных линий. В ближайший Ваш приезд сюда я буду просить Ваших указаний на этот счет, а до того я частным образом узнаю мнение Трея.

**279. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

4 октября

*4 октября 1901, Москва*

1 октября я из канцелярии генерал-губернатора приглашен был на прием к Великому Князю 2-го числа. Это был первый большой прием с весны. Дом хорошо не натопили, в приемной было холодно, так что у нас ноги заоченели. Эти дни я болею простудой и не выхожу из дому. Его Высочество

интересовался кладкою и доставкой белого уральского мрамора, сказывал, что рисунок лестницы рассматривала и Великая Княгиня и осталась от него в восторге. Он поручил мне кланяться Вам и снова выразить его сожаление, что дифтерит детей Павла Александровича лишил его удовольствия видеть Вас летом в Ильинском. Снова он спрашивал, окончен ли будет Музей через 4 года, потому что-де и памятник Александра III не окончат раньше того срока.

Или афинские экспедиционеры *Vaumann et Beckmann*, или одесская контора Гергарда и Гея виноваты в том, что не выслали до сих пор накладной на 36 ящиков Вашего заказа скульптур в Афинах. Ящики давно здесь: я и писал в Лионский кредит, уполномоченный получить деньги, и посылал туда и к Гергарду и Гею Иезберу, ничто не помогало. Пришлось посердиться и принудить Гергарда и Гея навести же наконец справку насчет необходимого документа в Одессе и чрез Одессу в Афинах.

Холода, наступившие в эти дни, понудили Клейна приостановить кладку мрамора, чтобы не повторять истории с гранитом цоколя, верхние ряды которого, уложенные в морозные дни прошлой осени, весной пришлось переложить снова. Итальянцы заняты обтескою мрамора, который продолжает поступать исправно на площадь. Раттенок хочет приготовить плато из камней<sup>1</sup>, избранных Вами для лестницы. Не успеет ли он припасти к годовичному заседанию хотя бы часть модели лестничной клетки в мраморах: 3-4 колонны, 5-6 ступеней с прилегающей стеной. Но если это его затруднит, то пусть выложит хорошенькое и не мелкого размера плато.

У Великого Князя я встретил П.В. Жуковского: он в присутствии Истомина заявил, что будет расписывать зал Возрождения приемом *a tempera*\*, так как его работы этого рода в Байрейте<sup>2</sup> до сих пор ярки и свежи. Собирается смотреть размеры зала.

## 280. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

11 октября

11 октября 1901, Москва

Несколько дней я не писал Вам, болея простудой, которая тем досаднее, что погода чудная и на улицу так манит. Не хотел я Вас и расстраивать дурными вестями о камне: целую неделю на площадь не поступало ни одного куска, так что 25 итальянцам (остальные уехали домой) грозило бездействие. Только третьего дня прибыли два вагона – и молотки застучали на площади энергичнее. А больших камней для перекрытия окон все нет и нет, так

\* темперой (*итал.*).

что Клейн опять загрустил. Ему начинает казаться, что в разрабатываемом карьере их и нет. Прослышавший «о затруднениях с камнем» Баринов был вчера у меня с предложением доставить «белого мрамора» сколько угодно и большой величины. Для образчика он привез с собою и глыбку. Но что это за «мрамор»! Какой-то ужасный конгломерат слюды, шпата и еще чего-то. Не будучи специалистом, я все же не мог его утешить. «Белый мрамор» его в подметки не стоит уральскому. Глыбку я отослал в контору, на стройку – и вчера Роман Иванович, Рерберг и я много смеялись там над этим «мрамором».

Вчера было у нас экстренное заседание Строительной комиссии. Клейн жаловался на Листа за его требова[ния] от него шаблонов на резные работы. В этом он видит маневр Листа раздражить его, Клейна, вызвать и его, и Комиссию на такое деяние, которое тот назовет нарушением контракта, придерется и приостановит работы, становящиеся-де ему, Листу, убыточными. Членов собралось довольно, обсудили мы вопрос спокойно и, не разделяя вполне чрезмерного пессимизма Романа Ивановича, написали вежливую бумагу Листу о доставлении камней, стоящих на очереди в работе. Ему, очевидно, трудно быть аккуратным; ломки несомненно не оправдывают возлагавшихся на них ожиданий, больших и сплошь годных глыб или еще не нашли, или их в этом участке действительно нет. Дело, конечно, серьезное, но милостив Бог: оно разрешится все же добром. Чувство, которым я живу во всем деле Музея, это мне подсказывает, и авось оно и в данной подробности меня не обманет.

### 281. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

15 октября

15 октября 1901, Москва

Был я в конторе Листа и там от бухгалтера (ни Листа, ни Раттенка не застал) узнал, что в дороге находятся 8 вагонов и что последний вагон с Урала пошел под № 86. Таким образом до зимы, если ее считать с 15-го ноября, остается получить 14 вагонов. С половины лета, когда ознакомились с положением дела близко и когда Демосфенов туда съездил, такое количество и ожидалось. Различие, конечно, в том, что далеко не весь этот материал пошел в стены. Но что делать! От того же бухгалтера я слышал, что найдены и большие камни для перекрытия окон и что разработка больших камней и была причиной замедления в отправке новых вагонов.

Вчера приехали ко мне Лист и Раттенок с документами, полученными от их инженера Блуменау с Урала. Там пишется, что выломано 16 больших глыб,



но что они дали лишь 7 перекрытий окон, которые и посылаются. Остальные большие камни он надеется получить в ближайшее время, так как попал на слой более крупных глыб. Для нас, когда работы затихают, сейчас это безразлично; лишь бы ломки на Урале продолжались и подвозился материал для обтески. Кладка может идти ходко только будущим летом, когда облицовка стен должна будет дойти до кровли.

Хуже известия Блуменау о Быховском. Этот господин, оставивши службу, поселился, должно быть, в Златоусте и отсюда начал травлю Листа. Пользуясь родством с начальником горного округа, он опять появился на горе, эксплуатируемой для нашего Музея, и начал опыты ломок по соседству. Распуская молву, что Лист разорился и что он бросит подряд Музею, он переманивает рабочих Блуменау и «бунтует» их. Когда пришлось за пьянство или потому, что они были пьяны, несколько человек не допустить на работы, вероятно, произведя при этом какой-то штраф или вычет, Быховский явился их адвокатом у местного судьи. Лист просит помощи против этих захватов Быховским соседних участков и отдачи ему всей эксплуатируемой горы до окончания подряда Музею. Я предложил ему приготовить докладную записку к Вашему приезду. При Ваших близких отношениях к министру государственных имуществ, Вам не трудно получить для Музея *en question\** и избавить дело от какого-то г. Быховского. Раз он оказался несостоятельным пред Музеем и отдал дело в руки Листа, что ему нужно еще? Не ему остановить дело, пользующееся вниманием Государя. Но, конечно, до Бога высоко, а до Царя далеко. И исправник, и мелкий уездный чиновный мирок могут тормозить и Музей.

## 282. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

*15 октября 1901, Политово*

Среду буду Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

## 283. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

16 октября

*16 октября 1901, Москва*

Вчера я послал Вам письмо в Сторожево, а нынешняя депеша говорит, что Вы уже находитесь в дороге. Я тотчас же отправился в Университет остановить заседание Строительной комиссии, назначенное на нынешний вечер. Теперь, в Вашем присутствии, дело разъяснится и скоро примет должное течение.

\* о которой речь (спор) (фр.).

Я продолжаю думать, что подозрения Р[омана] И[ванови]ча насчет Листа и именно желания последнего нарушить договор о поставке белого мрамора не имеют основания. Принявши Ваш новый заказ на цветные мраморы, Лист и помысла не имеет о какой-либо ссоре с Музеем. Мрамор ломают, 8 вагонов, если не более, его в дороге. Но действия Быховского приняли в последнее время такой характер, что необходимо положить конец проделкам этого проходимца.

Лист получил телеграмму о невозможности терпеть этого господина на эксплуатируемой для Музея горе и подал в Комитет бумагу с просьбой о немедленной помощи. Посылаю этот документ на Ваше усмотрение. Может быть, Вы найдете нужным доложить это неприятное дело Его Высочеству. Письмо Великого Князя и Ваше ходатайство пред министром Ермоловым доставят Музею Шишимскую гору<sup>1</sup> в безраздельное пользование и освободят наше предприятие от г. Быховского навсегда.

#### 284. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17 октября

17 октября 1901, Москва

Распри на Урале с Быховским принимают невозможный характер. Телеграмма за телеграммой летят оттуда к Листу, лишаемому возможности подвоза камня к железной дороге. Наконец Быховский не пропускает через какой-то мост даже пешеходов. Надобно избавить Музей от этого господина. Что он такое, раз он даже не заключал контракта с горным ведомством? Родство его с управляющим того округа еще не великое дело. Нам необходимо заручиться разрешением министра государственных имуществ эксплуатировать Шишимскую гору на исключительных правах. Тогда никакой Быховский и никакой его родственник Музею не будут опасны. Буду у Вас, как только Вы отдохнете с дороги. Потребуется совещания Комитета и Комиссии и, вероятно, Ваша поездка в Ильинское.

#### 285. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

18 октября

18 октября 1901, Москва

Вечером вчера я был в конторе Листа и из последней «накладной» узнал, что большие камни, нужные для перекрытия окон, посланы и теперь находятся в дороге. Это должно утешить Р[омана] И[ванови]ча. Как скорее помочь прекращению безобразия Быховского? Вчера, расставшись с Вами, мы с Клейном хотели поговорить с Истоминным, соединили телефон, но Вл[адимир] Кон[стантинови]ч был на отъезде в Ильинское. Я написал ему туда

письмо и, кроме того, послал ныне телеграмму, прося доложить дело Великому Князю. В письме, изложивши затруднение, я просил исходатайствовать согласие Его Высочества телеграфировать, хотя бы чрез посредство Истомина, просьбу уфимскому губернатору о содействии его возможно быстрой доставке белого мрамора с Шишимской горы на ж[елезно]дорожную станцию «Кусинская» предписанием местной полиции следить за беспрепятственным провозом камня по этому пути. Если Великий Князь согласится послать такую телеграмму, то это на губернатора и на уездную полицию должно произвести впечатление, а тем временем пусть Лист посылает туда юриста. Как жаль, что мы не знали о присутствии здесь вчера министра государственных имуществ! Можно было бы побывать у него и просить Музею Шишимскую гору на 3 года. Ведь она с сотворения мира не приносила никакой казне ни гроша, кроме Быховского, никто на ней ломок не производил, а у Быховского денег нет, так что казна только выигрывает, отдавши эту гору в исключительное пользование нам.

Отдохнули ли Вы с дороги? После лекций, в 2 часа, буду у Вас.

### 286. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 октября

19 октября 1901, Москва

Вчера помощника ректора Нефедьева<sup>1</sup> я не нашел в Университете, иду сейчас к нему на квартиру, и результат переговоров по делу пожертвования покойного Л.М.Муромцева я сообщу Вам в Румянцевском музее, куда мы ждем Вас с глубокоуважаемой Софьей Степановной.

Дело о клади из Афин разъяснилось, к сожалению, нехорошо. Ящики Вашего заказа пришли, но, как показало вскрытие части их, в неисправном виде. От плохой упаковки, и притом такой плохой, что это и в сравнение идти не может с приемами других стран, скульптуры прибыли в трещинах и с повреждениями. Дальнейшую раскупорку я остановил, прося ящики доставить на Колымажный, где их человек, как это водится, и вскрывать [их] не станет. А в свое время, когда придется расставлять скульптуры по залам, это сделается спокойно и более осторожно, чем это бывает в таможне. Не прикажете ли написать в Афины насчет этой небрежной упаковки? Жду Вас.

### 287. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

20 октября

20 октября 1901, Москва

Приезжал ко мне вчера ген[ерал] Трепов<sup>1</sup> и спрашивал, почему около Румянцевского музея утром распространилась весть, что в музее будут Великий

Князь с Великой Княгиней, ему-де дали знать об этом по телефону. Незадолго перед Вашим приездом в Музей являлся околоточный надзиратель спросить, почему ворота открыли раньше 11 часов и правда ли, что будут Их Высочества. Такое впечатление создано, кроме открытия ворот, ни больше, ни меньше, как скромным ковриком, который для Софьи Степановны и Анны Степановны был послан на скользком полу «румянцевского зала». Пол там бетонный, крашенный и налощенный, ходить по которому непривычным посетителям небезвредно. Но этот знаменитый коврик извлекается из шкафа только в случаях посещения музея Высочайшими особами, так что чистка этого сокровища для служителей является доказательством ожидаемого приезда высоких гостей. То же подумали служители вчера утром и разнесли свои соображения по окрестным улицам.

Был я, по Вашем отъезде, на Колымажном. В последние дни привезли 2 вагона мрамора, куски прибыли всё крупные и между ними один для покрытия окон. Это, действительно, длинный кусина... Здесь кончаю. Должен собираться в Успенский собор<sup>2</sup>. Глубокий поклон Вашим дамам.

### 288. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

22 октября

22 октября 1901, Москва

Указание Ваше насчет Нефедьева я исполнил. Не заставши его в Университете, я был у него на квартире – и он сказал в сущности то же самое, что предполагали Вы. Написать [запрос?]<sup>1</sup> прокурору рязанского окружного суда, пославши ему засвидетельствованную копию с бумаг Л.М. и Е.Н.Муромцевых. Я уже передал это дело Правлению Университета, которое ведает вопросами пожертвований. На этой неделе все бумаги пойдут уже в Рязань. Неужели покойная Екатерина Николаевна не сделала никакого распоряжения? К чему же было тогда писать в Комитет нотариальную бумагу? Мне сдается, что «муромцевский» зал в Музее все-таки будет.

Ныне не день ли именин Анны Степановны? Когда Ваши дамы выезжают в Петербург?

Отчет по Музею для годичного заседания я начал. Не приготовите ли Вы сообщения по примеру прошлых лет?<sup>2</sup>

### 289. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

24 октября

24 октября 1901, Москва

Замучил меня бронхит, какого я давно не испытывал. Схватил я его 6 недель назад, во время погребальных церемоний по М.А.Веневитинове.

Лечение не помогало потому, что нужно было ежедневно выходить. Думаю с завтрашнего дня засесть на недельку дома, условившись ныне со студентами. Вчера на Кольмажном мне показывали новые большие камни и углы последней доставки. Камень понемножку двигается к Москве. Бедные итальянцы в каких-то куртках жалкого вида стойчески и даже с обычно благодушным видом тешут мрамор на воле, под навесом без стенок. Пора бы их устроить в здании. «Египтяне» с гранита уже, должно быть, ушли, переселившись в свою Тверскую губернию.

Вчера же приехал ко мне сам Лист; но я был в музее<sup>1</sup> – и мы увидимся только ныне.

После лекции явлюсь к Вам. Вечером прошу Романова, Трескина к себе – условиться насчет подготовки годовичного заседания Комитета. Получили ли Вы известие, когда возвращается Великий Князь и когда Вы можете быть у него? Спешу на лекции.

## 290. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

27 октября

27 октября 1901, Москва

Великий Князь приезжает завтра; ныне я был у Истомина, который не только сказал мне об этом, но и подтвердил указанием в окне появившегося обоза с багажом Их Высочеств. Следовательно, не далее как через день Вы будете у Великого Князя и установите день заседания Комитета. Телеграмма от имени Его Высочества уфимскому губернатору была своевременно отправлена; Владимир Константинович читал мне ее текст и обещал прислать ее копию для приобщения к делу в Комитете. Исполняя все наши нужды и просьбы, он недаром несет звание члена Комитета, и я не помню случая, когда бы он, равно как и М.П. Степанов, отказали нам в чем-нибудь, касающемся Музея. Был у меня Раттенек, чтобы узнать о последствии письма к Истомину насчет камня; но я только сейчас получил сведение об этом – и с первым делюсь с Вами. При свидании с Великим Князем вспомните и поблагодарите его за всех.

*P.S.* Если Вы включите в доклад Ваш раскопки Фуртвенглера на о.Эгине<sup>1</sup>, то не позволите ли прислать Вам его отчеты, печатаемые им в *Philologische Wochenschrift*\*, и резюме их в *Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts*?\*\* Последнее вышло в только что пришедшей к нам книге этого издания. Весь материал я мог бы Вам доставить и в Петербург.

\* «Филологический еженедельник» (нем.).

\*\* «Ежегодник немецких археологических институтов» (нем.).

## 291. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

6 ноября

6 ноября 1901, Москва

Здоровье мое совсем расклеилось. Грипп охватил даже уши, так что я оглох. Нынешним утром болят даже глаза. Вчера мне было очень трудно давать объяснения министру в Румянцевском музее, за этой небывалой простудой. Сначала Петр Семенович отказался было быть в музее, но когда из-за него мы сразились с Некрасовым в его квартире, викторию понес я. Некрасов совсем завладел министром, увлекая его в некоторые учреждения даже во второй раз. Министр обещал, согласился приехать и к нам, но не более как на  $\frac{1}{2}$  часа. На деле же он пробыл гораздо более часа, пока не стемнело и он не сказал нам: «Ну, господа, я едва ноги волочу, так я устал». В этот день прием у П.С. начался, говорят, с 8 часов утра, а у нас он был в 3-м и 4-м часах. В 5 часов я заехал в «Лоскутную»<sup>1</sup> расписаться у него (проводы на вокзале, полагающиеся министрам, он запретил), а к нему просители так и валяли по лестнице. Это был день боевой, так что вздохнуть он мог свободно, только севши в вагон. Не одни Софья Степановна и Анна Степановна похвалили порядок, чистоту и благоустройство музея, но и министр почтил одного новоиспеченного директора изъявлениями большого удовольствия от наружного вида коллекций, П.С. и поздравил его на новом месте. Состояние нашей библиотеки он нашел в лучшем состоянии, чем положение книг в прежнем помещении Императорской Пуб[личной] библиотеки в Петербурге. Очень польщенные отзывом министра чины музеев после зашли в канцелярии за чай и целый час чувствовали себя настоящими бенефициантами.

Не разрешите ли Вы заменить проект скульптурного фриза Парфенона в колоннаде главного фасада проектом мозаического фриза того же самого содержания? В Германии есть образцы этого фриза, исполненного в красках: на цветном фоне фигуры панафинейской процессии в телесном цвете своих обнаженных частей выделяются превосходно. Это будет яркая и вековая картина. Если заказать ее на фабрике близ Венеции, то она будет дешевле скульптурного фриза. Пишут из Германии<sup>2</sup>, что этот последний не будет виден под кровлей колоннады, не будет эффектен для зрителей, а дорог одинаково. А если какой-нибудь мальчишка пустит камнем в скульптуру и отобьет ее часть, дело непоправимое. Мозаика же, помещенная высоко и в вертикальном положении, будет вечна. Если на памятнике Александра II она осыпается, то от горизонтального ее положения на потолке. В Вашем фризе она будет прочной. Эффект же для зрителей был бы бесконечно сильнее. Простите смелость этой мысли.

## 292. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

7 ноября

7 ноября 1901, Москва

Приехал сюда из Парижа скульптор Беренштейн, сработавший эскизы верхнего карниза<sup>1</sup>. Эскиз в рисунке, сделанный в два тона карандашом, больших размеров. Вчерашний вечер провели мы трое, Клейн, скульптор и я, в рассматривании этого опыта. Художник – человек несомненно даровитый, способный искать в истории искусства и сюжеты, и формы. Центр композиции составляет Парнас с Аполлоном; к нему направляются с той и с другой стороны фигуры художников всех времен. Идея Аполлона как центральной фигуры – Ваша, равно как и влечение к нему художественного мира. Только скульптор недостаточно разграничил народности и эпохи. С одной стороны, должен занять место мир древний, начиная с Египта и Вавилонии, с другой – мир христианский, чтобы этот фриз выражал собою содержание Музея. Есть и недочеты технические: правая сторона от зрителя заполнена недостаточно тесно, пустоты меж фигурами и группами требуют другого распределения. Художник ждет Вашего прибытия, Ваших указаний, чтобы сейчас же приступить к переделке. В отделе христианского искусства, по-видимому, придется исключить духовных лиц из компании Донателло, Микеланджело, Рафаэля и других, потому что рясы и клобуки не идут к этой процессии аспирантов\* на славу, даруемую на Парнасе. Художник их и не поставил. Идея есть, так как она Вами дана; наметились пути композиции, – остается, если Ваше впечатление будет в пользу способностей скульптора, ему переработать [ее] в смысле большей определенности сюжета в каждой своей части, в каждой детали. Вчера я говорил Клейну об исполнении парфеноновского фриза мозаикой – и ему представляется эффект такой цветной ленты в колоннаде несравненно более сильным для русской публики, чем белая скульптура на белой мраморной стене. Если бы эта мысль нашла Ваше одобрение, рисунок этой ленты по гипсам фриза Парфенона заказать бы за границей, хотя бы в Дрездене, где помогал бы нам профессор Трей.

Не знаю, что и делать с моим нездоровьем. Ныне уже не могу и говорить. Советуют мне переменить воздух. Я уехал бы в Тарусу. Так я не болел никогда. Если ехать, то надобно скоро, потому что иначе не переправишься через Оку. Там я сначала затворюсь, чтобы лечиться и от кашля, и от головной боли, и от глухоты. Затем стану в тишине писать актовую речь о римских и греческих студентах. Здесь мешают и домашняя обстановка,

\* стремящихся (*лат.*).

и служебные дела. Остается один месяц до печатания. Разрешите, глубоко-кочтимый Ю[рий] С[тепанови]ч, завтра уехать на 2 недели.

### 293. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

21 ноября

21 ноября 1901, Таруса

Вот и мое пребывание в Тарусе приблизилось к концу; для лечения я делал все возможное, а здоровым все-таки не возвращаюсь. Болеющие любят жаловаться на погоду, но в моем случае и погода не виновата, так как, за исключением 2-3 дней, время стояло хорошее. Приходится согласиться с Вами, что после мистического числа  $7 \times 7$ , организм резко начинает изменяться к худшему, тем более, что к сумме этого числа скоро прибавятся  $+7$ . Но слава Богу, что ни грипп, ни глухота не мешали писать, а тишина и уединение этому так способствовали. М-ме Мейн поселила меня в отдельном флигельке, так что кроме котенка, да ссыльного грузина, заведующего двором старушки Мейн, никто сюда и не входит. Материал для речи о быте высших школ греков и римлян собрал; теперь остается придать лишь форму. Как в этой жизни, далекой по времени, было много такого, что живет и досель, и будет жить до окончания самих высших школ в мире! В этом перманентном академического мира<sup>1</sup> приходится поставить и студенческие беспорядки, которых не выкуришь никакими средствами, как не сделаешь ничем молодой возраст человека свободным от безрассудств, шалостей и всяких умственных и моральных минусов. Читая о студенческих беспорядках Афин, Антиохии, Берита, Константинополя, Карфагена II–IV вв., отказываешься верить, что это было тогда, а не прошлой зимой, там, далеко, а не в Москве, не в Киеве или Петербурге. Так тождественны эти безрассудства молодежи! Лучшей исторической справки о давности студенческих волнений в мире и не нужно. Много сходства представляет и жизнь профессоров того времени: иные портреты прямо напоминают нашу среду. Такие же они были субъекты нервные, раздражительные, склонные к преувеличению собственных заслуг, нечуждые зависти и привычки к *medisance*\*. Врачи и юристы, занимавшиеся адвокатурой, были жадны, «цари слова» или риторы любили хлопки и для численности в своей аудитории не прочь были употреблять сомнительные средства. Археологи были скромны и добродетельны, потому что им не на что было грешить: слушателей у них было не свыше трех человек, причем подавляющее большинство, по бедности, и тогда гонорара не платило, так

\* злословие (*фр.*).



что казначей Константинопольского университета Недешев<sup>2</sup> выдавал профессору гонорар в один рубль, с вычетом 2% в свою пользу, всегда красный при этом от смущения смущением профессора, расписывавшегося в его казначейской книге. Удивительно много сходного. У греков во 2 ст[олетии] по Р.Хр. был даже попечитель университета Лихунчан<sup>3</sup>. Из Москвы я пошлю Вам одно секретное письмо, присланное мне насчет уральского камня. Будьте благополучны.

P.S. Простите, что по близорукости недосмотрел, начавши писать с 4-й страницы. Здесь у меня это последний листик.

#### 294. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

5 декабря

5 декабря 1901, Москва

Вчера мы простились с Р[оманом] И[вановичем], поехавшим отдохнуть за границу. Прощались мы по телефону; я говорил из конторы на стройке, он из дома. На Колымажном, несмотря на глухое время и заваливший его глубокий снег, Бромлей ведет свою работу неустанно. Стук железа на крышах идет без перерыва. И так как «крайности сходятся», то и у нас теперь работают на кровле и в подвалах, – в последних устраиваются и вмазываются котлы для отопления. Эти дни правильно, по вагону в день, подвозили камень, есть между прибывшими кусками и очень большие, которых так давно и так тщетно ждал Клейн. Лист сам был на площадке, осматривал прибывший материал и сказал, что есть еще вагоны в пути и в них несколько больших камней. Он высказывает надежду получить до начала работ 70 вагонов. Дай Бог, чтобы его надежды оправдались и мы весной могли идти к кровле полным ходом. Вы, конечно, будете удовлетворены, если наружные стены поднимутся во всю их высоту и Бромлей осенью и зимой закончит кровлю. Здание в основе получит свою форму и перестанет порождать недоумения в москвичах, которые дивятся тому, что спереди и с боков сооружения ничего понять нельзя. Если бы летом пришлось округлить здание, то на 1903 год пришлось бы колоннада с центральным портиком, в 903 и 904-м пошла бы внутренняя отделка. Наес sunt in votis<sup>\*</sup>. А как правы были Вы, не доверяя с самого начала до самого конца Му[ромцовы]м! Раз Вы мне сказали: «Посмотрите, когда дойдет дело до уплаты, начнутся оттяжки и, в конце концов, Музей ничего не получит». Вы недоумевали перед самым фактом заявления о зале Ниобы. Теперь выяснилось, что Вы не

\* Вот в чем желания (*лат.*). Цветаев перефразирует начало одной из сатир Горация (кн. II, 6); в оригинале: «Вот в чем желания были...» (*Nos erat in votis*).

преувеличивали в данном случае недоверия. Сколько раз писали мы Ек[ате-  
рине] Ник[олаев]не, ничего не вышло: нотариальное заявление она когда-  
то прислала, а распоряжения никакого не сделала<sup>1</sup>. Прокурор рязанского  
окружного суда написал, что он лишен всякой возможности помочь Му-  
зею. Права была и Софья Степановна, в свое время высказывая то же со-  
мнение, что и Вы.

Сейчас иду к Беляеву<sup>2</sup> со своею глухотою. Я все еще болею. Почтительно  
кланяюсь Софье Степановне и Анне Степановне.

### 295. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

8 декабря

8 декабря 1901, Москва

Был я вчера в конторе Листа. Сидел там только писец, поэтому я попро-  
сил последнюю накладную с Урала. Оказалось, что отправлен 96[-й] вагон  
и что в каждом вагоне послано по большому камню. Ломающие напали на  
слой больших глыб – и теперь тамошний поверенный Листа смело заверя-  
ет своего патрона в письмах, что большие камни будут в достаточном чис-  
ле. Ломки будут производиться непрерывно, за исключением святочных  
праздников. Лист просит бороться с непогодой до последней возможности  
и продолжать работу. Отправку камня на декабрь прекратят, но возобновят  
в январе. Но если к большому терпению приучает нас Урал, то должна  
утешать Южная Венгрия. Оттуда первый вагон с цветными мраморами, в  
том числе и один ствол колонны, отправляется на днях, и через три неде-  
ли он будет стоять на Брестском вокзале. Отписывают, что работа идет ус-  
пешно и без задержки. К весне подвезут материала достаточно, а Лист  
обещает приняться за обработку его немедленно, так что лестничная клетка, по-  
жалуй, явится убранною мраморами ранее, чем встанет колоннада по глав-  
ному фасаду. Что значит, когда горное дело налажено! Легко и правитель-  
ствам, и частным лицам на Западе возводить монументальные каменные со-  
оружения. Они не знают тех огорчений и разочарований, которыми  
подарили Вас и коломенские ломки, и Урал. Будьте благополучны. Сижу те-  
перь за корректурами<sup>1</sup> и чисткою оригинала для них. Типография торопит.

### 296. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 декабря

19 декабря 1901, Москва

Типография, работающая последние дни, висит надо мною дамокловым мечом. Я пишу и держу корректуры. Если Вы будете дома, во 2 часу  
явлюсь к Вам попросить Вашего совета насчет Листа. Его поверенный на

Урале в отчаянии от каверз Быховского и не знает, что делать. Власти местные, не имея документа, что Лист имеет право ломать камень для Музея на всей Шишимской горе, не препятствуют Быховскому мешать Листу в изысканиях больших кусков и лучших пород мрамора. Этого противодействия не было бы, если бы у Листа был документ от Комитета насчет этого права относительно безграничного пользования Шишимской горой. А так как на это существует только телеграфическое распоряжение министра Ермолова Уральскому горному округу, то, может быть, было бы целесообразно попросить министра известить Комитет об отдаче им, минувшим летом, этого распоряжения. Имея это письменное извещение, Комитет мог бы выдать своему контрагенту Листу бумагу о своем праве на Шишимскую гору. Распри с Быховским дошли до того, что грозит опасность прекращения наших ломок. Вчера мне приносили совсем отчаянные письма поверенного Листа. Министр едва ли откажет в извещении Комитета, что им вышеуказанное распоряжение сделано. Подайте мне совет Ваш.

### 297. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

31 декабря

31 декабря 1901, Москва

Почтительнейше прошу Вас принять мое сердечное поздравление с Новым годом и все наилучшие желания для всего Вашего, мною высокоуважаемого, семейства. Еще миновал год исполнения нашего общего дела, еще мне послала судьба великое счастье идти подле Вас к созиданию нашего Музея, который будет предметом наших симпатий и дум до конца жизни. Он мало-помалу стал центральным пунктом Ваших забот и всевозможных попечений; он таковым и останется на будущее время. Такова чарующая сила этого идеалистического предприятия. Теперь мы поглощены заботами о его стенах и кровле; но даст Бог, встанет через 2 года здание, – и Вы, и я будем носиться с мыслию об украшении зал декоративной живописью, которая оживит всю внутренность храма и отнимет у него холодный, казенный характер. На днях Поленов и я мечтали об этих живописных панно, которым суждено будет сыграть большую роль и из-за которых одних будут долго, долго собираться зрители. Лишь бы только удалось заручиться для того силами Ваших Семирадского и Васнецова, а также Поленова, Жуковского, Верещагина. С такими мастерами стены зал засветятся чарующим светом и оживят наши холодные и суровые гипсы. При море другого света какой это будет чудный вид целого леса статуй, групп и бюстов в такой обстановке. Сколько предстоит

хлопот и забот по заказам и собиранию скульптур по всем местам Европы! Сколько переписки, переговоров, сношений и поездок по западным музеям! Сколько горячей работы по приему и установке их на место! Сколько помощников и техников разного рода придется иметь при этом. Со свойственным Вам увлечением Вы уйдете в эту созидательную работу, по примеру лета 1898 г[ода]... Тогда Москва будет видеть Вас больше, чем Петербург. А для всего этого нужны будут силы, нужно полное здоровье. Да пошлет Вам его Господь в полной мере – на длинный ряд лет. Почтительнейше прошу Вас передать новогодние приветствия глубокочтимым Софье Степановне и Анне Степановне.

1902

298. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

2 января 1902, Петербург

Благодарю за поздравление желаю многих лет и многого успеха

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

299. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

14 января

14 января 1902, Москва

Ну, слава Богу, я теперь вольный казак. До самого утра 11-го числа шло спешное корректирование и печатание. Последнее в святочное время<sup>1</sup> очень затруднительно: рабочие с угару ставят буквы и знаки по своему пьяному усмотрению, роняют набор, рассыпают набранные полосы, пропускают текст и перепутывают его до неузнаваемости, не правят корректуру как следует. Никогда мне раньше не приходилось иметь, в эту пору года, с ними так много и такого срочного дела. Узнал я эту горячку и все бессилие авторских попечений только теперь, на закате профессорской деятельности и печатая текст «лебединой песни»<sup>2</sup>. Последняя сошла, вопреки Вашим застрачиваниям и предсказаниям зловещего свойства, весьма мирно. Товарищ мой Всеволод Миллер<sup>3</sup> сосчитал, эта речь длилась 1 час 25 мин., публика после заставила подниматься и кланяться ей три раза. Таким шумным одобрением она встретила повесть о греческих и римских профессорах и студентах. Компания московских студентов начала 50-х годов, с Иловайским во главе, угощала после оратора обедом в Английском клубе<sup>4</sup>. День 12 января в общем миновал очень мирно, на акте настроение было прекрасное – и студенты пели и гимн, и Gaudeamus<sup>5</sup> самым усердным образом. Напрасно поэтому московские высшие чины поджали хвосты и укрывались в глубине своих кабинетов<sup>6</sup>. Из всей администрации бесстрашие показали только Унковский и Данилов<sup>7</sup>.

Здесь очень говорят об уходе П.А. Некрасова в Совет министра народн[ого] просвещения; на его место прочат Тихомирова, ректором называют Кирпичникова, но он уходит и из деканов, ввиду сохранения падающих сил<sup>8</sup>.

Милейший и аккуратнейший Рерберг доставил мне заказанный Вами ему документ о произведенных и предполагаемых на будущий строительный сезон расходах по Музею.

1. Истратили мы до сих пор 563 394 руб. с копейками. Вся эта сумма обоснована детальными цифрами расходов с 1898 по 1-е ноября 1901 г. Строительная комиссия нам стоит 13 300 руб. с коп. Архитектору уплачено 31 980 руб.

с коп. Комитет не стоит ничего, кроме чайных расходов и праздничных подачек служащим<sup>9</sup>.

2. Предположенные расходы на 1902 г. 330 000 руб.: а) кирпичные работы (1 милл. кирпича) 41 620 руб., б) кладка фундаментов 3 388 р., в) металлические работы 48 833 р., г) лестницы, черные, парадные и наружные 43 000 р., д) облицовка фасадов 110 000 р., е) асфальтовые работы на дворах и в подвалах 1 500 р., ж) бетонные работы 17 200 р., з) штукатурные внутри и снаружи 5 000 р., и) кровельные и малярные работы 14 085 р., й) столярные работы 6 500 р., к) водопроводные 8 000 р., л) устройство отопления 20 000 р., м) разные работы 9 923 руб.

Если бы удалось исполнить эту роспись целиком, то зданию не будет доставать только колоннады и полов<sup>10</sup>. Обшивка стен Центрального зала и клетки лестницы дополняют все остальное. Останутся мебель и постаменты под скульптуры. Если бы в 1903 г. суждено было нам увидеть колоннаду, то летом 905 г. оставшиеся в живых из членов Комитета увидели бы открытие Музея. Уже с начала 1904 г. настанет время наполнения зал скульптурами – горячая и поэтическая работа. Какое будет счастье вносить дивные произведения искусства и ставить их впервые для Москвы, и многое – очень многое – для всей России. Когда идет кладка кирпича, когда укладывают железо, гранит, мрамор, – нам приходится быть только зрителями и всецело подчиняться архитектору. Но там, в организационной работе, потребуется Ваше и мое творчество – и в счастья наполнить и хорошо расположить содержание зал будет много наслаждения в самом труде.

С продолжительным писанием и спешным печатанием я очень устал. Поеду составлять доклад для годовичного заседания Комитета в Тарусу, если не вызовут меня в Петербург для представления Государю<sup>11</sup>. Из-за болезни и из-за срочной работы к 12 января я не мог просить Министерство об исполнении этого долга.

### 300. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

*16 января 1902, Петербург*

Завтра четверг буду Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

### 301. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17 января

*17 января 1902, Москва*

Удивляюсь Вашей энергии: лишь несколько дней[, как] Вы были здесь<sup>1</sup>, а ныне Вы в Москве снова. Я на днях послал Вам резюме документов,

доставленных мне Рербергом: не знаю, встретилось ли это письмо с Вами в дороге. Очень утомленный спешной работой к 12 января, я хотел поехать в Тарусу отоспаться и пожить в тишине деревни. Но теперь я рад, что Вы здесь: завтра, говорят, приезжает Великий Князь, Вы, конечно, будете у него в ближайший же приемный день – тогда можно будет определить крайний срок годовичного заседания Комитета. Недели через 2 у нас было бы все готово. Раньше Великий Князь не назначит, так как к нему теперь устремятся с делом все московские власти и учреждения. Позвольте мне быть у Вас ныне в 2 часа.

### 302. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 января

*19 января 1902, Москва*

Не знаю, как подвинуть здешнюю таможеню на то, чтобы она выпустила Ваши гипсы, давно пришедшие из Афин. Она настоятельно требует 600 с чем-то руб. пошлины за них. Сколько я ни отписывался, доказывая, что это учебный предмет, ответ один: «департамент» не признал и т.д. А весь этот мудрый «департамент» заключается в каком-нибудь подручном делопроизводителе или подначальника отделения, если не отдельного стола. Этот сочинил бумажку «ограничительного» свойства, его ближайший «начальник» согласился, вице-директор или даже сам директор (!) подписал – и вот за казенную и учебную вещь плати в казну пошлину. Прежде таможня хотя предметы-то выпускала, и мы оставались «должниками казны». Таких долгов на Музее рублей более 1500. Теперь, видя, что с нас взятки гладки, таможня заарестовала самую кладь. Что тут делать? Если бы ныне университетская типография доставила мне отдельные оттиски речи<sup>1</sup>, я поехал бы с визитом к управляющему таможней Яковлеву<sup>2</sup>, любящему говорить о своей любви к Университету; я подарил бы ему экземпляр и повел свое ходатайство о выпуске по крайней мере кладь. А после мы подошли бы под какой-нибудь очень милостивый манифест... Но беда в том, что, заваленная делами в начале года, типография оттисков не выдает, хотя и кормит обещаниями.

### 303. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 января

*19 января 1902, Москва*

Ныне, возвращаясь домой, я встретился с Романом Ивановичем, ехавшим с вокзала Брестской ж.д. Он полон музейских впечатлений от Лувра и берлинских хранилищ. В Лувре открыли, по его словам, целый ряд новых зал<sup>1</sup>,

в Берлине выстроили особое здание для пергамских скульптур. Вчерне я видел его летом 1899, но сейчас оно отстроено и обставлено внутри. Скульптуры размещены по жертвеннику, как это было в Пергаме. Раз этот Пергамский музей теперь готов, я передам это Шехтелю, который взял на себя украсить Пергамский зал нашего Музея; если будущим летом этот зал у нас построят, то Шехтель может заняться размещением скульптур и установкою модели алтаря<sup>2</sup>. Клейн хотел быть у Вас завтра.

### 304. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

21 января

21 января 1902, Москва

Мне вчера пришлось слышать предположение, что ныне будет представление Великому Князю съехавшихся в Москву дворян<sup>1</sup> и что этот прием, хотя и будет производиться огулом, [en masse\*], но все же займет много времени. Если так, то деловой Ваш разговор с Его Высочеством едва ли состоится ныне, а главное, едва ли В[еликий] К[нязь] будет в состоянии, в эти суматошливые дни, наперед определить день годовичного заседания нашего Комитета. Во всяком случае, около 2-х я загляну к Вам, чтобы узнать о результате представления Вашего Его Высочеству. Если срок будет определен, то в четверг<sup>2</sup>, вечером, я уеду на недельку в Тарусу; там я и напишу доклад, и отдохну. А то в последнее время преследуют меня головокружения, хотя после 12-го стало гораздо лучше. Возвращается и испортившийся было сон.

### 305. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

Ок. 23 января 1902, Москва

Многоуважаемый Иван Владимирович.

Трескин был бы мне нужен, пришлите его, пожалуйста, ко мне завтра до 12 часов или нынче около 6 часов вечера. Рассчитывал Вас видеть сегодня в 2 часа у Клейна и переговорить с Вами, если будет это хорошо, а то заеду к Вам вечерком.

Вам преданный

Нечаев-Мальцов

### 306. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

24 января

24 января 1902, Москва

Трескин написал мне, что Вы с ним виделись и сообщили ему нужные указания<sup>1</sup>. Он же передал, что Вы желали бы переговорить со мною ныне в

\* скопом (фр.).



12 часов. Я постараюсь не опоздать и для этого начну и окончу лекцию на Женских курсах несколько раньше. Здесь у Вас, кажется, ныне заседание у дворян<sup>2</sup>.

### 307. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

2 февраля

2 февраля 1902, Таруса

Уехавши сюда в минувшую субботу, за эту неделю я успел отдохнуть и составить доклад к годовичному заседанию Комитета. Жизнь тут идет тихо, условия для отдыха у заботливой старушки Мейн неописуемо благоприятные. Встают здесь рано, ложатся в 10-м часу; длинный день разнообразит больше чаем, кофеем и многократной едой. Умственную пищу на день доставляют московские газеты, если не приносятся в город какие-нибудь особенные известия из соседних Калуги, Тулы и Серпухова. Эту неделю здешнее дворянство и служилая интеллигенция потешались рассказами дворян, возвратившихся из Калуги с выборов. Там происходили события действительно забавные, с одной стороны, и глубоко печальные, с другой. Для Калужской губернии текущий год, вследствие плохого урожая, особенно тяжел. Всякое жито – дорого, сена мало, ярового корма почти нет совсем. Кряхтят самые зажиточные и исправные хозяева. А о дворянской мелкоте, при ее бесхозяйственности и бедности, и говорить нечего. И вот, в этакий-то год, цвет калужского дворянства, съехавшись на выборы, так гулял и бражничал, что проели и пропили за это время свыше 10 000 руб. Им, видите ли, в середине зимы потребовалось цветов на 500 руб., понадобились певцы от Омона<sup>1</sup> из Москвы, которым заплачено тоже 400 или 500 руб. Губернатор давал дворянству обед в 2000 руб. с лишком и, не имея денег, должен был выдать повару или ресторатору вексель, для подкрепления веса которого потребовалось участие какой-то подписью самой губернаторши. Губернатора чествовали обедом в складчину по уездам; но тут случился «скверный анекдот». Один уездный предводитель до того загулял, что собранные деньги или потерял, или растратил, и с угару уехал домой, не заплативши и тем поднявши на ноги обидевшегося ресторатора. О всех этих курьезах рассказывается в Тарусе то со смехом, то с порицанием. Не обошлось у этих закутивших людей и без общего нехорошего дела. Приехавшие с выборов рассказывают, что дворянам обещана правительственная субсидия на уплату % в Дворянский банк, но каждой губернии в размере суммы, которая будет для этой цели собрана самими дворянами. Подгулявшая калужская noblesse\*

\* дворянство, знать (фр.).

прежде всего перечислила сюда свой капитал, имевший иное и совершенно специальное назначение, – содержание стипендиатов в учебных заведениях. Чтобы увеличить сумму государственной субсидии, сняли с того капитала прежнее название и представили якобы новые суммы для этой новой цели. Странно, что сами приехавшие из Калуги сеньоры дома называют открыто деяние такое общим подлогом и вслух порицают этот поступок всей коллегии. Эти несвоевременные пиры, при общем обеднении и при несправимой задолженности, и некрасивые предводительские деяния обещают мало надежды на возможность и материального, и морального подъема нашего первенствующего сословия. И это очень грустно, потому что история сметает со своей сцены класс, бывший в стране единственно культурным и имевший за собою важные государственные заслуги.

В Москву я возвращаюсь 4-го или 5-го числа. Денька два мне нужно для справок и для типографского набора, по которому легче читать, чем по рукописи. Ожидаю в Москве Ваших указаний. Около 8-10-го приезжайте к нам.

### 308. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

*5 февраля 1902, Петербург*

Сердечно сочувствую вашему горю об отъезде следует уведомить на Тверской лично или письмом Покров в Левшинах для доклада<sup>1</sup>

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

### 309. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

*16 февраля 1902, Петербург*

Завтра воскресенье буду Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

### 310. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4 марта

*4 марта 1902, Москва*

Указание Ваше относительно награды Рерберга я начал приводить в действие. По наведенным письменным справкам оказывается, что он может получить орден Св. Анны 3 ст[епени]. Теперь возникает вопрос, куда направить нам это ходатайство, в здешнее ли военно-инженерное ведомство, к ближайшему начальству Рерберга, что ускорило бы дело, или в министерство народного просвещения, в ведении которого происходят особые заслуги награждаемого. Попробую послать запрос генералу Вельяминову<sup>1</sup>, который, как начальник Рерберга, очень доволен его работами у нас, так что просил Клейна дать где-нибудь возможность заработка и другому, подведомственному ему,

инженеру. Бумажку эту пошлю завтра – с просьбой ответить поскорее, чтобы нам не опоздать представлением к ближайшему сроку. Впрочем, награждение военных идет чуть ли не круглый год.

Вьюги на Урале должны бы закончиться, и работам по выломке камня следует идти полным ходом. Сейчас иду спросить в конторе Листа, сколько вагонов отправлено в Москву, и затем узнаю, были ли в последние дни полочки мрамора на стройке. В конторе сказали, что стужа на ломках продолжается, но что работы все-таки идут. Последняя полочка мрамора на Колымажном была в минувшую субботу, т.е. третьего дня. Это – первые 10 вагонов, что отправлены после перерыва. Теперь обещают отправлять непрерывно. Сию минуту Лист телефонирует в музей, желая меня видеть. Жду его, и что скажет он, сообщу Вам здесь же.

Георгий Адольфович приезжал сообщить, что он итальянских каменотесов выписывает на 50% больше против прошлогоднего числа и что 1-я партия прибывает 18 числа с.м., а остальные 20 апреля. Ныне им отправлено 15 000 лир задатку. «Лишь бы-де не обманул Урал, а я обязательство свое исполню». Дай Бог.

### 311. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

СПб, 10 марта 1902

10 марта 1902, Петербург

Многоуважаемый Иван Владимирович.

Уезжая сегодня за границу, мне не хочется покинуть родину не простившись с Вами.

С Синаевым-Беренштейном придется, кажется, расстаться, вместо 60 т[ысяч] *франков*, о которых он говорил в Москве, он просит 75 т[ысяч] *рублей* за одну лепку и 50 т[ысяч] за рубку, хотя согласен, по-видимому, сделать обе работы за 110 т[ысяч] *рублей*.

Ваш Нечаев-Мальцов

Гостей в Москве ко Святой ждать напрасно, говорят знахаря<sup>1</sup>.

### 312. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

11 марта

11 марта 1902, Москва

Ожидая со дня на день вызова в Петербург по делам Румянцевского музея, я надеялся лично сообщить название интересующего Вас труда по средневековой скульптуре Франции. Но под гнетом грустных событий в жизни наших высших учебных заведений и в чадю работы по внесению проекта реформы средних школ в Государственный Совет, Петру Семеновичу не до

музеев и музейцев, тихая и никому не видная жизнь которых, по нынешним временам, представляется блаженной. Труд, который даст ответ на вопрос, Вас занимающий, называется: *Émile Mâle. L'art religieux du XIIIe siècle en France*<sup>1</sup>. Новое издание вышло в текущем году. В Trocadero существует в продаже каталог скульптур, отливаемых там и относящихся главным образом к Франции Средних веков и эпохи Возрождения. Мне Вам нечего докладывать, что там Вы найдете и порталы знаменитых кафедралей\* и части их фасадов, которые должны у нас украсить собою частию залы соответственных эпох, главным же образом световой двор, предназначенный для христианской скульптуры. Место таких импозантных скульптур, как, например портал Страсбургского собора, или *Notre Dame*\*\* Парижской только в этом высоком отделении Музея<sup>2</sup>.

Здесь получено горестное известие об опасной болезни Семирадского, находившегося на волосок от смерти. У него появился какой-то злокачественный нарыв во рту, вследствие поранения языка. Ему предстоит долгое лечение. Дай Бог ему подняться. Он так нужен еще для искусства и лично для нас, ибо Римского зала никто не в состоянии оживить своей дивной кистью, как он, особенно при том живом интересе, который он получил к этой задаче минувшей весной, бывши Вашим гостем. Он так воодушевился этим залом, что меня затащил в «Большой Московский» и заставил распить целую бутылку рёдерера. Нынешней весной он надеялся приехать в Москву для работы по заказу храма Спасителя<sup>3</sup> и, поселившись в «Князем дворе», следить за ходом сооружения нашего Музея. А теперь – все это пока рушилось.

18 числа этого месяца приезжают итальянские каменотесы. Не увидите ли министра А. С. Ермолова: расположите его отдать Музею года на 3-4 всю Шишимскую гору. Хочется мне весной, когда просохнет, побывать на Урале, а то писать и говорить о ломках и свойствах той местности, не выдавши, неудобно<sup>4</sup>. Я съезжу с большою готовностью. Говорил об этом с Клейном и Листом. Последний обещается сам прибыть туда и выломать в нашем присутствии самую большую глыбу. Эта поездка для меня очень интересна и прямо лично для меня, как редактора отчетов, нужна.

### 313. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

14 марта

14 марта 1902, Москва

Был я вчера у Клейна и нашел его больным. У него инфлуэнца, павшая на его череп, который гоеет с каждым днем, так что Р[оман] И[ванович] обещает скоро быть лысым, а к открытию Музея и получению тогда чина

\* соборов (*галлицизм*).

\*\* Богоматери (*фр.*).

действительного статского он станет совсем праведником, которому Бог лица за добродетель прибавил. Кроме болезни его озабочивают нагнетания, чтобы он взял на себя стройку архитектурной части памятника Александра III. Померанцев до того раздражил своим «невозможным» характером комиссию, что члены ее грозят выходом, если Померанцев не откажется от исполнения своего проекта, который Клейн находит превосходным. На днях приехал к нему Протопопов упрашивать от имени комиссии взять на себя строительную часть и хозяйство в этом деле, до того теперь хромающее, что непомерные расходы заставляют Истомина<sup>1</sup> громко говорить о хищениях на памятнике. Но Клейн находит это предложение невозможным, хотя Протопопов и обещает денежную поддержку нашему Музею, если Р.И-ч выручит тот комитет из беды: 1) потому что для него нет никакого почета быть исполнителем чужого, хотя бы и отличного, проекта и 2) он совершенно справедливо опасается разрыва с архитектурным миром из-за удаления Померанцева, с которым у него уже давно отношения не из приятных. Теперь он предложил комиссии войти в нее в качестве эксперта архитектуры и консультанта по хозяйственной части, если только Померанцев напишет ему письмо об этом или сам приедет к нему с этим предложением. Иначе он не желает с памятником никакого дела, хотя ему и дали знать, что, в крайнем случае, ему, Р.И-чу, пришлют высочайшее повеление принять на себя строительную часть этого предприятия и что он, как русский подданный, не посмеет тогда уклониться от этого. Что выйдет из всего этого, сказать трудно; но Клейн обусловил и вступление в комиссию согласием Протопопова сделаться казначеем нашего Комитета.

Отношение генералу Вельяминову насчет Рерберга я написал. Написали бумаги рязанскому губернатору о наследстве Муромцевых и министру государственных имуществ о мраморе Шишимской горы.

Государственный Совет согласился на отпуск 243 000 руб. с лишком Румянцевскому музею на строительные надобности. Спасибо Петру Семеновичу за это внимание к моему первому ходатайству. На днях получено от него известие, что о моем запоздавшем представлении он предварительно доложит Его Величеству и, в случае соизволения на оное, вызовет меня<sup>2</sup>. Ранее 5-й недели, я думаю, едва ли это может состояться.

Дай Бог Вам перенести легко операцию и нам увидеть Вас весною бодрым и обычно-благодушным. Клейн просит Вас побывать в Ecole des Beaux-Arts, в ее Cour Vitrée\* и посмотреть на недавно там будто бы выставленный в гипсе памятник Лисикрата<sup>3</sup>. Если это известие верно, будьте добры узнать,

\* Школа изящных искусств, застекленный дворик (фр.).

что стоит гипсовая копия. Приобретение ее для нашего левого Cour Vitrée было бы очень эффективно.

Неужели Беренштам<sup>4</sup> стоит 125 тысяч рублей? Это просто дерзость.

### 314. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 марта

19 марта 1902, Москва

Нынешние газеты распубликовали суд над Быховским, происходивший в саратовской судебной палате. Судился он за небрежение по должности мирового судьи и за запущенные массы дел. На разбирательстве выяснилось, что обязанностями своими он не занимался из-за очень выгодного подряда, взятого им на себя в Музее Александра III в Москве. Из-за этого-де он больше жил в каменоломнях, чем в Златоусте. Приговорен он к выговору, с занесением в формуляр<sup>1</sup>. Случай этот заставил, как говорят здесь, его совсем оставить службу. Очевидно, это – пустой человек: и пред Вами он оказался несостоятельным, и в Музее потерял подряд, и пропал для службы.

Вчера я навещал больного Р[омана] И[ванови]ча. У него после инфлюэнцы творится что-то неладное с легким, а третье воспаление для него может, по словам докторов, быть роковым. Он теперь бережет себя и давно не выезжает. Прибыла сюда из Венгрии 1-я цветная колонна для лестницы и с нею несколько кусков мрамора. Лист представил было Клейну образец мраморной модели лестницы, но этот образчик сделан так отдаленно от данного ему рисунка, что вещь была забракована. Опасаясь, как бы эта небрежность не отразилась и на главной работе, Р.И-ч посоветовал мне написать распоряжение от имени Комитета Листу доставлять строителю Музея гипсовые модели всех деталей предварительно окончательного исполнения. Я эту бумагу для Листа заготовил и пошлю ее ныне при чертежах Клейна. Написал Листу еще письмо насчет оконных перемычек, которые, по словам Р.И-ча, необходимы к 1-му мая, чтобы начать тогда серьезную кладку и мрамора, и кирпича. Убеждал его принять все доступные ему меры, чтобы камень был.

Ныне же, по случаю свободного у меня по вторникам утра, составляю бумагу к министру государственных имуществ об уступке Комитету всей Шишимской горы на 3 года, до выломки необходимого Музею количества мрамора. До сих пор это дело откладывалось из-за того, что никак не мог я получить из университетской типографии экземпляров речи о Музее. Ее я хотел послать А.С.Ермолову при письме прежде отправления бумаги. Сейчас готова эта брошюра и переплетена для отсылки ему.

Завтра отправляем копию фасада к Трею в Дрезден. На обратном пути побывайте в Альбертинуме и накормите Егора Егоровича завтраком за его

любовь к нам и за его пожелания о Музее. Это – характер очень милый, деликатный, скромный. В жизни ему не везло; он не мог устроиться в Петербурге, а за границей потерял 5 человек детей и жену.

### 315. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

21 марта

21 марта 1902, Москва

Лист по письму моему насчет оконных перекрытий телеграфировал на Урал почти моими же словами: «Архитектор Клейн опасается, что к маю не будут доставлены большие куски для перекрытия окон и что опять нельзя будет первого мая начать каменную кладку. Телеграфируйте каких сроках Вы надеетесь доставить все не хватающие перекрытия окон». «На эту телеграмму, – пишет мне ныне Лист<sup>1</sup>, – теперь мною получен от г. Блаумена следующий ответ: «Надеюсь дать требуемые камни до первого мая». Это известие сейчас же мне сообщено письменно вместе с радостным чувством Георгия Адольфовича, что этот вопрос будет улажен. Третьего дня, получивши мое письмо, он приезжал ко мне в Румянцевский музей с целым архивом дел и писем Блаумена, которые и читал он мне в доказательство своей правоты. Из донесений его поверенного видно, что на Урале холода и вьюги продолжались до последнего времени и что наломанный камень лежит под толщей снега в 2½ аршина [1,778 м]. Ломки заносились в течение ночей так, что первым делом каждого утра было вынимать снег из углублений и отбрасывать его в сторону. Один рабочий указал место залежи белого мрамора большими массами, без трещин, в 30 верстах [32 км] от нынешней ломки – и Блаумену намерен поставить там партию рабочих для оголения места и начала ломок. Камень той же самой породы. Работы начнутся, как только таянье снегов позволит подступить к тому месту. Лист хотел было добывать квадраты для капителей колонн около Красноярска, лишь бы устоять в обязательстве, данном Вам; но Блаумену в одном из прочитанных мне писем советует эту мысль пока отложить, надеясь найти соответственные куски на Урале. Вообще, судя по тону его писем, дело добывания мрамора вступает на новую, по-видимому, лучшую дорогу. Дай Бог. А то со всех сторон спрашивают: «Да когда же мы пойдем форму этого музея?» Некоторые уже сетовали, зачем-де фасад вывели на задворки площади, а не на Волхонку. Милые люди таким образом приняли здешнюю сторону здания за его главный фасад. Скромные же они эстетика.

Позавчера приезжала ко мне в Румянцевский музей некая г-жа Ригель с предложением купить 2 танагрские терракоты для нового Музея. Предметы – милые. Начался разговор о Греции, где она была недавно, местах нам

обоим лично известных в Аттике и Пелопоннесе. Женщина она интеллигентная и с способностью художественных и исторических увлечений. От Греции перешли к нашему Музею и к Вам, Вашей деятельности, которая ей оказалась хорошо известной. В заключение Софья Николаевна Ригель стала просить принять эти терракоты в дар, как ее маленькую лепту, такому симпатичному предприятию. Так танагры и остались у меня. Вчера я показывал их на лекции студентам, ныне написал бумагу в Правление с просьбою благодарить жертвовательницу<sup>2</sup>.

### 316. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

23 марта

23 марта 1902, Москва

Пришло известие от «Лионского кредита» о получении в Москве 8 гипсовых слепков со статуй Центрального археологического музея в Афинах и наложенном платеже в 1900 франков. Это – заключительная часть Вашего афинского заказа, и потому я позволил себе препроводить это извещение Сергею Ивановичу<sup>1</sup>, при письме. Но прежде сношений с таможенной, которая не перестает требовать с нас весьма высокую пошлину (900 руб. за лондонский фриз Парфенона, 660 руб. за афинские рельефы и т.д.), а в последнее время перестала и выпускать наши заграничные клады до уплаты пошлины, надобно написать ходатайство в Министерство финансов о разрешении выписать беспошлинно такие-то и такие-то предметы. В бумагу я представляю Ваши: 1) рельефы и статуи из Афин, 2) репродукции работ della Robbia, сделанные во Флоренции, и другие вещи. Если на этих неделях буду в Петербурге, побываю в соответственном департаменте Министерства и повидаю В.И.Ковалевского, который щедро сбрасывает пошлины, если обращаются к нему лично. Таможня насчитала какую-то несуразную сумму с большого астрономического прибора, выписанного для здешней обсерватории. Платить было нечем, и несправедливо; Некрасов лично переговорил с Ковалевским – и тот снял пошлину. Я пересылаю с ним печатными статьями, он отвечает целыми книгами издания Министерства финансов. Раз виделся я с ним в приемной Великого Князя.

Университетские волнения улеглись, студенты принялись, с появлением на улицах моченых яблок<sup>2</sup>, за подготовку к экзаменам и появляются в большем числе на лекциях. Но в Техническом училище<sup>3</sup> волнения и забастовка приняли общий характер. Как карфагенские студенты IV века, они выгоняют силою профессоров из аудиторий. Для своих действий молодые люди, конечно, подыскивают легко логическое основание, и они же будут обвинять правительство, если оно забастует терпеть эти бессмысленные и



грубые безобразия, выгонит их из учебного заведения и забастует потом принимать их обратно года 2-3. Без мер решительных и, главное, твердых и последовательных не будет никакого толку и слада с этими башибузуками<sup>4</sup> в студенческом платье. Одичание и уклонение от науки достигли в большинстве студенчества крайних размеров. Книг не читают, на лекции не ходят, лаборатории пусты, даже от клиник уклоняются, а только гадят и бродяжничают по городу.

### 317. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

24 марта

24 марта 1902, Москва

Вчера вечер я провел у Васнецова вместе с Кондаковым и бывшим владимирским археологом Георгиевским<sup>1</sup>. Виктор Михайлович просил меня написать Вам его сердечный поклон и усерднейшую просьбу оставить в стороне проект верхнего фриза Музея, представленный Беренштамом<sup>2</sup>: как Вы и предполагали еще до созыва на совещание художников, лучшие из них признали его слабым. А когда я сказал о предложенной цене, то и Васнецов, и Кондаков пришли в изумление. Васнецов просит Вас обратить внимание на петербургского скульптора Залемана<sup>3</sup>, человека-де удивительно даровитого и долго работавшего над античными образцами. В этом художнике чувствуется, по словам его и Кондакова, сила огромная, что-то микельанджельское. Отдать-де этому вполне своему ваятелю этот венчающий фриз нет никакого нравственного затруднения. Залеман-де – человек очень скромный, застенчивый, сразу станет отказываться, а потом поймет задачу и отдастся ей уже весь: он составит проект, он, по принятии его Вами, и вырубит<sup>4</sup>. Задача-де такая почетная, что он пустит свои силы во весь размах. Я обещал Вам написать эту рекомендацию и «убедительнейшую просьбу» Виктора Михайловича и теперь это обещание исполняю. Если Вы мне поручите вступить в сношение с Залеманом, поручение будет охотно исполнено. Самому мне этого скульптора и его работ видеть не приходилось, хотя имя и слышал с большими похвалами.

Собеседники мои обсуждали и вопрос о фризе Парфенона. Виктор Мих-ч стоит за то, чтобы делать его в камне, а не мозаикой: на плоскости-де ноги коней этого мозаического фриза до того переплетутся, что эффект пропадет. Да и вопрос о красках одежд участников панафинейской процессии очень спорный и трудный: выйдет-де вещь пестрая, французская, кричащая. Высказываясь за скульптурное произведение, и Васнецов, и Кондаков стоят за то, чтобы вырубался этот фриз в Москве, под русским руководством и, по возможности, русскими руками. Много мы спорили насчет

составления проекта рисунка этого фриза. Васнецов и другие собеседники были того мнения, что если Поленов возьмется за реставрацию отпавших частей, то под его руководством чертежники и рисовальщики отлично-де исполнят все дело. Я же сомневаюсь, чтобы у Поленова хватило энергии на эту работу. Он – барин, любит сидеть у себя дома, работает над своими сюжетами. Как его заставить являться в большое помещение, где должен быть выставлен весь фриз (да и когда еще можно будет устроить такую залу в нашем Музее?), и там подолгу работать над реставрацией? Иное дело – Трей: он каждый день в музее; у него и гипсы, и опытные рисовальщики под руками<sup>5</sup>. Да и сам он петербуржец, так что наше национальное чувство страдать не может. Раз он возьмется, дело будет сделано до конца в более короткий срок, так что с практической стороны здесь несомненное преимущество. Исключительно отечественным гением и русскими руками должна быть здесь исполнена центральная часть, над входом в Музей<sup>6</sup>. О ней я доложу Вам позднее.

### 318. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

28 марта

28 марта 1902, Москва

Скончался наш сочлен Д.Ф.Кондратьев, проболевший перед тем несколько дней. Еще недавно он был, с обычной аккуратностью, в заседании Строительной комиссии, и еще позднее видели его в концерте мои жена и дочь и там разговаривали с ним. Умер он на 74-м году. Беспредельно добрый и со всеми деликатный, делавший много добра и отлично распорядившийся наследством Е.И.Бенардаки, он будет поминаем добром и частными лицами, и целыми обществами. У нас его жертва определяется в 25 125 руб., и внес он ее в первые дни существования Комитета охотно, не заставив за собою ухаживать и просить. Подвел его к Комитету Л.С.Поляков, увлекший его вступить в наш Комитет, в моем присутствии, весной 1898 г. Из всех наших сочленов он да Казначеев последовательно посещали собрания Строительной комиссии. Мир его праху<sup>1</sup>.

Напечатание речи, произнесенной в годичном заседании Комитета, принесло мне целый ряд писем из университетских городов от коллег по преподаванию истории искусств, от археологов и любителей древности и несколько устных обращений насчет воспроизведения фриза Парфенона на главном фасаде Музея. Общий и единодушный голос – остановиться перед этой реставрацией, непосильной в научном отношении ни для кого на свете, ни для одного знающего человека не убедительной, а для обыкновенной отечественной публики все равно непонятной, а между тем страшно дорогой, имеющей

превысить 100-тысячную затрату из Ваших средств. Эти единодушные голоса только оправдали и Ваши, и мои сомнения в возможности хорошо реставрировать исчезнувшие навсегда головы действующих лиц панафинейской процессии этого фриза. Когда Вы побывали в Лондоне, когда близко ознакомились Вы в Британском музее с состоянием оригиналов и когда приобрели там слепки всех плит и фотографии с них, Вы в первой же беседе со мною, по возвращении из Англии, высказали мнение, как мало осталось плит нетронутых, как остальное безнадежно испорчено и как будет трудно и произвольно предположенное для нашего фасада восстановление. «Эту мысль я давно в голове имел», – повторю я вслед за горбуновским купцом, перебившим в пьяном виде все оконные стекла своей фабрики<sup>2</sup>. Оттого я и медлил здесь исполнением зависящих от меня работ. Медлил я и с отсылкою копии с фасада Трею в Дрездене как перед чем-то большим и роковым. Эти сомнения усилились особенно в последние решительные дни, когда трубка этой копии лежала постоянно на моем столе у меня на глазах. И вот в эти-то дни сомнений и колебаний пришли и письма, и личные запросы и обращения, полные сомнений в целесообразности этой задачи. Вчера я не мог спать ночь, ныне поехал к Клейну, долго мы беседовали с ним и решили подождать Вашего возвращения с отсылкою фасада в Дрезден. По деликатности и неопикуемой щедрости Вы не в состоянии поднять вопрос о бесполезности этого воспроизведения, раз оно обозначено в проекте фасада, но эта-то Ваша щедрость налагает на меня нравственную обязанность быть деликатным и говорить правду. Об этом сложном предмете я сочту долгом продолжить речь в следующих письмах. Отправляюсь завтра на погребение Д.Ф.Кондратьева.

### 319. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

30 марта

30 марта 1902, Москва

Позвольте мне продолжить речь о фризе колоннады Музея. Его крайняя дороговизна, неубедительность реставрации потерянных частей и непонятность содержания для огромного большинства будущих посетителей Музея делают это предприятие рискованным. Большие деньги, труд и время будут убиты и не дадут надлежащего успеха. Запыленные и загрязнившиеся рельефы даже лет через 25 в посетителях не будут возбуждать и слабого представления о том, что эти скульптуры стояли. Публика будет проходить безучастно, стремясь зимой поскорее внутрь Музея от холода, а у нас зима и непогоднее время осени и весны составляют 7 месяцев в году. Это будет, впрочем, со всяким украшением, какое бы-то ни помещать здесь.

А летом главными насельниками колоннады будут дети с их нянями – и пусть эта «младая жизнь будет здесь играть»<sup>1</sup>, – да влюбленные парочки, как это мы сплошь и рядом видим в залах Румянцевского музея: и ни тем, ни другим ни до фризозов, ни до их изучения не будет дела<sup>2</sup>. Поэтому не выдержит критики и мнение, появившееся в прошлом году о желательности скульптуру парфенонского фриза заменить мозаикой. При мозаике к сомнительности реставрации голов и лиц действующих персонажей и отшибленных ног конницы панафинейской процессии присоединится еще невероятность раскраски одежд. Да к тому же, как Вы замечали, ноги коней так неприятно переплетутся на мозаической картине, что получится впечатлительное весьма невыгодное. Но каково бы ни было исполнение, зимой эта мозаика не будет видна из-под инея, если бы и явилась у кого охота рассматривать ее на холоде и на ветру колоннады. Если Вы, Юрий Степанович, разделите хотя часть этих сомнений, в чем можно быть уверенным, так как по возвращении из Лондона уже Вы были поражены сильной фрагментарностью оригинала, то как же быть с заявлением Вашего намерения это подражание парфенонскому фризу вырубить из мрамора<sup>3</sup> Мне более, чем кому-нибудь, близко известно, что Вы высказываете Ваши мнения и решения и заявляете обещания не сразу, не под влиянием минутного настроения, – как известно хорошо мне и то, что Вы Ваши обещания не только всегда исполняете, но исполняете всегда в усиленной, в значительно повышенной степени. Само собою, и этот фриз, чего бы он ни стоил, Вы непременно исполните. В силу этого Вашего свойства Вы никогда не поднимите вопрос о целесообразности материальных затрат, которых этот фриз потребует. Но этот вопрос в настоящий критический момент поднять должен я, по долгу совести, и я его поднимаю совершенно спокойно, в полном убеждении правоты. До момента отсылки копии фасада в Дрезден я еще колебался; но когда последний момент пришел, я решаюсь этого не делать. Совесть говорит мне, что нельзя пользоваться Вашей щедростью, раз нет более убеждения в целесообразности этой колоссальной затраты. Я, конечно, предвижу Ваше возражение: фасад одобрен Государем, в присутствии Его В[ели]чества и Великого Князя говорилось и об этом фризе. Но «dies diem docet»\*. Если возникли серьезные научные затруднения, то и Царь, и наш председатель легко дадут разрешение отступить от одобренного проекта фасада. В этом нет никакого сомнения. Предвижу и другое, важное для Вас возражение. Об нем буду писать завтра.

\* День дню дает урок (*лат.*).

## 320. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

31 марта

31 марта 1902, Москва

Возражая против мысли оставить без исполнения проект скульптурного фриза, Вы укажете на неудобство возбуждения этого вопроса для Вас, от которого далека даже тень желания уклониться от материальных затрат на этот фриз. Но ведь также и тени соображения последнего свойства не явятся ни у кого, Вас знающего. Этой тени сомнения ни на один кратчайший срок не явится ни у Его Величества, ни у Великого Князя, ни в Комитете, у бесчисленных Ваших знакомых, ни у кого, в последние годы так часто слышащего и читающего о Ваших сооружениях величественных храмов, больниц, богаделен, богато обставленных школ, о Вашей роли в жизни петербургского художественного общества. Наконец, в эти 4 года в сознании Москвы и Петербурга, всех остальных умственных центров России и у читающей публики Музей изящных искусств Александра III и имя Нечаева-Мальцова слились в нераздельное целое, не мыслимое, не представляемое один без другого. Не стану скрывать и лукавить пред Вами, что меня, подобно мне самому, считают величайшим счастливецом этим Вашим горячим участием, этим безграничным увлечением судьбою и делами Музея. Сколько удивления, сколько расспросов встречал и встречаю я от знакомых и незнакомых на этот счет, начиная от лиц самой высокой сферы и кончая совсем-совсем маленькими людьми, начиная большими миллионерами вроде кн[язя] Юсупова и кончая бедным учителем и канцеляристом. Одно опубликование речи последнего заседания Комитета с ее сообщением о разноцветном мраморном входе Музея сколько разговоров, расспросов и выражений удивления и поздравлений доставило мне в эти дни недели. Настоящий момент, напротив, самый удобный для того, чтобы отказаться от фриза и от соединенных с ним огромных расходов. Но я, писавши эти строки, хорошо сознаю, что никакие уговоры и убеждения не в состоянии заставить Вас отказаться от раз принятого и многократно заявленного решения нести эти расходы для украшения здания и учреждения, ставших Вашему сердцу близкими. Твердый носитель девиза *Noblesse oblige\**, Вы ни под каким условием, ни перед каким мотивом не сдадитесь в своем решении. Бессильный бороться с Вами на этой почве чисто личного, субъективного свойства, я осмелюсь изложить пред Вами нижеследующий план личного успокоения с этой стороны. Когда на днях собравшиеся археологи разговаривали о трудности и неисполнимости воссоздания парфенонского фриза и высказана

\* Благородство обязывает (*фр.*).

была мысль, да не лучше ли бы вытянуть под колоннадою Музея мозаичный фриз с последовательным изображением сцен и картин из истории искусств и художественного труда, то в конце договорились, что эта тема фриза была бы бесконечно понятнее для зрителей и такой фриз служил бы действительным украшением фасада. Гости долго рассматривали мою большую фотографию фасада и разошлись поздно. Я не спал ночь, обдумывая поворот дела, которое и в этой форме не удовлетворяло меня. Позвольте продолжить речь об этом в следующий раз. Сейчас еду в клинику по совершенно прозаическому поводу. Вздумавши придерживаться растительной пищи и рыбы, занозил косточкой себе нёбо.

В Лувре облюбуйте Нику Самофракийскую, и с носом корабля<sup>1</sup>; у нас ее нет.

### 321. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

1 апреля

1 апреля 1902, Москва

Цветной мозаичский фриз на тему «развитие искусств и художественного труда с древнейших времен истории» своими хорошо скомпонованными и ярко изображенными сценами на стене колоннады Музея будет, конечно, несравненно понятнее для публики, чем темный для нее по содержанию панафинейский праздник парфенонского фриза. В хорошую погоду, не в зимнюю пору, публика несомненно будет находить здесь истинное наслаждение. Но помещение этой мозаической ленты на открытом воздухе, при обилии снежных и непогодных дней московского климата, представляет целый ряд больших неудобств. Начать с того, что зимой, нашей длинной зимой, эта картина будет весьма часто подернута инеем, из-за которого не рассмотришь рисунка и красок. В такие, многочисленные у нас, дни это дорогое украшение будет пропадать для галереи бесследно. Бывает и ясная погода в зимние месяцы, но с такими холодами и такими ветрами, когда входящая и выходящая публика станет намеренно избегать остановок на колоннаде, где ветер гуляет между столбами с особенно резкою силой. В такие дни изящная мозаика опять останется без зрителей. То же приходится сказать и касательно дождливого времени, времени осенью и весной. Посетители Музея тогда наскоро будут пробегать гранитную лестницу и центральный портик и едва ли подолгу станут останавливаться в боковых колоннадах. Остается, таким образом, лишь маленькая часть года, удобная для наслаждения этой картиной. Но и здесь не нужно забывать, что громадная доля московского населения от половины мая до половины сентября в городе не живут, уезжая на дачи и в деревни.

Все вышесказанные неудобства исчезнут, когда бы Вы разрешили Клейну перенести живописный или мозаичский фриз внутрь Музея, и при

том в Центральный его большой зал. Здесь он будет как бы иллюстрированной программой Музея изящных искусств; здесь он станет собирать к себе всех посетителей Музея, и наслаждение им будет получаться круглый год, во все сезоны и во всякую погоду. Длинная картина, в виде ли сплошного фриза, или отдельных панно, придаст основной смысл этому импозантнейшему из зал всего здания. Тогда и помещение обещанной нам царской статуи Александра III в этой зале-программе, в зале-центре и по своей декорации только выиграет, Центральный зал тогда возвысится в своем значении для каждого посетителя Музея.

Зная, по примеру верхнего фриза главного фасада, с какою страстностью относится Р[оман] И[ванович] к выполнению его проекта и как он глубоко был огорчен и обижен, когда появилась было мысль обойтись без этой скульптурной ленты (он одно время хворал от этого нервно), я пошел к нему позондировать его отношение и в данном случае. По правде сказать, я опасался вспышки и нетерпеливости его уже при самом начале разговора. Но, к моему удивлению, он в течение всего развития мысли молчал и слушал спокойно, и только когда я кончил, он встал, забежал по комнате и сразу отказался от скульптурного фриза с панафинеийской процессией. Принял основную мысль и предложил вместе просить Вас об этой замене. Как художник, он воодушевился мечтою об эффекте живописного фриза или нескольких панно в Центральном зале. Но главное дело – в Вашем решении.

### 322. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

9 (ст. стиля) апреля 1902, Рим<sup>1</sup>

Prie donner adresse notre pentre catacombes<sup>2</sup>

NETSCHAEW MALTSOFF\*

### 323. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

10 апреля

10 апреля 1902, Москва

Посещая столицы и главные музеи Западной Европы, Вы дарите наш Музей всегда чудными копиями памятников искусств. Находясь в Риме, Вы, конечно, сделаете для Музея то же самое. Но, так как кое-что у нас есть, то позвольте почтительнейше просить Вас о следующих памятниках. Копии приобретаются или, вернее, заказываются у поставщика Ватикана (formatore in gesso\*\*) Cesare Malpieri, Corso 54<sup>1</sup>; я осмеливаюсь поставить здесь классические вещи, с которыми на постаментах будет навсегда соединено Ваше имя. Пишу

\* Прошу прислать адрес нашего художника катакомб. Нечаев-Мальцов (фр.).

\*\* гипсолитейщик, формовщик из гипса (ит.).

из Университета, куда пришла неожиданная весть, что П. С. Ванновский подал прошение об отставке и что министром назначен Зенгер<sup>2</sup>. Опубликовано ожидается на Пасху. Как быстро движутся события! Ныне – страстная среда, а в прошлую пятницу П. С.-ч мне на докладе говорил: «А что мне скажет по такому-то Вашему представлению Государственный Совет».

Cesare Malpieri. Corso 54. №№ ero Catalogo dei Gessi: № 10. Ercole, Torso (Belvedere), № 11. Apollo (Belvedere), № 12. Antinoo (Belvedere), № 29. Menandro, № 30. Posidippo, № 31. Arianna, № 34. Amazzone Matei, № 44. Ganimede rapito dall'Aquila, № 45. Citta di Antiochia, № 49. Ornato etrusco, №... Venere di Prassitele, №... Nilo – Museo Vaticano, № 52. Camillo, № 54. Zenone, №... Amore e Psiche, №... Gallo morente, № 57. Flora, № 71. Fedele, № 72. Marzia, № 83. Leucotea, № 85. Antinoo, № 87. Polifemo, № 90. Antinoo con cavallo, № 91. Capaneo, № 92. Tre... [слово неразборчиво], № 106. Ara, № 107. Anacreonte, № 108. Tirteo, № 111. Ermafrodito, № 116. Marte in riposo, № 117. Galli-Gruppo, № 118. Oreste ed Elettra, № 121. Giunone con manto, № 135. Alessandro di Firenze, № 141. Aristotele, № 144. Statua di Subiaco, № 146. Puggillatore in piedi, № 148. Auriga, № 152. Vestale – Museo Capitolino\*.

### 324. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

15 (ст. стиля) апреля 1902, Рим

Prie communiquer longuer hauteur largeur salle romaine hôtel Quirinale

НЕТЧАЕВ MALTZEW\*\*

### 325. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

15 апреля

15 апреля 1902, Москва

Только что полученная телеграмма Ваша о размерах Римского зала меня глубоко растрогала. В то время как здесь (разумею главным образом Москву, Петербург и служебный мир с миром родителей по преимуществу) все

\* Чезаре Мальпери. Корсо 54. №№ его Каталога гипсов: № 10 Геркулес, торс (Бельведер), № 11 Аполлон (Бельведер), № 12 Антиной (Бельведер), № 29 Менандр, № 30 Посидипп, № 31 Ариадна, № 34 Амазонка Маффеи, № 44 Ганимед, похищаемый орлом, № 45 Город Антиохия, № 49 Этрусское украшение №... Венера Праксителя, №... Нил – Ватиканский музей, № 52 Камилл, № 54 Зенон, №... Амур и Психея, №... Умиравший галл, № 57 Флора, № 71 Верующий, № 72 Марция, № 83 Левкотей, № 85 Антиной, № 87 Полифем, № 90 Антиной с конем, № 91 Капаней, № 92 Три... [слово неразборчиво], № 106 Жертвенник, № 107 Анакреон, № 108 Тиртей, № 111 Гермафродит, № 116 Отдыхающий Марс, № 117 Галлы – группа, № 118 Орест и Электра, № 121 Юнона с покрывалом, № 135 Александр [Македонский,] из Флоренции, № 141 Аристотель, № 144 статуя из Субиако, № 146 Стоящий кулачный боец, № 148 Возничий, № 152 Весталка – Капитолийский музей (ит.).

\*\* Прошу сообщить длину высоту ширину римского зала гостиница Квиринале Нечаев Мальцев (фр.).



заняты быстро сменяющимися событиями внутренней политики, волнуются и спешат угадать ее новый курс в двух Министерствах, внутренних дел и народного просвещения, тогда как 99% из всех этих волнующихся, мятущихся стараются определить, каждый для себя, а что хорошего будет в ожидаемых переменах лично для него и его присных, Вы, в это тревожное для стольких время, в Вашей прекрасной дали живете исключительно научными и художественными интересами и помыслами. Окруженный стародавними памятниками седой и величавой старины «Вечного города», Вы погружены в думы о наиболее вразумительном, более для жителей нашего Севера понятном и эффектным воскрешении лучших сторон того, давно сошедшего с мировой сцены, римского мира. Вы в чудном Риме мечтаете, строите планы об учреждении и возможно ярком украшении – Римского зала в Музее, которому Вы отдали всего себя, свое время, свое внутреннее настроение, Ваши симпатии, помыслы и беспредельные издержки. Тогда как для других русских и нерусских путешественников Италия и Рим – места отдыха, забвения домашних забот и волнений и безграничного, упоительного наслаждения и природой, и созданиями гениального народа, – эта же страна, этот же город для Вас явились новой ареной все той же кипучей, неутомимой, неустанной деятельности научно-художественного характера. Вы разыскиваете там отечественных художников, вступаете в сношения с ними, обсуждаете Ваше московское дело и, задавшись целью в бытность в Риме наладить декорацию Римского зала Музея, Вы волнуетесь вопросом о размерах этого обширного помещения и телеграммой запрашиваете Москву о необходимых Вам сведениях. И это во 2-й день Светлой недели! Есть во всей этой картине глубоко захватившего интереса и Ваших неустанных тревог – что-то трогательное и вызывающее чувство удивления и почтения. Я сию же минуту, по получении Вашей депеши, навел справку на моем плане и пошел на генерал-губернаторский телеграф ответить Вам.

Кого из наших художников Вы избрали для росписи Римского зала? О Семирадском писали в газетах, что он был в Посте опасно болен и что ему придется лечиться продолжительное время. Дай Бог, чтобы в этом известии было много преувеличения и чтобы сам Ваш «Генрих» взялся за полотна этого зала. Тогда станут в Музей ходить «на Семирадского, на Поленова, на Васнецова». Какую светлую будущность так щедро готовите Музею Вы, Юрий Степанович, и какая нелицемерная слава окружит ярким ореолом Ваше имя в глазах современников и в памяти отдаленных поколений! Пошли Господь Вам сил окончить с таким блеском начатое и все так же Вами продолжаемое предприятие...

Здесь теперь только и разговоров, что о Сипягине, Плеве<sup>1</sup>, Ванновском и Зенгере. По обычаю, упреки и обвинения по адресу сошедших со сцены,

ожидания и похвалы восходящим. В свой черед, по неизменному порядку вещей, удалятся и эти администраторы, тогда все обманувшиеся в своих чаяниях и аппетитах станут поносить и их. *Così va il mondo*\*.

Лично меня и Румянцевский музей тронуло огорчение, постигшее Петра Семеновича<sup>2</sup>. Еще накануне своей отставки он излагал мне планы своих представлений в Государств[енный] Совет по некоторым вопросам музейского хозяйства, мною поднятым, указывал те возражения, которые он мог бы там встретить. Только его нетерпеливый, возбужденный и склонный к порицанию тон говорил о какой-то неприятной для него внутренней работе. В заключение он поручил мне редактировать его резолюции в литературной форме (их было 10 числом) и, обсудив их с Рахмановым, заготовить ответ его, министра, на мои ходатайства. Я в ближайший же вечер написал это и часу в 4-м на другой день свез бумагу в департамент. Это была суббота, день доклада министра народного просвещения Государю. Петра Семеновича ждали на заключительное заседание комиссии по низшей школе. Я спешил к отъезду домой в тот день, Министра не дождался и потому до сих пор не знаю, был ли он в этот день в мин-ве. Несомненно, что это утро решило его удаление, потому что графиня Уварова уже в воскресенье у себя на званом обеде сообщила известие о выходе Ванновского из мин[ист]ров и о назначении на его место Зенгера. Мне, только что приехавшему утром тогда из Петербурга, это казалось совершенной уткой – и я на вечеру у Иловайского решительно опровергал эту, как мне тогда казалось, невероятную басню.

Только когда слух подтвердился рескриптом на имя П.С-ча, я понял значение одного момента в моем представлении Его Величеству. Государь, все время милостивый, улыбающийся, вставлявший ободряющие замечания в мой доклад, когда я сообщил слова Ван[новско]го, сказанные мне в Румянцевском музее ныне зимой: «Пока я жив, спешите готовить представление о 250 тыс. руб. на картинную галерею»<sup>3</sup>, – вдруг, при этих словах, Е[го] В[еличество] изменил выражение лица, сделался серьезен, словно какая-то особая дума промелькнула в его взоре. Затем это прошло, и Е[го] В[еличество] закончил аудиенцию с прежней улыбкой и наилучшими пожеланиями.

Как только получено было официальное оповещение о перемене мин[ист]ра, у меня созрело решение поднести П.С-чу диплом на звание почетного члена Румянцевского музея. Вчера, в Светлый день, мы собрались помолиться в музей и после в нарочитом заседании сделали соответственное постановление, послали телеграмму бывшему министру. Это была для

\* Так уж оно идет на свете (*ит.*).

него первая и неллицемерная почеть, как уже частному лицу, в благодарность за действительные заслуги. Ныне я получил от П.С. длинную и горячую телеграмму о принятии предложения этого звания «с отрядным чувством».

### 326. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

18 апреля

18 апреля 1902, Москва

Уже несколько писем я послал Вам в Рим, этот дивный, дорогой, остающийся вечным и великим Рим, несмотря ни на какие шаблонные, скучные, пошловатые *supplementa*\* новых времен и новой цивилизации. Вспоминать о Риме и писать в Рим для меня всегда было, остается и до сих пор, величайшим счастьем – и наших художников, ученых, путешественников, живущих в этом городе, я всегда считал, искренно считаю и до сих пор, величайшими счастливицами. Таким баловнем щедрой судьбы я считаю в эту Светлую неделю и в эту чарующую там весну Вас, Юрий Степанович. Там теперь так все хорошо и увлекательно, начиная от природы, древностей, памятников всевозможных искусств и кончая пестрой площадью с ее простолюдинами, собравшимися из соседних селений, и любой антикварной лавкой на *via Condotti* или на *via Sistina*\*\* . И в таком дивном, едином в мире городе великих воспоминаний кончать жизнь самоубийством, как это, судя по телеграмме из Рима, сделал несчастный Риццони<sup>1</sup>, это – безумие, бессмыслие, доказательство духовного, нравственного банкротства. Александра Антоновича я знавал близко, и уже 10 лет назад, весною 92 года, он мне и жене моей жаловался на скуку, на то, что ему искусство надоело, особенно с тех пор, как глаза стали изменять ему. Он сознавался, что он работал уже тогда через силу, только потому, что его «завалили заказами из России». В то время у него в Риме, в Петербурге и Москве стали входить в моду женские головки-портреты, которые он делал по 200 руб. за штуку. Сходством эти головки не отличались, но делались эффектно, с прикрасой и лестью действительности, – и потому расходились бойко. Но делалось это фабрично, шаблонно, и сам Р. не считал за ними художественных достоинств. «Я зарабатываю до 7 000 руб. в год, – говорил он, – а что толку? Для родных я собрал довольно, сам я остался бобылем; теперь и заработок мне не нужен. И если и пинешь, то только потому, что надо же что-нибудь делать». Так или почти так беседовал он с нами, когда жена размягчила его обычную суровость игрою у него, в квартире или студии, на роале.

\* добавления (*лат.*).

\*\* *виа* (улица) Кондотти... *виа* Систина (*ит.*).

И в те же годы, когда Риццони, чувствуя внутреннюю пустоту, жил и писал только по необходимости, по инерции, в том же доме на via Sistina 123, этажом выше, в маленькой квартирке-студии боролся с ужасающей нуждой, сохраняя веру в Бога и людей, Федор Петрович Рейман. Перед получением работы в катакомбах он писал мне: «Как жить далее, не знаю, хоть умирай...»<sup>2</sup>. В то время кормил его в долг содержатель простенькой народной остерии\* на той же via Sistina, краски и рисовальные принадлежности давал в долг знакомый ему с давних лет магазин, за квартиру и студию он платил грошами, заработанными уроками рисования... Вера и благодушие спасли его и сделали его имя славным после его великого подвижничества в катакомбах. Signore Reyman, pittore russo и Catacombe\*\* всегда сливаются воедино в представлении и на языке римских археологов и художников, с тех пор как этот скромный, кроткий и верующий живописец спустился в римские подземелья на целые 12 длинных лет, обрекши себя на мрак, одиночество и безмолвие. Вышел он оттуда, попортивши зрение, наживши ревматизмы, постаревши, но с прежним благодушием, с прежней кротостью характера, с былой своей скромностью и деликатностью в речах и мыслях. Награжденный общим удивлением его нравственному подвигу<sup>3</sup> и пенсией Государя в 1 200 руб., он честно пройдет отмеренный ему судьбою жизненный путь и мирно, с упованием на Бога и на лучшую жизнь, сложит свои кости, как истинный христианин.

Нашли ли Вы, Юрий Степанович, Реймана в Риме? Уехать ему в свое любимое местечко Spello\*\*\* в Умбрии, куда он удаляется по летам, еще рано. Ему надо быть теперь в Риме. Одновременно с телеграммою Вам я послал депешу и ему, чтобы он явился и представился Вам. Написал я и нашему комиссионеру по части гипсов Malpieri, чтобы он сделал то же самое.

Ныне утром прислали в Комитет наш бумагу из конторы Великого Князя о командировании туда лица с письменною доверенностью для получения 44 904 руб. на устройство зала Парфенона. Командирован Недешев, казначей Университета. Это послужит для меня поводом: 1) быть на днях у Его Высочества для принесения благодарности и 2) написать всем остальным жертвователям Музея, еще не внесшим назначенных сумм, Михаилу Морозову, Полякову, Шелапугину, кн. Юсупову и Рукавишникову.

Подвоз мрамора продолжался до Великой субботы включительно. При мне привезли последние воза. Камня теперь довольно для продолжения работ;

\* харчевня (*ит.*)

\*\* Синьор Рейман, русский живописец... Катакомбы (*ит.*).

\*\*\* Спелло (*ит.*)

длинные камни на перекрытие окон также получены. К 25 числу ожидается сюда итальянцы – и в первых числах мая работа по главному фасаду закипит. Дал бы только Господь поднять этим летом здание до крыш, тогда бы на [1]903-й [190]4-й годы осталась уже меньшая «половина»...

Когда Вы рассчитываете вернуться в Россию и быть в Москве? Здесь, между служебным сословием Мин[истерст]ва просвещения, у родителей и учеников разговоры только о «новом курсе» в деле школы и о новом министре. Один военный, бывший в Светлое воскресенье на высочайшем выходе во дворце, здесь рассказывал, что Зенгер был там предметом общего любопытства и обратил общее, особенно дамское, внимание своею изящной наружностью и находчивостью в своем новом положении. Сейчас получена мною от него ответная депеша на поздравление – с пожеланием всяческих успехов музеем.

Болезнь детей (крупозное воспаление легк[их у одн]ого и сильная инфлюэнца другой<sup>4</sup>) держит меня весь праздник дома, и потому я до сих пор не вижу никого и не знаю, что было причиной столь неожиданного удаления Петра Семеновича и Мещанинова<sup>5</sup>, и кто устранил их обоих с дороги, на которую поставил их Государь лишь год назад. В Петербурге мне Зверев<sup>6</sup> говорил, что министр финансов в последнее время поставил задачей показать, что Ванновский не в силах исполнить возложенного на него дела. Бедный старец! Он имел право почетно доживать свои преклонные годы, окруженный заслуженным ореолом. Этот год создал ему новые заботы и удаление его снова на прежнее место принесло ему теперь огорчение, с которым он и сойдет в могилу. Мне его истинно жаль как напрасно встревоженного и потом обиженного государственного деятеля.

### 327. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

21 апреля

21–22 апреля 1902, Москва

За болезнью детей я отрезан от остального мира и потому мне не от кого узнать, не ныне ли день Ваших именин. И если бы оказалось верно мое предположение, то будьте добры принять мое сердечнейшее поздравление с ангелом и все наилучшие пожелания на многие-многие годы. Вы переживаете такую славную и знаменательную пору жизни, когда целым рядом великих дел созидается фундамент Вашей памяти даже и в отдаленных рядах потомства. Дивный гусевский храм, достойный украсить своей величавой формой любую столицу мира, храм близ рязанской Вашей вотчины, хирургический барак в Петербурге и московский Музей, не говоря о Владимирском училище, стоившем свыше миллиона рублей, не говоря о других

созданных Вами сельских храмах, это такие большие чеки на признательность к Вашему имени и почтенной памяти, которые будут оплачиваться потомками долго-долго. В истории же Московского университета и Москвы Ваше имя встанет наряду с Шуваловым и Румянцевым<sup>1</sup>.

Носится слух, что закладка памятника Александра III будет производиться в июле месяце вместо мая, как думали прежде. Если так, то фасад нашего Музея поднимется к тому времени на значительную высоту, и Государь, интересовавшийся ходом работ, увидит мрамор передней стены, проезжая из Кремля на площадь храма Спасителя. Чтобы импонировать главным фасадом в июле, можно будет сосредоточить все мраморные работы главным образом здесь.

Вчера пришло письмо от министра государственных имуществ Ермолова с благодарностью за сообщение ему речи, произнесенной в последнем годичном заседании Комитета Музея. Теперь надобно ожидать из горного департамента бумаги насчет камня и Быховского. Ныне прибудет в Петербург Раттенек для представления объяснений директору горного департамента по делу мрамора. Он повез с собою план Шишимской горы и контракт с Быховским. Цель Листа – получить участок свой и таким образом отделаться от Быховского.

22 апреля

Ныне я виделся с Некрасовым, который сообщил, что Государь сначала прибудет в Ильинское, и оттуда Их Величества приедут в Москву на 3 дня, когда и будет произведена закладка памятника Александру III. Приезд в Ильинское ожидается вскоре после отъезда Лубэ<sup>2</sup> из Петербурга. Ныне же сказывали, что синодальный хор разучивает какую-то особую службу к 13 мая – и это ставят в связь с приездом в Москву Их Величеств.

Сейчас подали мне бумагу из Горного департамента<sup>3</sup>: это копия с переписки департамента о Шишимской горе. Там прямо воспрещается Быховскому чинить какие бы-то ни было препятствия Музею Александра III в деле выломки мрамора в количестве 400 000 пудов [ок. 6,55 тыс. тонн]. Эту копию теперь же препровождаю к Листу для переписки. А завтра он получит от нас соответственное отношение. Ввиду того, что мне постоянно приходится говорить и писать об этих ломках, почтительнейше прошу Вас разрешить мне съездить на Урал, чтобы знать, о чем говорить и пишешь.

Где Вы теперь – в Риме или Неаполе?

## 328. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

24 апреля

24 апреля 1902, Москва

Ныне мне дали знать из Вашей конторы, что Вы находитесь уже в Венеции, следовательно – уже на обратном пути в Россию. Вчера я послал письмо Вам в Петербург наугад, ныне делаю это уже с уверенностью, что это будет лучшим адресом. Сейчас вернулся я со стройки Музея. Там теперь настоящая Каррара: мрамора навезли столько, что негде ступить, вставшие на этих днях на работу проворные итальянцы расселись по всему мраморному полю и весело тешут каждый свой камень, вагонетки с обтесанными кусками бойко и шумливо перекачиваются с одного места на другое. Отдохнувшие за зиму итальянцы имеют бодрый и веселый вид.

На работах виделся с Раттенекем, только что вернувшимся из Петербурга. Директор горного департамента Иосса<sup>1</sup> разъяснил ему все затруднения и обещал написать и новую бумагу о всяческом содействии выломке мрамора для нашего Музея. Теперь Лист, получивший от Комитета копию с бумаги горного департамента, о которой я писал Вам, смотрит весело и обещает доставку камня. Несколько вагонов его находятся в пути, послепасхальные работы по выломке на днях начинаются – и дело, даст Бог, пойдет ходко.

Клейн, которого также я нашел на работах, все это время сидит над Центральным залом, перерабатывая его сызнова. Желая этот год продвинуть Музей, он отказался от миллионного подряда и вообще намерен отныне посвящать возможно более времени Музею. В эти годы он имел большие заработки, а Шелапутин, устроивши его собственником  $\frac{1}{3}$  доли дома на Театральной площади<sup>2</sup>, не потребовав с него ни копейки, а поручив ему только перестройку его, доставил ему этим 100-тысячное достояние. «Имея эту долю, – говорил он мне, – и дом в Олсуфьевском пер., я спокойно могу смотреть на будущее моей семьи и могу работать с большим выбором; жена и дочь будут обеспечены»<sup>3</sup>. Я радуюсь этим рассуждениям, потому что работы у него в Музее еще очень много и притом не только технической, но и художественной. Ему хочется сработать рисунки зала к Вашему приезду, чтобы Вы могли представить их Государю и Его Высочеству. Он хотел пустить работу во всю мочь. Его призывал к себе Великий Князь, но болезнь детей<sup>4</sup> (корь) и собственный плеврит не позволили ему явиться. Е[го] В[ысочество] интересовался ходом дел по Музею, может быть, ввиду приезда Их Величеств.

Когда-то Вы прибудете в Петербург?

**329. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

27 апреля

27 апреля 1902, Москва

Ныне в Румянцевском музее сказывали, что закладка памятника предназначена на 14 мая. Это сильно занимает наш музейский кружок – ввиду намерения Государя быть у нас. Музеи и библиотеки обыкновенно являются центрами, куда стекаются новости. В Петербурге центром всяких новостей, предположений и врак служит Публичная библиотека: там всегда узнаешь все грядущее, чаемое и измышляемое. У нас эту роль исполняет Румянцевский музей. Ныне здесь передавали об отставке управляющего по делам печати кн[язя] Шаховского, о предстоящих назначениях военного министра Куропаткина наместником Сибири, Ермолова в Государственный Совет, а в министры государств[енных] имуществ Ковалевского, ген[ерал] Бобриков-де получит пост военного министра, Саблер делается обер-прокурором<sup>1</sup>, Победоносцев уходит в Государственный Совет. Вот сколько новостей проникло в это седалище муз.

На Колымажный двор прибыли модели тех египетских львов, которые, будучи высечены из серого гранита, лягут стражами у входа в Музей. Подвоз камня с Урала после Пасхи возобновился, но больших кусков все еще мало, несмотря на телеграфическое обещание Блюменау доставить все перекрытия окон раньше 1-го мая. Я пишу Листу, что 1-е мая на носу, а камней все еще нет. Итальянцы работают бодро и уже поставили несколько камней на боковые пилястры. Идет, главным образом, обтесывание и ковка. В скульптурной мастерской непрерывно продолжают заготавливать гипсовые модели капителей и баз для колонн и пилястр. Техникой заведует поляк из Варшавы, и дело движется, хотя медленно, но часто и правильно, согласно вывезенным из Афин образцам. За лето выработают их из камня. Клейн – весь в своем творческом полете и komponует большой зал по новому плану. Он ждет Вашей санкции. А Вы уже были в Венеции и в настоящее время в Будапеште! Р[оман] И[ванови]ч очень радуется, что Вы увидите уже продвинувшимися работы тамошнего великолепного музея. Как различны условия каменной кладки и мраморных украшений там и у нас. Мы чуть не с земным поклоном встречаем каждый новый воз с уральским мрамором, а у них все это под боком и налажено давней и обширной практикой.

**330. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

28 апреля

28 апреля 1902, Москва

Первоначальный план Центрального зала в 1898 г. был круглый и предполагалось обработать его в форме римского Пантеона, с окном только



вверху. Но после и Вы, и Клейн определили, что по местным условиям, именно по ограниченности свободного для того пространства в общем плане здания, диаметр круга, а следовательно и все помещение, при его центральности и как бы заглавной роли, будут очень малы. Архитектор вследствие этого избрал уже продолговатую форму этого зала и долго носился с мыслью о компоновке его в виде трехнефной базилики, наподобие древнехристианской базилики или древнегреческого храма с двухэтажной колоннадой. Но форме последнего рода мешала ниша, выложенная и приспособленная для статуи Александра III; возводить христианскую базилику и ставить на главном месте, как бы в алтаре, эту статую мешают чувство приличия и опасение упреков со стороны современников и тех, кто будет жить после, в лести и забвении границ возможного в деле поклонения царской памяти. Оттого до сих пор, когда все окружающие залы подняты до потолков, Центральный зал стоит с одним лишь полом и стенами, едва начатыми. Далее медлить стройкою в этом месте Р[оман] И[ванович] считает невозможным и потому принялся за новую обработку этого зала. От идеи храмов, по существу неудобной, он перешел к мысли спланировать зал просторный, светлый, по идее и указаниям Вашим исключительно белый, обшитый мраморной лещадью. Но при этом он удаляет два ряда двухэтажных колонн со середины и приставляет их по образцу олимпийского Филиппейона<sup>1</sup>, памятника IV в. до Р. Хр., к стенам и соединяет вместе с ними в форме  $\frac{2}{3}$  «полуколонн». Срединя, свободная от преград прежней компоновки в 3 нефа, получается огромная. Это будет самый широкий из всех зал, шире даже светлых дворики. Снять два ряда колонн со середины здесь заставило Клейна и то обстоятельство, что иначе не будет разницы в течении колоннады между лестницей и Центральным залом. Назначение лестницы вести к помещению более импозантному и по световым эффектам и по размерам. Теперь посетитель приходит пышной и разноцветной лестницей в Главный зал и по высоте (17 аршин, когда остальные залы 2-го этажа 12 арш. [12,09 м и 8,53 м]), и по ширине, и по массе сверху, через кассетоны потолка («золотого»), падающего света. Переход будет эффектный. Над  $\frac{2}{3}$  «полуколоннами» идет фриз вышиною в 5 аршин [3,56 м] для росписи. Ниша для статуи Императора расширяется. По задней стене, над входом – хоры с греческой, ажурной балюстрадой. Таков эскиз. Рисунки и чертежи он готовит к Вашему приезду – на утверждение, для дальнейшего Вашего представления.

## 331. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 апреля

29 апреля 1902, Москва

Нынешний день в учебно-ученой Москве наполнен был новым управляющим Министерством народного просвещения, который приезжал поздравить Великого Князя с днем рождения и познакомиться с высшими учебными и учеными установлениями. Профессора ожидали изложения программы намеченной университетской реформы<sup>1</sup>; но речь нового главы министерства была так обща и чужда откровений насчет будущего университетов, что Совет наш, выслушав ее, почесал себе голову и произнес довольно уныло: «Не уявится\*, что будет; ничего в волнах не видно»\*\*.

В общем, Григорий Эдуардыч принимается за дело так осторожно и сдержанно, что никто, в сущности, не знает характера нового курса в учебном нашем строе. Только судя по роли и месту Зенгера в Боголеповской комиссии<sup>2</sup>, где он вместе с Коршем и академиком Никитиным<sup>3</sup> стояли за преподавание лат[инского] языка с 3-го кл[асса] и греческого, кажется, с 4-го, надобно думать, что он будет проводить именно этот тип средней школы. Это будет середина между крайностями Толстовской системы и той, которая проектировалась в прошлом году. Она, конечно, не удовлетворит ни охранителей ультра-классицизма, ни сторонников изгнания греческого языка из средней школы совсем, как и вообще не удовлетворит колоссальной по размерам и страшно разнородной по своему этнографическому составу России никакая, общая для какой-нибудь Читы и Петербурга с университетскими городами школа. Накачивать одними и теми же предметами полудиких и совсем диких инородцев, для которых уже русский язык дело страшно трудное, и великороссов с их высшей культурой и иными потребностями, – система прямо невозможная. «Единая» средняя школа для России – дело немислимое, несправедливое. Самое естественное – образовать в каждом округе по несколько типов и классической, и реальной школы, не возвышая чрезмерно по правам одну и не унижая другую. Даже в Пруссии в этом году прошла мера: допущение реалистов с одним латинским языком не только на медицинский и физико-математический факультет, но и... на юридический, и даже даны льготы относительно исправления неудовлетворительной отметки по латинскому языку. Таковы требования времени даже в этой стране, где преподавание древних языков с давних времен было так сильно. Надо серьезно приняться нашей средней школе за новые языки,

\* Еще не ясно (*церж.-слав.*).

\*\* Слова из русской народной песни «Вниз по матушке по Волге».

источник всяческого, и гуманитарного, и практического знания для нас. А между тем наши студенты, не зная языков древних, круглые, голые невежды во французском и немецком языках. Как все это наладить без хороших учителей и по древним, и по новым языкам? Тут всякий министр бессилен, особенно не имея денег для образования кадров учительского и для обеспечения преподавательского сословия.

Зенгера я запросил в Румянцевск[ий] музе[й], о котором он имел смутное понятие. Теперь оно у него ясно, ясны ему и нужды этого музея.

### 332. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

30 апреля

30 апреля 1902, Москва

Сейчас получил из Рима письмо<sup>1</sup> от нашего комиссионера по отливке гипсов с памятников скульптуры Ватикана и других музеев, Cesare Malpieri, [оно] доказывает, что первая Ваша телеграмма ко мне с вопросом об адресе Реймана дошла до меня в искаженном виде. Она, при французском тексте, кончалась итальянским словом Terme<sup>2</sup>. Я понял, что это – название какого-то нового, конечно, первоклассного, отеля, и потому ответ в своей депеше Вам надписал: Hôtel Terme. Чтобы не заставлять Вас разыскивать Реймана, я послал телеграмму и ему с этим же адресом, извещая его о Вашем пребывании в Риме. Зная, с другой стороны, что Вы всегда привозите Музею скульптуры из тех больших западноевропейских городов и тех главных музеев, где Вы бываете в последние годы, я оповестил письмом форматора Ватикана и нашего комиссионера Malpieri, чтобы он представился Вам и предложил свои испытанные услуги (его гипсы считаются первыми в Риме, и ателье его самое богатое формами; к тому же как папский formatore он легко получает право делать формы и по заказам, прямо с оригиналов), и опять я написал Ваш римский адрес: Hôtel Terme. Из его письма, полного чуть не слез, видно, что он обегал чуть не все alberghi около Terme Diocletiane\* и, конечно, не нашел Вас. Единственный хороший отель в тех местах – Grand Hôtel, по его словам. Он был там и искал Вас. Если так, то возможно, что Вы не получили ответа на Вашу депешу о Реймане, и Рейман, по моей телеграмме, не нашел Вас. Какое это огорчение для всех!

Когда дошла до меня Ваша вторая римская телеграмма, о размерах Римского зала нашего Музея, с адресом Hôtel Quirinale, я подумал, что гостиницей Terme или delle Terme Вы остались недовольны и переменяли ее. Кроме первой ответной депешы, я в эту воображаемую гостиницу адресовал Вам

\* гостиницы... термы Диоклетиана (ит.).

и письма, одно или два. Письма лежат, конечно, до выяснения недоразумения, на *poste-restante* и, с Вашего разрешения, я могу их получить назад. Но какой же невеждой имели право считать меня Вы, не получивши ответа от меня на телеграфический запрос Ваш, и как горюет теперь бедный Рейман, мечтавший сделаться Вашим комиссионером по копированию образцов классической живописи в Риме и Неаполе!<sup>3</sup> Как мне жаль, что всё это случилось.

### 333. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

2 мая

2 мая 1902, Москва

От Листа дали знать, что вчера вышел с Урала 144-й вагон мрамора и что в нем находятся 5 оконных перекрытий. Оказывается, что до сих пор на площади находится только один камень этого размера. Большие камни, которые можно было принять за эти перекрытия и которых было около 15 штук, принадлежат другому месту кладки. Итак, если все 5 камней окажутся без изъяна, то и тогда не хватает еще одного перекрытия для половины переднего фасада. Р[оман] И[ванови]ч говорит, будь хотя эти 7 камней, можно бы гнать кладку хотя этой половины. Обманул коварный Блуменау, обещавший доставить все камни этого рода даже ранее 1 мая, как писал он.

И эти 5 камней [будут] приняты только через 3 недели, да неделя уйдет на их обработку, так что раньше 1 июня кладка главного фасада не начнется.

Сейчас итальянцы с большим рвением и с замечательной быстротой тешут камень и сосредоточивают работу на боковых сторонах, выводят пилястры, готовят каннелированные барабаны полуколонн и поднимают готовые куски на их места. Ныне, любуясь на энергию их работ, Клейн с улыбкою сказал мне: «А я боюсь, как бы эти злодеи не остались без камня; так жадны они в работе, – где нам достать им камня для их проворных рук?» Но бояться, как бы и теперь они не остались без работ, по примеру прошлого года, нет основания, потому что камня на площади очень много, да и в дороге теперь 12 вагонов (вчера прибыл 132-й вагон). А Лист хочет, кроме того, увеличить количество рабочих.

С 1 мая встали на работу «египтяне» Брусова и теперь тюкают по граниту с прежним терпением и бесстрашием. Пока приехало 10 человек.

Р.И-ч всецело живет Центральным залом. Ныне он привозил в контору стройки чертежи хор задней стены и разработку стеклянного потолка. Световое поле – огромное, хотя глухая рама по всем сторонам его и очень внушительных размеров.

В «скульптурной» готовят шаблоны капителей полуколонн и колонн. Такого точного воспроизведения ионического стиля Россия еще не видала. Клейн в восторге от выделки деталей с Эрехтейона. Отлитые из гипса шаблоны наших колонн поражают точностью греческим образцам.

### 334. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4 мая

4 мая 1902, Москва

Был я ныне у Листа и нашел его в повышенном настроении. Документы и указания Иоссы Раттенку до того открыли надежды их обоих, что они готовы держать какое угодно пари на исполнение мраморной кладки до кровли Музея в течение текущего сезона. Число рабочих на Урале Лист увеличивает до 500 человек, готов выписать еще партию итальянцев для более тонких работ – на капителях полуколонн боковых сторон и на карнизах.

Я сказал Листу, что Рерберг намерен выложить и все тело центрального портика главного фасада нынешним же летом – и победоносно настроенный Георгий Адольфович смело ответил: «Мы исполним решительно всё, что только мне укажут. Так хороши известия Урала. Чем глубже роют камень, тем он лучше и по составу, и по размерам». Радует его и неудача Быховского в стараниях вредить ему. Б. выманил какой-то задаток или, точнее, аванс у мастера лепных и каменных дел Кутырина<sup>1</sup> и взялся доставлять ему мрамор. Но покопавшись немного, он прислал в Москву дурной, верхний камень; Кутырин не принял – и Быховский не мог заплатить рабочим. Эти последние перешли теперь к Листу. Ах, нам решительно все равно: дерутся ли они, целуются ли, – лишь бы мрамор шел на Колымажный безостановочно. Лист уверяет, что в ближайшем же вагоне, который посылается на этих днях, будут перекрытия окон и что тогда можно будет гнать кладку и кирпича, и мрамора половины главного фасада хотя до крыши. А тем временем придут-де и остальные большие камни для второй половины.

Ох, уже эти оконные камни: вечная о них сказка про белого бычка. Не съездили ли Вы на Урал сами? Тогда я сопровождал бы Вас. В первую Вашу поездку Вы видели копи зимою и лишь в эмбрионе. Теперь там картина ярче и шире. В июне природа Урала будет уже в летней красе.

Где-то Вы в настоящее время? Не будете ли в Петербурге ко дню рождения Государя? Великий Князь уже уехал для поздравления.

## 335. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

12 мая

12 мая 1902, Таруса

Болезнь детей заставила меня выехать в Тарусу, чтобы приготовить дачу и произвести ремонт помещений. Приходится возиться целую неделю с малярами, обновляющими весь нанимаемый нами домик, и со сторожем, исполняющим роль садовника. За неумением всех этих моих сотрудников, дела двигаются крайне медленно, и потому вместо нынешнего дня я вынужден буду возвратиться в Москву только 15-го. Опасное состояние моей дочери требует, чтобы к приезду семьи сюда здесь было все готово, необходимы за рабочими присмотр и понуканья, а поручить это мне некому. Чтобы ускорить выезд отсюда и отослать своих в деревню, где теперь прямо дивно, особенно на нашем высоком берегу Оки с его широким голубым и зеленым горизонтом, я убедил, при помощи С.Ю.Витте<sup>1</sup>, работать и ныне, в воскресенье.

По всем видимостям, Вы на днях, если только возвратились из-за границы все здоровы и в полном благополучии, должны быть в Москве. Надо думать, что Вы встретите строительные работы Музея в полном ходу. Рерберг дожидался просушки оштукатуренной его комнаты (бедного, его прошлым летом ели насекомые, перебравшиеся к нему от сторожей), чтобы поселиться в конторе, Р[оман] И[ванови]ч собирался продолжать кладку стен Центрального зала и вообще пустить в дело все кирпичные работы.

В последнее свиданье он говорил мне, что цветных колонн прибыло из Венгрии уже шесть монолитов, а раз привезут еще столько же, то он намерен начать работы по перекрытию лестничной клетки. Занимает его более величественный портал вместо прежней скромной двери в Мраморном зале. Когда предполагалось деление последнего на три нефа, то присутствие двух рядов колонн позволяло только дверь средних размеров, как входные двери классических храмов, но раз в новом его проекте колонны отодвинуты к стенам, свободная площадь зала сама собою требует обширного и импозантного входа, который должен отвечать и впечатлению Вашей чудной лестницы.

Р.И-ч очень ждал Вашего приезда, чтобы представить и новый проект зала и переговорить о многом.

Сейчас прочел о назначении Н.А.Зверева главным начальником по делам печати. Весною минувшего года у Вас пили мы здоровье только что испеченного тайного советника и сенатора и тогда пророчили ему членство в Государственном Совете. При счастье, новый пост может быть для него, со временем, ступенью к этому.

## 336. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

18 мая

18 мая 1902, Москва

Лист присылал ныне ко мне сообщить, что все оконные покрытия на Урале выломаны и вчера посланы в Москву. Он осведомляется, когда я буду на Шишимской горе, чтобы показать работы по добыванию мрамора во всей их силе.

На стройке я виделся с Раттенекем, который показывал мне телеграмму и длинное письмо Блуменау. Wenn nicht alles betrügt\*, большие камни действительно добыты и посылаются к нам. Раттенок ликует, а Р[оман] И[ванови]ч и смотреть этих документов не стал, сказав, что он устал читавши их прежде и что он поверит только тогда, когда легендарные камни у него будут под носом.

Из-за этих камней опять остановка в кладке по главному фасаду. Она идет кое-где по боковым сторонам, а итальянцы усиленно обтесывают и готовят камень для дальнейшей очереди. Это выжидательное положение продолжится до 5 июня, самое дальнее, по словам Раттенека, заверяющего, что через 2 недели транспорт с перекрытиями придет. При этом не исключается, конечно, возможность получения камней и непригодных. Из 3-х камней этого №, пришедших третьего дня, Клейн забраковал 2 как недопустимые в дело.

Ныне пришло письмо из Рима от скульптора Malpieri<sup>1</sup>; он в величайшем горе, что данный мною по ошибочному тексту Вашей римской телеграммы адрес Hôtel delle Terme лишил его возможности и счастья представиться Вам и получить заказ нескольких гипсов по ватиканским и другим римским антикам, о которых я просил Вас в письме, посланном в тот же отель, Terme. Malpieri, очевидно, обошел все главные гостиницы в Риме и набрел на Ваш след в великолепном Quirinale, куда ему следовало обратиться раньше всего. Он пишет, что нашел письма, вероятно, мои, лежащими в Риме доселе: «Vi si trovavano anche delle lettere, a Lui (т.е. S.E. il sign. Netschajew Malzoff) dirette, in giacenza»\*\*. Каким бы образом можно было воротить эти письма? Если Вы разрешите, я напишу ему и возложу на него эту комиссию. В одном из этих писем был перечень скульптур римских музеев, исполнять каковые в гипсе хочется Malpieri, этому давнишнему поставщику нашего Музея.

Сейчас узнал от Клейна о Вашем обещании быть на этих днях у нас.

\* Если не все обман (нем.).

\*\* «Нашлись там также письма, ему (... его превосх. г-ну Нечаеву-Мальцову) направленные, лежащими на хранении» (итал.).

**337. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

21 мая

21 мая 1902, Москва

Надобно думать, что Ваши римские сношения с Семирадским сильно подействовали на Поленова и Васнецова. Пока я был в Тарусе, первый из них два раза приходил ко мне и оставил записку, что ему очень нужно меня видеть. Вчера я провел у него утро и нашел его в наилучшем настроении. Он держал на столе историю искусств Шпрингера<sup>1</sup>, очевидно, набирая мотивы для историко-художественного фриза. Раскрыл портфели своих египетских и греческих этюдов<sup>2</sup>, показывал, какие и в каком освещении можно нарисовать и как они «загорятся» при исполнении в большом масштабе. Оказывается, что он на днях был у Васнецова и они обсуждали план совместной личной работы<sup>3</sup> и руководство ею, если Вы им ее поручите. По их соображениям, они оба вместе и на равных правах станут во главе этой работы и сами станут подбирать другие, младшие, силы, чтобы исполнить предприятие живописных фризов, медальонов или панно стройным концертом. Такая колоссальная сила, как Семирадский, будет стоять особо и совершенно самостоятельно, ведая только Вас и Ваше ему поручение.

Из беседы с Поленовым я вынес заключение, что роспись Музея рассматривается ими обоими как великое [со]бытие в их личной жизни. Для того и другого здесь открывается блистательное поле для направления их сил к иным, важным и освежающим сюжетам. Василий Дмитриевич говорил, что работы будет много и потому надобно бы освоиться ему и Васнецову с размерами зал. Он никогда еще не был так увлечен предстоящей задачей, как теперь. Ему бы очень хотелось видеть Вас в этот приезд Ваш, крайне жалеет, что семейные обстоятельства гонят его 23 вечером в Тульскую губ.

Здесь ждет Вас Бернштейн, насколько могу я судить по его визиту ко мне в мое отсутствие из Москвы. Поленов говорит, что весной Б. переделал свой верхний фриз и что теперь этот проект представляет собой художественное произведение. На случай, если бы его Вы в Москве не застали, он оставил Вам письмо по вопросу этого фриза, которое я и буду иметь удовольствие доставить Вам.

Со дня на день мы с Клейном ожидаем Вашего приезда. Ныне он везет меня на завод Листа смотреть полировку цветных монолитов и модель лестницы из цветных мраморов. Государь будет здесь, говорят, в августе. Как было бы хорошо, если бы Поленов приготовил этюды египетские и греческие!



**338. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

22 мая

22 мая 1902, Москва

Вчера не удалось нам с Клейном съехаться вместе у Листа на заводе. Он приехал раньше и забрал модель лестницы к себе, так что в Грузинах я мог видеть только розовые монолиты, прибывшие из Венгрии. Их – 6 уже, и каждый из них имеет такие внушительные размеры, что я, кроме стоящих в портиках Исаакиевского собора гранитных колонн, других в России таких цельных колонн не припомню. Один из них лежит уже в станке и обрабатывается механическим способом. Обыкновенный вид монолитов – бледно-розовый, но в полировке получается более густой и определенный цвет принятого Вами образца.

Вместе с монолитами прибыло на завод и несколько камней для распилки на облицовочную лебедь. Как аккуратен наш заграничный поставщик в сравнении с тем, что приходится испытывать на Урале! Набольший, или табельщик завода, мне совершенно уверенно говорил, что в два года лестница и лестничная клетка, при столь аккуратной [поставке] заграничного мрамора, будут в Музее готовы. А 6-8 колонн могут быть доставлены на место даже к осени, если того потребует Клейн, чему Лист будет, конечно, очень рад, так как хранение монолитов такого размера составит предмет большого опасения для завода. Сейчас вся забота направлена там к тому, чтобы поддержать колонны на станке в их середине, потому что при такой их длине представляется легкая возможность перелома их в этом месте. Для этой цели подстроен особый механизм, подпирающий каменный ствол и в середине. Колонны прибыли в Москву уже округленными и с кантом для баз.

Осмотревши завод, я поехал к Клейну в его дом, но не застал его. К счастью, модель лестницы была уже в его мастерской. Сделаны верхний марш ступеней с площадками и часть колоннады, приходящейся на него: 2 колонны, пилястры, панно задней стены; карниз над колоннадой деревянный. Полировка мраморов превосходная – и сочетание цветов выходит изящным. Не найдете ли Вы только очень темным тон стены, прилегающей к ступеням? Нужна ли затем полировка решетки окон? Матовый цвет здесь умерил бы блеск всех остальных мраморов. Лестница и ее окружение будут и в общем, и в деталях не только небывало в России изящны, но и небывало монументальны. Таких мраморных стен всей клетки не было и нет у нас нигде. Лежащие у Листа монолиты колонн говорят, каких внушительных форм будет эта дивная лестница.

## 339. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

23 мая

23 мая 1902, Москва

Мраморы, употребленные на модель лестницы Листом, превосходны; но, при более внимательном рассмотрении модели (третьего дня я видел ее лишь в сумерки), исполнение оставляет желать еще многого. Эта проба мастеров Георгия Адольфовича только показала, как зорко должен будет следить Клейн за исполнением всей лестничной клетки. Все детали лестницы, колоннады, пилястр и разноцветных панно по стенам всей клетки должны быть даны им Листу непременно в натуральную величину. Иначе работа затянется, так как настоящих художников у Листа между исполнителями нет. Раз рисунки и шаблоны будут даны в натуру, работающим останется только прикидывать шаблон на практике, не заботясь о вычислениях, неизбежных при увеличении рисунков и чертежей меньшего размера.

Ошибок в модели немало: не соблюден масштаб колонн и карниза; лестница представлена в половину своей ширины, тогда как колоннада исполнена во всю глубину, от чего происходит большая дисгармония в этих основных частях всего целого; пол сделан в колоннаде ослепительно белый, тогда как, по идее автора проекта, он должен был выделять игру красок стенных мраморов. Ввиду всего этого Листу придется переработать этот опыт.

Ныне у нас было заседание Строительной комиссии. Перед началом помянули мы вставанием покойного Дм. Фед. Кондратьева; этого самого усердного посетителя наших собраний. Бедный, он любил лечить каким-то живительным эликсиром других, чуть ли даже не великих князей и великих княгинь, – а самому это, по его словам, всемогущее средство ему не помогло. Дела заседания были все ходовые, очередные: уплата по счетам, вызовы подрядчиков на внутреннюю штукатурку, на устройство черных лестниц и т.д. Р.И-ч поднял вопрос о побуждении Листа ускорить ход работ по доставке отполированных колонн лестницы на место, чтобы к паданию снега, осенью покрыть хотя бы провизорной\* крышей лестничную клетку.

Работы по установке железных стропил и ферм Бромлеем окончены совсем, вплоть до отстройки внешних стен. Довести эти последние до благополучного конца к зиме Клейн питает надежду, как он высказал ныне в заседании Комиссии. Подвозом количества мрамора он доволен, но отсутствие целого десятка больших камней для главного фасада его продолжает волновать и беспокоить.

\* Временной (от нем. *provisorisch*).

*P.S.* Неудача с опытом модели должна быть приписана также и вине нашей с Клейном. Следовало сначала заказать Листу модель из дерева – и когда все масштабы были бы исполнены верно, нужно бы сделать ее из мраморов, тогда потери времени было бы меньше.

### 340. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

25 мая

25 мая 1902, Москва

Раттенок на вопрос, сколько времени потребуется для приведения грубой цветной колонны в такое положение, чтобы она могла быть поставлена на место, ответил, что для обточения ствола на их заводе нужно 4 дня и что в течение месяца они могут обточить 6 колонн.

Я ныне, вследствие того, написал Листу просьбу, чтобы он приказал к Вашему посещению его завода, если бы то оказалось Вам удобным, на этих днях приготовить первую колонну и показать другую в обработке.

Если в самом деле его завод может приготовить 4 колонны в месяц, то будьте добры выставить ему категорическое требование, чтобы к 1 августа он поставил на место 8 колонн. Рерберг вчера мне на стройке говорил, что этого количества пока совершенно достаточно для укрепления стропил над лестничной клеткой, чтобы таким образом дать работу Бромлеям по перекрытию этого места.

Но я боюсь, что Раттенок свидетельствует только максимальную возможность обточения 4-х стволов в месяц – для их машины, которая у них, надо думать, работает и по другим, нам чуждым, заказам. Вот потому-то необходимо настоять, чтобы машина в июне и июле работала только над нашими колоннами и чтобы в данном случае отвода глаз нам они не делали.

Вчера я видел обработку больших мраморов итальянцами. Что значит мрамор – их стихия! Без особенного напряжения, без горячности, без торопливости они обтесывают, пилят, рубят, сверлят этот материал, – и как быстро подвигается у них дело! Когда они оболванивают грубые и большие куски, искры летят из-под их инструментов и осколки камня сыплются во все стороны, так что и подходить к ним близко опасно. Живо, на моих глазах, простой брусок превратился под руками одного в правильный оконный наличник.

А Блуменау, должно быть, обманывает Листа в своих телеграммах и письмах. Я сам читал его обещание прислать все оконные покрытия для главного фасада – «ранее 1 мая». А теперь июнь на дворе, – и соответственных камней все еще нет. Их нужно 28 штук, а получено что-то около пятка. Эти камни

носят в реестре № 14. Интересно бы проверить на месте, сколько кусков этого размера стоит в списках уральской конторы – уже действительно отправленными в Москву.

### 341. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

25 мая

25 мая 1902, Москва

Только что я послал Вам ныне письмо, как пришло письменное разъяснение Раттенка<sup>1</sup> насчет возникшего вопроса о колоннах лестницы и вообще об остальных его обязательствах (Листа), относящихся к нынешнему строительному сезону. Раттенок от имени своего патрона, находящегося теперь в Петербурге, пишет в решительной форме:

1) В середине будущей недели 1-я колонна выйдет из работы и затем будет поставлена на место, если архитектор окончательно подготовит место для установки. К сентябрю он обещает поставить 10 колонн – все количество, какое может обточить их машина за это время. Если нужны будут и другие 10 колонн, то они будут обработаны ручным способом и поставлены на свои места к завершению текущего строительного сезона.

2) Большие камни на Урале будто бы почти все выломаны и будут отправлены сюда.

Если можно верить его первым уверениям, потому что здесь нечем отговориться, при замечательной исправности поступления заграничного мрамора, то последние уверения не будут безумными с его стороны только по получении камней на нашей площади.

3) Главный фасад довести до крыши можно будет еще в августе, боковые же фасады можно окончить к истечению строительного периода текущего года.

### 342. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

25 мая 1902, Петербург

Надеюсь воскресенье быть Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

### 343. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

26 мая

26 мая 1902, Москва

Очень благодарен Вам за телеграмму с известием о надежде быть ныне в Москве. В 3 часа по полуд[ни] отправляю в Тарусу свою семью. Все утро прошло в сборах. В 4 часа надеюсь быть в «Славянском базаре». Только удобно

ли это время для Вас? После ночи, проведенной в пути, Вам нужно отдохнуть. Ложитесь себе, с Богом; я теперь – птица вольная: могу придти к Вам и вечером, и завтра утром, ок[оло] 11 часов. Разговоров будет много.

### 344. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 мая

29 мая 1902, Москва

Ныне отправил в Дрезден к Трею копию главного фасада и письмо с просьбою: 1) о составлении рисунка парфенонского фриза, с реставрацией недостающих в оригинале частей по данным скульптуры и вазовой живописи V и в крайних случаях IV в. до Р. Хр.; 2) о фотографии этой композиции для Клейна, который должен будет сообразно с характером фигур заказывать размеры мраморных плит; 3) о рисунке всего фриза в натуральную величину для вылепки его из глины; 4) о вылепке фриза и о приготовлении гипсовых слепков для наших рабочих; 5) о смете расходов по исполнению всего дела.

Тре́й давно ожидал этого поручения и подобрал как научный материал для реставрации, так и рабочие силы. Теперь, получив Ваши указания, он пустит работу в ход – и к Рождеству главное будет сделано.

Вчера, после Вашего отъезда со стройки я виделся с инженером Фехнером, который прислан был от Листа для распланировки колонн лестницы. Его показания насчет установки этих столбов не столь многообещающи, как Раттенка. У последнего и на словах, и даже на бумаге все делается быстро и беспрепятственно. Новый мой знакомец Фехнер, работающий на самом заводе, сказал, что больше 8 колонн, да и то к концу сентября, не может быть обработано и поставлено на места. Но утешительно, что и по его мнению 8-ми колонн совершенно достаточно для устройства перекрытия лестничной клетки.

Ввиду того, что правая сторона главного фасада оконными перекрытиями теперь обеспечена, кирпичная и мраморная кладка ее пойдет отныне быстро – и к следующему Вашему приезду в Москву будет вся готова. На стройке говорят, что эту стену поднимут до крыши в месяц. Тогда можно будет просить Вам Великого Князя осмотреть работы. Ведь он до сих пор на стройке не бывал<sup>1</sup>.

Сейчас меня задержат в Университете. Явлюсь я только к 12-ти часам.

## 345. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 мая

29 мая 1902, Москва

От Вас Р[оман] И[ванови]ч и я отправились на стройку и там вместе с Рербергом продолжали обсуждение вопроса о Центральном зале. Уже давно Клейн носился с мыслью построить здесь помещение самое импозантное по количеству света и по обширности ничем не загражденной площади. Его при этом занимал эффект грандиозности, которого как бы требует Ваша дивная по своему богатству и монументальности лестница. А это, казалось ему, легко достигнуть, освободивши прежний проект от двух рядов колонн и перенести их к стенам, где они заняли бы место пилластр.

Но вчерашнее Ваше возражение, сделанное в конце совещания, о чрезмерной пустоте таким образом скомпонованного зала данных размеров его сильно смутило. Он всю дорогу твердил, как важны совместные обсуждения музейских вопросов и как это замечание Ваше на него подействовало. В конторе разложили мы опять план и на разные лады обсуждали все возможные формы этого большого помещения. Клейн циркулем прикидывал размеры композиции в три нефа – и в конце концов оставил сомнение, что колонны загромоздят площадь зала, лишив ее грандиозности впечатления.

Рассмотревши последний план с носившимся в его воображении в эти два месяца, мы нашли, что трехнефная форма несравненно выгоднее в отношении поместительности. Здесь предметы могут быть распределены и между колонн, и по стенам за колоннами, тогда как этого удобства размещения памятников искусств в несколько рядов не будет на свободной от заграждений площади. Такой зал мог бы служить только для галереи живописи, но и для этого он слишком широк.

Вертели мы тему с разных сторон и воротились к тому, с чего начали 3 года назад. Композиция остается прежняя, лишь с изменениями в деталях.

После мы все поднимались на мостик железных перекрытий Музея. Какой чудный вид оттуда на всю Москву и далекие окрестности! И какую внушительную представляется вблизи вся конструкция этих перекрытий! Поднятие не представляет трудностей: не соберетесь ли Вы на один из этих мостиков? Скоро к ним доступ будет закрыт.

Вчерашний град не повредил ни одного стекла наших крыш.

## 346. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

31 мая

31 мая 1902, Москва

Вчера я был на заводе Листа и видел обработку розовых колонн. Прибыло их 7 стволов, первый монолит уже готов, его обтирали уже пемзой, осталась лишь последняя стадия – наведение глянца. Нужно отдать полную справедливость, колоннада будет иметь не только необычайно изящный вид, но и импонирующую монументальность. Последняя превзошла мои ожидания. Я представлял себе диаметр колонн в отделке меньше, а на деле и отполированные стволы – порядочные толстяки. На лестнице, в закрытом помещении, они будут очень внушительны. Каковы-то будут в этом отношении столбы колоннады фасада? Не сыграет ли с ними свет такое, что они будут казаться тонки? В модели эти ионические столбики выглядывают как-то тоще. Не перетонил ли тут Гладков, делавший модель?

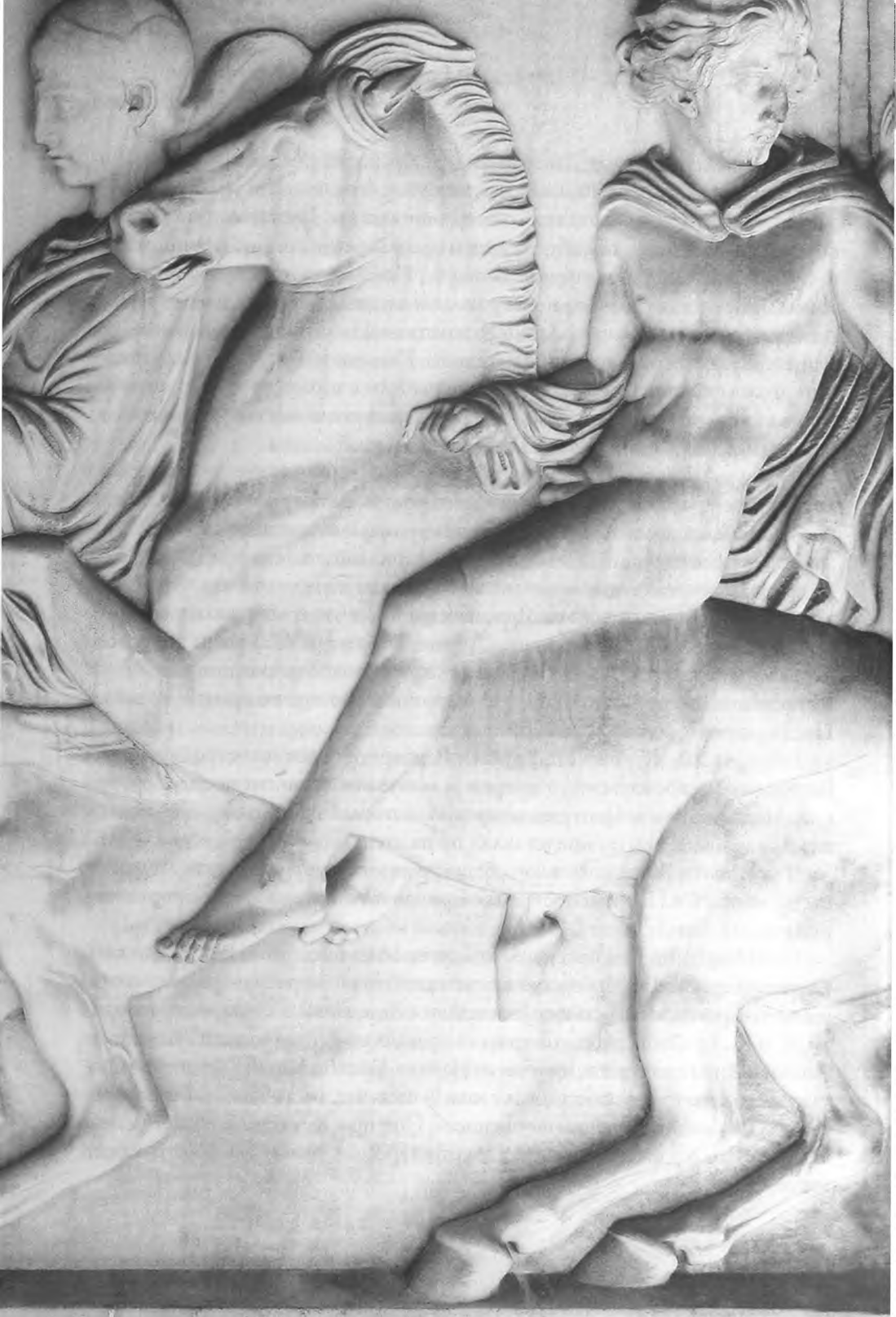
Работа у Листа идет во весь мах. Чтобы быть верным слову относительно лестницы, он распорядился работать день и ночь, не прерывать ее и в обеденное время. Визг колес и пил над Вашими мраморами там идет ужасный. Инженер, сопровождавший меня по заводу, говорил мне, что со времени постройки храма Спасителя таких монолитов в Москве не обрабатывалось. Столбы из лабрадора, стоящие на вокзале Ярослав[ской] ж. д.<sup>1</sup>, несравненно короче.

Не зайдете ли Вы сами на завод Листа? Там теперь озабочены вопросом, нельзя ли пока, до постановки на место, хранить отполированные колонны в стеклянных двориках Музея? Но ведь они у нас еще не крытые стеклом. Пусть закроют колонны пока брезентом.

Вчера же мы, Жуковский, Клейн и Рерберг обошли всю стройку. Павел Васильевич в восторге от размеров и монументальности всего сооружения. Подходили и к Центральному залу, который на деле ему, однако, показался меньше, чем он представлял по плану.

В зале эпохи Возрождения он обещал написать картину во всю узкую его стену «Храм Св.Петра в постройке Браманте» с Ватиканом<sup>2</sup> и прочим окружением.

От П.В-ча и Клейна поступила ко мне просьба бить челом Вам – обласкасть Синаева[Бернштейна] на прощанье, который очень огорчен и краткостью последнего приема, и известием о сношениях с Залеманом. «Художник, – говорили Ж. и К., – работал добросовестно, исправлял свой труд согласно указаниям Вашим и Ваших экспертов, приехал из Парижа. Если бы Юрий Степанович пригласил его к завтраку, побеседовал с ним <sup>1</sup>/<sub>2</sub> часа- час, тогда Синаев-Бернштейн ожидал бы конца с меньшим смущением». Они просили меня быть истолкователем их Вам сердечной просьбы. По секретарскому своему званию я отказать им не мог<sup>3</sup>.





## **КОММЕНТАРИИ**

## Принятые условные сокращения

- архиеп. – архиепископ  
Б. – большой (-ая)  
библ. – библейский  
ВДИ – Вестник древней истории  
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации  
ГЗК – Государственная закупочная комиссия  
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина  
ГНИМА – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В.Щусева  
губ. – губерния  
Э – Государственный Эрмитаж  
ед. хр. – единица хранения  
ИАХ – Императорская Академия художеств  
ИМАО – Императорское Московское археологическое общество  
ИМУ – Императорский Московский университет  
ИОИРМ – Ивановское объединение историко-революционных музеев  
ИРАО – Императорское Российское археологическое общество  
ИФЛИ – Институт философии, литературы, истории (Москва)  
колл. – коллекция  
КП – книга поступлений  
л. – лист  
м. – масло  
МАО – Московское археологическое общество  
МВТУ – Московское Высшее техническое училище  
МИИ – Музей изящных искусств  
МИИТ – Московский институт инженеров железнодорожного транспорта  
миф. – мифологический  
Моссовет – Московский городской совет депутатов трудящихся  
НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки  
об. – оборот (листа)  
оп. – описание  
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея  
ОР ГМИИ – Отдел рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина  
ОР ГТГ – Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи  
РАН – Российская академия наук  
РАО – Русское археологическое общество  
с. – село  
св. – святой (-ая)  
СМ СССР – Совет министров СССР  
СПб – Санкт-Петербург  
ф. – фонд  
х. – холст  
ц. – церковь  
ЦГИА – Центральный государственный исторический архив, Санкт-Петербург  
ЦИАМ – Центральный исторический архив г. Москвы (объединение Мосгорархив)  
Дневник – Дневник И.В.Цветаева // ОР ГМИИ, ф. 6, оп. II, ед. хр. 18 (машинопись)  
Комитет МИИ: Отчет 1899 – Отчет о состоянии и деятельности высочайше утвержденного Комитета по устройству Музея изящных искусств имени Императора Александра III при Императорском Московском университете за 1899. М., 1900  
Комитет МИИ: Речь 1899 – Музей изящных искусств имени Императора Александра III при Императорском Московском университете. Речь, произнесенная в годичном заседании Комитета музея 27 ноября 1899 г. проф. И.Цветаевым. М., 1899  
Комитет МИИ 1900 – Музей изящных искусств имени Императора Александра III при Императорском Московском университете. Речь, произнесенная в годичном заседании Комитета Музея 16 декабря 1900 г. проф. И.Цветаевым. М., 1900  
Комитет МИИ 1902 – Музей изящных искусств имени Императора Александра III при Императорском Московском университете в 1902 году. Записка проф. И.Цветаева. М., 1903  
Комитет МИИ 1903 – Музей изящных искусств имени Императора Александра III при Московском университете. Отчет и речь, читанные в годичном собрании Комитета Музея 25 ноября 1903 г. проф. И.Цветаевым. М., 1904, с. 19  
Комитет МИИ 1908 – Музей изящных искусств имени Императора Александра III при Московском университете. Записка, читанная в годичном собрании Комитета Музея 25 января 1908 проф. И.В.Цветаевым. М., 1908  
Комитет МИИ 1911 – Музей изящных искусств имени Императора Александра III при Московском университете. Записка, читанная в годичном собрании Комитета Музея 27 марта 1911 г. проф. И.Цветаевым. СПб., 1911  
Цветаев – Клейн. История создания музея – История создания музея в переписке профессора И.В.Цветаева с архитектором Р.И.Клейном и других документах (1896–1912) / Авт.-сост.: А.А.Демская, Л.М.Смирнова. Из Архива ГМИИ. Т.1, 2. М., 1977  
Цветаев создает Музей – И.В.Цветаев создает музей / Сост. и коммент.: А.А.Демская, Л.М.Смирнова; Вступ. ст.: Л.М.Смирнова. М., 1995

Ф. 1, оп. II, ед. хр. 169.

Письмо печатается по старой писарской копии, представляющей собой, по видимому, «отпуск» – так назывался 2-й экземпляр письма, который оставался у отправителя. Сохранился также цветаевский черновик (ф. 1, оп. II, ед. хр. 168, л. 10 об., 10, 9 об, 9). Далее мы помещаем и текст «Записки о задачах Музея и о способах его организации», прилагавшейся к письму и составленной специально для Ю.С.Нечаева-Мальцова. Этот текст известен по трем писарским копиям (ф. 1, оп. II, ед. хр. 168, л. 3–6; ф. 6, оп. I, ед. хр. 4797 и ф. 2, оп. I, ед. хр. 25, с указанием другого адресата). Первая, вероятно, служила «отпуском», но в конце 1897 – начале 1898 г. Цветаев вносил в нее изменения – «Записка» стала основой для изданной на средства Нечаева-Мальцова книжки: *Цветаев И.В. Записка о Музее изящных искусств имени Императора Александра III при Императорском Московском университете*. М., 1898 (переиздание текста этой брошюры см. в кн.: *И.В.Цветаев создает музей/ Сост. А.А.Демская, Л.М.Смирнова*. М., 1995. С. 65–70). В нашем издании «Записка» приводится в первоначальном виде – как она была отослана при первом письме Нечаеву-Мальцову.

<sup>1</sup> В 1890-е гг. в Российской империи было 12 учебных округов. Московский учебный округ охватывал 11 губерний: Московскую, Владимирскую, Костромскую, Нижегородскую, Рязанскую, Тульскую, Орловскую, Калужскую, Смоленскую, Тверскую и Ярославскую. Попечитель округа являлся вышестоящим начальником государственных учебных заведений, находившихся на соответствующей территории и входивших в систему Министерства народного просвещения – от начальных школ до университета включительно. При этом его власть не распространялась напрямую на частные школы, а также на учебные заведения, принадлежавшие другим министерствам и ведомствам, городским и земским правлениям, сословным объединениям (Дворянскому и Купеческому обществам), различным благотворительным и художественным организациям. При попечителе округа состояли: помощник, инспектор казенных училищ, попечительский совет (в него входили сам попечитель, его помощник и инспектор училищ, а также директора учебных заведений) и канцелярия.

*Боголепов Николай Павлович* (1846–1901), юрист, доктор римского права; окончил 1-ю Московскую гимназию и Московский университет; с 1873 г. преподавал в Московском университете, с 1881 г. – ординарный профессор, в 1883 – 1887 и в 1891 – 1893 гг. – ректор Университета; в 1895 – начале 1898 г. – попечитель Московского учебного округа. В дальнейшем министр народного просвещения. Боголепов еще будучи ректором участвовал в обсуждении планов Музея и впоследствии сам вошел в число членов-учредителей его Комитета.

Цветаев упоминает следующее письмо Боголепова к Нечаеву-Мальцову от 22 апреля 1897 г.:

«Милостивый государь Юрий Степанович!

В последний приезд Ваш в Москву я хотел обратиться к Вашему превосходительству с одной просьбой, но, к сожалению, не застал Вас дома. Дело касается следующего. Московский университет предполагает в близком будущем приступить к постройке Музея изящных искусств имени Императора Александра III. В этом деле принимает участие и Великий Князь Сергей Александрович. В настоящее время составляется Комитет учредителей, куда нам было бы желательно привлечь людей, сочувствующих делу, опытных в строительстве и обладающих художественным вкусом.

Вы, Юрий Степанович, пользуетесь известностью как человек опытный в постройках, которых Вам пришлось возвести так много, и как человек, обнаруживший при этом художественный вкус. А так как сверх того питомец дорогого нам всем Московского университета, то по всем трем основаниям я и решаю обратиться к Вам с покорнейшей просьбой дозволить мне записать Вас в число «членов-учредителей» Музея изящных искусств имени Императора Александра III и надеяться, что Вы будете не только своим именем, но и активно, своими советами и связями, содействовать быстрому осуществлению предприятия, которое должно увеличить значение и блеск нашей общей *almae Matris* [кормящей матери – *лат.*].

Прошу Ваше превосходительство принять уверение в совершенном почтении и преданности Вашего покорнейшего слуги

Н. Боголепова.

P.S. Профессор Иван Владимирович Цветаев, занимающий в Московском университете кафедру истории изящных искусств и заведующий Музеем, принимает самое деятельное и горячее участие в учреждении Комитета по постройке Музея. Поэтому я просил его доставить Вашему превосходительству более подробные сведения по этому предмету, а пока прилагаю *проект Положения о Комитете*» (ф. 1, оп. II, ед. хр. 168, лл. 1-2об., автограф. Публикуется впервые).

На проживавшего в Петербурге Нечаева-Мальцова как возможного мецената для московского Музея Цветаеву указал вице-президент Академии художеств гр. И.И. Толстой. Боголепов, напротив, предполагал, что тот едва ли станет оказывать помощь, однако по просьбе Цветаева все же пытался лично найти Нечаева-Мальцова и наконец обратился к нему с письмом (см. об этом в письмах Боголепова к Цветаеву от 2 и 22 апреля 1897 г.: ф. 6, оп. I, ед. хр. 287 и 288). Обращение через попечителя казалось Цветаеву наиболее целесообразным для начала переговоров с миллионером, придворным и министерским сановником.

<sup>2</sup> Комитет по устройству Музея изящных искусств имени императора Александра III при императорском Московском университете первоначально создавался на время постройки Музея, фактически существовал до февраля 1917 г. Объединял в своем составе официальных представителей Университета и властей с частными лицами, дарившими средства на организацию Музея. Первый

проект Положения о Комитете был выработан Цветаевым совместно с его тестем, А.Д.Мейном, в 1896 г. Как человек, сведущий в юридической казуистике, Мейн помог определить задачи, функции и структуру Комитета и даже издал проект небольшим тиражом на собственные средства. Это издание облегчило пропаганду идеи Музея и всестороннее обсуждение Положения. В 1897 г. текст был переработан, приведен в соответствие с действующим университетским уставом и приобрел более четкую и законченную форму (этот 2-й вариант и был послан Нечаеву-Мальцову Боголеповым). Последний, 3-й вариант появился к концу того же года, по-видимому, уже с учетом замечаний Нечаева-Мальцова. Внесен был, в частности, параграф о товарище (т.е. помощнике, заместителе) председателя Комитета – как раз товарищем председателя и станет Нечаев-Мальцов. 28 февраля 1898 г. Положение будет утверждено императором Николаем II, и 28 апреля 1898 г. состоится первое заседание Комитета.

Согласно Положению, назначением Комитета было содействие Университету в сооружении здания Музея, комплектовании его художественными и научными коллекциями, а также в изыскании денежных средств для дальнейшего существования Музея. Все полученные суммы (главным образом, это были пожертвования) передавались Правлению Университета, которое утверждало их расходование по представлению Комитета. При этом Положение предусматривало возможность контроля со стороны жертвователей за употреблением их средств. Раз в год должно было проводиться публичное отчетное заседание Комитета, материалы заседаний публиковались.

Комитет мыслился постоянно действующим добровольным сообществом лиц, желающих активно содействовать систематическому распространению научных знаний в области изящных искусств. Работа в Комитете была безвозмездной. В его состав входили: члены-учредители, почетные, непременные, действительные члены и члены-соревнователи. Принятие новых лиц в Комитет производилось по рекомендации двух его членов и после баллотировки. Среди непременных членов – Правление Университета в полном составе, профессора историко-филологического факультета по кафедре истории и теории изящных искусств (Цветаев предусмотрительно вписал в Положение множественное число, хотя до 1907 г. по кафедре полагался только один профессор, он же – заведующий учебно-вспомогательным Кабинетом, иначе именовавшимся Музеем изящных искусств и древностей), секретарь Комитета и казначей, а также душеприказчица купеческой вдовы В.А.Алексеевой, благодаря денежному вкладу которых строительство здания для Музея перешло из области мечтаний в область реальных проектов. В первые годы Комитет насчитывал свыше 80 членов, в дальнейшем количество их убывало. Секретарем Комитета (он же – член-учредитель и непременный член) состоял фактический организатор всего дела, Цветаев. Председателем стал, как это предусматривалось еще в 1-м варианте Положения, великий князь Сергей Александрович, после гибели которого в 1905 г. новый председатель Комитета не назначался. Только после смерти Цве-

таева и Нечаева-Мальцова (осень 1913 г.) Комитет возглавил великий князь *Петр Николаевич* (1864–1931), а пост товарища председателя занял видный придворный и известный археолог граф *Алексей Александрович Бобринский* (1852–1927).

<sup>3</sup> Юрий Нечаев (впоследствии Нечаев-Мальцов) окончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата в 1857 г. (см.: Речи и отчет, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1858 года. М., 1858. С. 17, 3-й пагинации). О значении слова «кандидат» см. Приложение II – «Чины, звания и должности в России рубежа XIX – XX веков».

<sup>4</sup> В цветаевское время еще не было вузовских «кафедр» в нынешнем понимании слова; оно означало, как сформулировано у В.И. Даля, «профессорское звание, место при высшем училище» – то есть учебный предмет или группу предметов, для преподавания которых предусматривался отдельный штатный профессор.

Первым в университете начал читать курс «эстетической критики» в 1782 г. член новиковского Дружеского общества профессор *Шварц Иван Георгиевич* (1751–1784). По университетскому Уставу 1804 г. одной из 7 кафедр на «отделении» (факультете) словесных наук Московского университета явилась уже специальная кафедра «теории искусств и археологии», сохранявшаяся до 1835 г. (Археологией тогда называли преимущественно историю искусств; пережитки этого словоупотребления сохранялись даже в начале XX в.) Кафедру занимали последовательно: профессор *Сохацкий Павел Афанасьевич* (1766–1809); затем – выдающийся ученый из Геттингена *Буле Иоганн Феофил* (Готлиб; 1763–1821); в 1811 – 1821 гг. издатель журнала «Вестник Европы» профессор *Кагеновский Михаил Трофимович* (1775–1842); в 1821– начале 1829 гг. ученик упомянутого И.Г.Шварца профессор *Гаврилов Матвей Гаврилович* (1759–1829), которого в последний год жизни заменил сын, адъюнкт *Гаврилов Александр Матвеевич* (1795–1867); с декабря 1831 по весну 1835 г. профессором этой кафедры являлся издатель журналов «Телескоп» и «Молва» *Надеждин Николай Иванович* (1805–1856) – учитель Станкевича и Белинского, публикатор первого «Философического письма» Чаадаева. Под измененным названием – «кафедра теории и истории искусств» – соответствующая профессорская должность была восстановлена в Москве в 1863 г. и тогда же учреждена в других российских университетах. (Подробнее об этом см.: *Баранов А.Н.* «Забытая кафедра». О преподавании теории искусств в Московском университете в первой половине XIX в. // Тропининский вестник. Вып. III. М., 2005. С. 139–154.)

<sup>5</sup> Популяризируя идею о Музее изящных искусств, Цветаев всякий раз обращается к ее истории и среди тех, кто первыми публично высказался о необходимости такого учебно-воспитательного учреждения, называл княгиню Волконскую с ее проектом «Эстетического музея» при Московском университете. *Волконская Зинаида Александровна* (1792–1862) – адресат стихотворения А.С.Пушкина «Княгине З.А.Волконской» (1827), хозяйка светского салона в Москве, где

бывали многие художники и литераторы; в дальнейшем много лет жила в Италии. Сформулировать и опубликовать программу Музея в журнале «Телескоп» (1831. Ч. 3. № 11. С. 385–399) ей помогли будущие профессора университета: историк и писатель, собиратель русских древностей *Погодин Михаил Петрович* (1800–1875) – в то время адъюнкт – и поэт, критик, историк литературы и автор «Истории Московского университета» (1855); *Шевырев Степан Петрович* (1806–1864), бывший в то время домашним учителем Волконских. Публикация эта тогда прямого последствия не имела, но косвенно, вероятно, способствовала утверждению издателя журнала Н.И.Надеждина в должности профессора теории искусств и археологии. В 1898 г. Цветаев выступил с большой статьей «Памяти княгини З.А.Волконской» (Московские ведомости. 1898. 24 и 26 марта. №№ 82, 84), где писал: «Эстетический музей» княгини Волконской должен был заключать в себе “полное собрание гипсовых слепков, а по возможности и мраморных копий, с лучших и замечательнейших произведений ваяния древнего, среднего и нового, копии с отличных картин разных школ классической живописи и, наконец, модели со всех главнейших памятников архитектуры, древностью и средними веками потомству завещанных. К сему со временем присоединятся и модели разных утварей древней жизни”. <... > Таким образом, княгиня З.А.Волконская стремилась к созданию систематических и возможно полных собраний по скульптуре и живописи и по моделям древнего и средневекового зодчества, и к организации особого отделения для древностей быта классических народов – она стремилась к тому, что в наибольшей части составляет предмет и наших дум и забот в настоящее время» (№ 82, с. 4).

<sup>6</sup> *Буслаев Федор Иванович* (1818–1897), ученик Погодина и Шевырева, выдающийся ученый, труды которого переиздаются и в наше время; профессор всеобщей, а затем русской литературы, доктор русской словесности (1864). Один из основоположников науки о древнерусском искусстве; в 1889 г. возведен в степень доктора теории и истории искусств в знак признания его работ в этой области. Тонкий знаток античного и европейского искусства; собиратель средневековых рукописей; один из учителей рано умершего наследника-цесаревича Николая, старшего сына Александра II; мемуарист. В своих лекциях и семинарских занятиях по словесности (спекурс «Данте и его эпоха», занятия по средневековой русской литературе) широко использовал материалы изобразительного искусства. Вместе с Леонтьевым способствовал приглашению в университет К.К.Гёрца, а затем и возобновлению кафедры искусств; в качестве многолетнего секретаря историко-филологического факультета активно поддерживал инициативы Леонтьева и Гёрца, направленные на пополнение коллекций Кабинета изящных искусств и древностей. Вышедший на пенсию в 1881 г., к концу жизни ослепший, Ф.И.Буслаев в момент написания комментируемого письма был еще жив. Как явствует из письма Буслаева Цветаеву от 24 апреля 1877 г., они познакомились и подружились во время первой итальянской поездки Цветаева в 1875 г.; Буслаев был в числе

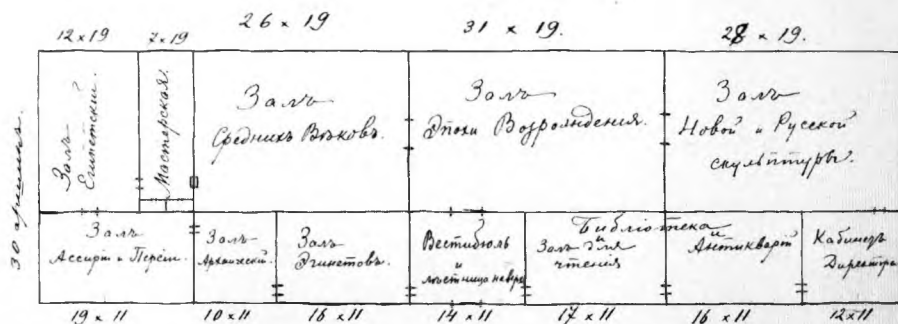
тех, кто способствовал в 1877 г. переводу Цветаева из Киевского в Московский университет (ф. 6, оп. I, ед. хр. 364).

*Леонтьев Павел Михайлович* (1822–1874), доктор римской словесности (1864), редактор-издатель литературных сборников «ПроPILEИ» (1855–1857; 2-е изд. – 1869), посвященных преимущественно античной культуре. Проводил археологические раскопки в Северном Причерноморье и низовьях Дона. Близкий друг публициста М.Н. Каткова, его соиздатель по газете «Московские ведомости» (с 1865) и один из авторов в катковском журнале «Русский вестник» (с 1856), директор основанного Катковым в 1868 г. Лицея в память цесаревича Николая. Был в числе главных энтузиастов школьного «классицизма». В Московском университете Леонтьев занимал кафедру римской словесности и древностей с 1847 по 1872 г.; в 1848 – 1856 гг. читал в составе курса «древностей» (то есть ре-алий древнего мира) циклы лекций по античному искусству. В конце 1848 г. выступил с инициативой об учреждении университетского Кабинета (Музея) изящных искусств и древностей, который и организовал в 1851 – 1855 гг. (см.: ОР ГМИИ, ф. 1, оп. II, ед. хр. 2 и 1; ЦИАМ, ф. 418, оп. 17, ед. хр. 407 и оп. 20, ед. хр. 40; ф. 459, оп. 2, ед. хр. 1216); заведовал им по 1860 г. В этот Музей было включено (с июня 1851 г.) существовавшее со второй половины XVIII в. нумизматическое собрание университета (так называемый мюнц-кабинет), а также остатки погибших в 1812 г. художественных и этнографических коллекций, например образцы костюмов сибирских народностей. Леонтьевым были заказаны в СПб. Академии художеств первые 25 слепков с наиболее известных античных скульптур. Кроме того, приобреталась специальная литература, пополнялись нумизматические коллекции и появились первые образцы античной керамики.

*Гёрц Карл Карлович* (1820–1883), один из студентов историка Т.Н. Грановского, сохранивших для потомства записи его лекций; человек, увлекший собирательством П.М. Третьякова. Автор статьи «Об основании художественного музея в Москве» (1858), выдвигавшей программу музея, близкую той, которую предлагала ранее З. Волконская. Первый после Надеждина специальный преподаватель истории искусства (1857; тогда – в звании доцента) и первый в России доктор теории и истории искусства (1873). Организатор (1861–1862) и хранитель отделения изящных искусств Московского Публичного и Румянцевского музеев (1863–1882). Один из основателей Общества любителей художеств в Москве и его секретарь в 1861 – 1865 гг.; был также в числе инициаторов создания Московского Археологического общества, с 1864 по 1872 г. – его секретарь, в 1872 – 1883 гг. – товарищ председателя. В университете Гёрц преподавал с 1857 по 1882 г. с перерывом по болезни в 1871/72 г. Не имея возможности в немногие отводимые часы дать студентам систематический курс всеобщей истории искусств, читал в разные годы выборочно отдельные его разделы: то искусство Древнего Востока или античности, то средневековое, то эпохи Возрождения и т.д. Преподавал историю искусства также в Училище живописи-



# I. Этаж. Освещеніе боковое.



и Распачковская  
 Въ подвальной этажъ — помѣщенія для 5 служителей (и въ полуподвалъ — помѣщенія для 4 квартиръ въ 4 комнаты для служителей зданія (оубъ эти и хранятъ Музей).

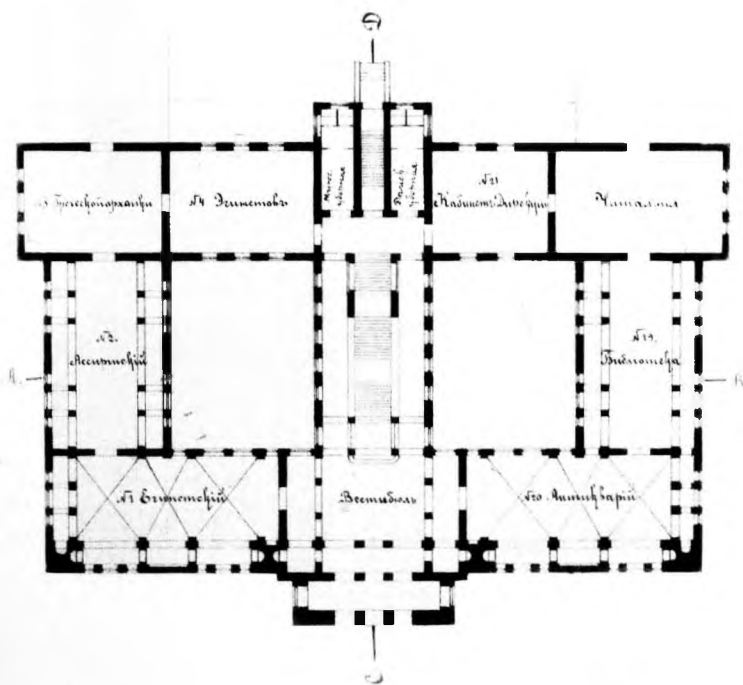
# II Этаж. Освѣщеніе верхнее.



62-63. И.В.Цветаев. «Порядок и размеры помещений Музея скульптуры, организуемого при Императорском Московском университете». 1 и 2 этажи. 29 ноября 1895 г.

Автографъ

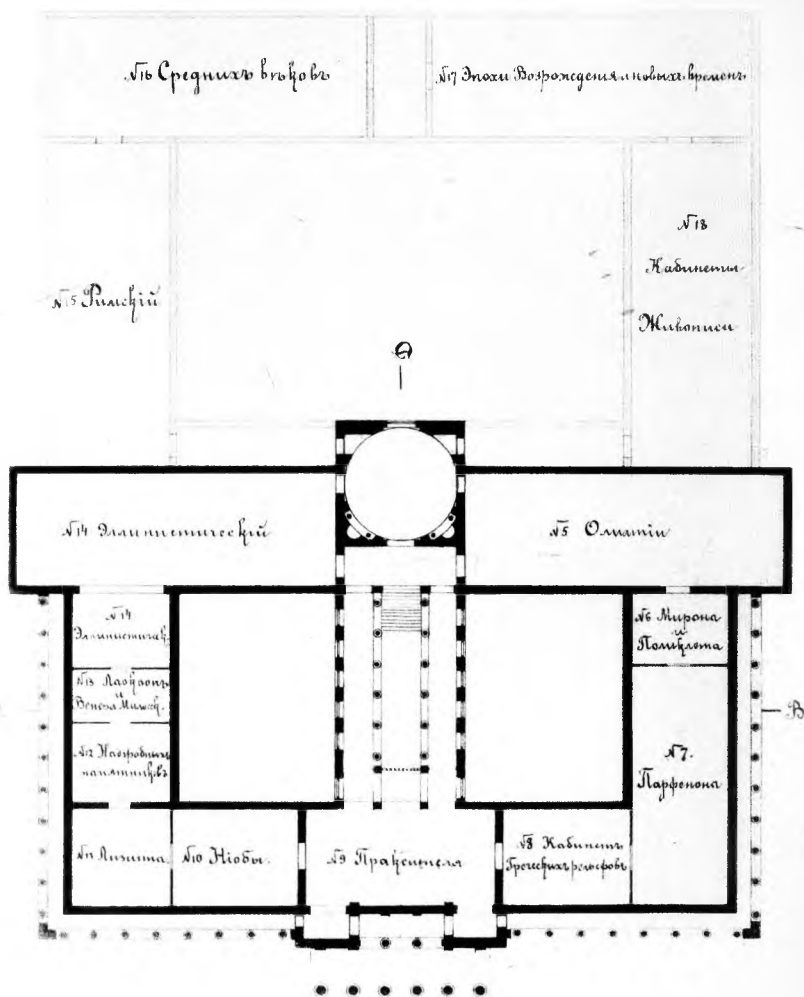
План 1-го этажа



64. План 1-го этажа.

Обозначена также часть здания, намечавшаяся к постройке во вторую очередь

Планъ 2<sup>го</sup> этажа.

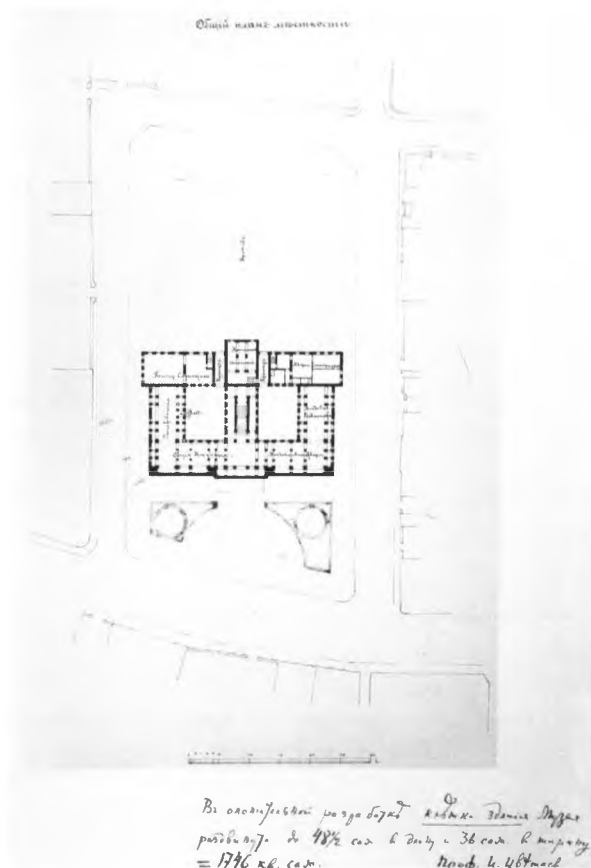


65. План 2-го этажа.

Обозначена также часть здания, намечавшаяся к постройке во вторую очередь



66. Фасад (двухэтажный)



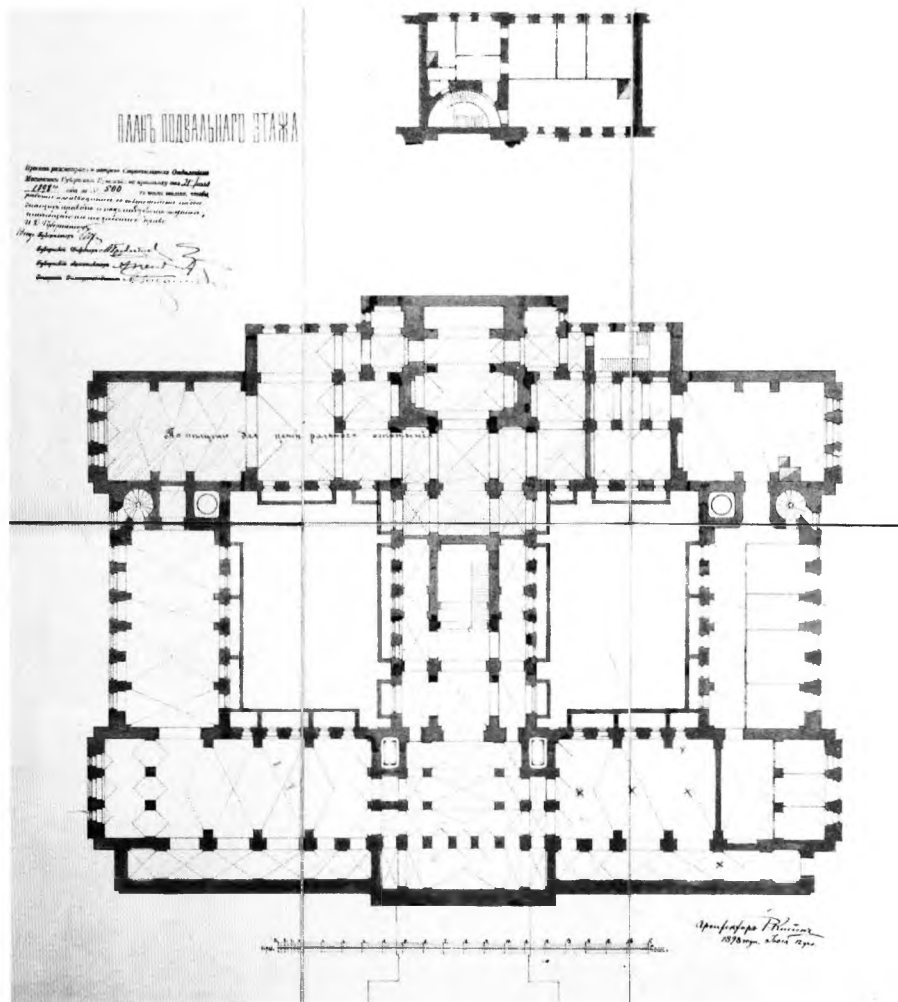
67. Общий план местности с обозначением подвального этажа Музея.  
Лист с автографом И.В.Цветаева 11 декабря 1897 г.

## НОВЫЙ ВАРИАНТ ФАСАДА



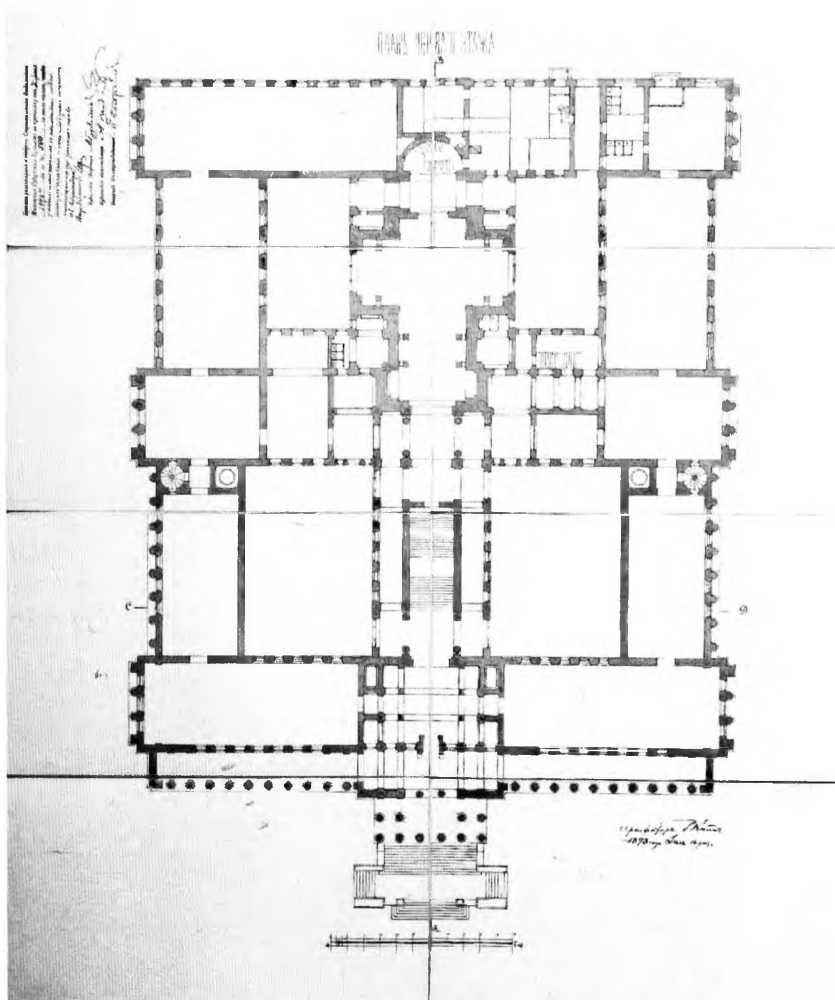
68. Р.И.Клейн. Фасад Музея (одноэтажный). Проект. *Фотография*. 1897 г.

Р.И.Клейн. УТВЕРЖДЕННЫЙ ПРОЕКТ МУЗЕЯ  
ПО СОСТОЯНИЮ НА ИЮЛЬ 1898 Г.  
Чертежи с визами Московского губернского правления



69. Поэтажные планы. Подвальный этаж. С автографом Клейна 12 июля 1898 г.



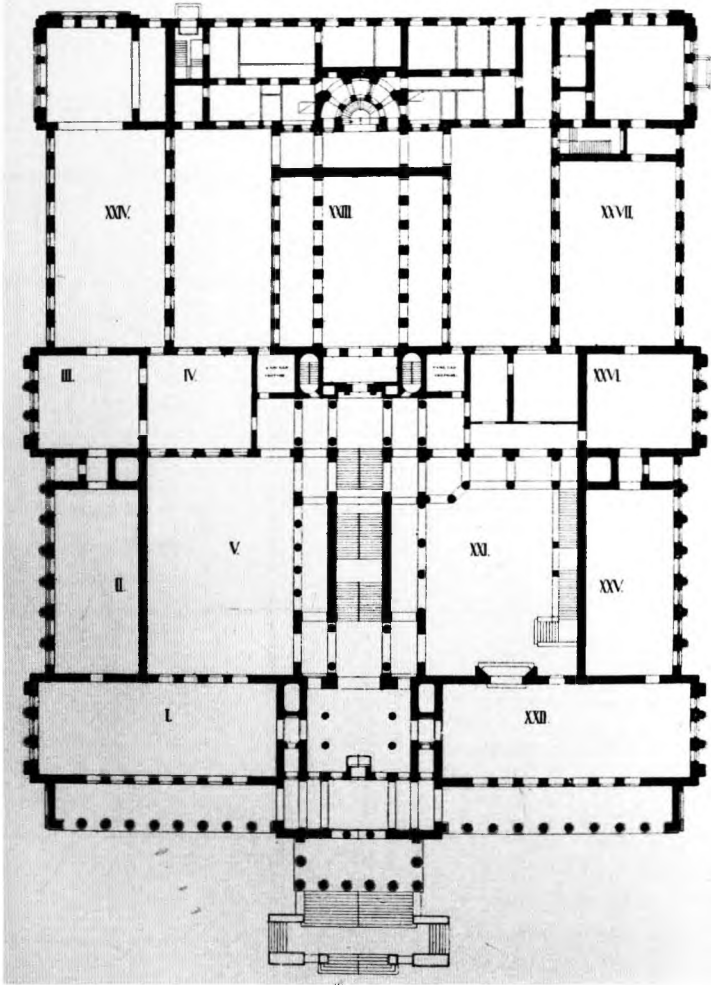


72. Поэтажные планы. Первый этаж. С автографом Клейна 12 июля 1898 г.





Планъ первого этажа.

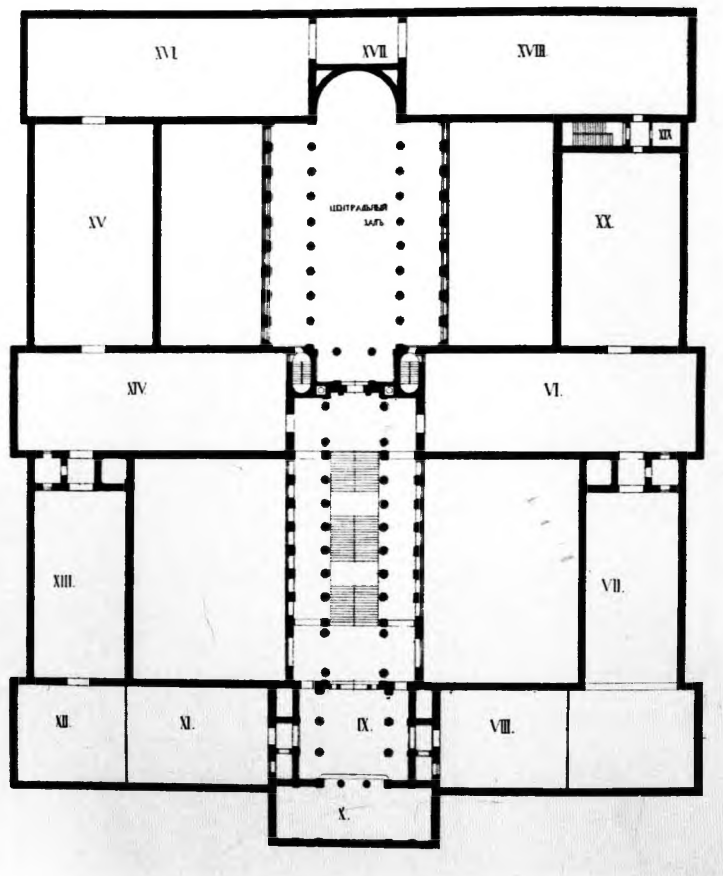


74. Расположение экспозиции в Музее изящных искусств.  
Москва, 1912 г.

План первого этажа

- |  |                                 |
|--|---------------------------------|
| I. Египетский зал                        | XXII. Зал Северного Возрождения |
| II. Азиатский (Вавилоно-Ассирийский) зал | XXIII. Запасный зал А           |
| III. Зал архаики                         | XXIV. Запасный зал В            |
| IV. Зал Эгинетов                         | XXV. Библиотека                 |
| V. Греческий дворик                      | XXVI. Читальный зал             |
| XXI. Христианский дворик                 | XXVII. Аудитория                |

Планъ второго этажа.



75. Расположение экспозиции в Музее изящных искусств.  
Москва, 1912 г.

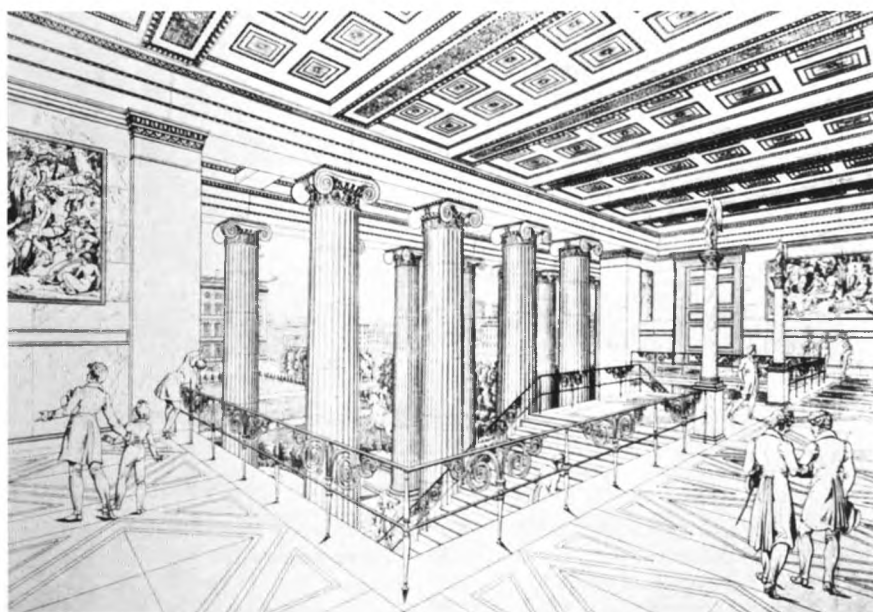
План второго этажа

- |                            |   |
|----------------------------|---|
| Центральный зал            | XIII. Зал Афродиты Милосской и Лаокоона     |
| VI. Зал Олимпии            | XIV. Пергамский зал                         |
| VII. Зал Фидия. Парфенон   | XV. Римский зал                             |
| VIII. Зал конца V в.       | XVI. Средневековый зал                      |
| IX. Зал Праксителя         | XVII. Кабинет Итальянского Возрождения      |
| X. Зал надгробных рельефов | XVIII. Зал Итальянского Возрождения (XV в.) |
| XI. Зал Лисиппа            | XIX. Капелла                                |
| XII. Зал Ниобид            | XX. Зал Итальянского Возрождения (XVI в.)   |

Оформление входов и лестниц в европейских музеях XIX в.



76. Берлин. Старый музей. Фасад. Фото начала XX в.



77. Берлин. Старый музей. Лестница внутри портика. С рисунка К.Шинкеля. 1835 г.



78. Берлин. Новый музей. Центральная лестница с «портиком кариатид».  
*С акварели 1910 г.*



79. Петербург. Новый Эрмитаж. Парадная лестница.  
Архитектор Л.Кленце. 1840–1851. С акварели К.А.Ухтомского. 1853 г.



80. Москва. Центральная лестница Музея изящных искусств.  
Архитектор Р.И.Клейн. 1912 г.

Примеры экспозиций античной скульптуры в европейских музеях  
конца XIX в.



81. Копенгаген. Глиптотека К.Якобсена. Зал римского искусства.  
*1900-е гг.*



82. Копенгаген. Глиптотека К.Якобсена. Зал греческих антиков.  
*1900-е гг.*





83. Копенгаген. Глиптотека К.Якобсена. Зал бюстов римских императоров.  
*1900-е гг.*



84. Дрезден. Альбертинум. Олимпийский зал. *Около 1894 г.*



85. Дрезден. Альбертинум. Зал Эгинетов. *1891 г.*



86. Дрезден. Альбертинум. Фасад



87. Г.Трей. С портрета Л.Тол. 1901 г.



88. Афины. Северный портик Эрехтейона. *Вторая пол. V в. до н.э.*



89. Центральный портик Музея изящных искусств с видом на храм Христа Спасителя. *Фото 1926 г.*



90. Помпеи. Атриум дома Серебряной свадьбы. I в. н.э.



91. Музей изящных искусств. Зал Праксителя. 1912 г.



92. Афины. Тезейон –  
храм Гефеста и Афины. 449 г. до н. э.



93. Подражание портику Тезейона  
в Греческом дворике Музея изящных искусств. Фото 2007 г.





94. Афины. Эрехтейон.  
Орнаментальный фриз на южной стене.  
*Вторая пол. V в. до н.э.*



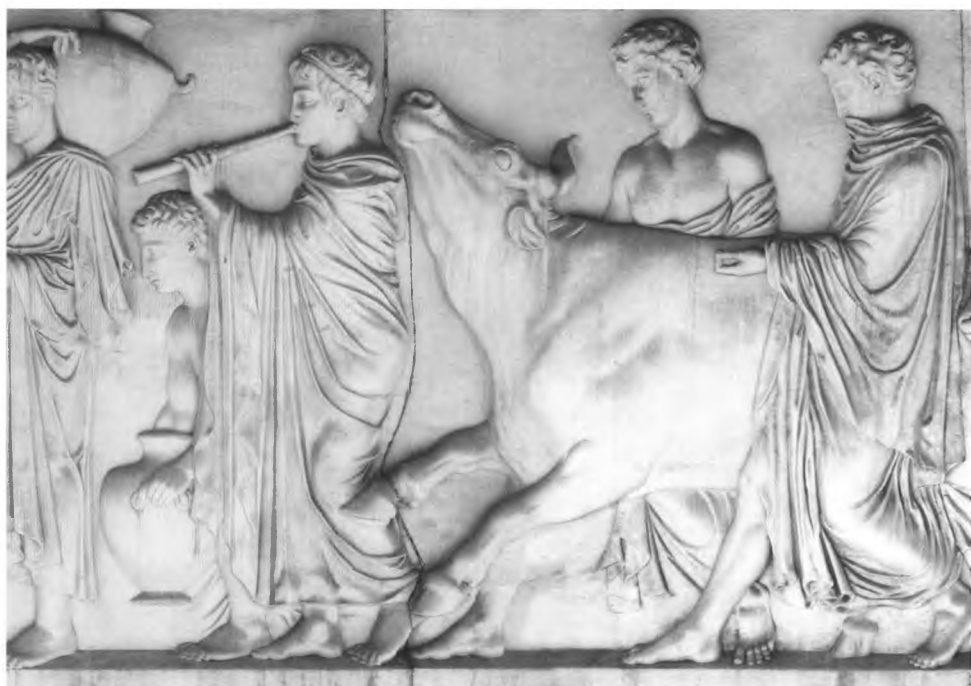
95. Гипсовый шаблон ионической капители  
для колонн внешней колоннады Музея  
изящных искусств.. Создан по образцу  
капителей Эрехтейона. 1901–1902 гг.



96. Орнаментальный фриз на пилястрах бокового фасада Музея изящных искусств.  
*Фото 2007 г.*



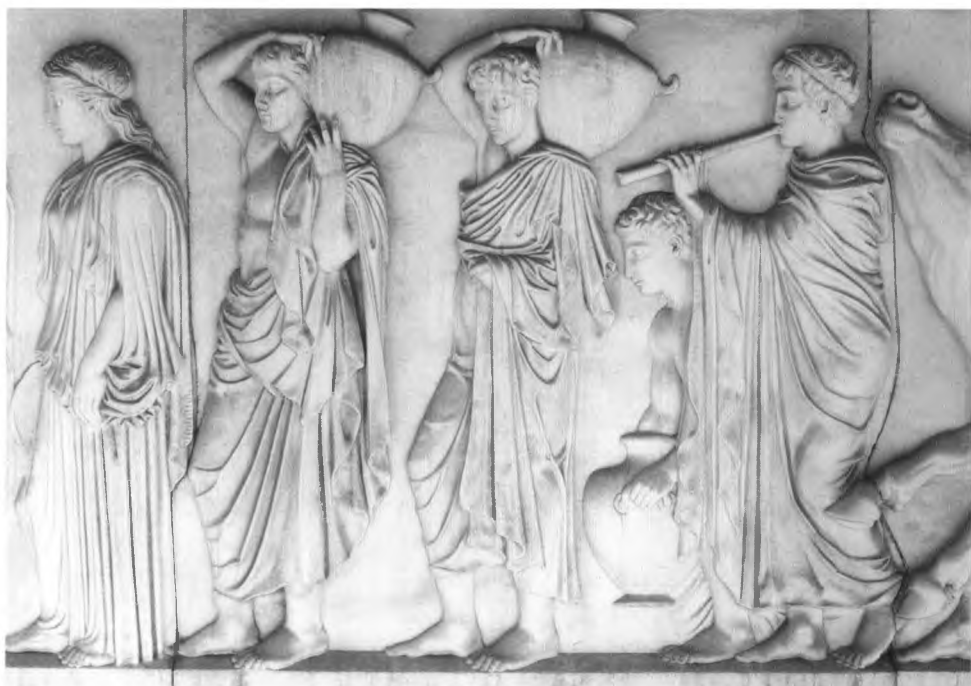
97. Афины. Парфенон. Фрагмент фриза (II плита северной стороны)



98. Те же фигуры на фризе в колоннаде Музея.  
Скульптор Л.Армбрустер, по эскизам Г.Трея и М.Кюнерта. 1902–1905. Фото 2006 г.

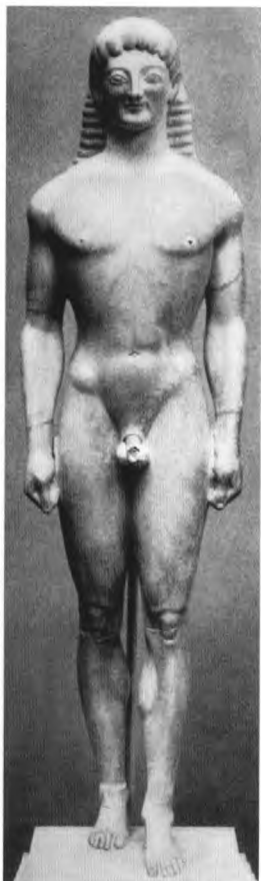


99. Афины. Парфенон. Фрагмент фриза (VI плита северной стороны)



100. Те же фигуры на фризе в колоннаде Музея.  
Скульптор Л.Армбрустер, по эскизам Г.Трея и М.Кюнрета. 1902–1905. Фото 2006 г.

Произведения, упомянутые в переписке И.В.Цветаева  
и Ю.С.Нечаева-Мальцова 1897–1902 гг.



101. Аполлон Тенейский.  
Мрамор.  
Около 550 г. до н.э.  
(Мюнхен, Глиптотека)



102. Лучники из Суз. Рельеф. Глазурованные кирпичи.  
IV в. до н.э. (Париж, Лувр)



103. Древнеегипетская модель погребальной лодки с гребцами. Дерево. *Конец III – начало II тыс. до н.э.* (Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина). Приобретена Ю.С.Нечаевым-Мальцовым для Музея в 1897 г.



104. Крылатые быки-шеду из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине (Хорсабад). Ассирия. Гипсовидный алебастр. *Конец VIII в. до н. э.* (Париж, Лувр)



105. Аполлон из Орхомена. Мрамор. *Около 580 – 570 г. до н.э.* (Афины, Национальный музей)



106. 12 эпизодов из жизни св. евангелиста Марка. Мозаика. 1270-е гг.  
(Венеция, собор Св. Марка)



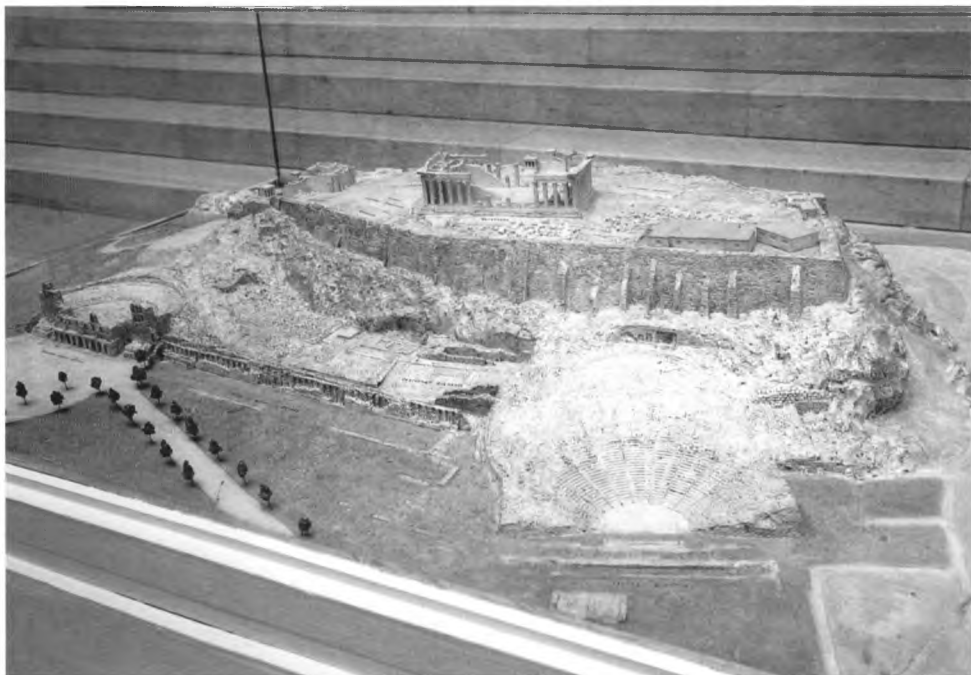
107. Император Юстиниан с духовенством и свитой. Мозаика. Вторая четверть VI в.  
(Равенна, церковь Сан Витале)



108. Надгробие юноши из реки Илмис.  
Мрамор. *Около 330 г. до н.э.* (Афины,  
Национальный музей)



109. Нике Самофракийская. Мрамор. *Конец  
III – начало II в. до н.э.* (Париж, Лувр)



110. Модель афинского Акрополя. 1899 г. (Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина)



111. Золотая погребальная маска из Микен  
(так называемая маска Агамемнона).  
XVI в. до н.э. (Афины, Национальный музей)



си и ваяния (ок. 1859–1863), Консерватории (1866–1871) и Строгановском училище (1878/79). Гёрц заведовал университетским Кабинетом искусств с 1860 по 1882 г., пополнял Кабинет нумизматикой и античными вазами. Собрание слепков Музея благодаря Гёрцу начало приобретать историко-стилистический характер, так как он в 1881 г. заказал в Берлине воспроизведения архаических и раннеклассических скульптур, тем самым указав направление для дальнейшего развития этой части университетской коллекции. Цветаев хорошо знал Гёрца в последние годы его жизни по Университету и Археологическому обществу, дружил с ним, они были соседями. Он же написал два некролога Гёрца и стал его непосредственным преемником как по Румянцевскому музею, так и – временно, в 1882 – 1884 гг. – по университетскому Кабинету искусств. В 1889 г. Цветаев вторично принял Кабинет. 19 января 1913 г., по случаю 30-летия со дня смерти Гёрца, Цветаев выступил с докладом о нем в ИМАО.

<sup>7</sup> Немало этому способствовал сам Иван Владимирович. Достаточно вспомнить его брошюру «Комитет для устройства в Москве Музея античного искусства» (М., 1893) и речь на Первом съезде русских художников и любителей художеств «Устройство Музея античного искусства при Императорском Московском университете» (М., 1894). Эта его деятельность отразилась и в частной переписке. 1 ноября 1893 г. Цветаев писал своему другу, видному антиковеду В.И.Модестову: «На прошлой неделе в “Московских вед[омостя]х” и дудел, и звонил, и трубил на тему: “идите и несите жертвы в Музей Университета”» (НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 288), а 21 марта 1894 г. тому же адресату: «Денег на Музей собрано свыше 30 000 руб. и заказы слепков сделаны по всем заграничным музеям кроме Афин. Пожертвования продолжают и есть основание надеяться, что необходимые 45 000 – 50 000 будут собраны весной и осенью. Затем настанут заботы о постройке особого здания. Для него уже назначен университетский сад» (Там же, л. 291об. Публикуется впервые).

<sup>8</sup> *Сергей Александрович* (1857–1905), великий князь, сын Александра II, брат Александра III, дядя Николая II. В 1891 – 1904 гг. – московский генерал-губернатор, с 1896г. также командующий Московским военным округом. С 1881 г. – председатель Исторического музея; организатор (1882) и председатель Православного Палестинского общества; член ИМАО. Интерес его к истории был не случаен: среди его учителей – известные историки К.Н.Бестужев-Рюмин и С.М.Соловьев и основатель Исторического музея А.С.Уваров, уже в юности называвший его «великим князем от археологии». Сергей Александрович был также председателем Московского художественного общества, при котором состояло Училище живописи, ваяния и зодчества. С 1898 г. до дня своей гибели – председатель Комитета по устройству Музея изящных искусств. Убит террористом 4 февраля 1905 г. Цветаев познакомился с великим князем через А.Д.Мейна в начале 1890-х гг. и 9 марта 1894 г. делал в ИМАО доклад о принадлежавших Сергею Александровичу древнегреческих статуэтках. Ему удалось заинтересовать великого князя скромным факультетским Музеем изящных

искусств и древностей. 24 апреля 1894 г. Цветаев уже мог упомянуть с трибуны Съезда художников о предстоящем визите великого князя в Музей; 31 мая был принят им по делу (Московские ведомости. 1894. 1 июня. С. 3); а 12 июня 1894 г. сообщал В.И.Модестову: «7 июня посетил юный универ[ситетский] Музей Великий князь. <... > Теперь мы возлагаем упование на особое содействие его в вопросе о постройке отдельного здания для Музея» (НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 293об. Публикуется впервые). В середине 1890-х гг. великий князь подарил Музею несколько античных терракот из своего собрания. Весной 1898 г. вместе с братом, великим князем Павлом Александровичем, пожертвовал средства на сооружение зала в память супруги Павла Александровича, великой княгини *Александры Георгиевны Грегеской* (1870–1891), посвященной скульптуре Парфенона. Покровительство со стороны члена царской семьи во многом предопределило общественный резонанс цветаевского начинания, выдвинуло его за рамки внутриуниверситетского и даже после гибели великого князя оставалось одним из решающих моментов в судьбе Музея на весь период его строительства.

*Елизавета Федоровна* (1864–1918), урожд. принцесса Гессен-Дармштадтская, с 1884 г. – супруга великого князя Сергея Александровича; в 1894 г. ее младшая сестра, в православном крещении Александра Федоровна, стала женой Николая II. Председательница и активная участница многих благотворительных обществ, официальная покровительница Строгановского художественно-промышленного училища. С 1898 г. – почетный член Комитета по устройству Музея. После гибели ее мужа Цветаев обращался к помощи великой княгини в связи с хлопотами по Музею, в частности, в 1909 г. благодаря ее участию было принято решение о передаче в Музей купленной государством египетской коллекции В.С.Голенищева. Делала Музею пожертвования. Первое из них относится еще к 1895 г., когда ею были подарены университетскому Музею образцы керамики Древней Америки; к открытию Музея ею принесена в дар небольшая бронзовая скульптура итальянского мастера эпохи Возрождения Якопо Сансовино «Богоматерь с Младенцем и Иоанном Крестителем» (ГМИИ, инв. № СК 3). Мученически погибла 18 июля 1918 г.

<sup>9</sup> По докладу великого князя Сергея Александровича в июле 1895 г. Николай II распорядился приостановить закладку на Колымажном дворе здания Промышленно-технического училища в память 25-летия царствования Александра II, чтобы освободить это место для Музея (см.: ф. 6, оп. I, ед. хр. 302). Училище было построено на Миусской площади (освящено 24 февраля 1903 г.). На базе училища позднее возник институт, ныне известный как Российский химико-технологический университет им. Д.И.Менделеева. По соседству с училищем в ближайшие же годы возникли и другие учебные заведения, в том числе Археологический институт (здание – 1914; основан – 1907), начавший готовить кадры историков искусства наряду с университетом, и Народный университет им. А.Л.Шанявского (здание – 1912; основан – 1908) – теперь на его бывшей тер-

ритории располагается Российский государственный гуманитарный университет, где с 1997 г. размещена экспозиция значительной части Цветаевского собрания слепков.

<sup>10</sup> Вопрос об отводе земли для Музея обсуждался в Городской думе с 1895 г. и в полном объеме был решен лишь в середине 1898 г. (подробнее см. соответственно комм. 29 и 1 к письмам 12 и 17.) Ранее, весной 1894 г., предполагалось, что Музей будет построен в скромных размерах на университетской земле, а именно позади нынешнего факультета журналистики – со стороны Шереметевского пер., в саду так называемого дома Рихтера. Но уже в конце того же 1894 г. Цветаев интересовался у знакомых ему гласных Городской думы, нельзя ли просить для Музея место, например, на Театральной площади. На Колымажную площадь Цветаеву указал один из приближенных генерал-губернатора – генерал М.П.Степанов.

«Колымажной площадью» называлась территория между улицей Волхонка, Малым Знаменским и Антипьевским (Колымажным) переулками. Она имела форму неправильного прямоугольника, наискось срезанного Волхонкой. С 1547 г. здесь располагались переведенные из Кремля царские конюшни и колымажные (каретные) сараи. Этот так называемый Колымажный двор (или дом) функционировал и после переноса столицы в Петербург – при царских наездах в Москву. На рубеже XVIII – XIX вв. на Колымажном дворе был публичный манеж для обучения верховой езде. С 1834 г. его территория вместе со строениями использовалась под пересыльную тюрьму, центральный двор застроили бараками. В 1868 г. здесь даже была освящена тюремная церковь во имя св. Александра Невского. Но около 1879 г. пересыльную тюрьму вместе с церковью перевели в построенный еще в конце XVIII в. Бутырский тюремный замок, а землю за большие деньги вскоре выкупила у казны Московская городская дума. Обветшавшие постройки снесли, и площадь превратилась в «отдыхающий» пустырь, обнесенный временной оградой. «Земля эта давно была назначена под Реал[ьное] уч[илище] имени Императора Александра II, потом ее определили под Промыш[ленное] уч[илище] имени того же Императора; но проходил, кажется, 17[-й] или 18[-й] год, а московские думцы, не имея денег, и не думали об обеспечении жертвы, сделанной их предшественниками, из которых многих уже не было, а иные были далеко от Думы, лишены доверия на последующих выборах, или устранились от дел общественного управления сами. Земля валялась пустырем, по которому катались лишь любители верховой езды» (из письма И.В.Цветаева В.И.Модестову, март 1897//НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 295–295 об. Публикуется впервые).

*Волхонка* – это начальный (от Моховой ул. до Бульварного кольца) отрезок пути, соединявшего Кремль с Новодевичьим монастырем. Когда-то улица, как и ее продолжение, называлась «Пречистенкой», но превратилась в «Волхонку» по обиходному наименованию питейного дома, находившегося здесь во 2-й половине XVIII в. в бывших палатах кн. Волконских, напротив ул. Ленинка.

Со второй половины XIX в. район меняет свой облик, приобретая значение религиозно-политического и культурно-образовательного центра. В 1837 – 1883 гг. в осуществление обета, данного Александром I во время Отечественной войны 1812 г., между Волхонкой и Москвой-рекой по проекту К.А. Тона был сооружен крупнейший московский храм – памятник победы русского оружия, известный как храм Христа Спасителя (уничтожен в 1932 г., восстановлен в 1990-е гг.). В скверах вокруг храма в середине 1890-х гг. впервые в Москве было устроено уличное электрическое освещение. На Волхонке в XIX – начале XX в. находились 1-я Московская гимназия и попечительство учебного округа, а в соседнем с Кольмажной площадью доме (ныне – Институт философии) в 1865 – 1886 гг. существовала открытая для публики картинная галерея князя С.М. Голицына. С 1894 по 1898 г. в том же доме арендовала помещение Консерватория. Позднее, уже в связи со строительством Музея, дом Голицына был приобретен Московским художественным обществом для Училища живописи, ваяния и зодчества, проводившего здесь целый ряд выставок, а в конце 1900-х гг. по соседству с ним, перед 1-й гимназией, по инициативе великого князя Сергея Александровича проектировалось и строительство нового здания Училища.

<sup>11</sup> Имеется в виду Александр III (1845–1894, император с 1881 г.).

<sup>12</sup> Приезд императорской фамилии в Москву ожидался в связи с торжествами по случаю открытия в Кремле памятника Александру II. Состоялся не в мае, а в августе 1898 г.

<sup>13</sup> О постройках Нечаева-Мальцова см. вступительную статью.

<sup>14</sup> *Совет министра* – составная часть ряда министерств Российской империи; вырабатывал решения по наиболее общим вопросам, входившим в компетенцию министерства, обязательные для остальных его частей; должность члена совета министра приравнивалась к чину 4-го класса. (Чин того же класса был в 1897 г. и у Цветаева, однако для него как университетского профессора член совета министра просвещения уже являлся лицом вышестоящим, обращаться к которому по служебным делам следовало через ректора и попечителя; отсюда начало Записки: «Вследствие поручения г. попечителя...».)

*Гофмейстер* – придворное звание, считавшееся чином более высокого, 3-го класса.

<sup>15</sup> От этого раздела Цветаев постепенно отказался. В 1903 г. он прямо заявлял, что времена после XVI в., за исключением, может быть, Л.Бернини, «не входят в программу нашего учреждения» (Комитет МИИ 1903. С. 19). В экспозиции 1912 г. были лишь отдельные произведения Нового времени, подаренные Музею. Однако еще с 1911 г. Цветаев вновь занимался организацией соответствующего раздела в расчете на будущее. См., например, комм. 7 к вступительной статье.

<sup>16</sup> Известно о получении в начале 1896 г. из мастерской А.Мюллера в Дрездене 9 моделей в 14 ящиках (Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1897 г. М., 1897. С. 209–213).

Это были воспроизведения отдельных частей храма Посейдона в Пестуме, афинского Парфенона, храма Ники Аптерос, северного портика Эрехтейона, памятника Лисикрата в Афинах, храмов Фортуны Вирилис и Юпитера Статора в Риме, здания в Альбано и тосканского ордера по Витрувию. (Список устанавливается по ф. 1, оп. II, ед. хр. 154.) Модели демонстрировали не само здание, а характер его архитектурного ордера. По словам Цветаева, они были «исполнены в достаточном масштабе из обожженной глины и гипса» (Московские ведомости. 1896. 20 февраля. № 50. С. 3). Все они, по-видимому, погибли при пожаре 20 декабря 1904 г. В Кратком иллюстрированном путеводителе по Музею, вышедшем в 1912–1917 гг. 12-ю изданиями, эти модели не упоминаются. На фотографиях первой экспозиции Музея можно видеть только исполненные уже после комментируемого письма и существующие по сей день модели Акрополя и Парфенона. Зато, наоборот, появились непредусмотренные в первоначальных планах воспроизведения значительных частей архитектурных памятников в натуральную величину: угол Парфенона, портик кариатид Эрехтейона, памятник Лисикрата целиком, карниз римского храма Конкордии, капитель колонны из Персеполя, целые порталы нескольких средневековых храмов и т.д., не говоря уже о том, что и сама архитектура здания Музея воспроизводит строго определенные исторические образцы. После открытия Музея Цветаев вновь считал одной из первоочередных задач приобретение архитектурных макетов. Однако его хлопоты в этом отношении, по-видимому, остались без результата.

<sup>17</sup> В конечном итоге эти кабинеты не были построены, и мы затрудняемся сказать, в каком именно году они исчезли со строительного плана Музея. Увражи с репродукциями, разумеется, были собраны и хранились в библиотеке Музея; живописные копии помпейских фресок в 1912 г. развесили по стенам читального зала библиотеки (см. ил. 74).

<sup>18</sup> *Рейман Федор Петрович* (1842–1920), художник, российский подданный, с 1869 г. жил в Риме, где окончил Академию Св. Луки. Цветаев познакомился с ним в 1875 г. во время первой поездки в Италию. В 1880 г. Рейман копировал памятники древнеиталийских письмен для атласа, приложенного к труду Цветаева «Inscriptiones Italiae Mediae dialecticae...» («Диалектные надписи Средней Италии»; Лейпциг, 1884). В 1888 г., предполагая издать сборник копий древнехристианских росписей из римских катакомб III – IV вв., Цветаев снова обратился к Рейману, который в том же году приступил к исполнению заказа. В связи с созданием Музея мысль о публикации была оставлена, но копирование продолжалось по 1900 г. Было выполнено в технике акварели 117 листов (ГМИИ. Инв. № II 2 в 763–879), которые отличаются красотой и большой точностью в передаче как художественных качеств фресок, так и их фактуры. В начале предполагалось устроить в цокольном этаже Музея подражание катакомбе с росписями в технике фрески, сделанными на основе реймановских копий. Позже от этого отказались, и свыше 50 акварелей вошло в 1912 г. в экспозицию Средневекового зала Музея. Подробнее об этом см.: *Аксененко М.Б.* Русский художник

Федор Рейман//Введение в храм. Сб. статей. М., 1997. С. 594–601. Сохранились 36 писем Реймана Цветаеву за 1876 – 1908 гг. и одно письмо 1903 г. к Нечаеву-Мальцову (ф. 6, оп. I, ед. хр. 3367–3400; колл. XXII, ед. хр. 132).

<sup>19</sup> *Попов Константин Семенович* (1852–после 1913), глава чаесторговой фирмы «К. и С. Поповы», имевшей свои магазины в 60 городах Российской империи. Коллекционер, в его собрании, в частности, были египетские древности, а также гравюры и литографии (в основном – русских мастеров) с картин и рисунков западноевропейских и русских художников, предметы прикладного искусства Китая, Японии и Кореи, материалы по этнографии и природоведению Дальнего Востока. В 1899 г. Попов подарил свою коллекцию Строгановскому училищу. Как писал Цветаев, «я его втравил в созидание музея японской и китайской художественной промышленности в надежде, что это сделается впоследствии или новым самостоятельным музеем, или даровым достоянием этнографического отделения Румянцевского музея, или музея Строгановского училища технического рисования, для чего и исходатайствовано было ему мною, чрез посредство расположенного ко мне государственного контролера Тertia Ив. Филиппова, у министра финансов И.А.Вышнеградского право *беспошлинного* получения всех предметов художественной промышленности и быта выше-названных стран». И далее в примечании: «В нынешнем году, собираясь переселиться на Кавказ, К.С.Попов начал было упаковывать все вещи, но утомился и отдал все собрание, стоившее ему до трехсот тысяч руб., Строгановскому училищу» (Дневник. С. 285. Публикуется впервые). К.С.Попов – первый жертвователь, привлеченный Цветаевым к делу создания Музея: в 1890–1892 гг. за счет только его пожертвований (57 экспонатов) университетская коллекция слепков удвоилась (ф. 1, оп. II, ед. хр. 83, 87, 89, 94 и 109); с 1889 по 1896 г. он оплачивал работы Реймана. В дальнейшем прекратил пожертвования (Дневник. С. 37–41).

<sup>20</sup> В 1897 г. на средства кандидата Московского университета *Александра Александровича Назарова*, одного из директоров правления Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К<sup>о</sup>» (?–1900), были приобретены в Неаполе бронзовые репродукции 2-х античных бюстов и 2-х статуэток (Отчет Императорского Московского университета за 1897 г. М., 1899. С. 138). В дальнейшем в Музее составила довольно большая коллекция бронзовых репродукций и гальванопластических копий. Наряду с этим к открытию Музея в 1912 г. значительно выросли собрания подлинников, что заметно нарушило сформулированную Цветаевым в «Записке» схему распределения материала.

<sup>21</sup> Конкурс проводился в конце 1896 г., срок подачи проектов – до 10 января 1897 г. Премий и наград были удостоены: проект Г.Д.Гримма (девиз «Nis Rhodus, hic salta») – первая премия, Л.Я.Урлауб (девиз «ΕΛΛΑΣ») – вторая премия, Б.В.Фрейденберг (девиз «Паллада») – третья премия, П.С.Бойцов (девиз «Мысль») – золотая медаль, Р.И.Клейн (девиз «Anno MDCCCXCVII») – золотая медаль, М.С.Шуцман (девиз «Москвичам») – серебряная медаль, И.Н.Сеттер-

грена и Э.И.Гедмана (девиз – четыре свитых кольца) – серебряная медаль. В Комиссию по рассмотрению проектов входили: В.А.Беклемишев, Альб.Н.Бенуа, П.А.Брюллов, Н.В.Султанов, А.О.Томишко, М.А.Чижев; заключение Комиссии утверждалось Собранием ИАХ; премии оплачивались Университетом из средств, пожертвованных на Музей из наследства В.А.Алексеевой. 15 февраля 1897 г. Цветаев в письме к Модестову сообщал: «... 2 работы выдающегося достоинства и 5 оказываются достойными премий и отличий. Университет поступает в этом случае весьма гуманно; предполагается выдать 3 премии (1200 р., 800 р., 500 р.) и 4 медали, из них 2 золотые и 2 серебряные. Через неделю результат экспертизы будет объявлен...» (НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 316об. Публикуется впервые). По условиям конкурса, премированные проекты поступали в собственность Университета, и Университет заказывал избранному им архитектору окончательный проект на их основе. Как раз во время написания комментируемого письма Р.И.Клейн – пока еще не по поручению Университета, а по личной просьбе Цветаева – готовил этот проект. 2 мая 1897 г. Правление университета рассмотрело его на экстренном заседании, наряду с премированными конкурсными проектами Музея. Правление постановило: «Просить архитектора Р.И.Клейна, согласно его предложению, принять на себя труд по дальнейшей разработке нового его проекта Музея к 1-му октября сего года...» (ф. 1, оп. II, ед. хр. 171, л. 10б).

<sup>22</sup> *Щербатов Александр Алексеевич* (1829–1902), князь, в 1862–1869 гг. – московский городской голова, затем, до конца жизни – гласный Городской думы; крупный благотворитель; первый почетный гражданин г. Москвы (с 5 марта 1866 г.); его именем с 1869 г. называлась основанная тремя годами раньше 2-я городская больница. Жертвователю на Музей изящных искусств (в 1894 г. – см.: ф. 1, оп. II, ед. хр. 144), в дальнейшем член-учредитель Комитета. По возрасту и болезни активного участия в его деятельности принять уже не смог.

*Третьяков Павел Михайлович* (1832–1898), промышленник-мануфактурист, благотворитель, основатель крупнейшего собрания национального искусства – Третьяковской галереи. Цветаев обратился к нему за помощью новому музею в 1893 г. В следующем году Третьяков перевел 3 тыс. франков на приобретение слепков с памятников античной скульптуры в музеях Рима. В Комитет по устройству Музея не вошел. (Подробнее см.: *Ненарокова И.С.* П.М.Третьяков и И.В.Цветаев// *Панорама искусств* 9. М., 1986. С. 259–271).

*Солдатёнков Козьма Терентьевич* (1818–1901), крупный предприниматель, меценат, благотворитель, покровитель московских старообрядцев; на средства, завещанные им Москве, построена городская больница им. К.Т.Солдатёнова (ныне – больница им. С.П.Боткина). Книгоиздатель и библиофил. Собирателем, главным образом, русской живописи, а также икон. Почетный член Московского Публичного и Румянцевского музеев; с 1862 г. до конца жизни ежегодно перечислял туда 1000 руб. и завещал свою художественную коллекцию и библиотеку. В 1893 г. уплатил для Университета 2400 руб. за слепки (большой частью

погибшие в 1904 г.) с 33 греческих скульптур из Мюнхенской глиптотеки. В Комитет по устройству Музея изящных искусств не вошел.

*Поляков Лазарь Соломонович* (1842–1914), брат знаменитого подрядчика по строительству железных дорог и банкира *Самуила Полякова* (1837–1888). Сам А.С.Поляков тоже занимался строительством железных и шоссейных дорог – в том числе в Персии, являлся одним из главных жертвователей Политехнического музея и членом его Комитета, известным благотворителем; в 1890-е гг. был крупнейшим банкиром России, главой московской иудейской общины (подвергавшейся в генерал-губернаторство великого князя Сергея Александровича постоянным административным гонениям), и – при русском подданстве – персидским консулом в Москве; заслужил потомственное российское дворянство. Цветаев познакомился с ним, по-видимому, через своего тестя, А.Д.Мейна, состоявшего в правлениях нескольких банков Полякова. Первые денежные пожертвования Поляков внес в 1893 г., в 1894 г. на них приобретены 16 слепков с античной скульптуры (ф. 1, оп. II, ед. хр. 123, л. 7об.–9об.). В дальнейшем стал членом-учредителем Комитета по устройству Музея. На его средства на 2-м этаже был сооружен зал греческой скульптуры конца V в. до н.э. (см. ил. 75). Несколько членов его семьи также вносили пожертвования на экспонаты для коллекции Музея.

*Мейн Александр Данилович* (1836–1899), действительный статский советник, в прошлом военный: окончил Павловский кадетский корпус, с 1854 г. служил в гренадерском императора австрийского полку. С 1863 г. на гражданской службе в канцелярии московского генерал-губернатора. Был членом от Министерства внутренних дел в Бронницком, а затем Коломенском уездных училищных советах, чиновником особых поручений при генерал-губернаторе, директором Московского тюремного комитета, членом Московского комитета для разбора и призрения просящих милостыню, членом Попечительного совета заведений общественного призрения. В 1882 – 1887 гг. управляющий канцелярией московского генерал-губернатора. В последующие годы являлся членом совета Московского международного банка, членом правления Московского земельного банка, одним из директоров Коммерческого страхового общества. В 1866 – 1872 гг. заведовал неофициальной частью «Московских губернских ведомостей», в 1880-е гг. организовал частное Агентство новостей А.Д.Мейна; публиковался в нескольких газетах; перевел на французский язык том «Истории Петра Великого» Устрялова, посвященный делу царевича Алексея. Член Комитета по устройству Музея прикладных знаний (Политехнического), член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств. Отец второй жены Цветаева – Марии Александровны. «Очень умный и широко образованный, – вспоминал Цветаев в 1906 г., – он внушал мне смелость и решимость объявить об устройстве *большого*, для всех доступного впоследствии Музея скульптуры глав[ным] образом и сделать это оповещение в газетах, не имея ничего, кроме веры и надежды на успех отклика людей состоятельных» (НИОР РГБ, ф. 324,



оп. 2, ед. хр. 4, л. 454об. Письмо к В.И.Модестову от 24 июля 1906 г. Публикуется впервые). 23 августа 1893 г. Цветаев писал: «Сейчас получил от моего хранителя письмо о прибытии гипсов <... > из Лондона, откуда пришли все лучшие бюсты исторических деятелей Греции и Рима. Эту коллекцию заказал приобрести для университетского Музея отец жены, но как человек небогатый, он приобретает коллекцию не сразу, а по частям. Осенью и зимой приобретем, что может дать лучшего в этом роде Лувр, а затем Берлин, Рим и Неаполь. Число исторических бюстов предполагаю в 100 №№. Это будет первое в России собрание» (Там же, л. 284).

*Самарин Дмитрий Федорович* (1831–1901), богатый московский дворянин, влиятельный деятель московского земства. Литератор, печатался в изданиях Ив.Аксакова и в «Московских ведомостях», где представлял дворянско-помещичьи интересы. В 1880 – 1890-е гг. издал 10-томное собрание сочинений своего покойного брата, видного славянофила Ю.Ф.Самарина, предпослав каждому тому обширное предисловие. Друг князя А.А.Щербатова; на их пожертвования Цветаев приобрел в 1894 г. слепки с «Ники» Пэония, «Дискобола» Мирона, «Дорифора» и «Амазонки» Поликлета и др. Стал членом-учредителем Комитета по устройству Музея.

*Иловайский Дмитрий Иванович* (1832–1920), историк консервативного направления, публицист, в 1860-х гг. преподавал в Московском университете, автор нескольких гимназических учебников, пятитомной «Истории России» (многократно переиздавалась в 1877 – 1905 гг.), с 1899 г. составитель и издатель политической и литературной журнала-газеты «“Кремль” Иловайского». Коллекционировал древнерусские рукописи. Член МАО, где Цветаев, по-видимому, и познакомился с ним вскоре после своего переезда в Москву (в Исторической библиотеке имеются две книги Цветаева с дарственными надписями Иловайскому от 10 февраля 1878 г.). Отец первой жены Цветаева, *Варвары Дмитриевны* (1858–1890). В 1893 г. передал Университету на приобретение слепков гонорар от публичной лекции в Историческом музее. С 1898 г. действительный член Комитета по устройству Музея.

*Морозов Сергей Тимофеевич* (1863–1944), кандидат прав, потомственный почетный гражданин, директор-распорядитель Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К<sup>о</sup>». В 1885 г. основал Кустарный музей в Москве. Друг пейзажиста И.И.Левитана; член совета Строгановского училища. На его средства в 1897 г. были приобретены слепки со скульптур восточного и западного фронтонов храма Зевса в Олимпии в реконструкции Г.Трея (прибыли в Москву в феврале, оплачены за 3 недели до комментируемого письма). В дальнейшем Серг.Т. Морозов вошел в число членов-учредителей Комитета по устройству Музея изящных искусств. Его брат, меценат Художественного театра Савва Морозов, также был в числе жертвователей университетского Кабинета изящных искусств: внес на приобретение гипсов 500 р. в мае 1894 г. (см. ф. 1, оп. II, ед. хр. 150).

*Морозова Мария Федоровна* (1830–1911), урожд. Симонова, потомственная почетная гражданка, совладелица Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К<sup>о</sup>», мать Саввы и Сергея Морозовых. В марте 1894 г. пожертвовала на университетский музей 500 руб.

*Алексеева Варвара Андреевна* (1823–1894), известная московская благотворительница начала 1890-х гг., вдова крупного торговца чаем 1840 – 1870-х гг. Андрея Алексеевича Алексеева. В ноябре 1894 г. большой общественный резонанс вызвало оглашенное после ее смерти необычное завещание. Отписав родственникам недвижимость на 500 тыс. рублей и денег на 1,5 млн. руб., Алексеева свыше 1,5 млн. жертвовала различным учебным заведениям (на стипендии и строительные нужды), церквям и монастырям, нескольким благотворительным обществам, а также городскому правлению – на устройство начального училища и низшей торговой школы и выдачу пособий бедным невестам. Сверх того около 200 тыс. руб. особо предполагались на строительство и обслуживание Алексеевской глазной больницы для бедных (она была задумана как принадлежащая Университету, но после долгих переговоров выстроена за 147 тыс. руб. на Садово-Черногорской ул. как городская собственность; в дальнейшем это Институт офтальмологии им. Г.А.Ф.Гельмгольца). Неучтенный остаток средств душеприказчикам предписывалось тоже обратить на благотворительные и просветительные цели.

Музей изящных искусств не был назван в завещании, но душеприказчики знали об интересе покойной к Цветаевскому начинанию. Еще в феврале 1894 г. Алексеева пожертвовала Музею тысячу рублей, на которые Цветаев приобрел слепок дрезденской статуи Зевса, а также 28 слепков из мастерских берлинских Королевских музеев, в том числе Ниобиду Кьярамонти (Музеи Ватикана) и головы фигур с фронтонов храма Зевса в Олимпии (Олимпия, музей). Летом того же года Алексеева вызвалась взять на себя расходы по сооружению нового здания Музея, задуманного тогда еще в скромных размерах. Она осмотрела коллекцию, приглашала для переговоров Цветаева и присылала к нему с той же целью архитектора своих построек академика П.И.Залесского, однако оформить соответствующее пожертвование не успела.

Заслуга в выделении из ее наследства 150 тыс. руб. на строительство Музея принадлежит душеприказчикам, ссылавшимся на предсмертную устную волю Алексеевой, сопровождавшуюся пожеланием, чтобы Музей носил имя в память только что (20 октября 1894 г.) скончавшегося Александра III. До 1898 г. «алексеевский капитал» составлял половину всех пожертвований на Музей. Юридическое оформление этого дара заняло два с половиной года – с апреля 1895 до ноября 1897 г. (Подробнее см.: *Баранов А.Н.* О начальном капитале на строительство здания Музея изящных искусств//Государственный музей изобразительных искусств имени А.С.Пушкина. 1898–1998. К 100-летию со дня основания Музея. М., 1998. С. 86–90; *Баранов А.Н.* Варвара Андреевна Алексеева (1823–1894) и Музей изящных искусств//Тропи-

нинский вестник 2004: Меценатство в России. Перспективы развития в XXI веке. Материалы всероссийской научной конференции 2003. М., 2004. С. 101–108.)

Душеприказчиками Алексеевой являлись кандидат Московского университета, управляющий Московским отделением Волжско-Камского банка *Михаил Степанович Нагаткин* (?–1903) и инженер Константин Алексеевич Казначеев (см. о нем примеч. 1 к письму 22), который, согласно утверждению газет, и составил для Алексеевой подписанный ею проект завещания. Оба в 1898 г. вошли в число членов-учредителей и, как уже сказано, неперемennых членов Комитета по устройству Музея.

<sup>23</sup> Именно Нечаев-Мальцов, по словам Цветаева, уже при первом их знакомстве настоял на изменении этих планов, говоря о «необходимости кирпичной выкладки *всего* здания Музея *зараз*, чтобы придать ему целостность уже с самого начала» (Московские ведомости. 1897. 2 декабря. № 332. С. 4).

<sup>24</sup> Цветаев являлся доктором с 1877 г. и ординарным профессором Московского университета с 1885 г. На момент написания комментируемого письма он полтора года как миновал 25-летие своей учебной службы и ожидал звания «заслуженного»: в печатном издании той же «Записки о Музее» в начале марта 1898 г. он уже подпишется «заслуженный ординарный профессор». Следует отметить, что Цветаев как университетский профессор принадлежал не к разночинной интеллигенции, а к служилому дворянству; более того, он выслужил потомственное, т.е. переходящее к его детям, дворянство.

## 2

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2309, автограф.

<sup>1</sup> Личная встреча Цветаева и Нечаева-Мальцова состоялась 15 мая. В этот день Цветаев сообщал открыткой Р.И.Клейну, будущему строителю Музея: «Целых 2 часа я беседовал с Юрием Степановичем. Он был у меня 3-го дня, когда я уезжал во Владимир, ныне я был [у него] в “Слав[янском] баз[аре]”. Он отнесся к нашему делу с полнейшим участием. Рассматривали Ваши планы и фасад. Ему хотелось бы 1-ноэтажного, вполне греческого фасада с порталом. Каменную облицовку и каменные колонны он находит необходимыми для монументального здания. В Комитет он вступает с удовольствием. Произвел он на меня отличное впечатление» (Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 32).

С самого начала, как это и произошло в дальнейшем, Цветаев рассчитывал, что Нечаев-Мальцов возьмет на себя расходы по каменной облицовке Музея. 11 сентября Цветаев называл его «предполагаемым дарителем... каменного фасада» и спрашивал Клейна: «Подготавливаете ли Вы смету насчет количества *камня* для облицовки и колонн? Не испугайте Юрия Степановича. Дайте ему сначала самому посчитать. Он уже и при мне [т.е. 15 мая], по Вашему рисунку, начал высчитывать стоимость и количество камня для *переднего* фасада; но тут кто-то помешал, к сожалению» (Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 45).

О своем решении оплатить стоимость каменных работ Нечаев-Мальцов объявил на первом заседании Комитета 28 апреля 1898 г., определив для этого сумму в 300 тыс. руб.

После начального обмена письмами, между Цветаевым и Нечаевым-Мальцовым постепенно завязалась регулярная переписка, особенно активная со стороны первого. К сожалению, за период между 28 апреля 1897 г. и 3 октября 1898 г. из 50 писем Цветаева, о существовании которых нам известно, сохранилось лишь два и одна телеграмма, а из писем и телеграмм Нечаева-Мальцова за тот же отрезок времени – 16. Те и другие публикуются в хронологическом порядке.

## 3

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2310, написано рукой неустановленного лица.

<sup>1</sup> Приезжая в Москву, Нечаев-Мальцов останавливался на Никольской ул. близ Кремля, в гостинице «Славянский базар» (архитекторы Р.А.Гедике, А.Е.Вебер и др., 1870 – 1872 гг.; название связано с тем, что под гостиницу было перестроено здание бывшего рынка). Там для него была постоянно зарезервирована квартира: справочник «Вся Москва» из года в год в качестве московского адреса Нечаева-Мальцова называл «Славянский базар». Его родной дом был продан еще в 60-е гг. Усачевско-Чернявскому женскому училищу (см.: *Арнаутова Е.* Дом на Девичьем поле//Архитектура и строительство. 1987. № 4. С. 32–33). Кроме конторы и магазинов, у Нечаева-Мальцова были в Москве многоквартирные, так называемые доходные, дома в Каланчевском пер. и на Домниковской ул. (ныне ул. Маши Порываевой).

## 4

Ф. 6., оп. I, ед. хр. 2311, автограф.

<sup>1</sup> *Зверев Николай Андреевич* (1850–1917), юрист, в то время помощник ректора Московского университета, профессор по кафедре «энциклопедии и истории философии права», славившийся как блестящий лектор (см.: Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 541). В 1894 – 1898 гг. был одним из ближайших союзников Цветаева и принимал активное участие в обсуждении планов Музея. В дальнейшем – член-учредитель его Комитета; в 1898 г. короткое время – ректор, затем (по март 1901 г.) – товарищ министра народного просвещения; с 1901 г. – сенатор, в 1902–1904 гг. – начальник Главного управления по делам печати, с 1909 г. – член Государственного совета. Среди печатных работ Зверева – интересные статьи о поздних романах Достоевского, о Льве Толстом как художнике, о свободе воли (переведено на немецк. яз.) и др. Зверев был членом Общества любителей российской словесности; ему принадлежала осуществленная уже при Советской власти мысль расформировать Румянцевский музей, превратив его в Государственную библиотеку; на 1-м Съезде русских художников и любителей художеств в 1894 г., возражая одному из докладчиков, Зверев произнес тонкий и в сущности глубоко справедли-

вый афоризм: «Задача искусства *не* есть воспроизведение того, что видит глаз» (см.: Московские ведомости. 1894. 25 апреля. С. 4). В личном фонде Цветаева хранятся 25 писем, записок и телеграмм Зверева (ф. 6, оп. I, ед. хр. 1174–1197).

## 5

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2330, телеграмма.

<sup>1</sup> Нечаев-Мальцов ездил на пару дней в Рязанскую губернию, где находилась его вотчина – с. Сторожево Данковского уезда (в прошлом – Сторожевая слобода, ныне – с. Полибино Данковского р-на Липецкой обл.). Перед этим он побывал в Москве, познакомился с будущим председателем Комитета Музея и сообщил Цветаеву о намерении использовать свой предстоящий отдых за границей для приобретения экспонатов, в особенности по искусству Древнего Египта. 19 ноября Цветаев писал Клейну: «Свидание Великого Князя с Ю.С.Нечаевым-Мальцовым состоялось вчера, ко взаимному удовольствию. Теперь у нас есть товарищ председателя. Около субботы, м.б. *в воскресенье*, состоится у него в “Славянском базаре” первое, интимное совещание, на которое он поручил мне пригласить Вас, П.В.Жуковского, ректора, Н.А.Зверева и кого мы сочтем полезным. Перед его отъездом в Каир мы должны сговориться, что нужно делать *этой зимой*, чтобы подготовиться к закладке здания в конце августа...» (Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. I. С. 48).

## 6

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2433, автограф.

На обороте записки рукой Нечаева-Мальцова указан адрес: «Его превосходительству Ивану Владимировичу Цветаеву. Москва, Трехпрудный переулочек, дом Цветаевых у Бронной».

<sup>1</sup> *Голицын Владимир Михайлович* (1847–1932), князь, городской голова в 1897–1906 гг. и, в силу этой должности, также член совета Третьяковской галереи. С 1898 г. – почетный член Комитета по устройству Музея изящных искусств. О его позиции при начальном этапе создания Музея см. комм. 1 к письму 16. Упомянутая «записка» Голицына хранится в ОР ГМИИ (ф. 6, оп. I, ед. хр. 578).

<sup>2</sup> *Истомин Владимир Константинович* (1847–1914), ошибочно названный в письме «Михайловичем» – управляющий канцелярией московского генерал-губернатора в 1892–1902 гг., гофмейстер Высочайшего двора; сын контр-адмирала и племянник героя севастопольской обороны контр-адмирала В.И.Истомина; через жену находился в родстве с именитыми семьями донского казачества. В 1870–1880-х гг. последовательно заведовал канцеляриями атамана войска Донского, рижского губернатора, московского губернатора В.С.Перфильева. Известен также как литератор, состоявший в близком знакомстве с Л.Н.Толстым. Член-учредитель Комитета по устройству Музея.

*Степанов Михаил Петрович*, состоявший при великом князе Сергее Александровиче (с 1905 г. – при великой княгине Елизавете Федоровне) генерал-майор

генерального штаба (на 1911 г. – генерал от кавалерии). Великий князь и Степанов вместе участвовали в русско-турецкой войне 1878 г. Степанов был вице-президентом Православного Палестинского общества, членом совета Елизаветинского благотворительного общества, одним из старшин московского Английского клуба, членом московского местного управления общества Красного Креста. Стал членом-учредителем Комитета Музея. Еще в 1894 г. им были пожертвованы университетскому Кабинету изящных искусств некоторые мелкие подлинники: «5 античных головок из терракоты, 1 глиняный кувшинчик из Фьезоле, 1 глиняная красная чашечка из Корнето, 1 бронзовая египетская статуэтка и 1 бронзовый стригиль» (Отчет о состоянии Императорского Московского университета за 1894 год. М., 1895. С. 109; в тираже с актовой речью 1895 г. С. 155).

*Трубецкой Петр Николаевич* (1858–1911), князь, егермейстер двора, сводный брат будущих профессоров Московского и Киевского университетов, философов Сергея и Евгения Трубецких, двоюродный брат скульптора Павла Трубецкого (1866–1938). Занимал выборные посты сначала московского уездного (1887–1892), а затем губернского предводителя дворянства (1892 – ноябрь 1906). На заседании, о котором см. следующий комм., не был. Впоследствии избран почетным членом Комитета по устройству Музея.

<sup>3</sup> Речь идет о созыве предварительного совещания будущего Комитета. «Московские ведомости» от 30 ноября 1897 г. сообщали:

«23 сего ноября, вечером, в квартире гофмейстера двора Его Императорского Величества Ю.С.Нечаева-Мальцова происходило предварительное совещание по вопросу об устройстве Музея изящных искусств имени Императора Александра III при Московском университете. В числе лиц, приглашенных председателем собрания, находились представители управления Московского учебного округа и Университета, некоторые деятели московского финансово-го и железнодорожного мира и художники.

В начале заседания <...> был прочитан и подписан присутствующими проект Положения о Комитете по устройству означенного Музея и предложены были лица, которым, во внимание их прежних заслуг перед Музеем и в дальнейших интересах дела, было бы необходимо сообщить сей проект для ознакомления и подписи.

Затем профессор Московского университета, заведующий Музеем изящных искусств И.В.Цветаев, сделал подробное сообщение о прошлом и настоящем положении этого Музея и о том, что должно предстоять ему в будущем. <...>

В связи с этим сообщением профессора Цветаева был поставлен доклад архитектора Р.И.Клейна относительно составленных им и выставленных в собрании чертежей здания Музея, планов внутренних помещений и фасадов здания. Из объяснений автора проекта стало видным, что есть два способа постройки этого Музея: один – в характере сооружения изящного, обширного и воздвигаемого одновременно во всем его целом, и другой – в характере скорее

жилого дома, но не Музея, с простою штукатуркой стен снаружи и изнутри, с внутренними колоннами из дерева, с лестницей, возможно скромною. <... > При последовавшем затем обмене мыслей, присутствовавшими высказано желание стремиться к сооружению Музея в размерах и форме, достойной высокого Имени, ему присваиваемого, и просветительного его характера».

Далее обсуждались вопросы: 1. О земле для строительства и было решено «через Императорский Московский университет ходатайствовать перед Московским городским управлением о прирезке земли в необходимом количестве». 2. Для закладки здания совещание наметило август 1898 г. 3. О размерах работ по возведению здания летом и осенью будущего года.

Во время заседания присутствующие направили приветственную телеграмму великому князю Сергею Александровичу: «... Почитаем долгом принести от лица всех присутствующих горячую и глубокую признательность Вашему Императорскому Высочеству за высокое покровительство Ваше будущему учреждению, которому, быть может, суждено служить ярким светочем эстетического образования в грядущих поколениях нашего отечества». Из ответа великого князя: «Твердо верю, что при ближайшем участии вашем и содействии всех истинно просвещенных людей зарождающийся Музей изящных искусств будет достойным памятником священного имени Того, Кто столько содействовал эстетическому образованию юных поколений России. Дай нам Бог до осуществления прекрасной мысли и украшения Москвы новым многопольным учреждением» (цит. по тексту газеты).

Газетное сообщение помещено без подписи, однако в отчетах Московского университета указано, что статья принадлежит Цветаеву (см., напр.: Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1897 году. М., 1899. С. 32).

На другой день после совещания Нечаев-Мальцов выехал за границу и вернулся в Россию только 28 марта 1898 г., под Пасху.

## 7

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2312, автограф.

<sup>1</sup> Четыре мозаичных фриза на своде юго-западной части притвора собора Св. Марка, в «капелле Зен» (названа по фамилии погребенного здесь в начале XVI в. кардинала, а не св. Зиновия, как думал Нечаев-Мальцов). Вход в капеллу – непосредственно с площади перед собором через правую дверь его фасада. Мозаики датируются приблизительно 1270-ми гг. и изображают 12 эпизодов из жития покровителя Венеции св. евангелиста Марка (дальнейшие эпизоды изображены на фасаде). В третьей четверти XIX в. были заменены мозаичными копиями работы компании «Венеция – Мурано», но в 1884 г. возвращены на место (см.: *Demus O. The Mosaics of San Marco in Venice. Chicago; London, 1984. Part 2. Vol. 1. P. 185–191; Vol. 2. Pls. 336–340*). Именно эти копии и приобрел Нечаев-Мальцов. В дальнейшем они были помещены в зале искусства Древнехристианского и Средних

веков Музея изящных искусств (см. ил. 75). В отличие от оригинала копии в Музее смонтированы не на вогнутой поверхности свода, а на плоской вертикальной стене.

<sup>2</sup> *Онганья Фердинандо*, венецианский издатель, выпускавший иллюстрированную литературу по искусству и художественные репродукции (см., напр., *Catalogue des publications artistiques de l'éditeur F. Ongania. Libraire de la cour. Venice, 1889*). Его письма Комитету за 1898–1911 см.: ф. 2, оп. I, ед. хр. 38.

## 8

Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 2313, автограф.

<sup>1</sup> Речь идет, по-видимому, о брошюре «Музей изящных искусств имени Императора Александра III при Императорском Московском университете. Сопровождение у гофмейстера двора Его Императорского Величества Ю.С. Нечаева-Мальцова, происходившее 23 ноября 1897 года» (М., 1898; в библиотеках и архивах Москвы не найдена), в которую вошли цитированная выше информационная заметка Цветаева и его речь на совещании (из «Московских ведомостей» от 30 ноября и 2 декабря 1897 г.). Однако в это же и в ближайшее вслед за тем время Цветаев готовил к печати и «Записку о Музее» (см. вступительный комм. к письму 1), а также, как указано в университетских отчетах, печатал на средства Нечаева-Мальцова «сборник», или «собрание подготовительных статей профессора Цветаева о Музее изящных искусств» (Отчет Императорского Московского университета за 1898 год. М., 1900. С. 33; Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1899 года. М., 1899. С. 340). Сборник, по всей вероятности, не вышел в свет.

<sup>2</sup> *Масперо Гастон* (1846–1916), выдающийся французский египтолог; выдвинул в 1878 г. господствующую в современной науке концепцию магического назначения древнеегипетских изображений. Первый публикатор так называемых Текстов пирамид (1894). В 1881–1889 и в 1899–1916 гг. – директор упоминаемого ниже Египетского музея и автор нескольких путеводителей по нему. Нечаев-Мальцов, очевидно, читал – в оригинале или в русском переводе 1895 г. – его «Древнюю историю народов классического Востока» и путеводитель по музею – издание многотомного каталога, написанного разными авторами, началось позднее и осталось незавершенным.

Египетский музей, или Музей египетских древностей, основан *Огюстом Мариеттом* (1821–1881) в 1859 г. в пригороде Каира – Булаке; в 1889 г. переведен в бывший дворец в другом пригороде – Гизе, где занимал 90 залов; с 1902 г. разместился в специально выстроенном здании в самом Каире. Музей состоял при Службе древностей Египта, призванной контролировать все археологические работы в стране и препятствовать несанкционированному вывозу находок; должности директора Службы и директора музея совмещались. При музее был магазин, где официально продавались древние подлинники, имевшие массовый, типовой характер.



<sup>3</sup> То есть от легендарного основателя древнеегипетского государства и его столицы Мемфиса (ок. 3000 г. до н.э.) до 639 – 642 г. н.э., когда Египет вошел в состав Арабского халифата. Первобытный и раннединастический Египет в это время еще не был известен; как раз в дни поездки Нечаева-Мальцова совершались и еще не были обнаружены важнейшие находки памятников этого периода.

<sup>4</sup> Эта погребальная лодка экспонируется в зале египетского искусства в ГМИИ (инв. № I 1а 5364). О гробнице Мери Седжет в египтологической литературе не найдено. *Двойник* – принятый у Масперо и ряда других ученых условный перевод древнеегипетского понятия «Ка»; среди многочисленных иных толкований – душа, жизненная сила, личный дух-покровитель человека.

<sup>5</sup> Асуан – город у первых нильских порогов, на границе древнего Египта и Нубии. Остров *Филе* был расположен на Ниле немного выше Асуана; с 1902 г. после строительства Асуанской электростанции остров превратился в затопляемый (Цветаев весной 1909 г. осматривал его древние храмы в полузатопленном состоянии), в 1950 – 60-е гг., при сооружении новой, высотной Асуанской плотины, находившиеся на нем постройки были перенесены на другой, искусственно созданный остров.

...*Нет ничего интересного* – Нечаев-Мальцов вскоре понял ошибочность этой мысли и продолжил поездку значительно дальше, по территории Древней Нубии, где осмотрел знаменитые храмы Абу-Симбела и многие другие памятники.

## 1898

### 9

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2315, автограф.

<sup>1</sup> *Наос* (греч. ναός = νεωζ, «храм») – этим словом в египтологии принято называть разного рода и размера «ковчеги» (ларцы) для хранения священного изображения божества. Едва ли Нечаев-Мальцов считал наосом саму приобретенную им «лодку» – вовсе не полуя внутри; он, очевидно, хочет сказать, что наос размещен на ее палубе. Обычно там изображалась каюта с сидящей в ней мумией умершего или саркофаг.

### 10

Колл. XXI, ед. хр. 6, л. 2.

Публикуется по писарскому «отпуску» письма Цветаева, авторство установлено по содержанию.

<sup>1</sup> Одно из несохранившихся писем Нечаева-Мальцова (примерно от 17 января ст. ст.) Цветаев пересказал в письме к В.К.Истомину от 26 января 1898 г.:

«Юрий Степанович, подружившись, как он пишет во вчерашнем письме, с египтологом Бругшем, организует нам целую коллекцию по египетскому искусству. Уже 46 №№, частью копий, частью оригиналов, он приобрел или заказал.

Через своего племянника Демидова в Лондоне ведет переговоры о покупке модели храма Edfou, единственной в мире, сделанной египет[ским] правительством для выставки в Париже и потом бывшей в Чикаго. Теперь она в Лондоне – и Юрий Ст-ч желает ее приобрести для нас. Посылает мне каталог музея Gizeh в Каире и просит дополнить список вещей, им заказанных. Точно сказка какая-то или фантастический сон. По Египту не было у нас ни синя-пороха, а теперь будет зал, организуемый Бругшем. Сердце у Ю.С. воистину и доброе, и русское, способное к увлечению широкого масштаба» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 4627, л. 2-2об., автограф. Публикуется впервые).

## 11

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2316, автограф.

<sup>1</sup> *Вади-Альфа* (Вади-Хальфа) – город в современном Северном Судане у второго порога Нила. Судан номинально входил тогда в состав Египетского государства.

<sup>2</sup> Сохранились лишь почтовые квитанции, свидетельствующие об отправке Цветаевым заказных писем на имя Нечаева-Мальцова в Каир 3, 9, 13, 15, еще раз 15 и 30 января, 4 и 17 февраля, 2, 9, 18 и еще раз 18 марта 1898 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 2331). За те два месяца, что Нечаев-Мальцов совершал поездку в Вади-Хальфу, в жизни Музея происходили следующие события: Клейн дорабатывал проект здания Музея с учетом указаний великого князя Сергея Александровича и Цветаева; 3 и 5 февраля картоны, подготовленные Клейном и его помощниками, обсуждались на совещании у великого князя, в Правлении Университета и на заседании Совета Университета. Одновременно Цветаев активно искал новых жертвователей и вовлекал их в члены Комитета. (Подробнее см.: Цветаев – Клейн. История создания музея.)

<sup>3</sup> Поездка Нечаева-Мальцова в Иерусалим не состоялась. Пасху он встретил в Петербурге.

<sup>4</sup> *Баббек* (Баальбек) – город в Ливане, в долине на высоте ок. 1000 м, рядом с руинами римской колонии Гелиополь и знаменитым храмовым комплексом I–IV вв. Искусство Палестины, Сирии и Ливана в цветаевскую программу Музея не входило.

<sup>5</sup> *Лейден Эрнст Виктор, фон* (1832–1910), знаменитый берлинский врач, профессор; в 1894 г. в России безуспешно лечил пренебрегавшего врачебными советами Александра III; летом 1899 г. Цветаев обратится к нему по поводу лечения безнадежно больного А.Д.Мейна.

<sup>6</sup> Кого имели в виду Цветаев и Нечаев-Мальцов, установить не удалось, однако речь не идет о Р.И.Клейне.

<sup>7</sup> *Кук Томас*, глава всемирно известного туристического агентства с главными отделениями в Лондоне и Каире. Агентство особенно славилось организацией поездок по Египту и нынешнему Судану. Т.Кук имел обыкновение не реже одного раза в год лично сопровождать туристическую группу по всему маршруту.

<sup>8</sup> *Храм в Эдфу* (город в Северной Нубии) построен в период правления Птолемея в 237 – 257 гг. до н.э. и посвящен египетскому богу Гору, почитаемому в образе сокола.

<sup>9</sup> Оккупировавшие Египет с 1882 г. англичане только что восстановили разрушенную железную дорогу из Вади-Хальфы в Бербер (город выше пятого нильского порога). По ней осуществлялось передвижение англо-египетских войск для подавления восстания махдистов, происходившего в Судане в 1881–1898 гг. Упомянутая Нечаевым-Мальцовым неприязнь к русским была вызвана запретом, который русский и французский финансовые представители в Египте наложили в 1896 г. на оплату из египетской казны военных действий в Судане. (С 1876 г. египетская казна являлась банкротом и управлялась международной дирекцией, состоявшей из представителей стран-кредиторов.) Нечаев-Мальцев предполагал добраться через Бербер до Мероэ, одной из столиц Древней Нубии. Собственно Древний Египет кончался, а Нубия начиналась у первых порогов в районе Ассуана, хотя временами фараоны-завоеватели отодвигали границу значительно выше – до второго-четвертого порогов. История и культура Египта и Нубии постоянно соприкасались и переплетались. Среди слепков с экспонатов Гизехского музея, заказанных Нечаевым-Мальцовым для Москвы, были портрет фараона нубийского происхождения Тахарки и произведения из нубийского города Джебель-Баркала (см. список в ОР ГМИИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 2314).

<sup>10</sup> Что именно приобрел Нечаев-Мальцов в Луксоре, установить не удастся. Но это не могли быть слепки, поскольку в Луксоре они не изготавливались.

<sup>11</sup> Приобретая в Египте оригиналы и заказывая слепки, Нечаев-Мальцов обращался за консультациями к хранителю Египетского музея немецкому египтологу Эмилю Бругшу; слово «бей» (господин), по турецкому обычаю, соблюдавшемуся в Египте как вассальном княжестве Турции, ставилось после имени высших чиновников.

<sup>12</sup> Таким образом, Нечаев-Мальцов заказал около 60 – 70 слепков. Сохранился перечень лишь 38 (ф. 6, оп. I, ед. хр. 2314). Некоторые экспонаты названы в нем слишком общо и не распознаются, например: «Стела Древнего царства – вне каталога». Из других назовем в хронологическом порядке наиболее известные: статуи жреца Хетепдиефа, фараонов Хефрена (большая диоритовая и малая, алебастровая), Микерина и Ниусерра, голова одного из танисских сфинксов, стелы Тутмоса III, Тутмоса IV («стела сна») и Эхнатона, голова богини Мут с чертами царицы Мутноджемет, стела Пианхи и голова фараона эфиопской династии Тахарки, так называемая стела сатрапа раннеэллинистического времени и Канопский декрет. Большинство перечисленных экспонатов имеется в коллекции слепков ГМИИ и сейчас, хотя мы не можем поручиться, что они происходят именно из этого заказа.

<sup>13</sup> *Щеглев Сергей Иванович* (?–1905), потомственный почетный гражданин; управляющий московской конторой Нечаева-Мальцова, через которую, в частности,

происходило оформление расходов по Музею. Щегляев и члены его семьи были также благотворителями: он – активный участник Братолюбивого общества снабжения неимущих квартирами (сотрудник Мальцовского дома в Лефортове, попечительницей которого состояла его жена, а позднее – дочь Софья), с конца 1897 г. – жертвователю и член Комитета университетского студенческого общежития им. Николая II в Грузинах, где имелась удешевленная квартира имени С.И.Щегляева; его сын Михаил состоял в Мещанском попечительстве о бедных.

## 12

Колл. XXI, ед. хр. 8.

Публикуется по писарской копии; вверху первого листа после слова «Копия» рукой Цветаева сделана приписка: «...письма́ к Ю.С.Нечаеву-Мальцову, от 12 – 16 марта 1898».

<sup>1</sup> Сергея Александровича.

<sup>2</sup> Аудиенция у Николая II описана также в дневнике Цветаева под датой 12 марта (Дневник. С. 11–22). Аудиенция была предрешена 28 февраля, когда царь утвердил по докладу нового министра народного просвещения Н.П.Боголепова проект Положения о Комитете по устройству Музея. Пункт 6 Положения устанавливал, что архитектурный проект Музея утверждается императором.

<sup>3</sup> *Клейн Роман Иванович* (1858–1924), академик архитектуры (1907). В 1875 – 1877 гг. работал чертежником под руководством академика В.О.Шервуда на строительстве Исторического музея. В 1882 г. окончил Академию художеств; в 1883 – 1884 гг. стажировался в Италии и парижской мастерской Ш.Гарнье. С 1885 г. начал самостоятельную практику, последние постройки датируются 1916 г. Работал в различных исторических стилях. Под его руководством стажировались Г.Б.Бархин, Л.А.Веснин, П.П.Евланов, П.А.Зарудкий, Г.А.Шувалов. С 1898 г. – член бюро Комитета по устройству МИИ, в 1902 г. был назначен в Комитет по сооружению памятника Александру III в Москве, с 1913 г. – член Попечительского совета Московской городской художественной галереи братьев П.М. и С.М.Третьяковых; в 1917 г. избран товарищем председателя Комиссии по приему, охране и заведению дворцовым имуществом в Москве; создал проект обращения Кремля в музейный городок. В 1916 – 1918 гг. экстраординарный профессор Рижского политехнического института, с 1918 г. – Московского высшего технического училища, где вел курс архитектурного проектирования. Построил свыше 130 больших и малых зданий и сооружений, главным образом, в Москве, а также в Подмосковье, Серпухове, Твери. Среди них Средние торговые ряды; дом Торгово-промышленного товарищества «Мюр и Мерилиз», здания трех медицинских институтов и студенческого общежития при Московском университете, кинотеатр «Колизей» (в 1974 г. реконструирован для театра «Современник»), Бородинский мост, многочисленные промышленные сооружения, доходные дома, ряд особняков и культо-

вых построек. Проектировал рабочие поселки. Главное и наиболее известное сооружение Клейна – Музей изящных искусств при Московском университете (1896–1912).

<sup>4</sup> Петербургской резиденцией великого князя Сергея Александровича был дворец возле Аничкова моста (архитектор А.И.Штакеншнейдер, 1840-е гг.).

<sup>5</sup> Под началом В.К.Истомина служили двое Гжельских: Александр Павлович и Николай Павлович. Вероятнее, что речь идет о первом из них как старшем по званию. А.П.Гжельский был также секретарем Совета Практической академии коммерческих наук и Общества любителей коммерческих знаний, делопроизводителем Комитета по сооружению памятника Александру III в Москве. Имеются 4 письма его к Цветаеву 1909 – 1911 гг., когда Гжельский являлся секретарем, а затем управляющим конторой двора великой княгини Елизаветы Федоровны (ф. 6, оп. I, ед. хр. 541–544).

<sup>6</sup> Имеется в виду Иорданский подъезд Зимнего дворца, нынешний главный вход Государственного Эрмитажа.

<sup>7</sup> Подразумевается к настоящему времени давно закрытый дворовый проезд между Зимним дворцом и Малым Эрмитажем; *назад* – так как Цветаев и Клейн ехали, очевидно, с Невского.

<sup>8</sup> Комендантский; в углу Дворцовой площади, ближе к Миллионной улице (в юго-восточной части Зимнего дворца).

<sup>9</sup> В юго-западной части здания. Название сохранялось от предыдущего царствования.

<sup>10</sup> Комнаты Николая II и его семьи располагались на 2-м этаже в северо-западном (угловом) ризалите и частично вдоль западного фасада, выходящего на Адмиралтейство. Из интерьеров в настоящее время сохранились только Малая столовая и Библиотека. Биллиардная находилась между Библиотекой и оформленным в «готическом» стиле Кабинетом. Цветаев называет его далее «японским», так как видел здесь вещи, привезенные Николаем II, в бытность наследником, из поездки на Восток в 1891 – 1892 гг.

<sup>11</sup> То есть на 14.30, так как великий князь Сергей Александрович был куда-то отозван.

<sup>12</sup> *Витте Сергей Юльевич* (1849–1915), министр финансов в 1892 – 1903 гг. Согласие отпустить денежную сумму на Музей он дал не сразу. Цветаев записал в дневнике 2 июля 1898 г.: «Весною 1895 года г. Витте мне грубо и надменно отказал во всякой поддержке этому Музею, сказавши, что “народу нужны хлеб да лапти, а не ваши музеи”» (Дневник. С. 68).

<sup>13</sup> *Эрехтейон* – храм на Афинском акрополе, построен в 421–406 гг. до н.э. Здание с уникальным асимметричным планом, известно в истории мировой архитектуры как один из классических примеров применения ионического ордера. Используя пропорции колонн Эрехтейона для Музея, значительно превосходящего по размерам античный храм, Клейн должен был сделать поправку на более крупный масштаб, к тому же число колонн по фасаду по сравнению

с историческим прообразом было увеличено. После завершения строительства Музея использование форм Эрехтейона подвергалось критике со стороны ряда архитекторов. Николай II осматривал Акрополь в 1890 г., когда гостил у своих родственников – греческой королевской семьи.

<sup>14</sup> Цветаев говорит о еще не законченном в то время мемориальном ансамбле в Кремле (авторы проекта: художник П.В.Жуковский и инженер Н.В.Султанов; скульптор А.М.Опекушин), состоявшем из бронзовой статуи Александра II, шатровой сени над ней и прямоугольной галереи с трех сторон памятника. Все сооружение помещалось на краю Кремлевского холма над Москвой-рекой, лицом к Малому Николаевскому дворцу, где родился император, а монументальное основание его, обращенное к реке, как бы выросло из кремлевского холма. По сторонам основания располагались две лестницы, ведущие от подножия холма на верхнюю площадку (см. илл. в кн.: Султанов Н. Памятник Императору Александру II в Кремле Московском. СПб., 1898; То же//Строитель. 1898. № 15–18). Ансамбль уничтожен в 1918 – 1928 гг.

*Верхние торговые ряды* на Красной площади (позже – ГУМ) сооружены архитектором А.Н.Померанцевым совместно с инженером В.Г.Шуховым в 1889 – 1893 гг.

<sup>15</sup> «Радомским» камень назывался по месту добычи в окрестностях польского г. Радомы (в то время – в Царстве Польском в составе Российской империи). В дальнейшем для облицовки Музея был использован другой камень.

<sup>16</sup> Имеется в виду Русский музей имени Александра III в Михайловском дворце в Санкт-Петербурге (в настоящее время Государственный Русский музей). Основан Николаем II в память об отце. Экспозиция художественного отдела открыта 7 марта 1898 г. В связи с переоборудованием дворца под музей два зала 2-го этажа получили стеклянные потолки. Их световые фонари исполнены по проекту архитектора Василия Федоровича Свиньина; металлические конструкции сделаны на Петербургском Металлическом заводе (сведения получены от заведующей ОР ГРМ И.П.Лапиной). Впервые же в российской музейной практике стеклянные перекрытия для 3-х экспозиционных залов (так называемых Просветов) применили в здании Нового Эрмитажа, построенном Н.Ефимовым по проекту Л.Кленце в 1840 – 1851 гг.

<sup>17</sup> Мраморная облицовка здания Музея заканчивается на центральных ризалитах боковых фасадов. Дальнейшая часть боковых стен и задний фасад имеют штукатурное покрытие. «Мне в объяснение этого пришлось сказать, что боковые фасады выходят в тесные переулки и что за первым выступом остальная часть стены их не будет видна для идущих ни со стороны Румянцевского музея [т.е. со стороны центра, от Кремля], ни от храма Спасителя, а потому там камень был бы бесполезен» (Дневник. С. 15). Так как в дальнейшем с добычей камня для Музея происходили многочисленные затруднения, возведение заднего корпуса, где камня не требовалось, намного опережало строительство передней половины здания.

<sup>18</sup> Согласно «Дневнику» (с. 9 и 16), мысль принадлежала, собственно, В.К.Истомину.

<sup>19</sup> Предполагалось, что это будет самостоятельное учреждение, располагающееся в стенах Музея. Пантеон, Чертог или Палата (варианты названия менялись) должен был состоять под непосредственным покровительством императора, утверждавшим кандидатуру каждого, чье изображение собирались туда поместить. Сохранился беловой рукописный проект «Положения о Палате Славы русской науки, литературы и искусств, учреждаемой при Императорском Московском университете», составленный Цветаевым совместно с А.Д.Мейном в 1898 – 1899 гг. (ф. 1, оп. II, ед. хр. 189).

<sup>20</sup> То есть V в. до н. э. Зал был в основном посвящен скульптуре Парфенона, выполненной по замыслу и под руководством выдающегося древнегреческого скульптора Фидия.

<sup>21</sup> Речь идет о периоде с 323 по 30 г. до н.э. (подчинение Египта Риму). После смерти Александра Македонского его империя распалась на несколько государств, в каждом из которых образовалась местная художественная школа.

<sup>22</sup> Император и императрица осматривали работы Реймана во время закладки здания Музея 17 августа 1898 г. – несколько десятков листов было развешено в царском павильоне. В 1899 г. по высочайшему повелению художнику была назначена пожизненная пенсия 1200 руб. в год.

<sup>23</sup> В конце XIX в. системой Монье называли армированный бетон (железобетон). Из этого материала предполагалось выполнить внутренние перегородки в некоторых экспозиционных залах.

<sup>24</sup> *Захарьин Григорий Антонович* (1829–1897), знаменитый терапевт, профессор, директор факультетской клиники Московского университета. Один из сторонников создания Музея. Его жена *Екатерина Петровна* (?–1910) и сын, *Сергей Григорьевич* (ок. 1875–1908) – жертвователи на коллекции Музея; старшая дочь, *Александра Григорьевна* (в замужестве Подгорецкая; годы жизни не установлены) – жертвовательница, член-учредитель Комитета. Скульптуры Парфенона были предложены С.Г.Захарьиным от себя и от имени своей матери в письме Цветаеву от 24 февраля 1898 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 1170), с оговоркой, что заказ на 6000 руб. следует сделать, во избежание кривотолков, лишь после окончания им Университета в следующем году. Заказ был в дальнейшем оплачен Цветаевым из других источников. Обещанные деньги, с добавлением еще 500 руб., внесены С.Г.Захарьиным в два приема только в 1907 г. и истрачены, в основном, на расчеты с парижскими мастерскими (Там же, ед. хр. 1171). А.Г.Подгорецкая предложила оплатить скульптуры эпохи Возрождения во время визита Цветаева к Захарьиным 1 марта 1898 г. (Дневник. С. 7), а письменно – лишь 20 апреля (ф. 6, оп. I, ед. хр. 2677, л. 2). Основная сумма была ею внесена уже после 1906 г. (Там же, ед. хр. 2683). В 1900 г., будучи во Флоренции, Подгорецкая отменила там несколько заказов, сделанных Цветаевым заочно, и взамен приобрела другие экспонаты (Там же, ед. хр. 2690 и 2685). Она воздержалась

от участия в оплате берлинских слепков со скульптуры Возрождения, сетуя на то, что слепок не может передать впечатление от оригинала (Там же, ед. хр. 2690) и т.д. В 1911 г. ею оплачены поездка художника А.Я.Головина в Грецию и выполнение им живописного панно «Древнеэллиническое кладбище» для зала древнегреческих надгробий (ф. 5, оп. I, ед. хр. 8, л. 2). Панно погибло в 1941 г. при бомбардировке.

<sup>25</sup> *Записка – Цветаев И.В.* Записка о Музее изящных искусств имени Императора Александра III при Императорском Московском университете. М., 1898.

«Новое время» – наиболее распространенная из русских газет конца XIX в. (тираж ок. 35 тыс.), основанная в 1868 г. и с 1876 принадлежавшая А.С.Суворину; в 1890-е гг. придерживалась национально-консервативного направления. Издавалась в Петербурге. Подразумевается статья: *Цветаев И.* Музей изящных искусств имени Императора Александра III в Москве//Новое время. СПб., 1898. 15 марта. № 7919. С. 2), помещенная рядом с сообщением об осмотре проекта Музея Николаем II.

<sup>26</sup> *Цветаев И.В.* Записка о месте для памятника Императору Александру III. М., 1897. В брошюре дается профессиональный анализ нескольких предполагавшихся для установки памятника площадей в центре Москвы. Проявив понимание градообразующего значения будущего монумента, Цветаев пришел к выводу, что наилучшим местом для него будет сквер перед храмом Христа Спасителя со стороны Волхонки. Окончательное местоположение памятника между храмом и Всехсвятским проездом лицом к Москве-реке было предложено Д.И.Иловайским. В мае следующего года Цветаев опубликовал расширенный вариант своей «Записки» в газете: Где быть памятнику Императора Александра III в Москве// Московские ведомости. 1898. 5 мая. № 122. С. 2; 6 мая. № 123. С. 2.; 10 мая. № 127. С. 2; 11 мая. № 128. С. 2; 16 мая. № 133. С. 2. В последнем выпуске статьи и помещено соответствующее письмо Д.И.Иловайского Цветаеву от 11 мая.

<sup>27</sup> *Русское телеграфное агентство* (в дальнейшем – РОСТА, ТАСС и др.), существовало с 1866 г.; поставляло правительству и газетам информацию, полученную по телеграфу, а также рассылало в виде телеграмм официальные сообщения для прессы.

<sup>28</sup> *Некрасов Павел Алексеевич* (1853–1924), член-учредитель и почетный член Комитета, математик, экстраординарный (с 1886 г.), а затем ординарный профессор Московского университета (с 1890 г.), помощник ректора Н.П.Боголепова в 1891–1893 гг., ректор с ноября 1893 и до 10 марта 1898 г., когда в связи с уходом Боголепова на пост министра был назначен попечителем Московского учебного округа. (О нем в связи с этим назначением см.: Московские ведомости. 1898. 13 марта. С. 2–3). Состоял в этой должности до осени 1905 г. и вторично – в начале 1906 г. В качестве ректора и попечителя много сделал для строительства новых корпусов Университета: его библиотеки, музеев, институтов и клиник, лабораторий и общежитий; к участию в финансировании



последних привлек и Нечаева-Мальцова (см. его письмо к Нечаеву-Мальцову от 15 октября 1897 г. // ф. 1, оп. 2, ед. хр. 179). Активно участвовал в обсуждении проектов здания Музея изящных искусств и устава его Комитета, в сложной борьбе за участок земли под Музей и в организации его Строительной комиссии.

<sup>29</sup> По утвержденному Николаем II новому проекту Музей занимал территорию большую, чем выходило по первоначальным расчетам и чем было выделено для него на тот момент, – 1746 кв. саж. (7948,2 кв. м) вместо 1200. Окончательный размер площади, отданной городом Университету под Музей и сквер постановлением Думы от 3 июля 1898 г. – 2730,5 кв. саж. (12429,9 кв. м), т.е. вся площадь бывшего Кольцажного двора. Дарственная запись об этом была совершена и утверждена старшим нотариусом Московского Окружного суда 18 апреля 1900 г. (ф. 2, оп. I, ед. хр. 91, л. 8).

<sup>30</sup> К работам приступили 14 июля 1898 г.

<sup>31</sup> Цветаев имеет в виду сестер Нечаева-Мальцова – Анну Степановну и Софью Степановну Нечасвых.

### 13

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2318, телеграмма.

<sup>1</sup> Пасха в тот год приходилась на 5 апреля.

### 14

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2319, телеграмма.

<sup>1</sup> На этот раз Нечаев-Мальцов ехал в Москву для участия в торжественном «открытии действий» Комитета – его первом заседании 28 апреля 1898 г. под председательством великого князя Сергея Александровича. До конца сентября Нечаев-Мальцов почти безвыездно находился в Москве, интенсивно занимаясь делами Музея вместе с Клейном, Некрасовым и Зверевым; в мае – августе провел шесть заседаний Комитета, посвященных практическим вопросам в связи с предстоящим началом строительства музейного здания. Цветаев с 25 мая до октября значительную часть времени вынужден был, по настоянию врачей, отдыхать от переутомления в Тарусе. Обязанности секретаря Комитета исполняли его молодые помощники – Н.Н. Трескин и Н.И. Романов, с которыми Цветаев вел интенсивную переписку.

### 15

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2321, телеграмма.

<sup>1</sup> Речь идет о комиссии, рассматривавшей вопрос о предоставлении земли для Музея. Ее доклад в Думе ожидался 25 мая.

### 16

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4687, телеграмма.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2322, телеграмма.

<sup>1</sup> Получив эту телеграмму, Цветаев писал в «Дневнике»: «4 июля, суббота. <... > Закончилась история приобретения площади Колымажного двора под Музей изящных искусств имени Императора Александра III Московским университетом, длившаяся два с половиною года. Начатая моим ходатайством перед Московским городским головою Рукавишниковым в конце 1895 г., она пережила много фазисов, возбудив страсти в либеральной части думцев, не желавшей отдавать этой красивой и в превосходной части лежащей площади под учреждение имени Государя “ретроградного”. Не рассчитывая на свою силу по малочисленности, эти крикуны склонили на сторону оппозиции мелких купцов, ремесленников, так назыв[аемую] черную сотню Думы, внушивши ей, что “администрация у города отнимает его землю для Университета”.

Мое ходатайство, поддержанное Правлением Университета и тогдашним Попечителем учебного округа Боголеповым, было на заседании 20 февраля 1896 г. отклонено. Великий Князь довел об этом дело до сведения Государя, следствием чего было Высочайшее указание на сооружение Промышленного училища имени Императора Александра II на обширной Миусской площади и возбуждение нового ходатайства, от имени Правления и Совета Московского университета об отводе на Колымажном дворе 900 кв. саж[еней] под здание Музея, который предполагалось поставить отступя на 12–15 саж[еней] от улицы Волхонки, обратив этот участок земли в сквер. Заднюю часть площади просили мы оставить незастроенной, на случай будущих расширений здания Музея в эту сторону.

После больших интриг профессора Герье, предавшегося на сторону Думы, во вред Университету, создавшему все его значение, после шушуканья и беганья по московским гостиным либеральничавших гласных из интеллигентных сфер и богатого купечества, и после глухого рычания “черной сотни” Дума отвела нам лишь 1 200 кв. саж[еней] в передней части площади, оставив в своем владении и распоряжении остальные 1 500 кв. саж[еней] – для постройки здесь народной школы больших размеров или, как в последнее время говорилось, народной аудитории.

Как ни были почтенны сами по себе проектированные здесь учреждения, но всякое чуждое Музею здание на этой площади было бы непоправимым вредом для него. Музей должен был расти в своих коллекциях, здание его неминуемо потребует в будущем расширений. Всякая постройка здесь со стороны города погубила бы наше дело, осудив его на существование без развития.

Ввиду этого, а также в силу благоприятных обстоятельств, суливших светлое будущее Музею, решено было между [тогдашним ректором] Некрасовым, [его помощником] Зверевым и мною не принимать этого дара Думы форменным образом. Дума просила выслать уполномоченного для принятия земли и для размежевания на площади Колымажного двора. Университет отмалчивался, до-

жидаясь окончания архитектурного конкурса на здание Музея, объявленного при Академии художеств. Лучшие проекты только подтвердили наше убеждение в невозможности ограничиться отведенным нам участком в 1 200 кв. саж[еней] и на сквер, и на здание. Дело дальнейшей разработки плана перешло в руки Романа Ивановича Клейна. Он и я в течение года вели работу нового проекта, не обращая никакого внимания на застраивания [городского] Головы кн. Вл[адимира] Мих[айловича] Голицына и на явно враждебное поведение проф[ессора] Герье, который и рассуждать с нами не хотел об отдаче всей площади под Музей. На поддержку Голицына явились на первых порах некоторые из его многочисленных родственников, громогласно твердившие в своих гостиных, что “пусть Университет лучше переделывает проект Музея, а Дума не даст ему больше земли ни одного аршина”. Наши сторонники в тех же гостиных своевременно передавали нам об этих угрозах и сборах мешать нашим стремлениям. <... >.

*5 июля, воскресенье.* Дальнейший ход обстоятельств, именно обилие и громоздкость памятников скульптуры, поступавших к нам, показал, что Музею, в конце концов, потребовалась площадь в 1807 кв. саж. В этом смысле от имени Совета университета было составлено Некрасовым, Зверевым и мною ходатайство в Думу, причем по-прежнему испрашивалось место для сквера перед главным фасадом в 15 саж. глубины, считая от середины линии по Волхонке, и представление для нужд Музея и задней полосы площади Колымажного двора. В этом виде доложен вопрос о земле Государю 12 марта, когда Его Величество спросил о размере переднего сквера.

Проект этого ходатайства, сообщенный задолго до официальной подачи Голове в корректурных листах, возбудил большие толки в Думе. Лица, враждебные нашему делу, в согласии с кн. Голицыным твердили, что Университет получит полный отказ. Для смягчения этой оппозиции наши союзники посоветовали нам отказаться от задней части площади как места для предполагавшихся здесь хозяйственных построек Музея, но вместе с тем просить Думу обратить ее в бульвар или на счет ее расширить улицу, здесь очень узкую.

Дело обсуждалось между Великим Князем, Нечаевым-Мальцовым и мною – и решено было созвать 22 мая с.г. особое совещание из членов Комитета, представителей Комиссии по нуждам и пользам общественным при Думе, городской управы и Правления Университета. Великий Князь поручил присутствовать при этом заседании генералу Степанову и Истомину. Заседание происходило в зале Совета Университета под председательством Нечаева-Мальцова. Единогласно постановлено было дополнить прежнее ходатайство высказанным отказом от задней полосы площади в пользу бульвара или расширения улицы. Не внося этого в бумагу (это отклонил кн. Голицын заранее) представители Правления Университета поручили ректору сообщить Голове, что в возмещение дара Думы город может получить [от университета] участок земли на Пресне, возле Обсерватории, или на Девичьем поле, или в Грузинах, возле 1-го студенческого общежития. При этом собрание просило содействия настоящему ходатайству

в Думе членов Комиссии по нуж[дам] и пол[ьзам] общественным профессорам П.Г.Виноградова и М.В.Духовского.

Великий Князь, утомившись этой долго тянувшейся историей, нам сказал, что он вынужден будет принять меры экспроприации этой площади для целей государственных, если Дума не уважит ходатайства.

Сначала дело поступило в вышеназванную думскую Комиссию. Герье и тут постарался, после доводов Виноградова и Духовского о невозможности отказа, по крайней мере урезать размеры сквера с 15 на 12 саж[еней] в поперечнике, взявши точку отправления при нарезке не середину линии Волхонки, но правый угол площади, делающий выступ к Волхонке значительным языком, и оставил весь задний конец площади в распоряжении города – для постройки здесь городских училищ и народной аудитории.

В этом виде решение Комиссии поступило в Думу. Полагали, что так и пройдет это дело в Думе, в заседании 12 июня, последнем перед каникулами. Как ни тяжело было это предположение о постройке городских зданий перед задним, многооконным фасадом Музея, но поправить дела было уже нельзя. Утешались мы по крайней мере возможностью поставить наше здание на 1867 <sup>1</sup>/<sub>2</sub> кв. саж[еней].

Каково же было наше разочарование, когда Дума, в заседании своем 9 июня, высказалась большинством 57 голосов против 43 за совершенное отклонение ходатайства Университета о какой бы то ни было прирезке земли к тем 1200 кв. саж[еням], которые назначены были Музею раньше.

*6 июля, понедельник.* Это решение было неожиданно столько же для Университета, его администрации, Комитета Музея, сколько для общественного мнения Москвы и ее печати. Оно необычайно поразило Нечаева-Мальцова, уже давно жившего в Москве в ожидании окончательного постановления Думы. Он поспешил к Голове, к Великому Князю, к попечителю учебного округа, ректору Университета. С Великим Князем, принявшим это известие с большим огорчением, у него было продолжительное совещание. Великий Князь, услышавши о неожиданном решении Думы, послал за Клейном и, когда тот явился и начал доклад о ходе дела в заседании, пользуясь рассказами наших сторонников, дошел до сильнейшего раздражения от бестактности кн. Голицына. Обыкновенно сдержанный и холодный он, к изумлению Клейна, не вытерпел и в негодовании проговорил: “дуррак”. Когда первая горечь прошла, он ввиду крайней нелепости и дерзости отказа 53 человек гласных, этому постановлению не придав окончательного значения. Имея впереди экстренное собрание (по другому поводу) Думы, назначенное на 3 июля, он дал городскому управлению время обдумать все неприличие этого отказа, налагающего печать бесчестия на всю Москву.

Неприятное впечатление произвело это неожиданное решение Думы и на московское общество, сознававшее, что здесь начинаются неприязненные отношения к Университету и что отказ этот сделан крайне некстати. Отказали

этим возможность поставить большое учреждение имени Императора Александра III, отца нынешнего Государя, который вместе со всем Царствующим Домом и Двором должен прибыть в Москву в ближайшем августе для открытия памятника Александра Николаевича в Кремле. Отказ этот относился и к Великим Князьям Сергею Александровичу и Павлу Александровичу, заявившими публично желание соорудить обширный зал в этом Музее; он относился и к залам имен обеих Государынь-Императриц Александры Феодоровны и Марии Феодоровны, Великого Князя Сергея Александровича и Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. Выходил неожиданный для Москвы общий конфуз, из которого необходимо было выйти возможно скорее. Устыдившись, отсутствовавшие гласные и стали искать возможности изменения постановления своих неразумных товарищей. Нужно было поднять это дело вновь.

В этом затруднении явился на помощь и Думе и учебноуправлению губернатор А.Г.Булыгин, свояк кн. Голицына. Заручившись в среде думской общиной успехом, он предложил попечителю учебного округа Некрасову написать Голове письмо с изложением тех затруднений, в которые поставила Дума вопрос о Музее, безусловно требующем площади в 1867 кв. саж[еней], и с предложением, в крайнем случае, купить у Думы 667 кв. саж[еней] в дополнение к данным ранее 1200 кв. саж[еням], Некрасов написал и отправил это письмо.

Это предложение купли со стороны Университета и продажи со стороны города Москвы каких-то жалких 667 кв. саж[еней] привело, конечно, в стыд гласных Думы, всех, без различий оттенков. Дело выходило мелочное и мескинное, а потому огромным большинством голосов в заседании 3 июля Дума постановила отдать Московскому университету всю площадь Колымажного двора под Музей, без всяких ограничений.

Так окончилась эта история в 9 часов вечера, а в половине 10-го уже послана была радостная телеграмма ко мне в Тарусу Нечаевым-Мальцовым, Зверевым и Клейном, дожидавшимися этого решения в квартире первого из них в «Славянском базаре» (Дневник. С. 72–78. Отрывок опубликован со значительными сокращениями в кн.: Цветаев создает музей... С. 108–110).

## 18

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2324, телеграмма.

## 19

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2323, телеграмма.

## 20

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2325, телеграмма.

<sup>1</sup> Имеются в виду император и императрица. Получив всю необходимую территорию и имея денежные средства для начала работ, Комитет начал готовиться к строительству и торжественной закладке здания в «высочайшем присутствии».

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2326, автограф.

<sup>1</sup> В письме речь идет о размещении на трибунах приглашенных на церемонию закладки. Строительная комиссия для сооружения и оборудования Музея была высочайше утверждена 25 июля 1898 г., но начала свои заседания лишь в сентябре: была достигнута договоренность между Нечаевым-Мальцовым, Некрасовым и Зверевым, что до той поры ее функции берет на себя Правление Университета (см. письмо Н.И.Романова Цветаеву от 7 июля 1898 г. // ф. 6, оп. I, ед. хр. 3435). К строительным работам приступили около 14 июля, когда начали рыть котлован и укладывать фундамент. Перед закладкой территорию покрыли дощатым настилом, на котором, по проекту Клейна, в центре был возведен царский павильон, а по сторонам его – трибуны. Подробное описание церемонии, происходившей на Кольмажном дворе, и подготовки к ней содержится в дневнике Цветаева. (См.: Иван Цветаев. Из дневниковых записей/ Публ. М.Б.Аксененко//Государственный музей изобразительных искусств имени А.С.Пушкина. 1898–1998. К 100-летию со дня основания Музея. М., 1998. С. 57–74). Приведем здесь выдержку из репортажа «Московские торжества», помещенного в московской газете «Свет» 20 августа 1898 г.:

«17 августа с необычайной торжественностью состоялась в Высочайшем Их Императорских Величеств присутствии закладка Музея изящных искусств имени Императора Александра III, устраиваемого Императорским Московским университетом. На месте закладки был сооружен громадный роскошный шатер из полотна, увенчанный государственным гербом. При входе в павильон, со стороны Волхонки, были поставлены две высокие мачты, увенчанные орлами, на мачтах развевались громадные стяги, на верхней белой материи которых помещались вензели, на одном – Императора Александра III, а на другом – Государя Императора Николая Александровича; над вензелями – государственные гербы; вторая половина стяга состояла из трехцветных национальных материй. При входе в павильон была устроена площадка, над которой спускалась богато отделанная маркиза, которую поддерживали штанги, обвитые вьющимися растениями. Вся палатка была устлана красным сукном и богато убрана пальмами и другими тропическими растениями, а также живыми цветами.

В противоположной от входа стороне среди живых цветов и тропических растений был поставлен бюст Императора Александра III; правее от него помещался фасад нового здания для музея, а налево по стене были развешаны замечательные снимки русского художника Ф.П.Реймана, представляющие стенную живопись римских катакомб с I до V века по Р. Хр.

По обеим сторонам павильона на некотором отдалении от него были устроены две громадные трибуны для приглашенных лиц и публики. На особо приготовленном месте в павильоне были установлены особо чтимые чудотворные иконы Спаса Нерукотворенного и Иверской Богоматери и образ св. Татианы Мученицы».

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4712.

Начало письма не сохранилось, датировано по содержанию.

<sup>1</sup> *Демосфенов Александр Николаевич* (1856–1902), статский советник, по образованию инженер-механик; в прошлом директор Луганского, а затем Варшавско-Тереспольского железнодорожных училищ; с 1896 г. советник Правления Московского университета (должность, равная современному проректору по хозяйственной части), принимал деятельное участие в планировании и организации многочисленных университетских строек. Непременный член Комитета и член Строительной комиссии Музея изящных искусств по должности, в дальнейшем, с начала 1900 г., также второй техник Строительной комиссии.

*Гептнер Максим Карлович* (1848–1924), архитектор, член-техник Строительной комиссии Музея изящных искусств; член Московского архитектурного общества, в 1905–1906 гг. – его председатель. Наиболее известные постройки Гептнера – каланча на Стромынской пл. и Крестовские водонапорные башни (не сохранились); он – автор проекта и строитель (на Миусах) того самого Промышленного училища, которое первоначально предполагалось на месте Музея, а также строитель (по проекту И.С.Китченера) Инженерного училища путей сообщения (МИИТ).

*Казнагеев Константин Алексеевич* (1859–1906), член-учредитель и непременный член Комитета и член Строительной комиссии Музея, сыгравший решающую роль в получении Университетом средств для начала проектирования и строительства здания Музея, подсказавший куда перенести Промышленное училище, чтобы освободить место на Колымажном дворе. Родственник и один из душеприказчиков В.А.Алексеевой; участник строительства Алексеевской поликлинической амбулатории университета (1894–1896), один из создателей Алексеевской глазной больницы для бедных и председатель ее совета. Энтузиаст технического образования. В 1881 г. окончил с отличием Московское Техническое училище, в 1888 г. получил звание «ученого инженер-механика» (за диссертацию «Механическая технология дерева», М., 1885), с 1881 по 1895 г. преподавал в техническом училище Московско-Брестской железной дороги (в 1893–1895 гг. его директор) и в 1880-е гг. одновременно служил в Политехническом музее. Редактор-издатель еженедельника «Ремесленная газета» (1885–1906) и журнала «Технический сборник и Вестник промышленности» (1890–1906); заказал различным авторам и издал на свои средства свыше 200 книг по технике; в 1892 г. открыл в Москве магазин технической книги. С 1900 г. издавал также «Вестник книгопродавцев», в 1901 г. основал Общество книгопродавцев и стал его председателем. Секретарь московского отделения Русского технического общества и основатель его комиссии по техническому образованию; активный член Общества по распространению практических знаний между образованными женщинами (с весны 1898 г. – товарищ председателя, с мая 1904 г. – председатель общества) и других обществ; в 1904 – 1906 гг. – гласный московской городской

Думы. Погребен на кладбище Скорбященского монастыря (находилось в конце нынешней Новослободской ул., уничтожено); характерна надпись на венке, принесенном на его гроб рабочими его типографии: «Безвременно скончавшемуся хозяину, жившему только для других» (некролог Казначеева см.: Ремесленная газета. 1906. № 21–22. С. 153–158).

*Р.Ив-т* – Клейн, архитектор-строитель Музея.

<sup>2</sup> Осенью встал вопрос о выборе облицовочного материала, необходимого уже на ближайший строительный сезон, с весны 1899 г. (зимой основные работы не велись). Предложение Нечаева-Мальцова заключалось в том, чтобы попытаться возобновить добычу ранее примененного на постройке храма Христа Спасителя доломита, месторождение которого находилось под Коломной.

<sup>3</sup> Барабанами называются цилиндрические камни, из которых составляется ствол колонны, если она не является монолитной.

<sup>4</sup> *Кондратьев Дмитрий Федосеевич* (1828–1902) – член-учредитель Комитета, привлеченный к делам Музея в начале 1898 г. Л.С.Поляковым. Душеприказчик умершей в 1897 г. *Елизаветы Ивановны Бенардаки*, вдовы поручика *Дм.Е.Бенардаки* (?–1870), основателя Сормовских судостроительных заводов. 15 октября 1898 г. вместе со вторым душеприказчиком, Иваном Викторовичем Титовым из Воронежа, внес от ее имени на строительство Музея 25 125 рублей. На средства Е.И.Бенардаки в Музее сооружены два зала греческой архаики (см. ил. 74, залы III, IV). Из ее же наследия Кондратьев, Титов и Мария Константиновна Бенардаки пожертвовали Московскому университету 14 000 руб. на две стипендии (1897) и 50 000 на раковую больницу (декабрь 1898 г.).

Кондратьев был действительным статским советником, членом совета Московского международного торгового банка, совета Дельвиговского железнодорожного училища в Москве, пожизненным членом Православного Палестинского общества и др. В прошлом – советник в Курской казенной палате, чиновник министерства финансов в Петербурге, занимал видное положение при московском генерал-губернаторе князе В.А.Долгорукове. В течение четверти века (1869–1894) избирался на должность директора и председателя правления Общества Шуйско-Ивановской железной дороги.

*Колесников Иван Андреевич*, один из директоров Никольской мануфактуры «М.Ф.Морозова с сыновьями», член-учредитель Комитета по устройству Музея, с 1903 г. – казначей Комитета, член Строительной комиссии. На средства И.А. и Кс.Ф. Колесниковых сооружен зал древнехристианского искусства и искусства Средних веков, носивший имя в честь наследника-цесаревича Алексея Николаевича (см. ил. 75). В буклетах Музея, изданных в 1912 г., три больших копии равненских мозаик обозначены как «дар И.А.Колесникова и графа С.В.Орлова-Давыдова».

*Шульц Иван Юльевич* (1842–?), биржевой маклер, член-учредитель Комитета по устройству Музея и казначей Комитета в 1898–1899 гг., член Строительной комиссии.



*Щербатов Николай Сергеевич* (1853–1929), князь, помещик Московской и др. губерний. В молодости – морской офицер. С 1884 г. до конца жизни служил в Историческом музее: товарищем председателя Строительной комиссии (1884–1886), чиновником для особых поручений при августейшем председателе, с 1909 г. – товарищем председателя, т.е. фактическим директором; в 1918 – 1921 гг. – директор. Являлся также банковским служащим, сослуживцем А.Д.Мейна. В 1890-е гг. производил археологические разведки в Кремле. Младший брат П.С.Уваровой, активно помогал сестре в ее руководстве ИМАО. Член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств. Упомянутая Цветаевым «Записка» Н.С.Щербатова не сохранилась. На его письме от 20 февраля 1897 г. с замечаниями на проект Положения о Комитете имеется запись Цветаева: «Многие из авторитетных указаний кн. Н.С.Щербатова приняты мною во 2-й редакции Проекта» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 5584).

<sup>5</sup> *Уваров Алексей Сергеевич* (1825–1884), граф, помещик, коллекционер, крупный ученый-археолог. Сын Сергея Семеновича Уварова, президента Академии наук (1818–1855) и министра народного просвещения (1833–1849). Один из основателей ИРАО, основатель (1864) и председатель МАО. Организатор шести Археологических съездов. Один из первых жертвователей университетского Кабинета изящных искусств и древностей (в 1854 г. подарил древнегреческую расписную вазу); у него же Университет приобрел еще 25 ваз. А.С.Уваров был инициатором создания Исторического музея и товарищем председателя Управления музея, возглавлял Ученую комиссию по разработке его программы, и, наконец, Строительную комиссию, образованную поздно, в 1881 г., когда музей, начинавшийся как общественное предприятие, был принят в казну и назван «Императорским». В здании, строившемся с 1875 г., тогда уже шла внутренняя отделка; накопившиеся к этому времени долги музей погасил 28 лет.

## 23

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2327, телеграмма.

## 24

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4713.

<sup>1</sup> Предыдущее заседание состоялось 2 октября 1898 г.

<sup>2</sup> Два ходатайства такого рода будут посланы в правительство в мае следующего, 1899 г. (упоминаются в письмах 64 и 69).

<sup>3</sup> Керамические плитки для покрытия полов. Изготавливались в г. Метлахе (Германия), поставлялись фирмой Кос и Дюрр – московским представителем заводов Виллера и Бох.

## 25

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4714.

## 26

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2329, телеграмма.

## 27

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4715.

<sup>1</sup> *Матвеев Николай Сергеевич* (1855–1939), московский живописец. Секретарь и член-основатель Общества художников исторической живописи; известен также в качестве фотографа; был в числе лиц, фотографировавших торжественную закладку Музея. Его картина 1896 г. на сюжет из времен наполеоновских войн «Король прусский Фридрих-Вильгельм III с вышки Пашкова дома благодарит Москву за спасение его государства» находилась в императорском дворце Царского Села (ныне – в собрании Третьяковской галереи).

<sup>2</sup> Сюжет связан с участием России в подавлении революции 1848–1849 гг. в Венгрии, находившейся под австрийским управлением.

## 28

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4716.

<sup>1</sup> *Челноков Михаил Васильевич* (1868–1935), совладелец «Товарищества для производства и продажи строительных материалов «В.К.Шапошников, М.В.Челноков и К°»» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 16). В дальнейшем – один из лидеров партии кадетов, депутат II–IV Государственных дум от Москвы, с ноября 1914 по март 1917 г. – городской голова.

*Якунчиков Василий Иванович* (1827–1907), коммерции советник, член Московского отделения Совета торговли и мануфактур Министерства финансов; один из виднейших московских промышленников-мануфактуристов. Владелец Троицкого и Одинцовского кирпичных заводов (ф. 3, оп. I, ед. хр. 15), Воскресенской бумагопрядильной мануфактуры возле принадлежавшего князю А.А.Щербатову имения Нара (Фоминское). Был также лесопромышленником. Скрипач-любитель, один из основателей Московского отделения Российского музыкального общества, финансировал перестройку здания московской Консерватории. В.И.Якунчиков – тесть художника В.Д.Поленова, отец художницы М.В.Якунчиковой-Вебер и свекор художницы М.Ф.Якунчиковой. По второму браку свояк П.М.Третьякова и городского головы 1893 – 1897 гг., члена-учредителя Комитета по устройству Музея К.В.Рукавишников.

<sup>2</sup> *Никита Васильевич Якунчиков.*

<sup>3</sup> *Талицкий Иван Васильевич*, член Строительной комиссии, представитель от ведомства Государственного контроля.

<sup>4</sup> *Катуар Лев Иванович*, коммерции советник, один из владельцев Торгового дома «Вдова А.Катуар с сыновьями», член Московского отделения Совета торговли и мануфактур Министерства финансов. В августе 1903 г. поставил на строительство Музея 21 воз щебня (ф. 3, оп. I, ед. хр. 299, л. 200).

*Байдаков Леонид Андреевич* (1868–?), купец 1-й гильдии («Л.А.Байдаков. Поставка красного кирпича». Москва), владелец кирпичного завода под Москвой. В 1890-е гг. поставлял кирпич на строительство ряда университетских построек. В 1897 и 1898 гг. являлся товарищем председателя Московского купеческого собрания (т.е. купеческого клуба). Поставил кирпич для Музея: в 1898 г. перед кладкой Музея и в сентябре 1899 г. (Там же, л. 62). В дальнейшем, в 1902 – 1909 гг., разорился.

<sup>5</sup> *Пантелеев Александр (?) Алексеевич (?)*, предприниматель из крестьян, соорудил трибуны для церемонии закладки Музея (Комитет МИИ: Отчет 1899. С. 25; см. также: ф. 2, оп. I, ед. хр. 21, лл. 104, 115.) В строительстве здания участвовал только на раннем этапе, до официальной его закладки: забутовка 13,85 куб. саженей фундамента и кладка части кирпичной стены по переднему фасаду – свыше 113 тысяч кирпичей собственной поставки (ф. 3, оп. I, ед. хр. 297, л. 26).

<sup>6</sup> *Александров Василий Александрович (?)–1904*), основатель «Строительной конторы В.А.Александрова», Москва. В дальнейшем – «Московское промышленно-строительное товарищество В.А.Александрова». Выходец из крестьян и крестьянин по документам, владел в Москве несколькими домами на ул. М.Землянка (Земляной вал), паркетной фабрикой в Курском проезде, столярной – у Тессинского моста, складами у Рогожской заставы, кирпичным заводом у ст. Бутово, цементным – возле Подольска, а также каменоломнями возле Тарусы и при дер. Девятовской Подольского уезда (ф. 3, оп. I, ед. хр. 12). Кирпичная кладка фундаментов и стен Музея осуществлена в основном рабочими его артели. В числе научных сотрудников ГМИИ есть его потомки. Подробнее о нем Цветаев пишет в письме 56.

<sup>7</sup> *Лист Георгий Адальфович (?)–1909*), инженер, германский подданный, владелец предприятия «Георг Лист. Завод для механической обработки камня» в Москве. (Не путать с известным московским и донецким промышленником Густавом Ивановичем Листом.) По контракту с Нечаевым-Мальцовым подрядился на выполнение половины работ по облицовке камнем фасадов Музея (подряд на вторую половину был заключен с Н.А.Захаровым). В дальнейшем Лист принял на себя подряд Захарова (договор – 11 октября 1900 г.), а также подряд Н.Н.Быховского по добыче уральского мрамора для Музея (26 сентября 1900 г.).

<sup>8</sup> Речь идет о совладельце «Товарищества Эмиль Липгарт и К°. Заводы для производства цемента, извести и алебастра» (Москва).

## 29

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4717.

<sup>1</sup> Характерно, что Цветаев как член Строительной комиссии считал необходимым вникать даже в чисто специальные, незнакомые ему ранее предметы: «Я учился распознавать камень, кирпич, цемент, бут, песок, известь. Теперь этот период сдачи подрядов окончен» (письмо к В.И.Модестову от 15 ноября 1898 г. НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 334об. Публикуется впервые).

<sup>2</sup> Имеется в виду «Подрядчик земляных работ Щукин Терентий с сыновьями». Москва.

<sup>3</sup> О Румянцевском музее и отношении к нему Цветаева см. вступит. статью.

<sup>4</sup> Акционерное общество «Гергард и Гей». Транспортирование кладей и товарные склады. Имело правление в Петербурге, конторы – в Лейпциге, Берлине, Москве, Петербурге, Ревеле, Риге, Либаве, Одессе, представительства на ярмарках в Ирбите и Н.Новгороде.

<sup>5</sup> Было сделано два окна.

## 30

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4718.

<sup>1</sup> Приводим для сравнения запись о том же из дневника Цветаева: «Перед лекцией, имея часть свободного времени, я со стариком Гордеем занялся распаковкою двух ящичков, пришедших из Каира. Оба ящички небольшие и потому я надеялся не только вскрыть их, но и осмотреть предметы, в них заключающиеся, до прихода студентов. Каково же было мое удивление, когда я встретил внутренность одного ящичка выложенную жестью и наглухо запаянную свинцом! Он наполнен был свитками, накатанными на скалки, в свитках оказались образцы древнеегипетской живописи, даримые нам добрейшим и щедрым меценатом нашим Юрием Степановичем. В прошлом году я, перед отъездом его в Египет, попросил его привезти рисуночек-другой из древней египетской живописи в умелой копии, для показа студентам. Вместо парочки он заказал через Бругшбея снять целую массу образцов, большею частью из V–XVIII династий фараонов. Полосами этих мастерски исполненных рисунков я устал весь пол большой комнаты. Таких отличных копий и в таком значительном количестве я не видал ни в одном университетском музее изящных искусств ни в Англии, ни во Франции, ни в Германии, не говоря об Италии, за исключением Турина. Для нас, для наших студентов эти копии драгоценны, потому что в России с характером египетской живописи познакомиться совсем негде. Египетское собрание в Эрмитаже очень незначительно» (Дневник. С. 153. Публикуется впервые).

<sup>2</sup> Зал заседаний Совета Университета, над которым в двух небольших комнатах помещался Кабинет изящных искусств и древностей.

<sup>3</sup> Цветаев отправился в командировку, готовясь составлять условия архитектурного конкурса на проект здания Музея. «Здесь высказались за конкурс планов. Но для этого Университет должен написать свои условия относительно вместимости здания и его внутреннего распределения, относительно скульптурного и архитектурного (в моделях) материала, который должен войти в этот Музей, относительно освещения, отопления и пр.

Прежде чем писать эти условия конкурса, необходимо осмотреть главные однородные музеи Германии, Франции и Англии, сделать там, на месте, нужные записи, составить полный инвентарь скульптуры и моделей по зодчеству древнего мира. В отношении строительном, в вопросе освещения, я надеюсь по-

лучить наибольшее поучение в Дрездене, Albertinum которого, созданный в последние годы, может служить достаточным идеалом относительно подбора скульптур и в вопросе размещения их. <... > В Париже мне нужна Ecole de Beaux Arts [Школа изящных искусств – *фр.*] своими гипсами и Лувр памятниками скульптуры Египта. <... > В Лондоне постараюсь составить инвентарь скульптур Ассирии, слепки с которых должны поступить в Музей. Их там, как египетские в Лувре, закажу ко времени открытия здания, что предполагается на 1898 год, если будем живы. Недавно устроены музеи слепков в Оксфорде и Кембридже: надобно будет побывать и там и поучиться всему, что оригинального представляют эти знаменитые центры классического просвещения. Нечего говорить о Южно-Кенсингтонском музее, отделение античных слепков которого приводило меня в истинный восторг в 1889 году» (НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 303–304об. Письмо В.И.Модестову от 26.V.1895. Публикуется впервые). Отчет Цветаева историко-филологическому факультету об этой командировке см. в Приложении I.

<sup>4</sup> Применение ордеров в архитектуре Музея имело учебное назначение. По первоначальному замыслу главная ось – вестибюль – парадная лестница – Центральный зал – оформлялась ордерами в их историческом порядке: дорический, более древний стиль – для вестибюля, ионический – на колоннаде по сторонам лестницы, коринфский – в Центральном зале. Поскольку египетский зал, расположенный на 1-м этаже Музея слева от вестибюля, сообщался с ним одним из входов, то Цветаев счел более логичным стилистически объединить эти два помещения и ограничился двумя дорическими гранитными колоннами в центральном портике перед входом в Музей.

<sup>5</sup> *Грег. рупон* – ворота – массивные трапециевидные башни, оформлявшие вход в египетские храмы.

<sup>6</sup> В Египетском зале поставлены папирусообразные колонны (с капителями в виде бутона цветка папируса), в вестибюле – напоминающие стилизованный цветок лотоса. И те, и другие имели свои исторические прототипы и мыслились в первую очередь как наглядное пособие по древнеегипетской архитектуре. Конструктивной роли эти колонны в Музее не выполняют.

<sup>7</sup> *Протопопов Степан Алексеевич* (1846–1916), председатель правления Северного страхового общества, председатель совета Московского купеческого общества взаимного кредита, основатель акционерного общества химических заводов в Сосновицах. С 1877 г. – гласный московской Городской думы; до середины 1890-х гг. – старшина московского купеческого сословия. Крупный благотворитель: главный жертвователь приюта цесаревны Марии, почетный попечитель и жертвователь Мещанских училищ Купеческого общества, предоставил землю и деньги для строительства Коммерческого института и т.д. (см.: 1000 лет русского предпринимательства. М., 1995. С. 409 сл.). Член-учредитель Комитета; пожертвовал средства на сооружение в Музее Ассирийского зала в честь великой княгини Елизаветы Федоровны.

<sup>8</sup> *Хорсабад* – городище в Ираке, где располагался древний Дур-Шаррукин, основанный в 713 – 707 гг. до н.э. Саргоном II как столица Ассирийского государства.

<sup>9</sup> *Нимруд* – городище близ одноименного города в Ираке, где в 1845 г. раскопками обнаружен город Кальху – столица Ассирийского государства при царе Ашшурназирпале II (884–858 до н.э.). *Кундджик* – современное название холма на окраине г. Мосула в Ираке. В этом месте располагалась древняя Ниневия, столица Ассирийского государства при царе Синаххерибе (705–681 до н.э.).

<sup>10</sup> *Абамелек-Лазарев Семен Семенович* (1857–1916), князь, член Горного совета, помещик центральных губерний. Намерение Цветаева заинтересовать его восточным залом связано, по-видимому, с тем, что на средства Лазаревых в 1815 г. было основано Армянское Лазаревское училище, позже преобразованное в московский Лазаревский институт восточных языков. Из фамилии Лазаревых назначались попечители этого института. Пожертвование не состоялось.

## 31

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4719.

<sup>1</sup> *Муромцев Леонид Матвеевич* (1826–1899), член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств, рязанский губернский предводитель дворянства с 1868 г., в 1890-е гг. – старейший по возрасту из губернских предводителей в России; помещик, живший по соседству с отцовским именем Ю.С.Нечаева-Мальцова; как и тот – гофмейстер и воспитанник Московского университета (но не юрист, а естественник). Автор воспоминаний о кончине А.С.Хомякова.

<sup>2</sup> Председателем фонда Николая II для вспомоществования писателям и ученым состоял вице-президент Академии наук, историк литературы *Леонид Николаевич Майков* (1839–1900), брат поэта Аполлона Майкова. Сохранилось 17 писем Л.Н.Майкова к Цветаеву за 1881–1896 гг. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 1924–1940).

<sup>3</sup> Туманный намек Цветаева относится к предложению Истомина. В дневниковой записи от 28 ноября 1898 г. он излагает суть его: «Лучшим моментом для опубликования высочайшего указа правительствующему Сенату об учреждении “Чертога русской славы” в Музее изящных искусств имени Императора Александра III при Московском университете Истомин считает 26 мая 1899 года, день 100-летней годовщины рождения Пушкина, который предполагается праздновать со всю торжественностью и в Петербурге, при Академии художеств, и в Москве, в Обществе любителей российской словесности. Опубликование Высочайшего повеления в этот день о вековечном прославлении отечественных художников, поэтов, литераторов и ученых пронесется величавым эхом по всей России и этот новый акт великодушия молодого царя будет принят всеми мыслящими людьми с неподдельным восторгом. Великий Князь безусловно одобрил эту мысль и обещал доложить весь проект Государю в ближайшем январе». И далее: «Дело требует тайны и потому решено не говорить о возможности приурочения такого указа к пушкинскому юбилею никому, не исключая

и Ю.С.Нечаева-Мальцова, который как человек экспансивный и светский непременно разнесет эту новость по Петербургу» (Дневник. С. 169–170. Публикуется впервые).

<sup>4</sup> Для Центрального зала Музея была избрана другая архитектурная форма.

Кассетонами (кассетами, или кессонами) называются квадратные углубления на потолках, сводах, куполах.

*S. Maria Maggiore* – Санта Мария Маджоре (букв. Св. Мария Большая – *итал.*) – римская церковь V в. с фасадами XVII и XVIII вв., мраморным полом XII в. и мозаиками V и XIII в.; золоченый кассетированный потолок над широким центральным нефом относится к XVI в. (приписывается Джулиано да Сангалло).

*S. Paolo fuori le mura* – Сан Паоло фуори ле мура (букв. Св. Павел вне городских стен – *итал.*) – крупнейшая (132 м длиной) церковь Рима после собора Св. Петра. Построена в IV в. на месте погребения апостола Павла. Сохраняет мозаики V и XIII вв., алтарную сень и дворик XIII в., но в основном практически заново построена после пожара 1823 г. Кассетированный потолок главного нефа относится ко времени Пия IX (1792–1878; римский папа с 1846). Над аркадами, разделяющими церковь на пять нефов, проходит фриз из овальных медальонов с изображениями римских пап от апостола Петра по XIX в. включительно.

<sup>5</sup> То есть 12 ноября.

<sup>6</sup> В ОР ГМИИ (ф. 2, оп. II, ед. хр. 10–20) сохранились в 1-2 экземплярах лишь 7 больших фотографий, отпечатанных с чужих негативов Фишером, и 5 маленьких, сделанных Н.С.Матвеевым. На больших показаны общая картина церемонии, а также закладной участок стены с помещенной в нем памятной грамотой (на грамоте различима подпись царя); на маленьких запечатлен в основном Николай II. Список лиц, фотографировавших на торжестве закладки, см.: ф. 2, оп. I, ед. хр. 21, л. 65–66; там же, л. 73 – письмо Матвеева Нечаеву-Мальцову по этому же поводу.

### 32

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2328, телеграмма.

### 33

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4720.

<sup>1</sup> Имеется в виду двухчастный фриз внутри наружной колоннады Музея, справа и слева от центрального входа: над окнами, позади колонн. В конечном итоге он был выполнен из тирольского мрамора дрезденским скульптором *Леопольдом Армбрустером* (1862 – 1938) и воспроизводит эпизоды 160-метрового скульптурного фриза, проходившего (также позади колонн) по верху всех четырех стен Парфенона и созданного под руководством Фидия. Некоторые плиты афинского фриза утрачены, другие сохранились в более или менее поврежденном виде. Почти все они в 1812 г. были вывезены лордом Эдджином в Англию и в 1817 г. приобретены у него Британским музеем.

Фриз Парфенона изображал так называемое Панафинейское (т.е. всеафинское) шествие во время Великих Панафиней – происходившего раз в четыре года празднества жителей Аттики в честь их богини-покровительницы Афины.

В дневнике Цветаева есть следующая запись от 11 ноября 1898 г. (т.е. за 13 дней до комментируемого письма): «Нынешний приезд его [Нечаева-Мальцова] принес разъяснение вопроса, остававшегося для меня загадочным. Клейн украсил в проекте колоннаду главного фасада фризом из плит Парфенона. Когда его спрашивали, каким же образом исполнить эту скульптурную ленту в действительности, он говорил, что купим в Британском музее гипсовые слепки и, фиксировавши их состав флуитацией [поливом – *лат.*, т.е. слоем защитной тонировки], поставим их на место. Нечаев-Мальцов ныне сам заговорил о том, кому бы он мог поручить *вырубить* этот фриз *из камня*. Я заметил на это, что у нас предположено ограничиться лишь гипсовыми слепками. – “Ну, нет, – ответил Ю.Ст-ч, – гипс потрескается от мороза и полетит на пол галереи, где и растопчет его публика: вот вам и конец фриза. Нет, надо сделать его из камня, поручивши руководство этим делом хорошему скульптору. Кого бы пригласить для этого? Опекушин даровит, но мало образован, не захочет, пожалуй, понять греческий образец”. Я указал на молодого профессора скульптуры при Академии художеств Беклемишева» (Дневник. С. 159. Отрывок опубликован со значительными сокращениями в кн.: Цветаев создает Музей... С. 120–121).

*Беклемишев Владимир Александрович* (1861–1920) известен главным образом как портретист и жанрист. В 1897 г. входил в Комиссию по рассмотрению проектов здания Музея изящных искусств, поданных на архитектурный конкурс в ИАХ. Знакомство с ним Цветаева относится к 1888 г., когда ученый приезжал в Рим во время заграничной командировки. В то время Беклемишев, недавний выпускник Академии, работал там в качестве ее пенсионера.

<sup>2</sup> *Зернов Дмитрий Николаевич* (1843–1917), профессор нормальной анатомии Московского университета, в 1898 – 1899 гг. – ректор Московского университета и, по должности, член Комитета по устройству Музея.

<sup>3</sup> *Антокольский Марк Матвеевич* (1843–1902), скульптор, автор произведений на исторические сюжеты, а также на философско-этические темы. Сам переводил свои скульптуры в мрамор. Цветаев познакомился с ним во время первой поездки в Италию в 1875 – 1876 гг., когда, живя в Неаполе, приезжал в Сорренто, где Антокольский работал над скульптурой «Смерть Сократа». Одну из его работ Цветаев надеялся поместить в Зале славы. 28 ноября 1898 г. Цветаев писал в дневнике: «Историю и летопись мечтаем олицетворить статуей Нестора-летописца работы Антокольского. Эту статую как символ высшего судилища в мире А.Д.Мейн советует поставить не на одном ниво [уровне – *фр.*] с остальными статуями этого зала, но поднять ее постаментом гораздо выше и поставить в стороне от других. Иначе посетители не поймут аллегории и станут рас-



смаатривать и эту статую наравне с остальными, как лишь памятник Нестору-Летописцу» (Дневник. С. 170–171. Публикуется впервые).

<sup>4</sup> *Кирхгоф Теодор Иоганн Фридрих* (1837–?), дрезденский скульптор, уроженец Москвы; автор портретных бюстов, надгробий, памятника Бисмарку в Пирне близ Дрездена (1899).

<sup>5</sup> *Рицшель Эрнст Теодор Фридрих* (1804–1861), скульптор, с 1832 г. профессор дрезденской Академии художеств, почетный член берлинской и венской Академий; произведения – в музеях Лейпцига, Антверпена, Стокгольма.

<sup>6</sup> *Треј Георг* (1843–1922), внештатный сотрудник Петербургского Эрмитажа (1866–1873), ассистент дирекции по антиковедению Берлинских королевских музеев (1874–1882). В 1877–1881 гг. один из руководителей раскопок в Олимпии. Директор скульптурного собрания Дрезденских королевских музеев в 1882–1915. Профессор истории искусства в дрезденском Политехникуме и дрезденской Академии художеств. Публикатор скульптур Олимпии и основатель музея Альбертинум. Из-за российского происхождения Цветаев именовал Трея Егором Егоровичем. Их переписка продолжалась с 1881 по 1913 г. Сохранившаяся ее часть опубликована в двуязычном издании: ... In Moskau ein kleines Albertinum erbauen. Iwan Zwetajew und Georg Treu im Briefwechsel. (1881–1913)/... Устроить в Москве маленький Альбертинум. Переписка Ивана Цветаева и Георга Трея. Köln, 2006.

Ниже Цветаев упоминает письмо Трея от 1 декабря (н. стиль) 1898 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 3957).

*Альбертинум* – музей скульптуры в Дрездене, основанный в 1884 г. в перестроенном здании бывшего арсенала. Третий этаж занимали слепки (около 30 залов и кабинетов), половину центрального этажа – подлинные, преимущественно античные, скульптуры. Экспозиция слепков Альбертинума открыта в 1891 г., подлинников – в 1894 г. Цокольный этаж здания и половину второго этажа в 1890-е гг. занимал государственный архив. Приводимые ниже суммы музейного бюджета соответствуют примерно 675 тыс., 22,5 тыс. и 4,5 тыс. тогдашних рублей. (Для сравнения: профессорское жалованье Цветаева составляло 3 тыс. рублей в год.)

<sup>7</sup> *Брюлевская терраса* – бульвар вдоль южного берега Эльбы в Дрездене, устроенный на старом городском валу саксонским министром графом Брюлем в 1738 г. Альбертинум находится, собственно, не на террасе, а непосредственно к югу от ее восточного конца.

<sup>8</sup> Плохая сохранность рельефов Парфенона требовала научной и художественной реконструкции утраченных частей. Руководить этой работой позднее действительно согласился Г.Треј. *Вашего* – потому что Нечаев-Мальцов финансировал воспроизведение.

<sup>9</sup> *Сергиевская* – ныне ул. Чайковского в Петербурге. Цветаев указывает адрес доходного дома, в котором квартировал Помяловский; особняк Нечаева-Мальцова находился на Сергиевской, 30.

*Помяловский Иван Васильевич* (1845–1906), филолог-антиковед, специалист по эпиграфике и христианским древностям. Профессор римской словесности Петербургского университета, почетный член Московского университета с декабря 1897 г. Один из учителей Цветаева, с которым у него завязались дружеские отношения и длительная переписка – сохранилось 466 писем Помяловского к Цветаеву с 1872 по 1904 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 2703–3168). Цитируемое письмо написано 20 ноября 1898 г. (Там же, ед. хр. 3110). В начале 1898 г. Цветаев опубликовал в журнале «Филологическое обозрение» статью «Учено-педагогическая деятельность профессора Ивана Васильевича Помяловского. По поводу тридцатилетия его академической службы».

34

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4721.

35

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4722.

<sup>1</sup> На первоначальном, конкурсном проекте Клейна центральная лестница была задумана прямой. Этот замысел пришелся по вкусу Нечаеву-Мальцову, Цветаев же настаивал на более экономном использовании внутреннего пространства здания. «Давно беспокоит меня лестница, – писал он в дневнике 14 декабря, – проектированная Клейном по прямой линии в 3 марша, с двумя галереями наверху. Он заимствовал ее часть из [Нового] Эрмитажа, часть у своего конкурента Гримма [Г.Д.Гримм, победитель конкурса проектов Музея]. Сделанная из гранита, обставленная колоннадой во 2 этаже, она станет производить из вестибюля внушительное впечатление. Но только *снизу*, а не сверху, откуда этот как бы горный склон с большим пустым пространством вперед будет действовать на людей пожилых и слабонервных подавляющим образом, заставляя их невольно держаться стен с их тогда неизбежными поручнями. Это опасение я слышу и по городу, а архитекторы прямо называют эту форму лестницы большой ошибкой, хотя эта лестница в проекте Гримма и особенно одобрена Академией художеств за ее монументальность и красоту» (Дневник. С. 181. Публикуется впервые).

Письмо написано после встречи у В.Д.Поленова 28 декабря, куда был приглашен и В.М.Васнецов. Обсуждались проект Клейна и вариант Ф.О.Шехтеля, сделанный им по просьбе Цветаева, высказанной 13 декабря. «Все с величайшим участием начали следить за тем, что автор варьянта сделал из длинной и широкой лестницы Клейна. Место ее заняли у Шехтеля два зала, нижний и верхний, тянущиеся во всю длину крытых дворов; клетка же новой лестницы продвинута назад и получила большую ширину ввиду необходимости иметь в верхней ее половине два параллельные поворотные марша» (Дневник. С. 195. Впервые опубликовано: *Киригенко Е.И.* Материалы об участии Ф.О.Шехтеля в проектировании Музея изящных искусств в Москве//Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. М., 1997. С. 565). В письме Цветаев излагает

дальнейшее содержание разговора, в основном совпадающее с текстом дневника. *Шехтель Федор (Франц) Осипович* (1859–1926), академик архитектуры, являлся членом-учредителем Комитета по устройству Музея. В начальные годы создания Музея активно помогал Цветаеву консультациями (см. об этом: *Киригенко Е.И.* Указ ст. С. 559–570). В 1904 г. оплатил слепки с фриза большого алтаря в Пергаме.

<sup>2</sup> *Поленов Василий Дмитриевич* (1844–1927), живописец, академик. Член-учредитель Комитета по устройству Музея. В 1890 – 1900-е гг. работал над циклом картин из жизни Иисуса Христа. Цветаев, по его словам в письме к Нечаеву-Мальцову от 10 августа 1902 г., был знаком с Поленовым по Петербургскому университету, где они учились в одно время. С 1890-х гг. они стали общаться семьями, так как обычное место отдыха Цветаева под Тарусой находилось недалеко от имения Поленова. Поленов был одним из немногих русских художников, посещавших Грецию, Египет и Палестину и хорошо знавших древнее искусство и архитектуру этих стран. 4 мая 1898 г. на 2-м заседании Комитета по устройству Музея он был избран, наряду с П.В.Жуковским и Ф.О.Шехтелем, в консультанты по художественной части здания. В дальнейшем Поленов подарил Музею несколько подлинных экспонатов и собственных живописных работ.

*Васнецов Виктор Михайлович* (1848–1926), живописец, академик. Действительный член Комитета по устройству Музея с 1899 г. В комментируемое время Васнецов, считавшийся крупнейшим русским религиозным живописцем и только что закончивший одну из центральных картин своего былинно-сказочного цикла – «Три богатыря», работал по заказу Нечаева-Мальцова над украшением Георгиевского собора в Гусе.

<sup>3</sup> *Жуковский Павел Васильевич* (1845–1912), шталмейстер, художник, архитектор, сын поэта В.А.Жуковского, внук немецкого художника Герхарда Вильгельма Рейтерна. Специального художественного образования не получил. Большую часть жизни провел за границей. В 1884 – 1890 гг. жил и работал в Веймаре, был близок к Ф.Ленбаху, А.Бёклину, а также Р.Вагнеру и Ф.Листу, чьи портреты выполнил. Состоял в многолетней переписке с писателем Г.Джеймсом. Некоторые его живописные работы хранятся в Государственном Русском музее, в Рихард-Вагнер Центре (Байрейт), в Консерватории г. Торонто (Канада). Член Московского общества любителей художеств (1869–1896), Общества поощрения художников (1870), Общества художников исторической живописи (1896). С 1896 г. – председатель совета Строгановского училища и совета художественно-промышленного музея при нем. Член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств. Цветаева познакомил с Жуковским осенью 1897 г. директор Румянцевского музея М.А.Веневитинов; по предложению Нечаева-Мальцова он был приглашен на предварительное заседание Комитета 23 ноября 1897 г. На 2-м заседании Комитета, 4 мая 1898 г., был избран одним из трех консультантов по художественной части здания наряду с В.М.Васнецовым и В.Д.Поленовым; но

в то время, как замыслы Поленова и Васнецова по живописному оформлению Музея остались не воплощенными, ряд живописных панно выполнен по рекомендации Жуковского и одно им самим (не сохранилось). 19 его писем к Цветаеву за 1897 – 1909 гг. и несколько писем к Нечаеву-Мальцову и Клейну находятся в ОР ГМИИ (ф. 6, оп. I, ед. хр. 1110–1136), частично опубликованы А.А.Демской и Л.М.Смирновой.

*Хомяков Дмитрий Алексеевич* (1841–1919), действительный статский советник, сын философа-славянофила А.С.Хомякова, близкий друг П.В.Жуковского; общественный деятель, коллекционер, жертвовател Румянцевского музея (в 1901 г. им подарен ряд западноевропейских картин XV – XVII вв.), член совета Строгановского училища (до осени 1896 г. – председатель совета). Член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств. В 1911 г. пожертвовал в Музей два мраморных бюста работы Дж.Б.Фоджини, приписывавшиеся в то время Бернини, – герцогини дела Ровере и кардинала Леопольдо Медичи. Сохранилось 21 письмо Д.А.Хомякова Цветаеву за 1897 – 1912 гг. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 4426 – 4446).

*Сумбул Леонид Николаевич* (?–1900), гласный Московской городской думы, в 1876 – 1882 гг. – товарищ городского головы (при городском голове С.М.Третьякове). Воспитанник юридического ф-та Университета. Член-учредитель Комитета по устройству Музея. Цветаев называет его «вдохновителем дела Музея с 1891 года» (Комитет МИИ, 1900. С. 17).

<sup>4</sup> Продолжая излагать в дневнике разговор с Васнецовым и Поленовым, 29 декабря 1898 г. Цветаев писал: «Форма Палаты круглая в основе, с четырьмя нишами и с многоугольными выступами при входе и с противоположного входу конца, куполом и венком колонн под его барабаном, с ее простором, сразу открывающимся перед зрителем, и ее несравненно большей поместительностью, чем в крестообразном проекте этой палаты у Клейна, со множеством острых углов и каких-то закоулочков, эта византийская форма, обещающая также особые окна и хоры, всем очень понравилась. Васнецов так и впился в нее. “Да это сам Господь подводит нас к решению задачи, которую я прежде не мог взять в толк; как тут к Музею приклеить Палату Славы я совсем не знал, а теперь все выходит отлично: Палата является не простою залой Музея, это – особое отделение, замечательное само по себе; эту Палату станут ходить смотреть ради ее самой; зачем нам пышные Пантеоны, вот этой Палаты хватит для нас надолго-надолго. Но вот чего я еще душевно хотел бы от этой части здания: нельзя ли бы эту византийскую постройку отметить хотя бы слабым дуновением русского зодчества? нельзя ли бы подумать об этом соединении? тогда бы русские знаменитые люди поместились в совершенно подходящей обстановке. Как и в какой мере слить формы Византии и России в данном случае, я пока еще не знаю; но подбейте архитектора подумать об этом и посоветоваться с другими. Ах, тогда Палата славы русских людей всем бы сделалась приятной и любезной”. Так приблизительно говорил он в каком-то радостном и

елейном настроении» (Дневник. С. 195–196. Опубликовано с сокращением: *Кирягенко Е.И.* Указ. ст. С. 565).

## 1899

### 36

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4723.

<sup>1</sup> 27 декабря 1898 г. в Петербурге состоялось освящение Мариинских барачков Красного Креста (хирургического и терапевтического) на земле Елисаветинской общины 1-го дамского комитета (под председательством великой княгини Елизаветы Федоровны) – Полюстровская набережная, дача Кушелева-Безбородко; директор барачков – С.С.Боткин (см.: Московские ведомости. 1898. 28 декабря. С. 3).

<sup>2</sup> Очевидно, освящение церкви Св. Софии в принадлежащем Нечаеву-Мальцову селе Софрино Смоленской губ.

<sup>3</sup> 12 ноября 1898 г. Клейн отправился в Грецию, Египет и Италию для изучения исторических архитектурных стилей и наиболее известных памятников. Цветаев получил от него письмо из Афин от 24 ноября 1898 г. и телеграмму из Неаполя от 2 января 1899 г. (ст. стиль; ф. 6, оп. I, ед. хр. 1483 и 1485). Сохранились выполненные в этой поездке натурные акварели Клейна с изображением храма Исиды на о. Филе, Парфенона и памятника Лисикрата в Афинах, а также равенских церквей Сант Аполлинаре ин Классе и Сан Витале (ГМИИ, инв. №№ 18705, 18726, 18725, 18735, 18711). В Москву Клейн вернулся не 12, а 17 января – см. письмо 39. Отчитываясь перед Комитетом о своей поездке, он доложил о возможности приобрести через Эмиля Бругша ряд подлинников, оплату которых взял на себя на том же заседании Нечаев-Мальцов. Были приобретены для Музея экземпляр древнеегипетской «Книги мертвых», склеенный Э.Бругшем из 2-х тыс. фрагментов, и два портрета II в. н. э., выполненных «восковыми красками на дереве в два тона – черный и красный, и представляющих собою портретные изображения греков» (Комитет МИИ: Отчет 1899. С. 7; ср. протокол заседания от 25 января 1899 г. – ф. 2, оп. I, ед. хр. 52, лл. 4, 4а). Эти подлинники, по-видимому, погибли при пожаре Музея в декабре 1904 г., и их не следует смешивать с двумя фаюмскими портретами, подаренными Нечаевым-Мальцовым в 1912 г. (Один из последних – знаменитый «Юноша в золотом венке», инв. № I 1а 5776.)

<sup>4</sup> *Птолеми* – династия греко-македонского происхождения, правившая в Египте с конца IV в. до 30 г. до н. э. Об упомянутом саркофаге выяснить ничего не удалось.

<sup>5</sup> Муромцев, а позже его вдова, *Екатерина Николаевна* (ур. княжна Голицына; ?–1900), представили нотариально заверенные обязательства оплатить стоимость зала Ниобы и ниобидов (22 940 руб.), посвятив его памяти своего

единственного сына. Однако недобросовестный наследник вместе с душеприказчиками утаили соответствующий пункт завещания Муромцевой, представив тем самым данные Комитету акты не имеющими юридической силы. Обман впоследствии раскрылся, но попытки в 1910-е гг. получить деньги через суд не имели успеха, так как наследство успело сменить владельцев (см.: ф. 2, оп. I, ед. хр. 16).

## 37

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2332, телеграмма.

## 38

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4724.

<sup>1</sup> *Левенсон Александр Александрович*, директор-распорядитель Товарищества скоропечатни А.А.Левенсон, находившейся почти напротив дома Цветаева в Трехпрудном. Речь идет об изготовлении типографских дипломов для новых почетных членов Комитета – Ольги Константиновны, королевы греческой и Евгении Максимилиановны, принцессы Ольденбургской.

## 39

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4725.

<sup>1</sup> До появления 2-го техника в лице А.Н.Демосфенова Талицкий и Геппенер были единственными членами Строительной комиссии (не считая письмоводителя), получавшими от нее жалованье.

<sup>2</sup> *Тихомиров Александр Андреевич* (1850–1931), зоолог, профессор Московского университета с 1888 г., директор Зоологического музея (1896–1904), в 1898 – начале 1899 г. – помощник ректора Университета. В дальнейшем, до середины 1904 г. – ректор. Контракты с подрядчиками по строительству Музея оформлялись через Правление Университета, ректор являлся председателем Строительной комиссии.

<sup>3</sup> Потомственный почетный гражданин *Яков Андреевич Брусов*, владелец фирмы «Я.А.Брусов. Гранит и гранитные работы» (Петербург), добивался в это время подряда на добычу и поставку для Музея серого гранита и облицовку им высокого цоколя здания. Договор с ним будет подписан 23 марта (ф. 3, оп. I, ед. хр. 19, л. 6–7).

<sup>4</sup> Цветаев жил в Трехпрудном пер., а Шехтель в то время – в соседнем Ермолаевском.

<sup>5</sup> По названию города Сердоболь, ныне – Сортавала, на северном берегу Ладожского озера. В 8-ми верстах от города происходила добыча гранита.

<sup>6</sup> Нечаев-Мальцов собирался заказать за свой счет слепки с ассирийских произведений, находящихся в Британском музее и Лувре. Однако из-за отсутствия места для хранения крупных слепков это отложили до окончания постройки (см.: колл. XXI, ед. хр. 49, с.6–7 и ед. хр. 50, с.10).

<sup>7</sup> Вот что записал Цветаев в дневнике 11 января 1899 г.: «С нетерпением я ждал, как отнесется Ю.С[тепанович] к моему письму насчет живописного фриза внутри Музея, по всем его залам. К истинному восторгу, эта мысль ему настолько понравилась, что он занялся ею серьезно. Яркая полоса ландшафтов зданий, изображений главнейших памятников искусств по историческим эпохам и народам, соответственно каждой зале, как бы загорелась в его представлении – и, признавая высокое образовательное значение этого фриза для студентов и публики, а равно предвидя художественный эффект этого бесподобного украшения, Ю.С-ч уже мечтает, кого он привлечет к этому делу, называя здесь Семирадского, Васнецова, Поленова, Верещагина, Айвазовского. Со всеми главнейшими живописцами он в приятельских отношениях и никто из нас скорее не подойдет к ним. На днях воротился Клейн; необходимо будет с ним установить высоту фриза, чтобы согласно этой мере художники могли разбирать сюжеты для своих изображений. Прежде всего надо начать с Айвазовского, который уже очень стар и в то же время, будучи несравненным маринистом, он может подарить нас картинами островов и берегов Греции и Крыма. Пусть он даст нам местность Георгиевского монастыря в Крыму с кусочком моря. Надобно будет снестись с ним и избрать его в члены Комитета. Как с сочленом тогда вести с ним сношения будет уже легче» (Дневник. С. 206). Вскоре Нечаев-Мальцов прибавил к этим именам Котарбинского и Константина Маковского. «Раз иные не смогут работать даром, для собственной славы, он [Нечаев-Мальцов] привлечет их заказами, обыкновенно оплачиваемыми им очень щедрою рукою. Вчера в беседе с Пав[лом] Вас[ильевичем] Жуковским он говорил о картинах этих мастеров для Музея как о деле, им уже решенном. Пошли ему, Господи, долгой жизни и этой удивительной энергии на много лет. При таком участии Музей явится изящным и характерным даже и внутри, на что мы еще за несколько недель перед сим не рассчитывали. Яркая, колоритная лента фриза уже загорается перед нами в своем обаятельном блеске и чудной красоте. Какое это огромное счастье! Надо теперь организовать художественный совет при Комитете, пригласивши сюда лучшие живописные силы со всей России, и здесь выработать в главных чертах круг сюжетов для предположенных картин. Нужно, конечно, не забыть только главное, а подробностями стеснять художников нечего. Но и круг главных сюжетов на протяжении от Древнего Египта до эпохи Возрождения включительно очень обширен. Разобраться здесь нелегко. Целесообразно будет войти в сношение с профессорами истории изящных искусств в наших университетах – Праховым, Кондаковым, Айналовым, Рединым, Павловским и Мальмбергом, опросивши мнение каждого по эпохе, ему близкой. Когда получится ответ, можно будет свести их воедино и подвергнуть общему пересмотру вместе с теми же лицами и некоторыми профессорами всеобщей истории. Возможная обдуманность и осторожность здесь безусловно необходимы, раз выпадает нам счастье залучить все, или хотя бы даже некоторые, лучшие живописные таланты» (Дневник. С. 211. Отрывок опубликован со

значительными сокращениями в кн.: Цветаев создает Музей... С. 123–124). Подробнее о судьбе этого замысла см.: Демская А., Смирнова Л. Неосуществленная роспись Музея изящных искусств в Москве. Переписка И.В.Цветаева, В.Д.Поленова, П.В.Жуковского//Панорама искусств 78. М., 1979. С. 266–291.

<sup>8</sup> *Древняя Тавромениа* – город на восточном берегу Сицилии, близ вулкана Этна. В нем сохранились знаменитые развалины античного театра.

## 40

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2333, телеграмма.

## 41

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4726.

<sup>1</sup> Московское губернское дворянское собрание, как правило, проводило свои очередные заседания в третью или четвертую недели января. Нечаев-Мальцов, хотя и проживал в Петербурге, имел достаточную земельную собственность в Московской губ. и поэтому продолжал входить в число ее дворян, т.е. имел право участвовать в собраниях.

## 42

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4727.

<sup>1</sup> Речь идет о «Зале славы». 26 января Цветаев сделал в дневнике следующую запись о заседании Комитета, проходившем накануне: «Византийский стиль Палаты провален Ю.С.Нечаевым-Мальцовым, который до того вооружился против него, что решительно заявил полное от этого дела устранение. Его утрашили купол и своды этого зала. “Наше здание ведется в главных частях в греческом стиле, нельзя поэтому выводить купола для одного зала и тем портить единство впечатления. Я допускаю античную или древнехристианскую базилику, греческий храм в три нефа, но от византийской Палаты ли, храмовидного ли помещения, [пробел в машинописи] ли решительно устраняюсь”. Симпатии Ю.С.-ча к нашему делу выражаются такими крупными дарами, что мы поневоле вынуждены были уступить.

Не удалось Клейну устроить эту залу и в пышном римском стиле или, точнее, в стиле итальянского Ренессанса, как ему сильно хотелось. Нечаев-Мальцов наотрез воспротивился и этому. Осталась форма круглого Пантеона и базилики. Нечаев-Мальцов встал за последнюю – и с нынешнего утра Клейн засел за нее. Что-то выйдет.

Порешена окончательная форма и лестницы прежней, прямой. Как ни много было в Комитете лиц, которым хотелось иного устройства, но Великий Князь нашел прямую лестницу, в три марша, более импозантную и напомнил, что именно эта форма ее понравилась Государю и что перерешать этот вопрос он не считает, в силу последнего обстоятельства, уместным. Этим заявлением, переданным Комитету через Нечаева-Мальцова, положен был конец нашим толкам и ожиданиям.



Теперь о выделении Палаты из общей системы зал и о постановке ее на своем, особом ниво не может быть и речи. Жаль, но что делать? Не все желания наши исполняются в этой жизни. Для дальнейшей пользы дела необходимо полное согласие и с Великим Князем, и с Ю.С-чем. <...> После заседания он [Клейн] меня довез до моего дома; дорогу мы фантазировали насчет Палаты или Базилки, как мы решили называть ее, пока вопрос о Палате не решен» (Дневник. С. 228–230. Публикуется впервые).

<sup>2</sup> *Эмилий Федорович* – Эмилий Федорович Рингель. Беседу с великим князем со слов Нечаева-Мальцова Цветаев записал в дневнике: «Ну, что, как камень, Юрий Степанович? – спросил его Великий Князь. – Да не знаю, Ваше Высочество, как решить мне этот вопрос. – Что же такое? – Да пришли на мой зов три подрядчика: русский, жид и немец. Русский поехал в Коломенский уезд, на место каменоломен, отыскал в соседних деревнях старика, который помнил, как брали отсюда камень для храма Спасителя, поговорил с ним и решил, что камня много в земле и составил для меня смету. Поехал туда же и жид, покопался там малость, решил, что он камень лучше *купит* у других, поставил в смету, что ему заблагорассудилось, и принес ее мне. Туда же отправился, но раньше всех, и немец. Этот вот уже четырнадцатую шахту роет, избуравил большую площадь, но еще дела не решил, сметы не составляет и все просит отсрочки... Должно быть, придется иметь дело с немцем» (Дневник. С. 183. Публикуется впервые).

<sup>3</sup> О поездке в Петербург в дневнике Цветаева имеется подробная запись. Приводим ее с некоторыми сокращениями: «*Петербург, 8 февраля, понедельник.* Третьего дня получена телеграмма от Зверева: “Восьмого февраля вечером заседание. Приезжайте Петербург”. Вчера вечером мы с женою выехали из Москвы и ныне, проездивши около 1½ часов в поисках по городу сносного помещения рубля за 2½ – 3½ в сутки за комнату, поселились, не найдя на Невском квартиры, на Бассейной. <...> Заседание назначено было у Великого Князя в его дворце у Аничкина [так!] моста на 9½ часов вечера. На него приглашены были попечитель учебного округа Некрасов, министр народного просвещения Боголепов, его товарищ Зверев, Ю.С.Нечаев-Мальцов, не говоря об Истомине. Председательствовал Великий Князь. Открылось оно предложением мне изложить дело о Палате.

Условившись с А.Д.Мейном, моим лучшим и умнейшим советником, держаться строго объективного тона в изложении вопроса и никак не принимать на себя роли защитника этого дела, добывающегося его исполнения во что бы то ни стало, и тем менее роли человека, отбивающегося от обвинений, я изложил лишь историю дела, начавшуюся год тому назад здесь, в Петербурге, и выяснил главные основания, руководившие Истоминым и мною в разработке этого нового вопроса. Сообщение мое заключено было чтением основных положений будущей Палаты или как иначе она будет названа впоследствии.

Первое слово после этого предоставил Великий Князь министру. Боголепов, соглашаясь с основными мыслями доклада и желая учреждение такой Палаты,

высказал предложение, нельзя ли бы сделать это учреждение вполне зависящим от Московского университета и в деле наполнения его статуями, рельефными медальонами и бюстами, так что личность Государя, которому по проекту указывается высшая санкция в этом деле, была бы здесь устранена в избежание возможности пересудов достойно ли или нет попало сюда то или другое изображение. Критика-де здесь неуместна, а на практике, в жизни она будет возможна.

Против этого с особенной настойчивостью высказался Истомин, поставив на вид, что если проектируемое учреждение не будет иметь всероссийского, государственного значения, если оно не будет единственным в России и если назначение этих почетных изображений не будет зависеть от Государя, если Императорская власть будет тут ни при чем, то нечего другим и заботиться об этой Палате: она тогда будет иметь лишь местное значение, значение простой залы одного из учебно-вспомогательных учреждений Московского университета. Устраивать тогда эту залу или не устраивать – это будет его забота. Цель же проекта – положить начало общероссийской Палате Славы нашей науки, литературы и искусства: только в этом смысле это учреждение может быть предметом обсуждения настоящего собрания у Великого Князя.

Боголепов, выслушавши это энергическое и горячее возражение, заявил, что он готов и на государственное значение Палаты. Мысль проекта и речь Истомина решительно поддержана была и Великим Князем. Ю.С-ч, стоявший в Москве за противоположное мнение после разговора об этом с Зверевым, в последние дни здесь изменил свой взгляд и теперь, рассматривая учреждение Палаты как знак особой монаршей милости к Московскому университету на закате полуторастолетия его существования, вполне присоединился к Великому Князю и к Истомину. Узнавши, что эта Палата является мечтой и сильным желанием Великого Князя, согласился и Зверев, после моего письма к нему, что дальнейшее противодействие бесполезно. В своих замечаниях он теперь касается лишь некоторых подробностей и главным образом того, как устранить возможность недовольства Московской думы на обращение части данной ею Московскому университету площади под учреждение государственного значения, а не чисто учебного. Для устранения возражения с этой стороны он предложил, не спросить ли Думу на этот счет. Великий Князь безусловно воспротивился этому предложению, находя, что Палата русских писателей и художников будет служить просвещению студентов и учащейся молодежи никак не менее, чем всякая другая зала Музея и что поучение здесь будет ценнее, чем иного, слишком специального кабинета или залы. От дальнейших сношений с Думою насчет Колымажной площади он решительно отказался: “Мы найдем после, может быть, нужным поставить фонтан на этой земле: что же и тут мы должны будем спрашивать себе разрешения?” – говорил он нервным тоном, очевидно, вспоминая неприятность прошлогодних сношений с Думою из-за земли. 9 февраля, вторник. Всего менее принимал участия в дебатах попечитель учеб[ного] округа Некрасов. Не обладая даром слова, как во всяком собрании, он и здесь

жевал, спотыкался, мямлил, изменял на половине фразы конструкцию и начал сызнова. Он высказал опасение, как бы охранение “государственной собственности”, чем в действительности будут все почетные изображения Палаты, не составило труда для Университета, а большой зал, который может заключать иные изображения и неприятные для чувства студентов, не сделался впоследствии местом сборища антиправительственных демонстраций студентов: как-де тогда уберечь статуи, бюсты и медальоны от разрушения? На это с улыбкой Великий Князь заметил: “Ну, эти опасения совершенно напрасны. Неужели бояться студентов? Да если бы они и решили организовать здесь сходку, так следует только запереть монументальные двери и не пускать в этот раз заговорщиков”. <... >

Более важного значения был вопрос Зверева, говорившего вообще мало, но в строго определенном и ясном тоне о том, следует ли вводить в эту Палату почетные изображения духовных особ. В нашем проекте Положения предусмотрены для духовных витий и ученых портреты, художественно сделанные, не бюсты и не медальоны (не говоря уже о статуях) потому, что скульптуре православная церковь всегда была враждебна как искусству языческому, искусству идолопоклонства. Зверев обратил внимание на соседство предполагаемой Палаты с такими классическими изваяниями, которые, как Венеры, нимфы, сатиры e tutti quanti [и всякие другие – *ит.*] слишком откровенного и веселого характера, которые не совместимы с духовными лицами. Великий Князь первым поспешил согласиться с неудобством внесения в Палату лиц духовного звания и предложил соответственные статьи Положения исключить. <... >

Постановлено: 1) установить воззрение на Палату русских писателей и художников при Музее как на особый акт царской милости к литературе и искусству, даруемой Московскому университету, этому старейшему носителю высшего просвещения в стране, к его полуторастолетнему юбилею; 2) письменный акт дарования этой Палаты на вечное хранение Московскому университету приготовить к 1905 году, дню университетского юбилея; 3) организацию же, равно как и постройку Палаты начать с ближайшего же времени, чтобы подготовить к юбилею не только помещение Палаты, но и несколько статуй и бюстов знаменитых отечественных деятелей в литературе и искусствах, чтобы освятить и открыть их в дни университетского юбилея; 4) в этом смысле поручить мне “подогреть” профессоров, и когда получится сочувствие многих из них этому предначертанию, пока сообщаемому конфиденциально, без несвоевременной огласки в обществе и печати, возбудить этот вопрос в Правлении Московского университета и 5) о постановлении сего последнего донести Великому Князю, который воспользуется им для доклада Государю.

Последние два пункта объясняются желанием Великого Князя сообщить Императору, что корпорация профессоров Московского университета принимает мысль о таком учреждении как знак особого почета для Университета и как признание Его Величеством великих просветительных заслуг его пред

Россией. “Не встретится ли затруднений со стороны профессоров, – заметил Нечаев-Мальцов, – когда они узнают, что наполнять Палату придется не Московскому университету, а особой, высшей комиссии”. Я уверенно ответил, что симпатиями профессоров заручиться легко и что затруднений с этой стороны опасаться нечего. <... > [Ректор] Зернов успел в страстной форме высказать свое нерасположение к этой “затее”. Но, я думаю, раз дело в принципе решено, желание Великого Князя высказалось ясно, и Зернов, и остальные члены Правления, как бы ни опасались лишней “возни с какой-то еще Палатой”, не станут поперек дороги. Увидим это в ближайшие же дни» (Дневник. С. 241–247. Публикуется впервые).

## 43

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4728.

<sup>1</sup> Вторая жена Цветаева с 1891 г., *Мария Александровна* (1868–1906), дочь А.Д.Мейна; мать Марины и Анастасии Цветаевых.

<sup>2</sup> Вот как описывает Цветаев в своем дневнике это посещение дома Нечаева-Мальцова на Сергиевской улице, д. 30, в Петербурге: «Были мы ныне у Ю.С-ча и у его старушек сестер Нечаевых. Богатство и блеск обстановки дома трудно себе и представить. Тут каждый стул, каждая рама, каждая канделябра, каждая люстра – предмет искусства. И ковры, и шелковые обои ткани на заказ по особым рисункам то в Москве, то в Лионе, картины старых западноевропейских мастеров, на лестнице – мраморная группа Кановы, представляющая группу Антиноя и генія смерти, известную под именем группы *Ildefonso* и находящуюся ныне в Мадриде. Плафоны в гостиной и зале писаны Семирадским, есть целый кабинет, расписанный сплошь Айвазовским по размерам стен. Зимний сад полон тропических растений колоссальных размеров, фонтан бьет до высокой, очень высокой кровли, из множества гротов шумят ручьи, стекающие из искусственных скал. Это, особенно при электрическом освещении, что-то волшебное, феерическое, поразительное даже после стольких путешествий по Западной Европе. Но к чести Нечаева-Мальцова должно быть сказано, что все в его доме приведено в гармонию художественным чутьем, вкусом и знанием» (Дневник. С. 251. Отрывок с сокращениями опубликован в кн.: Цветаев создает музей... С. 126). Дом Нечаева-Мальцова – это бывший особняк Л.В.Кочубея, построенный в 1844 – 1846 гг. архитекторами Р.И.Кузьминым и Ю.Э.Боссе; в 1883 – 1884 гг. интерьеры были заново отделаны для Нечаева-Мальцова архитектором Л.Н.Бенуа; в советские годы здесь находился Дзержинский райисполком Ленинграда (ул. Чайковского, 30).

<sup>3</sup> *Канова Антонио* (1757–1822), итальянский скульптор-классицист. Автор аллегорических произведений и идеализированных портретов. Для его скульптур характерна отвлеченность образов, тщательная обработка отполированной поверхности мрамора. Оказал значительное влияние на академическую скульптуру XIX в.

<sup>4</sup> *Христина* (1626–1689), шведская королева в 1632 – 1654 гг. (с 18 лет правила самостоятельно). Отреклась от престола и проживала за границей, преимущественно в Париже и Риме, удивляя всех экстравагантностью образа жизни, граничившего с авантюризмом. Мадридская скульптура была приобретена ею в 1664 г. в Риме, затем перешла в коллекцию Одескальки, а оттуда – в собрание испанского короля Филиппа V.

<sup>5</sup> *Публий Эмилий Адриан*, римский император (117–138) из династии Антонинов.

<sup>6</sup> *Антиной* – прекрасный юноша, любимец Адриана. В состоянии религиозного экстаза пожертвовал собой, бросившись в Нил, чтобы продлить жизнь своего повелителя. По распоряжению императора был увековечен во множестве статуй, в его честь воздвигали алтари и учредили специальные празднества. До нас дошли многочисленные скульптурные изображения как самого Антиноя, так и богов, имеющих с ним портретное сходство.

Приводимое Цветаевым толкование сюжета мадридской скульптуры рассматривалось как одна из семи возможных гипотез еще в 1920-е гг. (*Ricard R. Marbres antiques du musée du Prado à Madrid. Paris, 1923. P. 44-46. Pl. XI*), но в настоящее время отвергается: голова фигуры с чертами Антиноя признана работой реставратора, группа датируется I в. до н.э. Наиболее принятое толкование – Кастор и Полидевк, совершающие жертвоприношение. См.: *Blanco A., Lorente M. Catalogo de la escultura. Museo del Prado. Madrid, 1981. P. 22–24. Lámina 14.*

<sup>7</sup> *Персефона* – в греческой мифологии – царица подземного царства, называемого по имени ее супруга, владыки загробного мира, *Гадес* или *Аид*.

<sup>8</sup> *Крылатые ассирийские быки* – так называемые шеду («ламассу»), изображения духов-хранителей, фланкировавшие входы в ассирийских дворцах. В Лувре хранятся шеду из дворца Саргона II, слепки с них для Музея изготовили значительно позже – в первой половине 1911 г.

<sup>9</sup> Имеются в виду горельефные фигуры VIII в. до н.э. из дворца ассирийского царя Саргона II в Дур-Шаррукине (Хорсабад). Они изображают героя (возможно, Гильгамеша), удушающего льва, и отличаются чрезвычайной условностью.

<sup>10</sup> *Персеполь* (Персеполис) – одна из столиц ахеменидского государства на территории современного Ирана. Грандиозный архитектурный комплекс, город-храм, основанный ок. 520 г. до н. э. для совершения торжественных ритуалов в весенний день Нового года (Ноуруза). Воздвигнут на искусственной платформе высотой свыше 12 м. В конце XIX в. этот памятник был мало изучен, систематические раскопки проводились в 30 – 70-е гг. XX в.

*Суза*, или *Сузы* (совр. Шуш, Иран) – столица древнего государства Элам. Ко времени владычества Ахеменидов относится раскопанный в конце XIX в. дворец Артаксеркса II (404–358 гг. до н.э.), украшенный рельефами из глазурованного кирпича, изображавшими шествие воинов.

Цветаевым были приобретены для Музея сделанные по луврским подлинникам: слепок верхней части колонны из Персеполя (экспонируется в Греческом дворике), слепок нижней части колонны из Суз и керамические копии двух

«стрелков» оттуда же (с 1997 г. экспонируются в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева).

<sup>11</sup> *Ильинское* – подмосковная усадьба великого князя Сергея Александровича на берегу Москвы-реки, в 4 км выше по течению от Архангельского; конечный пункт проходящего через Архангельское Ильинского шоссе (см.: *Степанов М.П.* Село Ильинское. Исторический очерк. М., 1900; Памятники архитектуры Московской области. М., 1975. Т. 1. С. 287 сл.). Любопытно, что предыдущие владельцы Ильинского, продавшие его царской семье в 1864 г., состояли в родстве с Нечаевым-Мальцовым.

## 44

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4729.

<sup>1</sup> Подразумевается облицовка.

<sup>2</sup> Этот день приходился на 11 марта.

## 45

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2334, телеграмма.

<sup>1</sup> Бумаги, о которых идет речь в телеграмме, касаются избрания в почетные члены Комитета двух названных особ. Королева эллинов (принятый в тогдaшней России титул греческой королевы), урожденная великая княжна *Ольга Константиновна* (1851–1926), дочь великого князя Константина Николаевича, сына Николая I, и жена короля Греции Георга I. Присутствовала с сыновьями Георгом и Андреем на церемонии закладки Музея. 27 марта 1899 г., в благодарность за аудиенцию и поддержку, предоставленные ею Р.И.Клейну во время его поездки в Грецию в конце 1898 – начале 1899 г., и пожертвование ряда слепков, Комитет своим письмом просил королеву принять на себя звание почетного члена Комитета (черновик письма рукой Цветаева – ф. 2, оп. I, ед. хр. 24, л. 1–2). О своем согласии Ольга Константиновна сообщила в письме к великому князю Сергею Александровичу от 24 июня 1899 г.

*Евгения Максимилиановна*, принцесса Ольденбургская, урожденная герцогиня Лейхтенбергская (1845–1925), племянница императора Александра II. Основательница общины Св. Евгении и Максимилиановской лечебницы. Также посетила церемонию закладки Музея.

## 46

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4730.

<sup>1</sup> «15 февраля 1899 г. в Московском университете началась первая студенческая забастовка. Она была организована в поддержку забастовки студентов Петербургского университета, выступивших против полицейских порядков в университете 8 февраля в день годовщины университета. К 20 февраля забастовка охватила почти все учебные заведения России, в ней приняло участие свыше 25 тысяч студентов. Студенты выступили с требованиями: 1) гарантия физической неприкосновенности личности, 2) распубликование в стенах университета той инструк-

ции, которой руководствуется полиция в своих отношениях к студентам, 3) обжалование неправильных действий полиции обычными судебными порядками.

На другой день после начала забастовки из Московского университета было отчислено 58 студентов, из них 9 человек без права поступления в Московский университет. 17 февраля администрация исключила еще 74-х студентов. Но карательная политика университетской администрации лишь усилила студенческие протесты. Студенты отказывались начать занятия до возвращения всех исключенных и сосланных студентов. В марте университет был закрыт. Студенты считались уволенными, но им предоставлялось право подачи прошений об обратном приеме» (из комментария к кн.: Страницы автобиографии В.И.Вернадского. Сост. Н.В.Филиппова. М., 1981. С. 302).

## 47

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2335, автограф.

<sup>1</sup> *Трескин Николай Николаевич* (1872–1906), племянник по матери поэта Аполлона Николаевича и академика Леонида Николаевича Майковых, ученик Цветаева, специализировался по античному искусству, с 1896 г. – хранитель Кабинета изящных искусств Университета. Член-соревнователь Комитета по устройству Музея, с 1898 г. помощник секретаря. Автор статьи «Музей изящных искусств при Московском университете» (Правительственный вестник. 1896. № 49).

## 48

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2317, телеграмма.

<sup>1</sup> Вторник пришелся на 30 марта.

## 49

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4731.

<sup>1</sup> *Троицкий Матвей Михайлович* (1835–1899), психолог и философ позитивистского направления, автор трудов по логике; основатель (1885) и первый председатель Московского психологического общества. Старший сослуживец Цветаева еще по Варшавскому университету (1872–1876) и его предшественник в качестве преподавателя истории искусств в Московской консерватории. Будучи деканом историко-филологического факультета, помогал Цветаеву редактировать Положение о Комитете и затем являлся его неперменным членом по должности (О нем как прекрасном лекторе см.: *Гершензон М.О.* Письма к брату. Изд. М. и С. Сабашниковых. 1927. С. 18–19).

<sup>2</sup> *Воронов Гордей Никитин* (Никитич), служитель Кабинета изящных искусств и древностей Университета. В 1896 г. Цветаев ходатайствовал о награждении его большой золотой медалью за долголетнюю службу (ф. 1, оп. II, ед. хр. 163, л. 1).

<sup>3</sup> Суббота – 27 марта, понедельник – 29 марта.

<sup>4</sup> Речь идет о подготовленном секретно от Нечаева-Мальцова экстренном заседании Комитета 16 марта 1899 г., на котором состоялось его чествование по

случаю 65-летия. Речь, обращенная к юбиляру попечителем учебного округа П.А.Некрасовым, и приветственная телеграмма великого князя Сергея Александровича опубликованы в: Комитет МИИ: Отчет 1899. С. 7–11. Комитет принял решение о присвоении имени Нечаева-Мальцова Египетскому залу Музея, сооружаемому на общие средства Комитета.

## 50

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4732.

<sup>1</sup> *Марукки Орацио* (1852–?), итальянский ученый-археолог, специалист по христианской археологии, главным образом по изучению римских катакомб, ученик Ж.Б. де Росси; в 1901 г. составил и издал его научную биографию. Автор многих исследований, опубликованных в 1880 – 1920-х гг. Цветаев хлопотал об ордене для Марукки в связи с тем, что на протяжении 10 лет он помогал консультациями как самому Цветаеву, так и Рейману во время работ по отбору и копированию раннехристианских фресок для Музея изящных искусств.

## 51

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2320, телеграмма.

## 52

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4733.

<sup>1</sup> *Катков Михаил Никифорович* (1818–1887), публицист консервативного направления, в 1845 – 1849 гг. профессор философии Московского университета, в 1868 г. основал в Москве Лицей имени цесаревича Николая. С 1851 г. – редактор «Московских ведомостей», с 1862 г. арендовал у Университета эту газету в качестве издателя; также издавал журнал «Русский вестник». Отрицательное отношение Каткова к либеральному университетскому уставу 1863 г. оказало влияние при выработке нового, утвержденного Александром III 23 августа 1884 г. устава, одним из основных принципов которого было лишение университетов, как рассадников вольнодумия, корпоративной автономии и подчинение их контролю министра народного просвещения. По уставу 1863 г. Совет, т.е. общее собрание, профессоров университета являлся главным органом самоуправления. Он выбирал ректора, проректора, деканов и профессоров с последующим утверждением их в должности министром народного просвещения, делил факультеты на отделения, учреждал кафедры, утверждал в ученых степенях, решал хозяйственные вопросы, рассматривал смету, утверждал постановления университетского суда. Определенное несовершенство этого устава и постепенный отход от либерализма правительственного курса вызвали потребность в его пересмотре. Деятельность назначенного в 1866 г. министром народного просвещения графа Д.А.Толстого, а также созданной в 1875 г. специальной комиссии под председательством члена Государственного совета графа И.Д.Делянова связана с подготовкой университетской реформы. Основное, что



было ею закреплено – это лишение университетского Совета права избирать профессоров, деканов, ректоров, уничтожение профессорского дисциплинарного суда над студентами, затруднение поступления в университеты малообеспеченным юношам, а также некоторым другим категориям желающих.

<sup>2</sup> *Георгиевский Александр Иванович* (1830–1911), редактор «Журнала Министерства народного просвещения» в 1866 – 1881 гг., с 1873 г. председатель Ученого комитета и член Совета министра народного просвещения. В 1870 – 1880-е гг. – один из главных авторов уставов о гимназиях, реальных училищах и университетах.

<sup>3</sup> *Любимов Николай Алексеевич* (1830–1897), физик, профессор Московского университета, ближайший сотрудник Каткова, вместе с которым в «Московских ведомостях» выступал противником устава 1863 г. С А.И.Георгиевским активно работал в комиссии Делянова. Материалы комиссии, вызывавшей враждебное к себе отношение в университетских кругах, легли в основу устава 1884 г. Утвержденный спустя три года после гибели Александра II от рук террориста (1 марта 1881 г.) в наиболее жесткой своей редакции, он не внес успокоения в студенческую среду. Волнения вспыхивали каждые два-три года, все более разрастаясь.

<sup>4</sup> *Иезубера Константин Федорович*, писарь в Правлении Университета, письмоводитель Комитета в 1898 – 1903 гг.

## 53

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4734.

<sup>1</sup> *Рахманов (Рахманов) Василий Андреевич*, статский советник. По окончании Московского университета с 1878 г. служил чиновником в Правлении и Совете университета, в 1884 – 1892 гг. – секретарем Совета, в 1892 – 1898 гг. – правитель канцелярии попечителя Московского округа. Переведен на руководящую, 3-ю по своему значению должность в министерстве по настоянию Боголепова. (Предшественником Рахманова был видный антиковед, академик В.В.Латышев.)

<sup>2</sup> Попечитель учебного округа П.А.Некрасов предложил Цветаеву должность декана историко-филологического факультета, по-видимому, 31 марта 1899 г. (см.: ф. 6, оп. I, ед. хр. 2273). Уже получив отказ Цветаева, Некрасов все же пытался уговорить его в письме от 2 апреля, где, в частности, утверждал: «Вы являетесь лицом, которое одновременно вызывает доверие правительства и сохраняет добрые отношения со всеми членами факультета. <...> Возможно было бы Вам сложить с себя обязанности секретаря Комитета, так как эти дела могут исполнять Трескин и Романов [помощники секретаря], а влияние Ваше на дела Комитета и на строительную часть останется за Вами по должности заведующего Музеем и декана. Это влияние даже возрастет» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 2274. Публикуется впервые).

<sup>3</sup> *Рот Владимир Карлович* (1848–1916), выдающийся русский невропатолог, в комментируемое время экстраординарный профессор Московского универси-

тета (с 1895 г.), в дальнейшем – директор клиники нервных болезней Московского университета, один из основателей Народного университета им. А.Л.Шанявского.

О болезни Цветаева в 1896 г. его жена Мария Александровна писала тогдашнему ректору Университета П.А.Некрасову:

«Милостивый государь Павел Алексеевич,

4-го марта, два часа спустя после того, как муж мой был у Вас и у Н.А.Зверева в канцелярии Университета, с ним случилось несчастье. Он почувствовал себя дурно на улице, домой его привели почти совсем без чувств. Приглашенные врачи, в числе их и проф. Рот, определили у него сильное переутомление мозга и всей нервной системы, требующее срочного лечения и полного отдыха от умственной работы. В настоящее время он лежит в постели и не в состоянии даже поднять головы, чтобы написать Вам хотя два слова.

Он усерднейше благодарит Вас за Ваше любезное отношение к интересам столь занимающего его дела и за сочувствие к успеху его в будущем.

Ввиду невозможности для него явиться в Совет, он почтительнейше просит Вас сказать теплое словечко о Музее членам Совета. Материалом для Вас может служить Записка, поданная им городскому голове и напечатанная в документе Думы, который представит Вам ныне хранитель Кабинета Чичагов.

По поручению проф. И.Цветаева

*М. Цветаева*

8 марта 1896 г. <...> (ЦИАМ, ф. 418, оп. 65, д. 521, л. 21–22об. Опущен постскриптум, касающийся другого вопроса.)

<sup>4</sup> В верхнем ярусе был применен ионический ордер.

<sup>5</sup> См. комм. 9 к письму 43.

## 54

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4735.

<sup>1</sup> *Рерберг Иван Иванович* (1869–1932), инженер и архитектор. В 1896 г. окончил Военно-инженерную академию. С 1898 г. вплоть до окончания строительства входил в бюро Комитета по устройству Музея в качестве помощника строителя. Наблюдал за техническим выполнением работ и вел всю отчетную документацию по строительству. Впоследствии построил в Москве несколько крупных зданий, в частности, совместно с архитектором В.К.Олтаржевским и инженером В.Г.Шуховым спроектировал, а затем руководил строительством здания Киевского вокзала (1914–1917), автор проекта и строитель здания Центрального телеграфа (1927). Вел преподавательскую деятельность.

<sup>2</sup> Представителем В.А.Александрова был Сергей Иванов (Иванович) Бусургин.

<sup>3</sup> Строительная комиссия по возведению и перестройке университетских зданий занималась в это время целым рядом построек: начато было сооружение Физического института и Химической лаборатории во дворе Старого здания Университета, а также университетского Метеорологического института на

Пресне. Контракт на поставку кирпича для перечисленных зданий готовился с подрядчиком Л.А.Байдаковым. Заимствование кирпича одной строительной комиссией у другой состоялось; судя по сохранившимся документам, Байдаков поставил Музею в 1899 г. более 260 тыс. штук кирпичей (ф. 3, оп. I, ед. хр. 15, ед. хр. 68; ед. хр. 16, л. 80; ед. хр. 25).

<sup>4</sup> *Быковский Константин Михайлович* (1841–1906), архитектор, академик с 1881 г., председатель Московского архитектурного общества в 1894 – 1897 и 1904 – 1906 гг., Второго всероссийского съезда зодчих (1895), Московского общества любителей художеств (1893–1902). Основные постройки: здание банка на Неглинной ул., комплекс университетских клиник на Девичьем поле (1887–1890), Зоологический музей Московского университета (1898–1901). Был штатным архитектором Университета.

<sup>5</sup> *Козлов Владимир Александрович* и *Гладков Владимир Логгинович*, совладельцы скульптурно-художественной мастерской, мраморной и бронзово-цинколитейной фабрики на Петербургском шоссе в Москве «Преемники А.С. Козлова В.Л. Гладков и В.А. Козлов». Эта мастерская, выполнявшая различные лепные и формовочные работы еще для памятника Александру II в Кремле, а затем изготовившая к весне 1900 г. модель Музея изящных искусств, в дальнейшем делала предназначенные для перевода в камень гипсовые модели практически всех орнаментальных и профилированных частей его здания: капителей и баз для колонн, фризов с пальметтами, акротериев, розеток и т. п.; исполняла лепные работы при отделке потолков, а позже участвовала в сборке и установке слепков в залах Музея.

Масштаб модели 1:60. По сообщению Н.Н.Клейн, вдовы Р.И.Клейна, модель была заказана на его личные средства и стоила 3 тыс. руб. (ф. 8, оп. IX, ед. хр. 12, л. 3). О демонстрации модели Николаю II в Кремлевском дворце 7 апреля 1900 г. см. комм. 2 к письму 142. Находилась в Музее до 1928 г., когда была передана в Политехнический музей (акт передачи № 1126 от 14 августа 1928 г. в ф. 5, оп. XII, ед. хр. 4, л. 288), откуда в 1930-х гг. поступила в Музей архитектуры (в дальнейшем – ГНИМА им. А.В.Щусева). Последующая судьба модели не известна.

<sup>6</sup> *Уварова Прасковья Сергеевна* (1840–1924), графиня, вдова А.С.Уварова и сестра кн. Н.С.Щербатова; археолог и коллекционер, выдающийся общественный деятель в области культуры. Получила домашнее воспитание (среди ее учителей Ф.И.Буслаев, А.К.Саврасов, Н.Г.Рубинштейн), в молодости послужила прототипом Кити Щербацкой в «Анне Карениной» Л.Н.Толстого. Деятельный сотрудник мужа в его научных и организационных трудах. После его смерти, с 1885 г. и в течение долгих лет – председатель ИМАО и его Комиссии по охране памятников, избиралась и товарищем председателя Восточной комиссии. Организатор многих археологических съездов и целого ряда исторических и художественных выставок, была также в числе главных устроителей 1-го Съезда русских художников и любителей художеств в 1894 г.; редактор «Трудов по

археологии Кавказа»; публикатор научного наследия мужа; автор археологических книг и статей, преимущественно по Кавказу, каталогов: ризницы Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле, археологических коллекций Кавказского музея в Тифлисе, уваровского художественно-археологического музея в усадьбе Поречье. Почетный член Исторического музея (с 1889 г.) и разных научных обществ; в дальнейшем – первая женщина, избранная почетным членом Московского университета (1910). Член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств. Еще задолго до образования Комитета П.С.Уварова пропагандировала цветаевское начинание и привлекла к нему нескольких жертвователей и союзников. В ОР ГМИИ хранится 118 писем Уваровой к Цветаеву за 18[84] – 1913 гг. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 4149–4266).

<sup>7</sup> *Мидия* – историческая область в северо-западной части Иранского нагорья. Царство образовалось в конце VII – середине VI в. до н.э., в 550–549 гг. завоевана персами.

<sup>8</sup> Осенью 1898 г. французский археолог *Ж-Ж.М. Де Морган* (1857–1924), бывший директор Египетского музея в Каире и основоположник изучения первобытного, додинастического Египта, а впоследствии (1902) открыватель в Сузах столба с законами вавилонского царя Хаммурапи, получил у персидского шаха право на проведение раскопок по всей Персии и от имени французского президента предложил русским ученым уступить им это право в отношении северной половины страны. Русская экспедиция не состоялась из-за отсутствия средств. Пересказанные Цветаевым слова о Музее содержатся в официальной записке Восточной комиссии ИМАО, составленной В.Ф.Миллером (ЦИАМ, ф. 454, оп. 2, д. 207, л. 12 об.). Так как Нечаев-Мальцов и некоторые другие жертвователи Музея (например Л.С.Поляков) имели торгово-промышленные дела в Персии, Цветаев, по-видимому, опасался, что под этим предлогом их могут уговорить финансировать раскопки и отвлечь от дальнейших пожертвований на Музей.

## 55

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2337, автограф.

<sup>1</sup> *Сунди Илья Анастасьевич* – российский консул в Венеции.

## 56

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4736.

<sup>1</sup> Пасха приходилась на 18 апреля.

<sup>2</sup> Сына В.А.Александрова звали *Аникита Васильевич* (1859–1923), лет 10 спустя он и сам был известным подрядчиком по строительным работам.

<sup>3</sup> Вербное воскресенье в 1899 г. пришлось на 11 апреля.

<sup>4</sup> Интересно, что Цветаев, характеризуя владимирцев, фактически говорил о своих земляках.

<sup>5</sup> *Залесский Василий Герасимович* (1847–1920-е?), адъюнкт-профессор Московского Технического училища (будущего МВТУ), строитель московских городских

прачечных недалеко от устья Яузы, особняка сахарозаводчика П.И.Харитоненко на Софийской наб. (оформление интерьеров Ф.О.Шехтеля; в настоящее время – здание посольства Великобритании) и ряда др. сооружений; вместе с Владимиром Михайловичем Чаплиным возглавлял «Торговый дом В.Залесский и В.Чаплин» (Москва – Харьков) (ф. 6, оп. I, ед. хр. 35, л. 61). Упомянутые три другие фирмы – это «Товарищество Добровых и Набогльц», «Русское товарищество инженеров, Голубев и К<sup>о</sup>» и «Техническая контора Роберта Эрихсона» (Москва – Петербург). Программа дополнительного конкурса была выработана А.Н.Демосфеновым, К.А.Казначеевым и Р.И.Клейном; премировали фирму Добровых; победителем вышел Залесский (Там же, л. 23 и 30 об).

## 57

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4737.

<sup>1</sup> Так – в память апостола Фомы – называется следующая за Святой (Пасхальной) неделя.

<sup>2</sup> См. письмо 47.

<sup>3</sup> *Кондаков Никодим Павлович* (1844–1925), историк византийского и древнерусского искусства. Ученик Ф.И.Буслаева. Один из первых в России докторов теории и истории искусства (1877). В 1871–1887 гг. преподавал в Одессе в Новороссийском университете. Профессор Петербургского университета по кафедре истории искусства в 1888 – 1897 гг.; с 1898 г. – академик Академии наук. Был также действительным членом Академии художеств с 1893 г., старшим хранителем Отделения Средних веков и Возрождения в Эрмитаже в 1890-х – начале 1900-х гг. Кондаков являлся основателем и первым директором художественной школы в Одессе; в начале 1900-х гг. занимался организацией учебных иконописных мастерских в селах Владимирской и Курской губерний.

С мая 1898 г. Кондаков возглавлял русско-французскую экспедицию по изучению древностей афонских монастырей, результаты которой представлены в его книге «Памятники христианского искусства на Афоне» (1902). Упомянутое Цветаевым сообщение Кондакова состоялось 9 апреля 1899 г. и было единственным его выступлением в ИМАО, начиная с 1889 г.

<sup>4</sup> Этот замысел не имел продолжения. В дальнейшем Кондаков опубликовал некоторые копии Реймана в качестве иллюстраций к своим ученым трудам.

<sup>5</sup> *Chipiez – Шипье Шарль* (1835–1901), французский архитектор. Построил здание Национальной школы в г. Армантьере около Лилля (не сохранилось), автор «Критической истории происхождения и формирования греческих ордоров» (1876).

*Perrot – Перро Жорж* (1832–1914), французский антиковед, профессор, член Академии надписей, один из редакторов-издателей журнала «Revue archéologique». Цветаев имеет в виду иллюстрации в их совместном труде «История древнего искусства»: *Perrot G., Chipiez Ch. Histoire de l'art dans l'antiquité*. Т. 2. Paris, 1884. Fig. 195 и fig. 216, заимствованные из издания: *Place V. Ninive et l'Assyrie. Avec des essais de restauration par F.Thomas*. Paris, 1867. Pl. 20 и 11 соответственно.

<sup>6</sup> *Thomas – Тома Феликс* (1818–1875), французский архитектор и живописец, участник раскопок *Виктора Пласа* (1819–1875) в Хорсабаде в 1850-е гг.

<sup>7</sup> Плоский свод Ассирийского зала в итоге получил кроме рельефной орнаментации цветные живописные вставки по мотивам ассирийских изображений; одному из дверных проемов дано обрамление в виде башни, увенчанной полихромными крепостными зубцами; над аркой другого (между слепками крылатых быков) воспроизведен дугообразный керамический фриз, на котором крылатые бородатые гении в тиарах чередуются с орнаментальными розетками. (Этот рисунок заимствован со второй из упомянутых таблиц Ф. Тома.)

## 58

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4738.

<sup>1</sup> На Страстную и Пасхальную недели работы прерывались в связи с официально установленными каникулами.

<sup>2</sup> *Белелюбский Николай Аполлонович* (1845–1922), профессор строительной механики Петербургского института инженеров путей сообщения с 1873 г.; крупнейший мостостроитель. По его проектам построено около 100 мостов, в т.ч. металлические железнодорожные мосты через Волгу, Обь, Днепр. Под руководством Белелюбского разработаны методы испытания стройматериалов, нормы и технические условия на железобетонные работы. С 1898 г. действительный член Комитета по устройству Музея.

<sup>3</sup> Имеется в виду здание парижского вокзала Орсе, построенное архитектором Виктором Лау к Всемирной выставке 1900 г. на набережной Сены, напротив Лувра.

<sup>4</sup> *Виноградов Павел Гаврилович* (1854–1925), профессор всеобщей истории Московского университета, исследователь средневековой Англии; с 1902 г. – профессор Оксфордского университета. Член-учредитель Комитета Музея. Основположник (под эгидой Общества распространения технических знаний) заочного высшего гуманитарного образования в России.

*Клюевский Василий Осипович* (1841–1911), выдающийся ученый, профессор русской истории Московского университета, академик; параллельно преподавал в Московской Духовной академии.

*Корш Федор Евгеньевич* (1843–1915), филолог-классик и востоковед, профессор классической филологии Московского университета, академик (1900). Инициатор приглашения Цветаева в Московский университет в 1877 г. Преподавал также на кафедре персидской словесности Лазаревского института.

<sup>5</sup> *Герье Владимир Иванович* (1837–1919), старейший профессор на историко-филологическом факультете Московского университета (ординарный профессор – с 1868 г., заслуженный – с 1889), доктор всеобщей истории; ученик П.М.Леонтьева, с которым в юности жил на одной квартире, и С.М.Соловьева, учитель М.С.Корелина, П.Г.Виноградова, Н.И.Кареева и др. известных историков. Организатор и руководитель (1872–1888; 1900–1905) первых в России Высших

женских курсов – Московских. Преподавал также в специальных классах Лазаревского института новую историю Востока. Многие годы был гласным Московской городской думы и в свое время (о чем Цветаев не знал или забыл) возглавлял думскую комиссию по подготовке празднования 25-летия царствования Александра II, предложившую создание того самого училища, для которого городом и была приобретена у казны Колымажная площадь. Этим объясняется его первоначальное сопротивление самой идее отдать ее под Музей; дальнейшее же – до середины 1898 г. – стремление Герье ограничить отводимый Музеем участок, по-видимому, было связано уже с планами возобновления Высших женских курсов и надеждой выкроить здесь землю под их будущее здание (см.: Владимир Иванович Герье и Московские Высшие женские курсы: Мемуары и документы // Сост. Г.В.Аксенова и др. М., 1997. С. 132). В 1907 – 1916 гг. Герье – член Государственного совета. Сохранились его письма Цветаеву разных лет, в основном без указания года (ф. 6, оп. I, ед. хр. 534–540).

<sup>6</sup> Деканом действительно стал *Кирпичников Александр Иванович* (1845–1903), литературовед, в прошлом – доцент (1873–1877), а затем экстраординарный профессор (1879–1885) Харьковского университета, ординарный профессор Новороссийского, т.е. Одесского университета (1885–1897); член-корреспондент Академии наук с 1894 г. С января 1898 г. Кирпичников преподавал в Московском университете, с августа 1898-го работал также в Румянцевском музее, вначале хранителем отделения христианских и русских древностей, а с 5 октября 1902 г. – библиотекарем (см. «Чины, звания и должности в России рубежа XIX – XX веков» в Приложении II). Исследователь европейской средневековой и новой русской литературы; в Московском университете читал также историю византийской литературы. Завершил начатое под ред. В.Ф.Корша издание «Всеобщей истории литературы» (ред. и автор значительной части текста 2-4 тт., СПб., 1885–1892). Возглавлял комиссию по проведению Пушкинского юбилея 1899 г. в Москве. Писал о византийском и древнерусском искусстве. В Харьковском университете в 1882 – 1884 гг. читал курсы по литературе и искусству в первые века христианства, истории итальянского искусства в эпоху Возрождения, истории русского искусства. В ОР ГМИИ хранятся 9 писем Кирпичникова Цветаеву с января 1900 г. по февраль 1903 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 1465–1473); они касаются преимущественно Румянцевского музея и факультетских дел. Говоря о «последнем шаге», Цветаев несколько не ставит под сомнение авторитет Кирпичникова, а подразумевает лишь то, что он еще не вполне обжился на новом для него факультете.

<sup>7</sup> 20 февраля 1899 г., в связи со студенческой забастовкой, начавшейся 8 февраля в Петербургском университете и распространившейся на все высшие учебные заведения столицы, а затем перекинувшейся в Москву, Киев, Харьков, высочайшим приказом была назначена комиссия под председательством генерала П.С.Ванновского, известного своими симпатиями к учащейся молодежи. В правительственном сообщении от 25 мая, отчасти основанном на данных комиссии, было указано, что причина беспорядков кроется во внутреннем распорядке

университетов и основное – это разобщенность студентов между собой, с профессорами и руководством университетов. Министр Н.П.Боголепов исходил из итогов работы комиссии, когда в июне 1899 г. созвал под своим председательством совещание, о котором пишет Цветаев. Для нормализации академической жизни министерским циркуляром от 21 июля 1899 г. предлагалось укреплять контакты учащихся с профессорами в учебной сфере, для чего шире развернуть проведение практических занятий, поощрять создание научных студенческих обществ, литературных и музыкальных кружков под наблюдением профессоров. Желательно также устраивать студенческие общежития. При этом любые студенческие организации с выборными представителями признавались безусловно вредными как возбудители мятежных настроений в среде учащихся. (См. комм. 3 к письму 213 и комм. 1 к письму 331.)

## 59

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4739.

<sup>1</sup> Диплом оформлял *Каразин Николай Николаевич* (1842–1908), художник и писатель.

<sup>2</sup> *Albert'a – Альберт* (1828–1903, король – с 1873 г.). С 1871 г. королевство Саксония с центром в Дрездене входило в состав Германской империи. Здание названо «Альбертиnum» в честь короля Альберта; официальное название располагавшегося в нем музея было иное: «Королевское скульптурное собрание». Сохранился писарский экземпляр обращения Комитета к российскому посланнику при саксонском дворе с просьбой просить короля Альберта принять звание почетного члена Комитета (ф. 2, оп. I, ед. хр. 64; сентябрь 1899). Дальнейшая судьба этого обращения не известна.

<sup>3</sup> Цветаев бывал в Дрездене в 1874, 1893 и 1895 гг. Во время последней поездки он прибыл туда из Берлина.

<sup>4</sup> Грецию Цветаев впервые посетил в 1889 г., а в Египет попал лишь в 1909 г. – в связи со 2-м Международным конгрессом классической археологии, проходившим в Каире.

## 60

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4740.

<sup>1</sup> *Стефани Лудолф Эдуард* (1816–1887), немецкий филолог и археолог, с 30 лет живший в России, академик с 1850 г. Был хранителем Эрмитажа.

<sup>2</sup> Э.Липгарт и Р.И.Клейн выработали и испытали на строительстве Музея новый рецепт цементного раствора. В воспоминаниях (1932) И.И.Рерберг пишет: «Смешанный раствор состоял из одного объема цемента, двух объемов извести и девяти объемов песка. Для приготовления раствора был построен завод с керосиновым двигателем; цемент тщательно перемешивался с просеянным сквозь сито песком, и к этой смеси прибавлялось известковое молоко из бака, куда архимедовым винтом подавалась известь из ряда творильных ям. Раствор выходил совершенно готовым, как сливочное масло, и, всегда однообразный, шел на



стройку» (ф. 73, оп. I, ед. хр. 1, л. 99. Публикуется впервые). Время подтвердило исключительную прочность раствора.

<sup>3</sup> В «Отчете Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1899 год» (М., 1900. С. 56–62) перечислены пожертвования Марии Михайловны Львовой (40 картин и 2 скульптуры). В ОР ГМИИ (ф. 6, оп. I, ед. хр. 1918–1921) имеются письма Львовой к Цветаеву.

<sup>4</sup> Упомянуты ведущие русские портретисты 2-й пол. XVIII в. и 1-й пол. XIX в.: *Левицкий Дмитрий Григорьевич* (1735–1822), *Боровиковский Владимир Лукич* (1757–1825) и *Брюллов Карл Павлович* (1799–1852); пейзажисты *Щедрин Сильвестр Федорович* (1791–1830) и *Воробьев Максим Никифорович* (1787–1855); баталист *Орловский Александр Осипович* (1777–1835); работавшие в России иностранные портретисты: англичанин *Дау (Доу) Джордж* (1775–1829) и итальянец *Тонги Сальватор (Николай Иванович)* (1756–1844); а также один из крупнейших мастеров вехи (документально точного, преимущественно городского пейзажа) венецианец *Канале*, прозв. *Каналетто*, *Антонио* (1697–1768) и главный представитель сентиментальной жанровой живописи во Франции XVIII в. *Грëз Жан-Батист* (1726–1805).

<sup>5</sup> *Львов Николай Александрович* (1751–1803/04), архитектор, поэт, художник-график, композитор, изобретатель и переводчик. Член Российской академии с 1783 г., почетный член петербургской Академии художеств с 1786 г. Представитель классицизма в архитектуре: здание Почтамта в Петербурге, собор Св. Иосифа в Могилеве (1781–1798), собор Борисоглебского монастыря в Торжке, загородные усадьбы, в т.ч. собственная усадьба Никольское возле Торжка. Перевел первую книгу «Трактата об архитектуре Палладио», издал нотное собрание русских народных песен, стихи и поэмы в духе сентиментализма. В числе пожертвованных Румянцевскому музею картин находились портреты Н.А.Львова и его жены М.А.Львовой работы Левицкого (в настоящее время в ГТГ).

<sup>6</sup> Пожертвование не состоялось.

<sup>7</sup> *Баринов Николай Иванович* (1843–19?), петербургский скульптор-портретист, владелец магазина скульптуры, принимавший участие в скульптурной отделке различных зданий. Рекомендован Цветаеву письмом В.А.Беклемишева (ф. 6, оп. I, ед. хр. 240). Просимого им заказа Баринов не получил.

## 61

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4741.

<sup>1</sup> Шестое мая – день рождения императора Николая II.

<sup>2</sup> Записка, составленная Цветаевым, опубликована (по черновому автографу) в статье: *Аксененко М.Б.* Русский художник Федор Рейман // Введение в храм: Сборник ст. [В честь И.Е.Даниловой] / Под ред. Л.И.Акимовой. М., 1997. С. 594–601, особ. 594–596.

<sup>3</sup> *Захаров Николай Алексеевич*, владелец фабрики мраморных и гранитных изделий в Москве, у Яузского моста. 18 марта 1899 г. заключил с Нечаевым-

Мальцовым контракт на выполнение половины работ по облицовке фасадов Музея белым камнем (другую половину брал на себя Г.Лист). Не получив необходимый камень, отказался от подряда, официально передав его 11 октября 1900 г. Листу. В 1902–1903 гг. выполнил облицовку внутренних лестниц Музея (кроме центральной) тарусским камнем и донским гранитом (ф. 3, оп. I, ед. хр. 17).

<sup>4</sup> *Померанцев Александр Никанорович* (1848/49–1918), архитектор, академик (1887) и действительный член Академии художеств (1892), профессор архитектуры (1892), в 1899 – 1900 гг. ректор Высшего художественного училища Академии художеств. Кроме обеих столиц, строил в Ростове-на-Дону, Челябинске, Нижнем Новгороде (художественный отдел Всероссийской выставки 1896 г.), Болгарии, Черногории. В Москве: Верхние торговые ряды, архитектурная часть памятника Александру III, храм Св. Александра Невского на Миусах (не был достроен) и др.; участвовал в проектировании станций Московской окружной железной дороги.

... дом *Кельх* – соседний с петербургским домом Нечаева-Мальцова особняк А.Ф.Кельха по ул. Сергиевская (совр. Чайковского), 28.

<sup>5</sup> *Фишер Карл (Август) Андреевич* (1859–после 1923), «фотограф Императорских Университета и театров» в Москве; с 1887 г. владелец ателье и художественной фототипии («Преемник придворной фотографии И.Дьяговченко»), в 1898–1907 гг. председатель Русского фотографического общества. В 1893 г. по представлению И.В.Цветаева и К.А.Тимирязева получил звание «комиссионера» Московского университета, а в 1898 г., также по представлению Цветаева, – звание фотографа Музея изящных искусств за многочисленные работы, выполненные в 1894–1898 гг. и пожертвованные им в Музей (ф. 1, оп. II, ед. хр. 116; ф. 2, оп. I, ед. хр. 4, л. 104, 107об.). В ОР ГМИИ (ф. 2, оп. II, ед. хр. 22–24) сохранились фотографии Фишера, показывающие панораму работ на Колымажной площади примерно в том состоянии, которое описывает Цветаев в мае 1899 г. Они явно сделаны в два разных дня, разделенных значительным интервалом. На лицевой стороне паспарту одного из отпечатков (ед. хр. 23, л. 5) оттиснуто: «1899 г.».

## 62

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4742.

<sup>1</sup> *Бенуа Леонтий Николаевич* (1856–1938), архитектор, профессор (1892–1927) и ректор (1903–1906) Академии художеств. Строил в Петербурге, Москве, Киеве, Варшаве. Цветаев упоминает о Бенуа и Померанцеве, так как оба архитектора в начале 1890-х гг. строили по заказам Нечаева-Мальцова.

<sup>2</sup> *Гёдице Роберт Андреевич* (1829–1910), академик архитектуры, в 1890-х гг. – ректор архитектурного отдела Академии художеств. Строил в Петербурге и Москве. 4 мая 1898 г., на 2-м заседании Комитета по устройству Музея изящных искусств, был избран (вместе с Н.А.Белелюбским) консультантом по технической части строительства Музея, а на следующем заседании – действительным членом Комитета.

<sup>3</sup> *Целла* – святилище античного храма, где находилась культовая статуя.

<sup>4</sup> *Щуров Сергей Петрович* (1866–1930), выпускник Московского Коммерческого училища, по воспоминаниям В.П.Зилоти – крестник и стипендиат П.М.Третьякова, сын его бухгалтера П.И.Щурова. В 1896 – 1909 гг. работал в Румянцевском музее, сначала – чиновником канцелярии и библиотеки, с 1897 г. фактически выполнял еще и обязанности помощника хранителя Отделения изящных искусств и классических древностей (с 1900 г., после введения штатной единицы, состоял в этой должности), с 1907 г. – хранитель отделения. Член Московского Нумизматического общества. Сотрудником Музея изящных искусств не стал.

## 63

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4743.

<sup>1</sup> *Гуго Максимович Вогау*, упоминаемый ниже *Конрад Карлович Банза* и *Мориц Филиппович Марк*, руководители крупной фирмы по доставке строительных материалов «Вогау и К<sup>о</sup>» (Москва – Петербург – Лондон). Все трое – члены-учредители Комитета. Их совместного пожертвования не хватало на постройку какого-либо отдельного зала, чем и вызваны уныние и шутки, о которых говорится в письме. Надежды Цветаева на их дальнейшие пожертвования не оправдались.

<sup>2</sup> На средства братьев *Адольфа* (1843–1913?), *Эмиля* (1848–после 1913) и *Евгения* (1841–после 1913) *Евгеньевичей Армандов* был в дальнейшем сооружен зал эпохи Возрождения в Германии и Франции (см. ил. 74, зал XXII). Имени их отца, потомственного почетного гражданина Евгения Ивановича Арманда, зал не носил.

<sup>3</sup> Заседание происходило 7 мая 1899 г. (ф. 3, оп. I, ед. хр. 26, л. 13).

## 64

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4744.

<sup>1</sup> Речь идет о ходатайстве, по которому Комитет получит право на беспошлинный ввоз из-за границы 31 тыс. пудов (502,2 тонны) железных балок и фасонного железа, в том числе для оконных переплетов, и на их перевозку по казенным железным дорогам со льготной оплатой 0,01 коп. «с пудоверсты» (ф. 3, оп. I, ед. хр. 44, л. 2 – черновик с правкой Цветаева; л. 10 – положительный ответ от 12 июня 1899 г. за подписью министра финансов С.Ю.Витте). Имя Александра III, безусловно, помогло Музею в получении этих льгот.

<sup>2</sup> Великий князь посетит стройку Музея лишь 14 июля 1904 г.

<sup>3</sup> *Рерберг Иван Федорович* (1831–1917), в 1852 г. окончил Институт инженеров путей сообщения в Петербурге, с 1857 по 1893 г. служил в Главном обществе Российских железных дорог. Председатель комиссии по надзору за устройством в Москве водопровода и канализации с 1889 г., по постройке зданий Московского инженерного училища – в 1897– 1899 гг.

## 65

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4745.

<sup>1</sup> *Хедив* – официальный титул правителя Египта.

<sup>2</sup> Таким образом, Бругш получил более высокую награду, чем министр.

<sup>3</sup> Михаил Яковлевич Брусов, сын владельца, представитель фирмы «Я.А.Брусов. Гранит и гранитные работы» (Петербург).

<sup>4</sup> Найти сведения об этих репортерах не удалось.

## 66

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2338, телеграмма.

## 67

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4746.

<sup>1</sup> *Веденятин Александр Алексеевич* (1845–после 1910), военный инженер, генерал-майор (впоследствии генерал-лейтенант), заслуженный ординарный профессор строительного искусства в Николаевской инженерной академии и училище Генштаба в Петербурге; преподавал также в Петербургском технологическом институте. В 1890 – 1891 гг. издал «Курс отопления и вентиляции».

<sup>2</sup> Имеется в виду Георгий Эмильевич Липгарт, инженер-механик.

## 68

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4747.

<sup>1</sup> Доставка началась в июне.

<sup>2</sup> *Готье Лев (Леон) Владимирович*, владелец склада двутавровых прокатных балок (железо, чугун) в Москве.

<sup>3</sup> Контора строительства Музея, временка, сооруженная на площади Колымажного двора летом 1898 г.; в ней, в частности, проходили многие заседания Строительной комиссии.

<sup>4</sup> Пуд составлял 40 фунтов; таким образом, Листу и Захарову, подрядившимся обрабатывать камень, материал должен был обойтись примерно на  $\frac{1}{5}$  дороже, чем они ранее предполагали.

## 69

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4748.

<sup>1</sup> Ходатайство оказалось ненужным вследствие произведенного как раз в это время общего снижения стоимости грузовых перевозок по железной дороге Петербург – Москва (гранит добывался под Петербургом).

1 верста = 1,0668 км; 1 пуд = 16,380496 кг. Перевозка 1 т гранита от Сердобоя до Москвы (ок. 1050 км по ж/д) обходилась бы примерно в 6 р. 01 коп..

Упомянутый ниже «особый чиновник» – А.П.Гжельский.

<sup>2</sup> То есть великий князь неожиданно, наездом из Ильинского, оказался в Москве и здесь попросил вновь отредактированную бумагу на подпись.

<sup>3</sup> Лечение у доктора *Исмара Боаса* (1858–?) не дало результата, как и обращение к другому берлинскому врачу, Лейдену. 24 июля 1899 г. А.Д.Мейн скончался в Москве.

<sup>4</sup> Речь идет о Мейне и его второй жене, Сусанне Давыдовне Мейн.

<sup>5</sup> Мария Александровна Цветаева с дочерьми *Мариной* (1892–1941) и *Анастасией* (1894–1993). Возможно, имеются в виду также дети от первого брака Цветаева с В.Д.Иловойской – Валерия (1883–1966) и Андрей (1890–1933). В Тарусе, уездном городе Калужской губ., а точнее – в его пригороде, семья Цветаевых проводила летнее время с 1891 г. С 1892 по 1910 г. Цветаевы арендовали деревянную двухэтажную дачу в Песочном под Тарусой, на которой жили с перерывами начиная с 1893 г. «Городок этот я узнал уже много лет спустя по окончании курса географии Ободовского, в котором этого наименования и не значилось. Да и узнал-то я его единственно потому, что моя двоюродная сестра вышла замуж за молодого врача [*Елена Александровна* (1857–1939) и *Иван Зиновьевич* (1856–1919) *Добротворские*], получившего назначение в Тарусу. Родные после подыскали нам в окрестностях маленькое именишко под дачу: вот мы 4-й год и проводим здесь по летам. Места по верхнему течению Оки гористые, обильные лесом и водою, усеяны помещичьими усадьбами; общий ландшафт веселый, чему в значительной степени способствует сама Ока с ее пароходами, плотами, барками. Эти быстро снующие пароходы, эти барки, влекомые на канатах лошадьми, медленно плетущимися по обоим берегам реки, наконец, эти плоты, спускающиеся сами собой по течению воды без всякого кормила, кроме длинных шестов плотогонов, этой удивительной породы людей, проводящих с ранней весны до замерзания рек жизнь на воде, на своих бревнах, образующих их плоты – служат тремя стадиями развития России, новейшей, древней и даже доисторической» (Из письма Цветаева к В.И.Модестову 26 мая 1895 г. НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 301–301об. Публикуется впервые). Летом 1906 г. в этом доме от туберкулеза скончалась М.А.Цветаева. Дача известна также по последним работам художника В.Э.Борисова-Мусатова, который в 1905 г., в отсутствие Цветаевых, снимал ее и здесь же умер. В 1960-е гг. разобрана за ветхостью.

## 70

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4749.

<sup>1</sup> Речь идет о библиотеке графа *Арсения Андреевича Закревского* (1783–1865), военного генерал-губернатора Москвы в 1848 – 1859 гг.

*Ивановское* – на берегу р. Пахры, в настоящее время в черте г. Подольска. Усадьбный комплекс рубежа XVIII – XIX вв., выстроенный для гр. Ф.А.Толстого, затем дополнялся и несколько перестраивался при Закревских (см.: Памятники архитектуры Московской области. Т. 2. М., 1975. С. 114–116). Летом 1896 г., когда усадьба принадлежала графине С.В.Келлер, в ней снимал дачу Н.Н.Трескин (см.: ф. 6, оп. I, ед. хр. 4036). От Келлер имение перешло за неуплату долгов

к одному из знаменитых московских благотворителей и владельцев «Товарищества кожевенной и суконной мануфактур Алексея Бахрушина сыновей» – Александру Алексеевичу Бахрушину, отцу основателя Театрального музея; позднее, накануне Февральской революции 1917 г., Бахрушины подарили его Москве для устройства приюта для беспризорных детей (см.: *Думова Н.Г. Московские меценаты*. М., 1992. С. 288 сл).

<sup>2</sup> Третьи экземпляры (от фр. *triples*, утраивать).

<sup>3</sup> Год отмены крепостного права.

<sup>4</sup> Вошедшие в поговорку персонажи очерков М.Е.Салтыкова-Щедрина «Убежище Монрепо» (1878–1879) – Анатолий Иванович Разуваев и Иван Прокофьевич Колупаев.

<sup>5</sup> *Марков Алексей Константинович* (1858–?), нумизмат, библиограф, знаток классической древности и Востока, один из хранителей в Эрмитаже. Обращался к Цветаеву с предложением продать Музею свою личную библиотеку по классической археологии (письма от 12 июля и 24 сентября 1898 г.// ф. 6, оп. I, ед. хр. 1983, 1984). На заседании Комитета 18 октября 1898 г. по настоянию попечителя учебного округа П.А.Некрасова было решено вести переговоры с Марковым о приобретении его книг не для Музея, а для фундаментальной библиотеки Университета (ф. 2, оп. I, ед. хр. 4, л. 108 об).

<sup>6</sup> *Орлов-Давыдов Сергей Владимирович*, граф, действительный статский советник, камергер Высочайшего двора.

26 мая 1899 г. проходили торжества по поводу 100-летия со дня рождения поэта.

<sup>7</sup> О каких-либо пожертвованиях Орлова-Давыдова Музею, сделанных до описываемого визита к нему Цветаева, не известно. Письмом от 1 июня 1899 г., т.е. два дня спустя после комментируемого письма Цветаева, граф отказался от предложенного ему членства в Комитете, но заявил о готовности пожертвовать 1500 руб. на приобретение «живописных копий с равеннских мозаик, с [живописи] сицилийских церквей византийской эпохи или тому подобного» (ф. 2, оп. I, ед. хр. 60). В буклетах Музея 1912 г. 3 копии равеннских мозаик обозначены как «дар И.А.Колесникова и графа С.В.Орлова-Давыдова».

## 71

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4750.

<sup>1</sup> *Altes Museum* (Старый музей) в Берлине – построен архитектором Карлом Шинкелем в 1824 – 1830 гг. Упомянутая ниже ионическая колоннада (*портик* музея) расположена на высоком цоколе. Она насчитывает 18 колонн и занимает всю длину фасада. На колоннаду ведет лестница 30-метровой ширины. Особенностью здания является отсутствие передней стены у расположенного за центральной частью портика вестибюля, так что ведущая на 2-й этаж лестница видна снаружи сквозь колоннаду.

<sup>2</sup> *Lustgarten*, букв. «Увеселительный сад» – сквер, находившийся перед входом в музей, остаток прежних садов, разбитых напротив Королевского дворца.

В 1890-е гг. в Старом музее на первом этаже размещалось собрание подлинной скульптуры (Ассирия, античность, Средние века и Возрождение), на втором этаже – картинная галерея (живопись старых европейских мастеров). Здание восстановлено после бомбардировок 1943 – 1945 гг. в 1958 – 1966 годах.

<sup>3</sup> *Neuer Museum* (Новый музей) – построен в 1843 – 1855 гг. архитектором Фридрихом Августом Штюлером, учеником Шинкеля, позади Старого музея, к которому обращен южной, торцовой стороной и с которым был соединен переходом на уровне второго этажа. В 1890-е гг. в Новом музее располагались: в цокольном этаже – Египетский музей, Этнографический музей, зал Северных (германо-скандинавских) древностей; на втором этаже – собрание слепков в 12 залах (Ассирия, античность, Средние века и Возрождение); на третьем этаже – гравюрный и нумизматический кабинеты и антикварий (собрание мелких древностей, в том числе античные вазы и бронзовая скульптура).

*Национальная галерея* – музей немецкого искусства XIX, а затем и XX вв. В его основу легло собрание консула Вагнера (262 картины), завещанное государству в 1861 г. Здание построено архитектором Штраком по проекту Штюлера и эскизу Фридриха-Вильгельма IV, открыто в 1876 г. Музей стоит посреди двора, окруженного упомянутой Цветаевым дальше *доригеской колоннадой*. Ее западная, несохранившаяся, сторона образовывала портик фасада Нового музея.

*Музейский остров* – Главные художественные музеи Берлина сгруппированы в центре города, занимая более половины острова на Шпрее, в южной части которого находился императорский дворец («Королевский замок»).

*Пергамский музей* был открыт в 1901 г., архитектор Ф. Вольф. Здание строилось для размещения в нем античных памятников, найденных немецкими археологами при раскопках в Малой Азии: в Пергаме (1878–1886), Магнесии (1891–1893) и Приенне (1895–1899). До открытия специального здания экспонаты помещались в собрании скульптуры Старого музея.

Говоря о «Музейском острове», Цветаев не упоминает еще двух музеев: расположенного между Новым и Пергамским небольшого корпуса Переднеазиатского музея (в нем экспонировались также слепки со скульптур Олимпии) и строившегося за Пергамским музеем на северо-западной оконечности острова Кайзер-Фридрих-музеума (предназначался для европейского искусства эпохи Возрождения и Нового времени; открыт в 1904 г.; в дальнейшем – Бодде-музеум).

<sup>4</sup> То есть на 2-м этаже Нового музея. Впрочем, в Старом музее была хорошая коллекция оригиналов (ср. след. письмо).

<sup>5</sup> О Цветаевской поездке 1895 г. см. комм. 3 к письму 30 и Приложение I. Первоначально Цветаев задумывал только создание Музея античного искусства, имея в виду, кроме греческого и римского, искусство так называемого Классического Востока (Египет и Передняя Азия). Пополнение Музея слепками средневековых и ренессансных произведений он рассчитывал тогда оставить

на долю продолжателей (см.: Письмо к Модестову от 26 мая 1895 г.// НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 300–304об.).

## 72

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4751.

<sup>1</sup> *Фишер Старший Петер* (ок. 1460–1529), глава нюрнбергской литейной мастерской. В Нюрнберге работали также *Крафт Адам* (ок. 1460–1508/09), *Штос Фейт* (*Ствош Вит*; 1447–1533) и другие крупные скульпторы Возрождения.

<sup>2</sup> *Донателло*, собственно Донато ди Никколо ди Бетто Барди (ок. 1386–1466), итальянский скульптор Раннего Возрождения, представитель флорентийской школы. В цветаевской экспозиции 1912 г. его творчество было показано слепками большого ряда важнейших произведений: «Св. Георгий», бронзовый «Давид», бюст св. Лаврентия, рельефы «Пир Ирода» и «Благовещение» и др. Отсутствуют, однако, недооцененные искусствованием цветаевского времени «Богоматерь с младенцем» из Падуанского собора, «Юдифь» и горельефы кафедр флорентийской церкви Сан Лоренцо.

*Микеланджело Буонарроти* (1475–1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор и поэт Высокого и Позднего Возрождения. Его скульптурам в цветаевском Музее посвящен целый зал. При этом характерно для эпохи создания Музея отсутствие незаконченных статуй Микеланджело и его последнего «Оплакивания», художественная ценность которых в полной мере осознана уже следующими поколениями.

<sup>3</sup> *Роббиа дельла Лука* (1399 или 1400–1482), *Андреа* (1435–1525), *Джованни* (1469–после 1529), семья флорентийских скульпторов эпохи Возрождения, впервые применивших технику цветной майолики в рельефе и круглой пластике.

<sup>4</sup> Гатчина упомянута как место летнего пребывания П.В.Жуковского.

<sup>5</sup> Имеется в виду, очевидно, Музей изобразительных искусств (Szépművészeti Múzeum) в Будапеште, построенный в 1900–1906 гг. (архитекторы А.Шикеданц и Ф.Херцог). Кроме собрания слепков, однако, Будапештский музей с самого начала содержал подлинную скульптуру, гравюрный кабинет (110 тыс. листов на 1913 г.) и значительную коллекцию живописи, включая 486 картин, приобретенных в 1871 г. из собрания герцогов Эстергази. В этом музее, в частности, была лучше всего в Европе (не считая самой Испании) представлена старая испанская живопись.

<sup>6</sup> *Верроккио Андреа дель* (наст. – Андреа ди Микеле Чони; 1435 или 1436–1488), итальянский скульптор, живописец и ювелир эпохи Раннего Возрождения, представитель флорентийской школы. Кроме слепка с памятника Коллеони в Музее со дня его открытия в 1912 г. экспонируются воспроизведения следующих скульптур Верроккио: «Давид», «Молодая женщина с цветком» и фонтанная статуя «Мальчик с дельфином».

*Коллеони* – кондотьер (предводитель наемных отрядов) XV в. Слепок с этого знаменитого монумента (1479–1488), стоящего перед собором Святых Иоанна



и Павла в Венеции, был заказан для Музея в отливочной мастерской Королевских музеев в Берлине в конце 1904 г. (ф. 2, оп. I, ед. хр. 68, л.21, 22, 29). В январе 1908 г. Цветаев докладывал Комитету, что слепок находится в Музее, сделан на средства кн. З.Н.Юсуповой и его монтировка в экспозиции Христианского дворика начнется в ближайшие недели (см.: Комитет МИИ 1908. С. 43, 71–72). В марте 1911 г. он же упоминается как стоящий на своем месте в экспозиции, хотя еще не тонированный под бронзу (см.: Комитет МИИ 1911. С. 63–64).

<sup>7</sup> *Гаттамелата* (в переводе с итальянского – лъстивая кошка), собственно Эрasmus ди Нарни, кондотьер XV в. Памятник ему (1447–1453) работы Донателло находится в Падуе перед собором Св. Антония и является первым по времени конным монументом эпохи Возрождения. В 1908 г. Цветаев высказывал сомнение в возможности найти для слепка с него удачное место в Музее (см.: Комитет МИИ 1908. С. 72–73). Он был заказан гораздо позже и поступил уже в 1912 г. (см.: Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1912 г. М., 1913. С. 26, 3-ей пагинации). Экспонируется в том же «дворике», где и «Коллеони». Жертвователю, оплатившему заказ, и мастерская-изготовитель не установлены.

Письма 73 и 74 в рукописи ошибочно помещены в обратном порядке, так как переписчик не учел, что первое из них датировано по новому стилю.

### 73

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4753.

<sup>1</sup> *Майано Бенедетто, да* (1442–1497), итальянский скульптор и архитектор конца кватроченто. В экспозиции московского Музея были выставлены гипсовые отливы с рельефов церковной кафедры со сценами из жизни св. Франциска Ассизского, два ангела со светильниками, бюст Пьетро Меллини и копии некоторых других его произведений.

*Сансовино*, собственно Конгуччи, *Андреа* (ок. 1460–1529), итальянский скульптор и архитектор. Цветаев выбрал из его работ аллегорические фигуры с гробницы кардинала Джироламо Бассо (оригинал в Риме). Возможно, Цветаев упоминает о *Якопо Сансовино* (1486–1570), ученике предыдущего. Его творчество было представлено в Музее статуей Ваха и рельефом с изображением Богоматери со святыми.

*Росселино Антонио* (1427–1478), итальянский скульптор. В Москве экспонируются слепки «Надгробного памятника кардинала португальского», статуи юного Иоанна Крестителя (оба оригинала во Флоренции), а также портретных бюстов Маттео Пальмьери и неизвестного флорентийца.

<sup>2</sup> Речь идет о работе Жуковского над памятником Александру II.

<sup>3</sup> *Quattrocento* – Кватроченто (букв. четыреста), принятое в итальянском языке наименование XV в.; в периодизации истории искусств – эпоха Раннего Возрождения в Италии.

<sup>4</sup> *Фьезоле Минно, да* (1431–1484), итальянский скульптор, ученик Дезидерио да Сеттиньяно. Для Москвы были заказаны, в частности, слепки с его портретных бюстов епископа Салютати, графа Ринальдо дела Луна, Никколо Строцци.

<sup>5</sup> *Cinquecento* – Чинквеченто (*бука.* пятьсот), XVI в., эпоха Высокого Возрождения в Италии.

<sup>6</sup> *Строцци* – влиятельная флорентийская семья, известная со 2-й пол. XIII в.; последний член рода умер в 1908 г. Из скульптурных произведений, связанных с этой семьей, в Берлинские музеи попали: знаменитый мраморный бюст работы Дезидерио да Сеттиньяно, изображающий, как считают, Мариетту Строцци; бюст Никколо Строцци, приписываемый Мино да Фьезоле, и терракотовый бюст Филиппо Строцци, предположительно работы Бенедетто да Майано. Ни один из них, впрочем, не был приобретен непосредственно у потомков фамилии Строцци.

<sup>7</sup> *Бодэ Вильгельм* (1845–1929), историк искусства, музейный деятель, исследователь итальянской и немецкой скульптуры эпохи Возрождения, старой голландской и фламандской живописи; с 1872 г. работал в берлинских Королевских (позже – Государственных) музеях, в дальнейшем, с 1906 по 1920 г. – их генеральный директор.

<sup>8</sup> Национальный музей во Флоренции. Основан в 1854 г. в старинном (XIII – XIV вв.) дворце флорентийского правительства, известном под более поздним названием «палаццо Барджелло» (*bargello* – глава судебно-полицейской власти с 1528 г.). Знаменит своим собранием флорентийской скульптуры эпохи Возрождения.

<sup>9</sup> *Gewerbe Museum* – собственно, *Kunstgewerbe Museum* (Художественно-промышленный музей, музей прикладного искусства). Находился на Потсдамской площади.

<sup>10</sup> Однодневная выставка, организованная Московским обществом любителей художеств под председательством архитектора К.М.Быковского 11 марта 1897 г. На ней были показаны оригинальные произведения, слепки, фотографии и репродукции из частных собраний, а также из ИМАО и университетского Музея. «Мадонна» из собрания великого князя Сергея Александровича опубликована в кн.: В память выставки изображений Богоматери. М., 1897. Таб. 41. Дальнейшая судьба произведения не известна.

## 74

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4752.

<sup>1</sup> *Шрёдер Франц* (ок. 1867–1900).

<sup>2</sup> *Кверга Якото, дела* (ок. 1374–1438), итальянский скульптор эпохи Раннего Возрождения. Из его творчества в экспозиции Музея были представлены в слепках алтарь семьи Трента, надгробие Иларии дель Каретто (оба оригинала в Лукке), статуя Богоматери с Младенцем и рельефы с портала церкви Св. Петрония в Болонье.

<sup>3</sup> То есть до основания Рима (754/753 г. до н.э.)

<sup>4</sup> В 1898 г. в Комитет от инженера, инспектора равеннских памятников *Алессандро Рануцци* (?–1900), распорядителя творческого наследия равеннского археолога *Филиппо Ланчани* (?–ок. 1894), поступило предложение о приобретении его коллекции. 110 таблиц, сделанных на бумаге (75 из них окончены), частью исполненные в красках и снабженные аннотациями, представляли собой копии с архитектурного и мозаичного украшения византийских построек в Равенне. Работы эти выполнялись Ланчани с участием помощников в течение многих лет. По поручению великого князя Сергея Александровича они были осмотрены Р.И.Клейном во время пребывания в Италии по делам Музея в начале 1899 г. и получили его положительный отзыв. Некоторые из них в дальнейшем были приобретены для Музея. См. комм. 1 к письму 143. Сохранилась копия первого письма Рануцци великому князю от 21 июля 1898 г. (ф. 2, оп. I, ед. хр. 24, л. 4–5).

## 75

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4754.

<sup>1</sup> Среда приходилась на 21 июля.

## 76

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4755.

<sup>1</sup> «Облицовка цоколя здания велась из серого сердобольского гранита с прокладкой по швам полосами рольного свинца, свинец придавливался тяжестью камней, а с лица обрезаля и расчеканивался, так что швы получались герметически закрытыми, а образовавшийся в скором времени свинцовый глёт делал шов стойким на вечные времена» (И.И.Рерберг. Воспоминания. Ф. 73, оп. I, ед. хр. 1, л. 100. Публикуется впервые).

<sup>2</sup> *Храм Тесея* (ныне определяется как храм Гефеста, Гефестион) на рыночной площади в Афинах (между 440 и 430 гг. до н.э.), наиболее сохранившийся памятник эпохи Перикла.

*Парфенон* – храм Афины Парфенос (Девы) на афинском Акрополе, архитекторы Иктин и Калликрат (447–438 гг. до н.э.), скульптурные работы под руководством Фидия велась до 432 г. до н.э. Относится к числу шедевров древнегреческой архитектуры периода зрелой классики.

<sup>3</sup> В Пестуме (греческой Посейдонии) на юге Италии сохранились остатки нескольких дорических храмов VI и V вв. до н.э. Цветаев, вероятно, подразумевал так называемый храм Посейдона (по последним данным – II храм Геры), наиболее величественный и лучше всего сохранившийся храм второй четверти V в. до н.э. В Сицилии известны многочисленные греческие храмы периода архаики и классики в Сиракузах и Селинунте.

<sup>4</sup> Имеются в виду, очевидно, следующие издания: *Иванов С.А.* Архитектурные исследования. Вып. 1. Греция. Берлин, 1892; *Stuart J., Revett N.* The Antiquities of Athens. Vol. I – IV. London, 1762–1816; Supplement, 1830; *Michaelis A.* Der Parthenon.

Leipzig, 1870–1871; *Sauer B.* Das sogenannte Theseion und sein plastischer Schmuck. Leipzig, 1899.

*Иванов Сергей Андреевич* (1822–1877), младший брат Александра Иванова, автора «Явления Христа народу»; архитектор, посвятивший себя изучению античного зодчества; действительный член Немецкого археологического института в Риме. Завещал этой организации средства на проведение раскопок, при условии издания институтом оставленных им Румянцевскому музею произведений брата и своих собственных архитектурных обмеров и реконструкций. (См., в частности: *Цветаев И.В.* По поводу статьи «Иллюстрации А.А.Иванова»//Московские ведомости. 1893. 7 июля. № 184. С. 3–4. Полный текст дается в Приложении I). Обмеры в Греции С.А.Иванов производил в 1857 г.

Живописец *Джеймс Стюарт* и архитектор *Никлас Реветт* обследовали Афины в 1751–1753 гг., Реветт являлся также участником английской научной экспедиции 1764 г. в Ионию.

*Михаэлис Адольф* (1835–1910), профессор Страсбургского университета, помимо указанной монографии о Парфеноне автор книг «История Немецкого археологического института» (1879), «Античные мраморы в Великобритании» (1882), «Художественно-археологические открытия за сто лет» (1905, есть русский пер. под ред. В.К.Мальмберга), нескольких переработок 1-го тома «Руководства по истории искусств» А.Шпрингера (с 1898 г.) и др.

*Зауэр Бруно* известен был также статьями о фронтонах храмов Эгины и Олимпии.

## 77

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4756.

<sup>1</sup> *Владимир Александрович* (1847–1909), великий князь, третий сын Александра II, брат Сергея Александровича. Генерал от инфантерии (пехоты) с 1880 г., командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1881–1905), в 1869 – 1876 гг. товарищ президента, а с 1876 г. – президент Академии художеств. Почетный член Комитета. С 1874 г. женат на великой княгине *Марии Павловне старшей* (1854–1920), урожденной принцессе Мекленбург-Шверинской, после смерти мужа в 1909 г. сменившей его в качестве президента Академии художеств. Один из залов Музея (зал Микеланджело) носил его имя.

<sup>2</sup> Физиологический институт медицинского факультета Московского университета в настоящее время принадлежит Российской Академии медицинских наук. Здание института находится во дворе Старого здания Университета на Моховой ул.; открыто 10 октября 1893 г. (архитектор К.М.Быковский) на месте так называемого Старого анатомического театра (подробное описание помещений см.: Московские ведомости. 1893. 11 октября. № 280. С. 2–3). Цветаев побывал в Физиологическом институте на заседании 1-го Съезда русских художников и любителей художеств 29 апреля 1894 г. Колонны над лестницей, единственные внутри этого здания, – не ионические, а (по крайней мере, теперь) коринфские с гладким стволом.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4757.

<sup>1</sup> Цветаев ошибается, Нечаев-Мальцов стал придворным уже на пятом десятке лет своей жизни. Что касается русских царей, то они и раньше, конечно, навещали Московский университет (например Александр III 16 мая 1893 г. осматривал новые университетские клиники на Девичьем поле). Но превращение внутриуниверситетского события в мероприятие государственного уровня произошло на закладке Музея действительно впервые.

<sup>2</sup> Одна из приманок Цветаева, способствовавших сбору средств на строительство Музея: лица, выделившие деньги на сооружение того или иного зала, получали, согласно Положению о Комитете, право ходатайствовать о присвоении этому залу любого имени. Называли и свое, но чаще – своих родственников или членов царской семьи. Имя самого жертвователя на зал в любом случае тоже сообщалось в печати, а с момента открытия Музея – в буклетах, путеводителях и в специальной надписи в зале. Жертвователь имел право голоса в Строительной комиссии при обсуждении вопросов, касающихся «его» зала.

<sup>3</sup> Едва ли Цветаев читал само письмо королевы от 24 июня 1899 г. Он приводит эти слова по уведомлению, посланному великим князем 8 июля в Комитет (ф. 2, оп. I, ед. хр. 24, л. 14), где они процитированы.

<sup>4</sup> Содержание отрывка, следующего за утерянным листом копии, возвращает нас к предыдущему письму и соответствует письму Цветаева Клейну от 7 августа (см.: Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. I. С. 86 сл): «В Физиологическом институте базы колонн ионического шаблона были обиты», то есть повреждены ногами ходящих, «через один год не только в штукатурке, но даже и в кирпичах». Ссылаясь на этот пример, Цветаев пишет, что низы колонн в галерее Античного дворика и в лоджии Христианского «необходимо обезопасить от сапогов студентов и публики...»

<sup>5</sup> Низ колонн остался кирпичным, но обложен дополнительным слоем кладки.

<sup>6</sup> *Мизерии* – убогости (*латинизм*). Непонятое переписчиком слово восстанавливается по вышеуказанному письму к Клейну.

<sup>7</sup> В лоджии Греческого дворика четыре колонны, в Итальянском вдоль главной лестницы – две между двумя пилонами.

<sup>8</sup> Так было на плане 1896–1897 гг. (см. ил. 64).

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4758.

<sup>1</sup> *Усово* – часть подмосковной вотчины великого князя Сергея Александровича, село на южном берегу реки Москвы, напротив Ильинского. 5 сентября (ст. стиля) – день святых Захарии и Елизаветы, родителей Иоанна Крестителя; тезоименитство великой княгини Елизаветы Федоровны.

<sup>2</sup> Речь идет о намерении попечителя Московского учебного округа посетить входившее в этот округ Ремесленное училище им. И.С.Мальцова во Владимире (на Московской улице, у Золотых ворот) в его «актовый день», проводившийся по традиции в годовщину открытия, 14 ноября. Училище, считавшееся одним из лучших в Европе по технической оснащенности и обеспечению быта учащихся, было основано Нечаевым-Мальцовым в память его дяди по матери, от которого он унаследовал, вместе с фамилией, многочисленные предприятия, дом в Петербурге и капитал. (500 тыс. руб. на училище были завещаны самим Мальцовым, еще 250 тыс. и земля для постройки здания пожертвованы Нечаевым-Мальцовым.)

Будучи официальным попечителем училища, Нечаев-Мальцов делал всё возможное, чтобы дух политической борьбы в стране не заразил учеников; словно по иронии судьбы уже через год после его смерти училище окончил А.В.Бельшев, большевистский комиссар на крейсере «Аврора», командовавший им 25 октября 1917 г. См. о Мальцовском училище: *Булгаков А.И.* Наш техникум. Очерки истории Владимирского авиамеханического техникума им. А.В.Бельшева. Ярославль, 1985. С. 5–9, илл. после с. 32.

<sup>3</sup> Ближайший понедельник приходился на 6 декабря. Речь идет о представлении Нечаева-Мальцова к ордену за деятельность по владимирскому училищу. Особенностью характера Цветаева было то, что он постоянно хлопотал о помощи или наградах различным людям: ученым, лицам, так или иначе содействовавшим его работам, благотворителям, просто просителям, знающим эту его черту. Тем более он считал нужным ходатайствовать в пользу жертвователей Музея. Выяснится, однако, что за названную заслугу орден Нечаеву-Мальцову уже был вручен тремя годами раньше.

<sup>4</sup> Заседание на вторник, 7 сентября, назначено не было; ближайшее заседание состоялось 28 октября.

## 80

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2340, автограф.

<sup>1</sup> *Ректор* – А.А.Тихомиров. Ректор Университета в силу своей должности был непременным членом Комитета Музея и председателем его Строительной комиссии; формального права замещать председателя Комитета или его товарища он не имел.

## 81

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4759.

<sup>1</sup> Товарищу министра – Н.А.Зверев. Выплата из казны Музею состоялась 11 октября 1899 г., см.: Комитет МИИ: Отчет 1899. С. 30. Там же отмечен аналогичный кредит в 30 тыс. от 17 марта.

<sup>2</sup> На счетах Университета, отпускавшего деньги Строительной комиссии порциями, хранились суммы, пожертвованные частными лицами на строительство Музея. Очередная порция перечислена 28 сентября (см. письмо 83).

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4760.

<sup>1</sup> Как ни странно, это происходило в воскресенье.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4761.

<sup>1</sup> М.Я.Брусков приехал в Москву 15 сентября.

<sup>2</sup> Имеются в виду правый и левый боковые фасады. Работа была выполнена в указанный срок. Антиповский переулок – ныне Колымажный; Малый Знаменский переулок изгибается под прямым углом, так что Музей выходит на него и левым, и задним фасадами.

<sup>3</sup> Ордена и медали давались одному и тому же лицу в строгой последовательности (от низшей награды к высшей) и не чаще, чем раз в 5 лет, за исключением экстраординарных случаев. (Упоминание ниже «трех лет» – недоразумение.)

*Прове Иван Карлович* (1833–1901) – член-учредитель Комитета по устройству Музея; пожертвовал 17 июля 1898 г. 20 340 рублей на зал для библиотеки (см. ил. 74). Потомственный почетный гражданин, коммерции советник, в 1890-е гг. крупнейший поставщик хлопкового сырья предприятиям центральной России, владелец фирмы «Л.Кноп и К<sup>о</sup>»; член советов ряда московских банков и Учетно-ссудного комитета по торгово-промышленным кредитам при московской конторе Государственного банка; благотворитель. Заинтересовать его делами Музея Цветаеву помог в начале 1898 г. Л.С.Поляков; сам Прове содействовал вступлению в Комитет своего родственника И.Ю.Шульца.

*Рукавишников Иван Михайлович* – действительный член Комитета по устройству Музея; привлечен в него в конце апреля – начале мая 1898 г. казначеем Комитета И.Ю.Шульцем. Пожертвовал 25 февраля 1899 г. 50 тыс. рублей (а впоследствии – еще 44 750 рублей) на строительство двух залов Музея: Олимпийского и Пергамского. Потомственный почетный гражданин, представитель одной из трех семей перекупщиков-оптовиков (Пастуховы, Кони, Рукавишниковы), господствовавших в середине XIX в. на Нижегородской ярмарке; банкир (банк братьев И.М. и С.М.Рукавишниковых построен в 1908–1912 гг. архитектором Ф.О.Шехтелем); благотворитель. На 1900 г. состоял в Нижнем Новгороде членом комитета Городского вдовьего дома им. Бугровых и Блиновых; членом комитета Дома трудолюбия им. Михаила и Любови Рукавишниковых; членом попечительского совета Кулибинского ремесленного училища. В городской Николаевско-Мининской богадельне имелось Рукавишниковское отделение. В одном из домов Рукавишникова размещался Нижегородский Коммерческий клуб (см.: Нижегородский край. Памятная книжка Нижегородской губернии на 1900 г. Нижний Новгород, 1899).

<sup>4</sup> *Танеев Александр Сергеевич* (1850–1918) – статс-секретарь, обер-гофмейстер, член Государственного совета, управляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярией. 1 января – наградной день.

<sup>5</sup> Средства Комитета хранились в виде процентных бумаг.

*Строительные суммы Университета* отпускались из казны на строительство и ремонт других вспомогательных учреждений Университета, не Музея; их не разрешалось смешивать с деньгами Комитета, хотя это и дало бы Университету денежную экономию.

## 84

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4762.

<sup>1</sup> Соответствующая телеграмма Данковского, Рязанской губернии, уездного предводителя дворянства Мордвинова напечатана в «Московских ведомостях» 22 сентября 1899 г., с. 2, стб. 3. Вероятно, Цветаев ошибочно датировал письмо.

<sup>2</sup> *Екатерина Николаевна* – Е.Н.Муромцева.

<sup>3</sup> *Ноев Федор Федорович*, глава фирмы «Торговый дом Ф.Ф.Ноева сыновья» по выращиванию и продаже цветов и растений. Магазины находились на Петровке и в Камергерском пер., садоводство – в Москве у Калужской заставы, плантации – в Сухуми.

<sup>4</sup> Счет Брусова был на 25 тыс. руб. (см. ф. 3, оп. I, ед. хр. 19, л. 19–22). Строительная комиссия 21 сентября 1899 г. приняла решение выплатить менее 14 тыс. руб. Как и предсказывал Клейн, это не удовлетворило подрядчика. В итоге споров и консультаций Нечаев-Мальцов выдал Брусовым дополнительные 10 тыс. руб. (см.: ф. 3, оп. I, ед. хр. 19, л. 22, 24, 44 и 42; ед. хр. 40, л. 37об, 75–80).

## 85

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4763.

<sup>1</sup> Имеется в виду композиция для триумфальной арки Георгиевского собора в Гусе-Хрустальном на текст Песни к Пресвятой Богородице из литургии св. Василия Великого: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, – ангельский собор и человеческий род...». Живописный оригинал закончен Васнецовым в следующем, 1900 г. К началу 1901 г. художник сделал втрое больший картон, выполненная по нему В.А.Фроловым мозаика установлена в храме в 1902 г. (сохранилась). Выбор для храма такого дорогостоящего и прочного материала, как мозаика, был характерен для Нечаева-Мальцова. Под его влиянием Васнецову были позднее заказаны мозаики в православных храмах Дармштадта, Варшавы и Софии. Для мозаик Георгиевского собора Васнецов написал в 1895–1904 гг. еще четыре живописные композиции, которые остались не переведенными в материал («Страшный суд» находится в храме, местонахождение остальных полотен не известно).

Поездка Цветаева и Кондакова к художнику не была экспромтом, о ней Цветаев заранее списался с Васнецовым; главной целью было обсуждение проекта центрального зала Музея, «осуществление залы в русско-византий-



ском характере» (см. письмо Васнецова Цветаеву от 17 сентября 1899: ф. 6, оп. I, ед. хр. 405. Опубл. в кн.: Виктор Михайлович Васнецов/ Сост. Н.А.Ярославцева. М., 1987. С. 164).

Упомянутая Богоматерь Киевского собора – наиболее часто репродуцировавшееся произведение Васнецова в Киевском соборе Св. Владимира, над росписями которого он работал вместе с помощниками в 1886–1896 гг.

<sup>2</sup> Сохранились акварели и рисунки работы Кондакова – портреты и пейзажи, в основном виды Италии и Крыма (Архив РАН, Петербургский филиал, ф. 115, оп. 5). В творчестве В.М.Васнецова ему импонировали попытки создать современное церковное искусство, соединив объемно-реалистическое изображение с традиционной иконописной композицией.

<sup>3</sup> Иконостас был одноярусный, бронзовый, с эмалевым орнаментом средневекового характера; иконы, вставленные в него, не принадлежали кисти Васнецова. Перед установкой в гусевском соборе иконостас экспонировался на Всемирной выставке в Париже 1900 г., а затем в Москве. С предложениями репродуцировать его к Васнецову безуспешно обращались разные художественные журналы с 1898 г., издавался ли он отдельно – не известно.

## 86

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4764.

<sup>1</sup> Старым зданием Университета обычно называли не только главный корпус, сооруженный в 1770 – 1780-е гг. архитектором М.Ф.Казаковым и восстановленный после войны 1812 г. Д.И.Жиллярди, но и все, в том числе новые университетские постройки, расположенные в том же квартале. Совокупность университетских зданий по другую сторону Никитской улицы именовали Новым Университетом. Их ядро составлял перестроенный в 1830-х гг. архитектором Е.Д.Тюриным из бывших жилых домов (Пашкова, Рихтера и проч.) так называемый аудиторный корпус с его знаменитой, не существующей ныне Большой Словесной аудиторией, церковью Св. Татьяны и др. (пострадал во время Второй мировой войны, восстановлен со значительными изменениями; в настоящее время – факультет журналистики).

## 87

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4765.

<sup>1</sup> Ниже Цветаев пересказывает письмо Зверева к нему от 30 сентября 1899 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 1184).

<sup>2</sup> См. комм. 18 к письму 1.

## 88

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4766.

<sup>1</sup> Чтобы подрядчики выполняли контракты, с них брали денежный залог.

<sup>2</sup> Берлинский собор (завершен в 1905 г.) был построен архитектором

Ю.Рашдорфом в стиле необарокко на месте прежнего, шинкелевского собора, то есть не буквально между дворцом и Старым музеем, а на восточной стороне площади Лустгартен.

## 89

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4767.

<sup>1</sup> Имеется в виду Главный архив министерства иностранных дел. С 1876 г. Архив занимал бывшую усадьбу царских родичей Стрешневых и Нарышкиных (XVII в.) на углу Моховой и Воздвиженки, на месте нынешней Российской государственной библиотеки. Реконструированное в псевдорусском стиле здание стояло лицом к Кремлю в глубине сада, обнесенного новой оградой, напоминающей монастырскую; въезд был со стороны Воздвиженки (см.: Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М., 1989. С. 69. Ил. 43 и 41).

<sup>2</sup> *Губонин Петр Иванович* (ок. 1825–1894), миллионер, крупнейший подрядчик по строительству железных дорог и каменных мостов; под конец жизни разорился. Демосфенов служил у него, вероятно, в промежутке между окончанием Московского технического училища (1880) и директорством в Донецком железнодорожном училище (с ноября 1886 г.).

<sup>3</sup> *Табурно Антон Павлович* (Москва), владелец нескольких каменоломен и производитель каменных работ. В конце 1898 – начале 1899 г. дважды обращался в Строительную комиссию, предлагая свой камень; участия в строительстве Музея не принимал.

## 90

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4768.

<sup>1</sup> *Романов Николай Ильич* (1867–1948), историк искусства. В 1891 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1898 г. – один из двух помощников секретаря Комитета по устройству Музея изящных искусств при Московском университете, с 1899 г. – также член-соревнователь Комитета. В 1900–1911 гг. – приват-доцент Московского университета. В 1900–1901 гг., во время научной командировки Романова в Германию, Цветаев поручал ему выбор скульптур с целью копирования их для московского Музея. В 1905–1909 гг. при ближайшем участии Романова на историко-филологическом факультете было организовано отделение теории и истории искусства (впервые набор студентов-искусствоведов произведен в 1909 г.). В разные годы Романов преподавал историю искусств также в Консерватории, Археологическом институте, Народном университете им. А.Л.Шанявского. В 1910–1923 гг. он был хранителем Отделения изящных искусств и классических древностей Румянцевского музея; в дальнейшем – профессор университета (1918), доктор искусствоведения (1936), крупный музейный деятель, в 1923–1928 гг. – директор ГМИИ. Под его руководством была создана и в 1924 г. открыта первая экспозиция картинной

галереи Музея. Автор трудов по искусству европейского Возрождения, русскому и советскому искусству, ряда статей, посвященных коллекциям Музея изящных искусств, его реорганизации, вопросам музейного строительства. Сохранилась переписка Цветаева и Романова за 1898 – 1913 гг. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 3432–3500 и ф. 14, оп. III, ед. хр. 198–220).

<sup>2</sup> В итоге Отчет Комитета был напечатан как в составе годовичного Отчета университета, так и отдельным изданием. В обоих случаях к нему приложены подробные таблицы расходования денежных средств.

## 91

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2341, телеграмма.

## 92

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4769.

<sup>1</sup> 20 октября – годовщина смерти Александра III.

## 93

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4770.

<sup>1</sup> Любопытно, что заседание было назначено на «неприсутственный» день – праздник иконы Казанской Богоматери. Предыдущий день также был праздничным (годовщина восшествия на престол Николая II).

<sup>2</sup> *Парфений* – епископ Можайский с осени 1899 г. В его епархию входила часть территории Москвы. Викарий – наместник, в России – «должностная духовная особа высшего сана» (В.И.Даль).

<sup>3</sup> Эта поездка не состоялась.

## 94

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4771.

<sup>1</sup> Заседание прошло 27 ноября. Решение о выдаче Строительной комиссии нужной суммы на год принималось Комитетом.

## 95

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4772.

## 96

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4773.

<sup>1</sup> Недаром И.И.Рерберг преподавал эти годы в Инженерном училище путей сообщения не только строительство дорог, но и составление смет и технической отчетности.

<sup>2</sup> Время, предполагавшееся до завершения строительства.

<sup>3</sup> *Журавлев Михаил Николаевич* (1840–не ранее 1910), действительный член Комитета. Статский советник (затем действительный статский советник), потомственный дворянин. Член правлений ряда пароходств и «Товарищества

Соколовской мануфактуры Асафа Баранова», в дальнейшем купивший эту компанию (производство кумача, фабрика при деревне Соколово Александровского уезда Московской губернии, основанная в 1874 г.). Во 2-й половине июля 1898 г., по предложению Шульца, Клейна и Зверева, Журавлеву как одному из «королей Поволжья», «коноводов промышленности и торговли», было предложено вступить в Комитет и приехать на закладку Музея. Журавлев даже вернулся для этого из заграничной поездки (см.: *Дневник*. С. 95, 105, 121, 378). К зиме 1899 г. он переехал в Москву, однако в музейных публикациях 1912 г. опять числится жителем Рыбинска. 12 ноября 1899 г. Журавлев внес первые 15 тыс. р. На его средства построен зал Микеланджело, им же оплачен слепок пизанской кафедры Никколо Пизано.

<sup>4</sup> Процентные бумаги продавались Государственным банком по текущему курсу, превышавшему номинал, а приобретались обратно, т.е. разменивались на наличные деньги, по номиналу (см. Комитет МИИ: *Отчет 1899*, примеч. на с. 23). При этом Университету категорически запрещалось хранить деньги иначе, как в бумагах 4 %-ной государственной ренты.

## 97

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4774.

<sup>1</sup> Заседание происходило 6 ноября 1899 г. Излагаемое в этом письме предложение было осуществлено. Деньги на жалование второго члена-техника Комиссии давал Нечаев-Мальцов.

## 98

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4775.

<sup>1</sup> Расчет основан на том, что путь из Петербурга во Владимир проходил через Москву. Ср. комм. 2 к письму 79.

## 99

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2342, телеграмма.

## 100

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4776.

<sup>1</sup> То есть 22 ноября вместо 20-го.

<sup>2</sup> Летом 1872 г. на северном склоне горы Митридат в Керчи, древнем Пантикапее, был открыт склеп с росписями II в., называемый в более поздней литературе «Стасовским» – по имени первого публикатора, известного художественного и музыкального критика, *Владимира Васильевича Стасова* (1824–1906). (См.: *Стасов В.В.* Катакомба с фресками, найденная в 1872 г. в Керчи // *Отчет ИАК за 1872*. СПб., 1875. С. 237–328, с 18 табл.; *Толстой И.И., Кондаков Н.П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1, СПб., 1889. С. 30; Вып. 2, СПб., 1890, С. 66–71.) После обследования склепа и снятия копий для публикации он

был снова засыпан (единственный способ в тогдашних условиях сохранить памятник для будущего) и впоследствии утерян. Вновь найден в 1899 г. археологом гр. А.А.Бобринским. (Вторая, образцовая по качеству, публикация памятника, с новыми копиями М.В.Фармаковского и фотографиями, в кн.: *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. Т. 1–2, СПб., 1913–1914. С. 293–345. Табл. LXXVI–LXXXIII.) Стасов, еще в 1870-е гг. пытавшийся организовать перевозку фресок в столичный музей, на этот раз обратился с той же идеей к Цветаеву (семь писем за октябрь – декабрь 1899 г.; ф. 6, оп. I, ед. хр. 3713–3719). Соответствующий доклад на годичном заседании Комитета сделал, с использованием материалов Цветаева, сам Нечаев-Мальцов. Цветаев же ассистировал ему, демонстрируя таблицы (см. письмо 105). Как писал позднее Ростовцев (Указ. соч. С. 293): «К счастью, план В.В.Стасова <...> не осуществился. <...> Роспись керченских склепов позднеэллинистического и римского времен от такой операции неминуемо должна погибнуть: поддерживает ее в сравнительно хорошем состоянии лишь постоянная сырость и отсутствие в склепах притока свежего воздуха; при иных условиях штукатурка и роспись неминуемо осыпятся». Копии росписей «Стасовского склепа» с 1882 г. хранились в Румянцевском музее, мотивы из них использованы в декорации зала Северного Причерноморья в Историческом музее. К 1899 г. были уже известны и более значительные античные росписи на территории Российской империи, например в керченском склепе Деметры (открыт в 1895 г.).

## 101

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4777.

<sup>1</sup> Четвертый том «Истории искусства древности» Перро и Шипье, вышедший в 1887 г., посвящен искусству Древней Сардинии, Иудеи и хеттских территорий. В какой связи он потребовался Нечаеву-Мальцову, сказать затруднительно. Раздел о живописи Северного Причерноморья у Перро и Шипье отсутствует: издание остановилось на томах, посвященных архаической Греции (последний из них, 10-й, вышел в 1914 г.).

<sup>2</sup> Имеются в виду статьи: *Усов С.А.* Объяснение керченских фресок//Древности. Труды Московского Археологического общества. Т. 6. Вып. 2. М., 1876. Раздел «Библиография». С. 27–34. *Иловайский Д.И.* Несколько замечаний о Керченских фресках//Там же. С. 34–40.

*Усов Сергей Алексеевич* (1827–1886), профессор зоологии Московского университета, основатель Московского зоопарка, автор целого ряда трудов по археологии и искусству.

<sup>3</sup> *Нумизматический кабинет* – самая старая часть художественных коллекций Университета, формировавшаяся с первых лет его существования; единственная из них, сбереженная в 1812 г. и наиболее регулярно пополнявшаяся до Цветаева. С возникновением нового Кабинета изящных искусств и древностей

вошла в 1851 г. в его состав. Помещения, о которых говорит Цветаев, были отведены под нумизматику в конце 1880-х гг.; они находятся на торце правого крыла Старого здания Университета, в верхнем этаже. Этажом ниже, в круглом зале заседаний университетского Совета, с которым соседствовали канцелярии и кабинет ректора, много раз собиралась Строительная комиссия Музея и проходили рабочие заседания Комитета.

## 102

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4778.

<sup>1</sup> «Русские ведомости» – московская газета, основанная в 1863 г. Н.Ф. Павловым; с конца 1882 г. издавалась под редакцией В.М. Соболевского на средства его гражданской жены В.А. Морозовой. В либеральных кругах считалась наиболее культурной и содержательной русской газетой, стоявшей на уровне лучших журналов (тираж ок. 20 тыс.). Закрыта в 1918 г. В первой половине 1890-х гг. Цветаев опубликовал в «Русских ведомостях» несколько заметок об университетском музее слепков, но в дальнейшем разошелся с его редакцией.

<sup>2</sup> На первом годичном заседании Комитета 27 ноября 1899 г. Демосфенов зачитывал финансовый отчет Комитета.

<sup>3</sup> Вероятно, редактированием рукописного текста для своего выступления.

<sup>4</sup> Менден *Георгий Георгиевич*, граф, флигель-адъютант, полковник, управляющий двором великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны.

<sup>5</sup> Великая княгиня на заседании 27 ноября отсутствовала – считалось бы неловким, если бы великая княгиня, при своем высоком титуле, оказалась единственной дамой на заседании; присутствие гр. П.С. Уваровой отмечено в протоколах.

## 103

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2343, автограф.

## 104

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4779.

<sup>1</sup> То есть в день годичного заседания Комитета, 27 ноября 1899 г.

<sup>2</sup> Так как первое заседание Комитета, 28 апреля 1898 г., состоялось в канун дня рождения великого князя Сергея Александровича, представиться ему завтра не было возможности. Но через день, 30 апреля 1898 г., Сергей Александрович и гостивший у него великий князь Павел Александрович приняли Цветаева и архитектора Клейна, осмотрели с их пояснениями проект здания и заявили о своем пожертвовании на постройку зала Парфенона (См.: Московские ведомости. 1898. 1 мая. С. 3. Стб. 3 и 3–4; Дневник. С. 65–66).

## 105

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4780.

<sup>1</sup> Имеется в виду напечатанная без подписи заметка «Комитет по сооружению Музея изящных искусств в Москве» (Московские ведомости. 1899. № 327. 28 ноября. С. 3), впоследствии воспроизведенная – также без подписи – в качестве предисловия в кн.: Комитет МИИ: Речь 1899.

## 106

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4781.

<sup>1</sup> Московский журнал, выходивший в 1890–1898 гг. на средства фабриканта Д.И.Морозова и в последние годы имевший репутацию крайне реакционного (статьи В.А.Грингмута и др.). Делались попытки возобновить его издание в виде альманаха; в 1901 г. вышел один выпуск, в 1903-м – три. В первой половине 1890-х гг. Цветаев часто печатался в этом журнале.

<sup>2</sup> *Филиппов Тертый Иванович* (1827–1899), Государственный контролер (в ранге министра). В молодости – член «Молодой редакции» журнала «Москвитянин» (вместе с А.Н.Островским и Ап.Григорьевым), сотрудник журнала «Русская беседа». Славился как собиратель и исполнитель русских народных песен. В 1885 г. при Русском географическом обществе им создана песенная комиссия, организовавшая 5 фольклорных экспедиций. Было собрано свыше 700 песен, с 1894 г. начато издание сборников «Песни русского народа». В 1895 г. Филиппов заинтересовался цветаевским музеем, в 1898 г. вошел как член-учредитель в Комитет по устройству Музея.

## 107

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4782.

<sup>1</sup> Н.Н.Трескин преподавал в 5-й мужской гимназии и в частной женской гимназии Перепелкиной. Как помощник хранителя университетского Кабинета изящных искусств и помощник секретаря Комитета Музея он не получал жалованья.

## 108

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2344, автограф.

## 109

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4783.

<sup>1</sup> При подготовке своего сообщения Нечаев-Мальцов использовал материалы Цветаева (ср. письмо 100).

<sup>2</sup> Цветаев преподавал в московской Консерватории в два разных периода: в 1885–1888 гг. – итальянский язык, а в 1898–1901 гг. – историю искусства. (До него этот последний предмет читал в Консерватории декан историко-филологического факультета университета М.М.Троицкий, после – ученики Цветаева,

приват-доценты университета Н.И.Романов в 1901/02 г. и А.М.Миронов в 1902–1907 гг.) Курс истории искусства был годичным, и времени на него отводилось немного, однако он был обязателен для всех учащихся Консерватории и завершался экзаменом. Цветаев ограничивался в консерваторских лекциях архитектурой и искусством Древности, но именно здесь он впервые в своей преподавательской практике читал не только о памятниках Греции, Этрурии и Рима, но также о Египте и Ассирии. Сохранилось литографированное издание: Курс лекций И.В.Цветаева по истории искусства Древнего Востока и античности, прочитанных студентам Московской консерватории. М., 1899. (Любопытно, что переписывание текста для этого издания обошлось Консерватории в 100 руб.: столько же получал от нее в год и сам преподаватель.)

<sup>3</sup> Дипломы членов Комитета будут отпечатаны только через два с половиной месяца, к 18 февраля. Средневековый зал в итоге построен на средства И.А. и Кс.Ф.Колесниковых; зал искусства Германии и Франции XV–XVI вв. – на средства братьев Арманд.

## 110

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2432, автограф.

## 111

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4784.

<sup>1</sup> Имеется в виду П.Александров, служитель (сторож, уборщик и разнорабочий) Кабинета изящных искусств и древностей примерно с 1895 г., исполнял также функции рассыльного (курьера); был отправлен к Нечаеву-Мальцову с предыдущим письмом.

<sup>2</sup> Письмо было от Николая Васильевича Некрасова, желавшего поместить в упомянутом журнале (ежемесячном иллюстрированном издании Императорского общества поощрения художеств в Санкт-Петербурге; СПб., 1898–1901; ред. Н.П.Собко) изложение доклада Нечаева-Мальцова (ф. 6, оп. I, ед. хр. 2256). Нечаев-Мальцов воспротивился этому желанию: он был жертвователем Общества, выпускавшего этот журнал, и появление здесь изложения его доклада могло вызвать упреки в саморекламе.

Н.В.Некрасов – хороший знакомый В.М.Васнецова – служил делопроизводителем в Московском купеческом обществе взаимного кредита; выступал в печати по вопросам искусств; впоследствии – автор книги о художнике Н.А.Ярошенко (1908).

Слово «сотрудник» до 1917 г. означало не штатного работника, а как раз наоборот. (Притом – хотя это не относится к данному случаю – в газетах и журналах существовали и чисто номинальные «сотрудники»: имена пользовавшихся известностью лиц включались с их согласия в перечни сотрудников, помещаемые на обложках и в объявлениях о подписке, хотя бы они годами ничего не печатали в данном органе. Так, например, сам Цветаев не



сколько лет числился «сотрудником» журнала «Артист», но поместил там только одну статью.)

<sup>3</sup> *Иоанн, экзарх Болгарский* (X в.) – писатель и политический деятель из окружения болгарского царя Симеона; переводчик на славянский язык сочинений Иоанна Дамаскина, автор «Шестоднева», то есть толкования на начальные страницы книги Бытия, рассказывающие о сотворении мира. Его сочинения были открыты *К. Ф. Калайдовичем* (1792–1832), издавшим о нем книгу в 1824 г. В какой связи цитировался Нечаевым-Мальцовым, неизвестно. Слово «экзарх» означает наместник.

## 112

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2345, автограф.

## 113

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4785.

<sup>1</sup> *Георгий Михайлович* (1863–1919), великий князь генерал-адъютант; 3-й сын великого князя Михаила Николаевича, внук Николая I; нумизмат. Описанная путаница с телеграммой косвенно свидетельствует о том, как часто упоминался в печати создававшийся университетский музей; известны также аналогичные случаи доставки в университет почты и грузов, предназначенных Историческому музею (тоже носившему имя Александра III).

Секретарем Русского музея был А. А. Тевяшов.

<sup>2</sup> В заявлении Г. А. Листа в Строительную комиссию от 20 ноября 1899 г. (ф. 3, оп. I, ед. хр. 20, л. 37–40, публикуется впервые), в частности, сказано: «Для исполнения облицовки 1-го и 2-го этажей в течение строительного периода 1900 года (п. 4-й моего договора) я должен был получить от “Товарищества Эмиль Липгарт и К<sup>о</sup>” в текущем году около 2000 шт. камней, но вместо этого количества получено лишь около 220 штук, из которых около 100 шт. оказались негодными по качеству, а около 50 штук дали трещины уже в первый день мороза (–4<sup>0</sup>R [по Реомюру; –5<sup>0</sup> Цельсия]), так как вопреки договора с Товариществом (п. 4-й) оказались невысушенными. [Пласт камня лежал в затопляемой разливами пойме реки.] Осталось, таким образом, 70 камней, но выдержат ли они дальнейшие более сильные морозы, вряд ли возможно предполагать, ибо среди них нет ни одного высушенного камня» (л. 37 об.–38). Даже если в течение 1900 г. будет добыт и доставлен весь необходимый коломенский камень, «то последний, – писал Лист, – все-таки не может попасть на место на фасаде ранее строительного периода 1901 года, так как я под свою ответственность не могу принимать и пускать в работу камня, столь ясно доказавшего свою неустойчивость против мороза, если этот камень перед тем не перезимовал раз» (л. 39). Лист сообщал, что его предприятия простаивают в напрасном ожидании камня, он терпит убытки и вынужден отказаться внести денежный залог в обеспечение своевременного выполнения контракта. (Аналогично

поступил Захаров.) Лист просил Строительную комиссию срочно обеспечить его качественным материалом. Заявление обсуждалось Комиссией 10 ноября, 17-го копии заявления были отосланы Нечаеву-Мальцову и Липгарту. Нечаев-Мальцов принял решение отказаться от разработок коломенского камня и обратиться к уральским копиям. Контракт с Липгартом был расторгнут, контракт с Захаровым (на половину облицовочных работ) в дальнейшем передан Листу.

<sup>3</sup> Доклад Цветаева, уже напечатанный ранее в «Московских ведомостях» (1899. 29 ноября. № 328), отдельным изданием все-таки вышел. Ничего крамольного в нем, разумеется, не было; просто любые упоминания членов царской семьи (в том числе председателя Комитета) требовали цензуры Министерства Двора. Верстка, «исполосованная красными чернилами», сохранилась (ф. 2, оп. I, ед. хр. 53).

Университет обладал правом цензуры научных изданий.

#### 114

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2346, телеграмма.

#### 115

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4786.

### 1900

#### 116

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2422, телеграмма.

<sup>1</sup> Нечаев-Мальцов был награжден орденом Александра Невского. Под руководителями подразумеваются министры народного просвещения и финансов, но возможен также намек на великого князя Сергея Александровича.

#### 117

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4788.

<sup>1</sup> 12 января («Татьянин день», день св. Татианы) – годовщина указа об основании Московского университета (1755). Этот день ежегодно отмечался торжественным собранием («актом»), на котором один из заслуженных профессоров произносил большую публичную речь по своей специальности (в частности, в 1900 г. Н.И.Стороженко говорил на тему «Сонеты Шекспира в биографическом отношении»). Затем зачитывались выдержки из годового отчета Университета. Присутствия Нечаева-Мальцова ожидали, поскольку он являлся почетным членом Университета (избран 2 мая 1898 г. за свои заботы по Музею и как крупнейший жертвователю на строительство студенческого общежития).

Упомянутая телеграмма Цветаева не сохранилась.

<sup>2</sup> Орден Святого благоверного князя Александра Невского – один из четырех высших орденов Российской империи; его девиз: «За труды и Отечество». Правила хорошего тона предписывали, чтобы награжденный в ближайшее время представился высшим начальникам в качестве нового орденского кавалера (так, по прибытии в Москву Нечаев-Мальцов представлялся 15 января великому князю Сергею Александровичу; см.: Московские ведомости. 1900. 16 января. С. 2).

<sup>3</sup> Семенов (с 1906 г. Семенов-Тянь-Шанский) *Петр Петрович* (1827–1914), выдающийся географ и путешественник; статистик, организатор первой всероссийской переписи населения (1897); сенатор, член Государственного совета с 1897 г. Известен также как крупный коллекционер фламандской и голландской живописи XVII в.

Текст упомянутых грамот см.: Московские ведомости. 1900. 3 января. С. 2–3.

<sup>4</sup> Списки представившихся царю или генерал-губернатору публиковались в официальной печати.

<sup>5</sup> «*Казак-граф*» – *Игнатъев Леонид Николаевич*, граф, один из шести тогдашних адъютантов великого князя Сергея Александровича, есаул лейб-гвардии Атаманского Его императорского высочества Наследника-цесаревича полка. Троюродный племянник Нечаева-Мальцова. Его брату Павлу Нечаев-Мальцов впоследствии завещает свое состояние.

*Близкий знакомый* – вероятно, сам Цветаев.

*Старушка Анизетте* – шутовское прозвище анисовой водки, от *итал.* anisetta.

<sup>6</sup> Имение Хомяковых – Богучарово Тульской губ., в нескольких верстах к северу от Тулы, возле станции Московско-Курской ж. д. Скобелево (в настоящее время – станция Хомяково). Об известняковом карьере в своем имении Хомяков писал Цветаеву еще 21 ноября 1897 г., упоминая, что «он еще недостаточно разработан» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 4424). Колокольня в Богучарове построена по проекту П.В. Жуковского (см. его письмо Цветаеву от 16 июня 1903 г. – ф. 6, оп. I, ед. хр. 1128).

## 118

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2348, телеграмма.

## 119

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4789.

<sup>1</sup> *Секретарь Совета* – Н.Н. Рыбников.

<sup>2</sup> Ежегодные университетские отчеты (по состоянию на 1 декабря) издавались в двух видах: 1) отдельной книгой под названием «Отчет о состоянии и действиях Московского университета за... год» и 2) вместе с январской актовой речью уже следующего года: «Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Московского университета 12 января... [следующего] года». (Оба названия иногда варьировались.) Издание первого типа, первоначально выходя

в декабре отчетного года, с середины 1880-х гг. запаздывало и появлялось обычно через год на третий (в 1900-м – за 1898 г.). Второе, наоборот, стабильно появлялось уже в январе. В отличие от первого, в нем не было некоторых данных, например именного списка профессоров; зато оно содержало отчеты состоявшихся при Университете многочисленных ученых обществ и общественных комитетов, в том числе Комитета Музея. Отчеты о работе учебно-вспомогательных учреждений, как Кабинет изящных искусств и древностей, входили в оба издания.

Цветаев подразумевает «Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1900 года», где Комитету и Строительной комиссии посвящены с. 231–272, второй пагинации. Адрес Комитета Нечаеву-Мальцову – с. 235–239.

Идущие ниже цветаевские слова «Отчеты – это летопись» и т.д. неоднократно цитировались за последнюю четверть века в отрыве от контекста: Цветаев не мыслит истории Музея отдельно от истории Московского университета в целом.

<sup>3</sup> Цветаев уезжал на время зимних каникул отдохнуть в Тарусе.

<sup>4</sup> То есть выполнил (ср. выражение «держать корректуру»).

## 120

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4790.

<sup>1</sup> Титулярный советник Наум Николаевич Быховский, мировой судья в г. Златоусте, намереваясь снять в аренду у казны участок не эксплуатировавшегося месторождения камня и наладить его добычу, обратился к Нечаеву-Мальцову через присяжного поверенного Закандина с предложением поставлять мрамор для Музея. Это повлекло за собой поездку Нечаева-Мальцова на Урал и заключение контракта с Быховским 4 апреля 1900 г. Однако в итоге Быховский оказался плохим организатором, не справлявшимся с подрядом. Контракт был в том же году передан Г.А.Листу, взявшемуся разрабатывать для Музея соседний участок на Урале.

## 121

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4791.

<sup>1</sup> Имеется в виду особняк Арсения Абрамовича Морозова недалеко от Арбатской площади, построенный архитектором В.А.Мазыриным в 1894–1898 гг. в псевдомавританском стиле. Ныне в нем располагается Дом дружбы с народами зарубежных стран (Дом Европы). Интерьеры дома оформлены в разных исторических стилях. Упомянутый Помпейский зал – крытый стеклом дворик перед входом в Концертный зал – производит и сейчас большое впечатление; бассейн, находившийся в его центре, как в атриумах древнеримских домов, не сохранился; мозаики в нишах на основании подписи числятся в нынешних путеводителях немецкой работой, однако из цветаевского письма следует, что в действительности они выполнены по немецкому эскизу русскими мозаичистами.

## 122

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4792.

<sup>1</sup> *Морозов Михаил Абрамович* (1870–1903), совладелец «Товарищества Тверской мануфактуры», домовладелец, казначей Московской консерватории; коллекционировал произведения современных ему русских и французских художников. Член-учредитель Комитета по устройству Музея, оплатил строительство зала Венеры Милосской и Лаокоона.

*Юсупов – Граф Сумароков-Эльстон Феликс Феликсович* (1856–1928), благодаря женитьбе (в нач. 1880-х гг.) на единственной наследнице князей Юсуповых, *Зинаиде Николаевне* (1861–1939), присоединил к собственным их титул и фамилию. С 1891 г. – владелец юсуповских древнерусских палат в Москве (Б.Харитоньевский пер, 21) и их подмосковного имения – знаменитого Архангельского. Военный; с 1886 до весны 1904 г. – адъютант великого князя Сергея Александровича (с лета 1898 г. – в чине полковника). В дальнейшем – командир кавалергардского полка, а в 1915 г. – начальник военного округа и главнокомандующий над Москвой. Отец Феликса Феликсовича младшего (1887–1967), убийцы Распутина. Знамениты портреты всех членов семьи, написанные в 1902–1903 гг. В.А.Серовым. С 1897 г. около трех лет Юсупов оплачивал работы Ф.П.Реймана для Музея. Вместе с женой вошел в число членов-учредителей Комитета. На их средства выстроен Римский зал.

<sup>2</sup> *Бутров Николай Александрович* (1838–1911), нижегородский миллионер, крупнейший мукомол и поставщик хлеба; знаменитый благотворитель. О нем существует известный мемуарный очерк А.М.Горького. Летом 1898 г. Бутров согласился принять звание действительного члена Комитета по устройству Музея и приезжал на его закладку, однако никаких пожертвований на строительство так и не внес.

<sup>3</sup> Для получения права на преподавание в университете в качестве приват-доцента требовалось прочитать две пробные лекции. Цветаев, считая Романова одним из наиболее способных своих учеников, принимал деятельное участие в его научной судьбе, поэтому понятна радость, с которой он сообщает о первых удачных шагах в его педагогической деятельности.

*Джотто ди Бондоне* (1266 или 1267–1337), итальянский живописец, представитель Проторенессанса.

## 123

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4793.

<sup>1</sup> *Медгёрст Артур Гастингс* (он же Артур Францевич Медгурст), консул Великобритании в Москве; одновременно был в числе директоров правления Московского товарищества резиновой мануфактуры, председателем которого являлся Л.С.Поляков.

<sup>2</sup> Упоминается вечер в доме, где тогда жил П.Н.Трубецкой, арендуя его у Бутурлиной (Знаменка 12/2; нынешняя музыкальная школа имени Гнесиных),

и ежегодный дворянский бал в залах Благородного собрания, проходивший в конце января. (Как губернский предводитель дворянства П.Н.Трубецкой, естественно, являлся главным организатором таких балов.)

<sup>3</sup> В период англо-бурской войны 1899–1902 гг. русское общество и печать открыто сочувствовали бурам (южноафриканским колонистам из Голландии). «Нельзя не сочувствовать этому симпатичному народу, защищающему родину от хищных завоевателей», – говорилось, например, в «Московских ведомостях» (1900. 16 марта. № 75. С. 3). Для буров снаряжались санитарные отряды, собирались денежные средства – в том числе путем устройства концертов и художественных выставок, однако все это оформлялось как исключительно частная инициатива, а не правительственная позиция. Мысль о том, что обе воюющие стороны одинаково выступали грабителями по отношению к коренным африканцам, казалась тогда чрезвычайно дикой.

<sup>4</sup> «Бромлеем» Цветаев называет основанное Федором и Эдуардом Бромлеями «Общество механических заводов бр. Бромлей» на Калужской ул. (в советское время – станкостроительный завод «Красный пролетарий»).

## 124

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4794.

<sup>1</sup> Речь идет о поручике лейб-гвардии гусарского Его величества полка графе *Василии Алексеевиче Олсуфьеве*, одном из шести тогдашних адъютантов великого князя Сергея Александровича. Его отец, *Олсуфьев Алексей Васильевич* (1831–1915), граф, генерал от кавалерии, член Комитета о раненых и почетный опекун Московского присутствия Опекунского совета Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны, был известным филологом (автор обширной рецензии на Фетовский перевод Ювенала (1886); наиболее полной биографии Марциала (1890) и др.). В середине 1890-х гг. помогал Цветаеву в привлечении жертвователей (см. его письмо – ф. 6, оп. I, ед. хр. 2549).

<sup>2</sup> С VI в. до н. э. по северному побережью Черного моря возникали торговые города-государства, основанные греками, в большинстве – ионянами, выходцами из г. Милета. В течение V – начале IV в. до н. э. часть этих городов объединилась в Боспорское (Босфорское) государство, расположенное по сторонам Босфора Киммерийского, т.е. Керченского пролива. Его столица Пантикапей (ныне Керчь) находилась на Крымском п-ове. Город Ольвия – на берегу Днепро-Бугского лимана – в состав Боспорского царства не входил. Намечавшаяся в эти места поездка не состоялась. Интересно отметить, что начиная с 1927 г. Музей проводит регулярные археологические раскопки на территории Боспорского царства, в частности в Пантикапее.

<sup>3</sup> *Проскураков Лавр (Лаврентий) Дмитриевич* (1858–1926), инженер-мостостроитель, проектировал мосты через Енисей, Волхов, Оку, Амур и др. реки; с 1896 г. – ординарный профессор, с 1897 г. – заведующий механической лабораторией Московского инженерного училища, специалист по сопротивлению материалов.

**125**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4795.

<sup>1</sup> Суббота приходилась на 5 марта.

<sup>2</sup> 11 – 18 марта 1900 г. Нечаев-Мальцов совместно с Р.И.Клейном, А.Н.Демосфеновым, Н.А.Захаровым ездил осматривать месторождения белого мрамора в Златоустовский уезд Уфимской губернии.

**126**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4796.

<sup>1</sup> Вестники, гонцы (Меркурий – в римской мифологии бог красноречия и вестник богов).

<sup>2</sup> Письмо В.М.Васнецова И.В.Цветаеву от 4 марта 1900 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 407).

**127**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2350, телеграмма.

**128**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4797.

**129**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4798.

<sup>1</sup> Цветаев цитирует с некоторыми сокращениями письмо Г.А.Листа от 10 марта 1900 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 1779); вместо «доступную» (уступку) у Листа – «допустимую».

**130**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2351, телеграмма.

**131**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4799.

<sup>1</sup> Ошибка Цветаева: прошло два года.

<sup>2</sup> Имеется в виду *Негаев Дмитрий Степанович* (1836–1911) – младший брат Нечаева-Мальцова.

<sup>3</sup> Цитируется письмо Г.А.Листа от 16 марта 1900г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 1780). Ближайший понедельник приходился на 20 марта.

<sup>4</sup> Разыскать это объявление в «Московских ведомостях» за период с 11 по 18 марта 1900 г. не удалось.

**132**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4800.

<sup>1</sup> Известно 14 писем Л.Н.Толстого к В.К.Истомину. В них наиболее подходящее по смыслу место, которое, вероятно, и было зачитано Цветаеву, следующее:

«Дай вам Бог душевного здоровья и труда, который бы Вы любили и высоко ценили. Есть ли это у Вас?» (*Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 90. М., 1958. С. 274. № 7, не датировано, 1873–1880-е гг.). Истомин всю жизнь мечтал освободиться от службы для занятий литературой, в чем его поддерживал хорошо знавший его Лев Толстой. С ним Истомин познакомился еще в 19-летнем возрасте, в 1867 г., через своего приятеля по Преображенскому полку А.А.Берса, шурина Толстого. С 1870-х гг. Истомин изредка печатал стихи, рассказы и биографические очерки. Кроме того, сотрудничал в «Московских ведомостях» у М.Н.Каткова (1876–1878), несколько лет редактировал неофициальную часть «Московских губернских ведомостей»; в 1881–1896 гг. издавал журнал «Детский отдых», в котором, между прочим, впервые напечатан рассказ Толстого «Чем люди живы». Однако от административной службы Истомин освободился только в 1903 г., потеряв зрение. В ближайшие после этого годы он выпустил несколько книг (см.: Русские писатели. 1800–1919. Т. 2. М., 1992. С. 427) и продиктовал интереснейшие мемуары о Льве Толстом, отрывки из которых изда ны лишь в 1960-х гг.

## 133

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4801

<sup>1</sup>... в минувший гетверг... – 16 марта.

<sup>2</sup> См. примеч. 2 и 1 соответственно к письмам 136 и 140. Страстная неделя 1900 г. пришлось на 3 – 8 апреля, Святая начиналась с воскресенья, 9 апреля.

<sup>3</sup> Эта идея не осуществилась, колонны в Белом зале облицованы искусственным мрамором.

## 134

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2418, л. 1. Записка на обороте визитной карточки.

## 135

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4802.

<sup>1</sup> С 18 марта 1900 г. Румянцевский музей был закрыт «по случаю уборки коллекций, ввиду предстоящего ремонта» (Московские ведомости. 1900. 14 марта. С. 1); читальный зал еще некоторое время работал.

<sup>2</sup> Российское общество Красного Креста основано в 1867 г. под названием «Общество попечения о раненых и больных воинах», переименовано в 1879 г. С самого начала и до 1917 г. августейшей покровительницей общества являлась Мария Федоровна (на 1900 г. – вдовствующая императрица). Наградные знаки Красного Креста первоначально вручались только лицам, непосредственно ухаживавшим за ранеными. В 1899 г. учреждены знаки, дававшиеся также за организационную работу в Обществе во время войны и стихийных бедствий и за крупные пожертвования.



## 136

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4803.

<sup>1</sup> См.: Московские ведомости. 1900. 26 марта. С. 2. Без подписи.

<sup>2</sup> С 1 по 23 апреля 1900 г. царская семья находилась в Москве и на Страстной неделе говела в главных московских церквях. Говению царской семьи придавалось государственное значение, поэтому выход из дворца в нескольких случаях обставлялся церемониально. Высочайшим выходом назывался торжественный прием представителей разных сословий, на котором царь появлялся с семьей и в сопровождении свиты.

<sup>3</sup> Соответственно: 2 апреля, ночь с 8 на 9-е апреля, 10 апреля 1900 г.

<sup>4</sup> См. в Приложении Табель о рангах. Речь идет, по-видимому, о Подгорецкой.

## 137

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4804.

## 138

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4805.

<sup>1</sup> *Скребицкая Мария Семеновна* (урожд. Юрьевич; 1843–1900), жена известного врача-окулиста и историка А.И.Скребицкого. Помогала ему в обработке медицинских статистических данных и перевела на французский язык одну из его книг. Жертвовала деньги на стипендии для воспитанниц петербургских школ и училищ. Откликнулась на просьбы Цветаева еще в 1894 г. (правда, по недоразумению дала тогда на приобретение слепков всего 25 р.). Член-учредитель Комитета. 10 августа 1898 г. оплатила постройку зала Праксителя (см. ил. 75).

Молодые годы Скребицкая посвятила уходу за ослепшим отцом. *Юрьевич Семен Алексеевич* (1798–1865), генерал-адъютант, в 1830-е гг. один из домашних преподавателей будущего Александра II, вместе с генералом Кавелиным и поэтом Жуковским сопровождал цесаревича в поездках по России, включая Сибирь, (1837) и по Европе (1838). Основатель первой в стране частной железнодорожной компании (Саратовской).

В первом браке Скребицкая была за *Аполлоном Казтановичем Красовским* (1816–1875), видным архитектурным теоретиком и педагогом, пропагандистом «рациональной архитектуры», инженером. Цветаев упоминает его книгу «Гражданская архитектура» (СПб., 1851). Подробнее о нем см.: *Пунин А.А. Архитектура Петербурга середины XIX века.* Л., 1990. С. 119–126.

*Инженерная академия* – Институт корпуса инженеров путей сообщения, располагавшийся в бывшем дворце Павла I, «Инженерном» замке (Петербург).

...*округ путей сообщения* – собственно «... и публичных зданий», так что его руководство утверждало в те годы все архитектурные проекты на соответствующей территории.

## 139

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2352, телеграмма.

## 140

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4806.

<sup>1</sup> «2 апреля, в день праздника Входа Господня в Иерусалим, состоялся с большою торжественностью Высочайший выход к Божественной литургии в Успенский собор» (Московские ведомости. 1900. 3 апреля. С. 1–2). Среди «вторых чинов двора» газета упоминает гофмейстеров Нечаева-Мальцова, Истомина и др., шествовавших впереди императора (в Пасхальную ночь в церемонии участвовал и П.В.Жуковский). Царская семья проследовала также в Алексеевскую церковь Чудова монастыря.

<sup>2</sup> «Русский вестник» – московский литературный и политический журнал, основанный в 1856 г. М.Н.Катковым и при его жизни являвшийся одним из наиболее влиятельных в России; здесь был опубликован ряд важнейших произведений Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Л.Толстого, Писемского, Достоевского, Мельникова-Печерского. В 1887–1896 и 1902–1906 гг. издавался в Петербурге, после чего прекратил существование. В период, к которому относится комментируемое письмо, принадлежал (с конца 1896 г.) сыну основателя, М.М.Каткову, и выходил в Москве. Сам Цветаев опубликовал в «Русском вестнике» статью «Погребальные обычаи древних римлян» (1887, январь и март), «Письма из Болоньи» (1888, июль и сентябрь), «Письма из Рима и Неаполя» (1888, ноябрь) и целый цикл работ о школах Древнего Рима (1888–1902).

<sup>3</sup> *Георгиевский Григорий Петрович* (1866–1948), в 1892–1903 гг. помощник хранителя отделения рукописей и старопечатных книг Румянцевского музея; в дальнейшем, до 1935 г. – главный хранитель отделения и публикатор каталогов разных частей его собрания. Автор книг «Москва, ее святыни и памятники» (М., 1894), «Праздничные службы и церковные торжества в старой Москве» (СПб., 1899; переиздано: М., 1995) и др. Еще в 1894 г. Георгиевский опубликовал в «Русском обозрении» статью «Из старомосковской жизни. Начало и конец Великого поста»; многочисленные статьи подобного характера Георгиевский печатал в разные годы в «Московских ведомостях».

## 141

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4807.

<sup>1</sup> *Прове Федор Иванович* (1872–после 1931), помощник секретаря Комитета с июня 1900 до середины 1902 г. Представитель торгового дома «Л.Кноп» в дирекциях Даниловской и Садковской мануфактур; член Московского нумизматического общества и его председатель в 1898 – 1904 гг. Свою личную нумизматическую коллекцию, высоко ценимую специалистами, Ф.И.Прове несколько раз продавал и затем формировал заново, пока она не была конфискована

в 1920-е гг., смешана с другими и продана на Запад. Сохранилась лишь ее русская часть, с которой он сам расстался до 1917 г., и несколько уникальных античных монет, подаренных им Историческому музею и Московскому нумизматическому обществу (всё – в ГИМ'е). См.: *Любартович В.А., Юхименко Е.М.* Семья промышленников Прове и коллекционер-нумизмат, председатель Московского нумизматического общества Ф.И.Прове//В кн.: Московское нумизматическое общество. Нумизматический сборник 5. М., 1997. С. 53–85 с илл.

## 142

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4808.

<sup>1</sup> *Гессе Петр Павлович* (1846–1905), генерал-лейтенант, дворцовый комендант с 1896 г.

<sup>2</sup> Возвратясь 7 апреля из дворца, Цветаев записал в дневнике: «Оказалось, что жена Клейна и моя, не сговариваясь, и в разных частях города, занимались вчера вечером и ныне утром приведением в праздничный вид наружности своих мужей. Обе они заставили их вымыть головы горячей водой и с мылом и привести в лучший порядок бороды и волосы. И у Клейнов и у нас еще с вечера была выложена на диванах вся наша парадная амуниция. Наша детвора, кружа около мундира, шпаги, треуголки и орденов, создала себе новый предмет для разговоров – кому из них отдаст папа ленту, когда она станет старой. При этом ни та, ни другая дочь не желали уступить одна другой. Поднялся между ними крик, в который вмешался и сын, начавший дразнить сестер, – пришлось их всех из кабинета выгнать.

С утра нужно было побывать в канцелярии обер-полицеймейстера, чтобы добыть проездные билеты в Кремль на Высочайший выход в Светлую ночь некоторым из сочленов по Комитету Музея, не имеющим приезда ко двору, как А.Г.Подгорецкой, потерявшей это право с выходом замуж за хлыща и человека дурной репутации, против воли отца и семьи, и уже теперь живущей у матери, И.А.Колесникову, не числящемся в списках “почетного купечества”, и М.Н.Журавлеву, хотя и статскому советнику, но недавно поселившемся в Москве. Всем им хочется быть во дворце, и я как секретарь Комитета должен заботиться об удовольствиях своих щедрых сочленов. Но жена не пустила из дома: “ты-де пропадешь и не явишься к сроку одеваться и срок во дворце пропустишь; да и нечего-де мыкаться по улице в такую адскую погоду и уставать перед представлением Государю”. Делать нечего, пришлось покориться.

К половине 2-го меня облачили, снарядили и усадили на “Ваньку”. На улице шел и дождь, и снег, и дул пронизывающий ветер с самого раннего утра, так что земля покрылась снегом. Слякоть ужасная, извозчичья пролетка грязная и мокрая.

По распоряжению Великого Князя должны были явиться от Комитета только трое – Ю.С.Нечаев-Мальцов, Клейн и я. Клейн уже был во Дворце раньше и раскладывал на столе возле модели уральские мраморы и цветные камни.

Нашел я его и в радостном и в озабоченном состоянии. Радовался он неожиданной чести перенесения его модели во Дворец и тому вниманию, которого удостоена она со стороны Государя. Мы вспомнили пребывание наше в Зимнем дворце в Петербурге 12 марта 1898 года и такое же ожидание вдвоем выхода к нам Его Величества и В[еликого] К[нязя] Сергея Александровича. Озабочен он был предстоящим объяснением подробностей модели: “Я буду говорить Государю обо всем – только бы Юрий Степанович не перебивал меня”, – собирався он. Я плохо верил в целесообразность этих сборов и этого приготовления программы для объяснения, так как предстояла не лекция, а ответ на вопросы.

Скоро прибыл и Юрий Степанович, который, напротив, заявил, что он будет только слушать замечания Государя и сам не станет говорить ничего, всякое же желание Его Величества он сочтет для себя “как бы высочайшим повелением” и после сделает так, как скажет Государь. И этому намерению “не говорить ничего” я также не верил, предполагая, что предстоящий момент вопросов Государя разрушит все наши сборы.

Минут за 10 до назначенного времени прибыли, как нам сообщил появившийся здесь граф Менгден, заведующий двором В[еликого] К[нязя] Сергея Александровича, Великий Князь и В[еликая] К[нягиня] Елисавета Феодоровна.

Модель была выставлена в столовой внизу, налево от вестибюля “Главного подъезда”, “на половине Государыни”, как сказал нам старый слуга. Столовая большим столбом делится на две неравные части, модель поместили в ближайшей половине, недалеко от двери, боком к окнам.

Напротив, на большом столе, размещена была в большом порядке коллекция древностей русских и греческих с северного берега Черного моря. На вопрос наш, откуда это собрание, старик-слуга сказал нам, что его подносит Государю для Русского музея Александра III в Петербурге потомственный почетный гражданин Петр Васильевич Синецын, обыватель села Преображенского под Москвою.

Предметы были разложены так, что греческие расписные сосуды, терракотовые статуэтки и предметы из стекла и бронзы занимали одну треть стола, остальные же две трети ушло под русские древности, чаши, иконы, вышивки и т.д. Назначение греческих предметов из Керчи и других мест греческих поселений в Русский музей Петербурга мне показалось так же неестественным, как собиравание греческих древностей из тех колоний в Российском Историческом музее в Москве. Я сообщил этот взгляд Юрию Степановичу и Клейну и высказал желание попросить греческую часть Синецынского дара в наш Музей – для его “Антиквария”.

“Ну, так я и знал, – начал шутить Ю[рий] С[тепанови]ч, – еще вчера, как только я увидел эти предметы здесь, я подумал, что вы постараетесь прикарманить их себе. Дадут вам их или нет – это еще вопрос; но после, когда у нас будет место, я вам привезу из Керченского музея этого добра целую уйму. Мне директор его, Думберг, обещал отдать хоть весь тамошний музей, которого никто не видит и не изучает”.

Старик-слуга, вслушивавшийся в наши разговоры, сказал нам, что Государь и Государыня осматривали и модель, и эти древности г. Синицына еще вчера вечером.

Из внутренних покоев вышел негр в белой повязке на голове и занял место у дверей, ведущих из смежной “Гостиной Императрицы” в столовую. Гр[аф] Менгден, принимавший перед тем участие в наших разговорах и между прочим сообщивший нам, что с часу на час ожидают телеграммы из Киева о кончине Великой Княгини Александры Петровны, каковое обстоятельство-де разрушит все предположения о празднествах на Светлой неделе и сделает невозможным блестящий бал, подготовленный Великим Князем, с танцами и костюмами разных исторических эпох, при появлении этого негра отошел в сторону и встал в отдалении.

Двери из гостиной открылись пред Государем и Великим Князем. Ответивши любезно на наш поклон, Его Величество подал каждому из нас руку и встретил как лиц ему уже известных. Государь был не в серой рабочей тужурке, как в Петербурге, но в военном сюртуке без орденов, как и Великий Князь, имевший лишь крестик Св. Георгия.

Государь подошел прежде всего к модели и стал рассматривать ее снаружи, начавши с главного фасада. Ионическая колоннада, тянущаяся по всей его длине, и центральный портик, сделанный по Эрехтейону, послужили для него поводом к вопросу: “Исполнена ли эта модель во всем согласно с рисунками, представленными ему раньше” (т.е. 12 марта 1898 г.). Клейн отвечал утвердительно, указавши при этом, что лишь пришлось ему отставить колонны от стен колоннады, согласно дальнейшему изучению греческой архитектуры им в Афинах и указанию проф. Дэрпфельда.

В большие подробности входить ему, конечно, не следовало; на деле же изменение на главном фасаде вышло более значительное. Перестановка колонн повела к необходимости снять по две колонны с каждой стороны, сравнительно с прежним проектом, и потому вместо 26 колонн прежнего рисунка (не считая здесь двух задних в центральном портике, а равно и двух дорических колонн перед самым входом в Музей, теперь имеется только 22 колонны, по 8-ми в боковых колоннадах и 6-ть по главному фасаду в серединном портике.

Другой вопрос Государя был о намеченных на модели карандашом фризах. Тут собиравшийся прежде хранить молчание Юрий Степанович вступил в длинный доклад о намерении своем сделать все фризы как на главном, так и на боковых фасадах из камня руками русских скульпторов, подчинивши последних руководству петербургского профессора ваяния Чижова. Особую мечту Юрия Степановича составляет при этом воспроизвести под главной колоннадой главные сцены фриза Парфенона по гипсовым слепкам Британского музея, им уже заказанным и имеющим скоро прибыть в Москву. “Но удастся ли это нам, Ваше Величество, сказать пока трудно, так как до сих пор со времени Фидия никто не воспроизводил этого фриза в камне”, – сказал он в заключение.

“Ну, Юрий Степанович, pour vous il n’y a rien d’impossible [для вас нет ничего невозможного – фр.]”, – с улыбкой заметил ему на это Великий Князь. Государь при этом засмеялся.

Обозрение стало еще более внимательным, когда Клейн особым механизмом раскрыл модель и когда перед Государем и Великим Князем обнаружилась вся продольная ось сооружения с ее вестибюлем, обработанным в египетском стиле, прямой лестницей, широкой, в три марша и двумя галереями наверху, с верхней площадкой, обрамляемой 4 колоннами, и Центральным залом на заднем плане. Масса колонн в вестибюле, по лестнице и в этой “Палате русской Славы” видимо произвели сильное впечатление на Его Величество. “Это – хорошо”, – воскликнул он в первый же момент.

Убранство этой части здания начал объяснять Юрий Степанович, доложивши прежде всего, что его намерение – поставить во 2-м этаже все колонны цветные, из уральских мраморов, и если окажется возможным, то и монолиты, “с бронзовыми капителями и базами”, – вставил от себя тут Клейн. Государь внимательно слушал, пристально смотря то на раскрытую модель, то прямо в лицо Ю[рию] Ст[епанови]чу.

Когда дошла очередь до Центрального зала, я доложил, что это – то самое помещение для мраморных статуй, бюстов и рельефов выдающихся русских деятелей в науке, литературе и искусствах, которое в первоначальном проекте имело вид небольшой сравнительно, круглой залы, и что оно разрослось в самый большой зал Музея по мере выяснения вопроса о его назначении. Примерные статуи, бюсты и рельефы, которые Клейн разбросал в живописной картине на поданном Его Величеству большом “разрезе” Музея, очень заинтересовали Государя.

Вопрос о том, что “Палата Славы русской науки, литературы и искусств” в нашем Музее будет устроена, таким образом, предрешен. Тут же Великим Князем доложено, что этот зал он находит желательным обработать в классическом, греческом, стиле, на что Государь отозвался сочувственно, ввиду указания Великого Князя, что основной стиль Музея греческий.

Этим, конечно, полагается конец нашим рассуждениям и гаданиям о характере обработки этого зала. Но мне жаль византийско-русской идеи Васнецова. Та “Палата” была бы бесконечно выразительнее. Но что делать, когда против этой мысли с самого начала был Ю[рий] Ст[епанови]ч, роль которого в материальной стороне нашего осложняющегося все более и более предприятия становится первенствующей? Раздражать его я не имею ни желания, ни возможности. Он передал свое настроение против идеи Васнецова и Великому Князю.

Итак, прощай русско-византийский зал, на который было положено много горячих, но бессильных мечтаний. Отныне будем работать над разработкой греческого зала-храма, который у нас в нынешнем проекте Клейна предположен в коринфском стиле, с двумя ярусами колонн, в силу большой высоты этого помещения. Форме древнегреческого храма противоречит, конечно, большой

полукруглый выступ на задней стене, предназначенный для статуи Александра III. Но это произошло оттого, что архитектору хотелось соединить с формой греческого храма и апсиду древнехристианской базилики. Отсюда невыдержанность стиля ни в том, ни в другом отношении.

Это слабая сторона проекта. Теперь говорят, что это не храм же, а музейский зал, обработанный “в античном стиле, с античными деталями”, и что поэтому можно соединить здесь детали из разных исторических эпох. Конечно, при желании можно сделать это смешение, но тогда цельности не будет.

Модель закрывалась и раскрывалась, по желанию Государя. Его Величество заинтересовался крышами Музея, спросивши, чем будет покрыта галерея и центральный портик. Ю[рий] Ст[ефанови]ч ответил, что имеется в виду сделать для этого медную черепицу или перекрыть медными листами. Другой вопрос Государя был о световых фонарях второго этажа; система стеклянного покрытия всех зал обратила его особенное внимание.

Осматривая фасады боковые и задний (для последнего Государь с трудом пробрался между стеною и моделью), он увидел большое распирание цоколя по направлению от задней стороны площади к Волхонке и спросил по этому поводу объяснений Клейна, который доложил, что разница в заднем и переднем цоколях равняется [пробел в тексте] аршинам: [пробел] арш. задний и [пробел] арш. передний цоколь, и что это обуславливается уклоном площади с северной, задней, стороны на юг.

Когда здание снаружи и изнутри было осмотрено, Государь пожелал видеть образцы мраморов, привезенные Ю[рием] Степановичем с Урала и разложенные на столе рядом с моделью.

Здесь раньше всего представлена была глыбка белого мрамора, обработанная по разным сторонам своей поверхности различным образом, мелкою ковкою, полировкой, крупной ковкою, резьбою, проведением желобков или каннелюры и пр. Этот кусок своей белизною и разновидностью отделки до такой степени заинтересовал Его Величество, что он взял было его в руки, желая повертывать его в разные стороны. Но тяжесть камня оказалась очень большая.

Цвет мрамора очень понравился Государю, сказавшему при этом, что он до сих пор и не знал о существовании белого мрамора на Урале. “Разрабатывается ли там этот камень?” – спросил он у Ю[рия] Ст[ефанови]ча. – “Да, Ваше Величество, разрабатывается, – ответил он с усмешкой, – соседние крестьяне воруют тот камень из казенных дач для своих надобностей”. – “А на что он им нужен?” – “Они делают из этого камня столики, пресс-папье, ванны для продажи”. – “Ну, это немного, истощает ли это залежи? Как много там камня?” – “Да, надо думать, миллиарды пудов, Ваше Величество”.

Возвращаясь к цвету этого мрамора, Государь спросил, обследован ли он в отношении прочности? Я должен был доложить, что получены Комитетом самые лучшие отзывы из Петербурга от проф. Белелюбского и из лаборатории здешнего Инженерного училища, производивших испытания, по нашей просьбе,

одновременно. “Этот камень, – заметил Государь, – с виду так хорош, что нам и не поверят, что этот мрамор наш собственный”.

Для выяснения степени прочности этого мрамора Клейн рассказал Государю, что в Инженерном училище, при испытании его, раньше сломалась машина, чем раздробился камень: “Рабочий-де вертел-вертел колесо машины, камень все не поддается, наконец и самый механизм машины лопнул, а этот камень остался невредим”.

Такого давления машины не выдержали раньше лабрадор и даже сердобольский гранит» (Дневник. С. 379–384. Отрывок со значительными сокращениями опубликован в кн.: Цветаев создает Музей... С. 132–134).

### 143

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4809.

<sup>1</sup> «Джентльмен» – название пьесы А.И.Южина-Сумбатова, главный персонаж которой, по общему мнению, списан с М.А.Морозова.

<sup>2</sup> На 2-й Мещанской ул. проживали И.А. и Кс.Ф. Колесниковы.

<sup>3</sup> Три года велась переписка о цене, в результате чего отобранная часть рисунков Ланчани была приобретена за 12 тыс. франков. Дальнейшая их судьба не известна, возможно, как и многие другие экспонаты, они погибли во время пожара в Музее 20 декабря 1904 г.

### 144

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2353, автограф.

### 145

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4811.

Перед этим письмом в рукопись ошибочно вписано письмо Цветаева к С.И.Щегляеву от 24 апреля 1900 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 4810; адресат установлен по содержанию. Публикуется впервые):

«24-го апреля.

Юрий Степанович поручил мне доставить Вам: 1) счет прогонов и суточных статскому советнику А.Н.Демосфенову, полагаемых ему за поездку на Урал до города Златоуста, и 2) указание цифры в 900 рублей, необходимой для уплаты жалования 2-му технику Строительной комиссии Музея. По получении сего будьте добры выслать обе сии суммы в контору университетских клиник советнику правления Университета Александру Николаевичу Демосфенову».

<sup>1</sup> Имеется в виду рескрипт великого князя Сергея Александровича И.А.Колесникову (Московские ведомости. 1900. 28 апреля. С. 3. Стб. 7) с выражением благодарности от имени императора за пожертвование Музею 7 тыс. руб. на приобретение копий равеннских мозаик «в память пребывания Их Императорских Величеств в Москве в Страстную седмицу и Св. Пасху 1900 г.». В дальнейшем



Колесников неоднократно жертвовал деньги на различные постройки и общества, состоявшие под покровительством членов царской семьи.

<sup>2</sup> *Веневитинов Михаил Алексеевич* (1844–1901), действительный статский советник, гофмейстер, археолог, почетный член Академии наук (1897), член Археографической комиссии и Православного Палестинского общества, издатель и исследователь «Хождения игумена Даниила в Святую землю» (XII в.). Директор Румянцевского музея (1896–1901). Член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств. Последние полтора года жизни был разбит параличом.

<sup>3</sup> Имеется в виду Н.П.Боголепов.

## 146

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4812.

<sup>1</sup> *Шелапутин Павел Григорьевич* (1850–1914), промышленник, совладелец Товарищества Балашихинской мануфактуры бумажных изделий, домовладелец, церковный староста церкви Покрова в Филях, благотворитель. За свою многолетнюю успешную деятельность в промышленности приобрел потомственное дворянство и чин действительного статского советника. Член-учредитель Комитета по устройству Музея. Шелапутин являлся одним из основных заказчиков Клейна. На его средства Клейном построены: Гинекологический институт для врачей имени А.П.Шелапутиной (матери заказчика) при Московском университете (1896); женская гимназия (1901) и женское ремесленное училище (1903), получившие имя его покойного сына, Григория Шелапутина (1872–1898), бывшего студента историко-филологического факультета Университета; в 1909–1910 гг. – Педагогический институт собственного его имени и реальное училище имени другого его сына, Анатолия Шелапутина, и проч.

Упомянутый зал Лисиппа см. ил. 75.

<sup>2</sup> Речь идет о Московской мужской классической гимназии имени Григория Шелапутина, сооружавшейся по проекту и под руководством Клейна на Девичьем поле, в Б. Трубецком пер. (ныне ул. Хользунова, 14). Закладка состоялась 30 апреля 1900 г., на завтраке после закладки Цветаев произнес тост в честь Шелапутина (См.: Московские ведомости. 1900. 1 мая. С. 2).

<sup>3</sup> *Симонсон-Кастелли Эрнст Оскар* (1864–1929), профессор дрезденской Академии художеств. Картина «Геро и Леандр» поступила в Румянцевский музей и упомянута в каталоге музея 1901 г. (см.: Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1900 г. М., 1901. С. 38; Иллюстрированный каталог картинной галереи Московского Публичного и Румянцевского музеев. М., 1901. С. 20. Кат. № 636); после закрытия Румянцевского музея в 1924 г. с иностранной частью картинной галереи музея в ГМИИ не передана. Нынешнее ее местонахождение не известно.

<sup>4</sup> *Линде Фридрих-Карл* (Фридрих Гейнрихович), живописец, живший в Москве и Дрездене (см. его визитные карточки в ф. 6, оп. I, ед. хр. 1775). В художественных справочниках не упоминается.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4813.

<sup>1</sup> *Айналов Дмитрий Васильевич* (1862–1939), ученик Н.П.Кондакова, впоследствии академик (1914), историк искусства, автор книг по древнерусскому, византийскому и итальянскому искусству. Защита его докторской диссертации состоялась 9 мая 1900 г. в Московском университете; оппонентами были Цветаев и А.И.Кирпичников. Диссертация Айналова «Эллинистические основы византийского искусства» (СПб., 1900) стала классическим трудом в мировой византистике. Цветаев знал Айналова с конца 1880-х гг. по его выступлениям на археологических съездах; личное знакомство состоялось не позднее весны 1892 г., когда Цветаев помогал молодому ученому осматривать римские катакомбы; в 1894 г. он выступил в прениях по докладу Айналова на I Съезде русских художников и любителей художеств. Известны 12 писем Айналова Цветаеву за 1895–1911 гг. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 22–33). Письма Цветаева Айналову имеются в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

<sup>2</sup> Железная дорога из Петербурга в Москву, старейшая большая железная дорога России (носила имя Николая I, так как проложена по его личной инициативе, не находившей первоначально понимания министров и двора.) В период пребывания царской семьи в Москве бывала перегружена из-за частых разъездов великих князей со свитой, а также министров и придворных туда и обратно; одновременно усиливались меры по охране дороги.

<sup>3</sup> Имеется в виду годовое жалование.

<sup>4</sup> *Дашков Василий Андреевич* (?–1896), гофмейстер, действительный статский советник. Этнограф, помощник директора Румянцевского музея (1862–1867), директор (1867–1896).

<sup>5</sup> В 1862–1895 гг. смотрителем зданий и казначеем Румянцевского музея являлся *Бушера Иосиф (Адольф) Петрович* (1832–1911), он же был секретарем музея с 1882 по 1899 г. С 1888 г. до конца жизни преподавал итальянский язык в Консерватории.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4815.

<sup>1</sup> *Грузины* – историческое название района Москвы между нынешними станциями метро «Баррикадная», «Белорусская» и «Улица 1905 года». Завод Г.А.Листа находился на углу Курбатовского пер. и Камер-Коллежского вала (в настоящее время – ул. Климашкина и Пресненский вал).

<sup>2</sup> Письмо Степанова не обнаружено. Официальным попечителем Румянцевского музея был великий князь Владимир Александрович, однако мнение великого князя Сергея Александровича как московского генерал-губернатора и почетного члена музея (с 1898 г.), конечно, учитывалось при обсуждении кандидатуры на пост директора.

<sup>3</sup> Слово «представитель» здесь не ошибка. В значении «глава», «начальник», оно встречается в печати конца XIX – начале XX в. Так, в 1897 г. служащие Московского

земельного банка пожертвовали Университету 8 тыс. рублей на учреждение стипендии имени своего председателя правления (Л.С.Полякова) по случаю «25-летия нахождения его представителем [так!] означенного банка» (Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1897 году. М., 1899. С. 95). См. также у самого Цветаева: «Таким я представлял себе и директора неаполитанского Museo Nazionale. Но удивительной показалась мне уже крайне скромная обстановка приемной комнаты представителя такого учреждения...» (*Цветаев И.В.* Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг. М., 1883. С. 5).

<sup>4</sup> Знаменитая картина Александра Иванова, написанная в 1837 – 1857 гг. в Италии, составляла гордость Румянцевского музея (ныне – в ГТГ). Приобретенная Александром II, она экспонировалась некоторое время в музее Академии художеств в Петербурге, а затем была подарена царем Румянцевскому музею в связи с его коренной реорганизацией и переводом в Москву в 1862 г. Вместе с другими картинами, этюдами и эскизами, полученными позднее в основном по завещанию брата художника, С.А.Иванова, Румянцевский музей располагал на рубеже XIX – XX вв. самой крупной коллекцией его произведений.

Цветаев в качестве хранителя художественных коллекций Румянцевского музея много занимался вопросами консервации, экспонирования и издания работ Александра Иванова. См.: *Цветаев И.В.* По поводу статьи «Иллюстрации А.А.Иванова» (1893) – в Приложении I к наст. изд., а также его рецензию на книгу А.П.Новицкого «Опыт полной биографии А.А.Иванова» (М., 1895)//Московские ведомости. 1895. 5 декабря. № 335. С. 4. Стб. 5–7 (за подписью «И.В.-в»).

В чем состояла «мысль» Нечаева-Мальцова, и не приписывает ли ему Цветаев, как случалось, свой собственный план, установить не удалось. Осенью 1900 г., в связи с окончанием двухлетнего ремонта, Цветаев реорганизовал экспозицию картин в Румянцевском музее, впервые в Москве применив принцип так называемого монографического показа, по которому все работы одного художника, имеющиеся в музее, выставлялись вместе. Это было задолго до аналогичной перевески картин Третьяковской галереи, произведенной И.Э.Грбарем в 1912 – 1916 гг. (см.: *Цветаев И.В.* Московский Публичный и Румянцевский музеи. К открытию их 24 октября 1900 года. М., 1900, а также: Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1900 г., представленный и.д. директора Музеев г. министру народного просвещения. М., 1901). Особенно сильное впечатление на современников производил размещившийся в правом крыле бельэтажа Ивановский зал. «Ивановский зал поразителен», – писал, например, Цветаеву Д.В.Айналов 1 февраля 1902 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 31). Соединение в одном зале большой картины с подготовительными работами к ней, еще в 1893 г. казавшееся Цветаеву невозможным, явилось поистине революционным новшеством в музейной практике. Сам Цветаев отмечал как недостаток зала невозможность добиться для главной картины верхнего света. Развеска была в это время еще «шпалерной», то есть картины покрывали всю стену без интервалов; «прорежи-

вание» экспозиции было произведено Н.И.Романовым в 1911 – 1912 гг.

Мнение П.В.Жуковского и Д.А.Хомякова упомянуто в письме в связи с тем, что и тот, и другой считались знатоками: первый был живописцем и возглавлял попечительский совет Строгановского художественно-промышленного училища и совет существовавшего там музея, второй являлся его предшественником по должности, затем оставался членом обоих советов. В свое время (1891) и Жуковский, и Хомяков были членами комиссии по реформе Академии Художеств.

## 149

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2354, автограф.

<sup>1</sup> Соответствующее место в цветаевском письме 148, очевидно, пропущено переписчиком.

## 150

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4814.

Это и предыдущее цветаевское письмо (148) помещены переписчиком в обратном порядке; мы меняем их местами в соответствии с датами и с учетом письма 149.

<sup>1</sup> Известная «Хирургическая лечебница с постоянными кроватями» Петра Ивановича Постникова и Юрия (Георгия) Владимировича Сумарокова находилась на Б. Дмитровке и вела прием приходящих больных ежедневно с 2 до 4 ч. дня.

## 151

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4816.

<sup>1</sup> Великий князь Сергей Александрович находился в это время за границей.

<sup>2</sup> *Екатерининский институт* – основанное в 1802 г. среднее учебное заведение-интернат для девочек дворянского происхождения; находилось в нынешнем здании Центрального дома Российской армии (Суворовская пл., 2). Дочь Цветаева от первого брака *Валерия Ивановна* (1883–1966) училась в Екатерининском институте 5 лет, начиная с 12-летнего возраста. В дальнейшем В.И.Цветаева окончила Высшие женские курсы в Москве, работала учителем истории, выступала с краеведческими заметками в периодической печати. В качестве переводчицы участвовала в первой большой публикации о П.Гогене на русском языке (журн. «Искусство», 1905). В 1914 – 1917 гг. трудилась над организацией в Москве Музея национальных искусств и быта. В.И.Цветаева – основатель и руководитель театральной студии «Искусство движения» (1922–1931), в 1930–40-е гг. – режиссер-педагог по ритмо-пластике и постановщик отдельных номеров в Музыкальном театре им. К.С.Станиславского и Вл.И.Немировича-Данченко, цирке, Москонцерте. Автор неизданных докладов по истории ГМИИ (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) и воспоминаний (*Цветаева В.* Записки. «Безо всякого вознаграждения...». Ивово. 2005. С. 47–213).

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4817.

<sup>1</sup> Речь идет о покупке земельного участка и дома графини Елизаветы Петровны Крейц, по адресу: Моховая ул., д. 3, то есть между Румянцевским музеем и Архивом министерства иностранных дел (рядом с нынешним вестибюлем станции метро «Боровицкая»). После приведения в порядок дом использовался в течение ряда лет в качестве «доходного» (квартиры, сдающиеся в наем), с тем чтобы на вырученные деньги реконструировать его под музей и построить на прилегающем участке специальное здание Картинной галереи. (Конкурс на проект этого здания будет объявлен Архитектурным обществом по предложению Цветаева еще в бытность его директором Румянцевского музея. См.: Московские ведомости. 1909. 13 марта.)

<sup>2</sup> *Николай Андреевич* – Н.А.Зверев. В Министерстве народного просвещения существовали: Совет министра (сам Нечаев-Мальцов, как мы помним, был его членом), Департамент, непосредственно занимавшийся текущей работой, и Ученый комитет. *Иван Алексеевич Анопов* управлял в Департаменте Особым отделом для заведования промышленными училищами и был в Ученом комитете председателем Отделения по техническому и профессиональному образованию.

*Директор департамента* – статский советник Василий Андреевич Рахманов; *вице-директор* – действительный статский советник Николай Григорьевич Дебольский; *нагельник отделения* – не установлено, кого имеет в виду Цветаев.

<sup>3</sup> «*Княжий двор*» – меблированные комнаты А.А.Пороховщикова, на углу Волхонки и М.Знаменского пер., в левом флигеле дома кн. С.М.Голицына, специально перестроенном для этого в 1892 г. архитектором В.П.Загорским. Состояли из 3-х этажного корпуса, выходявшего в М.Знаменский пер. (в наст. время, после новой перестройки, – здание Галереи искусства стран Европы и Америки XIX – XX в. ГМИИ им. А.С.Пушкина), и примыкавшего к нему 2-х этажного. Судя по дальнейшим письмам, указанная высота либо показалась Цветаеву, так как местность не позволяла провести надежного сравнения, либо он имел в виду только более низкий, двухэтажный корпус «Княжего двора», расположенный фасадом по Волхонке. (Снесен в 1960 г.) Любопытно, что угловая часть корпуса была оформлена Загорским с учетом расположенного симметрично, по другую сторону площади Кольмажного двора, дома Волковых (Волхонка, 10), и имела, как и там, скругленный угол. Позже Клейн, планируя ограду музейного сквера, поддержал сложившуюся симметрию, закруглив углы ограды. Об истории здания до 1980-х гг. см.: *Македонская Е.И.* Улица Волхонка, 14. Путеводитель. М., 1985 (Биография московского дома).

*Стена к дому Голицына* – левая боковая стена Музея.

<sup>4</sup> Замысел Н.А.Зверева превратить Румянцевский музей исключительно в библиотеку осуществился (без упоминания его имени) в 1920-е гг. Картинная галерея Музея изящных искусств, резко потеснившая слепки, была создана тогда

на основе западноевропейской части соответствующей коллекции Румянцевского музея, бывшего собрания С.М.Третьякова и национализированных частных коллекций. В Музей на Волхонке перешли также собрание гравюр и библиотека Отделения изящных искусств Румянцевского музея. Русская живопись из Румянцевского музея была передана в Третьяковскую галерею, этнографический отдел (так называемый Дашковский музей) – в Русский музей в Петербурге (см. комм. 2 к след. письму).

<sup>5</sup> *Жиродон*, парижский фотограф, издатель «Фотографической энциклопедии искусств», работы которого Цветаев приобретал для университетского Кабинета начиная с 1889 г.

## 153

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4818.

<sup>1</sup> Так как в письме 152 великий князь не упоминается, возможно, одно письмо утеряно. Не исключено, впрочем, что переписчик не заметил какой-нибудь приписки к письму: постскриптумы размещались в письмах той эпохи в самых неожиданных местах, в том числе «вверх ногами» – перед началом письма; забыть такую приписку при копировании очень легко.

<sup>2</sup> *Свиньин Василий Федорович* (1865–1939), штатный архитектор Высочайшего двора, Академии художеств и Русского музея, носившего тогда имя Александра III. Согласно указа Николая II от 14 апреля 1895 г. об основании Русского музея, «в Музее этом должна быть, прежде всего, отведена подобающая высокому ее значению часть, посвященная памяти о жизни и Царственных трудах Родителя Нашего» (цит. по фотовоспроизведению в кн.: 100 лет Русского музея в фотографиях. Palace editions, 1998. Ил. 8). Временный Памятный зал был открыт вместе с Художественным отделом 7 марта 1898 г. в реконструированном Михайловском дворце, построенном К.И.Росси в 1819–1825 гг. Специальное здание Памятного и Этнографического отделов сооружено Свиньиным в 1900–1911 гг. на месте давно не существовавшего правого флигеля Михайловского дворца (с 1934 г. – самостоятельный Этнографический музей). Большой мраморный зал в этом здании, признанный выдающимся памятником архитектуры, облицован розовым карельским (тивдийским) мрамором.

## 154

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4819.

<sup>1</sup> *Гадон Владимир Сергеевич*, полковник лейб-гвардии Преображенского полка, один из адъютантов великого князя Сергея Александровича.

<sup>2</sup> Подразумевается известный, существующий по сей день французский банк «Лионский кредит» (осн. 1863). Через его московское отделение (Кузнецкий мост, д. Третьяковых) переводили деньги при оплате многих зарубежных заказов и перевозок для Музея.

<sup>3</sup> Мастерская Бруччани еще в 1863 г. выполнила под наблюдением хранителя

Британского музея Чарльза Ньютона и на средства великой княгини Елены Павловны заказанную К.К.Гёрдцем крупную партию слепков для Румянцевского музея (часть их сохранилась). Цветаев заказывал Бруччани гипсы для Университета с 1893 г.

### 155

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4820.

<sup>1</sup> Таким образом, здесь выкладывались уже стены 2-го этажа. В заднем корпусе была запроектирована квартира для директора (в настоящее время – служебные помещения), расположенная над высоким полуподвалом. 1-й карниз отмечает границу между полуподвалом и квартирой, 2-й опоясывает все здание, соответствуя карнизу портика на переднем фасаде.

<sup>2</sup> Аудитория с отдельным вестибюлем, имевшим вход с улицы, находилась в задней половине правого крыла здания – напротив ц. Св. Антипия (см. ил. 74).

<sup>3</sup> Скобки и вопросительный знак, скорее всего, принадлежат не переписчику, а самому Цветаеву.

<sup>4</sup> В Париже проходила в это время Всемирная выставка 1900 г. В Китае участники «боксерского», иначе «ихэтуаньского», восстания против иноземцев (1899–1901) 1-2 июня (ст. стиля) вступили в Пекин и начали 56-дневную осаду посольского квартала; 4 июня для подавления восстания в Китае высадились войска международной коалиции (Австро-Венгрия, Англия, Германия, Италия, Россия, США, Франция, Япония); в начале августа они войдут в Пекин.

<sup>5</sup> Цветаев был в Лондоне в 1895 г. Из экспонировавшихся в Британском музее «быко-человеков» IX в. до н. э. из дворца Ашшурнасирапа II в Калахе (Нимруде) только один был оригинальным; второй представлял собой гипсовый муляж вместо утраченного при перевозке с места раскопок. В дальнейшем, в 1911 г., для московского Музея были сделаны слепки Луврских «быков» из дворца Саргона II.

### 156

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4821.

<sup>1</sup> Железная дорога от Уфы до Москвы была частью Транссибирской магистрали и, следовательно, стратегической дорогой в период военных действий на Дальнем Востоке. Впрочем, до 1903 г. восточные участки магистрали, особенно возле Байкала, еще не были завершены.

### 157

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2355, автограф.

### 158

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2356, телеграмма.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4822.

<sup>1</sup> Магазин живых цветов Генриха Федоровича Бауэра существовал на том же месте и после открытия памятника в 1912 г. До 1898 г. все дома по Волхонке напротив Колымажного двора, в том числе угловые – по Ленивке и Всехсвятскому пер., – принадлежали вдове поручика Юлии Адальбертовне Воейковой; с 1898 г. они перешли в собственность крупного торговца тканями и модной одеждой Николая Кононовича Голофтеева. Под «углом Голицынского дома» здесь подразумевается двухэтажная часть меблированных комнат «Княжий двор».

<sup>2</sup> Покупка основного здания Голицынской усадьбы Московским художественным обществом во главе с великим князем Сергеем Александровичем для Училища живописи, ваяния и зодчества к этому моменту уже состоялась.

<sup>3</sup> Немного раньше, 3 августа 1900 г., Цветаев писал В.И.Модестову из Тарусы: «Мы, благодаря необычайным милостям судьбы, олицетворенной для Музея в Нечаеве-Мальцове, все еще живем и действуем в какой-то сказочной атмосфере. Белого мрамора навозят нам 400 000 пудов и около 100 000 пудов разноцветных мраморов для внутренних монолитных колонн и обшивки стен лестницы.

Здание в кирпичной кладке, по заднему фасаду, поднялось до крыши и является здесь одним из самых высоких пунктов Москвы, открывающим отдаленные горизонты и лучшие виды. В подвальных помещениях, имеющих до 5 аршин высоты, устраиваются мастерские каменотесов на зиму, в 1-м этаже разместятся чертежная и склады для прибывающих гипсов и других кладей. Но как успешно ни идут здесь работы, все же раньше 6–7 лет они не окончатся, а это время, с переходом в 6-й десяток лет, является уже большим и сомнительным временем» (НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 357об.–358. За исключением одной фразы отрывок публикуется впервые).

<sup>4</sup> Лица, награжденные орденом Александра Невского (см. письмо 117), в день памяти святого, 30 августа, ежегодно собирались в парадной орденской одежде на свой праздник в соборе Александро-Невской лавры в Петербурге, где покоились мощи князя (см. статут ордена в кн.: Кузнецов А.А. Награды. Энциклопедический путеводитель по истории российских наград. М., 1999. С. 438 – 439).

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4823.

<sup>1</sup> Слово «вчинательством» – инициативой – может показаться странной опиской – вместо «вмешательством». Однако такое слово существовало: см. в словаре В.И.Даля (4-е изд., под ред. И.А.Бодуэна де Куртене, 1903) «вчинатель» – зачинатель, начинатель.

<sup>2</sup> Московские высшие женские курсы были только что восстановлены профессором Герье после более чем 10-летнего запрета. На этот раз было организовано не только историко-филологическое, но и физико-математическое отделение, а в 1906 г. медицинский факультет, так что, в сравнении с Университетом, не-



доставало лишь юридического. Преподавателями (на 1900/01 г. – 29 чел.) были в основном профессора и приват-доценты Московского университета.

Горячий сторонник женского образования, Цветаев по приглашению Герье преподавал на курсах с момента их восстановления до конца жизни. В 1912 г. именно курсистки составили первый коллектив добровольных «сотрудников» Музея изящных искусств, проводивших экскурсии для публики.

Следует помнить, что, в отличие от университетов, куда женщин не принимали, диплом ВЖК не давал права на государственную службу и не открывал дорогу к выслуге чинов и дворянского звания. Курсы создавались на правах частных учреждений. Стоимость обучения была вдвое выше университетской – 50 руб. в полугодие.

<sup>3</sup> Г.А.Лист квартировал в одном из семи принадлежавших Л.С.Полякову домов на внешней стороне Тверского бульвара, занимавших участок от нынешнего Театра им. А.С.Пушкина почти до Музея-квартиры М.Н.Ермоловой. Цветаев проходил здесь по дороге от своего дома в Трехпрудном пер. через Богословский и т.д. к Университету на Моховой ул.

## 161

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4724.

<sup>1</sup> См.: ф. 2, оп. I, ед. хр. 27.

<sup>2</sup> Из состоявших в Комитете Морозовых подразумевается, по-видимому, Сергей Тимофеевич, из Прове – отец, Иван Карлович.

<sup>3</sup> «Гук Ю. и К°. Акционерное общество для производства бетонных и других строительных работ. Москва».

<sup>4</sup> В ОР ГМИИ хранится большая коллекция старых фотографий древнеегипетских памятников в коробках, оформленных в виде книжных переплетов; на ряде фотографий указано авторство Эмиля Бругша; но трудно судить наверняка, происходит ли эта коллекция из дара Нечаева-Мальдова.

## 162

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4825.

<sup>1</sup> *Соловьев Модест Феополитович*, тайный советник, управляющий конторой двора великого князя Владимира Александровича.

<sup>2</sup> *Лобко Павел Львович* (1838–1905), генерал-лейтенант, генерал-адъютант, Государственный контролер с 6 декабря 1899 г. Член Госсовета с 1898 г. В прошлом профессор Николаевской академии Генштаба по кафедре военной администрации (с 1885 г. – заслуженный профессор в отставке), в 1881 г. – управляющий канцелярией Военно-учебного комитета Главного штаба, с 1884 г. до 1 июля 1898 г. – канцелярией Военного министерства.

## 163

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4826.

## 164

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4827.

<sup>1</sup> Ср. в газ. «Московские ведомости», 1900, 7 октября, № 277, с. 1: «5 октября внезапно скончался в Москве Алексей Владимирович Коссиковский. Отпевание в церкви Румянцевского музея после литургии, которая начнется в 10 час. Погребение в Симоновом монастыре».

## 165

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4828.

<sup>1</sup> Уезжая на отдых в Ливадию под Ялтой, Николай II не прекращал заниматься государственными делами, для чего брал с собой и важнейших министров.

Написанные в один день письма 166 и 168 в рукописи ошибочно помещены в обратном порядке.

## 166

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4830.

<sup>1</sup> Эти слова – не преувеличение: напомним, что в Университете Цветаевский предмет был обязательным только для узкой группы филологов-классиков. Недаром в опубликованных дневниках и письмах лиц, окончивших в 1890-е гг. историко-филологический факультет как историки: *Гершензон М.О.* Письма к брату. М., 1927; *Брюсов В.Я.* Дневники. 1891–1910. М., 1927, – Цветаев даже не упоминается; разве что косвенно – когда Брюсов пишет, что на государственном экзамене весной 1899 г. «у классиков из 5 провалились 2, а из 3 выдержавших 1 передерживал < т. е. пересдавал > историю искусства; я сам видел, как он плакал, получив “неудовлетворительно”» (Указ. изд. С. 69). Да и на весь факультет поступало по 70-80 человек в год. Наоборот, на Высших женских курсах Цветаев читал лекции для всего историко-филологического отделения, на которое в 1900 г. приняли 191 слушательницу. Лекции проходили в арендованном для курсов доме Гирш в Мерзляковском переулке.

<sup>2</sup> Так назывался диапроектор; диапозитивы, бывшие тогда стеклянными, именовались «гуманными картинами», или же «стеклами».

## 167

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2418, телеграмма.

## 168

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4829.

## 169

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4831.

<sup>1</sup> Речь идет о 30-летнем юбилее преподавательской деятельности Цветаева,

приходившемся на осень 1900 г. Цветаев был одним из немногих, может быть, единственным в Москве заслуженным профессором, кто никак не отметил подобную дату.

## 170

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4832.

<sup>1</sup> Статья без подписи была опубликована в 6-ю годовщину смерти императора (Московские ведомости. 1900. 20 октября. № 290. С. 2) и раскрывала заявленную в заголовке тему на примере покровительства царя МАО. Статья представляла собой реферат выступления председателя названного Общества в траурные дни 1894 г. (*Уварова П. С.* Памяти незабвенного Государственного покровителя Общества// Древности. Труды ИМАО. Т. 17. М., 1900. Протоколы. С. 199–200).

Отдельный оттиск реферата из «Московских ведомостей» сохранился в библиотеке Музея и до сих пор считался статьей самого Цветаева (см., например: Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 2. С. 169). Однако составителем реферата был ученик Цветаева, известный лингвист и востоковед, а в 1902–1904 гг. помощник секретаря Комитета Музея *Левон Зармайрович Мсерианиц* (1866–1933). См. об этом в его письме Цветаеву от 22 октября 1900 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 2170).

<sup>2</sup> Имеется в виду статья «По следам Гоголя в Риме», за подписью «Aventino». В это время готовилось открытие мемориальной доски на римском доме, в котором когда-то жил писатель. В статье между прочим сказано: «Именно в Гоголевском доме находятся *studii di pittura* [живописные мастерские. – *итал.*] и живут наши художники Рейман, Риццони, Александров, в мастерских которых я не раз бывал. Следующая дверь с улицы – как здесь говорят, *portone* – вела в квартиру Гоголя в третьей этаж...» (Московские ведомости. 1900. 20 октября. № 290. С. 3).

<sup>3</sup> *Дьяконов Петр Иванович*, статский советник, ординарный профессор Московского университета, доктор медицины, редактор-издатель журнала «Хирургия». Был председателем комитета по сооружению в Москве памятника Пирогову (открыт 3 августа 1897 г.). Заведовал университетским Хирургическим институтом в 1891–1893 гг. и Хирургической клиникой в 1901–1908 гг. В качестве частного, «практикующего» врача принимал у себя на дому – на Пречистенке, напротив нынешнего Дома ученых, – по понедельникам и пятницам с 5 до 7 часов вечера. Письмо написано как раз в пятницу.

## 171

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4833.

<sup>1</sup> А. Н. Сумбул умер 17 октября 1900 г. в Гурзуфе, где находился на лечении. Как раз в день его смерти Московская дума постановила выплачивать ему пенсию в 3 тыс. руб.; похоронен с почестями за счет города. Сумбул, по-видимому, был дорог Цветаеву как близкий друг А. Д. Мейна и один из первых единомышленников по созданию Музея.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4834.

<sup>1</sup> Цветаев все-таки присутствовал 23 октября 1900 г. в церкви Св. Георгия в Грузинах при возложении на гроб Л.Н.Сумбула венка от Комитета (Московские ведомости. 1900. 24 октября. С. 2). См. также письмо 173.

<sup>2</sup> Метрополитен-музей основан в 1870 г., в настоящее время один из крупнейших художественных музеев в мире. На рубеже XIX – XX вв. помимо подлинных произведений искусства собрал обширные коллекции слепков, куда входили и архитектурные модели.

<sup>3</sup> Цветаев говорит об имитации афинского Портика кариатид, стоявшей на верхней площадке лестницы, на фоне окна, в прославленном Лестничном вестибюле (Treppenhaus) берлинского Нового музея. Мюнхенский живописец *Вильгельм фон Каульбах* (1805–1874), автор монументальных, полных преувеличенного пафоса произведений, в своем творчестве придерживался принципов романтического историзма. В 1850 – 60-е гг. он расписал верхнюю половину стен упомянутого зала берлинского музея шестью большими многофигурными фресками: «Вавилонская башня», «Гомер и греки», «Разрушение Иерусалима», «Битва гуннов», «Крестоносцы», «Эпоха Реформации»; в промежутках между ними Каульбах написал попарно одну над другой фигуры Иисуса и Моисея, Афродиты и Солона, Италии и Карла Великого, Германии и Фридриха II Прусского; по краям коротких стен – аллегорические фигуры Гравиоры и Архитектуры, Скульптуры и Живописи, и по краям длинных – Эпоса и Истории, Науки и Поэзии. Лестница и фрески полностью разрушены бомбардировками 1943 – 1945 гг. (Фотографии см.: *Frenzel K. Wandgemälde W. von Kaulbach's im Treppenhaus des Neuen Museums zu Berlin. Berlin, 1870; Chale G. Die Berliner Museuminsel. Zerstörung. Rettung. Wiederaufbau. Berlin, 1986. S. 146–148*).

<sup>4</sup> Из Греции был прислан слепок лишь угловой части Портика кариатид, да и та дошла в Москву в поврежденном виде из-за плохой упаковки. Слепок, установленный в Греческом дворике к открытию Музея, был заказан в Париже в 1904 г.

<sup>5</sup> Речь идет о статье: *Цветаев И.В. Поминалка по Гейнрихе фон Брунне и Джiovанни Баттиста де Росси//Древности. Труды ИМАО. Т. XVII. М., 1900. Протокол 449 <5 ноября 1894>, прилож. с. 181–192. Имеется в виду отдельный оттиск: М., тип. Г.Лиснера и А.Гешеля. Оба ученых работали в областях, связанных с научными интересами самого Цветаева, и с обоими он был лично знаком.*

*Брунн Гейнрих (Генрих), фон* (1822–1894), ученик Фр.Ричля, «творца научной латинской эпиграфики» и Фр.Велькера, «первого по времени профессора классической археологии в Европе». В 1856 – 1865 гг. – 2-й секретарь и фактический руководитель Института археологической корреспонденции (Немецкого археологического института) в Риме, редактор его «Annali» и «Bullettino», с 1865 г. – профессор классической археологии в Мюнхенском университете; систематизатор и автор каталога Мюнхенской глиптотеки; основатель музея гипсовых слепков с античной скульптуры. По словам Цветаева, «Брунн первый внес сти-

листическое направление в изучение древней пластики и строго исторический метод исследования...». Издал фундаментальные труды: «История греческих художников» в 2-х томах (1853–1859), «Памятники греческой и римской скульптуры», «Греческие и римские скульптурные портреты». В 1888 г., во время заграничной командировки Цветаева фон Брунн консультировал его по вопросу организации музея слепков, а в дальнейшем оказывал содействие при заказе для МИИ и отправке в Москву гипсовых отливов с экспонатов Мюнхенской глиптотеки. (См.: *Цветаев И. В.* Гейнрих Брунн. По поводу избрания его в почетные члены Императорского Московского университета//Филологическое обозрение. 1893. Т. V. Кн 2. Отд. 1. С. 201).

*Росси Джованни Батиста де* (1822–1894), итальянский археолог, знаток античной и особенно христианской эпиграфики. Больше всего известен изучением римских катакомб, которое начал с 1840-х гг.; открыл «кладбище пап», собрал уникальный материал по истории, литургике и живописи ранних христиан (II–V вв.), который в 1864 г. начал издавать в многотомнике «Подземный христианский Рим». Работа осталась не законченной – вышло три первых тома, научный интерес к ним сохраняется и сейчас. В 1872–1892 гг. опубликовал 23-томный свод мозаик римских церквей, по словам Цветаева, «за первые 14 веков». Основал эпиграфический христианский музей в Латеране. Издавал «Бюллетень христианской археологии», большую часть которого составляли его же статьи. Цветаев познакомился с де Росси, изучая римские бытовые древности. С 1888 г. де Росси консультировал и в качестве хранителя катакомб выдавал разрешения Рейману на копирование фресок в катакомбах, высоко отзывался о его работах. В отдельных случаях Рейман выполнял для де Росси авторское повторение своих акварельных копий. Два письма де Росси к Цветаеву за 1891 и 1893 гг. см.: ф. 6, оп. I, ед. хр. 3516–3517.

## 173

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4835.

<sup>1</sup> 23 октября 1900 г.

<sup>2</sup> Статья публиковалась в трех номерах газеты: *Цветаев И. В.* К открытию Румянцевского музея//Московские ведомости. 1900. 24 – 26 октября. №№ 294 – 296. С. 3. См. также комм. 4 к письму 148.

<sup>3</sup> *Стахеев Николай Дмитриевич*, крупный московский домовладелец (имел 11 доходных домов), пайщик Московского торгово-промышленного товарищества для доставки шерсти и хлопка из Средней Азии. Один из основных жертвователей на студенческие общежития для Университета, член Общества пособия нуждающимся студентам императорского Московского университета, член совета Московского общества призрения, воспитания и обучения слепых детей. В феврале 1898 г. Цветаев обратился к нему с предложением принять материальное участие в создании университетского Музея, но получил отказ, который Стахеев мотивировал тем, что уже помогает деньгами Университету

(письмо от 24 февраля 1898 г.//ф. 6, оп. I, ед. хр. 3722). Своего решения в дальнейшем он не изменил.

## 174

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4836.

<sup>1</sup> *Рыбников Николай Николаевич*, практикующий врач, секретарь Совета Университета, делопроизводитель Строительной комиссии Музея; с конца 1902 г. советник правления Университета (после смерти А.Н.Демосфенова) и член Строительной комиссии Музея по должности.

<sup>2</sup> В эти дни Николай II, находившийся в Ливадии, был опасно болен; с 1 по 29 ноября публиковались ежедневные бюллетени о состоянии его здоровья. Политическая ситуация была тревожной, учитывая, что император не имел прямого наследника. Провозглашенный ранее наследником брат Николая II великий князь Георгий Александрович умер летом 1899 г., новым наследником считался второй брат, великий князь Михаил Александрович.

<sup>3</sup> Говоря о Западе, Цветаев, вероятно, подразумевает в первую очередь недавнее тогда убийство анархистом итальянского короля Гумберта, или Умберто (1844–1900), который был Цветаеву лично симпатичен.

<sup>4</sup> Имеется в виду отдельное издание статьи, упомянутой в предыдущем письме: *Цветаев И.В.* Московский Публичный и Румянцевский музеи. К открытию их 24 октября 1900 года. М., 1900.

## 175

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4837.

## 176

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4838.

<sup>1</sup> *Новиков Иван Алексеевич* (?–1905). Основанное и руководимое им Общество содержало на свои средства школы кройки и шитья, кулинарии и домоводства, организовывало публичные лекции для женщин и т. д. Одним из двух товарищей председателя (а впоследствии и председателем общества) был в это время непреременный член Комитета Музея К.А.Казначеев.

<sup>2</sup> *Синицын Федор Иванович*, действительный статский советник, ординарный профессор и практикующий врач, доктор медицины, член Венерологического и Хирургического обществ. Замечание Цветаева о том, что врачи легко найдут других жертвователей и руководителя соответствующего комитета, вполне справедливо.

## 177

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4839.

<sup>1</sup> Нынешние слова «карьер» (в различных значениях) и «карьерера», одинаково происходящие от французского *саггйёге*, в цветаевское время писались и в мужском, и в женском роде.

## 178

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4840.

<sup>1</sup> Доклад опубликован в газ.: Московские ведомости. 1900. 17 – 18 декабря; и в кн.: Комитет МИИ 1900.

<sup>2</sup> Речь идет о макете, в настоящее время экспонирующемся на средней площадке Греческого дворика. Макет изготовлен с учетом новейших на то время археологических данных, по указаниям таких авторитетных ученых, как Дёрпфельд и Михаэлис; за правильностью русских надписей следил настоятель русской посольской церкви в Берлине, протоиерей А.П.Мальцов. Мысль о заказе этого макета подал помощнику Цветаева Н.И.Романову в августе 1900 г. профессор Боннского университета Г.Лёшке.

<sup>3</sup> *Шлиман Генрих* (1822–1890), немецкий коммерсант и археолог-самоучка, совершивший выдающиеся открытия. В 1870 г. определил местонахождение Трои и начал ее раскопки, позже вел раскопки в Орхомене. В 1874 г. первым приступил к раскопкам Микен и в 1876 г. обнаружил богатый царский некрополь внутри крепостной стены близ Львиных ворот. Открытые пять могил шахтового типа (начало – вторая половина XVI в. до н.э) были отнесены им ко времени правления легендарного Агамемнона, вождя ахейского войска под Троей. Шестая могила на том же участке в 1877 г. была обнаружена греческим археологом П.Стаматакисом. В московском Музее уже хранились гальванокопии двух памятников микенской культуры – найденных в 1880 г. в селении Вафио близ Спарты золотых кубков с рельефными изображениями (Отчет Императорского Московского университета за 1897 г. М., 1898. С. 139).

## 179

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4841.

<sup>1</sup> *Мейн Сусанна Давидовна* (1842(3)–1919), вторая жена А.Д.Мейна, второго тещя Цветаева, первоначально – гувернантка М.А.Мейн, родом из г. Невшатель в Швейцарии; в воспоминаниях дочерей Цветаева – «тетя, Тьо». Овдовев в 1899 г., жила в собственном доме в Тарусе. Ныне в нем находится Музей семьи Цветаевых – филиал Калужского Государственного объединенного краеведческого музея.

## 180

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4842.

<sup>1</sup> Переехав в Петербург в должности товарища министра, Зверев сохранял за собой казенную квартиру в Московском университете.

<sup>2</sup> Зверев ехал на открытие Томского политехнического института. Томск был тогда единственным университетским городом Сибири (с 1880 г.), самым богатым и наиболее культурным в западной ее части. Правда, прокладка Транссибирской железной дороги в стороне от Томска уже тогда предопределила скорое возвышение других центров.

<sup>3</sup> То есть около 24 ноября ст. стилия, когда русской церковью отмечается день памяти св. великомученицы Екатерины.

<sup>4</sup> Письмо Романова от 23 ноября (н.стиля) 1900 г. см.: ф. 6, оп. I, ед. хр. 3447.

**181**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2358, телеграмма.

**182**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4843.

<sup>1</sup> То есть с Н.А.Зверевым.

<sup>2</sup> Имеется в виду Таруса.

**183**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4844.

**184**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4845.

**185**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4846

<sup>1</sup> Залу Лисиппа, сооружаемому на средства П.Г.Шелапутина, присваивалось имя королевы эллинов Ольги Константиновны.

<sup>2</sup> Олонекская губерния с административным центром в Петрозаводске носила название по своему первоначальному, конца XVIII в., губернскому центру – городу Олонец недалеко от восточного берега Ладожского озера.

**186**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4847

<sup>1</sup> *Борденав Сергей Михайлович*, статский советник, прикомандированный к московскому генерал-губернатору от Министерства внутренних дел; он же – начальник отдела и один из старших делопроизводителей в канцелярии генерал-губернатора.

**187**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4848.

**188**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4849.

<sup>1</sup> *Цветков Николай Алексеевич* (не путать с известным коллекционером И.Е.Цветковым), надворный советник; 15 декабря 1900 г. будет избран действительным членом Комитета Музея. См. также письмо 201.

<sup>2</sup> *Медведникова Александра Ксенофоновна* (умерла в ноябре 1899 г.), вдова иркутского городского головы Ивана Логиновича Медведникова. На оставленные ею



средства были построены больница для эпилептиков и приют для неизлечимых больных недалеко от Канатчиковой дачи (психиатрической лечебницы им. Н.А.Алексеева, в советское время – им. П.П.Кащенко), богадельня на Калужской ул., напротив Нескучного дворца (ныне больница святителя Алексия на Ленинском проспекте), приют для престарелых лиц из духовенства в с. Поречье и многое др. Капиталы ее казались так баснословны, что к душеприказчику – Н.А.Цветкову – поступило за 3 месяца свыше 13 тысяч прошений о пособиях и пожертвованиях (см.: Московские ведомости. 1900. 14 марта. С. 2–3).

<sup>3</sup> Московская казенная классическая мужская гимназия им. И. и А.Медведниковых. Здание построено архитектором И.С.Кузнецовым в Староконюшенном переулке близ Арбата в 1901–1903 гг.; ныне средняя школа № 59.

<sup>4</sup> Лицо неустановленное. Возможно, речь идет об И.С.Кузнецове.

<sup>5</sup> *Мосолов Николай Семенович* (1847–1914), известный гравер-офортист и коллекционер западноевропейского и дальневосточного искусства, академик Академии художеств (1872). В течение многих лет был дарителем и почетным членом Румянцевского музея. В 1883 – 1885 гг. по просьбе Цветаева принимал участие в систематизации и каталогизации собрания Гравюрного кабинета Румянцевского музея. Регулярно, начиная с 1880-х гг., передавал в дар Румянцевскому музею различные части своих художественных коллекций и библиотеки, а все оставшееся завещал. С 1894 г. являлся жертвователем на университетский Музей изящных искусств. В частности, на его средства приобретены слепки «Афины Лемнии», «Отдыхающего Гермеса» Лисиппа, нескольких произведений греческой архаики. В середине 1890-х гг. юридически оформил обещание оставить Университету капитал на развитие Музея (судьба этого капитала в настоящее время не известна).

<sup>6</sup> Речь идет, видимо, о Сергее Петровиче Цветаеве, сыне старшего брата И.В.Цветаева, и его жене Варваре Васильевне, урожденной Сомовой.

## 189

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2357, автограф.

<sup>1</sup> См. комм. 5 к письму 117.

## 190

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4850.

<sup>1</sup> В 1892 – 1902 гг. в Дельфах, где некогда находился легендарный оракул, работала экспедиция под руководством главы Французской школы в Афинах *Теофила Омоля* (1848–1925). Были раскопаны священная дорога, развалины храма Аполлона 366 – 339 гг. до н.э., театр, стадион, другие сооружения, открыто свыше 4500 надписей, в том числе найдены гимны Аполлону с музыкальными знаками. Обнаружено множество произведений искусства, среди них знаменитая ныне бронзовая фигура юноши-возничего (ок. 470 г. до н.э.) работы неизвестного автора. Слепок с этой фигуры с 1912 г. экспонируется в Музее изящных

искусств. С Омоллем встречался и консультировался в связи со строительством Музея Клейн во время своего пребывания в Греции в ноябре 1898 г. Впоследствии Омолль в качестве директора Национальных музеев Франции оказывал помощь Музею в получении слепков с античных памятников.

<sup>2</sup> *Каввадиас Панайотис* (1849–1928), греческий археолог, директор древностей и археологических раскопок Греции. Под его наблюдением выполнялись слепки со скульптур из афинских музеев, заказанных для Музея изящных искусств.

<sup>3</sup> *Жетон* (нагрудный знак) выполнен по рисунку Клейна к закладке Музея в 1898 г.; сохранились три его подготовительных акварельных эскиза (ф. 8, оп. V, ед. хр. 38). В обсуждении стиля жетона ближайшее участие принимал Цветаев, приславший Клейну в письме свой примерный набросок с указанием, что необходим «хороший славянский шрифт» (ф. 8, оп. III, ед. хр. 125). Экземпляры жетона хранятся в отделе нумизматики ГМИИ им. А.С.Пушкина. См: *Аксененко М.Б.* Несколько неопубликованных нагрудных знаков// *Монеты и медали: Сборник статей по материалам коллекции отдела нумизматики. ГМИИ им. А.С.Пушкина. М., 1996. С.233–242.*

<sup>4</sup> *Ону Михаил Константинович* (? –1901), тайный советник, российский чрезвычайный посланник и полномочный министр в Афинах.

<sup>5</sup> Цветаев был доцентом Киевского университета в 1876/77 академическом году.

<sup>6</sup> Сам Цветаев совершил такой переезд в 1889 г. и описал его в первом очерке своих неоконченных путевых заметок «По Элладе», опубликованных в журнале «Русское обозрение» (1892, сентябрь, октябрь и ноябрь; 1893, ноябрь).

**191**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4851.

**192**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4853.

**193**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2359, автограф.

**194**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4852.

**195**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4854.

<sup>1</sup> *Лабиринт* – согласно греческой легенде – жилище чудовищного человекобыка Минотавра во дворце критского царя Миноса, отличавшееся преднамеренной сложностью планировки.

<sup>2</sup> *Эванс Артур Джон* (1851–1941), до 1900 г. был известен как журналист и путешественник, осуществивший некоторые раскопки в Сицилии и на Крите, и

хранитель Оксфордского музея; в дальнейшем – крупнейший английский ученый-археолог. С его именем связана научная периодизация критских и микенских древностей. В 1900 г. им был обнаружен Кносский царский дворец (конец III тыс. до н. э.) – огромное здание, состоящее из массы помещений от парадных зал и жилых комнат до кладовых и мастерских, соединенных коридорами, переходами и лестницами и группировавшихся вокруг большого двора. (Одновременно итальянские археологи открыли другой древний дворец на Крите – в Фесте.) По материалам своих раскопок, продолжавшихся по 1931 г., Эванс опубликовал шеститомный труд «Дворец Миноса» (1921–1936). Цветаев упоминает заметку в «Московских ведомостях» (1900, 11 декабря. С. 5; газета и раньше сообщала о раскопках Кносского дворца: 5 октября. С. 5).

<sup>3</sup> В 1898 г. Крит вошел в состав греческого государства.

<sup>4</sup> Пожертвование не состоялось.

## 196

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4855.

<sup>1</sup> То есть для отчета факультету. В рукописи, по-видимому, ошибка переписчика: «французского», что противоречит условиям конкурса (см. ниже).

<sup>2</sup> *Мальмберг Владимир Константинович* (1860–1921), специалист по древнегреческому искусству. В 1884 г. окончил историко-филологический факультет Казанского университета, далее занимался у А.В.Прахова, П.В.Никитина, И.В.Помяловского в Петербурге. В 1888 – 1890 гг. читал курс истории искусств в Казанском университете. С 1890 г. экстраординарный, затем – ординарный профессор кафедры классической филологии и археологии Дерптского (Юрьевского, ныне Тартуского) университета, одновременно заведовал кабинетом изящных искусств и древностей при этом университете. Его магистерская диссертация «Метопы древнегреческих храмов» (1892) удостоена медали ИРАО (СПб.). Цветаев не только рецензировал конкурсную работу Мальмберга 1900 г., получившую Боткинскую премию и опубликованную позже в переработанном виде под названием «Древнегреческие фронтоновые композиции» (СПб., 1904), но и был оппонентом на его докторской защите (1905). В 1907 г. Цветаев организовал приглашение Мальмберга в Московский университет, в связи с чем была введена вторая ординатура по теории и истории искусств. Одновременно Мальмберг начал преподавать во вновь организованном Археологическом институте и на Высших женских курсах. Он стал также помощником Цветаева по организуемому Музею, участвуя в создании экспозиции залов античного искусства. К открытию Музея в соавторстве с Б.А.Тураевым и Н.А.Щербаковым подготовил путеводитель (Музей изящных искусств имени Императора Александра III в Москве. Краткий иллюстрированный путеводитель. Часть I. Египет. Ассирия-Вавилония. Греция. Рим. М., 1912 и дальнейшие издания). В 1911 г. – старший хранитель, после смерти Цветаева – директор Музея. Автор исследований о творчестве А.Дюрера; опубликовал ряд памятников из собр.

В.С.Голенищева. Сохранилось 12 писем Мальмберга к Цветаеву за 1893 – 1907 гг. (см.: ф. 6, оп. I, ед. хр. 1960–1971).

<sup>3</sup> *Боткин Василий Петрович* (1811/12–1869), глава крупной чаеоторговой фирмы; литературный, художественный и музыкальный критик, автор известных «Писем об Испании». Завещал 70 тыс. рублей на поощрение наук и искусств, в том числе Московской консерватории, Училищу живописи и ваяния (на премии для художников), Московскому университету, часть из них – на приобретение гипсовых слепков с античных памятников. (Таким образом, Боткин явился первым крупным жертвователем на будущий цветаевский музей.) Боткинская премия учреждена в Университете из процентов с капитала, завещанного на проведение конкурсов. По условиям завещателя премия присуждалась исключительно русским подданным за лучшее сочинение по античной истории или искусству, написанное на русском языке или латыни и ранее не публиковавшееся. Тему предлагало классическое отделение историко-филологического факультета Университета, в которое фактически входила и кафедра теории и истории искусств. (Иными словами, Цветаев имел возможность лично влиять на выбор и формулировку темы.) В случае, если ни одна работа на заданную тему не была удостоена награды, за факультетом оставалось право присудить ее работе на свободную тему, соответствующей остальным условиям конкурса. Конкурс проводился раз в 2-3 года, и сумма премии колебалась.

## 197

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4856.

<sup>1</sup> Николай II возвращался из Крыма в Петербург.

## 198

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4857.

## 199

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4858.

<sup>1</sup> П.С.Уварова жила недалеко от дома генерал-губернатора, в Леонтьевском пер.; у нее в доме обычно происходили и заседания ИМАО.

## 200

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4859.

<sup>1</sup> Подразумевается западный обычай подавать к столу на Рождество жареного гуся (на Руси чаще подавали поросенка). *Святой Мартин* (ок. 315– 397), епископ Турский, почитаемый и православной церковью, но особенно популярный во Франции, часто изображался с гусем у ног. На Западе день празднования его памяти (11 ноября н. стилия) приходится перед самым началом 6-недельного поста, завершающегося к Рождеству, и сопровождается проща-

нием с мясной пищей. Характерно, что и в старой России в последний день накануне Рождественского (Филиппова) поста, т.е. 14 ноября ст. стилия, излюбленной пищей был гусь.

<sup>2</sup> Речь идет об иллюстрациях к докладу: на годичном заседании Комитета 16 декабря 1900 г. Нечаев-Мальцов выступал с сообщением о золотых изделиях микенской эпохи (см.: *Цветаев И.В.* Речь, произнесенная в годичном заседании Комитета Музея 16 декабря 1900 г. М., 1900. С. V). На заседании были также показаны уже имевшиеся в Кабинете гальванокопии 2-х кубков, о которых см. комм. 3 к письму 178.

## 201

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4860.

<sup>1</sup> Колесников был избран казначеем Комитета позднее, в 1903 г.

## 202

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4938

Это письмо было ошибочно помещено переписчиками на год позже.

## 203

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4861.

<sup>1</sup> На годичном заседании Комитета 16 декабря 1900 г. на должность музейного казначея избран председатель правления Московского купеческого общества взаимного кредита *Вишняков Алексей Семенович* (1859–1910), потомственный почетный гражданин, коммерции советник, видный деятель коммерческого образования в Москве.

<sup>2</sup> Имеется в виду Шульц, прежний казначей Комитета.

<sup>3</sup> *Алексеев Николай Александрович* (1852–1893), потомственный почетный гражданин, один из директоров товарищества «Владимир Алексеев». Московский городской голова в 1885 – 1893 гг. Основатель Алексеевской психиатрической больницы. Родственник К.С.Станиславского.

<sup>4</sup> *Найденов Николай Александрович* (1834–1905), потомственный почетный гражданин, коммерции советник, купец московской 2-й гильдии; председатель правлений Московского международного торгового банка и Московского торгово-промышленного товарищества, доставлявшего хлопок и шерсть из Средней Азии; совладелец торгового дома «А.Найденова сыновья». Председатель Московского биржевого комитета в 1876 – 1905 гг. Меценат-издатель. На его средства, в частности, издан в 1880-е гг. так называемый Найденовский альбом фотографий с видами Москвы. Автор многочисленных публикаций по истории купечества Москвы и других городов России.

<sup>5</sup> Телеграмма от 17 декабря 1900 (ф. 6, оп. I, ед. хр. 339).

## 204

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4862.

<sup>1</sup> Музей сравнительной скульптуры (открыт в 1879 г., ныне – Национальный музей французских памятников во дворце Шайо) занимал часть парижского дворца Трокадеро, расположенного на правом берегу Сены. Экспозиция состояла из слепков со средневековой французской и отчасти немецкой церковной скульптуры и архитектурных фрагментов – порталов церквей, надгробий, а также скульптурных бюстов. Имелось также некоторое количество копий с античной скульптуры, со скульптур и барельефов французского и итальянского Ренессанса, образцы французской скульптуры XVII – XIX вв. Здание Трокадеро снесено ко Всемирной выставке, проходившей в Париже в 1937 г., на этом месте выстроен дворец Шайо.

## 205

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4863.

<sup>1</sup> *Каррара (позднелат. Quadraria* – каменоломня), город в Тоскане, в Центральной Италии; издревле известен карьерами ценного белого мрамора. Цветаев побывал там в 1903 г.

<sup>2</sup> Речь идет о новом здании, соорудившемся для банкирского дома «И.В.Юнкер и К<sup>о</sup>» (основан в 1819 г., отделения в Петербурге и Москве). Вот что писали об этом здании в 1905 г.: «Дом г. Юнкер на Кузнецком мосту архитектуры Эрихсона. Верхняя часть дома напоминает довольно использованный берлинский прием стилизации цветов; кариатиды в окнах (быть может, навеянные Никольскими рядами) не вяжутся с окружающим и плохо нарисованы; декадентские оконные рамы беспокойны и крикливы; в общем, набор разных, не имеющих между собою логической связи, архитектурных форм. Типичный образец посредственного и буржуазного «moderne» (Новая Москва. Обзор новейших архитектурных построек// Искусство. 1905. № 2. С. 59). Здание находилось на месте Дома художника на Кузнецком мосту.

## 206

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4864.

## 207

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4865.

## 208

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4866.

<sup>1</sup> *Скребицкий Александр Ильич* (1827–1915), известный врач-окулист и историк, автор фундаментального труда «Крестьянское дело в царствование Императора Александра II» (1862–1868). С 1890-х гг. проживал в г. Белосток Виленской губ. (ныне – в северо-восточной Польше). Оригинал цитируемого

Цветаевым письма не найден. Оно являлось откликом на только что разосланную Цветаевым брошюру: Комитет МИИ 1900, либо на газетную публикацию той же речи (Московские ведомости. 1900. 17–18 декабря). На с. 16–17 брошюры – краткий некролог М.С.Скребицкой. О стеклянной крыше Музея упомянуто на с. 27–28.

Сохранилось 20 других писем А.И.Скребицкого Цветаеву за 1898 – 1908 гг. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 3610 а – ф).

<sup>2</sup> «*Варшавский дневник*» – ежедневная русская газета, издававшаяся в Варшаве. Статья напечатана в номере от 25 декабря 1900 г. Автор – брат Цветаева, крупный историк *Дмитрий Владимирович Цветаев* (1852–1920), в то время профессор Варшавского университета, завершавший печатание 1-го тома Приложений к своей монографии о Вас.Шуйском. 25 декабря 1900 г. он писал Ивану Владимировичу: «Твоей речью на торжественном годичном музейном заседании я воспользовался, составив по ней статью, которую в нынешнем №-ре “[Варшавско-го] дн[евника]” и посылаю тебе. Значит, “тебе же да твоим добром”, а мне – “литературный заработок”!» (Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4534. Публикуется впервые).

## 209

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4867.

## 1901

---

### 210

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4868.

Это письмо по оплошности Цветаева не было отослано вовремя и отправлено только 12 мая (см. письмо 245).

<sup>1</sup> Неточность: в этом министерстве, в отличие от министерства просвещения, Нечаев-Мальцов не входил в его руководящий орган – Совет министра. Он был лишь членом одной из комиссий при министерстве, называвшейся «Советом торговли и мануфактур» (см.: *Весь Петербург на 1901 год*. СПб., 1901. Отд. I. Стб. 215).

### 211

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2360, телеграмма.

### 212

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4869.

<sup>1</sup> Малотиражное издание. В большинстве случаев литографические курсы лекций издавались не самими профессорами, а студентами – по записям, сделанным с голоса и лишь изредка просмотренным преподавателем. Один из студентов готовил текст и переписывал его набело «литографскими чернилами»

(или перепечатывал на машинке со специальной бумагой), другой брал на себя оплату издания и его распространение по подписке между слушателями. Среди студентов – составителей текстов в разные годы бывали и будущие выдающиеся ученые (В.О.Ключевский, М.О.Гершензон и др.), тщательно следившие за верностью передачи смысла и деталей, и – гораздо чаще – люди небрежные и неталантливые. С 1885 г. министерство запретило издания лекций без визы профессора, – и все равно они появлялись, даже когда популярный профессор (как тот же Ключевский) категорически возражал против этого. Понятно, что их появление зависело как от наличия среди студентов энтузиастов данного предмета и данного профессора, так и в гораздо большей мере – от числа лиц, обязанных экзаменоваться по этой дисциплине; в отношении же истории искусств это число было в русских университетах 1884 – 1906 гг. ничтожным. Известны, однако, литографические записки по искусству с неплохими и даже хорошими литографическими иллюстрациями: лекции по древнему искусству приват-доцента Московского университета М.С.Корелина (1888/89) и по античному искусству проф. Новороссийского (Одесского) университета Н.П.Кондакова (1887/88, с рисунками Д.В.Айналова). Литографированное издание под названием «Конспект лекций по истории античного искусства, читанных на Высших женских курсах в Москве проф. И.Цветаевым» вышло в типолитографии В.Рихтера в 1904 г. и известно нам лишь в неполных экземплярах. В одном случае оно сплетено с другим Цветаевским курсом – по античной скульптуре (университетским?) – также литографированным у Рихтера, но в неизвестное время. Оба курса, в отличие от конспекта для Консерватории 1899 г., не затрагивают Древнего Востока.

Иллюстрированное типографское издание своих лекций Цветаеву осуществить не удалось.

## 213

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4870.

<sup>1</sup> С конца 1897 г. фактически, а с марта 1898 г. – и по договору об аренде на 25 лет, Россия завладела в Китае двумя незамерзающими гаванями на Ляодунском полуострове в Маньчжурии, которые стали базами ее Тихоокеанского флота: Порт-Артур и Талиенван. В августе 1900 г. в ходе международной операции по подавлению массового выступления против иностранцев в Китае, так называемого восстания боксеров, русские войска заняли Пекин, а также Маньчжурию от российской границы до Порт-Артура. В операции принимали участие Япония, Германия и др. страны; в конце 1900 г. международный отряд покинул китайскую столицу.

Переписка об упоминаемом Цветаевым «тайнственным подарке» хранится в ф. 2, оп. I, ед. хр. 124 (5 лл; 8.01.1901 – 4.07.1901). Неизвестный офицер выслал из Порт-Артура в адрес Музея китайские «колокола и рисунки старье» (л. 5);



пришедший в Одессу с пароходом «Корея» груз из 4 ящиков был 16 июня отправлен, почему-то уже в виде 3 ящиков, из Одессы на имя Музея; их дальнейшая судьба не установлена.

<sup>2</sup> Обучение в университетах было платным. Впрочем, число студентов Московского университета, освобожденных от платы, было достаточно велико (ок.  $\frac{1}{3}$ ) и резко сократилось лишь в 1907 г. (до  $\frac{1}{10}$ ). Кроме того, примерно 15% студентов получали стипендии от казны или от различных благотворителей. См.: История Московского университета. М., 1955. Т. 1. С. 366–367.

<sup>3</sup> По «Временным правилам», принятым 29 июля 1899 г., студенты «за учинение скопом беспорядков» подлежали уже не суду университета, как раньше, а суду особых совещаний. В состав последних, наряду с университетским начальством, входили представители трех других министерств: военного, юстиции и внутренних дел. Студенты, исключенные таким совещанием из университета, не только автоматически лишались отсрочки от исполнения всеобщей воинской обязанности, но и теряли все индивидуальные льготы в отношении призыва, то есть права служить вольноопределяющимся, которое зависело от уровня образования; освобождения от службы для единственного кормильца семьи или престарелых родителей; выигранного при жеребьевке права пребывать в запасе (в мирное время действительную службу проходила лишь часть призывников по жребию) и т.п. В январе 1901 г. были отданы таким образом в солдаты 183 студента-забастовщика из Киевского университета. Это повлекло за собой протесты. 29 января участники сходки в Московском университете объявят забастовку, требуя амнистии киевлян и своих собственных прошлогодних вожаков, отмены «Временных правил» и пересмотра «Устава» российских университетов. Пик студенческих волнений придется уже на середину февраля – начало марта: смертельное ранение 14 февраля министра просвещения Н.П.Боголепова (умер 2 марта) киевским студентом, явившимся к нему на прием в Петербурге; демонстрации 19 февраля в Петербурге и Харькове; сходка и демонстрации по всему центру Москвы 23 – 25 февраля, приведшие к применению полиции и войск (жертв не было); демонстрация 4 марта у Казанского собора в Петербурге (о московских событиях см.: История Московского университета. Т. I. С. 502–508; о «Временных правилах» – там же, с. 364; о нормальном порядке прохождения воинской службы – *Клюевский В.О.* Краткое пособие по русской истории. Изд. 5-е, М., 1906. Репринт М., 1992. С. 180–182).

Цветаев сам считал необходимым пересмотр «Устава» и «Временных правил», но полагал безнравственным для студента срывать занятия стачками и т.п., вместо того чтобы овладевать профессиональными знаниями. Поэтому 24 февраля он подпишет вместе со всеми профессорами Университета (кроме К.А. Тимирязева) обращение Совета университета к студентам, призывающее вернуться к нормальным занятиям. Полный текст этого документа см. в Приложении I.

## 214

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4871.

<sup>1</sup> И.П.Раттенок.

<sup>2</sup> Поверенным Листа на Урале был Блуменау.

<sup>3</sup> В итоге зал был отделан белым искусственным мрамором, откуда и его общеизвестное в наши дни название: «Белый». (Для сравнения полезно помнить, что многие наиболее парадно оформленные залы Зимнего дворца в Петербурге также украшены всего лишь искусственным мрамором.)

<sup>4</sup> В 1901 г. Пасха приходилась на 1 апреля; первые вагоны придут только 23 июня.

<sup>5</sup> «Поселятся» в буквальном смысле, т.е. на жительство.

## 215

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4872.

<sup>1</sup> В отличие от России, в Германии последней четверти XIX в. история искусств уже входила в программу средней школы. Поэтому школы требовалось обеспечить недорогим, но качественным иллюстративным материалом – задача, которую успешно решило Лейпцигское издательство А.Е.Зееманна. С конца 1870-х гг. оно регулярно выпускало то в виде набора таблиц в папках, то в виде большеформатного альбома атлас «Иллюстрации по истории искусства» («Kunsthistorische Bilderbogen»), а также сопроводительные текстовые тома к нему, написанные Антоном Шпрингером; иллюстрации печатались в технике гравюры на дереве, их составителем по разделу древности был Рудольф Менге. Следующий атлас, «История искусства в иллюстрациях» («Kunstgeschichte in Bildern»), начал выходить в 1900 г., раздел древности составлен в нем Францем Винтером. Рисованные иллюстрации были заменены воспроизведенными типографским способом фотографиями. Это делало таблицы более точными в передаче пропорций и стиля произведений. Понятно поэтому восхищение Цветаева; однако спустя сто с лишним лет больше заметны, наоборот, недостатки этого издания: его громоздкость (иллюстрации для прочности напечатаны на толстом картоне), посредственная печать, не всегда удачное освещение при съемке – не говоря уже о принципиальной непригодности тоновой фотографии для передачи мелких деталей (недаром и по сей день во многих книгах по искусству с фотографиями соседствуют прорисовки).

## 216

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2361, телеграмма.

## 217

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4873.

<sup>1</sup> Лютеранская церковь в Старосадском пер., неподалеку от упоминаемой ниже ул. Маросейка.

<sup>2</sup> *Малевинский Николай Яковлевич*, действительный статский советник.

<sup>3</sup> *Яковлев Сергей Павлович*, и.о. председателя и действительный член Московского попечительного о бедных комитета императорского человеколюбивого общества.

## 218

Колл. XXI, разд. I, ед. хр. 18, телеграмма.

Текст телеграммы печатается по копии, сделанной К.Иезберой.

<sup>1</sup> О своем избрании в почетные члены Петербургского университета Цветаев узнал из телеграммы И.В.Помяловского от 31 января 1901 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 3143). В опубликованной в «Московских ведомостях» 14 марта 1901 г. заметке об этом избрании, текст которой составлен самим Цветаевым, его заслуги по Музею не упоминаются (ф. 6, оп. II, ед. хр. 19, л. 7 – автограф). В Санкт-Петербургском университете Цветаев учился в 1866 – 1870 гг. на историко-филологическом факультете, затем был оставлен на два года при кафедре для подготовки к профессорскому званию, в 1873 г. защищал магистерскую, а в 1877 г. – докторскую диссертации.

## 219

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2362, телеграмма.

## 220

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4874.

<sup>1</sup> *Семирадский Генрих Ипполитович* (1843–1902), живописец польско-русского происхождения, представитель позднего академизма. Профессор Петербургской академии художеств. Сюжеты его картин взяты из античности, Ветхого и Нового Завета, из времен первых христиан, из русской истории. В 1870-е гг. художник в числе других участвовал в росписи храма Христа Спасителя, в середине 1880-х гг. создал для Исторического музея в Москве две монументальные картины. Опыт художника в создании крупноформатных произведений, его интерес к историческому материалу и блестящая манера живописи, а также то, что им был расписан плафон в петербургском особняке Нечаева-Мальцова, объясняет намерение последнего пригласить Семирадского для украшения одного из залов Музея.

<sup>2</sup> Здание парламента в стиле псевдоготики, архитектор И.Штейндль, построено в 1884–1896 гг.

## 221

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2427, телеграмма.

## 222

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4875.

<sup>1</sup> *Цветаев Федор Владимирович* (1850–1901), выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, преподаватель русского языка

и литературы сначала в Шуйской прогимназии, затем в Орловском реальном училище, в 1884–1900 гг. – в 6-й Московской классической гимназии; с 1887-го до конца жизни также инспектор 2-й женской гимназии. Умер в Москве 12 февраля 1901 г., похоронен в Талицах Шуйского уезда Владимирской губ. (См.: Московские ведомости. 1901. 13 февраля, № 43. С. 1, 3; 15 февраля, № 45. С. 3, 5; 18 февраля, № 48).

<sup>2</sup> Цветаев представлялся великому князю в понедельник, 19 февраля (Московские ведомости. 1901. 20 февраля. № 50. С. 3); приглашением на ближайшие дни он не смог воспользоваться. В пятницу, 23 февраля, у великого князя побывал сам Нечаев-Мальцов (Московские ведомости. 1901. 24 февраля. № 54. С. 2).

## 223

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4876.

<sup>1</sup> Организатор производства гальваноконий с микенских древностей, Э. Жильерон, жил в Афинах, само производство велось на фабрике в Вюртемберге (Виртемберге). Интересно, что 12 лет спустя, к моменту открытия цветавского музея, приобретение жильероновских копий рекомендовалось уже не только университетам, но и гимназиям (см.: Гермес. 1912. № 11/12. С. 320–321).

## 224

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4877.

<sup>1</sup> Национальный археологический музей в Афинах построен в 1860–1874 гг.

<sup>2</sup> Собственно, Внешний Керамик, в отличие от Внутреннего, квартала гончаров – античный некрополь к северо-западу от древних Афин, за Дипилонскими воротами.

<sup>3</sup> Горельеф начала IV в. до н. э. с изображением конного воина, повергающего врага. Слепок находился в экспозиции Музея в 1912 г. в зале аттических надгробий (в центральном ризалите над портиком Музея); сейчас – в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева (РГГУ).

<sup>4</sup> Имеется в виду надгробие юноши (ок. 340 г. до н. э.; Афины, Национальный музей), найденное близ реки Илосс, к юго-западу от Афин; длительное время приписывалось к кругу работ Скопаса. Слепок сейчас также находится в РГГУ.

<sup>5</sup> Памятник Гегесо (кон. V в. до н. э.) – одно из наиболее знаменитых женских надгробий (Афины, Национальный музей). Слепок – на одном из столбов так называемого Белого пола, при входе на 1-й этаж Музея из нижнего, подвального, вестибюля.

<sup>6</sup> *Омфалос* – пуп (*др.-греч.*); подразумевается так называемый Пуп Земли в Дельфах.

## 225

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4878.

<sup>1</sup> То есть вдовствующая императрица Мария Федоровна и императрица Александра Федоровна.

<sup>2</sup> Александра Федоровна находилась в ожидании рождения дочери Анастасии.

<sup>3</sup> Отец Н.П. Боголепова в свое время служил полицейским приставом в Серпухове. *Вышнеградский Иван Алексеевич* (1831–1895) был министром финансов в 1887–1892 гг. *Сперанский Михаил Михайлович* (1772–1839), государственный деятель-реформатор либерального направления, в 1808 – 1811 гг. ближайший советник Александра I. Происходил из священнического рода и получил высшее духовное образование.

<sup>4</sup> Имеются в виду слухи о возможных кандидатах на пост министра. *Ковалевский Владимир Иванович*, товарищ министра финансов и председатель Совета по учебным делам при том же министерстве, действительный статский советник, либо *Ковалевский Александр Онуфриевич* (1840–1901), выдающийся биолог, директор Севастопольской биостанции, профессор Петербургского университета, академик (1890), тайный советник. *Таганцев Николай Степанович* (1843–1923), известный юрист и товарищ председателя Общества пособия нуждающимся литераторам и ученым («Литературный фонд»), тайный советник и сенатор. *Сергеевский (Сергиевский) Николай Дмитриевич* (1849–1908), ординарный профессор Петербургского университета по кафедре уголовного права и судопроизводства, действительный статский советник и статс-секретарь Государственного совета. *Сонин Николай Яковлевич* (1849 – 1915), попечитель Петербургского учебного округа (с 1899 г.), математик, академик (с 1893 г.), член-учредитель Философского общества, действительный статский советник. *Фон-Арнеп Василий Константинович* (1852–не ранее 1910), врач, в 1899–1901 гг. попечитель Харьковского учебного округа, в 1901 г. переведен на должность попечителя Петербургского учебного округа. *Петров Николай Павлович* (1836–1920), военный инженер, профессор Николаевской инженерной академии в Петербурге, председатель Императорского Русского технического общества, академик, генерал-лейтенант, член Государственного совета. *Константин Константинович*, великий князь (1858–1915), президент Академии наук, главный начальник военно-учебных заведений, почетный председатель Русского музыкального общества, создатель Пушкинского Дома в СПб., переводчик и комментатор шекспировского «Гамлета»; печатал стихотворения за подписью «К.Р.».

## 226

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4879.

<sup>1</sup> Венок упомянут в газетном репортаже о похоронах Н.П. Боголепова (Московские ведомости. 1901. 8 марта. № 66. С. 2–3): «Перед выносом гроба из церкви [Дорогомиловского кладбища] был доставлен изящной работы серебряный, окруженный лаврами и пальмами венок от имени Ю.С. Нечаева-Мальцова, находящегося в настоящее время в Афинах. Венок был возложен профессором И.В. Цветаевым». Днем раньше Цветаев участвовал в возложении венков от Комитета по устройству Музея изящных искусств, с надписью «Министру и

своему члену-учредителю», и от Румянцевского музея; в почетном карауле у гроба в числе первых стоял помощник секретаря Комитета Н.Н.Трескин (Московские ведомости. 1901. 7 марта. № 65. С. 2).

<sup>2</sup> Имеется в виду серебряное заведение Михаила Павловича и Александра Павловича Овчинниковых, с магазинами на Кузнецком мосту и Ильинке, фабрика – в Гончарном пер.

<sup>3</sup> Согласно газетам, великий князь Сергей Александрович, «несмотря на сырую погоду», шел за гробом министра от Брянского вокзала до самой кладбищенской церкви, а на следующий день «нес гроб Н.П.Боголепова [от церкви] до места последнего упокоения». Следует помнить, что обстановка в Москве была тревожной: не прошло еще двух недель со времени небывалых ранее шествий и демонстраций, в которых рабочие и обыватели впервые выступили в поддержку бастующих студентов; 23 февраля толпа сделала попытку силой освободить из Манежа временно запертых там арестованных студентов и их подруг (628 человек); в следующие два дня демонстранты ходили с пением по центральным улицам; одна их группа бурно приветствовала случайно встреченного Л.Н.Толстого, об отлучении которого от церкви, произошедшем на 8 месяцев раньше, было объявлено как раз в те дни; другая группа разбила окна в редакции «Московских ведомостей» и спела перед домом обер-полицмейстера кощунственную и бесчеловечную панихиду по лежавшему тогда еще при смерти Н.П.Боголепову. (Яркое описание московских событий 23–25 февраля 1901 г. см.: *Гершензон М.О.* Письма к брату. М., 1927. С. 153–156.) Если не считать публикации упоминавшегося ранее обращения Совета университета к студентам, газеты молчали об этих событиях. Только в день похорон Боголепова появилось правительственное сообщение о февральских выступлениях учащихся по стране (о действиях горожан при этом не упоминалось); еще через 10 дней Москва была объявлена на положении усиленной охраны.

<sup>4</sup> В 1878 г. Боголепов вернулся из двухлетней заграничной командировки и приступил, тогда еще в звании доцента, к чтению лекций по истории римского права. Поскольку читавшийся тогда Цветаевым предмет (римские бытовые и государственные древности) многими сторонами пересекался с боголеповским, сближение молодых ученых могло быть вызвано профессиональными интересами.

<sup>5</sup> *Победоносцев Константин Петрович* (1827–1907), с 1880 по октябрь 1905 г. обер-прокурор Святейшего Синода. *Кони Анатолий Федорович* (1844–1927), юрист, председатель Петербургского окружного суда, сенатор, мемуарист, с 1896 г. почетный член Академии Наук, с 1900-го – академик по разряду изящной словесности.

<sup>6</sup> Намек на название широко известного антинигилистического романа А.Ф.Писемского «Взбаламученное море» (1863).

## 227

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2364, автограф.

<sup>1</sup> Упомянутый каталог не сохранился, в силу чего мы лишены возможности прокомментировать ответную депешу Цветаева, перечисляющую 38 экспонатов (см. телеграмму № 229).

## 228

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4880.

<sup>1</sup> То есть 14 марта 1901 г.

<sup>2</sup> Сведений о маршруте поездки Нечаева-Мальцова по Греции не сохранилось. Сам Цветаев посетил перечисленные места в 1889 г. и сделал о них в 1892 г. два сообщения в ИМАО: «Древности Микен и Тиринфа» и «Древности Аргоса и Эпидавра». Резюме второго из них см.: Московские ведомости. 1892. 9 февраля. № 40. С. 4.

Микенская цивилизация, открытая Г.Шлиманом в 1870 г., считалась древнейшей в Европе вплоть до обнародования результатов раскопок А.Эванса на Крите, начатых в 1900 г. и показавших ее зависимость от более древней критской цивилизации. Тогда уже появится термин «крито-микенская культура».

<sup>3</sup> 17 марта 1901 г. подписано «Обязательное постановление» московского генерал-губернатора о введении положения «усиленной охраны» (Московские ведомости. 1901. 18 марта. № 76. С. 1), изданное вследствие предписания министра внутренних дел от 12 марта. Режим усиленной охраны сохранялся в Москве в последующие годы и в январе 1902 г. был даже усилен.

<sup>4</sup> Начальник главного управления уделов (т.е. имений царской семьи) в Министерстве Двора и уделов, князь *Леонид Дмитриевич Вяземский* (1848–1909) во время разгона демонстрации у Казанского собора в Петербурге 4 марта 1901 г. помог одному из студентов вырваться из рук дворников (см. *Сабашников М.В.* Записки. М., 1995. С. 237). После Высочайшего выговора «за вмешательство в действия полиции при прекращении уличных беспорядков» (Московские ведомости. 1901. 17 марта № 75. С. 2) был снят с должности в министерстве, но оставлен в департаменте промышленности, наук и торговли Государственного совета (см.: *Весь Петербург на 1901 г.* [справочник вышел к середине года]; *Энциклопедический словарь «Гранат».* Изд. 7-е. Т. 23. С. 688).

<sup>5</sup> Фомина неделя, вторая после Пасхи, в 1901 г. пришлось на 8–14 апреля. Поездка Листа на Урал состоялась только в конце июня – начале июля (см. письма 254 и 258); в апреле на уральские ломки ездили Раттенок и Демосфенов (см. письмо 235). Темпы добычи мрамора оказались значительно ниже ожидавшихся: с середины мая и по 31 августа 1901 г. было доставлено только 63 вагона белого мрамора, а всего до конца года – 97 (накладные и счета см.: ф. 3, оп. 1, ед. хр. 79).

<sup>6</sup> См. подлинник договора о передаче заказа Нечаева-Мальцова от Быховского Листу: ф. 3, оп. 1, ед. хр. 79, л. 13–15.

<sup>7</sup> Заявление от 9 марта 1901 г., подписанное по доверенности Листа Раттенком (ф. 3, оп. I, ед. хр. 79, л. 39–40).

<sup>8</sup> Речь идет не о крыше, а о перекрытиях потолка второго этажа в задней половине Музея; ее строительство опережало переднюю часть, так как не было связано с ожиданием поставок мрамора.

<sup>9</sup> Имеется в виду художник Семирадский. Жил в Риме в специально выстроенном для него роскошном дворце-особняке.

<sup>10</sup> Об Элевсине сам Цветаев писал в свое время в журнале «Русское обозрение» (1892. Октябрь. С. 521–558); об афинском Акрополе делал доклад в ИМАО в 1891 г., но опубликовал лишь отрывок о Пропилеях и храме Афины-Ники (Русское обозрение. 1893. Ноябрь. С. 107–131).

## 229

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4688, телеграмма.

<sup>1</sup> Телеграмма сохранилась в записи принявшего ее по аппарату телеграфиста – на бланке Афинского телеграфа с датой «6.4.1901» (нового стиля). В Греции, как и в России до февраля 1918 г., был юлианский календарь, так называемый старый стиль, однако на международном телеграфе там пользовались западноевропейским календарем.

## 230

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4881.

<sup>1</sup> Очевидно, год издания каталога слепков.

<sup>2</sup> Подразумевается формовщик *Наполеоне Мартинелли* (? – ок. 1890).

<sup>3</sup> Мраморные скульптурные изображения так называемых Аполлонов или курсов (юношей) относят к рубежу VII – VI вв. до н. э., т.е. ко времени греческой архаики. Предполагают, что это были скульптуры победителей в гимнастических соревнованиях и создавались они в посвящение богам. В своих лекциях Цветаев характеризовал их так:

«... Все они представлены в стоячем положении, в вытянутой и напряженной позе, с руками, протянутыми по бокам и плотно прилегающими сжатыми ладонями к бедрам. Ступни их плашмя опираются на постамент; левая нога их несколько выдвинута вперед. Длинная и толстая их шея вытянута, голова с огромною массою волос, падающих густою косою далеко за спину, поставлена *прямо*; почти у всех их на лице обязательная улыбка. Древнейшие изображения этого рода чрезвычайно грубы и напоминают наших так называемых *каменных баб*. Наибольшим *отсутствием всего изящного* поражает статуя так называемого *Аполлона из Орхомена*, найденная в Беотии и близко напоминающая способом работы *деревянные* изваяния этого рода, которые должны были предшествовать каменным статуям. Степенью выше считается статуя так называемого *Аполлона Ферского*, найденная на острове Фере, Theга: лицо ее уже оживлено условной улыбкой, мягкие части его старательно отмечены, волосы разбиты спереди мелки-



ми завитками, грудь и стан уже указывают на изучение скульптором свойств обнаженного тела. – Лучшим же в этой значительной серии мужских обнаженных статуй с вытянутыми по бокам руками признается так назыв[аемый] *Аполлон из Теней* (в Пелопоннесе неподалеку от Коринфа), или *Тенейский*, находящийся в Мюнхенском музее: и он имеет весьма много недостатков, общих со статуями этой категории, но, рассматриваемый сравнительно с теми остальными, он представляет уже весьма значительные познания его мастера в анатомии мужского организма.

Тип “*Аполлонов*” – с вытянутыми по бокам руками и этою напряженною и безжизненною позой, напоминающей собою египетские статуи, уже более в греческом искусстве не повторяется никогда. Он совершенствуется, прежде всего, в форме рук <... > и затем все более и более принимает жизненные формы...» (Конспект лекций по истории античного искусства, читанных на Высших женских курсах в Москве проф. И.Цветаевым. М., 1904. С. 95–96).

Художественные достоинства архаических курсов – их монументальная конструктивность, внутренняя энергия, тонкая чувственность в обработке поверхности статуй – будут оценены позже, такими художниками и поэтами, как Роден и Рильке. Цветаев придерживается традиционной академической оценки. Однако его характеристикам не откажешь в выразительности и запоминающейся наглядности.

Слепки с упоминаемых в письме «Аполлонов» из Орхомена и с о. Фера (Санторин) в буклетах по залам Музея значатся как дар К.С.Попова. (Музей изящных искусств имени Александра III в Москве. [1912]. III. №№ 7, 8). В списках первой половины 1890-х гг., когда Попов жертвовал деньги на Музей, они отсутствуют. Документы о каком-либо позднем его пожертвовании нам не известны.

<sup>4</sup> Возможно, *Нарышкин Василий Львович* (1841–1906), крупный чиновник министерства иностранных дел, жертвователю и почетный член Румянцевского музея (1873).

*Шаховской Николай Владимирович*, князь (1856–1906), начальник Главного управления по делам печати.

## 231

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4882.

<sup>1</sup> Накануне, 26 марта 1901 г., было опубликовано сообщение о назначении министром народного просвещения генерала П.С.Ванновского. *Ванновский Петр Семенович* (1822–1904), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, в 1881–1898 гг. военный министр. Зимой-весной 1899 г. Ванновский возглавлял правительственную комиссию по изучению причин студенческих волнений (см. комм. 7 к письму 58). В 1901–1902 гг. министр народного просвещения. (В молодости Ванновский был сослуживцем художника П.А.Федотова по Финляндскому полку; его незаконченный портрет в чине штабс-капитана – одно из лучших портретных произведений Федотова; ныне в ГТГ).

Так как царь возлагал на Ванновского своим рескриптом огромную задачу «коренного пересмотра и исправления» всего строя русских учебных заведений, то вместо одного товарища в помощь министру были назначены двое.

## 232

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4883.

## 233

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2365, телеграмма.

## 234

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2367, телеграмма.

<sup>1</sup> *Карл-Фридрих (или Карл Федорович) Верфель*, как его называли в тогдашних адресных книгах и объявлениях: «Поставщик высочайшего двора. Бронзолитейный и гранитный паровой завод (Петербург, Обводный канал, 80). Шлифовка и резка твердых камней, строительные камнетесные заводы, памятники».

## 235

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4884.

<sup>1</sup> Так называли Галицию, историческую область, пограничную в то время с Россией. Расположена на северных склонах Карпат и прилегающей равнине. Входила в состав Австро-Венгрии. Коренное русское население, проживавшее там, испытывало экономическое, национальное и религиозное давление. В начале 1890-х гг. крестьяне массами стали переселяться в Россию и Америку.

## 236

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4885.

<sup>1</sup> Олонецкие мраморы не были использованы; облицовка колонн (из кирпича, с металлическим каркасом) и стен Центрального зала сделана из искусственного мрамора. Поставщиком монолитов из Австро-Венгрии для лестничных колонн был, по-видимому, Иван Цингрош, владелец «Первой богемской гранильной и камнерезной фабрики» в г. Пильзень, он же поставил темно-серый гранит для обеих дорических колонн внутри наружного портика Музея (см.: ф. 3, оп. III, ед. хр. 4, л. 7, 8).

<sup>2</sup> Местонахождение этих открыток ныне не известно.

## 237

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2368, телеграмма.

<sup>1</sup> Нечаев-Мальдов, очевидно, отвечает на поздравления с днем ангела, содержащиеся в ныне утраченной телеграмме Цветаева: 23 апреля – день великомученика Георгия Победоносца.

**238**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4886.

**239**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4887.

<sup>1</sup> Слова, с которыми наши древние предки, согласно начальной русской летописи «Повесть временных лет», призвали на княжение Рюрика с его варягами. Часто цитируются в русской сатирической литературе XIX в., напр., в поэме А.К.Толстого «История государства Российского от Гостомысла до Победоносцева».

<sup>2</sup> *Ермолов Алексей Сергеевич* (1847–1917), министр земледелия и государственных имуществ в 1894–1905 гг.

**240**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4888.

**241**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4889.

<sup>1</sup> Гостиница, находившаяся на углу Тверской ул. и Тверской пл., почти напротив дома московского генерал-губернатора.

**242**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4890.

<sup>1</sup> Греческих оригиналов для Музея Нечаев-Мальцов не приобрел. Этим ящиком, по-видимому, начиналась присылка большой серии слепков с аттических надгробий.

**243**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2424, телеграмма.

**244**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4891.

<sup>1</sup> Ср. в комм. 2 к письму 142 слова Нечаева-Мальцова о готовности директора Керченского музея уступить Музею изящных искусств хоть все экспонаты. Осуществлено это не было.

**245**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4892.

<sup>1</sup> Речь идет о письме, публикуемом под № 210.

<sup>2</sup> Цветаев говорит о Всероссийской промышленной и художественной выставке (28 мая – 1 октября 1896 г.). Выставка, намеченная еще при Александре III, должна была продемонстрировать итоги культурного и хозяйственного роста России за 14 лет, прошедших со времени московской Всероссийской

выставки 1882 г. По распоряжению министерства финансов на ней было возведено около 70 зданий и сооружений, павильонов частных лиц и учреждений было более 120. Для посетителей выставки было установлено 183 маршрута из разных городов России по железной дороге и рекам со значительной скидкой. Плата за проезд до Нижнего и обратно для фабричных рабочих и учащихся была отменена, также как и входная плата для этих категорий посетителей. «Неудавшейся» выставка названа, вероятно, потому, что посещение ее, особенно в первые месяцы, было гораздо ниже, чем предполагалось, и об этом много писалось в печати. Сам С.Ю.Витте видел одну из причин ее неуспеха в том, что она была открыта вскоре после коронации, во время которой произошла ходынская трагедия (см.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. II. С. 77).

<sup>3</sup> См. об этом комм. 1 к письму 52. Несмотря на многочисленные обсуждения проекта нового устава, особенно активные в 1905–1907 гг., и значительные новшества, утвердившиеся в практике и разрешенные министерством с того же времени, университетский устав 1884 г. формально так и не будет отменен до октября 1917 г.

## 246

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4893.

<sup>1</sup> «*Эрмитаж*» – гостиница и ресторан на Трубной пл., основанные знаменитым кулинаром Оливье.

## 247

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4894.

## 248

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4895.

<sup>1</sup> Речь идет о неудавшихся попытках помешать назначению Цветаева на пост директора Румянцевского музея.

<sup>2</sup> Наиболее именитые тогдашние архитекторы не приняли участия в архитектурном конкурсе 1896 – 1897 г. на проект здания Музея.

<sup>3</sup> Цветаев официально был назначен директором Румянцевского музея лишь с 14 июня 1901 г. и оставался на этом посту по 13 июня 1910 г.

## 249

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2370, телеграмма.

## 250

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4896.

<sup>1</sup> Дача Д.И.Иловайского, первого тестя Цветаева, находилась возле ст. Крюково Николаевской ж.д.

## 251

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2437. Телеграмма.

## 252

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4897.

## 253

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4898.

<sup>1</sup> Место под Петербургом, где во время ежегодных летних военных лагерей члены царской фамилии проводили учения своих полков.

<sup>2</sup> Пост директора Румянцевского музея предполагал 4 класс по Табели о рангах (действительного статского советника), который Цветаев имел с 1889 г. Поскольку с этого класса начинались генеральские чины, то чиновников такого ранга назначали и увольняли именными указами, проходившими через Сенат; в случае судебного взыскания именно Сенат, а не обычный суд, рассматривал их дела. Директор Румянцевского музея был непосредственно подчинен министру, кроме того, он имел по должности право личного доклада у царя. В связи с таким высоким назначением полагалась личная аудиенция у государя (Цветаев сможет представиться ему в новой должности только весной следующего года). Для сравнения: управляющий или директор университетского Музея изящных искусств, профессор, до февраля 1917 г. подчинялся, помимо председателя Комитета по устройству Музея, ректору, тот в свою очередь – попечителю Московского учебного округа, а он – министру народного просвещения.

<sup>3</sup> *Шадрин Михаил Ильич*, владелец золотошвейного заведения в доме Стахеева, угол Тверской ул. и Камергерского пер.

<sup>4</sup> Торговый дом «Сиу А. и К<sup>о</sup>. Парфюмерные и писчебумажные товары, типографские услуги», на Тверской ул., на месте нынешнего книжного магазина «Москва». В том же доме располагался один из магазинов кондитерской фирмы «Сиу С. и К<sup>о</sup>».

## 254

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4899.

<sup>1</sup> *Карловы Вары*, курорт в тогдашней Австро-Венгрии.

<sup>2</sup> *Среда прошлой недели* – 20 июня, *суббота текущей недели* – 30-е.

<sup>3</sup> Трескин, по-видимому, сопровождал в поездке учеников 5-й гимназии, где он не только преподавал, но и входил в Общество вспомоществования учащимся. Такие экскурсии были тогда новинкой. Комиссия по организации образовательных экскурсий при Педагогическом обществе в Москве создана в конце 1898 г.; другой ученик Цветаева – приват-доцент А.М.Миронов ведал в ней организацией экскурсий по музеям Москвы.

<sup>4</sup> Речь идет, по-видимому, об обеде 7 июня.

<sup>5</sup> Ресторан «Большой Московский трактир» при Большой Московской гостинице находился на Воскресенской площади, д. 1, напротив здания Городской думы – т.е. на месте нынешней гостиницы «Москва».

<sup>6</sup> Подразумевается живописное панно Семирадского на потолке одной из зал в петербургском доме Нечаева-Мальцова.

<sup>7</sup> *Маргарита Савойская* (1851–1926), королева Италии, дочь Фердинанда Савойского, герцога Генуи, и Марии-Елизаветы Саксонской, с 1868 г. жена принца Гумберта (Умберто), короля Италии с 1878 по середину 1900 г. Мать Виктора-Эммануила III.

<sup>8</sup> См. комм. 2 к письму 35.

## 255

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4910

В рукописи помещено в другом месте под ошибочной датой «27 июля».

<sup>1</sup> Именины великого князя Сергея Александровича отмечались 5 июля по старому стилю, в день памяти Обретения честных мощей преподобного Сергия, игумена Радонежского.

<sup>2</sup> *Павел Александрович*, великий князь (1860–1919), сын Александра II, младший брат великого князя Сергея Александровича, и его дети от первого брака с принцессой греческой Александрой Георгиевной – великая княгиня *Мария Павловна* (1890–1958) и великий князь *Дмитрий Павлович* (1891–1942), воспитывавшиеся у Сергея Александровича, своих детей не имевшего.

<sup>3</sup> *Людвиг Баттенбергский* (1854–1921), принц, главнокомандующий английским флотом, женатый на принцессе *Виктории Гессенской* (1863–1950), старшей сестре императрицы Александры Федоровны и великой княгини Елизаветы Федоровны.

<sup>4</sup> Великая княгиня Елизавета Федоровна занималась живописью; известно, что интерьеры жилых покоев царской семьи в Зимнем дворце в Петербурге оформлялись по ее эскизам.

<sup>5</sup> То есть 2 июля.

<sup>6</sup> Напомним, что Нечаев-Мальцов находился тогда в своем имении в с. Сторожено.

## 256

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4900.

## 257

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4901.

<sup>1</sup> То есть 14 июля.

<sup>2</sup> Этот пост в 1900 – 1902 гг. занимал *Сипягин Дмитрий Сергеевич* (1853–1902).

## 258

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4902.

<sup>1</sup> Полуколонны и пилястры вырубались для установки на боковых фасадах Музея.

## 259

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4903.

<sup>1</sup> Из московского дома – к семье в Тарусу.

<sup>2</sup> Валерия, старшая дочь Цветаева, внучка Д.И.Иловайского.

## 260

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4904.

<sup>1</sup> Здесь подразумевается воскресенье, что для словоупотребления той эпохи вполне обычно.

<sup>2</sup> У начала лестницы, ведущей ко входу в Музей, на гранитных массивных основаниях предполагалось установить фигуры двух лежащих львов – высеченные из гранита копии тех, что хранятся в музеях Ватикана. Оригиналы, скульптуры из розового гранита, относятся ко времени фараона Нектанеба II (XXX династия, IV в. до н.э.) и были вывезены в Рим из Египта после завоевания его римлянами в 30 г. до н. э. Найдены в эпоху Возрождения среди руин римского храма Исиды и поступили в папскую коллекцию. В значительной степени повлияли на развитие европейской традиции украшать ворота и ступени зданий фигурами львов. В этом отношении музейный проект осуществлен не был. Гипсовые отливы львов Нектанеба экспонировались в Египетском зале. Ныне – в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева (РГГУ).

## 261

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4905

<sup>1</sup> Опубликована в «Собрании узаконений и распоряжений правительства», 2 апреля 1902, № 32, ст. 332.

## 262

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4906.

<sup>1</sup> Младшая дочь Александра III великая княжна *Ольга* (1882–1960) сочеталась браком с принцем *Петром Александровичем Ольденбургским* (1868–1924).

<sup>2</sup> *Щегляев Михаил Сергеевич*, сын управляющего московской конторой Нечаева-Мальцова.

<sup>3</sup> То есть к семье, в Тарусу.

## 263

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4907.

## 264

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4908.

<sup>1</sup> *Цветаев Андрей Иванович* (1890–1933), сын Цветаева от первого брака с В.Д.Иловайской, в то время готовившийся к поступлению в гимназию. В дальнейшем – эксперт-антиктвар.

<sup>2</sup> На Никольской ул. помещалась гостиница «Славянский базар».

## 265

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4909.

<sup>1</sup> Имеется в виду свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства министерства народного просвещения, изд. 1893 г., в составе 1-й части XI тома Свода законов Российской империи.

## 266

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4911.

<sup>1</sup> Имеется в виду Богдельня для неимущих дворян Московской губернии им. действительного тайного советника С.Д.Нечаева, отца Нечаева-Мальцова, постройка которой велась по инициативе и на средства Дмитрия Степановича Нечаева на Шаболовке по проекту Клейна. Нечаев-Мальцов впервые доложил об этой инициативе младшего брата 20 декабря 1899 г. в чрезвычайном Московском губернском дворянском собрании (Московские ведомости. 1899. 21 декабря. С. 3). Богдельня была открыта в 1906 г. По условию жертвователя, Нечаев-Мальцов состоял ее пожизненным попечителем.

Каменный мост, предшественник нынешнего, построенного в 1930-е гг., находился ближе к Музею, служа продолжением ул. Ленинка.

<sup>2</sup> Фотосъемка на строительной площадке Музея состоялась, см. ил. 136.

<sup>3</sup> Слова из оды Горация «Памятник» (Оды, кн. III, 30). В оригинале – aere perennius.

## 267

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4912.

<sup>1</sup> *Корнилов Аркадий Петрович* – действительный статский советник, камергер, управляющий конторой двора великого князя Сергея Александровича.

## 268

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4913.

## 269

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4914.

<sup>1</sup> То есть не был ни в Румянцевском музее, ни на строительстве Музея изящных искусств.

<sup>2</sup> Учебный год начинался тогда в первый будний день после Успения Богородицы (празднуется 15 августа ст. стиля).

<sup>3</sup> Речь идет о поступивших в Румянцевский музей по завещанию К.Т.Солдатёнка картинах русских и западноевропейских мастеров и библиотеке, насчитывавшей около 20 тыс. томов.

<sup>4</sup> *Остроглазов Василий Михайлович* (?–1907), историк, библиограф, врач, начальник Московской врачебной управы.



## 270

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4915.

<sup>1</sup> Студенческое общежитие для студентов медицинского факультета Московского университета им. великого князя Сергея Александровича строилось в 1901–1902 гг. на М. Царицынской ул. (М. Пироговская, д. 18) по проекту Р.И.Клейна, получившего в 1899 г. на конкурсе первую премию.

<sup>2</sup> Старшую дочь, Валерию.

## 271

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2371, телеграмма.

## 272

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4916.

<sup>1</sup> Речь идет о сыне друга Листа, Александре Самойловиче Исаковиче, желавшем получить медицинское образование (ср. письмо Листа Цветаеву от 27 августа 1901 г. – ф. 6, оп. I, ед. хр. 1781). Новые распоряжения, не говоря уже об ограничениях в приеме по вероисповедному признаку, предписывали поступать в университет непременно того же округа, где получено гимназическое образование.

## 273

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2372, телеграмма.

## 274

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4917.

<sup>1</sup> П.С.Ванновский.

<sup>2</sup> В связи с чем и когда Нечаевы телеграфировали Ванновскому, установить не удалось.

<sup>3</sup> Возможно, имеется в виду проживавший в Москве камергер Николай Николаевич Гордеев.

<sup>4</sup> Имеется в виду главная лестница Нового Эрмитажа, ставшая прообразом центральной лестницы Музея.

## 275

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4918.

<sup>1</sup> *Цветаев Петр Владимирович* (1842–1902), священник. Окончил Владимирскую духовную семинарию, в 1866 г. был направлен священником в крепость Грозную (ныне г. Грозный), затем служил в других местах. По смерти отца, *Владимира Васильевича Цветаева* (1818–1884), получил его приход в с. Николо-Талицы, где до конца жизни служил и одновременно преподавал в Талицкой земской школе Закон Божий.

<sup>2</sup> М.А.Веневитинов скончался 14 сентября 1901 г.

<sup>3</sup> Письмом от 8 февраля 1901 г. Совет Университета просил Цветаева «изготовить» актовую речь к 12 января 1902 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 2130). Цветаев избрал тему, которая завершила цикл его статей о школах Древнего Рима, начатый публикацией еще в 1888 г. (Русский вестник. 1888, март, с. 1–36; октябрь, с. 1–51. 1893, май, с. 67 – 88; июнь, с. 23–44. 1898, март, с. 185–201; апрель, с. 123–137).

## 276

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4919.

<sup>1</sup> Здание музея Центрального училища технического рисования барона А.Л.Штигица открыто в Петербурге в 1896 г. Построено по проекту архитектора, а в дальнейшем директора Училища М.Е.Месмахера в стиле итальянского Возрождения. Музей включал оригинальные предметы декоративно-прикладного и промышленного искусства, а также гипсовые слепки и гальванокопии.

<sup>2</sup> Замысел в таком виде не осуществился: П.В.Жуковский написал лишь одно панно – «Вид Рима» (не сохранилось), остальные выполняли в 1903–1905 гг. рекомендованные им художники К.П.Степанов, С.Н.Южанин, А.И.Алексеев, жившие в то время в Италии.

<sup>3</sup> *Степанов Клавдий Петрович* (1854–1910), выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, художник, публицист, в 1906–1907 гг. издавал газету «Московский голос». В 1903–1905 гг. по заказу Комитета сделал 20 живописных панно (на холсте) по мотивам греческой вазописи для стен колоннады центральной лестницы Музея (два из них утрачены), а также два панно и медальон для зала Итальянского Возрождения XV в. – «Вилла д'Эсте», «Вид Венеции» и «Памятник Коллеоне». Все перечисленные работы художника ныне находятся в Музее на предназначенных для них местах. (Подробнее об этом см.: *Демская А.А., Смирнова Л.М.* Неосуществленная роспись Музея изящных искусств в Москве. Переписка И.В.Цветаева, В.Д.Поленова и П.В.Жуковского // *Панорама искусств*–78. М., 1979. С. 266–262.)

## 277

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4920.

<sup>1</sup> Цветаев делает шуточный перевод фамилии: Ratte – крыса, Еске – угол.

<sup>2</sup> Правильнее, по-видимому, Блуменау – как в дальнейших письмах, начиная с № 281. Инженер, поверенный Листа на Урале. Сведений о нем не найдено. Вероятно, тот же брукмейстер, который упоминается в письме 163. Письма и телеграммы Блуменау хранились в фирме Листа как часть ее внутренней переписки. Местонахождение архива фирмы не известно.

<sup>3</sup> Годичное заседание Комитета за 1901 г. состоялось лишь 20 февраля 1902 г.

<sup>4</sup> Подарок Нечаева-Мальцова, по-видимому, связан с назначением Цветаева директором Румянцевского музея.

**278**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4921.

<sup>1</sup> *Волнухин Сергей Михайлович* (1859–1921), скульптор, в указанный период преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества; автор бюста П.М. Третьякова, а также памятника первопечатнику Ивану Федорову в Москве. К работам, связанным с Музеем, не привлекался. Официальное предложение Г.Трею по компоновке фриза будет сделано в письме Цветаева от 29 мая 1902 г.

**279**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4922.

<sup>1</sup> *Плато* (от фр. plateau) – плоскость. Подразумевается составленная из образцов мрамора модель участка облицовки стены или пола лестницы.

<sup>2</sup> П.В.Жуковский в 1881 – весной 1882 г. в Байрейте (Германия) выполнил эскизы декораций и костюмов к первой постановке оперы Р.Вагнера «Парсифаль». В этих декорациях спектакль шел затем долгие годы.

**280**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4923.

**281**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4924.

**282**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2373, телеграмма.

**283**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4925.

<sup>1</sup> Место мраморных ломов для строительства Музея, намеченное экспедицией Нечаева-Мальцова 11–19 марта 1900 г.; находилось возле станции Кусинская платформа Самарско-Златоустовской ж.д. в Златоустовском уезде Уфимской губ. (теперь – ст. Баритная на юго-западной окраине дер. Медведевка Кусинского р-на Челябинской обл.). Название соответствующего хребта было попросту «Шиши» и изменено на «Шишим» для благозвучия. На более поздних картах гора получила название «Мраморная».

**284**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4926.

**285**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4927.

## 286

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4928.

<sup>1</sup> *Нефедьев Евгений Алексеевич* (1851–1910), доктор правоведения, профессор Московского университета с 1896 г., помощник ректора и член Комитета Музея по должности в 1899–1903 гг.

## 287

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4929.

<sup>1</sup> *Трепов Дмитрий Федорович* (1855–1906), генерал-майор, начальник московской полиции (обер-полицмейстер) в 1896 – начале 1905 г.

<sup>2</sup> В Успенском соборе проходила ежегодная панихида по Александру III.

## 288

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4930.

<sup>1</sup> В рукописи здесь оставлен пробел для не разобранным переписчиком слова.

<sup>2</sup> На годичном заседании Комитета Нечаев-Мальцов информирует собравшихся об осмотренных им во время поездки в Грецию раскопках на о. Эгина. Ср. письмо 290.

## 289

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4931.

<sup>1</sup> Очевидно, Румянцевском.

## 290

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4932.

<sup>1</sup> Немецкий археолог и профессор Мюнхенского университета *Адольф Фуртвенглер* (1853–1907) в 1901 г. вел раскопки на о. Эгина. Им была найдена большая посвятельная надпись, объясняющая, в честь какого божества был построен сохранившийся в руинах позднеархаический храм (заложен после 500 г. до н. э.). Ныне он известен как храм Афины Афайи. Знаменитые скульптурные композиции его фронтонов, изображающие подвиги эгинцев в троянской войне, еще в 1811 г. были обнаружены группой английских и немецких путешественников, вывезены из Греции и в 1830 г. приобретены баварским принцем Людвигом. Они составили основание Мюнхенской глиптотеки. Слепки с этих скульптур, заказанные для Музея на деньги К.Т.Солдатёноква, погибли в пожаре 1904 г. Были вновь заказаны и демонстрировались в специальном зале на первом этаже.

## 291

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4933.

<sup>1</sup> Старинная гостиница, находившаяся в д. 3 и 5, на углу Обжорного переулка в той части Тверской улицы, которая ныне снесена, примерно на месте нынешней Манежной площади, напротив фасада гостиницы «Москва».

<sup>2</sup> От кого исходило это предложение, не установлено. Письмо Г.Трея, в ко-

тором также высказана эта мысль (ф. 6, оп. I, ед. хр. 3981), написано, по-видимому, позднее, в конце марта – начале апреля 1902 г. по н. стилю.

## 292

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4934.

<sup>1</sup> *Синаев-Бернштейн (Бернштейн-Синаев, Бернштейн-Синай) Лев (Либерман, Леопольд) Семенович* (1867–1944), скульптор. Учился живописи в Вильне (Вильнюсе), а затем скульптуре – в Париже, у Жюлья Дау и Огюста Родена. Дебютировал в качестве скульптора в 1890 г. в парижском Салоне Елисейских полей. Рекомендован Нечаеву-Мальцову одним из придворных, гр. Воронцовым-Дашковым. В 1903 г. большая мраморная скульптура Синаева-Бернштейна «Сон» приобретена Русским музеем. Жил во Франции. Кавалер ордена Почетного легиона. Погиб в 76-летнем возрасте в фашистском лагере смерти. В ОР ГМИИ имеется несколько его писем Цветаеву и Нечаеву-Мальцову 1901 – 1903 гг. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 3603–3607), а также нотариально заверенная расписка в получении от Нечаева-Мальцова 4 тыс. руб. в качестве компенсации за работу над эскизами (ф. 2, оп. I, ед. хр. 213).

Цветаев писал в конце следующего, 1902 г.: «Одной из главных забот Комитета в отчетном [1902] году было рассмотрение вопроса о верхнем скульптурном фризе главного фасада музейского здания.

Заседание Комитета 20 июля [1902] почти всецело было посвящено этому вопросу. В течение последнего года были представлены Ю.С.Нечаеву-Мальцову три художественных проекта: римским скульптором Романелли, русским ваятелем, живущим в Париже, Синаевым-Бернштейном и академиком скульптуры Залеманом из Петербурга. Первый из художников изобразил в своем проекте венчание музами императора Александра III как покровителя наук и искусств. Второй избрал для себя сюжетом Парнас и на нем восседающего Аполлона среди муз, которые раздают венки Славы художникам всех веков и народов, не только живописцам, ваятелям и архитекторам, но и художникам слова. Академик Залеман представил здесь Олимпийские игры во всем их разнообразии. Скульптор Романелли прислал свой проект в фотографии и в гипсовых слепках. Синаев-Бернштейн представил обширных размеров рисунок, исполненный тушью, академик Залеман исполнил свой проект из воска и привез с него фотографию.

Первый из сих проектов, исполненный лишь в общем наброске и совершенно эскизно, свидетельствуя о широкой манере работ автора, не мог быть принят по некоторой неясности композиции, второй проект, доказывающий большое знакомство автора с античной драпировкой и несомненное умение мастерски заполнять пластическими изображениями избранное для себя поле рельефа, возбудил сомнение своим ложно-классическим характером. Общее признание снискал проект академика Залемана. Всем собранием единогласно одобрен был прежде всего всецело классический сюжет Олимпийских игр.

Исходя из соображения, что гимнастические упражнения греков были одним из главных факторов, возведших пластические искусства в Элладе до высшего

совершенства, и что на Олимпийских играх греческая гимнастика находила себе лучшее выражение, Комитет признал сюжет, представленный Залеманом, подходящим для фасада Музея, главное содержание которого составят произведения скульптурного искусства. Вместе с удачностью сюжета академик Залеман обнаружил в данном проекте превосходное знание греческой скульптуры и глубокое проникновение духом эллинского искусства, что свидетельствует и о большой эрудиции и замечательной художественности его таланта» (Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1903 года. М., 1903. С. 284–285).

Упомянутый в цитате *Рафаэлло Романелли* (1856–?) – уроженец Флоренции, представитель целой династии скульпторов: *Паскуале* (1812–1882), Рафаэлло и *Романо* (1882–1930); автор многочисленных портретов и надгробных памятников в Италии, в том числе надгробия Донателло в ц. Сан-Лоренцо во Флоренции; в 1911 г. получил в Петербурге 1-ю премию за конкурсный скульптурный портрет Александра II.

О Залемане см. далее.

## 293

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4935.

<sup>1</sup> Едва ли здесь есть какой-либо пропуск в тексте: слово «перманентное» употреблено Цветаевым в качестве существительного (так называемое субстантивированное прилагательное).

<sup>2</sup> Цветаев шуточно сравнивает «казначая» византийской императорской школы с казначеем Московского университета *Петром Александровичем Недешевым*. (Как член Правления университета Недешев входил в Комитет Музея по должности и даже временно исполнял обязанности казначая Комитета осенью 1900 г.) Говоря об «археологах», Цветаев намекает на самого себя. Денежные средства университетских профессоров в России рубежа XIX–XX вв. складывались из жалования и гонорара, который начислялся из платы, взимаемой со студентов за обучение, пропорционально количеству слушателей у каждого преподавателя. Поскольку история искусства была обязательным предметом только для небольшой группы филологов-классиков (4–5 человек в год), Цветаев получал за свои лекции в университете весьма небольшой гонорар.

<sup>3</sup> Шуточное прозвище попечителя Московского учебного округа П.А. Некрасова (см. о нем в письме Цветаева В.Ф. Миллеру от 2 января 1904 г., РГАЛИ, ф. 323, оп. 1, ед. хр. 473, л. 26 об: «милый Лихунчан»). *Ли Хун-чжан* (1823–1901), китайский государственный деятель, олицетворял в глазах современников «политическую историю Китая за последние 40 лет» (таков подзаголовок книги о нем, вышедшей в Петербурге в 1905 г.). В 1896 г. возглавлял делегацию в Россию, заключил секретный договор с Россией об оборонительном союзе против Японии и предоставлении России концессии на постройку КВЖД.

**294**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4936.

<sup>1</sup> Об этом извещал Комитет не только прокурор, но (несколько позже) и рязанский губернатор. Неверность этих сообщений обнаружилась лишь в 1910 г.

<sup>2</sup> *Беляев Агапий Федорович*, врач-отоляринголог, принимавший больных по адресу: Спиридоньевский пер., 7 – т.е. в 3 кварталах от дома Цветаева.

**295**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4937.

<sup>1</sup> Набирался текст актовой речи Цветаева для книги «Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1902 года». М., 1902. С. 1–142 первой пагинации (см. также комм. 2 к письму 299).

**296**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4939.

**297**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4940.

**1902****298**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2387, телеграмма.

**299**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4941.

<sup>1</sup> Так называется время с Рождества до Крещенского сочельника (с 25 декабря по 4 января ст. стиля).

<sup>2</sup> Имеется в виду актовая речь Цветаева «Из жизни высших школ Римской империи». Речь имела огромный успех и выдержала в том же году два журнальных (Русский вестник. 1902. Февраль; Вопросы философии и психологии. 1902. Вып. 62 и 63) и два отдельных книжных переиздания: в Университетской типографии и в типолитографии И.Н.Кушнерева. (Эти отдельные издания числились «оттисками» из Университетского отчета и из журнала «Вопросы философии и психологии», хотя в действительности были сверстаны заново.) В «Санкт-Петербургских ведомостях» 27 февраля 1902 г. цветаевский труд рекомендовал вниманию читателей видный антиковед В.И.Модестов.

<sup>3</sup> *Миллер Всеволод Федорович* (1848–1913), член-учредитель Комитета Музея; доктор сравнительного языковедения (1883), действительный статский советник, заслуженный ординарный профессор Московского университета и директор Лазаревского института восточных языков в Москве (1897–1911); впоследствии (с 1911 г.) – академик по разряду русского языка и словесности. Миллер – знаток

древнеиндийской мифологии, автор (совместно с Ф.И.Кнауэром) первого русского учебника санскрита (1891); выдающийся исследователь осетинского языка и фольклора; собиратель литовских народных песен; публикатор и истолкователь русских былин; переводчик «Двух веронцев» Шекспира (1868). В Университете преподавал с 1877 г. санскрит, древнеперсидский язык и историю Древнего Востока; с 1892 г. занимал кафедру русской словесности. Историю Древнего Востока читал также в Лазаревском институте и на ВЖК. Миллер – многолетний председатель Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; многократно избирался председателем Восточной комиссии ИМАО. В 1879 – 1880 гг. вместе с Макс.Ковалевским издавал журнал «Критическое обозрение», где печатался и Цветаев. В 1883 – 1897 гг. являлся хранителем и автором каталогов этнографического отделения Румянцевского музея.

Мемуаристы обычно не называли Цветаева в числе ближайших приятелей Вс. Миллера. Однако из переписки Миллера и Цветаева (письма Миллера за 1889–1908 – в ОР ГМИИ, письма Цветаева за 1894–1909 – в РГАЛИ и за 1889–1911 – в ОПИ ГИМ) выясняется, что они высоко ценили друг друга, согласовывали свои выступления на заседаниях факультета и совещаниях в Учебном округе, регулярно оказывали взаимные товарищеские услуги. Миллеру случалось в 1880 – 1890-е гг. замещать Цветаева по Румянцевскому музею во время его заграничных командировок. Именно Цветаев предложил Миллеру в 1897 г. выдвинуть свою кандидатуру на пост директора Лазаревского института и способствовал его назначению, приведя в действие свои знакомства в Министерстве народного просвещения. В дальнейшем оба рекомендовали друг другу сотрудников и служащих; Цветаев прибегал к содействию Миллера как почетного члена Румянцевского музея в вопросах реформирования последнего. По Музею изящных искусств Цветаев советовался с Миллером относительно сюжетов из русских былин для предполагавшихся в Центральном зале росписей В.М.Васнецова (декабрь 1899 г.). Вероятно, Миллер был также в числе его консультантов по переднеазиатскому и египетскому искусству.

<sup>4</sup> Английский клуб появился в Москве при Екатерине II, был закрыт Павлом I, восстановлен в 1802 г. Представлял собой закрытый дворянский клуб с рестораном, библиотекой периодических изданий и т.п. Количество членов в среднем составляло ок. 600 человек. Находился в здании нынешнего Государственного центрального музея современной истории России (ул. Тверская, д. 21).

<sup>5</sup> *Гимн* – государственный, «Боже, царя храни!...». «Gaudeamus» («Будем веселиться» – *лат.*) – своего рода гимн университетов: студенческая песня, известная с XIV в.; музыка, на которую она традиционно исполняется, относится, однако, к XV в. (фламандский композитор Иоганн Опенгейм), а окончательный вариант текста – к концу XVIII.

<sup>6</sup> В городе сохранялся введенный еще в марте 1901 г. режим «усиленной охраны» (с конца января он станет еще строже). При этом великий князь Сергей



Александрович с супругой гостили с декабря на ее родине, в Дармштадте (возвратятся через Петербург 18 января), а замещавший генерал-губернатора московский губернатор А.Г.Булыгин не появлялся на публичных мероприятиях, ссылаясь – как, например, в телеграмме от 3 января 8-му Съезду врачей – на обилие дел. Городской же голова князь В.М.Голицын с 7-го и как раз по 12 января находился в поездке в Петербург для доклада о строительстве московского водопровода и о закрытии в Москве тотализатора (См.: Московские ведомости. 1902. Январь).

<sup>7</sup> *Унковский Сергей Семенович*, московский комендант, генерал от артиллерии; *Данилов Михаил Павлович*, помощник командующего войсками Московского военного округа (на тот момент – замещавший командующего), генерал-адъютант, генерал от инфантерии.

<sup>8</sup> Указанные перемещения не состоялись. Некрасов оставался попечителем до сентября 1905 г. А.И.Кирпичников освободится от должности декана историко-филологического факультета лишь осенью; весной следующего, 1903 г. он скончается. «Ввиду сохранения» – чтобы сохранить. Напоминаем, что перечисленные лица являлись членами Комитета Музея (Некрасов – в качестве учредителя, остальные – по должности), а ректор – и председателем его Строительной комиссии, причем Тихомиров фактически вел заседания Комиссии с момента ее основания, когда был еще только помощником ректора.

<sup>9</sup> Цветаев забывает упомянуть жалованье – впрочем, небольшое – письмоводителю К.Ф.Иезбере.

<sup>10</sup> Эти расчеты не оправдались. В отчете Строительной комиссии за 1902 г. вместо предполагавшихся 330 тыс. руб. перечислено выполненных работ на сумму 198 441 руб. 87 коп. На 31 декабря 1902 г. для полноты хотя бы внешнего облика здания Музею не хватало не только наружной колоннады и центрального портика с входными ступенями – облицовка наружных стен мрамором не была еще сделана даже наполовину, кровля возведена лишь над пятью из верхних залов, рамы и остекление в окнах отсутствовали (см.: Речь и отчет, читанные в торжественном заседании Императорского Московского университета 12 января 1903 г., листы между с. 286 и 287). Сдвинулись и дальнейшие сроки, о которых Цветаев загадывает ниже.

<sup>11</sup> Цветаев выедет в Тарусу лишь 26 января (см. письмо 307); царю он будет представляться 3 апреля.

### 300

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2385, телеграмма.

### 301

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4942.

<sup>1</sup> Нечаев-Мальцов приезжал в Москву 7 или 8 января и уехал 9-го (Московские ведомости. 1902. 9 и 10 января).

## 302

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4943.

<sup>1</sup> Первое издание актовой речи Цветаева отдельной книгой.

<sup>2</sup> *Яковлев Семен Семенович*, действительный статский советник, управляющий Главной складочной таможней в Москве (на Каланчевской пл.).

## 303

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4944.

<sup>1</sup> Были открыты залы французской мебели XVII – XVIII вв., небольшой зал для подаренной Лувру коллекции барона Адольфа Ротшильда (средневековая и ренессансная скульптура и прикладное искусство) и обновлена экспозиция в галереях рисунков.

<sup>2</sup> Мраморный алтарь в честь Зевса на акрополе г. Пергам, столицы Пергамского царства (северо-западная часть Малой Азии, возле нынешнего турецкого г. Бергама) воздвигнут около 180 г. до н.э. Евменом II в память победы царя Аттала I над племенами галатов. Большой фриз алтаря, выполненный в горельефе, имел в длину 120 м и в высоту 2,3 м. Он опоясывал цоколь площадки, на которой стояли ионические колоннады, окружавшие жертвенник. Тема фриза – битва богов и гигантов – в иносказательной форме отразила конкретное историческое событие. Рельефы фриза считаются одной из вершин мирового искусства. Руины алтаря были обнаружены немецким инженером К.Гуманом и раскопаны в 1878 – 1879 гг. Значительную часть скульптурных плит извлекли из крепостных стен византийской постройки. Экспонируются в берлинском музее вместе с реконструкцией всей западной части алтаря в натуральную величину. (Нынешний зал открылся лишь в 1930 г., после капитальной достройки Пергамского музея, начатой в 1909 г.) Говоря об украшении Пергамского зала московского Музея, Цветаев имел в виду обязательство Ф.О.Шехтеля, данное в феврале 1898 г. Слепок одного из главных эпизодов большого фриза – бой Афины с гигантом – имелся в Кабинете с осени 1890 г. (дар К.С.Попова). В 1904 г. на средства Шехтеля были заказаны отливки с еще нескольких эпизодов. Всего это составило 7 фрагментов фриза (по две-четыре плиты). В дальнейшем они были размещены по стенам зала, в котором экспонировались также слепки с греческих скульптур III – II вв. до н.э. – Ника Самофракийская (дар М.Л.Полякова), скульптурная группа «Фарнезский бык» (дар А.Ф.Дерюжинского), портретные бюсты (дар А.Д.Мейна), другие произведения. Согласно Путеводителю и фотографиям экспозиции, модели алтаря в зале представлено не было.

## 304

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4945.

<sup>1</sup> С 19 по 27 января 1902 г. проходило очередное Московское губернское дворянское собрание. Великий князь Сергей Александрович выступил с речью на

его открытии, 20-го присутствовал с супругой на приуроченном к собранию освящению Петровско-Александровского дворянского пансион-приюта, 21-го принимал депутацию московского дворянства и вечером присутствовал на балу в Благородном собрании, 22-го давал обед губернскому и уездным предводителям дворянства и грузинской дворянской депутации, 23-го вновь принимал предводителей и депутатов дворянства, и лишь в этот день к нему на прием попали Нечаев-Мальцов и Цветаев. Любопытно, что 24-го, перед отъездом на 3 дня в Петербург, великий князь осматривал музей Строгановского училища и его новый, восточный отдел – бывшую коллекцию К.С.Попова, которую тот собирал и пожертвовал, как мы знаем, по советам Цветаева (см.: Московские ведомости. 1902. Январь).

<sup>2</sup> То есть 24 января.

### 305

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2435, автограф.

### 306

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4946.

<sup>1</sup> По-видимому, относительно предстоящего годовичного заседания Комитета (соответствующее письмо Н.Н.Трескина не сохранилось).

<sup>2</sup> На этом заседании Дворянского собрания рассматривался, в частности, вопрос об устройстве нового института благородных девиц в Запасном дворце у Красных ворот (здание перестроено в 1927 г. для Наркомата путей сообщения).

### 307

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4947.

<sup>1</sup> *Омон Михаил Григорьевич*, директор увеселительного, кафе-шантанного типа, театра «Омон»; заведение находилось в доме № 3 по Камергерскому переулку – в здании, которое в том же 1902 г. перестроено Ф.О.Шехтелем под Московский Художественный театр.

### 308

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2376, телеграмма.

<sup>1</sup> Речь идет о необходимости отъезда Цветаева в с. Талицы Шуйского уезда Владимирской губ. в связи со смертью его старшего брата Петра Владимировича. Нечаев-Мальцов советует уведомить об отъезде лично великого князя Сергея Александровича или управляющего его канцелярией В.К.Истомина. «Покров в Левшинах» – это церковь Покрова Пресвятой Богородицы, что в Левшинах, находившаяся на пересечении Денежного, Левшинского и Б.Левшинского переулков; в ее приходе, в доме, принадлежавшем К.В.Рукавишникову – Денежный пер., 3, – проживал В.К.Истомин.

Вот что писал младший брат Цветаева, Дмитрий Владимирович :

«Варшава, 6 февраля 1902.

Дорогой Ваня.

За Федором Владимировичем, не прожив и года, отошел и дорогой Петр Владимирович. Тяжко. Так редет наш ряд. Крепись. Храни силы.

Отдать последний долг дорожному усопшему страдальцу ты, вероятно, успел. Не знаю, как вы в Талицах решили устроить семью и помочь ей. Возможно, что на пути оттуда ты заезжал к владимирскому архиепископу с ходатайством о закреплении талицкого места за сиротами. Отказаться от Талиц всегда не поздно, а удержать его пока было бы, кажется, полезно. Будущее показало бы, как лучше устроить младших дочерей Петра Владимировича.

Я поступил так: 1) послал Марье Александровне [вдове Петра Владимировича] нотариальную доверенность на а) получение 100 рублей из моих денег, лежащих в Иваново-Вознесенском отделении Государственного банка, – это на расходы по похоронам, и б) на постоянное получение процентов с остающихся там моих 3200 руб.; и 2) сообщил ей копию своих телеграммы и письма к архиепископу Сергию. На всякий случай, отправляю и тебе копии с них. <... >

Жаль братьев Петю и Федю, – а что поделаешь? Все, что от нас зависит, – это возможное попечение об их семьях и молитвы об упокоении. Да будет во всем воля Божия!

Будь и будьте здоровы.

Сердечно твой Дмитрий» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 4556. Публикуется впервые).

### 309

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2426, телеграмма.

### 310

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4948.

<sup>1</sup> *Воронцов-Вельяминов Алексей Павлович*, военный инженер, генерал-лейтенант, начальник Окружного инженерного управления. И.И.Рерберг служил в чине инженер-капитана в подчиненной управлению 2-й Московской инженерной дистанции (в бывш. Лефортовском дворце).

### 311

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2377, автограф.

<sup>1</sup> Речь идет, по-видимому, о невозможности приезда царской семьи на Пасху в Москву по образцу предыдущих лет. Царь вновь был в Москве на Пасху в следующем году.

### 312

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4949.

<sup>1</sup> *Маль Эмиль* (1862–1951), впоследствии «бессмертный», т.е. член Французской академии (1927). Начинал как литературовед и преподаватель риторики.

Его первая книга по искусству – докторская диссертация 1899 г. «Религиозное искусство XIII в. во Франции. Этюд об иконографии Средних веков и источниках ее вдохновения» – сразу же приобрела значение классического труда. В дальнейшие десятилетия Маль издал столь же фундаментальные монографии по французскому искусству конца Средних веков и по XII в.

Названная книга была рекомендована Цветаеву историком искусства *Владимиром Егоровичем Гиацинтовым* (1856–1933), в то время преподавателем (в дальнейшем – инспектором) МУЖВЗ и приват-доцентом Университета, в 1920-е гг. – и.о. директора Музея изящных искусств, а затем заведующим отделом скульптуры.

<sup>2</sup> Слепки упомянутых порталов для Музея не были заказаны. Крупные «архитектурные» слепки в 1912 г. разместились не только в Христианском дворике, но и в других залах.

<sup>3</sup> О болезни Семирадского сообщали «Московские ведомости» 9 марта 1902 г. (с. 4); указывалось, что врачи «признали его положение не безнадежным». 25 апреля «Московские ведомости» сообщали, что Нечаев-Мальцов, находясь в Риме, ведет с Семирадским переговоры о работе для Музея. 10 августа художник скончался. В московском храме Христа Спасителя он намеревался реставрировать свою большую запрестольную картину «Тайная вечеря», выполненную в конце 1870 – начале 1880-х гг. (см. письмо Цветаева Нечаеву-Мальцову от 14 августа 1902 г.)

<sup>4</sup> Об этом же Цветаев 24 марта 1902 г. писал В.И.Модестову: «Это большое дитя сказочного счастья [Музей] требует моей поездки на Урал, куда мы и отправимся весною с Марией Александровной. А то я должен писать о каменоломнях и о делах доставки и добывания белого мрамора, не выдавши места. Тут договоришься до хлестаковщины. Чтобы быть на высоте рассказа, поеду туда и посмотрю ломки и условия его отправки» (НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 392. Публикуется впервые). Поездка состоялась в июне 1902 г., отчет о поездке опубликован: Комитет МИИ 1902. С. 40–53.

### 313

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4950.

<sup>1</sup> С.А.Протопопов (член Комитета Музея) являлся также казначеем возглавлявшегося великим князем Сергеем Александровичем Комитета по сооружению памятника Александру III в Москве, В.К.Истомин был управляющим делами этого комитета.

<sup>2</sup> Речь идет о представлении государю в связи с назначением Цветаева директором Румянцевского музея.

<sup>3</sup> Сооружен на так называемой улице Треножников богатым афинским гражданином Лисикратом в память победы подготовленного на его средства хора мальчиков на дионисийских празднествах 335 – 334 гг. до н. э. Украшен трехчетвертными коринфскими колоннами и был важен для Цветаева как один из ранних образцов применения коринфского архитектурного ордера. Слепок

для московского музея был позднее действительно изготовлен парижской Школой изящных искусств. Установлен в Греческом дворике Музея.

<sup>4</sup> *Бернштам* – описка переписчика или самого Цветаева: Синаева-Бернштейна нередко путали с более известным в то время скульптором *Бернштамом Леопольдом Адольфовичем* (1859–1939), автором скульптурных портретов деятелей культуры России и Франции, памятников комедиографу Э.Пайерену в парижском саду Монсо и Петру I («Саардамский плотник») в петербургском Летнем саду. С 1885 г. он жил в Париже, где был главным художником Музея восковых фигур А.Гревена.

## 314

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4951.

<sup>1</sup> Согласно статье «Судебная хроника. Саратовская судебная палата. Преступления по должности» (Московские ведомости. 1902. 19 марта. С. 5. Стб. 1–2), слушание происходило на выездной сессии в Самаре по результатам ревизии почти двухлетней давности (июнь 1900 г.). Будучи тогда мировым судьей в Златоусте, Н.Н.Быховский в течение нескольких лет почти не рассматривал дел и забывал оформить даже те немногие приговоры, которые вынес. Его хвастовство заказом для Музея упомянуто одним из свидетелей (в газете ошибочно назван Русский музей в Петербурге).

## 315

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4952

<sup>1</sup> Письмо от 20 марта 1902 г. (ф. 3, оп. I, ед. хр. 125, л. 12–13).

<sup>2</sup> «Ригель» – по-видимому, описка. Речь идет, по всей вероятности, о *Софье Николаевне Ридель*: сохранилась ее визитная карточка с проставленной Цветаевым датой «19 марта 1902». Из ее писем Цветаеву видно, что в октябре-ноябре 1904 г. она безвозмездно составляла для Музея по имеющимся накладным список хранящихся в нераспакованном виде слепков (см. ф. 6 оп. I, ед. хр. 3420–3426 и 3319-а). О судьбе ее пожертвования ничего в настоящее время не известно: в университетском отчете за 1902 г. оно почему-то не упомянуто, и количество глиняных статуэток в Кабинете не только в этом году, но и в 1903 – 1904 гг. указано то же, что в 1901 г.

## 316

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4953.

<sup>1</sup> То есть С.И.Щегляеву, управляющему московской конторой Нечаева-Мальцова.

<sup>2</sup> Имеется в виду наступление Великого поста (семь недель перед Пасхой), во время которого предписывалось воздержание от пищи животного происхождения. В старой России торговля съестным подчинялась не только сезонным изменениям, но и, в особенности, церковному календарю.

<sup>3</sup> Императорское Московское высшее техническое училище, располагавшееся в бывшем Слободском дворце XVIII в. на ул. Коровий Брод (2-я Бауманская, 5),

перестроенном в 1827 – 1830 гг. Д. Жиллярди. Первоначально – ремесленное училище Воспитательного дома. В 1868 г. преобразовано в высшее учебное заведение. В настоящее время – Московский государственный технический университет им. Н.Э.Баумана.

<sup>4</sup> *Башибузук* – разбойник, сорви-голова (*турецк.*), от названия отрядов турецкой иррегулярной пехоты.

## 317

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4954.

<sup>1</sup> *Георгиевский Василий Тимофеевич* (1861–1923), в конце 1880 – 90-х гг. был хранителем и библиотекарем Древлехранилища во Владимире и одним из активнейших членов Владимирской археографической комиссии. Исследователь и публикатор владимирских древностей, в том числе фресок Андрея Рублева. В конце 1901 г. принял место наблюдателя церковно-приходских школ Киевской епархии. Впоследствии приглашен Н.П.Кондаковым в Комитет попечительства о русской иконописи в Петербурге. В 1911 г. осуществил первое издание фресок Дионисия в Ферапонтовом монастыре. Состоял в переписке с Цветаевым в 1896 – 1912 гг. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 499–507).

<sup>2</sup> *Беренштам* – описка, как и в письме 313.

<sup>3</sup> *Залеман Гуго Романович (Робертович; 1859–1919)*, сын скульптора *Р.К.Залемана* (1813–1919); окончил Академию художеств в Петербурге в 1877 – 1884 гг., в 1885 – 1889 гг. был ее заграничным пенсионером; получил звание академика в 1889 г. за скульптурную группу «Борьба кимвров с римлянами» (ГРМ). Автор рельефов на дверях собора Св. Владимира в Киеве. (Видимо, там и познакомился с ним В.М.Васнецов, который расписывал фресками интерьеры этого собора). В дальнейшем преимущественно преподавал. Большинство его скульптурных работ находится в Русском музее и в музее Академии художеств. Фриз московского Музея стал его главным творческим достижением.

<sup>4</sup> Фриз по гипсам Залемана вырубал из каррарского мрамора его ученик, одесский скульптор Иосиф Иванович Мормоне.

<sup>5</sup> Реконструкция была заказана Г.Трею; уже в июле 1902 г. он привез в Москву готовые эскизы (см.: *Цветаев И.В.* Профессор Е.Е.Трей //Московские ведомости. 1902. 24 июля. № 201. С. 2).

<sup>6</sup> Смысл этой фразы не ясен, так как мысль не имела продолжения в последующих письмах. «Парфенонский» фриз Музея находится только в боковых крыльях колоннады, не заходя в центральный портик.

## 318

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4955.

<sup>1</sup> Дмитрий Федосеевич Кондратьев умер 27 марта 1902 г. 29 марта Цветаев возложил на его гроб венок от Комитета. Позднее Цветаев писал о Кондратьеве: «За превосходные качества своего сердца избираемый в почтенных московских семьях опекуном и душеприказчиком, а в благотворительных обществах

казначеем, Дмитрий Федосеевич являлся распорядителем крупных состояний, вверявшихся ему для раздачи на благотворительные и просветительные цели по его личному усмотрению. В силу такого полномочия, данного ему покойною Елизаветой Ивановной Бенардаки, он из ее средств принес Музею <... > 25 125 руб. – на устройство зала греческого искусства архаического периода» (Комитет МИИ 1902. С. 3–4).

<sup>2</sup> *Горбунов Иван Федорович* (1831–1895/96), актер, писатель, автор и исполнитель пользовавшихся большой популярностью устных рассказов-сценок; многие из них никогда не были записаны, другие, хотя и напечатанные самим Горбуновым, постоянно варьировались им при исполнении. Был также историком театра и мемуаристом. Цветаев цитирует по памяти устный вариант его рассказа «Обидно», приведенный в книге графа П.С.Шереметева «Отзвуки рассказов И.Ф.Горбунова» (СПб., 1901, с. 29–30). У Шереметева: «Давно я эту мысль в своей голове держал». Нам не известно, доводилось ли Цветаеву самому видеть и слышать Горбунова, зато он много общался с такими его друзьями и поклонниками, как В.К.Истомин (автор мемуарного очерка «Иван Федорович Горбунов. Личные воспоминания». СПб., 1908), академик Л.Н.Майков, великий князь Сергей Александрович и, наконец, государственный контролер Третий Филиппов, со слов сына которого и сделана запись Павла Шереметева. В письме к Н.И.Романову от 30 июля (12 августа) 1910 г. (ф. 14, оп. III, ед. хр. 209) Цветаев пересказывает этот сюжет как рассказанный ему Т.И.Филипповым.

## 319

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4956.

<sup>1</sup> Цветаев перефразирует строки из стихотворения А.С.Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829).

<sup>2</sup> Эти сомнения Цветаева вполне основательны, тем более что ширина колоннады не позволяет хорошо рассмотреть фриз, когда находишься внутри нее. (Нынешняя разбивка газонов мешает разглядывать его и снаружи.) Таким образом, этот мраморный фриз не выполняет в полной мере той учебно-просветительской задачи, о которой думал Цветаев. Тем не менее само наличие его придает зданию Музея особое архитектурное обаяние.

## 320

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4957.

<sup>1</sup> Слепок, приобретенный позднее на средства М.Л.Полякова, передает знаменитую статую без подножия, представляющего собой нос корабля. В коллекции Музея имелась уменьшенная реконструкция статуи вместе с постаментом.

## 321

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4958.





112. Р.И.Клейн. 1893 г.



113. И.И.Рерберг. 1890-е гг.



114. Н.Н.Трескин. 1895 г.



115. Н.И.Романов.  
Фрагмент фотографии. 1899 г.



116. Территория Кольмажного двора. 1897 г.



117. Остатки бараков на Кольмажном дворе (в нижней части фотографии) и панорама прилегающей местности. 1886 г.



118. Здание бывших меблированных комнат «Княжий двор» и Музей.  
*Фото конца 1920-х – начала 1930-х гг.*



119. Великий князь  
Сергей Александрович



120. Великая княгиня  
Елизавета Федоровна



121. Николай II в рабочей  
тужурке.  
*С портрета В.А.Серова.*  
1900 г.



122. Н.П.Боголепов. 1890-е гг.



123. В.К.Истомин.  
*Фрагмент групповой фотографии.*  
1890-е гг.



124. Перед церемонией закладки здания Музея: слева – И.В.Цветаев, далее – Р.И.Клейн; в центре – участок стены, в котором будет замурована закладная грамота. 17 августа 1898 г.



125. Перед церемонией закладки. Приезд императора Николая II и императрицы Александры Федоровны. 17 августа 1898 г.



126. Николай II перед церемонией закладки. (17 августа 1898 г.) *Фрагмент иллюстрации 125*



127. А.Н.Демосфенов. 1899–1900 гг.



128. И.К. Прове. 1890-е гг.



129. Ф.И.Прове. 1900-е гг.

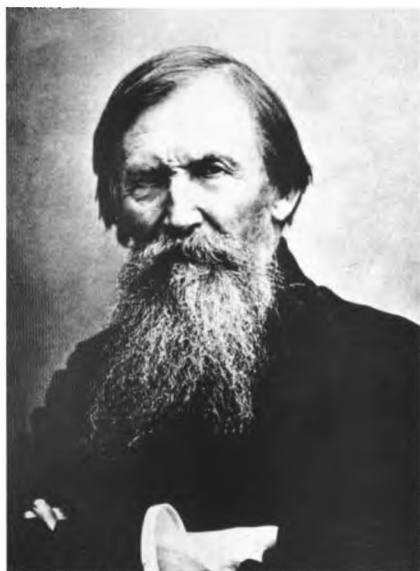


130. В.И.Якунчиков, один из поставщиков кирпича на строительство





131. Кладка фундамента Музея. В центре – И.И.Рерберг. 1899 г.



132. В.М.Васнецов. 1900-е гг.



133. П.В.Жуковский. 1890-е гг.  
*Фрагмент групповой фотографии*



134. В. Д. Полнов . 1890-е гг.



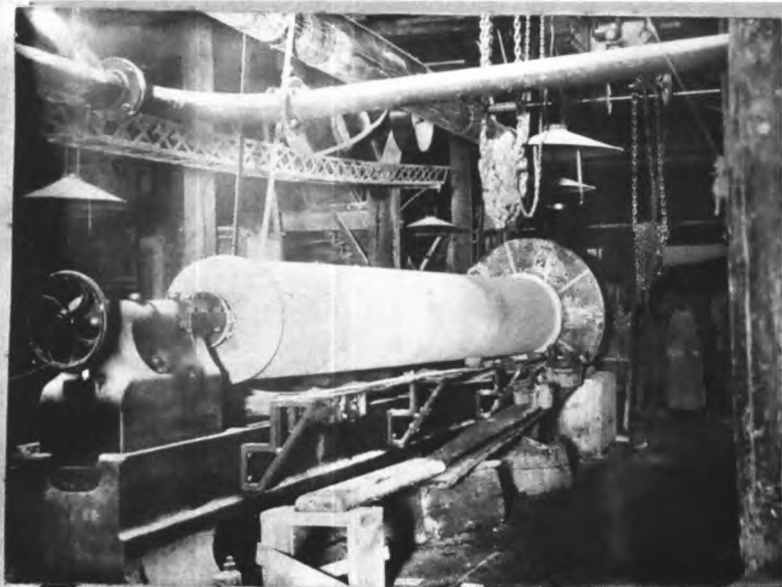
135. Ф.О.Шехтель



136. Ю.С.Нечаев-Мальцов, И.И.Рерберг, Р.И.Клейн, И.В.Цветаев на строительстве Музея среди итальянских мраморщиков. 2 августа 1901 г.



137–138. Ломка мрамора. Урал. 1900 г.



1874  
186  
Приготовлении колонн-монолитов из розового мрамора  
для Музея Изящных Искусств Московского Университета  
на заводе Георгия Листа в Москве. Лето 1902 г.

139. На заводе Георга Листа. Полировка мраморного монолита колонны для Центральной лестницы Музея. Лето 1902 г. С автографом И.В.Цветаева



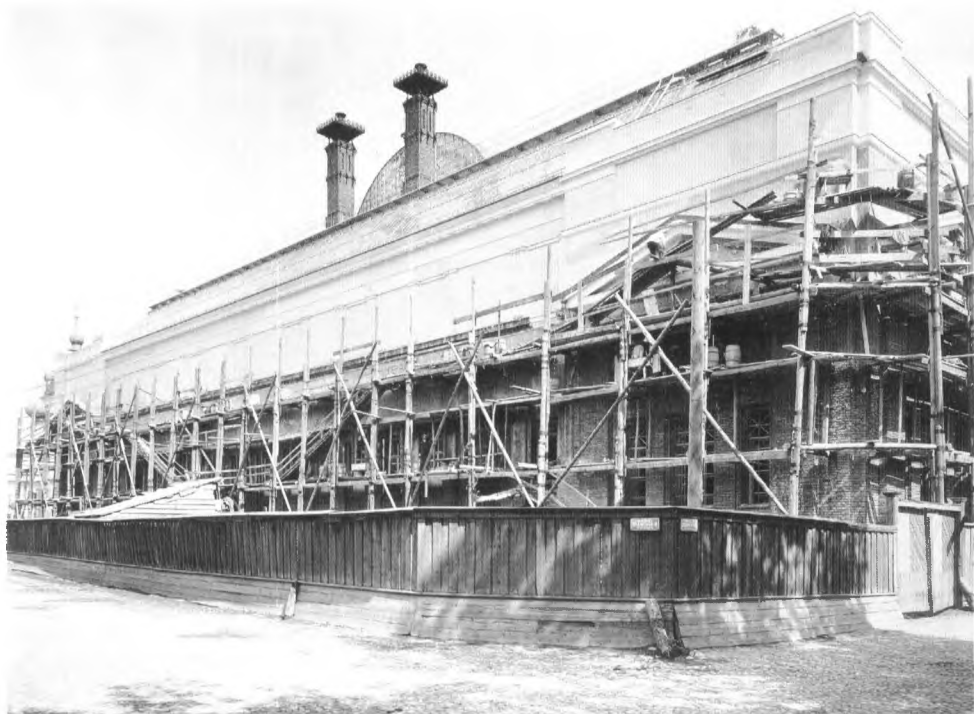
140. П.Г.Шелапутин



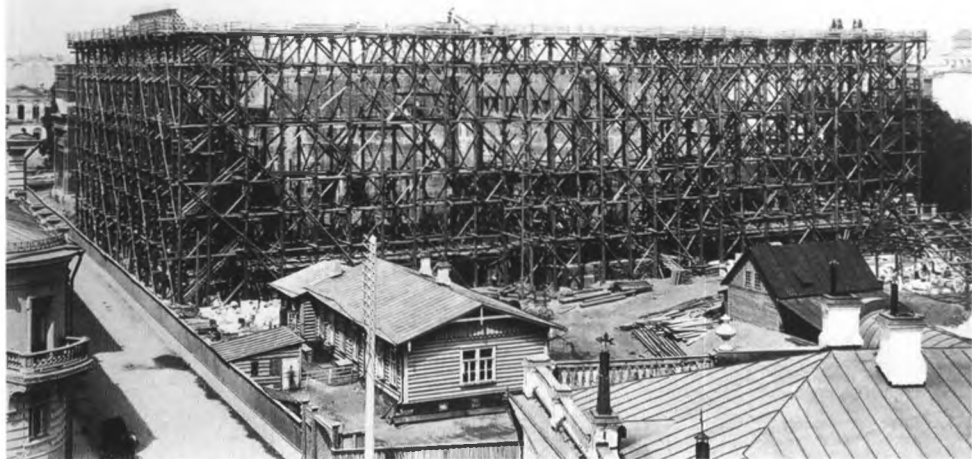
141. Н.С.Щербатов



142. П.С.Уварова



143. Задний корпус Музея во время штукатурных работ. *Около 1904 г.*  
Возведен до 1902 г.



144. Здание Музея в ходе строительства. *Лето 1902 г. (?)*  
Боковые корпуса отделываются мрамором, колоннада и стена переднего фасада  
еще отсутствуют



## 322

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2378, телеграмма.

<sup>1</sup> На телеграмме было указано наименование телеграфного отделения «Термы», которое Цветаев принял за название отеля; о последствиях этого недоразумения см. письма 332 и 336.

<sup>2</sup> Имеется в виду Ф.П.Рейман.

## 323

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4959.

<sup>1</sup> *Мальпери Чезаре*, «формовщик папских музеев, французской Академии и Немецкого [археологического] института» в Риме, владелец мастерской на ул. Корсо, 54, которую он унаследовал вместе со званиями от своего отца Леопольдо Мальпери. Выполнял заказы Цветаева с 1894 г. (Впоследствии фирма перешла к Вирджилио Герарди, с которым Цветаев также имел дело в 1911 г.) Помещенный в конце письма список слепков Мальпери, которыми Цветаев хотел заинтересовать Нечаева-Мальцова, содержит, наряду с хрестоматийными скульптурами, названия, трудно отождествимые с конкретными произведениями, так как изображений Антиноя, например, или Марции было известно много. Каталог мастерской Мальпери, на который ссылается Цветаев, разыскать не удалось. В 4-х случаях номера Цветаевым не проставлены – по-видимому, он рассчитывал заказать слепки с этих знаменитых скульптур сверх каталога. В списке указаны некоторые слепки, уже полученные из той же мастерской несколькими годами ранее. Такое встречается в письмах Цветаева не один раз. Объяснить эту странность мы затрудняемся.

<sup>2</sup> *Зенгер Григорий Эдуардович* (1853–1919), доктор римской словесности, специалист по текстологии Горация и Проперция; ректор Варшавского университета в 1897 – 1899 гг., попечитель Варшавского учебного округа в 1900 – 1901 гг., товарищ министра народного просвещения с ноября 1901 г., министр в 1902 – 1904 гг.

## 324

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2379, телеграмма.

## 325

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4960.

<sup>1</sup> Министр внутренних дел Д.С.Сипягин был убит 2 апреля 1902 г. террористом; на его место назначен *Плеве Вячеслав Константинович* (1846–1904), бывший до этого министром статс-секретарем Финляндии. Убийство Сипягина было первым политическим актом Террористического центра эсеровской партии, жертвами которого стали позднее и Плеве, и председатель Комитета по устройству Музея изящных искусств великий князь Сергей Александрович.

<sup>2</sup> Речь идет о П.С.Ванновском. Далее Цветаев упоминает о своем докладе ему в пятницу, 5 апреля 1902 г.; вторичном посещении министерства назавтра, 6-го апреля – в день доклада Ванновского царю; обеде у Уваровой и ужине у Иловайского, состоявшихся уже в Москве 7 апреля; о своем представлении императору в среду 3 апреля.

<sup>3</sup> Речь идет о планах постройки специального здания для картинной галереи Румянцевского музея.

## 326

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4961.

<sup>1</sup> *Рицциони Александр Антонович* (1836–1902), русский живописец, академик, утром 29 (16 ст. стиля) апреля 1902 г. покончил с собой на 66-м году жизни. (Московские ведомости. 1902. 17 апреля. С. 2. Стб. 4, телеграмма из Рима.)

<sup>2</sup> Цитируемое письмо Ф.П.Реймана не сохранилось.

<sup>3</sup> В 1902 – 1903 гг. Рейман упоминается в сочинениях ведущих русских писателей, например в рассказе А.В.Амфитеатрова «В катакомбах» и в книге П.Д.Боборыкина «Вечный город».

<sup>4</sup> Искаженная переписчиком фраза восстанавливается по следующему месту из письма Цветаева Клейну от 15 апреля: «Заболел простудой я, болеет наша средняя девочка, на днях лежал сын» (ф. 8, оп. III, ед. хр. 172).

<sup>5</sup> *Мещанинов Иван Васильевич*, юрист, в прошлом уфимский губернский прокурор, затем – товарищ обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Сената. В 1899 г. – член комиссии П.С.Ванновского для исследования причин студенческих волнений; с октября 1900 г. начальник Главного тюремного управления; после назначения в марте 1901 г. П.С.Ванновского министром народного просвещения – в должности товарища министра с начала апреля 1901 г.

<sup>6</sup> Н.А.Зверев в это время, после оставления поста товарища министра в 1901 г., являлся сенатором.

## 327

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4962.

<sup>1</sup> *Шувалов Иван Иванович* (1727–1797), граф, русский государственный деятель, генерал-адъютант, фаворит императрицы Елизаветы Петровны; покровительствовал просвещению, первый куратор Московского университета, президент Академии художеств.

*Румянцев Николай Петрович* (1754–1826), граф, русский государственный деятель, канцлер, в 1807 – 1814 гг. министр иностранных дел. Завещал государству свои коллекции, на основе которых был создан Румянцевский музей.

<sup>2</sup> *Лубз Эмиль* (1838–1929), в 1899 – 1906 гг. президент Французской республики. В Петербург приезжал 7–9 мая 1902 г., отдавая визит Николаю II, который посетил Францию в сентябре 1901 г.

<sup>3</sup> См. копию с нее, с пометой Цветаева, что оригинал выдан Листу: ф. 3, оп. I, ед. хр. 125, л. 15.

## 328

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4963.

<sup>1</sup> *Иосса Николай Александрович* (1845–1916), горный инженер, тайный советник, директор Горного департамента Министерства земледелия и государственных имуществ в 1900 – 1907 гг., известный ученый-металлург.

<sup>2</sup> Дом Шелапутина на Театральной площади назывался также «домом Шелапутина, Полякова и Бера на Театральной площади», хотя числился по адресу Охотный ряд, 3, и Б.Дмитровка, 2 (напротив Благородного собрания); в нем, между прочим, имелся сдававшийся в аренду разным труппам театральный зал – так называемый Шелапутинский театр.

<sup>3</sup> Речь идет о трехэтажном доходном доме, построенном Клейном в 1900 г. для себя рядом с принадлежавшим ему особняком (Олсуфьевский пер., 8). Первая жена Клейна – *Наталия Андреевна* (урожд. Бек; 1864–1911), дочь – *Екатерина Романовна Клейн* (в замужестве Сенявина; 1885–1919).

<sup>4</sup> Так как у Клейна была единственная дочь, остается предположить, что речь идет о племянниках великого князя.

## 329

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4964.

<sup>1</sup> Предполагаемые перемещения не состоялись.

*Куропаткин Алексей Николаевич* (1848–1925), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, военный министр (1898–1904), главнокомандующий силами, участвовавшими в войне с Японией.

*Ковалевский* – вероятно, Владимир Иванович Ковалевский, товарищ министра финансов.

*Бобриков Николай Иванович* (1839–1904), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, с августа 1898 г. Финляндский генерал-губернатор.

*Саблер Владимир Карлович* (1846–1929), в 1902–1905 гг. товарищ обер-прокурора, в 1911 – 1915 гг. обер-прокурор Св. Синода.

## 330

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4965.

<sup>1</sup> Храм-памятник, воздвигнутый македонским царем Филиппом II в Олимпии в ознаменование победы над афинянами и беотянами (битва при Херонее в 338 г. до н.э.). Завершает зодчество Пелопоннеса классической эпохи. Не сохранился. Описываемый Цветаевым проект Центрального зала Музея был отклонен Нечаевым-Мальцовым.

## 331

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4966.

<sup>1</sup> Под этими словами Цветаев подразумевает как переработку устава 1884 г. (о нем см. комм. 1 к письму 52 и комм. 3 к письму 213), так и решение проблемы студенческих стачек, одной из причин которых был все тот же

консервативный устав, а одним из следствий – принятие «Временных правил» и убийство студентом их автора министра Н.П.Боголепова (см. комм. 7 к письму 58 и комм. 3 к письму 213). Министр П.С.Ванновский разослал попечителям и начальникам высших учебных заведений список вопросов, касающихся коренной реформы. Ответы были обобщены специальной комиссией и сводились к возвращению корпоративных прав университетов, утвержденных предыдущим уставом 1863 г. Предполагалось, что большая самостоятельность университетов в решении своих проблем объединит профессорский состав со студенчеством и усилит благотворное влияние педагогов на учащихся. 30 декабря 1901 г. Ванновским были опубликованы «Временные правила организации студенческих учреждений», впервые узаконившие студенческие организации и давшие им официальное право участия в обсуждении студенческих дел в университетах. От нового министра Зенгера ждали продолжения реформы. Но лишь Законом от 27 августа 1905 г. была дарована широкая автономия высшим учебным заведениям – весь внутренний распорядок передавался в руки коллегии профессоров и выбранных ими ректоров. Закон, впрочем, часто нарушался.

<sup>2</sup> Речь идет о поисках преодоления последствий гимназического устава 1871 г., выработанного при участии П.М.Леонтьева и М.Н.Каткова. Его принципы, изложенные в 1874 г. в «Сборнике постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям ведомства Министерства народного просвещения», проводились в жизнь министерством графа Д.А.Толстого. Только гимназиям поручалось готовить юношей для поступления в университеты, причем большое внимание уделялось усиленному изучению двух древних языков – латыни и греческого. Метод изучения сводился к грамматическим штудиям и переводам с русского языка на древние. Нехватка русских учителей компенсировалась приглашением иностранных, главным образом, немцев или чехов, плохо владевших русской речью. Это создавало дополнительные трудности и конфликты между учителями и учениками. Реальные гимназии, переименованные в реальные училища и не имевшие в своих программах древних языков, не давали теперь выпускникам права поступления в университеты, что ограничивало значительную часть молодежи в выборе профессий и тоже порождало напряженность. Эта схема, принятая для российской средней школы, имела прообразом прусскую систему образования, которая в те годы сама находилась на пороге реформ. О результатах внедрения устава, сказавшегося затем и на положении в высшей школе, красноречиво говорит Цветаев в письме к В.Ф.Миллеру 4 декабря 1898 г.: «Вы, конечно, получили от Попечителя учеб[ного] округа предложение высказаться по поводу записки предводителей дворянства Московской губернии о постановке нашей средней школы. <... > Благо случай представился, давайте выскажем всё искренно, что лежит давно на сердце: что мертвенное преподавание мертвых языков у нас, в силу особых условий наших школ, не принесло тех блистательных плодов, каких ожидали от

классицизма при его насаждении в начале 70-х годов, этого не видит разве слепой или намеренно закрывающий на то глаза. Мертвая и, за редчайшими исключениями, неумная работа наших классиков-учителей привела к общему озлоблению и юношества, и родителей. Гимназия, как просветительское учреждение, несомненно пала за эту четверть века в глазах всего общества: это знаменательный факт, с которым приходится считаться нынешним руководителям народ[ного] просвещения.

Недовольство гимназией разделяется между родителями всех категорий и всяческого развития: тут в одинаковой степени сходятся и профессора, и люди практической деятельности, и мелкий бедный чиновник управы захолустного городишка. И это глубокое чувство, охватывающее и наши земства, и наше дворянство, считает уже десятки лет своего существования, в течение которых прежние гимназисты стали уже отцами.

Только слепой фанатик классицизма, да разве тот, кому он принес большие материальные и всякие другие выгоды, станет отрицать и этот факт общего недовольства, и отсутствие к тому законных причин в строе наших гимназий.

Как опротивел этот бездушный классицизм нашим гимназистам, доказательства представляют истор[ико]-филологические факультеты с их отсутствующими или умирающими классическими отделениями. До такого позора дошел даже Московский университет, у которого в прошлом году не было на 3-м курсе, а ныне нет на 4-м курсе ни одного студента на классическом отделении.

Нас с вами как профессоров, а затем Ф.Е.Корша и Ф.Ф.Фортунатова теперь спрашивают официальным образом о месте древних языков в наших гимназиях, о том, возможно ли установить преподавание одного латинского языка, начавши его с 3 класса, и переместить на 5-й класс греческий язык там, где он будет оставлен. Хороший случай дать ответ, какой требуют и наиболее сердце, и чувство справедливости, и просто здравый смысл. И ответы профессоров, на глазах которых прошла четверть века мучений гимназической школы, не останутся ныне гласом вопиющего в пустыне. Надеяться на это я имею *особые* основания *после* сделанного нам четвертым предложением попечителя» (РГАЛИ, ф. 323, оп. 1, ед. хр. 437, л. 17–18об. Публикуется впервые).

Прямым последствием назревшего конфликта стал созыв комиссии по вопросам реформы средней школы, работавшей в Петербурге под председательством министра народного просвещения Н.П.Боголепова в 1900 г. (См.: Труды Высочайше учрежденной комиссии по вопросу об улучшениях в средней общеобразовательной школе. Вып. 1–8, СПб., 1900.) Работе комиссии предшествовали совещания, проведенные осенью 1899 г. по инициативе попечителя московского учебного округа П.А.Некрасова, в которых принимали участие помимо начальников гимназий учителя гимназий и профессора Университета, в том числе Цветаев. Материалы опубликованы: Совещания, происходившие

в 1899 году в Московском учебном округе по вопросам о средней школе, в связи с циркуляром г. Министра народного просвещения от 8 июля 1899 г. за № 16212. Вып. 1–6, М., 1899 (Приложения к журн. «Циркуляр по Московскому учебному округу».)

<sup>3</sup> *Никитин Петр Васильевич* (1849–1916), филолог-классик, крупнейший специалист в области древнегреческой эпиграфики и истории аттической драмы. Академик (1892), с 1890 по 1897 гг. – ректор Петербургского университета, с 1900 г. – вице-президент Академии наук.

**332**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4967.

<sup>1</sup> Письмо от 6 мая н. ст. (т.е. 23 апреля ст. ст.) – ф. 2, оп. I, ед. хр. 41, л. 16.

<sup>2</sup> См. телеграмму 322 и комм. к ней.

<sup>3</sup> Речь идет о неосуществившемся намерении заказать Рейману для Музея копии с ряда этрусских и древнеримских фресок в натуральную величину (см.: Комитет МИИ 1900. С. 14–15).

**333**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4968.

**334**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4969.

<sup>1</sup> *Кутырин Михаил Дмитриевич*, дворянин, владелец камнепильного завода на Б.Садовой ул.

**335**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4970.

<sup>1</sup> То есть за хорошую плату.

**336**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4971.

<sup>1</sup> Письмо от 22 мая н. ст. (т.е. 9-го ст. ст.)//Ф. 2, оп. I, ед. хр. 41, л. 17. Ниже Цветаев соединяет вместе две цитаты из этого письма.

**337**

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4972.

<sup>1</sup> *Шпрингер Антон* (1825–1891), немецкий историк и искусствовед. Его «Руководство по истории искусства» («Handbuch der Kunstgeschichte», 1855) трижды перерабатывалось автором для новых изданий (1879, 1888, 1895), два из которых вышли под несколько иным названием («Основной ход [Grundzüge] истории искусств») в качестве текстовых томов к уже упоминавшимся таблицам по истории искусств изд. Зееманна. Постепенно книга разрослась до 6 томов.

Начиная с 1898 г. «Руководство» многократно издавалось в новых переработках, сделанных такими авторитетными учеными, как А.Михаэлис и др. (1898, 1901, 1904, 1907, 1911 и т.д.); состав иллюстраций тоже менялся. Считалось образцовым иллюстрированным справочником. Каким именно изданием пользовался Поленов, нам не известно.

<sup>2</sup> В.Д.Поленов посетил Грецию в 1881 – 1882 гг., Египет – тогда же и в 1899 г.

<sup>3</sup> Замысел осуществлен не был. См. также комм. 3 к письму 276.

338

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4973.

339

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4974.

340

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4975.

341

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4976.

<sup>1</sup> Письмо Цветаеву от 25 мая 1902 г. (ф. 3, оп. I, ед. хр. 125, л. 19–20).

342

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2375, телеграмма.

343

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4977.

344

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4978.

<sup>1</sup> Великий князь Сергей Александрович посетит строительство 14 июля 1904 г.

345

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4979.

346

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4980.

<sup>1</sup> Точнее, лабрадорита, магматической породы, основную часть которой составляет лабрадор, минерал из группы полевых шпатов. Имеет темно-серый цвет с сине-зеленым и красноватым отливом, используется для облицовки зданий. Здание Ярославского вокзала на Каланчевской площади было перестроено Ф.О.Шехтелем в 1902 – 1904 гг. Столбы или колонны из лабрадорита находятся в зале ожидания вокзала.

<sup>2</sup> *Браманте Донато* (1444–1514), итальянский архитектор, крупнейший представитель архитектуры Высокого Возрождения. Работал в Милане, затем в Риме. В 1505 г. по поручению папы Юлия II начал работы по перестройке ватиканского дворцового комплекса. Создал проект нового собора Св. Петра, главного храма католического мира, возводившегося на месте прежней базилики Св. Петра. Храм имел центрально-купольную композицию, образуя в плане равноконечный крест, вписанный в квадрат. К моменту смерти Браманте собор был выведен до высоты арок подкупольной части. Запечатлен в таком состоянии на старинном рисунке, дошедшем до наших дней. Этим изображением и собирався, по-видимому, воспользоваться П.В.Жуковский, поскольку в дальнейшем собор получил другой архитектурный облик. Его основные элементы связаны уже с последующими эпохами – позднего Возрождения и барокко, что выходило за хронологические рамки экспозиции данного зала Музея.

<sup>3</sup> Этим письмом заканчивается настоящий том публикаций.

2 июня 1902 г. «Московские ведомости» поместили следующую заметку: «Директор Румянцевского и Публичного музеев, заслуженный профессор И.В.Цветаев, выехал в двухмесячный отпуск. Он предпринимает поездку на Урал, чтобы осмотреть работы по добыванию мрамора для облицовки здания Музея изящных искусств имени Императора Александра III» (№ 150. С. 2. Стб. 5).

С этого момента начался новый период в жизни Цветаева, связанный с длительными поездками по делам Музея.



## ПРИЛОЖЕНИЯ

# ПРИЛОЖЕНИЕ I

1

П.М.ЛЕОНТЬЕВ –  
РЕКТОРУ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА,  
23 ИЮЛЯ 1852 Г.

«Его превосходительству  
господину ректору Императорского  
Московского университета  
заведующего Кабинетом древностей,  
исправляющего должность экстраординарного  
профессора Павла Леонтьева

## Донесение

В дополнение к представлению моему о приобретении слепков с замечательных произведений древнего ваяния честь имею донести, что в бытность мою в С.-Петербурге зимою этого года я собрал точные сведения в Императорской Академии художеств о цене слепков и о том, какие из них могут быть получены из Академии хорошего качества. По соображении этих сведений с средствами штатной суммы, на Музей изящных искусств и древностей назначенной, и с теперешним помещением Кабинета древностей, я нашел нужным составить в замену представленного мною списка слепков, новый список, который и представляю ныне на благоусмотрение Вашего превосходительства, присовокупляя, что следующая за все эти слепки сумма шестьсот двадцать рублей тридцать одна копейка серебром могла бы быть без затруднения уплачена из штатной суммы, а именно 496 р. 40 к. из остающейся штатной суммы сего года, и 123 р. 91 к. из штатной суммы будущего 1853 года.

Июля 23 дня 1852 г.

Исправляющий должность экстраординарного профессора П.Леонтьев.

1. Ниобид-сын из Мюнхена без головы и руки
2. Диана с ланью из Версаля
3. Аполлон Бельведерский
4. Торс Геркулеса
5. Бахус с кариатидой из Таврического дворца
6. Меркурий или Антиной Бельведерский
7. Венера Медицейская

8. Венера Таврическая
9. Венера Милосская
10. Фавн Барберини
11. Софокл
12. Аристид
13. Церера, статуя
14. Две реки Фидия с Парфенона

Бюсты:

1. Юпитер Олимпийский колоссальный
2. Юнона колоссальная
3. Геркулес колоссальный
4. Бахус – “ – “ – “ –
5. Минерва – “ – “ – “ –
6. Платон – “ – “ – “ –
7. Александр Македонский
8. Адриан
9. Антиной
10. Каракалла

---

итого 620 р. 31 коп.»

ЦИАМ, ф. 418, оп. 20, д. 40, л. 19-20. Автограф.

Публикуется впервые.

[О ПОЖЕРТВОВАНИИ  
ПОТОМСТВЕННЫМ ПОЧЕТНЫМ ГРАЖДАНИНОМ  
В.П.БОТКИНЫМ 5250 Р. НА ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ]

«В Московский Художественный музей  
при Московском университете

От душеприказчиков умершего  
потомственного почетного гражданина,  
временно московского первой гильдии купца  
Василия Петровича Боткина, братьев его,  
почетных граждан Дмитрия и Петра  
и академика Михаила Петровых<sup>1</sup> Боткиных

Объявление

По духовному завещанию покойного брата нашего Василия Петровича Боткина, утвержденному Московским Окружным судом 18 февраля 1871 года, назначено им внести в течение трех лет в Московский Художественный музей на приобретение художественных произведений пять тысяч рублей серебром.

Исполняя волю его, мы имеем честь внести при сем означенную сумму 5000 рублей и процентов на оную за один год по 5 % в год 250 рублей, всего пять тысяч двести пятьдесят рублей серебром; покорнейше просим в приеме сей суммы выдать нам надлежащую квитанцию с подробным объяснением в оной всего вышеизложенного.

Мая дня 1871 года

Душеприказчик почетный гражданин Дмитрий Петров Боткин.

Душеприказчик потомственный почетный гражданин

Петр Петров Боткин».

Вверху слева: «5250 рублей принял А. Кудрявцев. 3 мая № 723»

Внизу: «В казначейство 3 мая № 788»

ЦИАМ, ф. 418, оп. 40, д. 159, л. 3.

Публикуется впервые.

*К.К.Гёриц*

### КАБИНЕТ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ И ДРЕВНОСТЕЙ

В 1881 г. приступлено было к отделке двух новых зал в старом здании Университета для помещения в них гипсовых слепков с произведений античной скульптуры. С этой целью были заказаны и получены из Берлина, сделанные в заведении для отливания гипсовых слепков Королевских музеев в Берлине, снимки с античных статуй в числе 29. Эти слепки с укладкой и пересылкою стоили 5 220 марок и 88 пфеннигов, уплаченных из пожертвованной на этот предмет покойным В.П.Боткиным суммы. По окончании отделки упомянутых двух зал слепки будут вынуты из ящиков и поставлены на месте с находящимися уже в кабинете слепками. <... >

Из кн.: Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1881 год. Москва, 1882. С. 63–64. Напечатано без подписи.

*И.В.Цветаев*

### КАБИНЕТ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ И ДРЕВНОСТЕЙ

В 1882 г. было окончательно устроено новое помещение для *собрания слепков с произведений античного ваяния*. Помещение находится в старом здании Университета, по Никитской, против университетской церкви и состоит из двух зал, окрашенных в темный красно-помпеянский цвет, к которым ведет лестница, красиво убранная двумя поручнями. Собрание слепков, сделанных в Берлине на суммы, пожертвованные В.П.Боткиным, состоит из следующих произведений: 1) сидящая мужская фигура из Милета; 2) Дискобол Мирона; 3) Дорифор Поликлета; 4) Гармодий; 5) Аристокитон; 6) Афина Фидия; 7) Аполлон с острова

Наксоса; 8) Деметер [Деметра] из Книдоса; 9) Диадуменос Фарнезе; 10) Боргезский Гладиатор; 11) Нике Пеония; 12) Гермес Праксителя; 13) Гера Людовизи; 14) Антиной; 15) Нике, развязывающая сандалии (рельеф); 16) Аполлон Музагет; 17) Аполлон из Олимпии; 18) Агриппина младшая; 19) молящийся мальчик; 20) Открыты в Олимпии: Зевс, 21) Ойномаос [Эномай], 22) Стеропа, 23) Пелопс, 24) Гипподамия, 25) Алфей, 26) Кладеос, 27) группа кентавра и Дейдами; 28) Лаокоон; 29) Скиф, точащий нож. В новое помещение перенесены также находившиеся в кабинете изящных искусств 15 слепков с произведений античного ваяния, которые пополнили собрание и дали учащемуся юношеству довольно полную картину развития античного ваяния в слепках. Все предметы расположены в исторической, возможной, последовательности и поставлены на новых изящных пьедесталах, украшенных объяснительными надписями на все предметы.

Израсходовано из ежегодно назначаемой на Кабинет суммы: 1) на изготовление 29 пьедесталов 675 р.; 2) за перенесение слепков 45 руб.; 3) за мебель для нового помещения 209 руб.; 4) за поручни на лестнице 80 руб.

Кроме вышеупомянутых 29 слепков, для кабинета изящных искусств других приобретений не сделано. <... >

Из кн.: Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1882 год. Москва, 1883. С. 63–65. Напечатано без подписи. Авторство Цветаева очевидно, так как с середины 1882 г. именно он заведовал Кабинетом искусств.

## ОСМОТР ДИРЕКТОРОМ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ УЧЕБНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

25 сентября после литургии и молебствия в университетской церкви директор Департамента народного просвещения, тайный советник Н.М.Аничков посетил, в сопровождении попечителя Московского учебного округа, графа П.А.Капниста, ректора Университета Н.П.Боголепова, помощника ректора П.А.Некрасова, Зоологический музей, которым заведует профессор А.П.Богданов, и Музей гипсовых слепков с памятников античной скульптуры, которым заведует профессор И.В.Цветаев. Накопление научного материала в Зоологическом музее требует постройки нового здания. Музей же слепков, значительно обогатившийся в последнее время, нуждается в расширении своего помещения.

Московские ведомости. 1892. 26 сентября. № 267. С. 4. Без подписи.

**ПОСЕЩЕНИЕ МИНИСТРОМ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ  
ГРАФОМ И.Д.ДЕЛЯНОВЫМ  
УЧЕБНО-ВОСПОМОГАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ УНИВЕРСИТЕТА**

Сегодня, 21 января, министр народного просвещения, граф И.Д.Делянов осматривал Зоологический музей и Музей гипсовых слепков и памятников античной скульптуры, принадлежащие здешнему Университету. Г. министра сопровождали: директор Департамента тайный советник Н.М.Аничков, попечитель Московского учебного округа граф П.А.Капнист, помощник попечителя К.И.Садочков, исправляющий должность ректора Университета П.А.Некрасов, инспектор студентов С.И.Добров. <... >

Из Зоологического музея посетители переехали в Художественный музей гипсовых слепков. Здесь объяснения давал ординарный профессор И.В.Цветаев. Количество слепков этого Музея стало увеличиваться особенно в последнее время, благодаря щедрым пожертвованиям К.С.Попова и К.Т.Солдатёнова, явившихся продолжателями дела, начатого много лет тому назад покойным Василием Петровичем Боткиным. К.С.Попов обогатил Музей многими статуями и многими весьма обширных размеров горельефами и барельефами из различных периодов греческого ваяния. К.Т.Солдатёнов, по докладу профессора Цветаева министру, недавно уполномочил его как заведующего Музеем приобрести в слепках все скульптуры Эгинских фронтонов и несколько лучших статуй греческой скульптуры, хранящихся в Мюнхенской глиптотеке. Этот последний дар является особенно ценным для Музея, так как этим восполняется весьма значительный пробел в его коллекциях. Получение этого приношения г. Солдатёнова Московскому университету ожидается на днях.

Г. министр подробно осматривал наиболее замечательные изваяния из всех эпох эллинской и римской пластики. По заявлению г. директора Департамента, осматривавшего тождественные учреждения в других русских университетах, Художественный музей Московского университета занимает в настоящее время первое место. Кроме гипсов, посетители рассматривали многочисленные образцы художественного атласа, составляемого проф. Цветаевым и издаваемого при этом Музее.

Подобно Зоологическому музею, и Художественный музей Университета затруднен в своем развитии недостатком места. И для него является неизбежно значительная пристройка, которая требует нескольких десятков тысяч рублей.

Московские ведомости. 1893, 22 января. № 22. С. 4. Без подписи.

И. В. Цветаев

Устройство Музея античного искусства  
при Московском университете<sup>2</sup>

## I

Уставом российских университетов 1863 года учреждена на историко-филологических факультетах *кафедра теории и истории изящных искусств*. В текущем году исполнилось 30 лет со времени открытия этой кафедры, по самой сущности своего предмета обещавшей стать одною из наиболее привлекательных в круге всех университетских наук. Вопросы об искусстве и художниках человечества древних и новых времен, вопросы об эстетических воззрениях различных народов и выражении их в памятниках зодчества, вааяния и живописи присущи так или иначе любознательности всякого – и потому, рассуждая теоретически, можно было бы ожидать, что аудитории профессоров этой науки будут наполняться не только филологами, но и студентами других факультетов и даже слушателями, не принадлежащими к университетскому юношеству.

Но совсем не так вышло в действительности. Сменилось тридцать университетских поколений – и не только студенты других факультетов, но и огромное большинство наших классических филологов, историков и словесников оставались за этот период времени без всяких историко-художественных познаний. В половине русских университетов кафедра теории и истории изящных искусств существовала только на бумаге, не находя ни профессоров, ни студентов.

Но даже и в тех университетах, где эта кафедра действовала фактически, преподавание этой поучительной и интересной науки не могло принести надлежащих плодов. Старания почтенных преподавателей этого предмета нашли себе удовлетворение исключительно в образовании нескольких специалистов по части античного и средневекового искусства, но не в успехах распространения историко-художественных сведений в массе университетских слушателей и в младших поколениях нашего общества, как это было бы желательно.

Причиной такой бесплодности усилий профессоров этой науки был не недостаток их энергии, но исключительно те неблагоприятные условия, в неизбежную зависимость от которых эта кафедра стала с самого начала ее возникновения.

Преподавание истории искусств, изложение и обсуждение эстетических теорий требуют прежде всего *наглядного* знакомства с памятниками трактуемых художеств. Нельзя удовлетворительно описать здания, даже в его главных составных частях, не показав его плана и общей его формы в рисунках, фотографиях или, еще того лучше, в виде хорошо исполненной *модели*; никаким красноречием профессор не достигнет полного и верного изображения картины, не прибегнув к копии ее, сделанной тем или иным способом; останется бесплодным всякое описание статуи, рельефа, геммы, камеи, художественно исполненной медали или монеты, если при этом не будет показан или сам оригинал, или гипсовый его слепок, фотографическое его воспроизведение и пр.

Правительство, вводя кафедру теории и истории изящных искусств, в справедливом сознании особых условий преподавания этой науки, в свое время оставило эту кафедру, по мере сил, особыми материальными средствами, назначив ей в разных университетах от 1200 до 1500 рублей в год на учебно-вспомогательные учреждения – историко-художественную библиотеку, мюнц-кабинет, кабинет изящных искусств и древностей.

Но крайняя дороговизна больших иллюстрированных изданий западноевропейского книжного рынка, – не говоря о необходимых для успеха преподавания коллекциях древних монет, гемм, камей, расписных ваз, терракот и бронз, приобретаемых обыкновенно за границею, – уже давно сделала эту штатную сумму недостаточною для этой исключительной по своим требованиям кафедры. Сумма эта не стала отвечать даже всем нуждам одной художественной и археологической библиотеки, пополнения которой с каждым годом делаются все более и более затруднительными, благодаря часто одновременному появлению обширных и роскошных изданий с большим количеством дорогостоящих гелиографур, фотографий, фототипий, хромолитографий и рисунков.

При таких материальных средствах, вопрос о настоящих художественных и археологических музеях при наших университетах до последнего времени не мог серьезным образом даже и подниматься\*. И в то время, как в Германии даже малолюдные университеты, уже более полувека назад, стали обзаводиться музеями гипсовых слепков с памятников античной скульптуры и коллекциями моделей главнейших сооружений древнего и частью средневекового зодчества; в то время, как немецкие студенты даже заолустных университетов имеют в настоящую пору полную возможность легко и в сравнительно короткое время ознакомиться с существенно важными памятниками античного искусства в таких музеях; тогда как, с другой стороны, на наших глазах расширяются или создаются заново обширные и превосходно организованные музеи гипсовых слепков античной пластики в Мюнхене, Дрездене, Лондоне, Кембридже и нескольких других городах Англии, в Париже, Риме и Нью-Йорке, – наше университетское юношество, наши художники, наша художественная учащаяся молодежь и любители искусств лишены достаточных к тому пособий даже в столичных городах\*\*. Нечего поэтому удивляться, что для лучшей части нашего

---

\* Но сознание важности учреждений этого рода существовало в наших университетах с давнего времени: археологические и художественные коллекции в Московском университете понемногу, хотя и случайно, составлялись с первых пор его существования, начало собирания гипсов положено в университетах Новороссийском [в Одессе], Харьковском и др. местах; всего полнее коллекция гипсовых слепков в Юрьевском университете. В недавнее время в официальных сферах возбудил вопрос об учреждении обширного музея гипсовых слепков с памятников скульптуры при университете Св. Владимира в Киеве, на правительственные средства, профессор А. В. Прахов. – *Здесь и далее в подстраничных сносках примег. Цветаева.*

\*\* В более счастливые условия поставлены, конечно, жители Петербурга, имеющие возможность знакомиться с гипсовыми слепками собрания Императорской Академии художеств и с оригиналами Им-



молодого поколения великие создания художественных гениев древнего мира и их даровитейших учеников остаются пустыми звуками, не связанными ни с какими прочными представлениями. Нечего удивляться тому, что лучшие кандидаты наших университетов не отличат Аполлона от Гермеса, Афину от Артемиды, и смешают Венеру Медицейскую с Венерой Милосскою и не дадут нам никакого отчета об устройстве и скульптурах Парфенона. В этом русская молодежь нисколько не повинна: ей нечего смотреть, ей не по чем учиться в этой обширной и увлекательной области знаний.

Ненормальность такого порядка вещей, эта печальная сторона нашего высшего образования, стала сознаваться в последние годы старшими поколениями русского общества и всего яснее в Москве.

## II

Недостаточность историко-художественных сведений в среде нашего младшего поколения и необходимость учреждения Музея образцов античного искусства стали сознаваться в последние годы русским обществом, и всего яснее в Москве. Москва и в этом деле сама собою, без каких бы то ни было посторонних убеждений, становится во главе движения, которое обещает в будущем иную постановку преподавания и изучения истории искусств в наших отечественных университетах и художественных школах и иное положение для людей, желающих начинать свое художественное образование с эстетических и художественных образов классической древности. Мысль об устройстве специального Музея античного искусства при Императорском Московском университете, первоначально возникшая у отдельных лиц, становится в последнее время более и более популярною, находя себе не только теоретических сторонников, но и щедрых жертвователей на это новое в России дело. Мало-помалу начали поступать в Московский университет пожертвования со специальным назначением на усиление коллекций по античному искусству.

Один из московских граждан, еще несколько лет назад, в своем духовном завещании оставил 5 250 рублей на этот предмет и 5 250 рублей на премии за ученые сочинения по классической древности. Другой, два года тому назад, принес в дар нашему Университету коллекцию статуй, горельефов и барельефов

ператорского Эрмитажа. Но большая коллекция Академии не построена на строго историческом основании и, при многих существенных пробелах, лишена образцов скульптуры Олимпии, Пергама, Афин и многих других мест классического мира. Блестящие результаты грандиозных археологических раскопок, которыми гордится наука последнего времени, в Академии отсутствуют. Что же касается скульптурной галереи Императорского Эрмитажа, то материала для исторического изучения античной скульптуры здесь сравнительно очень мало. Мраморы Эрмитажа принадлежат позднейшей эпохе греко-римского ваяния и особенного значения, художественного и научного, не имеют. Главная сила этого музея, по отношению к классическому миру, заключается в бесподобной коллекции греческих древностей с Северного берега Черного моря, в великолепном собрании танагских терракот, купленных у г. Сабурова, в обширнейшем собрании расписных греческих и этрусских ваз и в его мюнц-кабинете.

в гипсах с памятников греческой скульптуры; от того же лица поступило в минувшем году новое пожертвование такого же рода, нарочно приобретенное для Московского университета в Венской Академии художеств. Третье лицо обогатило зарождающийся Музей гипсовыми слепками с Эгинских фронтонов и с лучших статуй и рельефов Мюнхенской глиптотеки. На этих днях знаменитые Эгинеты, статуя Мюнхенской Афродиты, представляющая одну из лучших копий Книдской Афродиты Праксителя, известный горельефный фриз с изображением свадьбы Посейдона и Амфитриты, серия бюстов и несколько статуй пришли в Москву и заняли уже свои места в коллекции Университета. Четвертый жертвователь доставил средства на приобретение для Университетского музея нескольких, наиболее ценных, статуй Ватикана, Латерана, Капитолия и некоторых частных музеев Рима, как Villa Albani и Villa Borghese. Пятый приносит в дар большое собрание бюстов исторических деятелей на поприщах государственной жизни, литературы и искусств Греции и Рима, – собрание, нарочно составляемое теперь для Московского университета по всем главнейшим музеям и городам Западной Европы. Часть этого собрания, состоящая из слепков с лучших экземпляров Британского музея, уже доставлена в Университет; в скором времени ожидается прибытие всех важнейших бюстов Луврского музея. Шестой и седьмой жертвователи делают Музей нашего Университета обладателем их богатых собраний больших и роскошных фотографий с произведений древней скульптуры, хранящихся в Афинах и Риме.

Сочувствие к идее зарождающегося Университетского Музея в последнее время стало распространяться и далеко за пределами Москвы. Августейший президент Императорской Академии художеств Великий Князь Владимир Александрович пожаловал нашему Музею все те слепки, которые могут быть сделаны Академией художеств – по формам, у нее существующим. Управляющий Императорским Эрмитажем князь С.Н.Трубецкой принял на себя труд ходатайствовать в высших сферах о содействии Эрмитажа Московскому университету в его начинании присылкой ему гипсовых слепков со своих лучших скульптур. Есть надежда на получение собрания расписных ваз из Императорской Академии наук<sup>3</sup>. Один житель Тамбова, прежний воспитанник Московского университета, умирая, оставил свое богатое нумизматическое собрание нашему Музею. Ему же принесла в дар супруга одного покойного профессора Петербургского университета археологическую часть библиотеки своего мужа.

Встречая столь живой интерес, проявляемый Москвой и лицами ей посторонними в деле обогащения нашего старейшего Университета памятниками античного искусства, министр народного просвещения, граф И.Д.Делянов, при первом же известии об этом, изъявил полную готовность ходатайствовать перед правительством о части средств, необходимых на устройство достойного помещения для этого музея.

Между тем, дело единичных пожертвований на составление названного учреждения, так счастливо начатое, не только продолжается, но и вступает на *новый, более прогный и более обещающий путь*. Вместе с этим изменяется взгляд на цели и размеры предполагаемого музея.

Люди, серьезно и живо интересующиеся распространением эстетического образования среди нашего молодого поколения, может быть, слишком поглощаемого утилитарными стремлениями века, приходят теперь к мысли о необходимости составления в Москве особого Комитета, который путем соединенных усилий его членов может достигнуть более крупных и верных результатов. Кружок учредителей этого Комитета задается мыслью *содействовать распространению общественного сочувствия к идеям и целям Музея и собиранию нужных для того материальных средств*.

До последних пор шла речь о Музее только как об учебно-вспомогательном учреждении Московского университета, обыкновенно закрытом для посторонних лиц. В настоящее же время поднимается в среде московского общества вопрос об основании такого Художественного музея, который, составляя юридическую собственность Московского университета, фактически был бы и публичным учреждением. В определенные дни недели и в установленные часы он должен быть открыт для обозрения и для специальных занятий всякому желающему, без различия званий и пола.

Художественный музей должен, по предположению основателей Комитета, состоять при Императорском Московском университете как главном местном центре просветительных знаний и таком учреждении, которое имеющимися у него в настоящее время гипсами, собранием древних греческих расписных ваз, обширным мюнц-кабинетом, своею специально-художественною и археологическою библиотекою, год от года увеличивающимся систематическим собранием фотографий с памятников древнего искусства и своею, хотя и небольшою штатною суммою – уже дает таким образом прочное ядро этого несомненно полезного института. В первой стадии своего развития Музей предположено ограничить памятниками искусств Востока, Греции и Рима.

Мы назвали этот институт полезным не без причины и не без фактических данных. Не успел осуществиться Художественный музей нашего Университета и на одну четверть своей программы, не имеет он и характера общественного учреждения, а уже с разных сторон поступают к администрации просьбы о дозволении посещать его ради специальных занятий рисованием и скульптурой. Этого рода заявления идут и от художников, желающих посылать сюда своих учеников, и от родителей, ходатайствующих за своих детей, и от учеников и учениц Московского училища живописи и ваяния, ищущих возможности заниматься здесь по воскресным и праздничным дням. Мы уже не говорим о тех любителях художеств, которые начинают посещать Университетское собрание гипсов из любознательности и ради эстетического наслаждения.

## III

Что касается составных частей проектируемого Музея, то он должен состоять из следующих отделений.

I. *Отделение архитектуры.* История древнего зодчества должна быть изображена в *моделях* и рисунках главных сооружений Востока и классических народов. Здания имеют быть представлены как религиозного характера (храмы, гробницы, жертвенники и пр.), так и мирского назначения (дома, дворцы, театры, цирки, галереи, триумфальные ворота и колонны и пр.). История развития стилей античного зодчества составит особую заботу, при организации этого отделения Музея. Всё, что может быть добыто в художественных и археологических кругах Западной Европы, займет здесь свое подобающее место.

II. *Отделение скульптуры.* Здесь должны быть собраны в исторической системе главнейшие образцы ваяния Египта, Ассирии, Финикии, Передней Азии, Греции и Рима. Все существенные стадии развития этого искусства, особенно в Греции и Риме, должны быть представлены в лучших гипсовых отливках *в натуральную величину оригиналов.* Но так как гипсовые слепки бывают разного достоинства, то, при составлении коллекции этого рода, должно быть обращено главное внимание на место производства гипсов. Не соблазняясь относительно дешевизной, нужно делать заказы не на ближайших фабриках, но, по возможности, там, где находятся самые оригиналы. Каждый западноевропейский музей обыкновенно имеет или собственное литейное заведение, или надежного комиссионера-скульптора, который исполняет заказы под его ответственностью. Оттого слепки с памятников древнего искусства, собранных в Британском музее, всего лучше получать из Лондона, памятники афинских собраний нужно заказывать в Афинах, копии со скульптур Рима наилучшим образом исполняются в мастерских Вечного города, хотя многие из них воспроизводятся в разных других местах и за сравнительно дешевую цену. Возможная осмотрительность при составлении этого собрания обязательна, и она в нашем Музее будет соблюдается безусловно.

III. *Отделение живописи.* Живопись древних хотя и неизвестна нам в своих лучших образцах, навеки потерянных, и хотя в этом искусстве новые народы неизмеримо далеко опередили и Восток, и Грецию, и Рим, но составляемый Музей Московского университета, преследуя исторические цели, естественно не может обойтись без пособий для изучения и этой стороны культуры древних. Наиболее ценное из сохранившегося и дошедшего до нашего времени должно быть в Музее представлено наиболее авторитетными изданиями копий, существующими в западноевропейской художественной и археологической литературе. Желательно также иметь для наглядности несколько копий с оригиналов в натуральную величину их. Снимки такого рода, по заказу Музея, могут быть исполняемы русскими художниками, живущими в Италии и в других местах Западной Европы, которые владеют в своих музеях соответственными оригиналами. Что наши отечественные художники могут

быть в этом отношении особенно полезны, доказывает блестящий опыт многолетних работ нашего живописца Ф.П.Реймана в римских катакомбах, снискавшего себе славу несравненного и небывалого кописта древних фресков, к руководству которого теперь прибегают в Риме и целые ученые и художественные общества, и многие отдельные лица. И такую удивительную по своей выдержке силу, которая ныне доставляет истинную честь русскому имени в археологических кругах всей Западной Европы, вызвал на свет Божий только запрос одного нашего согражданина, пожелавшего принести в дар науке христианской археологии издание лучших образцов древнейшей стеной росписи Римских катакомб.

IV. *Нумизматический кабинет и отделение древних ваз и мелких древностей.* Нумизматический кабинет Московского университета отличается, в отделе классическом, значительною полнотой и владеет несколькими весьма ценными экземплярами. Не далее как в минувшем году один немецкий ученый должен был нарочно приехать в Москву для его изучения и снятия точных копий с того материала, который интересовал его. Собрание греческих расписных ваз, составленное, главным образом, стараниями покойного профессора К.К.Гёрца, представляет драгоценные образцы греческой вазовой живописи для различных эпох гончарного дела греков и является единственным по своему составу среди учебно-вспомогательных учреждений всех русских университетов.

По только что полученным сведениям, существует надежда на значительное увеличение коллекции ваз, при содействии Императорской Академии наук. Остается пополнение в разряде мелких древностей и гипсовых слепков с гемм и камней. В последнем отношении Московский университет может рассчитывать, между прочим, на помощь Императорского Эрмитажа, обладающего богатым собранием резных камней высокого художественного значения.

V. *Библиотека.* При Музее должна состоять специальная библиотека по всем отраслям искусств и художественных ремесл древнего мира. Учреждение такой специальной библиотеки составляет существенную потребность для Москвы, при необычайной скудости материалов этого рода других наших общественных книгохранилищ. Богатством научных и художественных пособий по истории античного искусства не может похвалиться ни одна библиотека в Москве. Ни Университет, ни Публичный и Румянцевский музеи, ни Российский Исторический музей, ни Императорское Археологическое общество в этом отношении далеко не стоят на высоте современного состояния науки. Неизмеримо счастливее нас в этом случае жители Петербурга, к услугам которых собрано столько книжных сокровищ и по этому отделу знаний в Императорской Публичной библиотеке, в Музее искусств и древностей Университета, в течение многих десятилетий употребляющего значительные средства исключительно на эту специальную литературу, в Императорской Академии наук и в Эрмитаже. Это богатство тамошних библиотек и заставляет людей, занимающихся историей искусств, делать из Москвы в Петербург нарочные путешествия, что не представляет,

конечно, особенных удобств и не может считаться явлением нормальным. Пользование такою специально художественною и археологическою библиотекой, наравне с занятиями во всех других отделениях нашего Музея, должно быть доступно, кроме профессоров и студентов, в определенные дни недели и *посторонней публике*.

VI. *Аудитория*. При Музее должна быть устроена особая аудитория, специально приспособленная для лекций по истории искусств, и снабжена всеми, необходимыми для того, механическими средствами. Если преподаванию истории искусств суждено выйти из того поистине печального положения, в котором находится оно в наших университетах в настоящее время, то такая аудитория будет безусловно необходима в самом Музее, подле тех памятников античной пластики, архитектуры и живописи, о которых поведется речь на лекциях. Мы называем современное положение преподавания истории искусств в отечественных университетах печальным, потому что самая кафедра этого предмета почему-то вычеркнута новейшею практикой из числа тех, которые имеют общеобразовательное значение для студентов историко-филологического факультета, будучи приурочена только к одному курсу его классического отделения, наиболее малолюдного\* из всех отделений. По какой-то странной случайности, *история* искусств не признана обязательным предметом даже для *исторического* отделения историко-филологического факультета. Вследствие этой трудно объяснимой меры, студенты-историки ныне выходят из университетов, не получив сведений ни о Фидии, ни о Скопасе, ни о Праксители, ни об Аполлоне Бельведерском и Лаокооне, не умея отличить один стиль зодчества от другого и т.д., выходят чуждые того облагораживающего влияния, которое производит на всякого изучение вековечных памятников искусства. Мера эта, мы глубоко верим, только временная и не продержится долго.

Таковы, в кратких чертах, цели будущего Комитета, составляемого для построения и устройства Музея античного искусства при Императорском Московском университете. Таков, по его предположению, должен быть этот первый в России Музей, весь специально посвященный изучению художеств древнего мира. На ближайший ряд лет предположено ограничиться Востоком, Грецией и Римом и собрать здесь лучшие образцы искусств лишь этих стран и народов. Что же касается дальнейших судеб истории художеств, то и они найдут со временем у нас своих специалистов, своих любителей и своих меценатов, которые су-

---

\* Малолюдность же классического отделения в наших университетах такова, что даже в Москве и Петербурге число студентов падает до 4-5 человек в курсе; в провинциальных же университетах 2-3 «классика» явление обычное. В некоторых университетах не составляется даже и этого жалкого числа; иной год классическое отделение там и совсем пустует. Для кого же тогда существует кафедра истории и теории искусств, юридически назначенная только для классического отделения историко-филологического факультета?

меют продолжить и достойно завершить дело созидания Художественного музея Московского университета, начинаемое теперь.

Проф. И.ЦВЕТАЕВ

12–15 октября 1893.

Московские ведомости. 1893, 17 октября. № 286. С. 3;  
19 октября. № 288. С. 3; 21 октября. № 290. С. 3.

*Проф. И. Цветаев*

## ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Императорский Московский университет, приступая четыре года тому назад к более обширной организации своего художественного музея, который должен заключать в себе гипсовые слепки с лучших образцов восточной, греческой и римской скульптуры, собранные и расположенные в порядке исторического ее развития, модели главнейших памятников античного зодчества, наиболее ценные научные и художественные пособия по истории древних, нумизматический кабинет и собрание предметов домашнего и общественного быта греков и римлян, питал надежду, что важность такого учреждения для эстетического образования нашей молодежи будет признана московским обществом и что оно придет к нему на помощь в этом деле, сложном по своей природе и требующем общих, соединенных усилий. И эта надежда наш Университет не обманула. Москва и здесь доказывает свою особую любовь к родному ей Университету, это почтенное чувство, столь выгодно отличающее ее от всех других наших университетских городов.

Идея и цель университетского Художественного музея, который должен будет служить интересам не одних только наших профессоров и студентов, но всех и каждого ищущих эстетического образования, который будет открыт для публики, мало-помалу стали проникать в разные слои московского населения; с разных сторон, от представителей различных классов и профессий послышались голоса искреннего сочувствия этому предприятию Университета; с разных сторон начали поступать и заявления о желании содействовать пополнению художественных коллекций материально. О приношениях этого рода, полученных нашим Университетом до весны текущего года, мы писали на страницах «Московских ведомостей» в свое время. Обогащение нашего Музея продолжалось за лето и за минувшую осень, продолжается оно и в настоящие дни. Новые поступления относятся к *отделению гипсовых слепков античной скульптуры и к нумизматическому кабинету.*

### I

В течение осенних месяцев был получен большой транспорт гипсовых слепков с памятников греческого и римского ваяния, принадлежащих Мюнхенской глиптотеке. Всё лучшее этого замечательного музея Москва имеет теперь в

превосходных гипсовых копиях, сделанных в натуральную величину оригиналов под непосредственным наблюдением директора Глиптотеки и профессора Мюнхенского университета, знаменитого археолога Гейнриха Брунна. Многие из этих скульптур переехали нашу границу впервые и являются, таким образом, единственными экземплярами по всей России.

Этот ценный дар принесен Московскому университету К.Т.Солдатёнковым.

В нижеследующем перечне мы будем держаться исторического порядка.

1) Так называемый *Аполлон Тенейский* – один из лучших типов изображения мужских, молодых обнаженных фигур в пору еще грубого архаизма греческой скульптуры, 2 – 16) пятнадцать статуй *Эгинских фронтонов*, высокое значение которых для истории греческого ваяния до-Фидиевского периода – факт общепризнанный; 17) голова Афины, стоявшей в центре группы *восточного Эгинского фронтона*, 18) *Голова юноши* – бронза, некогда находившаяся на *Villa Albani* в Риме и весьма интересная в стилистическом отношении, 19) портретный бюст *грекеского воина*, 20) *Атлет, наливающий себе масло на руку* перед началом гимнастических упражнений, – статуя, получившая важное значение в истории греческой скульптуры со времен открытия Гермеса Праксителя в Олимпии в 1877 году, 21) *Эйрэнэ и Плутос*, превосходная мраморная группа, представляющая копию бронзовой группы Кефисодота, отца Праксителя, 22) знаменитая статуя *Афродиты*, считаемая за одну из лучших копий Книдской Афродиты Праксителя, 23) голова *Пана*, бывшая некогда во владении Винкельмана, 24) статуя *Диомеда*, относящего Палладий из Илиона, 25) голова мраморной статуи *Александра Великого*, 26) большой горельефный фриз с изображением *свадьбы Посейдона и Амфитриты*, превосходное произведение эллинистической эпохи, составляющее одно из лучших украшений Мюнхенской глиптотеки; 27) так называемая *Медуза Ронданини*, одно из характерных изображений Горгоны в эллинистическом духе; 28) *голова зеганки* – весьма изящной работы; 29) *большой посвященный рельеф* с изображением женщины, ногою развертывающей скатанную ткань перед гермою Диониса; 30) голова, прежде неправильно называвшаяся портретным изображением Сенеки-философа и теперь определяемая портретом неизвестного старика-римлянина, экземпляр замечательный своим реализмом; 31) весьма характерный *бюст римлянина* II столетия до Р.Хр.; 32) бюст, долго считавшийся портретным изображением *Мария*; 33) статуя, восстановленная в образе *Цереры*.

Весь этот дар в настоящее время расставлен в залах Музея на своих местах, на особых постаментах. Группы Эгинских фронтонов потребовали постаментов в 24 аршина длины.

Со внесением этих скульптур, помещение Музея стало тесным и неудобным в световом отношении, не говоря уже о ветхости здания, заставившей университетского архитектора, профессора архитектуры К.М.Быковского, категорически воспретить нам дальнейшие внесения сюда каких бы то ни было новых предметов.

Отныне возникает для нашего Университета нелегкий *вопрос о возведении нового здания для Художественного музея*. О проектируемом месте для этого сооруже-



ния, о греческом стиле его и размерах, требуемых программой, которой принято следовать при организации этого учреждения, мы скажем в другое время.

19 декабря 1893.

## II

В каждом хорошо организованном западноевропейском музее классических древностей есть особое отделение бюстов, представляющих богов, мифических героев и исторических деятелей на поприще политики, науки, литературы и искусств.

Близкое знакомство с этим родом скульптурных произведений является неизбежным для всякого интересующегося историей классических народов. Изучение сюжетов мифологии здесь вводит нас в сферу того, как древние понимали, как представляли себе идеальные образы божеств, которые пользовались их поклонением, или лиц хотя бы и смертных, но наделенных народною фантазией особыми, сверхъестественными силами. А степени этого понимания и формы их пластических изображений в разные эпохи исторической жизни были весьма различные. Знакомство же с портретными изваяниями исторических деятелей закрепляет в нашей памяти их внешний образ, которого никогда не составишь на основании лишь одних литературных указаний. Так, например, Перикл и Александр Македонский, Сократ и Платон, Геродот и Фукидид, Эсхил, Софокл и Эврипид, Лисия и Исократ, Эсхин и Демосфен, никогда не будут забыты теми, кто имел случай видеть и изучать их наиболее верные изображения, подобно тому как навсегда у них останутся образы Сципиона, Гортензия, Цицерона, Цезаря, Августа и целой плеяды римских императоров и видных деятелей императорской эпохи.

Эти отделения бюстов в западноевропейских музеях всегда возбуждают большой интерес посетителей и всегда имеют гораздо большую публику, чем другие отделы, требующие более специальных познаний.

Художественный музей, устраиваемый Московским университетом, также озабочен организацией собирания гипсовых бюстов мифологического и иконографического характера. Составляемый на жертвы частных лиц, наш Музей нашел и в этом отделе своего особого пособника. Действительный статский советник А. Д. Мейн, некогда бывший преподавателем всеобщей истории, уполномочил управление университетского Музея приобрести за его счет слепки главнейших портретных изображений классических народов, а равно и лучшие экземпляры бюстов из области греческой и римской мифологии.

Число мраморных и бронзовых бюстов, унаследованных Западной Европой от греков и римлян, чрезвычайно обширно и разнообразно. Многие исторические деятели представлены здесь в значительном количестве экземпляров, имеющих при этом весьма различное достоинство. При прежнем состоянии классической иконографии, в обычном употреблении масса таких бюстов получила наименования неправильные и совершенно произвольные. За весьма многими из них, в силу простой традиции, укрепились имена видных и знаменитых исторических деятелей безо всяких к тому уважительных причин. Это обстоятельство,

по отношению далеко не ко всем западноевропейским музеям устраненное новейшими разысканиями ученых, заставляет быть осторожным в выборе бюстов. Чтобы не наполнять собрание изображениями недостаточно уверенными или достоинства второстепенного, Московский университет предварительно сносился с администрацией главнейших европейских музеев, прося указать те экземпляры в отделе античных бюстов, которыми данный музей имеет право гордиться пред всеми другими музеями. Справки этого рода начаты с Британского музея и некоторых частных галерей Лондона; затем следовали сношения с Лувром, музеями Берлина, Дрездена, Венеции, Флоренции, Рима, Неаполя и Афин.

Этим способом Московский университет надеется собрать в непродолжительном времени наиболее важный материал вышеуказанной категории. Первый заказ был сделан и превосходно исполнен в Лондоне. Он включает в себя следующие изображения:

1) Так называемый *Аполлон Пурталес* – голова мраморной статуи, прежде находившаяся в музее древностей Poutalès, откуда происходит и ее условное название. Это превосходное изображение Аполлона, имеющее много общего по своей прическе с Аполлоном Бельведерским, принадлежит эллинистической эпохе. Лишенное простоты и тихого величия прежнего времени, это изваяние полно внешнего блеска и производит сильное, импонирующее впечатление.

2) Так называемый *Асклепий Блакá* – колоссальная мраморная голова, найденная на острове Милосе и из собрания герцога Власас поступившая в Британский музей. Ученые в определении имени божества, здесь изображенного, доселе не пришли к одному решению; но все признают здесь превосходное произведение греческого резца времени начиная с IV века.

3) *Бог сна* (‘Υπνος) – голова бронзовой статуи, найденная в Этрурии. Основанием точного названия ее послужили здесь крылья на висках – атрибут, обозначающий тихое, беззвучное парение этого бога. С маковым стеблем, символом усыпления, в одной руке и рогом, как бы изливающим сон на природу, в другой руке не раз изображается он в произведениях античного искусства.

4) *Периандр* Коринфский, один из семи мудрецов, которому греческая древность приписывала изречение: μελεῖθι πάν (всё обдумай) – мраморный бюст Британского музея. Определение имени объясняется сходством этого бюста с одною гермой, носящею надпись Периандра, сына Кипселова. Портретных изображений из времени жизни Периандра (668 – 584 гг. до Р.Хр.) не дошло ни одного, да их в ту эпоху и не делали. Наш бюст принадлежит позднейшей поре, когда художники стали с особенною любовью воспроизводить образы знаменитых людей, особенно ученых, философов, поэтов. Это такой же идеальный портрет, как Гомера, Эзопа и другие, которые любопытны лишь тою формой, в которой древние представляли образы их на основании народных преданий и по другим данным.

5) *Перикл*. От классической древности дошло до нас несколько скульптурных изображений этого великого государственного человека. Наиболее известны из

них герма Ватиканского музея и герма Британского музея. Первенство по художественности исполнения принадлежит этому последнему\*. Перикл представлен со шлемом на голове, в звании стратега, которое он занимал в течение целого ряда лет и которое давало ему такую силу для всей остальной его политической деятельности. Мало поэтому вероятно другое толкование, по которому художник, делавший портретное изображение Перикла, прибег здесь к шлему с целью прикрыть антиэстетический недостаток головы его, отличавшейся, по преданию, чрезмерною длиной. Лицо Перикла – образец красоты человека средних лет; только напрасно стали бы мы искать здесь признаков его несокрушимой воли, его железного характера: художник выставил на вид лишь его идеальные стремления и, может быть, нежные движения его сердца. Печатью какой-то меланхолической думы или глубокого внутреннего сосредоточения отмечено это лицо. По стилю наш бюст принадлежит V ст. до Р. Хр. и, как полагают, представляет собою копию портрета, сделанного в эпоху Фидия Кресилом (Κρεσίλας). Этот портрет имел форму также гермы; остаток базы и надписи с именами Перикла и художника недавно найден на Афинском акрополе.

б) *Софокл*. Известна всем знаменитая статуя этого великого трагика, принадлежащая Латеранскому музею в Риме. В этом величавом образе ученые видят не одно только портретное изображение поэта, но и воплощение художником в мраморе того общего образа, который навеян был характером его произведений. Этот мрамор считается свободной копией бронзовой статуи, воздвигнутой Софоклу Ликургом и поставленной в театре Диониса в Афинах. Наш мраморный бюст, найденный в Лациуме и принадлежащий ныне Британскому музею, исполнен более просто, без того идеализирования личности, которое так ярко выступает в латеранской статуе, и потому полагают, что здесь мы имеем изображение, ближе подходящее к действительности. Ученые ставят этот бюст в более тесную связь с вышеуказанною портретною статуей Афинского театра.

7) *Эсхин* – знаменитый оратор и политический противник Демосфена, в скульптуре известный нам всего более по мраморной статуе Неаполитанского музея (прежде так называемый «Аристид»)\*\*). Наш бюст снабжен надписью ΑΙΣΧΙΝΗΣ; как это обстоятельство, так сходство черт изображенного здесь лица с другими изображениями этого оратора уполномочивают ученых видеть здесь портрет его.

8) *Демосфен*. Среди многочисленных скульптурных изображений Демосфена, дошедших до нового мира от классической древности, выше всех стоит знаменитая ватиканская мраморная статуя. Здесь великий оратор и пламенный

\* Превосходный художественно-научный анализ этого бюста представлен в только что вышедшем роскошном труде профессора Фуртвэнгера *Meisterwerke der griechischer Plastik. Kunstgeschichtliche Untersuchungen von Adolph Furtwängler*. Leipzig – Berlin 1893, стр. 270 и след.

\*\* Слепок с этой статуи в натуральную величину оригинала приобретен для Университетского музея проф. К.К.Герцем на средства покойного В.П.Боткина. То же следует сказать и об имеющейся у нас копии с латеранской статуи Софокла.

патриот представлен в позе человека или обдумывающего свою речь или же предающегося глубокому размышлению о печальных судьбах его родины. Это изваяние считается копией бронзовой статуи, поставленной ему в Афинах вскоре после его смерти и сделанной художником Полиевктом. Совсем иное настроение Демосфена выражается в нашем бюсте: в его глазах, в этих полуоткрытых устах, в складках его чела видно сильно возбужденное состояние. Это или момент его горячего препирательства с врагами или минута произношения пламенной речи. Мы нарочно приобрели этот бюст, чтобы иметь возможность сопоставлять эти изображения двух различных душевных состояний одного и того же лица.

9) *Александр Великий*. В различных европейских музеях хранится немало количество изображений Александра Македонского, но между ними нет ни одного, которое можно было бы назвать современным великому завоевателю. Существует известие, что Александр позволял отливать из бронзы свои портреты только Лисиппу, как такую же привилегию его пользовались Апеллес в отношении живописи и Пирготелес в деле изображений его на резных камнях. Но ни одно из этих изображений не сохранилось до нового мира. Все изваяния его принадлежат позднейшим эпохам. Самыми близкими по времени должны считаться рельефные изображения его на так называемом «Большом Сидонском саркофаге», чудном произведении греческого резца, открытом в Саиде в 1887 в удивительной сохранности и составляющем теперь, вместе с целой серией других саркофагов Сидона, тогда же и там же найденных, завидную собственность Константинопольского музея\*. Здесь Александр представлен и в пылу ожесточенного боя с персами и в критический момент охоты на львов. Но то обстоятельство, что каждое из этих изображений носит свои специальные особенности, заставляет предположить, что художник, украшавший изваяниями этот саркофаг, не имел в виду точности портретного изображения. Это лишь свободная передача образа Александра. Надпись заверена одна мраморная герма Луврского музея; но сохранность этого мрамора очень плохая. Бюст Британского музея, переданный нашим гипсом, в общем напоминает образ Александра: то же наклонение головы влево, то же сокращение шейных жил и мускулов, обусловливаемое физическим недостатком его шеи, тот же взгляд, направленный вверх, та же характерная форма волос. Но при всем том, это изображение не представляет нам оправдания того величавого образа, которое невольно составляешь себе об этом гении войны. Бесконечно выше в художественном отношении изваяние его на одной из сторон упомянутого выше нами сидонского саркофага. В нашем Музее собирается несколько слепков, относящихся к портретным изображениям Александра; но, к сожалению, этот чудный саркофаг,

---

\* Дорогое по цене и роскошное по внешности издание сидонских саркофагов, принадлежащее трудам турецкого ученого Гамди-Бея и Теодора Рейнака (*Les sarcophages de Sidon par O. Hamdy Bey et Théodore Reinach, Paris. 1893 и след.*) получается библиотекой Университетского художественного музея.

благодаря сохранению его первоначальной раскраски, не может быть воспроизводим ни в каких отливах.

10) *Юлий Цезарь*. Среди большого числа статуарных произведений, воспроизводящих личность Цезаря и рассеянных по всей Западной Европе, мраморный бюст Британского музея занимает одно из первых мест. Оттого-то гипсовые слепки с него распространяются по университетским и академическим музеям. Цезарь представлен здесь в годы уже преклонной старости; черты лица его – черты человека, живущего глубокими думами, высшими интересами, и твердого характера. Портрет этот отличается реальностью и совершенно далек от того официального величия, какое присуще многим его изображениям, в том числе особенно колоссальному бюсту Неаполитанского музея, представляющему нам истинный тип надменного римского сановника.

11) *Август*. Лучшее изображение Августа представляет собою великолепная ватиканская мраморная статуя, найденная в 1863 году в Prima Porta, недалеко от Рима. Гипсовый слепок с нее, в натуральную величину оригинала, исполняется для нашего Музея в настоящее время в Риме, и потому мы будем говорить о ней по прибытии этой копии в Москву. Для собрания бюстов, по примеру лучших западноевропейских музеев, мы избрали мраморный бюст Британского музея, хорошей работы, живо представляющий Августа в период от 45 до 50 лет.

12) *Нерон*. Насчитывается свыше сорока статуарных портретных изображений этого императора, сохранившихся до нового мира, не говоря о рельефах, резных камнях и монетах. Он изображался во все периоды своей недолгой, но обильной злодействами жизни. Здесь мы видим его и ребенком, и юношей, и молодым человеком с густо поросшими бакенбардами, позднее с густою бородой, то опять снова безбородого, но уже сильно ожиревшего и обрюзгшего от постоянных и чрезмерных излишеств. Разные атрибуты власти и его сценических увлечений имеют место на многих его изображениях. Гипсовые отливки сделаны лишь с немногих бюстов. В числе их особым значением пользуется лондонский бюст Британского музея. Вполне выражая деспотический нрав Нерона, он вместе далек от чрезмерной манерности некоторых других бюстов и особенно бюста Луврского музея, где непомерно сморщенные губы придают всему лицу как бы вид карикатуры. Выражение нашего бюста спокойное, но тем не менее не доброе, навещающее невольное опасение.

13) *Адриан*. Среди многочисленных бюстов Адриана ватиканский бюст и бюст Британского музея признаются лучшими экземплярами. В том и другом император изображен в средних летах, бодром, с лицом и взглядом, свидетельствующими об энергии и об известной даже надменности. В нашем собрании бюст прежней Townley gallery, ныне Британского музея.

14) *Сабина* – супруга императора Адриана, портрет замечателен как образец крайне сложной и крайне искусственной прически римлянок высшего круга этой эпохи. Такая шевелюра невозможна без особых накладок, без чужих и искусственных волос.

15) *Марк Аврелий*. Бюст того же происхождения, что и изображение Адриана. Здесь император представлен с венком из колосьев на голове и с покрывалом, – атрибуты, указывающие на то, что художник изваял его как члена коллегии Арвальских Братьев. Коллегия эта к концу республики потеряла значение; вызванная снова к жизни Августом, она вступила в новую и более блестящую фазу существования. Императоры считали необходимым вступать в число ее членов и, в качестве таковых, заказывали свои портретные изображения. Примеры того можно, между прочим, видеть на одном бюсте Августа, принадлежащем Ватиканскому музею, и на этом бюсте Марка Аврелия. Наш бюст очень хорошей работы, ясно выражающий кроткий характер и глубокие думы этого философа на троне.

16) *Коммод* – лицо чувственное, глаза без выражения; работа старательная, но в волосах и бороде мелочная. Более эффектен, но зато и более претенциозен бюст Коммода, хранящийся в Риме, в Palazzo de' Senatori на Капитолии и представляющий этого императора в виде Геркулеса.

17) Император *Филипп Аравитянин* (244 – 249), сын бедуинского князя; он императором Гордианом III был возвышен до звания префекта преторианской гвардии и сделан соправителем. После его смерти он вступил на римский престол, который и занимал в течение пяти лет, проведенных им то в военных действиях с внешними врагами, то в подавлении внутренних восстаний. В 248 году он отпраздновал с большою торжественностью тысячелетие Рима со времени его основания. Наш бюст представляет человека в тридцатых годах, сильного, энергического; арабское происхождение ясно выражено в этом превосходном портрете.

12 января 1894 года.

### III

Художественный музей Московского университета, задуманный сначала в весьма скромных размерах, неизменно продолжает привлекать внимание любителей искусств в Москве. Количество и размеры жертв, поступающих на этот предмет с разных сторон, дали Университету возможность расширить первоначальную программу и подумать об устройстве такого научно-художественного учреждения, которое хотя до некоторой степени походило бы на соответственные институты Западной Европы. Южно-Кенсингтонский музей Лондона, музей гипсовых слепков *École des Beaux-Arts* Парижа, удивительно роскошно обставленный и чрезвычайно богатый по содержанию *Albertinum* Дрездена, Королевские музеи гипсовых слепков Берлина и Мюнхена, вместе с образцами университетских музеев Германии (в Бонне, Гёттингене, Страсбурге, Лейпциге, Галле и др.), Англии (Кембридж, Оксфорд) и Франции (Бордо) манили к себе и своим устройством и удивительными богатствами, собранными там со всех цивилизаций мира.

Люди, хорошо знающие Москву и живо интересующиеся прогрессом художественного образования в нашем отечестве, советовали нам не стесняться раз-

мерами задуманного предприятия, а иметь в виду должную полноту коллекций и высшее качество тех копий памятников искусства, которые должны будут поступить сюда. При большей широте плана, при стремлении создать не простое учебно-вспомогательное учреждение Университета, предназначенное исключительно для профессоров и студентов, но музей *публичный*, который мог бы приносить пользу *всякому желающему* и был бы открыт *для всякого посетителя*, по мнению старожилов Москвы, знающих свой город, можно будет рассчитывать на большее сочувствие и на более крупные пособия со стороны жертвователей.

И этот взгляд на дело на практике оказался верным. Как скоро стало известно, что речь идет не о закрытом учебно-вспомогательном учреждении, симпатии к такому предприятию Университета начали сказываться со стороны разных лиц и учреждений, несмотря на сравнительную скудость газетных сообщений по этому вопросу. О некоторых предшествующих жертвах мы имели случай доводить до сведения читателей на страницах «Московских ведомостей». Продолжаем теперь наш отчет о дарах, поступивших в новоустройстваемый Музей в последнее время.

Его Императорское Высочество Августейший президент Императорской Академии художеств, Великий Князь Владимир Александрович, в бытность свою в Москве весной минувшего года, заинтересованный вопросом об устройстве *Музея античного искусства* при Московском университете, в изъявление своего желания полного успеха этому новому в России делу, благоволил пожаловать Московскому университету целую серию гипсовых слепков с памятников греческого и римского ваяния и зодчества. Часть этого большого дара на днях пришла в Москву и в настоящее время выставляется в залах Музея.

Полученные гипсы относятся к архитектуре и скульптуре древних.

Из моделей архитектуры пришли: 1) капитель *коринфская*; 2) капитель *ионической* колонны римского времени; 3) капитель римско-дорической колонны. Поступление этих образцов образует собою начало *архитектурного* отделения, которому в программе Музея предположено отвести видное место. Это отделение, к полной организации которого будет приступлено по окончании работ над отделом восточной и классической скульптуры, должно будет заключать в себе значительных размеров модели храмов всех античных стилей, модели капелл, алтарей, жертвенников, зданий общественного характера – галерей, театров, цирков, амфитеатров, акрополей и форумов главнейших городов классической древности, модели частных домов – и богачей, и людей бедных и т.д.

В этом же отделении займут свое подобающее место предметы утвари священного характера и мирского, обиходно-житейского назначения. На отдел *бытовых древностей* в Музее обращено будет также особенное внимание.

Из числа копий с памятников древней *скульптуры* от имени августейшего президента Академии художеств поступили:

1) *Галл, убивающий себя*. Это доколе первая половина знаменитой группы, хранящейся в вилле Людовизи (ныне Museo Boncompagni) в Риме. В своем целом

эта группа принадлежит, как известно, к лучшим образцам скульптуры Пергамской школы, расцвет которой относится к концу III и ко II столетию до Р. Хр. Художник изобразил здесь двух галлов, мужа и жену, в момент крайней опасности. Для уяснения себе ее сюжета зритель должен представить военный бой галлов со врагами. Несомненно, что победа склонилась на сторону врагов и что плен или избиение предстоят побежденным. Избегая позора рабства или насилий, гал предпочел пасть вместе с женой от собственной руки. Ударом меча он заколол сначала жену; обессиленная, она упала на колено по левую его сторону. А потом в свой черед, обратив лицо к врагам, исполненное гнева и злобы, гал вонзает себе меч под самое горло.

Нет другого памятника античной скульптуры, в котором с такою ясностью и силой была бы представлена гордая любовь варвара к своей свободе, как в этой всемирно прославленной группе. Что пред нами галл, или галат, за то говорят и эти пышные и жесткие волосы, и эти колючие усы, и весь тип человека грубого, закаленного в боевой, походной жизни. Здесь всё свидетельствует о крепком как железо варваре, и нет ни одной черты, напоминающей грека с его невысоким ростом, стройным станом и, в лучшие эпохи искусства, весьма умным, одухотворенным лицом.

2) Статуя «Аполлино», – «*Apollino*». Так называется в науке классической археологии и в музейской практике мраморное изображение Аполлона мальчиком в возрасте 15-16 лет, ныне принадлежащее Флорентинскому музею (Uffizi). Молодой бог представлен в мечтательной позе склонившимся влево на ствол дерева и заложившим свою правую руку на изящно убранную, старательно расчесанную голову. Колчан со стрелами он снял с себя и положил около дерева. Очевидно, не успехи охоты занимают теперь мысль юного бога, а иные, более возвышенные и более нежные мечты наполняют его сердце – и вот этим-то сладким мечтам отдается он в изваянии. Флорентинский мрамор – греческой работы и относится ко времени эпохи диадохов; оригинал, послуживший предметом нескольких копий одинакового сюжета, специалисты относят к IV столетию до Рождества Христова.

3) Так называемая *Диана из Габий* (*Diane de Gabies*) – одна из лучших мраморных статуй Луврского музея. Богиня представлена в момент окончания своего охотничьего туалета. Короткорукавный хитон ее, приподнятый до колен, образует около пояса массу изящнейших складок. Верхний плащ ее также не длинен и приспособлен для быстрой ходьбы. Красиво драпируя стройный девственный стан богини, он получает закрепку на правом ее плече. Застегиванием концов этой хламиды посредством изящной фибулы и занята в настоящее время Диана. Еще одно мгновение – и богиня будет готова для отправления в привычный ей путь по полям и лесам, по горам и долам; ей остается взять для этого лишь лук и колчан. Ноги ее обуты в богато изукрашенные сандалии; волосы стянуты простою тесьмой. Можно сказать наверное, что ни один сколько-нибудь образованный посетитель скульптурной галереи Лувра не про-



ходил мимо этой удивительной по своему неподражаемому изяществу статуи, не заплатив ей дани справедливого восторга: так грациозно проста постановка этой Дианы, так увлекательно кроткое, непосредственным обаянием красоты сильное лицо, поставленное художником, при повороте головы вправо, в три четверти пред глазами зрителя. Тип богини, представленный здесь, действует на нас несравненно сильнее, чем всемирно прославленная и действительно эффектная, но зато и холодная и как бы намеренно бьющая на сильное впечатление Диана Версальская того же Лувра. Так много простоты, естественности и грации разлито по этому удивительному мрамору. По времени эта статуя принадлежит также эпохе, следовавшей за Александром Македонским. Название *Габийской* она получила по месту открытия ее на территории древнего города Габий в Лациуме.

4) Так называемая *Группа Ильдефонсо*, принадлежащая королевскому музею в Мадриде. Условное наименование ее происходит от замка Pdefonso в Испании, где она находилась долгое время до окончательного водворения ее в нынешнем помещении. До своего перевезения в Испанию шведской королевой Христиной в прошлом столетии, эта группа принадлежала вилле Людовизи в Риме.

Это скульптурное произведение римской эпохи и считается принадлежностью II столетия нашей эры. Пред нами двое юношей, настроенных необычайно серьезно, со всеми признаками глубокой грусти, наполняющей их сердца и думы. Присутствие здесь жертвенника, факелов и небольшого божеского изображения, представленного в архаическом стиле, свидетельствует о каком-то религиозном моменте. В одном из этих лиц, налево от зрителя, мы несомненно узнаем Антиноя, любимца императора Адриана, по преданию пожертвовавшего за своего великого покровителя своею жизнью. В другом юноше с опрокинутым факелом в руке усматривают гения смерти, как бы тушащего в этот момент добровольной кончины Антиноя светильник жизни.

По этому толкованию названная группа аллегорически представляет решимость Антиноя принести в жертву собственную жизнь: обнимая гения смерти, он как бы уже расстается с миром. Статуэтка богини, стоящая перед жертвенником, означает здесь Прозерпину, супругу Плутона, бога подземного царства, и присутствие этой богини смерти в такого рода художественной композиции становится вполне понятным. Но, к сожалению, очень сильный характер новейшей реставрации, которой подвергся этот памятник, лишает археологов прочного критерия в суждении по многим вопросам, возникающим при внимательном изучении этого изваяния.

Новая присылка Императорской Академии художеств ожидается нынешнею весной.

22 марта 1894 года.

(Продолжение следует)<sup>5</sup>

Московские ведомости. I – 1893. 24 декабря. № 354. С. 5;

II – 1894. 15 января. № 15. С. 4;

III – 1894. 29 марта. № 87. С. 2–3.

И. В. Цветаев

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ  
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА  
(Письмо в редакцию)

Небольшое собрание классических древностей, несколько гипсов и нумизматический кабинет нашего Университета, долгое время известные лишь малочисленному кружку специалистов, в последние годы мало-помалу превращаются в настоящий *Музей античного искусства*. Широкая программа его, составленная по лучшим образцам этого рода, существующим в Западной Европе (South-Kensington Museum в Лондоне, музей École des Beaux-Arts в Париже, великолепный Albertinum в Дрездене, музеи гипсовых слепков в Берлине и Мюнхене), привлекает к нему сочувствие многих любителей искусств в Москве, которые своими значительными жертвами способствуют ее осуществлению\*. Ряд пожертвований, начатый еще покойным В. П. Боткиным, который завещал этому учреждению 5 250 руб., после был продолжен К. С. Поповым, А. Д. Мейном, К. Т. Солдатёнковым, А. С. Поляковым, С. В. Лепешкиным<sup>6</sup>, П. М. Третьяковым, г-жой Алексеевой, И. А. Барановым<sup>7</sup>, М. Н. Барановой, М. С. Комиссаровым<sup>8</sup>, З. Л. Габбэ<sup>9</sup> из Парижа и М. Ф. Морозовой. В последние недели этот, несомненно крепнувший, новый научно-художественный институт Москвы привлек к себе симпатии С. Т. Морозова, художника В. Е. Маковского, П. И. Харитonenko<sup>10</sup> и Н. С. Мосолова; с самого начала организации университетский Музей пользуется живым участием С. И. Мамонтова<sup>11</sup>.

Недостаточность газетных известий о росте этого нового учреждения, идея которого несомненно и гораздо ранее привлекла бы живое сочувствие московского общества, была причиной того, что, кроме вышеназванных лиц, приходивших на помощь Университету, почти никто не знал ни о предполагаемых размерах этого Музея, ни об его средствах. Лишь за последнюю зиму, время от времени, стали проникать в печать известия об этом предприятии Московского университета.

Теперь мы можем сообщить, что *Университетский Музей античного искусства* уже привлек к себе внимание некоторых высокопоставленных лиц, а также сочувствие наиболее видных представителей московского дворянства. Августейший президент Императорской Академии художеств великий князь Владимир Александрович прислал университетскому Музею большой транспорт скульптур, который на этих днях уже получен Университетом и в настоящее время распределяется по своим местам.

В число жертвователей в последнее время вступили генерал М. П. Степанов, князь А. А. Щербатов и Д. Ф. Самарин.

---

\* В минувшем году по этому предмету проф. И. Цветаевым была напечатана записка под заглавием: «Комитет для устройства Музея античного искусства в Москве» (Москва, 1893), которая раздается бесплатно в Кабинете изящных искусств Университета.

При таком сочувствии со стороны Москвы, университетский Музей, имеющий сделаться учреждением *публичным*, открытым для всякого любителя искусств, учреждением, в котором все желающие, без различия звания, возраста и пола, будут свободно и рисовать, и лепить, и изучать искусство по слепкам и по художественным и научным изданиям, — этот музей обещает быть и богатым по своему составу, и организованным на строго историческом начале.

Доселе составляются главным образом *скульптурный отдел Музея* и научно-художественная библиотека. Заказы гипсовых слепков с лучших памятников античной пластики уже сделаны в Неаполе, Риме, Флоренции, Венеции, Брешии, Вене, Мюнхене, Дрездене, Берлине, Кёльне и Париже. Остаются главным образом для заказов музеи Лондона и Афин и новые заказы в Лувре, Кёльне и Берлинском музее.

Слепки делаются все в *величину оригиналов* и притом с математической точностью. При составлении московского собрания принято за правило делать заказы гипсовых слепков в тех западноевропейских музеях, где хранятся самые памятники. Оттого эти слепки замечательны и по своей удивительной точности, и по безукоризненной чистоте исполнения. Значительная часть гипсов уже получена Университетом и выставлена во временном, к сожалению, до крайности ветхом и весьма тесном помещении Музея. Музей *открыт* для всех любителей искусств *ежедневно* от 9 ч. до 4-х часов, не исключая воскресных и праздничных дней. Вход в него с *Никитской улицы, против Шереметевского переулка.*

И.В.

Русские ведомости. 1894. 21 марта. № 79. С. 3. За подписью «И.В.».

Авторство Цветаева установлено по кн.: Отчет о состоянии Императорского Московского университета за 1894 год. М., 1895. С. 74.

ПРИВЕТСТВИЕ И.В.ЦВЕТАЕВА  
ОТ ИМЕНИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА  
I СЪЕЗДУ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ И ЛЮБИТЕЛЕЙ ХУДОЖЕСТВ  
В МОСКВЕ, 23 АПРЕЛЯ 1894 ГОДА.

<...> *Первым приветствовал Съезд делегат Императорского Московского университета ординарный профессор И.В.Цветаев в следующей краткой речи:*

«Императорский Московский университет возложил на меня почетную обязанность принести сердечное приветствие Съезду русских художников и любителей художеств вместе с его горячими пожеланиями ему наибольших успехов, какие только могут быть достигнуты этим дружным единением стольких живых и славных сил, со всех концов России собравшихся в наш город в интересах родного искусства и распространения художественных знаний в нашем отечестве. Русские ученые долгое время работали в одиночку и шли каждый своею тропкою; но с половины истекающего века они приобрели и право и обычай собираться вместе, поверять друг другу свои нужды, желания и мечты. С этой

поры работа стала дружнее и успешнее; дело от этого только выиграло, и прогресс в стране только приумножился. За наукой настала очередь и искусства. Ныне пришел и на его улицу праздник, и нет сомнения, что только благие последствия будут сопровождать это доброе начинание наших художников. Московский университет искренно желает этих благих последствий русскому искусству и подносит Съезду эти искренние пожелания тем с большим удовольствием, что историко-художественные симпатии отличали его ученую и преподавательскую деятельность за всё время его почти полуторавекового существования. Об этом посильном служении Московского университета и вопросам искусства будет доложено Съезду в одном из предстоящих нам заседаний<sup>12</sup>. В настоящую же минуту Московский университет, широко растворяя свои двери, почтительнейше просит членов Съезда в числе посещений достопримечательностей нашего города не забыть *Музей античного искусства*, им теперь утраиваемый не только для себя, но и на пользу общую».

*Это приветствие было встречено дружными и единодушными рукоплесканиями <... >*

Из ст.: Открытие первого Съезда русских художников и любителей искусств//  
Московские ведомости. 1894. 24 апреля. № 111. С. 4. Без подписи.

## ПОСЕЩЕНИЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ СЕРГЕЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ УНИВЕРСИТЕТСКОГО МУЗЕЯ АНТИЧНОГО ИСКУССТВА

Сегодня, 7 июня, в третьем часу дня, Его Императорское Высочество Московский генерал-губернатор Великий Князь Сергей Александрович посетил Университетский Музей античного искусства. Его Высочество при входе был встречен управляющим Московским учебным округом Я.И.Вейнбергом, ректором Университета профессором П.А.Некрасовым, помощником ректора профессором Н.А.Зверевым, деканом историко-филологического факультета заслуженным профессором М.М.Троицким, директором Музея профессором И.В.Цветаевым, хранителем Музея К.Д.Чичаговым и академиком архитектуры К.М.Быковским. Осмотр был начат с древнейших памятников искусства, причем Великий Князь обратил особенное внимание на *Микенских львов*, древнейшую скульптуру в Европе, насчитывающую около трех тысяч лет своего существования. Этот памятник до настоящего времени находится в Греции, в Пелопоннесе, над воротами акрополя древних Микен. Копия этого колоссально-го памятника скульптуры принесена в дар Музею московским чайным торговцем К.С.Поповым. Затем Его Высочество заинтересовали древние статуи, найденные близ города Милета, в Малой Азии, и одно из древнейших изображений Аполлона, найденное в Пелопоннесе, в городе Тенее. (Дар К.Т.Солдатёноква). Далее особое внимание Его Высочества возбудили статуя Амазонки Поликлета

(дар В.А.Алексеевой) и скульптуры Эгинских фронтонов, принесенные в дар Университету также К.Т.Солдатёнковым. Эта сложная композиция тянется вдоль первой залы Музея, во всю середину ее. По количеству фигур и по точности исполнения экземпляр Московского университета является единственным в России. Здесь же, в первой зале, на двух больших этажерках помещаются портретные бюсты знаменитых людей Греции и Рима: деятелей политики, науки, искусства и литературы. Великий Князь с большим интересом рассматривал бюсты Гомера, Периандра Коринфского, Сократа, Алкивиада, Перикла, Аспазии, Геродота и Фукидида, Эсхила, Софокла и Эврипида, Диогена, Демосфена и Эсхина. Затем Его Высочество перешел к собранию римских портретных бюстов и долго стоял перед изображениями Сципиона Африканского, Цезаря, Марка Брута, Августа-мальчика и его же в зрелом возрасте, Нерона, философа Сенеки, Марка Аврелия и императора Филиппа Аравитянина. В первой же зале Великим Князем были осмотрены скульптуры храма Зевса Олимпийского, как его фронтоны, так и метопы.

Во второй зале, где собраны памятники скульптуры греческой и римской лучшего времени, Августейший посетитель обратил особенное внимание на работу Кефисодота, отца Праксителя, на Гермеса, группу Праксителя, на портретную статую Софокла, находящуюся в Латеранском музее, в Риме, на статую греческого оратора Эсхина, находящуюся в Неаполе, на статую Венеры Мюнхенской глиптотеки, на Венеру Капуанскую и на целую группу статуй, составлявших дар Пергамского царя Аттала афинянам. Здесь же остановила на себе Его внимание статуя галла, убивающего себя, из виллы Людовизи, в Риме, а равно так называемая группа Ильдефонсо из Мадридского музея. В заключении осмотра скульптурного отделения Его Высочество обозрел слепки с нескольких статуй Неаполитанского и некоторых римских музеев.

Затем начался осмотр многочисленных копий с *живописи первых веков христианства*, покрывающей стены и потолка римских катакомб. Живопись, здесь собранная, принадлежит первым четырем векам христианской эры. Коллекция этих превосходных копий составляет единственный экземпляр в мире. Она исполняется русским художником Ф.П.Рейманом, который уже более шести лет проводит в подземных коридорах Рима, работая при свете лишь лампочки, в крайне сырых и опасных помещениях. На помощь этому подвижнику искусства и науки пришел наш согражданин К.С.Попов, взявший на себя всю материальную сторону не только копирования картин, но и полного издания их красками в свет. Великий Князь остановился, главным образом, на той серии рисунков, которые делал художник Рейман в последние годы и прислал их на этих днях в Московский университет; прежние копии г. Реймана Его Высочеству уже были известны.

После осмотра всех помещений, по просьбе администрации Музея, Его Императорское Высочество выразил согласие на снятие с Него фотографом К.А.Фишером портрета в этой художественной обстановке Музея.

Расписавшись в книге почетных посетителей и оставляя Музей, Великий Князь благодарил администрацию за образцовый порядок, и, видя крайнюю тесноту помещения, не позволяющую распаковывать новые транспорты скульптурных произведений, прибывающие из-за границы и остающиеся вследствие этого в ящиках, Он пожелал Музею дальнейшего процветания не только в смысле обогащения его памятниками искусства, но и получением возможности иметь свое особое, специально для этой цели построенное, здание.

Как известно, Московский университет для постройки Художественного музея, который будет публичным и открытым для всех и каждого, назначил большой по Шереметевскому переулку сад, приобретенный им за сумму 50 000 руб. Здесь же не лишне сказать, что памятники искусства, собираемые в Музее, приобретаются, за весьма немногими исключениями, на средства частных жертвователей, которыми, кроме уже упомянутых К.Т.Солдатёноква и К.С.Попова, состоят: В.А.Алексеева, П.М.Третьяков, Л.С.Поляков, И.А.Баранов, А.Д.Мейн, М. и М-me Gabbay из Парижа, Н.С.Мосолов, С.В.Лепешкин, С.Т.Морозов, Д.Ф.Самарин, князь А.А.Щербатов, М.Ф.Морозова, г. Арманд и др. Начало же всему делу положил покойный В.П.Боткин. На приобретение коллекции в разное время поступило до 40 000 р.

Пребывание Великого Князя в Музее продолжалось около часу.

Московские ведомости. 1894. 8 июня. № 155. С. 6. Без подписи.

Авторство Цветаева весьма вероятно.

## Отчет Историко-филологическому факультету О ЗАГРАНИЧНОМ ПУТЕШЕСТВИИ ОРДИНАРНОГО ПРОФЕССОРА И.ЦВЕТАЕВА

Декабря 13 дня 1895 г.

Отправляясь за границу в сентябре текущего года, я имел намерение ознакомиться с музеями скульптуры в Германии, Франции и Англии и с этой целью посетил музеи Берлина, Дрездена, Лейпцига, Галле, Касселя, Гейдельберга, Страсбурга, Бонна, Кёльна, Парижа и С.Жермена, Лондона, Кембриджа и Оксфорда.

При обозрении сих учреждений я ставил своим долгом:

1. подробно осмотреть весь наличный скульптурный материал каждого музея и отмечать в нем все наиболее замечательное и в особенности то, что отличает рассматриваемый музей от других музеев;
2. собирать на месте сведения о путях приобретения скульптур редких и трудно доступных;
3. знакомиться практически с приемами наилучшего сохранения памятников ваяния от порчи и разрушения;

4. знакомиться с системами наиболее целесообразного размещения коллекций по залам и

5. собирать планы зданий музеев наиболее благоустроенных.

Обозрение скульптур названных музеев дало мне возможность составить для отделения античной скульптуры возможно *полный каталог* тех изваяний, которые должны войти в Музей, организуемый в настоящее время при Императорском Московском Университете. Осуществление этого каталога должно составлять нашу задачу в ближайшие годы.

Ознакомление с инвентарными книгами осмотренных музеев и личные сношения с администрацией их снабдили меня теми сведениями по вопросам приобретения редких слепков, которых иными путями получить было бы невозможно. Благодаря этим условиям мною были сделаны заказы нескольких замечательных слепков в Берлине, Дрездене, Кёльне, Париже и Лондоне. Некоторые из этих заказов уже исполнены и находятся на дороге к Москве.

Знакомство с различными системами размещения коллекций и с планами музейских зданий мало-помалу привело меня к составлению той схемы, которая в настоящее время представляется мне наиболее удобной при распределении зал и кабинетов нашего будущего Музея. Эту схему я имею честь представить ныне на рассмотрение Историко-филологического факультета<sup>13</sup>.

ОР ГМИИ, ф. I, оп. II, ед. хр. 143, л. 1–2, черновой автограф на бланке Музея изящных искусств. Публикуется впервые.

*И. В. Цветаев*

## УНИВЕРСИТЕТСКИЙ МУЗЕЙ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ В МОСКВЕ

В последнее время, по поводу ходатайства, возбужденного мною, с разрешения начальства Императорского Московского университета и попечителя Московского учебного округа и с благосклонного на то соизволения Августейшего московского генерал-губернатора Великого Князя Сергея Александровича, перед Московскою городскою думой об отводе для университетского Музея изящных искусств места на площади бывшего Колымажного двора, по Волхонке, близ храма Христа Спасителя, ко мне стали поступать с разных сторон вопросы: о наименовании Музея и об его назначении, при существовании в Москве музеев Публичного и Румянцевского, Российского Исторического, Городской картинной галереи братьев С.М. и П.М. Третьяковых и пр., о характере Музея по содержанию, об его размерах, об его материальных средствах и т.д.

Ввиду общественного интереса, возбужденного новым Музеем, считаю своим долгом представить здесь нижеследующие разъяснения:

## I

Название *Музея изящных искусств* – конечно, слишком общее и недостаточно определенное; но это наименование, общепринятое в официальном языке русских университетов. Оно удерживается в академическом потреблении даже и в том случае, когда никакого музея художественных предметов не существует, а собирается лишь историко-художественная и археологическая библиотека, как это мы видим в С.-Петербургском университете. Музей изящных искусств Московского университета до последних лет известен был, кроме студентов, лишь ограниченному кругу специалистов по нумизматике, по вазовой живописи древних греков и теми немногими гипсовыми слепками с памятников греческой и римской скульптуры, которые были приобретены для этого учреждения в пятидесятых годах профессором П.М.Леонтьевым и в начале восьмидесятых годов профессором К.К.Гёрцем (обоими в общей сложности до 98 статуй и бюстов).

Наименование Музея изящных искусств должен удержать Московский университет для этого учреждения и в будущем как в силу традиции, издавна установившейся и получившей обязательный, официальный характер, так и – *по тому содержанию*, которое приходится получать этому учреждению в последние годы.

С легкой руки покойного литератора Василия Петровича Боткина, завещавшего еще во второй половине 60-х годов Московскому университету капитал на собрание гипсовых слепков с лучших памятников древнего ваяния, московское общество в лице некоторых старинных дворянских родов, именитого купечества и представителей мира служебного в последние годы заявило такие симпатии к университетскому Музею и оказало ему столь значительную материальную помощь, что явилась возможность не только расширить коллекции Музея, но и изменить первоначальную, по необходимости тесную и скромную программу этого учреждения.

Сначала имелось в виду к собранию нумизматическому и к собранию греческих ваз и мелких древностей греко-римского мира присоединить систематически подобранную коллекцию гипсовых слепков с главнейших и более известных памятников классического ваяния и составить хотя бы небольшую библиотеку пособий по истории преимущественно античного искусства. Завещанные В.П.Боткиным денежные средства дали возможность увеличить ограниченное число гипсов музея несколькими весьма важными статуями и расширять постепенно библиотеку Музея.

Но Боткинский дар, важный и сам по себе, получил для Московского университета еще большее значение, послуживши началом для многих других даров, сносимых в последние годы в наш Университет Москвой на дело организации Музея изящных искусств. Число дарителей и размер жертв со специальным назначением их на *отдел скульптуры и зодчества* послужили для университета основанием не только расширить программу собрания памятников антич-



ной пластики, но и ввести в Музей лучшие образцы ваяния Средних веков, эпохи Возрождения и новых времен.

Образцы пластики древнего и нового мира должны быть здесь собраны в гипсовых отливках в натуральную величину подлинников, и заказы их делаются в местах нахождения оригиналов: потому скульптура Британского музея отливается в Лондоне, скульптура Лувра формируется в Париже, образцы ваяния Ватикана и других римских музеев – в Риме, скульптура афинских собраний отливается в Афинах, большинство скульптурных произведений древнего Египта – в Каире и т. д. Нет, таким образом, ни одного большого музея в мире, который не присылал бы нам в настоящее время или не пришлет в будущем гипсовые отливки своих лучших изваяний.

Всё это, с течением времени, должно быть расположено *в строгой системе, в порядке исторической последовательности*, по народностям, эпохам, мастерам и школам.

На первой очереди стоит для нас размещение скульптур Древнего мира – Египта, Ассирии, Греции и Рима. Для этого в ближайшее время, – *если получится испрашиваемое ныне место*, приступлено будет к возведению главного, центрального здания Музея. В этот корпус предполагается ввести залы: I – Египет, II – Ассирия, III – зал древнейшей поры греческой скульптуры, IV – зал V-го столетия из времени до Фидия, V – зал для скульптур Олимпии с колоссальными фронтонами храма Зевса Олимпийского, VI – зал Мирона, Поликлета и их школ<sup>14</sup>, VII – зал скульптуры Парфенона, VIII – зал рельефов второй половины V и IV веков, IX – зал Праксителя, X – зал Ниобы и ее детей, XI – зал Лизиппа, XII – кабинет художественно исполненных надгробных памятников Аттики IV и III столетий до Р.Хр., XIII – кабинет Лаокоона и Венеры Милосской, XIV – зал Аполлона Бельведерского, Дианы Версальской, скульптур Пергама и других произведений эпохи, следовавшей за Александром Македонским. Продолжение скульптуры этой эпохи и образцы ваяния римского времени относятся по необходимости во второй корпус, где расположены будут и скульптуры Средних веков. Ваяние эпохи Возрождения и новейших времен и образцы произведений русских скульпторов предполагается разместить в третьем корпусе.

Таким образом, памятники *скульптуры* древнего и нового мира займут наибольшую часть предположенных зданий музея.

Этого материала совершенно было бы достаточно для образования особого *Музея Ваяния*. В таких размерах и при такой системе он займет третье место в среде однородных музеев, существующих в Западной Европе, и первое после Берлинского музея слепков и Дрезденского Альбертинума, созданного в последние 10-12 лет и по своей удивительной организации служащего для нас идеальным образцом.

Но сверх сего в университетский Музей входит большая серия моделей лучших памятников *зодчества как Древнего мира, так и Средних веков, эпохи Возрождения и Новых времён*. Приобретение архитектурных моделей из области Древнего

мира уже началось недавно покупкою в Дрездене образцов греческих и римских храмов; модели исполнены в достаточном масштабе из обожженной глины и гипса.

Архитектурные модели будут размещаться рядом со скульптурою соответственных народностей и эпох.

Итак, университетский Музей, в наибольшей своей части посвященный *истории Ваяния*, будет заключать в себе также и модели главнейших памятников из *истории Зодчества*.

По первоначальному плану, внесением сюда *отделения Древностей*, куда должны войти образцы живописи греков и римлян, греческие глиняные вазы, камеи, монеты и разные мелкие предметы общественного и частного быта древних народов, включая сюда и народы Востока, а также устройством достаточного помещения специальной *историко-художественной библиотеки* и особого помещения для *аудитории*, приспособленной к чтению лекций по истории искусств, должна была закончиться организация университетского Музея изящных искусств.

Но в самое последнее время Правление Императорского Московского университета нашло полезным проектировать в этом Музее и достаточное помещение для пособия по *истории Живописи*. По этому предположению, живопись древних и новых народов должна быть представлена в строго систематическом подборе лучших фотографий, гравюр, рисунков и иных репродукций. Пособия этого рода должны быть развешаны в ряде небольших и отдельных кабинетов – по эпохам, мастерам и школам, так чтобы пред учащеюся молодежью и перед сторонними посетителями Музея раскрывалась картина судеб живописи, насколько это искусство может быть изучаемо по копиям указанного рода.

Высказывается при этом также мысль об устройстве особого отделения в Музее для *пособий* по истории русского искусства. Но этот отдел предполагается организовать уже позднее всех других – ввиду богатых материалов, представляемых для изучения истории отечественного искусства Москвою в своих храмах, дворцах и музеях Императорском Российском Историческом, Публичном и Румянцевском, в Городской картинной галерее братьев С.М. и П.М. Третьяковых, в почтенном музее [П.И.]Щукина и т.д.

## II

Университетский Музей изящных искусств по главному своему составу является преимущественно *Музеем Скульптуры*, которая будет представлена здесь с возможною полнотою за все времена ее существования у народов Древнего и Нового мира. Параллельно с гипсовыми слепками памятников Ваяния разместятся в хронологической и этнографической последовательности и модели главнейших произведений Зодчества. Музей будет заключать в себе также отделение Древностей, или Антикварий, библиотеку и аудиторию, специ-

ально приспособленную для чтения лекций по истории искусств. При дальнейшем своем развитии, Музей получит особые помещения для выставки пособий по истории Живописи и для отделения, посвященного изучению Русского искусства. Такова полная программа этого учебно-художественного учреждения, насколько она выяснена до настоящего времени.

Указанною задачей строго определяется самостоятельный характер этого Музея среди других музеев и галерей, существующих в Москве. По истории скульптуры античного мира одни Московский Публичный и Румянцевский музеи заключают в себе серию гипсовых слепков, приобретенных в шестидесятих годах на средства, пожалованные покойною Великою Княгиней Еленой Павловной, желавшею тем положить начало публичной коллекции гипсов в Москве.

Но эта почтенная мысль, к прискорбию, не получила дальнейшего развития. Прекрасное начало так и замерло в зародыше. Сами музеи, по бедности своих материальных средств, этой коллекции не умножали, а посторонних даров на этот предмет не поступало. К тому же, приходится сознаться, просвещенное намерение покойной Великой Княгини положить у нас основание публичной галереи скульптуры так же опередило свое время, как и старания профессора С.П.Шевырева и княжны Зинаиды Волконской, положенные в 30-х годах на пропаганду мысли о необходимости такой галереи для Москвы. Ни хлопоты Шевырева в Москве и за границей, где он представлял программу скульптурного музея Торвальдсену и получил от него полную поддержку и одобрение, ни литературная проповедь княжны Волконской не вызвали в своих современниках необходимых для того материальных жертв. Великая Княгиня Елена Павловна приступила прямо к делу, уполномочив приобрести за ее счет серию образцов восточной и классической скульптуры Британского музея – в лучших гипсовых отливках. Исполнением этого поручения, кроме покойного профессора К.К.Герца, был занят и известный английский археолог, ныне также покойный Чарльз Ньютон (Charles Newton). Коллекция была подобрана с большим знанием дела; образцы скульптуры Египта, Ассирии, древнейшей поры Греции и эпохи расцвета ваяния у греков во времена Фидия, Скопаса и других мастеров были доставлены в Москву и размещены в особом отделении Музеев, куда поступили и гипсовые слепки, приобретенные П.М.Леонтьевым, как сказано выше, в 50-х годах для Московского университета.

Спустя некоторое время эта полезная коллекция, в своей совокупности несомненно приносившая свою пользу публике и студентам, к сожалению, была раскассирована, университетские гипсы перенесены домой и помещены в темной, тесной и неудобной комнате, дар же Великой Княгини, оставшийся в Музеях, по неумению музейской прислуги, часто случайной, часто менявшейся и из-за нищенского вознаграждения службою в музеях не дорожившей, подвергся с течением времени непоправимой порче. Прислуга, сметая пыль с гипсов, или хлестала их нежную поверхность вениками и метелками или чистила щетками, пользуясь, таким образом, орудиями, строго и давно воспрещенными в

практике западноевропейских музеев. Такое обхождение с гипсами наложило на них рубцы и насечки непоправимые. А когда гипсы всё-таки потемнели и запылились, решено было их выкрасить известкой... Сделано это было в конце 70[-х] годов с таким неумением и в форме столь грубой, что гипсы покрылись толстым посторонним слоем окраски, потеряв нежность своей эпидермы и ясность своих деликатных контур. В таком виде они утратили большую долю своего просветительного значения. Лишенные своего прежнего места и в начале 80-х годов выставленные затем по лестнице, в виде лишь украшения стен, они с тех пор подвергаются постоянной порче от грубых прикосновений простонародной публики, в огромном количестве наполняющей Музеи в воскресенье и праздничные дни, контролировать которую в этом случае нет фактической возможности.

Это стечение печальных обстоятельств привело к тому, что в нынешнем состоянии скульптуры Московского Публичного и Румянцевского музеев должны считаться в наибольшей своей части дефектами и в настоящем виде своей образовательной миссии в должной мере исполнять не могут.

Вполне удовлетворительных образцов по истории *античной* и *европейской скульптуры* и достаточного количества их Москва доселе не имеет: их может представить в строгой системе расположения только будущий Музей изящных искусств нашего Университета. Служа целям университетского преподавания, он будет вместе с тем открыт для посетителей, без различия состояний и пола и в особенности для воспитанников и воспитанниц учебных заведений, для учеников и любителей рисования и скульптуры, для художников. Под этим условием публичности Музея собираются пожертвования частных лиц на скульптурные коллекции; под условием общедоступности Музея задумано было крупное пожертвование покойной В.А.Алексеевой, пожелавшей построить для него особое здание и передавшей эту волю своим душеприказчикам. Столь же самостоятельным по своему характеру явится университетский Музей изящных искусств и в отделе моделей *Зодчества*. Здесь у него совершенно нет никаких соперников между публичными музеями Москвы; повторений он не представит в этом отношении и в той весьма слабой степени, какая будет замечаться в сфере скульптуры по сравнению с гипсами Московского Публичного и Румянцевского музеев и очень немногими, но прекрасными по сохранности слепками музея Строгановского училища технического рисования.

Оригинальным в большей доле своего состава будет и отделение *Древностей* с его греческими вазами и большим нумизматическим кабинетом. Но, мы думаем, в интересах полноты и лучшей систематизации было бы целесообразнее устроить этот Антикварий совместным с однородными отделами Императорского Российского Исторического музея и Московского Публичного и Румянцевского музеев. Из трех коллекций лучше было бы в университетском Музее устроить одну – *классическую* коллекцию, более полную, более строгую, более научную. Тогда отделение греческой керамики и классическая нумизматика мог-

ли быть представлены здесь цельнее и в этом виде должны были бы приносить более пользы, чем теперь, при этом рассеянии однородного материала между тремя правительственными учреждениями.

Но чтобы не быть эгоистичным, университетский Музей мог бы поместить навсегда свой отдел *отечественной нумизматики* в Императорский Российский Исторический музей или, с Высочайшего на то соизволения, и совсем передать ее туда, взамен его греческих ваз и других произведений греческой керамики, а в Московском Публичном и Румянцевском музеях общими силами можно бы организовать отдел иностранной нумизматики и иностранных медалей. Тогда каждый знал бы, куда и зачем идти и где искать интересующего его научного материала. От этого, конечно, полюбовного, размежевания трех московских музеев дело бы только выиграло.

Не составит особенно больших материальных затрат и больших затруднений организация отдела *пособий по истории Живописи*. Фотографические репродукции разных систем и наименований сделались ныне общедоступными. Здесь нужно только время, настойчивость сношений с заграничными торговыми фирмами, поездки за границу для личного подбора материалов в музеях и в лучших торгово-художественных ателье и пр. Эту задачу впоследствии университетский Музей может исполнить без особого труда, при том административном персонале, который он должен получить с течением времени. В его состав войдут знающие свое дело, молодые и полные энергии силы. Тогда путем разделения обязанностей между несколькими учеными дело организации Музея станет вершиться быстрее и успешнее, чем это идет и может идти ныне.

И этот отдел своею строго историческою системой в подборе материала не представится ненужным двойником по сравнению с другими публичными музеями и галереями Москвы. Как ни значительно на первый взгляд количество картин иностранных в Московском Публичном и Румянцевском музеях; но было бы напрасною задачей найти здесь достаточно полный материал по истории живописи в Западной Европе. Здесь огромная масса художественных имен совершенно отсутствует, а такие мастера, как Рафаэль и Микеланджело представлены такими копиями и таких незначительных произведений, что по ним одним нет никакой возможности составить себе и самого слабого понятия о великой роли и первостепенном месте этих мастеров в истории.

### III

Сказанным выше определяется состав будущего университетского Музея изящных искусств и просветительное значение этого учебно-художественного учреждения Москвы. Он займет свое самостоятельное место в ряду публичных музеев и галерей города. Это значение его признается и правительством, в высших сферах которого ведется в настоящее время вопрос о присвоении университетскому Музею Августейшего имени в Бозе почившего

Государя Императора Александра III, бывшего при жизни высоким Покровителем русского искусства и русских художников и явившего горячие попечения о художественном образовании юношества в нашем отечестве.

Но чтобы оказаться достойным этого имени, университетский Музей должен пройти еще длинный путь самоустройства. Для этого ему необходимо прежде всего достойное место в центре Москвы, нужно соответствующее его целям здание, нужно деятельное продолжение его художественных и научных коллекций. Лучшим и единственным местом для этого Музея была бы площадь бывшего Колымажного двора, по Волхонке, близ храма Христа Спасителя. *На первое время* было бы достаточно для выстройки здания приблизительно 900 квадратных сажен. Об отводе этого участка земли и возбуждено ходатайство пред Московской городской думой. Если б это место было дано, необходимо в интересах Музея желать, чтоб и соседняя земля этой площади, на близком расстоянии от Музея, не застраивалась. Колымажная площадь драгоценна для художественного учреждения именно своим простором и своим ничем не заграждаемым светом. Музей Ваяния, Зодчества и пособий по истории Живописи без обильного освещения явился бы аномалией с самого же начала. И мы питаем надежду, что Москва, грядущие поколения которой будут пользоваться этим Музеем даже более, чем сам Университет, не заградит своими постройками свет у Музея и вместе с тем доставит возможность развиться и расшириться этому учреждению впоследствии, воспользовавшись для того несколькими саженями свыше испрашиваемых 900 кв. саж. ныне. Чрез это Москва сделает, в сущности, милость впоследствии самой же себе.

К постройке здания будет приступлено в ближайшем будущем, по выяснении вопроса о площади Колымажного двора. Вопрос об изящных фасадах и плане здания Музея приняла под свое покровительство Императорская Академия художеств, имеющая выработать необходимые проекты путем или архитектурного конкурса, или заказа начальством Академии проектов лучшим архитекторам. На первое время будет поставлен, как мы упоминали выше, главный корпус, в котором сначала найдет себе приют весь собранный доселе художественный материал. С постройкой такого корпуса Университет вынужден спешить, и начать ее он должен возможно скорее – ввиду исключительно опасного состояния нынешнего помещения коллекций скульптуры. Изветшавшее здание, в котором помещаются с такою заботой собранные доселе гипсовые слепки, пришло в такой упадок, что соседнее с нашим помещением учебно-вспомогательное учреждение Университета (музей сравнительной анатомии) уже выселилось отсюда, во избежание катастрофы, и в его залах поставлена целая сеть высоких козел для поддержания пола нашего Музея гипсовых слепков.

К ближайшей постройке центрального корпуса Музея будет приступлено на средства, в количестве 150 000 руб., на этих днях принесенных Университету для этой цели душеприказчиками покойной вдовы потомственного почетного гражданина Варвары Андреевны Алексеевой, К.А.Казначеевым и М.С.Нагаткиным.

Для дальнейшей организации Музея, для расширения его художественных собраний и для составления специальной библиотеки, предназначенной в стенах Музея и для общественного пользования, предположено учредить Комитет, проект положений которого составляется в настоящее время и скоро поступит на рассмотрение и утверждение высшего начальства.

Таково положение нового Музея, таковы его цели и надежды.

ПРОФЕССОР И.ЦВЕТАЕВ

19 февраля.

Московские ведомости. 1896. 20 февраля. № 50. С. 2–3.

## [УСЛОВИЯ АРХИТЕКТУРНОГО КОНКУРСА НА ЗДАНИЕ МУЗЕЯ]

Императорская Академия художеств,  
согласно предложению Императорского Московского университета,  
объявляет Конкурс  
на составление проекта здания Музея изящных искусств  
имени Императора Александра III при Московском университете  
на нижеследующих основаниях:

### Общие основания

Музей изящных искусств, в наибольшей своей части посвященный истории ваяния, должен заключать в себе также образцы из истории зодчества и пособия по истории живописи. Памятники ваяния будут представлены здесь в гипсовых отливках с оригиналов, в натуральную величину, из всех эпох развития пластического искусства, как древнего, так и нового мира. Здесь же, наряду со скульптурою, в соответствующих местах будут выставлены модели главнейших памятников зодчества. Свою долю особого помещения займут пособия по истории живописи древних и новых народов в систематическом подборе фотографий, гравюр, рисунков и иных репродукций, развешанных в отдельных небольших кабинетах по эпохам, мастерам и школам.

При составлении проекта здания или же нескольких зданий Музея, для возведения в Москве, на Кольмажном дворе, план и нивелировка коего при сем прилагаются, должно быть принято во внимание нижеследующее:

а) Главный фасад Музея должен быть обращен к улице Волхонке. Должно также обратить внимание на обработку и других фасадов здания, как совершенно открытых для зрителей с прилегающих к площади 3-х переулков.

б) Необходимо, чтобы составители проектов имели в виду возможность исполнения строительного плана по частям в разные периоды времени. На первое время необходима постройка *главного корпуса стоимостью около двухсот тысяч рублей*. В этот корпус должны войти залы за №№ с 1 по 14 и с 19 по 22 включительно

из помещений, перечисленных ниже. Корпус этот желательно проектировать отступя от уличной межи.

в) Расположение зал и кабинетов, назначаемых для скульптуры, следует по-рядку *историческому*, и оно должно быть соблюдено безусловно. Ниже указано квадратное содержание, какое должны иметь помещения, причем рядом, в скобках, обозначены в аршинах размеры длины и ширины помещений, составляющие желание Московского университета.

Зал № 1	Египетский	364 ар. (26×14 ар.)
№ 2	Ассирийский	364 ар. (26×14 ар.)
№ 3	Греческой архаики	112 ар. (8×14 ар.)
№ 4	Эгинетов	224 ар. (16×14 ар.)
№ 5	Зал Олимпии	560 ар. (40×14 ар.)
№ 6	Зал Мирона и Поликлета	112 ар. (8×14 ар.)
№ 7	Зал Парфенона	420 ар. (30×14 ар.)
№ 8	Кабинет греческих рельефов V и IV ст. до Р.Хр.	140 ар. (10×14 ар.)
№ 9	Зал Праксителя	252 ар. (18×14 ар.)
№10	Кабинет Ниобы	168 ар. (18×14 ар.)
№11	Кабинет Лизиппа	140 ар. (10×14 ар.)
№12	Кабинет надгробных памятников IV и III ст.	140 ар. (10×14 ар.)
№13	Кабинет Лаокоона и Венеры Милосской	84 ар. (6×14 ар.)
№14	Зал Эллинистический	560 ар. (40×14 ар.)
№15	Зал Римский	560 ар. (40×14 ар.)
№16	Зал Средних веков	600 ар. (40×15 ар.)
№17	Зал эпохи Возрождения и Новых времен	600 ар. (40×15 ар.)
№18	Помещение кабинетов по истории живописи	600 ар. (40×15 ар.)
№19	Библиотека	420 ар. (30×14 ар.)
№20	Антикварий	364 ар. (26×14 ар.)
№21	Кабинет дирекции	224 ар. (16×14 ар.)
№22	Аудитория	336 ар. (24×14 ар.)

Независимо от перечисленных помещений, должны быть проектированы соответствующего квадратного содержания: вестибюль для верхнего платья и три уборные (клозеты): мужская, женская и для прислуги, которые должны быть расположены близь вестибюля.

г) Освещение зал №№ с 5 по 15 включительно должно быть обязательно верхнее. Для остальных может быть допущено освещение боковое. Залы №№ 19, 20, 21 и 22 должны быть помещены в первом этаже.

д) Залы Олимпии (№ 5) и Парфенона (№ 7) должны иметь форму удлиненных четырехугольников указанной Московским университетом длины и без изгиба продольных стен. В зале Эллинистическом (№ 14) одна из длинных стен



безусловно должна быть сохранена прямой, ввиду необходимости помещения на ней колоссальных горельефов.

е) Форме круглой, многоугольной или с полукруглыми выступами, не препятствует скульптурный материал зал №№ 3, 6, 8, 9, 10, 11, 13, 15, 16, 17, а также назначение зал №№ 20, 21 и 22.

ж) Потолки нижнего этажа могут быть подпираемы колоннами в №№ 1, 2, 3, 19, 20, 21 и 22.

з) Стиль фасада здания должен быть избран или греческий, или римский, или эпохи итальянского Возрождения.

и) Помещения для трех служителей должны быть отведены в подвальном этаже, в котором должна быть также помещена распаковочная, соединенная просторным ходом с первым этажом.

й) Отопление здания центральное – нагретою водою. Для приборов его и для склада топлива назначить место в подвалах, с особым входом со двора.

к) Квартира смотрителя Музея предполагается в той части здания, которая будет строиться впоследствии.

### Условия объявляемого конкурса

1) Проекты должны состоять из двух фасадов (лицевого и бокового), разрезов и планов в масштабе для фасадов и разрезов 1 дюйм в сажени, а для планов в половину. К проекту следует приложить: генеральный план в масштабе 5 саж. в дюйме и пояснительную записку, с указанием кубического содержания здания и его отдельных частей, считая от земли до крыши, причем кубическое содержание как отдельных частей, так и общего здания должно быть означено и на генеральном плане.

2) Все части здания должны быть проектированы из негоряемого материала. Отделка внутри, кроме лестницы и вестибюля, предполагается самая простая: оштукатуренные стены, окрашенные одним тоном.

3) Чертежи должны быть сработаны в чертах или тушеваны одним тоном.

4) Проекты представляются в папках, но не свернутыми в трубку.

5) Объяснения и наименования помещений должны быть показаны на планах помещений, а не на полях чертежей, причем должно быть означено на планах же квадратное содержание каждого помещения.

6) Проекты и запечатанные конверты, заключающие в себе имя и адрес составителя, обозначаются девизом или знаком.

7) Сроком доставления в Императорскую Академию художеств проектов назначается 10 января 1897 г. При этом срок представления проектов иногородними не считается пропущенным в том случае, если они в течение следующих за сроком семи дней доставят почтовую квитанцию в доказательство того, что произведения их сданы не позже 10 января 1897 г. в местные почтовые учреждения, для отсылки в Академию.

8) Премированные проекты составляют собственность Императорского Московского университета, который имеет право пригласить в качестве строителя здания лицо по своему усмотрению.

9) Доставленные на конкурс проекты будут рассмотрены Комиссией из следующих лиц: В.А.Беклемишева, А.Н.Бенуа, П.А.Брюллова, Н.В.Султанова, А.О.Томишко и М.А.Чижова.

10) Заключение Комиссии будет представлено на утверждение Собрания Императорской Академии художеств, которым и будут присуждены три премии: первая – 1200 р., вторая – 800 р. и третья – 500 рублей.

11) Получившие премию конкуренты обязаны, в 2-хмесячный срок по объявлении результатов конкурса, представить смету, составленную на основании урочного положения справочных цен города Москвы и конструктивной разработки проекта. До представления сей сметы будет удержана  $\frac{1}{3}$  причитающейся премии.

Смета этого рода должна быть представлена только для предполагаемой к немедленной постройке части здания (см. выше п. б), а на части здания, предложенные к позднейшей постройке, смета может быть представлена по кубическому содержанию, на основании полученной расценки.

Отдельное издание: [СПб.], тип. Р.Голике [1896] // ОР ГМИИ, ф. 1, оп. II, ед. хр. 145.  
Текст составлен И.В.Цветаевым.

*И.В.Цветаев*

## НОВЫЙ МУЗЕЙ

Конкурс на здание Музея изящных искусств имени Императора Александра III, объявленный, по поручению Московского университета, Императорской Академией художеств на срок 10 января 1897 года\*, возбудил живой интерес в сословии наших отечественных архитекторов, в периодической печати Москвы и Петербурга и в некоторых специальных технических журналах. Об этом живом интересе к успеху художественного конкурса можно судить и по тому, что со времени публичного обсуждения некоторых статей его печатных условий\*\*, к управлению университетского Музея начали поступать запросы с разных сторон относительно подробностей этого предполагаемого сооружения на площади бывшего Колымажного двора близ храма Христа Спасителя. При этом одних занимала высота всего здания; другие спрашивали о желательной высоте цоколя и о дальнейшем его назначении; третьих интересовал вопрос, насколько без вреда для дела могут быть уменьшаемы указанные в печатных условиях размеры некоторых внутренних помещений; четвертые выставляли на

\* См. «Моск[овские] вед[омости]». [1896]. № 233.

\*\* См. «Моск[овские] вед[омости]». № 295; ср. «Новое время» № от 4 окт. с. г.

вид задачу покрытия и освещения больших зал в первом этаже главного здания, а также вопрос об углублении некоторых помещений сравнительно с другими; пятые наводили справку о том, из какого материала нужно проектировать стены в некоторых залах и кабинетах второго этажа и т.д.

Желая по мере сил служить этому столь многих интересующему делу, спешим ответить на полученные нами вопросы на страницах той же уважаемой газеты, где столько раз, за последние 5-6 лет, писалось и нами по вопросу о задачах и росте Музея, создаваемого Московским университетом.

1) *Высота здания Музея.* Это – вопрос чрезвычайно важный, но, вместе с тем, и очень трудный для единоличного решения. Здесь должны быть приняты во внимание очень многие условия – во-первых, форма и величина площади и ее окружения, во-вторых, высота обрамляющих ее построек и, в-третьих, специальные потребности внутренних помещений Музея. Площадь Кольмажного двора близ храма Христа Спасителя, где Музей будет поставлен, имеет форму четырехугольника приблизительно 72 сажени длиной и 37 саж. шириной; поверхность ее представляет видимый скат с заднего плана по направлению к Волхонке (с севера на юг); некоторый косогор замечается и по направлению с запада на восток. Площадь окружена со всех четырех сторон улицей и тремя переулками. Что касается до обрамляющих эту местность построек, то большинство их в настоящее время не отличаются высотой: они – двухэтажные и реже в три этажа; но несомненно, в весьма близком будущем многие из здешних домов будут снесены и заменены в этой дорогой местности Москвы многоэтажными сооружениями.

Нужды внутренних помещений требуют для Музея двухэтажного здания, но высота каждого из этих этажей в различных частях сооружения, по свойствам научного и художественного материала, должна быть различная. Остановимся прежде всего на части здания, предположенной к постройке в ближайшее время. Первый этаж этого корпуса, по необходимости, в условиях конкурса назначен нами в одной половине под залы египетский (№ 1), ассирийский (№ 2), греческой архаики (№ 3) и эгинетов (№ 4), – а в другой половине – под помещения антиквария, библиотеки, кабинета дирекции и аудитории (№№ 19 – 22).

Все указанные помещения, кроме аудитории (№ 22), не требуют какой-либо особой высоты; скульптурный материал №№ 1 – 4 может быть размещен даже и при 6½ – 7 аршинах вышины стен; никаких особых условий не представляют в этом отношении и помещения антиквария, библиотеки и так называемого кабинета дирекции. Иначе обстоит дело с аудиторией. Ее требования удовлетворить вполне в первом этаже здания, может быть, и очень трудно, так как условия хорошей акустики здесь едва ли могут быть вполне достигнуты. Поднимать высоко потолок специально одного этого помещения едва ли окажется возможным, и потому для получения достаточной глубины здесь скорее

придется спустить пол до земли в цоколь здания. Весьма может статься, что и помеченное в условиях квадратное содержание 336 кв. арш. (24 x 14 арш.) окажется неудобным для хорошей аудитории. Ниже мы говорим о возможности перенесения ее на другой план и об устройстве ее на других началах, не помещая ее теперь в первом здании.

Итак, за исключением только что названного в печатных условиях помещения № 22, проектировать особенно высоким первый этаж здания, подлежащего выстройке в ближайшее время, со стороны художественного и научного материала нет достаточных оснований. Но здесь вопросу о высоте здания должен идти на помощь цоколь Музея.

2) *Цоколь Музея.* В различных частях сооружения, располагаемого на площади, имеющей два уклона, с севера на юг и с запада на восток, цоколь, естественно, будет различен. Выше он должен быть под главным корпусом, фасад которого будет выходить в сторону улицы Волхонки. Установить его надлежащую меру можно, держась эстетических требований и принимая в расчет специальные потребности учреждения. Не касаясь здесь первого условия, как всецело подлежащего авторитетной компетенции нашего художественного мира с Императорской Академией художеств во главе, относительно последних необходимо сказать, что в цоколе главного здания предполагается устроить, между прочим, помещение для служителей Музея, которое ради гигиенических условий едва ли нужно очень углублять в землю и оставлять без достаточно обильного освещения через окна. Известная высота цоколя требуется здесь также и предполагаемой необходимостью спустить пол аудитории (№ 22), если только, по специальном обсуждении этого вопроса в Академии художеств, она останется в первом этаже, а не перенесется на другой план. Новое требование достаточной высоты цоколя для главного здания Музея приносит с собой являющаяся необходимостью устроить под залами первого этажа также и небольшую квартиру для смотрителя здания. В печатных условиях конкурса последнее помещение отнесено на ту часть Музея, которая будет строиться впоследствии. Но возникает вопрос, возможно ли будет на неопределенное будущее вручать надзор над государственным зданием и над всем его разнообразным художественным и научным инвентарем только нижним служителям Музея, хотя бы и с надежным вахтером во главе? На практике в административных сферах этот вопрос будет, надобно думать, решен в отрицательном смысле; при постройке главного корпуса, вероятно, возникнет потребность в этой квартире для смотрителя Музея, и тогда, волей-неволей, придется поместить ее в цоколе под залами первого этажа, но с окнами, желательно, не по главному фасаду. Какой высоты при вышеизложенных условиях нужно проектировать цоколь главного корпуса, сказать мы этого не можем, равно как в одинаковой степени затруднителен для нас вопрос и о высоте цоколя частей здания, имеющих строиться после, по мере накопления материальных средств Музея. Но едва ли можно сомневаться в полезности устройства запасных помещений и в том месте для неизвестных

теперь, но несомненных потребностей будущего. Уже и в настоящее время, когда вопросы о форме, размерах и конструкции Музея находятся еще в области предположений, приходится выслушивать желания, чтобы проектировано было помещение для «антиквария» по Средним векам и эпохе Возрождения подобно тому, как это сделано в печатных условиях в отношении Древнего мира (см. № 20); уже и теперь слышатся замечания, что двух, хотя бы и больших, зал для скульптуры и архитектуры Средних веков, эпохи Возрождения и части Новых времен слишком мало сравнительно с пятнадцатью залами, отведенными в условиях конкурса для Древнего мира, – и весьма может статься, что эти замечания окажутся, по осуществлении проекта, совершенно справедливыми.

Всё это побуждает нас повторить, как необходимы для будущего Музея запасные помещения. К числу их отнесется, конечно, и помещение, проектируемое условиями конкурса для зрителя Музея, раз оно будет устроено, как упомянуто выше, под первым этажом главного здания.

3) *Размеры внутренних помещений Музея.* Неоднократно и с разных сторон ставили нам вопрос о том, каким образом могла установиться ширина в 14 аршин почти для всех зал и кабинетов Музея, обозначенная в печатных условиях конкурса? Такое однообразие, пишут нам, факт в практике архитектурных конкурсов небывалый, и невыгоды этого нововведения несомненно должны-де отразиться на предстоящих проектах планов и фасада Музея. При определении желательной ширины внутренних помещений, мы отправляемся от минимума ширины таких больших зал, как Олимпия, Парфенон (взятый у нас вместе с соседним № 8) и зал эллинистический, которые при 40 аршин длины могли иметь, соответственно их скульптурному материалу, самое малое – 14 аршин ширины; в этом убедил нас, между прочим, и специальный обзор больших скульптурных музеев Германии, Франции и Англии, сделанный нами осенью 1895 года. Уложив на примерном плане эти залы, ввиду необходимости для них верхнего освещения, во втором этаже главной части здания, мы затем легко заполнили весь верхний этаж предположенного к ближайшей выстройке корпуса залами и кабинетами №№ 5 – 14 печатных условий.

Выходя из положения, что второй этаж должен неизбежно покоиться на первом этаже, мы вынуждены были в своем представлении поделить капитальную стеной и первый этаж на две, совершенно равные части во всю его длину. В образовавшейся таким образом раме должны были поместиться залы египетский (№ 1), ассирийский (№ 2), кабинет греческой архаики (№ 3), зал эгинетов (№ 4) – в одной части, и антикварий и библиотека – в другой; но так как у нас оставалось свободным большое помещение, и его мы в то время не знали, чем лучше заполнить, то это пространство и намечено было для аудитории (336 кв. арш. = 24 x 14 арш.) и кабинета дирекции (224 кв. арш. = 16 x 14 арш.).

От такого распределения места во втором этаже проектированного здания интересы размещения греческой скульптуры не пострадали нисколько: греческие изваяния начиная с V-го века и до эллинистическо-римских времен будут

размещены здесь с большим удобством и в исторической последовательности. Но для первого этажа одна, раз принятая мера ширины оказалась и на наш взгляд искусственной и повлекла за собою в некоторых случаях значительные неудобства: египетский зал (№ 1) явился без нужды слишком широким, так как ни статуи, ни бюсты Египта, при всей их колоссальности, ни тем менее – рельефы, этой ширины в 14 аршин здесь никоим образом не вызывали.

Но в гораздо большей степени приходится сказать то же самое и касательно ширины ассирийского зала (№ 2). Если еще в египетском зале найдут себе место статуи и бюсты обширных размеров и тем сгладят впечатление его излишней широты, то этого совсем не будет здесь. Статуй ассирийского резца дошло до нашего времени очень мало, да и не со всех их, благодаря хрупкости оригиналов, можно будет получить гипсовые слепки.

Мало надежды на получение копий и с знаменитых ассирийских быков и львов, украшающих ныне галереи Лувра и Британского музея. Остальная же скульптура ассирийцев представлена многочисленными барельефами, которые у нас и будут размещены по стенам предположенной залы. Исключительно в рельефах дошли до нас и остатки скульптуры персов.

При таких обстоятельствах ширина ассирийского зала в 14 аршин чрезмерно велика, и поэтому, надобно думать, стена, противоположная окнам, будет мало освещена. Здесь несравненно выгоднее было бы освещение сверху, не говоря о том, что тогда все четыре стены зала могли бы служить для размещения памятников скульптуры, между тем как теперь большая стена его уйдет на окна, а простенки между ними будут неудобным местом для художественных произведений. Как выйти из данного положения, мы не знаем; но несомненную услугу делу принес бы тот архитектор, который нашел бы возможность, сузив этот зал, осветить его каким-нибудь образом сверху. Уменьшить ширину было бы полезно, если только возможно в конструктивном отношении, и в зале египетском. Это – с одной стороны от входа в Музей. На противоположной стороне в одинаковой мере можно было бы сузить залы антиквария, библиотеки и предположенной аудитории, так как ни одно из этих помещений собственно не требует ширины в 14 аршин.

4) Выше мы сказали, что требование аудитории в главном корпусе явилось искусственно – лишь для заполнения свободного пространства в первом этаже. В минувшем году, когда обсуждались и писались нами условия архитектурного конкурса, не находилось другого употребления для этого места, но *dies diem docet*: не окончились еще конкурсные работы наших зодчих, далеко еще время закладки первого камня Музея, а, как упомянуто выше, уже раздаются голоса о необходимости увеличения площади помещений, назначенных для скульптуры Средних веков и эпохи Возрождения, и указывается на необходимость учреждения «антиквария» специально для этих эпох. С доводами заинтересованных здесь лиц приходится согласиться, и таким образом является легкая возможность совершенно естественно утилизировать под второй зал ан-

тиктария (№ 20) место, назначенное в печатных условиях конкурса под аудиторию. Аудиторию же, вполне приспособленную для чтения лекций по истории искусств, будет, может быть, целесообразнее устроить позднее в другом месте здания, с отдельным ходом, небольшою комнатою для лектора и двумя уборными\*.

Не менее искусственно явилась и данная в условиях величина 224 кв. аршина предположенного кабинета дирекции (№ 21). Не только его форма будет зависеть от выбора архитектора, но и размеры могут быть уменьшены до возможного минимума. Это помещение должно быть разделено на две комнаты – одну, небольшую, для директора, и другую, побольше – для хранителей и канцелярии.

5) С вопросом о размерах зал и кабинетов первого этажа главного здания находится в тесной связи вопрос о перекрытии этих помещений. В данном случае мнения архитекторов, по-видимому, сильно расходятся. На взгляд одних – предпочтительнее здесь сводчатые потолки, по объяснениям других – здесь необходимо покрытие помощью железных балок, которые легко по системе Монье обделают в форму греческих кессонных потолков. Вопрос этот чисто технический, и потому специалисты строительного дела пусть решают его по собственному усмотрению. Со своей стороны мы только заметим, не слишком ли высоки окажутся своды в залах при ширине в 14 аршин, и вследствие того не будет ли чересчур темно на потолках. Возможно, что некоторыми художниками будет проектироваться главный фасад с колоннадой во всю его длину. Тогда недостаток освещения в залах такого рода окажется неизбежным. Или этот вопрос перекрытия потолков побудит некоторых авторов лучше сузить данную в условиях ширину нескольких помещений первого этажа главного здания?

Далее полная свобода должна быть предоставлена архитекторам в устройстве ряда небольших кабинетов для истории живописи (№ 18). Форма и расположение их, а равно и способы освещения их должны быть те, которые получают санкцию специалиста Императорской Академии художеств.

6) Некоторых архитекторов занимает вопрос о том, из какого материала нужно проектировать поперечные стены помещений второго этажа главного корпуса в тех случаях, когда они не совпадают со стенами первого этажа. Ввиду того, что условиями конкурса требуются негорючие строительные материалы, то едва ли какая иная система может здесь быть рекомендуема с большим правом, кроме системы Монье: стены и перегородки, сделанные по этому способу, будут и легки, и не сгораемы. При помощи той же системы без труда можно будет придать кабинету Ниобы (№ 10) закругленную форму, для того

---

\* Но само собою разумеется, что все эти предположения не должны иметь силы, если явится возможность устроить *вполне удовлетворительную* аудиторию и в 1-м этаже главного корпуса, с одной стороны – и увеличить место для Средних веков и эпохи Возрождения проектированием антиктария возле зал №№ 16 и 17 печатных условий – с другой.

чтобы в центре изгиба можно было поставить Ниобу с ее младшею дочерью, а по бокам – разместить стремящихся к матери ее несчастных детей. По свойству скульптурного материала желательны два полукруглых выступа и в кабинете Лаокоона и Венеры Милосской (№ 13) по узким его концам: в одном из них станет эта знаменитая группа, а в другом не менее знаменитая статуя. Для возвышения оптического эффекта зал Парфенона (№ 7) мы не отделяли бы стеной от кабинета для рельефов V и IV столетий (№ 8), а поставили бы здесь несколько дорических колонн в стиле Парфенона.

7) Приходилось услышать также вопрос, возможно ли проложить дверь посредине продольной стены зала Олимпии. Продольные стены этого зала будут заняты сплошь, почти во всю их длину, колоссальными фронтонными группами храма Зевса, и потому о двери в данном месте не может быть и речи. Вход в этот зал должен быть сделан в поперечной стене, и сообщение с залом соседним может быть допустимо, в случае нужды, через дверь в самом конце продольной стены на противоположном конце зала.

Вот всё, что могло придти нам на ум по поводу вопросов, поступавших к управлению Музея изящных искусств имени Императора Александра III из архитектурной среды разных городов России в последнее время. Мы ответили на них здесь, как могли, и наперед просим извинения у авторитетов строительного искусства за технические ошибки, которые мы легко могли допустить в рассуждениях по вопросам, выходящим за пределы нашей специальности.

ПРОФЕССОР И.ЦВЕТАЕВ

Московские ведомости. 1896. 11 декабря. № 341. С. 4.

*И. В. Цветаев*

## Музей изящных искусств Московского университета\*

На мою долю, милостивые государи, выпадает высокая честь ознакомить ваше почтенное собрание с вопросом о том, чем был Музей изящных искусств Императорского Московского университета до настоящего времени, каково положение его ныне, и какие существуют предначертания, мечты и надежды относительно его в ближайшем будущем.

До начала текущего десятилетия собрания Московского университета по от-

---

\* Сообщение, сделанное на совещании об устройстве при Императорском Московском университете Музея изящных искусств имени Императора Александра III, 23 ноября, у гофмейстера двора Его Императорского Величества Ю.С.Нечасва-Мальцова. Все ниже приводимые исторические данные относительно роста художественных коллекций Музея и вынужденного обстоятельствами размещения их по различным учреждениям Москвы, в той же самой форме, доложены нами историко-филологическому факультету Московского университета в заседании 5 ноября сего года. (См.: *Моск[овские] вед[омости]*. [1897, 30 ноября]. № 330).



делу искусств и классических древностей не отличались достаточным богатством и разнообразием\*. Отдел ваяния состоял из 39 гипсовых статуй, большинство которых было приобретено лишь в 1882 году, и из нескольких гипсовых бюстов весьма посредственного исполнения\*\*. Серия антиков была очень малочисленна по своему составу и совершенно незначительна по своим достоинствам. Систематически и достаточно полно составленной библиотеки по отделу искусств и археологии также не было.

Но в последние годы на долю этого учебно-вспомогательного учреждения нашего Университета выпали лучшие судьбы: благодаря пожертвованиям с разных сторон, число предметов его художественного и научного инвентаря стало сильно и быстро увеличиваться. Эти жертвы становились все чаще и чаще, значительнее по размерам, по их научной и материальной ценности, и исходили они от лиц различных общественных классов, начиная с бедного учителя гимназии, безвестного провинциального врача и кончая членами нашей Царственной семьи.

Так, между другими, один из московских граждан (К.С.Попов) принес нашему Музею большую коллекцию статуй и рельефов, памятников древней скульптуры, рассеянных по нескольким музеям Западной Европы, уполномочив Московский университет заказать нарочные для того слепки в Вене и Берлине\*\*\*. Другой жертвователь (К.Т.Солдатёнков) доставил Музею слепки со всех главнейших скульптур Мюнхенской глиптотеки, в том числе и со знаменитых Эгинских фронтонов. Третий даритель (А.Д.Мейн) уполномочил нас составить, за его счет, возможно полную коллекцию *портретных* бюстов знаменитых исторических деятелей Древнего мира на поприще политики, наук, литературы и искусств, а равно приобрести наиболее известные бюсты богов и героев Эллады и Рима. Это собрание составляет в течение четырех последних лет по всем государственным и частным музеям Западной Европы и, по своей полноте и систематичности подбора будучи первым в России, явится одним из самых значительных в ряду подобных коллекций целого мира. Большие транспорты этих бюстов уже получены из Британского музея, из

\* Исключение здесь составляют весьма ценные нумизматические коллекции Московского университета и хотя небольшое, но очень полезное собрание древнегреческих расписных ваз. См.: *Список медалей и монет, находящихся в Мюнц-кабинете Императорского Московского университета*. Москва, 1826; и особенно: А.В.Орешникова. *Описание древнегреческих монет, принадлежащих Императорскому Московскому университету*. Москва, 1891; введение к этой образцовой книге знакомит с историей составления нумизматических коллекций нашего Университета. А.Н.Шварц. *Описание древнегреческих глиняных сосудов, принадлежащих Императорскому Московскому университету*. Москва, 1890.

\*\* В.Г.Аппельрот. *Описание памятников античной скульптуры по гипсовым снимкам, находящихся в Музее Московского университета*. Москва, 1889. О заслугах профессоров П.М.Леонтьева и К.К.Герца в отношении университетского Музея см. нашу брошюру «Музей античного искусства при Императорском Московском университете». Москва, 1894.

\*\*\* При чтении этого доклада имена дарителей, присутствовавших в совещании, естественно, не были называемы.

Лувра, из Ватикана и других римских музеев. Присылки последнего времени, по недостатку помещения, хранятся не распакованными. Новые два жертвователя (П.М.Третьяков и Л.С.Поляков) доставили средства на приобретение всех наиболее нужных слепков со скульптур Рима. Это тоже очень большой и видный дар, который даст возможность увидеть и изучать в Москве множество превосходных памятников древнего искусства, хранимых в Ватикане, в Капитолии, в Латеране, в Национальном музее терм Диоклетиана и во многих музеях римских патрициев. Шестой жертвователь (П.И.Харитоненко) дарит нашему Музею слепки с главнейших скульптур Флоренции, в том числе и с обширной группы Ниобы и ниобидов; седьмой (И.А.Баранов) доставил большую серию слепков с античных изваяний Неаполитанского музея, с его колоссальным Геркулесом Фарнезским и произведениями, найденными в Геркулане и Помпеях. Восьмому жертвователю (Н.С.Мосолову) наш Музей обязан копиями с изваяний дрезденского музея Albertinum; девятый даритель (Сергей Т.Морозов) сделал Московский университет обладателем колоссальнейших по своим размерам фронтовых групп храма Зевса в Олимпии, – обширный транспорт с этими изваяниями, не распакованный, заложен в подвале под Новым зданием Университета. Десятый даритель (С.Н.Горбова<sup>15</sup>) принес нам средства на гипсовые отливки скульптур Парфенона. На средства, доставленные Музею С.В.Лепешкиным, М.Ф.Морозовой, Д.И.Иловайским, Саввой Т.Морозовым, кн. А.А.Щербатовым, Д.Ф.Самариным, М.С.Комиссаровым и А.Е.Армандом, приобретены наиболее полная коллекция так называемых «танагрских терракот», собрание терракотовых моделей с памятников греческого и римского зодчества, – храмов, театров, цирков и частных домов, и целая серия рельефов, бюстов и отдельных статуй из различных западноевропейских музеев. В последние дни Музей получил приятное для себя известие о предстоящем ему, в скором времени, обогащении памятниками из главнейших эпох древнего египетского искусства, которые предположил приобрести в Каире Ю.С.Нечайев-Мальцов.

Пожертвования гипсовыми отливками и терракотами вызвали принесение московскому университетскому Музею репродукций памятников ваяния и в бронзе, как это доказывается даром бюстов и статуэток Неаполитанского музея, поступившим от питомца Московского университета, А.А.Назарова. В последнее время начали поступать пожертвования и оригинальными произведениями греческой и римской скульптуры и заявления о таких пожертвованиях в будущем.

За последние девять лет вырос особый отдел Музея – по истории *древнехристианской живописи* римских катакомб, представляемый несравненными по точности картонами нашего художника Ф.П.Реймана. Организация этого отдела, производившаяся до минувшего апреля при щедром пособии К.С.Попова, имеет продолжаться до 1900 года включительно при содействии кн. Ф.Ф.Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон. К тому времени работы в катакомбах будут

окончены, и коллекция реймановских картонов достигнет числа приблизительно 140 – 150.

Успех, достигаемый составлением Музея античного искусства, возбудил мысль о расширении программы московского университетского Музея внесением сюда также *важных Средних веков, эпохи Возрождения* и частию Новых времен, а равно учреждением особого отдела пособий по *истории живописи* в лучших копиях главнейших образцов каждой, более видной, школы ее в Западной Европе\*. Положить начало отделу византийских мозаик предположено в последние дни приобретением нескольких превосходных панно в Венеции, представляющих оригиналы собора Св. Марка\*\*.

Таково, в общих чертах, состояние дел Музея изящных искусств, обязанного, кроме того, своим процветанием высокому покровительству Их Императорских Высочеств Великого Князя Сергея Александровича и Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, Великих Князей Владимира Александровича и Константина Константиновича<sup>17</sup>, своими дарами художественных предметов обогащающих коллекции оригиналов и копий Музея; так же с сердечною признательностью вспоминаем мы о любезной помощи нам со стороны Императорской Академии художеств и Императорского Эрмитажа, доставивших и имеющих доставить обширные собрания копий с памятников скульптуры древнего мира и других исторических эпох.

Ввиду столь благоприятно сложившихся для Музея изящных искусств обстоятельств помещение, занимаемое им в разных частях Старого здания нашего Университета, уже к 1894 году стало совершенно неудобным и тесным, в такой степени, что целые обширные и весьма тяжелые транспорты изваяний и моделей зодчества с тех пор и по сие время приходится оставлять в ящиках не распакованными, скрывая их в разных местах Старого и Нового зданий Университета. Из вышеизложенного видно, что в таком положении хранятся в подвале под Новым зданием Университета скульптуры Олимпии; большая кладь скульптур Неаполитанского музея, также не распакованная с 1894 года, лежит в темном и тесном коридоре Старого университета; ящики с громоздкими изваяниями лежат уже в течении 4 лет в туннеле под Актовым залом и библиотекой Университета; ящики с архитектурными моделями, никогда не вскрывавшиеся, занимают место в прихожей Нумизматического кабинета. Этот кабинет уже около восьми лет тому назад обращен в простое складочное место для книжных шкафов, витрин и других предметов хозяйственного инвентаря Музея и с тех пор перестал действовать в надлежащем

\* Материал для истории русской живописи будет представлен в Музее собранием картин и рисунков отечественной школы, издавна составляемым известным в Москве любителем и собирателем И.Е.Цветковым, приносящим эту галерею в дар своей almae matris, Московскому университету<sup>16</sup>.

\*\* Этим даром Музей будет также обязан Ю.С.Нечаеву-Мальцову.

своим назначением, причем, вследствие крайней тесноты и неудобства помещения, состоящего из одной комнаты, пришлось все монеты и медали или скрыть в несгораемых шкафах и таким образом изъять их из научного обращения, или целый большой отдел их передать для помещения в Российский Исторический музей.

Постановлением Правления Университета от 28 мая сего года предписано очистить совсем нынешнее помещение скульптур, ставшее опасным по своей ветхости, и скрыть гипсы на хранение, где окажется к тому возможность. После многих и тщетных поисков квартиры для наших собраний по городу, явилось возможным приютить ящики, в которые придется уложить все изваяния, в *подвалах Румянцевского музея*.

С исполнением этого постановления Правления Университета, уничтожается, на неопределенное время, целое учебно-вспомогательное учреждение Московского университета, носящее имя Музея изящных искусств, и изымаются из художественного и учебного обращения все скульптуры, с такими усилиями собранные и доселе в значительной своей части служившие поучением не только университетским студентам, но и публике, и, особенно, ученикам и ученицам рисования, здесь копировавшим с антиков, ученикам Московского училища живописи, ваяния и зодчества, ученикам Строгановского училища технического рисования и молодым художникам, приезжавшим для занятий копированием университетских гипсовых слепков даже из провинций.

Таково печальное положение этого учреждения Московского университета. В данном случае может возникнуть сам собою вопрос, что же делал Московский университет для обеспечения нормального существования своему Музею в будущем?

Императорский Московский университет употреблял и употребляет к тому все доступные ему меры. Зная, что означенным учреждением в равной степени пользуется и город Москва, и живо чувствуя свою органическую нравственную связь с нею, он начал прежде всего искать материальных средств на сооружение особого здания для этого Музея у частной и общественной благотворительности. И – нужно отдать справедливость – его старания в этом направлении были награждены весьма крупным успехом. Раньше всех пришла Университету здесь на помощь ныне покойная Варвара Андреевна Алексеева. Ознакомившись со скульптурами Музея и видя угрожающее положение совсем разваливавшегося здания, их заключавшего, Варвара Андреевна поставила эту потребность Московского университета в новом корпусе *на первую очередь* в делах своей поистине широкой благотворительности. Она послала в Университет своего архитектора, г. Залесского<sup>18</sup>, для выяснения размеров необходимого здания и материальной стоимости его. Занятая этим начинанием, она уже вела о том беседы и советовалась с близкими ей людьми. Но неожиданная кончина ее 17 ноября 1894 года воспрепятствовала этой воистину доброй женщине

привести в исполнение свое намерение. Не успев оказать помощи Музею сама, она, однако, поручила на словах этот вопрос вниманию своих душеприказчиков. К великому счастью для дела, душеприказчиками В.А.Алексеевой оказались: ученый инженер-технолог, издатель и редактор двух технических литературных органов К.А.Казначеев и питомец Московского университета М.С.Нагаткин, управляющий Московским отделением Волжско-Камского банка. По ликвидации имущественных дел покойной, они, движимые просветительными к тому мотивами, принесли Московскому университету на здание Музея изящных искусств 150 000 рублей, под условием исходатайствования этому Музею имени Императора Александра Александровича, согласно ясно выраженному на словах желанию покойной В.А.Алексеевой.

За эту жертву последовало дарование Московскому университету земли под Музей имени Императора Александра III на площади Колымажного двора Московскою городскою думой. При этом даровании ясно выразились высоко-милостивое благоволение Государя-Императора Николая Александровича к судьбе будущего Музея и драгоценные для Московского университета попечения о нашем Музее Августейшего московского генерал-губернатора Великого Князя Сергея Александровича.

Предрешенное в принципе присвоение будущему Музею имени Императора Александра III, помещение Музея на видном участке земли, в близком соседстве с храмом Христа Спасителя, желание покойной В.А.Алексеевой и формальное условие Московской городской думы\*, чтобы предназначенный к сооружению Музей изящных искусств, принадлежа юридически и фактически Московскому университету, в то же время был также и учреждением публичным, открытым для посетителей в течение 5 дней в неделю, с одной стороны, и в то же время продолжавшие поступать к нам новые пожертвования громоздкими скульптурами и моделями зодчества, с другой, создали для Московского университета новые, и на этот раз уже непосильные заботы и задачи.

Потребовалось теперь здание и гораздо больших размеров, чем в Университете могли думать в то время, когда возбуждалось ходатайство об отводе городской земли под Музей, и более изящной, строго определенного стиля, формы – достойной как Августейшего наименования Музея, так и того прекрасного места, которое Музею предназначено.

В вопросе о разработке плана и фасадов здания Московский университет обратился, согласно желанию душеприказчиков В.А.Алексеевой, к Императорской Академии художеств, объявившей по этому предмету архитектурный всероссийский конкурс. На конкурс было представлено девятнадцать проектов, и

---

\* См.: *Известия Моск. городской Думы* за 1896 г. Ср. *Отчет Им[ператорского] Москов[ского] унив[ерситета]* за 1896 г. стр. 211.

хотя Императорскою Академией художеств ни один из них не признан был вполне удовлетворяющим нашим условиям, но в шести<sup>19</sup> проектах найдены были такие художественные и конструктивные достоинства, которые должны были быть приняты в расчет при составлении нового проекта. Правление Императорского Московского университета, ознакомившись с подробным критическим разбором Академией этих лучших проектов и с самими проектами, в апреле настоящего года постановило поручить дальнейшую разработку планов и фасадов Музея московскому архитектору Р.И.Клейну, составительный проект которого также находился в числе вышеупомянутых шести лучших проектов.

Правление Московского университета, теснимое, с одной стороны, угрожающим положением изветшавшего корпуса со скульптурами Музея, и предпринявшее сломку его для возведения на его месте нового здания, и с другой стороны – затрудняемое недостатком денежных средств, могло ставить архитектору Клейну только условия, мало отвечающие характеру художественного и монументального здания. Решено было выложить лишь одну переднюю часть корпуса, отделать самым простым образом только четыре залы, для того чтобы приютить хотя как-нибудь, без научной системы, коллекции скульптур, Нумизматического кабинета и древностей. Отделка фасадов предполагалась при этом самая дешевая, простою штукатуркой. Требовались, конечно, по существу дела, и железные переплеты для верхнего освещения второго этажа, железные балки, несгораемые полы, необходимо было устройство хорошей вентиляции и т.д. Но все эти требования пока оставались лишь в области мечтаний.

А тем временем в городе всё сильнее и настоятельнее указывалось на необходимость здания Музея на Колымажной площади, большого, монументального, несгораемого и изящного, характерной формы.

Чтобы ответить этим, по существу справедливым, желанием, было решено учредить при Московском университете особый «Комитет по устройству Музея изящных искусств имени Императора Александра III», и при организации этого Комитета Университет постановил прежде всего обратиться за содействием к Москве, к ее гражданам и ко своим бывшим питомцам, где бы они ни были рассеяны по России.

Что надежды Московского университета на сочувствие московских граждан и его старых питомцев не были напрасны, показывает ваше присутствие, милостивые государи, на этой беседе, созванной у себя старейшим между нами студентом Московского университета, Юрием Степановичем Нечаевым-Мальцовым.

Старейший между нами по летам учения, вы, Юрий Степанович, по первому зову г. попечителя Московского учебного округа, живо откликнулись из Петербурга, среди ваших многочисленных и служебных, и хозяйственных дел, на эту новую потребность вашего старого Университета. Оставив все дела, вы при-

были в минувшем мае в Москву и, ознакомившись с положением дела здесь, на месте, вы сразу внесли в наши воззрения ту широту, которая нам, по обстоятельствам дела, была до того времени недоступна. Вы широко раздвинули наш горизонт в этом близком нашему сердцу деле, поставивши вне всякого сомнения следующие четыре главные, основные вопроса: 1) о необходимости кирпичной выкладки *всего* здания Музея *зараз*, чтобы придать ему целостность уже с самого начала, 2) о каменной облицовке фасадов и вырубке колонн из камня, и 3) о железных переплетах верхнего освещения второго этажа и о железных при постройке здания балках, и 4) о более художественном расчленении и более целесообразном проектировании главного фасада.

Эта широта ваших воззрений на предстоящую нам задачу и известная ваша любовь к изящному были причиной того, что Московский университет встретил на днях известие о согласии вашем принять ближайшее участие в устройстве Музея с таким же радостным чувством, с каким мы собрались ныне к вам, на первое совещание по предстоящему нам делу. Совещание это – пока *за-стного* характера, но, несомненно, оно имеет быть *историческим* для нас, так как от него поведут свое начало существование Комитета и близкое осуществление Музея изящных искусств имени Императора Александра III при Московском университете.

23 ноября.

ПРОФЕССОР И.ЦВЕТАЕВ

Московские ведомости. 1897. 2 декабря. № 332. С. 3–4.

*И. В. Цветаев*

### МУЗЕЙ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ ИМЕНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Параграфом 4 Положения о Комитете по устройству сего Музея «Комитету предоставляется право принимать предложения жертвователей выстраивать и отделять отдельные части здания Музея, согласно утвержденному плану, причем сим частям Музея могут быть присвоены имена жертвователей или дорогих им лиц». Для выяснения материальной стоимости отдельных помещений, согласно поступившим к нам заявлениям заинтересованных этим § жертвователей, мы считаем необходимым опубликовать нижеследующие данные по сему вопросу.

Условия монументальности и несгораемости здания, устройство верхнего освещения во всем 2-м этаже с железными переплетами для стекол, метлахские полы и иные экономические и эстетические потребности вызвали необходимость оценки сих помещений по 150 руб. за кубическую сажень.

Расценка внутренних помещений

I этаж<sup>20</sup>

	СТОИМОСТЬ
1. Зал Египетский ( $67,50 \times 3,00 = 202,50$ ) <sup>21</sup>	30 375 р.
2. „ Ассирийский ( $45,20 \times 3,00 = 135,60$ )	20 340 „
3. „ Греческий № 1 (архаич. период) ( $55,86 \times 3,00 = 167,58$ )	25 125 „
4. Антикварий ( $67,50 \times 3,00 = 202,50$ )	30 375 „
5. Библиотека ( $45,20 \times 3,00 = 135,60$ )	20 340 „
6. Читальня ( $28,00 \times 3,00 = 84,00$ )	12 600 „
7. Аудитория ( $69,00 \times 3,00 = 207,00$ )	31 050 „

II этаж<sup>22</sup>

	СТОИМОСТЬ
8. Лестница ( $93,44 \times 7,66 = 715,75$ )	
9. Круглый зал ( $40,96 \times 7,10 = 290,81$ )	
10. Зал Олимпии ( $72,80 \times 4,00 = 291,20$ )	43 680 р.
11. „ Парфенона ( $74,84 \times 4,00 = 299,36$ )	44 904 „
Этот зал может быть удобно разделен на два, из коих	
1-й ( $45,20 \times 4,00 = 180,80$ ) будет стоить 27 120 руб.	
и 2-й ( $29,64 \times 4,00 = 118,56$ ) 17 784 руб.	
12. „ Греч. рельефной скульптуры V и IV в. до Р. Хр. ( $38,24 \times 4,00 = 152,96$ )	22 944 „
13. „ Праксителя ( $28,00 \times 5,00 = 140,00$ )	21 000 „
14. „ Ниобы ( $38,24 \times 4,00 = 152,96$ )	22 944 „
15. „ Лизиппа ( $29,64 \times 4,00 = 118,56$ )	17 784 „
16. „ Венеры Милосской и Лаокоона ( $45,01 \times 4,00 = 180,04$ )	27 006 „
17. „ Пергамский ( $72,80 \times 4,00 = 291,20$ )	43 680 „
18. „ Римский ( $69,00 \times 4,00 = 276,00$ )	41 400 „
19. „ Средних век. ( $77,75 \times 4,00 = 311,00$ )	46 650 „
20. „ Эпохи Возрождения и Новых времен ( $92,75 \times 4,00 = 371,00$ )	55 650 „
21. Кабинеты по истории живописи ( $69,00 \times 4,00 = 276,00$ )	41 400 „

Что касается стоимости парадной лестницы, проектируемой с ионической колоннадой наверху и дорическим вестибюлем<sup>23</sup>, то она будет определена впоследствии, в связи с вопросом о материале, из которого лестница будет делаться. На будущее время отлагается пока и точная оценка круглого зала, занимающего центральное положение во 2-м этаже.

Существует мысль обработать его по образцу римского Пантеона.

ПРОФЕССОР И.ЦВЕТАЕВ

18 февраля 1898.

Издано отдельной листовкой на плотной бумаге, без указания места издания.



Проф. И. Цветаев

По поводу статьи  
«Иллюстрации А.А.Иванова»

В сороковых годах Императорскою Академией художеств отправлен был ее воспитанник, архитектор Сергей Андреевич Иванов, брат впоследствии знаменитого нашего живописца Александра Иванова, за границу. Поселившись в Италии, он отдался здесь с необычайным увлечением исследованию остатков античной архитектуры, и потому, когда в 1848 году, вследствие политических смут, объявших Западную Европу, пришел приказ из Петербурга о немедленном возвращении казенных стипендиатов в Россию, наш художник предпочел лишиться стипендии и навсегда остаться за границей. Избрав Рим главным местом своей деятельности, он провел наибольшую часть дальнейшей жизни в этом городе. Ученый исследователь архитектуры, он сошелся в Риме с Институтом археологической корреспонденции (Istituto di Corrispondenza Archeologica), имевшим помещение на Капитолии и принадлежавшим до последних десятилетий прусскому правительству. Здесь завязались его близкие отношения к руководителям этого Института: Эм. Брауну, Генриху Брунну, Вильгельму Генцену, Вольфгангу Гельбигу и др. На страницах ученых изданий этого института печатались им итальянские исследования, посвященные архитектуре классических народов.

Занимавшись много в своей жизни измерением и реставрацией античных сооружений религиозного и мирского назначения как в Греции, которую посетил и изучал он на средства, дарованные ему покойной Императрицей Александрой Федоровной в 1857 году, так и в Италии, он завещал капитолийскому Институту издать на проценты оставленного им на пользу науки значительного капитала библейские композиции брата его, Александра Иванова, и его собственные архитектурные реставрации. При этом в духовном завещании поставлено было еще и следующее распоряжение: «Музею изящных искусств в Москве (которому принадлежит последняя картина моего брата) отказываю *все подлинные рисунки* произведений моего брата, как равно и мои архитектурные реставрации, однако, не ранее издания оных в свет, почему следует приложить величайшее старание, чтоб они не были повреждены во время их гравирования. Также отказываю означенному Музею мраморный бюст моего брата и все письма и автографы, которые окажутся в моей квартире»\*.

На основании этого духовного завещания, в феврале месяце сего [1893] года Московским Публичным музеем получены были из-за границы библейские

---

\* Архив Моск[овского] Публ[ичного] и Рум[янцевского] музеев № 243 за 1877 год: официальный перевод духовного завещания, писанного по-итальянски.

рисунки Александра Иванова и с тех пор они служат здесь любознательности всякого желающего.

По поводу этого-то дара на страницах «*Московских ведомостей*» (№ 154) г. А.Н. напечатана была статья под вышеуказанным заглавием. Этот беглый и очевидно с большою поспешностию набросанный фельетон заключает в себе много фактических неточностей и суждения, не оправдываемые настоящим положением дела. К исправлению некоторых из них и служат нижеследующие строки.

Сначала мы остановимся на замечаниях г. А.Н. об этюдах и рисунках Александра Иванова, уже давно хранимых названным Музеем.

## I

«Все этюды и бoльшая часть рисунков нашего знаменитого художника, – говорит автор, – тотчас же по смерти его брата были переданы М.П.Боткиным в Румянцевский музей. *Все они долгое время лежали там ни для кого не доступными* в Кабинете изящных искусств». Эти слова г. А.Н. только доказывают, как недостаточно он знаком с историей затронутого им вопроса.

Автор не знает, что много лет тому назад, немедленно по получении этого дара в Музее, произведена была, по приглашению директора Музеев В.А.Дашкова, сначала покойным профессором Московского университета К.К.Гёрдцем и потом главным образом профессором живописи М.П.Боткиным\*, близким другом завещателя, самая тщательная сортировка бумаг и рисунков братьев Ивановых, в том числе и этюдов Александра Иванова, относящихся к картине «*Явление Мессии народу*», и экземпляры наиболее ценные и лучше других сохранившиеся были частью развешаны по стенам, рядом с самою картиной, частью разложены в витринах той же залы. С тех пор они находятся у всех посетителей Музея пред глазами, и едва ли между ними есть хотя один, который, обозревая колоссальную картину А.А.Иванова, не остановил бы своего внимания и на этих витринах и на этих картинах, имеющих непосредственное отношение к главному созданию этого художника.

Как же просмотрел их существование в этой зале только один г. А.Н.\*\*?

## II

После сказанного выше, рассуждение г. А.Н. о *всех* этих этюдах и рисунках оказывается совершенно несоответствующим действительности. Но и

\* См.: *Отчет Моск[овского] Публ[ичного] и Румянц[евского] музеев за 1876 – 78 гг.*, стр. 132 и след.

\*\* Г. А.Н. плохо считается не с одними памятниками искусства, но и с письменными документами. Он приводит будто точный перевод духовного завещания, отмечая этот текст знаком « » – и что же оказывается в действительности? Наш автор перепутал даже цифру капитала, оставленного в пользу науки, не упомянул о разделе пользования процентом с него между нашею Академией наук и капитолийским Институтом и пр. А всё это узнать было бы так легко в Архиве Московского Публичного и Румянцевского музеев.

остальные этюды А.А.Иванова, помещенные в шкафах Отделения гравюр и рисунков Музея, никоим образом *не* «лежали там никому не доступными в Кабинете изящных искусств» (кстати сказать, в действительности такого «Кабинета изящных искусств» в Музее не существует). И при профессоре К.К.Гёрге, прежнем хранителе Музея, всякий серьезный любитель художеств находил к ним легкий доступ; нам самим пришлось знакомиться с этими листами и полотнами под его любезным руководством в том же самом месте, куда и позднее приходили художники, любители искусств и собиратели художественных коллекций – москвичи и приезжие. Сколько оживленных утр провели здесь академик Н.С.Мосолов, московские коллекционеры Н.В.Баснин, С.С.Шайкевич, Рошфор, живописец А.Д.Чиркин, П.В.Преображенский – в зимние месяцы 1883 – 1888 годов, во время дружных занятий разборкой и описанием гравюр и рисунков нашего Музея! Бывали здесь и многие посторонние лица, как фотографы, так и ученики Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Много раз по зимам посещали этот отдел Музея и рассматривали здесь наравне с прочим и этюды братьев Ивановых и студенты историко-филологического факультета здешнего Университета под нашим личным руководством, после лекций по истории искусств, читавшихся нами в Музее.

Так это было в действительности, и потому заявление г. А.Н. о совершенной недоступности этюдов Иванова в течение долгого времени является для людей, знающих порядки Музея, ничем не объяснимым сюрпризом.

Ниже г. А.Н. говорит о печатающемся теперь «Опыте биографии Александра Андреевича Иванова», принадлежащем, насколько нам известно, перу почтенного А.П.Новицкого, помощника библиотекаря Российского Исторического музея. Пусть же г. А.Н. справится у А.П.Новицкого о том, как широко до сего дня ему открыты все художественные коллекции и рукописные собрания Московского Публичного и Румянцевского музеев вот уже в течение нескольких лет его работы над этою темой, а равно и во время издания им «Русского художественного архива», обязанного многими превосходными материалами, между прочим, и коллекциям этих музеев. Ему лучше других знать, могла ли бы составить его книга об Иванове и украсил ли бы он ее многочисленными художественными приложениями и иллюстрациями без содействия Московского Публичного и Румянцевского музеев; ему, без сомнения, хорошо известна всегдашняя готовность администрации их служить истинным интересам не только ученых и художников, но и простых посетителей.

Эта-то доступность Отделения гравюр и рисунков, в котором хранились и этюды Иванова, всякому *серьезному* запросу и исканию и вызвала денежный дар, принесенный Музею К.С.Поповым на приведение в должный вид занимающих нас работ этого художника: на очистку их от приклеившихся к ним в дороге от Рима до Москвы – вследствие чрезмерно плотной упаковки – свежих

газетных листов, которыми они были, к сожалению, переложены, на монтирование этих рисунков на картон, на стекла для более ветхих из них и на приличные рамы для всего количества этюдов. Эта-то доступность была причиной и того, что художник А.Д. Чиркин, ознакомившись с содержанием этой коллекции, изъявил желание безвозмездно принять на себя руководство этим делом, которому и посвятил целую зиму. Для смывки газетных чернил, врезавшихся в живопись, и для других работ приглашен был г. Нерво, единственный тогда человек в Москве, который вместе с г. Чиркиным взялся за это хлопотливое дело. Работа шла очень медленно и ведена была со всюю осторожностью, которой требовала важность этого кропотливого дела.

Само собой разумеется, что никакая реставрация, о которой почему-то толкует г. А.Н., не коснулась *ни одного* рисунка А.А.Иванова.

Правда, Московскому Публичному музею для приведения этих рисунков в настоящий вид пришлось долгое время ждать посторонней денежной помощи, но в этом администрация не виновата.

### III

Неосновательным является и сетование г. А.Н. на то, что рисунки и этюды Иванова теперь «выставлены в верхних залах галереи». Они стоят здесь, потому что в нижних залах *нет места* для такого количества рам. А на нет и суда нет. Музей, конечно, с радостью включил бы в число своих благотворителей того, кто доставил бы ему средства для расширения своих теперь и очень тесных и часто неудобных помещений\*.

Но и при свободном месте еще остается вопросом, было ли бы в художественном отношении целесообразно помещать рядом со знаменитою картиной Иванова *все* этюды и наброски, к ней относящиеся. Такого сопоставления мы не встречаем ни в одной картинной галерее, ни отечественной, ни иностранной. Да ни один художник не позволил бы сделать это со своим произведением, подобно тому как не захотел бы ни один писатель печатать одновременно с последнею редакцией своего сочинения и все те переделки и поправки текста, к которым он прибегал в своей черновой работе. Когда пронесся было, года три, четыре тому назад, по Москве слух, что все этюды Иванова будут собраны из частных рук и помещены рядом с его картиной, то нам пришлось от весьма компетентных лиц услышать веские возражения против такого сопоставления этого

---

\* Так, администрация Музея озабочена, например, вопросом о симметричном и научно-правильном размещении картин, но различные, чисто местные, условия являются тому препятствием. Только что поступившее пожертвование г. Корнилова и имеющий поступить в следующем месяце большой дар Н.П. Колопанова заставляют произвести общую перестановку картинной галереи. Чтобы лучше утилизировать место, предполагается просить об участии в этом специальном деле лучших наших художников, живущих в Москве, и более известных коллекционеров. От некоторых из них уже получено нами любезное согласие.

длинного ряда отдельных ног, рук, спин, шей, затылков, торсов, разных поворотов голов и т.д. – всего, над чем столь удивительно много и с таким удивительным терпением работал покойный Иванов, этот истинный мученик задуманной им идеи.

Не знаем, что заставило г. А.Н. выразить свое неудовольствие по поводу нынешнего помещения этих рисунков. Если его особенно интересует процесс создания картины «*Явление Мессии народу*», то для него совершенно достаточно уже и того, что очень большое число этих этюдов собрано в одном здании. Перейти из одного этажа в другой не составит ни для кого никакого труда.

Но и независимо ото всего этого, соединение всех этюдов рядом с самою картиной нежелательно и потому, что ивановские рисунки, изображающие отдельные органы действующих лиц композиции, интересуют, как показывает опыт, исключительно молодых, только начинающих живописцев, учеников рисования. Они делают их в Музее предметом своих особых, специальных студий, предметом самого точного подражания. Скучение в одной зале всех копирующих учеников с их холстами, мольбертами и платформами разных высот и размеров лишило бы публику возможности спокойно рассматривать как картину Иванова, так и другие картины новых мастеров русской школы. Совсем иное дело в верхнем этаже Музеев: там собраны лишь копии произведений иностранных школ; публики там бывает обыкновенно очень мало, и потому рисующая молодежь никого тут не стесняет, никому не мешает и, с другой стороны, сама может работать спокойно, без неизбежного рассеяния при стечении посетителей.

Пусть не думает г. А.Н., что при размещении этих рисунков в Музее играла роль только простая случайность или, еще того хуже, необдуманность администрации.

#### IV

Неверно сообщение г. А.Н., что «Прусский» археологический институт (автору, очевидно, неизвестно, что никакого «Прусского» археологического института теперь не существует, а есть Императорский Немецкий археологический институт – Kaiserlich Deutsches Archäologisches Institut – с двумя отделениями в Риме и Афинах), по окончании издания рисунков А.А.Иванова *в 1882 году* (?!), «перешел затем к рисункам Сергея Иванова». По этим словам можно подумать, что уже с лишком десять лет продолжается издание архитектурных композиций брата знаменитого живописца. На деле же оказывается, что лишь в прошлом году появились два первые выпуска этой роскошной публикации рисунков с кратким биографическим очерком нашего художника, составленным Алек. Конце и кратким объяснительным текстом Рихарда Бона и переводом (правда, очень плохим и местами очень смешным) немецкого текста на русский язык: «Архитектурные исследования Сергея Андреевича Иванова, с пояснительным словом Рихарда Бона. Издано Императорским Германским археологическим институтом. Берлин, 1892 – Architectonische Studien von Sergius Andrejewitsch

Iwanoff. Mit Erläuterung von Richard Bohn herausgegeben vom Kaiserlich Deutschen Archäologischen Institut. Berlin, 1892».

Если бы г. А.Н. серьезнее ознакомился с тем, о чем он пишет для печати, то мог бы рассмотреть оба эти выпуска в том самом учреждении, против которого он теперь выставляет свои неосновательные упреки. Если бы г. А.Н. придавал более значения своим печатным словам, то он наверное постарался бы узнать точнее, *когда* окончен печатанием и *когда* появился в продаже 14-й и последний выпуск издания: Alex. Iwanoff, Darstellungen aus der Heiligen Geschichte. Пусть он должным образом справится на этот счет *хотя теперь* и, на основании новых данных, произведет новую математическую выкладку. Тогда он и сам увидит всю необдуманность своей фразы: «Больше *десяти лет* (!) дожидалась Москва получения завещанных ей рисунков А.А.Иванова» – фразы, которую он так решительно открывает свою статью; тогда и сам он убедится, что *напрасно* повторил он ту же мысль в словах: «таким образом рисунки должны были находиться у нас в Музее уже с 1882 года, но Музей не только не имел до сих пор оригиналов, но у него не было даже и этого издания», и т.д.

Смеем уверить г. А.Н., что эти рисунки А.А.Иванова *не должны были находиться* у нас, в Музее, уже с 1882 года и что, если бы «Москва» тогда предъявила свои «требования» к Императорскому Немецкому археологическому институту, то она этим только бы себя скомпрометировала бы и рисунков в ту пору не получила бы.

Мы не говорим уже о том, что и появление 14 выпуска ивановских «Darstellungen» *в конце 1887 года* (а не в 1882 году, как утверждает г. А.Н.) еще несколько не уполномочивало администрацию Музея начинать переписку об оригинальных рисунках в ближайшее за тем время. За этим выпуском ведь могли появиться приложения в форме исправлений и дополнений. Известно, что издание ивановских библейских иллюстраций, при всей своей роскоши, не удовлетворило ценителей, знавших оригиналы близко: могло случиться, что Немецкий археологический институт пришел бы к мысли переиздать некоторые рисунки, хуже других удавшиеся.

Мы не знаем, насколько г. А.Н. знаком с техникой издания художественных хромолитографий; но администрации Музея хорошо известно, что такого рода таблицы берут очень много времени, и целые годы проходят в подготовке нескольких таблиц по разным, часто от заказчика не зависящим, причинам и против его воли. Зная это, администрация Музея не считала себя вправе назойливо вмешиваться в дело чужое, дело домашнее Императорского Немецкого археологического института\*.

---

\* Не может принять Московский Публичный музей и упрека г. А.Н. в том, что у него до сих пор нет издания библейских композиций А.А.Иванова. Издание это *стоит несколько сот* рублей, и, по недостатку материальных средств Музея, у нас нет его, как и весьма многих других иностранных изданий.

## V

Г. А.Н. неизвестно, что для Немецкого археологического института издание архитектурных рисунков Сергея Иванова было предметом обсуждений еще в последние два года и что результаты этих совещаний печатались своевременно в археологической литературе. Эти-то первые печатные известия о готовящемся издании архитектурных композиций Сергея Иванова – вместе с просьбами и советами друзей Музея – и послужили для администрации основанием к заключению, что для Немецкого археологического института надобность в оригиналах библейских рисунков Александра Иванова должна была миновать, и что именно теперь настало, может быть, надлежащее время *ходатайствовать* чрез Министерства народного просвещения и иностранных дел о получении этих оригиналов в собственность московского «Музея изящных искусств», как сказано в духовном завещании Сергея Иванова.

## VI

Резким противоречием действительности звучит выражение г. А.Н.: «наконец, в *нынешнем году*, Румянцевский музей *вспомнил* об этом роскошном даре и *потребовал* (!) рисунки от “Прусского” археологического института, который и прислал их немедленно». Начать с того, что переписка Музея с подлежащими правительственными сферами начата 22 января 1892 года, что этому предшествовало неоднократное обсуждение вопроса и наведение справок в разных местах и у разных лиц, а это падает уже на 1891 год. Переписка с правительственными сферами Петербурга и дипломатические сношения с Берлином и Римом заняли более года.

Зачем же г. А.Н. понадобилось докладывать читателю, что только в *нынешнем году* Музей *вспомнил* об этом даре? Вспоминать Музею об этом было нечего, потому что он никогда *не забывал* о данном ему праве на владение оригиналами ивановских рисунков, с окончанием надобности в них для Немецкого археологического института. Пусть г. А.Н. справится об этом у почтенного А.П.Новицкого, с которым уже несколько лет тому назад (когда он занимался еще составлением книги о Картинной галерее Московского Публичного музея, а равно и после) пишущий эти строки *не раз* беседовал об этом праве. Три года тому назад нам приходилось вести о том же самом предмете переговоры с московским фотографом К.А.Фишером, взявшим на себя художественную часть и все издержки по изданию книги г. Новицкого об Иванове. И если до января *минувшего* года администрация Музея не начинала вышеуказанного *ходатайства*, то единственно потому, что Немецкий археологический институт тогда еще не выпускал издания архитектурных рисунков Сергея Иванова.

В сношениях Музея по этому вопросу возможны были только *ходатайства*, а никак не «требования», потому что Императорский Немецкий археологический

институт, следуя тексту духовного завещания Сергея Иванова, обязан был вернуть все художественное наследие братьев Ивановых московскому Музею только по окончании всего издания вверенных ему рисунков. Издание же этого наследия им продолжается до сего дня и будет продолжаться и еще некоторое время, – и до момента завершения последнего листа и юридическое, и фактическое обладание рисунками принадлежит несомненно названному Институту. Так понимал и понимает и сам Институт смысл и букву текста духовного завещания, совсем не говорящего о передаче рисунков московскому Музею *по частям*. И если Институт согласился переслать нам библейские композиции Александра Иванова теперь, то это должно быть понимаемо только как *любезность* с его стороны. За любезности обыкновенно благодарят, но «требовать» их никто не вправе.

Администрация Московского Публичного музея, хорошо зная текст хранящейся у нее копии духовного завещания Сергея Иванова, не считала пристойным предъявлять какие бы то ни было «требования» к правительственному учреждению Германской империи, действовавшему на законном основании, не считала уместным начинать ходатайство и пред Министерством народного просвещения, прежде чем явился для того благовидный предлог. Этим же предлогом явилось начало работ Немецкого археологического института над изданием архитектурных рисунков Сергея Иванова.

Проф. И.ЦВЕТАЕВ

Московские ведомости. 1893. 7 июля. № 184. С. 3–4.

3

[ОБРАЩЕНИЕ СОВЕТА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА  
К СТУДЕНТАМ. 25 ФЕВРАЛЯ 1901 Г.]

Профессора Университета (И.Н.Новоцкий, В.И.Герье, И.Ф.Клейн, Н.В.Бугаев, А.Д.Булыгинский, А.М.Макеев, Д.Н.Зернов, И.И.Нейдин, А.П.Лебедев, Н.А.Умов, В.О.Ключевский, Н.А.Елеонский, И.В.Цветаев, В.С.Богословский, А.Б.Фохт, К.А.Андреев, В.Ф.Снегирев, граф Л.А.Камаровский, Д.Я.Самоковасов, А.И.Кирпичников, Ф.Ф.Фортунатов, А.П.Сабанеев, П.Н.Мрочек-Дроздовский, В.Ф.Миллер, И.Т.Тарасов, Р.Ф.Брандт, А.С.Алексеев, Д.Н.Анучин, А.П.Соколов, Н.Е.Жуковский, Ф.И.Синицын, Г.Е.Колоколов, А.П.Павлов, А.А.Тихомиров, В.К.Цераский, П.Э.Соколовский, Е.А.Нефедьев, С.Ф.Бубнов, Л.М.Лопатин, В.Д.Шервинский, Н.Н.Любавин, В.А.Тихомиров, Н.Ф.Филатов, Н.Ю.Зограф, М.В.Духовской, Н.С.Суворов, Б.К.Младзеевский, К.М.Павлинов, П.М.Попов, С.И.Соболевский, Л.А.Кассо, М.И.Соколов, Н.С.Корсаков, А.А.Крюков, Н.Ф.Голубев, Н.А.Ми-



тропольский, Н.Д.Зелинский, П.И.Дьяконов, Л.З.Мороховец, М.Н.Никифоров, И.К.Спижарный, В.К.Рот, А.К.Лахтин, К.Ф.Клейн, А.П.Губарев, В.И.Вернадский, В.М.Хвостов, Р.Г.Виппер, Э.Е.Лейст, П.Н.Лебедев, князь С.Н.Трубецкой), собравшись в экстренных заседаниях 24 и 25 февраля, постановили обратиться к студентам со следующим воззванием:

«Когда в семье случается горе, обязанность старших стать на страже семьи и дать свой совет. Поэтому мы, профессора, Ваши учителя, друзья и товарищи по научной работе, считаем долгом обратиться к Вам с советом и просьбой.

Чтобы выйти из тяжелого положения, нужны самообладание и вера во всепобеждающую силу истины. Первое необходимо для того, чтобы точно распознать правый путь от ложного, второе – чтобы уничтожить в себе уныние духа. Проникнитесь этими двумя началами и выслушайте нас, как людей опытных, проводивших десятки лет в стенах Университета, дорожащих честью и достоинством его и любящих Вас.

Вас запутывают, обманывают и намеренно ухудшают Ваше и без того нелегкое положение.

Люди, непричастные к интересам науки и Университета, навязали Вам новое, несвойственное студенту слово и деяние "забастовка", – то есть заставили Вас смотреть на Университет как на учреждение фабричное, а не научное, чтобы таким образом стереть самое название Университета. Вдумайтесь в такое положение дел и скажите по совести, возможно ли подобное отношение к Университету со стороны людей, посвятивших себя изучению науки? Достойно ли это сынов русского народа, – народа, который последние крохи свои отдает на Ваше научное воспитание? Итак, это путь ложный и опасный. Этим путем уже достигнуты "Временные правила"; теперь Вам предлагают идти тем же путем, то есть несомненно стремятся ухудшить еще больше Ваше положение. Вам устраивают сходки, и на эти сходки приглашают людей совершенно чуждых Университету; частное явление Университетской жизни стремятся раздуть в общий пожар. В Вас будят страсти, сообщая Вам ложные сведения, соблазняя Вас мыслью, что в Вашем деле принимают участие все учебные заведения и само общество, называя такие факты "грандиозными манифестациями". Вам печатают и рассказывают о вымышленных злодеяниях, которые возбуждают ужас и трепет. В Вашу Университетскую семью завлекают доверчивых и сострадательных женщин, нервность и возбудимость которых еще более смущает и волнует Вас. Вывешивают плакаты с надписью: "Требуем отмены «Временных правил»", – хорошо сознавая, что требование равносильно приказу, и тем отрезывая Вам путь к отступлению. В Вас будят чувство жалости и негодования, смущая Вас перспективой нагайки, и всё это совершают люди, не имеющие, может быть, никакой связи ни с Вами, ни с Университетом, ни с наукой.

Университет становится злосчастной отдушиной, через которую люди всех рангов и сословий стараются пропустить свое недовольство, будет ли то недовольство политическое, экономическое, социальное и т.д.

Университет находится в осаде. Как же выйти из этого положения? Забудем слово “забастовка” и никогда не применим его в стенах Университета. Выйдем из тяжелого положения путем точного исследования фактов – единственно верным путем. Но для этого необходимо, чтобы жизнь Университета не прерывалась, и занятия шли ненарушенными; только при этом условии и при полном доверии с Вашей стороны профессора получают возможность содействовать приведению в порядок столь осложненного университетского дела. Мы просим Вас, продолжайте Ваши занятия».

Московские ведомости. 1901. 26 февраля. № 56. С. 4.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Т.е. Петровичей. Архаическая форма отчества – Иванов, Никитин и т.п. – сосуществовала с формой, заканчивающейся на -ич, вплоть до 1917 г.

<sup>2</sup> Статья представляет собой исправленный и почти вдвое увеличенный вариант текста напечатанной на полгода раньше брошюры Цветаева «Комитет для устройства в Москве Музея античного искусства» (цензурное разрешение брошюры – 20 марта 1893 г.). В свою очередь, отдельные формулировки из статьи дословно повторены в «Записке», приложенной к первому письму Цветаева Нечаеву-Мальцову от 24 апреля 1897 г. и с небольшими изменениями изданной в начале 1898 г.

<sup>3</sup> Поступление не состоялось.

<sup>4</sup> Речь идет о библиотеке К.Я.Люгебиля.

<sup>5</sup> Этот цикл статей продолжен не был.

<sup>6</sup> *Лепешкин Семен Васильевич*, благотворитель, основатель первого студенческого общежития в Москве; в начале 1894 г. пожертвовал 500 руб. на слепки 11 рельефов, заказанных в Лондоне.

<sup>7</sup> *Баранов Иван Александрович* (1863–1920-е), крупный московский мануфактурист, благотворитель, в 1898 – 1917 гг. почетный попечитель Промышленного училища, в дальнейшем сотрудник Исторического музея. В 1894 г. пожертвовал на слепки 1000 руб., впоследствии подарил Музею изящных искусств скрипку Страдивари, переданную Цветаевым в Консерваторию.

<sup>8</sup> Обещанные пожертвования М.Н.Барановой и М.С.Комиссарова (100 и 200 руб.) поступили лишь 3 года спустя, в 1897 г.

<sup>9</sup> Дочь Л.С.Полякова. Пожертвовала деньги на слепок Афродиты Милосской.

<sup>10</sup> *Маковский Владимир Егорович* (1846–1915), художник-жанрист. Реального участия в делах Музея не принял, в том же 1894 г. переехав в Петербург в связи с избранием на должность профессора Высшего художественного училища Академии художеств. Пожертвование от сахарозаводчика Павла Ивановича Харитоненко осталось лишь обещанием.

<sup>11</sup> *Мамонтов Савва Иванович* (1841–1918), железнодорожный деятель и знаменитый меценат, сумел оказать Музею поддержку лишь своим именем, вступив в 1898 г. в число членов- учредителей Комитета; в 1899 г. Мамонтов, как известно, был разорен.

<sup>12</sup> Речь идет о докладе Цветаева, которым на следующий день, 24 апреля 1894 г., открылось первое рабочее заседание съезда.

<sup>13</sup> См. ил. 62, 63.

<sup>14</sup> С осени 1897 г. по совету Г.Трея отдельный зал Мирона и Поликлета был исключен из проекта.

<sup>15</sup> Благотворительница, мать одного из друзей Цветаева, Н.М.Горбова, гласного Городской Думы; осенью 1894 г. пожертвовала на слепки 1000 руб.

<sup>16</sup> Это пожертвование Университету не состоялось: Цветковская галерея вместе с собственным зданием была в 1909 г. подарена городу Москве.

<sup>17</sup> Великий князь Константин Константинович упомянут, по-видимому, в связи с переговорами о получении предметов из музея возглавлявшейся им Академии наук.

<sup>18</sup> Академик архитектуры П.И.Залесский.

<sup>19</sup> Неточность Цветаева; в действительности – семи проектах.

<sup>20</sup> В перечень включены не все залы 1 этажа: не указаны оба крытых дворика, два запасных зала левого крыла здания, расположенные симметрично Аудитории, и помещение под Центральным залом. В результате последующих изменений проекта рядом с № 3 был сооружен еще один зал Греческой архаики такого же размера. № 4 в ходе строительства был превращен в зал Северного Возрождения.

<sup>21</sup> Первое число в скобках означает площадь помещения, второе – высоту, третье – объем.

<sup>22</sup> Центральный зал (№ 9) был выстроен не круглым, а трехнефным с двумя ярусами колонн. Рядом с № 13 был добавлен зал Греческих надгробий (в ризалите над входом в здание). № 14 и № 15 взаимно поменяли свое назначение. № 21 превратился в зал Микеланджело.

<sup>23</sup> Вестибюль в итоге оформлен в египетском стиле.

# ПРИЛОЖЕНИЕ II

## I

### ТАБЕЛЬ О РАНГАХ

Классы	Чины гражданские	Соответствующие чины		
		Военные	Морские	Придворные
1	Канцлер	Генерал-фельдмаршал	Генерал-адмирал	
2	Действительный тайный советник	Генерал от кавалерии Генерал от инфантерии Генерал от артиллерии <sup>1</sup>	Адмирал	Обер-камергер Обер-гофмаршал Обер-шталмейстер Обер-егермейстер Обер-гофмейстер Обер-шенк Обер-церемониймейстер <sup>2</sup> Обер-форшнейдер <sup>2</sup>
3	Тайный советник	Генерал-лейтенант	Вице-адмирал	Гофмаршал Шталмейстер Егермейстер Гофмейстер Обер-церемониймейстер Обер-форшнейдер
4	Действительный статский советник Обер-прокурор Герольдмейстер*	Генерал-майор	Контр-адмирал	
5	Статский советник			Церемониймейстер
6	Коллежский советник Военный советник	Полковник*	Капитан первого ранга*	
7	Надворный советник	Подполковник	Капитан второго ранга	
8	Коллежский ассесор	Майор <sup>1</sup> Капитан и (в кавалерии) ротмистр		
9	Титулярный советник**	Штабс-капитан и штабс-ротмистр	Лейтенант	
10	Коллежский секретарь	Поручик	Мичман	
11	Корабельный секретарь			
12	Губернский секретарь	Подпоручик и корнет		
13	Провинциальный секретарь Сенатский регистратор Синодский регистратор Кабинетский регистратор	Прапорщик** <sup>1</sup>	Прапорщик** <sup>1</sup>	
14	Коллежский регистратор			

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Каждое из этих трех званий в просторечии называлось также «полный генерал» и соответствует современному званию «генерал армии».

<sup>2</sup> То же звание имелось в 3 классе.

<sup>3</sup> Начиная с 1884 г. чин не присваивался

\* Низший из чинов, дававших (при получении их на действительной службе) потомственное – т.е. переходящее к потомкам – дворянство. (При выходе со службы в отставку по выслуге лет, как правило, присваивался очередной чин; в этом случае он не давал соответствующей привилегии.)

\*\* Низший из чинов, дававших (при получении их на действительной службе) личное дворянство.

*Титулование, соответствующее чинам Табели о рангах.*

1 и 2 кл. Высокопревосходительство.

3 и 4 кл. Превосходительство.

5 кл. Высокородие.

6 – 8 кл. Высокоблагородие.

9 – 14 кл. Благородие

Составлено по материалам Энциклопедического словаря  
«Брокгауз и Ефрон». Т. 32. СПб., 1901.

## 2

### ЧИНЫ, ЗВАНИЯ И ДОЛЖНОСТИ В РОССИИ РУБЕЖА XIX – XX ВЕКОВ

*Артельщик* – член какой-либо артели; в Москве этим словом чаще всего именовали носильщиков и грузчиков.

*Адъюнкт* (адъюнкт-профессор) – младший преподаватель научных дисциплин, помощник профессора. В цвѣтаевское время эта должность в российских университетах уже не существовала.

*Библиотекарь* – заведующий библиотекой; в больших библиотеках в его подчинении находились: помощники, заведующий и дежурные по читальному залу, работники каталога.

*Великий князь* – учрежденный в 1797 г. титул сыновей, братьев и, по мужской линии, внуков императоров (до 1886 распространялся также на правнуков и праправнуков). Соответственно, дочери, сестры и внучки императоров по мужской линии назывались великими княжнами; жены великих князей – великими княгинями.

*Генерал-адъютант* – генерал (т.е. лицо, имеющее военный чин с 4 по 2 класс), причисленный ко двору.

*Генерал-губернатор* – должность, относящаяся к XVIII в. и сохранявшаяся на рубеже XIX – XX вв. в виде исключения и по особым политическим соображениям в Московской и Киевской губерниях, а также на окраинах Российской

империи. Генерал-губернатор был высшим административным лицом и блюстителем порядка на соответствующей территории, в том числе с правом объявлять ее при необходимости в «положении усиленной охраны»; собственно же губернатор находился в его подчинении и был его заместителем на время отъездов.

*Гласный* – т.е. имеющий право голоса, депутат.

*Голова* (городской) – выборный градоначальник, председатель городской думы.

*Государственный контролер* – глава особого ведомства, Государственного контролера, в ранге министра.

*Действительный студент* – звание лица, окончившего университет без кандидатской степени (см. *Кандидат*); по университетскому уставу 1884 г. более не присваивалось.

*Директор* – в банках, торговых и промышленных фирмах, как правило, было несколько директоров одновременно.

*Доктор* – старшая ученая степень, выше магистра. В медицине – единственная ученая степень; врачи с высшим образованием, но без степени, носили официальное звание «лекарь».

*Доцент* – младший преподаватель научных дисциплин, не имеющий профессорского звания и получающий более низкое жалование; должность предполагала наличие магистерской степени, однако из-за отсутствия профессорских вакансий нередко исполнялась докторами (в этом положении был, например, И.В.Цветаев в 1877 – 1879 гг.). Уставом 1884 г. должность доцентов в российских университетах была отменена, преподаватели с учеными степенями переведены с нее в экстраординарные профессора, остальным предложено перейти на положение приват-доцентов.

*Заслуженный профессор* – см. об этом звании *Ординарный профессор*.

*Инспектор* – в некоторых учебных заведениях заместитель директора; в попечительствах учебных округов имелась должность инспектора казенных учебных заведений; в университетах – должность «инспектора студентов» – так назывался чиновник, имевший в подчинении надзирателей и отвечавший за явку студентов на занятия и на экстраординарные мероприятия (университетские акты, молебны и т.п.), а также за соблюдение ими порядка.

*Коммерции советник* – почетный титул для купечества, приравненный к 8-му классу государственной службы и дававший основания для причисления к потомственному почетному гражданству. Существовало также звание «мануфактур-советник», с тождественными правами.

*Кандидат* – младшая ученая степень, ниже магистра; говорили: «кандидат филологии», «кандидат прав», но чаще – «кандидат такого-то университета» или академии. (По университетскому уставу 1884 г. степень кандидата больше не присваивалась.)

*Купечество* – для ведения торговой, промышленной и банковской деятельности частным лицам вне зависимости от их сословной принадлежности необходимо было ежегодно получать соответствующее разрешение – «свидетельство», и быть приписанными к одной из купеческих гильдий какого-либо российского города; поэтому в списках купечества можно встретить также крестьян и дворян, в том числе весьма родовитых.

*Магистр* – ученая степень, предшествовавшая докторской; в медицине не присваивалась.

*Магистрант* – соискатель ученой степени магистра.

*Обер-офицеры* – совокупное название низших офицерских чинов, с 13 (12) по 9 класс; выше стояли так наз. штаб-офицеры.

*Ординарный профессор* – в России конца XIX – начала XX в. существовали два профессорских ранга: *ординарные* профессора (от лат. *ordinarius* – соответствующий обычным правилам, нормальный) и *экстраординарные* (стоящие вне общего ряда, дополнительные). Количество первых примерно соответствовало количеству факультетских кафедр: лишь в порядке специального исключения на одной кафедре могло быть два ординарных профессора. Для «замещения», т.е. занятия, кафедры требовалась докторская степень, но в случае длительной вакансии мог быть назначен и временно «исправляющий должность» ординарного профессора из числа лиц, еще только готовящих докторскую диссертацию; и наоборот, при отсутствии вакансии доктор наук мог оставаться всего лишь экстраординарным профессором. Экстраординарные профессора получали меньшее жалованье и обычно имели не докторскую, а только магистерскую степень. Сверх жалованья те и другие получали прибавку в виде гонорара, собираемого за обучение со студентов, – пропорциональную числу слушателей, записавшихся на курс того или иного профессора. Профессора избирались факультетом и утверждались вышестоящими инстанциями. По выслуге 25 лет по учебной части (сюда включалось преподавание не только в высших учебных заведениях, но и в гимназиях, а также то, что в наши дни называется «аспирантурой») профессор либо выходил в отставку, либо мог быть оставлен начальством еще на 5 лет на той же кафедре вне конкурса (что в дальнейшем обеспечивало ему большую пенсию). После 30 лет он считался «вышедшим за штат» и при наличии у него звания *заслуженного* профессора (присуждавшегося не ранее 25 лет учебной службы в университетах) сохранял за собой право на преподавание и кафедру, однако уже без жалованья от университета, живя на пенсию от министерства; университет мог за счет высвободившихся таким образом штатных сумм увеличить число своих экстраординарных профессоров. Заслуженные профессора после 30 лет обычно получали «полную» пенсию, т.е. равную их прежнему окладу вместе с «квартирными» и «столовыми» деньгами – 3 тыс. руб. в год.

В университетах были также просто «преподаватели», получавшие сравнительно немного: штатные и «сторонние». Из первых на историко-

филологическом факультете полагались 4 преподавателя: английского, немецкого и французского языков и ораторского искусства. Наконец, лекции читали и вели семинарские занятия также *приват-доценты* (от лат. *privatim docens* – обучающий частным образом). Как ясно из самого их названия, они не состояли в штате и жалованья не получали – только гонорары, причем обычно очень небольшие, так как вели в основном дополнительные (необязательные) и параллельные к основным занятия, собиравшие мало слушателей. Приват-доцентом того или иного университета могло быть любое лицо с высшим образованием, зарекомендовавшее себя в науке и утвержденное в этом звании после одной-двух пробных лекций: от аспирантов, которые тогда назывались иначе («оставленными при факультете для приготовления к профессорскому званию» или «магистрантами», т.е. готовящими магистерскую диссертацию), до академиков (например известный математик Н.Я.Сонин, будучи академиком и попечителем учебного округа, одновременно являлся приват-доцентом Петербургского университета). По Уставу российских университетов (1884) на историко-филологическом факультете полагалось 11 ординарных профессоров, 5 экстраординарных, 4 лектора-преподавателя и рекомендовалось иметь 15 приват-доцентов. В реальности ординарных профессоров на указанном факультете в Москве иногда оказывалось меньше, экстраординарных – зачастую больше, и даже намного, а число приват-доцентов колебалось от 25 до 40.

*Письмоводитель* – старший чиновник небольшой канцелярии, выше, чем просто писарь; секретарь.

*Помощник* (попечителя учебного округа, ректора, секретаря Комитета) – заместитель. Помощник ректора, как и сам ректор (или как деканы), обязательно был из числа профессоров того или иного факультета и получал специальное жалование в дополнение к профессорскому.

*Попечитель* (учебного округа) – высший начальник учебных заведений ведомства народного просвещения на территории соответствующего округа (подробнее см. прим. к письму 1). Не путать со званием «почетного попечителя» того или иного среднего учебного заведения: почетный попечитель – это избравшийся на 3 года благотворитель, бравший на себя заботу о материальном благополучии учебного заведения и общий надзор за его деятельностью.

*Потомственный дворянин* – кроме старого, родового дворянства, в России существовал довольно большой разряд лиц, получавших дворянское звание за заслуги: вследствие ли достижения соответствующих чинов на государственной, в том числе и ученой, службе (см. выше примеч. к Табели о рангах) или награждения некоторыми орденами или же в виде специального пожалования. Крупные промышленники, купцы и финансисты, не состоявшие на государственной службе, также имели возможность заслужить дворянское звание – Впрочем, большинство их к этому не стремилось. В зависи-



мости от степени заслуг различалось дворянство личное – т.е. еще не распространяющееся на потомков, и потомственное. Дворяне по рождению, разумеется, также являлись потомственными, тем не менее это слово обычно применялось к новым дворянам: первого и второго поколения.

*Погетный гражданин* – высшее купеческое звание; различалось личное почетное гражданство и, при более высоких заслугах, потомственное. Не путать со званием почетного гражданина такого-то города.

*Предводитель дворянства* – (уездный и губернский). Выборный глава дворянского сословия (дворянского общества) данной территории.

*Приват-доцент* – см. *Ординарный профессор*.

*Секретарь*: Секретарь факультета – штатная должность в университетах, фактически – заместитель декана; профессор, избираемый на определенный срок для ведения всей переписки и протоколов заседаний факультета и получавший за это специальное жалование. Секретарь того или иного общества, комитета – лицо, выбранное на эту должность, обязано было безвозмездно выполнять аналогичные функции, а также составлять и редактировать отчеты и печатные издания общества и комитета. Секретарь Совета университета или Правления университета – оплачиваемая чиновничья должность, исполняемая лицами не из числа профессоров.

*Советник правления университета* – проректор по хозяйственной и строительной части; должность, по уставу 1884 г. предусмотренная только в Московском университете.

*Солдаты* – слово, нередко употреблялось в значениях «сторож», «служитель», «чернорабочий, грузчик». Это связано с особенностями царской армии, финансирование которой никогда не было достаточным, так что командиры постоянно посылали не менее половины рядового состава на заработки для роты или полка (см.: «Воспоминания военного министра» Редигера. Т. 1. С. 499–500).

*Сотрудник* – внештатный работник, оказывающий учреждению услуги (в печатных органах за гонорар, в других учреждениях бесплатно, в порядке благодарительности).

*Старшина купеческого сословия* – выборный глава купечества того или иного города.

*Товарищ (министра, председателя)* – то же, что по нынешней терминологии заместитель.

*Унтер-офицеры* – низшие командиры, не имеющие офицерского звания: подпрапорщики, фельдфебели и собственно унтер-офицеры.

*Ученый инженер* – ученое звание в области техники, присваивавшееся по защите диссертации. Примерно соответствует нынешнему званию доктора технических наук. Ученых званий кандидата, магистра и доктора в технике не присваивали.

*Цесаревич* – официальное наименование наследника царского престола.

*Штаб-офицеры* – офицерские чины от капитана до полковника.

*Экстраординарный профессор* – см. *Ординарный профессор*.

## УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТОВ, ЦИТИРУЕМЫХ В ПИСЬМАХ И.В.ЦВЕТАЕВА

- |   |   |
|---|---|
| Лист Г.А. – Цветаеву И.В.<br>10 марта 1900 г. – 176–177 | Помяловский И.В. – Цветаеву И.В.<br>20 ноября 1898 г. – 101 |
| Лист Г.А.– Цветаеву И.В.<br>16 марта 1900 г. – 177      | Скребицкий А.И. – Цветаеву И.В.<br>Декабрь 1900 г. – 231    |

## УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТОВ, ЦИТИРУЕМЫХ ИЛИ ПУБЛИКУЕМЫХ ПОЛНОСТЬЮ В КОММЕНТАРИИ

- |  |  |
|--|--|
| Н.П.Боголепов – Ю.С.Нечаеву-Мальцову<br>22 апреля 1897 г. – 344  | 26 мая 1895 г. – 384–385, 417<br>15 февраля 1897 г. – 355<br>[Март 1897 г.] – 351  |
| Г.А.Лист – в Строительную комиссию<br>20 ноября 1899 г. – 437  | 15 ноября 1898 г. – 383<br>3 августа 1900 г. – 460<br>24 марта 1902 г. – 505   |
| П.А.Некрасов – И.В.Цветаеву<br>2 апреля 1899 г. – 405  | 24 июля 1906 г. – 356–357  |
| И.И.Рерберг. Воспоминания<br>[1932] – 412, 423   | И.В.Цветаев – С.И.Щегляеву<br>24 апреля 1900 г. – 452  |
| Д.В.Цветаев – И.В.Цветаеву<br>25 декабря 1900 г. – 475   | И.В.Цветаев. Дневник<br>12 марта 1898 г. – 370<br>2 июля 1898 г. – 369<br>4-6 июля 1898 г. – 374–377<br>5 ноября 1898 г. – 384<br>11 ноября 1898 г. – 388<br>28 ноября 1898 г. – 386–387,<br>388–389 |
| И.В.Цветаев – В.К.Истомину<br>6 февраля 1902 г. – 504  | 14 декабря 1898 г. – 390<br>18 декабря 1898 г. – 397<br>29 декабря 1898 г. – 392–393<br>11 января 1899 г. – 395<br>13 января 1899 г. – 395<br>26 января 1899 г. – 396–397                            |
| И.В.Цветаев – Р.И.Клейну<br>15 мая 1897 г. – 359<br>11 сентября 1897 г. – 359<br>19 ноября 1897 г. – 361<br>7 августа 1899 г. – 425<br>15 апреля 1902 г. – 510 | 8-9 февраля 1899 г. – 397–400<br>10 февраля 1899 г. – 400<br>27 апреля 1899 г. – 354<br>7 апреля 1900 г. – 447–452   |
| И.В.Цветаев – В.Ф.Миллеру<br>4 декабря 1898 г. – 512–513   |  |
| И.В.Цветаев – В.И.Модестову<br>23 августа 1893 г. – 357<br>1 ноября 1893 г. – 349<br>21 марта 1894 г. – 349<br>12 июня 1894 г. – 350                           | М.А.Цветаева – П.А.Некрасову<br>8 марта 1896 г. – 406  |

## ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ\*

### ПРОЕКТИРОВАНИЕ, СТРОИТЕЛЬСТВО И ОБОРУДОВАНИЕ Музея изящных искусств

- Антиквариум (отделение древностей) – 79, 153, 154, 169, 186, 188, 192, 195, 196, 254, 259, 529, 552, 556, 559 – 563, 572, 199, 247, 252, 260, 261, 264, 268, 276, 283, 289, 328, 394, 416, 423
- Ассирийский зал – 99, 109, 120, 385, 410, 549, 556, 559, 561, 562, 572
- Асфальтовые работы – 298
- Аудитория – 80, 127, 130, 195, 258, 459, 530, 550, 556, 559–563, 572, 583
- Базы колонн – 93, 94, 169, 261, 273
- Барабаны колонн, полуколонн – 93, 144, 328
- Барельефы – 197
- Бетонные работы – 124, 298
- Библиотека – 79, 130, 162, 238, 427, 529, 543, 550, 555, 556, 559, 562, 572
- Бут – 116, 125, 383
- Венеры Милосской и Лаокоона зал – 441, 572
- Вестибюль – 98, 385, 450, 556, 557, 583
- Вестибюль аудитории – 195, 258, 459
- Водопровод и канализация – 276, 298
- Возрождения и Новых времен зал – 556, 572
- Возрождения Итальянского зал (XVI в., Микеланджело) – 420, 424, 432, 583
- Возрождения Итальянского залы – 139, 249, 280, 283, 339, 561
- Возрождения Северного зал (искусства Германии и Франции XV–XVI вв.) – 415, 436, 583
- Второй этаж – 87, 88, 141, 194, 210, 258, 267, 484, 561, 563, 570–572
- Высота здания – 559, 560
- Гранит, гранитные работы – 106–108, 110, 116, 126, 131–133, 140, 141, 146–148, 153, 154, 169, 186, 188, 192, 195, 196, 199, 247, 252, 260, 261, 264, 268, 276, 283, 289, 328, 394, 416, 423
- Греческих рельефов V и IV ст. до Р.Хр. зал (кабинет) – см. Древнегреческих надгробий V–IV вв. до н.э. зал
- Греческой архаики зал – 380, 508, 556, 559, 561, 572, 583
- Греческой скульптуры конца V в. до н.э. зал – 356
- Двери в залах – 118, 564, см. также: Портал Центрального зала
- Дворик Греческий (Античный) – 306, 425, 464, 467, 506
- Дворик Христианский – 252, 304, 421, 425, 505
- Дворики крытые – 45, 144, 339, 583
- Дворики (лоджии их) – 142, 144, 425
- Дирекции кабинет – 556, 559, 561, 563
- Доломит («коломенский мрамор») – 92–94, 96, 97, 100, 108, 110, 132, 148, 150–153, 165, 167, 182, 199, 233, 380, 397, 437, 438
- Дорическая отделка вестибюля – 385, 572
- Древнегреческих надгробий V–IV вв. до н.э. зал – 54, 372, 549, 556, 564, 572
- Древнейшей поры греческой скульптуры зал – 549
- Древнехристианского искусства и Средних веков зал – см. Средних веков зал
- Египетский зал – 88, 98, 104, 385, 404, 549, 556, 559, 561, 562, 572
- Железо – 132, 141, 147, 163, 276, 415, см. также: Перекрытия, Кровля (металлические конструкции)

\* Курсивом выделены страницы, относящиеся к комментариям.

- Живопись стенная в интерьерах – 104,  
105, 107, 240, 247, 248, 264, 280, 283,  
295, 325, 332, 339, 392, 395, 494, 500
- Закладка Музея – 77, 90, 92, 96, 100, 142,  
143, 157, 182, 363, 371, 378, 382, 383,  
387, 402, 432
- Запасные залы – 108, 583
- Земля для Музея – см. Колымажный двор
- Земляные работы – 90, 97, 107, 116, 124,  
131, 373, 378, 384
- Именные залы – 143, 170, 171, 425
- Истории живописи отделение, кабинеты –  
79, 550, 551, 553, 554, 556, 563, 567, 572
- Истории русского искусства отделение –  
549–551, 567
- Каменщики итальянские – 252, 257, 260,  
262, 267, 272, 276, 281, 283, 289, 303, 304,  
321, 323, 324, 328, 329, 331, 335, 460
- Камень облицовочный – см. Мрамор  
белый (уральский)
- Камень уральский – см. Мрамор белый  
(уральский)
- Капители – 93, 94, 142, 169, 277, 281, 307,  
324, 329
- Карнизы, «пояски» – 94, 197, 199, 262, 267,  
329
- Катакомба в Музее – 151, 153, 155, 353
- Квартира директора – 459
- Квартиры персонала – 127, 130, 195, 557, 560
- Кирпич – 95–97, 106, 116, 128, 132, 163,  
174, 175, 298, 383, 407
- Кирпичная кладка – 107, 116, 118, 125,  
129, 131, 141, 153, 173, 175, 188, 192,  
194, 212, 224, 306, 329, 330, 337, 383,  
460, 571
- Кирпичники – 124, 125, 173, 186
- Клозеты – 556
- Колонны внутренние – 363, 557
- Колонны главного фасада – 87, 93, 116,  
126, 169, 170, 197, 202, 212, 261, 267,  
277, 281, 293, 294, 298, 329, 339, 359,  
369, 449, 501, 571, см. также: Лоджии  
(колоннада) главного фасада
- Колонны во двориках – 142, 144, 425
- Колонны египетские – 98, 385
- Колонны Центрального зала – 253, 270,  
271, 325, 330, 338, 444, 486
- Колонны дорические центрального  
портика – 385, 449, 486
- Колонны центральной лестницы – 88, 94,  
125, 168, 169, 173, 179, 180, 197, 229,  
247, 249–251, 253, 264, 265, 269, 294,  
306, 325, 330, 332–337, 339, 385, 450,  
460, 486, 572
- Колымажный двор (Колымажная  
площадь) – 48, 77, 80, 90, 91, 106, 118,  
121, 125, 128, 129, 141, 143, 149, 152,  
154, 175, 188, 199, 201, 227, 250, 257,  
262, 272, 275, 287–289, 293, 303, 324,  
329, 350–352, 363, 373–378, 398, 411,  
414, 416, 457, 547, 554, 555, 559, 569,  
570
- Конкурс архитектурный – 48, 49, 51, 80,  
354, 355, 375, 384, 388, 488, 554, 555–558,  
569, 570
- Коридоры – 144
- Кровля (металлические конструкции) –  
94, 165, 172, 198, 210, 211, 241, 249, 252,  
257, 293, 298, 334, 501
- Кровля (стеклянное покрытие) – 194, 198,  
210, 231, 232, 258, 273, 276, 338
- Лаокоона и Венеры Милосской кабинет –  
549, 556, 564
- Леса (строительные) – 130, 145, 197, 212,  
224, 273
- Лестница перед фасадом – 257, 269, 279,  
298, 314, 491, 501
- Лестница центральная – 25, 49, 88, 102,  
103, 142, 144, 169, 170, 173, 217, 219,  
249, 265, 266, 269, 271, 277, 278, 283,  
294, 298, 313, 325, 330, 333–335, 339,  
363, 390, 396, 450, 460, 557, 572
- Лестницы внутренние, служебные – 298,  
334, 414
- Лестничная клетка центральной  
лестницы – см. Лестница центральная
- Лисиппа (Лизиппа) зал (кабинет) – 187,  
453, 468, 549, 556, 572

- Лоджии (колоннада) главного фасада – 451, 508
- Ломки мраморные уральские – 170, 180, 182, 188, 198, 199, 201, 202, 204, 211, 212, 231, 237, 247, 255–258, 267, 281, 282, 284–287, 295, 303, 304, 306, 322, 323, 329, 331, 336, 383, 440, 483, 495, 505, 516
- Ломки мраморные южно-венгерские – 250, 253
- Львы гранитные у входа в Музей – 491
- Мебель для Музея – 162, 298
- Метлахские плиты – 94, 210, 381, 571
- Мирона и Поликлета зал – 549, 556, 583
- Модель базы ионической колонны – 261
- Модель Музея – 116, 117, 126, 171, 182, 183, 185, 194, 261, 339, 407, 448–451
- Модель центральной лестницы – 283, 306, 332–335
- Мрамор белый (уральский) – 87, 88, 94, 168–170, 173, 175, 177, 179, 180, 182, 184, 185, 192, 195, 198–200, 212, 216, 219, 220, 229, 231, 240, 256, 261, 266–269, 281, 283, 289, 329, 337, 359, 370, 383, 414, 447, 451, 452, 460, 501
- Мрамор цветной – 168, 176, 179, 180, 182, 185, 199, 202, 208, 212, 217, 218, 229, 236, 237, 240, 241, 266, 447, см. также: Лестница Музея центральная
- Мрамор цветной (венгерский) – 229, 231, 241, 249, 250, 253, 263, 270–273, 286, 333, 460
- Мрамор цветной (итальянский) – 250
- Мрамор цветной (олонецкий) – 229, 251–253, 486
- Мрамора поставка – 176, 178, 180, 185, 189, 190, 196–198, 201–204, 211, 217, 221, 231, 234, 247, 252–254, 257, 259, 260, 262, 266, 267, 273, 279, 281–288, 293, 294, 307, 320, 323, 324, 328, 333, 334, 336, 440, 505
- Мраморное месторождение в Красноярске – 277, 279, 307
- Нагрудный знак Музея – 470
- Надгробных памятников Аттики IV и III ст. кабинет – см. Древнегреческих надгробий V–IV вв. до н. э.
- Ниобы и ниобидов зал (кабинет) – 393, 549, 556, 563, 572
- Нового времени зал – 561
- Нумизматический кабинет – см. Московский университет
- Облицовка каменная – 571, см. также: Мрамор белый (уральский)
- Ограда сквера – 457
- Окна (перекрытия проемов) – 267, 279, 281, 283–285, 288, 306, 307, 321, 324, 328, 329, 331, 335, 337, см. также: Рамы (переплеты) оконные
- Олимпийский зал – 427, 549, 556, 561, 564, 572
- Освещение залов – 87, 97, 264, 451, 556, 559, 563, 570, 571
- Отделка внутренняя – 233, 293, 557
- Открытие Музея – 97, 354
- Отопление и вентиляция – 93, 97, 119, 126–128, 130, 131, 133, 276, 293, 298, 557, 570
- Палата (Зал) славы русской науки, литературы и искусств – см. Центральный зал
- Пантеон русской славы – см. Центральный зал
- Парфенона зал – 320, 350, 371, 434, 549, 556, 561, 564, 572
- Первый этаж – 88, 194, 196, 199, 210, 275, 279, 281, 557, 559–563, 583
- Пергамский зал – 88, 300, 427, 502, 549, 556, 572
- Перекрытия – 94, 124, 132, 141, 145, 147, 196, 247, 252, 298, 335, 338, 484, 563, 570, 571, см. также: Своды потолочные
- Песчаник радомский – 87, 92, 152
- Песчаник силезский – 136, 152, 153
- Пилон египетский – 98
- Пилястры – 267, 273, 324, 328, 490
- Подвалы (подвальный этаж) Музея – 97, 125, 153, 196, 199, 201, 210, 237, 252, 293, 298, 460, см. также: Цоколь (цокольный этаж) Музея
- Подольский известняк – 148
- Покрытие Музея временное – 194, 198, 334

- Полуколонны – 197, 202, 267, 273, 275, 277, 328, 329, 490
- Полы – 210, 219, 241, 279, 298, 560, 570, 571
- Портал Центрального зала – 331
- Портик центральный – 116, 261, 279, 293, 314, 329, 449, 451, 459, 501
- Потолки залов – 124, 194, 196, 328, 407, 563, 571
- Праксителя зал – 183, 445, 556, 572
- Проекты, планы здания Музея – 47, 49, 86, 87, 94, 99, 241, 354, 355, 359, 360, 362, 366, 372, 373, 375, 434, 557, 561, 570
- Пятого столетия из времени до Фидия зал – 88, 549
- Размеры и форма залов – 556, 557, 560–563
- Рамы (переплеты) оконные – 94, 172, 210, 415, 501, 570
- Рамы для рельефов – 138
- Распаковочная – 557
- Расходы по Музею – 157, 242, 297, 298, 358, 360, 428, 501, 554, 555, 569
- Расценки помещений – 571
- Рельеф местности – 141, 451, 559, 560
- Рельефов второй половины V и IV вв. до н.э. зал – см. Древнегреческих надгробий V–IV вв. до н.э. зал
- Ренессанса зал – см. Возрождения итальянского залы
- Римский зал – 89, 247, 249, 264, 304, 316, 317, 327, 441, 556, 572
- Своды потолочные – 196, 199, 210, 252
- Славы зал – см. Центральный зал
- Служителей помещения – 557, 560
- Смета – 94, 157, 159, 162, 558
- Средних веков зал – 139, 150, 164, 229, 247, 249, 280, 353, 363, 380, 436, 556, 561, 572
- Стены (внешние и внутренние) – 89, 116, 128, 129, 145, 146, 165, 175, 187, 192, 199, 210–212, 271, 275, 281, 285, 293, 295, 298, 329, 334, 363, 371, 459, 501, 557, 559, 563
- Строительная комиссия – 93–97, 106–108, 110, 127, 128, 130–133, 141, 145, 147, 152, 155–159, 161, 163, 168, 172, 174–176, 186, 189, 190, 195, 198, 208, 210, 214, 216, 225, 229–231, 236, 247, 249, 250, 258, 260, 262, 284–286, 297, 310, 334, 373, 378, 380, 382, 383, 394, 416, 425, 426, 428, 430, 431, 434, 437, 438, 440, 466, 501
- Фасад (корпус) главный – 87, 94, 118, 140, 141, 197, 212, 252, 257, 262, 266, 267, 275, 276, 279, 281, 306, 307, 321, 322, 328, 329, 331, 334, 336, 337, 359, 362, 383, 414, 449, 459, 549, 554–556, 560, 563, 570, 571
- Фасад (корпус) задний – 94, 118, 124, 140, 141, 153, 188, 192, 194–197, 211, 224, 247, 258, 362, 370, 451, 459, 460, 484, 555
- Фасадов архитектурный стиль – 557
- Фасады боковые – 87, 88, 118, 140, 141, 196, 197, 224, 257, 267, 273, 275, 279, 324, 328, 329, 336, 362, 370, 414, 427, 451, 490, 555, 570
- Фриз колоннады главного фасада – 100, 107, 125, 240, 282, 290, 291, 309–315, 337, 387, 388, 449, 495, 497, 498, 507, 508
- Фриз Центрального зала – 325, 500
- Фриз центрального портика – 291, 303, 309, 310, 332
- Фундамент – 125, 128, 129, 298, 383
- Хранителей и канцелярии помещение – 563
- Христианского Востока и мусульманского мира зал – 64, 65
- Цементный раствор – 124, 129, 131, 132, 412
- Центральный (Белый, Мраморный, Главный, Круглый) зал – 25, 88, 99, 100, 102, 103, 105, 108, 110, 111, 115, 124, 130, 148, 155, 156, 159, 179, 180, 188, 192, 298, 315, 323–325, 328, 330, 338, 339, 371, 385, 387, 388, 392, 396–400, 428, 444, 450, 451, 478, 486, 511, 572, 583

- Цоколь (цокольный этаж) Музея – 45, 126, 131, 140, 141, 146, 154, 186, 187, 192, 196, 197, 199, 247, 252, 257, 268, 271, 273, 279, 283, 394, 423, 451, 558, 560
- Чертежная – 93, 116, 194, 460
- Чертог русской славы – см. Центральный зал
- Читальня Библиотеки – 79, 127, 130, 162, 572
- Шаблоны (модели) баз и капителей гипсовые – 324, 329, 407
- Шишимская («Мраморная») гора – 285–287, 295, 304–306, 322, 331, 495
- Штукатурные работы – 129, 140, 210, 298, 334
- Эгинетов зал – 380, 496, 556, 559, 561
- Экспедиция на уральские ломки – 173, 174, 176, 177, 180–182, 214, 233, 443, 495
- Эллинистический зал – см. Пергамский зал
- Экспонатов хранение – 47, 97, 149, 194, 201, 204, 258, 266, 272, 460

### ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

- Август из Прима Порта, статуя – 537
- Август, бюст – 545
- Август мальчик, бюст – 545
- Агамемнон, погребальная маска – 254
- Агриппина младшая, скульптура – 521
- Адриан, бюсты – 519, 537
- Александр Великий, герма, бюст – 316, 519, 532, 536
- Александр II, памятник – 87, 94, 125, 133, 152, 352, 370, 377, 407, 421
- Александр II, скульптурный портрет – 498
- Александр III, статуя для Музея, памятник – 88, 90, 108, 110, 156, 197, 281, 283, 305, 315, 322, 324, 325, 372, 414, 451, 460
- Алкивиад, бюст – 545
- Аллегорические фигуры с гробницы кардинала Дж. Бассо – 421
- Алтарь семьи Трента – 422
- Алфей, скульптура с фронтона храма Зевса в Олимпии – 521
- Амазонка Маффеи, статуя – 316
- Амазонка, скульптура Поликлета – 357, 544
- Амур и Психея, скульптурная группа – 316
- Анакреон, статуя – 316
- Ангелы со светильниками, скульптуры – 421
- Антиной, бюст – 316, 519, 521
- Антиной Бельведерский, статуя – 316, 518
- Антиной с конем, рельеф – 316
- Антиохия («Тихе Антиохии»), статуя – 316
- Античная стенная живопись – 79, 528, 550
- Аполлино, статуя – 540
- Аполлон Бельведерский, статуя – 38, 316, 518, 530, 534
- Аполлон из Орхомена, статуя – 243, 248, 484
- Аполлон из Фив – 243
- Аполлон Музагет, статуя – 521
- Аполлон на омфалосе, статуя – 243
- Аполлон Олимпийский, скульптура с фронтона храма Зевса в Олимпии – 521
- Аполлон Пурталес, голова – 534
- Аполлон с о. Наксоса, статуя – 520
- Аполлон с о. Фера, статуя – 243, 248, 484
- Аполлон Тенейский, статуя – 485, 532, 544
- Аполлоны (курорсы), статуи – 484
- Ариадна (Спящая Ариадна), скульптура – 316
- Аристид, так наз. – см. Эсхин
- Аристогитон – см. Гармодий и Аристогитон
- Аристотель, статуя – 316
- Асклепий Блака, голова – 534
- Аспазия, бюст – 545
- Атлет, наливающий себе масло на руку (Апоксиомен), статуя – 532
- Афина Лемния, статуя – 469
- Афина, скульптура Фидия – 520
- Афина, скульптура с фронтона Эгинского храма, голова – 532

- Афродита Книдская, статуя – 526  
 Афродита Мюнхенская, статуя – 526, 532
- Бахус (Вахс) с кариатидой, статуя – 421, 518  
 Бахус колоссальный, бюст – 519  
 Бельведерский торс – см. Геркулес Бельведерский  
 «Библейские эскизы», этюды и рисунки А.Иванова – 573–580  
 Бисмарк О. фон, памятник – 389  
 «Благовещение», рельеф – 420  
 Богоматерь с Младенцем и ангелами, рельеф – 228  
 Богоматерь с Младенцем и Иоанном Крестителем, скульптурная группа – 64, 350  
 Богоматерь с Младенцем, скульптурная группа Донателло – 420  
 Богоматерь с Младенцем, статуя Якопо делла Кверча – 422  
 Богоматерь со святыми, рельеф – 421  
 Большой посвященный рельеф с изображением женщины перед гермою Диониса – 532  
 Борьба кимвров с римлянами, скульптурная группа – 507  
 Брут, бюст – 545  
 Быки (шеду) из дворца Ашшурнасирпала II, скульптуры – 195, 459, 562  
 Быки (шеду) из дворца Саргона II, скульптуры – 99, 109, 115, 120, 401, 459  
 Бюсты работы мастеров Франции, Германии и Дании XVII–XX вв. – 64
- Ваз античных собрание – 40  
 Вазы древнегреческие – 36, 41, 526, 529, 550, 553, 565  
 Вазы дипилонские погребальные – 55  
 Вазы этрусские – 525  
 Вахс, статуя – 421  
 Венера Капуанская, статуя – 545  
 Венера Медицейская, статуя – 38, 518, 525  
 Венера Милосская, статуя – 38, 47, 109, 519, 525, 564, 582
- Венера Мюнхенская, статуя – 545  
 Венера, скульптура Праксителя – 316  
 Венера Таврическая, статуя – 38, 519  
 Верующий (Fedele), скульптура – 316  
 Весталка, статуя – 316  
 Возничий – см. Дельфийский возничий  
 Возрождение итальянское: скульптуры – 371, 372  
 Воин греческий, бюст – 532
- Галикарнасского Мавзолея скульптуры – 39  
 Галл, убивающий себя и свою жену, скульптурная группа – 539, 545  
 Галл умирающий, скульптура – 316  
 Галлы, скульптурная группа – 316  
 Ганимед, похищаемый орлом, скульптурная группа – 316  
 Гармодий и Аристокитон, группа скульптур – 520  
 Гаттамелата, конный памятник – 137, 421  
 Гладиатор Боргезе (Боргезский боец), статуя – 521  
 Гегесо надгробие – 243, 480  
 Георгий св., статуя – 150, 420  
 Гера Людовизи, бюст – 521  
 Геркулес ассирийский (Гильгамеш), горельеф – 115, 401  
 Геркулес Бельведерский (Бельведерский торс) – 316, 518  
 Геркулес колоссальный, бюст – 519  
 Геркулес Фарнезский, статуя – 566  
 Гермафродит, скульптура – 316  
 Гермес отдыхающий, скульптура – 469  
 Гермес с младенцем Дионисом, скульптурная группа – 521, 545  
 «Геро и Леандр», картина – 188  
 Геродот, бюст – 545  
 Гипнос, голова – 534  
 Гипподамия, скульптура с фронтона храма Зевса в Олимпии – 521  
 Голова бычка, ритон – 254  
 Голова юноши с виллы Альбани – 532  
 Гомер, бюст – 545  
 Гречанка, голова – 532  
 Греческие древности Северного Причерноморья – 448



- Греческий воин, бюст – 532
- Давид, скульптура Донателло – 420
- Давид, скульптура Верроккио – 420
- Дар Аггала афинянам, группа статуй – 545
- Дейдамия и кентавр, скульптурная группа с фронтона храма Зевса в Олимпии – 521
- Дексилея надгробие – 243, 480
- Дельфийский возничий, скульптура – 316, 469
- Деметер из Книдоса (Деметра Книдская), скульптура – 521
- Демосфен, бюст, статуя – 535, 536, 545
- Диана Версальская, статуя – 38, 518, 541
- Диана из Габий, статуя – 540
- Диоген, бюст – 545
- Диадумен (Диадуменос) Фарнезе, статуя – 521
- Диомед, статуя – 532
- Дискобол, скульптура Мирона – 357, 520
- Донателло, надгробие – 498
- Дорифор, скульптура Поликлета – 357, 520
- Древнехристианская живопись римских катакомб – 31, 79, 89, 120, 353, 378, 404, 465, 545, 566, 567
- «Древнеэллиническое кладбище», живописное панно – 54, 72, 372
- Жертвенник – 316
- Живопись древнеегипетская – 384
- Зевс, скульптура с фронтона храма Зевса в Олимпии – 521
- Зевс Олимпийский (Зевс Отриколи), бюст – 519
- Зенон, бюст – 316
- Иван Федоров, памятник – 495
- Иванов А.А., бюст – 573
- Илария дель Каретто, надгробие – 422
- Ильдефонсо, скульптурная группа – 109, 400, 401, 541, 545
- Иоанн Креститель, статуя – 421
- Камилл, статуя – 316
- Канопский декрет, стела – 367
- Капаней, рельеф – 316
- Капитель ионическая – 539
- Капитель колонны из Персеполя – 353, 401
- Капитель коринфская – 539
- Капитель римско-дорическая – 539
- Каракалла, бюст – 519
- Кардинала португальского надгробный памятник – 421
- Картон В.М.Васнецова – 149
- Кастор и Полидевк, совершающие жертвоприношение, скульптурная группа – 401; см. также: Ильдефонсо
- Кафедра Никколо Пизано – 432
- Кафедры церкви Сан Лоренцо (Флоренция), горельефы – 420
- Керамика Древней Америки – 350
- Кишиневский (Бородинский) клад – 65
- Кладеос, скульптура с фронтона храма Зевса в Олимпии – 521
- «Книга мертвых», папирус – 393
- Колонна из Суз – 401
- Коллеони, конный памятник – 137, 420, 421
- Коммод, бюсты – 538
- Конкордии храма карниз – 353
- «Король прусский Фридрих-Вильгельм III с вышки Пашкова дома благодарит Москву за спасение его государства», картина – 382
- Кубки из Вафио – 467, 473
- Лаврентий св., бюст – 420
- Ладыя погребальная с гребцами – 98, 365
- Лаокоон, скульптурная группа – 521, 530, 564
- Левкотей, рельеф – 316
- Лисикрата памятник – 305, 353, 393, 505
- Лучники, рельеф – 109, 115, 402
- Львы ассирийские, скульптуры – 562
- Львы египетские, скульптуры – 268, 279, 324, 491
- Львы микенские, рельеф – 544

- Мадонна, рельеф из собрания вел. кн. Сергея Александровича – 422  
 Мальчик с дельфином, статуя – 420  
 Мариетта Строщи, бюст – 422  
 Марий так наз., бюст – 532  
 Марк Аврелий, бюсты, колонна – 137, 538, 545  
 Марк Брут – см. Брут  
 Марс отдыхающий, скульптура – 316  
 Марция, статуя – 316  
 Маттео Пальмери, бюст – 421  
 Медичи Л., бюст – 64, 392  
 Медуза Ронданини, голова – 532  
 Менаандр, статуя – 316  
 Меркурий – см. Антиной Бельведерский  
 Микенская культура (микенские древности, микенский клад) – 55, 213, 222, 223, 242, 254, 473  
 Микенские львы – см. Львы микенские  
 Микерин, статуя – 367  
 Минерва колоссальная, бюст – 519  
 Мозаики равеннские – 140, 185, 380, 423, 452  
 Мозаики Сан Марко – 55, 82, 89, 111, 113, 117, 140, 149, 150, 216–218, 229, 280, 363, 364, 567  
 Молодая женщина с цветком, скульптура – 420  
 Молящийся мальчик, статуя – 521  
 Мут, голова – 367  
 Надгробие юноши из реки Иллис – 243, 480  
 Надгробный памятник кардинала португальского – 421  
 Неизвестный флорентиец, бюст – 421  
 Нерон, бюст – 537, 545  
 Нестор-летописец, статуя – 388, 389  
 Ника (Нике), развязывающая сандалии, рельеф – 521  
 Ника (Нике) Самофракийская, статуя – 314, 502, 508  
 Ника (Нике), скульптура Пэония – 357, 521  
 Никколо Строщи, бюст – 422  
 Нил, скульптурная группа – 316  
 Ниобеи (Ниобы) группа скульптур – 39, 564, 566  
 Ниобид-сын – 518  
 Ниобида Кьярамонти, скульптура – 358  
 Ниусерр, статуя – 367  
 Ойномаос (Эномай), скульптура с фронтона храма Зевса в Олимпии – 521  
 «Оплакивание», скульптурная группа – 420  
 Орест и Электра, скульптурная группа – 316  
 Пайерен Э., памятник – 506  
 Пан, голова – 532  
 Папирусы – 85, 98  
 Парфенона фронтонные скульптуры – 39, 89, 192, 194, 199, 371, 519, 566  
 Пелопс, скульптура с фронтона храма Зевса в Олимпии – 521  
 Пергамский большой фриз, горельеф – 52, 391, 502  
 Периандр Коринфский, бюст – 534, 545  
 Перикл, гермы – 535, 545  
 Петр I («Саардамский плотник»), памятник – 506  
 Пианки стела – 367  
 Пир Ирода, рельеф – 420  
 Пирогов Н.И., памятник – 463  
 Платон колоссальный, бюст – 519  
 Полифем, рельеф – 316  
 Помпейские фрески – 353  
 Посейдона и Амфитриты свадьба, горельеф – 526, 532  
 Посидиш, статуя – 316,  
 Пушкин А.С., памятник – 134  
 Пьетро Меллини, бюст – 421  
 Рельефы дела Роббиа – 228, 238  
 Рельефы с портала ц. Св. Петрония в Болонье – 422  
 Римлянин, бюст П в. до н.э. – 532  
 Римлянин, голова (так наз. Сенека) – 532  
 Ринальдо дела Луна, бюст – 422  
 Ровере дела, бюст – 64, 392  
 Розеттский камень – 65

- Сабина, бюст – 537  
 Салютаги, бюст – 422  
 Селинунтского храма фронтонные скульптуры – 39  
 Сенека, бюст – 545  
 Сидонский большой саркофаг – 536  
 Сидящая мужская фигура из Милета (Харес, сын Клесия), скульптура – 520  
 Скиф, точащий нож, скульптура – 521  
 «Смерть Сократа», скульптура – 388  
 Сократ, бюст – 545  
 Софокл, скульптура, бюст – 519, 535, 545  
 Статуя из Субиако – 316  
 «Стела сатрапа» – 367  
 Стеропа, скульптура с фронтона храма Зевса в Олимпии – 521  
 Стоящий кулачный боец, скульптура – 316  
 Сципион Африканский, бюст – 545  
  
 Танагрские терракоты, статуэтки – 307, 308, 506, 566  
 Таниесский сфинкс, голова – 367  
 Тахарка, голова – 367  
 Тиртей, статуя – 316  
 Тосканский ордер по Витрувию – 353  
 Третьяков П.М., бюст – 495  
 «Три богатыря», картина – 391  
 Тутмос III, стела – 367  
 Тутмос IV, стела («стела сна») – 367  
  
 Фавн Барберини, скульптура – 519  
 Фарнезский бык, скульптурная группа – 502  
 Фаюмские портреты – 225, 393  
 Филипп Аравитянин, бюст – 538, 545  
 Филиппо Строцци, бюст – 422  
 Флора, статуя – 316  
 «Франц-Иосиф благодарит императора Николая I», картина – 95  
 Франциск Ассизский, святой, сцены из жизни, рельефы – 421  
  
 Фрески в Новом музее (Берлин) – 464  
 Фрески древнеримские – 514  
 Фрески этрусские – 514  
 Фукидид, бюст – 545  
  
 Хаммурапи стела – 65, 408  
 Хетепдиеф, статуя – 367  
 Хефрен, статуи – 367  
 Хорсабадские колоссы, горельефы – 109  
  
 Церера, статуя – 519, 532  
  
 Чайковский П.И., статуя – 101  
  
 Эврипид, бюст – 545  
 Эгинские фронтоны, скульптуры – 39, 424, 496, 522, 526, 532, 545, 565  
 Эйрена (Эйрэнэ) с Плутосом, скульптурная группа – 532, 545  
 Эхил, бюст – 545  
 Эхин (так наз. Аристид), статуя, бюст – 519, 535, 545  
 Этрусские гробницы – 225  
 Этрусское украшение – 316  
 Эхнатон, стела – 367  
  
 Юдифь, скульптура – 420  
 Юлий Цезарь, бюст – 537, 545  
 Юнона колоссальная, бюст – 519  
 Юнона с покрывалом, бюст – 316  
 Юноша, голова – 532  
 Юноша в золотом венке, фаюмский портрет – 393  
 Юпитер Олимпийский колоссальный – см. Зевс Олимпийский  
  
 «Явление Мессии народу» («Явление Спасителя народу»), живописное полотно – 30, 190, 424, 455, 574, 577  
  
 Ildefonso – см. Ильдефонсо

ИСТОРИЧЕСКИЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ И СООРУЖЕНИЯ И ИХ МОДЕЛИ

- Абу-Симбел, храмы – 365  
 Акрополь (Афины) – 221, 249, 370, 484  
     модель – 213, 215, 217, 218, 353, 467  
 Афины-Ники храм – 484  
 Ники Аптерос храм:  
     модель – 353  
     фриз – 39  
 Парфенон – 142, 171, 235, 353, 393,  
 423, 525  
     модель – 353  
     фриз – 100, 101, 194, 198, 199, 201, 282,  
 290, 291, 308–315, 337, 387–389, 449  
 Пропилеи – 484  
 Эрехтейон – 52, 87, 126, 235, 369, 370,  
 449  
     архитектурные детали – 187, 207,  
 221, 261, 329  
     восточный портик – 126  
     Портик карнатид – 39, 207, 353, 464  
     северного портика модель – 353  
 Александра Невского Св. храм (Москва) –  
 414  
 Антония Св. собор (Падуя) – 421  
 Аполлона храм и священный участок  
 (Дельфы) – 469  
 Архангельское (усадьба, Московская губ.) –  
 402, 441  
 Афины Афайи храм (о. Эгина) – 496,  
 см. также: Эгинские фронтоны,  
 скульптуры  
 Банк И.М. и С.М.Рукавишниковых  
 (Нижний Новгород) – 427  
 Баггистерий (Флоренция), Райские  
 двери – 45  
 Барджелло, palazzo (Флоренция) – 422  
 Верхние торговые ряды (Москва) – 87, 94,  
 146, 370, 414  
 Вестминстерское аббатство (Лондон) –  
 105  
 Вилла Альбани (Рим) – 526  
 Вилла Боргезе (Рим) – 526  
 Вилла Людовизи (Рим) – 539, 541, 545  
 Владимира Св. храм (Киев) – 429, 507  
 Вокзал Орсеэ (Париж) – 410  
 Гелиополь (Ливан) – 366  
 Георгиевский монастырь (Крым) – 395  
 Георгиевский собор (Гусь-Хрустальный) –  
 54, 149, 241, 321  
     иконостас – 149, 429  
     мозаики – 149, 428  
 Георгия Св. ц. в Грузинах (Москва) – 464  
 Гиерон (Эпидавр) – 220  
 Дворец Артаксеркса II (Сузы) – 401  
 Дворянское собрание (Москва) – 95, 107  
 Димитрия великомученика храм  
 (с. Березовка) – 54, 241, 321  
 Дипилонские ворота (Афины) – 480  
 Дом А.А.Морозова (Москва) – 170, 440  
 Дом П.И.Харитоненко (Москва) – 409  
 Дом Юнкера (Москва) – 229, 231, 474  
 Дур-Шаррукин (Ассирия) – см. Хорсабад  
 Запасный дворец (Москва) – 503  
 Здание древнее (Альбано) – 353  
 Зевса Олимпийского храм (Олимпия):  
     метопы – 545  
     фронтонные скульптуры – 357, 358,  
 424, 545, 549, 564, 566, 567, см. также  
     по названиям отдельных фигур  
 Зимний дворец (Петербург) – 86, 369,  
 478, 490  
 Ивановское (имение) – 134, 417  
 Ильдефонсо (замок) – 109  
 Ильинское (имение) – 402  
 Иоанна и Павла Свв. собор (Венеция) – 420  
 Иосифа Св. собор (Могилев) – 124, 413  
 Исида храм (о.Филе) – 393  
 Исида храм (Рим) – 491  
 Кальху (Калах, Ассирия) – см. Нимруд  
 Катакомба (Керчь) – 159, 161, 163, 164, 173  
 Катакомбы (Рим) – 31, 155, 225, 320, 404,  
 454, 465, 510, 529, 566

- Керамик (Афины) – 243, 480  
 Киевский вокзал (Москва) – 406  
 Кносский царский дворец (Крит) – 471  
 Колизей (Рим) – 143  
 «Колизей», кинотеатр (Москва) – 368  
 Кремлевский дворец (Москва) – 61, 182, 185  
 Куянджик, холм (Ирак) – 99
- Лабиринт (Крит) – 222, 223, 470  
 Львиные ворота (Микены) – 467, 544
- Марка Св. собор – см. Сан Марко  
 Мерио (гробница) – 83, 365  
 Малый Эрмитаж – 369  
 Михайловский дворец (Петербург) – 370  
 Модели архитектурные – 47, 76, 78, 352, 384, 528, 550, 552, 566, 567  
 «Мюр и Мерилиз», торговое здание (Москва) – 368
- Ники Аптерос храм – см. Акрополь  
 Нимруд, городище (Ирак) – 99, 386, 459  
 Ниневия (Ассирия) – 386  
 Новодевичий монастырь (Москва) – 351  
 Новый Эрмитаж (Петербург) – 278, 280, 370, 493  
 Нотр-Дам (Париж) – 152, 304, 505
- «Омон», театр (Москва) – 503  
 Ор Сан Микеле ц. (Флоренция) – 150
- Палаты кн. Волконских – 351  
 Палаццо Боргезе (Рим) – 193  
 Палаццо деи Сенатори (Рим) – 538  
 Памятный монумент на Куликовом поле – 53  
 Пантеон (Париж) – 105  
 Пантеон (Рим) – 324, 572  
 Парфенон – см. Акрополь  
 Пашков дом (Москва) – 31  
 Пергамский алтарь (Пергам) – 502  
 модель – 300, 502  
 Персеполь (Иран) – 109, 401  
 модель дворца – 194  
 Петра и Павла ц. (Москва) – 238, 478
- Петра Св. собор (Рим) – 516  
 Посейдона храм (Пестум) – 142, 423  
 модель – 353  
 Почтамт (Петербург) – 413
- Сан Витале ц. (Равенна) – 393  
 Сан Марко, собор (Венеция) – 150  
 придел св. Зенона (капелла кардинала Зен) – 82, 363  
 Сан Паоло фуори ле мурра ц. (Рим) – 100, 387  
 Сан Пьерино ц. (Флоренция) – 228  
 Сант Аполлинаре ин Классе ц. (Равенна) – 393  
 Санта Кроче ц. (Флоренция) – 228  
 Санта Мария Маджоре ц. (Рим) – 100, 387  
 Саргона II дворец (Хорсабад) – 120  
 Сергиевский дворец (Петербург) – 86, 369  
 Склеп Деметры (Керчь) – 433  
 Собор (Берлин) – 152, 429  
 Софии Св. храм (с. Софрино, Смоленской губ.) – 393  
 Средние торговые ряды (Москва) – 49, 70, 368  
 «Стасовский склеп» (Керчь) – 432, 433  
 Страсбургский собор (Франция), портал – 304, 505
- Театр Диониса (Афины) – 535  
 Тесеийон (Тезейон, Гефестейон) (Афины) – 142, 423
- Фестский дворец (Крит) – 471  
 Филиппейон (Олимпия) – 325, 511  
 Фортуны Вирилис храм (Рим), модель – 353  
 Фрейбергский собор, портал – 45
- Хорсабад, городище (Ирак) – 99, 386, 410  
 Храмов средневековых порталы – 353  
 Христа Спасителя храм (Москва) – 48, 77, 80, 92, 93, 97, 140, 148, 198, 250, 266, 268, 281, 304, 322, 339, 352, 370, 380, 479, 505, 547, 554, 558, 559, 569

- Цейхгауз (Дрезден) – 101  
 Центральное училище технического рисования барона А.Штигица (Петербург) – 280, 494  
 Центральный телеграф (Москва) – 406  
 Шлосс (Берлин) – 152
- Эдфу, храм, модель – 85, 366, 367  
 Эрехтейон – см. Акрополь
- Юпитера Статора храм (Рим), модель – 353  
 Ярославский вокзал (Москва) – 339, 515
- ОРГАНИЗАЦИИ, ОБЩЕСТВА И ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ**
- Академия надписей (Париж) – 409  
 Академия наук императорская (Петербург) – 29, 56, 99, 381, 411, 453, 481, 482, 514, 527, 574, 583  
 Академия Св. Луки (Рим) – 353  
 Академия художеств (Берлин) – 389  
 Академия художеств (Вена) – 389, 526  
 Академия художеств императорская (Петербург) – 38, 44, 48, 50, 52, 56, 57, 80, 120, 344, 348, 368, 386, 388, 390, 409, 413, 414, 424, 455, 456, 458, 469, 479, 507, 510, 518, 524–526, 539–542, 554, 555, 557, 558, 560, 563, 567, 569, 570, 573, 582  
 Академия художеств королевская (Дрезден) – 389, 453  
 Акционерное общество химических заводов в Сосновицах – 385  
 Александрийский университет (древний) – 32  
 Алексеевская глазная больница для бедных (ныне – Институт офтальмологии им. Г.Л.Ф.Гельмгольца, Москва) – 358, 379  
 Алексеевская поликлиническая амбулатория – см. Московский университет  
 Алексеевская психиатрическая больница – см. Психиатрическая лечебница им. Н.А.Алексеева  
 Альбертинум (Дрезден) – 45, 78, 101, 104, 122, 137, 194, 282, 306, 389, 412, 538, 542, 546, 549, 566  
 Английский клуб (Москва) – 362, 500  
 Арвальских Братьев коллегия (Древний Рим) – 538
- Армянское Лазаревское училище – см. Лазаревский институт восточных языков  
 Археологическая комиссия (императорская, Петербург) – 22  
 Архив министерства иностранных дел (Москва) – 457  
 Афинский университет (древний) – 32  
 «Большая Московская гостиница» – 489  
 «Большой Московский трактир» – 264, 304, 489  
 Берлинские королевские музеи – 358, 389, 421, 422  
 Богадельня для неимущих дворян Московской губ. им. С.Д.Нечаева (Москва) – 53, 272, 277, 492  
 Богадельня им. И. и А. Медведниковых – 469  
 Болонский университет – 23, 29, 35, 66  
 Больничный корпус – см. Московский университет  
 Боннский университет – 35, 467  
 Братолюбивое общество снабжения неимущих квартирами (Москва) – 368  
 Британский музей (Лондон) – 40, 78, 99, 194, 195, 311, 312, 387, 388, 394, 449, 459, 526, 534–537, 549, 551, 562, 565  
 Булакский музей – см. Египетский музей
- Варшавский университет (императорский) – 26, 67, 403, 475  
 Варшавско-Тереспольское железнодорожное училище – 379  
 Венерологическое общество (Москва) – 466

- Владимирская археографическая комиссия – 507
- Владимирская духовная семинария – 26, 493
- Военное министерство – 461
- Военно-учебный комитет Главного штаба (Петербург) – 461
- Волжско-Камский банк, Московское отделение – 47, 359, 569
- Воскресенская бумагопрядильная мануфактура – 382
- Восточная комиссия императорского Московского археологического общества – 117, 408
- Восьмая мужская классическая гимназия им. Григория Шелапутина (Москва) – 453
- Восьмиклассная женская гимназия им. Григория Шелапутина (Москва) – 214, 453
- Восьмой съезд врачей (1902, Москва) – 501
- Всемирная выставка (1900, Париж) – 53, 121, 459
- Всемирная выставка (1937, Париж) – 474
- Всероссийская промышленная выставка для сбора экспонатов общедоступного Музея прикладных знаний (1872, Москва) – 20
- Всероссийская промышленная и художественная выставка (1896, Н. Новгород) – 259, 414, 487
- Всероссийская художественно-промышленная выставка (1882, Москва) – 487
- Вторая женская гимназия (Москва) – 480
- Второй всероссийский съезд зодчих (1895, Москва) – 407
- Второй международный конгресс классической археологии (1909, Каир) – 412
- Выставка ликов Богоматери (1897, Москва) – 422
- Высшее художественное училище ИАХ (Петербург) – 414
- Высшие женские курсы (Москва) – 19, 32, 33, 198, 204, 235, 260, 301, 410, 411, 460–462, 471, 500
- Высшие женские курсы (Петербург) – 32, 33
- Гевербе музей (Берлин) – 138
- Германский национальный музей (Нюрнберг) – 138
- Гизехский музей – см. Египетский музей
- Гинекологический институт для врачей им. А.П.Шелапутиной – см. Московский университет
- Главная складочная таможня (Москва) – 502
- Главное тюремное управление (Петербург) – 510
- Главное управление по делам печати (Петербург) – 360, 485
- Главный архив министерства иностранных дел (Москва) – 152, 430
- Глиптотека (Мюнхен) – 78, 356, 464, 465, 485, 496, 522, 526, 531, 532, 565
- Городская больница им. К.Т.Солдатёнка (ныне – Московская городская клиническая больница им. С.П.Боткина, Москва) – 355
- Городская картинная галерея братьев С.М. и П.М. Третьяковых (ныне – Государственная Третьяковская галерея, Москва) – 46, 361, 382, 455, 458, 547, 550
- Городской вдовий дом им. Бугровых и Блиновых (Нижний Новгород) – 427
- Государственная дума (Россия) – 382
- Государственная закупочная комиссия (Москва) – 72
- Государственная публичная историческая библиотека (Москва) – 357
- Государственное казначейство (Петербург) – 94
- Государственный банк (Россия) – 432, 504
- Государственный контроль (Петербург) – 201, 382
- Государственный музей восточных культур (Москва) – 65
- Государственный музей изящных (с 1932 г. – изобразительных) искусств (с 1937 г. – им. А.С.Пушкина, Москва) – 17, 21, 23, 59, 64, 65
- Государственный совет (Петербург) – 246, 257, 280, 303, 305, 316, 318, 324, 330, 360, 404, 439, 481, 483

- Государственный центральный музей современной истории России (Москва) – 500
- Гренадерский императора Австрийского полк – 356
- Даниловская мануфактура (Москва, Даниловская слобода) – 446
- Дельвиговское железнодорожное училище (Москва) – 380
- Дерптский университет – см. Юрьевский университет
- Дзержинский райисполком Ленинграда – 400
- Дом дружбы с народами зарубежных стран (Дом Европы) (Москва) – 440
- Дом трудолюбия (Рязань) – 54
- Дом трудолюбия им. М. и Л.Рукавишниковых (Нижний Новгород) – 427
- Донецкое железнодорожное училище – 430
- Древлехранилище (Владимир) – 507
- «Дрезден», гостиница (Москва) – 257, 487
- Дрезденские королевские музеи – 389
- Египетский музей (Каир) – 83, 85, 364, 366, 367, 408
- Екатерининский институт (Москва) – 191, 456
- Елизаветинское благотворительное общество в Москве и Московской губ. – 362
- Елисаветинская община 1-го дамского комитета (Петербург) – 393
- Женская гимназия Перепелкиной (Москва) – 435
- Женский медицинский институт (Москва) – 211
- Женское ремесленное училище им. Григория Шелапутина (Москва) – 453
- Зоологический корпус – см. Московский университет
- Зоологический музей – см. Московский университет
- Инженерное училище путей сообщения (Москва) – 169, 173, 188, 250, 379, 431, 451, 452
- Институт археологической корреспонденции (Рим) – см. Немецкий археологический институт
- Институт корпуса инженеров путей сообщения (Петербург) – 410, 415, 445
- Институт философии (Москва) – 352
- «Искусство движения», студия (Москва) – 456
- Исполком Моссовета – 65
- Исторический музей – см. Российский Исторический музей
- Кабинет древностей – см. Московский университет, Музей изящных искусств и древностей
- Кабинет изящных искусств и древностей – см. Московский университет, Музей изящных искусств и древностей
- Кавказский музей (Тифлис) – 408
- Казанский университет – 37, 43, 44, 471
- Казенная классическая мужская гимназия им. И. и А.Медведниковых (Москва) – 219, 226, 469
- Каирский университет – 64
- Кайзер-Фридрих-музеум (Боде-музеум, Берлин) – 419
- Калужский государственный объединенный краеведческий музей – 467
- Капитолийский музей – 566
- Картинная галерея С.М.Голицына (Москва) – 352
- Керченский музей – 173, 448, 487
- Киевский университет Св. Владимира (императорский) – 43, 67, 348, 362, 470, 477, 524
- Клиника нервных болезней ИМУ – см. Московский университет
- «Княжий двор», гостиница (Москва) – 192, 247, 304, 457, 460
- Комиссия по вопросам об улучшениях в средней общеобразовательной школе – 513
- Комиссия по нуждам и пользам общест-



- венным (Москва) – 373, 374, 376
- Комиссия по приему, охране и заведованию дворцовым имуществом в Москве – 368
- Комитет для оказания помощи пострадавшим от неурожая – 54
- Комитет для устройства в Москве Музея античного искусства при императорском Московском университете – см. Московский университет
- Комитет по делам искусств при СМ СССР – 65
- Комитет попечительства о русской иконописи (Петербург) – 507
- Комитет по сооружению памятника Александру III (Москва) – 203, 368, 369, 505
- Комитет по устройству Музея изящных искусств – см. Московский университет
- Комитет по устройству Музея прикладных знаний (Политехнического) – 356
- Коммерческий институт (Москва) – 385
- Коммерческое страховое общество (Москва) – 356
- Коммерческое училище (Москва) – 127, 415
- «Л.Кноп и К<sup>о</sup>», торговый дом (Москва) – 427
- Консерватория (Москва) – 163, 175, 198, 224, 349, 352, 403, 430, 435, 436, 441, 454, 472, 476, 582
- Консерватория (Петербург) – 101
- Консерватория (Торонто) – 391
- Константинопольский (Стамбульский) археологический музей – 536
- Королевский музей слепков (Берлин) – см. Переднеазиатский музей
- Королевский музей слепков (Мюнхен) – 538
- Кулибинское ремесленное училище (Нижний Новгород) – 427
- Курская казенная палата – 380
- Кустарный музей (Москва) – 357
- Лазаревский институт восточных языков (Москва) – 65, 386, 410, 411, 499, 500
- Латеранский музей (Рим) – 465, 535, 545, 566
- «Лионский кредит», банк – 458
- Лицей имени цесаревича Николая (Москва) – 348, 404
- «Лоскутная», гостиница (Москва) – 290, 496
- Лувр (Париж) – 78, 99, 109, 115, 119, 194, 299, 314, 357, 385, 394, 401, 410, 470, 502, 526, 534, 536, 537, 540, 543, 549, 562, 566
- Луганское железнодорожное училище – 379
- Мадридский музей – см. Прадо
- Максимилиановская лечебница (Петербург) – 402
- Малый театр (Москва) – 19
- Мальцовский дом Братолюбивого общества снабжения неимущих квартирами (Москва) – 368
- Мануфактурный совет – см. Совет торговли и мануфактур Министерства финансов
- Мариинские бараки Красного Креста (Петербург) – 104, 321, 393
- Международный исторический конгресс (1903, Рим) – 37
- Метеорологический институт – см. Московский университет
- Метрополитен-музей (Нью-Йорк) – 207, 464
- Мещанские училища Московского купеческого общества – 385
- Мещанское попечительство о бедных (Москва) – 368
- Министерство внутренних дел (Петербург) – 280, 317, 356, 468
- Министерство государственных имуществ (Петербург) – 255, 257
- Министерство земледелия (Петербург) – 511
- Министерство императорского двора и уделов (Петербург) – 90, 438
- Министерство иностранных дел (Петербург) – 53, 65, 112, 129, 187, 579
- Министерство культуры СССР – 65
- Министерство народного просвещения (Греция) – 221

- Министерство народного просвещения (Петербург) – 36, 90, 114, 117, 123, 129, 145, 151, 191, 201, 210, 211, 317, 457, 500, 579
- Министерство финансов (Петербург) – 54, 133, 217, 234, 280, 308, 380
- Московская врачебная управа – 492
- Московская городская дума – 48, 77, 80, 90, 92, 351, 355, 373–377, 380, 392, 398, 406, 411, 463, 489, 547, 569, 583
- Московская городская управа – 121, 375
- Московская Духовная академия – 410
- Московская средняя специальная музыкальная школа им. Гнесиных – 441
- Московский археологический институт – 20, 350, 430, 471
- Московский биржевой комитет – 473
- Московский земельный банк – 219, 356, 454
- Московский зоопарк – 433
- Московский купеческий банк – 219
- Московский комитет для разбора и призрения просящих милостыню – 356
- Московский международный банк – 356
- Московский международный торговый банк – 380, 473
- Московский попечительный о бедных комитет императорского человеколюбивого общества – 479
- Московский Публичный и Румянцевский музеи – см. Румянцевский музей
- Московский тюремный комитет – 356
- Московский университет (императорский, государственный):
- Алексеевская поликлиническая амбулатория – 379
  - Больничный корпус – 47, 70, 532
  - Гинекологический институт для врачей им. А.П.Шелапутиной – 49, 71, 453
  - Зоологический корпус – 48
  - Зоологический музей – 48, 70, 394, 407, 521, 522
  - историко-филологический факультет – 20, 28, 34, 39, 42, 50, 115, 121, 205, 403, 405, 430, 472, 501, 523, 530, 546, 547, 564
  - кафедра теории и истории изящных искусств (ранее – теории искусств и археологии) – 20, 21, 35, 36, 39, 41, 42, 44 45, 344, 346, 472, 523, 524, 530
  - кафедра эстетики – 76
  - Клиника нервных болезней – 406
  - Комитет для устройства в Москве Музея античного искусства – 45, 46, 527, 530
  - Комитет по устройству Музея изящных искусств – 25, 49, 50–52, 56, 76, 77, 81, 90, 93, 94, 99, 112, 122, 128, 130, 134, 139, 142, 143, 145, 147, 154, 155, 157, 161–163, 166, 168, 172, 174, 176, 179, 181, 183, 184, 187, 193, 196, 198, 199, 202, 205–208, 210–212, 214, 215, 217–221, 223–227, 230, 234, 238, 253, 255, 256, 258–260, 270, 272, 274–276, 279–281, 286, 288, 289, 295, 298–301, 305, 306, 310, 313, 320, 322, 323, 343–346, 349, 350, 355–357, 360–362, 364, 366, 368, 371–373, 377, 379–381, 385, 386, 388, 391–396, 402–406, 408, 410, 412, 414, 415, 418, 423–428, 430–436, 438, 440, 441, 445–447, 453, 463, 464, 466, 468, 473, 481, 482, 489, 494, 496–499, 501, 503, 509, 555, 570, 571, 583
  - Метеорологический институт – 406
  - Музей античного искусства – 47, 523, 525 – 546
  - Музей (Кабинет) изящных искусств и древностей – 36, 37, 39–41, 43, 46, 47, 70, 91, 98, 112, 162, 171, 254, 259, 265, 347–349, 357, 362, 381, 384, 403, 406, 422, 433, 435, 436, 440, 458, 469, 473, 502, 506, 518–522, 529, 536
  - Новое здание («Новый университет») – 149, 194, 207, 258, 429, 566, 567
  - Нумизматический кабинет (Мюнц-кабинет, Минц-кабинет) – 37, 39, 41, 79, 160, 433, 529, 531, 553, 567, 570
  - Обсерватория – 375
  - Первое студенческое общежитие им. Николая II (Москва) – 368, 375, 438

- Правление Университета – 84, 122, 147, 157, 158, 161, 214, 215, 308, 345, 355, 366, 374, 375, 378, 379, 394, 399, 400, 405, 498, 568
- Совет Университета – 80, 156, 168, 260, 326, 366, 374, 375, 384, 404–406, 434, 439, 466, 477, 482, 494
- Старое здание – 159, 176, 406, 424, 429, 434, 567
- Строительная комиссия Университета – 116, 158, 379
- Студенческое общежитие им. вел. кн. Сергея Александровича – 276, 368, 493
- Физиологический институт – 142, 144, 424, 425
- Физический институт – 406
- Хирургическая клиника – 463
- Хирургический институт – 463
- Московский художественный музей – см. Московский университет, Музей изящных искусств и древностей
- Московское археологическое общество (с 1881 г. – императорское) – 20, 29, 56, 117, 119, 120, 348, 349, 357, 381, 407, 409, 422, 463, 472, 483, 484, 500, 529
- Московское архитектурное общество – 379, 457
- Московское высшее техническое училище (императорское, ныне – Московский государственный технический университет им. Н.Э.Баумана) – 308, 368, 379, 408, 430, 506, 507
- Московское губернское дворянское собрание – 492, 502, 503
- Московское инженерное училище – 415, 442
- Московское купеческое общество взаимного кредита – 385, 436, 473
- Московское купеческое собрание – 383
- Московское математическое общество – 19
- Московское нумизматическое общество – 415, 446, 447
- Московское общество истории и древностей – 19
- Московское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии – 19, 500
- Московское общество любителей художеств – 348, 391, 407, 422
- Московское общество призрения, обучения и воспитания слепых детей – 465
- Московское присутствие Опекунского совета Ведомства учреждений императрицы Марии – 442
- Московское театральное училище – 19
- Московское товарищество резиновой мануфактуры – 441
- Московское торгово-промышленное товарищество для доставки шерсти и хлопка из Средней Азии – 465, 473
- Московское художественное общество – 349, 460
- Музеи Ватикана – 78, 491, 535, 538, 549, 566
- Музеи университетские (Россия) – 37, 38, 42
- Музей античного искусства при ИМУ – см. Московский университет
- Музей архитектуры (Москва) – 407
- Музей восковых фигур А.Гревена (Париж) – 506
- Музей гипсовых слепков (Мюнхен) – 45, 464, 524, 542
- Музей гипсовых слепков (Москва) – см. Московский университет, Музей изящных искусств и древностей
- Музей изобразительных искусств (Будапешт) – 44, 137, 324, 420
- Музей изящных искусств и древностей ИМУ – см. Московский университет
- Музей национального искусства и быта (Москва) – 456
- Музей П.И.Щукина (Москва) – 550
- Музей семьи Цветаевых (Таруса) – 467
- Музей скульптуры (Кёльн) – 546
- Музей скульптуры (Сен-Жермен) – 546
- Музей-квартира М.Н.Ермоловой (Москва) – 461
- Музео Бонкомпаньо (Рим) – 539
- Музыкальный театр им. К.С.Станиславского и Вл.И.Немировича-Данченко (Москва) – 456

- Мюнхенский университет – 45, 464, 496  
 Мюнц-кабинет (Минц-кабинет) ИМУ –  
 см. Московский университет,  
 Нумизматический кабинет
- Народный университет им. А.Л.Шаняв-  
 ского (Москва) – 350, 406, 430
- Национальная картинная галерея  
 (Берлин) – 135, 268, 419
- Национальный археологический музей  
 (Афины) – 55, 243, 246, 249, 267, 308,  
 480
- Национальный музей (Неаполь) – 27, 78,  
 79, 537, 545, 566, 567
- Национальный музей (Флоренция) – 138,  
 150, 422
- Национальный музей терм Диоклетиана  
 (Рим) – 566
- Национальные музеи Франции –  
 см. Лувр
- Немецкий археологический институт  
 (Афины) – 55, 243, 509
- Немецкий археологический институт  
 (Рим) – 28, 39, 424, 464, 573, 574,  
 577–580
- Нижегородский Коммерческий клуб –  
 427
- Николаевская академия Генштаба  
 (Петербург) – 461
- Николаевская военно-инженерная  
 академия (ранее – Николаевское  
 инженерное училище, Петербург) –  
 406, 416, 481
- Николаевская детская больница  
 (Петербург) – 54
- Николаевско-Мининская богадельня  
 (Нижний Новгород) – 427
- Никольская мануфактура «М.Ф.Морозова  
 с сыновьями» – 380
- «Новый университет» – см. Московский  
 университет
- Новороссийский университет ( импера-  
 торский, Одесса) – 43, 44, 409, 411,  
 476, 524
- Новый музей (Берлин) – 135, 207, 419, 464
- Обсерватория – см. Московский универ-  
 ситет
- Общества студентские – см. Москов-  
 ский университет
- Общество вспомоществования учащимся  
 (Москва) – 489
- Общество истории и древностей  
 российских (с 1837 г. – императорское,  
 Москва) – 53
- Общество книгопродавцев (Москва) –  
 379
- Общество любителей естествознания,  
 антропологии и этнографии (Москва) –  
 19, 20
- Общество любителей коммерческих зна-  
 ний (Москва) – 369
- Общество любителей российской словес-  
 ности (Москва) – 19, 360, 386
- «Общество механических заводов  
 бр. Бромлей» (Москва) – 442
- Общество по распространению практи-  
 ческих знаний между образованными  
 женщинами (Москва) – 211, 379, 466
- Общество поощрения художеств (ранее –  
 общество поощрения художников,  
 императорское, Петербург) – 54, 165, 391
- Общество пособия нуждающимся  
 литераторам и ученым (Петербург) –  
 481
- Общество пособия нуждающимся  
 студентам императорского Москов-  
 ского университета – 465
- Общество распространения технических  
 знаний (Москва) – 410
- Общество художников исторической  
 живописи (Москва) – 382, 391
- Общество Шуйско-Ивановской железной  
 дороги – 380
- Община св. Евгении (Петербург) – 402
- Одесская рисовальная школа – 409
- Одинцовский кирпичный завод – 382
- Окружное инженерное управление  
 (Москва) – 504
- Окружной суд (Москва) – 203, 373, 519
- Окружной суд (Петербург) – 482
- Окружной суд (Рязань) – 288, 294

- Оксфордский университет – 410
- Павловский кадетский корпус – 356
- Педагогический институт  
им. П.Г.Шелапутина (Москва) – 453
- Педагогическое общество (Москва) – 489
- «Первая богемская гранильная и камне-  
резная фабрика» (Пильзень) – 486
- Первая московская гимназия – 343, 352
- Первый съезд русских художников  
и любителей художеств (1894, Москва) –  
46, 350, 360, 407, 424, 454, 543, 544
- Пергамский музей (Берлин) – 135, 300,  
419, 502
- Переднеазиатский музей (Берлин) – 78,  
419, 538, 542, 549
- Петербургский Металлический завод –  
370
- Петербургский технологический инсти-  
тут – 416
- Петербургский университет (император-  
ский) – 26–28, 36, 43, 56, 64, 68, 390,  
391, 409, 411, 471, 479, 481, 494, 514,  
526, 548
- Петровско-Александровский дворянский  
пансион-приют (Москва) – 503
- Политехникум (Дрезден) – 389
- Политехнический музей (Москва) – 20, 48,  
356, 379, 407
- Попечительный совет заведений общест-  
венного призрения (Москва) – 356
- Попечительский совет Московской город-  
ской художественной галереи братьев  
П.М. и С.М.Третьяковых – 361, 368
- Православное Палестинское общество  
(императорское, Петербург) – 349,  
362, 380, 453
- Прадо (Мадрид) – 109, 541, 545
- Практическая академия коммерческих  
наук (императорская, Москва) – 369
- «Преемник придворной фотографии  
И.Дьяговченко» (Москва) – 414
- Преображенский полк – 444, 458
- Приют цесаревны Марии (Москва) – 385
- Промышленно-техническое училище  
в память 25-летия царствования  
императора Александра II (ныне –  
Российский химико-технологический  
университет им. Д.И.Менделеева,  
Москва) – 350, 351, 374, 379, 411, 582
- Психиатрическая лечебница  
им. Н.А.Алексеева (Москва) – 469, 473
- Публичная библиотека (императорская,  
Петербург) – 200, 290, 324, 529
- Пушкинский Дом (Петербург) – 481
- Пятая мужская гимназия (Москва) – 435, 489
- Реальное училище (Орел) – 480
- Реальное училище им. Анатолия  
Шелапутина – 453
- Ремесленное училище им. И.С.Мальцова  
(Владимир) – 54, 144, 146, 150, 151,  
158, 321, 426
- Рижский политехнический институт – 368
- Российская академия (императорская,  
Петербург) – 413
- Российский (ныне – Государственный)  
Исторический музей (Москва) – 20,  
48, 65, 104, 247, 270, 349, 357, 381, 408,  
433, 437, 447, 448, 479, 529, 547, 550,  
552, 553, 568, 575, 582
- Российский государственный гуманитар-  
ный университет (Москва) – 23, 351
- Российский Этнографический музей  
(Петербург) – 458
- Российское археологическое общество  
(императорское, Петербург) – 381
- Российское музыкальное общество – 382,  
481
- Российское общество Красного Креста  
(ранее – Общество попечения о ране-  
ных и больных воинах) – 362, 444
- Румянцевский музей (Москва) – 20, 21,  
24, 29–31, 36, 39, 40, 47, 63, 67, 97, 106,  
124, 127, 134, 155, 180, 184, 187–193,  
195, 200, 201, 208, 210, 214, 225, 227,  
232, 236, 252, 270, 271, 274, 275, 278,  
287, 288, 290, 303, 305, 307, 312, 318,  
324, 327, 348, 349, 354, 355, 360, 370,  
384, 391, 392, 411, 413, 415, 424, 430,  
433, 444, 446, 453–455, 457–459, 462,  
469, 482, 485, 488, 489, 492, 494, 496,

- 500, 505, 510, 516, 527, 547, 550–553, 568, 573–580
- Русский музей им.Александра III (ныне – Государственный Русский музей, Петербург) – 87, 165, 185, 192, 247, 370, 391, 437, 448, 458, 507
- Русское географическое общество – 435
- Русское телеграфное агентство – 90, 372
- Русское техническое общество (императорское) – 379, 481
- Русское товарищество инженеров, Голубев и К<sup>о</sup> – 409
- Русское фотографическое общество – 414
- Садковская мануфактура (Москва) – 446
- Святейший Синод (Петербург) – 53, 482, 511
- Севастопольская биостанция – 481
- Северное страховое общество (Москва) – 385
- Сенат – 263, 489, 510
- «Сиу А. и К<sup>о</sup>. Парфюмерные и писчебумажные товары, типографские услуги» (Москва) – 489
- «Сиу С. и К<sup>о</sup>» – 489
- «Славянский базар», гостиница (Москва) – 360
- Служба древностей Египта – 364
- Совет министра народного просвещения – 54, 77, 101, 405
- Совет Московского университета – см. Московский университет
- Совет торговли и мануфактур Министерства финансов – 54, 382, 475
- Сорбонна (Париж) – 35
- Сормовские судостроительные заводы – 380
- Средние торговые ряды (Москва) – 49, 71, 368
- Старое здание Университета – см. Московский университет
- Старый музей (Берлин) – 44, 45, 48, 135, 152, 213, 268, 418–420
- Стеклодельные заводы Ю.С.Нечаева-Мальцова – 53
- Строгановское художественно-промышленное училище (ранее – Училище технического рисования, Москва) – 44, 137, 349, 350, 354, 357, 391, 392, 456, 568
- Строительная комиссия Музея – см. раздел «Проектирование, строительство и оборудование Музея изящных искусств»
- Строительная комиссия Университета – см. Московский университет
- Судебная палата Московская – 134
- Судебная палата Саратовская – 506
- Талицкая земская школа – 493
- Театр им. А.С.Пушкина (Москва) – 461
- Театрально-литературный комитет (Москва) – 19
- Театральный музей (Москва) – 418
- «Техническая контора Роберта Эрихсона» (Москва – Петербург) – 409
- Техническое училище Московско-Брестской железной дороги – 379
- Товарищество Балашихинской мануфактуры бумажных изделий – 453
- «Товарищество для производства и продажи строительных материалов «В.К.Шапошников, М.В.Челноков и К<sup>о</sup>» (Москва) – 95–97, 116, 119, 382
- Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К<sup>о</sup>» (Москва) – 354, 357, 358
- Товарищество Соколовской мануфактуры Асафа Баранова (Москва) – 431, 432
- Товарищество Тверской мануфактуры – 441
- «Товарищество Добровых и Набогольц» (Москва) – 409
- Томский политехнический институт – 467
- Томский университет – 467
- Торговый дом «Вдова А.Катуар с сыновьями» (Москва) – 382
- «Торговый дом В.Залеский и В.Чаплин» (Москва) – 409
- Троицкий кирпичный завод – 382
- Трокадеро (Париж) – 44, 45, 229, 304, 474
- Уваровский художественно-археологи-

- чешский музей (Поречье) – 408  
 Университетский музей (Бонн) – 538  
 Университетский музей (Бордо) – 538  
 Университетский музей (Галле) – 538, 546  
 Университетский музей (Гёттинген) – 538  
 Университетский музей (Кембридж) – 385, 538, 546  
 Университетский музей (Лейпциг) – 538, 546  
 Университетский музей (Оксфорд) – 385, 471, 538, 546  
 Университетский музей (Страсбург) – 538, 546  
 Усачевско-Чернявское женское училище (Москва) – 360  
 Уффици (Флоренция) – 540  
 Учебный художественный музей им. И.В.Цветаева (Москва) – 23, 65, 402, 480, 491  
 Ученый комитет по техническому и профессиональному образованию (Петербург) – 54, 405  
 Учетно-ссудный комитет по торгово-промышленным кредитам при московской конторе Государственного банка – 427  
 Училище Генштаба (Петербург) – 416  
 Училище живописи, ваяния и зодчества (ранее – Училище живописи и ваяния, Москва) – 44, 348, 349, 352, 460, 472, 527  
 Училище правоведения (Петербург) – 66  
 Училище Штиглица – см. Центральное училище технического рисования барона А.Штиглица в разделе «Исторические архитектурные комплексы и сооружения и их модели»  
 Физико-медицинское общество (Москва) – 19  
 Физиологический институт – см. Московский университет  
 Физический институт – см. Московский университет  
 Философское общество (Петербург) – 481  
 Финляндский полк – 485  
 Фонд Николая II для вспомоществования писателям и ученым – 386  
 Французская академия (Париж) – 504  
 Французская школа (Афины) – 469  
 Харьковский университет (императорский) – 43, 44, 411, 524  
 Хирургическая клиника – см. Московский университет  
 «Хирургическая лечебница с постоянными кроватями» (Москва) – 456  
 Хирургический институт – см. Московский университет  
 Хирургическое общество (Москва) – 466  
 Художественно-промышленный музей (Берлин) – 422  
 Художественно-промышленный музей им. императора Александра II при Строгановском училище (Москва) – 391, 456, 503, 552  
 Художественный музей ИМУ – см. Московский университет, Музей античного искусства и Музей изящных искусств и древностей  
 Художественный театр (Москва) – 357, 503  
 Цветковская галерея (Москва) – 567, 583  
 Шестая классическая мужская гимназия (Москва) – 480  
 Школа изящных искусств (Париж) – 44, 305, 385, 538, 542  
 Шуйская прогимназия – 480  
 Шуйское духовное училище – 26  
 Эрмитаж (императорский, ныне – Государственный Эрмитаж, Петербург) – 22, 30, 37, 64, 66, 101, 122, 123, 200, 369, 384, 389, 409, 412, 418, 524–526, 529, 567  
 «Эрмитаж», гостиница (Москва) – 260, 488  
 «Эстетический музей» (Москва) – 346, 347  
 Южно-Кенсингтонский музей искусств и ремесел (Лондон) – 44, 385, 538, 542  
 Юрьевский университет (императорский) – 37, 43, 44, 471

## УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН\*

### А

- Абамелек-Лазарев С.С. – 99, **386**  
Агамемнон – 467  
Адам (*библ.*) – 134, 135  
Адриан – 109, **401**, 541  
Айвазовский И. К. – 54, 395, 400  
Айналов Д.В. – 43, 188, 395, **454**, 455, 476  
Аксаков И.С. – 357  
Александр I Павлович – 352, 481  
Александр II Николаевич – 30, 51, 347, 349, 402, 405, 411, 445, 455, 474, 490  
Александр III Александрович – 77, 122, 154, 206, 244, 349, **352**, 358, 363, 366, 374, 404, 415, 425, 431, 487, 496, 497, 554  
Александр Великий (Македонский) – 88, 371, 533, 536, 541, 549  
Александра Георгиевна Греческая, вел. кн. – **350**, 490  
Александра Петровна, вел. кн. – 449  
Александра Федоровна, императрица (урожденная Алиса Гессен-Дармштадтская) – 181, 188, 203, 244, 255, 322, 323, 350, 371, 377, 378, 449, 452, 480, 481, 490  
Александра Федоровна, императрица (урожденная Фредерика Прусская) – 573  
Александров А.В. – 118, **408**  
Александров В.А. – 96, 116, 118, 124, 128–130, 153, 173, 186, **383**, 406, 408  
Александров Н.Н. – 463  
Александров П. – 164, 168, 436  
Алексеев А.А. – 358  
Алексеев А.И. – 494  
Алексеев А.С. – 580  
Алексеев К.С. – см. Станиславский К.С.  
Алексеев Н.А. – 227, **473**  
Алексеева В.А. – 47, 51, 81, 157, 345, 355, **358**, 359, 379, 542, 544, 546, 552, 554, 568, 569  
Алексей, царевич – 356  
Альберт Саксонский – 122, **412**  
Амфитеатров А.В. – 510  
Анастасия Николаевна, вел. кн. – 481  
Андреев К.А. – 580  
Андрей Рублев – 507  
Андрей, греческий принц – 402  
Аничков Н.М. – 521, 522  
Анопов И.А. – 191, **457**  
Анреп В.К. фон – 244, **481**  
Антиной – 109, 400, **401**, 509, 541  
Антокольский М.М. – 101, **388**  
Анучин Д.Н. – 580  
Апеллес – 536  
Аполлон (*миф.*) – 291, 469, 497, 525  
Аппельрот В.Г. – 44  
Арманд А.Е. – 127, **415**, 436, 546, 566  
Арманд Е.Е. – **415**, 436  
Арманд Е.И. – 415  
Арманд Э. Е. – **415**, 436  
Армбрустер Л. – **387**  
Арнольд Ю.К. – 64  
Артаксеркс II – 401  
Артемид (*миф.*) – 525  
Аттал I – 502, 545  
Афина (*миф.*) – 388, 525  
Афродита (*миф.*) – 464, 525  
Ахемениды (*династия*) – 401  
Ашшурнасирпал II – 386
- ### Б
- Байдаков Л.А. – 96, 116, **383**, 407  
Банза К.К. – 127, 163, 414  
Баранов И.А. – 542, 546, 566, **582**  
Баранова М.Н. – 542, 582  
Баринов Н.И. – 124, 125, 180, 284, **413**  
Баргенов П.И. – 26  
Бархин Г.Б. – 368  
Баснин Н.В. – 30, 575  
Бауман и Бекман (*транспортная фирма*) – 283  
Бауэр Г.Ф. (*магазин*) – 460  
Бахрушин А.А. – 418  
Бек Н.А. – см. Клейн Н.А.  
Беклемишев В.А. – 100, 101, 355, **388**, 413, 558  
Бёклин А. – 391

\* Полу жирным шрифтом выделены те страницы, где даны биографические сведения, курсивом отмечены страницы, относящиеся к комментариям.



- Белелюбский Н.А. – 121, 152, 168, 169, 175,  
250, **410**, 414, 451
- Белинский В.Г. – **346**
- Бельшев А.В. – 426
- Беляев А.Ф. – 294, **499**
- Бенардаки Д.Е. – **380**
- Бенардаки Е.И. – 310, **380**, 508
- Бенардаки М.К. – **380**
- Бенуа А.Н. – 58
- Бенуа Альб.Н. – 355, 558
- Бенуа Л.Н. – 54, 126, **400**, 414
- Бер (*дом*) – 511
- Бернини Л. – 55, 352, 392
- Бернштам Л.А. – **506**
- Бернштейн–Синаев (Синай) – см. Синаев–  
Бернштейн Л.С.
- Берс А.А. – 444
- Бестужев-Рюмин К.Н. – 349
- Блака (*собрание*) – 534
- Блюменау (Блуменау) – 281, 284, 285, 307,  
324, 328, 331, 335, 478, **494**
- Боас И. – 133, **417**
- Боборыкин П.Д. – 510
- Бобриков Н.И. – 324, **511**
- Бобринский А.А. – 65, **346**, 433
- Богданов А.П. – 521
- Боголепов Н.П. – 76, 81, 108, 121, 151, 189,  
244, 245, 326, **343–345**, 368, 372, 374, 397,  
398, 405, 412, 453, 477, 481, 482, 512, 513,  
521
- Богословский В.С. – 580
- Боде В. – 138, 139, **422**
- Бойцов П.С. – 49, 354
- Бон Р. – 577
- Борденав С.М. – 218, 221, 222, 224, 272, **468**
- Борисов-Мусатов В.Э. – 417
- Боровиковский В.А. – 124, **413**
- Боссе Ю.Э. – 400
- Боткин В.П. – 41, 223, **472**, 519, 520, 522, 535,  
542, 548
- Боткин Д.П. – 519, 520
- Боткин М.П. – 519, 574
- Боткин П.П. – 519, 520
- Боткин С.С. – 393
- Браманте Донато – 339, **516**
- Брандт Р.Ф. – 580
- Браунау Э. – 573
- Бромлей Ф. и Э. (*фирма*) – 172, 198, 210, 211,  
241, 249, 257, 275, 276, 293, 334, 335, **442**
- Бругш (Брукш)–бей Э. – 85, 97, 113, 114, 129,  
365–367, 384, 393, 461
- Брунн Г. фон – 45, **464**, 465, 532, 573
- Брусов М.Я. (*фирма*) – 131, 132, 146, 147, 153,  
416, 427, 428
- Брусов Я.А. (*фирма*) – 106–108, 110, 116, 126,  
130, 132, 140, 146, 148, 153, 169, 186, 187,  
196, 241, 257, 276, 279, 328, 394
- Бруччани (*мастерская*) – 194, 195, 458, 459
- Брюллов А.П. – 53
- Брюллов К.П. – 124, **413**
- Брюллов П.А. – 355, 558
- Брюль Г. – 389
- Брюсов В.Я. – 462
- Бубнов С.Ф. – 580
- Бугаев Н.В. – 580
- Бугров Н.А. – 171, 228, **441**
- Буле И. Ф. (Г.) – **346**
- Булочкин С.А. – 71
- Булыгин А.Г. – 377, 501
- Булыгинский А.Д. – 580
- Буслаев Ф.И. – 20, 76, **347**, 407, 409
- Бусургин С.И. – 130, 406
- Бутурлина (*дом*) – 441
- Бушера И. (А.) П. – **454**
- Быковский К.М. – 48, 49, 116, 158, **407**, 422,  
424, 532, 544
- Быховский Н.Н. – 168, 169, 176, 180, 182, 185,  
188, 190, 195, 198, 199, 212, 216, 229, 232,  
233, 237, 241, 247, 255–258, 277, 285–287,  
295, 306, 322, 329, 383, 440, 483, 506
- Быховский С. – 212
- В**
- Вагнер (*собрание*) – 419
- Вагнер Р. – 391, 495
- Вальгер Г. – 213, 215
- Ванновский П.С. – 251, 278, 280, 290, 303,  
305, 316–319, 321, 411, **485**, 486, 493, 510,  
512
- Василий Великий св. – 428
- Васнецов В.М. – 50, 54, 63, 103–105, 149, 156,  
176, 280, 295, 309, 310, 317, 332, 390, **391**,  
392, 395, 428, 429, 436, 443, 450, 500, 507
- Вебер А. Е. – 360
- Веденяпин А.А. – 130 - 133, **416**
- Вейнберг Я.И. – 544
- Велькер Фр. – 464

- Вельяминов (Воронцов-Вельяминов) А.П. – 302, 305, **504**  
 Вевитинов М.А. – 187, 200, 201, 279, 288, 391, **453, 493**  
 Венера (*миф.*) – 525  
 Верецагин В.В. – 295, 395  
 Вернадский В.И. – 68, 581  
 Верроккио Андреа, дель – 137, 139, **420**  
 Верфель К.Ф. – 251–253, **486**  
 Веселовский А.Н. – 19  
 Веснин Л.А. – 368  
 Виктория Баттенбергская (Гессенская), принцесса – 265, **490**  
 Виктор-Эммануил III – 490  
 Вильгельм II – 152  
 Винкельман И.И. – 532  
 Виноградов П.Г. – 20, 121, 376, **410**  
 Вингер Ф. – 478  
 Виппер Р.Ю. – 581  
 Витрувий – 353  
 Витте С.Ю. – 87, 234, 259, 330, **369, 415, 488**  
 Вишняков А.С. – 227, 230, 260, **473**  
 Владимир Александрович, вел. кн. – 142, 200, **424, 454, 461, 526, 539, 542, 567**  
 Вогау (фирма) – 127, 164, **415**  
 Воейкова Ю.А. (*дома*) – 197, **460**  
 Волковы (*дом*) – 457  
 Волконская З.А. – 76, **346–348, 551**  
 Волнухин С.М. – **495**  
 Вольтерс П. – 243  
 Вольф Ф. – 419  
 Воробьев М.Н. – 124, **413**  
 Воронов Г.Н. – 112, **384, 403**  
 Воронцов-Дашков – 497  
 Вышнеградский И.А. – 244, **354, 481**  
 Вяземский Л.Д. – 246, **483**
- Г**
- Габбэ З.Л. – 542, 546, **582**  
 Гаврилов А.М. – **346**  
 Гаврилов М.Г. – **346**  
 Гадес (*миф.*) – 401  
 Гадон В.С. – 193, 274, **458**  
 Гамди-Бей – 536  
 Гарнье Ш. – 368  
 Гаттамелата – **421**  
 Гедман Э.И. – 355  
 Гейне Г. – 159  
 Гельбиг В. – 40, 573  
 Генцен В. – 573  
 Георг I – 402  
 Георг, греческий принц – 402  
 Георгиевский А.И. – 114, 123, **405**  
 Георгиевский В.Т. – 309, **507**  
 Георгиевский Г.П. – 184, **446**  
 Георгий Александрович, вел. кн. – 466  
 Георгий Михайлович, вел. кн. – 165, 193, **437**  
 Геппнер М.К. – 92, 106, 157, 158, 175, **379, 394**  
 Герарди В. (*фирма*) – 509  
 Гергард и Гей (*транспортная фирма*) – 97, 238, 258, 283, **384**  
 Гермес (*миф.*) – 525  
 Геродот – 533  
 Гершензон М.О. – 476  
 Герье В.И. – 18, 121, 198, 374–376, **410, 411, 460, 461, 580**  
 Гессе П.П. – 185, **447**  
 Гессен-Дармштадтская, принц. – см. Елизавета Федоровна, вел. кн.  
 Гёдике Р.А. – 126, 360, **414**  
 Гёрц К.К. – 20, 30, 38–41, 69, 76, 347, **348, 349, 459, 520, 529, 535, 548, 551, 565, 574, 575**  
 Жельский А.П. – 86, 202, **369, 416**  
 Жельский Н.П. – 369  
 Гиацинтов В.Е. – 44, **505**  
 Гиберти Л. – 45  
 Гильгамеш (*миф.*) – 401  
 Гирш (*дом*) – 462  
 Гладков В.Л. (*мастерская*) – 261, 339, **407**  
 Гоген П. – 456  
 Гоголь Н.В. – 463  
 Голенищев В.С. – 21, 58, **64, 65, 350, 472**  
 Голицын В.М. – 82, 139, 239, 245, **361, 375–377, 501**  
 Голицын С.М. – 352, 457  
 Голицыны (*усадьба*) – 192, 197, 460  
 Головин А.Я. – 54, 372  
 Голофтеев Н.К. (*дома*) – 460  
 Голубев Н.Ф. – 580  
 Гомер – 55, 534  
 Гор (*миф.*) – 367  
 Гораций – 33, 492, 509  
 Горбов Н.М. – 583  
 Горбова С.Н. – 566  
 Горбунов И.Ф. – **508**  
 Гордеев Н.Н. – 278, 493

- Гордиан III – 538  
 Гортензий – 533  
 Горький А.М. – 441  
 Гостомысл – 487  
 Готье Л.В. – 132, 141, 163, **416**  
 Грабарь И.Э. – 455  
 Грановский Т.Н. – 348  
 Грѣз А. – 124, **413**  
 Грибоедов А.С. – 71  
 Григорьев Ап. – 435  
 Гримм Г.Д. – 354, 390  
 Грингмут В.А. – 435  
 Губарев А.П. – 581  
 Губонин П.И. – 152, **430**  
 Гук Ю. – 199, 461  
 Гуман К. – 502
- Д**  
 Далу Ж. – 497  
 Даль В.И. – 346, 460  
 Данилов М.П. – 297, **501**  
 Данте – 347  
 Дау (Доу) Дж. – 124, **413**  
 Дашков В.А. – 189, **454**, 574  
 Дебольский Н.Г. – 457  
 Делянов И.Д. – 404, 405, 522, 526  
 Демидов Сан-Донатто Е.П. – 366  
 Демосфен – 533, 535  
 Демосфенов А.Н. – 92, 96, 106, 116, 127, 131, 152, 157, 158, 160, 163, 187, 188, 199, 202, 203, 208, 210–212, 214, 241, 242, 252, 253, 256, 257, 263, 264, 266, 267, 270–272, 276, 284, **379**, 394, 409, 430, 434, 443, 452, 466, 483  
 Демская А.А. – 23, 392  
 Дѣрпфельд (Дѣрпфельд) В. – 55, 243, 449, 467  
 Дерюжинский А.Ф. – 502  
 Джеймс Г. – 391  
 Джотто – 171, **441**  
 Джулиано да Сангалло – 387  
 Дионисий – 507  
 Дмитриев И.В. – 63  
 Дмитрий Павлович, вел. кн. – 265, 276, 283, **490**  
 Добров С.И. – 522  
 Добротворская Е.А. – **417**  
 Добротворская Л.И. – 63  
 Добротворский И.З. – **417**  
 Долгоруков В.А. – 380
- Донателло – 136–139, 150, 228, 280, 291, **420**, 421  
 Достоевский Ф.М. – 360, 446  
 Доу – см. Дау  
 Думберг К.Е. – 448  
 Духовской М.В. – 376, 580  
 Дьяконов П.И. – 206, **463**, 581  
 Дюрер А. – 471
- Е**  
 Ева (*библ.*) – 134  
 Евгения Максимилиановна, вел. кн. – см. Ольденбургская Е.М.  
 Евланов П.П. – 368  
 Евмен II – 502  
 Екатерина II Алексеевна – 124, 500  
 Елена Павловна, вел. кн. – 40, **69**, 459, 551  
 Елеонский Н.А. – 580  
 Елизавета Петровна – 510  
 Елизавета Федоровна (Елисавета Феодоровна), вел. кн. – 51, 64, 77, 86, 99, 109, 122, 134, 135, 142, 144, 160, 181, 185, 254, 265, 273, 275, 283, 288, **350**, 361, 369, 377, 385, 393, 425, 434, 448, 490, 501, 567  
 Ермолов А.С. – 255–257, 286, 304, 306, 322, 324, **487**  
 Ефимов Н.Е. – 370
- Ж**  
 Жебелев С.А. – 36  
 Жильерон Э. – 242, 254, 480  
 Жильярди Д.И. – 429, 507  
 Жиродон (*фотомастерская*) – 192, **458**  
 Жолтовский И.В. – 49  
 Жуковский В.А. – 391, 445  
 Жуковский Н.Е. – 580  
 Жуковский П.В. – 50, 103, 125, 137, 138, 187, 190, 264, 265, 279, 280, 283, 295, 339, 361, 370, **391**, 392, 395, 420, 421, 439, 456, 494, 495, 516  
 Журавлев М.Н. – 157, 199, **431**, 432, 447
- З**  
 Загорский В.П. – 457  
 Закандин – 173, 176, 178, 208, 440  
 Закревские (*семья*) – 417  
 Закревский А.А. – 134, **417**  
 Залеман Г.Р. – 309, 339, 497, 498, **507**  
 Залесский В.Г. – 119, 126–128, 168, 169, **408**  
 Залесский П.И. – 358, 568, 583  
 Заруцкий П.А. – 368

- Зауэр Б. – 142, **424**  
 Захаров Н.А. – 125, 130, 132, 144, 165, 195,  
 196, 199, 214, **383, 413, 416, 438, 443**  
 Захарьин Г.А. – 51, 89, **371**  
 Захарьин С.Г. – 51, **371**  
 Захарьина А.Г. – см. Подгорецкая А.Г.  
 Захарьина Е.П. – 51, **371**  
 Захарьины (семья) – 371  
 Зверев Н.А. – 82, 90, 91, 105, 108, 113, 123,  
 145–147, 150, 151, 191–193, 201, 210, 214,  
 244, 245, 270, 321, 330, **360, 361, 373–375,**  
 377, 378, 397–399, **406, 426, 429, 432, 457,**  
 467, 468, 510, 544  
 Зеeman А.Е. (издательство) – 238, 478, 514  
 Зелинский Н.Д. – 581  
 Зенгер Г.Э. – 317, 318, 321, 326, **509**  
 Зернов Д.Н. – 100, 101, 116, 121, **388, 400,**  
 580  
 Зилоти В.П. – 415  
 Зограф Н.Ю. – 580  
**И**  
 Иванов А.А. – 30, 190, 424, 455, 573 – 580  
 Иванов С.А. – 142, **424, 455, 573, 574, 577,**  
 579, 580  
 Игнатъев Л.Н. – 150, 167, 181, 220, 273, 278,  
**439**  
 Игнатъев П.Н. – 439  
 Избера К.Ф. – 63, 114, 160, 164, 174, 176,  
 221, 222, 262, 264, 283, **405, 479, 501**  
 Иконников А.В. – 49  
 Иктин – 423  
 Иловайская В.Д. – см. Цветаева В.Д.  
 Иловайский Д.И. – 81, 115, 160, 162, 227, 262,  
 268, 297, 318, **357, 372, 488, 491, 510, 566**  
 Ильин М.А. – 49  
 Иоанн Дамаскин – 437  
 Иоанн, экзарх Болгарский – 164, **437**  
 Иосса Н.А. – 323, 329, **511**  
 Исаков Н.В. – 40  
 Исакович А.С. – 493  
 Исида (миф.) – 464  
 Исократ – 533  
 Истомин В.И. – 361  
 Истомин В.К. – 51, 82, 86, 88, 90, 99, 100,  
 112, 122, 158, 166, 173, 174, 178, 180, 182,  
 185, 202, 203, 206, 217, 218, 222, 272, 283,  
 286, 287, 289, 305, **361, 365, 369, 371, 375,**  
 386, 397, 398, 443, 444, 446, 503, 505, 508  
 Истомин К.К. – 86  
**К**  
 Каввадия (Каввадиас) П. – 220, 243, 248,  
 267, **470**  
 Кавелин А.А. – 445  
 Каган Ю.М. – 24  
 Казаков М.Ф. – 429  
 Казначеев К.А. – 47, 51, 92, 93, 107, 127, 146,  
 310, 359, **379, 380, 409, 466, 554, 569**  
 Калайдович К.Ф. – 437  
 Калликрат – 423  
 Камаровский Л.А. – 580  
 Каналетто А. – 124, **413**  
 Канова А. – 109, **400**  
 Капнист П.А. – 521, 522  
 Каразин Н.Н. – 240, **412**  
 Карл Великий – 464  
 Кареев Н.И. – 410  
 Кассо Л.А. – 580  
 Катков М.М. – 446  
 Катков М.Н. – 114, 348, **404, 405, 444, 446,**  
 512  
 Катгуар Л.И. – 96, **382**  
 Каульбах В., фон – 464  
 Каченовский М.Т. – 346  
 Кверча Якопо, делла – 139, **422**  
 Келлер С.В. – 134, 417  
 Кельх А.Ф. (дом) – 125, 414  
 Кефисодот – 532, 545  
 Кирпичников А.И. – 121, 297, **411, 454, 501,**  
 580  
 Кирхгоф Т.И.Ф. – 101, **389**  
 Киттенер И.С. – 379  
 Клейн Е.Р. – см. Сенявина Е.Р.  
 Клейн И.Ф. – 580  
 Клейн К.Ф. – 581  
 Клейн (урожденная Бек) Н.А. – 447, **511**  
 Клейн Н.Н. – 64, 407  
 Клейн Р.И. – 18, 44, 45, 49, 53, 61, 64, 66, 71,  
 86–98, 103, 104, 106–108, 110, 115–121,  
 123–129, 131–133, 135, 140, 141, 144, 145,  
 150–153, 155, 156, 158, 163, 167, 172–175,  
 177, 180–183, 185–187, 190, 193–196, 198,  
 201, 205–208, 210–212, 214, 215, 229, 233,  
 241, 242, 247, 249, 250, 252, 253, 257, 258,  
 260–267, 269, 271–273, 276, 282–284, 286,  
 291, 293, 299, 300, 302, 304–307, 311, 314,  
 315, 323–325, 328–335, 337–339, 354, 355,

- 359, 361, 362, 366, **368**, 369, 373, 375–378,  
380, 388, 390, 392, 393, 395–397, 402, 407,  
409, 412, 423, 425, 428, 432, 434, 443,  
447–453, 457, 470, 492, 493, 510, 511, 570
- Кленце Л. – 370
- Ключевский В.О. – 20, 121, **410**, 476, 580
- Кнауэр Ф.И. – 500
- Кноп Л. (*торговый дом*) – 446
- Ковалевский А.О. – 244, **481**
- Ковалевский В.И. – 244, 308, 324, **481**, 511
- Ковалевский М.М. – 500
- Коган М.В. – 130
- Козлов А.С. (*мастерская*) – 407
- Козлов В.А. (*мастерская*) – 116, 126, 207, **407**
- Колесников И.А. – 93, 113, 151, 153, 155, 171,  
176, 186, 199, 226, **380**, 418, 436, 447, 452,  
453, 473
- Колесникова Кс. Ф. – 151, 153, 380, 436,  
452
- Коллеони – **420**
- Коллиньон М. – 35
- Колоколов Г.Е. – 580
- Колупанов Н.П. – 576
- Комиссаров М.С. – 542, 566, 582
- Кондаков Н.П. – 43, 44, 120, 148, 149, 156,  
309, 395, **409**, 428, 429, 454, 476, 507
- Кондратьев Д.Ф. – 93, 146, 172, 176, 177,  
310, 311, 334, **380**, 507, 508
- Кони А.Ф. – 245, **482**
- Кони (*семья*) – 427
- Константин Константинович, вел. кн. –  
244, **481**, 567, 583
- Константин Николаевич, вел. кн. – 402
- Конце А. – 243, 577
- Корелин М.С. – 21, 64, 410, 476
- Корнилов А.П. – 273, **492**, 576
- Коровин К.А. – 54
- Корсаков Н.С. – 580
- Корш В.Ф. – 411
- Корш Ф.Е. – 20, 121, 326, **410**, 513
- Коссииковская М.А. – 200, 201
- Коссииковский А.В. – 203, 462
- Котарбинский В.А. – 395
- Кочубей Л.В. (*дом*) – 400
- Крамской И.Н. – 54
- Краснов – 199
- Красовская М.С. – см. Скребицкая М.С.
- Красовский А.К. – 183, **445**
- Крафт А. – **420**
- Крейц Е.П. (*дом*) – 191, 200, 201, 457
- Кресил – 535
- Крюков А.А. – 580
- Кудрявцев А. – 520
- Кузнецов И.С. – 219, 469
- Кузьмин Р.И. – 400
- Куинджи А.И. – 54
- Кук Т. – 85, **366**
- Куропаткин А.Н. – 324, **511**
- Кутырин М.Д. – 329, **514**
- Кушелев-Безбородко (*дача*) – 393
- Кушнерев И.Н. (*типолитография*) – 499
- Л**
- Лалу В. – 410
- Ланчани Ф. – 185, **423**, 452
- Лапина И.П. – 370
- Латышев В.В. – 36, 405
- Лахтин Л.К. – 581
- Лебедев А.П. – 580
- Лебедев П.Н. – 581
- Левенсон А.А. (*скоропечатня*) – 106, 122, 168,  
171, 235, **394**
- Левитан И.И. – 357
- Левицкий Д.Г. – 124, **413**
- Лейден Э.В., фон – 85, **366**, 417
- Лейст Э.Е. – 581
- Лелли Дж. (*мастерская*) – 228
- Ленбах Ф. – 391
- Леонтьев П.М. – 37, 38, 76, 112, 347, **348**,  
410, 512, 518, 548, 551, 565
- Лепешкин С.В. – 542, 546, 566, **582**
- Лёшке Г. – 467
- Ликург – 535
- Линде Ф.-К. (Ф.Г.) – 188, **453**
- Липгарт Э. – 96, 97, 100, 108, 110, 116, 124,  
128–132, 148, 153, 165, 198, 216, 232, 412,  
416, 437, 438
- Липгарт-сын – 131
- Лисикрат – 505
- Лисипп (Лизипп) – 37, 536
- Лисия (Лисий) – 533
- Лист Г.А. – 96, 125, 129, 130, 132, 144, 153,  
165, 169, 170, 173, 177, 179, 180, 182, 183,  
187, 189, 192, 195, 196, 198, 199, 201–204,  
208, 211, 212, 216–218, 224, 229, 231, 234,  
236, 237, 241, 247, 249, 250, 252, 254–257,  
261–264, 266, 267, 269–272, 277, 279, 281,

- 284–287, 289, 293–295, 303, 304, 306, 307, 322–324, 328, 329, 331–337, 339, **383**, 414, 416, 437, 438, 440, 443, 454, 461, 478, 483, 484, 493, 510
- Лист Г.И. – 383
- Лист Ф. – 391
- Ли Хун-чжан (Лихунчан) – 293, **498**
- Лобко П.Л. – 200, 244, **461**
- Лопатин Л.М. – 580
- Лубэ Э. – 322, **510**
- Лукин – 171, 172, 181
- Львов Н.А. – 124, **413**
- Львова М.А. – 413
- Львова М.М. – 124, 413
- Львовы (*семья*) – 124
- Любавин Н.Н. – 580
- Любимов Н.А. – 114, **405**
- Люгебиль К.Я. – 27, **66**, 582
- Людвиг Баварский, принц – 496
- Людвиг Баттенбергский, принц – 265, **490**
- М**
- Мазырин В.А. – 440
- Майано Бенедетто, да – 138, 139, **421**, 422
- Майков А.Н. – 386, 403
- Майков Л.Н. – **386**, 403, 508
- Макеев А.М. – 580
- Маковский В.Е. – 542, **582**
- Маковский К. Е. – 395
- Маковский С.К. – 56
- Максимов А.П. – 54
- Малевинский Н.Я. – 239, **479**
- Маль Э. – 304, **504**
- Мальмберг В.К. – 43, 44, 223, 225, 395, 424, **471**, 472
- Мальпери Л. – 509
- Мальпери Ч. – 315, 316, 320, 327, 331, 509
- Мальцов А.П. – 467
- Мальцов И.С. – 53, **71**, 426
- Мамонтов С.И. – 542, **583**
- Маргарита Савойская, королева Италии – 264, **490**
- Мариетт О. – **364**
- Мария-Елизавета Саксонская – 490
- Мария Павловна младшая, вел. кн. – 265, 276, 283, **490**
- Мария Павловна старшая, вел. кн. – **424**
- Мария Федоровна, императрица – 377, 444, 480
- Марк евангелист – 82, 363
- Марк М.Ф. – 415
- Марков А.К. – 134, **418**
- Мартин св. – **472**
- Мартинелли Н. – 484
- Марукки О. – 113, 129, **404**
- Марциал – 442
- Масперо Г. – 83, **364**, 365
- Матвеев К.С. – 63
- Матвеев Н.С. – 95, **382**, 387
- Медведников И.Л. – 468
- Медведникова А.К. – 219, **468**
- Медгёрст А.Г. (Медгурст А.Ф.) – 172, 173, **441**
- Мейн А.Д. – 46, 50, 51, 81, 82, 103, 115, 133, 135, 136, 183, 213, 270, 345, 349, **356**, 366, 371, 381, 388, 397, 400, 417, 463, 502, 533, 542, 546, 565
- Мейн М.А. – см. Цветаева М.А.
- Мейн С.Д. – 214, 235, 276, 292, 301, 417, **467**
- Мельников-Печерский П.И. – 446
- Менгден Г.Г. – 160, 181, 273, 274, **434**, 448, 449
- Менге Р. – 478
- Менес (*миф.*) – 83
- Меркурий (*миф.*) – 443
- Месмахер М.Е. – 494
- Меценат – 102, 233
- Мецанинов И.В. – 321, **510**
- Микеланджело – 136, 228, 280, 291, **420**, 553
- Миллер В.Ф. – 20, 197, 408, 498, **499**, 500, 512, 580
- Минос (*миф.*) – 222, 470
- Минотавр (*миф.*) – 470
- Мирон – 357
- Миронов А.М. – 44, 436, 489
- Митропольский Н.А. – 580
- Михаил Александрович, вел. кн. – 466
- Михаил Николаевич, вел. кн. – 437
- Михаил Павлович, вел. кн. – 69
- Михаэлис А. – 142, **424**, 467, 515
- Млодзеевский Б.К. – 580
- Модестов В.И. – 29, 66–68, 70, 72, 349–351, 355, 357, 417, 420, 460, 499, 505
- Моисей (*библ.*) – 464
- Морган Ж.Ж.М., де – **408**
- Мордвинов – 428
- Мормоне И.И. – 507

- Морозов А.А. (*дом*) – 440  
 Морозов Д.И. – 435  
 Морозов М.А. – 171, 185, 209, 320, **441**, 452  
 Морозов Сав.Т. – 357, 358, 566  
 Морозов Серг.Т. – 81, 176, 199, **357**, 358, 461, 542, 546, 566  
 Морозова В.А. – 434  
 Морозова М.Ф. – 81, **358**, 542, 546, 566  
 Мороховец Л.З. – 581  
 Мосолов Н.С. – 30, 219, **469**, 542, 546, 566, 575  
 Мрочек-Дроздовский П.Н. – 580  
 Мсерианц Л.З. – **463**  
 Муратов П.П. – 56–59  
 Муромцев Л.М. – 99, 105, 147, 154, 170, 183, 287, 288, 293, 305, **386**, 393  
 Муромцев Н.А. – 170, **394**  
 Муромцева Е.Н. – 105, 147, 154, 170, 209, 288, 293, 294, 305, **393**, **394**, 428  
 Мутноджемт – 367  
 Мюллер А. (*мастерская*) – 352
- Н**
- Нагаткин М.С. – 47, 51, 182, **359**, 554, 569  
 Надеждин Н.И. – **346–348**  
 Найденов Н.А. – 227, **473**  
 Назаревский А.В. – 63  
 Назаров А.А. – 354, 566  
 Нарышкин В.А. – 249, **485**  
 Нарышкины (*усадьба*) – 430  
 Недешев П.А. – 293, 320, **498**  
 Нейдин И.И. – 580  
 Некрасов Н.В. – 164, 165, 260, 261, 290, 436  
 Некрасов П.А. – 35, 90, 115, 121, 144, 150, 165, 297, 308, 322, **372–375**, 377, 378, 397, 398, 404–406, 418, 498, 501, 513, 521, 522, 544  
 Нектанеб II – 491  
 Нерво – 576  
 Нерон – 537  
 Нефедьев Е.А. – 287, 288, **496**, 580  
 Нечаев Д.С. – 53, 177, **443**, 492  
 Нечаев С.Д. – 53, 492  
 Нечаева А.С. – 53, 91, 109, 118, 155, 164, 207, 227, 230, 270, 272, 288, 290, 294, 296, 373, 400  
 Нечаева С.С. – 53, 91, 100, 118, 128, 130–132, 134, 155, 164, 207, 227, 230, 233, 244, 245, 263, 270–272, 287, 288, 290, 294, 296, 373, 400
- Никитин П.В. – 326, 470, **514**  
 Никитский А.В. – 36  
 Никифоров М.Н. – 581  
 Никколо Пизано – 432  
 Николай I Павлович – 95, 244, 402, 437, 454  
 Николай Александрович, цесаревич – 347  
 Николай II Александрович – 77, 86–90, 95, 97, 99, 100, 118, 121, 125, 141, 143, 154, 166, 167, 179, 181, 182, 185, 186, 188, 193, 198, 202–206, 209, 211, 224, 228, 244, 245, 251, 253, 255, 256, 259–261, 263, 272, 281, 285, 298, 305, 312, 313, 318, 322–324, 329, 332, 345, 349, 350, 368–375, 377, 378, 386, 387, 398, 399, 407, 447–452, 458, 462, 466, 472, 510, 569  
 Николай Михайлович, вел. кн. – 193,  
 Никольский – 130, 181, 189  
 Новиков И.А. – 211, **466**  
 Новиков Н.И. – 53  
 Новицкий А.П. – 455, 575, 579  
 Новосадский Н.И. – 36  
 Новоцкий И.Н. – 580  
 Ноев Ф.Ф. (*торговый дом*) – 147, 207, 238, **428**  
 Ньютон Ч. – 459, 551
- О**
- Ободовский А.Г. – 417  
 Овчинниковы М.П. и А.П. (*мастерская*) – 245, 482  
 Одескальки (*коллекция*) – 401  
 Октавиан Август – 533, 537  
 Оливье (*ресторан*) – 488  
 Олсуфьев А.В. – 173, **442**  
 Олсуфьев В.А. – 173, **442**  
 Олтаржевский В.К. – 406  
 Ольга Александровна, вел. кн. – 270, **491**  
 Ольга Константиновна, королева греческая (королева эллинов) – 51, 52, 111, 112, 122, 143, 187, 217, 220–222, 243, 245, 394, **402**, 425, 468  
 Ольденбургская Е.М., принцесса – 111, 112, 200, 394, **402**  
 Ольденбургский П.А., принц – **491**  
 Омольт Т. – **469**, 470  
 Омон М.Г. (*театр*) – 301, **503**  
 Онганья (Онганио) Ф. – 83, 111–114, 117, 140, 150, **364**  
 Ону М.К. – 220–222, **470**  
 Опекушин А.М. – 197, 370, 388

- Опенгейм И. – 500  
 Орлов-Давыдов С.В. – 134, 135, 185, 380, **418**  
 Орловский А.О. – 124, **413**  
 Островский А.Н. – 435  
 Остроглазов В.М. – 275, 492  
**П**  
 Павел, апостол – 387  
 Павел Александрович, вел. кн. – 51, 265, 276, 283, 350, 377, 434, **490**  
 Павел I Петрович – 445, 500  
 Павлинов К.М. – 580  
 Павлов А.П. – 580  
 Павлов Н.Ф. – 434  
 Павловский А.А. – 43, 44, 395  
 Павлуцкий Г.Г. – 43  
 Палладио А. – 413  
 Пантелеев А.А. – 96, 118, **383**  
 Парфений, епископ Можайский – 155, **431**  
 Пастуховы (семья) – 427  
 Пашков (дом) – 429  
 Пенский Г.А. – 65  
 Пенский С.В. – 65  
 Периандр Коринфский – 534  
 Перикл – 423, 533–535  
 Перро Ж. – 120, 159, 225, **409**, 433  
 Персефона (миф.) – 109, 401  
 Перфильев В.С. – 361  
 Петр Николаевич, вел. кн. – **346**  
 Петра Дж., де – 28  
 Петров Н.П. – 244, **481**  
 Пий IX – 387  
 Пирготелес – 536  
 Писемский А.Ф. – 446, 482  
 Плас В. – **410**  
 Платон – 533  
 Плеве В.К. – 317, **509**  
 Плещеев А.Н. – 159  
 Плутон (миф.) – 541  
 Победоносцев К.П. – 245, 324, **482**, 487  
 Погодин М.П. – 76, **347**  
 Подгорецкая А.Г. – 51, 52, 55, 137, 213, 215, 228, 238, **371**, 445, 447  
 Поленов В.Д. – 24, 45, 49, 50, 54, 103–105, 156, 176, 264, 265, 280, 295, 310, 317, 332, 382, 390, **391**, 392, 395, 515  
 Поливект – 536  
 Поликет – 39, 357, 544  
 Поляков Л.С. – 46, 51, 81, 310, 320, **356**, 380, 408, 427, 441, 455, 461, 502, 542, 546, 566, 582  
 Поляков М.А. – 508  
 Поляков С. – **356**  
 Померанцев А.Н. – 54, 125, 126, 197, 305, 370, **414**  
 Помяловский И. В. – 66, 68, 101, 264, 389, **390**, 471, 479  
 Попов К.С. – 46, 79, 81, **354**, 485, 502, 503, 522, 542, 544–546, 565, 566, 575  
 Попов П.М. – 580  
 Поповы К. и С. (фирма) – 354  
 Пороховщиков А.А. (меблированные комнаты) – 457  
 Постников П.И. – 190, 456  
 Пракситель – 37, 39, 42, 530, 532, 545  
 Прахов А.В. – 43, 44, 395, 471, 524  
 Преображенский П.В. – 575  
 Прове И.К. – 146, 184, 199, 237, 238, **427**, 461  
 Прове Ф.И. – 184, 223, **446**  
 Прозерпина (миф.) – 541  
 Проперций – 509  
 Проскуряков Л.Д. – 173, **442**  
 Протопопов С.А. – 99, 199, 305, **385**, 505  
 Птолеми (династия) – 104, 367, **393**  
 Пушкин А.С. – 346, 386  
 Пэоний – 357  
**Р**  
 Рануцци А. – 140, 185, 186, **423**  
 Распутин Г.Е. – 441  
 Раттенок И.П. – 229, 237, 241, 252, 253, 256, 261, 264, 267, 281, 282, 284, 289, 322, 323, 329, 331, 335–337, 478, 483, 484  
 Рафаэль – 291, 553  
 Рахманов (Рохманов) В.А. – 114, 261, 318, **405**, 457  
 Рашдорф Ю. – 430  
 Реветт Н. – 424  
 Редин Е.К. – 43, 44, 395  
 Рейман Ф.П. – 31, 79, 89, 120, 124, 125, 206, 224, 320, 327, 328, **353**, 354, 371, 378, 404, 409, 441, 463, 465, 509, 510, 514, 529, 545, 566  
 Рейнак Т. – 536  
 Рейтерн Г.В. – 391  
 Рерберг И.И. – 24, 49, 70, 116, 118, 129, 132, 141, 144, 146, 153, 154, 156, 157, 187, 188, 192, 194–199, 201, 233, 252, 261–264, 266,



- 267, 269, 271, 272, 275, 279, 284, 297, 299,  
302, 305, 329, 330, 335, 338, 339, **406, 412,**  
**423, 431, 504**
- Рерберг И.Ф. – 129, 141, **415**
- Ригель С.Н. – см. Ридель С.Н.
- Ридель С.Н. – 307, 308, **506**
- Рильке Р.-М. – **485**
- Рингель Э.Ф. – 108, 110, 119, 123, 130, 148,  
150–153, 165, **397**
- Рихтер (дом) – **429**
- Рихтер В. (*типография*) – **476**
- Риццони А.А. – 319, 320, **463, 510**
- Рицшель Э.Т.Ф. – **389**
- Ричль Фр. – 101, **464**
- Роббиа, делла (*семья*) – 137, 150, 238, 308
- Роббиа А., делла – 138, 139, 228, **420**
- Роббиа Дж., делла – **420**
- Роббиа Л., делла – 138, 139, 228, **420**
- Роден О. – 55, **485, 497**
- Розанов М.Н. – 19
- Романелли П. – **498**
- Романелли Раф. – **497, 498**
- Романелли Ром. – **498**
- Романов Н.И. – 44, 51, 59, 67, 70, 154, 164,  
171, 184, 215, 289, 373, 378, **405, 430, 431,**  
**436, 441, 456, 467, 468, 508**
- Ромул (*миф.*) – 140
- Росселино А. – 138, 139, **421**
- Росси Дж.Б., де – 31, **404, 465**
- Росси К.И. – **458**
- Ростовцев М.И. – **433**
- Рот В.К. – 115, **405, 406, 581**
- Ротшильд А. (*коллекция*) – **502**
- Рохманов В.А. – см. Рахманов В.А.
- Рошфор В.Я. – 30, **575**
- Рубинштейн Н.Г. – **407**
- Рукавишников И.М. – 146, 199, 209, 320, **427**
- Рукавишников К.В. – **374, 382, 503**
- Рукавишников С.М. – **427**
- Рукавишниковы (*семья*) – **427**
- Румянцев Н.П. – 30, 322, **510**
- Рыбников Н.Н. – 208, 210, 250, **439, 466**
- Рюрик – **487**
- С**
- Сабанеев А.П. – 580
- Саблер В.К. – 324, **511**
- Сабуров П.А. (*коллекция*) – 525
- Саврасов А.К. – **407**
- Садоков К.И. – 522
- Салтыков-Щедрин М.Е. – **418, 446**
- Самарин Д.Ф. – 51, 81, **357, 542, 546, 566**
- Самарин Ю.Ф. – 51, **357**
- Самоковасов Д.Я. – 580
- Сансовино А. – 138, **421**
- Сансовино Я. – 64, 138, **350, 421**
- Саргон II – 120, **386, 401, 459**
- Свиньин В.Ф. – 193, **370, 458**
- Семенов-Тянь-Шанский П.П. – 167, **439**
- Семирадский Г.И. – 54, 240, 247, 261, 264,  
295, 304, 317, 332, **400, 479, 484, 490, 505**
- Сенявина Е.Р. (урожденная Клейн) – **511**
- Сергеевский (Сергиевский) Н.Д. – 244, **481**
- Сергей Александрович, вел. кн. – 47, 51, 52,  
77, 80, 81, 84–90, 94, 95, 99, 100, 108, 112,  
115–119, 122, 124, 125, 128, 130, 132–135,  
138–144, 147, 148, 153, 156, 158, 159, 161,  
164, 165, 168, 171–174, 176, 179–183,  
185–188, 190–193, 197, 202, 203, 209, 212,  
214–218, 220–226, 228, 230, 234, 240, 242,  
245–247, 249, 250, 253–255, 259, 260, 265,  
267, 269–276, 278, 280, 282, 283, 286–289,  
299, 300, 308, 312, 313, 320, 323, 326, 329,  
337, **344, 345, 349, 350, 352, 356, 361–363,**  
**369, 373–377, 386, 396–400, 402, 404, 415,**  
**422, 423, 425, 434, 438, 439, 441, 447–450,**  
**452, 454, 456, 458, 460, 480, 482, 490, 492,**  
**493, 500, 502, 503, 505, 508, 509, 511, 515,**  
**544–547, 567, 569**
- Сергий, архиепископ Владимирский – **504**
- Серов В.А. – **441**
- Сеттергрэн И.Н. – **354**
- Сеттиньяно Дезидерио, да – 138, 139, **422**
- Симеон, болгарский царь – **437**
- Симонсон-Кастелла Э. – 188, **453**
- Синаев-Бернштейн Л.С. – 291, 303, 306, 309,  
332, 339, **497**
- Синаххериб – **386**
- Синицын П.В. – **448**
- Синицын Ф.И. – 211, **466, 580**
- Сипягин Д.С. – 317, **490, 509**
- Сопка – 37, 42, 530, 551
- Скребицкая М.С. – 51, 183, 184, 231, **445, 475**
- Скребицкий А.И. – 231, **445, 474, 475**
- Смирнов Я.И. – 36
- Смирнова Л.М. – 23, **392**
- Снегирев В.Ф. – 580

- Собко Н.П. – 436  
 Соболевский В.М. – 434  
 Соболевский С.И. – 580  
 Соколов А.П. – 580  
 Соколов М.И. – 580  
 Соколов Ф.Ф. – 35, 36, **68**  
 Соколовский П.Э. – 580  
 Сократ – 533  
 Солдатёнков К.Т. – 46, 51, 81, 275, **355**, 492,  
 496, 522, 532, 542, 544–546, 565  
 Соловьёв М.Ф. – 200, **461**  
 Соловьёв С.М. – 20, 349, 410  
 Солон – 464  
 Сонин Н.Я. – 244, **481**  
 Софокл – 533, 535  
 Сохацкий П.А. – **346**  
 Сперанский М.М. – 244, **481**  
 Спихарный И.К. – 581  
 Станиславский К.С. – 473  
 Станкевич Н.В. – **346**  
 Стасов В.В. – 159, 164, **432**, 433  
 Стахеев Н.Д. – 208, 465  
 Степанов К.П. – 280, **494**  
 Степанов М.П. – 82, 122, 130, 142, 153, 156,  
 166, 172, 174, 185, 186, 190, 203, 262, 265,  
 270, 275, 289, 351, 361, 362, 375, 454, 542  
 Стефани Л.Э. – 123, **412**  
 Стаматакис П. – 467  
 Сторожено Н.И. – 19, 20, 438  
 Страдивари А. (*скрипка*) – 582  
 Стрешневы (*усадьба*) – 430  
 Строщи (*семья*) – 138, 422  
 Стюарт Дж. – 142, 424  
 Суворин А.С. – 372  
 Суворов Н.С. – 580  
 Султанов Н.В. – 51, 125, 355, 370, 558  
 Сумароков Ю. (Г.) В. – 190, 456  
 Сумароков-Эльстон Ф.Ф. –  
 см. Юсупов Ф.Ф., старший  
 Сумбул Л.Н. – 103, 206–208, **392**, 463, 464  
 Сунди И.А. – 117, **408**  
 Сципион – 533
- Т**  
 Табурно А.П. – 153, **430**  
 Таганцев Н.С. – 244, **481**  
 Талицкий И.В. – 96, 106, 110, 141, 158, 159,  
 172, **382**, 394  
 Танеев А.С. – 147, 150, 151, **427**
- Тарасов И.Т. – 580  
 Тацит К. – 26  
 Тевяшов А.А. – 437  
 Тибулл А. – 26, **66**, 67  
 Тимирязев К.А. – 414, 477  
 Титов И.В. – 380  
 Тихомиров А.А. – 106, 297, 394, 426, 501, 580  
 Тихомиров В.А. – 580  
 Толстой А.К. – 487  
 Толстой Д.А. – 34, 68, 326, 404, 512  
 Толстой И.И. – 52, 344  
 Толстой Л.Н. – 178, **360**, 361, 407, 443, 444,  
 446, 482  
 Толстой Ф.А. – 417  
 Тома Ф. – 120, **410**  
 Томишко А.О. – 355, 558  
 Тон К.А. – 352  
 Тончи С. (Н.И.) – 124, **413**  
 Торвальдсен Б. – 551  
 Трей Г. (Е.Е.) – 45, 101, 118, 121–123, 137,  
 156, 194, 282, 291, 306, 310, 311, 337, 357,  
**389**, 495, 496, 507, 583  
 Трепов Д.Ф. – 287, **496**  
 Трескин Н.Н. – 111, 154, 161–165, 207, 238,  
 264, 266, 289, 300, 373, **403**, 405, 417, 435,  
 482, 489, 503  
 Третьяков С.М. – 392, 458  
 Третьяков П.М. – 46, 51, 81, 348, **355**, 382,  
 415, 542, 546, 566  
 Троицкий М.М. – 112, **403**, 435, 544  
 Трубецкой Е.Н. – 362  
 Трубецкой П.Н. – 82, 172, **362**, 441, 442  
 Трубецкой П.П. (Паоло) – **362**  
 Трубецкой С.Н. – 362, 526, 581  
 Тураев Б.А. – 58, 64, 471  
 Тургенев И.С. – 446  
 Тюрин Е.Д. – 429
- У**  
 Уваров А.С. – 93, 349, **381**, 407  
 Уваров С.С. – 381  
 Уварова П.С. – 117, 138, 160, 224, 226, 318,  
**381**, **407**, 408, 434, 472, 510  
 Умберто (Гумберт) I – **466**, 490  
 Умов Н.А. – 580  
 Унковский С.С. – 297, **501**  
 Урлауб Л.Я. – 354  
 Усов С.А. – 160, **433**  
 Устрялов Н.Г. – 356

## Ф

- Фармаковский М.В. – 433  
 Федотов П.А. – 485  
 Фердинанд Савойский – 490  
 Фёрфель К.Ф. – см. Верфель К.Ф.  
 Фет А.А. – 442  
 Фехнер – 337  
 Фидий – 37, 39, 42, 88, 100, 171, 371, 387, 423, 449, 530, 535, 551  
 Филатов Н.Ф. – 580  
 Филипп Аравитянин – 538  
 Филипп II – 511  
 Филипп V (коллекция) – 401  
 Филиппов Т.И. – 51, 162, 354, 435, 508  
 Фишер К.А. – 125, 131, 199, 272, 273, 387, 414, 545, 579

- Фишер П. Старший – 136, 420  
 Фоджини Дж.Б. – 64, 392  
 Фома, апостол – 409  
 Фортунатов Ф.Ф. – 20, 513, 580  
 Фохт А.Б. – 580  
 Франц Иосиф – 95  
 Фрейденберг Б.В. – 354  
 Фридрих-Вильгельм III – 382  
 Фридрих-Вильгельм IV – 419  
 Фридрих II Прусский – 464  
 Фролов В.А. – 288  
 Фукидид – 533  
 Фуртвенглер А. – 55, 289, 496, 535  
 Фьезоле Мино, да – 138, 139, 422

## Х

- Харитоненко П.И. – 409, 542, 566, 582  
 Хвостов В.М. – 581  
 Херцог Ф. – 420  
 Хомяков А.С. – 51, 386, 392  
 Хомяков Д.А. – 51, 63, 64, 103, 167, 189, 392, 439, 456  
 Христина Шведская – 109, 401, 541

## Ц

- Цветаев А.И. – 271, 275, 417, 447, 491  
 Цветаев В.В. – 493  
 Цветаев Д.В. – 475, 503, 504  
 Цветаев П.В. – 278, 493, 503, 504  
 Цветаев С.П. – 469  
 Цветаев Ф.В. – 242, 479, 504  
 Цветаева А.И. – 71, 400, 417, 447  
 Цветаева А.П. – 63  
 Цветаева В.В. – 469

- Цветаева В.Д. – 357, 417  
 Цветаева В.И. – 191, 268, 272, 276, 417, 456, 491, 493  
 Цветаева Е.А. – см. Добротворская Е.А.  
 Цветаева М.А. – 109, 133, 134, 271, 272, 278, 281, 356, 397, 400, 406, 417, 447, 467, 505  
 Цветаева М.А. (вдова П.В.Цветаева) – 504  
 Цветаева М.И. – 23, 400, 417, 447  
 Цветков И.Е. – 468, 567  
 Цветков Н.А. – 219, 225, 468, 469  
 Цезарь – см. Юлий Цезарь  
 Цераский В.К. – 580  
 Цецилий Стаций – 70  
 Цингрош И. – 486  
 Цицерон – 533

## Ч

- Чаадаев П.Я. – 346  
 Чаплин В.М. – 409  
 Челанков М.В. (товарищество) – 95–97, 116, 119, 382  
 Чижов М.А. – 355, 449, 558  
 Чиркин А.Д. – 575, 576  
 Чичагов Д.Н. – 54  
 Чичагов К.Д. – 406, 544  
 Чуриловский И.П. – 26

## Ш

- Шадрин М.И. (золотошвейное заведение) – 263, 489  
 Шайкевич С.С. – 575  
 Шапошников В.К. (товарищество) – 96, 97, 116, 119, 382  
 Шаховской Н.В. – 249, 324, 485  
 Шварц А.Н. – 21, 41  
 Шварц И.Г. – 346  
 Шевырев С.П. – 76, 347, 551  
 Шекспир В. – 438, 481, 500  
 Шеллапутин Г.П. – 453  
 Шеллапутин П.Г. – 51, 71, 187, 320, 323, 453, 468, 511  
 Шервинский В.Д. – 580  
 Шервуд В.О. – 368  
 Шереметев П.С. – 508  
 Шехтель Ф.О. – 51, 52, 65, 106, 300, 390, 391, 394, 409, 427, 502, 503, 515  
 Шикеданц А. – 420  
 Шинкель К. – 418, 419  
 Шипье Ш. – 120, 159, 225, 409, 433  
 Шлиман Г. – 55, 213, 222, 467, 483

Шпрингер А. – 332, 424, 478, **514**  
 Шрёдер Ф. – 139, **422**  
 Штакеншнейдер А.И. – 369  
 Штейндль И. – 479  
 Штос Фейт (Ствош Вит) – **420**  
 Штрак И.Г. – 419  
 Штюлер Ф.А. – 419  
 Шувалов Г.А. – 368  
 Шувалов И.И. – 322, **510**  
 Шуйский Василий – 475  
 Шульц И.Ю. – 93, 127, 157, 199, 208, 209,  
 226, **380**, 427, 432, 473  
 Шухов В.Г. – 370, 406  
 Шуцман М.С. – 354

**Щ**

Щегляев М.С. – 270, 368, **491**  
 Щегляев С.И. – 85, 113, 120, 145, 188, 239,  
 242, 243, 245, 308, **367**, 368, 452, 506  
 Щегляева С.С. – 368  
 Щедрин С.Ф. – 124, **413**  
 Щекин М.С. – 22, 58, **65**  
 Щербатов Н.А. – 471  
 Щербатов А.А. – 81, **355**, 357, 382, 542, 546,  
 566  
 Щербатов Н.С. – 93, 109, 127, 140, **381**, 407  
 Шукин С.И. – 64  
 Шукин Т. (*подрядчик*) – 97, 384  
 Щуров П.И. – 415  
 Щуров С.П. – 127, **415**

**Э**

Эванс А.Д. – 59, 222, **470**, 471, 483  
 Эврипид – 533  
 Эзоп – 534  
 Элджин (Т.Брюс) – 387  
 Эрихсон А.Э. – 474  
 Эстергази (*собрание*) – 420  
 Эсхил – 533  
 Эсхин – 533, 535

**Ю**

Ювенал – 442  
 Южанин С.Н. – 494  
 Южин-Сумбатов А.И. – 452  
 Юлий II – 516  
 Юлий Цезарь – 533, 537  
 Юрьевич С.А. – 183, **445**  
 Юстиниан – 32  
 Юсупов Ф.Ф. младший – **441**  
 Юсупов Ф.Ф. старший – 171, 179, 209, 313,  
 320, **441**, 566  
 Юсупова З.Н. – 179, 421, **441**

**Я**

Яковлев С.П. – 239, **479**  
 Яковлев С.С. – 299, **502**  
 Якунчиков В.И. – 95, 97, 128, 194, **382**  
 Якунчиков Н.В. – 95, 382  
 Якунчикова М.Ф. – 382  
 Якунчикова-Вебер М.В. – 382  
 Ярошенко Н.А. – 436

## СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

На с. 16:

Письма И.В.Цветаева к Ю.С.Нечаеву-Мальцову. Книги прижизненных рукописных копий. ОР ГМИИ

На с. 340:

Фрагмент мраморного фриза в наружной колоннаде Музея изящных искусств, созданного по мотивам фриза Парфенона. 1902 – 1905 гг.

Фото А.Ф.Кудрявицкого. 2006 г.

- Музей изящных искусств имени Александра III при Императорском Московском университете. 1912 г. Фото К.А.Фишера, Москва. ОР ГМИИ.
- И.В.Цветаев. 1890-е гг. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
- Ю.С.Нечаев-Мальцов. Начало 1900-х гг. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
- Черновик письма И.В.Цветаева к Ю.С.Нечаеву-Мальцову. 24 апреля 1897 г. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
- Письмо Ю.С.Нечаева-Мальцова к И.В.Цветаеву 15 октября 1897 г. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
- 6-8. Гусь Хрустальный. Виды поселка и заводов Ю.С.Нечаева-Мальцова. С открыток начала XX в. (Из семейного архива В.Н.Тяжелова).
- Церковь св. великомученика Димитрия в селе Березовка Данковского уезда Рязанской губ. Фото 1970-х гг. ОР ГМИИ.
- Ю.С.Нечаев-Мальцов. С портрета И.Крамского. 1885 г. ГМИИ.
- Ремесленное училище им. И.С.Мальцова во Владимире. Фото рубежа XIX – XX вв.
- Румянцевский музей – фасад. Фото начала XX в.
- Румянцевский музей – вид со двора, со стороны входа в музей. Фото начала XX в.
- Московский университет, старое здание. Актовый зал.
- И.В.Цветаев. Первая половина 1900-х гг. Фото Эйхенвальда, Москва. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
- И.В.Цветаев, Валерия, Андрей, Анастасия, Марина, М.А.Цветаева, неустановленное лицо. На даче "Песочная" под Тарусой. 1901г. ЦГИА.
- Ф.В.Цветаев. 1888 г. Фото Е.Овчаренко, Москва. ОР ГМИИ.
- Д.В.Цветаев. 1890 г. Фото J.Mieczkowskiego, Варшава. ОР ГМИИ.
- П.В.Цветаев. 1890 г. ИОИРМ.
- Московский университет, старое здание. Фото рубежа XIX – XX вв.
- Н.И.Надеждин.
- П.М.Леонтьев.
- Софокл. Мрамор. Римская копия с греческого оригинала IV в. до н.э. (Рим, Музеи Ватикана).
- Аполлон Бельведерский. Мрамор. Римская копия с оригинала Леохара конца IV – начала III вв. до н.э. (Рим, Музеи Ватикана).
- В.П.Боткин.
- К.К.Герц.
- Группа Дейдании и кентавра (с западного фронтона храма Зевса в Олимпии). Мрамор. 460 – 450-е гг. до н.э. (Олимпия, музей).
- Сидящая мужская фигура из Милета (Харес, сын Клесия). Мрамор. Около 550 г. до н.э. (Лондон, Британский музей).

30. Нике Пеония. Мрамор. Около 420 г. до н.э. (Олимпия, музей).
31. Гармодий и Аристогитон. Мрамор. Копия начала II в. с оригинала около 475 г. до н.э. (Неаполь, Национальный археологический музей).
32. Деметра Книдская. Мрамор. Около 340 г. до н.э. (Лондон, Британский музей).
33. Гермес с младенцем Дионисом. Скульптура Праксителя. Мрамор. Около 340 г. до н.э. (Олимпия, музей).
34. Лаокоон. Скульптурная группа работы Агесандра, Афинодора и Полидора. Мрамор. Около 40 г. до н.э. (Рим, Музеи Ватикана).
35. «Гера Людовизи» (портрет Антонины Младшей?). Мрамор. I в. (Рим, Музеи Ватикана).
36. Молящийся мальчик. Бронза. Около 300 г. до н.э. (Берлин, Государственные музеи).
37. Старый Больничный корпус Университета, на втором этаже которого располагался Музей слепков Кабинета изящных искусств. Москва, Б. Никитская ул. Конец XIX в.
38. В Музее слепков Кабинета изящных искусств Московского университета: сидят: И.В.Цветаев, Н.А.Зверев, Я.И.Вейнберг, П.И.Некрасов, К.М.Быковский; стоят: неустановленное лицо, М.М.Троицкий, К.Д.Чичагов. 7 июня 1894 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
39. Отдыхающий Гермес. Бронза. Римская копия с греческого оригинала IV в. до н.э. (Неаполь, Национальный археологический музей).
40. Рельеф на Львиных воротах Микенского акрополя. Конец XIV – XIII в. до н.э.
41. Бой Афины с гигантом, часть Большого фриза Пергамского алтаря. Мрамор. Около 180 г. до н.э. (Берлин, Пергамский музей).
42. К.Т.Солдатёнков. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
- 43-44. Скульптуры фронтонов храма Афины Афайи на о. Эгина. Мрамор. Около 500 – 480 гг. до н.э. В реконструкции Б.Торвальдсена. (Мюнхен, Глиптотека). Фото начала XX в.
45. Эйрена с Плутосом. Мрамор. Римская копия с оригинала Кефисодота около 370 г. до н.э. (Мюнхен, Глиптотека).
46. Л.С.Поляков.
47. Август из Прима Порта. Мрамор. Конец I в. до н.э. (Рим, Музеи Ватикана).
48. П.М.Третьяков. 1898 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГТГ.
49. Бельведерский торс. Работа Аполлония, сына Нестора. Мрамор. I в. до н.э. (Рим, Музеи Ватикана).
50. Ариадна. Мрамор. Римская копия с греческого оригинала III – II вв. до н.э. (Рим, Музеи Ватикана).
51. «Группа Ильдефонсо». Мрамор. I в. до н.э. (Мадрид, Прадо).
52. Собрание слепков Кабинета изящных искусств и древностей Московского университета. 1895 г. Фото К.А.Фишера ОР ГМИИ.
53. Г.Н.Воронов. Служитель при Кабинете изящных искусств Университета с 1870 по 1899 г. 1894 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
54. А.Д.Мейн. Фрагмент групповой фотографии. 1890-е гг.
55. Коллекция бюстов в Музее слепков Кабинета изящных искусств и древностей Московского университета. 1895 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
56. К.А. Казначеев. С фотографии из некролога в «Ремесленной газете».
57. Дом В.А.Алексеевой на М. Дмитровке в Москве. Фото 2003 г.
58. Общая клиническая амбулатория им. В.А.Алексеевой при Московском

- университете. Москва, Б.Царицынская ул. (ныне – Б.Пироговская). Фото 1896 – 1897 гг.
59. Ниобида Кьярамонти. Мрамор. Римская копия с греческого оригинала IV – III вв. до н.э. (Рим, Музей Ватикана).
60. Зевс. Мрамор. Римская копия около 150 г. н.э. с греческого оригинала около 430 до н. э. круга Фидия. (Дрезден, Альбертинум).
61. Центральная часть скульптурной группы с западного фронтона храма Зевса в Олимпии. Мрамор. 470 – 456 гг. до н.э. (Олимпия, музей).
- 62-63. И.В.Цветаев. «Порядок и размеры помещений Музея скульптуры, организуемого при Императорском Московском университете». 1 и 2 этажи. 29 ноября 1895 г. Автограф. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
- 64-65. Р.И.Клейн. Проект Музея изящных искусств по состоянию на лето 1897. Планы 1-го и 2-го этажей. Обозначена также часть здания, намечавшаяся к постройке во вторую очередь. Фототипии. ОР ГМИИ .
66. То же. Фасад (двухэтажный). Фототипия. ОР ГМИИ.
67. Общий план местности с обозначением подвального этажа Музея. Фототипия. Лист с автографом И.В.Цветаева 11 декабря 1897 г. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
68. Р.И.Клейн. Фасад Музея (одноэтажный). Проект. 1897 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
69. Р.И.Клейн. Утвержденный проект Музея по состоянию на июль 1898 г. План подвального этажа. Чертеж с автографом Клейна 12 июля 1898 г. ОР ГМИИ Публикуется впервые
70. То же. Ситуационный план с обозначением владельцев соседних участков. Чертеж с автографом Клейна 12 июля 1898 г. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
71. То же. Поперечный разрез здания. Июль 1898 г. Чертеж с автографом Клейна. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
72. То же. План первого этажа. Чертеж с автографом Клейна 12 июля 1898 г. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
73. То же. План второго этажа. Чертеж с автографом Клейна 12 июля 1898 г. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
- 74-75. Расположение экспозиции в Музее изящных искусств. Москва, 1912 г. Поэтажные планы.
76. Берлин. Старый музей. Фасад. Фото начала XX в.
77. Берлин. Старый музей. Лестница внутри портика. С рисунка К.Шинкеля. 1835 г. Берлин, Центральный архив Государственных музеев.
78. Берлин. Новый музей. Центральная лестница с «портиком кариатид». С акварели Г.Шульц-Велькер. 1910 г. Берлин, Центральный архив Государственных музеев.
79. Петербург. Новый Эрмитаж. Парадная лестница. Архитектор Л.Кленце. 1840 – 1851 г. С акварели К.А.Ухтомского. 1853 г. ГЭ.
80. Москва. Центральная лестница Музея изящных искусств. Архитектор Р.И.Клейн. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
- 81-83. Копенгаген. Глиптотека К.Якобсена. Залы римского искусства, греческих антиков, бюстов римских императоров. 1900-е гг. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
84. Дрезден. Альбертинум. Олимпийский зал. Около 1894 г.
85. Дрезден. Альбертинум. Зал Эгинетов. 1891 г.
86. Дрезден. Альбертинум. Фасад.

87. Г.Трей. С портрета Л.Поле. 1901 г. Дрезден, Галерея новых мастеров.
88. Афины. Северный портик Эрехтейона. Вторая пол. V в. до н.э.
89. Центральный портик Музея изящных искусств с видом на храм Христа Спасителя. Фото Ю.Еремина. 1926 г. ГНИМА им. А.В.Щусева.
90. Помпеи. Атриум дома Серебряной свадьбы. I в. н.э.
91. Музей изящных искусств. Зал Праксителя. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
92. Афины. Тезейон – храм Гефеста и Афины. 449 г. до н. э.
93. Подражание портику Тезейона в Греческом дворике Музея изящных искусств. Фото А.Ф.Кудрявицкого. 2007 г.
94. Афины. Эрехтейон. Орнаментальный фриз на южной стене. Вторая пол. V в. до н.э.
95. Гипсовый шаблон ионической капители для колонн внешней колоннады Музея. 1901 – 1902 гг. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
96. Орнаментальный фриз на пилястрах бокового фасада Музея. Фото А.Ф.Кудрявицкого. 2007 г.
97. Афины. Парфенон. Фрагмент фриза: II плита северной стороны. Лондон, Британский музей.
98. Те же фигуры на фризе в колоннаде Музея. Скульптор Л.Армбрустер, по эскизам Г.Трея и М.Кюнерта. 1902 – 1905 гг. Фото А.Ф.Кудрявицкого. 2006 г.
99. Афины. Парфенон. Фрагмент фриза: VI плита северной стороны. Лондон, Британский музей.
100. Те же фигуры на фризе в колоннаде Музея. Скульптор Л.Армбрустер, по эскизам Г.Трея и М.Кюнерта. 1902 – 1905 гг. Фото А.Ф.Кудрявицкого. 2006 г.
101. Аполлон Тенейский. Мрамор. Около 550 г. до н.э. Мюнхен, Глиптотека.
102. Лучники из Суз. Рельеф. Глазурованные кирпичи. IV в. до н.э. Париж, Лувр.
103. Древнеегипетская модель погребальной ладьи с гребцами. Дерево. Конец III – начало II тыс. до н.э. Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина.
104. Крылатые быки - шеду из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине (Хорсабад). Ассирия. Гипсовидный алебастр. Конец VIII в. до н. э. Париж, Лувр.
105. Аполлон из Орхомена. Мрамор. Около 580 – 570 г. до н.э. Афины, Национальный музей.
106. 12 эпизодов из жизни св. евангелиста Марка. Мозаика. 1270-е гг. Венеция, собор Св. Марка.
107. Император Юстиниан с духовенством и свитой. Мозаика. Вторая четверть VI в. Равенна, церковь Сан Витале.
108. Надгробие юноши из реки Иллис. Мрамор. Около 330 г. до н.э. Афины, Национальный музей.
109. Нике Самофракийская. Мрамор. Конец III – начало II в. до н.э. Париж, Лувр.
110. Модель афинского Акрополя. 1899 г. Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина. Фото 2007 г.
111. Золотая погребальная маска из Микен (так называемая маска Агамемнона). XVI в. до н.э. Афины, Национальный музей.
112. Р.И.Клейн. 1893 г. Фото E. Sellin und C°, Берлин. ОР ГМИИ.
113. И.И.Рерберг. 1890-е гг. Семейный архив Черёмухиных, Москва.
114. Н.Н.Трескин. 1895 г. Фото Фр. Опитца, Москва. ЦИАМ. Публикуется впервые.
115. Н.И.Романов. Фрагмент фотографии. 1899 г. (Из архива семьи). Публикуется впервые.
116. Территория Кольмажного двора. 1897 г.



117. Остатки барачков на Колымажном дворе и панорама прилегающей местности. 1886 г. С фотогравюры Шерера, Набгольда и К°.
118. Здание бывших меблированных комнат «Княжий двор» и Музей. Фото Кубеева. Конец 1920-х – начало 1930-х гг. ГНИМА им. А.В.Щусева.
119. Великий князь Сергей Александрович.
120. Великая княгиня Елизавета Федоровна.
121. Николай II в рабочей тужурке. С портрета В.А.Серова. 1900 г. ГТГ.
122. Н.П.Боголепов. 1890-е гг.
123. В.К.Истомин. 1890-е гг. Фрагмент групповой фотографии из книги Истомина «Иван Федорович Горбунов».
124. Перед церемонией закладки здания Музея: слева – И.В.Цветаев, далее – Р.И.Клейн; в центре – участок стены, в котором будет замурована закладная грамота. 17 августа 1898 г. Фото Н.С.Матвеева. ОР ГМИИ.
125. Перед церемонией закладки. Приезд императора Николая II и императрицы Александры Федоровны. 17 августа 1898 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ
126. Николай II перед церемонией закладки. 17 августа 1898. (Фрагмент иллюстрации 125).
127. А.Н.Демосфенов. 1899 – 1900 гг. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
128. И.К.Прове. 1890-е гг. Фото Ю.Мёбиуса, Москва. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
129. Ф.И.Прове. 1900-е гг. ОПИ ГИМ.
130. В.И.Якунчиков.
131. Кладка фундамента Музея. В центре – И.И.Рерберг. 1899 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
132. В.М.Васнецов. 1900-е гг.
133. П.В.Жуковский. 1890-е гг. Фрагмент групповой фотографии.
134. В. Д. Поленов. 1890-е гг. ОР ГТГ.
135. Ф.О.Шехтель.
136. Ю.С.Нечаев-Мальцов, И.И.Рерберг, Р.И.Клейн, И.В.Цветаев на строительстве Музея среди итальянских мраморщиков. 2 августа 1901 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
- 137-138. Ломка мрамора. Урал. 1900 г. Съёмка А.Н.Демосфенова. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
139. На заводе Георга Листа. Полировка мраморного монолита колонны для Центральной лестницы Музея. Лето 1902 г. С автографом И.В.Цветаева. ОР ГМИИ.
140. П.Г.Шелапутин.
141. Н.С.Щербатов.
142. П.С.Уварова.
143. Задний корпус Музея во время штукатурных работ. Около 1904 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
144. Здание Музея в ходе строительства. Лето 1902 г.(?) Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.

## О ПУБЛИКАТОРАХ

Книга подготовлена сотрудниками ГМИИ им. А.С.Пушкина – М.Б.Аксененко и А.Н.Барановым, выпускниками отделения теории и истории искусства исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова Место учебы и место работы обоих связано с именем И.В.Цветаева.

**АКСЕНЕНКО** МАРГАРИТА БОРИСОВНА, искусствовед. Заведует отделом рукописей ГМИИ им. А.С.Пушкина. Автор более 40 печатных работ, среди которых исследования по живописи и скульптуре, по истории Государственного музея нового западного искусства, ряд статей, в том числе научно-биографических, для энциклопедических изданий; научно-популярные очерки. Изучением деятельности И.В.Цветаева и истории создания Музея изящных искусств занимается с начала 1990-х гг.

**БАРАНОВ** АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ, историк искусства. Заместитель заведующего отделом ГМИИ им. А.С.Пушкина «Учебный художественный музей им. И.В.Цветаева». Автор более 70 печатных работ – преимущественно исследовательского характера – о скульптуре и живописи разных эпох. Изучением деятельности И.В.Цветаева и преподаванием истории искусств в России XIX – нач. XX в. занимается с середины 1990-х гг.

## SUMMARY

The year 1912 saw the official opening of the EMPEROR ALEXANDER III MUSEUM OF FINE ARTS ATTACHED TO MOSCOW UNIVERSITY. Today, after various transformations, the museum is known as the A.S.Pushkin State Museum of Fine Arts. The present volume opens the publication of correspondence between Professor I.V.Tsvetaev, the museum's founder and secretary of the organising committee, with the vice-chairman of that committee and one of the museum's most generous benefactors, the industrialist and steward of the royal household Yuri Stepanovich Nechaev-Maltsov. The correspondence runs from 1897 to 1912. All extant letters and telegrams are to be published in full in four volumes without omission or abridgement. Volume one covers the period from April 1897 to May 1902. This will be followed by volume two (1902–1903), volume three (1904–1905) and volume four (1906–1908; 1911–1912).

The organisation and building of the Moscow Museum of Fine Arts was a most important event in Russian culture of the late nineteenth to early twentieth century. It was set up for the specific purpose of educating and enlightening, in other words, as a museum open to the public and, at the same time, a place for teaching the history of art and educating future artists. In view of the fundamental importance of the classical world for European civilisation, the museum was devoted primarily to the art of Ancient Greece and Rome. However, the display was extended by sections on the art of Ancient Egypt and Mesopotamia, the Middle Ages and the Renaissance. The formation of a museum of this kind was particularly beneficial for Russia, which possesses very few works of art from these countries and epochs. Plans for setting up such a museum had mooted on several occasions ever since 1829–1831.

In the post-Tsvetaev period the museum developed mainly by receiving artistic originals, but under Tsvetaev it was mainly a museum of plaster casts of sculptural works. This was explained not so much by the comparative lack of funds, as the global nature of the educational aim, to present students and the public at large with all the key moments and chief monuments in the art history of the above-mentioned countries and ages. Museums of plaster casts played an important role in European culture of the nineteenth and early twentieth centuries, but their significance was unfairly consigned to oblivion by subsequent generations. The Moscow museum was the first major one of its kind in Russia and the last in Europe, although one of Europe's largest. Its construction and the formation of its collections aroused not only keen interest in the various strata of Russian society, but sometimes even heated differences of opinion.

The correspondence of Tsvetaev and Nechaev-Maltsov is, first and foremost, an unofficial chronicle of the museum's creation. At the same time it is not limited to this theme alone, and contains reactions to many events and problems of the day in the areas of politics and industry, science and culture, education and philanthropy, which

makes it a valuable source for the study of certain aspects of Russian history. It also reflects the many-sided interests of both correspondents, who were strong, impressive individuals and also typical figures of their day.

Ivan Vladimirovich TSVETAEV (1847–1913) was the son of a village priest from Vladimir province. After attending church educational establishments, he then graduated from the history and philology faculty of St Petersburg University (1870), taught at Warsaw and Kiev universities (these towns then being part of the Russian Empire), and held a master's degree and a doctorate. From 1877 up to the end of his life he taught at Moscow University, where his services eventually won him the status of hereditary nobleman and the title of professor emeritus. After winning European fame in academic circles as a classicist philologist and specialist on the ancient dialects of the Apennine peninsula, Tsvetaev obtained the chair of the theory and history of art in the late 1880s, and the epic story of the setting up of the museum is linked with the development of his teaching there. He was the author of works on life in Ancient Rome and the history of education and also delivered papers at learned societies and conferences at home and abroad. His lectures and seminars at the university and the higher courses for women helped to train several generations of philologists and art historians. In 1882, parallel to his work at the university, he was put in charge of the largest state collection of art in Moscow, the Department of Fine Arts and Antiquities at the Rumyantsev Museum. In 1901–1910 he was director of this multi-profiled museum, which also included the country's largest public library, and did a great deal to promote its acquisitions and development. Tsvetaev's family life is also a subject of considerable interest, as the celebrated Russian poetess Marina Tsvetaeva was one of his daughters and readers will find several references to her childhood years in the correspondence.

Yuri Stepanovich NECHAEV-MALTSOV (1834–1913), a member of the nobility and graduate of Moscow University, studied law and worked in various institutions of the Ministry of Foreign Affairs, until he inherited the wealth and business of his mother's brother, which made him one of Russia's largest producers of glass and crystal. As well as modernising his factories, Nechaev-Maltsov did much for the town of Gus-Khrustalny, which had grown up round them in Vladimir province and other population centres connected with his business. He also initiated and funded the building of schools, hospitals, churches, orphanages and old people's homes in other parts of Russia, including both capitals, Petersburg and Moscow, as well as the Russian embassy church in Denmark. Nechaev-Maltsov set up one of the finest technical colleges in Europe (in Vladimir) and was a member of the council of the minister for public education. He gave large commissions to some of the country's best known painters. A member of the Society for the Promotion of the Arts even before he met Tsvetaev, Nechaev-Maltsov then became one of the Society's leaders and financed its richly illustrated journal *Khudozhestvennye sokrovishcha Rossii* [Art Treasures of Russia].

In fact what we see of Nechaev-Maltsov in this correspondence is not a direct picture, but rather a reflection of him in Tsvetaev's letters. The correspondence has

a style of its own: whereas Tsvetaev usually wrote lively, detailed letters, commenting on everything that might be of interest to the recipient, the latter, as a rule, limited himself to brief, business-like telegrams.

By the time Nechaev-Maltsov accepted the invitation to take part in setting up the Moscow Museum of Fine Arts, Tsvetaev had already done a great deal towards its organisation. When placed in charge of the university Cabinet of Fine Arts and Antiquities in autumn 1889, Tsvetaev found a number of donors whose contributions made it possible to increase the collection of plaster casts several times over. By 1893–1894 in his spoken and written addresses and in official documents Tsvetaev was already formulating the task of constructing a special building for the new museum and to this end setting up a committee on the organisation and equipment of the museum. He also found the first contributors towards the construction of the building and organised the holding of an architectural competition for the best design.

The committee officially began its work, with Nechaev-Maltsov as a member, in 1898. Tsvetaev managed to persuade the Russian public and government circles of the national importance of founding a museum. Members of the royal family took part in the organisation and the main stages in the work were approved by the Emperor himself. This helped to attract the necessary financial support.

The chairman of the committee was Grand Duke Sergei Alexandrovich, Governor General of Moscow and uncle of the tsar, with Nechaev-Maltsov as his deputy, and Tsvetaev as secretary and virtual organiser of the whole project. The committee combined leading university administrators, professors from the history and philology faculty and high-ranking representatives of the authorities with private individuals who had contributed funds towards the museum's organisation, donated exhibits or rendered other important services to the committee's work.

One of the most generous donors was Nechaev-Maltsov. All in all he contributed one million eight hundred thousand roubles, with the cost of the museum and collections at the moment of opening standing at about three million. His contribution covered the expense of facing the museum building with granite and frost-resistant Urals marble and decorating the central staircase with coloured marble, as well as the monolithic columns of pink marble. On the initiative and funds of Nechaev-Maltsov a deposit of white marble was found in the Urals and the stone transported to Moscow. His name is also associated with the acquisition of the first original monuments of art and culture of Ancient Egypt (this was long before 1909 when the state acquired the large collection of the egyptologist V.S. Golenishchev) for the museum. Thanks to Nechaev-Maltsov the museum also received a large number of valuable copies of world-famous works of antique art.

The museum building was erected from a design by the well-known Moscow architect Roman Ivanovich KLEIN (1858–1924). The foundation stone was laid in 1898 and the opening ceremony took place fourteen years later. It was designed and equipped in accordance with the latest advances in museum practice and building technology; use was made of ferro-concrete constructions and glass skylights were

installed to light the rooms on the upper floor. The engineers I.I. Rerberg and V.G. Shukhov took part in the construction. The museum acquired an unusual appearance for Moscow, resembling an antique temple on a high podium with an Ionic colonnade along the façade. The single-storey façade blends skilfully with and also highlights the building's two-storey structure (the upper storey being treated like an attic). The interior décor combines elements from different historical periods in keeping with the exhibits of that particular section. In 1907 Roman Klein was awarded the title of academician of architecture for the design and construction of the Museum by the Academy of Arts in St Petersburg.

The rich décor of the museum building was seen by some people in the artistic community as out of keeping with the reproductive nature of most of its exhibits. In fact, however, it highlights beautifully the noble conception of the museum as a kind of «temple of art», a compendium of world art, as it were.

The museum was based on a careful study of the experience of foreign museums of plaster casts. It expressed the then prevalent idea of the history of art, taking account of the latest archaeological discoveries. At the same time the museum grew with the requirements of teaching: the broader and more detailed the syllabus, the more educational aids it needed. Any material on the history of the building therefore provides valuable documentation on the development of art history in Russia and the history of how the subject was taught. Together with the annual reports from the Committee on organisation during the museum's construction, the correspondence of Tsvetaev and Nechaev-Maltsov provides a very full source on the early history of this Moscow museum.

Yet these letters are also a kind of encyclopaedia of the cultural life of Russia and Europe at the end of the century. Many of them were written from Germany, Italy or France, where Tsvetaev travelled on museum business. In his correspondence on museum matters, Tsvetaev also developed various subjects of interest to him, such as questions concerning higher education for women and museums, student unrest, reform of secondary education, Russian foreign policy, the history of art, his personal impressions of art works, travel notes and historical excursions, reflections on popular belief and the future of Russia.

The publishers regarded it as their aim to open up this important monument of Russian culture to the public at large and scholars in particular, which explains why the texts of all the letters are published in full and accompanied by detailed commentaries. The commentaries contain biographical details about the persons mentioned and the history of Moscow, as well as information about the facts and events, art works and everyday concerns referred to in the letters. Extracts from Tsvetaev's diary and his letters to other people are published here for the first time. Rare and archaic words are explained in the notes and a glossary of ranks, titles and old-fashioned names for professions and posts is provided.

The appendices to volume one include little known documents, from 1852, and some recently discovered articles by Tsvetaev. This material, which precedes his cor-

respondence with Nechaev-Maltsov chronologically, introduces the reader to the main landmarks in the museum's pre-history and to events associated with the early period of Tsvetaev's work in organising the museum, and also reflects certain aspects of his pedagogical activity and work at the Rumyantsev Museum.

The various stages in stocking the university Cabinet and later the Museum of Fine Arts with plaster casts of works of antique sculpture, which took place from the 1850s to the beginning of the construction of the museum's building in 1898, are reflected in the illustrative section of volume one using some most striking examples. Plans for the museum building from 1895 to 1912 are published in the book for the first time, making it possible to trace the development of the architectural concept from the first sketch by Tsvetaev to the final embodiment of Roman Klein's design. Parallels are drawn between the architectural-spatial treatment used in the museum building and their historical prototypes.

The volume is equipped with several subject indexes, including one on the history of the building.

И.В.ЦВЕТАЕВ – Ю.С.НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

ПЕРЕПИСКА

1897 – 1912

ТОМ I

Апрель 1897 – май 1902

*Редактор* Л.А.Пичхадзе

*Дизайн и верстка* Л.В. ДЕНИСЕНКО

*Корректор* Г.А.МЕЩЕРЯКОВА

Подписано в печать 20.11.2007. Формат 70x100/16. Бумага офсетная.  
Гарнитура Kis. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Издательство КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ  
127422, Москва, Дмитровский проезд, д. 8/1.



